

Государственный комитет по делам архивов Челябинской области
Объединенный государственный архив Челябинской области
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Архив в социуме — социум в архиве

Материалы девятой Всероссийской научно-практической конференции

Челябинск
2026

УДК 930.235(470.55):94(470.55)
ББК 79.3 + 63.3(235.55)
А87

Издано при участии и финансовой поддержке
Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета,
Челябинского государственного института культуры, АО «Типография Автограф»

Редакционная коллегия:

*С. М. Иванов, канд. ист. наук (председатель),
Н. А. Антипин, канд. ист. наук, М. А. Базанов, канд. ист. наук,
И. И. Вишев, канд. ист. наук, С. А. Кусков, канд. ист. наук,
А. Н. Лымаев, канд. ист. наук*

Составитель, научный редактор:

Н. А. Антипин, канд. ист. наук

Архив в социуме — социум в архиве : материалы девятой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч.
ред. Н. А. Антипин. — Челябинск, 2026. — 488 с.

ISBN 978-5-6052948-9-4

Сборник посвящен 105-летию архивной службы Челябинской области. В него вошли статьи историков, сотрудников академических институтов, архивов, музеев и библиотек, преподавателей высших учебных заведений, студентов, магистрантов, аспирантов, учителей, краеведов. В издании освещаются актуальные вопросы архивного дела и использования документов, истории архивных учреждений, а также в сборнике представлены статьи, посвященные проблемам экономической и социальной истории, микроисторическим исследованиям и повседневности, истории памяти, источниковедению и историографии.

УДК 930.235(470.55):94(470.55)
ББК 79.3 + 63.3(235.55)

© Алеврас Н. Н., Алексеев Н. А. и др., статьи,
2026
© Объединенный государственный архив
Челябинской области, 2026

ISBN 978-5-6052948-9-4

Содержание

Часть I. Архивы на службе общества	9
<i>И. А. Дегтярева.</i> К вопросу о комплектовании государственных и муниципальных архивов Российской Федерации документами о специальной военной операции и их использовании	10
<i>И. В. Сабенникова.</i> Архивы в современном социокультурном пространстве. Документы о специальной военной операции: проблемы использования.....	12
<i>Т. С. Семенова.</i> Взаимодействие архивной службы Оренбургской области с областной молодежной организацией «Военно-патриотический поисковый клуб “Патриот”» по сохранению исторического наследия	16
<i>М. А. Марченко.</i> Сотрудничество ГОПАНО с библиотеками и общеобразовательными заведениями Нижнего Новгорода.....	17
<i>В. Д. Борцова.</i> Великая Отечественная война 1941–1945 годов: мемориальная культура, практика сохранения исторической памяти и патриотического воспитания молодежи (из опыта работы Государственного архива Ставропольского края)	20
<i>Д. В. Маслов.</i> Некоторые вопросы публикации исторических документов в практике современного архива	22
<i>А. В. Маркова.</i> Из опыта работы Государственного архива Ставропольского края по использованию документов личного происхождения в информационной деятельности	25
<i>Н. В. Колышницкая.</i> Составление родословной: пути поиска информации (на примере фондов Государственного архива Республики Крым)	28
<i>О. В. Никитина.</i> Комплектование городского архива: работа с источниками комплектования.....	32
<i>М. И. Мельтюхов, М. Л. Нагорная.</i> К вопросу о проблемах работы архивов в государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере».....	34
<i>А. Е. Алексеева.</i> Проблема аннотирования фотодокументов с недостаточной текстовой сопроводительной документацией (из опыта работы Государственного архива новейшей истории Новгородской области).....	38
<i>А. А. Конов, Т. В. Вербицкая.</i> Механизм развития режима применения технологий искусственного интеллекта при переводе архивных документов, написанных на иностранных языках, на русский язык.....	40
<i>Г. А. Катыгин.</i> Интеллектуальная игра как механизм формирования исторической памяти: опыт слета юных моряков «Юнги Камы — 2026»	44
Часть II. История архивов	49
<i>О. Г. Санин.</i> Императорский Дом Романовых и Московский архив коллегии иностранных дел в первой половине XIX века.....	50
<i>Г. А. Никитенко.</i> Архив Ставропольской (Кавказской) духовной консистории (1843–1920).....	54
<i>А. П. Муромцева.</i> Архивы и музеи войск Донского и Кубанского казачества в эмиграции.....	58
<i>А. Н. Афанасьева.</i> Деятельность Партийного архива Чувашского обкома ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива современной истории Чувашской Республики).....	61
<i>В. Г. Колотушкин.</i> Создание архива партизанских формирований Ленинградской области в период Великой Отечественной войны	64
<i>М. Г. Соловьева.</i> Деятельность Архива города Севастополя в годы Великой Отечественной войны и в период восстановления города в 1944–1954 годах	67
<i>Н. И. Леонтьева.</i> Проекты реформирования архивного дела в СССР в начале 1950-х годов (по документам аппарата ЦК ВКП(б) — КПСС).....	71
<i>З. Ю. Бурангулова, Б. В. Бурангулов.</i> Деятельность региональных архивов РСФСР по привлечению общественных активистов к работе по сохранению документального наследия во второй половине 1950-х — 1980-х годах.....	75
<i>Т. А. Меркулова.</i> Развитие комплекса учетных документов в архиве Уральского федерального университета	77
<i>Ю. И. Белякова.</i> Государственному архиву новейшей истории Новгородской области — 80 лет.....	82
<i>А. М. Гиниятуллина.</i> История научного архива Уфимского федерального исследовательского центра РАН и его источников комплектования	84
<i>Т. Ф. Мясникова.</i> Муниципальный архив города Копейска: люди, фонды, дела.....	88
<i>К. В. Пешкова, И. С. Крикунова.</i> История муниципального архива Озерского городского округа.....	92
<i>У. Н. Березуцкая.</i> Государственный архив специальной документации Нижегородской области: 30 лет на службе истории	95
Часть III. Экономическая история	99
<i>Е. С. Бутрин.</i> Регистрация городской недвижимости органами самоуправления в конце XVIII — первой половине XIX века (по материалам фондов Государственного архива Ивановской области).....	100
<i>А. А. Капустина.</i> Торговля чаем в Оренбургской губернии во второй половине XIX — начале XX века по материалам Объединенного государственного архива Оренбургской области.....	106
<i>Н. Н. Назаренко.</i> Производство зерна в Уральской области РСФСР в 1932–1933 годах.....	111

<i>В. С. Алешин, И. В. Сидорчук.</i> На службе индустриализации СССР: научная деятельность Государственного опытно-исследовательского завода «Химгаз» в 1930-е годы.....	115
<i>Н. Н. Макарова, А. Ю. Кадыкеева.</i> Швейная фабрика Магнитогорска: вековая история одного предприятия.....	119
<i>Р. А. Арефьев.</i> Вехи истории Уралвагонзавода в 1930–1940-е годы (к 90-летию юбилею предприятия).....	122
<i>А. Ю. Шевченко.</i> Челябинск — место эвакуации Народного комиссариата среднего машиностроения СССР во время Великой Отечественной войны.....	126
<i>И. В. Ковшов.</i> К вопросу о количестве промышленного персонала, его структуре на заводах Наркомата танковой промышленности, размещенных в Челябинске в годы Великой Отечественной войны.....	128
<i>О. Ю. Юдина.</i> Красноуфимский ремонтно-механический завод в годы Великой Отечественной войны: историко-архивный аспект.....	133
<i>Н. Г. Зырянова.</i> История племенного завода «Тагил» в архивных документах Нижнетагильского городского исторического архива.....	134
<i>В. В. Запарий.</i> О подготовке кадров для белорусских предприятий на Урале после Великой Отечественной войны (по материалам прессы).....	137
<i>А. В. Чуриков.</i> Реевакуация тяжелой промышленности в экономической ситуации Челябинской области 1943–1946 годов.....	139
<i>А. В. Буданов.</i> Вклад Военно-строительного управления № 170 в возведение Машгородка и ракетного центра в городе Миассе.....	143
<i>М. М. Кобелева.</i> Люди, построившие успех: история мебельного комбината Нижнего Тагила.....	147
<i>И. В. Рудометова.</i> Состояние мясоперерабатывающей и молочной промышленности Челябинской области в 1946–1950 годах (по материалам ОГАЧО).....	149
<i>С. А. Пьянков.</i> В гостях у «Мерседес-Бенц» и немецких товарищей: заграничная командировка советских специалистов на автомобильные заводы в 1956 году.....	153
<i>Б. И. Фарманов.</i> Техничко-технологические преобразования на металлургических предприятиях Урала 1950–1960-х годов.....	160
<i>М. Б. Огнетова.</i> Рождение предприятия продиктовано временем: вехи истории треста «Востокшахтопроходка» в архивных документах.....	162
Часть IV. Социальная история.....	167
<i>И. Ю. Матвеева.</i> Городская идентичность и народное образование: общества попечения о народном образовании в городах Пермской губернии.....	168
<i>А. Ю. Лушкин, С. А. Сергеев.</i> Хроники пожарной безопасности: развитие пожарного дела в Златоусте в XIX веке.....	171
<i>В. В. Кашин.</i> Становление агентурной сети жандармов в революционных организациях Урала в начале XX века.....	175
<i>С. И. Штена, С. А. Сергеев.</i> Становление органов ЗАГС в первые годы советской власти (на примере Златоуста).....	179
<i>В. В. Вишневский.</i> Семейное хозяйство в условиях голода 1921–1922 годов: опыт анализа поселенных учетных ведомостей Нижнеуфимской станицы.....	182
<i>Е. В. Волков, М. В. Сафронов.</i> Первомай в Челябинске: становление традиции массового городского праздника на Южном Урале (1917–1927)1.....	187
<i>С. А. Сергеев.</i> Изъятие церковных ценностей в городских горнозаводских приходах Южного Урала (на примере Златоустовского уезда Уфимской губернии).....	193
<i>Н. Н. Макарова.</i> Система здравоохранения в Магнитогорске: становление и развитие в годы первых пятилетних планов.....	196
<i>А. Г. Иванов, С. Е. Зацепин.</i> Урал начала 1930-х годов в «Стальном фундаменте» Джефа Ласта: стиль пропаганды автора и дискуссии нидерландских левых.....	200
<i>А. Г. Иванов, К. Д. Стрикунов.</i> Трансформация Урала в 1930-е годы в оптике Маргарет Бурк-Уайт.....	203
<i>А. Г. Иванов, Д. М. Гридяков.</i> Магнитострой как фронтир: советские аллюзии в западной прессе и публицистике 1930-х годов.....	209
<i>С. Ю. Сильнищкая.</i> Праздник счастливого детства: как индустриализация формировала систему дошкольного воспитания в СССР.....	211
<i>И. Г. Ужакин, С. А. Сергеев.</i> Деятельность отдела народного образования Златоустовского городского совета депутатов трудящихся в годы Великой Отечественной войны (по документам Златоустовского архива).....	213
<i>М. Н. Потемкина, В. А. Пестрякова.</i> Социальный портрет партийно-хозяйственной элиты Челябинской области (1941–1953).....	218
<i>М. В. Бекленищева.</i> Становление выездного туризма на Среднем Урале в 1955–1965 годах по материалам Государственного архива Свердловской области.....	221
<i>В. В. Риконина.</i> Индустриальный город и социальная защита: трудоустройство инвалидов по зрению в Челябинской области в 1950–1970-е годы.....	224
<i>Ю. Д. Дорогина.</i> Учительские кадры в челябинской школе в 1972–1984 годах: характеристика, динамика и проблемы.....	227
<i>В. А. Лукманова.</i> Антиалкогольная политика в эпоху перестройки: опыт Магнитогорска (1985–1987).....	232

Часть V. История повседневности	237
И. В. Кунц. К вопросу о хозяйственно-экономических функциях исетских казаков в 1730–1740-е годы	238
С. А. Кусков. Пребывание графа Петра Апраксина в Успенском Далматовском монастыре	239
Ю. Д. Коновалов. Повседневная жизнь гимназистов в дореволюционном Екатеринбурге	242
П. А. Первов, С. А. Сергеев. «Укрощение строптивой»: борьба с разрушительной силой реки Громатухи в первой половине XX века	248
Н. А. Алексеев. Здравоохранение в Челябинске сто лет назад (1926)	252
Н. В. Байдосова. Повседневная жизнь Сатки в 1930-е годы в периодической печати (на примере газеты «Саткинский рабочий»)	257
Н. Н. Кирилова. Ветеринарная служба Копейска: белые страницы истории	260
К. В. Викулов. Социально-бытовые особенности жизни и культурный досуг жителей Бакальских рудников Челябинской области в годы Великой Отечественной войны I	264
А. В. Голубова, А. А. Худобородов. Эвакуированные в Челябинск студенты и преподаватели вузов: особенности жизни и работы в годы Великой Отечественной войны	268
В. В. Колмогоров. Приют комедиантов в шахтерском Копейске	269
А. М. Гордеева. Дворец пионеров в Челябинске как актор публичного дискурса о Дне пионерии в 1960–1980-е годы	271
И. В. Усков. Отражение культурной травмы 1990-х годов в делопроизводственной документации территориального Комитета профсоюза работников угольной промышленности I	275
Часть VI. Градостроительство и история населенных пунктов	279
А. Р. Гильмиянова. Каслинский завод на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде (1896)	280
А. И. Сысов. Вязовая: есть такая станция	282
А. В. Маштак. Кулляр: от разъезда до остановочного пункта. О возвращении забытого названия на карту Южно-Уральской магистрали	286
В. С. Мельникова. Дворец для Магнитки: идеологические и градостроительные основания появления Центрального клуба металлургов и проблемы его возведения (по архивным документам 1934–1938 годов)	290
С. И. Пудовкин. Образ советского индустриального города в 1930-е годы на примере проекта района Красный Камень в Нижнем Тагиле	294
Н. Б. Салимов. Белорецк, один из опорных городов Южного Урала, в годы Великой Отечественной войны	296
Д. Е. Матвеев. Бумажный город: архитектурные проекты и реальность застройки Чебаркуля (1940–1950-е годы)	299
А. А. Косполова. История жемчужины таежного Зауралья в архивных документах Югры (к 50-летию со дня создания государственного природного заповедника «Малая Сосьва» имени В. В. Раевского)	303
Н. Н. Макарова, К. Д. Рыжова. История создания и архитектурные особенности Правобережного вокзала города Магнитогорска	307
Ю. В. Латышев. Архитектурное наследие Челябинска советского периода	309
С. И. Мотков. О кладбище в селе Глубки Новосильского уезда Тульской губернии	316
Часть VII. Интеллектуальная история	321
А. Г. Иванов, А. М. Рудаков. Дореволюционная историография Оренбургской экспедиции 1730–1740-х годов: основные интерпретации причин и мотивов	322
М. П. Данцева, С. А. Сергеев. Златоустовские минералы в коллекциях специализированных учебных заведений России второй четверти XIX века: к истории формирования	325
Н. Н. Алеврас. Диссертации военного времени: М. К. Рожкова и А. Б. Закс об истории Кавказа и Закавказья первой половины XIX века I	329
Е. М. Булгакова. Наука в годы войны: кандидатская диссертация Г. П. Рычковой (1943)	332
А. В. Волков. Создание и деятельность Курганского сельскохозяйственного института в годы Великой Отечественной войны	336
С. Д. Батищев. Рецензии на научные работы уральских историков Б. Н. Накарякова и В. Е. Четина: публикация источников	338
А. С. Курасова. Историк как источник комплектования архива: размышления после работы с личными фондами	341
Т. А. Савинова. Историографический обзор исследовательских работ краеведа Германа Николаевича Ксенофонтова	344
И. В. Коновалова. Провинциальная историография как хранитель исторической памяти (на примере деятельности Евгения Федотовича Григорьева)	347
В. И. Путятин, А. А. Васильев. Химико-технологическое сортоизучение как составная часть селекционного процесса (к 95-летию ЮУНИИСК)	349
А. О. Горбачев. Челябинский государственный университет: становление и первые годы функционирования (1976–1980)	351

Часть VIII. История памяти	355
В. А. Кламм. Героические образы в трудах челябинских историков периода Великой Отечественной войны	356
М. Н. Потемкина, М. В. Елесин. Директора предприятий Челябинской области военной поры в исторической памяти региона	360
О. В. Рыжкова. VR-путешествие по городам трудовой доблести с волонтерами памяти: коммеморативный проект для молодежи	363
Ф. В. Данилов. Праздничная культура Свердловска в 1945–1956 годах: ритуалы, социалистические соревнования и эволюция коммеморативных практик (по документам ГАСПИСО)	366
О. М. Давыдов. Покорение космоса в документальных и поэтических отзывах на страницах периодики челябинских вузов рубежа 1950–1960-х годов	368
В. Н. Мамяченков. Юбилей советских городов: как это было	372
Н. С. Гуськова. Создание краеведческого музея в Копейске: замыслы в лабиринтах реальности (на материалах архивов и музейных фондов)	376
Д. А. Васьков. Локомотивы-памятники в городах Челябинской области	380
И. В. Сибиряков. Медиаобраз Челябинска глазами челябинских студентов: некоторые особенности восприятия прошлого, настоящего и будущего города	385
Е. Г. Прилукова, П. С. Рагозин. Музеефикация пространства, или Преодоление отчуждения в большом городе	388
Т. М. Киселева. От семейного архива к культурному достоянию: как частная память становится общественной	391
А. С. Панин. «Живой голос времени»: литературные произведения как источник по истории общественных представлений	394
Часть IX. История в биографиях	397
Л. Н. Дзиговская. К вопросу о «градоначальниках Лугининых» (по документам Государственного архива Тульской области)	398
Е. М. Шумская, В. Г. Демаков. Игуменья Челябинского Одигитриевского женского монастыря Лидия: опыт реконструкции биографии на основе архивных данных	402
В. В. Гурский. Казачий род Ворониных — Казанцевых	405
Р. Ш. Хакимов. Златоуст в судьбе императора Николая II	406
К. Н. Коршунова. Кронштадтская морская община сестер милосердия: восстановление биографии сестры милосердия	409
А. П. Косицына. Судьба в эпоху перемен: Алексей Иванович Ерамасов	411
И. А. Ключ. Германские военнопленные Первой мировой войны в Советской России: траектории судеб (по материалам Государственного архива административных органов Свердловской области)	414
М. И. Люхузаев. Политическая деятельность Николая Виссарионовича Худякова в Перми в 1917–1920 годах	418
О. Н. Аргунов. Н. Г. Корепанов и Ф. С. Луев: реконструкция биографий руководителей Белгородского района Курской области периода Великой Отечественной войны	422
А. В. Гейман, Е. Г. Власова. Пермский период в биографии Анны Александровны Караваевой: архивное расследование	425
Я. В. Горская. Человек на своем месте: А. И. Полежаева (1922–2015) на защите Отечества и на службе закона	427
Г. К. Павленко, В. Д. Павленко. У каждого своя военная судьба: от шифровальщика до директора оперного театра	430
А. И. Константинова. Личный фонд Юрия Семендера в Госархиве современной истории Чувашской Республики как источник изучения биографии поэта	433
И. А. Новиков. Челябинский тракторный завод в судьбе декана историко-педагогического факультета Челябинского государственного педагогического института Владимира Денисовича Павленко (размышления к юбилею)	437
Часть X. Исторические источники в архивах	443
А. А. Семенов. Дополнение к Указателю приходов православных церквей Чебоксарского уезда Казанской губернии	444
Е. К. Фартеев. Источники по истории средних учебных заведений Екатеринбурга второй половины XIX — начала XX века	448
Д. Р. Будаева. Эскизы и рисунки Д. П. Шорина, созданные во время строительства храма Александра Невского в Нижнем Тагиле (по архивным материалам Нижнетагильского музея-заповедника и Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера)	451
Л. А. Новожилова. Расстрельные полустанки: о разоружении эшелонов (декабрь 1917 — март 1918)1	453
В. В. Вишневский. Два перемещения одного документального комплекса: метрические книги Челябинска между архивом и органами ЗАГС (1929–1993)	457

М. В. Попов, Н. А. Савин. Материалы стенограммы регионального партийного совещания по народному образованию как исторический источник о реформировании школ второй ступени в 1929 году (архивные документы о дискуссии в Уральском облоно по вопросу о балансе между фундаментальным и прикладным образованием).....	461
В. А. Бурмистенко. Архивные документы архива Магнитогорска как источник изучения развития физической культуры и спорта в 1945–1950 годах.....	464
И. И. Несмеянова. «Любил я театр безраздельно, беззаветно, всей душой» (воспоминания П. А. Гарянова о провинциальной театральной жизни первой четверти XX века).....	467
М. К. Медведева. «Мы вечно будем молоды, мы в песнях будем вечно жить». Фотоальбомы по истории любительского народного хора как источник по изучению личностной и коллективной самореализации в 1960–1980-е годы (по материалам Государственного архива социально-политической истории Курганской области).....	471
Н. А. Ощепкова. Личное свидетельство и литературное осмысление как механизмы формирования исторической памяти: на примере фонда документов личного происхождения Г. Г. Синельникова — участника Афганской войны, писателя (по материалам фонда Национального архива Хакасии).....	475
Сведения об авторах	478
Список сокращений	484

Часть I
Архивы на службе общества

И. А. Дегтярева

К вопросу о комплектовании государственных и муниципальных архивов Российской Федерации документами о специальной военной операции и их использовании

Двадцать четвертого февраля 2022 г. началась специальная военная операция (СВО). Уже в конце декабря 2023 г. по заданию Росархива сотрудники ВНИИДАД подготовили предложения для типовой памятки по сбору документов о СВО. Цель создания памятки заключалась в помощи государственным и муниципальным архивам, которые с самого начала СВО старались принимать на хранение документы, отражающие это событие. Они ставили своей основной задачей собрать здесь и сейчас документы личного происхождения об организации и проведении СВО.

В отличие от документов учреждений и организаций, которые в соответствии с установленными сроками поступят на государственное хранение, документы личного происхождения могут пополнить архивы уже сейчас. И если управленческие документы зачастую содержат официальную информацию, не изобилующую деталями, то документы личного происхождения отражают жизнь участников СВО и рядовых граждан, оказывающих содействие проведению СВО: личностное и профессиональное становление, основные этапы и значимые события биографии, боевой путь, волонтерскую деятельность и т. д. Чем полнее будет документальное наследие о СВО, тем полнее будет представление о том, что происходило в наши дни.

В феврале 2024 г. Росархив опубликовал «Памятку о порядке действий контактного лица при осуществлении им взаимодействия с участниками СВО и (или) членами их семей»¹. Однако продолжающаяся работа по сбору документов о СВО ставила вопросы, связанные с комплектованием, фондированием, использованием документов об СВО, ответов на которые в памятке не было. В связи с этим в план научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ ВНИИДАД на 2026 г. была включена тема «Нормативно-методические и правовые основы отбора в состав Архивного фонда Российской Федерации документов граждан и организаций о специальной военной операции, их фондирования и использования».

В рамках темы идет подготовка аналитического обзора и в качестве приложения к нему, в помощь архивам, методических рекомендаций. Для сбора материала по теме было проведено анкетирование государственных и муниципальных архивов. Анализ анкет позволил увидеть реальное положение со сбором документов об СВО: масштабы приема документов, их видовой состав, трудности взаимоотношений фондосдатчиков документов и архивов, проблемы, связанные с оформлением договорных отношений,

с обеспечением конфиденциальности содержащейся в документах информации и др.

Как уже отмечалось, в настоящее время архивы в основном осуществляют взаимодействие с гражданами (участниками СВО или их родственниками), очень редко с общественными организациями. Во всех регионах на сайтах государственных и иногда муниципальных архивов помещены обращения к гражданам с предложением передавать на государственное хранение документы об СВО. На многих сайтах размещена памятка Росархива или некоторая модификация этой памятки, в которой объяснено в общих чертах, как связаться с архивом и передать документы. Можно встретить на сайтах видеоролики, фотографии, информацию об участниках СВО и их родных. Понятно, что это делается из самых добрых побуждений, с желанием популяризировать передачу документов в архив.

При этом упускается из вида, что ключевая проблема работы с документами об СВО — обеспечение конфиденциальности содержащихся в них сведений. Фактор конфиденциальности необходимо учитывать при всех видах работы с фондосдатчиком, начиная с составления договора (которому в обязательном порядке предшествует беседа с фондосдатчиком), передачи документов на государственное хранение, подготовки справочно-поисковых средств и заканчивая использованием передаваемых документов.

Сведения ограниченного доступа, касающиеся СВО, по сути, состоят из двух основных групп: из сведений, создающих угрозу безопасности Российской Федерации, и сведений, создающих угрозу безопасности конкретного человека (участника СВО, его сослуживцев, родственников).

Ошибочным является представление о том, что документы личного происхождения не могут содержать сведения, угрожающие безопасности Российской Федерации, поскольку это сведения частного порядка о «рядовом» человеке. Важна не личность автора, а содержание документа. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с тематическими группами сведений, включенных в «Перечень сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации», последняя редакция которого утверждена приказом руководителя Федерального служб безопасности Российской Федерации после начала СВО. В подтверждение написанного — пример из названного перечня. В нем наряду со многими подобными названы сведения, в частности,

«о прохождении гражданами Российской Федерации военной службы, государственной службы иных видов в войсках, воинских формированиях и органах, о трудовой деятельности граждан Российской Федерации в войсках, воинских формированиях и органах»².

Второй группой сведений ограниченного доступа об СВО являются «сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности»³. Приведенная обобщенная формулировка федерального закона об архивном деле в Российской Федерации детализирована в «Методических рекомендациях по организации доступа к архивным документам, содержащим сведения, составляющие тайну, охраняемую законодательством Российской Федерации, за исключением сведений, составляющих государственную тайну»⁴.

Договор, заключаемый фондосдатчиком и архивом о передаче в архив документов об СВО, является тем самым документом, в котором должны определяться:

- тематические группы сведений ограниченного доступа, содержащиеся в передаваемых документах (например, сведения о частной жизни участника СВО, его родственников; сведения о сослуживцах, условиях их фронтовой жизни, военных операциях, в которых они принимали участие). Такие сведения могут присутствовать в разных видах документов. Один и тот же вид документа может содержать или не содержать конфиденциальные сведения. В связи с этим акцент на вид документа часто себя не оправдывает;

- периоды ограниченного доступа к передаваемым документам (они могут быть разными к разным группам сведений: например, к сведениям об обучении в военном училище — один период, к сведениям о жене, детях, родителях — другой);

- лица, которым разрешен доступ к означенным документам и сведениям до окончания установленного периода ограниченного доступа (например, сотрудники государственных учреждений, исполняющие свои служебные обязанности);

- условия и формы использования передаваемых документов и сведений (например, в обезличенном виде, исключающем идентификацию лиц, военных операций, их географию при проведении «уроков мужества» в школах и вузах).

На этом этапе работы по приему документов об СВО в архив трудно переоценить роль архивиста, задача которого не только познакомить, фондосдатчика с законодательством Российской Федерации о доступе и использовании документов Архивного фонда Российской Федерации, частью которого станут передаваемые документы об СВО, но и подсказать разумные решения в отношении периодов и условий ограниченного доступа.

Необходимо также ознакомить фондосдатчика с его правами, которые ограничиваются раз-

решением доступа только к сведениям о самом участнике СВО, поскольку сведения о других лицах, упомянутых в документах (не только в текстовых документах, но, например, и на фотографиях) могут рассматриваться как сведения ограниченного доступа о другом человеке, составляя таким образом чужую или другую тайну, являясь одновременно сведениями, упомянутыми и в приведенном выше перечне ФСБ.

Анализ ситуации в архивах с принятием документов об СВО свидетельствует о том, что сотрудники архивов не уделяют этой проблеме должного внимания: особенности доступа к информации передаваемых документов в договорах часто не оговариваются, а если указываются, то совершенно необоснованно. Например, доступ ограничивается 5, 10, 20 годами, иногда указывается период в 75 лет. При этом не определено, с какой даты отсчитывается время: со дня окончания СВО, со дня передачи документов в архив... Возникает вопрос: почему такое положение договора удовлетворило архив?

В большинстве договоров не обозначаются тематические группы сведений ограниченного доступа, хотя они бесспорно есть в передаваемых документах. И с этим тоже соглашается архив, раз такие договоры существуют.

Помимо этого в договорах упоминается Федеральный закон «О персональных данных», которым руководствуются архивы при работе с документами личного происхождения, хотя, как указано в тексте названного закона, его положения не распространяются на архивную отрасль⁵.

Принципиальная ошибка встречается при использовании положения Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», касающегося сведений ограниченного доступа о человеке, когда вместо полной формулировки, ограничивающей доступ «к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности» используется формулировка, значительно сокращающая тематику конфиденциальных сведений о человеке: указывается, что ограничен доступ к информации о частной жизни, личной, семейной тайне. Таким образом, исключаются сведения, «создающие угрозу для безопасности человека», что не только искажает смысл положения закона, но в условиях проведения СВО принципиально и совершенно недопустимо⁶.

Как правило, с фондосдатчиком не оговариваются ограничения, касающиеся форм использования документов.

Причины такого положения с принятием документов об СВО на государственное хранение могут быть разными: недостаточное знание федерального законодательства о доступе к информации, некорректное использование установленных норм в реальной ситуации (что отчасти может быть связано с недостаточной нормативной и главной методической базой, направляющей работу архивистов с документами, содержащими

сведения ограниченного доступа); предоставление излишней «свободы» фондосдатчику, возможно, считающему, что вопросы доступа к сведениям, содержащимся в передаваемых документах, не важны при составлении теста договора.

Отголоски такого отношения можно встретить в методических документах ряда архивов, в анкетах, вопросниках для проведения интервью с участниками СВО. В этих документах, в частности, приведены вопросы, которые предполагается задавать участнику СВО. Вот некоторые из них:

- как вы встретили СВО, ваши мысли, ощущения;
- воинская специальность и военная подготовка перед отправкой на линию боевых действий;
- период и география участия в СВО;
- участие в боевой работе. Опишите наиболее характерные случаи из вашей боевой работы;
- бытовые условия жизни в период участия в СВО. Помощь волонтерских организаций;
- оценка вооружения, уровня снабжения, медицинского и тылового обеспечения;
- отношение мирного населения к российским войскам и российских войск к мирному населению. Отношение к военнопленным с обеих сторон.

И вся эта информация собирается в сочетании с данными о месте жительства участника СВО, о членах семьи (родители, муж, жена, дети).

А если предположить, что материал, включенный в интервью участника СВО, содержится и в передаваемых или уже переданных в архив документах на основании договора, в котором отсутствуют какие-либо ограничения на доступ, как поступить архиву?

Соблюдать нормы доступа, установленные законодательством Российской Федерации по отношению к сведениям, создающим угрозу для безопасности Российской Федерации и ее граждан. Хотя бы потому, что сказанное выше — это только одна сторона проблемы конфиденциальности информации, содержащейся в документах

об СВО. Другая сторона связана с ответственностью архивиста за несоблюдение конфиденциальности сведений, содержащихся в передаваемых на хранение документах об СВО. Знакомство архивиста с этими сведениями не предполагает их пересказ лицам, не участвующим в работе с такими документами. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях⁷ и в Уголовном кодексе Российской Федерации⁸ определена ответственность за несоблюдение таких норм.

Примечания

¹ Памятка о порядке действий контактного лица при осуществлении им взаимодействия с участниками СВО и (или) членами их семей. URL: <https://archives.gov.ru/documents/agreement/memo-procedure-arhiv-zashchitniki-otechestva.shtml?ysclid=mpv9nvepuh576042496> (дата обращения: 01.06.2026).

² Об утверждении перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации : приказ Федер. Службы безопасности Рос. Федерации от 4 нояб. 2022 г. № 547. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211170017?ysclid=mpv9pfzo6m760106741> (дата обращения: 01.06.2026).

³ Об архивном деле в Российской Федерации : Федер. закон от 22 окт. 2004 г. № 125-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102089077&intelsearch=%E7%E0%EA%E%EED+%EE%E1+%E0%F0%F5%E8%E2%ED%EE%EC+%E4%E5%EB%E5&ysclid=mpv9qkfuac391855625> (дата обращения: 01.06.2026).

⁴ Методические рекомендации по организации доступа к архивным документам, содержащим сведения, составляющие тайну, охраняемую законодательством Российской Федерации, за исключением сведений, составляющих государственную тайну. URL: <https://rusarchives.ru/sites/default/files/2025-mr-gr-dostup.pdf?ysclid=mpccub8sym237690067> (дата обращения: 29.05.2026).

⁵ О персональных данных : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261&ysclid=mpv9u0voiu792401984> (дата обращения: 01.06.2026).

⁶ Об архивном деле в Российской Федерации ...

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Ч. 1 : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277&ysclid=mpv9vu6z4l906779322> (дата обращения: 01.06.2026).

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891&ysclid=mpv9xdwtzd525238156> (дата обращения: 01.06.2026).

И. В. Сабенникова

Архивы в современном социокультурном пространстве.

Документы о специальной военной операции: проблемы использования

С начала 2024 г. архивные учреждения субъектов Российской Федерации начали сбор документов о специальной военной операции с целью сохранения исторической памяти о ней. Инициатором этого выступило Федеральное архивное агентство, заключившее 27 декабря 2023 г. Соглашение о сотрудничестве и обмене информацией по сбору документов (№ 1/11-01-55/11-42) с государственным фондом поддержки участников СВО «Защитники Отечества». Задачи, которые изначально ставились перед архивами, имели целью комплектование архивов документами

СВО посредством создания коллекций документов о специальной военной операции.

Первоначально предполагалось, что основными сдатчиками документов будут сами участники СВО и члены их семей, но практика показывает, что коллекции по истории СВО в не меньшей степени пополняют общественные волонтерские организации и организации других отраслей и организационно-правовых фор, в том числе: органы государственной власти и местного самоуправления, различные государственные и муниципальные организации, прежде всего

образовательные, организации культуры, социальной защиты, СМИ. Архивами используется для пополнения коллекций также информация взятая из сети Интернет, прежде всего сканы страниц и фотодокументов, публикуемых на различных сайтах, включая телеграмм-каналы и информационные каналы на российской цифровой платформе МАХ глав местного самоуправления и местных СМИ. Эта информация в том числе пополняет мемориальные дела, которые формируются на каждого погибшего в ходе СВО.

Поскольку в большинстве регионов комплектование архивов документами об СВО становится все более активным, встает вопрос и о возможности использовать эти документы с целью информирования общества о проведении специальной военной операции и ее научного осмысления.

Порядок использования архивных документов устанавливается Федеральной архивной службой России в соответствии с Конституцией РФ, Федеральным законом от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», Правилами организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и иных архивных документов, другими нормативными правовыми актами.

Организация использования документов участников СВО как физических лиц происходит аналогично использованию документов личного происхождения. Документы участников СВО и членов их семей, как документы, содержащие сведения о личной и семейной тайне гражданина, «его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности», являются документами ограниченного доступа и публикации в открытых источниках не подлежат. Доступ к ним ограничен в соответствии с ч. 3 ст. 25 Закона № 125-ФЗ на срок до 75 лет. Доступ к документам, являющимся объектами интеллектуальной собственности, осуществляется в соответствии с ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими отношения в сфере интеллектуальной собственности².

Поскольку документы участников СВО передаются в архив по договору, лицо, сдающее документы, выступающее в качестве собственника / владельца документов, может прописать в договоре иные условия доступа к передаваемым им документам и их использования, которые, тем не менее, не должны противоречить законодательству. В случае, если вопросы доступа к документам и содержащимся в них сведениям не были урегулированы или были недостаточно урегулированы в договоре при приеме документов участников СВО в архив, при наличии законодательно установленных ограничений до истечения установленного срока их действия доступ предоставляется только при наличии письменного разрешения от лица, имеющего право на распоряжение доступом к документам и информации,

в них содержащейся (например, от автора писем, лица, конфиденциальная информация о котором представлена в документе, и др.).

Архивные документы ограниченного доступа могут быть предоставлены для использования (до истечения срока ограничения доступа к ним) при обезличивании сведений, прямо или косвенно идентифицирующих субъект информации. Обезличивание сведений проводится работниками архива в процессе подготовки копий архивных документов³.

В 2026 г. ВНИИДАД в рамках научно-исследовательской и методической работы разрабатывает тему 1.6. «Нормативно-методические и правовые основы отбора в состав Архивного фонда Российской Федерации документов граждан и организаций о специальной военной операции, их фондирования и использования. Анкетирование в вопросах использования поступающих на хранение, документов СВО». Была составлена и разослана в 88 субъектов РФ анкета с целью прояснить ситуацию в архивах по комплектованию их документами СВО и их использования. Анализ анкет показал, что решение архивов в плане организации использования документов об СВО неоднозначно. Значительная часть архивных учреждений организацией использования данных документов не занимается и до окончательного формирования фондов и коллекций заниматься не планирует.

Большинство архивов опирается в данном случае на Закон № 125-ФЗ, устанавливающий 75-летний срок ограничения на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности⁴.

Ряд архивов обосновывает отказ от организации использования документов СВО содержащейся в них информацией о прохождении лицом военной службы в Вооруженных силах РФ, включая служебные характеристики, приказы командиров, контракты, где имеются сведения о наименованиях, расположениях военных частей, вооружении и т. д., отнесенные к служебной тайне в области обороны⁵ и сведениям, попадающим под ограничения приказа ФСБ Российской Федерации от 4 ноября 2022 г. № 547 «Об утверждении перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации»⁶.

Ограничение на использование документов об СВО должны быть прописаны сдатчиком в договоре по передаче документов в архив или зафиксированы в лицензионном договоре, к чему архив должен относиться особенно внимательно⁷.

По результатам анкетирования видно, что ограничения на использование документов об СВО сдатчиками документов чаще всего устанавли-

ливаются либо до окончания специальной военной операции, либо на десять лет после передачи документов.

Использования документов об СВО в архивах, как правило, единичны. Большинство архивов среди форм использования документов об СВО называют экспонирование документов на выставках, организацию информационных мероприятий, а также представление в медиапространстве и СМИ. Выставки, организуемые архивами с привлечением документов об СВО, проводятся как в традиционном, так и в интернет-формате. В качестве примера можно назвать интернет-выставку «История специальной военной операции в лицах наших земляков», подготовленную ЦГАСО в 2025г.

Архивы проводят выставки с привлечением документов об СВО совместно с музеями. Так, Комитет по делам архивов Нижегородской области при анкетировании отметил, что в тех случаях, когда архивы предоставляют для экспонирования фотодокументы или документы, в них отсутствуют персональные данные участников СВО.

Есть примеры, когда в качестве соорганизаторов выставки выступают общественные организации, такие как «Российский союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций», «Союз солдатских родителей», волонтерские организации и др.

Документы об СВО могут быть представлены в тематических выставках, посвященных участникам сразу нескольких войн и вооруженных конфликтов: Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., оказания интернациональной помощи СССР Афганистану и чеченских войн, военной операции в Сирии, специальной военной операции в Украине. Такой подход дает возможность за счет расширения хронологических рамок разнообразить и состав документов, представленных в качестве экспонатов. Подобную выставку под названием «Мы славим вас, Отечества сыны!» об участии жителей региона в перечисленных конфликтах подготовил Государственный архив Республики Бурятия.

Выставки документов об СВО часто носят мобильный, передвижной характер, что дает возможность совмещать их с иными формами использования⁸, прежде всего с информационными мероприятиями, в которых архивы принимают участие или являются организаторами.

Результаты анкетирования показали, что при организации выставок об СВО архивы, как правило, в качестве экспонатов выбирают фотографии погибших участников СВО, поступившие к ним в составе документов от членов их семей, фотографии обложек документов об образовании, удостоверения, награды, фотоматериал, снятый при проведении мероприятий по увековечиванию подвигов героев СВО, в которых архив принимал участие, а также материал из открытых источников, таких как СМИ и официальные сайты государственных, муниципальных органов

управления, и др. Экспонатами архивных выставок могут становиться также сданные в архив участниками СВО и членами их семей предметы (шевроны, эмблемы, вымпелы и др.) с символикой общественного движения, передаваемые в боевые подразделения СВО.

При экспонировании архивных документов личного происхождения, включая видеосъемку и фотографии (в том числе любительские), архив несет ответственность за соблюдение законодательства в области защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности⁹.

Практически для всех архивов, занимающихся организацией использования документов об СВО, характерна такая форма использования, как информационные мероприятия, проводимые в виде школьных уроков, лекций, круглых столов, форумов, посвященных специальной военной операции. Данные мероприятия носят воспитательно-патриотический характер.

Среди организуемых архивом информационных и просветительских мероприятий с использованием документов об СВО Государственный архив Астраханской области назвал такие форматы, как встреча с участником СВО, выступление-интервью участников СВО, встреча с женщинами-волонтерами.

В качестве информационных мероприятий многими архивами субъектов РФ проводятся уроки мужества с учащимися школ (иногда с приглашением участников СВО, находящихся в очередном отпуске, или их родственников), дни открытых дверей, конкурсы детского рисунка «Герои Отчизны моей» с целью приобщения детей к героической истории и культуре родной страны, конкурсы социальных видеороликов, посвященных героям и участникам специальной военной операции (Северная Осетия — Алания).

К информационным мероприятиям как форме использования документов СВО архивы относят размещение информации о проводимых архивами мероприятиях в социальных сетях «Одноклассники» и ВКонтакте, а также публикации статей в местной периодической печати (для муниципальных архивов), размещение заметок на страницах архивных отделов официальных сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в таких разделах, как «Храним память», «Наши земляки» и др.

Архивами в рамках информационных мероприятий проводятся научно-практические семинары по обмену опытом по увековечиванию памяти участников СВО. Нечасто встречающейся формой информационных мероприятий в архивной сфере являются конференции. Интересным примером может служить конференция «Помним. Чтим. Храним: проблемы сохранения исторической памяти о героях и событиях специальной военной операции как основы национального сознания», прошедшая в рамках II Оренбургской историко-архивоведческой конференции им. А. В. Попова (26 февраля 2025, Оренбург). В ней участвовали 238 докладчиков и слушате-

лей из 54 регионов РФ. По итогам конференции был издан сборник материалов. Тематами обсуждения на конференции стали вопросы сохранения исторической памяти, комплектования, формирования, учета и использования архивных, библиотечных и музейных коллекций, особенности работы с документами, печатными изданиями, материальными носителями и электронными ресурсами о событиях специальной военной операции.

В числе мероприятий, проводимых архивами в медиапространстве с использованием документов об СВО, в частности документирования встреч с участниками СВО и их родственниками, архивы называют публикации постов на официальных страницах архивов в социальной сети ВКонтакте.

Использование документов об СВО часто происходит при смешении таких форм использования, как экспонирование и информационные мероприятия, в том числе в медиапространстве. Наиболее часто встречающийся, по результатам анкетирования, способ использования — проведение в учебных заведениях регионов уроков и лекций, посвященных теме СВО, сопровождаемых передвижными (планшетными) выставками документов об СВО, и отражение их в соцсетях и на интернет-сайтах архивов. Анализ присланных архивами анкет показал, что архивы при ответе на вопросы о проведении информационных мероприятий довольно часто подменяют информационные мероприятия мероприятиями по инициативному информированию населения в СМИ и соцсетях о комплектовании архивом коллекций документов об СВО.

Таким образом, по результатам проведенного анализа можно заключить, что в подавляющем большинстве архивов субъектов Российской Федерации, как государственных, так и муниципальных, формируются коллекции документов об СВО. Использование документов об СВО архивами осуществляется в соответствии с Законом № 125-ФЗ и условиями, прописанными в договорах о передаче документов в архив сдатчиками.

В числе причин, затрудняющих организацию использования документов, архивами упоминаются отсутствие соответствующего опыта, необходимость соблюдения конфиденциальности и минимизации риска несанкционированного доступа к документам об СВО.

Среди форм использования документов об СВО архивы называют организацию различных выставок и информационных мероприятий патриотической направленности, проводимых как непосредственно в самих архивных учреждениях, так и в других организациях — школах, вузах, административных структурах и в иных общественных пространствах. Регулярно организу-

ются тематические публикации в СМИ и медиапространстве, посвященные героям — участникам СВО, с использованием архивных документов.

Отметим, что использование документов об СВО архивами чаще всего происходит при смешении таких форм использования, как экспонирование, информационные мероприятия и использование медиапространства. Наиболее характерный способ использования — проведение в учебных заведениях уроков и лекций, посвященных теме СВО, сопровождаемых передвижными (планшетными) выставками документов об СВО, с дальнейшим отражением этой информации в СМИ, на сайтах архивных учреждений и в соцсетях.

В настоящее время в рамках темы 1.6. ВНИИДАД готовятся методические рекомендации, которые станут подспорьем в вопросах комплектования архивов РФ документами об СВО, их фондирования и использования.

Примечания

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4. Ст. 1345, 1363. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239&ysclid=mmde839n36778484973> (дата обращения: 05.02.2026).

² См.: Методические рекомендации по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежного прав, доступу и порядку использования таких документов / Росархив, ВНИИДАД. М., 2018.

³ Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел от 25 июля 2006 г. № 375/584/352. П. 9. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102109517&ysclid=mmdf9lhia628774640> (дата обращения: 18.05.2026).

⁴ Об архивном деле в Российской Федерации : федер. закон от 22 окт. 2004 г. № 125-ФЗ. Ст. 25. Ч. 3. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102089077> (дата обращения: 17.05.2026).

⁵ Об утверждении Перечня сведений Вооруженных сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны : Приказ министра обороны Российской Федерации от 17 янв. 2022 г. № 22, зарег. в Минюсте России 28. февр. 2022 г. рег. № 67528. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202280067> (дата обращения: 18.05.2026).

⁶ Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками : Приказ Федер. службы безопасности Рос. Федерации от 4 нояб. 2022 № 547, зарег. 17 нояб. 2022 г. № 70986. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211170017> (дата обращения: 17.05.2026).

⁷ Подробнее см.: Методические рекомендации по комплектованию, описанию, учету и использованию документов личного происхождения в государственных и муниципальных архивах / ВНИИДАД. М., 2021. URL: <https://archives.gov.ru/sites/default/files/2021-recommendations-lf.pdf?ysclid=mmdgs7fbhi799598581> (дата обращения: 17.05.2026).

⁸ URL: <https://www.permgaspi.ru/uploads/heroessvoll.pdf>

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ст. 1345, 1363. Ч. 4. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102110716> (дата обращения: 17.05.2026).

Т. С. Семенова

**Взаимодействие архивной службы Оренбургской области
с областной молодежной организацией
«Военно-патриотический поисковый клуб “Патриот”»
по сохранению исторического наследия**

С 2020 г. Архивная служба Оренбургской области активно сотрудничает с областной молодежной организацией «Военно-патриотический поисковый клуб “Патриот”». Основное направление сотрудничества — сохранение документов военных комиссариатов Оренбургской области.

В 2020 г. руководители клуба обратились в Комитет по делам архивов Оренбургской области с просьбой помочь в получении доступа к документам военкоматов периода Великой Отечественной войны (1941–1945): клуб с 2019 г. Своими силами начал сканирование документов в военкоматах. В процессе данной работы было установлено, что не все сведения, хранящиеся в военкоматах, имеются на сайте «Память народа». Кроме того, физическое состояние документов вызывало обеспокоенность: существовала угроза утраты ценных сведений. В это же время Оренбургским государственным архивом социально-политической истории (ОГАСПИ) был изучен опыт пермских коллег по приему документов военкоматов на государственное хранение. В итоге при содействии вице-губернатора — руководителя аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области были инициированы переговоры с Военным комиссариатом Оренбургской области о возможности передачи документов периода войны на государственное хранение. После положительного решения военного комиссара и организационной подготовки 29 января 2021 г. между ОГАСПИ и Военным комиссариатом Оренбургской области был подписан договор о безвозмездной передаче в собственность архива оригиналов документов участников Великой Отечественной войны, призванных с территории Чкаловской (ныне Оренбургская) области. В 2021–2022 гг. на государственное хранение приняты 1462 ед. хр., 69 404 учетные карточки, 34 личных дела офицеров. Документы приняты в неопisanном виде, требовали переформирования и реставрации.

Клуб «Патриот» сразу же активно включился в процесс сканирования учетных карточек, на основе которых создана электронная база данных оренбуржцев — участников Великой Отечественной войны (ветеран56.рф). По мере описания документов клуб проводит сканирование алфавитных книг призванных в ряды Красной армии, сведения затем вносят в базу данных. К заполнению базы данных подключились архивисты, ученые, волонтеры. База данных презентована 7 мая 2025 г., в настоящее время она включает порядка 20 тыс. учетных записей с возможностью просмотра электронных образов документов военных комиссариатов Чкаловской

области периода военных лет. Планируется, что клуб «Патриот» передаст всю базу для дальнейшего ведения и пополнения архивной службе Оренбургской области.

Второе направление сотрудничества — реализация совместных грантовых проектов.

По итогам второго конкурса президентского Фонда культурных инициатив (2022) одним из победителей в сфере образовательных и наставнических проектов в области культуры, искусства и креативных индустрий (включая цифровые технологии) стал проект «Территория фактов» клуба «Патриот». Размер гранта составил 4 118 704 руб. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО) выступил партнером проекта, став одной из площадок его реализации.

«Территория фактов» стала современным образовательным пространством, где молодежь получила возможность изучать историю Великой Отечественной войны на основе подлинных архивных документов и артефактов, обнаруженных поисковиками на местах сражений.

В рамках архивно-исследовательского направления проекта в ОГАОО создан выставочный зал «Территория фактов», приобретены специальное выставочное оборудование, электронная витрина, оборудована проекционная комната. На средства гранта созданы три комплексные выставки: «Адрес эвакуации — Чкаловская область», «От Сталинграда до Берлина», «Нефронтовые будни Оренбуржья». На их основе проведены открытые лекции ведущих историков и архивистов области, посвященные различным аспектам Великой Отечественной войны, экскурсии для обучающейся молодежи региона.

В проекционной комнате оренбуржцам стало доступно немое и звуковое кино, снятое Центральной студией документальных фильмов и Куйбышевской студией кинохроники: копии видеодокументов приобретены в Российском государственном архиве кинофотофонодокументов также за счет средств гранта.

Третье направление взаимодействия — поддержка грантовой деятельности клуба «Патриот». Клуб является участником многих грантовых конкурсов (в тех случаях, когда грант предусматривает взаимодействие с архивами), комитет и ОГАОО выступают партнерами в информационной и методической части, сотрудники Комитета по делам архивов часто являются консультантами в команде проекта. Также в ОГАОО проводятся мероприятия, направленные на знакомство с архивными документами, обучение методике поиска необходимой информации. На-

пример, 10 января 2025 г. в рамках реализации проекта «Прошлое останется только в музее» ОГАОО посетили школьники из Оренбургской области, Луганской Народной Республики, Республики Карелия. Архивисты провели для участников межрегиональной профильной смены «Поиск» обзорную экскурсию по зданию, ознакомили с выставками, подготовленными при реализации проекта «Территория фактов», рассказали, какую информацию об участниках Великой Отечественной войны можно найти в архиве. В июне 2025 г. Состоялась вторая профильная смена «Поиск», один день которой был посвящен архивам и поиску архивной информации.

В 2026 г. Архивисты в качестве партнеров также принимают участие в профильных сменах, знакомя подрастающее поколение с деятельностью архива и презентуя возможности архивных документов при поиске информации о боях нашей страны.

Четвертое направление — проведение информационно-образовательных мероприятий. При проведении с 2 по 7 апреля 2024 г. Архивной недели на стенде Оренбургской области в рамках международного форума-выставки «Россия» архивная служба предложила клубу «Патриот» принять участие в тематических днях, посвященных вкладу оренбуржцев в победу в Великой Отечественной войне: поисковиками были представлены артефакты, привезенные из поисковых экспедиций, организована работа общественной приемной «Судьба солдата» по установлению фронтовых судеб солдат, проведена акция «Напиши письмо солдату», любой желающий с помощью очков виртуальной реальности мог стать участником поисковой экспедиции, а также попрактиковаться в поиске предметов с помощью металлодетектора.

Также архивная служба поддержала выставку фотографий члена клуба «Патриот» Ярославы Ельчаниновой «История сквозь объектив» — материалы выставки будут приняты на хранение в ОГАОО. Данная выставка в том числе была представлена на II Оренбургской историко-архивоведческой конференции им. А. В. Попова (всероссийского масштаба) «Помним. Чтим. Храним: проблемы сохранения исторической памяти

о героях и событиях специальной военной операции как основы национального сознания» и на расширенном заседании коллегии комитета (февраль 2025).

Традиционным стало участие архивистов в праздновании Дня поисковика и открытии поискового сезона в рамках областной акции «Вахта памяти»: для участников проводятся тематические лекции, экскурсии по выставкам документов.

Двенадцатого февраля 2026 г. в ОГАОО состоялась презентация уникального исторического документа — заявления Мусы Джалиля (Залилова) в Оренбургский городской отдел народного образования о его командировании на учебу в Казань. Во время презентации заместитель председателя и координатор проектов клуба «Патриот» Наталья Ельчанинова рассказала о находках, обнаруженных в 2024 г. новгородскими поисковиками вблизи дер. Мясной Бор Новгородской области. В рамках обмена материалами в Оренбуржье были переданы копии отписок, сделанных с типографских пластин, а также типографский шрифт, найденный на месте разрушенной типографии газеты «Отвага» — печатного органа 2-й ударной армии. Одним из корреспондентов фронтового издания был наш выдающийся земляк Муса Джалиль.

В июне 2026 г. руководители клуба «Патриот» стали участниками стратегической сессии на тему «Искусственный интеллект в архиве: новые возможности и векторы развития». Во время мероприятия ими были сформулированы направления деятельности, в том числе совместной, где искусственный интеллект оказал помощь в поиске необходимых документов.

Сотрудничество с клубом «Патриот» позволило архивной службе выйти на новые площадки, открыть новую аудиторию для популяризации архивных документов. Клуб стал надежным партнером в проведении мероприятий, направленных на патриотическое воспитание граждан. Также клуб стал источником комплектования архива, передающим на хранение разноплановые документы, которые можно будет использовать при проведении мероприятий патриотической направленности.

М. А. Марченко

Сотрудничество ГОПАНО с библиотеками и общеобразовательными заведениями Нижнего Новгорода

Неотъемлемой и важнейшей частью культурного наследия человечества, бесценными хранилищами информации о прошлом являются архивы и сохраняемые ими документы. Наш Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО) на протяжении многих лет активно сотрудничает с библиотечными и образовательными учреждениями Нижнего Новгорода и использует доку-

ментальные материалы в целях просвещения молодежи.

Начало совместной работе с библиотеками было положено в 2021 г., когда в рамках рубрики «Краеведческая пятница» в прямом эфире была проведена онлайн-беседа, раскрывающая для пользователей основные направления деятельности архива, осуществлено знакомство с его историей и тем, чем живет архив сегодня. Было

рассказано о количестве и составе документов архивных фондов. Эфир с записью беседы с заместителем директора архива был выложен на официальной странице библиотек Нижегородского района Нижнего Новгорода ВКонтакте «кНИЖный район» и на Рутубе. В дальнейшем, исходя из состава документов, хранящихся в фондах архива, были разработаны направления совместной деятельности, определена тематика мероприятий.

Первым из них стала онлайн-беседа «Детство, опаленное войной», состоявшаяся в мае 2023 г. В канун Дня Победы хотелось поговорить о трудном военном детстве. Тем более что в фондах архива хранится значительное количество документов периода Великой Отечественной войны, в том числе о жизни детей военного времени.

Следует отметить, что тема «дети войны», «военное детство» долгое время оставалась мало исследованной в советской историографии. В 2015 г. к 70-летию Победы ГОПАНО был подготовлен документальный сборник «Детство, опаленное войной». Он посвящен людям, чье детство выпало на невероятно тяжелые годы, памяти тех, кто помогал выжить и заботился о них.

Название сборника «Детство, опаленное войной» определило и заголовок онлайн-беседы. В ходе ее были представлены документальные источники об эвакуации и размещении на территории Горьковской области детских домов и интернатов из разных республик и областей Советского Союза, о мерах, принимавшихся руководством области по содержанию воспитанников детских домов и интернатов, по их медицинскому обслуживанию и улучшению условий их жизни.

Прозвучал рассказ о работе школ в военные годы, о мероприятиях, проведенных для ребят, о материальной поддержке, оказывающейся общественными организациями и жителями г. Горького и области детским учреждениям. Виртуальная аудитория узнала и об участии детей в выполнении оборонных заказов предприятий, о вкладе ребят в Фонд обороны страны и сборе личных средств на постройку военной техники. Речь шла и о привлечении детей к сельскохозяйственным работам, об организации досуга и общественно полезной деятельности учеников после учебы и в дни школьных каникул, об открытии в 1944 г. Суворовского училища в г. Горьком (прежнее название Нижнего Новгорода) и многом другом. Также были озвучены отрывки из хранящихся в архиве воспоминаний нижегородцев о школьных военных годах и воспоминаний детей войны об эвакуации в нашу область.

Разговор получился подробным, всеохватывающим и интересным.

В том же 2023 г. в ноябре в рамках рубрики «Краеведческая пятница» заместитель директора архива вновь вышла в эфир на официальных страницах библиотек Нижегородского района Нижнего Новгорода в сетях ВКонтакте «кНИЖный район» и Рутубе. В этот раз, опираясь на

документальные источники, была обстоятельно раскрыта малоизвестная широкому кругу тема, связанная со строительством оборонительных рубежей и обводов вокруг г. Горького и Муром (в тот период входящего в состав Горьковской области, а ныне в состав Владимирской). Их создание по праву называют школой героического труда и мужества горьковчан.

Напомню, что к началу Великой Отечественной войны наш город считался одним из крупных промышленных центров и стратегически важным транспортным узлом страны. Разрабатывая план нападения на Советский Союз, немецко-фашистское командование рассчитывало захватить его осенью 1941 г. Этого нельзя было допустить.

В довольно короткий срок, в период суровой зимы и сложных погодных условий были выполнены колоссальные работы по строительству оборонительного рубежа и обвода к 1 января 1942 г. Все это стало возможным благодаря трудовому героизму и невероятным усилиям горьковчан. О том, как это было, и шла речь в прямом эфире.

В 2024 г. исполнилось 80 лет со дня полного освобождения Ленинграда от блокады, поэтому еще одна онлайн-беседа была посвящена этой теме. Архив к этому времени подготовил и издал документальные сборники «Мы с тобой, Ленинград!» и «Всеми силами помочь ленинградцам...». Сотрудники библиотеки им. А. П. Чехова предложили выступить перед студентами и учащимися образовательных учреждений. Исторический экскурс «На помощь непокоренному Ленинграду» впервые был проведен в библиотеке в марте 2024 г. для первокурсников Нижегородского филиала Московского университета им. С. Ю. Витте, а в преддверии 81-й годовщины полного снятия блокады Ленинграда встречи прошли со старшеклассниками школы № 151 с углубленным изучением отдельных предметов и гимназии № 13 Нижнего Новгорода.

В ходе актуального разговора с учащимися и студентами заместитель директора архива осветила основные факты, связанные с жизнью в осажденном Ленинграде. Прозвучал рассказ о горьковчанах, перевозивших грузы по Ладожскому озеру, о сборе и отправке по Дороге жизни продовольствия в город на Неве, о значимости этого благого дела и опасности движения по Ладоге, о переписке с подшефным крейсером «Максим Горький», оборонявшим осажденный город.

Особое внимание на встрече со школьниками было уделено вопросам эвакуации, размещения и обеспечения юных ленинградцев всем необходимым на территории нашей области. Дети, привезенные в Горьковскую область были очень истощены и слабы и нуждались в лечении, питании и внимании. Горьковчане сделали все возможное и даже невозможное, чтобы снабдить детей всем необходимым, обеспечить одеждой, обувью, едой, а главное, их окружили теплом и заботой.

Разговор сопровождался показом презентации. У учащихся была возможность увидеть редкие архивные документы и фотографии, услышать фрагменты писем и увидеть сборник документов «Всеми силами помочь ленинградцам...», изданный архивистами в 2020 г. В сборник были включены документы не только из нижегородских архивов, но и из архивов Санкт-Петербурга, районных и школьных музеев Нижегородской области.

В апреле 2025 г., в знаменательном году 80-летия Великой Победы, прошло еще одно мероприятие с участием архивистов и сотрудников библиотеки им. А. П. Чехова. Состоялась встреча с девятиклассниками школы № 29 Нижнего Новгорода. Используя архивные документы, хранящиеся в фондах ГОПАНО, заместитель директора архива провела школьный урок «Все для фронта и все для Победы!». Учащиеся узнали о переходе области в короткий срок на военные рельсы, о работе предприятий по выпуску необходимой военной продукции, о деятельности фронтовых бригад, о вкладе жителей села в достижение победы. В сопровождавшую рассказ архивиста презентацию были включены документы о бомбардировках г. Горького, о строительстве оборонительных сооружений, о помощи, которую фронту оказывали не только взрослые, но и их подрастающее поколение. А главное, вся информация была подтверждена архивными документами, свидетельствующими о единстве фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны.

Не менее плодотворным было сотрудничество архива с библиотекой им. В. М. Комарова Нижнего Новгорода. В течение 2025 г. Совместными усилиями были организованы и проведены школьные уроки для учащихся школ № 138 и № 60 Ленинского района города. Мероприятия некоторым образом были схожими. В продолжение темы героизма и трудового подвига горьковчан в период Великой Отечественной войны состоялись уроки-беседы с учениками среднего звена — пятиклассниками и семиклассниками: «Детство, опаленное войной!», «Этот день Победы!», а также был проведен урок «Благодарные потомки — Минину!» об увековечении памяти земляка-нижегородца Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского на нижегородской земле.

В 2026 г. налаженная с городскими библиотеками работа продолжилась, архивисты откликлись на все приглашения. Для школьной аудито-

рии был разработан исторический экскурс «Трудности военного времени. Горьковские пионеры — фронту!». Школьные уроки были проведены для учащихся средних школ № 22, 29, 100 Нижегородского, Советского и Ленинского районов Нижнего Новгорода. Школьники узнали много нового и интересного: о мобилизации старших школьников на строительство оборонительных сооружений, о привлечении детей к прополке посевов, к сбору оставшихся на полях колосков, сбору лекарственных трав и ягод для госпиталей. Для многих открытием стало тимуровское движение, перечисление пионерами и школьниками заработанных денежных средств и количество построенной на них военной техники и др.

В онлайн-формате в рубрике «Молодежный вторник» на официальной странице библиотек Нижегородского района Нижнего Новгорода в сетях ВКонтакте «кНИЖный район» был озвучен подготовленный архивом материал «Молодежь и школьники — фронту!» — продолжение темы помощи Красной армии.

Очень важно и абсолютно верно, что во время мероприятий независимо от формата сотрудников архива не только рассказывает, озвучивает факты, цифры, но и зачитывает выдержки из документальных свидетельств, справок, писем, хранящихся в архивном фонде, и показывает аудитории презентацию, в которую включены конкретные исторические документы и фото. Сразу становится понятно, что озвученные данные — не голословные утверждения. Всегда подчеркивается, что разговор по той или иной теме идет на основе архивных документов, а значит, он с исторической точки зрения не подлежит сомнению. Сегодня это важно, как никогда, потому что оппоненты пытаются исказить историческую правду, фальсифицировать историю, в том числе историю Великой Отечественной войны. Преуменьшается или вовсе предается забвению решающий вклад нашего государства в достижение победы над нацистской Германией, не акцентируется внимание на огромных жертвах, принесенных советскими людьми на алтарь победы, делаются попытки принизить роль Красной армии.

Молодежь должна знать и понимать истинную картину происходящего в военные годы. Можно точно сказать, что подрастающее поколение в ходе наших совместных мероприятий с библиотеками Нижнего Новгорода, слушая факты и знакомясь с уникальными документами, приобретает к исторической правде.

В. Д. Борцова

**Великая Отечественная война 1941–1945 годов:
мемориальная культура, практика сохранения исторической памяти
и патриотического воспитания молодежи
(из опыта работы Государственного архива Ставропольского края)**

В эпоху значительных перемен, таких как распад СССР или череда военных конфликтов с участием России, перед государством и обществом остро встает проблема формирования идентичности. Ее фундаментом служит гражданская идентичность, коренящаяся в потребности личности в самоопределении и принадлежности к определенной группе.

Одной из основных социализирующих сил выступает историческая память — совокупность научных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом¹. Она формирует в человеке понимание своего места в мире и связывает его с другими гражданами государства. Историческая память народа формирует его, раскрывает систему моральных, этических и культурных ценностей.

Как показывают социологические опросы, на протяжении 20 лет XXI в. большая часть респондентов в качестве главного события российской истории называют Великую Отечественную войну. Исследователи объясняют этот феномен не только недавней живой связью разных поколений с этим событием и «чувством гордости за Победу», но и его интегрирующим значением для нации². Память о Великой Отечественной войне преодолевает этнические, религиозные и национальные различия, так как каждый народ Советского Союза может говорить о своем вкладе в общую Победу. Российская Федерация, как правопреемница СССР, продолжила использовать память о войне в качестве центрального элемента гражданской идентичности. Этот общегосударственный и общенациональный нарратив используется для консолидации многонационального российского общества вокруг идеи общего героического прошлого, что укрепляет чувство национального единства.

Ключевую роль в создании источниковой базы для формирования исторической памяти играют государственные архивы, так как ее основу составляют серьезные научные исторические исследования, которые опираются на анализ документов.

Одним из направлений работы Государственного архива Ставропольского края является публикация материалов по истории региона. Обнародование ценных документов, отражающих исторические события, делает доступным получение достоверной информации о прошлом широкому кругу лиц, от научных работников и студентов, до школьников и интересующихся историей граждан.

Государственным архивом Ставропольского края (ГАСК) и Государственным архивом новей-

шей истории (ГАНИСК) издано большое количество обширных и многоплановых сборников документов по Великой Отечественной войне.

В 2000 г. к 55-летию Победы издан сборник «Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.)»³. Целями публикации коллектив авторов поставил «ознакомить широкого читателя со свидетельствами тяжелых испытаний, которым был подвергнут наш народ во время фашистской оккупации» и сформировать убеждение у молодого поколения в недопустимости повторения ужасов национал-социализма. Сборником введены в научный оборот документы, которые ранее находились на специальном хранении. В содержании издания насчитывается всего 78 документов.

В 2005 г. вышел сборник «Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях»⁴. Он представляет первый опыт издания на Ставрополье архивных документов и научных статей, которые, взаимодополняя друг друга, разносторонне и многопланово воссоздают сложную панораму жизни края в годы Великой Отечественной войны. Общая идея книги — прочтение Великой Отечественной войны с позиции социальной истории: в центре ее внимания человек в экстремальных условиях, его поступки, повседневная жизнь, реальные условия бытования, отношения с другими людьми, властью, обществом. Именно тема военной повседневности способна воссоздать в сознании молодого поколения живые образы, которые в конечном итоге закрепятся как историческая память о Великой Отечественной войне. Для публикации из 36 архивных фондов отобрано около трехсот документов. Особое внимание уделено введению в научный оборот нового пласта исторических источников, в том числе публикация рассекреченных документов.

В 2011 г. издан последний, третий том сборника «Голоса из провинции». Документы ограничены хронологическим периодом 1941–1964 гг.⁵ Первый раздел сборника охватывает период 1941–1945 гг. и отражает жизнь локальных сообществ.

Одной из центральных тем социальной истории советского общества является антропология войны. Составители сборника выделили отдельную рубрику о человеке на войне. Также отдельными пунктами рассматриваются предвоенные будни, судьбы эвакуированных и эмигрантов, политика власти и образы войны.

В 2020 г. Вышел сборник «Получил Ваше письмо... Победа будет за нами! Письма с фрон-

та и на фронт»⁶. Цель издания сборника — через письма показать живого человека на войне, его эмоции, чувства и повседневную жизнь.

В рамках федерального проекта «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированных территориях РСФСР в годы Великой Отечественной войны» ставропольскими архивами подготовлен сборник документов.

Судьба ставропольцев — труженников тыла, внесших вклад в Победу, отражена в сборнике архивных документов «Труд, равный ратному подвигу...», изданном в 2025 г.

Через опубликованные архивами сборники прослеживается тенденция к гуманизации и персонализации исторической памяти о войне. Архивная работа прошла путь от публикации документов, фиксирующих ход военных действий, к комплексному изучению и представлению частного, человеческого опыта. Большое внимание стало уделяться повседневности, эмоциям и жизни отдельных людей в экстремальных условиях войны. Этот «антропологический поворот» направлен на создание более объемной, эмоционально наполненной и лично значимой памяти для новых поколений. Рассекречивание документов о военных преступлениях нацистов позволяет через архивные публикации раскрыть трагедию военных лет через призму как индивидуальной судьбы отдельного человека, так и всего советского общества.

С каждым годом «живая память» о войне утрачивается, так как ветераны уходят из жизни и у молодого поколения теряется личностно-эмоциональная связь с историческими событиями. Поэтому сохранение исторической памяти о войне является важной и сложной задачей, а условия диктуют необходимость искать новые способы осмысления и презентации прошлого⁷.

Государственным архивом Ставропольского края с 2015 г. на его сайте публикуются виртуальные выставки, на которых экспонируются документы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Виртуальная историко-документальная выставка «По праву разделенного страдания» предлагает широкому кругу читателей ознакомиться, например, с документами об эвакуации на Ставрополье жителей Ленинграда, об оккупации региона⁸.

На выставке «Переступив войны порог» экспонируются документы, освещающие работу по установлению ущерба, устранению последствий оккупации и восстановлению народного хозяйства Ставропольского края с февраля 1943 по 1950 г., завершающий первую послевоенную пятилетку⁹. На выставке представлено около 80 архивных документов за 1943–1950 гг.

В рамках федерального проекта помимо сборника архивом подготовлена виртуальная историко-документальная выставка «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупиро-

рованных территориях РСФСР в 1941–1945 гг.»¹⁰.

Фронтовые письма — яркий и интересный источник не только по внутреннему содержанию, но и по внешней форме. К письмам прилагались рисунки фронтовиков, по форме письма можно было судить о ситуации на фронте. Поэтому архивом для ознакомления была подготовлена виртуальная историко-документальная выставка «Письма с фронта»¹¹.

Виртуальные выставки расширяют доступ к архивным документам, и вводят в цифровую среду новые источники, которые формируют и сохраняют историческую память, где официальные сводки и личные письма, сливаясь воедино, создают многоплановый и правдивый портрет эпохи.

В настоящее время архив отходит от стереотипа о закрытом и недоступном учреждении и активно вступает в диалог с молодежью.

На базе архива проходят выставки и уроки мужества, на которых школьникам, учащимся и студентам сотрудники рассказывают о событиях и личностях Великой Отечественной войны по архивным документам. Для презентации организуются яркие экспозиции с фотографиями, наградными листами и другими источниками. Подобная работа архива показывает молодежи историю Великой Отечественной войны не как главу из школьного учебника, а как историю, которая состоит из личных трагедий и подвигов их земляков. Фотографии, письма, наградные листы, выставляемые в экспозициях, позволяют не просто узнать о войне, а ощутить ее эмоционально через судьбу отдельного человека.

В настоящее время в связи с выходом сборника документов «Труд, равный ратному подвигу...»¹² в архиве экспонируется историко-документальная выставка «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Сотрудники активно участвуют в просветительской деятельности, участвуют в форумах и научных конференциях.

В работе архива прослеживается многоплановый подход к концепциям памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Архив, как государственное учреждение, транслирует официальную позицию власти относительно исторической политики. Многопланово показан ключевой вклад Советского Союза в победу над фашизмом. Культивируется героизм и мужество участников войны, труженников тыла, партизан и подпольщиков. Делается большой акцент на единство всех народов Советского Союза, что особенно важно в контексте национальной политики на Северном Кавказе. По актам Чрезвычайной комиссии о расследовании и установлении фактов злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, хранящихся в архиве, показана трагедия местного населения.

Примечания

¹ Булыгина Т. А. Великая Отечественная война: историческая память и военная повседневность // Единое пространство исторической памяти народов Кавказа, победивших

нацизм: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ставрополь, 29 мая — 1 июня 2025 г.). Ставрополь, 2025. С. 50–53.

² Булыгина Т. А. Там же. С. 51.

³ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.) : док. и материалы. Ставрополь, 2000.

⁴ Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / науч. ред. Т. А. Булыгина ; сост. В. В. Белоконов, Т. Н. Колпикова, Я. Г. Кольцова, В. А. Мазница. Ставрополь, 2005.

⁵ Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 годах : сб. док. / сост. В. Белоконов, Т. Колпикова, Г. Никитенко. Ставрополь, 2011.

⁶ Получил ваше письмо — победа будет за нами!: письма с фронта и на фронт / сост.: Н. И. Любимова и др. Ставрополь, 2020.

⁷ Булыгина Т. А. Указ. Соч. С. 51.

⁸ По праву разделенного страдания: виртуальная историко-документальная выставка // Государственный архив Ставропольского края : офиц. Сайт. URL: [https://stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/virtualnaya-istoriko-dokumentalnaya-vystavka.html](https://stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/virtualnaya-istoriko-dokumentalnaya-vystavka-virtualnaya-istoriko-dokumentalnaya-vystavka.html) (дата обращения: 30.06.2026).

⁹ Виртуальная историко-документальная выставка «Переступив войны порог» // Там же. URL: <https://stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/virtualnaya-istoriko-dokumentalnaya-vystavka-0623/> (дата обращения: 30.06.2026).

¹⁰ Виртуальная историко-документальная выставка «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированных территориях РСФСР в 1941–1945 гг.» // Там же. URL: <https://stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/virtualnaya-istoriko-dokumentalnaya-vystavka-bez-sroka-davnosti-prestupleniya-natsistov-i-ikh-posobnikov-protiv-mirnogo-naseleniya-na-vremennno-okkupirovannykh-territoriyakh-sssr-v-1941-1945-gg/> (дата обращения: 30.06.2026).

¹¹ «Письма с фронта» // Там же. URL: <https://stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/pisma-s-fronta.html> (дата обращения: 30.06.2026).

¹² Труд, равный ратному подвигу... в архивных документах = Труд, равный ратному подвигу...: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: посвящается труженикам тыла Ставрополя : сборник / сост. Т. Н. Колпикова и др. Ставрополь ; Воронеж, 2025.

Д. В. Маслов

Некоторые вопросы публикации исторических документов в практике современного архива

Публикация исторических документов является одним из важных направлений деятельности современного архива. Принципы организации этой деятельности изучаются археографией и регулируются в нормативных документах. В числе последних ранее применялись «Правила издания исторических документов в СССР», последний раз изданные в 1990 г.¹ в 2020 г. эти «Правила...» были признаны утратившими силу и заменены «Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде»², само название которых уже свидетельствует о рекомендательном характере указанного акта. Отчасти по этой причине ряд публикаторов в сложных случаях и сегодня ориентируется на «Правила...», что не может не приводить к разным подходам в подготовке документальных публикаций. Конечно, это не единственная и даже не главная причина подобного разнообразия. Все же представляется целесообразным в рамках одной археографической культуры придерживаться более близких подходов, чем те, с которыми приходится сталкиваться на практике сегодня. Есть и другие проблемы публикаторской деятельности архивов, о некоторых из них и пойдет речь в докладе. Оговоримся, что речь пойдет о научных публикациях, к которым предъявляются наиболее серьезные требования.

Одной из начальных проблем для любого публикатора является вопрос *выбора темы* будущей публикации. Как правило, любой федеральный, ведомственный или региональный архив представляет для этого широкие возможности. Конечно, эта проблема не возникает, когда мы имеем дело с серийными изданиями, которые могут осуществляться в течение многих лет. Но и в этом случае архив формирует план публикаторской деятельности, требующий учета целого

ряда факторов. Конечно, на первом плане остается понимание научной и общественной значимости выбираемой темы. В наши дни наметился довольно четкий тренд на приоритет публикаций (так же, как, например, и научных конференций), посвященных общественно значимой юбилейной дате. Достаточно сказать хотя бы о характерном для последнего времени пике интереса к сюжетам, откликающимся на юбилейные даты Великой Отечественной войны. Однако, как представляется, для поддержания своей социальной значимости архив должен иметь и самостоятельный публикаторский план, не сводимый лишь к общественно значимым датам. Определяющее значение при этом имеет обеспеченность архива документами по определенной тематике. В рамках одного архива (что, конечно, проще для публикатора) можно найти материалы по более узким темам. Но в этом случае возникает опасность невостребованности такой публикации в обществе. Темы более широкие представляются в этом плане и более перспективными, но их реализация нередко предполагает необходимость актуализации документов, содержащихся в нескольких архивах, иногда располагающихся в разных регионах. Поэтому возникает потребность установления тесных контактов публикаторов, работающих в разных архивах, так как усилия одного публикатора могут отнять слишком много времени. Тем выше значимость конференций архивистов, подобных нашей. Перспективным направлением являются и межархивные публикаторские проекты. Так, докладчиком совместно с доктором исторических наук Л. Н. Лазаревой подготовлен и в ближайшее время должен увидеть свет сборник документов «Культурная политика в СССР. Часть I. Июнь 1941 — май 1945 г.», осуществленный по матери-

алам двух федеральных архивов — Российского государственного архива литературы и искусства и Российского государственного архива социально-политической истории.

При выборе темы публикации приходится учитывать и направленность будущего сборника. Сборники проблемные, как правило, более востребованы в науке и обществе, но требуют и больших усилий и времени публикаторов. Сборники биографические или предметные, как правило, более просты для реализации, но на этом поле все труднее (учитывая количество предыдущих публикаций) найти фигуру, способную вызвать широкий общественный интерес.

Еще одним приоритетом при выборе темы является возможность поиска издательства, готового взять на себя расходы. К сожалению, не считаться с этим фактором сегодня мы не можем. Поэтому уже на стадии выбора темы будущей публикации приходится задумываться и над этим вопросом.

Еще одна проблема, с которой сталкивается публикатор, это *проблема отбора выявленных документов*. Когда объем публикации задан с самого начала, этот вопрос встает с меньшей остротой, но все равно возникает. Любой публикатор постоянно сталкивается с проблемой, когда количество предварительно выявленных документов существенно превышает предполагаемый или уже установленный объем будущей публикации. Критерии отбора, конечно, известны и закреплены в «Методических рекомендациях...», а также в археографической литературе³. Тем не менее каждая публикация — по-своему уникальное явление, в рамках которого вопрос отбора приходится решать творчески. Перед публикатором постоянно встает проблема выбора: как обеспечить полноту информации по заявленной теме и при этом не оставить за рамками будущего сборника интересные документы, особенно если они объемные. Мы также сталкивались с подобной ситуацией при подготовке сборника о культурной политике СССР периода Великой Отечественной войны, готовящемся сейчас к печати. Особенно это касалось стенограмм различных совещаний, которые весьма объемны и при этом, как правило, очень содержательны. Публикация таких документов в извлечении лишь отчасти решает вопрос, так как любое обсуждение, отраженное в стенограммах, имеет свою логику, нарушение которой сокращением текста снижает информационную (а нередко и эмоциональную) ценность документа. Некоторые публикаторы видят выход в том, чтобы отобрать к публикации минимальное количество документов, каждый из которых представить в наиболее полном виде. При таком подходе, однако, приходится опускать много документов, призванных обеспечить информационную полноту публикации. Есть ли выход?

Представляется, что единого подхода в решении данной проблемы быть не может. Публикатор должен четко понимать цель будущего сбор-

ника, представлять его объем и в любом случае не претендовать на то, чтобы охватить все документы, подходящие для сборника. Другие способы частичного снятия остроты указанной проблемы состоят в том, чтобы часть текстов документов цитировать в комментариях, дать в приложении или в виде регеста.

Стремление ряда публикаторов к новизне готовящегося издания не может, на наш взгляд, быть понято в том смысле, что отбираться для публикации должны лишь ранее не опубликованные документы. Конечно, критерий новизны остается значимым. Но не менее важно при этом раскрытие темы сборника. Поэтому в ряде случаев не только допустима, но и необходима републикация, если без ранее опубликованных документов целостного восприятия темы не получится. Так, при подготовке сборника о культурной политике составители столкнулись с ситуацией, когда несколько основополагающих документов по этой теме уже были опубликованы, однако без их републикации полноту раскрытия темы обеспечить не удастся. Тем более републикация позволяет исправить недочеты предшествующих публикаций, что тоже не является редкостью.

В соответствии с этой установкой авторы-составители будут определяться и с отбором документов по их видам, в ряде случаев пренебрегая определенными видами документов для достижения цели публикации. При этом, однако, следует помнить об особенностях публикации документов определенных видов. Так, при публикации писем предполагается отбор корреспонденции обоих участников переписки⁴.

Немало разночтений вызывают и *способы передачи текста источников* в тех случаях, когда документ характеризуется значительным количеством исправлений. В сборниках встречаются ситуации, когда зачеркнутая авторами (редакторами) документа его часть включается составителями сборника в основной текст документа, сопровождаясь зачеркиванием. Такой способ передачи текста позволяет максимально близко к первоисточнику передать особенности текста, но существенно затрудняет чтение, так как читателю приходится фактически самому различать окончательную редакцию документа и черновые версии. Оппоненты такого способа для передачи зачеркнутой части текста прибегают к текстуальным примечаниям, вынося в них зачеркнутую часть текста. «Методические рекомендации...» на этот счет допускают «незначительные» зачеркивания непосредственно в тексте документа. В остальных случаях рекомендуется выносить зачеркнутый текст в текстуальные примечания. Представляется, что если зачеркивания незначительные, но их много, то и в этом случае удобнее прибегать к текстуальным примечаниям. Включение зачеркиваний в основной текст документа может быть оправдано в отдельных случаях, но с учетом ориентации публикации на читателя вариант вынесения зачеркнутого текста в примечания представляется более удобным.

Есть разночтения и в таком, казалось бы, техническом вопросе, какими знаками обозначать текстуальные примечания. Очевидно, что эти знаки должны отличаться от тех, которыми обозначаются научные комментарии к тексту. Однако в остальном в этом вопросе также отсутствует единство. Представляется, что и в этом случае возможны варианты, но удобство восприятия должно быть приоритетным критерием для выбора символов для примечаний. Это могут быть буквы латинского алфавита, римские цифры и прочие символы. Не очень рациональным представляется обозначение таких примечаний разным количеством символов одного типа (например, звездочек), так как в этом случае при большом количестве примечаний на одной странице сборника читателю приходится заниматься подсчетами, чтобы правильно соотнести символы в примечании с соответствующим символом с тексте. И в этом случае, как представляется, критерий удобства восприятия не должен игнорироваться.

Отдельный вопрос — публикация документа в извлечении. С этой проблемой публикаторам приходится сталкиваться регулярно. Отсутствие пояснений о причинах изъятия фрагментов текста в научной литературе справедливо рассматривается как недостаток⁵. Так как даже в одном документе таких изъятий может быть много, представляется необязательным оговаривать причины каждого из них, если эти причины одинаковы (в этом случае пояснение можно сделать один раз в первом примечании к документу). Когда речь идет, в частности, о стенограммах, составителю приходится выбирать наиболее оптимальный способ передачи основного содержания изымаемого текста — либо кратко в текстуальном примечании, либо более развернуто в комментариях к документу.

Переходя к научным комментариям, назовем существующие здесь трудности. В литературе отмечалось, что в комментариях не всегда идентифицируются упоминаемые в документе лица, не уточняются биографические сведения о них (когда это возможно, конечно), не комментируются исторические события⁶. С необходимостью борьбы с этими недостатками нельзя не согласиться, но и в этом случае остаются вопросы. В частности, какой объем комментария считать оптимальным? Не забудем, что подготовка слишком обстоятельных комментариев сокращает количество и / или объем публикуемых документов. Очевидно, что здесь не может быть единого решения. Один из приемов преодоления этого затруднения видится в том, чтобы не включать (или включать очень сжато) в комментарий информацию широко известную либо не относящуюся к рассматриваемому в сборнике периоду или сюжету. Но и это на первый взгляд простое решение не всегда выглядит очевидным. Так, в своем содержательном исследовании В. В. Гудкова, столкнувшаяся с данной проблемой, справедливо отметила, что на перспективу

трудно предугадать, кого из персоналий подробно комментировать надо, а кого «и так все знают» — например, Троцкого или Игоря Ильинского⁷. Поэтому, конечно, избежать определенного субъективизма при отборе объектов, персоналий и самого материала для комментирования едва ли возможно.

Хочется также затронуть вопрос о научном предисловии как элементе научно-справочного аппарата документальной публикации. В современной публикаторской практике встречаются ситуации, когда предисловия отсутствуют либо носят формальный характер краткого «введения» в публикацию. Хотя в «Методических рекомендациях...» исчерпывающе названы элементы исторической и археографической частей предисловий. Очевидно, что публикации, игнорирующие значительную часть таких элементов, не могут быть в полной мере отнесены к научным. Но и добросовестные публикаторы сталкиваются при написании предисловий с определенными трудностями, вызывающими в их среде дискуссии. Так, нет общего понимания того, с какой степенью полноты должны отражаться в предисловии историография и исторический очерк по теме сборника. Представляется, что в предисловии к сборнику нет необходимости давать развернутый анализ историографии и детальный исторический очерк. Задача предисловия видится прежде всего в том, чтобы дать научное и при этом сжатое изложение основных историографических трендов и важных исторических событий. Для остального есть специальные, в том числе монографические исследования. Иначе объем предисловия вступает в конкуренцию с объемом основной части сборника.

Ряд исследователей, пытаясь органически соединить возможности монографического исследования и документальной публикации, приняли в последние годы усилия по активной инкорпорации документов в научные труды⁸. Такая практика имеет свои преимущества, позволяя в одном издании представить авторскую позицию и документы, ее как правило, иллюстрирующие. Данный способ публикации документов остается даже единственно возможным при небольшом их количестве или объеме, когда на полноценный сборник документов не хватает. Причем тексты документов могут быть как элементом основной части текста, так и выступать в качестве приложений.

Однако, как показывает практика, археографическая культура таких публикаций не всегда является высокой, о чем писал, в частности, О. Н. Наумов⁹. Особенно когда такие публикации рассчитаны на массового читателя. Не везде даются архивные легенды (либо даются не в полном объеме, без указания номеров дел и листов). Могут отсутствовать или даваться с ошибками названия фондов и архивных дел. Не передаются элементы авторской правки текста документа. Отсутствуют текстуальные примечания, комментарии и указатели к докумен-

там. Поскольку только автор решает, в каком виде он представит свою публикацию, преодоление этих недостатков видится в подготовке развернутых рецензий на такие издания с критическим анализом их археографической основы. Возможен и другой, более долгий путь — подготовка републикации таких документов, но уже с соблюдением требований археографии, а также публикация черновых вариантов документов, отражающих процесс их подготовки (последнее особенно важно при публикации документов, имеющих большую общественную значимость).

Рассмотренные в докладе вопросы, конечно, далеко не исчерпывают всего спектра проблем современной археографии и являются результатом размышлений автора и его коллег. Представленные в выступлении пути преодоления имеющихся трудностей могут стать предметом дальнейшего обсуждения археографического сообщества.

Примечания

¹ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

² Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде. М., 2022.

³ См., например: Афиани В. Ю., Комочев Н. А. Археография. Теория, история, методика : учебник. М., 2023. С. 163–168.

⁴ Наумов О. Н. Эпистолярное наследие академика Н. П. Лихачева: введение в изучение / отв. ред. А. Ю. Самарин. М., 2025. С. 26–27.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Гудкова В. В. Театральная секция ГАХН: история идей и людей. 1921–1930. М., 2019. С. 13.

⁸ См. упомянутые выше исследования О. Н. Наумова и В. В. Гудковой, а также: Фокин В. В. На пепелище. Советское послевоенное кино. 1945–1953 гг. : док. и свидетельства. Кн. 1. М., 2024 ; *Он же*. Преодоление. Советское послевоенное кино. 1945–1953 гг. : док. и свидетельства. Кн. 2. М., 2025 ; Огрызко В. В. Лицедейство, страх и некомпетентность: советская модель управления культурой и искусством. М., 2020 ; Всесоюзный Комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. 1941–1945. М., 2025 и др. издания.

⁹ Наумов О. Н. Указ. соч. С. 32–33. Заметим, что монография самого О. Н. Наумова является примером ответственного отношения к публикации документов.

А. В. Маркова

Из опыта работы Государственного архива Ставропольского края по использованию документов личного происхождения в информационной деятельности

Очень важно, чтобы документы, хранящиеся в наших архивах, были востребованы. Именно архивные документы являются основным источником изучения прошлого, свидетелями истории.

В наши дни возрастает роль и значение документов личного происхождения в самых разных исследованиях. Особую важность приобретают они в связи с поисками новых свидетельств для воссоздания локальной истории. Мы ощущаем нехватку письменных источников, отражающих любые события и факты через личностное восприятие конкретных людей, бытовых документов, содержащих информацию о настроении населения, аспектах хозяйственной повседневности и быта людей.

Память человеческая недолговечна, люди уходят, и только из архивных документов можно получить полноценную информацию об интересующей нас эпохе.

Архивистами большое внимание уделяется работе с фондодержателями, так как существует опасность, что они могут изменить свои намерения по передаче документов, а иногда из-за безответственного отношения наследников, которые способны просто выбросить документы, не догадываясь об их исторической ценности. Да и просто из-за укоренившейся нашей привычки освобождаться от старых бумаг — писем, записных книжек, дневников. Между тем это свидетели частной жизни и времени, в котором мы живем. И именно от отношения к личным архивам зависит степень полноты информации, с которой войдет это время в историю.

Поэт Давид Самойлов писал так:

Он пишет, бедный человек,
Свою историю просто,
Без замысла, почти впустую
Он запечатлевает век.

В архивах знают, что контакты с владельцами личных фондов должны быть постоянными. Это очень серьезное направление работы, и только специалист может осмыслить историческую ценность документа.

Одной из наиболее распространенных современных форм ознакомления посетителей с архивными документами является их публикация в экспозициях виртуальных выставок. Вместе с тем это очень сложная и во многих отношениях ответственная форма использования документов. Отбор материалов для выставок должен производиться с соблюдением законодательства Российской Федерации в области авторского права, обеспечения конфиденциальности информации, с учетом ограничений, установленных фондодержателем в договоре при передаче документов на хранение.

Даже если в договоре не содержится ограничений на использование документов, это не освобождает архив от обязанности соблюдения норм законодательства. Иногда такая информация содержится в частной переписке, записных книжках, дневниках.

Так как публикация таких документов в сети Интернет предназначена для неограниченного круга пользователей, мы не сможем осуществить

контроль дальнейшего их использования. В связи с чем на документах Государственного архива Ставропольского края, размещенных в Сети, имеется водяной знак, позволяющий защитить картинку от копирования. Вместе с тем водяной знак позволяет запомнить название сайта. Пользователь, которому понравилась картинка, наверняка сохранит ее к себе на компьютер. При последующих просмотрах картинки название сайта будет постоянно находиться у него перед глазами. Может возникнуть желание посетить этот сайт, ознакомиться с оригиналом документа в читальном зале или посетить презентацию выставки.

Большое количество виртуальных выставок, размещенных на сайте Государственного архива Ставропольского края, содержат сведения из документов личного происхождения.

Например, большой интерес у посетителей сайта вызвала виртуальная выставка, посвященная педагогу-гуманисту, просветителю Кавказа, писателю, общественному деятелю, талантливому журналисту Януарию Михайловичу Неверову¹. На выставке — документы, отражающие педагогическую деятельность Неверова, директора Ставропольской 1-й мужской гимназии, директора народных училищ Ставропольской губернии, попечителя Кавказского учебного округа. В числе экспонатов знаменитое прощальное письмо Я. М. Неверова директорам учебных заведений Кавказского учебного округа по случаю оставления им должности попечителя 25 октября 1878 г.², письмо попечителя Кавказского учебного округа директору Ставропольской мужской гимназии о завещанных Я. М. Неверовым 3000 руб. серебром в пользу ученического фонда его имени от 8 октября 1893 г.³

Гуманистические идеи Я. М. Неверова актуальны и сегодня, поскольку основаны на вечных ценностях: добре, справедливости, уважении к личности ребенка и преподавателя.

Документы о жизни и деятельности Якова Васильевича Абрамова (1858–1906), уроженца Ставрополя, блестящего публициста, писателя-социолога, общественного деятеля, одного из «властителей русского сознания», представлены еще на одной виртуальной выставке. В Государственном архиве Ставропольского края хранятся подлинные документы, связанные с биографией и общественной деятельностью Я. В. Абрамова.

В предлагаемой подборке прежде всего следует назвать выписки о рождении 22 октября 1858 г. и смерти 18 сентября 1906 г. Я. В. Абрамова из метрических книг Казанского собора и Софиевской церкви Ставрополя⁴. Найдены также материалы об обучении и успеваемости Якова Абрамова в Ставропольской классической гимназии и Кавказской духовной семинарии в 1868–1877 гг.⁵

Особый интерес представляет «Отношение департамента полиции начальнику Терской области об установлении наблюдения за деятельностью „Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе“» от 6 ноября 1901 г., которое дает представление о круге лиц, с которыми общался Я. В. Абрамов, его политических взглядах:

...Как в литературной, так и в общественной деятельности в качестве гласного городской думы и члена «Общества для содействия распространению народного образования» Абрамов проявляет крайне нежелательное направление, становясь в оппозицию начинаниям местных властей и действуя в угоду лицам, принадлежащим к «либеральной» партии⁶.

Еще более интересен в подлиннике список лиц, сомнительных в политической благонадежности, проживавших в Ставропольской губернии, за 17 декабря 1905 г. В списке имеется словесный портрет Я. В. Абрамова:

...Рост выше среднего, носит маленькую бороду, усы, цвет волос на голове, усах и бороде темно-русый с проседью, походка порывистая, сутуловат, нос прямой продолговатый, лицо худое продолговатое, глаза прищуривает, всегда задумчив, при разговоре усмехается, голос тонкий⁷.

Общественная деятельность Я. В. Абрамова в Ставрополе прослеживается по журналам заседаний Ставропольской городской думы, гласным которой он был с 1895 по 1906 г. На заседании от 13 января Я. В. Абрамов выступил с докладом о наделении земель мещан-земледельцев, в котором с присущей ему горячностью и в то же время аргументированно отстаивает интересы простого народа⁸.

Это было последнее выступление Якова Васильевича в думе. Двадцать третьего марта 1906 г. Он сложил с себя обязанности гласного⁹.

Огромный интерес посетителей вызвала виртуальная выставка, посвященная лауреату премии Семена Бабаевского, члену Союза писателей СССР Сергею Павловичу Бойко. Он родился в Казахстане, в 1934 г. его семья переехала в Ставрополь, с которым была связана вся дальнейшая жизнь писателя. Свои первые «романы» он стал создавать в десять лет.

В числе документов, переданных в архив Сергеем Павловичем, его личные дневники, охватывающие период 1942–1957 гг. Среди них трогательные послания матери:

...Мамулька, славная теперь я разговариваю с тобой на бумаге и то становится много легче... а дома... я мало с тобой был вместе. Я уходил гулять, и ты отпускала меня... славная, любимая и единственная! Неужели ты меня не слышишь? Конечно, слышишь. Не слышать ты не можешь. Ведь тогда, маленьким, ты по глазкам узнавала настроение. Ты слышала меня даже когда была далеко. Слышишь и сейчас. Так ответь мне, если я крикну: Мамочка! Извини меня за те горести, что я принес тебе в жизни, извини, только здесь я настоящему понял их. Извини меня, моя хорошая¹⁰.

На страницах дневников Сергей Павлович делится впечатлениями о прожитых днях:

Как быстро летел наш серый катер по самой середине реки, оставляя за собой снежно-белый, пеня-

щийся след, а с катера, подхватываемая сильным ветром, на весь Дон неслась старинная русская песня «Из-за острова на стрежень». Разве я думал, что река такая широкая и бывают такие мгновения, что хочется их вернуть, хочется, чтобы они продолжались вечно... какой я счастливый.

Дневники являются свидетелями становления творческой личности писателя Бойко.

Главной темой творчества Сергея Павловича было исследование и изучение мира сказки, загадок истории. Ни на один день он не мог расстаться со своими любимыми литературными героями и великими сказочниками. А иначе, наверное, и не могло быть, ведь его дед Иона Туренский — историк, автор монографий по истории церкви, а родная тетя Валентина Туренская — известная ставропольская писательница¹¹. В дальнейшем, работая преподавателем на кафедре истории в Ставропольском сельхозинституте, Бойко начинает издавать серию научно-популярных книг: «Загадки древних страниц» (об истории письменности)¹², «Первобытные архимеды» (об истории вещей)¹³, «Что за прелесть эти сказки» (о русских народных сказках)¹⁴, «У истоков великих открытий» (о культуре первобытного общества)¹⁵ и др.

Преподаватели учебных заведений города часто обращаются к архивистам для проведения по документам архива открытых уроков. В настоящее время по виртуальной выставке, посвященной Сергею Павловичу Бойко, готовится урок для учеников младших классов о биографиях сказочных героев «Тайные сказки или чудесные зонтики Оле Лукойе»¹⁶.

Виртуальные выставки, посвященные определенной теме, благодаря расширенным возможностям публикации архивных документов представляют большой интерес. Одна из таких выставок — «Пусть историю страстей и дел моих хранят далекие потомки» — посвящена М. Ю. Лермонтову¹⁷.

Большая часть документов, представленных на выставке, — личного фонда лермонтоведа Елизаветы Ивановны Яковкиной. Литературной работой Елизавета Ивановна начала заниматься после окончания гимназии. С 1904 по 1918 г. она сотрудничала в газетах демократического направления: «Отклики Кавказа» (Армавир), «Казбек», «Терек» (Владикавказ), «Пятигорский листок», «Пятигорское эхо» (Пятигорск), «Русское слово» (Москва). С 1937 по 1951 г. была директором мемориального музея «Домик Лермонтова».

В период оккупации Пятигорска немецкими войсками (август 1942 — январь 1943) Е. И. Яковкина оставалась при музее, считая своей обязанностью сохранить доверенные ценности. С помощью коллектива сотрудников удалось сохранить большую часть экспонатов «Домика Лермонтова».

На выставке экспонируется документ о создании штаба спасения «Домика Лермонтова» и плана, в котором были предусмотрены следующие мероприятия:

— снять вывеску над воротами, гласящую о том, что в усадьбе находится музей;

— заселить сотрудниками домик, кроме кабинета Лермонтова;

— «нагромождать» в кабинете старую мебель, пустые ящики, придать ему вид старой кладовой. Особенно тщательно замаскировать письменный стол и кресло поэта;

— надежно спрятать наиболее ценные экспонаты меньших размеров: рисунки, утварь и т. д.;

— установить во дворе музея круглосуточное дежурство¹⁸.

За время руководства Е. И. Яковкиной музей стал одним из культурных центров Пятигорска, пополнился уникальными экспонатами и собраниями научной библиотеки. Некоторые документы представлены на выставке, среди них особенно интересны фрагменты из рукописи повести Елизаветы Ивановны «Как это было», в которой по документальным источникам восстановлены события последних дней жизни поэта. На сайте архива дополнительно опубликована подборка документов из фонда Яковкиной, приуроченная к годовщине гибели Лермонтова и ранее не включенная в экспозицию виртуальной выставки¹⁹. Судя по откликам посетителей, документы вызвали большой интерес.

Особого внимания заслуживает виртуальная выставка о деятельности Героя Советского Союза, почетного гражданина Ставрополя капитана 1-го ранга Ивана Алексеевича Бурмистрова, личный фонд которого хранится в госархиве²⁰. За время службы в рядах Военно-морского флота он прошел путь от рядового матроса до командира соединения, стал первым Героем Советского Союза в Военно-морском флоте страны. Однако будущий капитан ранее прославился как борец с анархией в годы Гражданской войны.

В канун Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. И. А. Бурмистров был назначен командиром отдельного дивизиона строящихся и ремонтирующихся лодок в г. Николаеве. Бурмистровым без потерь был выполнен приказ о переводе лодок в Севастополь. Позже вместе со сводным батальоном моряков и пехотинцев он прорвался в Ялту. И. А. Бурмистровым, как старшим по званию офицером, была организована эвакуация населения и грузов на судах из Феодосии, Ялты, Севастополя. После этого он был назначен старшим морским начальником прифронтового Геленджика.

После войны, в 1946 г., он стал преподавателем кафедры тактики флота в военно-морском училище им. М. В. Фрунзе в Ленинграде. В 1950 г. по состоянию здоровья капитан 1-го ранга Бурмистров вышел в отставку и возвратился в родной Ставрополь, где работал в должности директора кожевенного завода им. Трунова. Был депутатом городского Совета, научным сотрудником краеведческого музея. Иван Алексеевич Бурмистров награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

Из архивных документов узнаем, что в годы Великой Отечественной войны соединение подводных лодок, которым командовал Бурмистров, героически сражалось за Севастополь, Одессу, Крым.

Материалы личных фондов также востребованы при реализации телевизионных проектов. Совместно с телекомпанией «СТВ» («Свое ТВ. Ставропольский край») реализован общественно-познавательный проект «Связь времен». Это цикл телепередач, рассказывающих об истории города и края, о людях и событиях, повлиявших на развитие региона, позволяющих ставропольскому зрителю познакомиться с архивными реликвиями, уникальными фото- и видеодокументами.

Располагая богатым историко-документальным наследием, специалисты Государственного архива Ставропольского края стремятся познакомиться с ним всех, кто интересуется историей своего края.

Убеждены, что работа архива в области использования документов личного происхождения дает свои результаты: школьники, студенты, ученые, краеведы, преподаватели учебных заведений ждут от нас, архивистов, новые документальные проекты. Благодаря развитию информационной деятельности архива заниматься исследовательской работой можно, не ограничивая себя временными и географическими рамками.

Примечания

- ¹ Неверов Я. М. — педагог-гуманист // Государственный архив Ставропольского края : сайт. URL: <https://stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/neverov.html> (дата обращения: 30.06.2026).
- ² Государственный архив Ставропольского края. Ф. 73. Оп. 1. Д. 139. Л. 36–37.
- ³ Там же. Д. 923. Л. 21–21 об.
- ⁴ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1818. Л. 91–91 об. ; Ф. 135. Оп. 78. Д. 1465. Л. 147 об. — 148.
- ⁵ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 24. Л. 32–32 об. ; Ф. 91. Оп. 1. Д. 1818. Л. 90, 92, 94 ; Д. 1830. Л. 3–4 об. ; Д. 1851. Л. 3, 6 об., 16.
- ⁶ Там же. Ф. 101. Оп. 5. Д. 285. Л. 15–17.
- ⁷ Там же. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 57. Л. 60.
- ⁸ Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8695. Л. 23–26.
- ⁹ Там же. Оп. 1. Д. 8695. Л. 227.
- ¹⁰ Там же. Ф. Р-6139. Оп. 1. Д. 86. Л. 190–190 об.
- ¹¹ Там же. Д. 39. Л. 99.
- ¹² Там же. Д. 12.
- ¹³ Там же. Д. 6.
- ¹⁴ Там же. Д. 53.
- ¹⁵ Там же. Д. 20.
- ¹⁶ Там же. Д. 7.
- ¹⁷ «Пускай историю страстей и дел моих хранят далекие потомки» — 170 лет со дня гибели М. Ю. Лермонтова // Государственный архив Ставропольского края ... URL: <https://stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/puskaj-istoriyu-strastej-i-del-moikh-khranyat-dalekie-potomki-170-let-so-dnya-gibeli-m-yu-lermontova.html> (дата обращения: 30.06.2026).
- ¹⁸ Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 26. Л. 17.
- ¹⁹ Выставка «Под небом Юга: М. Ю. Лермонтов на Ставрополье в архивных реликвиях». URL: <https://stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/vystavka-pod-nebom-yuga-m-yu-lermontov-na-stavropole-v-arkhivnykh-relikviyakh.html>
- ²⁰ Виртуальная историко-документальная выставка «Лица Победы» // Государственный архив Ставропольского края ... URL: <https://stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/virtualnaya-istoriko-dokumentalnaya-vystavka-litsa-pobedy/> (дата обращения: 30.06.2026).

Н. В. Колышницyna

Составление родословной: пути поиска информации (на примере фондов Государственного архива Республики Крым)

В последние годы увеличился интерес наших сограждан к поиску своих родовых корней, к составлению родословных и сохранению памяти о предках. Большую помощь в этом деле могут оказать и оказывают архивы. Однако, берясь за эту сложную и кропотливую работу, многие забывают простую истину: для любого дела необходима предварительная подготовка. Граждане, обращаясь в архивы, зачастую очень плохо представляют себе возможности архивного поиска. Поэтому сегодня нам представляется важным обратить внимание исследователей на все нюансы этого процесса на примере документов Государственного архива Республики Крым (ГАРК).

Государственный архив Республики Крым был создан в непростое время — в период Гражданской войны. Его открытие состоялось 13 июня 1919 г. Инициатором создания архива выступил профессор Таврического университета Б. Д. Греков¹. Одними из первых в архив поступили документы Таврического губернского дворянского депутатского собрания и Симферопольского уездного полицейского управления². После окончательного установления в Крыму советской власти в ноябре 1920 г. начался сбор документов

ликвидированных дореволюционных учреждений. В виду ограниченности свободных площадей в здании Таврического губернского правления, куда должны были свозиться документы, их значительные массивы оставались на местах своего прежнего хранения³. К апрелю 1941 г. — к моменту образования Центрального государственного архива Крымской АССР с делением на отделы: дореволюционных фондов, фондов Октябрьской революции и социалистического строительства, научно-справочной литературы с читальным залом — в нем было сосредоточено 1383 фонда, объединяющих 563 522 ед. хр.⁴ Однако за период немецко-румынской оккупации полуострова во время Великой Отечественной войны был утрачен 21 фонд, включающий 18 978 ед. хр. досоветского периода, и 807 фондов, 177 418 ед. хр. Советского периода⁵.

Сегодня в архиве хранятся документальные материалы со времени присоединения Крыма к России (1783) и до наших дней. Более ранние документы, датируемые XVI в., содержатся в фондах Комиссии, учрежденной для разбора споров по землям и для определения повинностей на Крымском полуострове (Ф. 24) и Таври-

ческого губернского дворянского депутатского собрания (Ф. 49). Они представляют собой ярлыки крымских ханов и ферманы турецких султанов, подтверждавшие имущественные и сословные права крымско-татарской аристократии.

На основании документов, хранящихся ныне в ГАРК, возможно восстановление как отдельных фактов биографий, так и истории целых семей. При этом мы можем выделить несколько групп документов, позволяющих производить поиск: документы церковного делопроизводства, сословных учреждений, различных организаций и промышленных предприятий.

В дореволюционной России отделов ЗАГС не существовало. Поскольку проведением всех обрядов занималась церковь, то и исполнение государственных законов о гражданском состоянии возлагалось именно на церковные учреждения соответствующих конфессий. В документах архивного фонда «Коллекция метрических книг соборов, церквей, синагог и мечетей Таврической губернии» (Ф. 142) представлены метрические книги православных, евангелическо-лютеранских и римско-католических церквей, еврейских синагог, мусульманских мечетей. Все они, к сожалению, имеют большие хронологические лакуны.

Метрические книги — это церковные книги для хронологических записей рождений, браков, смертей, которые велись по установленной форме. Повсеместное их ведение началось в 1722 г. Приходские метрические книги для лиц православного исповедания содержались священнослужителями каждого православного храма. Первые их формы были утверждены 20 февраля 1724 г., а с 1838 г. Ввели новые, которые и использовались до 1917 г. В архиве на хранении имеются метрические книги православных приходов Таврической губернии со второй половины 1790-х гг. Следует, однако, заметить, что, за исключением метрических книг церкви святых равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены (полковой) г. Симферополя, все они принадлежат церквям северных уездов губернии — Бердянскому, Днепровскому и Мелитопольскому. Начиная с начала XIX в. В ГАРК находятся только метрики церквей, синагог и мечетей Крымского полуострова. Книги северных уездов хранятся в фондах государственных архивов Запорожской и Херсонской областей.

Особо следует отметить тот факт, что метрические книги евангелическо-лютеранских, армяно-католических и армяно-григорианских церквей имеются на хранении в ГАРК с очень большими лакунами. Церковные экземпляры метрических книг этих конфессий за редким исключением (Керченско-Феодосийская община, с. Цюрихталь и Менгермен) не сохранились. Консисторские экземпляры армяно-католических и армяно-григорианских церквей направлялись в Ереван и должны находиться на хранении в Национальном архиве Армении. Евангелическо-лютеранские церкви Таврической губернии вхо-

дили в состав Могилевского консисториального округа и передавались в Могилев, однако сведений о них в архивах Республики Беларусь не имеется. Римско-католические костелы Таврической губернии входили в состав Санкт-Петербургского деканата римско-католических церквей, однако в составе архивных фондов РГИА и ЦГИА СПб их не выявлено. Часть евангелическо-лютеранских книг была вывезена в годы оккупации полуострова в Германию и по сей день находится на хранении в германских архивах.

Ситуация с метрическими книгами мечетей осложняется не только их плохой сохранностью, но и тем, что имеющиеся на хранении в госархиве метрические книги составлены на старокрымско-татарском языке арабской вязью и не имеют перевода на русский язык. Это замечание справедливо и для караимских кенасс, метрики которых написаны на караимском языке.

Следует также отметить, что в архивном фонде «Коллекция метрических книг церквей, синагог и мечетей Таврической губернии» находятся их консисторские экземпляры. В архивных фондах отдельных церквей губернии сохранились приходские экземпляры метрик. Отдельно следует упомянуть в этой связи о приходских экземплярах метрических книг церквей Феодосии за 1884–1920 гг., которые на сегодняшний день находятся на хранении не в ГАРК, а в Феодосийском музее древностей (ФМД). Эти книги отличаются от консисторских экземпляров значительной информативностью, поскольку содержат более поздние пометы церковнослужителей об усыновлении подкидышей, расторжении браков по решению Святейшего синода или о смерти в детском возрасте⁶. Кроме того, в этих книгах имеется значительное количество помет, сделанных сотрудниками отделов ЗАГС в период с 1921 по 1970-е гг. О перемене фамилий, усыновлении, вступлении в брак, расторжении брака, смерти. Эти пометы сами по себе являются ценным историческим источником, позволяющим проследить жизненный путь отдельных лиц.

Помимо этого, в документах архива хранятся также исповедные росписи и клировые ведомости православных церквей. Исповедные росписи — это ведомости, куда вносились сведения об исполнении прихожанами христианского долга исповеди и причащения Святых Христианских Тайн. Эти ведомости представляют собой полный именной список всех православных семейств прихода с указанием каждого лица. Форма их сложилась к 1737 г. Она включала в себя: порядковый номер домов или дворов; число в них людей (отдельно мужчин и женщин). Если семья была полной, фамилия чаще всего записывалась один раз для всех членов семьи, для супругов указывалось имя и отчество, для детей — только имя. Если один из супругов уже умер, то для второго указывалось вдовство. В архиве имеются исповедные росписи до 1860-х гг., более поздние не сохранились.

Клировые ведомости — ежегодные ведомости о составе церковного клира (священников,

дьяконах, церковнослужителей и др.) со сведениями о церкви и количестве прихожан. В первой части давалось описание церковного здания и церковного имущества, во второй — послужные списки священников и церковнослужителей с указанием состава их семей.

После установления на полуострове советской власти дело демографического учета населения было передано в ведение отделов ЗАГС исполнительных комитетов городских, районных, поселковых и сельских советов Крымской АССР. Сегодня они составляют «Коллекцию книг записей актов гражданского состояния по Крымской АССР» (Ф. Р-5043). Записи в них довольно коротки, в них указаны имена родившихся, имена и отчества родителей, их место жительства, дата рождения и дата регистрации рождения.

Большую роль в изучении истории семьи играют документы сословных учреждений: дворянского депутатского собрания, дворянских опеков, ремесленной и мещанской управ. Наиболее полная информация содержится в делах о причислении к дворянству, дворянских книгах и алфавитах к ним⁷. Здесь имеются формулярные (послужные) списки причисляемых к дворянству, сведения о членах семьи, метрические свидетельства (выписи из метрических книг) о рождении, браках и смерти членов семьи. Также в некоторых случаях имеются описание и рисунки дворянских гербов. Здесь также сохранились документы со сведениями о потомственных дворянах, занесенных в родословные книги, биографии уездных предводителей и депутатов дворянства, ханские ярлыки и турецкие ферманы, пожалованные крымскотатарским мурзам⁸. В фондах Симферопольской (Ф. 53) и Ялтинской (Ф. 249) дворянских опеков находятся дела об учреждении опеки и назначении опекунов над личностью и имуществом дворян⁹.

В документах Карасубазарской (Ф. 177), Керчь-Еникальской (Ф. 784), Симферопольской (Ф. 54), Феодосийской (Ф. 178) и Ялтинской (Ф. 620) мещанских управ содержатся сведения о приписке разных лиц к мещанскому обществу, ревизские сказки и алфавитные списки мещан, сведения о сборах податей и выполнении общественных повинностей¹⁰. К этой же группе следует причислить и документы фонда бахчисарайского мещанского старосты (Ф. 55). В их числе — дела о причислении к мещанскому сословию, виды на жительство, сведения об отбытии воинской повинности и об усыновлении детей. Имеются в указанном фонде и посемейные списки мещан.

В архивных фондах Керчь-Еникальской (Ф. 168) и Симферопольской (Ф. 59) ремесленных управ содержатся дела о причислении разных лиц к ремесленным цехам и исключении из ремесленного сословия, списки ремесленников, жалобы мастеров и подмастерьев на притеснения и побои¹¹.

Ценным источником генеалогических сведений о лицах податных сословий являются ревиз-

ские сказки — именные списки податного населения Российской империи XVIII — середины XIX в., охваченного ревизиями (переписями). Они составлялись помещиками или их управляющими в вотчинах, в селениях государственных крестьян — старостами, в городах — представителями городского управления. В ревизские сказки включались все жители селения с указанием возраста и семейного положения. Они содержали сведения не только о численности населения, но и о его географическом размещении, сословном и национальном составе. Сохранились эти ревизские сказки крайне плохо. В ГАРК они имеются в нескольких архивных фондах. Большая их часть сосредоточена в описях 2, 5 и 8 архивного фонда Таврической губернской казенной палаты (Ф. 68). Ревизские сказки 7-й ревизии по Перекопскому уезду сохранились в фонде Таврического губернского правления (Ф. 27), 5-й ревизии по Феодосийскому уезду — в фонде Феодосийской уездной нижней расправы (Ф. 6), 9-й ревизии по г. Симферополю — в фонде Симферопольской городской думы (Ф. 183). Также отдельные ревизские сказки по разным ревизиям встречаются в архивных фондах Бахчисарайской городской думы (Ф. 489) и Таврического областного правления (Ф. 799).

В фондах различных средних и высших учебных заведений, учреждений, промышленных предприятий также имеется информация генеалогического характера. Среди документов средних учебных заведений личных дел учащихся практически нет, поскольку правила делопроизводства не требовали их обязательного ведения. По большей части сведения об учащихся имеются в делах о поступлении, в которых содержатся прошения о зачислении детей в учебное заведение, свидетельства о принадлежности к определенному сословию и выписи из метрических книг. Кроме того, в фондах гимназий и реальных училищ есть книги приема учащихся, в которых указывались фамилия, имя, место рождения, дата рождения и сословие; копии аттестатов с указанием сословной принадлежности; метрические свидетельства учащихся. В архивном фонде Дирекции народных училищ Таврической губернии сохранились личные дела преподавателей, где часто встречаются их формулярные списки, в которых обязательно указывались: имя, отчество, фамилия, возраст, сословная принадлежность, образование, движение по службе, состав семьи, награды, отпуска¹². Следует отметить, что документы указанного фонда содержат сведения по всем учебным заведениям губернии, в том числе по северным уездам — Бердянскому, Днепровскому и Мелитопольскому.

В архивных фондах учебных заведений советского периода также имеются личные дела. В первую очередь это относится к профессорско-преподавательскому составу высших и средних специальных учебных заведений Крымской АССР. Личных дел учащихся ощутимо меньше, чаще мы имеем дело со списками учащихся.

Большой информативностью в этом отношении отличается также и фонд Наркомата просвещения Крымской АССР (Ф. Р-20). Схожая картина характеризует фонды лечебных учреждений и Наркомата здравоохранения Крымской АССР (Ф. Р-26).

В архивных фондах промышленных предприятий дореволюционного времени личные карточки рабочих и служащих не выявлены. На ряде предприятий советского времени имеются документы по личному составу (например, на консервном заводе «Серп и молот», Ф. Р-2482), но чаще всего здесь имеются только книги личных счетов рабочих и служащих.

Документы по личному составу сохранились в ряде фондов учреждений науки советского периода. В частности, речь идет о фондах Крымского научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии (Ф. Р-1817), Ялтинского клинического туберкулезного института (Ф. Р-3887) и Крымского областного научно-исследовательского института защиты растений (Ф. Р-2457). Большой пласт документов по личному составу отложился в документах архивных фондов учреждений культуры, государственного и партийного руководства Крымской АССР.

Говоря о возможностях генеалогического поиска по архивным документам, нельзя не упомянуть и о фондах личного происхождения. В них в большом количестве содержатся метрические свидетельства, формулярные списки о службе, аттестаты об окончании учебных заведений, автобиографии, свидетельства о присвоении званий, грамоты и многое другое. В Государственном архиве Республики Крым находятся на хранении 16 личных и 14 фамильных фондов дореволюционного периода, 48 личных, 4 семейных фонда и 3 коллекции документов личного происхождения советского периода.

Важное значение при восстановлении родословных также играют материалы следующих архивных коллекций: «Коллекции документов участников Великой Отечественной войны» (Ф. Р-4689), «Коллекции документов участников профсоюзного движения в Крыму» (Ф. Р-4731), «Коллекции личных документов граждан, выехавших на постоянное место жительства за границу» (Ф. Р-2838), «Коллекции дел репрессированных граждан» (Ф. Р-4808) и «Коллекции домовых книг домоуправлений жилищных отделов исполнительных комитетов городских советов» (Ф. Р-3074, Р-2834, Р-2518).

Ежегодно в архиве возрастает количество запросов от граждан, носящих генеалогический характер. Однако при обращении в архив следует помнить: чем больше данных для первоначального поиска будет указано, тем больше шансов получить полноценную информацию. Хотелось бы, чтобы исследователи помнили, что помимо архивов существуют библиотеки с огромным количеством справочных изданий: «Вся Россия», «Российский медицинский список», адрес-календари, ведомственные справочники о службе, па-

мятные книжки учебных заведений и различных обществ и т. п., с которых, собственно, и следует начинать поиски. При соблюдении этого условия сотрудники архива, как правило, всегда могут оказать помощь в поисках данных генеалогического характера (конечно, если документы организаций сохранились, о чем уже было сказано выше). Например, при работе по запросу следующего содержания: «Прошу предоставить архивные сведения о моем деде Иванове Иване Ивановиче, 1855 г. р., который, согласно “Адрес-календарю служащим в Таврической губернии” на 1903 г. значится как член Симферопольского окружного суда, действительный статский советник, и о его брате Иванове Петре Ивановиче, согласно Российскому медицинскому списку на 1907 г., — младший врач 194-го пехотного полка». В результате работы над этим запросом удалось выявить документы не только об указанных лицах, но и об их отце (его формулярный список находился в деле о присоединении к дворянскому роду Ивановых), сведения об учебе и службе Ивана Иванова в фонде Таврического дворянского депутатского собрания, а также сведения об их братьях (благодаря формулярному списку отца).

Однако больше всего встречается запросов, которые архив не может исполнить. Например, многие из них приходят не по адресу, когда запрашиваются данные о службе в других регионах страны, даже часто о рождении и проживании в других губерниях: недавно поступил запрос о человеке, родившемся в середине XIX в. и служившем в Южно-Уссурийском крае, без указания каких-либо данных о нем, связанных с Крымом. Такой запрос архив просто не в состоянии исполнить, поскольку, как уже упоминалось, Государственный архив Республики Крым хранит документы по истории Таврической губернии.

Также, обращаясь в архив, следует указывать основные вехи в биографии человека, связанные с его жизнью и деятельностью в Крыму: год и место его рождения, место учебы, работы, адрес проживания и т. п. Очень много поступает запросов такого содержания: «Прошу помочь в поиске моего предка Петра Сидоровича Завьялова, который родился в Таврической губернии в 18... году». Однако к 1917 г. насчитывалось порядка 300 только православных храмов, не считая других конфессий. Поэтому без указания названия и местонахождения церкви либо адреса проживания родителей на момент рождения ребенка такой запрос исполнить невозможно. Кроме того, в запросе о рождении обязательно должны быть указаны: дата рождения (как минимум год), фамилия, имена и отчества родителей (в противном случае бывает невозможно выделить разыскиваемого человека среди его однофамильцев, а кроме того, было много людей, не имеющих фамилии). По этим же причинам для поиска сведений о браке необходимо указывать фамилии, имена и отчества жениха и невесты и обязательно церковь, где происходил обряд бракосочетания. Для

поиска сведений о рождении женщин необходимо указать их девичью фамилию. Соответственно запрос такого характера — «Моя прабабушка Иванова Мария Ивановна, 1875 г. р., проживала в Симферополе на берегу Салгира. Хочу узнать ее метрические данные, вступление в брак, если таковой был, и тогда сведения о прадедушке. Интересны любые подробности, связанные с ее именем: с кем проживала? в качестве кого? кто родители?» — архив исполнить просто не может.

В заключение хотелось бы заметить, что большинству наших соотечественников чаще всего не хватает элементарных знаний, люди не представляют себе тех исторических реалий, плохо ориентируется в материале, обладают минимумом информации, который не дает возможности провести полный поиск документов. Кроме того, та информация, на которую опираются наши заявители, часто оказывается недостоверной, где-то на уровне семейных преданий, кото-

рые не только не помогают, а чаще всего затрудняют работу. Поэтому для более эффективного исполнения запросов и обслуживания пользователей в читальном зале им необходимо провести и большую самостоятельную работу: ознакомиться с литературой и собрать как можно больше биографических данных о разыскиваемых ими лицах.

Примечания

¹ ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 25. Л. 12 об.

² Вернадский Г. В. Тавельский архив В. С. Попова // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 104.

³ ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 116. Л. 41–42 об.

⁴ Там же. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 218. Л. 1, 11.

⁵ Там же. Д. 241. Л. 3, 5.

⁶ ФМД. К. П. 49570. В-4650.

⁷ ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 4557, 5839, 6597.

⁸ Там же. Д. 13, 389.

⁹ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 237, 263.

¹⁰ Там же. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1.

¹¹ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 20, 2332.

¹² Там же. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1932.

О. В. Никитина

Комплектование городского архива: работа с источниками комплектования

Перед Волгоградским городским архивом стоят три основные задачи: комплектование архива, обеспечение сохранности документов и их использование. Все они очень важны, но вопросы комплектования имеют особое значение. Именно от того, насколько полно и качественно отберем документы, будет зависеть то, какими увидят нас потомки. Поэтому основное назначение городского архива — качественное комплектование и обеспечение сохранности Архивного фонда Волгоградской области на территории Волгограда.

В соответствии с положениями Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (ст. 20, п. 2) Архивный фонд Российской Федерации пополняется документами, образующимися в процессе деятельности организаций разных сфер деятельности и форм собственности. Государственные органы, органы местного самоуправления, организации и граждане, в процессе деятельности которых образуются документы Архивного фонда Российской Федерации и другие архивные документы, подлежащие приему на хранение в государственные и муниципальные архивы, выступают источниками комплектования государственных, муниципальных архивов¹.

С органами местного самоуправления, муниципальными организациями, предприятиями, ведущими свою деятельность в городском округе Волгограда, работа в области архивного дела начала проводится с 2010 г. Для этого в структуре администрации Волгограда был создан архивный отдел. Это позволило приступить к работе с муниципальными организациями. Но в 2013 г. В соответствии с Постановлением администрации Волгограда от 15 ноября 2013 г. № 1870 «О проведении организационно-штатных меро-

приятий» произошло упразднение архивного отдела администрации Волгограда с передачей функций муниципальному казенному учреждению «Волгоградский городской архив»².

С 2014 г. В Волгоградском городском архиве была начата работа по комплектованию архивного фонда документами, которые отражают развитие Волгограда на современном этапе. В структуре архива был создан отдел по работе с источниками комплектования. Разработан список организаций — источников комплектования, в который включены представительные и исполнительные органы местного самоуправления: Администрация г. Волгограда, ее отраслевые и территориальные подразделения: Волгоградская городская дума, Контрольно-счетная палата Волгограда, муниципальные учреждения и др.³

На сегодняшний день в списке значится 30 организаций, из них органов местного самоуправления — 23, муниципальных учреждений и предприятий — 7. Полная форма приема документов определена для всех организаций в списке. Все организации — источники комплектования имеют номенклатуры дел, положения об экспертной комиссии, положения об архиве, инструкции по делопроизводству. Список каждые пять лет в обязательном порядке согласовывается с экспертно-проверочной комиссией Комитета культуры Волгоградской области.

Проблемой формирования архивного фонда является расширение списка источников комплектования. Уточнение количества организаций, обследование источников комплектования для включения или исключения из списка проводятся регулярно. В процессе этой работы мы сталкиваемся с проблемой сокращения количества организаций — источников комплектова-

ния. Связана она с ликвидацией и реорганизацией организаций.

Работа с организациями — источниками комплектования строится на основании годового плана работы архива, годовых показателей основных направлений и результатов деятельности. Планирование осуществляется по следующим показателям: количество номенклатур дел, утверждение описей дел управленческой документации (количество организаций и количество единиц хранения), согласование описей дел по личному составу (количество организаций и количество единиц хранения). В плане четко определены сроки представления документов на согласование, сроки передачи на государственное хранение, количество дел, включенных в состав Архивного фонда РФ.

Вопрос комплектования напрямую связан с наличием в организациях — источниках комплектования штатных сотрудников ведомственных архивов. В организациях нет выделенного лица, занимающегося только архивом. Как правило, функции архивиста возлагаются на работников, занимающих другие должности. Регулярно выделять время на архивную работу нет возможности. Очень часто при смене ответственных сотрудников не составляются акты приема-передачи документов.

Муниципальный архив комплектуется документами организаций — источников комплектования в упорядоченном состоянии. В соответствии с ч. 2 ст. 23 Федерального закона № 125-ФЗ все работы, связанные с отбором, подготовкой и передачей документов на постоянное хранение, в том числе с их упорядочением и транспортировкой, подлежат выполнению за счет организации, передающих документы⁴. В последнее время организации испытывают финансовые трудности. Своими силами упорядочение документов организации провести не могут из-за отсутствия специалистов. В связи с отсутствием средств привлечь стороннюю организацию к этой работе нет возможности.

В помощь сотрудникам организаций — источников комплектования, ответственным за делопроизводство и архив, специалисты городского архива оказывают безвозмездную консультативно-методическую помощь по совершенствованию делопроизводства и работы архива организации по определенным направлениям: разработка номенклатуры дел, положение об экспертной комиссии, архиве, упорядочение архивных документов и т. д. Оказание консультативно-методической помощи проводится как на рабочих местах, так и с выходом в организации. Кураторы знакомят работников организаций с нормативными документами в сфере архивного дела и делопроизводства.

Ежегодно после проведения паспортизации направляются письма в источники комплектования об упорядочении документов постоянного хранения и по личному составу.

С целью повышения квалификации и приобретения знаний в вопросах организации делопроиз-

водства и архивного дела проводятся семинары для ответственных лиц. Рассматриваются вопросы, касающиеся работы с документами, организации деятельности архивов, отрабатываются практические навыки по упорядочению документов.

Результатом оказания помощи работникам является пополнение архива документами. Ежегодно проводят упорядочение документов постоянного хранения и по личному составу 30 организаций, на государственное хранение поступает около 3500 дел. По данным последней паспортизации, упорядочили свои документы в нормативные сроки 20 организаций — источников комплектования городского архива. Ведется работа с организациями, имеющими задолженности по описанию и сдаче документов.

Процесс ускоряет электронный документооборот. Первый черновой вариант описи дел, документов специалистом, ответственным за ведомственный архив, анализируется за месяц до плановой даты. Идет сравнение содержания описи дел, документов с номенклатурой дел организации. После этого специалист выезжает в организацию и проводит выборочную экспертизу дел, документов, дорабатывает опись.

Так проводится системная плановая работа с источниками комплектования архива по определению состава архивных документов, подлежащих приему в архив, и приему-передаче в архив по истечении сроков временного хранения документов.

Прием-передача документов архивного фонда по истечении срока временного хранения в организациях осуществляется по согласованию с ними. Документы принимаются по утвержденным описям дел. При приеме проходит проверка наличия дел и их физическое состояние. В процессе приема-передачи проверяется количество дел, указанных в описях⁵. Сделав это несложно, если работа по оформлению документов велась в организации постоянно. Если же работа по упорядочению документов в организации не проводилась, вероятность утраты документов велика.

В настоящее время очень актуален вопрос комплектования архивов электронными документами. Несомненно, хранение информации на электронных носителях более удобно и эффективно, чем на бумажной основе. Но пока возможности архива не позволяют принимать традиционную управленческую документацию в электронном виде. Связано это с отсутствием материально-технической базы для приема и хранения электронных носителей, сохранности на них информации.

Для контроля за взаимодействием архива с источниками ведутся наблюдательные дела. Они формируются из документов, характеризующих правовой статус организации, деятельность, а также работу архива и организацию документов в делопроизводстве. Также сюда помещается паспорт архива, который составляется по состоянию на 1 декабря текущего года. При исключении организации из числа источников комплектования

наблюдательное дело включается в опись и передается на постоянное хранение⁶.

Архивные документы, хранящиеся в муниципальном архиве, используются на выставках, при проведении экскурсий, исполнении запросов.

Мы понимаем, что на архив возлагается большая ответственность за формирование Архивного фонда РФ. Работа Волгоградского городского архива состоит в том, чтобы архивные документы организаций максимально полно отражали основные стороны жизни граждан, общества, региона в целом.

Примечания

¹ Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // Президент России : портал. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21556>

² ВГА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3481. Л. 3–4.

³ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях. М., 2020. С. 23–24.

⁴ Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ ... С. 15.

⁵ Правила организации хранения ... С. 25–26.

⁶ Там же. С. 24.

М. И. Мельтюхов, М. Л. Нагорная

К вопросу о проблемах работы архивов в государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»

Цифровая трансформация социальной сферы в Российской Федерации привела к формированию нового режима межведомственного взаимодействия с использованием государственной информационной системы «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» (ГИС ЕЦП). Практическое внедрение данного механизма началось с июля 2023 г., а в 2024 г. межведомственное взаимодействие перешло к этапу промышленной эксплуатации в общегосударственном масштабе. Эти изменения прямо затрагивают деятельность государственных и муниципальных архивных учреждений, которые выполняют запросы социально-правового характера для подтверждения сведений о трудовой деятельности граждан.

В соответствии с планом научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выполняемых на основе государственного задания Федерального архивного агентства (Росархива) на 2026 г., утвержденным приказом от 24 октября 2025 г. № 138, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) ведет научно-исследовательскую работу по теме 1.3. «Документы, подтверждающие трудовую деятельность граждан (1950–2025 гг.): видовой состав, формы и методика включения архивных сведений в государственные информационные системы». Наряду с анализом видového состава документов, подтверждающих трудовую деятельность граждан, проводилось анкетирование архивных учреждений с целью изучения опыта работы государственных и муниципальных архивов в ГИС ЕЦП. Комплексный анализ этой информации позволил выделить основные группы проблем, связанные с качеством исходных запросов, спецификой архивных документов, заполнением карточки ответа в системе, техническим функционированием системы, а также кадровым обеспечением работы архивов в ГИС ЕЦП.

В данной статье дана характеристика основных проблем исполнения архивами запросов

в ГИС ЕЦП, которые не сводятся только к техническим недостаткам цифровой платформы. При этом показано, что именно архивисты вынуждены собственным профессиональным опытом и дополнительными пояснениями компенсировать несоответствие между сложными по составу и структуре архивными документами второй половины XX в. и жестко формализованной цифровой формой ответа на запрос.

В положении о ГИС ЕЦП закреплена функция государственных и муниципальных архивов, имеющих на хранении соответствующие документы, предоставлять по запросу Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (СФР) сведения о трудовой деятельности граждан, необходимые для их пенсионного обеспечения, с использованием единой цифровой платформы¹. Соответствующая норма введена и в Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»². Двадцать третьего мая 2023 г. СФР и Росархив совместно подготовили «Временный порядок электронного информационного взаимодействия территориальных органов СФР с государственными и муниципальными архивами по получению сведений о гражданине, необходимых для его пенсионного обеспечения». Теперь архивисту необходимо вместо подготовки отдельного документа (справки / выписки) о трудовой деятельности гражданина, как это было прежде, осуществить ввод запрашиваемых сведений, содержащихся в архивных документах, в форму «Карточка ответа на запрос» в личном кабинете архивной организации в ГИС ЕЦП³.

При этом практика работы архивов показывает, что существуют серьезные различия между спецификой архивного документа второй половины XX в. и логикой цифровой платформы. Архивный документ создавался в иной управленческой и технологической среде, не рассчитанной на последующий машинный ввод, и потому далеко не всегда поддается прямому включению в унифицированную электронную форму.

Существенная часть затруднений возникает уже на этапе формирования запроса специалистами отделений СФР. Даже при наличии в архиве необходимых документов идентификация лица, определение границ поиска и подготовка ответа существенно осложняются, если запрос содержит неполные или ошибочные сведения. Практика работы архивов показывает, что в запросах зачастую не приводятся все варианты фамилии, имени и отчества, под которыми лицо могло проходить в документах различных лет, не указываются девичья фамилия, даты изменений персональных данных, даты рождения детей, а иногда и дата рождения самого гражданина.

В запросах может быть указано неполное или ошибочное наименование организации, не отражены ее переименования и реорганизации, отсутствуют сведения о структурном подразделении, должности, виде и форме занятости, месте нахождения организации или периоде работы в пределах конкретного юридического лица. Особенно остро эта проблема проявляется тогда, когда одна и та же организация в разные периоды имела разные наименования или правопреемников. В подобных ситуациях один формально составленный запрос фактически требует проверки документов по нескольким организациям.

Отдельного внимания заслуживает отсутствие или ненадлежащее качество приложений к запросу. К запросам не всегда прилагаются копии трудовой книжки, документов о смене фамилии, свидетельств о рождении детей и иных документов, необходимых для правильного понимания запрашиваемого периода и характера трудовой деятельности. В ряде случаев сканы не позволяют прочитать название организации, а иногда вообще относятся к другому лицу. Для архивиста это означает необходимость принимать решение в условиях недостаточной доказательной базы уже на стадии получения запроса. Между тем именно приложения нередко позволяют избежать смешения сведений по однофамильцам и правильно очертить рамки поиска.

Проблема качества запроса тесно связана и с организацией межведомственного взаимодействия. Архивы фиксируют также поступление непрофильных и дублирующих запросов, запоздалое отображение запросов в системе, отсутствие полноценной обратной связи, а также отсутствие возможности вернуть запрос на уточнение данных или исправить очевидные ошибки. Следовательно, качество ответа на запрос в значительной мере зависит от качества исходного запроса и от того, насколько цифровая система обеспечивает двустороннее взаимодействие между архивом и отделениями СФР.

Следующая наиболее сложная группа проблем связана со спецификой архивных документов и содержащихся в них сведений. Значительная часть документов, используемых для подтверждения трудового стажа, заработной платы и иных социально значимых обстоятельств, формировалась в разные исторические периоды,

в различных отраслях и организационно-правовых условиях. Это обусловило разнообразие их форм, состава реквизитов и способов фиксации информации. В результате сведения, содержащиеся в архивных документах, нередко оказываются неполными, вариативными или косвенными.

На практике в приказах по личному составу, книгах приказов, протоколах коллегиальных органов, личных карточках, лицевых счетах и иных документах могут отсутствовать точные даты приема, перевода и увольнения, номер распорядительного документа, форма занятости, полные фамилия, имя и отчество работника, дата рождения, точное наименование организации или должности. Нередко дата указывается лишь месяцем и годом, сокращенно или в форме, не совпадающей с современным цифровым стандартом. Архивы фиксируют и более сложные случаи: отсутствие приказов по личному составу за отдельные периоды, отсутствие личных карточек и личных дел, несовпадение реквизитов между различными документами одного и того же лица, а также ситуации, когда значимые сведения вообще отсутствуют в распорядительных документах и могут быть установлены только по косвенным источникам.

Особенно наглядно это проявляется при подтверждении стажа по документам бухгалтерского учета. Лицевые счета, расчетно-платежные ведомости, расчетные листки и иные подобные документы нередко являются единственным основанием для подтверждения факта работы, если кадровые документы не сохранились. Однако эти источники, как правило, не содержат полного набора кадровых реквизитов: в них может отсутствовать дата приема, дата увольнения, номер приказа, должность, год рождения, а иногда и полные фамилия, имя и отчество работника. В результате архивист располагает сведениями, позволяющими установить соответствующий факт на основании архивных документов, но недостаточными для прямого переноса в требуемую форму в ГИС ЕЦП.

К числу наиболее проблемных относятся и документы по заработной плате. В лицевых счетах, расчетных ведомостях, карточках-справках и табуляграммах один и тот же месяц может включать несколько сумм начислений, несколько видов выплат, суммы из разных источников финансирования, аванс и окончательный расчет, отпусковые, больничные, премии, компенсации, пособия и удержания. При этом итоговая сумма за месяц не всегда выделена как самостоятельный показатель, а ее запись требует интерпретации. Дополнительные трудности создают суммы без разделения на рубли и копейки, внутренние коды и шифры без расшифровки, рукописные сокращения, записи карандашом или разными чернилами, исправления и суммы, отнесенные сразу к нескольким месяцам. Все это делает документы по заработной плате одним из наиболее сложных видов источников для формализованного включения в ГИС ЕЦП.

Особое место занимают документы колхозов, совхозов и иных сельскохозяйственных организаций. В них трудовая деятельность фиксировалась в иных единицах учета, чем в обычном кадровом делопроизводстве: в трудоднях, человеко-днях, выхододнях, натуральной оплате, годовых начислениях, книгах учета труда и расчетов, книгах трудового стажа и заработка колхозников, протоколах правления и общих собраний. Такие документы часто не содержат привычных кадровых реквизитов. Прием в члены колхоза мог подтверждаться несколькими этапами, а полные фамилия, имя и отчество нередко указывались только в первой строке книги, тогда как далее шли графические знаки, инициалы или сокращенные имена.

Сходные затруднения характерны для документов партийных и комсомольских органов, а также для материалов, подтверждающих льготный, специальный, северный, навигационный, плавсоставной и иной специальный стаж. В таких случаях юридически значимыми оказываются сведения об отработанных днях и часах, простоях, командировках, отпусках, вредных условиях труда, навигационных периодах, типе судна, количестве налета часов и т. д. Однако документы, по которым подтверждаются эти обстоятельства, отличаются сложностью, фрагментарностью и нередко отсутствием нужных реквизитов.

Наиболее отчетливо противоречие между архивным документом и цифровой платформой проявляется на этапе заполнения карточки ответа. Именно здесь архивист вынужден переводить выявленные по документам сведения в набор жестко определенных полей.

Многие из реквизитов либо отсутствуют в документах, либо выражены не в том виде, которого требует система. В ряде случаев в документе отражен факт назначения, избрания, зачисления, отпуска, допуска к определенным видам работ или иного кадрового события, однако соответствующего значения в классификаторе карточки ответа нет. Система также ориентирована на привязку к одному распорядительному документу там, где архивное подтверждение строится на совокупности нескольких документов. Тем самым архивные сведения искусственно упрощаются до модели, в которой одно событие должно быть описано одним действием, одной датой и одним документом-основанием.

Особенно сложной для заполнения оказывается форма «Сведения о заработке». Архивисты вынуждены дублировать месяц в нескольких строках, искусственно суммировать выплаты или переносить пояснения в текстовое поле. При этом система не позволяет видеть весь массив данных целиком, не дает полноценно сверить уже введенные значения, а в случае сбоя требует повторного ввода. Если же в документе за один месяц отражено несколько начислений, работа становится еще более сложной, поскольку система не рассчитана на подобную структуру данных.

Более того, система не позволяет передать сведения «так, как они представлены в документе»: отсутствует режим фиксации записи именно в документальном виде применительно к суммам, кодам, способам записи рублей и копеек, единицам измерения и исторически обусловленным денежным обозначениям. В результате даже документально точные сведения подлежат неизбежному преобразованию. Тем самым прямо нарушаются правила составления архивной справки, закрепленные в Правилах организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях, утвержденных приказом Росархива от 2 марта 2020 г. № 24⁴, и методических рекомендациях по исполнению запросов социально-правового характера⁵. В архивной справке сведения приводятся на основании конкретных источников, с точным воспроизведением текста и пояснениями. Карточка ответа ГИС ЕЦП, напротив, ориентирована на внесение формализованных значений в набор полей и не приспособлена к передаче условий, оговорок и особенностей документа.

Столь же характерны затруднения при подтверждении льготного, специального, северного, колхозного, морского и иного специального стажа. Для таких случаев необходимо отражать не только сам факт работы, но и сведения об отработанных днях и часах, отвлечениях от основной работы, простоях, декретных отпусках, работе в особых условиях, навигационных периодах, трудоднях, человеко-днях и других обстоятельствах. Однако карточка ответа ГИС ЕЦП либо вовсе не содержит соответствующих полей, либо не позволяет показать весь необходимый набор сведений.

В результате значимая информация переводится в поле «Текст», в раздел «Дополнительные сведения» или в архивную справку. Именно здесь наиболее отчетливо проявляется изменившееся положение архивиста в условиях цифровой трансформации. Архивист постоянно соотносит разные типы документов с жесткой цифровой моделью, выбирает, какие сведения подлежат включению в поле, какие требуют оговорок. Иными словами, значительная часть профессиональной нагрузки архивиста сегодня связана не только с архивным поиском как таковым, но и с постоянным преодолением несоответствия между архивными документами и цифровой формой ответа.

Одна из наиболее показательных особенностей работы архивистов в ГИС ЕЦП состоит в том, что цифровизация не привела к снижению трудоемкости исполнения запросов. Напротив, по материалам архивов, в ряде случаев электронный формат не сокращает, а увеличивает объем ручной и повторной работы. Нестабильность платформы, ошибки доступа и подписания, отсутствие надежного автосохранения, потеря данных, неудобство интерфейса, несовершенство

реестров и печатных форм, а также ограниченные возможности связи с отделами СФР и технической поддержкой существенно увеличивают временные затраты архивистов. Даже относительно простой по составу запрос может требовать многократного ввода одних и тех же данных и постоянного контроля за тем, что уже внесенная информация не исчезнет из системы.

Особенно наглядно это проявляется при внесении сведений о заработной плате за длительный период. Как показывает практика работы архивов, при подтверждении заработка за 60 месяцев архивист фактически повторяет одни и те же действия до 300 раз, выбирая единицу измерения, год, месяц, вид выплаты и только затем вводит сумму.

Кадрово-ресурсный аспект проблемы также существенен. Рост количества электронных запросов, необходимость постоянного обучения сотрудников работе в системе и с криптосредствами, общее старение кадрового состава архивной отрасли, а также ограниченность численности работников приводят к тому, что цифровизация осуществляется без эквивалентного расширения кадровых и ресурсных возможностей архивов.

В ГИС ЕЦП архивист выступает не просто исполнителем запроса, а ключевым звеном между архивным документом и формализованной цифровой средой. Именно профессиональное знание архивиста, его способность читать косвенные источники, сопоставлять сведения, формулировать оговорки и готовить архивную справку позволяют системе функционировать в тех случаях, когда сама цифровая модель оказывается недостаточной. Работа в ГИС ЕЦП требует от архивиста выполнения функций, выходящих за пределы традиционного понимания проблем использования архивных документов при выполнении социально-правовых запросов граждан. Традиционно задача архивистов состояла в точном воспроизведении сведений так, как они зафиксированы в архивных документах, тогда как действующая система и практика межведомственного взаимодействия фактически принуждают их к нарушению этого принципа путем дополнительной интерпретации, уточнения и преобразования архивной документной информации. На этом фоне в профессиональной среде возникает ощущение смещения архивного труда в сторону несвойственных ему функций, что является признаком недоучета специфики архивной работы при проектировании цифровой платформы.

Проведенный анализ позволил по-новому оценить сложность и трудоемкость работы архивистов, исполняющих запросы, связанные с подтверждением трудовой деятельности граждан. Эта работа требует глубокого знания состава и содержания архивных документов, умения работать с неполными и разнородными источника-

ми, точности в воспроизведении сведений и готовности действовать в условиях жестко формализованной цифровой среды. Тем самым труд архивиста в рассматриваемой сфере приобретает особую профессиональную и социальную значимость.

Таким образом, проблемы исполнения архивными запросов в ГИС ЕЦП имеют системный характер и затрагивают все основные стадии работы — от формирования запроса до технической отправки ответа. Их невозможно объяснить только техническими сбоями платформы или частными трудностями отдельных архивов. В основе значительной части выявленных затруднений лежит несоответствие между особенностями архивных документов второй половины XX в. и логикой цифровой системы, ориентированной на однозначность и стандартизованность вводимых данных. Именно поэтому архивы вынуждены компенсировать ограничения цифровой формы за счет текстовых пояснений, приложений и традиционной архивной справки.

Дальнейшее развитие ГИС ЕЦП должно строиться не как подгонка архивной практики под жестко заданную цифровую форму, а как адаптация цифровых инструментов к реальному видовому составу, структуре и содержанию архивных документов. Только при таком подходе цифровая трансформация сможет стать для архивов не источником дополнительных трудностей, а инструментом повышения эффективности межведомственного взаимодействия. Однако такой подход требует серьезной трансформации ГИС ЕЦП, что довольно проблематично. Поэтому, возможно, было бы правильнее просто не применять ГИС ЕЦП к документам, созданным ранее 2003 г., а сохранить для них традиционную практику подготовки архивных справок по запросам СФР и граждан.

Примечания

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2023 г. № 2386 «О государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»». Пункт 22. URL: pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=602387800&backlink=1&nd=606291231&ysclid=mpqvu75dcd27939640 (дата обращения: 15.06.2026).

² Федеральный закон Российской Федерации от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Ст. 26, ч. 3.1. URL: pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102089077&ysclid=mpqw20m9e52532425 (дата обращения: 15.06.2026).

³ Инструкция по работе в личном кабинете архивной организации ГИС ЕЦП // Электронные услуги СФР (Единая цифровая платформа). URL: https://ecp.sfr.gov.ru/lk-new/gr_lk_archive.doc (дата обращения: 15.06.2026).

⁴ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях : утв. приказом Федер. Арх. Агентства № 24 от 2 марта 2020 г., зарег. Минюстом России 20 мая 2020 г., рег. № 58396.

⁵ Методические рекомендации по исполнению запросов социально-правового характера / Росархив, ВНИИДАД. М., 2011.

А. Е. Алексеева

**Проблема аннотирования фотодокументов
с недостаточной текстовой сопроводительной документацией
(из опыта работы Государственного архива
новейшей истории Новгородской области)**

Ежегодно в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО) проходят научное описание фотодокументы, разнообразные по содержанию, виду носителя, временному периоду.

Коллекция фотодокументов ГАНИНО начала формироваться с конца 1960-х гг. В разное время в качестве источников комплектования архива выступали областные и районные комитеты КПСС и ВЛКСМ, редакции газет «Новгородская правда», «Новгородский комсомолец», ветераны партии, комсомола, Великой Отечественной войны и т. д.

В архиве был создан фонд 8025 «Коллекция фотодокументов ГОКУ ГАНИНО». Фонд состоит из шести описей и трех книг учета и описания и содержит более 6000 ед. хр. фотодокументов. Основную массу составляют черно-белые позитивы, кроме того, на хранении находятся цветные позитивы, негативы и фотоальбомы. Крайние даты фотодокументов фонда представлены временным промежутком 1910–2020 гг. Фонд продолжает пополняться.

В составе фондов личного происхождения, общественных организаций также имеются фотодокументы. Ведется работа по комплектованию и описанию электронных фотодокументов, созданных архивом в результате инициативного документирования событий в сфере культуры и общественно-политической жизни города и области. Основная проблема, с которой сталкиваются архивисты в процессе описания, — недостаточность или полное отсутствие текстовой сопроводительной документации, вследствие чего возникают трудности с аннотированием фотодокументов. Наибольшую сложность представляет аннотирование фотодокументов начала XX в.

В 1991 г. В связи с приостановлением деятельности Российской коммунистической партии в партийный архив Новгородского обкома (областного комитета) КПСС поступил массив неупорядоченных фотодокументов партии и комсомола¹. Отсутствовали аннотации к большинству фотографий. Долгое время они оставались в неразобранном виде в связи с первоочередной необходимостью проведения других работ. К упорядочению фотодокументов архив приступил в 2006 г.

С целью идентификации изображенных на фотографиях лиц и событий было принято решение обратиться к бывшим сотрудникам партийного архива Новгородского обкома КПСС, бывшим партийным и советским работникам, которые имеют непосредственное отношение к запечатленным на фотографиях событиям. Здесь

необходимо упомянуть таких людей, как заведующая партийным архивом Новгородского обкома КПСС в 1979–1990 гг. Альбина Борисовна Тимофеева, секретарь Новгородского обкома КПСС, заведующая архивом в 1990–1991 гг. Нина Васильевна Архипова, первый секретарь Новгородского райкома КПСС Василий Яковлевич Кацуба, первый секретарь Волотовского райкома КПСС Василий Иванович Родин. Было просмотрено большое количество фотографий, идентифицированы многие люди, изображенные на них, определены запечатленные на фотографиях события. Однако не все фотографии удалось аннотировать, а большинство составленных аннотаций были неполными: не везде удалось установить полные фамилии, имена, отчества людей, их должности, точные названия изображенных событий, их даты и т. д. Несмотря на это, проведенная работа стала огромным шагом вперед на пути научного описания этих фотодокументов.

В 2010 г. начались научно-техническая обработка и составление описи фотодокументов. Этот этап продолжается и по сей день.

Проводится экспертиза ценности фотодокументов, основной критерий которой — наличие и качество предварительной аннотации. Для включения в опись отбираются фотографии, имеющие более или менее полную аннотацию и возможность ее дальнейшего уточнения и дополнения.

Основными средствами при поиске информации выступают документы, хранящиеся в фондах архива. Алгоритм работы при этом выстраивается таким образом: по списку фондов выявляются те, в документах которых может содержаться необходимая информация, затем на уровне фонда делается отбор подходящих описей. Просматриваются заголовки дел в них, изучаются соответствующие дела. Например, для установления полных фамилии, имени, отчества изображенного на фотографии лица и должности, которую он занимал на момент съемки (при исходных известных данных: дата съемки, фамилия и одна из должностей), необходимо изучить его личное дело. Для идентификации на фотографии одной из областных конференций КПСС делегатов от какой-либо районной партийной организации (при исходных известных данных: дата и номер конференции, название районной организации) необходимо изучить анкеты делегатов от интересующей нас районной партийной организации. Затем осуществляется поиск и просмотр их личных дел, с тем чтобы сверить имеющиеся в личных делах фотографии с групповым фотоснимком и идентифицировать как можно больше людей, изображенных на снимке.

Также для поиска дополнительной информации используются интернет-ресурсы.

Практически по каждой фотографии приходится проводить дополнительную исследовательскую работу. При этом цель — добиться как можно более полной, качественной аннотации. При аннотировании фотодокумента нам важно определить такие показатели, как изображенное событие, изображенные лица, дата съемки. Чем больше идентифицировано изображенных на снимке людей, чем полнее информация о них (должность, фамилия, имя, отчество), тем более качественной получается аннотация.

Важную роль при аннотировании играет момент «насмотренности», когда из года в год описанием фотодокументов занимается один и тот же сотрудник, который уже узнает в лицо многих изображенных людей. Даже при полном отсутствии информации возможность узнать на фотографии хотя бы одного человека уже является отправной точкой для составления аннотации и включения фотодокумента в опись дел постоянного хранения.

Сложность, но вместе с тем интересный опыт исследовательской работы возникает при сравнении и идентификации одного и того же человека в молодом возрасте (например, фотография 1920–1930-х гг.) и его же в пожилом возрасте (фотография 1960–1970-х гг.). В подобных случаях приходится обращать внимание на такие черты лица, как форма губ, разрез глаз, линия роста волос и т. д. Например, в опись была включена фотография членов Новгородского губернского комитета ВЛКСМ. При просмотре снимка показалось знакомым лицо второго справа человека во втором ряду. Изучив состав фотодокументов, уже прошедших описание, установили сходство с портретным снимком Александра Александровича Мартынова, ответственного секретаря Новгородского окружного комитета ВЛКСМ. Другой пример: портреты Анастасии Алесандровны Нотейголенко, работницы Маловишерского стекольного завода, женорганизатора, в юные годы и в пожилом возрасте.

Для выявления дат изображенных событий информацию часто приходится устанавливать по косвенным признакам. Необходимо обращать внимание на такие атрибуты, как внешний вид изображенных людей (например, элементы одежды: галстук, брошь и т. д., стрижки, возрастные изменения). Это позволяет в некоторых случаях с точностью определить, что за событие изображено на фото, сравнив внешний вид человека с ним же на уже идентифицированном снимке. Важно брать во внимание природные и сезонные особенности, присутствующие на фотографиях: например, наличие и густота листвы на деревьях позволяет разграничить май и летние месяцы; это играет роль в определении того, Первомайская ли демонстрация перед нами или же празднование Дня города, которое проходит летом. Плакаты на демонстрациях, конференциях порой позволяют с точностью определить дату

(если на них присутствуют определенные лозунги, которые можно соотнести с номерами и датами конференций, съездов и т. д.).

Например, на снимке с изображением демонстрации присутствует транспарант с лозунгом, касающимся XXV съезда КПСС, который проходил в 1976 г., поэтому можно сделать вывод, что фотография датируется этим годом. Листвы на деревьях нет, но люди одеты достаточно легко, отсюда можно сделать вывод, что на снимке изображена Первомайская демонстрация. На другом снимке с изображением демонстрации люди одеты в пальто и головные уборы, а это означает, что на фотографии демонстрация, посвященная празднованию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, которое проходило традиционно 7 ноября. Год проведения демонстрации присутствует на снимке на одном из плакатов.

Если и этих сведений недостаточно, примерный «возраст» фотографии в рамках десятилетия можно определить по качеству фотобумаги, сохранности фотодокумента, которые будут заметно отличаться в 1970–1980-е гг. по сравнению с 1950–1960-ми и тем более с 1920–1940-ми гг. Элементы повседневной одежды, моды того или иного промежутка времени позволяют определить примерную эпоху (1960-е, 1970-е, 1980-е). Когда больше не представляется возможности выявить более точную дату, приходится ограничиваться 10–15-летним периодом (например, не ранее 1970 — не позднее 1980 г.).

При невозможности идентифицировать ни одного человека на фотографии она все равно может быть включена в опись под общим заголовком, если известно событие, изображенное на снимке либо фотография представляет интерес с точки зрения передачи атмосферы эпохи, быта населения и т. д.

Интересный опыт исследовательской работы случился в 2021 г., когда для аннотирования части фотодокументов были привлечены пользователи сети Интернет. В опись была включена подборка фотографий празднования в Новгороде 40-летия победы в Великой Отечественной войне. Практически все фотографии были не аннотированы. Часть людей, изображенных на них, удалось без труда идентифицировать. В основном это партийное руководство области, так как это люди, которые довольно часто встречаются на фотографиях. Но были сложности с идентификацией ветеранов, участников праздничного шествия.

Сотрудники ГАНИНО обратились к подписчикам сообществ «Госархив новейшей истории Новгородской области»², «Великий Новгород — прошлое в фотографии»³ в социальной сети ВКонтакте с просьбой внимательно посмотреть на лица людей, запечатленных на снимках, и, если они им знакомы, сообщить об этом архивистам. Так была запущена интернет-акция «Узнай героя», приуроченная к празднованию Дня Победы. Результат не заставил себя ждать.

Новгородцы с волнением узнали на фото своих близких, родных и рассказали о них. Среди героев — подполковник Дмитрий Федорович Храмов, Михаил Ерофеевич Попов, Евдокия Васильевна Арсина (Митрофанова), Михаил Александрович Семенов, Федор Степанович Латышов, Владимир Петрович Парфирьев, Антонина Васильевна Парфирьева (Галкина). Акция получила большой отклик в социальных сетях, людям было приятно и интересно узнать на фотографиях 35-летней давности своих близких. Это показало, что фотодокументы, хранящиеся в стенах архива, востребованы и сегодня, а архивистам эта акция помогла в аннотировании фотодокументов. В настоящее время традиция продолжена в преддверии празднования Дня Победы в качестве рубрики в сообществе «Госархив новейшей истории Новгородской области» в социальной сети ВКонтакте.

Как и прежде, в аннотировании фотодокументов архивистам помогают волонтеры — добровольные помощники. Как правило, это люди, чья трудовая деятельность пришлась на 1970–1980-е гг., то есть тот временной отрезок, который изображен на многих снимках.

К фотодокументам в фондах личного происхождения и фондах общественных организаций зачастую имеется текстовая сопроводительная документация, дополнить которую можно, изучив состав документов данного фонда или напрямую пообщавшись с держателями фондов.

Если говорить об аннотировании электронных фотодокументов, то, как правило, сложностей здесь гораздо меньше, так как всегда известно запечатленное событие, есть возможность сразу при фотографировании записать какие-либо сведения, имеется текстовая сопроводительная документация в виде пресс-релизов, программ и афиш мероприятий. Недостающую информацию также можно получить, изучив интернет-ресурсы, а также от непосредственных участников запечатленных событий.

С началом работы по упорядочению фотодокументов, полученных от ликвидированных партийных и комсомольских органов и организаций Новгородской области, в архиве параллельно стал создаваться фотокаталог на основе справочника «Единый классификатор документной информации Архивного фонда РФ» (М., 2007)⁴, который позволяет распределить документы по различным ру-

брикам, представляющим все стороны жизни государства и общества. Большая часть фотографий отнесена к рубрикам «Общественно-политическая жизнь» и «Вооруженные силы. Войны и военные конфликты». Также представлены другие отделы классификатора: «Сельское хозяйство», «Промышленность», «Литература. Печать. Издательская деятельность», «Международные отношения» и др. Таким образом, можно увидеть, что фотодокументы, находящиеся на хранении в архиве, отражают все стороны жизни города и области.

В 2023 г. в рамках программы «Бережливое производство. Эффективный регион» в ГАНИНО был реализован проект «Оптимизация работы с каталогом фотодокументов государственного областного казенного учреждения “Государственный архив новейшей истории Новгородской области”». Был создан электронный каталог фотодокументов ГАНИНО, благодаря которому сокращено время исполнения запросов по фотодокументам.

На сегодняшний день упорядочено 1700 ед. хр. фотодокументов (черно-белых позитивов), полученных от партийных и комсомольских органов и организаций Новгородской области, что явилось результатом многолетней работы архивистов по их разбору и научному описанию. На основе разработанной схемы систематизации составлен план поэтапного описания этих фотодокументов.

Перспектива работы в данном направлении:

1. Дальнейшее упорядочение и включение в опись фотодокументов (черно-белых позитивов), а также цветных позитивов, негативов, фотоальбомов.

2. Продолжение ведения фотокаталога.

3. Усовершенствование научно-справочного аппарата к фотодокументам архива (например, создание расширенного именного указателя к фотодокументам архива).

4. Популяризация фотодокументов архива путем их публикации в сети Интернет, ведения различных рубрик и т. д.

Примечания

¹ Государственный архив новейшей истории Новгородской области : путеводитель / сост. Е. А. Веселова, Т. М. Воронина, П. Р. Думин и др. Великий Новгород : Нестор-История, 2009. С. 12

² URL: <https://vk.com/novganino>

³ URL: <https://vk.com/vnpfoto>

⁴ Единый классификатор документной информации Архивного фонда Российской Федерации / сост.: В. Г. Ларина, Н. М. Андреева, М. С. Астахова и др. М., 2007.

А. А. Конов, Т. В. Вербичук

Механизм развития режима применения технологий искусственного интеллекта при переводе архивных документов, написанных на иностранных языках, на русский язык

Инструменты искусственного интеллекта (ИИ) являются средством сохранения и укрепления технологического суверенитета России, в разных областях, включая гуманитарную. Постепенно становится актуальным и вопрос ис-

пользования технологий ИИ для перевода архивных документов на иностранных языках, а также переложения с помощью лингвистических средств документов различных исторических периодов, созданных на русском языке,

с учетом реалий современного литературного/делового языка нашего государства.

В настоящее время предлагается урегулировать отношения, возникающие в связи с разработкой, внедрением, использованием и иным применением технологий ИИ на основании проекта закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», и данный проект вызывает оживленные дискуссии¹. В дальнейшем потребуются внести дополнения и в «Стратегию развития архивного дела в Российской Федерации до 2036 года» в отношении ИИ как совокупности технических инструментов, содействующих архивистам в выполнении профессиональных задач: совершенствовании научно-справочного аппарата, систематизации и каталогизации архивных документов, осуществлении аналитической работы².

Искусственный интеллект в области архивного дела можно определить в качестве совокупности технических инструментов, применение которых позволяет архивистам осуществлять информационно-аналитическую работу с документами, их систематизацию, каталогизацию, а также частичное восстановление содержания исторического источника посредством использования средств ИИ, перевод документов на иностранных языках и переложение исторических источников разных периодов на современный русский деловой (литературный) язык.

Отметим, что проблемы использования ИИ в рамках разных областей архивного дела детально освещаются исследователями. Так, М. А. Мирошниченко, А. А. Абдуллаева, К. К. Сивинцева представили различные цифровые платформы, основанные на технологиях ИИ, и определили, что такие платформы могут выполнять ряд функций³, в том числе аналитическую (составление аннотаций, справок, выписок, тезауруса) и вспомогательную (оптимизация и ускорение работы архивистов, удобство в использовании и возможность интеграции с другими цифровыми платформами в области архивного дела).

В соответствии с позицией Н. Е. Беляевой, Т. Н. Сомовой, Н. А. Бекетовой к настоящему времени были разработаны действенные в применении большие языковые модели — искусственные нейронные сети, способные обрабатывать и создавать текст на естественном языке⁴.

А. В. Кузнецов полагает, что неточности и отсутствие критического взгляда являются серьезными вызовами для применения указанных генеративных моделей в исторических исследованиях с точки зрения перспектив развития исторического источниковедения⁵.

О. В. Медведева и А. С. Попова указывают, что особенно большие перспективы в применении ИИ в архивном деле открываются в отношении работы с большими массивами интернет-ресурсов, расшифровки рукописных архивных документов и поиска информации в массивах оцифрованных документов⁶.

Отметим, однако, что на практике архивисты не соглашались с признанием перевода авторским произведением (мотивируя такую позицию наличием технических возможностей в помощи архивисту-переводчику) и именуют перевод аннотированием⁷ (поскольку аннотация является производным элементом архивного документа информационно-справочного характера, так же как и статьи в энциклопедии, и составитель архивного документа не имеет режима защиты автора произведения, то составитель аннотации не пользуется режимом защиты автора произведения). С учетом того, что подобное мнение не оспаривается со стороны архивного сообщества, представляется необходимым обратиться к детальному анализу данного вопроса.

Сформулируем определение перевода архивного документа, написанного на иностранном языке, на современный русский деловой (литературный) язык. Это процесс выражения содержания каждой из смысловых единиц текста документа, написанного на иностранном языке, на современном русском языке с учетом лингвистических и исторических реалий переводимого языка и языка перевода, осуществляемый в том числе с применением инструментов ИИ и иных технических средств перевода (переводчиков).

Аннотирование — процесс изложения краткого содержания архивного документа исторических реалий, в которых был создан этот документ, который может сопровождаться пояснением ключевых слов и выражений данного исторического источника, особенностей стиля составления документов и ведения документооборота в России и за рубежом в различные исторические периоды.

Основные отличия перевода от аннотирования можно представить в виде таблицы.

Можно выделить следующие функции ИИ в качестве технического инструментария, используемого при осуществлении перевода архивных документов:

- поддержка в подборе наиболее емкого, точного перевода смысловой единицы текста архивного документа с учетом особенностей исторических и современных реалий переводимого языка, языка перевода, так чтобы был обеспечен баланс между точностью и полнотой перевода и ясностью изложения на современном русском деловом (литературном) языке;
- содействие в определении значений неясных, неизвестных слов и выражений с учетом контекста периода создания документа, в составлении пояснений к переводу в случае необходимости;
- выполнение технической работы (расшифровка текста документа, печать текста перевода);
- информационно-аналитическая функция — формулирование наиболее точного, емкого заголовка документа, подбор ключевых слов и формирование тезауруса значимых слов и выражений.

В этом отношении большой интерес представляет расшифровка с помощью программ ИИ эпи-

Перевод и аннотирование архивного документа на иностранном языке

Критерий сравнения	Перевод	Аннотация
Цель создания	Максимально точно и полно передать содержание документа на иностранном языке, сохранив все смысловые, стилистические и формальные особенности переводимого текста с учетом реалий современного русского языка (чтобы текст перевода был точным, отображал содержание всех смысловых единиц архивного документа и при этом был понятным современному исследователю)	Дать краткую характеристику документа: сообщить, о чем он, выделить основные положения документа, представить справочную информацию
Ожидаемый результат	Перевод архивного документа, по объему сопоставимого с оригиналом	Справка, разъясняющая реалии составления документа, важные для слова и выражения
Глубина проработки текста документа	Детальная проработка всех смысловых единиц текста	Выделение ключевых тем, фактов, дат, имен, основной идеи
Точность передачи содержания текста документа	Требуется максимально возможная точность и полнота передачи смысла каждой текстовой единицы с учетом реалий переводимого языка. Допустимы только пояснения в примечаниях	Необходимо точно и полно изложить суть документа: цель принятия, значение, соответствие историческим реалиям его составления
Работа с трудными для понимания и / или перевода с учетом изменившихся языковых реалий смысловыми единицами текста документа	Требуются поиск вариантов перевода, консультации со специалистами, указание в примечаниях на возможные трактовки	Возможно пояснить, чем вызваны подобные сложности
Формальный стиль и структура	Воспроизводит стиль, структуру, тип и жанр документа (деловой, эпистолярный, официальный и т. д.)	Стиль нейтральный, лаконичный, для аналитических материалов
Общее: – требуется понимание особенностей современного языка оригинала, а также его особенностей во время составления архивного документа и знания исторического контекста составления документа; – необходимы исходные данные документа (дата, автор, место составления и т. д.); – возможно составление примечаний для пояснения сложных моментов		

столярного наследия Петра I. Для автографов императора характерны использование выносных букв и сокращений, отсутствие знаков препинания и пробелов между словами, а также обилие сокращений, иностранных слов и топонимов, узкоспециальных военных и инженерных терминов. Устойчивый навык чтения петровских автографов приобретает только после медленного и вдумчивого прочтения десятков и даже сотен малоразборчивых строк. Проведенные независимые тестирования показали, что созданный для машинного чтения автографов Петра I алгоритм безошибочно распознавал до 98 % текста. При транскрибировании компьютером смысл документа не был искажен, и работа по редактированию текста занимает секунды. Прочитанный ИИ документ можно скачать с сайта, проверить, расставить знаки препинания и использовать в дальнейшей работе⁸. Вместе с тем исследователи уверены, что распознавание текста с помощью ИИ не может заменить историка. Текст нужно интерпретировать, понять, что император имел в виду, знать, каковы были обстоятельства, в которых он писал⁹.

Еще большие перспективы перед исследователями открывает ИИ при изучении архивных

фондов по истории Великой Отечественной войны. Среди огромного количества постановлений и распоряжений ГКО СССР по самым разнообразным вопросам внутренней и внешней политики партии требуется найти комплекс документов, описывающий под различными ракурсами конкретную проблему. Изданные сборники постановлений ГКО не всегда позволяют продуктивно решить эту проблему и требуют длительной кропотливой работы историка с тысячами заголовков документов. Программа отбора нужных исследователю документов позволит найти и сформировать нужный комплекс документов военного времени и тем самым существенно сократить работу с каталогами и громоздкими базами данных, уделив больше времени и внимания именно работе с документами.

Большую помощь исследователю окажет ИИ при проведении выборки документов из личных фондов государственных и партийных деятелей СССР. Среди многочисленных пустых, бессодержательных телеграмм, биографических очерков, газетных вырезок программа найдет нужный комплекс документов по заданным самим исследователем параметрам: например, по типу доку-

мента — переписка с госучреждениями и ведомственными организациями, докладные записки на имя руководителя страны и партии, проекты постановлений с резолюциями и подписями государственного деятеля, протоколы партийных собраний с теми или иными повестками. Вместе с тем совершенно очевидно, что данный подход потребует полной оцифровки описей фондов и предоставления их исследователю хотя бы в закрытом пользовательском режиме. Еще одной проблемой на пути продвижения цифровых технологий в архивном деле является отсутствие составленных систематизированных описей многих дел в личных фондах и закрытый характер многих документов, содержащих личные данные большого количества людей либо не подлежащих использованию по этическим соображениям (например, списки на расстрел советских граждан, совершивших тяжкие преступления в первые месяцы Великой Отечественной войны).

Несмотря на несомненные достоинства ИИ в качестве технического инструмента, отметим ряд недостатков, которые на данный момент не позволяют характеризовать его в качестве технического помощника архивиста-переводчика:

1. На перевод вручную уходит намного меньше времени, чем расшифровка документа, проверка этой расшифровки и перевод через ИИ (системы Алиса и ChatGPT) из-за помарок, в том числе таких, как неправильное определение слова (в документе написано одно слово, а ИИ увидел другое, иногда противоположное по смыслу), сложности в расшифровке имён собственных и наименований географических объектов.

Например, вот расшифровка текста документа «Автобиографическая запись К. И. Росси. На франц. яз. 1804 г. Рукопись неустановленного лица»¹⁰:

En l'Année 1794 le 28 juillet, je suis entré au service en qualité de Pomosnik en architecture à l'admiralité avec le Rang de Sergent; de 22 Janvier 1796 je fus promu au Rang de Sous lieutenant avec 150 Roubles d'appointements. Le 30 Décembre de la même année, je suis entré au Service du Cabinet de Sa Majesté l'Empereur, avec le Rang de Secrétaire de Gouvernement, avec les appointez ments de 300 Roubles. Comme Pomosnik in architecture et en 1799 le 2e May je eus une augmentation d'appointement de 300 Roubles qui me fait présentement un Complet de 600 Roubles d'appointez ments annuels. Le 8 Novembre 1800. J'ai reçu le grade de la dixième Classe. Les Sudits appointez ments m'ont été remis du mois de May 1801.

До последней фразы помарок практически не было, но при перепроверке нужно сохранять предельное внимание. В последней фразе — ошибка в годе (1801 вместо 1804) и использован глагол с диаметрально противоположным значением: *remis* — выплачены (и соответственно, документ — расписка 1801 г.), а в тексте документа *retenus* — удержаны (не выплачены) — и документ — рапорт о невыплате вознаграждения (Росси) — с мая 1804 г. В результате перевод по-

следней фразы документа, составленный ИИ, звучит так: «Указанные жалования выплачивались мне с мая 1801 года». В оригинале документа: «Указанный оклад не был мне выплачен с мая 1804 года».

2. Если документ затухающий / поврежденный, а также выполнен не каллиграфическим почерком, ИИ не может расшифровать этот документ или перевод сильно искажается. Например, документ «К. И. Росси. Записи для памяти. Ок. 1804 г. Автограф. На франц. яз.»¹¹ был расшифрован искусственным интеллектом следующим образом:

...À Albertville sur le 27 juin 1827 M. Letron — Notice Demandeur à M. le Président de l'Institut de l'Ingénieur civil Pont set Chaussées pour la Description des Caisses construites par M. Grogniar de tautres construits par M. de Cessart Impression Générale sur l'État.

Перевод ИИ:

В Альбервиле, 27 июня 1827 г. М. Летрон
Уведомление Заявителя господину Президенту Института гражданского инженера Мостов и дорог для описания фундаментов (кессонов), построенных господином Грогняром, а также других, построенных господином де Сессаром. Общее впечатление о состоянии [дел].

Расшифровка текста оригинала документа:

...À Abruth une loge pour M. Letron
Faire demander à Mr de Prosny de l'Institut et Inspecteur Général des Ponts et Chaussées la description des Caisses construites par M. Grogniard et celles construits par M. de Cessart.
Inspecteur Général des Ponts et Chaussées.

Перевод данного документа:

В Абруте (вероятно, топоним либо опечатка / искажение слова. — *Авт.*) подготовить помещение (ложу) для господина Летрона.

Попросить господина де Просни (M. de Prosny) — члена Института и генерального инспектора дорог и мостов (Inspecteur Général des Ponts et Chaussées) — предоставить описание кессонов (фундаментов), построенных господином Грогняром (M. Grogniard), а также кессонов, построенных господином де Сессаром (M. de Cessart).

(Подпись / указание должности) — Генеральный инспектор дорог и мостов (Inspecteur Général des Ponts et Chaussées).

Как же можно совершенствовать инструменты ИИ, для того чтобы он действительно стал техническим помощником архивиста-переводчика? Предложим ряд мер:

1) разработка тезауруса слов и выражений, используемых в архивных документах на иностранных языках в разных сферах (государственная служба, международные отношения, торговля, перевозки);

2) введение цифрового образа документа с затухающим текстом, его расшифровкой и затем цифрового образа документа с восстановленным текстом (или его расшифровкой), с тем чтобы

развивался инструментарий ИИ по расшифровке содержания архивного документа;

3) определение правового режима ИИ в качестве технического инструмента, применение которого содействует архивисту-переводчику в выполнении задач по расшифровке и переводу исторического источника, но не влияет на режим защиты авторского права в отношении полученного результата — перевода.

Для развития технических возможностей ИИ в области осуществления перевода архивных документов представляется значимым разработать собственные технологии в области архивного дела: разработать тезаурус слов и выражений, используемых в документах разных сфер (перевозки товаров разными видами транспорта, продажи товаров, обмен сведениями, доклад о выполнении значимого дела, порученного высочайшим волеизъявлением); в случае, если затухающий документ был восстановлен, необходимо внести цифровые образы в ресурсы ИИ, с тем чтобы постепенно формировались и применялись алгоритмы ИИ по дополнению утраченных фрагментов текста, а также образцы почерков и разных вариантов начертания букв, как официально применяющихся при составлении деловых писем в разные исторические периоды, так и в рамках составления и дополнения представлений об особенностях почерка значимых исторических личностей. Представляется, что в течение пяти лет такого кропотливого труда архивисты-переводчики смогут разработать инструменты ИИ, которые станут для них в полной мере интеллектуальным техническим помощником.

Примечания

¹ Капранов О. Правительство разработало набор правил для развития ИИ: Что беспокоит экспертов в новом законопроекте // Российская газета. 19.03.2026. URL: <https://rg.ru/2026/03/19/pasport-dlia-ivan-ivanycha.html?ysclid=mmyh23xpoxy102776013> (дата обращения: 12.03.2026).

² Бондарева Т. И. Совет по архивному делу при Федеральном архивном агентстве: обсуждение Стратегии развития архивного дела в Российской Федерации // Архивы России : портал. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyy-arhivnyy/9712/sovet-po-arhivnomu-delu-pri-federalnom-arhivnom-agentstve?ysclid=mmyhcktd4286886008> (дата обращения: 19.02.2026).

³ Мирошниченко М. А., Абдуллаева А. А., Сивинцева К. К. Интеллектуальная платформа управления архивными документами с применением омниканальности в условиях цифровизации // Вестник Академии знаний. 2023. № 5 (58). С. 480–485.

⁴ Белева Н. Е., Сомова Т. Н., Бекетова Н. А. Влияние технологии искусственного интеллекта на библиотечно-информационную деятельность // Образование и культурное пространство. 2024. № 2. С. 156–162.

⁵ Кузнецов А. В. Историческая наука в эпоху генеративного искусственного интеллекта: трансформация методологии истории // Новые информационные технологии в образовании и науке. 2025. № 2 (16). С. 50–62.

⁶ Медведева О. В., Попова А. С. Искусственный интеллект в документной деятельности // Государственный форум. 2025. Т. 9, № 1. С. 106–111.

⁷ На информационном портале Демидовы.рус, на котором размещены коллекции цифровых копий документов, освещающих жизнь, профессиональную и общественную деятельность династии уральских горнозаводчиков Демидовых в XVIII–XX вв., аннотации документов не были размещены; документы, составленные на иностранном языке, сопровождаются переводами. Медведева О. На Урале архивисты показали отношения власти и бизнеса 300 лет назад // Российская газета. 2021. 22 сент. URL: https://rg.ru/2021/09/22/reg-urfo/na-urale-arhivisty-pokazali-otnosheniia-vlasti-i-biznesa-300-let-nazad.html?ysclid=mlwiyf76c466243958&utm_referrer=https://ya.ru/ (дата обращения: 16.03.2026).

⁸ Базарова Т., Потанин М., Проскуряков М. «...Он несколько не заботится о синтаксисе» // Родина. 2022. № 6. С. 113–115.

⁹ Новоселова Е. Бесценные каракули Петра // Родина. 2022. № 3. С. 2–3.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 1 об.

Г. А. Катъгин

Интеллектуальная игра как механизм формирования исторической памяти: опыт слета юных моряков «Юнги Камы — 2026»

Последнее десятилетие вопрос сохранения памяти о подвиге народа в годы Великой Отечественной войны остается актуальным. Для сохранения этой связи времен проводятся чтения, торжественные и памятные мероприятия, претворяются в жизнь медиа-проекты, например фильмы и игры. В этом непростом деле архивы принимают активнейшее участие, поднимая локальные сюжеты о вкладе региона и его выходцев в дело победы над нацистской Германией. Немаловажная задача — познакомить молодую аудиторию с этими сюжетами, дать детям и подросткам ощутить сопричастность к подвигу земляков. Несмотря на активное включение детской и юношеской аудитории, торжественный и официальный характер мероприятий представляется преградой для приобщения подрастающего поколения к коммеморативным практикам. Вопрос о проведении игр в качестве механизма формирования исторической

памяти не является чем-то новым: немало мероприятий, связанных с воспитанием патриотических настроений включают в себя интерактивную часть, в том числе в форме спортивных и интеллектуальных игр. В данной статье мы рассмотрим опыт интеллектуальной игры «По фарватеру юнг», подготовленной Пермским государственным архивом социально-политической истории (ПермГАСПИ) и проведенной в рамках слета юных моряков «Юнги Камы — 2026».

Прежде всего стоит уточнить контекст памятных мероприятий. Двадцать девятого сентября 2022 г. губернатор Пермского края Д. Н. Махонин подписал Указ № 93 «Об установлении знаменательной даты Пермского края — Дня памяти Северных юнг». Согласно данному указу в Пермском крае появилась новая памятная дата — 25 мая, День памяти Северных юнг. Дата была выбрана не случайно: 25 мая 1942 г. народ-

ный комиссар ВМФ СССР адмирал Н. Г. Кузнецов подписал приказ о создании школы юнг на базе учебного отряда Северного флота, дислоцировавшегося на Соловецких островах. Поступить на обучение в школу юнг могли юноши 15–16 лет, окончившие семь классов, собравшие необходимые документы и прошедшие медицинскую комиссию. Поступление в школу было добровольным и требовало обязательного согласия родителей. Набор в школу осуществлялся в том числе и среди подростков Молотовской области (ныне Пермский край), поэтому, несмотря на удаленность от Соловецких островов, Пермь официально отмечает День памяти юнг Северного флота вместе с Архангельской областью, где расположен Соловецкий архипелаг.

ПермГАСПИ вносит свой вклад в сохранение и приумножение памяти о юнгах Северного флота. На сайте архива действует портал «Юнги Пермского края», где представлена подборка материалов по истории Соловецкой школы юнг, а также о пермяках, прошедших обучение в этой школе и служивших в ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны. На портале представлены электронные версии книг по истории школы юнг, видеоматериалы, база данных документов, электронная выставка «Юнги Пермского края»¹. Архив также принимает непосредственное участие в мероприятиях, посвященных юнгам Северного флота, в частности в ставших традиционными памятных мероприятиях в Пермском филиале Волжского государственного университета водного транспорта (ПФ ВГУВТ). Так, в 2026 г. ПермГАСПИ помог организовать в рамках памятных мероприятий в ПФ ВГУВТ лекцию, посвященную истории Камского пароходства, выставки «Юнги Пермского края»: одну — в «живом» формате на стендах, вторую — в формате демонстрации виртуальной экскурсии с сопроводительной лекцией. Кроме того, сотрудники архива отвечали за подготовку одного из этапов проходившего в рамках мероприятий слета юных моряков «Юнги Камы — 2026».

Для слета юных моряков была разработана интеллектуальная игра «По фарватеру юнг». Современные педагоги, исследующие вопрос развития образовательных технологий, отмечают важную роль игр в образовательном процессе. С. Н. Куштынова, обобщая опыт отечественных и зарубежных коллег, отмечает, что обучение в формате игры позволяет лучше вовлекать детей и подростков в познавательную деятельность: игровые ситуации выступают как средство стимулирования к познанию. Автор подчеркивает, что игры лучше всего позволяют ребенку проявить свои таланты и навыки, продемонстрировать настойчивость и усердие². Техники игровых ситуаций применимы также и в практиках музейных выставок. В частности, об опыте игровых технологий на музейных занятиях писала научный сотрудник Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Э. М. Колбина. В рамках своего доклада она подчеркнула преимущество интерактивной формы

музейного занятия над лекционной или экскурсионной, а также представила сценарный план собственной игры (табл. 1)³. Интеллектуальная игра «По фарватеру юнг» разрабатывалась с опорой на опыт предшественников.

Дидактическая цель игры — закрепить информацию, озвученную на экскурсии по выставке «Юнги Пермского края». Целевая аудитория игры — подростки 12–16 лет: курсанты, студенты, скауты и юные участники православной парусной дружины. Принимая во внимание целевую аудиторию и специфику игры в рамках слета, было решено разбить игру на две части — «Блиц» и «Пентагон». «Блиц» представлял собой разминочную часть игры. В контексте рассматриваемого вопроса в данной статье эту часть игры можно рассмотреть опосредованно: она представляла собой десять разминочных вопросов. На каждый вопрос команде было предоставлено 15 секунд. Задания включали вопросы, связанные с историей, а также со знанием азов морского дела. По сути, данная часть не связана непосредственно с вопросом коммеморации истории юнг Северного флота, однако в контексте игровой механики эта часть была необходима. Разминочный этап задает определенный темп игры, позволяет участникам включиться в совместную мыслительную деятельность — по сути, то, что лежит в основе механики интеллектуальной игры.

Второй и основной частью интеллектуальной игры был выбран формат «Пентагон» (от греческого «пятиугольник»). Есть основные правила игры, которые возможно модифицировать под аудиторию, и дидактические цели игры. В самом ядре данного формата лежит следующая концепция: в каждом раунде задается вопрос, к которому имеются пять подсказок. Подсказки предоставляются командам с определенной периодичностью. Задача команд в данной игре — дать правильный ответ на вопрос, используя наименьшее количество подсказок. Подсчет очков производится следующим образом (табл. 2).

В большинстве методических рекомендаций в правилах игры «Пентагон» указывалось «вычитание» баллов за неправильный ответ⁴. В данном случае было решено сделать упрощенный вариант «Пентагона»: неправильный ответ, равно как и отказ дать ответ на вопрос оценивались в ноль баллов. Данное решение было принято из двух соображений. Во-первых, меньше негативных эмоций, связанных с возможным поражением. В данном случае в рамках соревновательного элемента ни одна из команд не могла даже теоретически получить отрицательное количество баллов. Во-вторых, соревновательный элемент не должен был перекрывать дидактическую функцию игры. По той же причине был установлен увеличенный лимит по времени на подсказку: 30 секунд вместо общепринятых 15 секунд.

Задания игры были непосредственно связаны с содержимым выставки, подготовленной ПермГАСПИ. В рамках памятных мероприятий выставка была представлена как в формате

Таблица 1

Сценарный план игры «По фарватеру юнг»

Разделы сценарного плана	Содержание
Место проведения	Пермский филиал Волжского государственного университета водного транспорта, аудитория 203
Техническое обеспечение игры	Персональный компьютер, проектор с экраном, предустановленное программное обеспечение (Microsoft Power Point 2007)
Материалы, используемые для игры	Изображения, найденные по соответствующей тематике в сети Интернет (в том числе с сайта ПермГАСПИ)
Идея, отраженная в названии игры	Преемственность поколений, обращение к лучшим качествам героев Великой Отечественной войны, память о мужестве и доблести юнг Северного флота
Выбор количества структурных компонентов	Шесть компонентов по истории русского флота в целом и Соловецкой школы юнг в частности
1 компонент	Экскурсионно-экспозиционная часть. Ведущий проводит лекцию (до 20 минут) по слайдам выставки «Юнги Пермского края», заостряя внимание на сюжетах и деталях, лежащих в основе заданий самой игры
2 компонент	Вступительное слово ведущего. «Визитка» (команды придумывают собственные названия, озвучивают их и обозначают на бланках ответов)
3 компонент	«Блиц» — игра-разминка. Задача игроков: правильно ответить на десять вопросов по истории русского флота и морским терминам за ограниченное количество времени (15 секунд на вопрос)
4 компонент	Подведение итогов «Блица», разбор вопросов, озвучивание баллов команд за раунд
5 компонент	«Пентагон». Основная часть игры. Задача игроков: дать правильный ответ на вопрос, опираясь на подсказки (включают в себя как прямые, так и косвенные ассоциативные подсказки). После каждого вопроса — озвучивание правильного ответа и разбор подсказок
6 компонент	Заключительная часть. Подведение итогов игры, напутственные слова

Таблица 2

Критерии оценивания ответов для раунда «Пентагон»

Оценка	Критерий оценки
5 баллов	Команда дала ответ на первой подсказке
4 балла	Команда дала ответ на второй подсказке
3 балла	Команда дала ответ на третьей подсказке
2 балла	Команда дала ответ на четвертой подсказке
1 балл	Команда дала ответ на пятой подсказке
0 баллов	Команда не успела дать ответ за отведенное время / Команда дала неправильный ответ

стендовой выставки для участников мероприятий, так и в формате демонстрации виртуальной версии выставки для участников слета. При разработке заданий использовался подход с упрощением подсказок. Разберем на примере вопроса № 4 (табл. 3).

Практическая реализация данной модели столкнулась с рядом сложностей. Во-первых, малое жюри, представленное непосредственно ведущим игры, создавало сложную ситуацию. Либо ведущий тратит время на подсчет и озвучивание баллов, чем нарушает темп игры, либо вносит результаты уже в общую ведомость слета после завершения игры. В данном случае был выбран второй вариант, что несколько повредило общей продолжительности игры, но поспособствовало поддержанию темпа мероприятия. Во-вторых, модельная продолжительность игры составляла 30–35 минут (за исключением экскурсионно-экскурсионной части). Однако в ходе реализации выяснилось, что аудитория старается дать ответ как можно быстрее, в том числе еще до начала

отсчета времени. Отчасти такая скорость реакции связана с тем, что вопросы «Пентагона» касались прежде всего информации с выставки «Юнги Пермского края», что само по себе создавало сложности при разработке игры. С одной стороны, для игры формата «Пентагон» требуется задать вопрос, моментальный ответ на который сможет дать только эрудированный игрок. Для остальных случаев предусмотрены подсказки. С другой стороны, учитывая ограничение, коим являются материалы выставки и проведенная экскурсия, делать излишне сложные вопросы было бы контрпродуктивно. Игра отчасти разрабатывалась как интерактивное дополнение к выставке, и было бы нелогично, если бы вопросы основной части игры касались тем, не связанных с материалами выставки. Подобная ситуация привела к тому, что расчетное время игры (30–35 минут) на практике сократилось до 20 минут.

Несмотря на сложности реализации, интеллектуальная игра возымела успех. Темп игры и специфика формата «Пентагон» позволили

Таблица 3

Модель вопроса № 4 основной части интеллектуальной игры «По фарватеру юнг»

Вопрос № 4: Несмотря на приближенные к полевым условиям, юнги занимались в корпусах Соловецкого монастыря. Но кроме учебных классов, было еще одно историческое строение в поселке Савватьево, которое полюбилось юнгам. Что располагалось в этом здании? (Ответ: Баня)		
Номер	Подсказка	Ассоциация с ответом
1 (Генеральная)	Черно-белое изображение Валуной бани в пос. Савватьево	Предположение, исходя из вопроса о предназначении данного строения
2	Портрет Петра I	Упомянутый на экскурсии стих юнги-пермяка В. В. Лотошникова: «Стирали и мылись в Савватьевской бане // Где царь Петр Великий парился ранее»
3	Изображение дуба и березы	Наиболее распространенная основа для банных веников
4	Изображение римской термы	Предтеча и аналог русской бани
5	Изображение эмалированного таза	1) Прямая ассоциация таза с баней (предмет хозяйственной необходимости) 2) Упомянутый на экскурсии факт о норме воды «три таза на юнгу»

сохранить интерес участников вплоть до заключительного слова ведущего. Успешно реализованной можно назвать дидактическую цель игры. Данный вывод можно было сделать по скорости реакции аудитории и количеству правильных ответов: максимум ошибок, допущенных командами при игре «Пентагон», составляет два неправильных ответа из семи. Сработала связка первичного закрепления — подача материала и последующее закрепление его в рамках практического занятия в форме игры, — что в свою очередь способствовало успешному выполнению заданий командами юных моряков.

Рассматривая опыт применения интеллектуальной игры как механизма формирования исторической памяти, необходимо подчеркнуть основные выводы. Прежде всего интеллектуальная игра — это не только механизм, но и часть комплекса памятных мероприятий. Вне контекста памятных мероприятий данная разработка представляется малоэффективной. Однако, будучи включенной в общий контекст торжественных мероприятий, будучи частью слета юных моряков, интеллектуальная игра обращается к младшей аудитории. Хотя слет является частью торжественных памятных мероприятий, степень формализованности соревновательной части заметно ниже. Это более комфортная для детей и подростков среда, и, что не менее важно, слет подразумевает активное участие. Практические занятия и игровые формы обучения считаются

одними из наиболее подходящих форм обучения детей и подростков: так они могут сами проявить свои способности к познанию, а также поиску решений поставленных перед ними задач.

Несмотря на сложности и подводные камни, проявившиеся в ходе реализации, опыт интеллектуальной игры «По фарватеру юнг» можно рассматривать как успешный практический опыт включения подрастающего поколения в контекст исторической памяти как в рамках сюжетов локальной истории («Юнги Прикамья»), так и в рамках памятных мероприятий, посвященных более широкому историко-культурному контексту. Обращение к практике подобных игр позволяет трансформировать энциклопедическую память архивных материалов в оживленную интерактивным форматом память.

Примечания

¹ Портал Юнги Пермского края URL: <https://www.permgaspi.ru/ungi-permkrai.html> (Дата обращения: 26.05.2026)

² Куштынова С. Н. Использование игровых технологий на занятиях по истории изобразительного искусства // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2015. № 20. С. 31–35. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75323.htm> (дата обращения: 27.04.2026).

³ Колбина Э. М. Использование игровых технологий на музейных занятиях по изучению истории УДТК // Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового корпуса : сб. материалов. Пермь, 2025. С. 302–306.

⁴ Игра «Пентагон» для учащихся 10-х классов. URL: <https://infourok.ru/igra-pentagon-dlya-uchaschihsya-h-klassov-1475521.html> (дата обращения: 21.04.2026).

Часть II
История архивов

О. Г. Санин

Императорский Дом Романовых и Московский архив коллегии иностранных дел в первой половине XIX века

Московский архив Коллегии иностранных дел (КИД; с 1834 г. Московский главный архив МИД — МГАМИД), образованный в 1724 г., по праву считался в XVIII–XIX вв. самым важным российским архивом, в котором хранились древнейшие документы российской истории, важнейшая дипломатическая документация и переписка с иностранными державами, а также многочисленные документы правящих династий Рюриковичей и Романовых. Именно в этом архиве в XVIII — начале XIX в. благодаря стараниям его руководителей М. Г. Собакина, Г. Ф. Миллера, Н. Н. Бантыш-Каменского, А. Ф. Малиновского начиналось планомерное изучение отечественной истории. Этому способствовали и обстановка общего подъема культуры и просвещения в России, и становление отечественной исторической науки, и рост интереса наиболее передовых и образованных кругов русского общества к прошлому страны¹. Именно в этом архиве, ставшем своеобразным флагманом отечественного архивного дела зарождались и развивались самые передовые для того времени «архивные технологии» и методы работы с документами. Неслучайно один из директоров архива во второй половине XIX в. барон Ф. А. Бюлер называл Московский архив коллегии иностранных дел «дедушкой русских архивов»². Ценность архива для правящей династии в немалой степени определялась тем, что там хранились важнейшие «документальные регалии» государства, определяющие его международное положение и подтверждавшие права правящей династии на престол. Эта значимость архива вполне осознавалась монархами, государственными и общественными деятелями уже в XVIII — начале XIX в.

Одним из первых российских монархов, серьезно обративших внимание на архив, была Екатерина II, сама много и активно интересовавшаяся российской историей. Известно, что во время работы в Москве в 1767 г. Уложенной комиссии Екатерина II много и активно общалась с тогдашним руководителем Московской конторы КИД (в ее ведении находился архив) и одновременно руководителем Оружейной палаты М. Г. Собакиным. Именно благодаря ему в Оружейной палате был обнаружен знаменитый подлинный столбец «Соборного уложения» 1649 г.³ Также депутатом Уложенной комиссии от Академии наук был избран известный историк, впоследствии руководитель Московского архива КИД (МАКИД) Г. Ф. Миллер. В ходе общения с императрицей Г. Ф. Миллер и М. Г. Собакин имели возможность рассказать о ценных документах архива и о плачевном состоянии его помещения в здании Ростовского подворья в Зарядье. В результате этого «Екатерина, ознакомившись понаслышке с материалами сего архива,

потребовала к себе на прочтение некоторые документы и, желая иметь историю России, признала сей архив за настоящую руду драгоценнейших в сем отношении материалов»⁴. Семнадцатого ноября 1768 г. был издан императорский указ о покупке для архива нового дома в Хохловском переулке за 11 тыс. руб. («на средства от почтовых доходов»)⁵. Этот факт является блестящим свидетельством реального отношения Екатерины II к архиву, хранящему важнейшие государственные документы.

В дальнейшем она достаточно часто обращалась к архивным материалам. Известно, что в 1783 г. по поручению Екатерины II выписки из архивных дел и старых летописей в библиотеке архива делал профессор Московского университета А. А. Барсов. После его смерти в 1791 г. эту работу продолжил профессор Х. А. Чеботарев⁶. Собранные ими материалы Екатерина II использовала для написания собственных «Записок касательно российской истории»⁷.

Важную роль в дальнейшем развитии отношений высшей государственной власти и МАКИД сыграло посещение архива 9 июня 1780 г. императора Священной Римской империи Иосифа II. Данный визит был важной частью тайной поездки императора в Россию под именем графа Фалькенштейна, в ходе которой обсуждались вопросы последующего заключения русско-австрийского союза, направленного против Османской империи. Известно, что посещение императором Москвы и архива было предпринято во многом по инициативе самой Екатерины II, стремившейся показать Иосифу II исторические корни отношений России и Священной Римской империи⁸. В рапорте в коллегию от 22 июня 1780 г. управляющий архивом Г. Ф. Миллер написал, что важный гость провел в архиве около двух часов («с начала одиннадцатого утра до полдня»), откуда «поспешил в Московский университет где его ожидали»⁹. В архиве графу Фалькенштейну была вначале показана «трактатная палата», где хранились древнейшие международные договоры. Особое внимание было уделено Грамоте императора Максимилиана I Василию III (1514), а также старым французским грамотам Генриха IV, «особливо таким, в коих дается российским государям императорский титул»¹⁰. В дальнейшем императору были показаны «старейшие российские письма для рассмотрения почерка». Его особенно заинтересовали «новгородския и великих князей грамоты», а также приложенные к ним печати. Иосиф II интересовался хранением и расположением дел в архиве. Из рапорта Миллера мы узнаем, что гость расспрашивал про особенности хранения и описания документов, осматривая реестры, просил

показать ему «индийские и китайские грамоты», которые были ему «тотчас поданы». Скорость, с которой ему доставили эти наугад названные документы, восхитила императора настолько, что он «хвалил весьма порядок сего расположения и скорую подачу оных дел», сказав при этом: «...я бы прислал сюда наших венских архивистов»¹¹.

После этого Иосиф II посетил «нижние палаты», где хранились статейные списки послов и министерская корреспонденция. Осматривая их, высокий гость «хвалил весьма порядочное расположение дел», особое внимание уделив делам по отношениям со Священной Римской империей.

В целом визит графа Франкенштейна в архив произвел на него самое приятное впечатление. По совершенно справедливому мнению Т. Б. Лавринович, эта «экскурсия», как и посещение Москвы в целом, в определенной степени способствовало последующим успешным переговорам о заключении русско-австрийского союза¹².

Опыт посещения австрийским императором архива и необходимость тщательной фиксации всех обстоятельств подобных посещений привел к появлению в архиве «Памятной книжки...» посетителей архива, куда записывалась информация о всех побывавших в архиве членах правящих династий, иностранных послах и посланниках, известных русских государственных деятелях, иностранных путешественниках и т. д. В дальнейшем именно эта «Памятная книжка...» стала важнейшим источником информации о всех посещениях архива членами императорского Дома Романовых вплоть до 1850 г.

Дальнейший интерес Романовых к документам архива был во многом связан с началом активной научной работы в МАКИД Н. М. Карамзина, назначенного 31 октября 1803 г. «российским историографом»¹³. Известно, что с 1816 г. Н. М. Карамзин проживал во флигеле при императорском дворце в Царском Селе, куда ему регулярно особой почтой отсылали архивные документы. Близкое знакомство историографа с императором Александром I, их регулярные встречи способствовали развитию у императора интереса к российской истории и документам архива. Еще одним фактором, повлиявшим на интерес к архиву со стороны императора и его окружения, мог стать тот колоссальный патриотический подъем в стране, который был вызван Отечественной войной 1812 г.

Таким образом, уникальность и важность архива вполне четко осознавалась российскими монархами. Об этом говорит и тот факт, что во время Отечественной войны 1812 г. МАКИД был успешно эвакуирован накануне вступления армии Наполеона в Москву. В документах канцелярии МГАМИД содержатся немало интересных свидетельств того внимания, которое оказывали правители российского государства и высшие чиновники архиву и его сотрудникам, что выражалось в достаточно частных и регулярных посещениях архива представителями правящей династии Романовых.

В марте 1818 г. на Красной площади в Москве состоялось торжественное открытие памятника К. Минину и Д. Пожарскому, на котором присутствовали император Александр I и его семья. Эта церемония и связанный с ней общественный патриотический подъем не могли не предопределить значительный интерес к архиву, хранившему древнейшие государственные ценности.

Четвертого марта 1818 г. статский советник и секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинов отправил директору архива А. Ф. Малиновскому письмо о намерении императрицы 6 марта посетить архив¹⁴. Посещение состоялось в указанный день. Елизавете Алексеевне были показаны «древние хартии»: договоры Великого Новгорода с великими и удельными князьями, духовные грамоты московских князей Ивана Калиты и Дмитрия Донского, следственное дело царевича Дмитрия, оригинальные грамоты самозванцев и Марины Мнишек, грамота об избрании на царство М. Ф. Романова, Большая государственная книга (Титулярник) 1672 г., а также старинные царские письма. Экскурсия продолжалась «с исхода 12 часа до половины второго», после чего императрица «милостиво обещала вторично посетить архив»¹⁵. Огромный интерес, проявленный Елизаветой Алексеевной к документам эпохи Смутного времени, очевидно был вызван как раз ее активным участием в открытии памятника Минину и Пожарскому.

Вторичное посещение императрицей архива состоялось 22 марта 1818 г. На этот раз ей были показаны документы о сношениях России с европейскими и азиатскими странами: английские и французские грамоты, союзные договора со Священной Римской империей, Пруссией и Швецией, договоры с Китаем, Персией и Турцией. Особенный интерес вызвала переписка английской королевы Елизаветы с Иваном Грозным, а также Людовика XIII с Михаилом Федоровичем, собственноручные проекты знаменитого физика Лейбница для Петра I и планы Санкт-Петербурга 1725 г. После этого Елизавета Алексеевна осмотрела библиотеку архива и коллекцию портретов российских царей, императоров и руководителей дипломатического ведомства. Осмотрев также нижние этажи архива, где хранились текущие министерские дела, императрица спросила об особенностях их хранения и описания, затем сделала запись в книге знатнейших посетителей¹⁶.

Через несколько дней, 1 апреля, архив посетила мать правящего императора императрица Мария Федоровна. Она осмотрела в первую очередь нижние палаты архива, где хранились дела Посольского приказа и Коллегии, «изволила любопытствовать о почерках старинного письма и употреблении при прежнем письмоводстве столбцов или бумажных свитков». Далее ей были показаны древнейшие духовные и договорные грамоты, а также письма русских государей, изучая которые, «Мария Федоровна любовалась их чадолобью, заботливости, изысканною в сей переписке»¹⁷.

Интерес к архиву, проявленный женой и матерью Александра I, привел и самого государя к мысли о посещении архива. Четвертого июня 1818 г. в Москву с дружественным визитом прибыл король Пруссии Фридрих-Вильгельм III. Данный визит был вызван исключительно семейными делами: его дочь принцесса Шарлотта (в православии Александра Федоровна) была женой наследника престола Николая Павловича и незадолго до этого родила сына — будущего Александра II. Король Пруссии желал познакомиться с дочерью и познакомиться с внуком. В Москве для Александра I и прусского короля была подготовлена специальная программа, которая предусматривала в том числе и посещение архива. Оно состоялось 8 июня 1818 г. Высоких гостей сопровождали наследник российского престола великий князь Николай Павлович, наследный принц Пруссии Фридрих Вильгельм, Мекленбург-Стрелицкий принц Карл, а также многочисленная императорская и королевская свита¹⁸.

С утра высокие гости рассматривали древнейшие и интереснейшие документы архива, а также документы по отношениям России с Бранденбургом и Пруссией, представленные лично А. Ф. Малиновским. После этого Александру I и Фридриху Вильгельму III были показаны реестры архива. При этом архивистам было устроено своеобразное испытание: они должны были в течение пяти минут отыскать и доставить первый произвольно выбранный из описи документ. Выбранная императором и королем «Грамота от 28 ноября 1741 г. от Елизаветы Петровны Венецианской республике с уведомлением о восшествии на престол» была доставлена точно в срок, что вызвало всеобщее восхищение¹⁹.

После этого посетители отправились в Комиссию печатания государственных грамот и договоров, где им от лица архива и канцлера графа Н. П. Румянцева были поднесены экземпляры первого тома подготовленного архивом «Собрания государственных грамот и договоров». Далее из верхних комнат архива все направились в трактатную палату, где королю были представлены книга австрийского императорского герольдмейстера Л. Хурелича «Родословие великих московских князей и русских царей» 1673 г. и другие государственные книги²⁰. После этого император и король пошли в нижние палаты архива, где осмотрели старые дела Посольского приказа и Коллегии иностранных дел. Там же им была показана книга первого бранденбургского посольства в Россию 1516–1520 гг.²¹ При этом «их величества... изволили удостоить внимания порядок, в котором расположены сии бумаги и любопытствовали об употреблении при прежнем письмоводстве столпцев»²².

В дальнейшем посещения архива членами императорского дома Романовых, а также других европейских правящих домов были достаточно регулярными, о чем свидетельствует «Памятная книга...». Одиннадцатого сентября 1820 г. архив посетил прусский наследный принц Фридрих

Карл Александр, 27 апреля 1821 г. — отец великой княгини Елены Павловны принц Павел Фридрих Виртембергский, 27 апреля 1825 г. — кронпринц Нидерландский Вильгельм²³.

За организацию экскурсий по архиву и выполнение важных правительственных заданий руководство и сотрудники МАКИД часто получали подарки. Так, например, в мае 1818 г. после посещения архива императрицей Марией Федоровной руководителю архива А. Ф. Малиновскому и секретарю Шульцу были пожалованы бриллиантовые перстни «за посещение архива и за поднесение Е. И. В. исторических записок и последних архивных изданий»²⁴. Весьма высоко оценивалось и выполнение архивом важной для правительства научно-публикаторской работы. Так, например, в 1822 г. за подготовку «Краткого хронологического обозрения сношений России с Портою Оттоманскою» большинству архивистов были пожалованы новые чины и знаки отличия, а титулярный советник и переводчик Норов, осуществлявший перевод турецких дел, помимо нового чина получил еще и бриллиантовый перстень стоимостью 1000 руб.²⁵ В 1824 г. помощник библиотекаря архива титулярный советник К. Ф. Калайдович за написание книги «Иоанн экзарх Болгарский» был награжден «золотом с живописью на финифти табакеркой»²⁶.

Значительный интерес к архиву проявлял и новый император Николай I. Известно, что во время коронационных мероприятий в Москве в августе 1826 г. планировалось также и его посещение архива. По словам Д. Н. Свербеева, служившего впоследствии в МАКИД, руководитель архива А. Ф. Малиновский тщательно готовился к посещению архива императором. При этом «государь благоволит обещать свое посещение. Начальник архива и другие чиновники готовились к торжественному приему, и учредили, что называется теперь “выставку” археологических драгоценностей»²⁷.

Однако данный визит не состоялся. Незадолго до приезда императора в Москву на Малиновского поступил донос от служащих при архиве инвалидов унтер-офицера Д. Медведева и рядового В. Крутикова о том, «что главный над конторою, вместе с архивными юношами совещается по ночам истребить императорскую фамилию»²⁸. Донос попал в руки московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына и шефа корпуса жандармов И. Х. Бенкендорфа. Голицын сразу понял всю нелепость этого доноса и не обратил на него внимания, но Бенкендорф настоял на создании специальной комиссии по «расследованию нелепых слухов». Расследование быстро выявило голословность обвинений Малиновского. Сказалось, очевидно, и заступничество за Малиновского великой княгини Елены Павловны, ранее посещавшей архив²⁹. Сами доносчики были высечены розгами и под караулом сосланы в Тамбов³⁰. Несмотря на откровенную лживость данного доноса, слухи о том, что при архиве зреет заговор, очевидно обеспокоил императора, и его посещение архива было отменено.

Тем не менее и в дальнейшем представители династии Романовых продолжали проявлять интерес к Московскому архиву Коллегии иностранных дел. Согласно «Памятной книге...», 4 декабря 1837 г. в архиве побывал цесаревич великий князь Александр Николаевич (будущий Александр II). Инициатором этого посещения, очевидно, был воспитатель наследника В. А. Жуковский³¹. Продолжились посещения архива и представителями иностранных правящих династий. Третьего ноября 1829 г. в архиве был наследный принц Персии Хосрев-Мирза, а 13 марта 1830 г. в МАКИД побывал прусский принц Альбрехт³².

Подобная практика посещения архива членами императорского дома и других правящих дворов продолжилась и во второй половине XIX — начале XX в. Известно, что в 1851 г. МГАМИД посетил Николай I с наследником, императрицей и великой княгиней Екатериной Михайловной. После переезда архива в новое здание на Воздвиженке в 1874 г. там побывали император Александр II и его сыновья великие князья Сергей и Павел Александровичи. В 1875 г. сокровища архива показывали великому князю Константину Николаевичу, в 1876 г. — великой княгине Елене Михайловне. В августе 1898 г. во время торжеств, посвященных открытию в Кремле памятника Александру II, архив посетил последний русский император Николай II³³.

Таким образом, в конце XVIII — первой половине XIX в. складывалась полезная традиция посещения членами Дома Романовых, иностранными правителями и дипломатами старейшего русского архивохранилища — Московского архива Коллегии иностранных дел, в котором хранились важнейшие документы по истории России и документы правящей династии. Прибывающие в Москву представители Дома Романовых, как правило, обязательно посещали архив. Для них устраивались экскурсии, на которых показывали древнейшие архивные документы (грамоты великих и удельных князей), следственные дела, документы об избрании Романовых на престол, грамоты иностранных государей, обширную дипломатическую документацию, личные царские письма. В программу посещений обязательно входили библиотека и знакомство с древнейшими книгами, изучение описей и порядка хранения дел в архиве, знакомство с публикациями архивных документов. Все это способствовало воспитанию патриотизма у наследников престола и великих князей, а также формированию у правящих особ осознания значимости архивных документов как для понимания прошлого так и для текущего управления страной.

Можно с уверенностью констатировать значительный интерес представителей семьи Романовых к архиву как к сокровищнице, хранящей историческое прошлое. Это свидетельствует об уровне их образования и воспитания, об искреннем «живом» внимании их к архивным документам и архиву в целом, а также указывает на огромное значение МАКИД в сохранении русской

истории. Интерес, внимание и уважение, которое проявляли Романовы к архиву, являются очень полезным нравственным опытом и для современных руководителей российского государства. К глубокому сожалению, эта правильная традиция была в XX–XXI вв. нарушена. Руководители советского государства и современной России архивы уже не посещали. Единственным исключением является участие президента РФ В. В. Путина в церемонии открытия нового здания Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге 23 декабря 2005 г.³⁴

Грустно и больно!

Примечания

¹ Саннин О. Г. Дипломатические архивы дореволюционной России. М., 2025. С. 169.

² Бюлер Ф. А. Московский главный архив МИД и его прежние посетители // Сборник МГАМИД. М., 1883. Вып. 3. С. 57.

³ Эскин Ю. М., Волчкова М. А. Серебряный ковчег 1767 г. для Соборного уложения царя Алексея Михайловича: история изготовления // Хризограф. Вып. 4 : сб. ст. к юбилею И. П. Мокрецов. М., 2018. С. 437–456.

⁴ Бюлер Ф. А. Указ. соч. С. 58.

⁵ РГАДА. Ф. 180. Оп. 3. Д. 41. Л. 1–2.

⁶ Саннин О. Г. Указ. соч. С. 166.

⁷ Ильина К. Е. Екатерина II и ее вклад в изучение российской истории // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. М., 2021. С. 15–21 ; Екатерина II. Записки касательно российской истории. URL: http://dugward.ru/library/ekaterina2/ekaterina_ii_zapiski_kasatelno.html (дата обращения: 04.06.2026).

⁸ Лавринович М. Б. Московский архив Коллегии иностранных дел в системе принятия политических решений (1780 г.) // Отечественные архивы. 2018. № 6. С. 3–4.

⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 56. Л. 144 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 144 об.

¹² Лавринович М. Б. Указ. соч. С. 9.

¹³ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 79. Л. 545–545 об.

¹⁴ Там же. Д. 93. Л. 236.

¹⁵ Там же. Л. 236–237.

¹⁶ Там же. Л. 327–328.

¹⁷ Там же. Л. 361.

¹⁸ Памятная книга о посещавших Московский Государственный коллегии иностранных дел архив знаменитых особах и иностранных путешественниках // Сборник МГАМИД. М., 1883. Вып. 3. С. 72.

¹⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 94. Л. 590а об.

²⁰ Там же. Л. 590б.

²¹ Там же. Л. 590 об.

²² Памятная книга о посещавших ... С. 74.

²³ Там же. С. 75–76.

²⁴ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 94. Л. 526.

²⁵ Там же. Д. 98. Л. 315.

²⁶ Там же. Д. 100. Л. 1411.

²⁷ Свербеев Д. Н. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826). М., 1899. Т. 2. С. 376.

²⁸ К истории Московского главного архива Коллегии иностранных дел. Всеподданнейшее донесение государю императору управляющего архивом А. Ф. Малиновского. 1826. М., 1899. С. 5 ; Долгова С. Р. Итак, да здравствуют архивы! М., 1991. С. 425.

²⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 102. Л. 582.

³⁰ Там же. Л. 1053.

³¹ Памятная книга о посещавших ... С. 77–78.

³² Там же. С. 79.

³³ Болотина Н. Ю. Романовы и архивы: посещения членами императорской фамилии Московского главного архива министерства иностранных дел (МГАМИД) // Вестник архивиста. 2013. № 2. С. 143–146.

³⁴ Владимир Путин сдал архив // Коммерсант. 2005. 24 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/638467?ysclid=mqnuexs7av889635784> (дата обращения: 21.06.2026).

Г. А. Никитенко

Архив Ставропольской (Кавказской) духовной консистории (1843–1920)

Кавказская область в церковном отношении подчинялась до 1829 г. Астраханской духовной консистории, до 1842 г. — Новочеркасской. По удаленности области от внимания архипастырей здесь сложились определенные особенности: отсутствие взаимодействия между духовной и гражданской властью, затруднения в распространении христианства в горских народностях, увеличение числа раскольников. Заботясь о единообразии церковного управления и совпадении пределов областей и губерний с пределами епархии, учитывая ходатайства военного и гражданского управления области, 4 апреля 1842 г. император Николай I одобрил предложение Святейшего правительствующего синода об образовании Кавказской епархии, в состав которой вошли Кавказская область и Черноморья. С 1 января 1843 г. новоучрежденной епархии с центром в Ставрополе определен третий класс, архипастырем — епископом Кавказским и Черноморским — назначен Иеремия (Соловьев), епископ, викарий Киевской митрополии.

В соответствии с Уставом духовных консисторий 1841 г., главным органом управления епархией стала Кавказская духовная консистория, открывшая свои действия с приездом в Ставрополь архипастыря. На копии указа Святейшего правительствующего синода от 18 января 1843 г. № 84 стоит первая резолюция преосвященнейшего Иеремии, епископа Кавказского и Черноморского и кавалера: «18 апреля 1843 г. К господам начальствующим области и Черномории заготовить лично от меня уведомительные отношения об открытии Кавказской консистории; прочие исполнить»¹.

Членами консистории избраны Екатеринолебяжской Черноморской пустыни архимандрит Дионисий и члены упраздненного Ставропольского духовного правления протоиереи Константин Крастилевский, соборные священники Андрей Альшанский и Димитрий Гремяченский². Из штата Новочеркасской консистории в канцелярию переведены чиновники Ставропольского духовного правления; документы правления составили основу архива консистории. В соответствии с Уставом духовной консистории, в канцелярии велось делопроизводство по нескольким столам — структурным подразделениям с определенной компетенцией, возглавляемым столоначальниками. Чтобы представить видовое разнообразие документов, ведущихся на столах, следует ознакомиться со структурой канцелярии и компетенцией ее подразделений. По Уставу духовной консистории, столов в ней могло быть до шести, причем шестым именовался архив. В документах фонда Ставропольской (до 2 апреля 1886 г. — Кавказская) консистории наблюдаем ведение делопроизводства на четырех-пяти

столах. Архив консистории при этом столом не являлся.

В первые месяцы после открытия действий консистории в штате канцелярии не было архивариуса; за сохранность, систематизацию, выдачу справок из архива отвечал назначенный столоначальник. Сам преосвященный придавал большое значение сохранности документов, стремился ускорить процесс приведения в надлежащее состояние дел, уже скопившихся в архиве или ожидающих на столах в канцелярии приема на хранение. В соответствии со ст. 357 Устава духовной консистории, архивариус избирался из благонадежнейших чиновников канцелярии. Он обязан был «содержать в правильном расположении, целости, чистоте и опрятности поступающие в архив дела и акты»³. Второго сентября 1843 г. на вакансию подал прошение служащий Кавказской палаты казенных имуществ титулярный советник Иван Карпович Валицкий, имевший безупречный послужной список. Семнадцатого сентября 1843 г. он подписал клятвенное обещание и вступил в должность⁴.

Из «Реестра вещам, необходимым для устройства Кавказской духовной консистории»: при обустройстве для архива были приобретены стол, три стула, чернильный прибор, замок висящий, полки для раскладки дел — метрических книг, исповедных росписей, журналов и «прочих разных ведомостей весом 350 пудов»⁵. В соответствии со ст. 352 Устава духовной консистории: «Дело должно быть шито, иметь заглавный лист по форме XXVIII, перенумеровано и скреплено по писаным листам столоначальником»⁶. В первую очередь тематическому разбору подверглись те самые 350 пудов документов. В марте 1844 г. архивариус Валицкий подвел первые итоги: выявлены и систематизированы метрические книги церквей Ставропольского, Пятигорского, Моздокского округов и Черномории с 1800 по 1843 г.; исповедные росписи церквей Ставропольского и Моздокского округов с 1800 по г., Пятигорского с 1801 по 1843 г., Черноморского с 1795 по 1843 г. В соответствии со ст. 358 Устава духовной консистории принимаемые дела и акты требовалось размещать в шкафах в следующем порядке: протоколы, журналы, докладные реестры, дела «по родам их», метрические книги, исповедные росписи и т. д. Акты и книги, не принадлежащие к делам, а также секретные дела должны были храниться в специальных шкафах с замками и за печатью консистории⁷. Условий для выполнения этих правил в архиве не было изначально, в дальнейшем неудобства в работе только множились.

Прием документов в архив меньше всего зависел от архивариуса. Формировать документы, оформлять дела надлежащим образом, составлять описи должны были столоначальники,

а ввиду их загруженности процесс передачи задерживался.

Распоряжением от 5 апреля 1844 г. преосвященнейший Иеремия предписал столоначальникам консистории привести в надлежащий вид и передать архивариусу все дела, помещенные в архив. Тринадцатого апреля 1844 г. архипастырь подкрепил распоряжение резолюцией: «Не медлить более, а за успехом дела отцу протоиерею Макарию Знаменскому наблюдать»⁸. Весь процесс формирования архива консистории и упорядочения делопроизводства канцелярии преосвященнейший Иеремия курировал лично. Назначенный им для непосредственного наблюдения член Кавказской духовной консистории протоиерей Макарий Знаменский каждые две недели информировал архипастыря о подготовленных столоначальниками документах, видах проведенных с ними работ, количестве принятых в архив дел⁹. Во многом благодаря неравнодушному и ответственному подходу главы епархии к сохранности документов, пониманию их роли в формировании истории государства и общества мы имеем в архиве едва ли не самое многочисленное, тематически полноценное и исторически значимое собрание документов об истории Русской православной церкви на Северном Кавказе.

Подобная работа одновременно проводилась и в духовных правлениях епархии. По установленной форме они отчитывались перед консисторией о состоянии своих архивов, движении дел, количестве переданных на долгосрочное хранение документов. Например, ведомость об архиве Екатеринодарского духовного правления за 1843 г. содержит сведения о наличии документов с 1794 по 1841 г. (журналы, докладные реестры, распорядительные дела, хозяйственные, следственные и судные, с ведомостями о церковных суммах, с формулярными списками, описи церковного имущества, метрические книги, исповедные росписи). Всего из 7883 дел архива на долговременное хранение было определено 1840 дел¹⁰. Свидетельство о состоянии архива несет также информацию о крайней стесненности в помещениях, занимаемых Екатеринодарским духовным правлением. Для обеспечения сохранности дел и надлежащего их размещения необходимо было перевести архив в другое помещение, например в одно из пустующих в приходском духовном училище. С 1843 г. рассматривался в инстанциях и не получал разрешения этот вопрос, и только в 1848 г. стараниями преосвященнейшего Иереми было получено разрешение Святейшего правительствующего синода¹¹.

Тридцать первого мая 1844 г. секретарь консистории надворный советник Феодосий Потеряхин, выполняя словесный приказ епископа, отчитался о премировании архивариуса титулярного советника Ивана Валицкого пятнадцатью рублями серебром «за понесенные им об архиве труды, заключающиеся в составлении им вновь архивных описей и приведении в порядок всех архивных дел»¹². Резолюция преосвященнейше-

го (не первый раз) поражает лаконичностью: «Согласен».

В течение 1844 г. были приведены в порядок, скреплены, дополнены обложками, внесены в описи дела Ставропольского духовного правления за 1824–1842 гг. и принятые из Донской (бывшей Новочеркасской) духовной консистории дела: клировые ведомости с 1789 по 1840 г., свечные ведомости с 1824 по 1835 г. Для ускорения работы по оформлению дел к работе в Ставрополе был прикомандирован служивший ранее в Новочеркасском духовном правлении канцелярист Михаил Голубцов. По словесному распоряжению архипастыря члену Кавказской духовной консистории архимандриту Черноморской Николаевской пустыни Дионисию в Екатеринодарском духовном правлении к обработке дел привлечены два причетника с обещанием по завершении работы следующего по старшинству чина¹³. Прием в архив оставшихся неоформленными 1700 дел Новочеркасской духовной консистории по прошению епископа в Синод был отложен до завершения 1845 г. До того времени не представлялось возможным и полное освидетельствование архива консистории.

Двадцатого марта 1845 г. резолюцией епископа Иереми к архивариусу консистории Валицкому был приставлен временный помощник: «До окончания сдачи архива и переплета книг главных определить помощником к архивариусу чиновника Ивана Тучинского»¹⁴.

В марте 1845 г. были обработаны для сдачи архивариусу 3100 дел Новочеркасской духовной консистории, среди которых обнаружены документы Астраханской духовной консистории за 1708–1784 гг., переданные при открытии Новочеркасской епархии. С увеличением количества дел для приема в архив стало очевидно, что площадь архивного помещения, полки и стеллажи для размещения документов совершенно не обеспечивали насущных потребностей. В отдельные периоды архивариус вынужден был останавливать обработку и прием дел в архив, занимаясь сооружением новых полок, снимая часть досок с ранее заполненных стеллажей. По донесению протоиерея Знаменского, кроме прошивки, скрепления дел, нумерации листов, наклеивания обложек и подписания заголовков, составления описей и сверки с ними дел архивариус постоянно был занят «доставлением к делам, в разных столах консистории производящимся, требуемых справок». Резолюция владыки на рапорте: «Посмотрю лично, и если правда написана, буду благодарен»¹⁵. В документах имеются сведения о награждении архивариуса Кавказской духовной консистории титулярного советника Ивана Карповича Валицкого денежными суммами. О справках, выдаваемых из архива: по первому столу — выписки из метрических свидетельств, внесение изменений в метрические записи; по второму столу — выписки из документов по личному составу; по третьему столу — выписки по финансово-хозяйственным вопросам; по четвертому

стола — выписки по жалобам, обвинениям служителей церкви, чиновников, прихожан, о взятках, штрафах, епитимиях.

В конце 1849 г. завершилось служение преосвященнейшего Иеремии в Кавказской епархии. В связи с неполнотой состава документов в фонде не выявлено актов о проверке наличия и состояния дел архива до 1857 г. Известно, что акты освидетельствования архива ежегодно отправлялись в Святейший правительствующий синод. К 1857 г. относится первая полная ведомость о количестве и составе дел и актов архива Кавказской духовной консистории: переданные из Астраханской и Новочеркасской духовных консисторий 16 108 дел за 1708–1850 гг.; метрические книги (уездов Ставропольского, Пятигорского и Моздоко-Кизлярского 94 дела за 1800–1855 гг.; Черноморские, уезда Екатеринодарского 107 дел за 1795–1855 гг.); исповедные росписи (уездов Ставропольского, Пятигорского и Моздоко-Кизлярского 78 дел за 1800–1857 гг.; Черноморские, уезда Екатеринодарского 60 дел за 1795–1853 гг.); ревизские сказки (два дела за 1811, 1815, 1834 гг.); клировые ведомости (25 дел за 1800–1845 гг.); дела бывшего Ставропольского духовного правления (504 дела за 1801–1843 гг.); докладные реестры (одна книга за 1833–1844 гг.); журналы (десять дел за 1810–1843 гг.); входящие и исходящие реестры (два дела за 1817–1843 гг.); ревизские сказки (три дела за 1811–1815 и 1834 гг.); клировые ведомости (десять книг за 1810–1843 гг.). Итого 19 612 дел, 392 книги¹⁶.

В 1860-х гг. консистория арендовала дом на территории Казанского кафедрального собора. Завершенные делопроизводства на столах канцелярии метрические книги, журналы, реестры, клировые ведомости о состоянии церквей, причтов и прихожан, документы по личному составу в количестве до 1500–1700 ед. хр. ежегодно принимались архивариусом на хранение. Некоторое количество документов с истекшим сроком хранения списывалось из архива, частично освобождая место новым поступлениям. Для новых полок и стеллажей давно не было места, архив пришел к состоянию недопустимой переполненности.

Консистория, исходя из собственных возможностей, приняла решение о размещении части дел, по которым больше не требовалось выдавать справки, в подвальном помещении Казанского кафедрального собора. Второго декабря 1863 г. специально созданная комиссия в составе кафедрального протоиерея Василия Попова, секретаря консистории Тихона Григорьевского и заведующего архивом Николая Воинова представила епископу Кавказскому и Черноморскому Феофилакту перечень перевезенных в подвал архивных дел без указания их количества: Астраханской духовной консистории за 1750–1830 гг.; Ставропольского духовного правления за 1801–1840 гг.; журналы за 1810–1843 гг.; реестры входящих документов за 1818–1843 гг.; реестры исходящих документов за

1832–1844 гг.; журналы Георгиевского духовного правления за 1818–1820 гг.; свод гражданских законов 1840 г. издания; свод военных законов 1838 г. издания; описи церковного имущества Кавказской епархии (без указания дат)¹⁷.

В 1865 г. помещение канцелярии было переделано с целью установки дополнительных полок для архива, часть документов перемещена в этот раз на колокольню собора. Тем не менее не только помещения архива, но и сама канцелярия консистории оказались «совершенно тесными» из-за передачи главным священником Кавказской армии метрических книг и исповедных росписей станичных церквей Кубанского и Терского казачьих войск, воссоединенных с Кавказской епархией, и продолжающейся передачи дел, касающихся самих церквей и духовенства. Так что «получаемые от Его Преподобия дела, за неимением места в архиве, складываются ныне в одной из комнат, занимаемых сторожами консистории»¹⁸.

В 1869 г. архив консистории был размещен в специально приисканном для этого доме, снятом у протоиерея Гремяченского. Из рапорта архивариуса коллежского секретаря Ивана Антонова следует, что архивные дела были перевезены им с оплатой по 40 копеек серебром за один воз, а всего таких возов было 91¹⁹. Общее количество дел в архиве после приема документов станичных церквей Кубанской и Терской областей и переезда в новые помещения в рапорте и других документах не указано; документы исчисляются в пудах и возах, актов освидетельствования архива за 1870–1880-е гг. в фонде консистории не имеется.

В документах архива имеется письмо епископа Ставропольского и Екатеринодарского Евгения в Святейший правительствующий синод от 25 января 1891 г., к которому приложен акт о состоянии архива Ставропольской духовной консистории. По освидетельствованию архивариуса Якова Оголевца, в 1890 г. в архиве находилось 52 541 дело за 1793–1890 гг.²⁰ Ежегодно в архив передавалось около 2000 дел. По сведениям из документов, в 1898 г. в архиве значилось 63 584 дела за 1793–1897 гг.

За все время своего существования архив консистории не имел помещений, соответствующих требованиям хранения и использования документов, обеспечивающих соблюдение температурно-влажностного режима. Площадь помещений всегда была недостаточной, хранилища зачастую не отапливались, от сырости и плесени документы приходили в полную негодность и списывались. Вот акт одного лишь освидетельствования архива:

Архив помещается в нижнем этаже консисторского здания в двух больших комнатах с асфальтовым полом, не отапливается, помещение достаточно удобно, но уже заполнено, сделанное расширение архива за счет бывшего парадного входа в западной части здания оказалось недостаточным, и под архив была приспособлена одна из надворных пристроек (быв-

шая баня), где был произведен ремонт, устроены полки и летом текущего года предполагено перенести часть дел архива. В стенах архива имеется сырость, и часть дел некоторых годов, которые были расположены на полках у наружных стен, попорчены сыростью, но в настоящее время приняты меры — дела перемещены в более сухое место и от дальнейшей порчи предохранены²¹.

Документы Ставропольской (Кавказской) духовной консистории из года в год свидетельствуют о несоответствующих правилам условиям хранения дел и в связи с этим утрате многих документов. В рапорте от 11 марта 1899 г. архивариус консистории Яков Оголевец докладывал:

При открытии в 1843 году Кавказской (ныне Ставропольской) епархии, Астраханской и Новочеркасской духовными консисториями были переданы дела: первую с 1708 по 1830 год, вторую с 1781 по 1843 год, а в 1865 году управлением главного священника Кавказской армии с 1800 по 1868 год при передаче в ведение Кавказской епархии казачьих станиц Кубанского казачьего войска. Кроме того, имеются дела духовных правлений: Ставропольского с 1827 по 1843 год, Александровского, Георгиевского и Моздокского с 1801 по 1850 год, Екатеринодарского с 1794 по 1871 год (кои хранятся при войсковом соборе). А так как помещение архива в настоящее время очень малое и эти дела занимают очень много места, и не требуется по ним никаких справок, а потому я имею честь покорнейше просить Ставропольскую духовную консисторию, не найдет ли она возможным ходатайствовать перед Святейшим правительствующим синодом об уничтожении хотя за старое время дел, так как некоторые из них пришли в такую ветхость, что потлели и взялись гнилью²².

Тринадцатого июня 1903 г. епископ Владикавказский и Моздокский Владимир обратился к епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому Агафодору с письмом о передаче из архива Ставропольской духовной консистории дел, имеющих отношение к церковной истории Кизлярского отдела Терской области. Речь шла о документах Астраханской духовной консистории за 1708–1830 гг.: «...дел такого рода и разных бумаг находится еще в архиве Ставропольской духовной консистории свыше 100 пудов». Ставропольская духовная консистория определила передать дела, касающиеся приходов Терской области, в Грузино-Имеретинскую синодальную контору, из которой выделилась новоучрежденная Владикавказская епархия. Но епископ Агафодор привел доказательства неправомерности такого действия, и пресловутые 100 пудов дел были переданы во Владикавказ.

В связи с изменением государственного устройства 16–20 марта 1917 г. чрезвычайный съезд духовенства Ставропольской губернии учредил Ставропольский епархиальный пресвитер-

ский совет, который наравне с консисторией призван был решать вопросы деятельности духовных учреждений. Двадцать третьего мая 1918 г. был учрежден совет союза духовенства Ставропольской епархии, но 1 июля 1918 г. деятельность консистории прекращена. В соответствии с декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» в стране создается единый государственный архивный фонд, и документы ведомственных архивов передаются на государственное хранение. В Ставропольской губернии это произошло в 1920 г., после окончания Гражданской войны и установления советской власти.

На хранении в Государственном архиве Ставропольского края находится фонд Ставропольской духовной консистории, включающий документы с 1797 по 1929 г. в количестве 16 090 ед. хр. Это самое значительное собрание архивных документов об истории Русской православной церкви на Северном Кавказе. В составе фонда метрические книги, исповедные росписи, книги брачных обысков, клировые ведомости церквей, послужные списки церковно- и священнослужителей, указы Синода и циркулярные предписания по духовному ведомству, журналы и протоколы консистории, обзоры о состоянии епархии; документы о строительстве церквей и устройстве монастырей, работе церковно-приходских школ, открытии духовной семинарии; переписка о созыве съездов духовенства и документы съездов, рапорты и отчеты епархиального миссионера о работе с сектантами, крещении иноверцев.

Примечания

¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 875. Л. 2.

² Там же. Д. 914. Л. 3 об.

³ Там же. Д. 875. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 914. Л. 14, 18.

⁵ Там же. Д. 319. Л. 3–4.

⁶ Там же. Д. 914. Л. 27.

⁷ Там же. Л. 28.

⁸ Там же. Л. 32.

⁹ Там же. Л. 35–38.

¹⁰ Там же. Д. 267. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 52–52 об.

¹² Там же. Д. 914. Д. 99–99 об.

¹³ Там же. Д. 267. Л. 22.

¹⁴ Там же. Д. 914. Л. 85.

¹⁵ Там же. Л. 92.

¹⁶ Там же. Оп. 15. Д. 213. Л. 1.

¹⁷ Там же. Оп. 21. Д. 601. Л. 4–4 об.

¹⁸ Там же. Оп. 27. Д. 866. Л. 1–2.

¹⁹ Там же. Д. 866. Л. 26–26 об.

²⁰ Там же. Оп. 49. Д. 212. Л. 1–4.

²¹ Там же. Оп. 76. Д. 604. Л. 1.

²² Там же. Оп. 57. Д. 174. Л. 1–2 об.

А. П. Муромцева

Архивы и музеи войск Донского и Кубанского казачества в эмиграции

После 1917 г. вместе с эмигрантами за границей оказалось немало культурно-исторических ценностей, вывезенных из России. Среди них заметно выделяются коллекции казачьих реликвий и архивов, являющихся важным историческим источником. Обратившись к ним, можно полнее и глубже соприкоснуться с духовной жизнью наших зарубежных соотечественников, оказавшихся волею судеб далеко от родины, но всячески стремившихся сохранить свою национально-культурную идентичность, не раствориться в иной среде.

В ноябре 1920 г. в составе армии генерала П. Н. Врангеля в Турцию эвакуировалось около 50 тыс. донских, кубанских, терских и астраханских казаков (как военных, так и гражданских лиц, беженцев). В невыносимых условиях им пришлось провести несколько тяжелых месяцев в лагерях на острове Лемнос и в районе Чаталджи (в 50–60 км к северу от Константинополя). Затем, в 1921–1923 гг., в организованном порядке казачьи части, входившие ранее в Донскую и Кубанскую армии, были перевезены в Югославию (22 000 человек), Болгарию (7000), Грецию (3000), Чехословакию (1000). Несколько тысяч казаков в поисках лучшей доли самостоятельно перебрались со временем во Францию. Сибирские, забайкальские, амурские, уссурийские казаки осели в Китае¹.

Оказавшись за пределами России, казачество стремилось не только не раствориться в чужеродной среде, но и выделялось своей самобытностью даже внутри российской эмиграции. Одной из форм сохранения национально-культурной идентичности являлась деятельность казачества по сбережению своего исторического наследия. Координирующую роль в этом вопросе играл созданный в январе 1921 г. в Константинополе Объединенный совет Дона, Кубани и Терека, в состав которого входили войсковые атаманы и председатели казачьих правительств². Исторические реликвии, фотографии, письма и архивы помогали казакам переносить тяжесть разлуки с родиной. До Второй мировой войны музейные и архивные собрания казачества, не раз менявшие свое местонахождение, хранились главным образом в Югославии, Чехословакии и Франции.

Одной из интересных и ценных коллекций такого рода были материалы Донского исторического архива и Донского музея. Еще в 1884 г. в Новочеркасске — административном центре области Войска Донского — возникло Общество любителей донской старины, сыгравшее большую роль в создании музейного собрания. А в 1899 г. состоялось открытие Донского музея истории казачества в специально построенном для него здании в центре города. Наиболее важные документы Войска Донского хранились в му-

зее, но основная масса архивных материалов оставалась в ведении войсковой канцелярии³.

Если бы не революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война, реликвии донского казачества вряд ли покинули бы стены Новочеркасского музея. Но из-за угрозы захвата Новочеркасска Красной армией в декабре 1919 г. по решению Донского казачьего правительства и атамана Войска Донского А. П. Богаевского Донской архив и основная коллекция музея, оцененная в 8 763 500 руб., были вывезены из Новочеркасска по железной дороге в Новороссийск.

Эвакуация из Новороссийска в марте 1920 г. остатков Донской армии, а вместе с ней архивных и музейных ценностей, происходила при весьма драматических обстоятельствах под огнем наступавших красных. Для Донской армии было выделено всего три парохода, которые не могли вместить всех людей. Казакам пришлось даже оставить на берегу тысячи породистых лошадей. Но несмотря на все ужасы новороссийской катастрофы, коллекции Донского архива и Новочеркасского музея были переправлены морем в Константинополь.

В Константинополе вывезенные материалы Донского архива и Новочеркасского музея истории донского казачества разместили в здании летней резиденции Российского посольства в Буюк-Дере, где приступили к их предварительному разбору. Но там архивные и музейные ценности Войска Донского надолго не задержались. В связи с эвакуацией в 1921 г. из Турции остатков армии генерала П. Н. Врангеля, в которую входил Донской казачий корпус, казачьи реликвии переправили через Болгарию в Югославию и хранили в течение четырех лет в Белградской крепости под контролем образовавшейся в 1923 г. Донской исторической комиссии. На этом их зарубежные странствия, однако, не закончились. В 1924 г. в Чехословакию из Парижа приезжал А. П. Богаевский, чтобы договориться с властями о перемещении туда реликвий истории Дона. В феврале 1925 г. под руководством члена Донской исторической комиссии П. А. Скачкова они были перевезены по железной дороге в Прагу на деньги, выделенные чехословацким правительством⁴. Тогда же была проведена сверка музейных коллекций, по результатам которой их хранители письменно зафиксировали: 147 единиц старинного оружия, 155 знамен, 534 личных награды (ордена и медали), 90 братин, ковшей и других разновидностей наградной посуды, 1634 монеты, 85 археологических находок и прочие предметы⁵.

В столице Чехословакии казачьи музейные экспонаты вместе с Донским архивом первое время находились в помещениях Национального музея благодаря любезному содействию его директора доктора Теодора Сатурника. А в 1927 г.

их перевезли в здание на ул. Вензиговой. В Чехословакии в то время существовало несколько группировок и объединений казачьей эмиграции. Между ними развернулась борьба за право обладания святынями казачества. В частности, их пытались взять под свой контроль Общеказачий сельскохозяйственный союз и Центральное Правление Вольного казачества — казаков-националистов. Но пользуясь поддержкой донского атамана А. П. Богаевского, Скачков не выпустил ценности из своих рук.

Фонды архива систематически пополнялись за счет документации находившихся в эмиграции донских органов управления, штабов и различных организаций. К моменту вхождения Донского исторического архива в Русский заграничный исторический архив (РЗИА) в нем хранился 269 931 документ по истории Великой и Гражданской войн, пребыванию Донской армии в эмиграции, а также документы Красной армии, отбитые казаками во время боевых действий; исторический отдел содержал 63 368 документов; учреждения войскового Донского правительства — 621 814 документов. Эмигрантский период насчитывал 45 038 документов на 94 972 листах⁶.

К 1934 г. Донская историческая комиссия фактически распалась, а чехословацкие власти уведомили о прекращении субсидий на содержание коллекций. Чтобы выйти без потерь из создавшейся тяжелой ситуации, незадолго до своей смерти А. П. Богаевский в начале 1934 г. по предложению П. А. Скачкова санкционировал передачу донских коллекций на хранение в РЗИА при Министерстве иностранных дел Чехословакии, которое его и финансировало. По этому поводу был заключен специальный договор из 14 пунктов, гарантировавший особые условия их хранения и определенную автономию созданного в 1934 г. в составе РЗИА Донского отдела. Его возглавил П. А. Скачков, а после кончины последнего — его помощник, бывший полковник М. А. Ковалев. Далеко не сразу о переходе коллекций из Новочеркасска под юрисдикцию РЗИА стало известно более широким кругам казачьей эмиграции в Чехословакии. Лидер казаков-националистов В. Г. Глазков сразу же обратился с письменным протестом против передачи реликвий «в руки русских», опубликованным в 1935 г. в журнале «Казакия».

В действительности на основе специального соглашения коллекции Донского музея все эти годы числились на временном хранении в фондах Национального музея в Праге. В рукописном «Проекте условий передачи материалов Донского казачьего архива в фонды Р.З.И. Архива при МИД Чехословацкой Республики» говорится только об архивных материалах. В частности, в п. 2 подчеркивается:

По установлении в России некоммунистической власти все материалы Донского казачьего архива передаются в Россию, в Донской войсковой архив или иное равноценное на Дону учреждение⁷.

Как явствует из машинописного же экземпляра «Проектов основных положений для организации Комиссии по Казачьему отделу при РЗИА», коллекции из Новочеркасска обозначались термином «войсковое имущество». Пункт 21 этого документа гласил:

Имущество донского архива с его описями, в полном объеме подлежит возврату его собственнику — Войску Донскому по требованию войсковой власти, основанному на постановлении представительного органа — Войскового круга, с ведома и согласия общегосударственной российской некоммунистической власти, признанной Правительством Чехословацкой Республики. Если в течение тридцатилетнего срока в России не наступят все указанные выше условия, это войсковое имущество подлежит возвращению в Донской музей в Новочеркасске⁸.

Как видим, предусматривался даже вариант передачи ценностей в Советскую Россию при условии сохранения большевистского режима через 30 лет, то есть к середине 1960-х гг.

В 1942 г. архивные материалы и музейные коллекции Донского отдела РЗИА были переданы по требованию фашистской оккупационной администрации в чехословацкий архив Министерства внутренних дел и Национальный музей, находившиеся под ее строгим контролем.

Лишь в 1946 г. наконец закончились многолетние странствия архивных и музейных реликвий Донского казачества. По соглашению между правительствами Советского Союза и Чехословакии Русский зарубежный исторический архив был передан в СССР. В составе этого архива находился и Донской исторический архив с частью музейных ценностей и библиотекой. Сто пятнадцать казачьих знамен и штандартов, атаманские регалии, оружие (булавы, насеки и др.), портреты военачальников Войска Донского, юбилейные подарки (братины, чаши, кубки), церковная утварь, иконы, кресты, археологические находки, ордена, медали — все это перевезли из Праги в Москву, где вернули через Комитет по делам культурно-просветительных организаций при Совете министров РСФСР на законное место — в экспозицию и фонды Новочеркасска музея истории донского казачества⁹. Документы же из Донского исторического архива на долгие годы закрыли в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации). Только в 1988 г. они были переведены с секретного на открытое хранение. Часть библиотеки Донского архива (книги, журналы, брошюры, газеты) вошли в состав Научной библиотеки центральных государственных архивов СССР, а часть ее осталась в Славянской библиотеке в Праге.

Не менее сложной оказалась судьба архива и реликвий Кубанского казачьего войска. Еще в начале 1920 г. атаман войска Н. А. Букретов, осознав неизбежность поражения от большевиков, принял решение переправить их за границу.

Для сопровождения была создана специальная комиссия из пяти человек во главе с генерал-лейтенантом П. И. Кокунько. Комиссия направила запрос в Сербию и, не дождавшись ответа от сербских властей, вывезла ценности из Екатеринодара в Новороссийск. Там 12 массивных деревянных ящиков, обитых железом, с большим трудом удалось погрузить на пароход «Константин», взявший 28 февраля 1920 г. курс на Константинополь, а из него — в греческий порт в г. Салоники. Затем казацкие реликвии перегрузили на поезд Салоники — Белград, где за неимением свободного помещения ящики временно сложили во дворе российского посольства. После переговоров с властями Сербии регалии Кубанского казачьего войска оставили на хранение в здании Военно-географического института, дважды переезжавшего и, наконец, расположившегося в белградской крепости Калемегдан¹⁰.

В 1938 г. они были переданы в Военный музей Югославии, где экспонировались в трех залах. Условия их пребывания в стенах государственного музея оговаривались в специальном договоре между представителями кубанского казачества и Военным министерством, заключенном на 25 лет¹¹. Во время налета немецко-фашистской авиации на Белград в апреле 1941 г. от взрыва бомб пострадало здание Военного музея. В создавшейся суматохе часть музейных ценностей была разграблена, в том числе серебряные трубы и литавры, газыри от казачьих мундиров императора Александра II и великого князя Михаила Николаевича, все имущество Кубанского гвардейского дивизиона. От кинжала великого князя Михаила Николаевича остались лишь ножны.

Только спустя два с лишним месяца, уже после оккупации фашистами Югославии, атаману В. Г. Науменко удалось приехать из Крайево в Белград, где с разрешения и при участии заведующего музеями рейха генерала Меля он вместе с начальником войскового штаба генералом Соломахиным и войсковым контролером Щупляком осмотрел уцелевшие казачьи регалии (90 знамен, царские грамоты, 4 блюда, люстру, булавы и перначи, другие предметы). Атаман и его сподвижники передали командующему немецкими оккупационными войсками в Сербии генералу Шреберу заявление с мотивированной просьбой о возвращении реликвий штабу Кубанского казачьего войска.

Но еще до передачи кубанских святынь в Военный музей их пытались взять под свой контроль Объединение казаков-националистов во главе с инженером В. Г. Глазковым. Представители этой группировки считали казачество особым самостоятельным народом, который нельзя отождествлять с русскими, и сами не шли на сотрудничество с неказачьими организациями российской эмиграции, претендуя на роль наиболее истинных выразителей интересов всех казаков-эмигрантов. В 1941 г. они снова заявили о своих претензиях на регалии Кубанского казачьего войска,

на этот раз немецким оккупационным властям Югославии, которые после колебаний все-таки решили вернуть их не казакам-националистам, именовавшимся также «вольнокубанцами-казакскими», а кубанскому атаману Науменко. Часть реликвий была выставлена для обозрения в помещении Кубанского войскового штаба, остальные ценности и документы с 1941 по 1944 г. хранились в ящиках в Русском доме Белграда. В конце Второй мировой войны они были перевезены кубанским атаманом В. Г. Науменко в Германию, а после ее окончания, в 1949 г., — в США. Одно время они хранились в Нью-Йорке, в доме на 31-й улице, в районе Астория, приобретенном на пожертвования казаков-эмигрантов¹². Со временем самым крупным эмигрантским хранищем материалов по истории казачества в США стал Кубанский войсковой музей, расположившийся в бывшем буддистском монастыре в г. Хоуэлл, штат Нью-Джерси (Cuban Cossacks Library and Museum, 47–49 E, 3rd Street, Howell, N. J. 077731) и превратившийся в духовно-культурный центр кубанских казаков-эмигрантов и их потомков. Среди его экспонатов — архивные документы, многочисленные знамена, царские грамоты, старинные булавы и оружие, награды и личные вещи атаманов Кубанского казачьего войска, казачий мундир императора Александра III. Но лишь через двадцать лет, в 1977 г., материалы музея, отражающие историю казачества, его участие в Гражданской, Первой и Второй мировых войнах, удалось выставить для обозрения, в том числе копию жалованной грамоты казачеству на земли Кубани Екатерины II (1792) в алой папке из бархата с золотым шитьем (подлинник был помещен на хранение в один из американских банков). В фойе музейного помещения посетителей встречает скульптура С. Г. Королькова «Ермак — покоритель Сибири». Музей принадлежит Кубанскому казачьему войску за рубежом, а заведовал им многие годы Евгений Георгиевич Химич¹³.

В 2000 г. многолетние труды казачьих историков увенчались успехом: уникальные исторические документы, насчитывающие тысячи дел войскового архива за 1792–1920 гг., были переданы в Россию и сегодня хранятся в Государственном архиве Краснодарского края. Масштабный процесс возвращения самих регалий начался в марте 2005 г. после ряда встреч и непростых переговоров представителей властей Краснодарского края и потомков кубанского казачества в США. Двадцать первого апреля 2007 г. в Краснодаре, на Октябрьской площади, возле памятника Кубанскому казачьему войску, был совершен молебен по случаю передачи первой партии реликвий. Основная часть исторических регалий (включая грамоты Екатерины II, боевые знамена и оружие) была полностью возвращена из США на кубанскую землю в 2007–2012 гг., ознаменовав воссоединение исторического наследия. Сегодня значительная часть войсковых регалий выставляется в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Д. Фелицына.

Примечания

- ¹ «Во имя блага Родины...». Из истории казачества в эмиграции. 1920-е — середина 1930-х гг. // Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 178–184; Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 153–173.
² Худобородов А. А. Российское казачество в эмиграции (1929–1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 40.
³ Новочеркасский музей истории донского казачества : путеводитель. Ростов н/Д.. 1978. С. 7.
⁴ Русский заграничный исторический архив в 1936 г. Прага, 1936. С. 42–44.
⁵ ГАРФ. Ф. 7030. Оп. 2. Д. 288. Л. 60.

- ⁶ Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге : межарх. путеводитель М., 1999. С. 11.
⁷ ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
⁸ Там же. Л. 9.
⁹ Павлова Т. Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 26, 28.
¹⁰ Якаев С. Н. Одиссея казачьих реликвий. Краснодар, 1992. С. 9–15.
¹¹ Часовой. 1939. № 234. С. 13 ; 1939. № 236–237. С. 24–25 ; 1941. № 258. С. 14.
¹² Якаев С. Н. Указ. соч. С. 39–70.
¹³ Новое русское слово (Нью-Йорк). 1978. 3 янв.

А. Н. Афанасьева

Деятельность Партийного архива Чувашского обкома ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива современной истории Чувашской Республики)

Источниковую базу настоящего доклада составляют документы фонда П-1046 «Бюджетное учреждение Чувашской Республики “Государственный архив современной истории Чувашской Республики”» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики». В ходе исследования использовалась опись 1 указанного фонда, охватывающая хронологический период с 1934 по 1991 г. Среди прочих видов документов в описи отложились: протоколы производственных совещаний и заседаний экспертно-проверочной комиссии, служебная переписка, планы и отчеты работ (в том числе за военные годы), запросы организаций и граждан с ответами на них, личные листки по учету кадров и личные дела сотрудников, материалы по различным темам (статьи, хроники, тематические подборки документов и многое другое).

Анализ перечисленных документов позволяет реконструировать основные направления деятельности Партийного архива Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны. Прежде всего следует охарактеризовать его место в системе партийно-архивных учреждений СССР.

Накануне Великой Отечественной войны, в феврале 1941 г., коллектив партархива вступил в социалистическое соревнование с Партархивом Татарского обкома ВКП(б), которое предполагало достижение лучших показателей в организации партийного архивного хозяйства, а также взаимную помощь в работе¹.

Помимо горизонтальных связей между региональными архивами важное значение имело взаимодействие с Центральным партийным архивом Института Маркса — Энгельса — Ленина (ЦПА ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б). Отношения с ЦПА ИМЭЛ носили системный и регулярный характер. Это было связано с тем, что учреждением ежегодно запрашивались отчеты и планы работ партархива Чувашской АССР, а также осуществлялись контроль и методическое руковод-

ство за деятельностью. Поэтому неудивительно, что в фонде госархива сохранились инструктивные письма ЦПА ИМЭЛ, регламентировавшие работу партархива, в частности порядок проведения ревизии архивных материалов в областных и республиканских партийных архивах².

Анализ переписки с руководством ЦПА ИМЭЛ позволяет заключить, что, несмотря на наличие нормативных инструкций, архивные работники сталкивались с объективными сложностями при обработке и приеме документов, а также при взаимодействии с районными архивами. Основной причиной затягивания решения многих вопросов был исключительно долгий процесс доставки писем и сообщений. Это обстоятельство можно рассматривать как одну из характерных особенностей изучаемого периода.

Деятельность Партийного архива Чувашского обкома ВКП(б) в период Великой Отечественной войны (1941–1945) реорганизовывалась в соответствии с общими тенденциями, характерными для всех учреждений того времени вне зависимости от направления работы. В кратком отчете заведующего Чувашским областным партийным архивом Ф. С. Яркова о состоянии и работе Чувашского областного партийного архива за период с 1 июля 1941 по 1 января 1944 г. отмечалось (не ранее 1 января 1944 г.):

Вероломное нападение... особо поставило перед партархивом задачу — принятие и проведение в жизнь соответствующих мероприятий, вызванных военным временем, по организации охраны концентрированных архивных материалов... Был нанят специальный охранник партархива, приобретены необходимые вещи и материалы по противовоздушной обороне и дополнительно к имевшему[ся] противопожарный инвентарь; все сотрудники пропущены через кружки по противовоздушной и противохимической обороне. Принимать от партийных и комсомольских организаций новые архивные материалы в партархиве свободной площади не было, и потому две рабочих комнаты партархива были переоборудованы под архивохранилище, а под рабочую комнату была отведена комната, занятая ранее уборщицей под квартиру³.

Анализ архивных документов позволяет не только раскрыть основные направления деятельности партархива, но и выявить ряд системных проблем, с которыми столкнулось учреждение в военные годы.

Партархив был создан в 1935 г., и к началу войны здесь уже сложился определенный комплекс фондов. Однако его материально-техническое и кадровое обеспечение оставалось недостаточным. Малочисленный штат сотрудников еще сократился в связи с мобилизацией научного сотрудника (инициалы не указаны) Иванова в Красную армию в августе 1941 г.⁴ На протяжении всего военного периода штат учреждения включал трех человек: заведующего, научного сотрудника и техническую работницу (уборщицу).

Из объяснительной записки заведующего Партийным архивом Чувашского обкома ВКП(б) к плану работы архива на 1945 г. о распределении обязанностей узнаем следующее:

1. Зав. Партархивом Ф. С. Ярков. Выполняет предусмотренную планом научную агитационно-массовую работу архива, выезжает в районы для обследования состояния хранения и организации помощи в приведении в порядок архивных материалов на местах, выдает справки и руководит архивно-технической работой.

2. Научный сотрудник В. И. Иварбеева. Выезжает в районы, производит ревизию фондов, выделяет материалы, не подлежащие хранению, разбирает материалы по фондам, годам и структуре, пишет новые заголовки и дает консультации городским первичным партийным и комсомольским организациям.

3. Архивно-технический работник Г. Г. Ишиванов. Заменяет или ремонтирует старые обложки единиц хранения, пишет новые заголовки и оформляет обложки, помогает научному сотруднику в ревизии фондов и в других видах архивно-технической работы...⁵

В 1945 г. в соответствии с полученными указаниями ЦПА ИМЭЛ о собирании и изучении материалов периода Великой Отечественной войны от 12 декабря 1944 г. в ходатайстве заведующего Партийным архивом Чувашского обкома ВКП(б) секретарю Чувашского обкома ВКП(б) по пропаганде А. С. Вишнякову от 31 марта 1945 г. указано:

...Штат работников нашего партархива утвержден Оргбюро ЦК ВКП(б) в декабре 1939 года в количестве 4 единиц... Данный штат партархива обеспечить в достаточной степени выполнение требований и руководство работой местами не в состоянии, поэтому прошу возбудить ходатайство перед ЦК ВКП(б) об увеличении штата на 2 единицы: на одного научного сотрудника, который должен заниматься преимущественно собиранием и изучением материалов Великой Отечественной войны и одного инструктора...⁶

Одной из наиболее острых проблем оставалось состояние помещений. Архив размещался в нескольких комнатах полуподвального типа в здании типографии. В ходатайстве от 3 августа 1943 г. секретарю Чувашского обкома ВКП(б) заведующий Партийным архивом Чувашского обкома ВКП(б) Ф. С. Ярков отмечал:

Условия работы... для организма человека вредны: сырость, архивная пыль... Требуется ежедневное снабжение сотрудников спецпитанием в размере одного литра молока... Прошу разрешить вопрос об отпуске четырех литров молока для 4 сотрудников Партийного архива ежедневно, кроме выходных...⁷

Кроме того, для отопления архива в холодное время года коллективу требовалось самостоятельно заготавливать дрова, что в условиях военного времени представляло серьезную проблему.

Несмотря на перечисленные трудности, сотрудники архива, руководствуясь профессиональной ответственностью и стремлением сохранить вверенное им документальное наследие, обеспечили сохранность основной части фондов, продолжили прием документов, систематически проводили обследование архивов райкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также оперативно исполняли запросы граждан и организаций.

Знакомясь, чуть ближе окунаемся в итоговые отчеты и планы работ Партийного архива Чувашского обкома ВКП(б), которые сообщают нам о его работе в годы войны с самых первых дней. В итогах обследования партийных архивов в райкомах ВКП(б) от 12–20 июля 1941 г. научный сотрудник партийного архива Чувашского обкома ВКП(б) Иванов (инициалы не указаны) сообщает:

Обследование произведено о состоянии партийных архивов следующих райкомов ВКП(б): Урмарском, Кувакинском, Порецком и Шумерлинском РК ВКП(б). Проверкой установлено, что в райкомах ВКП(б) архивные фонды хранятся в деревянных шкафах у помсекретарей и зав. учета райкомов ВКП(б), которые держат шкафы постоянно запертыми, а секретные материалы хранятся в нескораемых сундуках. ...во всех фондах райкомов ВКП(б) имеются ряд технических недостатков: не оформлены обложки дел, неправильное составление заголовков дел, нет заверительной надписи и т. д. <...> К моменту обследования все райкомы ВКП(б) концентрировали фонды первичных партийных организаций с 1934 по 1940 гг. ...⁸

В последующие годы работа по обследованию и оказанию практической помощи продолжалась. В 1943 г. были обследованы Комсомольский, Янтиковский, Канашский и Мариинско-Посадский райкомы ВКП(б) и ВЛКСМ⁹. В 1944 г. проведены проверки делопроизводства и хранения документов в Вурнарском, Шихазановском, Советском, Ибресинском, а также вне плана — в Аликовском райкомах ВКП(б). Кроме того, был введен в порядок фонд Чувашской секции при Казанском губернском комитете РКП(б) и Чувашского отдела при Народном комиссариате национальностей РСФСР¹⁰.

В кратком отчете заведующего Чувашским областным партийным архивом Ф. С. Яркова о состоянии и работе Чувашского областного партийного архива за период с 1 июля 1941 по 1 января 1944 г. от (не ранее 1 января 1944 г.) читаем:

...За вышеуказанный период работники партархива проверили состояние хранения архивных фондов на местах и оказали практическую помощь в приведении их в порядок одному горкому ВКП(б) и ВЛКСМ из трех

в республике и 15 райкомам ВКП(б) и ВЛКСМ... Кроме газетного, журнального, книжного и фотофонда к 1 января 1944 года собраны, приняты и хранятся в партархиве более 70 тысяч единиц хранения (70 156), из которых 16 490 единиц хранения приняты за период с 1 июля 1941 года по настоящее время. Приняты материалы обкома ВКП(б) и ВЛКСМ, Чебоксарского горкома ВКП(б) и ВЛКСМ, Аликовского, Ишлейского, Канашского, Красно-Четайского и Урмарского райкомов ВКП(б) и архивные материалы ряда первичных партийных и комсомольских организаций при республиканских и городских учреждениях и организациях г. Чебоксар. Из хранящихся в партархиве 70 тысяч единиц хранения приведены в надлежащий порядок, с составлением инвентарных описей 129 фондов с 32 737 единицами хранения в них. Из них 87 фондов с 11 617 единицами хранения приведены в порядок и описаны за время отечественной войны...¹¹

Особое внимание коллективом архива уделялось научно-справочной работе. Окунувшись в статистику, узнаем, что в 1941 г. было выдано 375 справок, из них 37 отрицательных; в 1942 г. — 278 справок, из них 25 отрицательных, в 1943 г. выдано 229 справок, из них 15 отрицательных¹². Немного больше узнаем и в вышеуказанном документе:

...Наряду с выдачей простых справок выдавались также и научные справки: в 1941 году выдано на 292 листах 4 научных справки, в 1942 году выдано на 308 листах 7 научных справок и в 1943 году выдано на 873 листах 8 научных справок. Научные справки выдавались по следующим вопросам и темам: революционное движение среди чуваш в 1905–1907 годы, Октябрьская революция на территории Чувашии, деятельность первого Чебоксарского уездного совета рабочих и крестьянских депутатов, Чувашская партийная организация в годы Гражданской войны, чувашская молодежь в годы Гражданской войны, буржуазно-националистические организации в Чувашии и их контрреволюционная деятельность...¹³

Согласно отчету заведующего партийным архивом Чувашского обкома ВКП(б) о работе Партийного архива Чувашского обкома ВКП(б) в 1944 г. было выдано 185 справок, из них 17 отрицательных и 18 научных по темам: боевые традиции чувашского народа, колхозное строительство в Чувашии¹⁴.

Большинство запросов поступало от организаций и касалось биографических данных граждан: приема и исключения из партии, рассмотрения личных дел на заседаниях обкома ВКП(б), партийных собраний и партколлегии республики. Архивные справки, как правило, были выписками из протоколов заседаний партийных и комсомольских органов (обкомов, райкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, местных первичных партийных и комсомольских организаций)¹⁵.

Кроме того, сотрудниками партархива выявлялись документы для тематических сборников. В 1942 г. для сборника документов по истории чувашского народа было выявлено более 200 документов. В 1943 г. подготовлена рукопись объемом в два авторских листа для брошюры «Участие чувашского народа в Гражданской войне 1918 г.».

Важным направлением деятельности изучаемого периода стало начало сбора материалов

о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и об уроженцах Чувашии, которые своим трудом приближали Победу. Руководством, утвержденным дирекцией Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) от 12 декабря 1944 г., заведующим партархивами страны, в том числе Партийному архиву Чувашского обкома ВКП(б), было дано указание:

В 1945 г. необходимо сконцентрировать в партийных архивах все архивные материалы партийных и комсомольских организаций с начала их существования и по 1942 г. включительно. Кроме того, следует собирать так же другие, не архивные материалы, характеризующие деятельность данной партийной организации в период Великой Отечественной войны: воспоминания и рассказы о деятельности коммунистов на фронтах и в тылу в различных отраслях народного хозяйства, листовки партийных организаций и т. д. ...¹⁶

В информационной записке заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Чувашского обкома ВКП(б) А. Ерлакова и заведующего партархивом Ф. С. Яркова от 1 января 1945 г. (не позднее) подчеркивалось:

...Райкомы, горкомы ВКП(б) должны деятельно участвовать в этой работе, выдвинув на первый план активное собирание новых материалов по истории партийных организаций своего района, города. <...> Кроме того, следует собирать и сдать в партархив также другие, не архивные материалы, характеризующие деятельность данной партийной организации в период Великой Отечественной войны: воспоминания и рассказы о деятельности коммунистов на фронтах и в тылу в различных отраслях народного хозяйства, листовки партийных организаций, один комплект райгазеты, начиная с первого номера, комплекты колхозных и городских многотиражек и т. д. ...¹⁷

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Партийный архив Чувашской АССР, несмотря на сокращение ресурсов, кадровый дефицит и тяжелые материально-бытовые условия, продолжал системную работу по сохранению документального наследия. Коллектив партархива, невзирая на сложности, обеспечивал ведение справочной работы, оказывал методическую помощь архивным учреждениям, райкомам партии и комсомола, занимался сбором и научной обработкой документов военного времени.

Примечания

¹ Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. П-1046. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–5.

² Там же. Д. 42. Л. 2.

³ Там же. Д. 43. Л. 1–2 об.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 45. Л. 3–3 об.

⁷ Там же. Д. 39. Л. 6.

⁸ Там же. Д. 34. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 39. Л. 10.

¹⁰ Там же. Д. 43. Л. 3–3 об.

¹¹ Там же. Л. 1–2 об.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 2 об. — 2.

¹⁴ Там же. Л. 3–4.

¹⁵ Там же. Д. 36, 37, 40, 44, 47, 71.

¹⁶ Там же. Д. 42. Л. 15.

¹⁷ Там же. Л. 20–20 об.

В. Г. Колотушкин

Создание архива партизанских формирований Ленинградской области в период Великой Отечественной войны

В период Великой Отечественной войны на территории временно оккупированных районов Ленинградской области развернулось активное партизанское движение. Десятки тысяч патриотов стали участниками борьбы с немецко-фашистскими захватчиками за линией фронта. Партизанское движение сдерживало и ослабляло силы противника. Партизанами был внесен значительный вклад в освобождение Ленинграда от блокады его войсками гитлеровцев и их союзников.

Задачу по координации действий партийных, советских органов и военного командования по руководству партизанским движением выполнял штаб партизанского движения, утвержденный постановлением Военного совета Ленинградского фронта от 27 сентября 1941 г.¹ [с июля 1942 г. — Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД)]. Штаб занимался учетом партизанских формирований и контролем их действий, решал вопросы материально-технического снабжения партизан. В связи с тем, что блокада Ленинграда сильно осложнила работу ЛШПД, для улучшения руководства партизанским движением на местах по предложению начальника ЛШПД секретаря обкома ВКП(б) М. Н. Никитина в октябре 1941 — январе 1942 г. были образованы оперативные группы штаба на Ленинградском (в г. Волхове), Северо-Западном (в г. Валдае) и Волховском (в г. Малая Вишера) фронтах.

В деятельности органов управления партизанским движением, партизанских формирований создавался обширный документальный комплекс. Как отмечает историк В. Е. Бередникова, на Северо-Западном фронте работа 10-го отдела (для руководства действиями партизан) штаба фронта координировалась с ЛШПД и секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) А. Н. Шинкарёвым «путем постоянной переписки и представления отчетов о деятельности партизан в Ленинград»², отдел регулярно направлял в ЛШПД сведения о текущем положении дел. В текущем архиве штаба откладывались документы партизанских бригад и отрядов: списки личного состава, приказы, дневники боевых действий, донесения, докладные записки, сводки, радиogramмы (документы в настоящее время находятся в ЦГАИПД СПб в составе фонда Р-116л «Ленинградский штаб партизанского движения»). Работе с архивом уделялось внимание на самом верху: осенью 1943 г. оперативный отдел Центрального штаба партизанского движения (ЦШДП) при Ставке Верховного Главнокомандования поставил перед аналогичным отделом ЛШПД задачу «навести порядок в деле ведения поступающего материала и отчетности», чтобы иметь «самую полную и детальную картину о положении дел

в оккупированных районах, строить руководство на реальных данных»³.

Выступая с докладом об итогах партизанского движения в Ленинградской области в апреле 1944 г., М. Н. Никитин говорил, что с января 1942 по 1 сентября 1943 г. направленные в партизанские отряды радисты «приняли и передали... свыше 75 000 радиошифрованных телеграмм»⁴. Документы переправлялись из тыла противника. Так, И. А. Ступаков, комиссар 2-го полка 2-й Ленинградской партизанской бригады (ЛПБ), в докладной записке на имя уполномоченного ЛШПД на Северо-Западном фронте В. П. Гордина сообщал, что передал командиру бригады «тетрадь моих приказов писанных за период с 10.9.42 г. по 10.10.42 г. и копии радиogramм и получаемых ответов от тов. Никитина», то есть за время, когда группа Ступакова действовала в отрыве от основных сил бригады⁵.

Большое внимание уделялось составлению списков партизанских отрядов. Согласно распоряжению М. Н. Никитина с 1 января 1942 г. райкомы ВКП(б) должны были ежемесячно предоставлять в комиссию Ленинградского обкома ВКП(б) по руководству северо-восточными районами области (комиссия располагалась в г. Тихвине) «список партизан, работников райкома, с указанием фамилии, имя, отчества, должности, оклада зарплаты и в каком отряде находится»⁶. На основании списка, заверенного начальником ЛШПД, производилась высылка причитающейся зарплаты. Вторые экземпляры списков откладывались в райкомах ВКП(б) и впоследствии поступили в их архивные фонды.

Впоследствии работа по составлению персональных списков полностью перешла в ведение ЛШПД и подчиненных ему формирований. Приказ № 1 ЛШПД от 4 июля 1942 г. «Об учете движения партизанских отрядов и их личного состава» требовал от начальников опергрупп ЛШПД при военных советах Волховского и Северо-Западного фронтов при создании новых партизанских отрядов немедленно доносить радиogramмой информацию о командире, комиссаре, количестве бойцов, когда отряд направлен в тыл врага и в какой район. Вслед за этим почтой во 2-й (информационно-разведывательный) отдел штаба пересылался персональный список отряда. Один раз в декаду штабу необходимо было высылать списки на пополнение отрядов новыми людьми, поотрядные данные об изменениях в личном составе (списки убитых с указанием, когда убит и где похоронен партизан, списки пропавших без вести, дезертировавших, раненых, откомандированных в Красную армию и др.)⁷.

Приказами ЛШПД № ОПО-3 и ОПО-4 от 4 и 7 июля 1942 г. определялся порядок предо-

ставления дислокационных карт, сводок о боевой деятельности, оперативных сводок и др.⁸ Вопросы кадров, в том числе наградной деятельности, относились к ведению 4-го отдела штаба. Наградной материал (представления, наградные листы), оформленный в опергруппах, высылался в ЛШПД⁹.

Документы ЛШПД направлялись в Ленинградский партийный архив [архив Ленинградских обкома и горкома ВКП(б)] с сопроводительными письмами от начальника ЛШПД на имя заведующего архивом И. Н. Никитина¹⁰. Партархив в августе — сентябре 1941 г. был эвакуирован в Челябинск, где размещался в различных учреждениях. В октябре 1942 г. руководству партархива было направлено секретное распоряжение М. Н. Никитина о необходимости организовать хранение документов по партизанскому движению, «выделив для этой цели специальный раздел в архивных материалах»¹¹. Вплоть до декабря 1943 г. в архив вагонами продолжали поступать документы как из Ленинграда и Ленинградской области, так и из других регионов, в которые попали архивы райкомов партии Ленинградской области, а также документы ЛШПД.

В числе документов ЛШПД, поступавших на хранение в партархив, были документы, изъятые у немецких солдат или полученные от населения. Партизанами изучалась оперативная ценность захваченных документов, они делились информацией с ЛШПД и военной разведкой, материалы по возможности передавались в советский тыл. Например, 13 августа 1942 г. во время диверсионной операции на шоссе на дороге Луга — Псков партизанской группой В. И. Гладкова в числе других трофеев был захвачен портфель с документами, принадлежавший генерал-майору немецкой армии Р. Виртцу. Четвертого сентября командование 4-й ЛПБ радиограммой проинформировало М. Н. Никитина о портфеле. Несмотря на то что руководство ЛШПД настаивало на вывозе документов, принять самолет не было возможности: с сентября 1942 г. бригаду преследовали немецкие каратели, к тому же установилась нелетная погода, шли затяжные дожди. В связи с этим 3 октября командир и комиссар бригады сообщили М. Н. Никитину краткое содержание изъятых документов: там находились удостоверение генерала, письма, разрешение на право вождения автомашины, фотоснимки. С ними смог ознакомиться переводчик, находившийся в бригаде. Сам портфель хранился у начальника штаба бригады¹².

Документы и вещи, взятые во время операции, удалось отправить в советский тыл с подполковником С. А. Беспрозванным, который прилетал к партизанам. К его отчету от 12 февраля 1943 г. была приложена «Опись документов и материалов, сданных в ЛШПД после командировки в тыл врага». В опись были включены отчеты партизанских бригад, протоколы опросов, справки и отчеты о деятельности отрядов и подпольно-партийных групп, а также трофейные

документы: дела разгромленных канцелярий волостных старшин, вражеские приказы, объявления, газеты, письма из Германии. В описи значились и «портфель и документы убитого генерала Рихарда Виртца»¹³. Командир диверсионной группы В. И. Силачев в октябре 1943 г. при захвате делегата, побывавшего в Германии, взял «богатейшие» материалы, о которых впоследствии поделился воспоминаниями: «Альбом у него со всеми видами и снимками. <...> Дневник его. Бесценный материал. Газеты его нашел — где он выступал». Комплекс документов был передан М. Н. Никитину¹⁴.

Хранение партизанских документов в тылу противника было непростой задачей. Были случаи, когда эти материалы попадали в руки гитлеровцев. Когда 24 января 1943 г. в дер. Острая Лука Дедовичского района был разгромлен штаб 4-й ЛПБ, карателям удалось захватить мешок с документами. «Документы спасти не удалось, было не до них, так как в лесу была еще одна засада», — вспоминал бывший исполняющий обязанности начальника политотдела бригады А. И. Широков — он оказался одним из немногих выживших после этого боя¹⁵. Помимо документов, в том числе личных, противник забрал ордена и медали, которые были у многих партизан из группы при штабе¹⁶.

«Захватив документы, так или иначе относящиеся к партизанскому движению, немцы с исключительным вниманием относились к их обработке, систематизации и дальнейшему использованию, — отмечает историк С. В. Кулик. — Материалы переводились “от корки до корки” не только на немецкий язык, но и на языки союзников III Рейха»¹⁷. «В одной бане у Ягодника» в 1943 г. солдатами противника был найден дневник командира 1-й особой партизанской бригады А. К. Кириллова, информация из которого затем использовалась при создании листовки¹⁸. А в Национальном архиве США удалось выявить дневник неизвестного партизана, относящийся к сентябрю 1942 г., — предположительно, политработника 2-й ЛПБ. Дневник сохранился в переводе на немецкий язык. После обратного перевода он был опубликован¹⁹.

В критической ситуации партизанам приходилось уничтожать документы. З. И. Свердлов, бывший боец Новгородского партизанского отряда Г. Ф. Ласковского, впоследствии писал, что при роспуске отряда в тылу врага в сентябре 1941 г. «на одном костре сожгли все партийные документы, в том числе и мой партбилет»²⁰. Впоследствии партбилеты перед уходом за линию фронта сдавались партизанами в Ленинградский обком ВКП(б), а при приеме в партию в партизанских формированиях оформлялись только заявление, рекомендации и решение парторганизации. Архив парторганизации хранился у комиссара и при выходе из тыла противника сдавался в местный райком партии, где уже могли быть выданы партбилеты и кандидатские карточки (по месту работы бывшего партизана).

Таким образом, комплекс документов о приеме в ВКП(б) отложился в фондах райкомов партии в бывших партийных архивах Ленинградской, Новгородской и Псковской областей.

Важный комплекс архива партизанских документов составили стенографические записи бесед с партизанами. Создание корпуса стенограмм было частью большой работы по собиранию материалов о жизни и обороне блокадного Ленинграда, инициированной Ленинградским обкомом и горкомом ВКП(б) в период войны. Беседы записывали сотрудники Ленинградского института истории партии, поэтому они отложились в фонде этого учреждения в ЦГАИПД СПб (фонд Р-4000). Стенограммы бесед с партизанами содержат 88 архивных дел, датированных 1942–1944 гг., три стенограммы относятся к 1946 г., три не датированы. Большинство интервью проводились на ст. Хвойной, где была материальная база и учебный пункт партизан, и в Ленинграде²¹.

В марте 1944 г. последовало расформирование партизанских бригад и отрядов, сражавшихся в Ленинградской области. Приказом ЛШПД от 17 июля 1944 г. была создана ликвидационная комиссия ЛШПД, которая продолжила работу отдела кадров штаба. Последний был расформирован 6 октября 1944 г., а собранные документы о его деятельности и работе комиссии переданы в Ленинградский партархив (в настоящее время в составе фонда ЦГАИПД СПб Р-4788л). Также с мая 1944 по апрель 1945 г. работала комиссия при отделе пропаганды и агитации Ленинградского обкома ВКП(б) по сбору и систематизации документов по партизанскому движению в Ленинградской области. Собранные ею документы и наглядные материалы о партизанской борьбе и подпольной работе поступили в партархив (в составе фонда Р-4383л).

В дальнейшем в архиве продолжался прием партизанских документов и материалов, собранных на оккупированной территории. В октябре 1946 г. на совещании в дирекции Института истории партии при Ленинградском горкоме ВКП(б) было принято решение передать в «партизанский отдел» партархива «партизанские листовки и газеты, а также листовки и другие материалы немцев и финнов, распространяемые ими среди Кр[асной] армии и населения оккупированных районов области»²². После ликвидации в начале 1950-х гг. Музея обороны Ленинграда в архив вернулась часть материалов, ранее переданных музею, в том числе фотоальбомы и фото-материалы.

Несмотря на то что основной комплекс документов партизанских формирований, созданных в период войны, находится в ЦГАИПД СПб, некоторые материалы также отложились в государственных архивах Новгородской и Псковской областей — преемниках бывших региональных партархивов. Так, вскоре после завершения партизанской борьбы секретарь Псковского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации Н. И. Понома-

рев обратился к М. Н. Никитину с просьбой предоставить материалы по истории партизанского движения на Псковщине, что и было сделано — документы требовались для подготовки тематической выставки²³. Некоторые материалы поступили в фонды партийных комитетов и, позднее, в фонды личного происхождения. Например, в фонде А. Ф. Майорова, бывшего комиссара 7-й ЛПБ, хранятся его дневники за 1941–1945 гг.²⁴ [в настоящее время — в составе Государственного архива Псковской области (ГАПО)].

Партархив Новгородского обкома ВКП(б) был образован в 1946 г. В докладной записке от 25 апреля 1947 г. заведующий архивом В. П. Евстратов сообщал, что им был организован «архив партизанских отрядов, действовавших на территории области, из 560 документов». Часть из документов была скопирована из архива ЛШПД, часть «собрана на периферии». Документы были скомплектованы в 27 ед. хр.²⁵ «Архив партизанских отрядов», о которых писал В. П. Евстратов, отложился в фонде 260 «Новгородский областной комитет Коммунистической партии РСФСР» в ГАНИНО. Дела находятся в составе двух первых описей дел — за 1944 и 1945 гг. соответственно, в разделах «Отдел пропаганды и агитации» и «Военный отдел».

К числу документов, заверенные копии которых были получены из Ленинградского партархива, относятся списки руководителей партизанских отрядов и групп, отчеты подпольщиков, стенограммы сообщений партизан, материалы о боевой деятельности 2-й ЛПБ, 1-й особой партизанской бригады, 11-й Волховской партизанской бригады, 5-й ЛПБ второго формирования и других партизанских бригад, сводки и донесения партизанского отдела Северо-Западного фронта и опергруппы ЛШПД на Северо-Западном фронте. Большой интерес представляет дело «Немецкие документы о борьбе с партизанами. Письма немецких солдат», содержащее переводы различных инструкций, в том числе относящихся к другим регионам²⁶. В подлинниках в состав фонда 260 поступили документы Поддорского партизанского отряда «За правое дело» (1942)²⁷, некоторые списки партизан, стенограмма сообщения комиссара 5-й ЛПБ И. И. Сергунина от 11 апреля 1944 г.²⁸ Кроме фонда обкома партии архивные документы, связанные с историей партизанского движения, можно обнаружить в фондах райкомов и горкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, в «архиве архива» ГАНИНО (фонд 1667) и других фондах архива.

В годы Великой Отечественной войны на северо-западе РСФСР и в Челябинске, куда в 1941–1944 гг. был эвакуирован Ленинградский партийный архив, ценой огромных усилий удалось сформировать важнейший комплекс архивных документов по истории партизанского движения. В настоящее время эти материалы остаются широко востребованными и играют большую роль в создании подлинной истории войны, сохране-

нии исторической правды о событиях того грозного и героического времени.

Примечания

- ¹ Постановления Военного совета Ленинградского фронта : сб. док. / отв. сост. К. А. Болдовский. СПб., 2023. Ч. 1. С. 104.
- ² Бердникова В. Е. Организация партизанского движения в Ленинградской области в 1941–1944 годах. М., 2025. С. 53.
- ³ Асташкин Д. Ю., Ковалев Б. Н., Кулик С. В. Нацистский режим на северо-западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие / под ред. Б. Н. Ковалева. СПб., 2018. С. 177.
- ⁴ В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1944 г. : сб. док. / отв. ред. В. М. Ковальчук. Л., 1985. С. 285.
- ⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 2. Д. 53. Д. 201 об.
- ⁶ Из истории организации партизанского движения на новгородской земле в 1941–1942 годах : сб. док. / сост. В. Г. Колотушкин. Великий Новгород, 2017. С. 55.
- ⁷ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 38–39.
- ⁸ Там же. Л. 37, 40.
- ⁹ Там же. Л. 46–47.
- ¹⁰ Из «партийного прошлого» в новую эпоху. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. 85 лет / авт.-сост. Н. В. Савинова. СПб., 2014. С. 93 ; Фольклор и быт ленинградских партизан. Фотографии и документы / авт.-сост. Н. В. Савинова. СПб., 2016. С. 11.
- ¹¹ Фольклор и быт ленинградских партизан ... С. 11.
- ¹² Никитенко Н. В. Две фотографии, или правда и вымысел о Лёне Голикове // Псков. 2013. № 38. С. 93–95.
- ¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1. Д. 141. Л. 21.
- ¹⁴ Там же. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 373а. Л. 28.

¹⁵ Федоров А. И. Герой Советского Союза Леонид Голиков // Наш край : лит.-краевед. альм. Вып. 25. Струги Красные, 2026. С. 27.

¹⁶ Никитенко Н. В. О последнем бое Лёни Голикова // Материалы научно-практической конференции «История, архивы и общество» (XVII и XVIII Псковские архивные чтения) 2022–2023 гг. СПб., 2024. С. 123.

¹⁷ Кулик С. В. Антифашистское движение Сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006. С. 48.

¹⁸ Новгородские партизаны. Партизанское движение на Новгородской земле в 1941–1944 гг. : сб. док. и воспоминаний / ред. С. Ф. Витушкин. Великий Новгород, 2001. С. 175.

¹⁹ Дневники памяти. Война от первого лица. Великий Новгород, 2025. С. 40–47.

²⁰ Из истории организации партизанского движения на новгородской земле ... С. 159.

²¹ «Презрев опасность и смерть...». Стенограммы сообщений партизан, действовавших на оккупированной территории Ленинградской области в 1941–1944 гг. : сб. док. СПб., 2024. С. 6–8.

²² Из «партийного прошлого» в новую эпоху ... С. 112.

²³ Бердникова В. Е. Указ. соч. С. 36.

²⁴ ГАПО. Ф. П-74. Оп. 1. Д. 10. Дневник за 1943 г. частично опубликован: Трагедия и мужество земли Псковской: Псковский край и его жители в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. / сост.: В. П. Волкова, Н. И. Исакова. СПб., 2025. С. 182–184, 348.

²⁵ Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Страницы истории : сб. док. и материалов / отв. ред. С. Ф. Витушкин. Великий Новгород, 2016. С. 74.

²⁶ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139.

²⁷ Там же. Д. 97, 97а.

²⁸ Там же. Д. 201. Л. 51–71.

М. Г. Соловьева

Деятельность Архива города Севастополя в годы Великой Отечественной войны и в период восстановления города в 1944–1954 годах

Накануне Великой Отечественной войны архив Севастополя, в соответствии с административно-территориальной подчиненностью Севастополя Крымской АССР действовал в статусе Севастопольского отделения Центрального административного управления (ЦАУ) Крымской АССР. В 1938 г. Севастопольское отделение ЦАУ Крымской АССР было преобразовано в Севастопольский архив, который не имел самостоятельной бухгалтерии и делопроизводства, обслуживался аппаратом ЦАУ Крымской АССР. Бюджет для финансирования его деятельности выделялся по смете ЦАУ Крымской АССР. Директору архива предоставлялось право самостоятельного решения кадровых вопросов, подбора и увольнения работников¹.

Приказом по ЦАУ РСФСР от 14 мая 1938 г. № 81/Л подтверждалось сделанное ранее назначение на должность директора Севастопольского городского архива Татьяны Андреевны Мазлуновой, утверждалось штатное расписание в количестве девяти единиц: двух старших архивно-технических работника, трех архивно-технических работника, делопроизводителя, уборщицы, сторожа².

В связи с тем, что в апреле 1938 г. ЦАУ СССР было передано в ведение НКВД СССР, ЦАУ Крымской АССР Приказом наркома внутренних

дел Крымской АССР от 4 февраля 1939 г. № 62 было передано в подчинение НКВД Крымской АССР³. В дальнейшем практика показала, что это решение имело важное значение в укреплении архивного дела в Севастополе, в частности в усилении поддержки деятельности архивных учреждений со стороны государственных органов в центре и на местах.

Одиннадцатого сентября 1940 г. исполком Севастопольского горсовета, заслушав отчет директора архива и принимая во внимание Постановление президиума Севастопольского горсовета от 25 марта 1939 г. № 226, принял решение, обязавшее руководителей учреждений выделить лиц (секретаря или управделами), ответственных за состояние архива по совместительству, обеспечить хранение документов в соответствующих помещениях и шкафах под замками; ежегодно отбирать макулатуру и согласовывать с горархивом списки дел, выделенных к уничтожению; дела, законченные делопроизводством в предыдущем году, сдавать в архив учреждения подшитыми; привести в порядок архивы согласно правилам Главного архивного управления НКВД СССР к 1 декабря 1940 г.⁴

К началу Великой Отечественной войны севастопольским архивистам удалось решить вопрос с созданием относительно удовлетворитель-

ных условий хранения документов, приспособив под требования архивохранилища помещения Петропавловской церкви. Была проведена техническая обработка большей части фондов, практически полностью завершена начатая в 1936 г. работа по упорядочению документов. Это позволило приступить к следующему этапу: научно-исследовательской работе, составлению научно-справочного аппарата. Сотрудники подготовили характеристики всех фондов для составления путеводителя по архиву, составили схему предметной систематизации и таблицу для размещения фондов в хранилище, подготовили материал для составления краткого очерка истории архива. Впервые со времени создания появилась возможность оборудовать полноценные условия для работы исследователей в читальном зале, решался вопрос о создании научно-справочной библиотеки⁵.

По состоянию на 1 января 1941 г. в архиве хранилось 330 фондов (103 357 дел), имелось 150 разобранных и описанных комплектов газет, более 12 тыс. книг. От 53 городских организаций в архив поступило в течение 1940 г. 6068 дел, передано в Центральный архив Красной армии пять фондов (266 дел). Для архивистов города был организован семинар, в котором приняли участие 16 человек. В 1940 г. архив впервые за время своей деятельности с 1921 г. отчитался о выполнении плана работы на 100 %⁶.

В 1941 г. в Севастопольском архиве была продолжена научно-методическая работа, начатая фактически в 1940 г. С целью подготовки к печати путеводителя по архиву провели составление характеристики фондов, которые были просмотрены и обсуждены в архивном отделении НКВД Крымской АССР. К 8 марта сотрудники составили новые топографические указатели по фондам и по стеллажам в соответствии с законченным размещением фондов по предметной системе⁷.

Осуществлялась и исследовательская деятельность. К 35-летию со дня казни П. П. Шмидта в газете «Маяк коммуны» за 19 марта 1941 г. была опубликована статья, подготовленная сотрудниками архива по архивным документам.

В отчете за первое полугодие 1941 г. содержатся сведения о состоянии дел в Севастопольском архиве накануне Великой Отечественной войны: на хранении находилось 359 фондов (104 946 дел), в том числе 59 дореволюционных (10 952 дела), 150 комплектов газет, 12 399 книг. Так как степень загруженности архивохранилища составляла 93 %, планировалось до конца 1941 г. в здании Петропавловской церкви (на хорах) оборудовать стеллажи для хранения книг научно-справочной библиотеки. По штату в архиве работали пять человек: научный сотрудник, старший архивный работник, архивно-технический работник, уборщица и сторож⁸.

В 1941 г. в СССР началась реорганизация системы государственных архивов, завершение которой планировалось к 1 июля 1941 г. Вслед-

ствие этого Севастопольский государственный архив был преобразован в филиал Центрального государственного архива Крымской АССР⁹.

Очевидно, что в период до начала Великой Отечественной войны, как и в послевоенный период, это решение не повлекло за собой каких-либо изменений в деятельности архива, не нашло отражения в документах, созданных в этот период. В последнем отчете, сделанном в сентябре 1941 г., как и в первых отчетах о работе возобновленного архива в 1945 г., в документации организация указана как «Севастопольский государственный архив»¹⁰. В статусе «Севастопольский филиал Центрального государственного архива Крыма» севастопольский архив упоминается только в акте ущерба от 14 ноября 1945 г.

Нападение нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. и начало Великой Отечественной войны прервало развитие архивного дела в Севастополе, вынудило сотрудников архива, как и все предприятия, организации и учреждения города, перестроить свою работу с учетом условий и потребностей военного времени.

С началом Великой Отечественной войны, а затем и боевых действий под Севастополем архивисты ни на один день не прекращали свою работу. В условиях постоянных бомбардировок и обстрелов они продолжали принимать на хранение документы предприятий, организаций и учреждений города, пытались обеспечить условия сохранности документального фонда, выделяли из общего массива и готовили к эвакуации наиболее ценные и значимые для сохранения исторического наследия Севастополя фонды, переносили в надежное укрытие подвальных помещений церкви ящики с документами, связки фондов.

Учитывая изменившиеся условия работы, ГАУ НКВД СССР направило в архивные учреждения циркуляр от 2 сентября 1941 г. № 3/2/174 о максимальном упрощении планирования и отчетности в условиях военного времени в государственных архивах. Были отменены ежемесячные и квартальные отчеты, упразднены некоторые подотчетные показатели, вводились отчеты за полугодие с указанием сведений о количестве и составе фондов, работе, проделанной по их обработке и сохранности¹¹.

В соответствии с Распоряжением Совета народных комиссаров СССР от 5 июля 1941 г. № 4863-СЭ архивные учреждения должны были обеспечить охрану документов и в случае эвакуации вывезти их в указанные пункты¹². Сотрудники архива для обеспечения безопасных условий хранения за три месяца перенесли в подвальные помещения каменного здания бывшей Петропавловской церкви 35 фондов (1520 связок). Наиболее ценные документы готовили к возможной эвакуации из Севастополя на материковую часть страны, для чего упаковали в 96 ящиков 1318 связок документов, что составляло 44 фонда. Одновременно производилось

выделение документов некоторых фондов, подлежащих к отправке, в макулатуру. Так, по результатам просмотра в июле 1941 г. 14 919 ед. хр. из трех фондов для уничтожения было выделено 3044 дела, в августе 1941 г. было просмотрено 2500 дел и выделено в макулатуру 777 дел¹³.

Двадцать второго июня 1942 г. начальник Управления государственных архивов НКВД СССР майор госбезопасности Никитинский направил начальнику отдела государственных архивов НКВД Крымской АССР Д. Д. Белугину предписание с требованием «немедленно принять меры к эвакуации документов из Севастопольского городского архива»¹⁴. Но к этому моменту части 11-й армии вермахта уже вышли к Севастопольской бухте, лишив тем самым Черноморский флот возможности заходить в бухту. Швартоваться и принимать на борт людей, грузы, документы корабли могли теперь только в удаленных от центра города бухтах в западной части Гераклеийского полуострова.

Сам Д. Д. Белугин к этому времени находился попеременно то в Керчи, то в Краснодаре, обеспечивая эвакуацию на Большую землю фондов крымских архивов, и уже не мог лично контролировать вывоз дел из Севастопольского архива, сотрудники которого, вероятно, отбыли в эвакуацию, сопровождая фонды.

Уже после оставления Севастополя советскими частями и окончания обороны города Д. Д. Белугин сообщил майору Никитинскому, что в Севастополе было обеспечено надежное укрытие для архивных фондов в церковных подвалах, в результате бомбардировок и артобстрелов документы не пострадали, а вопрос об эвакуации архива в период обороны Севастополя 1941–1942 гг. даже не обсуждался, потому что весной 1942 г. советское командование планировало осуществить контрнаступление и освобождение Крыма, к оставлению города никто не был готов. Несмотря на сложную обстановку, удалось эвакуировать наиболее ценные архивные документы, книги фондов и описей, печати и штампы архива¹⁵.

В документах Государственного архива Республики Крым и Архива города Севастополя сохранился перечень эвакуированных из Севастополя 18 фондов. Он был составлен в январе 1943 г. по запросу Д. Д. Белугина научным сотрудником Севастопольского городского архива Л. А. Салиш, которая находилась в эвакуации в г. Абакане и возглавляла на тот момент работу Государственного архива Хакаской автономной области. В конце списка, составленного Л. А. Салиш по памяти, была сделана приписка: «Список неполный, т. к. остальные фонды не помню. Должно быть, 22–25 названий»¹⁶.

Часть документов архива была сдана на временное хранение в архивное отделение НКВД Абхазской АССР (Сухуми), часть документов хранилась в Государственном архиве Омской области (Тюмень). Среди них книги приказов за 1937–1940 гг., опись документов самого архива

за 1936–1940 гг. и городских организаций, а также список фондов, подлежащих эвакуации из Севастополя, составленный в 1941 г. На хранение были переданы печать и штампы Севастопольского архива.

Война нанесла архиву Севастополя непоправимый ущерб. В акте ущерба, причиненного немецкими оккупантами Севастопольскому филиалу Центрального государственного архива Крыма, составленном 14 ноября 1944 г. комиссией отдела госархивов НКВД Крымской АССР, имеются следующие сведения о размерах ущерба:

В филиале Центрального государственного архива НКВД Крымской АССР в г. Севастополе к началу войны на хранении находились документальные материалы с ... года по 1938 г. с общим количеством ... фондов 103 357 ед. В результате воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов немецкими фашистскими войсками в 1942 году были уничтожены документальные материалы с 1920 по 1938 г. в количестве 320 фондов — 95357 ед. хр. <...> Кроме того, в связи с угрожаемым положением в Крыму документальные материалы Севастопольского архива в количестве 10 фондов — 5000 ед. хр. были эвакуированы вглубь страны, где они хранятся в бывшем торговом помещении, требующем капитального ремонта и оборудования стеллажами. Эвакуированные документальные материалы требуют полной технической обработки... Учебно-справочный аппарат архива требует пересоставления, перепечатки на машинах и оформления. Все имущество Севастопольского архива полностью уничтожено и разграблено. Стеллажи, шкафы, столы и пр. <...> Общая сумма материального ущерба составляет 300.000 руб.¹⁷

Возобновлению работы архива в Севастополе сразу после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков в апреле — мае 1944 г. препятствовало отсутствие в практически полностью разрушенном городе пригодных помещений и подготовленных специалистов архивного дела. Из донесения начальника отдела госархивов НКВД Крымской АССР, направленного в Главное управление госархивов НКВД СССР, следовало, что в Севастополе «укомплектовать штаты к 1 августа 1944 года вряд ли придется, так как... по всему Крыму в наших аппаратах насчитывается всего лишь 13–15 человек»¹⁸.

Севастопольский архив возобновил работу 3 апреля 1945 г.¹⁹ Четвертого апреля инспектор архива приняла от начальника Центрального госархива Крымской АССР А. Д. Беликовой гербовую печать и 11 штампов Севастопольского архива²⁰. Двадцатого апреля 1945 г. заведующая Севастопольским архивом О. М. Лапина уже принимала участие в совещании отдела госархивов НКВД Крыма с заведующими городских архивов.

В апреле 1945 г. Севастопольский архив составил первый послевоенный отчет о работе за период с 3 по 15 апреля. В частности, приводятся такие сведения: в архиве работают два человека — заведующая О. М. Лапина (образование семь классов) и инспектор (образование пять классов); из 200 городских организаций архив взял на учет 120 дел, обследовал 50; собственно-

го помещения архив не имеет, все фонды находятся в эвакуации, а после реэвакуации в Крым временно сосредоточены в Симферополе, поэтому основу деятельности архивистов составляет работа с предприятиями, организациями и учреждениями по организации, упорядочению делопроизводства, обеспечению условий сохранности на местах.

В мае 1945 г. горисполком выделил помещение для архива в отстраивающемся жилкомбинате по ул. Батумской, 8. Но поскольку размещение архива в жилом доме являлось нарушением требований к организации деятельности архивных учреждений, для работы сотрудников была предоставлена комната в здании городского отдела НКВД по адресу: ул. Пушкинская, 3 (ныне ул. Пушкина, 10)²¹.

Решением исполнительного комитета Севастопольского городского совета от 19 мая 1945 г. архив был наделен правом распределителя кредитов первой степени, городской финансовый отдел открыл текущий счет архива в отделении Госбанка.

За девять месяцев 1945 г. сотрудники составили карточки 120 организаций, обследовали 116 учреждений, привели полностью в порядок документы в 25 организациях, в 88 организациях организовали прошивку дел, обеспечили назначение ответственных за ведение архива в 101 учреждении.

С 15 августа 1946 г. должность заведующего севастопольским горархивом занимала Вера Степановна Поясова, 1918 г. р., образование незаконченное высшее, беспартийная²². О работе архива в 1945–1946 гг. она докладывала на заседании исполнительного комитета Севастопольского городского совета депутатов трудящихся 25 марта 1947 г. Исполком отметил, что архивом проделана значительная работа по налаживанию делопроизводства и хранению документов в учреждениях. Решение, принятое по докладу В. С. Поясовой, обязывало городское жилищное управление подыскать в месячный срок помещение для городского архива²³.

Но только в июле 1947 г. архив получил в пользование в доме № 2 на ул. Пушкинской²⁴ полуподвальное помещение из двух комнат общей площадью 45 кв. м, в которых ранее размещалось газоубежище. Одна из комнат площадью 28 кв. м, без окон, отводилась под хранилище, а вторая — с цементным полом и окном — под рабочую комнату. Помещение нуждалось в ремонте, который из-за отсутствия леса произвели только в 1948 г. Тогда же приобрели и первый инвентарь: два стеллажа, книжный шкаф, две библиотечные лесенки, стол, шесть табуретов. На хранение было принято два фонда от ликвидированных учреждений в количестве 1303 дела за 1944–1947 г., но из-за сырости в архивохранилище документы находились в горисполкоме, в комнате бывшего карточного бюро. По этой причине принимать документы архив не мог и в основном работал с городскими учрежде-

ниями, добиваясь организации правильного хранения документов и качественной их обработки, а в октябре возбудил перед горисполкомом ходатайство о предоставлении помещения, отвечающего необходимым требованиям. В 1948 г. на основании приказа № 41 начальника архивного отдела УМВД по Крымской области архив получил пломбир для опечатывания помещения — «3 “А” Севастопольский горархив».

В 1950 г. Севастопольский архив взял на себя социалистические обязательства выполнить годовой план к 1 декабря, обработать сверх плана документы в десяти организациях. По общим показателям, качеству работы, оценке начальника архивного отдела УМВД Крымской области Архив города Севастополя был назван в числе лучших архивных учреждений Крыма²⁵.

Но условий для развертывания полноценной работы архива в послевоенном городе, где интенсивными темпами шло восстановление городского коммунального хозяйства, жилого фонда, промышленности, по-прежнему не было. Рабочая комната сотрудников архива находилась в здании городского отдела МВД на ул. Пушкинской, 3 (ныне ул. Пушкина, 10), документальные материалы временно размещались на складе мягкого перевязочного инвентаря Севастопольского городского отдела здравоохранения по адресу: набережная Корнилова, 8. Несмотря на то что склад опечатывался и охранялся, его регулярно посещали лица, не имеющие отношения к архиву, поэтому вопрос обеспечения сохранности документов в этом помещении требовал другого решения²⁶.

В ноябре 1950 г. архиву были предоставлены новые помещения на первом этаже жилого дома по адресу: ул. Большая Морская, 36а. В двух светлых и сухих комнатах общей площадью 50 кв. м (рабочая комната 16 кв. м, хранилище кв. 34 м) разместили в разобранном виде стеллажи протяженностью 75 пог. м, шесть фондов (425 дел), переданных в архив за период 1944–1949 гг.²⁷

Это позволило приступить к приему документов. В 1951 г. в архиве имелось на хранении 12 фондов (737 дел), в 1954 г. — 79 фондов (5664 дела), в 1956 г. — 105 фондов (8451 дело). По состоянию на 25 сентября 1957 г., выделенное под хранение документов помещение было заполнено уже на 85 %²⁸.

Поэтому основным видом работы архива по-прежнему оставалась работа с контролируемыми организациями: проводились совещания с делопроизводителями, консультации, оказывалась методическая и практическая помощь на местах, проводились обследования, следили за обработкой документов в учреждениях, по результатам посещений составляли паспорта организаций.

Новый этап в деятельности Севастопольского городского архива начался в 1963–1964 гг. Севастопольский городской архив был выведен из подчинения Крымского областного архивного управления и получил статус самостоятельного архивного учреждения, отвечающего за реализа-

цию государственной политики в области архивного дела на территории Севастополя, Балаклавы и приданных им сельскохозяйственных районов.

Решением исполкома Севастопольского городского совета от 28 декабря 1963 г. № 28 на основании Постановления Совета министров СССР от 27 сентября 1963 г. № 1107 на баланс Севастопольского городского государственного архива с 1 января 1964 г. было передано «здание б. Покровского собора, б. жилой дом-квартиру священника, б. гараж. и б. прачечную». В здании собора было оборудовано хранилище на 75–80 тыс. единиц хранения, в жилом доме — бывшей квартире священника, общая площадь помещений в котором составляла 120 кв. м, разместили рабочие комнаты сотрудников архива, читальный зал, научно-справочную библиотеку и фотолaborаторию²⁹. Впервые после 1941 г. архив смог возобновить прием из учреждений документов с постоянным сроком хранения, с обеспечением условий их сохранности и использования.

Примечания

¹ ГАРК. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 148. Л. 14.

² Там же. Л. 36

³ Там же. Д. 148. Л. 28 ; Д. 163

⁴ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 737. Л. 46, 47 ; Д. 775. Л. 28 ; ГАРК. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 185. Л. 60.

⁵ ГАРК. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 185. Л. 68, 68 об.

⁶ Там же. Д. 195. Л. 183, 186, 187 ; Д. 214. Л. 17.

⁷ Там же. Д. 214. Л. 19.

⁸ Там же. Д. 219. Л. 66, 66 об., 67.

⁹ Там же. 185. Л. 89, 97.

¹⁰ АГС. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.

¹¹ ГАРК. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 213. Л. 3.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же. Д. 219. Л. 80, 84.

¹⁴ Там же. Д. 221. Л. 29.

¹⁵ Там же. Л. 30 ; Д. 242. Л. 11.

¹⁶ Там же. Д. 219. Л. 85.

¹⁷ Там же. Д. 242. Л. 21, 21 об.

¹⁸ Там же. Д. 424. Л. 9.

¹⁹ Там же. Д. 265. Л. 271.

²⁰ АГС. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 265. Л. 44.

²² Там же. Д. 86. Л. 1.

²³ Там же. Д. 49. Л. 7.

²⁴ Здание не сохранилось, было демонтировано при обустройстве на склоне Южной бухты сквера, протянувшегося вдоль ул. Пушкина (ныне сквер им. Василия Бузина).

²⁵ АГС. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 75. Л. 1-9.

²⁶ Здание не сохранилось, было демонтировано при реконструкции набережной в 1960-е гг.

²⁷ АГС. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 93. Л. 2.

²⁸ Там же. Д. 127. Л. 3.

²⁹ Там же. Д. 181. Л. 1.

Н. И. Леонтьева

Проекты реформирования архивного дела в СССР в начале 1950-х годов (по документам аппарата ЦК ВКП(б) — КПСС)

История архивного дела в СССР в позднесталинский период представляет несомненный научный интерес не только в рамках изучения прошлого отечественной архивной отрасли, но и как отражение отдельных аспектов государственной политики в области идеологии, культуры и науки указанного периода. В ряде важных научных работ, посвященных истории советского архивного дела, освещены некоторые особенности состояния и тенденции развития архивной отрасли СССР в период с середины 1940-х до середины 1950-х гг.¹ Изучение историографии данной темы показывает, что вне исследовательского внимания, однако, оказался ряд значимых информативных источников, отложившихся в документальном комплексе аппарата ЦК ВКП(б), хранящихся в Российском государственном архиве социально политической истории, бывшем Центральном партийном архиве. Указанные документы свидетельствуют о проходившем в начале 1950-х гг. на высшем партийно-государственном уровне процессе выработки решений по реформированию системы управления архивным делом, в тот период, однако, по неустановленным причинам не реализованных. Данные источники отражают широкий спектр проблем, зафиксированных в деятельности Главного архивного управления МВД СССР (ГАУ) и подведомственных ему учреждений, пути их решения, предлагавшиеся заинтересованными ведомства-

ми и отдельными должностными лицами, которые в некоторой степени несли на себе отпечаток идеологических кампаний периода «позднего сталинизма».

Насколько позволяют судить документы, выявленные в материалах административного отдела ЦК ВКП(б)², отправной точкой процесса подготовки в аппарате ЦК ряда значимых решений в отношении деятельности архивной отрасли стала обширная докладная записка начальника Архивного управления МВД Казахской ССР И. З. Чумака³ от 2 мая 1950 г., представленная на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова. В записке излагались необходимые, по мнению автора, меры по усилению роли архивов в идеологической работе⁴. Серьезной критике подверглась деятельность ГАУ. Чумак указывал:

Анализ всей работы архивных органов МВД Союза ССР показывает, что они не нашли еще своего места в системе идеологического фронта, не нашли новых методов работы, вытекающих из исторических решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, а следовательно, серьезно отстали. В свете решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам документальные материалы Государственного архивного фонда Союза ССР, особенно по советскому периоду, должны стать оружием в борьбе на идеологическом фронте, должны служить развитию патриотических чувств нашего народа и использоваться для показа преимущества нашего советского строя перед строем капиталистическим. <...> Однако использование документальных материалов в указанном направлении орга-

низовано сейчас crane кустарно, хотя на этой почве архивные органы можно было бы превратить в научно-исследовательские учреждения по истории, которые воевали бы, как воюет Сельскохозяйственная академия им. Ленина в области биологии⁵.

Помимо слабого использования возможностей Государственного архивного фонда СССР в «разработке истории советского общества» И. З. Чумаков констатировал, что ГАУ работой «архивных органов периферии» руководит формально, практически не контролирует сохранность документальных материалов на предприятиях, в учреждениях и организациях, не координирует работу по изданию документальных сборников в архивных учреждениях.

Интересно, что хотя в данной записке речь шла в основном о необходимости решения вопросов, связанных с более широким использованием архивных документов в идеологической работе, в работе историков, изучающих советское общество, а также ряда частных вопросов, связанных с проблемами в издании путеводителей по республиканским архивам, эта записка по поручению Г. М. Маленкова уже 11 мая 1950 г. была разослана для рассмотрения в инстанции — министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову, заведующему административным отделом ЦК ВКП(б) Г. П. Громову и заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В. С. Кружкову⁶. Это привело к выработке целого ряда предложений по реформированию организации архивного дела в СССР, вышедших далеко за пределы проблем, изложенных И. З. Чумаком.

Четвертого июля 1950 г. Г. М. Маленкову была направлена докладная записка за подписью С. Н. Круглова по итогам рассмотрения в МВД СССР записки И. З. Чумака⁷. Министр ограничился констатацией ряда недостатков в работе архивных органов, перечислением основных хозяйственных и финансовых проблем в деятельности государственных архивов и сообщением об издании по итогам проверки ГАУ приказа, предусматривающего «мероприятия по дальнейшему улучшению работы архивных органов МВД».

Намного более острой и радикальной оказалась реакция отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В подготовленной руководящими работниками отдела В. С. Кружковым, Ю. А. Ждановым и В. Е. Евграфовым записке Г. М. Маленкову (от 19 октября 1950)⁸ по результатам ознакомления с работой ГАУ и некоторых центральных государственных архивов, находящихся в его подчинении, деятельность ГАУ подверглась критике не только в свете вопросов, поднятых И. З. Чумаком. Как «ненормальное» было охарактеризовано положение дел в Центральном государственном литературном архиве (ЦГЛА), не имеющем среди сотрудников специалистов в области истории литературы и не занимающимся приемом на хранение «ценнейших архивов» русских писателей и художников (в записке изложено, как ЦГЛА упустил возможность приобрести

большой архив художника В. Д. Поленова, попавшего в итоге на хранение в Третьяковскую галерею, а также документы поэта С. А. Есенина, хранившиеся у его сестры Екатерины Александровны, и писателя Ю. Н. Тынянова, хранившиеся у его дочери). В отношении публикаторской деятельности архивов было отмечено:

Главное архивное управление до сих пор не разработало методику подготовки к публикации и изданию отдельных сборников документов. Издание сборников проводится архивными работниками, не имеющими научной квалификации, кустарным способом, без единого плана, без тщательной разработки всех имеющихся документальных богатств. Начальник [ГАУ] т. Стыров не поддерживает инициативу отдельных центральных архивов в подготовке документальных сборников, тормозит это дело⁹.

В записке также были освещены хозяйственные проблемы архивных учреждений — непригодность и теснота помещений архивов, несоблюдение режима и технологии хранения документов, низкие оклады архивных работников и небольшая штатная численность государственных архивов — все то, что также было отмечено ранее и министром С. Н. Кругловым. Однако предложенные отделом меры по решению всего комплекса проблем архивной отрасли оказались достаточно радикальными и вышли далеко за пределы предложений по усилению контроля над архивами и выработки разного рода «мер по улучшению». Так, констатировалась необходимость «коренной перестройки всей существующей системы архивных органов», а именно:

Исходя из того, что 50 % документальных материалов, хранящихся в государственных архивах СССР, относятся к истории советского общества и что дальнейшие поступления в архивы также будут идти от государственных учреждений, отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) считает целесообразным обсудить вопрос о выделении архивных органов в самостоятельное ведомство при Совете министров СССР и о передаче Центрального государственного литературного архива и Центрального государственного архива древних актов в ведение соответствующих институтов Академии наук СССР¹⁰.

Как свидетельствуют документы, позднее, на рубеже 1950–1951 гг., при подготовке упомянутыми отделами ЦК ВКП(б) совместно с ГАУ проекта постановления Совета министров СССР «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию архивного дела в СССР»¹¹, от предложений о выделении ГАУ из подчинения МВД СССР и передаче ЦГЛА и ЦГАДА в ведение Академии наук СССР все же было решено отказаться. В пояснительной записке Г. П. Громова и заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В. П. Степанова Г. М. Маленкову по означенному проекту постановления, подготовленной, вероятно, в январе 1951 г. (записка не датирована), было доложено, что 28 ноября 1950 г. в ЦК ВКП(б) прошло совещание для выработки мероприятий по дальнейшему развитию

архивного дела в СССР, на котором среди прочих присутствовали руководящие сотрудники ГАУ (включая В. Д. Стырова), главный ученый секретарь президиума Академии наук СССР А. В. Топчиев, директор Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) П. Н. Пospelов, начальники ряда центральных государственных архивов, заместители директоров Института истории и Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР. Очевидно, что в том числе и по итогам работы этого совещания был подготовлен соответствующий проект постановления Совета министров СССР, в который, как уже отмечалось, предложения отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) по изменению всей структуры управления архивами не вошли. Вместо этого предлагалось преобразовать ГАУ в Главное управление по делам государственных архивов (также в составе МВД СССР), архивные управления (отделы) МВД республик, УМВД краев и областей — в управления и отделы по делам архивов МВД–УМВД, а городские и районные государственные архивы в связи с упразднением городских и районных аппаратов МВД передать в непосредственное ведение исполнительных комитетов городских и районных Советов депутатов трудящихся с сохранением за ГАУ руководства и контроля за работой этих архивов. Эти же предложения содержались в справке «О состоянии архивного дела СССР», направленной В. Д. Стыровым В. С. Кружкову 27 декабря 1950 г.¹²

Помимо указанных организационных изменений, в проект правительственного постановления вошел еще ряд пунктов, касающихся различных аспектов деятельности архивной отрасли:

- ускорение научно-технической обработки документов и увеличение объемов принятия документов на государственный учет;

- принятие мер по централизации и повышению качества издательской деятельности архивов (с акцентом на увеличение публикаций исторических источников по истории «советского общества, героического прошлого нашего народа», документов, «подтверждающих приоритет русского народа в крупнейших открытиях и изобретениях в различных областях отечественной науки и техники»);

- возобновление издания журнала «Советский архив», прерванного в 1941 г.;

- преобразование Научно-исследовательской лаборатории ГАУ во Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению и разработке проблем долговременного хранения документальных материалов;

- разработка новых редакций положений о Главном управлении по делам государственных архивов МВД СССР и о Государственном архивном фонде СССР;

- расширение сети читальных залов и улучшение обслуживания исследователей, обеспечение своевременного выполнения запросов граждан в архивы по выдаче архивных справок;

- принятие расходов на содержание республиканских, краевых и областных государственных архивов и архивных органов МВД СССР на счет государственного бюджета СССР;

- пересмотр окладов ряда категорий сотрудников архивов, в частности введение повышенных окладов для сотрудников, имеющих ученые степени;

- передача в ведение МВД СССР Московского государственного историко-архивного института, восстановление деятельности Историко-архивного техникума в Ленинграде;

- расширение штатной численности научного и научно-вспомогательного персонала архивных органов и учреждений;

- выделение финансирования на строительство и проектирование новых зданий государственных архивов и др.

Интересно, что во время подготовки в аппарате ЦК ВКП(б) и в МВД СССР описанных выше предложений по реформированию архивной отрасли на имя Г. М. Маленкова поступила еще одна пространная докладная записка — от руководителя архивного отдела УМВД СССР по Ленинградской области П. А. Конопелько (от 31 июля 1950)¹³, с приложением копии его же записки на имя С. Н. Круглова (от 22 июня 1950)¹⁴. И хотя в данных документах был сделан акцент на проблемах в работе архивов Ленинграда и Ленинградской области и на жесткой критике бездействия ГАУ в вопросах руководства областными архивами, среди предложений по реформированию архивной системы в СССР автором также были высказаны идеи о создании самостоятельного органа по руководству архивами вне состава МВД СССР и о пересмотре положений об архивных органах, их структуре, штатах, принципах финансирования, о расширении научной работы в архивных учреждениях. На записке П. А. Конопелько Г. М. Маленковым 4 августа 1950 г. была оставлена следующая резолюция в адрес сменившего на посту заведующего административным отделом ЦК ВКП(б) Г. П. Громова В. Е. Макарова: «Прошу разобраться в этом деле. Доложите»¹⁵.

Насколько известно из доступных источников, предложенный отделами ЦК ВКП(б) и МВД СССР проект постановления Совета министров СССР так и не был принят. Спустя год, по состоянию на 28 декабря 1951 г., согласно записке Г. П. Громова (второй раз занявшего должность заведующего административным отделом ЦК) и В. П. Степанова на имя Г. М. Маленкова, проект постановления все еще находился на рассмотрении в Совете министров СССР (в записке также указывалось, что письмо П. А. Конопелько рассматривалось при подготовке проекта постановления наряду с письмом И. З. Чумака)¹⁶. В стадии рассмотрения данный проект находился и по состоянию на май 1952 г., что следует из другой докладной записки административного отдела ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову¹⁷.

Причины столь длительного рассмотрения проекта неизвестны. В существующей историко-

графии также не удалось обнаружить каких-либо упоминаний о дальнейшей судьбе данного проекта. Как отмечала Т. И. Хорхордина, в тот же период, в ноябре 1951 г., С. Н. Кругловым были одобрены и направлены в ЦК ВКП(б) предложения В. Д. Стырова о «засекречивании огромного массива документов», связанных с историей подготовки и проведения Октябрьской революции, военной интервенции и Гражданской войны в СССР¹⁸, что совершенно противоречило и предложениям И. З. Чумака и П. А. Конопелько, и положениям рассматриваемого проекта постановления Совета министров СССР. Отметим, что в протоколах заседаний Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) за 1951–1952 гг., хранящихся в РГАСПИ, какие-либо решения, касающиеся данной инициативы В. Д. Стырова, не выявлены.

Интересно, что в 1952 г. накануне XIX съезда ВКП(б) рассматриваемый сюжет снова получил некоторое развитие. Еще 31 декабря 1951 г. И. З. Чумак направил вторую записку на имя Г. М. Маленкова¹⁹ с жалобой на «преследование» со стороны ГАУ за выдвижение им предложений по реформированию архивной отрасли, сообщением о переходе по этой причине «из архивных органов» на другую работу и с повторным ходатайством перед ЦК ВКП(б) вмешаться в деятельность архивного руководства, чья работа, по оценке И. З. Чумака, «граничит с вредительством на идеологическом фронте»²⁰. А непосредственно накануне съезда, 1 октября 1952 г., уже П. А. Конопелько направил на имя И. В. Сталина предложения к проекту директив съезда с подзаголовком «Устранить недостатки в руководстве государственными архивами и коренным образом перестроить их работу»²¹, в которой были обобщены его предшествующие предложения, во многом пересекающиеся с проектом не принятого правительственного постановления. По поручению Г. М. Маленкова записка рассматривалась в аппарате Совета министров СССР и в административном отделе ЦК²². Результаты ее рассмотрения были доложены почти через пять месяцев после окончания съезда — 23 февраля 1953 г. В соответствующей итоговой записке заместителя заведующего административным отделом ЦК КПСС Н. В. Егорова разработанный ранее проект постановления уже даже не упоминался (очевидно, он был к этому времени окончательно отклонен), сообщалось лишь о данном Бюро Президиума Совета министров СССР поручении С. Н. Круглову «принять необходимые меры по наведению должного порядка в деле сохранности и использования документальных материалов государственных архивных фондов СССР»²³. Мы не располагаем точной информацией о том, были ли приняты именно тогда, в начале 1953 г., какие-либо решения по данному вопросу на уровне МВД СССР или правительства.

Таким образом, проанализированные в настоящей статье документы свидетельствуют о том, что необходимость проведения серьезных

реформ в архивной отрасли СССР, реализованных, как известно, уже после смерти И. В. Сталина, была осознана и вполне подробно обоснована в партийно-государственном аппарате еще в начале 1950-х гг. Вероятно, подготовленные в этот период, но по не вполне ясным причинам нереализованные предложения отделов ЦК ВКП(б) сыграли свою роль при подготовке состоявшейся вскоре реформы советской архивной отрасли хрущевского периода, когда архивы были выведены из подчинения МВД СССР, ГАУ стало самостоятельным ведомством при Совете министров СССР, в некоторой степени был либерализован режим доступа к архивным документам, приняты решения об улучшении организации хранения и учета документов. Парадоксальным образом идеи по реформированию архивной системы, выработанные в недрах аппарата ЦК ВКП(б) в период «позднего сталинизма» в условиях жестких идеологических кампаний, на фоне исходящих от МВД СССР интенций по усилению «ведомственности» и закрытости государственных архивов, оказались весьма созвучны некоторым принятым решениям в этой сфере в последующие годы хрущевской оттепели.

Примечания

¹ См., например: *Хорхордина Т. И.* История Отечества и архивы, 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 286–299; *Леушин М. А.* Проблемы доступности архивов в начале 1950-х годов // *Вестник архивиста*. 1996. № 4 (34). С. 41–45; *Савин В. А.* «Хранить нельзя уничтожить». Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР–СССР. 1918–1950-е годы. М., 2000; *Боброва В. С.* Управление архивным делом в Сибири в годы послевоенного сталинизма (1945–1953 годы) // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер. История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1. С. 73–80; *Ковчинская С. Г.* Архивная политика НКВД–МВД СССР в 1945–1955 годах: организация работы исследователей в читальных залах государственных архивов СССР // *Исторические чтения на ул. Андропова*, 5. История органов безопасности: материалы V Междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2014. С. 176–184.

² В ведение административного отдела ЦК, в частности, входили руководство и контроль органов МВД СССР.

³ По данным интернет-проекта «ЦентрАзия», Иван Захарович Чумак занимал данную должность с ноября 1949 по январь 1952 г., после работал в должности лектора отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана. URL: <https://centrasia.org/person.php?st=1458557152>.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 149. Л. 3–9.

⁵ Там же. Л. 3–4.

⁶ Там же. Л. 2. Записка также была разослана для ознакомления секретарям ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко, М. А. Суслову и Н. С. Хрущеву (Там же. Л. 1).

⁷ Там же. Л. 10–14. Записка С. Н. Круглова в августе 1950 г. также была направлена для рассмотрения в отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (Там же. Л. 15).

⁸ Там же. Л. 17–23.

⁹ Там же. Л. 22.

¹⁰ Там же. Л. 23.

¹¹ См.: Там же. Л. 29–41.

¹² Там же. Л. 213–225.

¹³ Там же. Л. 57–76.

¹⁴ Там же. Л. 81–131об.

¹⁵ Там же. Л. 57.

¹⁶ Там же. Л. 226.

¹⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 136. Д. 409. Л. 9–10.

¹⁸ *Хорхордина Т. И.* Руководители государственной архивной службы России // *Вестник архивиста*. 2008. № 2. С. 20–21. Об этом см. также: *Ковчинская С. Г.* Указ. соч. С. 181.

¹⁹ Там же. Л. 1–5.

²⁰ Там же. Л. 4.²¹ Там же. Л. 146–163.²² Там же. Л. 144.²³ Там же. Л. 164.

З. Ю. Бурангулова, Б. В. Бурангулов

**Деятельность региональных архивов РСФСР
по привлечению общественных активистов к работе
по сохранению документального наследия
во второй половине 1950-х — 1980-х годах**

В период «оттепели», в рамках решений XX съезда КПСС и последующих нормативно-правовых актов правительства, архивные учреждения, несмотря на нахождение в системе Министерства внутренних дел, вышли из изолированного состояния. Стали налаживаться связи с общественными институтами. Во второй половине 1950-х гг. наблюдался пересмотр государством роли архивов в обществе, что позволяет говорить о попытке трансформации архивных учреждений в институты социальной памяти. Информационные ресурсы госархивов все больше становились доступными для научного сообщества, тем самым стимулировалось развитие исторической науки.

С конца 1950-х гг. региональные архивные органы, с учетом возрастания роли общественных организаций в реализации масштабных проектов государства, предприняли попытку использования их помощи в проведении мероприятий, направленных на улучшение архивного дела. Во многих регионах РСФСР государственные архивы провели интенсивную работу по привлечению активистов в дело формирования, сохранения и использования документального исторического наследия. В Рязанской области комсомольцы приняли участие в формировании Государственного архивного фонда, оказав безвозмездную помощь организациям, учреждениям и предприятиям в деле упорядочения документальных материалов. В этой области труд комсомольцев был использован также на уровне городских и районных архивов.

Архивным учреждениям значительную помощь оказали объединения пенсионеров. С этой целью региональные архивные органы устанавливали тесные связи с советами пенсионеров, которые функционировали при исполкомах, органах социального обеспечения, крупных предприятиях и учреждениях. Главархив РСФСР в качестве положительного отметил инициативу свердловских архивистов. В Нижнетагильском филиале Государственного архива Свердловской области справочная работа находилась в неудовлетворительном состоянии, так как из-за отсутствия необходимого научно-справочного аппарата и большого количества поступающих запросов сроки их исполнения занимали длительный период. Существенную помощь архиву в создании картотеки по личному составу оказали члены Совета пенсионеров клуба ветеранов труда Нижнетагильского металлургического комбината¹.

Даже в местной прессе опубликовали краткое сообщение и фотоснимок, запечатлевший работу пенсионеров над составлением карточек. Это вызвало интерес у пенсионеров из Дома учителя, которые подключились к этой благородной работе. В результате оказанной пенсионерами помощи в течение 1959 г. в архиве было составлено 120 тыс. карточек, что позволило улучшить состояние справочной работы. Свердловские архивисты сообщили: «Теперь на исполнение одного запроса затрачивается 5–8 минут, неисполненных запросов в архиве нет»².

Аналогичная работа проводилась во Владивостоке. На заседании секции пенсионеров — ветеранов Владивостокского торгового порта и Госморпароходства начальник Приморского краевого госархива выступил с сообщением о работе архива по выдаче справок. Группа пенсионеров изъявила желание содействовать архиву и провела упорядочение документов по личному составу торгового порта и Госморпароходства, что также значительно ускорило процесс выдачи архивных справок. По инициативе Архивного управления УВД исполкома Московской области в Егорьевском и Павлово-Посадском райгосархивах привлекли пенсионеров к оказанию помощи в проверке состояния архивов учреждений, организаций и предприятий района.

Региональные архивные учреждения активно взаимодействовали с профсоюзными организациями. Правовой базой для деятельности республиканских, краевых и областных советов профсоюзов в этом направлении явилось принятое секретариатом ВЦСПС постановление от 17 января 1959 г. об участии профсоюзных организаций в деле улучшения деятельности архивов. На основе этого решения предусматривались не только мероприятия по обеспечению сохранности и упорядочению архивных фондов в самих профорганизациях, но также и участие представителей профсоюзов в контроле условий работы ведомственных архивов. Центральный совет предложил фабрично-заводским и местным комитетам ввести в практику работы периодические проверки делопроизводства и состояния архивов предприятий, учреждений и организаций, обсуждение состояния архивов на заседаниях фабрично-заводских и местных комитетов на общих собраниях рабочих и служащих.

Особо успешными и заслуживающими внедрения оказались мероприятия, организованные архивным органом Белгородской области. Здесь

по инициативе регионального органа управления архивным делом в рамках областного коммунистического субботника обкомом профсоюза работников госучреждений проводилось упорядочение документальных материалов. Белгородский обком профсоюза работников госучреждений рекомендовал профорганизациям учреждений оказать содействие в деле приведения в порядок архивных дел и провести их обработку путем организации субботников. Облсовпроф признал это начинание обкома профсоюза госучреждений заслуживающим внимания и распространения. Помощь в работе архивных учреждений оказывали также профсоюзные организации Ставропольского края, Рязанской, Свердловской и Читинской областей.

Опыт региональных архивов по привлечению общественных активистов проанализировало Архивное управление МВД РСФСР. Шестнадцатого февраля 1960 г. за подписью начальника управления П. В. Ильина было направлено письмо № 9/162 архивным отделам МВД автономных республик, УВД краевых и областных исполнительных комитетов. В документе констатировалось:

До последнего времени архивные учреждения в своей работе по улучшению постановки архивного дела в РСФСР мало использовали помощь общественных организаций, ограничиваясь привлечением научной общественности к участию в работе научных советов при архивных отделах и государственных архивах. В настоящее время, когда неуклонно возрастает роль и влияние общественности в решении многих вопросов нашей жизни, большую пользу может принести общественность своим участием в мероприятиях, направленных на улучшение архивного дела на местах. Самой жизнью рождены некоторые формы участия общественности в работе архивных учреждений. Известно, что успешного развития вопросов архивного строительства добились именно те архивные учреждения, которые в решении всех вопросов, связанных с улучшением архивного дела на местах, опирались на помощь соответствующих партийных органов и низовых партийных организаций. Учитывая большую пользу, которую может принести общественность своим участием в мероприятиях по улучшению архивного дела на местах, Архивное управление МВД РСФСР рекомендует всем архивным учреждениям, используя уже имеющийся опыт, продумать вопрос о формах привлечения общественности для дальнейшего улучшения состояния архивного дела в каждой автономной республике, крае, области, наметить конкретные мероприятия по этому вопросу и приступить к их практическому осуществлению³.

При этом Архивное управление МВД РСФСР рекомендовало расширить возможные формы связи архивных учреждений с общественностью. Центр предложил использовать помощь общественности в комплектовании архивов документальными материалами, в том числе личными фондами, в популяризации архивного дела, исследовании по документальным материалам истории отдельных предприятий, подготовке брошюр, статей и т. д. В осуществлении этих задач могли оказать неоценимую помощь студенты высших и средних специальных учебных заведе-

ний, а также учащиеся средних школ. Региональным архивным учреждениям поручалось установить деловые связи с общественными организациями учебных заведений, оказывать практическую помощь в создании краеведческих кружков, знакомить членов кружков с составом и содержанием архивных фондов, предоставлять возможность работать над архивными документами, ставить перед учащимися практические задачи в этом направлении и содействовать их выполнению⁴.

Одна из сторон преобразований 1960-х гг. — установление и укрепление связей с общественностью⁵. В целях реализации рекомендаций Главархива РСФСР в регионах развернулась довольно активная работа по привлечению общественности к архивному делу. Бузулукский горком ВЛКСМ обратился к пионерам и школьникам. В частности, в обращении написано следующее:

Дорогие «красные следопыты»! Обращаемся к вам с большой просьбой собрать материалы и фотодокументы, находящиеся в личном пользовании граждан (воспоминания, дневники, записные и памятные книжки, путевые заметки, статьи, вырезки из газет, стенгазеты, отчеты, методические разработки, дневники бригад коммунистического труда, социалистические обязательства и договоры, фотокарточки и материалы автобиографического характера — автобиографии, приказы, распоряжения, справки, удостоверения, мандаты, аттестаты, наградные документы и все другие документы) связанные с важнейшими событиями прошлой жизни города Бузулука, его ростом, развитием и знатными людьми нашего города⁶.

С помощью пионерии за 1964 г. Бузулукский филиал установил связь с 32 государственными и общественными деятелями. В дальнейшем в этом филиале данный вид работы особенно активизировался. В частности, в 1971 г. его директор Р.А. Бескова сообщила:

Свою работу по сбору документальных материалов, находящихся в личном пользовании, филиал широко освещал в местной печати, так как пропаганда архивных документов значительно способствовала успеху в проведении этой работы. В газете «Под знаменем Ленина» были помещены обращения к пионерам и школьникам, фотолюбителям, опубликованы статьи «Сохраняйте архивы», «Каждый документ ценен», «Бережь документы истории», в которых говорилось о ценности архивных документов для науки, народного хозяйства, истории, справочных целей и необходимости их сохранения. В передачах по местной радиосети и статьях в газету регулярно сообщалось также о новых поступлениях в филиал⁷.

Неоценимую помощь сотрудникам филиала в сборе материалов личного происхождения оказывала общественность. Держатели личных фондов, передавая на государственное хранение свои документы, стали пропагандистами и активными помощниками в сборе документальных материалов. Например, персональный пенсионер Р. М. Гладкова занималась сбором документов о работе бузулукских комсомольских и пионерских организаций, колхозов, коммун и т. д. Она

создала богатую и разнообразную по содержанию коллекцию текстовых и фотодокументов, содержащих сведения по истории женского движения в Бузулукском районе, по истории комсомольской организации.

В Оренбургской области применялись новые формы привлечения общественности к архивному делу. В 14 районах были созданы комиссии содействия архивному делу и группы общественных инспекторов. В Бугурусланском, Переволочном, Сакмарском и Оренбургском районах активно привлекались пенсионеры к упорядочению документов по личному составу. Решением Медногорского горисполкома одним из первых на территории Южного Урала при горгосархиве приступил к работе общественный совет, оказавший содействие в поиске и приеме на госхранение документов, отражающих историю города и его тружеников⁸. Медногорским горгосархивом заведовала Н. В. Кердинская, она показала лучшие результаты работы в области⁹. Кроме того, Оренбургский, Шарлыкский, Александровский, Новосергиевский райгосархивы в 1980-е гг. демонстрировали результативную работу, заведующие награждались знаком «Отличник архивного дела СССР»¹⁰. Заведующая Гайским райгосархивом Т. Р. Габдинова за работу, проведенную в ходе общественного смотра в 1986 г., получила премию Главархива РСФСР¹¹.

В Башкирской АССР, в Салаватском городском и Нуримановском районном госархивах, многие вопросы решались с участием общественности. Решением Салаватского горисполкома от 20 декабря 1977 г. при городском архиве был создан общественный совет из пяти человек, который помогал в работе заведующему¹². В Учалинском городском архиве заработал методический центр. Нужно признать, что государственные архивы

гг. Салавата и Учалы, благодаря самоотверженному труду заведующих В. И. Еремеевой и А.Т. Алимчуриной в 1980-х гг. стали одними из образцовых в республике. Именно эти архивы неоднократно становились победителями республиканских социалистических соревнований, и недаром В. И. Еремеева по итогам работы девятой пятилетки была награждена медалью «За трудовую доблесть», а А. Т. Алимчурина — общесоюзным знаком «Ударник десятой пятилетки»¹³.

Таким образом, со второй половины 1950-х гг. существенно возросли деловые связи архивных учреждений с общественными институтами и отдельными лицами с активной гражданской позицией. В исследуемый период расширились формы и виды архивных работ с привлечением общественников, что стало весомым вкладом общества в дело сохранения архивного культурно-исторического наследия.

Примечания

¹ Бурангулов Б. В. Управление региональным архивным делом на Южном Урале (1919–1990 гг.) : монография. Уфа, 2023. С. 135.

² ОГАОО. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 258. Л. 62 об.

³ Там же. Л. 62.

⁴ Там же.

⁵ Архивный век: архивы Южного Урала в 1921–2021 годах : монография / Н. А. Антипин и др. ; науч. ред. М.А. Базанов. Челябинск, 2021.

⁶ ОГАОО. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 304. Л. 12.

⁷ Там же. Д. 362. Л. 165.

⁸ Гезима А. Сохранить народное достояние // Южный Урал. 1985. 13 авг.

⁹ ОГАОО. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 362. Л. 258.

¹⁰ Там же. Ф. Р-2979. Оп. 2. Д. 4. Л. 21.

¹¹ Совершенствовать работу архивов // Гайская новь. 1987. 10 февр.

¹² Бурангулов Б. В. История государственной архивной службы Башкортостана (1919–1990 гг.) : монография. Уфа, 2009. С. 206.

¹³ НАРБ. Ф. Р-1422. Оп. 1. Д. 479. Л. 1.

Т. А. Меркулова

Развитие комплекса учетных документов в архиве Уральского федерального университета

Архив Уральского федерального университета (УрФУ) является одним из крупнейших ведомственных архивов в системе высшего профессионального образования Уральского региона. К 2025 г. в нем на трех площадках хранилось около 500 тыс. ед. хр. за 1927–2020 гг.¹

Основную часть документов, хранящихся в архиве (более 95 % дел), составляют документы по личному составу. В основном это личные дела студентов (около 80 %) и работников Уральского индустриального института — Уральского федерального университета (15 %) за 1935–2020 гг. Оставшуюся долю (5 %) составляют приказы по личному составу работников и студентов, лицевые счета по начислению заработной платы работникам, книги регистрации выданных дипломов выпускникам университета, алфавитные книги регистрации студентов, поступивших на обучение в университет.

Темпы комплектования архива университета документами по личному составу остаются значительными и увеличиваются с каждым годом. В основном это увеличение связано с трехступенчатой системой высшего образования в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ», поскольку при получении каждой ступени образования (бакалавр, магистр, аспирант) на одного и того же человека может заводиться до трех отдельных личных студенческих дел. Если в 2000 г. на хранение в архив поступило 3652 личных дел студентов, окончивших обучение в институте, то уже в 2004 г. при переходе на двухступенчатую систему (бакалавр — магистр) — 10 649 дел, в 2013 г. — 9929, в 2023 г. — 30 000 дел. В то же время количество личных дел уволенных работников университета, принима-

емых в архив, остается стабильным. Так, в 2011 г. в архив было принято 1317 личных дел уволенных работников, в 2020 г. — 920 дел².

При таком объеме хранящихся личных дел основным учетным документом в архиве были и остаются описи личных дел, составляемые при передаче дел из отделов на хранение в архив университета.

В УПИ архив с 1934 по 1940 г. являлся частью канцелярии, после 1940 г. подчинялся помощнику директора по административно-хозяйственной части. Приказом директора Уральского политехнического института (УПИ) от 17 июля 1934 г. № 10 был организован общий отдел, в состав которого вошли канцелярия, машинописное и стеклографическое бюро, архив³. Позднее из состава общего отдела приказом от 22 сентября 1934 г. № 87 была выделена канцелярия по студенческим делам⁴. Приказом директора института от 25 декабря 1934 г. № 188 предписывалось деканатам всех факультетов сдать в архив все дела бывших отраслевых институтов⁵.

В 1940 г. было проведено первое обследование архива УПИ работниками архивного отдела УНКВД по Свердловской области. В акте, составленном по результатам этой проверки, было отмечено, что «архивные материалы в институте начали откладываться с 1930 г. и к моменту обследования (17.04.1940) их насчитывалось 19 166 ед. хр.»⁶.

В составленном инспекторами архивного отдела УНКВД по Свердловской области акте обследования архива о наличии учетных документов было уточнено, что имеющиеся на хранении в архиве личные дела сотрудников и студентов занесены только в алфавитные книжки.

Впервые полное описание документов архива УПИ было проведено после реэвакуации из помещений УИИ военных заводов и предприятий и восстановления аудиторного фонда. В акте обследования архива института, проведенного в августе 1948 г., было зафиксировано, что на хранении в архиве имеются личные дела сотрудников и студентов в количестве 28 тыс. ед. хр., что их учет «ведется путем составления на них инвентарных описей, но описей много и все они не систематизированы и не пронумерованы» и что «работа в архиве ведется бесплано»⁷. В рекомендациях по улучшению работы было особо уделено внимание приведению в порядок учета личных дел работников и студентов. В дальнейшем в соответствии с приказом министра высшего образования СССР от 1 июня 1948 г. № 781 «О мероприятиях по упорядочению работы архивов высших учебных заведений» и приказа директора института от 21 марта 1949 г. № 223 «О проведении комплексной инвентаризации дел архива» были проведены первая комплексная проверка сохранности и учет всех находящихся на хранении документов, в том числе ичных дел. При этом в помощь архивариусу Р. М. Тепляковой было выделено из других отделов восемь человек сроком на один месяц для составления инвентаризационной

описи всех дел. Была введена еще одна штатная единица для работы в архиве, всем деканам и начальникам отделов института предписано сдать до 20 мая 1949 г. в архив все накопившиеся с 1934 г. документы⁸.

По результатам проверки директором института был издан приказ от 21 марта 1949 г. № 223, по которому в архиве была проведена полная перепись всех дел, находящихся к тому времени в архиве института⁹. Переписью (описанием) дел занимался специально созданный для этого коллектив из работников разных отделов института. В результате был составлен алфавитный список дел студентов, окончивших, отчисленных и поступивших на учебу в УИИ в 1934–1940 гг. В этот список вошло 9115 дел.

Однако, поскольку список составлялся случайно подобранным коллективом людей, не только не имеющих специального архивного образования, но и не совсем ясно понимающих цель данного мероприятия, в составленных вручную списках не только существуют ошибки и неточности в написании фамилии и инициалов, но и некоторые дела внесены в составленные описи не один раз.

По такому же образцу были созданы учетные документы (описи) при передаче в середине 1950-х гг. на государственное хранение в ГАСО, в фонд УПИ, из Архива Октябрьской революции личных дел студентов Уральского политехнического — Уральского индустриального института в количестве 4703 ед. хр. за 1919–1927 гг. Дела были приняты в соответствии с составленным работниками архива института списком, в котором были указаны только фамилии и инициалы студентов и работников. Систематизация сданных дел была проведена только по одному признаку — по алфавиту первых букв фамилий студентов и работников.

Дальнейшее развитие архивного дела в середине 1960-х гг. никак не отразилось на существующей в архиве УПИ системе учетных документов к документам по личному составу. Сдаточные описи на личные дела студентов и сотрудников института, сдаваемых на хранение в архив, оформлялись в виде единого алфавитного списка по категориям студентов и сотрудников института. К началу 1960-х гг. списки перестали оформляться вручную, они стали составляться путем печатания на пишущей машинке. К началу 1970-х гг. комплекс учетных документов (описей) на личные дела выглядел таким образом (табл. 1).

В дальнейшем, вплоть до середины 2010 гг., личные дела в архив университета принимались по годовым сдаточным спискам, систематизированным по первым буквам фамилий работников и студентов. Нумерация дел в каждом году списка велась по блокам — внутри каждой буквы с первого по последний номер в букве. Итоговая запись об общем количестве дел стала составляться с начала 1990-х гг.

По мере увеличения количества сдаваемых в архив института личных дел они были разде-

Таблица 1

Комплекс учетных документов (описей) на личные дела

Наименование описи	Состав документов в описи	Отдел — составитель описи документов
Уволенные работники	Личные дела уволенных работников учебно-вспомогательного и административно-управленческого персонала	Отдел кадров
Уволенные научные работники	Личные дела уволенных преподавателей и научных сотрудников	Отдел кадров
Студенты, окончившие институт	Личные дела студентов очной и заочной форм обучения, окончивших обучение и получивших диплом о высшем образовании	Отдел по работе со студентами
Студенты, отчисленные из института	Личные дела студентов очной и заочной форм обучения, отчисленных из института	Отдел по работе со студентами

лены на несколько групп по виду обучения (его завершенности и формы): отдельно с конца 1960-х гг. стали формироваться и приниматься на хранение дела окончивших и отчисленных студентов, с 1970-х гг. — отдельно дела окончивших студентов очной и заочной форм обучения и аналогично дела отчисленных студентов очной и заочной форм обучения.

Основными элементами комплекса учетных документов архива УрФУ в настоящее время являются описи, алфавитные указатели к описям личных дел и исторические справки к архивному фонду УГТУ — УПИ.

С ростом объема документов особенно остро встала проблема усовершенствования комплекса учетных документов к хранящимся в архиве делам. Поиск отдельного личного дела в сложившейся обстановке к началу 2000 гг. представлял весьма трудоемкий процесс. Поэтому к началу 2010-х гг. работниками архива было принято решение создать на основе сдаточных описей алфавитные указатели к ним. Создание указателей начали с наиболее востребованной группы дел — личных дел студентов, отчисленных из университета. К 2020 г. в архиве появились указатели к личным делам отчисленных студентов за 2000–2016 гг., к личным делам уволенных работников за 2000–2010 гг. Тогда же началась работа над созданием базы данных по учащимся и студентам ликвидированного в 2016 г. и принятого в состав УрФУ Уральского техникума метрологии и качества.

Особенно трудно работникам архива было вести поиск по созданным в конце 1948 г. рукописными списками личных дел 1930–1947 гг. Листы описей обветшали, тест частично выцвел. В архиве возникла необходимость обновить и уточнить комплекс учетных документов этого периода.

С этой целью работниками архива совместно с научной лабораторией «Международный центр демографических исследований» под руководством доктора исторических наук Л. Н. Мазур из Института гуманитарных наук и искусств УрФУ с ноября 2015 г. велась работа по сканированию личных дел студентов УПИ 1930-х гг.

Поскольку личное дело состоит из комплекса документов, каждый из которых содержит опре-

деленную информацию о лице, на первом этапе работы архивом была составлена информационная карта из 78 признаков: демографических (пол, национальность, возраст), социально-политических (социальное происхождение, полученное образование, партийность, участие в профсоюзах), производственных (общий стаж работы к моменту зачисления, профессия); а также признаков, характеризующих учебную деятельность [время зачисления, окончание (отчисление), дата получения диплома, название дипломного проекта, полученная специальность, место распределения].

Ниже представлена заполненная на основании документов личного дела информационная карта студента, окончившего УИИ в 1938 г. (табл. 2).

Карта позволяет сконцентрировать всю имеющуюся в личном деле информацию, тем самым в определенном плане она заменяет собой личное дело, позволив всю последующую работу (изучение, обработка и анализ информации) проводить только по картам. На начало 2026 г., с учетом ежегодного сокращения времени на данную деятельность, в рабочем графике архива было обработано 484 дела (20,3 %). Создание базы данных по студентам университета в перспективе позволит сохранить историю университета и будет способствовать гражданско-патриотическому воспитанию студентов УрФУ. Следует подчеркнуть важность формируемой базы данных с научной точки зрения, так как этот ресурс явится основой для дальнейшего изучения проблем истории высшего образования и студенчества.

В рамках проведения экспертизы ценности личных дел с истекающим сроком хранения с 2016 г. в архиве ведется работа над созданием базы данных на основании личных дел студентов, окончивших и отчисленных из УПИ — УИИ до 1946 г. Каждое личное дело было просмотрено с целью определения полноты его содержания, степени сохранности документов. В результате в программе Exell был создан алфавитный список студентов, окончивших и отчисленных из УИИ до 1946 г.: уточнены имена и фамилии, форма обучения, года поступления и окончания (отчисления), полнота документов.

Таблица 2

Информационная карта студента, окончившего УИИ в 1938 г.

№ п/п	Признак	Данные личного дела
1	Архивный номер личного дела	477 — 1935–1940 гг.
2	Фамилия, имя, отчество	Борисова-Дорохина Варвара Степановна
3	Пол	Женский
4	Дата рождения	04.12.1909
5	Национальность	
6	Место рождения	С. Кайгородское Невьянский р-н Свердловская обл.
7	Социальное положение отца до ВОСР	Сельское хозяйство
8	Социальное положение матери до ВОСР	Домохозяйка
9	Социальное положение отца сейчас	Колхозник с 1929 г.
10	Месячный заработок отца	120 руб. (работает от колхоза на невянском механическом заводе)
11	Социальное положение матери сейчас	Домохозяйка
12	Социальное положение	
13	Семейное положение	Замужем (приказ № 317 от 27.08.19388 о смене фамилии)
14	Дата вступления в брак	11.08.1938 (свидетельство о браке)
15	Количество членов семьи	
16	Наличие детей	
17	Количество детей, их даты рождения	
18	Место работы (последнее)	Школа ФЗУ
19	Должность (последняя)	Учительница математики
20	Дата поступления на работу	1930
	Дата увольнения (последняя)	1933
21	Месячный оклад	
	Дата увольнения с работы (последней)	
22	Партийность	ВЛКСМ
23	Дата вступления	1926
24	Член какого профсоюза	Рабпрос
25	Дата вступления в профсоюз	1926
26	Полученное образование	Педагогический техникум (4 курса)
27	Дата поступления	
28	Дата окончания	1930
29	Полученная специальность	Учительница математики
30	Наличие родственников за границей	
30-а	Местонахождение (страна)	
31	Степень родства	
32	Занятие родственников	
33	С какого времени находится за границей	
34	Знание иностранного языка	
35	Какой иностранный язык знает	
36	Мера владения иностранным языком	
37	Служба в армии	
38	Место службы	
39	Род войск	
40	Воинское звание (последнее)	
41	Дата начала службы	
42	Дата окончания службы	
43	Наличие наград	
44	Дата заполнения листка по учету кадров	
45	Учеба на подготовительном отделении	
46	Дата зачисления на подготовительное отделение	
	Дата окончания подготовительного отделения	

Окончание табл. 2

№ п/п	Признак	Данные личного дела
47	Форма обучения на подготовительном отделении	
48	Дата зачисления в число студентов	1933
49	Номер, дата приказа о зачислении	
50	Форма обучения	Очная
51	Наименование факультета, на который поступил	
52	Наименование специальности	
53	Предоставление академического отпуска	
53-а	Оставление на повторное обучение	
54	Причина академического отпуска	
55	Дата начала академического отпуска	
56	Дата окончания академического отпуска	
57	Дата отчисления из числа студентов	29.10.1938
58	Номер, дата приказа об отчислении	№ 496 от 22.11.1938
59	Причина отчисления	Окончание курса обучения
60	Серия, номер полученного диплома	106764
61	Вид диплома	Без отличия
62	Дата получения диплома	20.12.1939
63	Регистрационный номер диплома	1079
64	Дата регистрации	17.07.1939
65	Наименование факультета, который окончил	Металлургический
66	Полученная специальность	Пластическая и термическая обработка черных металлов
67	Тема дипломного проекта	Выяснение предельной величины зерна в стали, обеспечивающей высокие механические и пластические свойства стальной канатной проволоки
68	Оценка дипломного проекта	Хорошо
69	Присвоенная квалификация	Инженер-металлург
70	Название учреждения, куда распределен студент	
71	Дата приема на работу	
72	Место работы (отдел / цех)	
73	Должность	
74	Оклад по должности (рублей в месяц)	

Помимо создания баз данных личных дел с целью уточнения контингента студентов того времени были изучены приказы директоров УИИ за 1934–1941 гг. В имеющихся описях, а точнее, в списках сданных на хранение в архив личных дел студентов, отчисленных и окончивших курс, и работников, уволенных из института в 1933–1941 гг., часто встречаются неточности в написании фамилии, отсутствуют полное имя и отчество, нет точных дат приема на учебу (работу), увольнения (отчисления).

Поэтому в ходе проведения экспертизы ценности были полностью просмотрены все приказы по личному составу и на их основе составлены списки студентов, принятых на учебу в институт в виде таблиц из десяти столбцов. По таблицам можно проследить весь учебный путь студента (прием на учебу, переводы, отчисление, восстановление, окончание института). Стоит отметить, что в таблицах сохранены разночтения в написа-

нии фамилий, имен и отчеств, которые встречаются в приказах.

Нужно отметить, что при работе с приказами 1940-х гг. работники архива столкнулись с такой проблемой, как выцветание текстов документов, отпечатанных ротационным способом. Примерно 40 % всех приказов этого периода сохранилась в виде ротационных экземпляров. Поэтому работа по сохранению информации из этого вида документов приобретает еще большую актуальность.

В настоящее время работа над совершенствованием учетных документов в ведомственном архиве УрФУ (на площадке бывшего архива УПИ — УГТУ) ведется по нескольким направлениям: 1) создание алфавитных указателей к описям личных дел студентов и работников, принимаемым на хранение в архив; 2) создание базы данных студентов и работников УИИ (1941–1946) по приказам института; 3) создание унифицированной формы учетного листа из 74 признаков

студентов на основании личных дел студентов УИИ с истекшим сроком хранения.

В рамках программы развития университета до 2030 г. перед архивом встали не только традиционные задачи комплектования и хранения документов, но проблема сохранения той информации, что содержится в документах, срок хранения которых истекает в ближайшее время.

Современные исследователи социальных процессов, протекающих в обществе, все чаще в своей работе обращаются к массовым источникам, в частности к таким, как личные дела. Такой интерес объясняется возросшим в последнее время интересом к изучению истории повседневности, к изучению прошлого с позиций биографической истории. Стремление познать свои корни, восстановить связь времен — все это требует привлечения документов, содержащих биографические данные.

Таким образом, работники архива проводят большую и разнообразную работу с документами

по личному составу, в которой есть немало трудностей и проблем. Так, экспертиза ценности документов и соответственно совершенствование научно-справочного аппарата к ним требуют значительных затрат рабочего времени, что затруднительно при крайней ограниченности штата архива. По состоянию на 1 января 2026 г. в архиве работали четыре человека при общем количестве 393 381 ед. хр.¹⁰

Примечания

¹ Паспорт архива университета на 01.12.2025 // Архив УрФУ. Д. 02.01-04. Л. 6.

² Отчеты о работе архива университета за 2000–2013 годы // Архив УрФУ. Д. 02.01-09. Л. 10–18.

³ Там же. Оп. 6. Д. 44. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 106.

⁵ Там же. Д. 46. Л. 34 об.

⁶ Дело фонда архива УрФУ // Там же. Д. 02.01-04. Л. 14.

⁷ Там же. Д. 02.01-04. Л. 19–20.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Архив УрФУ. Оп. 6. Д. 152. Л. 164.

¹⁰ Паспорт архива университета на площадке Мира 19 по состоянию на 01.12.2025 // Архив УрФУ. Д. 02.01-04. Л. 5.

Ю. И. Белякова

Государственному архиву новейшей истории Новгородской области — 80 лет

Четырнадцатого июня 1946 г. было принято решение бюро Новгородского обкома ВКП(б) об организации областного партийного архива¹. Первым заведующим архива стал Василий Павлович Евстратов. Участник трех войн, член партии большевиков с 1918 г., он имел большой опыт журналистской работы, до войны являлся литсотрудником новгородской газеты «Звезда».

В марте 1946 г., только приехав в Новгород и даже не успев повидаться с семьей, эвакуированной в Новосибирск, он сразу же был направлен на курсы архивных работников при ЦК ВКП(б). Окончив курсы, Василий Павлович приступил к работе в архиве. Первым этапом стал ремонт помещений: шести комнат и коридора, выделенных на первом этаже здания бывшего педагогического техникума в кремле. Все это время В. П. Евстратов выявлял документы в Государственном архиве Новгородской области, ездил в Ленинград, подготавливая перемещение фондов и занимаясь копированием партизанских документов, необходимых для справочной работы. Сейчас эти материалы находятся в фонде обкома партии.

С 23 апреля по 13 октября 1947 г. производилась перевозка архивных дел из Ленинградского партийного архива. Всего в новгородский партархив было перемещено 117 тыс. ед. хр.² В 1948 г. архив приступил к приему документов от райкомов и горкомов ВКП(б)³.

К 11 февраля 1948 г. партархив завершил обработку дел фонда Новгородского губкома за 1917–1922 гг., которая заключалась в расшивке и переформировании единиц хранения. Отчет за середину 1948 г. содержит информацию об обработке 2 тыс. ед. хр. фонда, из фонда 1 губкома

ВКП(б) был также выделен фонд 3 испарта, в котором находятся документы о собирании и изучении партийных документов в 1920-е гг. К 1 января 1990 г. на хранении в партархиве находилась 387 431 ед. хр. в составе 2482 фондов.

За свою 80-летнюю историю архив пережил два переезда. Первый, в 1959 г., был вызван 100-процентной загруженностью хранилищ и рабочих помещений, а также угрозой затопления подвала во время паводка. В связи с переездом обкома КПСС в новое здание на пл. Победы было организовано перемещение архива в здание бывших Митрополичьих покоев в кремле. Именно здесь в 1970 г. открылся первый читальный зал архива, а в 1972 г. архив впервые приступил к реставрации документов. Но загруженность хранилищ продолжала оставаться серьезной проблемой. В связи с загруженностью хранилищ архива на более чем 80 % в 1974 г. обком КПСС включил в проект плана капитального строительства на 1976–1980 гг. строительство здания партархива на 800 тыс. дел. Переезд был осуществлен в мае 1981 г. под руководством заведующей архивом Альбины Борисовны Тимофеевой.

В 1980-е гг. архив ежегодно принимал около 6800 ед. хр., активно занимался научно-издательской и выставочной деятельностью. Публикации и выставочные проекты были посвящены таким темам, как история Гражданской войны, Великой Отечественной войны, партизанское движение, проблемы развития промышленности, сельского хозяйства, культуры на новгородской земле.

В 1991 г. в связи с изменениями в системе архивных учреждений России изменился статус бывшего партархива Новгородского обкома КПСС. Партийный архив в августе — декабре

1991 г. входил в состав Государственного архива Новгородской области как архивохранилище № 3. Постановлением Администрации Новгородской области от 12 декабря 1991 г. на базе бывшего партархива был образован Новгородский областной архив новейшей политической истории⁴. В начале 1992 г. новый архив возглавил Владимир Антонович Цалпан. Владимир Антонович в 1978–1983 гг. как секретарь обкома КПСС курировал научную и идеологическую работу учреждения. В 1993 г. архив был переименован в Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области, в 2002 г. получил современное название (ГАНИНО).

В постсоветский период архив не только изменил статус, став государственным учреждением, но и обрел новые источники комплектования — общественные, политические организации; с 2005 г. он является основным комплекующимся архивом Новгородской области (сейчас у архива 134 организации — источники комплектования). В конце XX в. в архиве впервые появились отделы, в состав учреждения вошла рабочая группа общественной редколлегии областной Книги Памяти. В 1994 г. началась работа по рассекречиванию архивных документов. Тогда же архив приступил к созданию фондов личного происхождения, на сегодняшний день в ГАНИНО насчитывается 29 фондов личного происхождения, также формируются объединенные архивные фонды. В 2009 г. увидел свет путеводитель по фондам архива, работа над которым началась еще в 1960-е гг., а в 2016 г., к 70-летию ГАНИНО, вышел сборник документов и материалов, в котором представлены основные вехи развития архива. В 2020 г. изменилась структура учреждения: были созданы новые отделы. На сегодняшний день в составе архива четыре подразделения: три отдела и центр по изучению новейшей истории, созданный в 2025 г.

В 2023 г. перед зданием архива открылось выставочное пространство, где экспонируются историко-документальные выставки, что делает документы архива более доступными. Фонды ГАНИНО продолжают оставаться востребованными гражданами, органами власти и управления, государственными и общественными организациями. Ежегодно сотрудники архива выступают с публикациями, докладами и сообщениями — всего за 2021–2025 гг. было сделано 130 публикаций, состоялось 159 выступлений архивистов. Вниманию общественности представлено 49 выставок.

Архив принимает участие в нескольких крупных проектах, связанных с историей Великой Отечественной войны. С 2020 г. архивные документы из фондов ГАНИНО были использованы при представлении г. Боровичи к почетному званию Российской Федерации «Город трудовой доблести», Батецкого района, г. Чудово к почетным званиям Новгородской области. В 2023 г. при участии архива был реализован проект по созда-

нию Зала воинской доблести в пос. Шимск, подержанный Фондом президентских грантов.

Большое внимание уделяется участию архива в федеральном проекте «Без срока давности». Восемьдесят шесть архивных документов из 14 фондов ГАНИНО вошло в сборник, ежегодно копии документов размещаются в рамках регионального интернет-проекта.

С 2025 г. ГАНИНО совместно с Новгородским региональным отделением Российского общества историков-архивистов реализует выставочный проект «Они защищали новгородскую землю. Герои разных народов России на защите Отечества», который уже представлен в различных учреждениях Великого Новгорода и на сайте архива. Проект получил поддержку Комитета по национальной политике Новгородской области.

С 2000 г. в состав архива входит рабочая группа общественной редакционной коллегии Новгородской областной Книги Памяти, с 2017 г. — в статусе сектора. Ежегодно готовится к выходу очередной том издания «Солдаты Победы. Ветераны Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Это издание является не только печатным памятником поколениям победителей в Великой Отечественной войне, участникам войн и военных конфликтов, но и площадкой для публикации очерков, статей, архивных документов. Также с 2021 г. архив участвует в реализации проекта «Электронные книги памяти сел и муниципальных образований Новгородской области», выступая координатором сбора информации. Информационный ресурс предоставляет широкие возможности для исследования судеб участников Великой Отечественной войны, призванных с территории современной Новгородской области. На информационном ресурсе размещены сведения о более 116 тыс. участниках Великой Отечественной войны, сформированы электронные книги памяти более 4 тыс. населенных пунктов.

В 2024–2025 гг. под эгидой ГАНИНО вышли два издания — «История новгородской земли в лицах. 1917–1991 годы» и «Новгородская земля: от оккупации к освобождению». Издания ознаменовали новый формат публикаторской работы: это не только сборники документов, в издания вошли также очерки, карты и схемы, приложения. Большую помощь в подготовке изданий оказали сотрудники ГАНО.

Двадцатого января 2025 г. в здании ГАНИНО начал работу Музей специальной военной операции. За 2025 г. музей посетили 5287 человек, из них 2540 учащихся из более чем 60 учебных заведений, было проведено 680 экскурсий. Музей является значимой площадкой для проведения региональных мероприятий патриотической направленности. Также в 2024–2025 гг. для сохранения исторической памяти о событиях специальной военной операции было принято решение о формировании в ГАНИНО фондов 2758 «Коллекция документов участников специальной военной опе-

рации» и 2931 «Коллекция документов по истории специальной военной операции». В фонды поступают документы военнослужащих, добровольцев, волонтеров и членов их семей (фотографии, удостоверения, газетные публикации, воспоминания участников СВО), а также материалы местных средств массовой информации.

На сегодняшний день Государственный архив новейшей истории Новгородской области — крупный региональный центр по работе с архивной информацией, который оказывает методическую помощь муниципальным архивам, архивам

организаций, осуществляет справочную работу, изучение и публикацию источников, занимается историко-просветительской и патриотической деятельностью. По данным на 1 января 2026 г., в архиве насчитывается 2617 фондов, более 488 тыс. ед. хр.

Примечания

¹ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 3. Д. 24. Л. 166.

² Там же. Ф. 1667. Оп. 1. Д. 2. Л. 7об.

³ Там же. Д. 4. Л. 17.

⁴ Там же. Ф. 885. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

А. М. Гиниятуллина

История научного архива Уфимского федерального исследовательского центра РАН и его источников комплектования¹

Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН (УФИЦ РАН) имеет 70-летнюю историю. В России он считается одним из богатейших по своему составу академических архивов, а в Республике Башкортостан — главным хранилищем для документов научных учреждений в составе УФИЦ РАН². Он был создан в 1956 г. на основе постановления президиума Академии наук СССР «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных документов Академии наук СССР»³. В 1956–1963 гг. архив функционировал в структуре научной библиотеки Башкирского филиала Академии наук СССР (БФАН СССР). В 1963 г., когда в Академии наук СССР произошли кардинальные структурные изменения в виде масштабной ликвидации ее региональных филиалов, научные учреждения Башкирского филиала были переданы различным ведомствам. В соответствии с распоряжением Президиума АН СССР «О мероприятиях в связи с прекращением деятельности Башкирского филиала Академии наук СССР» от 21 ноября 1963 г. № 55-1958 научный архив был передан в подчинение Уфимскому институту истории, языка и литературы АН СССР⁴. В 1967 г. Академия наук СССР восстановила региональные филиалы, и научные институты, расположенные на территории Башкирской АССР, были возвращены в структуру БФАН СССР как самостоятельные административные единицы. В 1967 г. архив организуется как научно-вспомогательное учреждение в составе научной библиотеки при президиуме филиала, а в 1974 г. стал самостоятельным структурным подразделением БФАН СССР⁵.

С образованием научного архива проводился сбор документов, хранящихся в президиуме филиала, Башкирском научно-исследовательском институте национальной культуры, Агроботаническом и Горно-геологическом институтах, секторах химии и технологии, экономики и других вспомогательных службах филиала. В 1959 г. в целях правильного формирования архивных

документов руководитель филиала обратился в Академию наук СССР с просьбой о выделении штатной единицы для заведующего научным архивом и в Московский государственный историко-архивный институт для направления специалиста в области архивного дела. После решения вопроса со штатной единицей Академия наук СССР в Уфу направила Т. А. Жукову, окончившую данный институт по специальности «Архивоведение»⁶.

В 1959 г. было утверждено положение об архиве филиала Академии наук СССР, где отражались цели и задачи, состав документов, положение и подчиненность архива, условия хранения документов, ответственность за архивные документы. По документам видно, что тематика исследований научных учреждений филиала в условиях Башкортостана направлена была на изучение истории и культуры края, природных богатств, растительности и животного мира республики, развитию экономики и производительных сил региона. Башкирский филиал, являясь научным учреждением в Башкирии, объединял исследования по историческим, филологическим, экономическим, биологическим и геологическим наукам⁷. Имеющиеся в фондах личные дела научных сотрудников показывают, что в отделах и институтах в значительных масштабах готовились квалифицированные научные кадры как для самого филиала, так и по заявкам других научно-исследовательских институтов и вузов региона. Из проведенных научных мероприятий и отчетов видно, что научные учреждения филиала имели большое влияние на научную, культурную, образовательную, социально-экономическую и общественно-политическую жизнь республики. Личные дела аспирантов рассказывают, что при Башкирском филиале был утвержден объединенный ученый совет с правом приема к защите диссертаций и на соискание ученых степеней по химическим, геологическим и биологическим наукам.

В научном архиве с 1971 г. хранились краткие отчеты о деятельности центра и его научных

учреждений. Из этих отчетов видно, что архивные фонды изучались исследователями Москвы, Казани, Душанбе, Ташкента. Среди них были студенты, аспиранты, докторанты, преподаватели высших учебных заведений, деятели науки и культуры. Сотрудники архива ежегодно принимали участие в составлении справочника «Тематика исследований по документальным материалам архивов Академии наук СССР», издававшегося в Ленинграде. Архивные фонды пополнялись за счет фотоколлекций, которые были составлены из отпечатков с негативов, полученных из архивохранилищ Москвы, Ленинграда, Казани, Еревана по заказу исследователей филиала, фотокопий дореволюционных произведений М. Гафури, Д. Юлтыя, микрофильмов ряда рукописей арабского фонда Матенадаран из Института древних рукописей им. Маштоца (Ереван) и др.⁸ Сотрудники часто выступали с докладами и сообщениями об истории архива, его богатых фондах и уникальных документах на научных конференциях, семинарах и симпозиумах.

В 1971–1988 гг. заведующим научным архивом филиала работала С. М. Шангареева, окончившая Московский государственный библиотечный институт. В этот период она вела активную работу по созданию фондов личного происхождения видных деятелей науки и культуры республики и выступала с докладами о создании и формировании их личных фондов. Она выступила по вопросам сбора, каталогизации и описания тюркоязычных, арабоязычных и ираноязычных рукописей, составе и состоянии хранения рукописей. Ею были подготовлены статьи, посвященные 90-летию политического деятеля, классика башкирской национальной литературы Ш. М. Бабича (1985), 100-летию башкирского поэта, драматурга, фольклориста, классика башкирской литературы, народного сэсэна Башкирии М. А. Бурангулова (1988), 100-летию государственного и общественного деятеля, председателя ЦИК Башкирской АССР писателя А. М. Тагирова (1990)⁹.

В 1989–2009 гг. добрые традиции продолжала заведующая архивом М. С. Гиндуллина, окончившая Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. Ее статьи об архивных коллекциях нашли отражение на страницах научно-гуманитарного и общественно-политического журнала «Ядкар», научного издания Академии наук Республики Башкортостан «Вестник Академии наук Республики Башкортостан» и сборниках материалов международных, всероссийских и межрегиональных конференций¹⁰. С 2000 г. в читальном зале архива занимаются исследователи из Татарстана, Удмуртии, Турции, Казахстана, Японии, Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска и др.

В 2009–2014 гг. заведующим научным архивом работала кандидат филологических наук Р. Ю. Сибгатовна. В ее статьях большое внимание уделялось документам, где содержались сведения об истории башкирского языка¹¹. В целях сохра-

нения уникальных документов архива ценные документы личного фонда башкирского ученого-просветителя Мухаметсалима Уметбаева, отражающие духовное наследие не только Республики Башкортостан, но и Урало-Поволжского региона в целом, были включены в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Республики Башкортостан, который находится в ведении Управления по делам архивов Республики Башкортостан.

В последние годы активизировались публикации статей, выставки о жизни и научной деятельности ученых-фронтовиков, которые долгие годы трудились в научных учреждениях центра. В 2015 г. в рамках реализации указа Президента Российской Федерации «О подготовке и проведении празднования 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» впервые была подготовлена презентация об ученых-фронтовиках Башкирского филиала Академии наук СССР — Уфимского научного центра РАН, которая была размещена на официальном сайте. В 2025 г. доктором исторических наук, заведующим отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Р. Н. Сулеймановой и кандидатом исторических наук, заведующим Научным архивом УФИЦ РАН Л. М. Гиниатуллиной был подготовлен электронный научный справочник «Солдаты Победы. Фронтовики — сотрудники Уфимского федерального исследовательского центра РАН», содержащий биографические данные и описание боевого пути ученых, сотрудников и преподавателей, ушедших на фронт¹².

К моменту создания научного архива БФАН СССР общее количество документов составляло 1603 ед. хр. В настоящее время на учете находятся 25 614 ед. хр., в том числе управленческие документы (6348 ед. хр.), научные документы (2683), документы по личному составу (7094), документы личного происхождения (9399). Функционируют 136 фондов, в том числе 13 фондов научных учреждений и 123 фондов личного происхождения видных деятелей, из которых 28 фондов участников Великой Отечественной войны.

Самый ранний документ в научном архиве датирован 1878 г. Такие уникальные рукописные наследия отложились в составе личных фондов ученого-востоковеда, муфтия Духовного управления мусульман Европейской части России и Сибири в 1923–1936 гг. Ризаитдина Фахретдинова, выдающегося ученого-просветителя Мухаметсалима Уметбаева, уфимского городского головы в 1874–1892 гг. Дмитрия Семеновича Волкова.

Документы, сохранившиеся в фондах личного происхождения, по своему составу и содержанию разнообразны. В них отражается жизнь известных людей, которые внесли большой вклад в научную, общественную, культурную, политическую жизнь республики и страны. Документы раннего периода встречаются в фондах Института истории, языка и литературы, Института этно-

логических исследований им. Р. Г. Кузеева и в составе личных фондов первого председателя президиума филиала, доктора геолого-минералогических наук, профессора Г. В. Вахрушева, известных историков А. Н. Усманова, С. М. Васильева, К. Г. Гирфанова, Ю. П. Кизина, Г. Г. Кудоярова, поэта-просветителя Шайхзады Бабича, языковеда, врача М. С. Кулаева, коллежского асессора канцелярии оренбургского губернатора, российского дипломата и переводчика М. Бикчурина.

Личные фонды деятелей науки и культуры являются важной составляющей исторических событий и фактов, которые рассказывают об обществе того периода, становлении и развитии нашего государства. Через призму документов личного происхождения можно раскрыть не только личность самого ученого, но и его научное творчество, а также деятельность научных учреждений. В них отложились ценнейшие исторические источники, раскрывающие не только социальные, культурные явления Башкортостана, но и судьбы ярких представителей региона. Из 123 фондов личного происхождения 30 % представляют собой личные фонды историков, археологов, 30 % — филологов, фольклористов, писателей, поэтов, журналистов, 20 % — биологов, геологов, химиков, 5 % — физиков, математиков, 5 % — музыковедов, композиторов, 10 % — коллекции документов деятелей, занимавшихся в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни общества.

Сотрудникам архива в формировании фондов личного происхождения деятелей науки большую помощь оказывают научные сотрудники институтов — источников комплектования научного архива. В целях пополнения Архивного фонда Российской Федерации документами личного происхождения известных деятелей республики и страны научный архив на основе договора дарения ведет работу по созданию их фондов. Документы, хранящиеся в фондах известных деятелей науки, представляют огромный интерес для исследователей и являются бесценным достоянием национального и мирового значения.

Обеспечивая постоянное хранение документов личного происхождения видных деятелей и научных учреждений, научный архив способствует укреплению государственной целостности, формированию правового государства и гражданского общества, защите их интересов, воспитанию россиян в духе гражданственности и патриотизма. Ценные материальные носители сохранились в составе документов научных учреждений. В них отражается история становления и развития науки в регионе. Номера архивных фондов присваивались научным институтам по алфавитному и хронологическому принципам. В каждом фонде научных учреждений отложились управленческие, научные и документы по личному составу. Управленческие документы от-

ражают основную деятельность центра и научных институтов. Научные документы представляют собой заключительные отчеты по исследованиям конкретных тем. Документы по личному составу показывают отношения между работниками и работодателями. Сроки хранения документов определяются перечнями документов со сроками хранения, разработанными Росархивом, Российской академией наук и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

По архивным документам можно проследить, что сегодняшний Институт геологии образовался в 1951 г. как Горно-геологический институт, который стал опорным региональным институтом для Южного Урала и прилегающих к нему районов (фонд 1). Документы Агробιοлогического института вместе с Ботаническим садом, проводившие биологические, цитохимические, физиологические исследования сохранились в фонде 2. Южно-Уральский ботанический сад-институт основан в 1932 г. Статус самостоятельного академического учреждения получил в соответствии с постановлением АН СССР в 1991 г. В настоящее время Уфимский институт биологии и Южно-Уральский ботанический сад-институт имеют самостоятельные фонды. Уфимский институт биологии продолжает фонд 2 Агробιοлогического института, а Южно-Уральскому ботаническому саду-институту присвоен фонд 102.

В Институте истории, языка и литературы долгие годы складывались и развивались научные исследования, охватывающие историю и археологию Башкортостана, этнографию и устно-поэтическое творчество башкирского народа, башкирское языкознание и литературоведение. Основу научного архива составила ценная историко-лингвистическая база Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры, созданного в 1922 г. как академический центр с образованным при нем обществом по изучению Башкирии. Сегодня фонд 3 пополняется исторически ценными документами нынешнего ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы.

В научном архиве центра самым объемным считается фонд 4 президиума БФАН СССР — УФИЦ РАН. В фонд вошли документы всех научных отделов, которые позже стали научными учреждениями, а также всех вспомогательных служб (секторов экономики, химии и технологии, биохимии и цитохимии, физики и математики). Их документы сохранились в составе фонда президиума как документы научных отделов. Когда они стали научными институтами, были созданы самостоятельные архивные фонды. В фонде 4 объединенная профсоюзная организация центра имеет свою опись дела, где нашли отражение протоколы заседаний, на которых обсуждались важные для научных коллективов задачи, такие как разработка коллективного договора, материальная поддержка оздоровительных, культурно-массовых, научно-просветительских, спортивных

мероприятий среди сотрудников научных учреждений центра. В настоящее время объединенная профсоюзная организация УФИЦ РАН пополняет опись 6 новыми документами.

Сектор химии и технологии филиала в 1953 г. был преобразован в отдел химии. В 1961 г. отдел стал Институтом органической химии. Документы отдела химии за 1951–1960 гг. отражаются в составе фонда 4. С 1961 г. документы института формируют фонд 5. Значительное количество отчетов завершенных научно-исследовательских работ Уфимского института химии РАН представляют фундаментальные исследования научных кадров, которые обобщены в многочисленные монографии.

В соответствии с постановлением президиума БФАН СССР в 1962 г. был создан отдел биохимии и цитохимии, который в 1999 г. преобразован в Институт биохимии и генетики. Документы за 1962–1999 гг. включены в фонд 4. С 2000 г. институт пополняет фонд 114, где откладываются управленческие документы, научные отчеты по биохимическим исследованиям и документы по личному составу сотрудников института.

В 1970-е гг. встал вопрос об организации в филиале отдела физики и математики. Документы данного отдела за 1971–1993 гг. вошли в состав фонда 4. На основании постановления Президиума Академии наук СССР в 1988 г. на базе отдела физики и математики был создан Институт математики с вычислительным центром, которому присвоен фонд 99. В 1994 г. появился Институт физики молекул и кристаллов, документы которого стали формировать фонд 104.

Нынешний Институт социально-экономических исследований был создан в 1951 г. как сектор филиала. Документы до 1992 г. хранятся в фонде 4 президиума филиала. В 1992 г., когда на базе отдела экономических исследований был образован Институт экономики и социологии, он стал формировать самостоятельный фонд 105. Документы данного фонда рассказывают, что деятельность института направлена на проведение научных исследований и прикладных разработок в области теории и методологии регионального развития, разработки механизмов управления социально-экономическими процессами в регионе.

Инициатива создания в Уфе академического института в области механики принадлежала выдающемуся ученому, организатору науки и высшей школы России члену-корреспонденту РАН Р. Р. Мавлютову. Институт механики организован постановлением Президиума РАН в 1992 г. Документы института откладываются в фонде 103.

В 1994 г. документы отдела народов Урала с Музеем археологии и этнографии стали формироваться в фонде 104. Отдел народов Урала постановлением Президиума РАН в 1999 г. был преобразован в Центр этнологических исследований, который в соответствии с Постановлением РАН в 2008 г. переименован в Институт этно-

логических исследований. В 1983–1993 гг. Центром этнологических исследований руководил известный этнограф, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки БАССР и РСФСР, академик Академии наук Республики Башкортостан, член-корреспондент Российской академии наук Р. Г. Кузеев, имя которого в 2011 г. было присвоено институту.

В 2018 г. в состав УФИЦ РАН вошли Башкирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства и Институт нефтехимии и катализа. Они являются источниками комплектования научного архива центра, но не имеют номера фондов, так как документы хранятся в ведомственных архивах научных институтов.

Кроме научных учреждений в составе структуры УФИЦ РАН функционирует поликлиника. Она создана в 1974 г. распоряжением Президиума АН СССР первоначально как поликлиника БФАН СССР и имеет фонд 117. Сохранившиеся документы о ее деятельности рассказывают о содействии в организации санаторно-курортного лечения, оздоровлении сотрудников центра и членов их семей в специализированных санаториях РАН, для которых были получены и реализованы льготные путевки. Также отложились документы по личному составу работников поликлиники.

Для осуществления многопрофильной архивной деятельности имеются архивохранилище, помещение для приема посетителей и использования документов. Читальный зал архива служит участком выдачи документов и информационно-поисковых средств. Площадь архивохранилища 83 м², оно в настоящее время значительно перегружено. Защита документов от действия света обеспечивается хранением документов в коробках и папках. В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 г. № 280-р «Об утверждении научных организаций, осуществляющих постоянное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся в государственной собственности» научный архив центра вошел в перечень научных организаций, осуществляющих постоянное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся в государственной собственности.

Одной из главных задач архива является обеспечение сохранности и учет документов Архивного фонда Российской Федерации, хранящихся в научном архиве УФИЦ РАН. Проводится комплекс мероприятий по созданию нормативных условий, соблюдению нормативных режимов и надлежащего хранения архивных документов, исключающих их хищение, утрату и обеспечивающих поддержание их в нормальном физическом состоянии. В соответствии с планами работы архива проводятся экспертиза ценности и упорядочение документов, систематическое пополнение архивных фондов источников комплектования, определение состава архивных документов, подлежащих постоянному

приему, создание научно-справочного аппарата к документам, баз данных о составе и содержании хранящихся документов. Оказывается научно-методическая и практическая помощь обособленным структурным подразделениям центра в организации документов в делопроизводстве, подготовке архивных дел к передаче на постоянное хранение, составлении номенклатуры дел и многих других вопросов по архивному делу. Ежегодно сотрудниками архива исполняются свыше двухсот социально-правовых запросов социальных фондов и граждан, проработавших в научных учреждениях центра. На основе архивных документов оформляются стендовые, электронные, передвижные выставки к конференциям, посвященным важнейшим событиям в истории республики и страны, а также юбилейным датам из жизни деятелей науки и культуры. Сотрудники архива продолжают уделять большое внимание популяризации архивных документов. Документы научного архива УФИЦ РАН находят широкое использование в осуществлении многих научных и культурных мероприятий, проводимых в Республике Башкортостан.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

² Гиниятуллина Л. М. История становления и развития научного архива УНЦ РАН // Известия УНЦ РАН. 2016. № 2910. С. 75–84.

³ Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 62. Л. 194–200.

⁴ Там же. Д. 203. Л. 33.

⁵ Манкевич О. Г. Научная библиотека УНЦ РАН. Ступени роста // Известия УНЦ РАН. 2011. Т. 1, № 1. С. 165–171.

⁶ Сибгатов Р. Ю. Научный архив Уфимского научного центра РАН. История и современность // Там же. С. 172–177.

⁷ Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.

⁸ Там же. Д. 311. Л. 132.

⁹ Паспорт научного архива Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

¹⁰ Гиндулина М. С. О фондах Научного архива УНЦ РАН // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2001. Т. 6, № 3. С. 95–99.

¹¹ Сибгатов Р. Ю. Состояние башкирского литературного языка в 1920–1930 гг. и деятельность Г. Я. Давлетшина // Актуальные проблемы современной башкирской филологии : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Уфа, 2012. С. 189–195.

¹² Солдаты Победы. Фронтовики — сотрудники Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук : науч. справ. / гл. ред. Р. Н. Сулейманова ; сост. Р. Н. Сулейманова, Л. М. Гиниятуллина. Уфа, 2026. URL: http://rihll.com/files/Knigi/2026/04/file_286-9.pdf

Т. Ф. Мясникова

Муниципальный архив города Копейска: люди, фонды, дела

Архивные документы — неумирающая память истории — неисчерпаемый клад фактов и событий прошлого, разнообразных живых сведений о людях былых времен. Архивы, которые сохраняют эти уникальные сокровища, являются хранилищами коллективной памяти нации, памяти народов, населяющих наше государство.

С. И. Цеменкова¹

В 2027 г. Копейск готовится встретить свой 120-й день рождения. За свою недолгую историю мы можем гордиться трудовыми и боевыми подвигами копейчан. Память об этом хранят книги, фотографии, памятники и мемориальные комплексы, люди и, конечно, документы.

Архив — это место, где не просто хранят документы, но и ведут их строгий учет, систематизируют и используют, планируют на годы вперед прием дел от организаций — источников комплектования фондов. Сейчас архивы — государственные, муниципальные — под защитой государства. Но история их развития знает разные периоды.

Архивная служба Челябинской области отмечает в 2026 г. свое 105-летие. В фондах Объединенного государственного архива Челябинской области хранится записка от 23 декабря 1924 г. заведующего Челябинским окружным архивом Н. М. Чернавского председателю Челябинского окрисполкома В. И. Мухину о разрешении на командировку для участия в Первом съезде архивных деятелей РСФСР и ответное письмо-извещение В. И. Мухина с согласием на командировку².

Спустя десятилетие на основании Постановления президиума облисполкома от 9 февраля

1935 г. «Об организации сети районных архивов» была установлена сеть из 15 межрайонных архивов. Челябинский архив обслуживал и Копейский район³.

Примечательно, что именно в феврале 1935 г. исполнительным комитетом Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Копейска утверждается номенклатура дел исполкома, включающая 15 наименований: постановления облисполкома; протоколы президиума и материалы к ним; руководящие материалы горсовета; планы и отчетные материалы по работе горсовета; разная переписка; учет личного состава горсовета; сводки отчетов и докладов разных учреждений; копии договоров, заключенных на продажу барачных; разные нотариальные документы⁴. Утвержденная номенклатура общего отдела Копейского горсовета на 1939 г. включала уже 27 наименований дел⁵. С 13 июля 1937 г. в списке сотрудников Копейского городского совета значится архивариус Мария Дмитриевна Перфильева, 1915 г. р., член ВЛКСМ, ранее работавшая в общем отделе горсовета⁶ (позднее в списке сотрудников горсовета на 10 февраля 1939 г. она указана в должности заведующей канцелярией, машинистки)⁷.

Постановления президиума Челябинского облисполкома от 8 октября 1937 г. и 22 февраля 1938 г. ставили следующие задачи: упорядочение архивного дела в Челябинской области, в том числе назначение нового руководителя областного архивного управления (Т. М. Орешкина сменил И. М. Рязанов); организация научно-исследовательской и агитационно-массовой работы, курсов подготовки и переподготовки архивных работников; организация и проведение регулярных совместных совещаний и обследований местных архивов; завершение создания сети районных архивов, предоставление областному архиву дополнительных помещений; направление запроса в СНК РСФСР об отпуске средств на постройку нового здания для областного архива⁸.

В 1938 г. встречаем первое упоминание о начале становления архивной службы в Копейске. В Постановлении президиума облисполкома от 30 декабря 1938 г. «О состоянии архивного отдела в области» говорилось, что совсем не имеют помещений некоторые архивы, в том числе Копейский райархив.

На заседании президиума Копейского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 19 марта 1939 г. был рассмотрен вопрос «Об упорядочении архивного дела в районе»⁹. В результате проверки Архивного управления УНКВД по Челябинской области установлены неудовлетворительные условия хранения и учета архивных материалов в ряде организаций, учреждений и предприятий Копейска (шахта 4/6 треста «Челябуголь», горсовет, транспортная контора треста «Челябуголь», трест «Шахтстрой», межрайторг, средняя школа № 6, трест «Углеразведка» и др.). Отмечено, что во всех учреждениях нет специальных лиц, отвечающих за учет и хранение архивных документов. Архивные материалы не обработаны и хранятся в непригодных помещениях, не обеспечивающих охрану документов от порчи, хищения и уничтожения. И несмотря на постановления Президиума ВЦИК от 10 сентября 1937 г., Челябинского облисполкома от 22 февраля и от 30 декабря 1938 г., районный архив не был организован. Президиум горсовета, «считая такое положение недопустимым и преступным, руководствуясь вышеуказанными постановлениями» постановил:

1. В течение месяца организовать районный архив, в который сконцентрировать материалы всех учреждений по 1933 год.

2. Обязать начальника Горжилуправления т. Ефимова в двух недельный срок подобрать и представить под районный архив помещения, отвечающее всем требованиям хранения документов.

3. Поручить зам[естителю] пред[седателя] горсовета тов. Краеву подобрать на должность зав[едующего] райархивом грамотного, политически проверенного товарища.

4. Предложить руководителям всех учреждений и организаций города Копейска, председателям колхозов и сельсоветов Копейского района:

а) в месячный срок привести в порядок и сдать в районный архив все материалы по 1933 год;

б) все материалы с 1934 года привести в надлежащий порядок и выделить лиц, отвечающих за сохранность этих архивов;

в) категорически запретить выделение материалов в макулатуру без разрешения Челябинского областного архивного управления¹⁰.

К сожалению, информация об исполнении этого постановления и работы районного (городского) архива не обнаружена и является предметом дальнейшего поиска. Заметка в городской газете, датированная 1941 г., дает основание полагать, что в установленные сроки поручение не было выполнено:

...Многие архивы и текущее делопроизводство учреждений Копейска заставляют желать лучшего. На шахтах №№ 7-8, 4-6 документы в исключительно халатном состоянии. В 1940 году у руководителей этих шахт была «попытка» проверить свои архивы, но это так и осталось попыткой. Еще хуже обстоит дело с архивом райкома угольщиков. Все документы этого архива беспорядочно разбросаны в подвальном помещении и залиты грязью и водой. Уцелевшие от грязи документы растаскивают все, кому не лень. Руководителям организаций необходимо привести архивные материалы в надлежащий порядок и сдать на хранение в городской архив¹¹.

Задачи ведения архивной работы ставились даже в суровое военное время: Челябинским облисполкомом было принято (не ранее 11 ноября 1942) решение № 1604 об освобождении секретарей-архивариусов райисполкомов от выполнения технической работы, возложении на них обязанностей по заведованию архивами и восстановлении в должности всех сокращенных секретарей-архивариусов¹².

В 1939–1962 гг. архивные учреждения области, в том числе Копейский городской архив, находились в ведении НКВД (МВД) СССР. Несмотря на это, в документах по личному составу исполнительного комитета Копейского городского совета народных депутатов есть сведения о заведующих городским архивом. Так, Приказом по исполнительному комитету Копейского городского совета депутатов трудящихся от 25 июня 1948 г. № 45 «на основании выписки из приказа МВД № 372 от 09.06.1948 г. на должность зав[едующего] архивом Копейского МВД... с 10.06.1948 г.»¹³ зачислена А. В. Шабанова. Распоряжением исполкома от 7 июня 1950 г. № 58 «на основании письма УМВД г. Челябинска № 17/494» заведующая городским архивом З. И. Кожушко направлена в командировку с 8 по 25 июня 1950 г.¹⁴ С 1 июля 1951 г. она переведена в органы МГБ. С 5 июля 1951 г. на должность заведующей архивом назначена Клавдия Кузьминична Смородина¹⁵, проработавшая в этой должности до 1959 г.

Основными направлениями работы в 1940–1950 гг. были прием, описание, хранение первоисточников. Согласно карточкам фондов, с 1946 по 1959 г. были приняты документы 28 фондов в количестве 1757 ед. хр. Это документы Копейской нотариальной конторы, райисполкомов,

шахт и др. Использование документов было мало доступно широкому кругу исследователей. В конце 1950-х гг. в связи с пенсионной реформой началась выдача гражданам справок, подтверждающих их трудовой стаж.

Всю работу выполнял один человек — заведующий городским архивом. Эта должность входила в номенклатуру горисполкома, утвержденную Решением исполнительного комитета Копейского городского совета депутатов трудящихся от 3 февраля 1953 г. № 2 «О мерах по улучшению работы с кадрами советских органов города»¹⁶.

Но сохранение документов — дело общее, требует комплексного подхода и системной работы. В связи с этим на заседании исполкома Копейского городского совета депутатов трудящихся от 8 января 1957 г.¹⁷ рассматривался вопрос о хранении документов отдельных предприятий и учреждений города. Отмечалось, что отсутствует контроль со стороны руководителей предприятий за сохранностью архивных документов, не наведен порядок в архивах, стеллажей не хватает, помещение не отапливается и работать в нем невозможно. С целью устранения недостатков исполком решил: обязать руководителей предприятий, учреждений выделить соответствующие помещения для сохранности архивных документов, усилить контроль и повысить требовательность к лицам, отвечающим за сохранность документов.

Совершенствовалась и нормативная база деятельности городских архивов. Решением Челябинского облисполкома от 15 мая 1962 г. № 274 было утверждено «Положение об архивном отделе исполкома Челябинского областного совета депутатов трудящихся»¹⁸. С этого времени городской архив перешел в подчинение городского Совета депутатов трудящихся и доступ к архивным документам был значительно расширен.

В те годы у работников архивов было много проблем, связанных, например, с комплектованием архива документами. При приеме документов не всегда учитывалось их значение в экономической и культурной жизни города, в системе государственного аппарата. Также до 1958 г. в городской архив беспрепятственно принимались документальные материалы по личному составу учреждений и предприятий. На основании Постановления Совета министров СССР от 13 августа 1958 г. документы по личному составу стали возвращаться организациям и предприятиям.

На основании Решения облисполкома от 26 декабря 1961 г. № 32 и исполкома Копейского городского совета депутатов трудящихся от 28 марта 1962 г. № 80 «Об изменении порядка комплектования городского государственного архива документальными материалами» было принято решение утвердить список № 1 учреждений и предприятий, документы которых подлежат обязательному приему (местные органы государственной власти, органы суда, прокура-

туры, социального обеспечения, культуры, шахты и др.). В список № 2 входили учреждения и предприятия, документы которых не подлежали приему в архивный отдел (промышленность, торговля, больницы, библиотеки и др.)¹⁹.

В этот период городской архив возглавляли Клавдия Константиновна Такачева (1959–1962), Вера Иосифовна Боровкова (1962–1964), Ксения Дмитриевна Екимова (1964–1970), Мария Семеновна Васько (1970 — июль 1974), Галина Васильевна Сутягина (июль 1974 — март 1975), Галина Ивановна Печурина (март — май 1975).

Много лет (с мая 1975 по 2007) трудилась в городском архиве Галина Александровна Сибилева, при которой увеличилось поступление документов в архив. В ее бытность архив располагался на первом этаже жилого дома № 6 на пр. Ильича. Из воспоминаний Галины Александровны:

Я долгое время работала одна (в 1993 г. была выделена ставка еще одного специалиста, и в архивном отделе стали работать два человека. — Т. М.), помещение под архив было маленькое не более 56 кв. м, была небольшая рабочая комната, приходилось принимать много документов от разных предприятий, запросы о подтверждении стажа, заработной платы выполнялись на печатной машинке. Часто к нам обращались люди, чтобы подтвердить награждение медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Галина Александровна поощрялась благодарственными письмами областного исполнительного комитета, Администрации г. Копейска (1989, 1998, 2003), награждена Почетной грамотой Челябинского облисполкома (1991), почетными грамотами Федеральной архивной службы (1998, 2003), губернатора Челябинской области (1998), Государственного комитета по делам архивов Челябинской области (1996, 2001), в 1995 г. ей присвоено звание «Ветеран труда»²⁰.

В 1988 г. городской архив был реорганизован в архивный отдел исполнительного комитета Копейского городского совета депутатов трудящихся. В связи с созданием Администрации г. Копейска Постановлением главы администрации г. Копейска от 3 декабря 1991 г. № 1 архивный отдел исполнительного комитета Копейского городского совета депутатов трудящихся был преобразован в архивный отдел Администрации г. Копейска²¹. Законом Челябинской области от 28 октября 2004 г. № 308-ЗО «О наименованиях органов местного самоуправления и глав муниципальных образований в Челябинской области» муниципальное образование «Город Копейск» было наделено статусом городского округа.

Двадцать восьмого сентября 2005 г. Постановлением Собрания депутатов Копейского городского округа № 82 был принят Устав муниципального образования «Копейский городской округ», согласно которому исполнительно-распорядительный орган местного самоуправления именуется Администрацией Копейского городского округа Челябинской области, при которой существует архивный отдел.

В 1996 г. архивный отдел практически прекратил работу по комплектованию, делая исключение для ликвидированных организаций, по причине отсутствия свободных площадей. Для решения проблемы руководство администрации города выделило более просторное помещение площадью 172,1 кв. м на первом этаже трехэтажного дома в исторической части города по адресу: ул. Ленина, 30.

С 2009 по 2016 г. архивом руководила Ольга Ивановна Косторова. За время ее работы в 2010 г. был произведен ремонт архивохранилища № 1. Сейчас оно оснащено современными мобильными стеллажами протяженностью 227,5 пог. м. В связи с массовой ликвидацией и реорганизацией учреждений в 1990-е гг. возросла численность документов по личному составу, хранящихся в архивном отделе. Потребовались новые площади. В 2015 г., в период сокращения офисов Сбербанка, под архивохранилище № 4 было передано помещение площадью 149,6 кв. м в том же доме на ул. Ленина. Оно оснащено мобильными металлическими и смешанными стеллажами. За многолетний добросовестный труд Ольга Ивановна поощрялась благодарственными письмами Государственного комитета по делам архивов (2001, 2013), награждена почетными грамотами главы Копейского городского округа (2014), губернатора Челябинской области (2016); в 2016 г. ей присвоено звание «Ветеран труда».

С 2017 г. начальником архивного отдела работает Елена Вячеславовна Павлова. В команде архива трудятся на сегодняшний день еще три специалиста. Трудно представить, что архивариусы обходились в своей работе бумагой и ручкой, печатной машинкой, первый компьютер был приобретен только в 1999 г. В настоящее время архивный отдел оснащен четырьмя компьютерами, локальной сетью, тремя сканерами, четыре рабочих места имеют доступ к профильным ресурсам. В 2025 г. произведен ремонт входной группы, части внутренних помещений архива, включая приемную для посетителей.

На сегодня в архивном отделе Администрации Копейского городского округа Челябинской области значится 124 фонда, 37 096 ед. хр. за 1930–2019 гг., из них управленческой документации — 23 991 ед. хр., по личному составу — 13 105 ед. хр, 96 фотодокументов, один видеодокумент. Самые ранние документы, поступившие на хранение: книга движения личного состава артели «Кустпромшвей» за 1930 г., книга распоряжений редактора газеты «Копейский рабочий» о приеме и увольнении сотрудников за 1932 г. Архив хранит документы предприятий Краснознаменного шахтерского города, которые отражают большой путь экономического, социального и технического развития исполкомов (Сталинского, Кировского, Горняцкого районов), исполкома городского Совета депутатов и администрации города, учреждений культуры, здравоохранения, образования и других организаций. Документы широко используются в работе исследователями. В связи с приватизаци-

ей и межеванием земельных участков большим спросом пользуются документы, переданные из бывших администраций рабочих поселков Копейска (государственные акты, свидетельства на право собственности на землю). Они дают значительный прирост тематических запросов.

Архив постоянно пополняется новыми документами, которые образуются в процессе деятельности учреждений, организаций, предприятий, расположенных на территории Копейского городского округа. Наиболее значимые из них (14 организаций) отнесены к числу источников комплектования архивного отдела (органы местного самоуправления, управления культуры, образования, учебные заведения и т. д.) и передают свои документы на постоянное хранение. Вместе они ежегодно пополняют архив на 300–400 ед. хр. Актуальный список фондов, а также фондов, в которых имеются дела по личному составу, размещены на сайте администрации Копейского городского округа Челябинской области²².

В рамках мероприятий, связанных с юбилейными датами, планами работы в архивном отделе активно проводятся экскурсии, семинары, школьные уроки с учащимися учебных заведений города (колледжи, средние общеобразовательные учреждения). Сотрудники отдела принимают участие в конференциях различного уровня, публикуют статьи на основе архивных материалов.

Архивный отдел оказывает государственные услуги по информационному обеспечению юридических и физических лиц по их обращениям. За 2025 г. исполнено 4358 запросов: 2634 запроса социально-правового характера, 1724 тематического характера. Все запросы исполняются в установленные законом сроки.

В соответствии с договором о предоставлении государственных и муниципальных услуг архивный отдел активно взаимодействует с многофункциональными центрами Челябинской области. С 2010 г. архивный отдел взаимодействует с органами Пенсионного фонда Челябинской области (с 1 января 2023 г. — Социальный фонд России) по исполнению запросов граждан социально-правового характера (подтверждение стажа, заработной платы), Поступают электронные запросы из всех субъектов страны по каналам защищенной связи (1348 запросов за 2024 г., 2340 — за 2025 г., 6452 — за первое полугодие 2026 г.). Благодаря электронному документообороту с отделениями Социального фонда в разы уменьшилось количество личных посещений граждан, обращающихся за подтверждением стажа, заработной платы. Это значительно облегчает поиск информации людям, выходящим на пенсию. Для снижения угрозы нарушения сроков исполнения запросов в Копейске с использованием технологий бережливого управления в 2025 г. успешно разработан и реализован проект «Оптимизация исполнения социальных запросов юридических и физических лиц архивным отделом администрации Копейского городского округа с использованием ресурсов программ «КАИСА», государственной информационной си-

стемы «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере».

Для учета архивных фондов используется программный комплекс «Цифровой архив»; с 2017 г. формируется база данных «Местонахождение документов по личному составу». В 2020 г. закончено формирование базы данных граждан, эвакуированных в Челябинскую область, в нее внесена информация о 2347 эвакуированных. В преддверии и в год 85-летия Победы сотрудниками архива была проведена огромная работа по внесению данных о копейчанах — участниках Великой Отечественной войны, призванных в Копейске, на уникальный ресурс Челябинской области «Вспомним всех поименно! Книга памяти»²³. На 2026 г. намечены и начали реализовываться новые планы и проекты, включая сплошную проверку архивных фондов.

За неделю до начала Великой Отечественной войны советского народа с нацистской Германией в газете «Копейский рабочий» автор Клеванский в небольшой заметке призывал хранить архивы:

...Веками сбереженные исторические материалы, собранные в специальные государственные архивы, музеи и другие культурно-исторические заведения, дают возможность заглянуть в далекое историческое прошлое нашего народа. Эти ценные документы имеют и немаловажное научное значение. Мы живем в замечательное время, так насыщенное важными историческими событиями. Пройдут десятки лет и люди будут изучать наше время по документам, которые мы храним и сберегаем сегодня²⁴.

В настоящее время, в век цифровизации, огромного массива недостоверной информации это становится особенно актуально и архиважно.

Примечания

¹ Цеменкова С. И. История архивов России с древнейших времен до начала XX века. Екатеринбург, 2015.

² ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 269. Л. 38–40.

³ Там же. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 581. Л. 6–7.

⁴ Там же. Ф. Р-1480. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

⁵ Там же. Д. 97. Л. 12.

⁶ Там же. Д. 64. Л. 131, 175.

⁷ Там же. Д. 97. Л. 1 об.

⁸ Там же. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 924. Л. 51–5. ; Д. 960. Л. 3–4.

⁹ Там же. Ф. Р-1480. Оп. 1. Д. 82. Л. 336, 341, 342.

¹⁰ Там же. Л. 342.

¹¹ Копейский рабочий. 1941. 14 июня.

¹² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1504. Л. 137.

¹³ Архивный отдел администрации Копейского городского округа. Ф. 69. Оп. 2. Д. 12. Л. 174 об.

¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 43 об.

¹⁵ Там же. Л. 72 об. — 73.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 44. Л. 15, 22, 42.

¹⁷ Там же. Д. 57. Л. 6–8.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 438. Л. 332–336.

¹⁹ Архивный отдел администрации Копейского городского округа. Ф. 69. Оп. 1. Д. 62. Л. 280–290.

²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 15. Д. 342. Л. 59.

²¹ Архивный отдел администрации Копейского городского округа. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.

²² Сайт администрации Копейского городского округа. URL: <https://akgo74.ru/administratsiya/struktura/zamestitel-glavy-gorodskogo-okruga-rukovoditel-apparata/arkhivnyy-otdel/arkhivnyy-otdel.php> (дата обращения: 20.02.2026).

²³ Книга Памяти. 1941–1945 : портал. URL: <https://hero.gov74.ru/books/hero> (дата обращения: 15.02.2026).

²⁴ Копейский рабочий. 1941. 14 июня.

К. В. Пешкова, И. С. Крикунова

История муниципального архива Озерского городского округа

Архив — это не просто хранилище документов, это живая память общества, в которой запечатлены ключевые события, судьбы людей и эволюция отдельных территорий. Муниципальный архив Озерского городского округа — важный элемент культурно-исторического наследия региона, позволяющий проследить становление и развитие города через призму официальных документов, личных свидетельств и управленческих решений.

Актуальность темы обусловлена растущим интересом к локальной истории и необходимостью сохранения документального наследия малых городов. Материалы архива служат фундаментом для научных исследований, краеведческих проектов, генеалогических изысканий и просветительской работы. Они помогают реконструировать социально-экономическое и культурное развитие Озерского городского округа; изучать деятельность местных органов власти и предприятий; сохранять память о людях, внесших вклад в становление территории; обеспечивать правовой доступ к архивным данным для граждан и организаций.

Цель данной статьи — представить историю муниципального архива Озерского городского

округа как института, проследить этапы его формирования и оценить роль в сохранении исторической памяти. При подготовке данного исследования использованы официальные документы архива (уставы, годовые отчеты, приказы), материалы местных СМИ и краеведческих изданий, воспоминания сотрудников и пользователей архива, данные официального сайта учреждения и муниципальных порталов.

Истории Озерского городского архива в общей сложности больше полувека. Все это время он бережно осуществляет хранение и ведет учет документов всех организаций закрытого города, проводит реставрацию ценных бумаг, совершенствует методы долгосрочного сохранения и использования архивного фонда, работает с обращениями граждан. Сотрудники помогают восстановить сведения из личной биографии, установить генеалогические и родственные связи, сохранить и актуализировать исторические факты.

В 1959 г. в штатное расписание исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся г. Челябинска-40 (так до 1965 г. назывался Озерск) впервые включили должность архивариуса¹. Первым городским архивариусом распоряжени-

ем горисполкома назначили Анну Григорьевну Малахову².

Анна Григорьевна (1916 г. р.) — уроженка дер. Вашана Тульской области. В закрытый город она попала в 1949 г. По профессии счетовод. До назначения на должность архивариуса Анна Григорьевна занимала пост старшего бухгалтера инспекции государственных пособий многодетным и одиноким матерям химкомбината «Маяк» и активно участвовала в общественной жизни города. А. Г. Малахову выгодно отличали такие качества, как аккуратность, дисциплинированность, выдержанность, исполнительность и добросовестность³.

С 1959 по 1965 г. Анна Григорьевна работала архивариусом на различных предприятиях города. С 1962 г. активно комплектовала номенклатуру дел городских предприятий, учреждений и организаций. В 1966 г. стала старшим архивариусом горисполкома, где проработала до выхода на пенсию в 1971 г. С 1972 г. А. Г. Малахова подрабатывала старшим архивариусом в городском архиве.

Городской архив (горархив) выделился из горисполкома и стал самостоятельной организацией в 1978 г.⁴ Его создали для хранения архивных документов исполнительного комитета городского Совета народных депутатов и подведомственных ему предприятий, учреждений и организаций. Управлял горархивом заведующий, которого назначал исполнительный комитет городского Совета народных депутатов.

Важно отметить, что документы химкомбината «Маяк» не хранились в горархиве: у комбината был собственный архив. Тем не менее все документы горархива имели гриф секретности.

Настоящий интерес властей к городскому архиву возник лишь в 1990-е гг. В 1990 г. решением горисполкома г. Челябинск-65 (название Озерска до 1994 г.) утвердили положение о городском государственном архиве, которое регламентировало его деятельность. Отныне горархив обеспечивал сохранность и учет документов, осуществлял организационно-методическое руководство архивным делом в подведомственных горисполкому предприятиях и контролировал архивы в организациях, подчиненных горисполкому⁵.

В 1992 г. заведующей городским архивом назначили Светлану Сергеевну Багину. Светлана Сергеевна родилась в 1947 г. в Красноуфимске Свердловской области. В 1965 г. окончила Красноуфимское педагогическое училище по специальности «Учитель начальных классов». В закрытом городе работала с 1967 г. До назначения заведующей горархивом была учителем начальных классов в школе № 40, а с 1976 по 1992 г. — сотрудником горисполкома.

В 1993 г. городской архив реорганизовали в архивный отдел администрации г. Озерска. Штатная численность отдела составляла четыре человека. Архив занимал четыре комнаты на первом этаже жилого дома общей площадью чуть

более 100 кв. м — этого хватало лишь на три приема документов. Затем десять лет велась борьба за новое здание. Только в 2007 г. архивный отдел переехал в специально оборудованное двухэтажное здание бывшего детского сада.

Девяностые годы стали сложным периодом для всей страны. Многие предприятия и организации в городе прекратили существование, а граждане остались без подтверждения социальных прав и гарантий — пенсий, пособий и т. д. Архивный отдел под руководством С. С. Багиной ежедневно помогал жителям закрытого города восстанавливать данные о стаже работы, заработной плате, льготном стаже, биографические сведения о родственниках. Помощь оказывали и гражданам России и других государств, чья судьба в советское время была связана с Челябинском-40. Ежегодно число таких обращений росло и превышало 1000 запросов в год⁶.

В 1992–1994 гг. в Озерске массово открывались и быстро закрывались различные ООО и частные предприятия. Нередко они регистрировались в квартирах граждан, существовали недолго и самоликвидировались. Бывшим работникам таких фирм было сложно подтвердить трудовой стаж, поскольку предприниматели не передавали документы на хранение в архив после закрытия бизнеса.

Еще одна важная задача архива в тот период — работа с последствиями аварии 1957 г. на химкомбинате «Маяк». В 1998 г. в РФ вышел закон «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении “Маяк” и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча»⁷. Согласно закону людям с подтвержденной категорией предоставлялись льготы, компенсации и социальные гарантии, аналогичные чернобыльским. К ним относились: ликвидаторы аварии 1957 г.; эвакуированные и переселенные граждане из загрязненных зон; жители территорий вблизи р. Течи; лица с хронической лучевой болезнью. По этому закону в архив поступали запросы от военнослужащих, проходивших в 1949–1959 гг. службу в Челябинске-40 и участвовавших в ликвидации последствий радиоактивных инцидентов, но не получивших в свое время положенные льготы.

С. С. Багина уделяла особое внимание информатизации архивного дела. Еще в 1998 г. при ней создали специализированную электронную базу данных «Архив» для систематизации и каталогизации фондов.

В начале 2000-х гг. вырос интерес озерчан к истории родного города. Это было связано с появлением первых популярных исторических трудов об Озерске и активной работой самого архива по популяризации истории⁸. Архивный отдел начал проводить краеведческие мероприятия (уроки краеведения на предприятиях и в организациях), разрабатывал исторические материалы для учителей школ. На основе архивных документов горожане впервые наглядно

увидели, сколько имен было у Озерска, и узнали о праздновании первого юбилея города.

На момент создания архива в нем было семь фондов — не более 7000 ед. хр. После переезда в новое здание в 2007 г. здесь разместили 103 фонда с 27 200 ед. хр. В 2010 г. произошло самое крупное пополнение фонда за всю историю архива: на муниципальное хранение приняли 16 000 дел за 1945–1991 гг. Южно-Уральского управления строительства и его подведомственных организаций. Этот фонд стал главным историческим и социально значимым для исследователей.

За вклад в развитие архивного дела С. С. Багина получила ряд наград: в 2006 г. президент РФ В. В. Путин наградил ее медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, в 2010 г. ее удостоили нагрудного знака «Почетный архивист Челябинской области» за высокие показатели в работе по обеспечению сохранности и использованию документов Архивного фонда РФ на территории Челябинской области⁹.

В 2011 г. С. С. Багина ушла с должности начальника архивного отдела. В том же году отдел реорганизовали в муниципальный архив Озерского городского округа. Директором назначили Елену Владимировну Барановскую, которая до этого занимала должность заместителя начальника архивного отдела.

Елена Владимировна — уроженка Озерска. В 1991 г. окончила Челябинский государственный педагогический институт по специальности «История и педагогика», в 2010 г. прошла профессиональную переподготовку во Всероссийском НИИ документоведения и архивного дела по программе «Архивоведение».

Под руководством Е. В. Барановской архив развернул активную информационно-просветительскую работу. Будучи историком по образованию и призванию, Елена Владимировна способствовала доступу граждан и организаций к архивным фондам: организовывала выставки архивных документов (стационарные, передвижные и цифровые), проводила краеведческие уроки и экскурсии для школьников и гостей города, публиковала исторические заметки в печатных и электронных СМИ, оцифровывала и делала общедоступными публикации с архивными документами, активизировала работу с пользователями в читальном зале.

Благодаря труду Елены Владимировны и ее команды (Ю. В. Андрончик, Л. В. Пономаревой, Т. Ф. Коломиец, Л. А. Зотовой, И. А. Елецких, И. С. Крикуновой) об Озерском архиве узнали и в других городах России. В 2013 г. учреждение приняло участие во Всероссийском конкурсе на лучший муниципальный архив: на первом этапе стало победителем, на втором заняло второе место. В 2014 г. Озерский архив занял третье место в конкурсе среди государственных и муниципальных архивов Челябинской области по подготовке «Летописи выборов».

При Е. В. Барановской архив начал популяризировать документы через Интернет — на

официальном сайте городской администрации Озерска¹⁰. На данный момент на сайте функционируют выставки: «Стройка особого режима» (об указниках на строительстве г. Озерска), «1957. Помним» (к 55-летию со дня аварии на ПО «Маяк»), «Наш Игорь Васильевич» (о И. В. Курчатове) и др.

Елена Владимировна приняла на хранение фонды личного происхождения, включающие персональные документы и фотоматериалы по истории Озерска. В 2013 г. создан фонд «Воспоминания ветеранов Южно-Уральского управления строительства». Он содержит личную переписку, фотографии, официальные письма, исторические заметки, мемуары, дневники почетных граждан города, внесших ключевой вклад в его развитие.

В 2015 г. за высокие показатели в архивной службе коллектив Озерского архива был награжден Почетной грамотой Государственного комитета по делам архивов Челябинской области. В 2017 г. Е. В. Барановскую наградили Почетной грамотой губернатора Челябинской области.

Как руководитель архивного учреждения, Е. В. Барановская регулярно организовывала мероприятия по сохранности архивных документов: огнезащитную обработку чердачных помещений; ремонт подвальных помещений; установку противопожарных дверей и светонепроницаемых штор. В коллективе она пользовалась заслуженным авторитетом и уважением, всегда была готова прийти на помощь коллегам в трудной жизненной ситуации.

В 2022 г. Е. В. Барановская перешла на другое место службы, а должность директора муниципального архива Озерского городского округа занял Дмитрий Сергеевич Власов. За последние годы почти полностью обновился и коллектив Озерского архива. Под руководством Д. С. Власова Озерский архив существует по настоящее время и сотрудники продолжают на должном уровне поддерживать качество оказываемых государственных и муниципальных услуг, проводить комплектование Архивного фонда РФ, а также популяризацию архивных документов и фондов, сохраняя неподдельный интерес пользователей к ним, о чем свидетельствует ежегодный рост обращения к архивной информации различных форматов¹¹.

В соответствии с п. 6 перечня поручений Президента РФ от 20 мая 2021 г. № Пр-1006 (заседание Российского оргкомитета «Победа») ведется работа по пополнению базы данных «Книга памяти 1941–1945» (портал «Вспомним всех поименно!») архивными материалами для увековечивания памяти участников Великой Отечественной войны. На данный момент размещено 1079 фотографий жителей округа — ветеранов войны. В 2025 г. качество работы отмечено благодарственным письмом Госкомитета по делам архивов Челябинской области¹².

Отвечая на вызовы времени, с 2025 г. озерские архивисты активно включаются в процессы

внедрения и развития бережливого управления в сфере архивного дела. Их работа по успешному применению современных технологий в архивной деятельности отмечена благодарственным письмом Государственного комитета по делам архивов Челябинской области.

С 2023 по 2025 г. архив ежегодно пополнялся новыми документами и фондами личного происхождения. Проводились противопожарные мероприятия, было также передано в использование еще 100 кв. м для архивохранилища в нежилом здании. Архив ведет систематическую работу по цифровизации документов и переводу их в электронный формат.

На 1 января 2026 г. в муниципальном архиве на хранении находилось 136 фондов, включающих 65 555 архивных дел за 1930–2024 гг. Среди 18 постоянных источников комплектования архива — органы местного самоуправления, управления культуры, социальной защиты населения, образования, имущественных отношений, архитектуры и градостроительства Администрации Озерского городского округа, Центр занятости населения г. Озерска, Озерское лесничество, местная организация Челябинского регионального отделения Всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов Озерского городского округа Челябинской области и др.

История муниципального архива Озерского городского округа — это история постепенного становления и развития важного культурного и исторического института. От первого архивариуса Анны Григорьевны Малаховой до совре-

менных практик цифровизации и просветительской работы — архив прошел долгий путь, адаптируясь к вызовам времени и сохраняя документальную память о городе. На каждом этапе его деятельность была направлена не только на хранение документов, но и на решение практических задач жителей: от подтверждения трудового стажа в 1990-е гг. до популяризации истории через цифровые выставки сегодня. Сегодня архив — это масштабная база данных (136 фондов, 65 555 дел), которая служит фундаментом для научных исследований, краеведческих проектов и сохранения локальной идентичности.

Примечания

¹ МАОГО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 16. Л. 1.

² Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 1.

³ Там же. Оп. 7. Д. 18. Л. 3–8.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 998. Л. 1–5.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Багина С. Хранители истории // Озерский вестник. 2008. 13 марта. С. 19.

⁷ Федеральный закон от 26 ноября 1998 г. № 175-ФЗ «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» (в ред. от 10 июля 2023) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21110/ (дата обращения: 21.06.2026).

⁸ Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайны «Сороковки». Екатеринбург, 1995.

⁹ МАОГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3536. Л. 141.

¹⁰ Муниципальный архив Озерского городского округа. URL: <https://ozerskadm.ru/> (дата обращения: 21.06.2026).

¹¹ Власов Д. Озерску еще есть что сказать людям и миру // Архивная служба. 2024. № 4 (38). С. 5.

¹² Государственный комитет по делам архивов Челябинской области : сайт. URL: <https://chelarhiv.gov74.ru/> (дата обращения: 21.06.2026).

У. Н. Березуцкая

Государственный архив специальной документации Нижегородской области: 30 лет на службе истории

В 1970–1980-х гг. более шестидесяти предприятий Горького, разрабатывавших научно-техническую документацию, были источниками комплектования ЦГАНТД СССР, который размещался в Куйбышеве (ныне Самара), но основная масса таких организаций комплектовалась в Государственный архив Горьковской области.

К середине 1990-х гг. сокращение финансирования, удаленность Самары и загруженность областного архива усложнили пополнение архивных фондов научно-технической документацией. Смена формы собственности и массовое банкротство предприятий часто сопровождалось утерей, хищениями, неправомерным и необоснованным уничтожением документов. Чтобы не допустить дальнейших утрат, было решено создать специализированный архив для хранения документов проектных, конструкторских, научных организаций. На основании Распоряжения Администрации Нижегородской области от 5 февраля 1996 г.

№ 163-р был создан Государственный центр специальной документации Нижегородской области (ГЦСДНО, с 1998 г. — ГАСДНО). Список организаций — источников комплектования центра сформировался из списка Государственного архива Нижегородской области и филиала РГАНТД, в штате числилось 20 человек.

Основные силы нового архива были направлены на упорядочение документов в ликвидирующихся организациях и скорейший их прием. Уже к 1998 г. было принято 22 616 дел постоянного хранения.

В основу фондов архива легли документы ликвидированного в 1994 г. Нижегородского специального научно-реставрационного управления, которые представляли собой документацию на восстановление многих памятников истории и архитектуры, в том числе Нижегородского кремля. Все подлинники документов этого фонда со временем были отнесены к особо ценным,

он остается по сей день одним из наиболее востребованных пользователями.

В 2000 г., когда фонды архива насчитывали более 40 тысяч дел, в распоряжение архивной службы Нижегородской области поступили помещения, расположенные в здании бывшего лабораторно-производственного корпуса конструкторско-технологического института «Сириус» (ул. Свободы, 63). Часть этих помещений предназначалась для ГАСДНО.

Здание, которое не эксплуатировалось семь лет, было совершенно не пригодно ни для хранения документов, ни для работы людей: горы мусора, отсутствие отопления и водопровода, нерабочая сантехника, в стенах сквозные щели на улицу, огромные окна с разбитыми стеклами, во время дождя — лужи во всех помещениях и т. п. Хозяйственной службой архива по мере сил и в условиях ограниченного финансирования была проделана большая работа по подготовке помещений к приему документов и работе сотрудников (созданию минимальных условий для переезда): ремонт кровли, электросетей, систем отопления и водоснабжения, телефонизация, перепланировка и ремонт рабочих помещений и архивохранилища, оснащение архивохранилища охранно-пожарной сигнализацией и безопасным освещением. В первые годы в освоение здания большой вклад внесли все сотрудники архива, организуя многочисленные субботники и «дни труда» по разбору завалов и уборке помещений.

С появлением собственных площадей стали возможны планирование размещения документов, разработка схемы и порядка их учета, перспективное планирование основных направлений архивной работы комплектования, обеспечение сохранности, использования, развития научно-справочного аппарата (НСА). В решении методических вопросов помогали связи, установленные с другими профильными учреждениями: РГАНТД в Москве и его филиалом в Самаре, архивом кинофотодокументов в Красногорске и др. По аналогии с РГАНТД было решено организовать повидовое хранение документов (научно-техническая документация, управленческая документация, фотодокументы и др.). Для этого были отремонтированы и оснащены сразу четыре архивохранилища.

Комплексное освоение здания, охватывающее все помещения и системы, началось в 2005 г. Особенно тяжело решался вопрос отопления. До 2006 г. зимой в некоторых помещениях архивисты работали в валенках, ватниках и варежках. Надежды возлагались на строительство автономной газовой котельной, однако они не оправдались. Полностью освоить помещения удалось лишь к 2016 г. А сейчас идет постоянная оптимизация хранения документов для поддержания темпов комплектования — в среднем 10 тыс. дел.

В 2006 г. на учете в ГАСДНО числилось более 70 тыс. ед. хр., 30 тыс. ед. хр. — научно-техническая документация. В организациях —

источниках комплектования оставалось порядка 3,5 млн ед. хр., причем значительная часть этих документов относилась к государственной части архивных фондов Нижегородской области, хранящихся в ненадлежащих условиях в частных организациях. Для обеспечения их сохранности была принята областная целевая программа «Усиление безопасности и обеспечение сохранности архивных фондов Нижегородской области на 2006–2010 годы». Реализация и финансирование этой программы позволили принять порядка 50 тыс. условных ед. хр. научно-технической документации государственной собственности (это треть всех фондов, хранящихся сейчас в архиве) и упорядочить более 35 тыс. ед. хр.

В работе по популяризации архивных документов традиционными стали организация и проведение на базе и силами ГАСДНО научно-практических конференций, а также других информационных мероприятий: семинаров, встреч с общественностью, круглых столов. Первая научно-практическая конференция, организованная архивом, состоялась в 2000 г., с тех пор архив организовывал их регулярно фактически один раз в два года и сопровождал выставками. По итогам всех конференций изданы сборники.

За последние годы в жизни архива произошло много значимых событий: помещения, занимаемые архивом, переданы в собственность Нижегородской области, принят в неупорядоченном виде и разобран и упорядочен значительный комплекс проектной документации ликвидированного института НижегородгражданНИИпроект. Спустя 30 лет архив содержит 405 117 ед. хр. (из них 11965 — ОЦД), в штате 45 человек. Суммарная площадь десяти архивохранилищ составляет 1247 м², протяженность стеллажных полок 10 272 пог. м., в работе локально-вычислительной сети задействовано 39 рабочих мест, список источников комплектования насчитывает 60 организаций и 60 личных фондодатчиков, создан страховой фонд на 20 075 ед. хр., оцифровано 16 194 ед. хр., введено в тематические базы данных более 35 тыс. записей, оцифрованы и размещены в Интернете 255 описей, выявлено и отнесено к особо ценным 11 965 ед. хр., ежегодно проводятся семинары для организаций — источников комплектования (в том числе в онлайн-формате), исполняется порядка 700 запросов граждан и юридических лиц, проводятся школьные уроки и дни открытых дверей, ежегодно разрабатывается по два-три методических пособия. Сотрудники архива являются участниками и организаторами регулярных архивоведческих конференций и выступают на различных информационных мероприятиях.

Большое внимание в архиве уделяется профессиональному развитию сотрудников, практикуется наставничество, регулярно проводятся занятия внутриархивной учебы. В плане подготовки будущих историков, документоведов и архивистов ГАСДНО ежегодно принимает на производственную и преддипломную практику студентов Ниже-

городского губернского колледжа и Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

В настоящее время одна из главных задач архива — создание полноценного научно-справочного аппарата (в том числе электронного) к документам для оптимальной организации их использования. Научно-техническая документация востребована пользователями, несмотря на специфику, больше — в практических целях (восстановление, реконструкция, ремонт, ре-

ставрация и т. д. различных объектов гражданского, промышленного, культового назначения), несколько меньше — в науке и краеведении. И если сейчас пользователи подтверждают ее практическую значимость, со временем она будет интересна и с исторической точки зрения.

Сотрудничество с коллегами архивных учреждений Нижегородской области, Приволжского федерального округа, России всегда приветствовалось в ГАСДНО.

Часть III
Экономическая история

Е. С. Бутрин

**Регистрация городской недвижимости органами самоуправления
в конце XVIII — первой половине XIX века
(по материалам фондов Государственного архива Ивановской области)**

Списки недвижимости городских обывателей — важнейший источник не только по социально-экономической истории русского города XVIII–XIX вв., но и по его материальной культуре, а также генеалогии городских обывателей. Между тем специальных исследований, посвященных определению состава этих документов, характеристике их содержания и технологии составления, в отечественной историографии почти не имеется. Частичному восполнению этого пробела и посвящена настоящая работа. История общегородских органов самоуправления в России ведет свой отсчет с издания в апреле 1785 г. «Жалованной грамоты городам»¹. Она предусматривала появление двух документов, в которых должна была регистрироваться недвижимая собственность горожан, — «обывательской» и «городовой» книг. «Сочинению» обывательской книги посвящено немало параграфов екатерининского указа². В отдельную графу в ней обязательно вносились сведения о недвижимом имуществе горожанина. Источники этого типа включают важнейшие сведения о социальном составе городского населения, поэтому история их бытования имеет достаточно обширную историографию³. А вот второй документ, о котором вела речь «Жалованная грамота городам», гораздо менее известен. Он представлял собой «книгу с описанием домов, строений, мест и земель городских под номерами», чтобы желающие купить, арендовать или заложить дом, «с тою книгою справясь», могли совершать сделки «с надежностью»⁴.

Как известно, обывательские книги, которые должны были обновляться каждое трехлетие, велись органами местного самоуправления весьма небрежно. И. И. Дитятин отмечал, что ни в одном из городов Ярославской губернии их не имелось вплоть до 1840-х гг.⁵ В Костромской губернии ревизия, проведенная по предписанию министра внутренних дел от 16 февраля 1852 г., выявила, что в некоторых городах обывательских книг вовсе нет, в других они составлены в «давнее время», в третьих ведутся неверно⁶. Практическая необходимость в этих документах отсутствовала, ввиду чего в некоторых городах они исполняли сугубо утилитарные задачи, прежде всего регистрацию городской недвижимости. Характерным в этом смысле является история ведения обывательских книг в г. Лухе Костромской губернии. Всего их сохранились четыре — за 1831, 1838, 1846 и 1854 гг. Все они (кроме книги за 1838 г.) составлены в алфавитном порядке. Каждая запись заверялась обывателем, имя которого вносилось в книгу. А особое внимание в документах уделялось недвижимости: подобно описывался участок — с номером отде-

ления (квартала), номером домовладения и его размерами. Вписывались также документы на право владения землей (если они были представлены)⁷.

Однако затесался среди этих источников также гибрид списка недвижимости и обывательской книги, составленный в 1845 г. Если обывательская книга составлялась депутатским собранием, то над списком недвижимости работали частные старосты И. Д. Кузнецов и А. И. Гаврилов. Список этот полностью включает все сведения из обывательской книги. Единственное отличие — он составлен не по алфавитному, а по территориальному принципу: Лух был разбит на 17 «отделений» (кварталов). В список включены также казенные постройки, в обывательские книги обычно не попадавшие, в частности приходские училище (2-е отделение, № 11). Но при этом к списку недвижимых имений присоединены сведения о мещанах, не имеющих домов (27 семей)⁸. Таким образом, документ 1845 г. представляет собой механическое объединение обывательской книги и списка недвижимости жителей. Цель его составления неясна — оценка стоимости строений не производилась. Судя по всему, мы имеем дело с причудливой химерой местной бюрократии — созданием городскими чиновниками двух почти одинаковых документов в 1845 и 1846 гг. Заметна в данном случае координация работы частных старост и депутатов: в списке 1845 г. появляется указание на общую площадь владения в квадратных саженях, которое переходит и в обывательские книги 1846 и 1854 гг. Таким образом, обывательские книги в Лухе к середине XIX в. приобретают значение регистрационных списков недвижимости. В делопроизводстве уже пореформенной Лухской городской думы сохранился интересный документ, датированный 1897 г. Он имеет все графы, обычно включавшиеся в обывательскую книгу. Но заполнены из них только две — имя горожанина и сведения о его недвижимом имуществе. При этом сведения очень подробные — с указанием площади, оценочной стоимости и перечислением документов, являвшихся основанием для владения домом или землей⁹.

Однако даже в самых подробных обывательских книгах даются лишь самые общие сведения о домах и дворовых постройках — внимание привлекали только месторасположение участка, его площадь, а также документы на владение. Дом описывается общими словами: «дом деревянный с надворным строением и огородной землей», «дом деревянный во всю дворную пристройкою», «дом деревянный на каменном фундаменте». Таким образом, обывательские книги

мало что дают для характеристики «дворового строения». Эту функцию должна была выполнять «городовая книга». Но как видно из приведенного выше примера, она фактически слилась с обывательской: список недвижимости 1845 г. как раз представлял собой документ такого типа. Из архивных фондов семи городов, располагающихся на территории нынешней Ивановской области, «городовая книга» сохранилась лишь в одном — фонде Пучежской ратуши. Ее заглавие напрямую отсылает к 9-й статье «Жалованной грамоты городам» (причем само оно было приписано к тексту намного позже его составления). В этом документе недвижимость перечисляется по городским кварталам (с 1-го по 19-й, 22-й, 24-й, 25-й). Изначально предполагалось также пронумеровать каждый дом, но эта работа проведена не была. Автор, давший документу заглавие, пытался снабдить его сплошной нумерацией, но довел ее лишь до № 53 (всего в книге перечислены 220 участков с домами и без). Завершается он перечислением построек, сделанных «на неудобной земле во время весны близ реки Волги» — семь амбаров «для складки товаров»¹⁰.

Заметим, что в этой книге отмечены не только застроенные, но и «пустопорожные» места. Описание дворовых построек в ней не в пример более обстоятельно, чем в обывательской книге: указывается число «покоев», отмечаются чуланы и сени, перечисляются все строения, включая сараи, амбары, погреба и даже ворота. Завершается каждая статья указанием на площадь участка. Пример:

Деревянный дом пучежского мещанина Андрея Гнусина, в коем три покоя отделанных, с чуланами. На дворе погреб, сарай и два анбара з банею отделанные, огород и ворота, да сверх того в огороде мастерская изба для набоечного мастерства. Под сим домом, службами и огородом отведенной по плану земли 335 квадратных сажен.

Подробно описываются даже пустые места:

Дворовое пустопорожнее место, отведенное под построение пучежскому 2-й гильдии купцу Дмитрию Петрову Иконникову, в коем по плану земли 220 квадратных сажен, с огороды и насажденными плодовыми деревьями и укрепленное от течения по врагу внешней воды обрубам.

При описании нескольких участков оказались пропущены сведения о хозяевах строений, а в ряде случаев сделаны пробелы для описания участков, сведения о которых получить не удалось. При этом в практике эта книга использовались очень ограниченно — помет о новых хозяевах практически не имеется. Тем не менее это уникальный в своем роде источник по архитектуре российского города конца XVIII в.: все постройки описаны очень подробно, а главное, частично отражено внутреннее устройство домов. Подобные сведения отсутствуют в переписях городской недвижимости, о которых мы поведем речь ниже.

Выдачей разрешений на строительство новых зданий в городе занималась управа благочиния (градская полиция), устав которой был введен в действие 8 апреля 1782 г. В большинстве своем документы этих органов не сохранились. Исключением явился г. Шуя Владимирской губернии: в архивном фонде Шуйской градской полиции отложилось 388 дел за 1789–1850 гг. В большинстве своем это дела по отведению жителям города мест для постройки новых домов. Они включают прошение фигуранта, журнал заседания управы с решением, отводной акт, свидетельство построек и, наконец, сведения об уплате «посаженных денег». После всей этой процедуры проситель получал «данную» на земельный участок с домом. При этом в документах обычно не имеется никаких сведений о произведенных постройках, в билете на право строительства отмечаются лишь общие характеристики дома и его номер по «Собранию фасадов для частных строений»¹¹. Имелась и специальная книга для записи выданных обывателям «данных» (сохранилась одна такая книга за 1848 г.)¹². Полиция вела наблюдение за строительством с соблюдением городского плана и соответствующую переписку с разными лицами — от уездного землемера до губернатора.

Документы полицейских учреждений дореформенных городов сохранились, как правило, в очень ограниченном составе. В фонде Юрьевецкого городнического правления не имеется дел о выдаче разрешений на строительство домов,¹³ хотя занималась оформлением подобных «билетов» именно полиция — городничий и ратман магистрата¹⁴. В безъездных городах, не имевших городничего, разрешения выдавались местной ратушей. Каждое подобное прошение обычно выделялось в отдельное делопроизводство, и в большинстве случаев после окончания дела оно уничтожалось. В фондах Пучежской (Костромской губернии)¹⁵ и Гаврилово-Посадской (Владимирской губернии)¹⁶ ратуш сохранились считанные единицы подобных «индивидуальных» дел с разрешением на строительство. В фонде Лухской ратуши Костромской губернии таких документов сравнительно больше, причем за отдельные годы имеются целые сборники «объявлений» о необходимости выделения земли под строительство (12 дел за 1806–1844 гг.)¹⁷. Параллельно в Лухской городской думе составлялись книги записи участков земли, отведенных под постройку новых домов городским обывателям (пять дел за 1829–1864 гг.)¹⁸. В значительном числе сохранились прошения обывателей о выделении земли под строительство также в документах Шуйской городской думы (30 дел за 1792–1849 гг.)¹⁹. Но учет обывательских строений в городе думы и магистраты не вели, а полицейские документы по многим российским городам практически не сохранились, так что при описании городских «недвижимых имуществ» исследователю остается ориентироваться на опубликованные данные полицейской статистики²⁰.

В редких случаях документы градской полиции все же проникали в фонды городских дум и магистратов. Так, Плесский магистрат Костромской губернии в октябре 1787 г. затребовал от городничего И. И. Клементьева сведения «с описанием домов, строений, мест и земель городских под нумерами» для составления пресловутой «городовой книги». В ответ Клементьев направил подобное описание города, разделенного на два квартала. В первый входило шесть улиц — Троицкая слобода, Дворянская, Воскресенская, Шемякина, Верхняя Набережная и Пахомова. В нем были четыре церкви и 141 дом (из них каменных — одна церковь и два казенных дома). Во втором квартале насчитывалось пять улиц — Калашная, Юрьева, Нижняя Набережная, Никольская и Варварская. Каменных строений в нем не было, а всего насчитывалось две церкви и 131 дом. В описании дома перечисляются под «нумерами», по порядку расположения, с указанием имени и статуса владельца. Имеются также сведения о других строениях — казенных, общественных, торговых и промышленных. Впрочем, никаких данных о самих домах (кроме общей характеристики — каменный или деревянный) в документе нет. Всего в Плесе имелось 4 дворянских дома, 18 «церковничьих», 21 «купечский», 217 мещанских, 6 разночинских, а также 4 общественных и 2 казенных. Кроме них, в описи перечислены тюрьма, лазарет, 2 соляных магазина, 4 питейных дома, трактир, подвал и харчевня. На торге имелось 169 лавок и 20 амбаров, промышленность представляли 10 кузниц, 6 мельниц, 5 солодовенных заводов и 3 пивоварни²¹.

Более подробные сведения о характере домов сохранились в другом источнике, относящемся к делопроизводству Юрьевецкой градской думы. В сентябре 1799 г. дума получила из Костромского губернского правления указ о содержании полицейской части в городе. После длительного обсуждения 10 ноября 1799 г. дума и магистрат приняли проект положения о полиции в Юрьевце. Десятских предполагалось выбирать из числа горожан в количестве 16 человек в год. Избирались также и двое трубочистов, а вот восьми «будочным сторожам» была назначена плата — по 25 руб. в год. Общественное освещение города не предполагалось, на покупку пожарных инструментов была определена сумма в 300 руб., на канцелярские расходы по полиции — в 100 руб. Общая сумма составляла 699 руб., ее предполагалось собрать «через выбранного из градских жителей достойного человека», а затем повторять эту процедуру ежегодно²². В ходе определения раскладки «полицейского сбора» городским властям пришлось обратиться к описанию обывательских строений. Она не включала оценку их стоимости или доходности, речь шла лишь о самых общих критериях (числе «холодных» и «теплых» покоев). По этой оценке, всего в Юрьевце оказалось 5 дворянских домов (7 теплых и 10 холодных комнат), 24 купеческих (60 теплых

и 71 холодная комната), 334 мещанских (615 теплых и 744 холодных комнат), 12 чиновничьих (22 теплых и 27 холодных комнат), 41 солдатский (45 теплых и 73 холодных комнаты), 40 священнических (78 теплых и 92 холодных комнаты), 28 крестьянских (49 теплых и 62 холодных комнаты), а также 8 келий (4 теплых и 9 холодных комнат) и 365 бань²³.

Но в итоге 3 апреля 1800 г. градская дума приняла решение не прибегать к подробной оценке благосостояния обывателей для распределения полицейского налога. Деньги с большей части населения было решено собирать исходя из числа ревизских душ: с 49 душ купцов — по 1,74 руб., с 650 душ мещан — по 80 коп. Оставшуюся сумму в 100 руб. было решено возложить на разночинцев «по рассмотрению их состояния». Поэтому для сбора денег с купцов и мещан был избран лишь сборщик И. А. Талатин, а вот между разночинцами распределить сумму должны были особые депутаты, ими в ноябре 1800 г. стали провинциальный секретарь А. М. Михайлов и священник Рождественской церкви Николай Васильев. Они должны были собрать о разночинцах сведения, «кто они таковы и какими градскими выгодами пользуются», после чего «сделать именной регистр», по которому «рассмотря каждого жителя, помянутое число денег распределить». Всего было учтено 83 «разночинских» дома: 21 — в 1-м квартале, 17 — в 2-м, 13 — в 3-м и 22 — в 4-м. Примерно половина их владельцев «пользовались градскими выгодами». В списке разночинцев, кроме сведений о «градских выгодах», имеются данные о числе холодных и теплых покоев в каждом из принадлежавших им домов. Большая их часть имела два «покоя» — холодный и теплый. Встречались дома с одним теплым покоем (без холодных), всего таких отмечено 13, с двумя теплыми комнатами — 3, а также с двумя теплыми и одним холодным покоем — 2. Наконец, имелось у разночинцев несколько больших домов: на 10 теплых и 1 холодный покой (губернская секретарша Екатерина Попова), на 5 теплых и 1 холодный покой (коллежская регистраторша Авдотья Ключарева), на 4 теплых и 1 холодный покой (титularный советник Афанасий Кошелев) и, наконец, на 5 теплых покоев (поручик Антон Михайлов). При распределении полицейского взноса учитывался в большей степени не размер дома, а благосостояние плательщика. Солдатские дети Василий и Петр Ломоносовы, имевшие обычный дом (теплая и холодная комнаты), но занимавшиеся прибыльным «строением судов», были обязаны внести по «полицейской раскладке» 2,5 руб., тогда как владелец дома с двумя теплыми покоем дьячок Преображенской церкви Макарий Рогожин — всего 0,5 руб., поскольку дополнительный доход имел только с «хмельника»²⁴.

В разобранном деле мы имеем уникальные сведения не только о количестве домов уездного города, но и некоторые данные об их внутреннем устройстве. К сожалению, сохранившийся в нем

именной список владельцев недвижимости касается лишь «разночинцев». Между тем именно в подобных списках для сбора налогов в городской бюджет откладывались сведения о недвижимом имуществе жителей вплоть до реформы 1863 г. Сборы в пользу городских обществ в до-реформенной России во многом являются *terra incognita* для исследователей: они сильно зависели от местных условий — состава населения, экономики, общественного хозяйства. В ряде городов население «негородских сословий» сопротивлялось наложению этих сборов и отказывалось от их уплаты²⁵. И. И. Дитятин отмечал, что важную роль в формировании городского бюджета играл оценочный сбор с недвижимых имуществ. Хорошо известна история этого сбора в столицах, меньше данных о его функционировании в губернских и уездных городах. Обычно для оценки недвижимости в городе формировалась специальная комиссия, сбор взимался с размере от 0,5 до 1 % от стоимости имущества (которая определялась по его доходности). Исключались из оценки казенные и общественные здания, а также церковные, монастырские и малоходные (стоимостью не более 100 руб.). Впервые оценочный сбор возникает в Санкт-Петербурге в сентябре 1798 г. Полвека спустя издается специальное положение, регламентирующее порядок этого сбора в столице (1846), а в феврале 1861 г. появляется аналогичное положение для всех городов страны. В апреле 1847 г. Министерство внутренних дел озабочено сбором подробных сведений об этом налоге, оказалось, что он существует в 30 городах страны²⁶.

Книги оценки недвижимых имуществ, составленные комиссиями для взимания «оценочного сбора», дают наиболее полные сведения о составе городской недвижимости. Но поскольку ведение подобных документов относилось к внутренним делам городского общества, сохранились они весьма фрагментарно. В 1802 г. комитеты «для уравнивания городских повинностей» появляются в столичных городах, а вскоре возникают и в большинстве губернских. В мае 1805 г. Александр I учреждает Комитет для уравнивания земских повинностей по всему государству, постоянно работавший при Сенате. Именно этот орган занимался разработкой правил о составлении табелей городских повинностей. Пятого июля 1817 г. владимирский губернатор просил городских составить табели «для показания всех градских и земских повинностей» по присланным образцам за 1814–1816 гг. По данным Шуйской градской думы, в 1817 г. в городе проживали 285 купцов и 431 мещанин. Зданий и пустых мест, принадлежащих обывателям, в Шуе имелось 392 на сумму 181 тыс. руб. С купцов и мещан собирались деньги «в дополнение городских доходов на удовлетворение предметов городских повинностей». С купцов за три года на эти цели было собрано 5354,87 руб., с мещан — 4364,2 руб. К раскладке этой «было принимаемо в основание не число душ, а состояние их, а потом и повин-

ности, в предшествовавших годах существовавшие»²⁷. Как видим, до 1817 г. шуяне не применяли оценочный сбор с недвижимых имуществ на практике. Он был произведен единовременно, по указанию губернских властей.

В дальнейшем эта практика все же появляется, этому способствовало успешное экономическое развитие города в первой трети XIX в. Первая ведомость, «учиненная шуйским комитетом, учрежденным для оценки обывательских недвижимых собственности», отложившаяся в фонде градской думы, относится к 1830 г. Внешнее описание «дворового строения» в этом документе максимально подробно: оно включает сведения не только о доме, но и о флигелях, сараях, погребках, амбарах, конюшнях, банях и, конечно, о производственных постройках (от фабрики до «мыларни»). У каждой обозначен материал, длина и ширина (в аршинах), особо отмечается железная крыша. Завешается описание обозначением «оценочной стоимости» строений и размера «полупроцентного сбора», взимаемого с хозяина. В ведомости за 1830 г. переписана недвижимость на 460 номеров в 43 кварталах, а также деревянные лавки на торговой площади (29 номеров) и 5 фабрик. Общая сумма полупроцентного сбора по этой ведомости составила 2943,72 руб.²⁸ Два года спустя число описанных участков сократилось до 416, зато в ведомость попали еще 5 кузниц и 12 «пустопорожних мест». Общая сумма сбора сократилась более чем на 20 % (до 2337,45 руб.)²⁹. В ведомости 1842 г. описано 476 земельных участков, 29 лавок и 6 фабрик. На сей раз, ввиду перевода «ассигнационного» рубля на серебряный в 1840 г., размер «полупроцентного сбора» снизился более чем втрое — до 930,55 руб.³⁰ В опись 1849 г. попала уже не только городская недвижимость (474 номера), но и заречная (71 номер), а также 20 лавок. Оценочный сбор вырос почти в полтора раза, составив 1361,5 руб.³¹ Наконец, в ведомость 1855 г. попала городская недвижимость (521 номер), заречная (94 номера), Солдатская слобода (7 номеров), 3 питейных дома, 5 кузниц и 20 лавок. Оценочный сбор вырос еще на 35 % (1830,69 руб.)³².

Таким образом, сроки переоценки шуйской недвижимости постепенно сокращались. Первая из них случилась уже два года спустя после первого описания, но причиной был тот факт, что при оценке в 1830 г. не были учтены некоторые «пустопорожние» участки, а также целый ряд участков описан без разделения, хотя дома на них принадлежали разным людям — обычно, наследникам прежнего владельца. Это вызывало трудности во взимании налога, ввиду чего и была проведена перепись 1832 г. К ней приложены ведомости «незастроенных и пустопорожних мест» (12 мест на 16,5 руб.), а также «недвижимостям, показанным в оценке без разделения оной» (от 15 ноября 1832 г.). Следующая перепись состоялась лишь спустя десять лет (1842). Еще через семь лет шуяне решили вновь сформировать новую оценочную комиссию — 14 июля 1849 г.

в губернское правление из думы был направлен соответствующий рапорт. В нем отмечалось, что некоторые дома уже не существуют или пришли в упадок, а также возведено немалое число новых построек. Губернские власти разрешили произвести переоценку, для нее 6 октября 1849 г. на общем собрании были выбраны из купцов И. П. Турлапов, из мещан В. В. Болотов. В конце января 1850 г. новая ведомость была утверждена градской думой, а 10 мая 1850 г. — и Владимирским губернским правлением³³. При этом в 1849 г. полупроцентный сбор взимался еще по ведомости 1842 г. Сохранилась соответствующая книга сбора «поземельных денег». Она разбита по кварталам с обозначением имен плательщиков, оклада с них и расписок в получении. Последние суммы были внесены уже в январе 1851 г.³⁴ Следующая переоценка случилась пять лет спустя (1855), а с 1859 г. она производилась ежегодно в обязательном порядке. По сведениям на июнь 1855 г., шуяне для оценки недвижимого имущества избирали двух депутатов (в качестве основания они ссылаются на указ «О городских повинностях по Санкт-Петербургской столице» от 19 января 1804 г.)³⁵. В ведомости за 1860 г. описана недвижимость в 43 «городских» кварталах (582 участка), 11 заречных (126 участков), а также два лавочных корпуса (19 номеров) и 5 кузниц. Кроме обычного «полупроцентного» сбора (он составил 1979,2 руб.) в нее введен «квартирный» в 1,5 % (5168,92 руб.)³⁶.

Если в фонде Шуйской думы оценочная ведомость 1817 г., составленная по настоянию губернского правления, не сохранилась, то архив Лухской думы представляет возможность ознакомиться с подобным документом. Костромской губернатор К. И. Баумгартен по настоянию Комитета по уравниванию земских повинностей 30 июля 1817 г. направил в градские думы губернии требование о немедленной доставке «сведений обо всех сообще отправляемых обывателями земских повинностях» (по прилагаемой форме). Кроме того, городские власти должны были избрать комиссию из двух лиц для «оценки всех обывательских домов и пустопорожных земель, всем состоянием принадлежащих». Оказалось, что общие доходы города составляют 370 руб., а расходы — 2174 руб. Недостающая часть суммы восполнялась специальными сборами с купцов (по 40 руб. с семейства) и мещан (по 2,95 руб. с ревизской души). Мирским приговором от 19 августа 1817 г. в комиссию по оценке недвижимости были назначены мещане Е. П. Наваркин и С. Т. Копылов, а в помощь к ним «для письма» — П. В. Колескин³⁷. Сохранилась как черновая, так и беловая ведомости о недвижимом имуществе. В отличие от шуйских ведомостей в данном случае при учете применен не территориальный, а сословный принцип. Первыми перечислены дома чиновников (10 домов общей стоимостью 13 070 руб.), затем — церковнослужителей (15 домов стоимостью 6860 руб.), далее — лухских купцов (9 домов стоимостью

в 8850 руб.), затем — мещан (222 дома стоимостью 94 225 руб.) и, наконец, разночинцев (11 домов стоимостью 2100 руб.). Таким образом, всего в Лухе имелось 267 домов, оцененных в 125 105 руб. Далее перечислены 12 деревянных лавок (стоимостью 290 руб.) и 16 пустопорожных участков (898,85 руб.)³⁸. Описание строений в этой ведомости максимально кратко: «...деревянный дом на каменном фундаменте с принадлежащими к оному деревянными службами и землею». Как видим, в нем не указывается размер участка и не описывается состав «служб».

Итак, оценочные ведомости недвижимости с подробным описанием «дворового строения» сохранились лишь в архиве Шуйской думы. Завершая разговор об учете городской недвижимости органами местной власти, нельзя не остановиться на «квартирных книгах». Согласно уже упоминавшейся «Жалованной грамоте» 1785 г., мещане несли квартирную повинность как «натурой» (предоставлением «покоев» для постоя), так и деньгами (этот налог именовался «поземельным»). И. И. Дитятин отмечает, что в столицах «поземельные деньги» шли на устройство казарм с состоятельными домовладельцев, тогда как остальные отбывали повинность натурой³⁹. В первой четверти XIX в. поземельный налог постепенно заменяется «оценочным сбором» (в Шуе «поземельными деньгами» именуется именно оценочный сбор)⁴⁰. «Полупроцентный» сбор распределялся на уплату жалования и квартирных денег чиновникам и служащим, а также на наем квартир для проезжающих чиновников и обеспечение инвалидной команды. В случае дефицита бюджета он «пополнялся» специальными «добровольными раскладками» граждан. По данным за 1863 г., оценочный сбор в г. Кинешме Костромской губернии составил 760,12 руб., а еще 172 руб. требовалось собрать с помощью «раскладки»⁴¹.

Распределением постоя в городе занималась специальная квартирная комиссия. Сохранился архивный фонд Шуйской квартирной комиссии (91 дело за 1833–1871 гг.), документы которого позволяют понять механизм ее работы. Первоначально Шуе в комиссию избирался один депутат («с купеческой стороны»), пару ему составлял городничий. Собиралась комиссия обычно по мере необходимости, от семи до полутора десятков раз в год. На заседаниях рассматривались бумаги, поступившие в ее адрес, принимались решения об удовлетворении квартирами военнослужащих. По «Своду законов» 1842 г. в комиссию был введен второй депутат — от дворянства. В начале января 1850 г. в комиссию были избраны от купцов и мещан — мещанин С. С. Гундобин, от дворян и чиновников — титулярный советник С. М. Иорданский. В выборах мещанского депутата приняли участие 33 человека, дворянского — 11 человек⁴². Тем же «Сводом» 1842 г. вводилась специальная книга квартирной комиссии «для записки поименно» сроков постоя с именами постояльцев⁴³. Подобные до-

кументы велись и ранее: в архиве Шуйской думы сохранилась квартирная книга депутата И. И. Конькова за 1825–1828 гг. В ней не применялась поквартальная разбивка, владельцы обозначались сплошной нумерацией. В книге кроме имени владельца кратко описывался его дом, а во вторую графу вписывались постояльцы (либо основание освобождения от постоя). Например, купец А. А. Жуков «с начала 1827 г. будучи бургомистром», был освобожден от квартирной повинности⁴⁴.

Квартирные книги, сохранившиеся в фонде шуйской комиссии (всего 8 книг за 1858–1861, 1864, 1865, 1868–1870 гг.), самими авторами именуются «обывательскими»⁴⁵. Внешне формуляр их не менялся: дома разбивались по кварталам, в специальных графах отмечались число «покоев» и их площадь, два столбца отводились для записи прибывших и убывших постояльцев. Но если в наиболее ранней книге домам дается лишь общая характеристика (деревянный или каменный), то в последней приводятся сведения из раскладочных ведомостей, введенных по реформе 1863 г. Здесь количество комнат и площадь участка уже не отмечались, зато дома описывались достаточно подробно: «Деревянный одноэтажный дом с людской избой, двумя погребями, двумя сараями, конюшней, коровником и баней». Кроме того, квартирная комиссия занималась обеспечением жизнедеятельности воинских подразделений, размещенных в городе, — устройством конюшен, манежей, цейхгаузов, складов, пороховых погребов. Деньги на эти цели выделялись из сумм оценочного сбора по указам губернской казенной палаты⁴⁶. В случае кратковременного пребывания в городе рекрутской партии деньги принимались градской думой от ее начальника, а затем распределялись квартирной комиссией между обывателями, исходя из числа постояльцев и времени, проведенного ими в домах горожан⁴⁷.

В других городах квартирная комиссия появлялась ввиду потребностей времени. В Лухе она возникла в ноябре 1840 г. в связи с необходимостью размещения в городе 4-го батальона Углицкого егерского полка. В комиссию входили бургомистр (заменивший городничего, которого в безъездном Лухе не имелось) и два депутата — от купечества и мещанства. Комиссия занималась не только размещением воинских чинов на постоя, но и обеспечением отопления и освещения — доставкой свеч для офицерских квартир и дров для лазаретов. В октябре 1841 г. Лухская дума жаловалась, что в случае дальнейших расходов на эти нужды горожане скоро окажутся не в состоянии даже платить государственные подати⁴⁸. При этом содержать комиссия должна была за счет добровольных «складок», средства из городского бюджета на нее не отпускались. По раскладке на содержание комиссии с 1849 по 1854 г. было назначено собрать 6 коп. с души (всего 40,31 руб.)⁴⁹. К сожалению, делопроизводство квартирных комиссий сохранялось обычно

далеко не в полном объеме. В архиве Пучежской посадской думы отложились книги билетов, выданных комиссией купцам и мещанам посада об исполнении квартирной повинности за 1851–1862 гг.⁵⁰ В архиве Юрьевецкой думы также сохранились «билетные» книги за 1853 и 1865 гг., приходе-расходные книги комиссии за 1851 и 1865 гг., протоколы комиссии за 1866 г.⁵¹ А вот оценочных ведомостей обывательской недвижимости, составлявшихся юрьевецкой квартирной комиссией, в фонде не осталось. Хотя они имелись: в 1862 г. по предписанию градской думы квартирная комиссия «произвела опись с оценкою всем обывательским в г. Юрьевце домам, строениям и землям на предмет сбора с тех помещений на квартирную повинность»⁵².

«Революция» в деле раскладки сбора с обывательских недвижимых имуществ случилась в 1863 г.: вместо подушной подати городские обыватели приобрели обязанность платить государственный налог с городской недвижимости⁵³. Временный налог на недвижимые имущества был установлен со второй половины 1863 г. по указу от 1 января 1863 г. Затем 26 ноября 1863 г. налог был продлен на следующий год, затем еще, а с октября 1866 г. установлен на постоянной основе⁵⁴. С этого времени в фондах градских дум (с 1870 г. — городских управ) появляются ежегодные ведомости по оценке обывательской недвижимости. Они имеют вполне определенную структуру: включают краткое описание недвижимости, имя владельца, «оценочную стоимость», определенную раскладочной комиссией, и сумму налога. Составлялись подобные ведомости по кварталам, позднее в них появляются еще и названия улиц. Описательные статьи варьировались от максимально кратких до достаточно подробных, с перечислением большинства дворовых построек и указанием размера участка. Впрочем, даже самые подробные описания дают самое общее представление о составе строений на участке. Главная особенность этих документов — достаточно хорошая сохранность, поскольку именно налог с недвижимых имуществ обеспечивал львиную долю городского бюджета. По некоторым городам (Шуя, Иваново-Вознесенск, Пучеж, Лух) они сохранились за большую часть периода — с 1870 по 1917 г., по другим (Юрьевец, Кинешма) — лишь за несколько лет. Но исследование особенностей этого источника уже выходит за рамки настоящей статьи.

Примечания

¹ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Ярославль, 1875. Т. 1. С. 505–506.

² Российское законодательство X–XX вв. / отв. ред. Е. И. Ишкова. М., 1987. Т. 5. С. 79–85.

³ Короткий обзор см.: Бутрин Е. С. Обывательские книги и система постоянного учета населения в русском городе XIX века (на материале г. Юрьевца Костромской губернии) // Генеалогия и архивы: материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2022. С. 21–22.

⁴ Российское законодательство X–XX вв. ... Т. 5. С. 71.

⁵ Дитятин И. И. Указ. соч. Ярославль, 1877. Т. 2. С. 183.

- ⁶ ГАИО. Ф. 917. Оп. 1. Д. 1049. Л. 1–2.
⁷ Там же. Ф. 896. Оп. 1. Д. 333, 491, 790.
⁸ Там же. Д. 469. Л. 1–121 об.
⁹ Там же. Ф. 917. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–185
¹⁰ Там же. Ф. 1015. Оп. 4. Л. 1–41.
¹¹ Собрание фасадов, его императорским величеством высочайше апробованных для частных строений в городах Российской Империи. СПб., Ч. 1–4. 1809–1812.
¹² ГАИО. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 335.
¹³ Там же. Ф. 989. Оп. 1 (102 ед. хр. за 1780–1863 гг.).
¹⁴ Там же. Ф. 938. Оп. 1. Д. 28. Л. 21–22.
¹⁵ Там же. Ф. 1015. Оп. 1, 4 (486 ед. хр. за 1793–1857 гг.).
¹⁶ Там же. Ф. 979. Оп. 1–4 (1978 ед. хр. за 1789–1866 гг.).
¹⁷ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 18, 35, 53, 58, 72, 96, 193, 236, 242, 263, 324.
¹⁸ Там же. Ф. 896. Оп. 1. Д. 208, 217, 226, 731а, 986.
¹⁹ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 6, 24, 43, 78, 361, 390, 405, 435, 508, 549, 842, 1023, 1125, 1210, 1223, 1268, 1383, 1470, 1606, 1730, 1838, 1841, 2062, 2064, 2125, 2221, 2222, 2328, 2408, 2456.
²⁰ Статистическое изображение городов и посадов в Российской империи по 1825 г. СПб., 1829; Таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделении МВД. СПб., 1842; Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1848–1858 Т. 1–17; Городские поселения в Российской империи. СПб., 1860.
²¹ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 73. Л. 3–15 об.
²² Там же. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1647. Л. 3–4 об., 11–18 об., 27.
²³ Там же. Л. 59.
²⁴ Там же. Л. 27–27 об., 31–35 об., 38.
²⁵ Першин С. В., Першина Т. А., Мкоян С. К. Сборы в пользу городских обществ в конце XVIII — середине XIX в. (по материалам средневоложских губерний) // Экономическая история. 2017. № 4. С. 29–30.
²⁶ Дитятин И. И. Указ. соч. Т. 2. С. 183–187.
²⁷ ГАИО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 296. Л. 2, 15–18.
²⁸ Там же. Д. 694. Л. 1–44 об.
²⁹ Там же. Д. 838. Л. 1–60 об.; Д. 839. Л. 1–69.
³⁰ Там же. Д. 1671. Л. 1–40 об.
³¹ Там же. Д. 3188. Л. 1–57.
³² Там же. Д. 4176 Л. 1–60.
³³ Там же. Д. 2417. Л. 1–2 об., 7–8, 15–17.
³⁴ Там же. Д. 2464. Л. 1–27.
³⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 28. СПб., 1830. № 21131. С. 22–30.
³⁶ ГАИО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 5015. Л. 1–105.
³⁷ Там же. Ф. 896. Оп. 1. Д. 119. Л. 226–237 об.
³⁸ Там же. Д. 119. Л. 232–253; Д. 121. Л. 1–14 об.
³⁹ Дитятин И. И. Указ. соч. Т. 2. С. 135–135.
⁴⁰ Там же. С. 183–183.
⁴¹ ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1445. Л. 44–46.
⁴² Там же. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–2, 5–6.
⁴³ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1842. Т. 4, кн. 2. Ст. 235. С. 300.
⁴⁴ ГАИО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 549. Л. 1–53.
⁴⁵ Там же. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 37, 38, 44, 60, 63, 82, 86, 89.
⁴⁶ Там же. Д. 36. Л. 1–7 об.
⁴⁷ Там же. Ф. 978. Оп. 1. Д. 922. Л. 1–14 об.
⁴⁸ Там же. Ф. 896. Оп. 1. Д. 348. Л. 1–1 об.
⁴⁹ Там же. Д. 549. Л. 5–6, 22, 44.
⁵⁰ Там же. Ф. 917. Оп. 1. Д. 836, 862, 1668, 1441, 1601, 1642.
⁵¹ Там же. Ф. 978. Оп. 1. Д. 922, 1021, 1494, 1496, 1514, 1525.
⁵² Там же. Д. 1445. Л. 9–13.
⁵³ Кириллов А. К. От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск, 2017. С. 27.
⁵⁴ ГАИО. Ф. 917. Оп. 1. Д. 1679. Л. 3–5.

А. А. Капустина

Торговля чаем в Оренбургской губернии во второй половине XIX — начале XX века по материалам Объединенного государственного архива Оренбургской области

Во второй половине XIX — начале XX в. чай являлся важным и доступным продуктом питания, товаром, связывающим между собой Восток и Запад, был неотъемлемой частью быта многих народов.

В настоящее время основным предметом интереса исследователей является организация чайной торговли в масштабах всей Российской империи — как комплексного феномена, включающего проведение торговых операций (условия торга и закупки чая, транспортные проблемы, система посредничества), а также проблемы контрабанды чая и его фальсификация — изготовление суррогатов (К. А. Абдрахманов, И. А. Соколов). Однако встречаются публикации, посвященные региональной истории и развитию чайной торговли в Восточной Сибири (А. И. Кожухарь), Уфимской (М. И. Роднов, В. И. Макарова) и Нижегородской (Е. В. Бакалдина) губерниях. Анализ историографии по изучаемому вопросу позволил установить пробел в изучении оренбургской чайной торговли.

Виды чая, ввозимые в Оренбургскую губернию в XIX веке

С самого начала своего существования Оренбург являлся важным военным и торгово-экономическим центром на границе Российской импе-

рии и стран Азии. Основными направлениями торговли являлись среднеазиатские ханства (Хивинское и Бухарское), Индия, Афганистан, киргизская степь и Китай. Товары подлежащие торгу также были разнообразны — из Азии в Российскую империю отправлялись скот (лошади, верблюды, крупный и мелкий рогатый скот), сельхозпродукция (хлопок, зерно), сырьевые материалы (верблюжья шерсть, козий пух, овчина), кожа, меха, сухофрукты, мануфактурные изделия азиатского производства, драгоценные металлы (персидское серебро), драгоценные камни; из Российской империи в Азию вывозилась продукция российских мануфактур, железные изделия, бакалейные товары, москательные товары (краски, клеи, технические масла и др.). Одним из пищевых продуктов, участвовавших в торговле, был чай.

Документы ОГАОО, свидетельствующие о чайной торговле периода до 1917 г., немногочисленны, но позволяют судить о видах чая, ввозимых в Оренбургскую губернию в XIX в. и продавшихся в Оренбурге.

Долгие годы ключевым пунктом Великого чайного пути — торгового маршрута, связывавшего Азию и Европой, благодаря которому чай распространялся по всей России, — являлся пограничный г. Кяхта. Статус Кяхты как главного

центра русско-китайской торговли и чайной торговли в частности был определен еще в XVIII в. на основании Буринского договора от 20 (31) августа 1727 г. и Кяхтинского договора от 21 октября (1 ноября) 1727 г. между Российской империей и Китаем.

Благодаря кяхтинскому тарифу от 28 ноября 1841 г. из фондов ОГАОО, можно ознакомиться с перечнем привозных товаров, проходивших таможенный контроль в Кяхте. Помимо чая в тарифе представлены «алмазы и дорогие камни, аптекарские лекарства, бумажные материи, бусы всяких цветов по воску, крупные и мелкие, вино виноградное тарасунь и всякое, всееры всякия, жемчуг натуральный, звери живые всякие, китайка всяких разборов, краски и лак всякий, платочки называемые ходаки¹, посуда, шелк» и многое другое.

Виды чая, упомянутые в тарифе, также разнообразны: «чай зеленый, ланзунский, холунтунский, чанковский и пекинский или жемчужный»; «чай зеленый простой в бакчах и насыпной»; «чай черный в цибиках и бакчах, байховый, также уй»; «чай каменный» и «чай лугань и кирпичной, и всякой плохой»². Пошлины на чай также устанавливались разные — в зависимости от сорта (см. таблицу).

В фонде канцелярии оренбургского генерал-губернатора сохранилась выписка из «Именного указа Его императорского Величества “Об облегчении по Кяхтинской торговле” из Правительствующего сената господину оренбургскому и сармскому военному губернатору» (опубликован в «Сенатских ведомостях» за 1852 г.). Выписка содержит информацию об Указе от 17 ноября 1848 г., предполагавшем «допущения для поддержания кяхтинской торговли на три года с 1849 по 1852 год разных облегчений» и продлении его действия в следствие «оправданной опытом пользе, впредь до дальнейшего усмотрения». В документе упомянуты такие чаи, как «ординарный торговый чай», «цветочный и высшие сорта зеленого», «зеленый простой, в бакчах и насыпной, каменный, луган, кирпичный и известный под названием плохой». «Кантонные чаи», согласно документу, подлежали конфискации³. Кантонным чаем назывался чай, который попадал в Российскую империю через Европу, а в Европу доставлялся из китайского порта Кантон (ныне Гуанчжоу) морским путем. Он был более низкого качества, чем кяхтинский и продавался дешевле.

Пекинский или жемчужный чай, попадавший в Российскую империю через Кяхту, представлял собой гранулы серо-зеленого цвета, напоминающие порох, в следствие чего от англичан и голландцев получил соответствующее название — «пушечный порох». Листья, из которых делали пороховой чай, сначала вялили, затем пропаривали, а после скручивали в шарики и сушили. Например, ныне известно несколько видов жемчужного (пушечного) чая, среди которых «порох пиншуй» из провинции Чжэцзян, «формозский порох», выращенный в Тайване недалеко от Килунга. Отдельно следует назвать «цейлонский порох», выращиваемый в Шри-Ланке.

Под ординарными, или обыкновенными чаями подразумевались чаи низкой категории, доставлявшиеся торговцами, проживавшими в провинции Шаньси. В связи с этим недорогие сорта такого чая в первой половине XIX в. было принято ошибочно называть сансинскими⁴. Характерной особенностью этого чая был слабый красноватый оттенок. Ординарные чаи были более доступны рядовому населению в городах, подавались в трактирах и чайных.

Фамильными (иногда фамильными цветочными) назывались чаи высшей категории, часто имевшие янтарно-малиновый цвет и «вкус более мягкий и полный»⁵ и продававшиеся с указанием фамилии плантаторов-производителей или купцов⁶. Об особенностях создания цветочного чая в середине XIX в. можно узнать из статьи «Чай и кофей» в журнале «Вокруг света» за 1861 г. из фондов научно-справочной библиотеки ОГАОО:

Перед укупоркой в них кладется несколько жасминовых и розовых цветов и еще пахучие цветы одного вида камелии, только не самого чайного кустарника, потому что его цветы ничем не пахнут и в настое на кипятке отзываются сеном или вениками. Так называемый цветочный чай вовсе не состоит из цветов чайного кустарника, которых пить никто не станет, а из молодых чайных листьев, которые собираются весной <...> как молодые побеги камелии дают всегда листья различной величины, так точно и чайный кустарник; самые мелкие, недавно распустившиеся листья самого светло-зеленого цвета собираются в особые корзины, отдельно от более зрелых листьев и отдельно от листьев прошлогодних, которые также как и у камелии отличаются темную почти черную своей зеленью⁷.

Размеры пошлины на чай в зависимости от сорта. Кяхтинский тариф 1841 года⁸

Наименование из росписи № 1 привозным товарам Кяхтинского тарифа от 1841 г.	Пошлина серебром с числа / меры / веса / цены
Чай зеленый, ланзунский, холунтунский, чанковский и пекинский или жемчужный	75 копеек с фунта
Чай зеленый простой в бакчах и насыпной	47 копеек с фунта
Чай черный в цибиках и бакчах, байховый, также уй ⁹	60 копеек с фунта
Чай каменный	10 копеек с фунта
Чай луган и кирпичный и всякой плохой	6 копеек с фунта

В книге «Картины растительности Земного шара» Людвиг Рудольф (1861, составитель А. Н. Бекетов) также упоминается использование цветов «чайной розы (*Rosa indica odoratissima*), жасмина, цветов *Olea fragrans* и листьев камелии (*Camelia sasanqua*)» для создания цветочного чая. В статье «Китайский чай» автор пишет:

В только что сорванных листьях <...> не заметно ни того аромата, ни того вкуса, который имеют они впоследствии. Свойства эти приобретаются от способа приготовления <...> и от того, что китайцы искусственными средствами усиливают благовоние чая, приводя его в соприкосновение с душистыми цветами...

Отдельно автор рассказывает об изготовлении другого вида чая — черного:

Листья кладут в большие решета и ставят их над кипящей водою, пары которой проникают в листья, или же на полминуты опускают их просто в кипятки, а потом подсушивают на горячих сковородах, изредка катая их между тем голыми руками на разные манеры, определяющие различные сорта чая¹⁰.

Другой вид чая, более дешевый и доступный для населения, — кирпичный чай — представлял собой блоки из цельных или мелко измельченных черных, зеленых или ферментированных чайных листьев, которые были упакованы в формы и спрессованы в блоки. Не следует путать его с плиточным чаем, производство которого было внедрено иркутским купцом П. А. Пономаревым, чтобы уменьшить ввозную пошлину: он прессовал качественный черный чай в плитки, а пошлину платил как за кирпичный чай¹¹. Кирпичный чай был более распространен у народов Сибири, особенно у калмыков и бурят, а также среди кочевых народов в киргизских степях.

В фонде канцелярии оренбургского генерал-губернатора сохранилось письмо министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену от 20 февраля 1829 г., в котором содержится информация об организации торговли с китайскими купцами в Кяхте, основанной на взаимной мене товаров, о том, как те «мало доставляют туда изделий своих, могущих удовлетворять... существенным потребностям, а стараются всячески променивать... один только чай». Русские же купцы, в свою очередь, по словам К. В. Нессельроде, не могли «выменивать его (чая. — А. К.) более того количества, которое по опыту имеется надежда распродать; от сего весьма много... товаров разного рода, кои бы китайцы желали приобрести» оставались без обращения в торговлю.

В качестве решения сложившейся проблемы граф предлагал П. К. Эссену заняться поиском новых путей для продажи китайского чая:

В сем отношении представляют новый многочисленный класс потребителей кочевые народы, за Уралом обитающие, коих и нужно приучать <...> пить тот чай, особенно же кирпичный, могущий доставить им здоровую пищу по надлежащем приготовлении,

изъясненном в прилагаемой записке, и о коем должны иметь понятие и калмыки ставропольские. Так, можно бы, кажется, сделать первоначальные к тому опыты выдачею киргизам, в Оренбург приезжающим, для возбуждения в них большей охоты в виде подарков по несколько брусков кирпичного чая, обратив нужные для сего расходы на сумму, отпускаемую по штату Оренбургской пограничной комиссии, на угощение азиатцев...¹²

В приложении к письму также содержался рецепт приготовления кирпичного чая:

Взять кусок чайного кирпича, соразмерно числу употребляющих истолченный мелко в ступке и сей порошок высыпать в чугунную чашу, стоящую на огне с кипящею водою, потом варить около получаса, положив туда же несколько соли и сливок, или молока и масла, когда сей бульон хорошо уварится, сливая его в особый кувшин и пьют горячий. Можно примешивать в кирпичный чай, без молока, крупу, поджаренную прежде на сале или масле и вскипятить все сие и употреблять как похлебку. Монголы тот и другой чай пьют обыкновенно небольшими деревянными чашками¹³.

Похожий рецепт сохранился и к концу XX в. В брошюре «Все о чае» Государственного НИИ информации и технико-экономических исследований пищевой промышленности Россельхозакадемии способ приготовления кирпичного чая (монгольского и его варианта — калмыцкого) расписан более подробно. Основными компонентами его являлись: зеленый кирпичный чай, молоко, масло, крупа и соль. Составные элементы, кроме кирпичного чая, могли варьироваться. Например, молоко могло быть коровье, козье, кобылье, овечье, а иногда и верблюжье, масло могло отсутствовать или заменяться топленым салом (говяжьим, бараньим); мука могла быть пшеничной, ячменной, ржаной и дополняться рисом, пшеном (гаоляном). Иногда наряду с солью добавлялся черный перец горошком или лавровый лист, реже — мускатный орех¹⁴.

Торговля чаем в Оренбурге

Одним из наиболее известных торговцев чаем в Оренбурге стала фирма «А. Зарынов с сыновьями» учрежденная в 1866 г.¹⁵, учредителем которой являлся купец Иван Алексеевич Зарынов, выходец из Нижегородской губернии. Сначала торговля семьи Зарыновых (чайная и мануфактурная) была временной — только во время ярмарок на меновом дворе, а затем стала постоянной. Фирма занималась «оптовой продажей мануфактурных товаров, чая и сахара», «развеской и обандероливанием чаев под правительственным контролем», имела в собственности паровые мельницы: «просообдирочную — для выработки пшена, мукомольную — для высокого и простого размола»¹⁶.

В 1897 г. на базе фирмы был учрежден торговый дом «Алексей Зарынов с сыновьями» на правах полного товарищества, членами-распорядителями которого стали Иван, Федор, Яков Зарыновы. С 1 января 1898 г. весь актив и пассив оренбургского купца 1-й гильдии А. И. Зары-

нова полностью был передан торговому дому «Алексей Зарывнов с сыновьями», получившему широкую известность не только в Оренбурге, но и по всей России.

В ОГАОО на хранении находится фонд Ф-155 «Торговый дом “Алексей Зарывнов с сыновьями”» — 73 ед. хр. за 1898–1918 гг. При этом фонд торгового дома является единственным фондом частной торговой фирмы за период до 1917 г. Среди документов фонда особый интерес представляют «свидетельства на личные и промысловые занятия, выданные приказчиком Торгового дома “Алексей Зарывнов с сыновьями”». По сравнению с общим массивом представленных свидетельств документы «на работу в чайнорассыпное заведение», «чайную торговлю Зарывновых» и «чайно-сахарную торговлю» немногочисленны, но подавляющее их число выдано торговым домом именно выходцам из Нижегородской губернии, среди которых купец Федор Матвеевич (Шабашев), крестьяне Андрей Кузьмич Железнов, Михаил Кирович Агафонов¹⁷ и др.

Факт найма Зарывновыми нижегородцев для чайной торговли позволяет сделать вывод о сохранении деловых связей купеческой семьи с Нижним Новгородом и о том, что оборот их торговли требовал привлечения наемных работников (приказчиков, поверенных, рабочих, возчиков). Нижегородская губерния во второй половине XIX в. являлась крупным центром не только внутренней торговли различными товарами, но и перевалочным пунктом на естественном пути между Западом и Востоком и центром чайной торговли в России. Четверть всего предлагаемого на ярмарке составляли заграничные товары. Первое место среди них занимали китайские продукты, в основном это были тысячи тюков чая: черного, цветочного и зеленого.

Седьмого ноября 1899 г. был открыт чайный магазин торгового дома «Алексей Зарывнов с сыновьями» на северной стороне гостиного двора, рядом с магазином Михайло-Архангельского братства¹⁸. Согласно балансовым книгам торгового дома, в период с 1897 по март 1915 г. семья Зарывновых имела в собственности чайный магазин, чайную лавку и чаерассыпное отделение¹⁹. Начало Первой мировой войны 1914–1917 гг. негативно сказалось на чайной торговле — как на поступлении в страну чая, так и на платежеспособности населения, что, по нашему мнению, могло стать одной из причин уменьшения доходов и баланса чайных заведений торгового дома с 1914 г. и их постепенного упадка.

Тем не менее книга регистрации счетов торгового дома «Алексей Зарывнов с сыновьями» позволяет судить об ассортименте чайного магазина и чайной лавки в 1900–1910 гг., который включал в себя не только разные виды чая, но и какао, кофе, фруктовые напитки и «различные сладости»: «печенье, мармелад, шоколад, конфеты разные, цукаты, монпансье»²⁰.

Среди используемых в книге наименований нет тех, которые мы встречаем в таможенных

тарифах, например «фамильный или ординарный» или «цветочный, байховый, черный» и т. п. Вместо этого использованы условные обозначения, такие как «красная этикетка», «прессованный чай», «плиточный чай»²¹. Подобные обозначения препятствуют определению сортов чая и не дают представления о том, являлись ли они чаями или были суррогатами. Отдельно также упомянуты «чай золотниковый» и кирпичный чай, знакомый нам по таможенным тарифам. Ассортимент кофе и какао, напротив, более разнообразен: «ливанский кофе», «желудковый кофе» (из желудей), «кофе мокко», «кофе жареный», «гималайское жито», «какао ячменное», «какао эсмеральд», «какао овсяное», «какао голландский»²². В книге регистрации развески и обандероливания чаев для продажи торгового дома «Алексей Зарывнов с сыновьями» за 1904 г. также можно встретить чаи «красная этикетка», «зеленая этикетка» и цейлонский²³.

Быстрый прирост числа жителей Оренбурга во второй половине XIX — начале XX в., особенно усилившийся после открытия железной дороги между Оренбургом и Самарой в 1877 г., привел к значительному увеличению покупателей у местных купцов. Для удобства сбыта товаров и предоставления покупателям более широкого ассортимента продукции оренбургским предпринимателям приходилось расширять имеющиеся торговые площади²⁴.

Большое количество бакалейных и чайных магазинов в конце XIX — начале XX в. располагалось на ул. Николаевской и Гостинодворской в частных домах. Например, оренбургский предприниматель греческого происхождения Александр Николаевич Захо владел чайным и бакалейным магазином, располагавшимся «в доме, арендованном у купчихи Ладыгиной» на ул. Николаевской²⁵. В городских периодических изданиях — «Оренбургской газете», «Оренбургской жизни», «Оренбургских губернских ведомостях» и других — содержится красочная реклама магазинов А. Н. Захо с преискурантом. Так, в объявлении, опубликованном в газете «Оренбургский листок» в 1876 г., можно прочесть:

В магазин получена партия свежего кяхтинского вымена чая по нижеследующему преискуранту. Сансинской высший сорт — 1 руб.; фамильный — 1 руб. 20 коп. за фунт; красенький — 1 руб. 40 коп. за фунт; красенький ароматический — 1 руб. 60 коп. за фунт; непкэо ароматический — 1 руб. 80 коп. за фунт; черный лянсин — 2 руб. за фунт; царская роза — 2 руб. 30 коп. за фунт; индийская роза — 2 руб. 50 коп. за фунт. В магазине имеются также желтые и зеленые чаи²⁶.

Чай лянсин, упомянутый в заметке, — это адаптированное название китайского зеленого чая лунцзин («Колодец дракона»).

Согласно «Справочнику по городу Оренбургу...» Г. Я. Галактионова за 1915 г. помимо упомянутого выше торгового дома «Алексей Зарывнов с сыновьями» и магазина А. Н. Захо на ул. Николаевской в Оренбурге на Главной

рыночной площади размещались чайные магазины товарищества «Караван» (ул. Троицкая, 26), Ф. и П. Панкратовых, С. В. Перлова и фирмы «С. Серяков с сыновьями». Также по адресу: пер. Соляной, 35, в Оренбурге размещался склад чая московской компании «В. Высоцкий и К^о» — крупнейшей чаепромышленной фирмы в дореволюционной России²⁷.

Торговля чаем велась не только в Оренбурге. Оренбургские купцы вывозили его на продажу в киргизскую степь, о чем сохранились сведения в фонде Оренбургской пограничной таможни, в таможенных книгах на отвозные товары. Так, например, в списках за 1866 г. упомянуты: «оренбургский купеческий брат Василий Деев» с чаем в объеме «шестьдесят фунтов по 1 р. 15 копеек»; «оренбургский купец Николай Карандаков» с чаем в объеме «тридцать четыре фунта по 90 коп»; «оренбургский купеческий брат Петр Деев»; «оренбургский купец и почетный гражданин Иван Путолов» с чаем в объеме «сорок фунтов по 1 руб.», а также оренбургская купчиха Пелагея Ануфриева, оренбургский купец Иван Панфилов, оренбургский купец Алексей Федоров и др. В качестве мест проведения торгов указывались Бухарское ханство, киргизская степь, форт Перовский (ныне г. Кызылорда Республики Казахстан) — «для продажи жителям и промена киргизам товара», форт № 1 (Казала, ныне г. Казалинск Республики Казахстан) — «для продажи жителям и чинам гарнизона»²⁸.

Существуют и документы, свидетельствующие о попытках наладить импорт и экспорт чая между Оренбургской губернией и странами Азии. В отчетах оренбургского и самарского генерал-губернатора В. А. Перовского за 1851–1852 гг. сказано:

...Караваны в города Оренбург, Орск и Троицк приходят по-прежнему из Хивы, Бухары, Ташкента <...> привоз чаю, открывшийся с 1845 г., возрастает постоянно, что происходит преимущественно от удобства доставки чаев из Чугучака²⁹, сравнительно с доставкой... из Кяхты³⁰.

В фонде канцелярии оренбургского генерал-губернатора есть и другой интересный документ — «письмо Главного управления путей сообщения и публичных зданий Особенная канцелярия главноуправляющего оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В. А. Перовскому» от 28 июля 1856 г., содержащее нереализованный проект-предложение по строительству железной дороги на перешейке между Каспийским и Аральским морями для создания кратчайшего и удобного сухопутного пути для перевозки в Оренбургскую губернию из Афганистана, Персии, Индии и Западного Китая таких товаров, как «хлопчатобумажные изделия, виноградное вино, плоды (фрукты), хлебные растения и чай».

В обосновании проекта в письме указано:

Такая дорога заменила бы трудные окольные караванные следования, сосредоточила бы торговлю

сопредельных стран, доставила бы нашим товарам самый отдаленный сбыт, могла бы даже обогатиться выгодами кратчайшего и удобнейшего транзита и в то же время была бы путем исключительно русским, свободным от всякого совместительства и постороннего вмешательства³¹.

...Важный предмет нашего привоза, чай, доставляемый из Пекина в Кяхту, идет сперва более 3000 верст трудными и дорогими путями до столицы Китая, где уже увеличивается в цене втрое против места производства. Направление того же чая не на Пекин и Кяхту, а на Кокан по реке Кианго и ее притокам, выбросило бы от 2 до 3 тысяч верст самого дорогого по Китаю сообщения, значительно удешевило бы товар и доставило бы нам возможность пересилить окончательно угрожающую нам английскую контрабандную конкуренцию. Значению Усть-Уртской плоскости как проводника торговой деятельности, определяется уже тем, что плоскость пересекают несколько караванных путей с Урала и Каспийского восточного берега в Хиву³².

Таким образом, торговля чаем в Оренбурге представляла собой динамично развивающийся сегмент рынка, оказавший влияние на экономическую и социальную жизнь города. Ассортимент, включавший не только различные сорта чая, но и кофе, какао, сласти, отвечал разнообразным потребностям оренбуржцев. Несмотря на эти трудности, история торговли чаем в Оренбурге остается ярким примером предпринимательской активности и региональной интеграции. Попытки налаживания торговли чаем из Азии, а также проекты по развитию сухопутных путей сообщения демонстрируют стремление Российской империи к расширению торговых горизонтов. В целом торговля чаем в Оренбургской губернии, будучи частью обширной сети российской и международной торговли, внесла свой вклад в формирование облика города и его экономическое развитие.

Примечания

¹ Хадаки — длинный узкий отрез материи, ритуальный шарф.

² ОГАОО. Ф. Ф-153. Оп. 1. Д. 140. Л. 4 об.

³ Там же. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 6604. Л. 1–2.

⁴ Абдрахманов К. А. Чайная торговля в Российской империи в середине XIX века // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 9. С. 255, 258.

⁵ Там же.

⁶ Павленков Ф. Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 3-е изд. Нью-Йорк, 1921. С. 583–584.

⁷ Вокруг света : журн. землеведения, естеств. наук, новейших открытий, изобретений и наблюдений. СПб., 1861. Т. 1. С. 157–161, 168–169.

⁸ ОГАОО. Ф. Ф-153. Оп. 1. Д. 140. Л. 4 об.

⁹ Чай, выращиваемый в горах Уи на севере провинции Фуцзянь.

¹⁰ Рудольф Л. Картины растительности Земного шара Людвиг Рудольфа / сост. А. Бекетов. М., 1861.

¹¹ Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая: с приложением двух карт, двух диаграмм, семи фототипий, двух гравюр, двух рисунков в тексте и библиографического указателя. СПб., 1892. С. 69.

¹² ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3487. Л. 1–2 об., 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Все о чае. М., 1990. С. 14–15.

¹⁵ ОГАОО. Ф. Ф-155. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

¹⁶ Там же. Д. 4.

¹⁷ Там же. Ф. Ф-153. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 32, 158.

¹⁸ Оренбургская газета. 1899 г. 16 нояб.

¹⁹ ОГАОО. Ф. Ф-155. Оп. 1. Д. 9, 22.

²⁰ Там же. Д. 10. Л. 2, 3, 4 об., 5, 20, 43.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. Д. 15.

²⁴ Бурлуцкая Е. В. Оренбург купеческий. Оренбург, 2019. С. 31, 32–33.

²⁵ Там же.

²⁶ Оренбургский листок. 1876 г. 31 окт.

²⁷ Галактионов Г. Я. Справочник по городу Оренбургу с тор-

гово-промышленным указателем и подробным планом города Оренбурга. Оренбург. 1915. С. 51; Список абонентов Оренбургской правительственной телефонной сети на 1916–1917 год. Самара, 1916. С. 43, 105.

²⁸ ОГАОО. Ф. Ф-153. Оп. 1. Д. 259. Л. 39 об. — 46 об., 53 об., 71 об., 72 об., 73 об., 89 об., 92 об., 93 об., 99 об., 141.

²⁹ Пограничный город в Китае.

³⁰ ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 6. Д. 12979/15. Л. 140–140 об.

³¹ Там же. Д. 13463. Л. 2 об.

³² Там же.

Н. Н. Назаренко

Производство зерна в Уральской области РСФСР в 1932–1933 годах¹

Проблема производства зерна в начале 1930-х гг. является важной с точки зрения оценки эффективности сельского хозяйства СССР в связи с процессами коллективизации. Также важнейшей проблемой является вопрос о размерах урожая 1932 г. как фактора голода 1932–1933 гг.² В подавляющем большинстве публикаций исследователи подробно останавливаются на проблеме хлебозаготовок и, в меньшей степени, хлебофуражных балансов. Оценка урожая и урожайности зерновых культур в начале 1930-х гг. рассмотрены в меньшей степени. Поскольку Урал (в административных границах Уральской области РСФСР и далее других областей в этих границах) историки относят к ареалу голода 1932–1933 гг., проблема зернопроизводства в этом регионе также требует рассмотрения.

Урожайность зерновых на Урале рассматривали исследовавшие голод 1932–1933 гг. Р. Дэвис и С. Уиткрофт. Они осветили вопрос зернопроизводства начала 1930-х гг. по всему СССР (зерновые культуры, величина валовых сборов, посевной площади и урожайности)³. По Уральской области в целом и по колхозному сектору эти показатели приводятся по всем зерновым без разбивки на культуры⁴. М. Таугер также рассматривает производство зерна в СССР без разбивки на культуры⁵, а по Уральской области приводит данные по колхозам⁶. Однако им анализируется прогноз урожайности в Уральской области в 1932 г.⁷ Данные по колхозам Уральской области приводит С. А. Нефедов, однако не вполне понятно, какой «урожай» и каких культур имеется в виду (в таблице указано «средний сбор» в центнерах с гектара)⁸. Также указана урожайность по Уральской области на 1 августа 1932 г., но без указания культур и пояснения, какая это урожайность⁹.

Историография аграрных исследований на Урале детально рассмотрена в работах уральских исследователей¹⁰. Приводятся достаточно подробные данные по динамике урожайности и валовой продукции ведущих зерновых культур во второй половине 1920-х — первой трети 1930-х гг.¹¹ как по всей Уральской области, так и в разрезе географических зон. Однако зоны тяжело сопоставляются с административно-территориальными единицами. Также указывается, что снижение урожайности зерновых культур в рассматриваемый период было обусловлено нарушением агротехники и агрокультуры, недо-

статком инвентаря, техники и тяглового скота, а также погодными условиями¹². Указывается, что 1931 и 1932 гг. оказались особенно критичными для аграрного производства на Урале. Однако для погодных условий нет отдельной оценки по озимым и яровым зерновым, поскольку они имеют разные требования к погодным условиям, а также нет сопоставления фактических показателей урожайности с прогнозируемыми годовыми и средними многолетними величинами с учетом удельного веса культур в пахотном клоне.

Таким образом, задача данной работы — оценка зернопроизводства в Уральской области в контексте голода 1932–1933 гг., исходя из погодной обеспеченности урожайности с учетом удельного веса яровых и озимых зерновых.

В отечественной историографии есть пример оценки урожайности, исходя из погодных условий, которая была выполнена для Поволжья В. Н. Павловой по просьбе В. В. Кондрашина в рамках его кандидатского диссертационного исследования¹³. Однако упоминаемая методика О. Д. Сиротенко¹⁴ предполагает расчет биоклиматического потенциала, который соответствует биологической продуктивности яровой пшеницы. Такая оценка только по одной культуре без анализа удельного веса ведущих зерновых культур и в связи с тем, что в монографии не приводятся сами показатели урожайности и ее «средней нормы», является, по нашему мнению, неполной.

В агрометеорологии для оценки урожайности традиционно используют показатель ее климатической обеспеченности (КОУ), который рассчитывается по величинам температур и по сумме осадков¹⁵. На основе показателей среднемесячных температур¹⁶ и среднемесячной суммы осадков¹⁷, а также средних многолетних значений этих показателей¹⁸ рассчитывались показатели КОУ для ведущих зерновых культур в Уральской области в 1932–1933 гг. Поскольку 1931 г. исследователями полагается критическим по погодным условиям, расчет КОУ выполнялся и для этого года. В итоговой оценке использованы данные станций и постов, по которым есть величины осадков и температур и которые попадают в зону температурного минимума для зернопроизводства: 11 в Пермском крае (на то время Молотовская область), 11 в Свердловской, 8 в Тюменской,

20 в Челябинской и 16 в Курганской областях. Далее рассчитывались средние КОУ по температуре и осадкам, из которых определяющим был меньший. Полученные величины КОУ сопоставлялись с фактической урожайностью 1932–1933 гг. (для 1931 г. сопоставимых данных пока обнаружить не удалось) в административных границах 1944 г.¹⁹, сопоставляемых с современными и территориально составлявших Уральскую область в 1930-х гг., и с минимальными показателями урожайности в годы Великой Отечественной войны (1942–1944).

Сопоставление удельного веса ведущих зерновых культур в пахотном клине Урала в 1932–1933 гг. (табл. 1) показывает, что в Молотовской области лидировала озимая рожь. В связи с чем при оценке погодных условий необходимо обращать внимание на зимний период и начало весны, критические для этой культуры. Также в течение двух лет резко сменили удельный вес в зерновом клине яровая пшеница и просо. Что, вероятно, предполагало серьезные проблемы, в том числе погодные, с посевной кампанией, когда в хозяйствах было высеяно менее требовательное просо (видимо, сыграл роль традиционный крестьянский подход: если не хочешь остаться без зерна, сей просо). В Свердловской области удельный вес базовых продовольственных яровых и озимых (рожь) зерновых более сбалансированный с преобладанием яровых, однако наблюдается сходная ситуация с посевами проса.

На юге (Челябинская, Курганская и аграрный юг Тюменской области) было значительное преобладание яровых зерновых с лидирующим положением яровой пшеницы. В связи с чем при анализе погодных условий основное внимание необходимо уделять весенне-раннелетнему периоду.

Рассматривая прогнозируемую урожайность по ведущим зерновым культурам на Урале в начале 1930-х гг. и средним многолетним (табл. 2), видим, что на севере региона урожайность

в большинстве зависела от температурных условий, а на аграрном юге (Челябинская, Курганская, Тюменская области) — от осадков. Однако 1931 г. резко отличается не только самой низкой прогнозируемой урожайностью по всем культурам, но и тем, что урожайность по всему региону определялась уровнем осадков. Во всех работах по агроклиматологии 1931 г. указывается для СССР как засушливый, что, видимо, сказалось и на урожайности в Уральском регионе.

Также видно, что прогнозная урожайность 1932 г. по всему Уралу по всем ведущим зерновым либо ненамного меньше средней многолетней, либо превышает ее. То есть упоминаемые в историографии виды на средний («неплохой») урожай зерновых 1932 г. подтверждаются данными расчета. При этом на востоке региона (юг Тюменской области) погодные условия также, видимо, были аномальными, поскольку прогноз урожайности большинства яровых определялся температурами. Также при сопоставлении фактической и прогнозируемой урожайности видно, что сельское хозяйство тех лет критически зависит от погодных условий.

По озимой ржи в 1932–1933 гг. прогнозируемая урожайность сопоставляется с фактической. Последняя была даже несколько выше, что не указывает на проблемы в аграрном секторе на севере, особенно в Молотовской области.

Сопоставление прогнозируемой и фактической урожайности 1932–1933 гг. по яровым культурам показывает зерновую катастрофу, особенно на аграрном юге, где эти культуры преобладали. По яровой пшенице фактическая урожайность в 1932 г. в два, на юге в три-пять раз ниже, чем прогноз, и ненамного превышает минимальные значения 1942–1944 гг. Катастрофическая ситуация была с яровым ячменем на юге и просом во всем регионе: прогнозируемая и фактическая урожайность в большинстве регионов различалась в пять и более раз, а то и была ниже минимума (1942–1944).

Зерновую катастрофу показывает сравнение прогноза и факта хлебофуражных балансов

Таблица 1
Посевные площади ведущих зерновых культур на Урале в 1932–1933 годах, тыс. га²⁰

Область*	Год	Культура					
		Озимая рожь	Яровая пшеница	Яровой ячмень	Овес	Просо	Гречиха
Молотовская	1932	417,4	73,1	99,8	299,5	121,2	52,6
	1933	424,2	114,8	133,1	392,3	38,8	60,3
Свердловская	1932	157,5	293,0	145,0	182,3	179,9	17,8
	1933	192,4	328,4	88,4	268,5	39,9	21,1
Челябинская	1932	196,4	601,1	26,9	169,6	140,0	4,0
	1933	155,2	567,4	22,8	185,9	118,1	5,1
Курганская	1932	220,0	912,8	31,3	209,2	311,8	8,2
	1933	291,1	891,9	33,7	277,5	214,8	7,7
Тюменская	1932	149,5	263,9	20,2	113,1	54,8	9,2
	1933	139,4	278,2	17,9	154,6	56,6	11,6

* Области в административных границах 1944 г. сопоставляются с современными.

Таблица 2

**Прогнозируемая и фактическая урожайность ведущих зерновых культур
на Урале в 1932–1933 годах, ц/га**

Область	Прогноз				Факт ²¹		
	1931 г.	1932 г.	1933 г.	Многолет- ний	1932 г.	1933 г.	1941– 1945 гг. ^{**}
<i>Озимая рожь</i>							
Молотовская	8,2*	10,6	8,9	9,4	10,1	10,3	6,4
Свердловская	6,8*	9,2	8,3	9,5	10,1	10,3	7,2
Челябинская	5,2*	8,7*	7,9*	10,3*	8,1	6,0	4,9
Курганская	4,4*	10,1*	6,9*	9,2*	8,4	8,7	5,6
Тюменская	6,3*	8,0	6,7*	10,2*	10,3	10,5	6,5
<i>Яровая пшеница</i>							
Молотовская	15,0*	18,7	15,7	16,6	8,2	8,2	7,7
Свердловская	12,3*	16,3	14,7	16,8	5,9	8,5	8,6
Челябинская	9,5*	15,9*	14,5*	18,8*	4,4	5,2	4,0
Курганская	8,0*	18,4*	12,6*	16,8*	4,0	6,2	4,9
Тюменская	11,6*	14,2	12,2*	18,6*	5,9	7,9	5,1
<i>Яровой ячмень</i>							
Молотовская	10,8*	14,5	12,2	12,8	4,0	7,0	9,8
Свердловская	8,8*	12,6	11,3	13,0	7,5	8,5	9,1
Челябинская	6,8*	11,3*	10,4*	13,5*	2,3	6,3	5,0
Курганская	5,7*	13,2*	9,0*	12,0*	2,2	6,5	4,5
Тюменская	8,3*	11,0	8,7*	13,3*	5,9	7,4	7,0
<i>Овес</i>							
Молотовская	9,1*	13,8	11,6	12,3	8,8	8,0	8,6
Свердловская	7,5*	12,0	10,9	12,4	7,2	8,7	10,6
Челябинская	5,8*	9,6*	8,8*	11,4*	2,4	5,1	6,0
Курганская	4,8*	11,2*	7,6*	10,2*	2,5	4,6	6,1
Тюменская	7,0*	10,5	7,4*	11,3*	6,8	7,9	7,4
<i>Просо</i>							
Молотовская	8,5*	13,8	9,6	12,3	1,3	2,4	2,1
Свердловская	6,9*	9,9	10,3*	11,8*	2,6	3,3	0,5
Челябинская	5,3*	8,9*	8,2*	10,6*	2,6	4,5	2,3
Курганская	4,5*	10,4*	7,1*	9,4*	2,4	4,3	2,3
Тюменская	6,5*	8,6	6,9*	10,4*	4,2	4,7	2,1
<i>Гречиха</i>							
Молотовская	4,9*	9,9*	6,0*	8,8*	5,2	5,1	3,7
Свердловская	4,1*	7,9*	6,0*	6,9*	6,6	6,3	5,3
Челябинская	3,1*	5,2*	4,8*	6,2*	5,5	7,0	3,5
Курганская	2,6*	6,1*	4,1*	5,5*	5,2	6,5	4,1
Тюменская	3,8*	7,9*	4,0*	6,1*	6,6	7,4	3,5

* Ведущий фактор оценки — осадки, без «звездочки» — температура.

** Наименьшая урожайность наблюдалась в 1942–1944 гг.

1932/1933 сельскохозяйственного года (табл. 3). Так, фактический валовой сбор яровой пшеницы на 2,6 млн т (в 3,6 раза) меньше, чем прогнозируемый; по яровому ячменю «провал» почти в 2,7 раза, по просу — в 4,3 раза. По овсу разница между прогнозом и фактом превышает фактический урожай. Только по озимой ржи валовые сборы превысили прогнозируемые за счет северных и юго-восточных регионов, на юге (современная Челябинская и Курганская области) фактический урожай был меньше прогнозируемого.

Для части яровых культур разрыв прогноза и факта не настолько катастрофичен: по овсу разница прогноза и факта ниже только в будущих Челябинской и Курганской областях, а по гречихе эти величины сопоставляются. Однако овес является преимущественно фуражной культурой, а посевы гречихи в регионе были небольшими в сравнении с другими зерновыми. С учетом того, что яровая пшеница была основной на территории будущей Курганской и ведущей в будущей Челябинской области, голодовка на Урале объясняется катастрофическим неурожаем.

Таблица 3

**Прогнозируемый и фактический хлебофуражный баланс
ведущих зерновых культур на Урале в 1932/1933 сельскохозяйственном году, тыс. ц***

Область	Культура					
	Озимая рожь	Яровая пшеница	Яровой ячмень	Овес	Просо	Гречиха
<i>Прогнозируемые валовые сборы</i>						
Молотовская	4424,44	1366,97	1447,10	4133,10	1672,56	520,74
Свердловская	1449,00	4775,90	1827,00	2187,60	1781,01	140,62
Челябинская	1708,68	9557,49	303,97	1628,16	1246,00	20,80
Курганская	2222,00	16795,52	413,16	2343,04	3242,72	50,02
Тюменская	1196,00	3747,38	222,20	1187,55	471,28	72,68
Всего	11000,12	36243,26	4213,43	11479,45	8413,57	804,86
<i>Фактические валовые сборы²²</i>						
Молотовская	4717,00	599,00	749,00	2636,00	158,00	274,00
Свердловская	1596,00	1715,00	574,00	1304,00	468,00	118,00
Челябинская	1600,00	2646,00	62,00	410,00	363,00	22,00
Курганская	1844,00	3629,00	69,00	513,00	742,00	43,00
Тюменская	1545,00	1555,00	119,00	765,00	228,00	61,00
Всего	11302,00	10144,00	1573,00	5628,00	1959,00	518,00
<i>Разница между прогнозом и фактом</i>						
Молотовская	292,56	-767,97	-698,10	-1497,10	-1514,56	-246,74
Свердловская	147,00	-3060,90	-1253,00	-883,60	-1313,01	-22,62
Челябинская	-108,68	-6911,49	-241,97	-1218,16	-883,00	1,20
Курганская	-378,00	-13166,52	-344,16	-1830,04	-2500,72	-7,02
Тюменская	349,00	-2192,38	-103,20	-422,55	-243,28	-11,68
Всего	301,88	-26099,26	-2640,43	-5851,45	-6454,57	-286,86
Заготовки с гарнием ²³	4597,74	3490,29	414,97	1145,22	790,58**	
Остаток прогноз	6402,38	32752,97	3798,46	10334,23	8427,85***	
Остаток факт	6704,26	6653,71	1158,03	4482,78	1686,42***	
Разница прогноз/факт	301,88	-26099,26	-2640,43	-5851,45	-6741,43	

* Прогнозируемые данные рассчитаны по табл. 1–2.

** Крупяные культуры.

*** Сумма валового сбора проса и гречихи минус заготовки крупяных.

Указывает на это и сравнение заготовок зерновых на Урале с прогнозируемыми и фактическими валовыми сборами (табл. 3) и потребностью в продовольственном зерне для населения региона. (табл. 4)

В целом по Уралу (см. табл. 3, 4) заготовки продовольственных зерновых (озимая рожь, яровая пшеница и ячмень) в 8503 тыс. ц недостаточны для удовлетворения прогнозируемого потребления зерновых городским населением (9737 тыс. ц)

и даже с крупяными (92 936 тыс. ц) не перекрывают потребность в продовольственном зерне и крупах (10 093 тыс. ц). В связи с этим описываемые в историографии голодные проявления в уральских городах объясняются зерновой катастрофой в регионе. На селе же фактически оставался только необходимый объем продовольственных зерновых — остаток после заготовок продовольственных зерновых 14 516 тыс. ц (табл. 3) при прогнозируемом потреблении 14 379 тыс. ц.

Таблица 4

**Прогнозируемое (на 1933 год) потребление населением Урала зерна и круп
(области в границах 1934 года), тыс. ц***

Область	Население ²⁴		Зерновых культур			Крупяных культур		
	Город	Село	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
Свердловская	1 925 000	2 129 830	6314	6986	13 300	231	256	487
Обско-Иртышская	103 650	300 462	340	986	1325	12	36	48
Челябинская	939 800	1 953 615	3083	6408	9490	113	234	347
Уральская	2 968 450	4 383 907	9737	14 379	24 116	356	526	882

* Рассчитано из нормы 20 пудов²⁵ (3,28 ц) зерновых и 12 кг крупяных на человека.

Критической ситуация была на севере, где суммарные валовые сборы продовольственных зерновых (Свердловская и Молотовская области, табл. 3) в 99 500 тыс. ц были недостаточны для всего населения (13 300 тыс. ц, табл. 4). А валовые сборы продовольственных зерновых на аграрном юге и востоке (Челябинская, Курганская, Тюменская области) в 13069 тыс. ц неамного перекрывала потребность региона (Челябинская и Обско-Иртышская области, табл. 4) в продовольственном зерне в 10 816 тыс. ц. Фактически деревне больше нечего было дать городам из-за катастрофического неурожая, а хлебозаготовки в регионе, оставив минимальный уровень потребления на селе, не могли обеспечить городское население.

Таким образом, в 1932 г. в Уральской области наблюдалась зерновая катастрофа ведущих продовольственных яровых зерновых культур (яровая пшеница, просо, яровой ячмень), особенно на аграрном юге — в будущих Челябинской, Курганской и Тюменской областях. Урожай в северных регионах Урала не обеспечивал необходимый этому урбанизированному региону минимум зерновых и крупяных культур, а на аграрном юге валовые сборы были чуть выше необходимого минимума.

Объяснить зерновую катастрофу только нарушениями агротехники и связанными с организацией сельскохозяйственного производства причинами нельзя, поскольку по озимым и некоторым яровым культурам ситуация с урожайностью была либо в пределах оценки по средним многолетним величинам, либо не настолько катастрофической.

Предположительно, катастрофа могла быть связана с погодными условиями в критический период яровой пшеницы и проса или во время уборочной кампании, что требует дополнительной оценки и проверки по метеорологическим данным конкретных лет.

Такая катастрофа могла быть причиной голодовок на селе, где оставался необходимый минимум, и высокой смертности на севере Урала, где валовые сборы не перекрывали прогнозируемую потребность населения в продовольствии. Также такая ситуация объясняет острый продовольственный кризис в городах, где была критической зависимость от поставок продовольствия, не

удовлетворяемая региональными хлебозаготовками.

Примечания

¹ Автор благодарит Татьяну Николаевну Пучнину, главного библиографа сектора межбиблиотечного абонемент и электронной доставки документов Челябинской областной универсальной научной библиотеки, и коллектив библиотеки за помощь в получении и работе с редкими научными изданиями.

² Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2018. С. 164.

³ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. С. 64–256.

⁴ Davies R.W., Wheatcroft S.G. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger> (дата обращения: 11.05.2026).

⁵ Таузер М. Урожай 1932-го и голод 1933 г. // Голод, голодомор, геноцид. Киев, 2008. С. 112–154.

⁶ Там же. С. 133

⁷ Таузер М. Статистические фальсификации в Советском Союзе: практический сравнительный анализ — прогнозы, отсутствие объективности и доверия // Там же. С. 303.

⁸ Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013. С. 138

⁹ Там же. С. 152.

¹⁰ Филатов В. В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х — начале 1940-х гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 43 с. ; Баранов Е. Ю., Корнилов Г. Е., Лабзов В. Ю. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009. 632 с.

¹¹ Баранов Е. Ю., Корнилов Г. Е., Лабзов В. Ю. Указ. соч. С. 460, 464, 465, 476.

¹² Там же. С. 459, 479.

¹³ Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 169.

¹⁴ Сиротенко О. Д., Павлова В. Н. Методы оценки влияния изменений климата на продуктивность сельского хозяйства. С. 172. URL: http://downloads.igce.ru/publications/metodi_ocenki/05.pdf (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁵ Лосев А. П. Практикум по агрометеорологическому обеспечению растениеводства. СПб., 1994. С. 191–194.

¹⁶ Климатологический справочник СССР. Метеорологические данные за отдельные годы. Вып. 9-а. Л., 1954. С. 26–104 ; Вып. 17. Л., 1954. С. 11–22.

¹⁷ Водный кадастр Союза ССР. Метеорологические данные. Т. 2. Месячные и годовые количества осадков. Наибольшие суточные количества осадков. Л. ; М., 1940 ; Вып. 2. Л. ; М., 1940. С. 7 ; Вып. 7. Л. ; М., 1940.

¹⁸ Климатологический справочник СССР. Вып. 9. Свердловск, 1946. С. 22–31, 102–117 ; Вып. 17. Омск, 1947. С. 20–23, 78–83.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1409. Л. 24–25, 60–61, 75, 89–90, 120–121, 133–134.

²⁰ Составлено по: Там же. Л. 24–25, 60–61, 75, 89–90, 120–121, 133–134.

²¹ Там же. Л. 24–25, 60–61, 75, 89–90, 120–121, 133–134.

²² Там же. Л. 24–25, 60–61, 75, 89–90, 120–121, 133–134.

²³ Ежегодник хлебоборота за 1931–32, 1932–33 и предварительные итоги заготовок 1933 г. М., 1934. С. 20–22.

²⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18. Л. 83 об., 87 об., 88.

²⁵ Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство : избр. тр. М., 1989. С. 328.

В. С. Алешин, И. В. Сидорчук

На службе индустриализации СССР: научная деятельность Государственного опытно-исследовательского завода «Химгаз» в 1930-е годы

В последнее время среди представителей академического сообщества распространился интерес к истории советского сектора заводской науки — довольно малоизученного феномена, который бурно развивался в эпоху первых пятилетних планов народного хозяйства¹. На сегодняшний день нет

единого представления о смысловом содержании термина «заводская наука» в СССР. Ученый М. А. Гусаков писал об этой проблеме в 1983 г. следующим образом: «...если попытаться выяснить, что стоит за термином “заводская наука”, каковы ее функции, сколько работников занято в этой сфе-

ре, как ею управляют — в стране, отрасли, объединении, то однозначного ответа на эти вопросы получить не удастся»². По мнению авторов статьи, в 1930-е гг. сектор заводской науки состоял из четырех элементов: фабрично-заводских лабораторий, индивидуальной или коллективной изобретательно-рационализаторской деятельности, конструкторских бюро на предприятиях и некоторых промышленных объектов, главным образом ориентированных на исследовательскую и экспериментальную работу.

Настоящее исследование связано с заключительным элементом сектора заводской науки — научно-исследовательскими, экспериментальными предприятиями, активно функционировавшими в период форсированной индустриализации. От других производств их отличал преимущественный акцент на создание новых технологий и научных знаний в наиболее важных для государства сферах. По данным на 1934 г., в структуре Народного комиссариата тяжелой промышленности (Наркомтяжпром) состоял специальный Всесоюзный трест экспериментальных заводов³. Подобные предприятия осуществляли свою деятельность и в составе иных трестов. В статье речь пойдет о Государственном опытно-исследовательском заводе «Химгаз», действовавшем в крупном центре тяжелой индустрии, науки и образования — Ленинграде. «Химгаз» являлся частью треста авиационного топлива и масел Главного управления нефтяной промышленности Наркомтяжпрома⁴. Работа коллектива «Химгаза» была важна для партийно-государственной власти СССР, поскольку в начале 1930-х гг. в соответствии с запросом Высшего совета народного хозяйства СССР интенсивно разрабатывались многочисленные проблемы, связанные с крекингом нефти и ее фракций⁵.

Несмотря на масштабный вклад предприятия в нефтехимическую отрасль нашей страны, в предшествующей историографии деятельность завода «Химгаз» практически не осмыслялась⁶. В качестве исключения укажем на статью С. В. Телешова: в ней крайне сжато освещена история предприятия в контексте становления Всесоюзного научно-исследовательского института нефтехимических процессов (ВНИИНефтехим)⁷. При этом существует ряд небольших биографий отечественных ученых, трудившихся как на заводе «Химгаз», так и в обозначенном НИИ⁸. Однако какого-либо подробного и обобщающего академического труда по истории промышленного предприятия ранее создано не было.

Тем не менее благодаря хорошо сохранившимся историческим источникам авторам статьи удалось конкретизировать вклад ленинградского предприятия в индустриализацию страны и становление советской нефтехимии в последнее десятилетие перед Великой Отечественной войной. Источниковедческой основой исследования явились документы фонда ВНИИНефтехим (Р-293), расположенного в Центральном государственном архиве научно-технической документации Санкт-

Петербурга (ЦГАНТД СПб)⁹. Для написания данной работы в основном использовались подробные научно-технические отчеты или справки по истории завода, подготовленные его сотрудниками в предвоенный период.

В 1925–1938 гг. на заводе трудился, являясь в разные периоды директором, техническим директором, научным руководителем и главным инженером, М. Б. Маркович — советский химик-технолог, специалист в области высокотемпературной обработки твердых и жидких топлив, переработки непредельных газов и органического синтеза¹⁰. Будущий ученый родился в мае 1900 г. в Саратове в семье служащих, в 1917 г. окончил реальное училище, в 1922 г. — химическое отделение Технологического института в Петрограде¹¹. До 1925 г. М. Б. Маркович работал в центральной химической лаборатории треста «Грознефть», а также в Ленинградском политехническом институте¹². Заметим, что именно М. Б. Марковичу принадлежит первенство в установлении фактов, касающихся истории завода в дореволюционный период и первые годы советской власти.

Так, согласно исторической справке, подготовленной М. Б. Марковичем, завод «Химгаз» возник на основе завода «Блаугаз», принадлежавшего Русскому акционерному обществу¹³. «Блаугаз» был построен в 1912 г. немецким инженером Блау¹⁴. Это предприятие должно было производить так называемый блаугаз (жидкий газ), изначально предназначавшийся в то время лишь для осветительных целей¹⁵. «Блаугаз» никогда не работал на полную мощность, даже в годы Первой мировой войны, поскольку в этом не было заинтересовано правление акционеров¹⁶. После начала войны завод переименовали в «Нефтегаз», он, по характеристике М. Б. Марковича, «влачил жалкое существование», ибо правление завода практически не занималось заказами, связанными с блаугазом, предприятие постоянно не работало и преследовало лишь сугубо коммерческие цели, не имеющие отношения к науке¹⁷.

Пережив период военного коммунизма благодаря производству различных суррогатов бензина, «Нефтегаз» в 1921–1922 гг. оказался в руках эстонских концессионеров¹⁸. Концессия успеха не возымела, до середины 1920-х гг. предприятие неуклонно деградировало. К 1926 г. штат завода снизился до 20 человек, какие-либо активные производственные процессы велись лишь при помощи студентов ленинградских высших учебных заведений¹⁹. Казалось, приближается закрытие завода, однако трудный период оказался вскоре преодолен — с 1927 г. «Нефтегаз» начал наращивать производство блаугаза и превращаться в крупный исследовательский центр своей отрасли²⁰. Это оживление оказалось возможным благодаря тому, что заводчане занялись проблемой химической переработки непредельных продуктов крекинга²¹. В 1929 г. работы коллектива предприятия получили всесоюзное признание, а в 1931 г. завод обрел статус опытно-

исследовательского²². В 1930 г. завод переименовали в «Химгаз».

Как свидетельствуют документы, сотрудники «Химгаза» нередко отправлялись в региональные и заграничные командировки для изучения других производств, знакомства с видными специалистами отрасли и обсуждения насущных проблем академического характера в отношении нефтепереработки. К примеру, в июне 1932 г. сотрудник «Химгаза» Кедринский²³ отправился в Москву, Харьков и Донбасс (рубжанские заводы) для расширения собственных знаний, ознакомления с постановкой исследовательской работы в разнообразных организациях, применением методов органического синтеза в промышленности²⁴; сотрудник предприятия Пайгонков²⁵ в августе 1938 г. проанализировал ход строительства Уфимского нефтегазового завода²⁶; инженер Е. В. Барт в неизвестный год посетил заводы Грозного и Баку с целью разбора процессов очистки флоридином жидкофазного крекинг-бензина в паровой фазе²⁷. Наконец, М. Б. Маркович несколько раз отправлялся в Соединенные Штаты Америки. В 1936 г. он анализировал разнообразие лабораторий и заводы (часть из них располагалась в Питтсбурге, штат Пенсильвания; Шриверпорте, штат Луизиана; Толедо, штат Огайо), изучал опытные установки и беседовал с американскими учеными по интересующим его проблемам технической тематики. В результате этих поездок был составлен огромный отчет общим объемом в 545 листов²⁸.

Известно, что в 1932 г. на «Химгазе» функционировало шесть исследовательских подразделений (групп): «А» — крекинг, «Б» — одноатомные спирты и их производные, «В» — газоаналитическая группа, «Г» — бензиновая группа, «Д» — окисление непредельных водородов, «Е» — ректификация газов²⁹. Перечислим некоторые исследовательские темы каждой из групп, по которым были получены научные результаты также в 1932 г.:

- группа «А»: материальные балансы и направление реакций крекинга нефтепродуктов (керосин, нафтеновые углеводороды), влияние поверхности на ход пиролиза нефтепродуктов, разложение индивидуальных газов (бутадиен, пропилен), определение упругости пара окисей этилена, пропилена и их смеси, исследование газов трубочатки³⁰;

- группа «Б»: выяснение сырьевого базиса для производства спиртов C_6 и выше (исследование гексиленовой фракции паровозного крекинг-бензина, изучение полимеров, получающихся при производстве высших спиртов из продуктов крекинга нефти, действие серной кислоты на тяжелые продукты паровозного крекинга, получение сложных и простых эфиров, прочие синтезы (выделение третичного гептилового спирта из продуктов обработки гептиленового концентрата серной кислотой, получение третичных гексилхлоридов и др.), обработка газов серной кислотой и пр.³¹;

- группа «В»: изучение состава газов (обследование газа трубочатки и отходящих газов с опытной установки), очистка отходящих газов (количественное определение связанного хлора, освобождение газа от паров дихлорэтана методом абсорбции, освобождение газа от прочих компонентов), определение строения нормальных бутиленов, методика анализа газов³²;

- группа «Г»: термообработка под давлением индивидуальных углеводородов, бензина и его фракций и их очистка), методика анализа и исследование крекинг-бензина, работы по очистке крекинг-бензина (серноокислотная очистка, сравнение методов очистки), конденсация непредельных и ароматических углеводородов под влиянием серной кислоты³³;

- группа «Д»: сложные эфиры (уксусно-изопропиловый эфир из пропиленсерной кислоты, прямое получение уксусного изопропилового эфира из пропилена и серной кислоты), окисление непредельных углеводородов (этилы, пропилен, бензол и пр.), очистка газа серной кислотой³⁴;

- группа «Е»: методика обследования процессов ректификации, анализ газа путем разделения его на бутиленовую и пропан-метановую фракции, совмещение метода поглотительного анализа с определением удельного веса фракций, определение молекулярного веса по способу В. Мейера и криоскопическому методу и пр.³⁵

В целом коллектив «Химгаза» проводил исследования по темам, касавшимся в первую очередь нужд нефтяной промышленности и строительства нефтехимкомбинатов³⁶. К примеру, среди них укажем на те, которые были выполнены в 1935 г.: изучение высокотемпературного крекинга и ароматизации нефтепродуктов³⁷, крекинг ряда нефтяных фракций с хлористым алюминием³⁸; очистка бензина высокотемпературного крекинга — изучение на малой установке каталитической очистки бензина под давлением³⁹; окисление и старение бензинов высокотемпературного крекинга, анализ процесса окисления одного из компонентов крекинг-бензина — пентена⁴⁰; получение бензина каталитической полимеризации под давлением отдельных непредельных углеводородов и крекинг-фракций, возможность каталитической полимеризации в жидкие продукты пропилена и изобутилена при нормальном давлении; процесс синтеза хлористого этила из этилена и хлористого водорода⁴¹; методы электрического воздействия на нефтепродукты⁴²; разделение газов крекинга — проработка проекта по извлечению дивинила из газов крекинга⁴³; изучение процесса получения хлорекса и степень его токсичности⁴⁴; синтез углеводов для испытания моторных топлив⁴⁵; изучение абсолютирования высших спиртов⁴⁶; работы по обследованию установок по получению и абсолютированию высших спиртов и получению хлорекса⁴⁷; механизм и кинетика крекинга углеводородов⁴⁸; стабилизаторы спирто-бензиновых смесей, синтез чистых углеводородов —

изучение абсолютирования высших спиртов по методу азеотропных смесей, а также изооктана, необходимого для испытания топлив⁴⁹; константы равновесия реакций крекинга⁵⁰; очистка крекинг-бензинов⁵¹.

Необходимо отметить, что обширнейшая научно-исследовательская и сопутствующая производственная деятельность завода не осуществлялась без проблем. Порой некоторые сотрудники «Химгаза» халатно подходили к своей работе и подвергали опасности окружающих. Так, директор завода В. В. Арсентьев писал 8 февраля 1937 г. в приказе № 7:

Несмотря на инструктаж письменный и устный и наличие специальной посуды для сбора и утилизации горючих жидкостей в лаборатории, продолжают случаи слива огнеопасных и взрывоопасных продуктов в канализационную сеть. 7/II аппаратчик 5-го отдела лабораторий тов[арищ] Власов сливал пиробензол в канализацию и был остановлен инж[енером] Шевелевым. В тот же день, несмотря на запрещение, лаборант 3-го отдела тов[арищ] Шамсутдинов также сливала в канализацию остатки бензина⁵².

Далее директор указывал: «...лица, замеченные в повторении подобных случаев, будут увольняться с завода с преданием суду как сознательно вредящие безопасности работ»⁵³.

Другой эпизод подобного характера обнаруживается в общезаводском приказе № 13, датированном 26 марта 1937 г.:

В течение января — марта одна из донок, питающая водой котлы новой котельной, отказалась работать. <...> 11 марта при попытке пустить донку в ход отказался работать левый поршень. При вскрытии цилиндра был обнаружен болт, однотипный с болтами, удерживающими клапанные пружины. Объяснения о причинах попадания болта, данные главным механиком завода тов[арищем] Фалиным, были признаны недостаточным, и 23 марта мною было поручено тов[арищу] Романову Р. П. и Попкину И. Ф. лично расследовать дело и дать техническое заключение. Техническое заключение подтвердило, что болт мог оказаться в насосе незадолго до отказа его от работы и лишь по причине либо намеренного его оставления, либо по граничившей с преступлением халатности при сборке и закрытии насоса. При сборке насоса после осмотра 23 марта была обнаружена пропажа гайки. Условия работы насоса требовали, чтобы факт пропажи гайки был расследован до конца, и насос должен был вновь детально рассмотрен. Однако мастер по оборудованию тов[арищ] Обозенко и слесарь Крупеньков ушли, не окончив работу, мотивируя [это] занятиями на курсах мастеров, не пытаясь остаться на работе и получить справку от заводоуправления о причинах задержки⁵⁴.

Иначе говоря, производственная и дисциплинарная культура некоторых заводчан «Химгаза» не была на высоте, однако руководство предприятия старалось минимизировать подобные неприглядные случаи в производственной практике.

Таким образом, завод «Химгаз» являлся одним из самых наукоемких предприятий своего времени в Ленинграде и был ярким представителем сектора заводской науки в системе Народного комиссариата тяжелой промышленности.

Впрочем, как представляется, необходимы дальнейшие архивные и междисциплинарные изыскания для последующего углубления сведений о научно-исследовательских успехах завода в предвоенный период существования СССР.

Примечания

¹ Наука большой страны: советский опыт управления. М., 2023. С. 419–420; Управление наукой: путеводитель по советскому прошлому. М., 2024. С. 111–112.

² Гусаков М. А. Тенденции развития заводского сектора научных исследований и разработок // Вопросы интенсивного использования научного потенциала. Тематический сборник. М., 1983. С. 45.

³ Список предприятий и хозорганов Народного комиссариата тяжелой промышленности на 1 января 1934 г. М.; Л., 1934. С. 116.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 26. Л. 25–26.

⁶ См., например: Лельчук В. С. Создание химической промышленности СССР. Из истории социалистической промышленности. М., 1964; Развитие химической промышленности СССР. 1917–1980: в 2 т. М., 1984; Шавишкова С. Ю., Грачев С. Д. Роль науки в становлении нефтяной отрасли в СССР в 1920–1940 годах // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2024. Т. 24, № 2. С. 56–61.

⁷ Телешов С. В. Документы о деятельности выдающихся представителей науки и техники в фондах Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга // Память о прошлом — 2023. Документальное наследие — инструмент в парадигме информационного общества: сб. тр. XII Самар. ист.-архив. форума с междунар. участием (г. Самара, 10–12 окт. 2023 г.). Самара, 2023. С. 200.

⁸ Добровольский А. М. Профессор Александр Флавианович Добрянский (1889–1965) и современная нефтепереработка // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2015. Сер. 4. Т. 2 (60). Вып. 4. С. 428–439; Анненкова Е. А. Добрянский Александр Флавианович // Ученые — филодообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: крат. биограф. справ. СПб., 2019. С. 95–97; Андрей Владимирович Фрост (к 100-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. 2006. Сер. 2. Т. 47, № 6. С. 425–427; К 100-летию со дня рождения А. В. Фроста // Журнал физической химии. 2007. Т. 81, № 4. С. 766–768; Крылов О. В. Памяти Лии Яковлены Марголис // Катализ в промышленности. 2007. № 4. С. 64–65; Давид Моисеевич Рудковский (к 100-летию со дня рождения) // Нефтехимия. 2006. Т. 46, № 3. С. 236.

⁹ См. описи фонда Р-293 (объединенный фонд ОАО «Всероссийский научно-исследовательский институт нефтехимических процессов». Санкт-Петербург. 1911–2011.) ЦГАНТД СПб на портале «Архивы Санкт-Петербурга»: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgantd/R-293> (дата обращения: 22.06.2026).

¹⁰ Евдошенко Ю. В. Биографическая справка о М. Б. Марковиче на сайте журнала «Нефтяное хозяйство». URL: https://oil-industry.net/test_autor.php?ELEMENT_ID=233328 (дата обращения: 29.06.2026).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-293. Оп. 1-1. Д. 4. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 1–2.

¹⁷ Там же. Л. 2–3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ Там же. Оп. 1-11. Д. 6. Л. 7.

²² Там же. Л. 7.

²³ Инициалы обнаружить не удалось.

²⁴ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-293. Оп. 2-1. Д. 367. Л. 1А–12.

²⁵ Инициалы обнаружить не удалось.

²⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-293. Оп. 2-1. Д. 697. Л. 1–20.

²⁷ Там же. Д. 61. Л. 1–12.

²⁸ Там же. Д. 567. Л. 2–4.

²⁹ Там же. Д. 601. Л. 2., 2 об, 5, 5 об, 7, 7 об.

³⁰ Там же. Л. 2–2 об.

³¹ Там же. Л. 2 об. — 5.

³² Там же. Л. 5–5 об.³³ Там же. Л. 5 об. — 6 об.³⁴ Там же. Л. 7–7 об.³⁵ Там же. Л. 7 об. — 8.³⁶ Там же. Оп. 1-1. Д. 48. Л. 50.³⁷ Там же. Л. 51.³⁸ Там же.³⁹ Там же.⁴⁰ Там же. Л. 51–52.⁴¹ Там же. Л. 52.⁴² Там же. Л. 52–53.⁴³ Там же. Л. 53.⁴⁴ Там же.⁴⁵ Там же.⁴⁶ Там же. Л. 53–54.⁴⁷ Там же. Л. 54.⁴⁸ Там же.⁴⁹ Там же. Л. 55.⁵⁰ Там же.⁵¹ Там же.⁵² Там же. Д. 82. Л. 11.⁵³ Там же. Л. 11.⁵⁴ Там же. Л. 23.

Н. Н. Макарова, А. Ю. Кадыеева

Швейная фабрика Магнитогорска: вековая история одного предприятия

Изучение истории промышленных предприятий является важным направлением современной исторической науки. Оно позволяет раскрыть особенности социально-экономического развития отдельных городов и регионов. Особое значение в этом контексте приобретает анализ предприятий легкой промышленности, игравших значительную роль в жизни города¹.

В рамках исследования промышленной истории Магнитогорска швейная фабрика представляет особый интерес как пример функционирования предприятия легкой промышленности в условиях индустриального центра. Ее деятельность отражает специфику снабжения населения товарами массового потребления в различные исторические периоды, демонстрируя зависимость ассортимента и объемов производства от государственной политики и потребностей региона.

Актуальность темы обусловлена ростом исследовательского интереса к локальной истории, рассматривающей отдельные города, предприятия и сообщества как самостоятельные объекты исторического анализа. Такой подход способствует более глубокому изучению особенностей развития территории, выявлению экономической специфики и прослеживанию влияния промышленных предприятий на формирование социальной и культурной среды.

Значимость исследования усиливается в связи с приближающимся 100-летием Магнитогорска. Подобные юбилейные даты традиционно активизируют научный интерес к прошлому города: к юбилею планируются издания краеведческих сборников, создание музейных экспозиций, посвященных индустриальному наследию, и другие мероприятия. Это создает благоприятные условия для обращения к ранее недостаточно изученным объектам, в частности к предприятиям легкой промышленности, история которых долгое время оставалась в тени крупных металлургических гигантов региона.

Дополнительным фактором актуализации темы становится развитие современных культурных инициатив, направленных на переосмысление индустриального наследия Урала, в том числе проекта «Уральская индустриальная биеннале современного искусства»².

Уральская индустриальная биеннале — крупнейший международный проект в сфере современного искусства на Урале, проводимый с 2010 г. Его ключевая особенность — использование промышленных пространств в качестве площадок для художественных высказываний. Биеннале исследует связь между индустриальным прошлым и настоящим региона, превращая промышленные объекты в места диалога между искусством, историей и обществом.

В контексте Магнитогорска особый интерес представляет программа биеннале 2017 г., часть которой была реализована непосредственно на территории ММК. Художники из России и других стран создали инсталляции и перформансы, осмысляющие тему труда, индустриализации и идентичности промышленного города.

Промышленная история рассматривается сегодня не только как экономическое явление, но и как важная часть культурной идентичности региона. Обращение к истории предприятий легкой промышленности — в том числе швейной фабрики Магнитогорска — вписывается в актуальный тренд переосмысления индустриального наследия через призму локальной истории и современного культурного дискурса.

Важной источниковой базой настоящего исследования выступают материалы фонда 162 «Магнитогорская швейная фабрика» (опись 1)³. Данный комплекс архивных документов обладает высокой научной ценностью и представляет значительный интерес для изучения истории предприятия. Документы фонда охватывают широкий спектр вопросов: от производственной деятельности и экономической эффективности до кадровой политики и организационной структуры. Содержательно материалы описи можно разделить на пять тематических групп.

Первую группу составляет организационно-распорядительная документация: приказы директора, распоряжения, протоколы заседаний администрации, а также иные документы управленческого характера. Эти материалы отражают систему управления предприятием, фиксируют особенности принятия решений на разных уровнях, позволяют проследить изменения в организационной структуре фабрики.

Вторую группу образуют планово-экономические и отчетные документы, включающие годовые и квартальные отчеты о выполнении производственных планов, балансы доходов и расходов, а также материалы экономического анализа деятельности предприятия.

Третью группу представляют документы по кадровому составу и трудовым отношениям: штатные расписания, сведения о численности работников, материалы по подготовке и распределению кадров, характеристики сотрудников и данные о повышении квалификации.

Четвертая группа включает материалы, связанные с производственным процессом и техническим развитием: документы о внедрении новых технологий и методик пошива, модернизации оборудования, организации производственных участков, мероприятиях по улучшению качества продукции и рационализаторских предложениях сотрудников.

Последнюю группу составляют документы социального характера, отражающие вопросы бытового обеспечения работников (жилье, питание, медицинское обслуживание), условия и охрану труда, развитие социальной инфраструктуры предприятия, а также проведение культурно-массовых мероприятий.

Таким образом, фонд носит комплексный характер и предоставляет широкие возможности для всестороннего изучения деятельности Магнитогорской швейной фабрики. Разнообразие типов и содержания документов позволяет реконструировать не только производственные процессы, но и социальную историю предприятия, включая трудовые отношения, кадровую политику и бытовое обеспечение работников.

Историография проблемы включает несколько работ публицистического характера, а также работы, посвященные истории индустриализации, развитию местной и кооперативной промышленности и исследованию социально-экономических процессов на Урале. К первой группе относятся труды Б. Н. Булатова, Г. П. Геккера⁴ и Б. Сказинского⁵, в которых рассматриваются вопросы становления Магнитогорска и строительства металлургического комбината. Значительный вклад в изучение местной промышленности внесли работа В. Васильева, сосредоточенная на проблемах кооперации и экономики производства⁶. История города и его индустриального развития получила отражение в исследованиях В. И. Машковцева⁷, И. Ф. Галигузова и В. П. Баканова⁸, Н. Н. Макаровой⁹. Отдельные аспекты развития торговли, кооперации и промышленности Урала рассматриваются в работах П. М. Карабельщикова¹⁰, А. А. Антуфьева¹¹ и А. А. Пасса¹². Вместе с тем анализ литературы показывает, что вопросы становления и развития Магнитогорской швейной фабрики освещены фрагментарно и не получили самостоятельного комплексного исследования.

История швейной фабрики Магнитогорска тесно связана с процессами индустриализации и становления городской инфраструктуры. Пред-

приятие было основано в 1932 г. в форме швейной мастерской, основной задачей которой являлось изготовление специальной одежды для рабочих строящегося металлургического завода. Мастерская располагалась в одном из типовых бараков временного жилого фонда, возведенных для строителей комбината. На начальном этапе численность работников составляла около 60 человек; в основном это были женщины, переехавшие в Магнитогорск из близлежащих сел и деревень. Первым директором предприятия стал Г. Д. Коршунов, имевший опыт работы в текстильной отрасли¹³.

В последующие десятилетия предприятие активно развивалось. К концу 1930-х гг. численность сотрудников достигла 900 человек. В этот период началось внедрение первых механизированных процессов, включая использование швейных агрегатов и элементов машинной обработки изделий. К 1939 г. мастерская располагала несколькими десятками промышленных швейных машин, закупленных централизованно через систему облигпрома. Расширение штата сопровождалось организацией профессионального обучения на месте: были созданы курсы повышения квалификации для швей, что позволило увеличить производительность труда на 40 % по сравнению с 1935 г. Продукция предприятия в тот период включала не только спецодежду для металлургов, но и униформу для работников городского транспорта и коммунальных служб.

Значительные перемены произошли в годы Великой Отечественной войны. В 1941 г. мастерская была преобразована в фабрику, в состав которой вошли эвакуированные производственные мощности опытно-технологической фабрики из Киева. В условиях военного времени фабрика специализировалась на выпуске обмундирования и специальной одежды для нужд оборонной промышленности, что определило ее важную роль в обеспечении фронта и тыла. Объем производства вырос в несколько раз: если в 1940 г. фабрика выпустила около 15 тыс. изделий, то к 1943 г. этот показатель достиг 80 тыс. единиц. Среди ключевых позиций — гимнастерки, шинели, ватники, рукавицы и чехлы для военной техники. Работа велась в три смены, штат пополнялся подростками и женщинами. Для обеспечения сырьем фабрика наладила взаимодействие с текстильными предприятиями Средней Азии, откуда поступали ткани типа диагональ и грубые шерстяные материалы. За образцовое выполнение заданий в 1944 г. коллектив был отмечен благодарностью Народного комиссариата легкой промышленности.

Послевоенный период характеризуется дальнейшим расширением и структурной реорганизацией производства. В 1948 г. на базе артели была создана швейная фабрика № 2, что отражало процесс укрупнения и централизации отрасли. Это преобразование стало частью общесоюзной кампании по реорганизации промысловой кооперации: мелкие артели объединялись

в крупные специализированные предприятия под контролем профильных министерств. Существенный этап развития связан с 1960-ми гг.: в 1962 г. произошло объединение швейных производств города, а само предприятие разместилось в новом здании, что позволило значительно увеличить производственные мощности. К этому времени численность работников составляла около 4000 человек, а годовой выпуск продукции превысил 1,2 млн изделий.

Развитие фабрики сопровождалось кадровыми изменениями. В связи с нехваткой квалифицированных специалистов в Магнитогорск направлялись молодые кадры из крупных промышленных центров страны, включая Москву, Ленинград, Иваново и другие города. В рамках программы распределения выпускников профильных техникумов ежегодно прибывало до 50–70 молодых специалистов: технологи, конструкторы одежды, механики швейного оборудования. Это способствовало повышению профессионального уровня работников и внедрению передовых производственных практик, таких как поточный метод пошива, стандартизация лекал и унифицированных узлов одежды.

В 1970-е гг. предприятие достигло высокого уровня развития и стало одним из крупных центров легкой промышленности региона. Расширялась производственная база, внедрялись элементы комплексной механизации, включая полуавтоматические линии для раскроя ткани и автоматизированные прессы для влажно-тепловой обработки. Создавались вспомогательные подразделения — ремонтно-механические службы и конструкторские бюро. Конструкторское бюро фабрики разрабатывало собственные модели одежды, адаптированные к климатическим условиям Урала и потребностям местного населения. Продукция фабрики отличалась разнообразием ассортимента и ориентировалась на массового потребителя: в каталоге 1975 г. значилось более 150 моделей, включая детскую одежду, женские платья, мужские костюмы и рабочую спецодежду.

Важным показателем эффективности деятельности предприятия стало присвоение ему в 1970-е гг. статуса «предприятие высокой культуры производства», что подтверждалось ежегодными проверками Министерства легкой промышленности РСФСР и положительными отзывами отраслевых комиссий. Фабрика также получила государственные награды за качество продукции: диплом ВДНХ СССР в 1973 г. за коллекцию детской одежды и знак «Отличник качества» в 1978 г. Это свидетельствует о высоком уровне организации труда и значимости фабрики в системе легкой промышленности.

В постсоветский период предприятие претерпело изменения, связанные с переходом к рыночной экономике. В 1992 г. фабрика была преобразована в акционерное общество открытого типа «Магнитогорская швейная фабрика».

Однако экономические трудности 1990-х гг. оказали негативное влияние на ее деятельность: резкое сокращение госзаказов, рост цен на сырье и конкуренция со стороны импортной продукции привели к снижению объемов производства на 60 %, что в итоге повлекло введение процедуры внешнего управления в конце десятилетия, а в 1999 г. — к приостановке основного производства. Часть помещений была сдана в аренду, оборудование частично распродано, коллектив сокращен.

Таким образом, история швейной фабрики Магнитогорска отражает основные этапы развития отечественной промышленности: от становления в условиях индустриализации до трансформации в постсоветский период. Предприятие играло важную роль не только в экономике города, но и в обеспечении повседневных потребностей его населения.

В ходе проведенного исследования была рассмотрена история развития швейной фабрики Магнитогорска как важного элемента промышленной и социальной структуры города. Анализ показал, что предприятие прошло сложный путь от небольшой мастерской, созданной в начале 1930-х гг., до крупного производства в сфере легкой промышленности, игравшего значительную роль в обеспечении населения и функционировании городской экономики.

Выявлено, что развитие фабрики тесно связано с ключевыми этапами истории страны: индустриализацией, Великой Отечественной войной, послевоенным восстановлением и модернизацией производства, а также трансформациями конца XX в. На каждом из этих этапов предприятие выполняло важные экономические и социальные функции, адаптируясь к изменяющимся условиям.

Примечания

¹ Уральская индустриальная биеннале современного искусства: история и проекты. URL: <https://uralbiennial.ru> (дата обращения: 24.04.2026).

² Там же.

³ Городской архив города Магнитогорска. Ф. 162. Оп. 1.

⁴ Булатов Б. Н., Геккер Г. П. Магнитогорск. М., 1931. С. 159.

⁵ Сказинский Б. Магнитогорский гигант имени тов. Сталина. М., 1930. С. 40.

⁶ Васильев В. Большая Магнитка. Челябинск, 1964. С. 127.

⁷ Машковцев В. И. История Магнитки: с 1973 по 1945. К 70-летию Магнитогорска. Магнитогорск, 1999. С. 198.

⁸ Галигузов И. Ф., Баканов В. П. Станица Магнитная: от казачьей станицы до города Металлургов. Магнитогорск, 1994. С. 397.

⁹ Макарова Н. Н. Семья и воспитание детей в первой половине 1930-х гг. (по материалам Магнитогорска) // Проблемы российской истории. 2010. № 1 (10). С. 518–529 ; Она же. Магнитогорск как социокультурный проект советской власти в 1930–1950-е гг. Магнитогорск, 2021.

¹⁰ Карабелычиков П. М. Торговый путь Магнитки. 1929–2004. Магнитогорск, 2004. С. 231.

¹¹ Антупьев А. А. Уральская промышленность накануне и в год Великой Отечественной войны. М., 1992. С. 338.

¹² Пасс А. А. Кооперативная промышленность и торговля на Урале в 1939–1941 гг. Челябинск, 2000. С. 147.

¹³ Магнитогорская швейная фабрика. URL: <http://chel-portal.ru/en-9796>.

Р. А. Арефьев

Вехи истории Уралвагонзавода в 1930–1940-е годы (к 90-летию юбилею предприятия)

Нижнетагильский городской исторический архив хранит немало документов по истории предприятий и учреждений города. Среди них одно из крупнейших предприятий нашей страны — Уралвагонзавод.

В ноябре — декабре 1926 г. Высший совет народного хозяйства СССР утвердил перечень объектов, намеченных к строительству, в числе которых был вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. Но только 17 июня 1927 г. Совет труда и обороны СССР принял постановление «О капитальном строительстве заводов металлопромышленности», в котором признал необходимость строительства вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле. В июне — июле 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) признали необходимость создания второго (Урало-Кузнецкого) угольно-металлургического центра СССР. На основании решений этого съезда в августе 1930 г. Паровозо-вагоно-дизельное объединение (Парвагдиз) приняло решение о возведении нового вагоностроительного завода на Урале¹.

В мае 1931 г. газета «Рабочий» сообщила о начале подготовительных работ по сооружению в 15 км от г. Тагила, вагоностроительного завода. Начальником предприятия был назначен В. А. Вторыгин².

Двадцать восьмого мая 1931 г. между дирекцией завода и 3-м Государственным строительным трестом был подписан договор, согласно которому трест должен был выполнять работы по постройке Уральского вагоностроительного комбината. Однако вскоре в соответствии с Приказом ВСНХ № 751 и Постановлением Президиума ВСНХ от 4 декабря 1931 г. № 818 был создан государственный строительный трест «Тагилкомбинатстрой». В начале 1932 г. дирекция Уральского вагоностроительного комбината заключила с этим трестом генеральный договор о постройке завода³.

Третьего марта 1932 г. вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О строительстве Нижне-Тагильского вагонного комбината»⁴, а 6 марта — Постановление Совета народных комиссаров № 261/53/С под тем же названием. Согласно этим документам в системе Тагилкомбинатстроя создавался отдельный трест по строительству вагонного комбината. Но уже 20 июня 1932 г. народным комиссаром тяжелой промышленности был подписан Приказ № 413 о создании строительного управления «Уралвагонстрой», в соответствии с которым дирекция строящегося завода во главе с В. А. Вторыгиным вливалась в Уралвагонстрой. Руководителем Уралвагонстроя назначался П. М. Столбов, а его заместителем — В. А. Вторыгин. Весной 1934 г. было создано управление эксплуатацией Уралвагонстроя,

в марте 1935 г. заместителем начальника Уралвагонстроя по эксплуатации был назначен Г. З. Павлоцкий⁵.

Тринадцатого апреля 1935 г. Приказом народного комиссара тяжелой промышленности № 445 Г. З. Павлоцкий был назначен директором Уральского вагоностроительного завода⁶.

Пятого мая 1935 г. приказом № 33 директор завода утвердил временную структуру управления предприятия с условными обозначениями цехов и отделов. Непосредственно директору (шифр «Д») подчинялись: планово-производственный отдел («ППО»), главная бухгалтерия («Б»), финансовый отдел («Ф»), отдел подготовки кадров («К»), отдел специального назначения («ОСН»), отдел снабжения и сбыта («СнСб»), отдел технического контроля («ОТК»), оргбюро («О»). Заместитель директора завода — главный инженер («ЗД») курировал деятельность главного металлурга («Мет»), главного механика («М»), конструкторского бюро («Кб») и непосредственно вагоносборочного цеха («ВС»), осе-тележечного цеха («ОТ»), кузнечного цеха («КЗ»), пружинного цеха («ПЖ»), теплоэлектроцентрали («ТЭЦ») и газогенераторного цеха («Газ»). Главный металлург руководил центральной общезаводской лабораторией («Лб»), цехами крупного стального литья («Сл1»), мелкого стального литья («Сл2»), колес Гриффина («ЧлК»), ковкого чугуна («Чл1»), серого чугуна («Чл2»). Главному механику подчинялись ремонтно-механический («Рм»), ремонтно-строительный («Рс»), электро-ремонтный («Рэ») цехи. Начальнику конструкторского бюро подчинялся экспериментальный цех («Э»), а помощнику директора по административно-хозяйственной части («ПД») — административно-хозяйственный отдел («АХО»), коммунальный отдел («КОМ»), Бюро найма и увольнения («Н») и секретариат («С») ⁷.

Двадцать девятого февраля 1936 г. народный комиссар тяжелой промышленности подписал Приказ № 349, согласно которому строительное управление «Уралвагонстрой» разделялось на две независимые структуры: Уральский вагоностроительный завод в подчинении Главного управления транспортного машиностроения (Главтрансмаш) Наркомата тяжелой промышленности СССР и строительномонтажный трест «Уралвагонстрой» в подчинении того же Главтрансмаша. Официально они были разделены с 1 июля 1936 г. ⁸

Постановлением ЦИК СССР от 19 июля 1936 г. «Об увековечении памяти т. Дзержинского Ф. Э.» Уральскому вагоностроительному заводу было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского. В документе предприятие названо Тагильским вагоностроительным заводом.

Традиционно принято считать днем рождения завода 11 октября 1936 г. — дату выпуска с конвейера первого вагона (гондолы). Газета «Тагильский рабочий» от 12 октября 1936 г. сообщает: «...вчера рано утром (11 октября. — Р. А.) с главного конвейера северного пролета вагоносборочного цеха Тагильского вагоностроительного завода имени Дзержинского сошел первый большегрузный четырехосный вагон». По данным газеты, сборка первого и последующих вагонов являлась пробой и проверкой всей технологии производства⁹.

Однако согласно проведенному С. В. Устьянцевым исследованию, 11 октября 1936 г. ни одного вагона не было выпущено. Исследователь указывает на число 8 октября как на дату пуска конвейера и начала сборки вагонов с целью проверки технологического процесса, но говорит, что в газете «Вагоногигант», которая отмечала каждый собранный в 1936 г. вагон, на 11 октября отсутствуют данные о выпуске какого-либо вагона. Зато имеется сообщение о выпуске первого вагона (гондолы) поточного производства с вагоносборочного конвейера 22 октября 1936 г.¹⁰

Отметим, что в справке, подготовленной Уралвагонзаводом в сентябре 1950 г. для Нижнетагильского городского Совета депутатов трудящихся, написано следующее: «К 6 ноября 1935 года, когда работы по промышленному строительству были выполнены лишь на 60 процентов, строители цехов, попутно овладевавшие профессией строителей вагонов, дали стране первые две гондолы»¹¹.

В число действующих предприятие было включено только в следующем году согласно Приказу Наркомата тяжелой промышленности СССР от 16 июня 1937 г.¹²

В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1937 г. «О разделении Народного комиссариата тяжелой промышленности» был образован Народный комиссариат машиностроения СССР, а Постановлением СНК СССР от 29 августа 1937 г. № 1484 в Наркомат машиностроения был передан Главтрансмаш Наркомата тяжелой промышленности с входящими в него предприятиями¹³, в том числе и Уральский вагоностроительный завод им. Ф. Э. Дзержинского.

В связи с постановлением начальника Главтрансмаша о введении новой организационной структуры управления заводом директор Уральского вагоностроительного завода им. Ф. Э. Дзержинского Г. З. Павлоцкий подписал приказ от 28 марта 1938 г. № 154, согласно которому на предприятии вводилась новая схема управления. В непосредственном ведении директора теперь находились планово-производственный отдел, оргбюро, главная бухгалтерия, отдел технического контроля, отдел кадров, отдел специального производства, секретная часть и управление капитального строительства. Главный инженер руководил следующими отделами: техническим, конструкторским (с эксперимен-

тальным цехом), инструментальным, организации труда, технической учебы, центральной лабораторией, бюро техники безопасности, службами главного энергетика и главного механика. Все основные производственные цехи и распорядительно-диспетчерский отдел подчинялись главному диспетчеру¹⁴.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 февраля 1939 г. «О разделении Народного комиссариата машиностроения СССР» Наркомат машиностроения был разделен на три комиссариата: тяжелого, общего и среднего машиностроения¹⁵.

Постановлением СНК СССР от 2 июля 1939 г. № 976 было утверждено положение о Народном комиссариате среднего машиностроения. В структуру наркомата входило Главное управление транспортной промышленности (Главтрансмаш)¹⁶ вместе с Уральским вагоностроительным заводом им. Ф. Э. Дзержинского.

Двадцать пятого апреля 1939 г. схема организации управления завода была изменена Наркоматом среднего машиностроения. Теперь на главного инженера завода возлагалось непосредственное руководство подготовкой производства (технологический отдел и отдел инструментального хозяйства), самим производством (производственно-диспетчерский отдел), спецпроизводством, отделом главного металлурга, отделом технического контроля, конструкторским отделом, энергохозяйством (отдел главного энергетика со всеми энергоцехами), отделом главного механика, отделом техники безопасности, бюро рационализации и изобретательства, бюро нормализации и стандартизации¹⁷.

В 1939 г. на завод была возложена задача по выпуску оборонной продукции. Механосборочный цех № 1 выпускал артиллерийские передки и зарядные ящики, цех № 2 — колеса для них, цех № 3 — корпуса фугасных бомб¹⁸.

На протяжении 1940 г. производство вагонов увеличивалось: если в январе в среднем с конвейера выходило 20 вагонов в сутки, то в ноябре — уже порядка 51 вагона в сутки¹⁹.

В паспорте предприятия за 1941 г. (до Великой Отечественной войны) имеется список основных цехов: колес Гриффина, фасонно-литейный, мартеновский, мелкого стального литья, цветного литья, ремонтно-литейный (на площадке фасонно-литейного цеха), осе-поковочный, кузнечный, прессовый, заготовительный, механосборочный № 1, механосборочный № 3, полускатно-тележечный, гондол, платформ, крытых вагонов, ширпотреба, мелких узлов, малярный, деревообделочный. В список вспомогательных цехов входили: инструментальный, ремонтно-механический, ремонтно-электрический, ремонтно-литейный, ремонтно-строительный, сетей и подстанций, слабых токов, железнодорожный, автотранспортный, копровый, электродный, лесозаготовительный, а также мастерская контрольно-измерительных приборов, теплоэлектроцентраль, газогенера-

торная станция, кислородная станция, центральная лаборатория²⁰.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1941 г. был образован Народный комиссариат танковой промышленности²¹. Постановлением СНК СССР от 11 сентября 1941 г. № 2059 в новый наркомат передавались предприятия наркоматов машиностроения, судостроительной промышленности, в числе которых был Уральский вагоностроительный завод им. Ф. Э. Дзержинского²².

Еще с августа 1941 г. началась эвакуация различных предприятий из западной части страны на площадку Уральского вагоностроительного завода им. Ф. Э. Дзержинского. Всего было эвакуировано (полностью или частично) 13 предприятий. Наиболее крупными эвакуированными предприятиями являлись Харьковский завод № 183 им. Коминтерна, Московский станкостроительный завод им. Орджоникидзе, Орджоникидзградский сталелитейный завод и бронекорпусное производство Мариупольского завода им. Ильича²³.

В сентябре 1941 г. производство вагонов на заводе было прекращено²⁴.

Во исполнение Приказа Народного комиссариата танковой промышленности от 25 сентября 1941 г. главный инженер Харьковского завода № 183 П. М. Кривич приступил к исполнению обязанностей одновременно директора Уральского вагоностроительного завода им. Ф. Э. Дзержинского и завода № 183 им. Коминтерна с 26 сентября 1941 г. (приказ по Уральскому вагоностроительному заводу им. Ф. Э. Дзержинского и заводу № 183 им. Коминтерна от 26 сентября 1941 г. № 1)²⁵.

До середины ноября 1941 г. приказы по основной деятельности предприятий велись как совместные приказы Уральского вагоностроительного завода им. Ф. Э. Дзержинского и завода № 183 им. Коминтерна, далее — только как приказы завода № 183 им. Коминтерна²⁶.

В отчете предприятия за 1941 г. отмечено, что Уральский вагоностроительный завод им. Ф. Э. Дзержинского закончил самостоятельную деятельность в октябре 1941 г., поэтому годовой отчет по этому предприятию представлен за десять месяцев: с января по октябрь включительно²⁷.

В приказе директора завода от 22 февраля 1942 г. № 182 о введении в действие с 1 января 1942 г. списка должностей с ненормированным рабочим днем и списка профессий с вредными условиями труда говорится о слиянии Уральского вагоностроительного завода им. Ф. Э. Дзержинского, эвакуированного завода № 183 им. Коминтерна и эвакуированных подразделений Мариупольского завода им. Ильича (без определенной даты)²⁸.

Десятого июля 1942 г. Народный комиссариат танковой промышленности утвердил Устав государственного союзного завода № 183 им. Коминтерна, что стало официальным юридическим оформлением слияния заводов²⁹.

Другие эвакуированные предприятия обычно вливались в состав завода № 183. Так, например, Московский станкостроительный завод им. Орджоникидзе приказом директора завода № 183 от 19 декабря 1941 г. № 299 организовывался как «хозрасчетный завод танкового комбината с самостоятельным балансом и открытием расчетного счета в банке»³⁰. А 21 февраля 1942 г. заместитель наркома танковой промышленности, одновременно назначенный директором завода № 183 И. М. Зальцман издает приказ по Наркомату танковой промышленности, в котором предписывает «для лучшей координации мощностей и материальных ресурсов — ликвидировать завод № 184 как самостоятельную хозрасчетную единицу, влив его в состав завода № 183»³¹. Десятого марта 1942 г. решение И. М. Зальцмана подтверждает нарком танковой промышленности В. А. Малышев в приказе № 79-м:

...Для ликвидации многоначалия на заводах и сокращения административно-управленческого аппарата, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Во изменение ранее изданных приказов: а) оборудование и кадры завода им. Орджоникидзе, находящиеся на заводе № 183, влить в завод № 183 на правах цеха, прекратив с этого же срока самостоятельное существование завода № 184 им. Орджоникидзе³².

В феврале 1944 г. Наркоматом танковой промышленности СССР была утверждена структура и схема управления завода. Приказом по предприятию от 23 февраля 1944 г. № 158 структура управления объявлялась для сведения и руководства.

Общее руководство предприятием осуществлял директор. В его непосредственном подчинении находились: первый отдел, планово-экономический отдел («8»), отдел технического контроля («9»), главная бухгалтерия («17»), управление делами («47»), а также все производственные цехи. В оперативном управлении директору помогали начальник производства, производственный отдел («55») и диспетчерский отдел («12»).

Главный инженер отвечал за всю технологическую подготовку производства. В непосредственном подчинении главного инженера находились: технологический отдел («10»), конструкторский отдел («520») с опытным цехом («540»), отдел главного металлурга («500») с лабораториями, бронекорпусной отдел («700»), отдел главного энергетика («840») с подведомственными цехами, отдел главного механика («800») с цехами, инструментальный отдел («430») с цехами, управление капитального строительства («90») с цехами, отдел реконструкции и технологического надзора за капитальным строительством («24»), бюро стандартизации и нормализации («22»), бюро по изобретательству («11»), а также отдельные цехи: печной («570»), модельный («780»), цехи наладки и приспособлений («187» и «200»), технической службы («77») и отдел техники безопасности.

Заместитель директора по снабжению и финансам руководил материально-техническим снабжением завода всеми необходимыми ресурсами. В его подчинении находились отдел металлоснабжения («3») вместе со складом металлов («14»), отдел технического снабжения («39») вместе со складским отделом («4»), финансовые и юридические службы, а также цехи: железнодорожный («900»), пошивочный («980»), лесоразработки («65»), отдел подсобных предприятий («30»), заводской аэропорт.

Заместитель директора по рабочему снабжению (он же — начальник управления рабочего снабжения) обязан был обеспечивать продовольствием и промышленными товарами работников завода и членов их семей. Управление и распределяло полученные товары, и производило их с помощью системы подсобных предприятий.

Помощник директора по труду отвечал за проблемы организации труда и технического нормирования, регулирование заработной платы, подготовку кадров и повышение их квалификации. Ему непосредственно подчинялись отдел труда и заработной платы («20») и отдел подготовки кадров («99»).

Помощник директора по найму и увольнению обеспечивал решение вопросов приема и увольнения, распределения рабочей силы и комплектации цехов. Ему подчинялся отдел найма и увольнения (отдел кадров) («19»).

Помощник директора по быту и жилищно-коммунальному хозяйству отвечал за вопросы бытового обслуживания работников и благоустройство территории завода и поселков завода. В его ведении находились: отдел смотрителя зданий и сооружений («75»), дорожно-хозяйственный цех («49»), жилищно-коммунальный комбинат, трамвайный цех («720»), бюро детских учреждений, медсанчасть.

Помощник директора по охране руководил бюро пропусков, военизированной охраной, а также системой воздушной и противопожарной обороны³³.

Первый танк Т-34 был собран уже в декабре 1941 г., а 7 января 1942 г. был запущен первый конвейер по сборке танков³⁴. Первого апреля 1942 г. вступил в строй конвейер № 2³⁵.

Завод выпускал не только танки Т-34, но и запасные части к ним, авиационные бомбы и детали к ним, самолеты и бронекорпуса для них, а также другие изделия военного назначения³⁶. За 1942 г. было выпущено 5684 танка Т-34³⁷, за 1943 г. — 7466³⁸, за 1944 г. — 8421³⁹, за первое полугодие 1945 г. — 4308 танков⁴⁰.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 июня 1942 г. завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени⁴¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1943 г. завод был награжден орденом Красного Знамени. В указе говорится о том, что награждается «завод ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени № 183 имени Коминтерна»⁴². В данном случае имеется

в виду орден Ленина, которым был награжден Харьковский паровозостроительный завод согласно постановлению ЦИК от 26 марта 1935 г.⁴³

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1944 г. конструкторское бюро завода было награждено орденом Ленина⁴⁴.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1945 г. завод был награжден орденом Отечественной войны I степени за выдающиеся заслуги в деле создания и массового производства танков⁴⁵.

Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от того же 26 мая 1945 г. предприятие стало именоваться Уральским танковым заводом № 183 им. Сталина⁴⁶.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 октября 1945 г. Наркомат танковой промышленности СССР был упразднен, а все предприятия и организации этого наркомата вошли в состав новообразованного Наркомата транспортного машиностроения СССР. Указ Президиума объявлялся для сведения Приказом Наркомата транспортного машиностроения СССР от 15 октября 1945 г. № 1⁴⁷.

Приказом Наркомата транспортного машиностроения СССР от 15 октября 1945 г. № 3 объявлялась для сведения структура наркомата, в которую вошло Главное танковое управление⁴⁸. В подчинении этого управления находился Уральский танковый завод № 183 им. Сталина.

В декабре 1945 г. на предприятие было переведено Центральное конструкторское бюро по грузовому вагоностроению, согласно приказу директора завода от 3 декабря 1945 г. № 1163 оно было включено в состав завода как отдел главного конструктора по вагоностроению («50»)⁴⁹.

В соответствии с Законом СССР от 15 марта 1946 г. «О преобразовании Совета народных комиссаров СССР в Совет министров СССР и Советов народных комиссаров союзных и автономных республик — в Советы министров союзных и автономных республик» Наркомат транспортного машиностроения СССР был преобразован в Министерство транспортного машиностроения СССР, а Главное танковое управление Наркомата транспортного машиностроения СССР стало Главным управлением танкового производства Министерства транспортного машиностроения СССР⁵⁰.

Нужно отметить, что приказом директора предприятия от 12 мая 1946 г. № 6с всю вагонную и паровозную продукцию завода было предписано маркировать трафаретом «Уралвагонзавод»⁵¹.

К концу 1946 г. на заводе насчитывалось 15 оборонных цехов, 12 вагонных цехов, 14 общих для всего производства цехов и 23 вспомогательных цеха⁵².

Примечания

¹ Устьянцев С. В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Уральский вагоностроительный завод. Нижний Тагил, 2009. Ч. 1. С. 32–33.

² Рабочий. 1931. 8 мая.

³ Устьянцев С. В. Указ. соч. С. 91, 95.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 874. Л. 16–17.

⁵ Устьянцев С. В. Указ. соч. С. 96–98, 154, 156.

⁶ НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4. Л. 135.

⁷ Там же. Л. 129–129 об.

⁸ Устьянцев С. В. Указ. соч. С. 161, 100.

⁹ Тагильский рабочий. 1936. 12 октября.

¹⁰ Устьянцев С. В. Указ. соч. С. 279–280.

¹¹ НТГИА. Ф. 70. Оп. 3. Д. 138. Л. 1.

¹² Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 37. Л. 87–87 об.

¹³ РГАЭ. Ф. 7295. Оп. 1. Предисловие. Л. 1.

¹⁴ НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 66. Л. 263–263 об.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 7295. Оп. 1. Предисловие. Л. 3.

¹⁶ Там же. Ф. 8115. Оп. 10. Предисловие. Л. 1.

¹⁷ НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 143. Л. 345.

¹⁸ Там же. Д. 100. Л. 10–14.

¹⁹ Там же. Д. 136. Л. 384.

²⁰ Там же. Д. 217. Л. 3.

²¹ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Предисловие. Л. 1.

²² Там же. Оп. 1. Предисловие. Л. 1; Устьянцев С. В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Уральский танковый завод № 183. Нижний Тагил, 2010. Ч. 2. С. 27.

²³ Там же. С. 35, 42–44.

²⁴ НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 193. Л. 112.

²⁵ Там же. Д. 193. Л. 133.

²⁶ Там же. Д. 194. Л. 71–72.

²⁷ Там же. Д. 215. Л. 12.

²⁸ Там же. Д. 226. Л. 421.

²⁹ Устьянцев С. В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Уральский танковый завод № 183. Ч. 2. С. 46; РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 6. Л. 78–79.

³⁰ НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 195. Л. 100.

³¹ Там же. Д. 235. Л. 100.

³² Там же. Д. 235. Л. 158.

³³ Там же. Д. 298. Л. 93–95; Д. 265. Л. 189–191.

³⁴ Там же. Д. 226. Л. 17–18.

³⁵ Там же. Д. 227. Л. 190.

³⁶ Там же. Д. 243. Л. 1–7.

³⁷ Там же. Д. 243. Л. 1.

³⁸ Там же. Д. 282. Л. 1.

³⁹ Там же. Д. 322. Л. 53.

⁴⁰ Там же. Д. 356. Л. 3.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 80.

⁴² НТГИА. Ф. 417. Оп. 6. Д. 1. Л. 14–15.

⁴³ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1935. 27 марта.

⁴⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 13 августа.

⁴⁵ Тагильский рабочий. 1945. 29 мая.

⁴⁶ НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 342. Л. 95; Тагильский рабочий. 1945. 29 мая.

⁴⁷ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Предисловие. Л. 12; НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 337. Л. 10.

⁴⁸ НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 337. Л. 12.

⁴⁹ Там же. Д. 338. Л. 160.

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Предисловие. Л. 1.

⁵¹ НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 384. Л. 22.

⁵² Там же. Д. 411. Л. 18.

А. Ю. Шевченко

Челябинск — место эвакуации Народного комиссариата среднего машиностроения СССР во время Великой Отечественной войны

Во время Великой Отечественной войны в Челябинск были эвакуированы пять общесоюзных народных комиссариатов. Одним из них был Народный комиссариат среднего машиностроения СССР (НКСМ).

В процессе эвакуации сотрудников НКСМ из Москвы в Челябинск можно выделить два этапа: частичная эвакуация в июле 1941 г. и более массовая эвакуация (с оставлением в Москве небольшой оперативной группы) в октябре 1941 г.

Впервые о возможной эвакуации наркомата упоминается в Приказе по НКСМ от 4 июля 1941 г. № 287сс: «...служащие, переводимые из Москвы, в связи с частичным переводом наркомата, имеют право взять с собой членов своей семьи»¹. Приказ по НКСМ от 8 июля 1941 г. № 303сс² возлагает ответственность за «частичную эвакуацию наркомата и главных управлений» на заместителя наркома Г. Г. Федотова. Спустя десять дней выходит постановление Челябинского обкома ВКП(б) «О размещении в гор. Челябинске Промбанка и Наркомсредмаша», предписывающее «зданию универмага (ул. Спартак)³ передать во временное пользование Наркомсредмашу и ГПИ № 8»⁴. Приказом по НКСМ от 21 июля 1941 г. № 359с устанавливалось:

1. На основании Постановления Совета по эвакуации СЭ-35⁵ для проведения работы по эвакуации членов семей рабочих и служащих Наркомата среднего машиностроения и главных управлений создать комиссию.

2. Комиссии приступить к работе немедленно, представив именные списки подлежащих эвакуации

членов семей работников НКСМ и главных управлений не позднее 15 часов 22 июля 1941 г.⁶

Первый приказ по НКСМ, изданный в Челябинске и посвященный дисциплинарным взысканиям за «допущение дезорганизации при разгрузке и расселении аппарата наркомата», датирован 28 июля 1941 г.⁷ В приказе от 29 июля 1941 г. № 2/ч отмечается «затяжка решения вопроса размещения аппарата на площадях Челябинского горисполкома»⁸. На следующий день выходит решение суженного состава Челябинского горисполкома «передать здание нового универмага Наркомсредмашу»⁹. Очередной приказ по аппарату НКСМ в Челябинке от 2 августа 1941 г. № 3/ч устанавливает:

...С 4 августа 1941 года приступить к исполнению своих служебных обязанностей всем переведенным в гор. Челябинске сотрудникам Наркомата и его главных управлений <...> в здании Наркомата по Спартак-овской ул. д. 44¹⁰.

Согласно справке, подготовленной НКСМ для челябинского горисполкома, на 6 августа 1941 г. в Челябинск из Москвы прибыли 312 работников наркомата и 725 членов их семей¹¹.

Важным событием для НКСМ, часть работников которого находилась в этот момент в Челябинске, стало создание на базе НКСМ Народного комиссариата танковой промышленности СССР, принятое Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1941 г. № 5/187¹². Из НКСМ в новый наркомат передавались

11 предприятий, шесть учебных заведений и один проектный институт. Возглавил новый наркомат В. А. Малышев, его место во главе НКСМ занял его бывший заместитель — С. А. Акопов¹³. Из уже прибывших в Челябинск сотрудников НКСМ в новый наркомат по состоянию на 23 сентября 1941 г. были переведены 26 человек¹⁴.

Основанием для начала второго этапа эвакуации сотрудников НКСМ из Москвы в Челябинск послужило Постановление Совета по эвакуации при СНК СССР от 15 октября 1941 г. № СЭ-167сс «Об эвакуации наркоматов и центральных учреждений из г. Москвы», которое предписывало полный (за исключением небольшой оперативной группы) перевод НКСМ в Челябинск. Таким образом, к концу октября 1941 г. количество сотрудников НКСМ в Челябинске резко увеличилось, а размещался наркомат все в том же «универмаге горпромторга», деля помещения с Наркоматом танковой промышленности¹⁵. Эти обстоятельства сделали насущным вопрос о новом помещении для НКСМ в Челябинске. В письме секретарю Челябинского обкома ВКП(б) от 28 октября 1941 г., подписанном четырьмя заместителями наркома среднего машиностроения, сообщалось, что прибывшие в Челябинск 986 сотрудников НКСМ не могут «приступить к работе вследствие того, что местные власти не предоставили необходимого количества площадей»¹⁶. Подходящее помещение удалось найти не сразу. Решение этого вопроса входило в компетенцию областных партийных и государственных органов. Осенью 1941 г. было принято несколько постановлений бюро челябинских обкома ВКП(б) и облисполкома: 5 октября 1941 г. было предписано «переселить Наркомсредмаш в здание Наркомстроя (бывш. управление ЮУЖД). <...> Срок 15 октября»¹⁷; 16 октября 1941 г. постановляется «Челябинский филиал Наркомсредмаша переселить в Шумиху»¹⁸; 4 ноября 1941 г. принимается решение «разместить Наркомсредмаш на площади школы № 23»¹⁹. Точку в этом вопросе поставило распоряжение СНК от 28 ноября 1941 г. № 10613, обязавшее «Челябинский облисполком (т. Белобородова) в 5-дневный срок полностью освободить все здания облфинотдела и предоставить его Наркомсредмашу СССР»²⁰. Здесь имеется в виду построенный в 1938 г. «дом финорганов в гор. Челябинске по ул. Спартак (угол ул. Васенко)»²¹, то есть здание по адресу: ул. Спартака, 59 (ныне пр. Ленина, 59).

При этом как минимум до июля 1942 г. часть сотрудников НКСМ продолжала занимать восемь комнат в гостинице «Южный Урал», откуда решением суженного состава горисполкома от 17 июля 1942 г. «конторам Главтракторосбыта и Главснаба НКСМ» было предписано переселиться «в помещение Наркомсредмаша по ул. Спартака, № 59»²². Но «из-за отказа руководителей Главснаба НКСМ и Глававтотракторосбыта переехать в помещение по ул. Спартака № 59»²³ челябинский горисполком был вынужден

22 июля 1942 г. принять решение о переселении в административном порядке с привлечением милиции.

В начале 1942 г. челябинские городские власти передали горторгу «торговое помещение по улице Труда № 79 <...> для открытия в нем магазина закрытого типа для работников Наркомата среднего машиностроения СССР»²⁴ и «предоставили Наркомсредмашу помещение под гараж по ул. Керосинной № 4»²⁵. Для приема командированных использовалось общежитие по адресу: ул. Красная, 9²⁶. Также в 1942 г. Земельным управлением Челябинской области были выделены земельные участки «в Сосновском районе и в районе г. Челябинска (возле макаронной фабрики)» под пригородное хозяйство НКСМ, организованного «для обеспечения бытовых нужд сотрудников и их семей в г. Челябинске»²⁷.

Уже весной 1942 г. начался процесс групповой реэвакуации работников НКСМ из Челябинска²⁸. В феврале 1942 г. «на постоянную работу в Москву» были откомандированы сотрудники треста «Союзшарремонтсбыт» НКСМ²⁹. Постановлением СНК СССР от 3 марта 1942 г. № 284 «О переводе в г. Москву аппарата Наркомсредмаша» предписывалось «перевести в Москву часть аппарата в составе: по центральному аппарату — 212 человек, по главным управлениям и хозрасчетным организациям — 332 человека, сохранив «в г. Челябинске оперативную группу Наркомсредмаша для управления предприятиями Урала, Сибири и Средней Азии, восстановления эвакуированных предприятий, ведения учета и отчетности, разработки проектов развития промышленности среднего машиностроения»³⁰. В течение весны и лета 1942 г. приказами по НКСМ конкретизировался и корректировался перечень отделов и главных управлений, подлежащих реэвакуации³¹. По мере отъезда работников НКСМ в Москву освобождались площади в занимаемом наркоматом здании, в связи с чем Челябинский горисполком в ноябре 1942 г. распорядился «обеспечить освобождение Наркомсредмашем к 25/XI-1942 г. 23 комнаты третьего и четвертого этажей дома № 59 по ул. Спартак для размещения аппарата комбината Челябинскуголь»³².

В марте 1943 г. с разницей в несколько дней вышло два распоряжения СНК СССР, посвященных возврату НКСМ из эвакуации. Первое из них разрешало «Наркомсредмашу:

а) перевести из г. Челябинска в г. Москву оставшуюся часть оперативной группы наркомата в количестве 65 человек;

б) перевести в г. Москву к месту постоянного жительства 200 семей руководящих работников наркомата, эвакуированных в 1941 г. в восточные области»³³.

Второе обязывало:

Наркомсредмаш (т. Акопова) передать до 15 апреля 1943 г. занимаемое им помещение в г. Челябинске по улице Спартака 59 комбинату «Челябинскуголь»

Наркомугля, сохранив за Наркомсредмашем 2-й этаж и полуподвальное помещения, занимаемые центральным архивом и складом имущества наркомата³⁴.

На основании этих распоряжений 25 марта 1943 г. был выпущен Приказ НКСМ № 135, которым предписывалось:

...Передать к 15/IV с. г. в г. Челябинске помещения Наркомата «Челябинскугля» Наркомугля, сохранив за НКСМ полностью 2-й этаж и полуподвальное помещение <...> оставить в г. Челябинске 10 человек центрального аппарата и 5 человек работников Глававтотизиса³⁵.

В установленный срок передача помещения не состоялась, в связи с чем Челябинский горисполком 6 мая 1943 г. принял решение, определявшее:

...Здание по ул. Спартака № 59, кроме 2-го этажа и полуподвального помещения, занятым центральным архивом и складом имущества Наркомсредмаша, — передать комбинату Челябинскуголь³⁶.

Завершилась реэвакуация НКСМ в октябре 1943 г., когда «три пассажирских вагона, четыре товарных крытых вагона и одна платформа» были задействованы для «отгрузки в Москву оставшихся эвакуированных семей работников Наркомата, аппарата оперативной группы и имущества»³⁷.

Примечания

¹ РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 82. Л. 192–193.

² Там же. Д. 83. Л. 8.

³ В 1941 г. — ул. Спартака, 44, в настоящее время — пр. Ленина, 46.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 17. Л. 279.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 47–48.

⁶ РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 84. Л. 163.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 318. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 1. Л. 121.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 1. Д. 318. Л. 5.

¹¹ РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 6. Д. 195. Л. 41.

¹² ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 49. Л. 179.

¹³ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 82. Л. 169–167.

¹⁴ Там же. Ф. 8115. Оп. 6. Д. 173. Л. 1–8.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 18. Л. 373.

¹⁶ Там же. Оп. 4. Д. 139. Л. 100–101.

¹⁷ Там же. Оп. 42. Д. 18. Л. 238. Против этого решения выступил ответственный по Наркомату боеприпасов в Челябинске Дятлов в письме к секретарю Челябинского обкома ВКП(б) Сапрыкину: «...прошу пересмотреть решение обкома ВКП(б) о вселении Наркомсредмаша на пятый этаж занимаемого здания филиалом Наркомата боеприпасов» (Там же. Оп. 4. Д. 139. Л. 91–92), и решение было отменено (Там же. Оп. 42. Д. 18. Л. 405).

¹⁸ Там же. Оп. 42. Д. 18. Л. 294.

¹⁹ Там же. Л. 423. Здание школы № 23, расположенное по адресу: ул. Кирова, 44, чуть позднее было приспособлено под общежитие для эвакуированных из Москвы рабочих завода «Калибр» (Там же. Д. 19. Л. 353 ; Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 1. Л. 305) — одного из 17 предприятий (инструментальных и абразивных), которые с декабря 1941 по февраль 1942 г. находились в подчинении НКСМ в период временного расформирования Народного комиссариата станкостроения СССР.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 19. Л. 512. Это вариант размещения предлагался областным партийным властям самим НКСМ в лице четырех заместителей наркома сразу по прибытии в Челябинск в конце октября 1941 г.: «...подходящим помещением является дом Облфинотдела» (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 139. Л. 100–101). Но получить это здание НКСМ смог только через месяц после прямого распоряжения из Москвы.

²¹ ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 7. Д. 359. Л. 28.

²² Там же. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 6. Л. 95.

²³ Там же. Оп. 6. Д. 10. Л. 305.

²⁴ Там же. Л. 268, 340, 341.

²⁵ Там же. Д. 3. Л. 4.

²⁶ РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 6. Д. 796. Л. 32.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 319а. Л. 118, 128 ; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1471. Л. 95.

²⁸ Отдельные сотрудники НКСМ возвращались в Москву и ранее. Более того, как минимум 13 человек приехали в Челябинск в августе 1941 г., были вызваны в Москву и повторно эвакуировались в Челябинск в октябре 1941 г.. (РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 6. Д. 173. Л. 1–8 ; Д. 307. Л. 37–70 ; Д. 244. Л. 2–56 ; ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 6. Д. 16. Л. 29–29 об., 38–39, 40–41.)

²⁹ РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 1. Д. 319а. Л. 194–196.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198.

³¹ РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 1. Д. 319а. Л. 79, 135–137 ; Д. 321. Л. 195.

³² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1439. Л. 113.

³³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 60. Л. 127.

³⁴ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 60. Л. 238.

³⁵ РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 1. Д. 329. Л. 97.

³⁶ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 6. Д. 22. Л. 132.

³⁷ РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 6. Д. 279. Л. 1.

И. В. Ковшов

К вопросу о количестве промышленного персонала, его структуре на заводах Наркомата танковой промышленности, размещенных в Челябинске в годы Великой Отечественной войны

Теме танковой промышленности (танкпрому) и деятельности Наркомата танковой промышленности (Наркомтанкпром) в годы Великой Отечественной войны в последние десятилетия посвящено уже немало научных работ¹. Однако в комплексе исследований ощущается пробел в анализе такой стороны этого вопроса, как численность промышленно-производственного персонала предприятий отрасли. Прежде всего это касается менее известных заводов, а также степени концентрации рабочей силы в конкретном промышленном центре. Тем более что статистические данные из разных источников различны.

Поэтому наше внимание было сосредоточено на Челябинске, так как именно в нем был сосредоточен целый комплекс предприятий танкпрома в военные годы. Помимо Челябинского Кировского завода (ЧКЗ), включившего в себя производственные мощности и часть персонала эвакуированных Ленинградского Кировского, Харьковского моторного, Сталинградского тракторного заводов, Московского завода «Динамо»², в городе разместились еще три завода отрасли.

При подсчете численности рабочего контингента танковых заводов Челябинска прежде всего учитывался промышленно-производственный персонал, имеющий непосредственное отноше-

ние к созданию бронетехники. Это рабочие, в том числе вспомогательные, инженерно-технические работники (ИТР), служащие, младший обслуживающий персонал, ученики.

Работники ЖКХ, транспорта, общепита, подсобных хозяйств, пожарной охраны, ВОХР, медицинских учреждений, детских садов, соцкультбыта и других структур в наши основные подсчеты не вошли. Они составляли до 10 % от общего числа работников предприятий. Таким образом, итоговое количество всех работников танковых заводов следует увеличить еще на несколько тысяч. Только на ЧКЗ к концу 1941 г. непроизводственный персонал составлял 3545 человек, в 1943 г. — 4606, в 1944 г. — 4884 человека³. За основу данных взят среднесписочный состав персонала заводов, так как имеется существенная разница по численности в течение года по кварталам. Исключение составляют данные ЧКЗ на 1 января 1942 г., так как реально только производственных работников на тот момент насчитывалось 36 937 человек, а среднесписочный состав в 1941 г., с учетом довоенного времени, составил только 23 278 человек⁴.

С началом Великой Отечественной войны на ЧКЗ началось резкое увеличение танковой производственной программы, непрерывно шел рост

количества работников. В течение второго полугодия 1941 г. он происходил в основном за счет прибывших из Ленинграда и Харькова — 6716 рабочих и 2159 ИТР⁵.

В дальнейшем укомплектование завода рабочей силой происходило по большей части путем мобилизации городского и сельского населения, рабочих колонн, учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО, по линии Наркомата обороны. Только в 1943 г. из этих источников поступило 15 547 человек⁶.

На протяжении всех военных лет наблюдался некоторый недокомплект именно рабочих. Например, в четвертом квартале 1942 г. он составил 1662 человека, или 95,4 % штата.

Значительная доля рабочих были молодыми. Так, в четвертом квартале 1942 г. состав рабочих характеризовался следующими данными: до 16 лет — 793, 18 лет — 5510, 25 лет — 9279, свыше 25 лет — 19 325 человека. Таким образом, удельный вес молодых рабочих на тот период составил 46,2 %⁷.

Значительную часть из принятого на работу контингента в течение всего военного периода составляли женщины. Причем наблюдалась постоянная динамика в сторону увеличения (табл. 1).

Таблица 1

Динамика роста количества женщин, работающих на ЧКЗ в течение 1941 года, чел.⁸

Показатель	По состоянию		
	на 1 января 1941 г.	на 1 июля 1941 г.	на 1 января 1942 г.
Всего женщин на заводе	7014	7571	11 515
В том числе рабочих	5071	5669	8161

По состоянию на 1 января 1943 г. женщины среди промышленно-производственного персонала на заводе составляли 31,5 %, а на 1 января 1944 г. — 35,5 %⁹.

Нехватка рабочих рук возмещалась в том числе и за счет обучавшихся в Челябинске курсантов танкового училища, учебных и запасных танковых полков. Массовое участие обучаемых в производстве техники стало важнейшей особенностью их учебного процесса. Фактически сразу решались две задачи: будущие танкисты получали возможность в короткие сроки досконально изучить боевые машины (подобный метод обучения получил наименование «производственная практика»); с другой стороны, завод получал рычаг увеличения производства в условиях нехватки квалифицированных рабочих.

Впервые массовое участие танкистов в производственной практике начнется в октябре 1941 г. на ЧКЗ. Курсанты танковых училищ проходили производственную практику в течение 30 дней — равномерно по десять дней в сборочном, моторном и сдаточном цехах. Младшим танковым специалистам учебных танковых полков отводилось: механикам-водителям — 10, мотористам-регулирующим — 20 дней. Они участвовали в сборке танков и их обкатке.

Экипажи формируемых маршевых рот запасных танковых полков на десятый день обучения допускались на узловую сборку и монтажные работы в сборочные и сдаточные цехи. Каждый экипаж закреплялся за корпусом танка, участвовал в его сборке вместе с рабочими от начала и до конца. Далее испытывали собранные машины пробегом и на этих машинах в составе маршевых рот убывали на фронт.

Подобный порядок участия танкистов в производственной практике сохранится до конца войны и будет использован на других заводах, где осуществлялась сборка боевых машин.

В отдельных случаях в целях обеспечения выполнения производственных планов ЧКЗ решением военного командования на завод выделялись целенаправленно крупные контингенты танкистов. В феврале 1942 г. 2000 танкистов из 13-го и 30-го учебных танковых полков, размещенных в Челябинске, были переданы на ЧКЗ. Они проработали там от шести до восьми месяцев, при этом работу производили бесплатно. Пятьсот наиболее квалифицированных военнослужащих в соответствии с Постановлением ГКО № 2392 от 10 октября 1942 г. увольнялись в запас, передавались в танковую промышленность

с зачислением в штаты ЧКЗ¹⁰. Итоговые данные по количеству промышленно-производственного

персонала ЧКЗ в 1941–1945 гг. представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Среднесписочный состав промышленно-производственных работников
ЧКЗ в 1941–1945 годах, чел.¹¹**

Персонал	По состоянию					
	на 1941 г.	на 1 января 1942 г.	н 1942 г.	на 1943	на 1944 г.	на 1945 г.
Рабочие	17 988	27 320	—	35 418	35 500	34 328
ИТР	3060	5645	—	5697	5696	5489
Служащие	1136	1136	—	1452	1357	1308
Младший обслуживающий персонал	526	2267	—	776	800	955
Ученики	—	568	—	1039	959	744
Всего	23 278	36 937	41 560 ¹²	44 382	44 312	42 824

Следующими танковыми предприятиями Челябинска будут первоначально завод № 78, а в дальнейшем — завод № 200. Еще в 1940 г. советское руководство принимает решение о расширении производственной базы танкостроения за счет машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий Урала. В Челябинске, кроме ЧТЗ, завод № 78 (относящийся к Наркомату боеприпасов) получил новую программу освоения производства танка КВ. Завод № 78 сразу был ориентирован на производство бронекорпусов и башен КВ. Их выпуск начался в июле 1941 г. и к 1 декабря было выпущено 27 комплектов бронекорпусов и башен КВ-1¹³.

Для удобства управления производством танков и артиллерийских боеприпасов в условиях массового выпуска и подчиненности разным ведомствам Постановлением ГКО № 892сс от 13 ноября создавался самостоятельный завод № 200 для выпуска бронеизделий тяжелых танков. Для этого часть территории, производствен-

ных мощностей и персонала завода № 78 передавались заводу № 200. С 1 декабря 1941 г. и до конца войны завод будет главным производителем для ЧКЗ комплектов бронекорпусов и башен всех типов для тяжелых танков КВ-1, КВ-1С, КВ-85, ИС-1, ИС-2, ИС-3, бронекорпусов для тяжелых самоходно-артиллерийских орудий СУ-152, ИСУ-152, ИСУ-122. Однако мало известен факт, что в июне 1942 г. завод начал выпуск башен и бронеизделий для среднего танка Т-34, производившегося на заводе № 174 в Омске, а с августа 1942 г. — и для ЧКЗ¹⁴.

По своим производственным мощностям и соответственно промышленному персоналу завод № 200 был вторым после ЧКЗ. По состоянию на 1 января 1942 г. завод насчитывал (без учета ИТР и другого персонала) 1492 рабочих, что составляло 47,7 % от потребностей¹⁵. По мере расширения производства возрастала и численность работников завода, которая представлена в табл. 3.

Таблица 3

**Среднесписочный состав промышленно-производственного персонала
завода № 200 в 1942–1945 гг.¹⁶**

Персонал	На 1 января 1942 г.			В 1943 г.			В 1944 г.			В 1945 г. (второй квартал)		
	план	факт	%	план	факт	%	план	факт	%	план	факт	%
Рабочие	3127	1492	47,7	4320	3813	88,3	4300	3818	88,8	4100	3933	95,5
ИТР	—	—	—	635	635	100	650	636	98	635	634	99,8
Служащие	—	—	—	210	193	92	190	165	85,8	175	137	78,3
Младший обслуживающий персонал	—	—	—	130	125	96,2	140	130	92,8	140	94	67,1
Ученики	—	—	—	340	327	96,3	390	276	73,8	300	182	60,6
Всего	—	—	—	5635	5093	90,4	5670	5025	88,5	5350	4980	93

Несмотря на специфичность бронекорпусного производства, где большая часть работников находилась у мартеновских печей, в термических, термопрессовых, чугунолитейных, механических цехах, численность женщин была достаточно высокой. Так, на 1 января 1943 г. они составляли 20,8 %, на 1 января 1944 г. — 28 %. По большей части это были станочницы, электро-

сварщицы, формовщицы, шисьельницы, машинистки кранов и насосов и др.¹⁷

Значительный процент составляли и молодые рабочие. В 1943 г. 37 % контингента составляли юноши и девушки от 15 до 18 лет. К началу 1945 г. из 3136 мужчин подростков в возрасте до 17 лет насчитывалось 397 (12,7 %), из 1361 женщины девушек до 17 лет — 327 (24 %) ¹⁸.

Третьим по величине танковым предприятием Челябинска военной поры был опытный танко-моторный завод № 100, созданный в начале второго квартала 1942 г. Его задачей было проведение опытно-исследовательских работ по следующим направлениям:

1. Создание новых видов тяжелых танков и САУ от проектирования, до изготовления и испытания.

2. Работы по модернизации выпускавшихся уже серийно тяжелых танков и САУ.

3. Опытно-исследовательская деятельность по проверке, доводке отдельных узлов и деталей мотора В-2, а также проектирование новых дизель-моторов для мощных типов бронетехники.

4. Изучение парка трофейной и союзной бронетехники на основе испытаний и опытов,

обобщение результатов и сравнение с конструкциями отечественных танков и моторов.

5. Изыскание заменителей горюче-смазочных материалов¹⁹.

Особенностью данного предприятия было то, что оно обладало отдельным производством, позволявшим создавать все узлы и агрегаты новых боевых машины самостоятельно. Кроме того, из-за специфики завода в контингенте преобладали высококвалифицированные инженеры-конструкторы и рабочие. Главным конструктором и директором завода большую часть военного времени будет легендарный Ж. Я. Котин.

Общую динамику численности рабочего персонала завода № 100 в 1942–1945 гг. представляет табл. 4.

Таблица 4

**Среднесписочный состав промышленно-производственного персонала
завода № 100 в 1942–1945 годах²⁰**

Персонал	Год											
	1942			1943			1944			1945 (второй квартал)		
	план	факт	%	план	факт	%	план	факт	%	план	факт	%
Рабочие	986	770	78	750	813	108,4	1000	948	94,8	1000	926	92,6
ИТР	376	293	74,4	350	379	108,2	510	457	89,6	500	424	84,8
Служащие	101	77	77,8	85	87	102,3	115	94	81,7	110	109	99
Младший обслуживающий персонал	54	34	65,5	45	48	106,6	75	49	65,3	65	45	69,2
Ученики	69	33	47	35	54	154,2	75	45	60	100	38	38
Всего	1586	1207	76,1	1265	1381	109,1	1775	1593	89,7	1775	1568	88,3

Однако надо учитывать, что в первой половине 1944 г. на заводе № 100 наблюдался резкий рост численности промышленного персонала. Например, во втором квартале она достигнет 1905 человек. Это будет максимальная численность контингента завода за военный период. Но во второй половине 1944 г. будет наблюдаться снижение почти на 400 человек. Это будет связано с переводом значительной части персонала в создаваемый филиал завода в Ленинград²¹.

Процент подростков (учеников) на заводе был незначительным. Женщины от общего рабочего персонала составляли существенную часть: например, в 1942 г. — 20,1 % (167 человек), в 1943 г. — 34,2 % (304)²². Среди женщин особую известность получила Антонина Киселева, ставшая техником-испытателем тяжелых танков и САУ. Это единственный случай в истории мирового танкостроения²³.

Завод № 255 из всех танковых заводов города был наименьшим по численности промышленно-производственного персонала, но составлял важную часть комплекса Наркомтанкпрома. Он обеспечивал не только ЧКЗ, но и другие танковые заводы страны большей частью электрооборудования для всех типов танков и САУ: стартерами, генераторами, реле-регуляторами, механизмами поворота башни. Завод электромашин был эвакуирован в Челябинск из Москвы в октя-

бре 1941 г., а уже в декабре выдал первую продукцию.

Вместе с эвакуированным заводом из Москвы осенью 1941 г. прибыло 30 % рабочих высокой квалификации, 70 % ИТР, 25 % служащих. Недостающий персонал набирался из местного населения.

К концу 1942 г. общая численность рабочего персонала составит 1134 человека. В 1942 г. было принято 310 молодых рабочих, в том числе подростков до 16 лет — 74 человека. В последующие годы число работающих несколько снизится. В 1943 г. средняя численность рабочего персонала составила 1055, в 1944 г. — 952 человека.²⁴

Завод № 255 был единственным предприятием танкопрома в Челябинске, где женщины составляли до половины контингента. В 1942 г. женщин насчитывалось 567 человек (50 % всего промышленно-производственного персонала), в 1943 г. — 48,7 %, в 1944 г. — 52,3 %. Ряд профессий были исключительно женскими: обмотчики, пропитчики, штамповщики, оцинковщики, регулировщики²⁵.

В табл. 5 приведены данные о количестве работников на самых крупных предприятиях Наркомата танковой промышленности СССР в военные годы на основе материалов из РГАЭ. При этом нужно учитывать, что это общая численность работников предприятий, включая вспомогательный, то есть непроизводственный персонал.

Итоговое количество промышленно-производственного персонала всех предприятий тан-

ковой промышленности, размещенных в Челябинске в военные годы, представлено в табл. 6.

Таблица 5

Количество работников основных заводов Наркомата танковой промышленности СССР с учетом всего производственного и непроизводственного персонала в годы Великой Отечественной войны²⁶

Завод	Год			
	1942	1943	1944	1945 (первое полугодие)
ЧКЗ (Челябинск)	45 168	49 088	49 196	—
№ 183 (Нижний Тагил)	29 060	31 536	29 835	30 245
УЗТМ (Свердловск)	30 858	31 651	23 903	—
№ 112 (Горький)	22 364	22 679	21 465	—
№ 174 (Омск)	12 651	13 556	13 200	—

Таблица 6

Итоговое количество среднесписочного промышленно-производственного персонала заводов Наркомата танковой промышленности Челябинска в годы Великой Отечественной войны²⁷

Завод	Год			
	1942	1943	1944	1945
ЧКЗ	41 560	44 382	44 312	42 824
№ 200	1492	5093	5025	4980
№ 100	1207	1381	1593	1568
№ 255	1134	1055	952	—
Всего	45 393	51 911	51 882	Не менее 49 372

Исходя из данных табл. 5 и 6, можно сделать однозначный вывод, что в годы Великой Отечественной войны степень концентрации рабочей силы, занятой в производстве бронетехники, в Челябинске была самой высокой из всех промышленных центров страны. Только по промышленно-производственному персоналу она превышала 51 тыс. работников, а с учетом непроизводственного контингента достигала не менее 56 тыс. человек. Это в среднем на 20 тыс. человек больше, чем у следующих по масштабам производства заводов № 183 в Нижнем Тагиле и УЗТМ в Свердловске.

Опираясь на имеющиеся данные, можно констатировать, что в Челябинске сконцентрировалось в 1943–1944 гг. до 25 % работников из всех 27 предприятий Наркомтанкпрома²⁸.

Так в едином сплаве составляющих — тысячи выпущенных танков, десятков тысяч танкистов, проходивших здесь обучение и участвовавших в производстве боевых машин, плеяды выдающихся танковых конструкторов, а также самой высокой концентрации танковых заводов и рабочей силы — выкристаллизовывается перед нами полный и подлинный смысл гордого названия «Танкоград».

Традиции Танкограда военного времени сегодня продолжают трудовые коллективы трех сохранившихся промышленных предприятий города, выполняющих во многом оборонные заказы. Ныне ЧКЗ — это ООО «Челябинский тракторный завод — Уралтрак», завод № 255 — АО

«НПО «Электромашина», завод № 200 — ООО «Станкомаш».

Примечания

¹ Ермолов А. Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. 310 с. ; *Он же*. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб., 2013 ; Мельников Н. Н. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2019 ; В. В. Запарий, Мельников Н. Н. Становление и развитие танкового производства на Урале в 1940-е гг. // Уральский исторический вестник. 2015. № 1. С. 36–37 и др.

² ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 19. Д. 4. Л. 1.

³ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 19. Д. 5. Л. 17 ; Выставочный комплекс «Музей ЧТЗ». Ф. II. Дв. 46. П. III. Р. II. Л. 37 и др.

⁴ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 19. Д. 4. Л. 5–6.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 16. Л. 16–17 ; Д. 26. Л. 44.

⁷ Там же. Д. 16. Л. 16–17.

⁸ Там же. Д. 4. Л. 6.

⁹ Там же. Д. 26. Л. 44.

¹⁰ Подробнее см.: Ковшов И. В. Система подготовки танковых специалистов на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2018. С. 127–134.

¹¹ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 19. Д. 4. Л. 5–6 ; Д. 5. Л. 17 ; Д. 26. Л. 44 ; Д. 33. Л. 53 ; Д. 45. Л. 41 ; Выставочный комплекс «Музей ЧТЗ». Ф. II. Дв. 46. П. III. Р. II. Л. 37.

¹² Выставочный комплекс «Музей ЧТЗ». Ф. II. Дв. 46. П. III. Р. II. Л. 37.

¹³ Подробнее см.: Ковшов И. В. Завод, который был, но не остался танковым: к малоизвестным страницам истории завода № 78 накануне и в начале Великой Отечественной войны // Танкоград в Великой Отечественной войне: малоизученные страницы истории : материалы Всерос. науч. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин, И. В. Ковшов. Челябинск, 2024. С. 6–14.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 1. Л. 193, 200 ; Д. 7. Л. 173 об.

¹⁵ Там же. Л. 31, 59.

¹⁶ Составлено по: ОГАЧО. Ф. Р-1444. Оп. 2. Д. 2. Л. 46 ; Д. 4. Л. 25 ; Д. 7. Л. 162.

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 46, 47 об. ; Д. 4. Л. 32.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Ф. Р-1396. Оп. 1. Д. 38. Л. 1 ; Д. 46. Л. 1.

²⁰ Составлено по: Там же. Д. 46. Л. 14 ; Оп. 2. Д. 6. Л. 24 ; Д. 9. Л. 23.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 35. Л. 27

²² Там же. Д. 46. Л. 15.

²³ Подробнее см.: Ковшов И. В. Женщины-танкисты Великой Отечественной войны: уральский аспект // Уральский исторический вестник. 2020. № 3 (68). С. 107–114.

²⁴ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1599. Оп. 2. Д. 4. Л. 86 ; Д. 8. Л. 60 ; Д. 14. Л. 16.

²⁵ Там же.

²⁶ Ермолов А. Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы ... С. 386–294. Сведения даны по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 105–106

²⁷ На основе сводных данных табл. № 2, 3, 4 ; ОГАЧО. Ф. Р-1599. Оп. 2. Д. 4. Л. 86 ; Д. 8. Л. 60 ; Д. 14. Л. 16.

²⁸ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 19. Д. 4. Л. 5–6 ; Д. 5. Л. 17 ; Д. 26. Л. 44 ; Д. 33. Л. 53 ; Д. 45. Л. 41 ; Выставочный комплекс «Музей ЧТЗ». Ф. П. Дв. 46. П. III. Р. П. Л. 37 ; Ермолов А. Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы ... С. 305. По: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 145.

О. Ю. Юдина

Красноуфимский ремонтно-механический завод в годы Великой Отечественной войны: историко-архивный аспект

Изучение истории локальной промышленности Уральского региона в годы Великой Отечественной войны позволяет детализировать общую картину мобилизации советской экономики. Эвакуационный процесс осени 1941 г. требовал от тыловых городов немедленной организационной перестройки и максимальной концентрации ресурсов. Для г. Красноуфимска Свердловской области, не имевшего до войны крупных промышленных предприятий, ключевым событием стало создание оборонного завода на базе местной машинно-тракторной мастерской (МТМ) и эвакуированных производств из Подмосковья.

Целью настоящей работы является комплексный анализ процесса становления и производственной деятельности Красноуфимского ремонтно-механического завода в 1941–1945 гг. на основе первоисточников, находящихся на хранении в Государственном архиве в г. Красноуфимске.

До начала войны экономический профиль Красноуфимска определялся в основном железнодорожным транспортом, мелкими мастерскими и артелями. Наиболее технически оснащенным объектом была Красноуфимская МТМ, организованная в 1929 г. для ремонта сельскохозяйственной техники. Именно ее инфраструктура стала базой для размещения эвакуированных предприятий.

Согласно конспекту доклада директора завода Никифора Фомича Дзюбенко на бюро райкома ВКП(б), хранящемуся в Государственном архиве в г. Красноуфимске, хронология формирования нового предприятия выглядит следующим образом: октябрь 1941 г. — прибытие первой партии оборудования (22 станка), а также инженерно-технического персонала Ростокинского завода (Московская область); конец 1941 г. — прибытие эшелонов Коломенского и Рязанского моторно-ремонтных заводов.

Официальное юридическое и ведомственное оформление предприятия завершилось в начале 1942 г. В фондах Государственного архива в г. Красноуфимске хранится приказ № 10 по Красноуфимскому ремонтно-механическому за-

воду от 13 января 1942 г., подписанный директором Н. Ф. Дзюбенко. Документ фиксирует:

На основании Приказа НКЗема СССР от 7 января 1942 г. № 4, бывшая Красноуфимская МТМ переименовалась в Красноуфимский ремонтно-механический завод Союзремтреста НКЗема СССР¹.

Анализ машинописных отчетов военных лет свидетельствует об отсутствии проектно-сметной документации на начальном этапе: завод разворачивался экстренно в приспособленных помещениях МТМ. Становление предприятия осложнялось суровыми климатическими условиями зимы 1941/1942 гг.

Установка оборудования производилась параллельно со строительными работами: станки монтировались на земляной пол, заливались бетонные фундаменты, возводились стены цехов. Это напрямую отразилось на темпах выполнения первых планов по выпуску «детали № 2» (см. таблицу).

Динамика выполнения плана по выпуску «детали № 2» (октябрь — декабрь 1941)

Месяц	Плановое задание, шт.	Фактический выпуск, шт.	Примечание
Октябрь	2000	0	Монтаж оборудования, отсутствие условий
Ноябрь	5000	826	Начало работы в неотапливаемых цехах
Декабрь	—	6748	Превышение плановых показателей

Согласно отчету за первый квартал 1942 г., в короткие сроки была проведена масштабная модернизация производственных площадей:

1) закончен монтаж механического цеха № 1 (455,2 кв. м);

2) построены термоцех и инструментальный цех, переоборудован литейный участок;

3) для ликвидации энергодефицита построена силовая станция, оснащенная тремя дизелями

и тремя генераторами общей мощностью 180 кВт.

Уход квалифицированных рабочих-мужчин на фронт вызвал глубокие структурные изменения в кадровом составе завода. Места у станков заняли женщины, пожилые люди и подростки, обучение которых велось непосредственно на рабочем месте.

Свидетельством тяжелых условий труда и одновременно высокого морального духа сотрудников служат личные воспоминания рабочих. Так, сверловщица Мария Оболенская вспоминала, что из-за малого роста ей приходилось работать, стоя на деревянных ящиках, в неотапливаемом цеху. При этом соревновательный характер труда («молнии» по итогам смен) позволял перевыполнять нормы на 150–250 %. Мерой поощрения передовиков выступала выдача талонов на дополнительное питание (в частности, порции распаренной пшеницы)². Архивные сводки подтверждают слова о трудовом героизме. В разделе «Рост производительности труда» за весну 1942 г. указано: «Выработка на одного рабочего в марте составляла 36 р. в день. В апреле месяце 43 р. в день. Таким образом, рост производительности труда... увеличился на 21 %».

Параллельно с ростом выработки на предприятии велся строгий учет качества: процент брака, составлявший в среднем 7,4 %, планомерно снижался за счет усиления технического контроля и наставничества.

Первоначальный производственный план завода на 1942 г. ориентировался на нужды сельского хозяйства и включал 16 наименований запасных частей. Однако потребности фронта скорректировали номенклатуру изделий. По директиве Наркомата земледелия СССР гражданское производство было свернуто, а завод полностью перепрофилирован на выпуск спецпродукции.

В целях секретности оборонное изделие во всех внутренних документах завода и отчетах кодировалось как «деталь № 1» (или «спецдеталь»). Только после рассекречивания архивных фондов в 1970-е гг. стало известно, что предприятие производило сопла — важнейшие комплек-

тующие элементы реактивных снарядов М-13 для гвардейских минометов БМ-13 («Катюша»). За период с конца 1941 по 7 июня 1945 г. силами коллектива завода было выпущено 292 500 единиц данной детали³.

Важным фактором сохранения работоспособности коллектива в условиях дефицита продовольствия стало создание в 1943 г. подсобного хозяйства. На нем выращивались зернобобовые и овощные культуры, а также велся откорм скота, что позволяло снабжать заводскую столовую дополнительными продуктами питания. К этому периоду на заводе окончательно сформировалась структура управления, включавшая заводоуправление, плановый, технический отделы и отдел снабжения.

После окончания войны в 1945 г. эвакуированные заводы вернулись в Московскую область, однако Красноуфимский ремонтно-механический завод продолжил функционировать как самостоятельное предприятие. Произошла конверсия производства: завод вернулся к выпуску гражданской продукции для нужд сельского хозяйства, а позднее освоил серийное производство высокотехнологичного оборудования (расточных станков, испытательных стендов для топливной аппаратуры), поставлявшегося в том числе на экспорт.

Таким образом, Красноуфимский ремонтно-механический завод прошел путь от локальной ремонтной мастерской до значимого оборонного предприятия союзного значения. Успешное освоение производства деталей для реактивной артиллерии «Катюша» в условиях жесткого лимита времени, ресурсов и квалифицированных кадров стало результатом синергии эвакуированных мощностей и самоотверженного труда местных жителей. Документы Государственного архива в г. Красноуфимске выступают надежным источником базисом, подтверждающим масштаб и значение этого трудового подвига.

Примечания

¹ Государственный архив в г. Красноуфимске. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

² Там же. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 13. Л. 100.

³ Там же. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 4, 11.

Н. Г. Зырянова

История племенного завода «Тагил» в архивных документах Нижнетагильского городского исторического архива

Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 9 мая 1927 г. было утверждено положение о землеустройстве горнозаводских районов Уральской области. Согласно этому положению в горнозаводских районах Урала, в том числе в Нижнетагильском округе, начались землеустроительные работы. Была создана возможность правильного пользования землей.

На XV съезде ВКП(б), созванном в декабре 1927 г., было принято решение о всемирном

развертывании коллективизации сельского хозяйства.

Производственное кооперирование крестьянских хозяйств в форме мелких артелей и товариществ стало перерастать в колхозное движение. К 1928 г. в Нижнетагильском округе имелось 118 мелких хозяйств производственного объединения различного типа, а к 1930 г. — семь крупных колхозов и 67 крестьянских хозяйств производственного объединения¹.

Улучшению скотоводства на Урале, и в частности в Нижнетагильском районе, способствова-

ло развитие отраслей промышленности, вызвавшее большой прирост населения и увеличение спроса на продукты животноводства².

Народным комиссариатом земледелия РСФСР тагильский скот был признан одной из 12 плановых пород Советского Союза и намечен в качестве плановой улучшающей породы молочного скота почти для всей Уральской области и части Нижегородского края³.

История племенного завода началась 5 октября 1929 г., когда по приказу Наркомата земледелия был организован Нижнетагильский молочно-племенной совхоз⁴.

Молочно-племенной совхоз являлся основной базой для селекционной работы, в нем была сосредоточена лучшая часть стада тагильского скота в 1000 голов. Вся селекционная работа в совхозе была организована и велась Пермской зональной опытной станцией, которая своей задачей ставила изучение и усовершенствование местного и главным образом тагильского скота. Работа проводилась на базе колхозов, совхозов, госплемрассадников и опорных пунктов в зоне деятельности станции⁵. Распространение племенного скота производилось не по всей области, в первую очередь укомплектовывался Нижнетагильский молочно-племенной совхоз и коллективные рассадники в колхозах Тагильского и Висимского районов. Основными местами для распределения являлись Висимо-Шайтанск, Висимо-Уткинск, Черноисточинск и Нижняя Салда⁶.

В 1930-е гг. от Пермской зональной опытной станции молочного хозяйства в Тагильский племхоз были отправлены научные сотрудники для упорядочивания всей племенной работы в хозяйстве и проведения мероприятий по дальнейшему развертыванию племенного дела⁷. Опытной станцией был разработан план племенной и селекционной работы в Тагильском племхозе, основными задачами которого являлись:

- производство племенных быков-производителей для совхозов и колхозов по Уральской области;
- производство путем селекции и подбора быков — улучшателей породы, передающих по наследству высокую удойливость и жирномолочность;
- производство маточного материала⁸.

Благодаря мероприятиям, проведенным Пермской зональной станцией по организации племенной работы в Тагильском племхозе в 1930 г., тагильская порода была официально признана плановой для улучшения скота ряда областей Урала и Сибири. В 1931 г. издан первый том государственной племенной книги тагильской породы⁹.

В конце 1930 г. совхоз получил название «Нижнетагильский молочно-овощной совхоз» с подчинением тресту молочно-овощных совхозов, который был создан в Свердловске¹⁰. Центральная усадьба совхоза располагалась на земельном участке бывшей заимки купца Шибнева (Шибневская заимка) в 10 км от Нижнего Тагила.

Совхозу был отведен земельный участок площадью 3324 га¹¹.

Первого января 1934 г. Нижнетагильский молочно-овощной совхоз был разделен на два самостоятельных хозяйства: Нижнетагильский племенной совхоз № 143 (на ферме № 2 около с. Краснополье) и Нижнетагильский совхоз зональной опытной станции молочно-мясного скотоводства (на центральной усадьбе)¹².

В 1934 г. для осуществления задач, поставленных XVII съездом и июльским пленумом ЦК ВКП (б) «По вопросам развития социалистического животноводства» и Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 16 июля 1934 г. и от 1 февраля 1935 г. № 175 «О реорганизации научно-исследовательской работы в области сельского хозяйства», Нижнетагильская зональная станция молочно-мясного скотоводства была реорганизована в Свердловскую областную комплексную опытную станцию по животноводству. Размещалась станция в 10 км от Нижнего Тагила, на территории нынешнего пос. Зонального¹³.

Опытная станция по животноводству была организована с целью изыскания и внедрения в практику животноводства новейших методов развития и улучшения пород крупного рогатого скота, коневодства, свиноводства, овцеводства, кролиководства и птицеводства обслуживаемой Свердловской области, пользуясь для этого достижениями науки и техники СССР, изыскивая и исследуя новые пути и методы. В пределах Свердловской области станция являлась руководящим органом научно-исследовательской работы в области животноводства и кормодобывания. Основной базой научной работы станции являлось производство колхозов и совхозов Свердловской области. Для ведения углубленной научно-исследовательской работы областная опытная станция имела сеть опорных пунктов, опытных ферм, которые устанавливались станцией и утверждались Свердловским областным зональным управлением. Наряду со стационарной работой в опытных фермах станция проводила экспедиционные обследования состояния животноводства в отдельных районах и хозяйствах, лучший опыт распространялся в колхозы и совхозы Свердловской области.

Свердловская опытная станция находилась в ведении Свердловского областного земельного управления и проводила работы под непосредственным методическим руководством сельскохозяйственного отдела Академии наук им. В. И. Ленина, Всесоюзного института животноводства и Всесоюзного института кормов¹⁴.

В 1935 г. в соответствии с Постановлением № 3599 Наркомата земледелия СССР, в единую областную государственную племенную книгу крупного рогатого скота было внесено 100 коров тагильской породы Свердловской областной опытной станции по животноводству Тагильского района¹⁵.

В июне 1936 г. по указанию Наркомата земледелия Нижнетагильский племенной совхоз № 143 и Свердловская областная опытная станция по животноводству Тагильского района были объединены¹⁶. Центральная усадьба укрупненного совхоза получила название «Нижнетагильский племенной совхоз № 143» с подчинением Главному управлению животноводства Народного комиссариата земледелия СССР.

Распоряжением № 142 по Главному управлению животноводства Наркомата земледелия СССР от 29 декабря 1938 г. было произведено разукрупнение Нижнетагильского племенного совхоза № 143 на два самостоятельных хозяйства: племенной совхоз «Зональная» и Нижне-Тагильский племенной совхоз¹⁷.

Племенной совхоз «Зональная» стал государственным социалистическим сельскохозяйственным предприятием общесоюзного значения. Основными задачами племенного совхоза являлись воспроизводство и выращивание высокопродуктивного племенного скота для улучшения колхозных товарных ферм. Для осуществления этой задачи на племенной совхоз возлагались следующие виды работ:

1) селекционно-племенная работа по выращиванию лучших по своим племенным и продуктивным качествам животных;

2) организация правильного ветеринарного и зоотехнического обслуживания стада скота с целью предотвращения заболеваний;

3) организация собственной кормовой базы путем проведения культурно-технических работ по переводу необработанных земель в луга и пастбища, чтобы в течение всего года стадо племенного совхоза было обеспечено собственными кормами;

4) строительство благоустроенных и оборудованных помещений для скота, электрификация и механизация основных производственных процессов;

5) продажа племенного скота, молодняка и племенных производителей колхозам Свердловской области;

6) сдача государству по утвержденным государственным планам мясной, молочной, зерновой продукции;

7) организация случных пунктов для оказания окружающим колхозам, совхозам помощи, путем предоставления для случки своих племенных и улучшенных производителей;

8) подготовка кадров массовой квалификации путем организации курсов при племхозе, рабоче-крестьянские школы и т. д.¹⁸

На 1 января 1940 г. племенной совхоз «Зональная» имел общую земельную площадь 4275 га¹⁹. Общее поголовье крупного скота составляло 539 голов, из них 174 коровы²⁰.

За годы Великой Отечественной войны совхоз пришел в упадок, удой молока упал с 3550 л в 1941 г. до 1482 л в 1946 г. Согласно отчету по животноводству совхоза «Зональная» на 1 января 1944 г., общее стадо крупного рогатого скота со-

ставляло 385 голов, из них коров 162. Также в совхозе числилось небольшое количество лошадей и свиней. В государственную племенную книгу были записаны 68 коров и 4 элитных племенных быка²¹.

На 1 октября 1954 г. общее поголовье крупного рогатого скота в совхозе составляло 470 единиц, в том числе коров — 204. Имелось также 50 свиней, 101 лошадь, птица²².

Постановлением Совета министров РСФСР от 14 февраля 1957 г. № 38 племенной совхоз «Зональная» был объединен с совхозом «Тагил». Объединенное хозяйство получило новое название «племенной совхоз «Тагил»» с центральной усадьбой в бывшем совхозе «Зональная». В объединенном совхозе были выделены три самостоятельные фермы: № 1 (бывший совхоз «Зональная»), № 2 (колхоз «Заветы Ильича») и № 3 (совхоз «Тагил»)²³. Основными задачами совхоза являлись:

1) выращивание племенного молодняка тагильской жирномолочной породы и снабжение рабочей города молоком;

2) выращивание овощей и картофеля для снабжения рабочих города;

3) сдача мяса от крупного рогатого скота и свиней с откорма.

Дополнительно совхоз занимался пчеловодством и звероводством.

На 1975 г. в совхозе числилось 465 рабочих и служащих. Площадь сельхоз угодий составляла 5200 га, пашни — 3000 га. Также имелось 130 рабочих лошадей²⁴.

Посевные площади племсовхоз увеличивал постепенно, за счет раскорчевки лесных участков, к 1957 г. общая земельная площадь составляла 12 946 га, из них пашни — 2280 га. Поголовье крупного рогатого скота к этому году составляло 1301 голов, в том числе коров 639; свиней было 597, из них свиноматок 69; лошадей рабочих — 136 (55 голов молодняка); пчелосемей — 195; звероферма черно-бурых лисиц насчитывала 14 голов маток и 53 головы молодняка²⁵.

Приказом Министерства сельского хозяйства РСФСР от 30 июня 1959 г. № 313 племенной совхоз «Тагил» был переименован в племенной завод «Тагил», который находился в подчинении Свердловского областного управления сельского хозяйства, подведомственный Нижнетагильскому межрайонному производственному управлению сельского хозяйства²⁶.

На 1962 г. в составе племзавода числились три самостоятельные фермы, ремонтная мастерская и детский сад-ясли племзавода. Общая земельная площадь составляла 15 535 га, в том числе пашни 2730 га, сенокосов 2300 га. Крупного рогатого скота — 1500 голов, в том числе коров — 670 голов; лошадей — 150 голов. Сдача продукции государству составила: молока — 19 500 ц, мяса крупного рогатого скота — 800 ц, племпродажи — 370 ц, овощей — 8000 ц, картофеля — 900 ц. Численность рабочих — 410 человек²⁷.

На начало 1968 г. количество крупного рогатого скота в племзаводе составляло 1076 голов, в том числе 546 коров; надой молока на одну корову составлял 2534 ц, сдача молока государству — 16 443 ц, мяса — 1726 ц, свинины — 461 ц²⁸.

Племенной завод «Тагил» регулярно участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. За высокие производственные показатели в селекции крупного рогатого скота десятилетия передовых доярок и телятниц хозяйства удостоивались чести представлять регион и получать награды на главном аграрном смотре страны. В их числе доярка Т. В. Кудрина, получившая большую золотую медаль, телятница Е. И. Осипова, получившая большую серебряную медаль. Доярка А. З. Прокопьева неоднократно была участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (большая золотая медаль в 1955 и бронзовая медаль в 1956 г.)²⁹.

Двадцать четвертого января 2008 г. племенной завод «Тагил» прекратил свою деятельность³⁰, а документы были переданы на хранение в Нижнетагильский городской исторический архив.

Хочется отметить, что племенная и селекционная работа — дело сложное и ответственное. Поголовье, с которым велась работа в племзаводе «Тагил», требовало равномерного и достаточно обильного кормления, тщательного, регулярного ухода, внимательного ветеринарного обслуживания, точного учета удойливости, жирномолочности, скармливаемых кормов и т. п., а кроме того, тщательного изучения роста и развития молодняка, влияния наследственных и ненаследственных факторов на продуктивность тагильского скота.

Племенной завод «Тагил» — это легендарное сельскохозяйственное предприятие Среднего Урала, сыгравшее ключевую роль в обеспечении продовольствием и развитии селекции на Урале.

Пройдя путь от совхоза до государственного племенного предприятия, внесшего неоценимый вклад в развитие сельского хозяйства Свердловской области, он стал ключевой селекционной базой для разведения уникального тагильского крупного рогатого скота. Предприятие прославилось тем, что вывело выносливую и высокопродуктивную племенную породу коров, которая давала молоко высокого качества и при этом была неприхотлива к суровым уральским климатическим условиям и скудным кормам.

Примечания

¹ НТГИА. Ф. Р-488. Л. 1, 2.

² Сельскохозяйственная электронная библиотека знаний. URL: <https://www.cnsb.ru/AKDiL/0044/base/k0030009.shm>

³ НТГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

⁴ Краткий справочник по фондам Нижнетагильского городского исторического архива. Нижний Тагил, 2005. С. 84.

⁵ НТГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6.

⁶ Там же; Л. 2, 3.

⁷ Там же. Л. 40, 94.

⁸ Там же. Л. 142.

⁹ Сельскохозяйственная электронная библиотека знаний ...

¹⁰ Архив муниципального образования Горноуральский. Ф. 36/51.

¹¹ НТГИА. Ф. Р-488; Ф. 198. Оп. 1. Д. 58. Л. 19–22.

¹² Там же. Ф. Р-488. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 5–6.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 47–54.

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ Там же. Д. 22. Л. 7, 11, 20.

¹⁸ Там же. Л. 3–4.

¹⁹ Там же. Д. 32. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 27. Л. 12.

²¹ Там же. Д. 45. Л. 1–1 об.; Д. 60. Л. 10.

²² Там же. Д. 75. Л. 135.

²³ Там же. Д. 93. Л. 287.

²⁴ Там же. Д. 97. Л. 5.

²⁵ Там же. Д. 95. Л. 1, 11.

²⁶ Там же. Д. 149. Л. 20.

²⁷ Там же. Д. 117. Л. 1, 6, 9–10.

²⁸ Там же. Д. 179. Л. 9.

²⁹ Там же. Л. 9; Д. 20. Л. 71, 75.

³⁰ Архив муниципального образования Горноуральский. Ф. 36/51.

В. В. Запаруй

О подготовке кадров для белорусских предприятий на Урале после Великой Отечественной войны (по материалам прессы)

Интересную информацию о повседневной жизни граждан Советского Союза можно почерпнуть из публикаций в газетах того времени. Они передают дух и устремленность в будущее граждан страны Советов. Нам уже доводилось писать на эту тему¹.

На примере публикаций в прессе писем белорусов, приехавших из только что освобожденной БССР на учебу на Урал, видны тесные межрегиональные и чисто человеческие взаимоотношения в тяжелое и голодное время. Особенно это видно в серии писем, опубликованных на страницах брестской областной газеты «Заря»², которые мы и приводим в статье.

Хотелось бы выразить большую благодарность работникам Брестского архива, предоста-

вившим возможность глубокого изучения материала как архивных, так и газетных материалов Брестской области³.

«После освобождения нашей земли от немецко-фашистских захватчиков, — пишется в статье в газете, выходившей в Брестской области, — для молодежи открылась дорога к жизни. Она получила возможность учиться, приобретать почетные в нашей стране квалификации слесаря, токаря, столяра и др. Многие юноши и девушки Брестчины в прошлом году уехали в школы ФЗО Урала, где настойчиво овладевают сложными профессиями, учатся в общеобразовательных школах».

В этой газете помещались письма юношей и девушек из Каменецкого, Жабинковского,

Березовского и других районов, которые на тот момент учились в школах ФЗО на Урале. В этих письмах они рассказывают о своей учебе и жизни⁴.

Так, в статье с характерным названием «Гордость нашей школы» написано следующее:

Раньше мы жили в родной Белоруссии. По первому призыву вашего правительства мы поехали учиться в школу ФЗО металлургов на Урале. Как хорош Урал! Его красота и богатство трудно поддаются описанию. А ведь раньше мы о нем имели представление только по географической карте... Сейчас мы живем в красивом уральском городе Нижний Тагил.

Помещения, где мы учимся, просторные, уютные. Одновременно с учебой проходим практический курс на одном из крупных заводов нашей страны. Здесь мы приобрели специальность горновых, сталеваров, слесарей. Сейчас работаем на заводе. Честным и упорным трудом многие ребята и девушки заслужили почет и уважение среди рабочего коллектива.

Особенно хорошо работают Всеволод Марчук, Александр Жебрун, Зань, Ключач, Богдан — ребята из группы сталеваров; ребята группы горновых доменного цеха Пуховский, Руска, Мартинок, Чубук; токаря Иванов, Пришкевич, Голод, Красько и другие, которые ежедневно перевыполняют план на 130–150 процентов. Их имена являются гордостью нашей школы.

Живем мы в светлых больших комнатах. Чисто. Тепло. Койки аккуратно заправлены чистыми одеялами.

В выходной день часто ходим в кино. Смотрели кинофильмы «Александр Невский», «Иван Грозный», «После войны», «Укротительница тигров» и другие. Также посещаем театр, цирк. Многие из наших ребят занимаются в кружках художественной самодеятельности.

Отличники школы ФЗО № 2
Якубович, Зориков, Тихонов⁵

В этом номере газеты содержится еще одна статья под названием «На Урале», где красочно расписаны прелести новой уральской жизни. В ней сообщается, что перед взором молодых девушек, приехавших из Белоруссии, впервые предстали тайга, горы, гиганты-заводы, шумная заводская жизнь. Проходя по многочисленным цехам, они с большим интересом рассматривали сложное оборудование. У каждого было одно стремление — скорее начать работать на этих станках, чтобы производить необходимое оборудование для восстановления городов и сел родной Белоруссии, чтобы больше укрепить обороноспособность Родины. И молодые белорусы взялись за учебу:

Маша Сахарчук учится на слесаря, уже работает самостоятельно, является лучшим бригадиром молодежной бригады, отличником учебы. Изготавливает инструменты высокого качества. Здесь ее приняли в ряды ленинско-сталинского комсомола. Также отлично учится Валя Демчук. Она является лучшим слесарем в бригаде. Соня Левшнич, Аня Рай, Соня Вакуло — отличницы учебы в токарной группе. Все они комсомолки.

Своим отличным трудом и своей отличной учебой молодежь Брестской области помогла завоевать школе первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании. Активное участие принимают юноши и девушки в кружках художественной самодеятельности. Выступая на городском смотре художественной

самодеятельности, школа завоевала первое место в городе.

В конце статьи автор обращается к белорусам и просит в свою очередь рассказать о работе на полях, в колхозах, на заводах области. Завершается публикация призывом:

Если хотите стать квалифицированными рабочими — поступайте в школу ФЗО, приезжайте к нам, своим землякам.

Подпись

С. Сурин, комсорг ЦК ВЛКСМ школы ФЗО № 7⁶

Далее помещена публикация под названием «Приезжайте, девушки!». В ней написано от первого лица:

Живу я в красивом уральском городе Нижний Тагил. Учусь в школе ФЗО № 49. Совершенствуюсь в специальности прессовщицы на станке «Бойд». Отлично справляюсь с заданием, которое поручает мастер.

Одновременно я учусь в 7-м классе вечерней школы молодежи. Этот год не прошел даром. Я овладела специальностью прессовщицы и окончила на «отлично» 6-й класс. Для учебы нам созданы все условия. Я думаю, обязательно окончить неполную среднюю школу и поступить в техникум.

Далее автор рассказывает об Урале:

Когда я приехала сюда — все для меня было новым: и местность, и город, и дома, и даже люди. Меня, как и всех нас, приехавших из Белоруссии, приняли очень тепло и радостно. С первых дней я полюбила красивые горы, живописную тайгу, большие уральские заводы, гостеприимных уральцев. Шумная заводская жизнь стала для меня родным домом.

Я горжусь тем, что вместе со всеми выполняю обязательство, данное в письме к уральцам товарищу Сталину — дать стране больше металла для укрепления могущества нашей любимой Родины.

Я вполне счастлива. Приезжайте, девушки, к нам! Будем работать и учиться!

Надежда Раковская⁷

Статья под названием «Токари» содержит рассказ еще одной девушки из Белоруссии:

...Как только стало известно о призыве в школы ФЗО, я сказала матери:

— Мама, обязательно уеду учиться.

— Умница ты у меня, учись, теперь нет немцев...

В пути я встретила много девушек, которые тоже ехали на учебу. Когда мы приехали сюда, нас поместили в чистые квартиры, дали хорошее питание. Рассказали, какие здесь имеются школы.

Вот однажды подруга говорит нам:

— Девушки, будем учиться токарному делу. Ведь так интересно работать на станке по обточке разных деталей. Скоро была создана группа исключительно из девушек.

С первых дней учеба идет успешно. Мы изучили токарный станок, технологию металла и сейчас работаем токарями.

Наша школа ФЗО № 7 является передовой школой. Она подряд 15 месяцев занимает одно из первых мест во Всесоюзном социалистическом соревновании. При школе создан ансамбль песни и пляски, в котором участвует свыше 150 человек учащихся. Разучиваем русские, белорусские и украинские народные песни и танцы. Часто выступаем на ученических вечерах художественной самодеятельности.

Хорошо и весело проводим свободное время. В красном уголке читаем газеты, журналы, книги, играем в шахматы, шашки, домино. Для нас проводят беседы, читают лекции. Одновременно в школе работают драматический, физкультурный, фотокружки, кружок по изучению книги товарища Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и другие.

Правильный режим для и культурный досуг помогают нам воспитать из себя физически крепких и грамотных рабочих.

Многие из нас являются членами молодежных бригад. Наши девушки-белоруски благодарны советской власти, что получили возможность приобрести специальности токарей и активно принимают участие в восстановлении народного хозяйства родной Белоруссии.

А. Сердюк⁸

Так в одной газете сконцентрировано несколько публикаций, описывающих жизнь белорусской молодежи, приехавших на Урал получать рабочие профессии, в которых так нуждалась освобожденная от врага, но лежащая в развалинах Беларусь.

Учеба на Урале гарантировала получение качественного рабочего образования и снижала

нагрузку на белорусские власти, которые после освобождения БССР не могли обеспечить продовольствием и жильем жителей этой республики.

Кроме того, данные публикации делали хорошую рекламу по привлечению молодежи для подготовки к нужным для региона профессиям с целью дальнейшего восстановления и развития промышленности республики.

Примечания

¹ Запарий В. В., Зайцева Е. В., Горбачев А. О. Челябинские трубопрокатчики помогают в модернизации промышленности БССР: по материалам многотиражки завода (1960–1980-е гг.) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2025. Т. 9. № 4. С. 31–38.

² «Заря» — газета, орган Брестского обкома Коммунистической партии Белоруссии, областного и городского Совета депутатов трудящихся с 1945 по 1991 г.

³ Хотелось бы объявить благодарность архивисту 1-й категории Государственного архива Белорусской области Ольге Викторовне Сухаревич за доброжелательное и бережное отношение к исследователям и обеспечение их архивными материалами.

⁴ Письма на родину с Урала // Заря. 1945. 9 сент.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Приезжайте, девушки! // Там же.

⁸ Токари // Там же.

А. В. Чуриков

Резэвакуация тяжелой промышленности в экономической ситуации Челябинской области 1943–1946 годов

Эвакуированные предприятия, размещенные в Челябинской области, начали функционировать на полную мощность в 1943 г. В период 1943–1945 гг. коллективы эвакуированных предприятий смогли наладить выпуск продукции. Процесс интеграции эвакуированного оборудования совпал с коренным переломом в ходе войны. В результате наступательных операций 1943–1944 гг. Красная армия освободила многие западные города и рабочие поселки СССР, которые нуждались в восстановлении. Экономическая ситуация там усугублялась тем, что большинство промышленных центров юга и запада России, Украины отправили оборудование на восток или были уничтожены.

Восстановление промышленности на западе могло быть реализовано в рамках двух подходов. Первый — вернуть оборудование, эвакуированное в 1941–1942 гг. Второй — сконцентрировать все ресурсы на восстановлении экономики запада, не прибегая к реэвакуации. Первый вариант сложно было реализовать, так как на восток отправилась малая часть промышленного потенциала западных районов (по нашим подсчетам, не более 5 % довоенного количества). К тому же оборудование уже было интегрировано экономической восточных районов, и его реэвакуация могла привести к слою всей экономической структуры востока СССР. Правительство сделало ставку на второй вариант. В 1942–1946 гг. была проведена ограниченная реэвакуация, которая затронула и Челябинскую область, но она не стала массо-

вым процессом, проводилась локально и точечно. Массового потока реэвакуированных грузов, подобных эвакуации тяжелой промышленности, не было.

Возвращение эвакуированного оборудования в западные районы СССР — вопрос, не получивший в исторической литературе должного освещения. После войны исследователи практически не рассматривали реэвакуацию промышленности. Только в 1980-е гг. в отдельных работах появляются данные о реэвакуации. В «Истории социалистической экономики СССР» 1980 г. авторы констатировали, что большая часть эвакуированного оборудования осталась на Урале¹. В 1981 г. И. В. Ковалев отмечал, что в 1944 г. заметно выросли перевозки грузов и людей из тыла в освобожденные районы, и в политическом отношении эта реэвакуация имела не меньшее значение, чем эвакуация на восток². Основной чертой работ 1980-х гг. было отсутствие количественного анализа. Только Г. Б. Поляк кратко упомянул о возвращении предприятий, оборудования и населения с использованием фактических данных³.

В 1990-е гг. вопросами реэвакуации занимались украинские историки, в сферу их интересов входило возвращение в УССР оборудования, инженерно-технических работников, квалифицированных рабочих, партийной номенклатуры⁴. Вплоть до 2005 г. вопросы реэвакуации находились в ракурсе социальной истории. В 2004 г. Л. И. Снегирева и Т. А. Сафонова рассмотрели

этапы реэвакуации гражданского населения из Западной Сибири⁵. М. Н. Потемкина выделила потоки и механизмы реэвакуации гражданского населения, привела количественные данные⁶. В 2006 г. И. А. Карпенко изучила влияние реэвакуации на восстановление Ленинграда⁷.

О реэвакуации в 1942 г. оборудования в Москву писал в 2005 г. В. Н. Парамонов, проанализировавший влияние реэвакуационных потоков на работу железных дорог⁸. В 2006 г. вышла монография И. В. Быстровой, реконструирующая механизм эвакуации и реэвакуации оборонных предприятий центрального экономического района. В. В. Запарий и В. Б. Личман, рассматривая эвакуацию и реэвакуацию металлургических предприятий на Урале, выделили сопутствовавшие проблемы и попытались определить процент реэвакуированного оборудования и последствия возвращения кадров⁹. А. В. Жук отмечал, что правительство приняло дальновидное решение сохранить эвакуированную промышленность на Урале¹⁰.

За гранью исследований остались вопросы количества и качества реэвакуированного оборудования. Историки не дали окончательного ответа на вопрос, являлась ли реэвакуация тяжелой промышленности столь же массовым процессом, как и перебазирование 1941–1942 гг. На материалах Челябинской области мы предприняли попытку рассмотреть механизм и юридическую базу реэвакуации, а также определить качественные и количественные показатели частично реэвакуированного оборудования.

Реэвакуация санкционировалась постановлениями ГКО, СНК СССР, ЦК ВКП(б), Госплана и наркоматов. Все финансовые затраты принимало на себя государство. В отличие от эвакуации 1941–1942 гг. документов, определявших порядок реэвакуации, обнаружить не удалось. В источниках практически невозможно определение «возвращение эвакуированного оборудования». Это позволяет оперировать термином «реэвакуация оборудования», смысл которого заключается в поэтапном и ограниченном возвращении неиспользуемого оборудования на восстанавливаемые предприятия западных районов.

Одним из первых документов стало постановление ГКО от 22 января 1942 г. «Об оборудовании для Москвы и Московской области»¹¹. Комитет предписывал выделить оборудование, эвакуированное из Москвы, переписать его и доставить к месту прежнего размещения¹². Дальнейшее движение проходило в рамках помощи освобожденным районам Украины и юга России. Двадцать второго февраля 1943 г. постановлением ГКО «О восстановлении угольных шахт Донбаса» было организовано главное управление по восстановлению, которое обращалось в обкомы тыловых регионов с требованием предоставить неиспользованное оборудование в первую очередь с эвакуационных баз (баз не востребуемых грузов)¹³. Процесс начался задолго до выхода постановления. И. В. Быстрова отмечала, что ведом-

ства направляли Л. П. Берии просьбы о передаче оборудования, месяцами лежавшего на складах¹⁴. На Челябинской базе бездокументных грузов на 1 марта 1943 г. находилось 1285 единиц оборудования¹⁵.

В дальнейшем, в 1943–1945 гг., ГКО расширил промышленную специализацию восстанавливаемых районов. Первого октября 1944 г. вышло постановление «Об усилении внимания делу восстановления... черной и цветной металлургии и электростанций». Для восстановления привлекались все наличные ресурсы, но упор делался на новое строительство на основе современных технологий. Изучение документов позволяет утверждать, что функционирующая на Урале эвакуированная промышленность не могла стать «донором» западных районов: это привело бы к снижению производства, а также предприятия не смогли бы покрыть нужды освобожденных районов. В 1944–1946 гг. была проведена исключительно частичная реэвакуация оборудования предприятий, не имевших принципиального значения для уральской экономики (насосные заводы, газовые станции, краны, станки, сварочные аппараты и др.)¹⁶.

Практическую работу осуществлял Госплан СССР, организационные работы по перемещению — комиссии при Госплане и СНК. В ноябре 1942 г. была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, которая также устанавливала ущерб предприятиям и изыскивала средства помощи. Руководство комиссией до 1945 г. осуществлял Н. М. Шверник¹⁷. В августе 1943 г. при СНК СССР был создан Комитет по восстановлению хозяйства в освобожденных районах (председатель Г. М. Маленков, члены А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский, А. А. Андреев, Л. П. Берия), который занимался переброской оборудования и контролем¹⁸. В 1944 г. Госплан предложил создать специальное управление по восстановлению, а к августу подготовил проект плана на 1943–1947 гг.¹⁹

Процесс частичного возвращения оборудования можно разделить на два этапа: 1941–1942 гг. — транспортировка оборудования для Москвы, Московской и Калининской областей; 1943–1946 гг. — возвращение неиспользуемого оборудования в освобожденные районы Украины, Ленинградской области и западных районов России. Первый этап носил локальный, точечный характер, второй отличался более широким территориальным охватом. Завершением реэвакуации следует считать 1946 г., так как после этого срока информация о процессах отсутствует, а оборудование было закреплено за тыловыми предприятиями.

Первый практический опыт был получен в 1942 г., когда в освобожденные районы стало возвращаться дефицитное оборудование. В 1942 г. после снятия угрозы Москве правительство решило восстановить ее промышленность,

так как эвакуация серьезно повлияла на потенциал города: в январе 1942 г. выпуск промышленной продукции снизился до 621 млн руб. (более чем втрое). В результате реевакуации уже в июле 1942 г. выпускаемая продукция составила 945 млн руб., в декабре — 1,3 млрд²⁰. В конце 1942 г. московские заводы выпускали 31 % продукции Наркомата среднего машиностроения, более 39 % — станкостроения, 14,6 % — тяжелого машиностроения²¹.

Свою лепту внесла Челябинская область. В конце 1941 г. обком партии принял решение отправить в Москву оборудование для заводов им. Калинина, Климовского завода, «Комета», завода им. 1905 года, № 67, «Красный пролетарий», Московского завода шлифовальных станков. Ответственность возложили на начальника Южно-Уральской железной дороги²². Директор завода «Красный пролетарий» П. Ф. Тараничев вспоминал, как рабочие с одобрением отнеслись к возвращению в Москву, хотя оборудование оставляли только то, что не нужно танкостроителям²³.

В начале 1942 г. Московский горком ВКП(б) обратился в СНК с просьбой об использовании свободных площадей эвакуированных предприятий. Госплан в феврале 1942 г. посчитал, что полное удовлетворение заявок потребовало бы возвращения до 40 % станков, и предложил организовать производство только для нужд армии, Москвы и восстановления производства столицы. Восстановить предлагалось лишь 57 предприятий, без нового строительства и без завоза оборудования и рабочих без спецраспоряжения СНК²⁴.

В 1943–1946 гг. практиковалась частичная передача неиспользуемого оборудования с заводов Челябинской области. Центральный комитет КП(б) Украины просил оказать помощь в восстановлении харьковских станкостроительных заводов, вернув оборудование с других предприятий²⁵. В 1943 г. началось централизованное восстановление западных районов, которое часто означало новое капитальное строительство. Единственным сдерживающим фактором была нехватка квалифицированной рабочей силы на востоке²⁶. Нарком вооружения Д. Ф. Устинов отмечал, что на прежние места возвращались не все работники, так как заводы на Урале, в Сибири и Средней Азии работали с полной нагрузкой, и реевакуация не должна была отразиться на выпуске вооружения²⁷.

Согласно справке Госплана 1944 г., освобождаемые районы давали 55 % всей валовой продукции СССР. Первоначальный этап восстановления предусматривал получение простейшим способом продукции для военных нужд²⁸. В ноябре 1943 г. нарком боеприпасов Б. А. Ванников докладывал о восстановлении 12 заводов НКБ на юге, но из-за отсутствия ресурсов требовалась ограниченная переброска неиспользуемого оборудования²⁹. Д. Ф. Устинов подчеркивал, что восстановление означало не только отстройку корпусов, но и налаживание полноценного производства, нередко с расширением³⁰.

Механизм перемещения был отработан еще в 1941 г. Совнарком Постановлением № 2091-951с предоставил Госплану право перераспределять бездокументные грузы: котлы, турбины, двигатели, станки, прессы, трансформаторы, насосы и т. д.³¹ В Челябинской области запасы были обширны. Проверка 1944 г. показала более 1,8 тыс. единиц бездействующего оборудования, в том числе более 50 станков, более 30 трансформаторов. Уполномоченный Госплана рекомендовал передать его другим заводам³².

Оборудование направлялось также в потоках «шефской помощи». Челябинская область помогала Курской области, Донбассу, Москве и Подмосковию. Магнитогорский металлургический комбинат «курировал» восстановление Запорожстали³³. В 1944 г. заметно возросли перевозки людей и грузов; в освобожденные районы вернулось около 35 тыс. единиц оборудования³⁴.

В 1944 г. решением ГКО из Челябинской области реевакуировали три предприятия. По Распоряжению № 58086 от 4 мая 1944 г. Златоустовский насосный завод со всем оборудованием, материалами и 200 рабочими перевезли в пос. Свессы Сумской области для выпуска паровых насосов³⁵. Оборудование Усть-Катавского завода № 13 перевезли на завод № 592 в Мытищи для производства деталей к минометам и ремонта бронепоездов³⁶. Также было разрешено реевакуировать оборудование и рабочую силу со строительства Челябинской станции на Лисичанскую³⁷.

На площадях оставшихся заводов организовывали ремонт вооружения и новые производства. Например, на площадях Кировского завода в Ленинграде организовали ремонт тяжелых танков³⁸. Руководство Танкограда (Челябинск) направило в Ленинград для восстановления Кировского завода турбомоторный цех с документацией, 200 рабочих и 20–30 ИТР, а также оборудование, станки, прессы, молоты, электропечи³⁹.

Особыми были отношения с Донбассом. Донецкая и Луганская области эвакуировали оборудование именно на Южный Урал. После освобождения Донбасса туда направляли неиспользованное оборудование, металл, шахтерский инструмент. В 1943 г. отправлено пять эшелонов: 106 станков, 234 электромотора, 34 насоса, 2000 м кабеля и др. С сентября 1943 по январь 1944 г. — 14 эшелонов (648 вагонов). Горняки Копейска прислали оборудование в Макеевку⁴⁰. Магнитогорский комбинат, предприятия Златоуста, Ленинского района Челябинска отправляли эшелоны с металлом, инструментами, лесом. Обком обязал выявить оборудование для отправки в Донбасс; «спонсорами» выступали предприятия, имевшие базы бездействующего эвакуированного оборудования (Кировский завод, заводы № 78, 259, 391, 13, ЧМЗ, ММК, Златоустовский металлургический завод и др.)⁴¹. Двадцатого мая 1945 г. создана комиссия для отправки оборудования в Донбасс⁴².

В 1944 г. Челябинская область взяла шефство над Курской областью. К началу 1944 г. были

отправлены семь эшелонов, 284 станка, вагоны с инструментами, запчастями, пиломатериалами, лесом, цементом, металлом, а также инженерно-техническая группа⁴³. П. Г. Агарышев отмечал, что Урал являлся базой для восстановления западных районов. Заводы Челябинской области помогли восстановить Сталинград, Донбасс, Кубань, Украину, Белоруссию; туда были откомандированы десятки тысяч специалистов⁴⁴.

Большинство предприятий (145 из 155) осталось на Южном Урале. Согласно сводному плану на 1945–1950 гг., они должны были стать базой промышленно-энергетического комплекса с преобладанием металлургии и машиностроения⁴⁵. На Кировском заводе планировалось производство тракторов С-80 (до 27 тыс. шт.) с сокращением оборонной продукции⁴⁶.

В годы войны военно-промышленный потенциал Урала был усилен, но принятых мер оказалось недостаточно. После войны почти вся эвакуированная промышленность осталась на Урале, регион стал стратегически неуязвимым «опорным краем державы» до 1960-х гг.⁴⁷ В. Н. Новоселов отмечал, что война вызвала бурный рост промышленности Южного Урала; объемом производства вырос в пять раз. Большая часть оборонных производств была перестроена на гражданский профиль, но часть продолжала работать в военном режиме в условиях холодной войны⁴⁸.

После 9 мая 1945 г. реэвакуация оборудования продолжалась до начала 1946 г. Предприятия западных районов снабжались оборудованием. Вычислить точный объем помощи сложно. Установлено, что предприятия в полном составе реэвакуации не подвергались, перемещались лишь отдельные производственные единицы. После 1 января 1946 г. в документах упоминаний о реэвакуации нет, что позволяет определить окончание процессов декабрем 1945 — январем 1946 г.

Таким образом, реэвакуация оборудования в Челябинской области носила ограниченный характер. Перемещению подверглось в основном неиспользуемое оборудование. Подавляющая часть предприятий осталась на местах и стала базой советского оборонно-промышленного комплекса. Правильнее использовать термин «реэвакуация оборудования». Сравнивая эвакуацию и реэвакуацию, следует отметить, что второй процесс был лучше организован, носил локальный характер и не оказал практического влияния на работу тяжелой промышленности Челябинской области.

Примечания

¹ История социалистической экономики СССР. Т. 6: Восстановление народного хозяйства. М., 1980.

² Ковалев И. В. Транспорт в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. М., 1981. С. 94.

³ Поляк Г. Б. Послевоенное восстановление народного хозяйства. М., 1986. С. 33.

⁴ Першина Т. С. Партийно-радянська номенклатура в Україні в перші повоєнні роки... // Сторінки воєнної історії України. Вип. 2. Київ, 1998. С. 85–97.

⁵ Снегирева Л. И., Сафонова Т. А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири // Вестник ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 4. Томск, 2004. С. 22–30.

⁶ Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002.

⁷ Карпенко И. А. Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4. СПб., 2006. С. 177–181.

⁸ Парамонов В. Н. Динамика промышленности РСФСР в 1941–1945 гг. Самара, 2005.

⁹ Запарий В. В., Личман В. Б. Эвакуация металлургических предприятий из УССР на Урал и их реэвакуация в годы Великой Отечественной войны // Велика Вітчизняна війна 1941–1945 років: сучасні проблеми історичної освіти і науки. Дніпропетровськ, 2005. С. 261–266.

¹⁰ Жук А. В. Эвакуация военной промышленности на Урал в годы Первой и Второй мировых войн // Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 101.

¹¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 20. Л. 56.

¹² Там же. Л. 57.

¹³ Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс. М., 2006. С. 229.

¹⁴ Там же. С. 199.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 948. Л. 12.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 249. Л. 180 ; Д. 31. Л. 79 ; Д. 366. Л. 208.

¹⁷ Дюков А. Р. За что сражались советские люди. М., 2007. С. 502.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-9504. Оп. 1. Историческая справка к фонду 1943–1944 гг. Л. 1.

¹⁹ Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 1986. С. 9.

²⁰ Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 59.

²¹ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 356.

²² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 20. Л. 56–57.

²³ Тараничев П. Ф. Рубежи краснопролетарцев // Кузница Победы. М., 1980. С. 25.

²⁴ Быстрова И. В. Указ. соч. С. 201–202.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 193. Л. 45–47.

²⁶ История социалистической экономики СССР ... С. 60.

²⁷ Устинов Д. Ф. Во имя Победы. М., 1988. С. 302.

²⁸ Быстрова И. В. Указ. соч. С. 204.

²⁹ Там же. С. 204–205.

³⁰ Устинов Д. Ф. Указ. соч. С. 301.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 456. Л. 100.

³² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 117. Л. 64.

³³ Братченко Т. М., Сенявский А. С. Мобилизационные механизмы восстановления экономики // Подвиг Урала в исторической памяти поколений. Екатеринбург, 2010. С. 119–121.

³⁴ Поляк Г. Б. Указ. соч. С. 33.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 249. Л. 180.

³⁶ Там же. Д. 31. Л. 80–81.

³⁷ Там же. Д. 366. Л. 208.

³⁸ Быстрова И. В. Указ. соч. С. 201.

³⁹ Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне / сост. З. В. Шестакова. Челябинск, 1981. С. 301.

⁴⁰ Там же. С. 312–313.

⁴¹ ОГАЧО. Ф. К-288. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

⁴² Там же.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-9504. Оп. 1. Д. 19. Л. 130, 104.

⁴⁴ Агарышев П. Г. Арсенал фронта // Южноуральцы в боях и труде. Челябинск, 1995. С. 206–207.

⁴⁵ ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 8. Д. 193. Л. 5–7.

⁴⁶ Там же. Л. 22.

⁴⁷ Жук А. В. Указ. соч. С. 101.

⁴⁸ Новоселов В. Н. Военно-промышленный комплекс Южного Урала // Промышленность Урала в XIX–XX вв. М., 2002. С. 274.

А. В. Буданов

Вклад Военно-строительного управления № 170 в возведение Машгородка и ракетного центра в городе Миассе

В середине XX в. в СССР атомная и ракетная отрасли стали драйверами урбанизации страны. Например, в Челябинской области появилось три новых закрытых города по типу наукоградов: Озерск, Снежинск и Трехгорный, где создавалось атомное оружие. В интересах развития реактивной техники был построен новый район на севере Миасса, а также застраивался Ново-Златоустовский район. В этих поселениях концентрировался кадровый потенциал нового индустриального общества — специалисты с физико-математическим и инженерно-техническим образованием, что обеспечивало культурное развитие региона.

Базовым ракетостроительным предприятием области тогда было Специальное конструкторское бюро № 385 (СКБ-385) в Златоусте, основанное 16 декабря 1947 г. на основе приказа министра вооружения Д. Ф. Устинова как дублер знаменитого подмосковного НИИ-88. Однако до 1955 г. организация выполняла вспомогательные задачи. Ситуация изменилась после того, как С. П. Королев направил в регион в качестве главного конструктора нового перспективного вида вооружений — морских баллистических ракет для подводных лодок — своего ученика В. П. Макеева¹.

Однако у Ново-Златоустовского района имелись принципиальный недостаток — расположение в компактной равнине, окруженной горами, что ограничивало возможности для промышленного и жилищного строительства. В этом отношении более удобной была находящаяся в 30 км соседняя долина р. Миасс, протянувшаяся на десятки километров вдоль Ильменского хребта. Перспективность этого места еще в начале 1950-х гг. признавалась специалистами советского оборонно-промышленного комплекса. Так, Д. Ф. Устинов, находясь под впечатлением немецких подземных ракетных заводов, убедил руководство страны в том, что подобное сооружение можно построить под горой Малый Ильмень севернее Миасса. В итоге Совет министров СССР 25 ноября 1950 г. издал Постановление № 4730-2047 о составлении проектного задания по созданию здесь ракетного предприятия и жилого поселка при нем для выпуска королёвских изделий Р-1 и Р-2. Челябинский облисполком Решением от 30 октября 1951 г. даже отвел для этой цели необходимый земельный участок. Общая стоимость строительства оценивалась в подземном варианте размещения в 1 млрд 768 млн 358 тыс. руб., а в обычном наземном — в 1 млрд 466 млн 404 тыс. руб. Однако украинское номенклатурное лобби смогло тогда перехватить финансирование, обосновав перспективность вложений в днепропетровское Особое конструкторское бюро № 586. Однако

дефицит производственных мощностей в отрасли, обострившийся к середине 1950-х гг., возродил интерес к миасской площадке. В итоге Постановлениями ЦК КПСС и Совета министров СССР от 25 апреля 1955 г. № 819-491 и от 29 августа 1956 г. № 1189-609 на создание ракетного завода № 139 до 1960 г. были запланированы инвестиции в объеме 1 млрд 340 млн руб.²

Севернее Миасса начались работы по подготовке к строительству секретного ракетного предприятия, которому присвоили номер 139, а в переписке первоначально именовали «площадка 89», а затем — «почтовый ящик № 29». Проект завода был подготовлен в Государственном специальном проектно-институте № 7 Министерства оборонной промышленности СССР под руководством директора Г. А. Дунаева, главного инженера Ф. Г. Титенкова, главных инженеров проекта Ф. С. Дулепова и Б. Э. Овандера. Проект жилого поселка разрабатывался Ленинградским отделением Государственного института проектирования городов (Гипрогор) Управления по делам архитектуры Совета министров РСФСР под контролем главного инженера института В. Фельдмана. Схему водоснабжения и канализации новых объектов подготовили в Ленинградском отделении Водоканалпроекта под руководством главного инженера проекта Р. Б. Шварца. Тринадцатого декабря 1955 г. Исполнительный комитет Челябинского областного Совета депутатов трудящихся принял Решение № 554с за подписью председателя облисполкома Г. А. Бездомова «О размещении жилого комплекса завода № 139 Министерства оборонной промышленности СССР в г. Миассе». В этом документе основным вопросом был выбор места строительства жилого поселка для работников. По соображениям безопасности в условиях возможного применения вероятным противником оружия массового поражения было решено отвергнуть вариант с расселением коллектива в освоенном Октябрьском районе рядом с Уральским автомобильным заводом, а также на заболоченных и требовавших осушения почвах пос. Мелентьевского. К тому же в центральной освоенной части города не хватало свободных площадей для строительства новых домов и культурных объектов в соответствии с потребностью двух предприятий: в Октябрьском районе лишь 350 га являлись свободными — на 115 га меньше, чем требовалось для Уральского автозавода и ракетного предприятия № 139. В итоге решили построить отдельный микрорайон в 2–3 км севернее строительной площадки завода № 139, что в 10 км от центра города. К тому же финансовое удорожание в этом случае не было значительным. С ведома министра оборонпрома Д. Ф. Устинова в проект даже включили идею строительства

трамвайной линии между всеми районами города (в итоге осталось лишь на бумаге)³.

Главным недостатком отдаленного размещения жилого поселка являлось удорожание прокладки систем водоснабжения и водоотведения, так как в этом случае планировалось построить Верхне-Миасское водохранилище с водозабором общей стоимостью 28,2 млн руб. и осуществить прокладку коллекторов до очистных сооружений Уральского автозавода, что обошлось бы еще в 6,9 млн руб. В первые три года строительства воду разрешили перекачивать из курортного оз. Тургояк и соседнего водоема Кысыкуль в объеме до 3 млн кубометров в год. При этом строительство теплотрассы от ТЭЦ завода № 139 до нового поселка было дешевле и оценивалось в 4,4 млн руб., что давало экономию в 10 млн руб. по сравнению с прокладкой труб до Октябрьского района. Создание транспортного хозяйства для доставки работников от жилого поселка до завода при размещении рядом с предприятием обходилось в 4,9 млн руб., а при заселении в Октябрьском районе — в 8,9 млн руб. Для связи с ракетостроительным Специальным конструкторским бюро № 385 и заводами Златоуста было решено проложить прямое шоссе между городами длиной около 30 км. Часть расходов планировали реализовать за счет средств городского бюджета. Всего за 1955 г. на проработку проекта истратили 3 млн 116 тыс. руб.⁴

Важным фактором для строительства ракетного предприятия в Миассе являлось также наличие в городе мощностей строительного треста № 41, который более известен под названием «Уралавтострой». Трест на тот момент входил в систему Главного управления по строительству промышленных предприятий в районах Урала (Главуралстроя) Министерства строительства СССР. Руководил им Николай Александрович Коробовский, главным инженером являлся Сергей Владимирович Михайлов. Приобщение к ракетному проекту и необходимость засекречивания деятельности привели к временной милитаризации организации. Министр строительства СССР Н. А. Дыгай 30 августа 1956 г. издал Приказ № 367-27сс, согласно которому трест № 41 был реорганизован в Военно-строительное управление № 170 (ВСУ-170), которое стало подчиняться Главспецстрою во главе с Н. И. Золотаревским. При этом в нескретной переписке сохранялось обозначение «почтовый ящик № 101»⁵. Руководство треста сохранило свои должности: начальнику был установлен оклад в 4000 руб., главному инженеру — 3600 руб., главному механику А. А. Герасимову и главному бухгалтеру А. И. Созинову — по 2200 руб., рядовые инженеры получали около 1200 руб.⁶

Полноценное начало строительно-монтажных работ по причине позднего получения проектной документации состоялось лишь во второй половине 1956 г., а активизировалось с ноября. Например, к 1 августа 1956 г. план строительных

работ был выполнен лишь на 14 %, или на 868 тыс. руб.⁷

Для обеспечения выполнения задания первых двух лет 26 марта 1956 г. директор строящегося ракетного предприятия № 139 Е. А. Гульянц направил управляющему «почтовым ящиком № 101» Н. А. Коробовскому подробный перечень основных объектов строительства завода № 139 на 1956–1957 гг. В первый год планировалось завершить подготовительные работы, осуществив: проведение временного электроснабжения, автомобильных дорог и подъездных железнодорожных путей, фекальной и ливневой канализации, водопровода; строительство инженерного корпуса для филиалов проектных и технологических организаций (ГСПИ-7 и НИТИ-40). В 1957 г. планировалось провести внешнее хозяйственное и питьевое водоснабжение и продолжить работы по созданию систем водоотведения; проложить линии связи; расширить сеть дорог; осуществить вертикальную планировку и благоустройство промышленной площадки и жилого поселка; начать постройку временной котельной и ТЭЦ; выполнить работы по возведению ремонтных и инструментальных цехов, складов, кислородного завода, зданий заводоуправления, столовой, автогаражей, пожарного депо, ремесленного училища, жилых домов на 25 тыс. м², школ, детских садов, магазинов и других объектов⁸.

К строительству первоначально были привлечены два подразделения ВСУ-170. Во-первых, проверенный многолетней практикой работы над объектами автозавода стройучасток № 1 под руководством начальника М. Г. Соколова и главного инженера В. В. Синельникова. Во-вторых, новое подразделение с опытом работы в один год — Управление начальника работ № 88 (УНР-88), состоявшее из четырех прорабских участков и механической мастерской с общей численностью рабочих более 700 человек. Начальником УНР-88 был И. А. Ильин, главным инженером Р. Н. Каракулько. Однако возникла ведомственно-бюрократическая проблема: после подключения подразделения к строительству ракетного завода с рабочих сняли надбавки и спецдоплаты, существовавшие при строительстве Уральского автомобильного завода им. Сталина, что вызвало недовольство и угрозу массовых увольнений. Для решения проблемы управления трестом Коробовскому пришлось 6 января 1956 г. написать письма министрам Н. А. Дыгаю и Д. Ф. Устинову, а также начальнику Главуралстроя С. А. Ваху. В итоге в 1956 г. УНР-88 не только удержало специалистов, но и применило передовые технологии, например поточно-скоростной метод возведения деревянных жилых домов моделей К-7 и К-9 для поселка строителей. На строительной площадке завода № 139 за 1956 г. это подразделение выполнило работ на 4 млн 492 тыс. руб. (89 % к плану), а по объектам производственной базы организации — на 33 млн 407 тыс. руб.⁹

Всего за 1956 г. в строительство объектов непосредственно нового ракетного завода государство инвестировало лишь 5 млн 676 тыс. руб., что составляло 91,5 % планировавшегося объема¹⁰. При этом Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 26 декабря 1955 г. на возведение завода № 139 Министерства оборонной промышленности в 1956 г. было выделено 43,7 млн руб.¹¹ Несоответствие цифр объясняется тем, что прежде всего необходимо было усилить производственную базу строительной организации за счет крупных капиталовложений в объеме около 150 млн руб., из которых в 1956 г. требовалось освоить 35–40 млн руб.¹² Список важнейших объектов производственной базы строительства включал в себя: разработку карьеров песка, камня, щебня, глины, известняка на сумму не менее 12,5 млн руб.; расширение мощности действовавшего кирпичного завода с увеличением выпуска кирпича с 11 до 20 млн шт.; строительство нового кирпичного завода с цехом крупных блоков мощностью до 28 млн шт. в год, что требовало около 33 млн руб. В 10 млн руб. оценивалось строительство завода крупных стеновых блоков и шлакоблоков производительностью 15 млн шт. условного кирпича; в такую же сумму обходился завод железобетонных изделий с полигоном; стоимость завода товарного бетона составляла 5 млн руб., цеха ячеистого бетона — 1,5 млн руб. (всего в год требовалось 220 тыс. м³ бетона); строительство арматурной мастерской и асфальто-бетонного завода производительностью до 20 тыс. т обходилось в 3 млн руб. инвестиций. Следовало также возвести ремонтно-механический завод с литейной мастерской, базу механизации и сантехническую мастерскую, вложив в это 10 млн руб. Электромеханическая и центральная заготовительная мастерские Главмехмонтажа оценивались в 1,5 руб. каждая, центральная компрессорная и кислородная станция — в 1 млн руб. капитальных вложений, а центральная котельная — в 600 тыс. руб. Строительство складского хозяйства площадью 16,5 тыс. м², включая теплые помещения, обходилось в 3 млн руб. Возведение автобазы с закрытой стоянкой на 100 машин и открытой на 300 автомобилей требовало 5 млн руб. Желательно было создать завод гипсолитовых изделий стоимостью в 1 млн руб. Строительство нуждалось в древесине в количестве около 80 тыс. м³, поставщиком которой выбрали Ново-Лялинский леспромхоз (Свердловская область), которому планировалось выделить на расширение производства 5 млн руб. Требовался и новый особый деревообделочный цех с сушкой стоимостью 4 млн руб. Планировалось построить здания конторы, проходных, столовую, пожарное депо с коммуникациями, на что выделялось 5 млн руб.¹³ Всего за 1956 г. работ по увеличению производственной базы строительства выполнили на 36 млн 629 тыс. руб. Таким образом, за 1956 г. в создание нового ракетного завода государство инвестировало около 42 млн 305 тыс. руб.

Как оказалось, ВСУ-170 не хватало производственных мощностей и ресурсов для concentra-

ции их на миасских объектах, так как от треста № 41 остались обязательства по строительству других объектов в городе и области. Перераспределение ресурсов на постройку ракетного предприятия происходило постепенно. Например, выполнение строительно-монтажных работ для многих заказчиков с 1956 по 1957 г. сократилось: по Уральскому автозаводу с 26 млн 156 тыс. до 17 млн 476 тыс. руб.; по заводу «Миассэлектрoаппарат» — с 3 млн 862 тыс. до 3 млн 514 тыс.; по напильному заводу — с 2 млн 682 тыс. до 1 млн 926 тыс. руб.; по Миасскому геологоразведочному техникуму — с 1 млн 856 тыс. до 615 тыс. руб.; по секретной организации «Потовый ящик № 53» — с 2 млн 760 тыс. руб. до 2 млн 19 тыс. руб.; по совхозам «Кособродскому» и «Заозерному», а также Кулевчинской МТС — с 8 млн 820 тыс. руб. до 4 млн 414 тыс. руб.; прекратилось строительство зерносушилок; в два раза снизилось выполнение работ по ряду прямых договоров. Однако некоторые заказы государство считало более приоритетными, увеличив задание. Так, на строительстве Троицкого дизельного завода было выполнено больше работ: на 2 млн 155 тыс. в 1956 г. и 2 млн 544 тыс. руб. в 1957 г., по «почтовому ящику № 15» рост составил 636 тыс. руб. и достиг цифры в 1 млн 995 тыс. руб. В 1957 г. добавилась также постройка новых социальных объектов: кинотеатра «Энергия» (397 тыс. руб.), зданий Карталинского горсовета (183 тыс. руб.), Троицкого горсовета (13 тыс. руб.).¹⁴ С учетом роста выполнения всех строительно-монтажных работ в 1957 г. до 131 млн 980 тыс. руб., что на 37 млн 65 тыс. руб. больше, чем в 1956 г., явно имело место перераспределение ресурсов. Однако советская мобилизационная экономика не была столь жесткой, и полного отказа от строительства гражданских объектов не происходило.

Начальник строительного предприятия Н. А. Коробовский стремился сократить число заказов в отдаленных городах. Третьего апреля 1957 г. он обратился с письмом к министру Н. А. Дыгаю с просьбой освободить организацию от проведения строительных работ в объемах до 14 млн руб. в Троицке (УНР-213) и Карталах (УНР-845), расположенных в южной части Челябинской области, чтобы сконцентрировать больше ресурсов на миасской площадке.

Сложные строительные работы были межотраслевыми, что требовало привлечения субподрядных организаций, которых насчитывалось около 15: тресты «Промвентилиация», «Электромонтаж», «Сварочно-монтажный — 65», «Главэлектромонтаж-54», «Взрывпром» «Сантехмонтаж-66»; «Главгидромеханизация»; «Главтехмонтаж» и др. Так, в 1956 г. сантехнические работы проводило УНР-496 треста «Сантехмонтаж-66», которое выполнило их на 59 тыс. 848 руб.¹⁵ Управление начальника работ № 734 треста «Транспецстрой» занималось строительством водопровода, канализации, автодорог, подъездной железной дороги и благоустройством

поселка строителей, но работы осуществлялись с отставанием от графика¹⁶. На 1957 г. план субподрядных работ оценивался более чем в 21 млн руб.¹⁷

Двадцать пятого января 1957 г. на основании приказа Н. А. Коробовского была проведена реорганизация структуры ВСУ-170. Теперь район № 1 стал специализироваться на промышленном строительстве (руководители его часто менялись: М. Г. Соколов, С. В. Зимасков, Д. К. Семичастный); район № 2 — на гражданском; УНР-88 преобразовывалось в район собственного строительства № 3 (начальник С. В. Зимасковым, затем М. Г. Соколов, главный инженер Р. Н. Каракулько); стройучасток № 1 изменил название на «район строительства прочих заказчиков № 4» (начальник Н. Н. Чиж, главный инженер П. А. Литовкин); УНР-734, переданное 1 октября 1956 г. из состава треста «Транспецстрой», стало районом специализированных работ № 5 (начальник А. Ф. Вычкин, главный инженер Н. А. Крицкий)¹⁸.

Организации не хватало трудовых ресурсов: на 1 января 1957 г. числилось 5300 работающих¹⁹. В итоге руководство Главспецстроя решило использовать труд заключенных исправительно-трудовой колонии № 13, контингент которых к концу 1957 г. планировалось увеличить до полутора тысяч, однако для них необходимо было построить жилье, баню, пищеблок²⁰.

В 1957 г., как и в прошлом, приоритет отдавался расширению строительной базы. Объем инвестирования в эту сферу увеличился на 142,7 % по сравнению с 1956 г. и составил после многочисленных обсуждений в министерствах 50 млн 200 тыс. руб. В итоге план был перевыполнен на 4,1 %: средств освоили на 52 млн 267 тыс. руб. К завершению подходило строительство завода железобетонных изделий, бетоносмесительной установки и арматурной мастерской. Пуск этих мощностей планировался на конец первого квартала 1958 г. и позволял удвоить производство сборного железобетона и раствора. Особым значением обладал стенд для изготовления длинномерных напряженно-армированных струнотонных конструкций, которые применялись для возведения промышленных корпусов, например 3-го корпуса завода № 139. Не меньшее влияние уделялось вводу в эксплуатацию жилья для строителей. Непосредственно на площадке завода № 139 продолжались работы по прокладке подъездных путей, коммуникаций и осуществлению прочих работ нулевого цикла. За год на строительстве этого предприятия было освоено 44 млн 243 тыс. руб., что составляло 85,1 % от плана. Таким образом, за 1957 г. в создание этого миасского секретного объекта государство вложило 96 млн 510 тыс. руб.²¹

Реформа органов управления промышленностью и строительством 1957 г. изменила ведомственную принадлежность завода № 139, который оказался в подчинении Челябинского совнархоза, что привело к финансовым проблемам.

Госплан СССР и Министерство оборонной промышленности СССР решили, что капиталовложения теперь должны изыскиваться из местных ресурсов, и не запланировали финансирование из союзного госбюджета на следующий год. Однако Управление оборонной промышленности Челябинского совнархоза в 1958 г. обладало ресурсом капитальных вложений только в сумме 201 млн руб. для всех подведомственных оборонных предприятий. Общий же объем строительно-монтажных работ на миасской площадке на 1958 г. планировался в объеме 109 млн 660 тыс. руб., из которых 74,5 млн руб. думали инвестировать в собственное строительство треста²². Этот вопрос стал настолько спорным, что секретарь Челябинского обкома КПСС А. Т. Салмин 12 октября 1957 г. написал служебную записку по этой проблеме Н. С. Хрущеву²³.

В этом вопросе решение предложил В. П. Макеев, который добивался передачи возводимых мощностей и жилищного поселка в состав его конструкторского бюро, что означало возвращение к финансированию из союзного бюджета. Для решения вопроса в Златоуст 6 марта 1958 г. даже приезжал Л. И. Брежнев, который курировал оборонное производство в ЦК КПСС. В итоге председатель Челябинского обкома КПСС Н. В. Лаптев согласился с Макеевым, и 20 марта 1958 г. Постановлением Совета министров СССР № 312-150 строящийся ракетный завод № 139 был объединен со Специальным конструкторским бюро № 385 Государственного комитета Совета министров СССР по оборонной технике²⁴. Однако из-за ведомственного переподчинения возникли задержки финансирования, что замедлило работы в 1958 г.

Следующее существенное изменение было вызвано децентрализацией управления строительством в стране. Это привело к отказу от милитаризации системы управления организацией. В итоге Совет министров РСФСР 17 февраля 1958 г. принял Постановление № 633-рс о передаче мощностей ВСУ-170 в ведение Управления строительства Челябинского совета народного хозяйства. Совнархоз утвердил это решение 6 марта 1958 г., издав Распоряжение № 11-рс. Фактически восстанавливался статус гражданского предприятия в форме треста «Уралавтострой», который сохранил в переписке название «почтовый ящик № 101»²⁵.

Всего за период существования Военно-строительного управления № 170 на миасской площадке ракетного завода было выполнено работ примерно на 140 млн руб. В 1956 г. около 45 % всех строительно-монтажных работ ВСУ-170 осуществлялось в интересах завода № 139, а в 1957 г. — уже 73 %. В те годы приоритетным оставалось усиление производственной базы организации, что позволило в последующие годы резко нарастить темпы уже промышленного и жилищного строительства.

В 1958 г. возрожденный трест «Уралавтострой» продолжил реализацию проекта, что по-

зволило начать в 1959 г. массовый переезд производственных мощностей, конструкторских подразделений, а также сотрудников СКБ-385 на новое место. В итоге 18 ноября 1959 г. решением горисполкома в Миассе появился новый район — городок Машиностроительного завода, или сокращенно — Машгородок. Вскоре в Миасс из Златоуста переехал с семьей и главный конструктор В. П. Макеев, поселившийся на ул. Чернышевского (ныне пр. Макеева) в доме № 5, квартире № 24. Застройка района активно продолжается и в наши дни. В XX в. в этом районе располагаются акционерные общества «Государственный ракетный центр имени академика В. П. Макеева» и «Миасский машиностроительный завод», входящие в структуру Госкорпорации «Роскосмос».

Примечания

¹ Буданов А. В. Основные проблемы становления ракетостроительной отрасли в Челябинской области // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 246.

² Новоселов В. Н., Финадеев А. П. Эра ракет: создание ракетной промышленности на Урале. Челябинск, 2006. С. 157–159, 180–181.

³ СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ «КБ им. академика В. П. Макеева» / сост. Р. Н. Канин, Н. Н. Тихонов ; под общ. ред. В. Г. Дегтяря. М., 2007. С. 25, 282.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1636. Оп. 2. Д. 32. Л. 51, 54.

⁵ Там же. Д. 30. Л. 22.

⁶ Там же. Д. 41. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 31. Л. 10.

⁸ Там же. Д. 39. Л. 1–5.

⁹ Там же. Д. 36. Л. 5.

¹⁰ Там же. Д. 32. Л. 51, 54.

¹¹ Там же. Д. 38. Л. 10.

¹² Там же. Д. 39. Л. 1.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 168. Л. 7–9.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 52–53.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 182. Л. 187.

¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 39. Л. 21.

¹⁷ Там же. Д. 38. Л. 55.

¹⁸ Там же. Д. 44. Л. 36.

¹⁹ Там же. Д. 43. Л. 6.

²⁰ Там же. Д. 42. Л. 12.

²¹ Там же. Оп. 3. Д. 53. Л. 52, 56.

²² Там же. Оп. 2. Д. 46. Л. 63, 71.

²³ Новоселов В. Н., Финадеев А. П. Указ. соч. С. 180–181.

²⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 45. Л. 125.

²⁵ Там же. Л. 33.

М. М. Кобелева

Люди, построившие успех: история мебельного комбината Нижнего Тагила

Нижний Тагил — это не просто город на карте Урала, а один из главных опорных пунктов российской индустрии, чья история неразрывно связана с развитием тяжелой промышленности. Основанный на мощном наследии демидовских заводов, город в XX в. стал кузницей оборонной мощи страны, приняв эвакуированные предприятия и наладив выпуск легендарной военной техники. И сегодня промышленный потенциал Нижнего Тагила остается его визитной карточкой: от всемирно известного Уралвагонзавода до предприятий пищевой, медицинской и строительной индустрии, которые вместе формируют уникальный экономический ландшафт региона.

Особое место в промышленной истории города занимает мебельное производство, которое стало неотъемлемой частью социально-экономического развития города. Нижнетагильский мебельный комбинат — предприятие с богатой историей и устоявшимися традициями. Основанный более шести десятилетий назад, он прошел путь от небольшой фабрики до ведущего производителя корпусной и мягкой мебели в регионе.

История одного из крупнейших производителей мебели на Урале берет свой отсчет с середины 1950-х гг. Именно тогда началось строительство Нижнетагильского мебельного комбината по проекту, разработанному московским проектным институтом «Гипродревпром» и утвержденному заместителем министра черной металлургии СССР от 12 апреля 1954 г. Заказчиком строительства мебельного комбината являлся Нижнетагильский металлургический комбинат, генеральным подрядчиком — трест «Тагилстрой»¹.

Решением исполнительного комитета Нижнетагильского городского совета депутатов трудящихся от 23 февраля 1954 № 157 под строительство мебельного комбината был отведен земельный участок площадью 7 га².

Двадцать девятого ноября 1958 г. Нижнетагильский мебельный комбинат был официально введен в эксплуатацию. Новое производство, оснащенное универсальным оборудованием, начало выпуск мебели из древесины. Период с 29 ноября по 31 декабря считался организационно-пусковым и был посвящен временному освоению мощностей и завершению строительно-монтажных работ³.

Производственный комплекс комбината включал ряд крупных объектов. К основным относились главный корпус с машино-фанеровальным и сборочно-отделочным отделениями, а также склад готовой продукции. Важную роль играл сушильно-раскроечный цех на 12 камер годовой производительностью 35 тыс. кубометров условных пиломатериалов. Вспомогательными объектами мебельной фабрики являлись: ремонтно-механическая мастерская, трансформаторная подстанция, склады технических и горюче-смазочных материалов. Управление предприятием, столовая для сотрудников и медицинский пункт располагались в двухэтажном административном здании⁴.

К началу пуска комбината более ста работников прошли профессиональную подготовку в ходе двухмесячной практики на базе мебельных предприятий в Риге, Киеве и Свердловске.

Ключевую роль в развитии предприятия сыграл Владимир Дмитриевич Ожоженко.

Пятого августа 1963 г. опытный специалист, участник финской и Великой Отечественной войн был принят на должность главного инженера. Уже через год он возглавил комбинат в качестве директора и руководил им более 11 лет. Под его руководством разрабатывались и внедрялись в массовое производство изделий новые технологии, стандартные конструкции дополнялись новыми элементами, что позволяло производить продукцию, наиболее точно отвечающую желаниям потребителя. Заслуги Владимира Дмитриевича были отмечены в феврале 1974 г., когда ему было присвоено звание «Почетный ветеран труда» совместным решением администрации предприятия, партийного бюро и профсоюзного комитета⁵.

История комбината богата достижениями, которые отмечались на самом высоком уровне. Еще в 1968 г. ему было присвоено почетное звание «Предприятие высокой культуры». Его успехи были отмечены целым рядом наград: в 1970 г. — дипломом I степени за участие в городском социалистическом соревновании в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина; в 1972 г. — почетной грамотой за третье место в социалистическом соревновании среди предприятий, выпускающих товары культурно-бытового назначения; в 1974 г. — почетной грамотой за успехи в социалистическом соревновании; в 1975 г. — дипломом за третье место в областном смотре-конкурсе на лучшую постановку гласности социалистического соревнования; в 1977 г. — почетной грамотой за первое место в смотре резервов повышения производительности труда в честь 60-летия Великого Октября⁶.

Одной из ключевых особенностей Нижнетагильского мебельного комбината являлись сохранение и передача мастерства из поколения в поколение благодаря крепким трудовым династиям. На предприятии было трудоустроено более 30 таких семей, что свидетельствует о высокой степени лояльности персонала и преемственности поколений. Наиболее ярким примером служит династия Прокаевых, восемь представителей которой отдали заводу в общей сложности 176 лет. Многолетний добросовестный труд тружеников комбината неоднократно отмечался на государственном уровне: многие из них были удостоены правительственных наград и звания «Почетный ветеран города Нижний Тагил»⁷.

Признание трудовых заслуг работников комбината находило отражение в присвоении им высоких государственных и ведомственных наград. Так, Ангелина Григорьевна Тырышкина, работавшая облицовщицей в цехе мягкой мебели, была удостоена звания «Почетный ветеран труда» в сентябре 1973 г. Решение о награждении было принято совместным постановлением администрации предприятия, партийного бюро и профсоюзного комитета за безупречный двенадцатилетний труд А. Г. Тырышкиной и актив-

ное участие в общественной жизни коллектива⁸. Высокой оценки профессиональных заслуг в отрасли была удостоена Нина Васильевна Иваненкова, которой 21 октября 1989 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР было присвоено почетное звание «Заслуженный работник лесной промышленности РСФСР»⁹. Согласно данным, опубликованным в газете «Тагильский рабочий», в октябре 2016 г. знаком «Почетный ветеран труда города Нижний Тагил» была награждена Нэля Филипповна Клевакина. Выпускница Тагильского лесотехнического техникума, она прошла на комбинате трудовой путь от станочницы до инженера, что подтверждается ее победой в социалистическом соревновании 1975 г.

Социальная активность коллектива являлась важной составляющей корпоративной культуры предприятия. Работники Нижнетагильского мебельного комбината принимали участие в спортивных мероприятиях, в частности в спартакиадах между командами цехов, где неоднократно занимали призовые места. Ярким примером общественной инициативы стало участие группы сотрудников в 1960 г. в составе городского комсомольского отряда в уборке урожая на целинных землях в Казахстане. За достижение высоких производственных показателей на сельскохозяйственных работах участники были отмечены поощрительной грамотой и похвальными листами¹⁰.

В конце XX столетия предприятие столкнулось с системным экономическим кризисом. Снижение объемов производства и покупательского спроса привело к финансовой нестабильности и утрате конкурентоспособности. Данные обстоятельства стали основанием для инициирования процедуры банкротства, итогом которой стала полная ликвидация Нижнетагильского мебельного комбината.

Несмотря на прекращение производственной деятельности, история коллектива продолжилась в ином качестве. В 1993 г. был создан Совет ветеранов «Мебельщика». Главной задачей данной организации стало сохранение корпоративных связей и поддержание позитивной социальной идентичности бывших сотрудников. Благодаря его деятельности ветераны труда продолжают ощущать себя частью единого коллектива, сохраняя светлую память о периоде своей трудовой молодости.

Примечания

¹ НТГИА. Ф. 557. Оп. 8. Д. 1. Л. 1.

² Там же. Ф. 70. Оп. 2. Д. 678. Л. 258.

³ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 982. Л. 52.

⁴ Там же. Д. 980. Л. 158.

⁵ Там же. Ф. 557. Оп. 8. Д. 2. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 11. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 24. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 13. Л. 2–3.

⁹ Там же. Д. 23. Л. 1–7.

¹⁰ Там же. Д. 7. Л. 1.

И. В. Рудометова

Состояние мясоперерабатывающей и молочной промышленности Челябинской области в 1946–1950 годах (по материалам ОГАЧО)

Вопросы, затрагивающие пищевую индустрию, в современной действительности весьма значимы. В «Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года»¹ определяется задача обеспечения граждан России высококачественными и бюджетными продуктами питания, насыщения рынка мясной и молочной продукцией. Для уточнения современных тенденций требуется обозрение минувших лет.

Источниковой базой исследования послужили архивные материалы, содержащиеся в Объединенном государственном архиве Челябинской области в фондах П-288 «Областной комитет КПСС», Р-220 «Челябинский городской исполнительный комитет депутатов трудящихся», Р-274 «Областной исполнительный комитет», Р-804 «Челябинская областная плановая комиссия». Главной ценностью дел фонда П-288 явилась информация партийных заседаний, на которых обсуждались вопросы послевоенного восстановления пищевой индустрии. Также содержимое фонда позволило выявить передовые и отстающие предприятия, факты хищений, степень обеспеченности кадрами. Благодаря фондам Р-220 и Р-274 исследователю удалось узнать, как были организованы заготовки мяса и молока, с какими трудностями сталкивались предприятия. Наиболее содержательным и значимым явился фонд Р-804, включающий проект плана восстановления и развития народного хозяйства Челябинской области на 1946–1950 гг.: суммы капиталовложений, объекты строительства, план по ассортименту, сведения о сырьевой и материально-технической базе предприятий мясоперерабатывающей и молочной промышленности.

По окончании Великой Отечественной войны в Челябинской области насчитывалось семь мясоперерабатывающих предприятий, размещенных в Челябинске, Магнитогорске, Троицке, Златоусте, Миассе, Кыштыме, Копейске. Промышленные объекты, специализирующиеся на производстве молочной продукции, числились в Копейске, Златоусте, Челябинске, Магнитогорске. Кроме того, в сети значились Челябинский и Магнитогорский холодильники. Все указанные предприятия входили в подчинение Наркомата мясомолочной промышленности РСФСР, с 1946 г. — в одноименное министерство.

После прекращения Великой Отечественной войны на областном партийном совещании 29 июня 1945 г. подчеркивалось, что в области совсем не производятся колбасные изделия повышенного качества, не удовлетворяется спрос жителей городов и промышленных центров в молочных и мясных продуктах. Потребности молока для городского населения и обязательного

государственного снабжения больниц, детских учреждений, рабочих заводов, занятых во вредных цехах, не обеспечивались, имелся большой разрыв в надобности и поступлении молока. Такое положение объяснялось значительным увеличением городского населения в годы Великой Отечественной войны и сокращением почти в два раза сырьевой зоны заготовок молока за счет отделения Курганской области. Аналогичное положение было с возмещением потребностей жителей в мясопродуктах. Причиной была низкая техническая оснащенность действующих мясокомбинатов.

На бюро постановили считать важнейшей задачей обеспечение трудящихся мясомолочными продуктами за счет внутриобластных ресурсов в ближайшие два-три года².

Опираясь на общесоюзный пятилетний план, проект развития народного хозяйства Челябинской области на 1946–1950 гг. предполагал обеспечить жителей мясными и молочными продуктами путем реконструкции действующих и постройки новых предприятий³. Было запроектировано строительство новых механизированных молочных заводов (в Магнитогорске мощностью 50 т в сутки, в Златоусте — 25 т, в Копейске и Троицке — по 10 т в сутки), а также расширение и механизация существующих молочных предприятий в Копейске и Златоусте. Кроме этого предполагалось расширить Челябинский холодильник и создать при нем новый цех мороженого, завод сухого льда, жидкой углекислоты и искусственного пищевого льда, а также организовать замораживание плодов и ягод. В глубинных районах области предстояло открыть десять заводов по выработке сухого молока. В мясной индустрии было запланировано сооружение новых механизированных мясокомбинатов с колбасными цехами, цехом ширпотреба в Челябинске, Магнитогорске, каждый мощностью 22 т мяса и 8 т колбасы в смену, с холодильником на 1,5 т хранения; в Златоусте мощностью 1500 т мяса в год и 500 т колбасных изделий. Намечалось также реконструировать существующие мясокомбинаты и построить при них колбасные цехи и холодильники с увеличением мощности комбинатов в Копейске и Миассе⁴. Так, при Челябинском мясокомбинате проектировалась механизированная колбасная фабрика мощностью 3 тыс. т колбасных изделий и копченостей в год; при Троицком мясокомбинате — расширение колбасного цеха, доведение его мощности до 500 т в год копченых и полукопченых изделий; в Сатке рассчитывали построить мясожировой цех мощностью 3 т в сутки⁵.

На основании задач восстановительного периода в 1946–1950 гг. планировалось значитель-

ное увеличение объемов капиталовложений, направляемых в отрасли. Так, по челябинскому мясотресту вложения составляли: в 1940 г. — 260 тыс. руб., в 1943 г. — 30 тыс. руб., в 1945 г. ожидалось освоить 250 тыс. руб., по проекту пятилетнего плана в 1946 г. — 2,5 млн руб., в 1947 г. — 11 млн руб., в 1948 г. — 16 млн руб., в 1949 г. — 1 млн руб. Итого за пятую пятилетку капитальные затраты в отрасли должны были составить 30,5 млн руб. Впоследствии сумму снизили до 15 млн руб.⁶

При проектировании новых производств составлялся предварительный расчет оборудования, рабочей силы, обсуждалась целесообразность постройки. Иногда имело место открытие предприятия, не запроектированного планом развития на пятилетку. Так, в соответствии с приказом министра мясомолочной промышленности СССР П. Смирнова от 3 января 1950 г. Челябинский молочный комбинат обязывали организовать в Кыштыме молочный завод. Для нового предприятия составлялось штатное расписание административно-управленческого персонала в количестве 15 человек, оформлялась заявка на теплосиловое, технологическое, холодильное, теплотехническое, электросиловое и трансформаторное оборудование, оборудование для канализации и водоснабжения, парового отопления, на автотранспорт и пр. В данном случае до открытия завода основное сырье (молоко) собиралось в ближайших районах, отвозилось на переработку в Челябинск и возвращалось обратно в Кыштым потребителям. Это являлось нерентабельным. В окружных районах были оборудованы пастеризационные пункты⁷.

В первые послевоенные годы большинство мясокомбинатов не были оборудованы канализацией, производственные процессы являлись немеханизированными. На некоторых предприятиях отсутствовали механические подъемники, поэтому на убойных пунктах не производилось подвешивание туш забитого скота, вследствие чего кровь животных не использовалась для пищевых целей⁸.

Обеспеченность транспортом на мясомолочных предприятиях была ограниченной. На молочных заводах использовались трактора для вывоза молока в зимнее время. В сельской местности весь изучаемый период применялись лошади, которые перевозили молоко с сепараторных отделений на молочные заводы или подвозили его к железнодорожным станциям для дальнейшей отправки⁹.

Партийные органы оказывали помощь предприятиям по подготовке внутризаводского транспорта к зиме. Так, на основании постановления бюро обкома ВКП(б) от 24 сентября 1948 г. в рамках подобной поддержки Троицкого мясокомбината были осуществлены ремонт подъездных путей со сменой шпал, заготовка снеговых щитов¹⁰.

Для решения транспортных трудностей практиковалась помощь городских предприятий

в виде выделения автотранспорта молочным комбинатам для вывозки молока из глубинных районов¹¹.

Проследить последующий рост мощностей, итоги модернизации мясомолочных предприятий не получается из-за отсутствия сведений в архивных фондах. Имеются данные, что к завершающему году четвертой пятилетки на областном партийном совещании от 29 мая 1950 г. отмечался недостаток мощностей холодильников, мясокомбинатов, слабое внедрение механизации, выполнение многих работ вручную, затягивание строительства новых объектов¹². При этом в целом по Советскому Союзу в процессе восстановления промышленности в послевоенные годы проводилась большая работа по техническому оснащению пищевых предприятий, в результате чего насыщенность их многими видами оборудования превзошла довоенный уровень. Если брать отдельно молочную отрасль, то, по мнению Л. В. Опацкого, А. С. Шатхана, Н. А. Петрова, в послевоенные годы технический прогресс здесь проходил особенно интенсивно, чему способствовали электрификация сельского хозяйства и концентрация производства¹³.

С установлением мирной жизни на заседании бюро Челябинского областного комитета партии 29 июня 1945 г. были выданы указания по обеспечению сырьем предприятий, занимающихся производством мяса и молока: скотосырьевую базу для Челябинского мясотреста и Троицкого мясокомбината должны были расширить за счет присоединения к ним районов Казахской ССР и Башкирской АССР; для заготовок молока к Челябинску и Копейску прикрепили 17 районов Челябинской и Курганской областей, к Златоусту — два района, к Магнитогорску — пять районов¹⁴. Для расширения количества индивидуальных пользователей скотом также был осуществлен ряд мер: продажа населению телят по закупочным ценам, выделение сенокосных угодий для заготовки кормов, организация пунктов по искусственному осеменению животных. Горкомы и райкомы ВКП(б), советские и хозяйственные организации должны были принять меры к сохранению и выращиванию поголовья скота в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах, а также способствовать увеличению поголовья скота в индивидуальном пользовании. Также был запрещен убой молодняка во всех хозяйствах области¹⁵.

Большую роль в подъеме мясной промышленности в послевоенные годы сыграло постановление февральского (1947) Пленума ЦК ВКП(б), содержавшего развернутую программу мероприятий по повышению продуктивности животноводства, ликвидации бескоровности среди колхозников, улучшению заготовок скота. Руководителям заготовительных организаций было поручено наладить массово-разъяснительную работу среди индивидуальных владельцев коров о важности сдачи молока государству путем проведения бесед, рекламы через газету и радио. За

проданное государству молоко сдатчики сырья получали квитанции, по которым имели право на покупку промышленных и продовольственных товаров в районных и сельских магазинах¹⁶.

В этот же период была реорганизована система заготовок молока в Челябинской области: молочному комбинату Челябинска было передано административное и техническое руководство всеми городскими молочными заводами и районными заготовительными конторами, сам комбинат был подчинен Народному комиссариату мясомолочной промышленности СССР¹⁷.

Проведение мероприятий по заготовке молока стало важной задачей, часто являлось предметом рассмотрения на заседаниях Челябинского областного комитета партии. Так, на заседании от 25 августа 1945 г. подчеркивалось, что государственные закупки молока проходят крайне неудовлетворительно: из плана в 8 тыс. т приобретено 124 т. Основной причиной были слабая массово-разъяснительная работа среди населения, несвоевременный отпуск сбытовыми базами товаров, выделенных для стимулирования госзакупок молока. В некоторых районах товары не поступили в торговые точки. Для усиления государственных закупок молока в наиболее отстающие районы были посланы особые уполномоченные обкома в количестве десяти человек. Райкомы ВКП(б) были обязаны оказывать практическую помощь работникам районных контор Главмолока и Маслопрома в выполнении ежедекадных заданий по госзакупке молока¹⁸.

В последующие годы планы заготовок молока также часто не выполнялись, имелись факты неудовлетворительной работы приемных пунктов молока, выражавшиеся в необеспеченности сливной тарой, измерительными приборами, закрытии пунктов в рабочие часы. Часть принятого молока из-за несвоевременного вывоза подвергалась порче. Партийные органы должны были принимать меры к устранению недостатков¹⁹.

Нормы сдачи сырья устанавливались государством. Так, в соответствии с постановлением Челябинского облисполкома от 7 мая 1949 г. индивидуальные владельцы скота должны были сдавать государству в год 450 л молока от одной коровы, 16 кг мяса от одной головы крупного рогатого скота, 5 кг от овцы, 30 кг от свиньи. Каждое облагаемое хозяйство было прикреплено к определенному приемному пункту²⁰.

Вопрос закупки сырья для изучаемой отрасли был настолько актуален, что в соответствии с постановлением бюро обкома ВКП(б) от 20 февраля 1946 г. созывалось областное совещание руководителей работников заготовительных организаций и мясомолочной промышленности, на котором должны были обсудить итоги работы по заготовке молока и мяса за 1945 г. и выработать мероприятия на 1946 г. Кроме партийного актива туда приглашались директора заводов, управляющие конторами²¹.

Имелись случаи, когда из-за нехватки основного сырья мясокомбинаты оставались незагру-

женными. Например, в июне 1945 г. такая ситуация наблюдалась на Троицком мясокомбинате. Чтобы оборудование не простаивало, в соответствии с постановлением Челябинского бюро областного партийного комитета от 29 июня 1945 г. мясокомбинату было поручено ежегодно производить 2–3 млн условных банок овощных консервов (из капусты, свеклы, моркови)²².

После окончания войны ставилась задача удовлетворить потребности населения в товарах широкого потребления. Предприятия изучаемых отраслей также должны были способствовать этому, но работа в данном направлении была недостаточной. Так, на заседании бюро обкома ВКП(б) от 17 декабря 1945 г. отмечалось, что на предприятиях Челябинского мясотреста при наличии требуемого количества сырья (скопления рогов, копыт, шерстяной обрезки и других отходов) и надлежащего оборудования товары ширпотреба производятся неудовлетворительно. Годовой план был выполнен на 75,8 %, по выпуску пищевого ширпотреба еще меньше: белково-растительных котлет — на 4,5 %, костного бульона — на 53,3 %. Качество изделий было низким, а себестоимость чрезвычайно высокой. На некоторых предприятиях цехи не появились (Копейский, Кыштымский мясокомбинаты), а там, где имелись, они не были укомплектованы квалифицированными кадрами. Руководителей предприятий обязали повсеместно создавать цехи, практиковать ученичество, обмен опытом. К 1 марта 1946 г. планировалось открыть киоски-закусочные в городах, в которых можно было продавать изделия пищевого ширпотреба в горячем виде. Горкомы ВКП(б) ежеквартально обязаны были заслушивать директоров мясокомбинатов о ходе выпуска изделий пищевого и технического ширпотреба, оказывать им необходимую помощь. Кроме того, звучала просьба к Наркоммясомолпрому РСФСР дополнительно ввести в штат Челябинского мясотреста должность технолога по изделиям ширпотреба²³.

На этом же заседании бюро обкома партии мясокомбинатам было дано задание на 1946 г. по выработке пищевого ширпотреба (костный бульон, кровяные колбасы, напитки, мороженое, пирожки, пельмени), технического (пуговицы бельевые и фасонные, гребешки, расчески, мундштуки, вязальные крючки, рукавицы, шапки, тапочки меховые и кожаные, детские игрушки меховые, шерстобитные струны). Кроме того, мясокомбинатам Челябинска, Копейска и Троицка предлагали вырабатывать хозяйственное мыло из отходов производства и реализовывать его на культурно-бытовые нужды городов.

Несмотря на данные поручения, большинство предприятий не выполнило план. Так, Копейский мясокомбинат в третьем квартале 1946 г. планировал выпуск изделий ширпотреба на 5,8 тыс. руб., а выработал на 2,2 тыс. руб.²⁴ Осуществление плана производства в четвертом квартале 1946 г. Троицким мясокомбинатом можно увидеть в таблице.

**Выпуск товаров широкого потребления
Троицким мясокомбинатом
в четвертом квартале 1946 года**

Ассортимент	План	Выполнение	%
Пуговицы жесткие, тыс. шт.	200	—	—
Пуговицы костяные, тыс. шт.	200	84	42
Телогрейки, шт.	20	—	—
Обувь меховая, пар	30	—	—
Обувь разная	50	—	—
Рукавицы, пар	300	250	83
Ученические ручки, тыс. шт.	30	—	—
Гребни-расчески	0,2	—	—
Вязальные крючки, тыс. шт.	0,3	—	—

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что по большинству изделий план абсолютно не был выполнен, некоторые товары выработаны частично. Объясняя причины сложившейся ситуации, председатель Троицкого горплана отмечал, что цех ширпотреба на мясокомбинате был оборудован несвоевременно, отсутствовал специалист по фасонным пуговицам, наблюдался дефицит сырья²⁵.

Основными выпускаемыми изделиями изучаемых отраслей были мясо и колбасные изделия в мясной индустрии, молоко и сметана — в молочной. В четвертой пятилетке объемы выпуска должны были постепенно увеличиваться. Так, в 1940 г. выпуск мяса составил 17, 5 тыс. т, колбасы — 3,5 тыс. т; в 1944 г. мяса произвели 8,5 тыс. т, колбасы — 2,8 тыс. т. В 1950 г. предполагалось выпустить валовой продукции на 48 млн руб., мяса животного — 12500 т, масла животного — 200 т. Но сведения архивохранилищ подтверждают тот факт, что часто предприятиям не удавалось выполнить план производства по номенклатуре и объемам продукции²⁶. Между тем в этот период в целом по СССР ассортимент мясопродуктов и колбасных изделий расширился и достиг довоенного уровня, в больших количествах начали вырабатываться спецфабрикаты и медицинские препараты²⁷.

Вопросы качества вырабатываемых изделий также затрагивались на заседаниях Челябинского бюро обкома ВКП(б). Были случаи выпуска в торговую сеть Троицким мясокомбинатом в июле 1949 г. недоброкачественной колбасы. Качество выпускаемых товаров широкого потребления всегда оставалось низким. Причинами являлись недостаточная квалификация рабочих, нарушение технологии выработки и слабое руководство предприятиями²⁸. На предприятиях Советского Союза в этот период отмечалось улучшение качества важнейших видов молочной и мясной продукции²⁹.

Выполнение плана, контролирование качества продукции — все это было бы невозможным без трудящихся. Узнать совокупный состав ра-

ботников предприятий мясной и молочной отрасли невозможно по причине недостатка сведений в материалах архива. Имеются данные лишь по отдельным производствам. Например, на Челябинском молокозаводе в 1949 г. числился 1221 человек, в том числе 806 женщин.

На большинстве предприятий отмечалась частая сменяемость руководящих работников. На промышленных объектах мясотреста должности заведующих, начальников цехов и мастеров занимали работники с низкой квалификацией, не имевшие общего среднего образования, из-за этого не соблюдалась технология, производимая продукция имела недостаточное качество³⁰.

Сотрудники промышленных объектов изучаемых отраслей принимали участие в социалистическом соревновании. У отдельных мясомолочных предприятий получалось реализовывать месячный план по выпуску продукции с превышением. Областные партийные и исполнительные комитеты награждали подобные заводы и комбинаты передающимися Красными знаменами. Например, в январе 1948 г. такими предприятиями значились Миасский мясокомбинат (исполнение задания на 128,5 %) и Челябинский холодильник (120 %); в июне 1949 г. — Троицкий мясокомбинат (229 %). Обозначались и отстающие предприятия: к примеру, в марте 1950 г. таковыми были Челябинский мясотрест, Троицкий мясоконсервный комбинат, Челябинский молококомбинат³¹.

Надо признать, что не все работники являлись деятельными только в позитивном плане. В делах архива присутствуют материалы, подчеркивающие неправомерное использование служебного положения, крупные хищения продукции. Так, прокурорской проверкой в сентябре 1949 г. было выявлено, что директор Троицкого мясокомбината ежемесячно берет с холодильника 30–40 кг мяса и субпродуктов, 20–30 кг колбасных изделий и 0,5 л спирта. Здесь же была вскрыта недостача мяса за 1948 г. в количестве 98,4 т; в июле 1949 г. обнаружилась нехватка 58,5 т говядины и 2,9 т баранины. Кроме того, зафиксированы кражи продукции кладовщиком и товароведом, хищение кассиром денег из кассы. Случаи воровства и недостачи были отмечены также на мясокомбинатах Златоуста и Челябинска, в приемных пунктах молока. Наказанием являлось снятие с должности, исправительно-трудовые работы и заключение в колонию³².

Таким образом, за 1946–1950 гг. мясомолочная индустрия расширила свою структуру и потенциал благодаря сооружению современных промышленных объектов, обновлению действующих предприятий. Но из-за уменьшения сумм капиталовложений в промышленность группы «Б» в изучаемых отраслях ощущался недостаток мощностей, слабое внедрение механизации, затягивание строительства новых объектов. Производство испытывали острую потребность в высококвалифицированных технических специалистах. Перечень выпускаемых изделий был

по-прежнему ограниченным, качество — низким. Это было связано с нехваткой сырья, неэффективной организацией производства, низкими профессиональными навыками трудящихся. Недостаток транспорта на промышленных объектах вызывал перебои в доставке сырьевых ресурсов. Мясомолочная индустрия не смогла полностью выполнить задание четвертого пятилетнего плана, удовлетворить потребности жителей Челябинской области в качественных, разнообразных мясных и молочных продуктах. Данные явления объясняются тем, что большая часть капиталовложений и внимание руководства страны были направлены на предприятия группы «А», промышленные объекты группы «Б» по-прежнему имели второстепенное значение. Это обуславливалось напряженной ситуацией в мире и внутригосударственными обстоятельствами, влияющими на развитие Советского Союза.

Примечания

¹ Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <https://barley-malt.ru/wp-content/uploads/2019/11/proekt-strategyy-razvityja-pyschevoj-y-pererabatyvajuschej-promyshlennosty.pdf?ysclid=1j6h34i9p9107983029> (дата обращения: 30.03.2026).

² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 9. Д. 51. Л. 27.

³ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. : сб. док. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М., 1968. Т. 3. С. 246–319; ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 8. Д. 193. Л. 43.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 8. Д. 193. Л. 44–45, 52–53.

⁵ Там же. Ф. П-288. Оп. 9. Д. 51. Л. 131.

⁶ Там же. Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 80. Л. 30, 85; Оп. 8. Д. 193. Л. 115.

⁷ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 25. Л. 176, 177, 180, 182, 183.

⁸ Там же. Ф. Р-804. Оп. 8. Д. 193. Л. 52, 53.

⁹ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 25. Л. 184, 187.

¹⁰ Там же. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 98. Л. 119.

¹¹ Там же. Оп. 9. Д. 51. Л. 28.

¹² Там же. Оп. 14. Д. 57. Л. 72–78.

¹³ Пищевая промышленность СССР / предисл. А. И. Микояна; гл. ред. В. П. Зотов. М., 1967. С. 139, 200.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 9. Д. 51. Л. 131; Ф. Р-804. Оп. 8. Д. 193. Л. 124, 125.

¹⁵ Там же. Ф. П-288. Оп. 9. Д. 51. Л. 27, 28.

¹⁶ Пищевая промышленность СССР ... С. 139; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 9. Д. 62. Л. 53.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 9. Д. 57. Л. 18.

¹⁸ Там же. Д. 62. Л. 53, 54.

¹⁹ Там же. Ф. Р-220. Оп. 6. Д. 98. Л. 122–124; Д. 116. Л. 383.

²⁰ Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 23. Л. 195.

²¹ Там же. Ф. П-288. Оп. 10. Д. 22. Л. 92, 93.

²² Там же. Оп. 9. Д. 51. Л. 132.

²³ Там же. Д. 94. Л. 22–24.

²⁴ Там же. Л. 25, 26; Ф. Р-220. Оп. 6. Д. 117. Л. 124; Ф. Р-804. Оп. 8. Д. 216. Л. 144, 147.

²⁵ Там же. Ф. Р-804. Оп. 8. Д. 216. Л. 113.

²⁶ Там же. Ф. П-288. Оп. 9. Д. 51. Л. 125; Д. 57. Л. 19; Оп. 13. Д. 93. Л. 125; Оп. 17. Д. 95. Л. 101; Ф. Р-220. Оп. 6. Д. 98. Л. 122–124; Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 80. Л. 30, 85.

²⁷ Пищевая промышленность СССР ... С. 139, 430.

²⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 93. Л. 99, 100; Ф. Р-804. Оп. 8. Д. 216. Л. 149.

²⁹ Пищевая промышленность СССР ... С. 193.

³⁰ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 34. Л. 5, 52, 54.

³¹ Там же. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 35. Л. 107; Оп. 13. Д. 81. Л. 15, 19; Оп. 16. Д. 117. Л. 48.

³² Там же. Ф. Р-220. Оп. 6. Д. 98. Л. 122–124; Ф. П-288. Оп. 13. Д. 93. Л. 121–124; Оп. 16. Д. 117. Л. 52.

С. А. Пьянков

В гостях у «Мерседес-Бенц» и немецких товарищей: заграничная командировка советских специалистов на автомобильные заводы в 1956 году¹

В 1956 г. группа работников Министерства автомобильной промышленности СССР посетила автомобильные заводы ФРГ. В состав делегации входили: заместитель министра автомобильной промышленности П. Я. Лисняк, главный инженер Московского автозавода им. Сталина К. В. Строганов, главный инженер Уральского автомобильного завода им. Сталина А. А. Андерс, главный инженер Минского автозавода Б. В. Обухов. Командировка была организована в ответ на приглашение фирмы «Мерседес-Бенц», сделанное советскому министерству во время автомобильной выставки в г. Франкфурте-на-Майне в 1955 г.²

Предприятия «Мерседес-Бенц» принадлежали старейшему немецкому концерну «Даймлер-Бенц» по выпуску автомобилей и двигателей внутреннего сгорания, берущего свое начало с 1883 г. Концерн «Даймлер-Бенц» был образован в 1926 г. в результате слияния двух автомобильных компаний в единое акционерное общество. Продукция компании выпускалась под названием «Мерседес» с фирменным знаком — трехконечной звездой. В отчете советских специалистов наименования «Даймлер-

Бенц» и «Мерседес-Бенц» использовались как синонимы.

В 1945 г. заводы концерна «Даймлер-Бенц» подверглись значительным разрушениям, достигшим на отдельных заводах до 80 %. К середине 1950-х гг. заводы были полностью восстановлены и частично переоборудованы. По данным на 1954 г., компания «Даймлер-Бенц» стояла на третьем месте по производству легковых автомобилей в ФРГ, уступая фирмам «Фольксваген» и «Опель», а по грузовым автомобилям — на четвертом, уступая по объемам производства фирмам «Опель», «Фольксваген» и «Форд»³.

Советская делегация на немецкие заводы состояла из подготовленных и высококвалифицированных специалистов, имевших значительный производственный и управленческий опыт. Приведем несколько примеров.

Глава делегации Павел Яковлевич Лисняк (1908–1977) был не только крупным управленцем, но и техническим специалистом с многолетним опытом работы на ведущих машиностроительных предприятиях Советского Союза. Выпускник Киевского индустриального института

(1936), он длительное время работал на Челябинском тракторном заводе, занимая должности от технолога до заместителя главного инженера. Позднее трудился начальником цеха на Московском автомобильном заводе им. Сталина, работал директором Харьковского тракторного завода, а затем директором Горьковского автозавода⁴.

Главный инженер Уральского автомобильного завода Александр Александрович Андерс (1909–1977) на момент командировки имел солидный производственный и организационный опыт. Выпускник Московского механического института им. Ломоносова, Андерс длительное время работал на различных должностях на Московском автозаводе им. Сталина. В 1941 г. был эвакуирован в Ульяновск, где участвовал в создании автомобильного производства, в 1942–1945 гг. работал главным технологом на Уральском автозаводе им. Сталина. После окончания войны — в 1945–1948 гг. — был направлен главным инженером на строящийся Кутаисский автозавод (Грузинская ССР). В 1948 г. А. А. Андерс вернулся в Миасс, где трудился главным инженером на Уральском автозаводе⁵.

Целью командировки было ознакомление с технологией и организацией автомобильного производства на заводах фирмы «Мерседес-Бенц», а также с некоторыми заводами ГДР.

Командировка длилась с 24 января по 11 февраля 1956 г. Как правило, на посещение каждого завода отводился один день. За время пребывания в ФРГ группа советских специалистов ознакомились с заводами «Мерседес-Бенц» в Унтер-тюркхайме (район г. Штутгарта), Гаггенау, Зиндельфингене, Мангейме и заводом электрооборудования и топливной аппаратуры фирмы «Бош» в Штутгарте.

Во время пребывания в ГДР советские специалисты посетили автомобильные заводы «Ауди» и «Хорьх» в Цвикау, ознакомились с работой прессового оборудования «Пельс» в Эрфурте и цехом точной штамповки завода «Кабель Верке» в Берлине.

При посещении заводов «Ауди», «Хорьх» и «Пельс» к группе работников Министерства автомобильной промышленности СССР присоединился представитель Государственного комитета министров СССР по новой технике (Гостехника СССР) в ГДР Ф. М. Ломанов.

Основное внимание советской делегации было сосредоточено на особенностях работы предприятий в Западной Германии.

По результатам поездки советскими специалистами был составлен подробный отчет объемом 130 листов. Он включал в себя информацию, полученную в ходе личного ознакомления с заводами и выпускаемой ими продукцией. При составлении отчета использовали материалы каталогов, полученные от западногерманских фирм, а также сведения, почерпнутые из бесед с работниками автомобильных фирм и руководящими работниками Министерства машиностроения ГДР. Отчет был отпечатан 12 апреля 1956 г.

в московской типографии Научно-исследовательского института технологии автомобильной промышленности (НИИТАвтопром) в количестве 22 экз. Один из экземпляров отчета был передан Уральскому автомобильному заводу. В настоящее время этот ценный и интересный документ находится на постоянном хранении в Объединенном государственном архиве Челябинской области⁶.

Материалы отчета свидетельствуют, что советских специалистов интересовали самые разнообразные вопросы: технология производства отдельных изделий, технические характеристики автомобилей, организация производства, условия труда и быта работников предприятий.

Анализируя полученные данные, советские инженеры давали практические рекомендации по дальнейшему посещению зарубежных производств. Предлагалось практиковать командировки на определенные заводы на более длительные сроки с заданием более углубленного изучения конкретных конструкторских, технологических и организационных вопросов, представляющих интерес для внедрения на заводах Советского Союза.

Для создания заинтересованности зарубежных фирм рекомендовалось совмещать эти командировки с закупкой у них соответствующих образцов продукции⁷.

Советские специалисты подошли к изучению автомобилестроения ФРГ весьма обстоятельно. Рассматривались не только отдельные фирмы и предприятия, но и тенденции развития отрасли в целом. Инженеры рассмотрели развитие автомобильной промышленности Западной Германии с 1949 по 1954 г.

Составители отчета отметили, что в ФРГ значительно возросло производство автомобилей. Если в 1949 г. страна занимала пятое место по количеству производимых автомобилей среди развитых капиталистических стран, то к 1954 г. она обогнала Францию, Канаду и занимала третье место после США и Англии. Выпуск автомобилей в Западной Германии в 1954 г. в два раза превысил довоенный.

При ограниченном внутреннем рынке сбыта автомобильная промышленность ФРГ ориентировалась на экспорт. В 1954 г. доля экспорта составляла 41,1 % от всего объема производства автомобилей. Подавляющее большинство в выпуске машин занимали легковые автомобили — 74,5 %⁸. Причем основную массу легковых машин (свыше 80 %) составляли малолитражные автомобили (от 1 до 2 л), а по грузовым автомобилям — на машины с тоннажем до 2 т (до 65 %)⁹.

Характерной особенностью грузовых автомобилей, выпускаемых заводами ФРГ, являлось широкое применение дизельных двигателей, что объяснялось меньшей стоимостью дизельного топлива и более высокой топливной экономичностью дизелей¹⁰.

Грузовые автомобили в ФРГ, как правило, эксплуатировали с прицепами. Советские специ-

алисты сообщали, что грузовые автомобили грузоподъемностью 3–3,5 т и выше редко встречались без прицепа не только на магистральных дорогах, но и в городах. Значительное количество автомобилей меньшей грузоподъемности также были с прицепами¹¹.

По мнению советских инженеров, в автомобилестроении ФРГ 1950-х гг. проявлялась тенденция к дальнейшему распространению дизельных моторов на машины малой грузоподъемности¹².

Затем в отчете подробно описывались заводы компании «Даймлер-Бенц». Фирма «Даймлер-Бенц» объединяла под своим управлением пять заводов, четыре из которых находились в радиусе 150 км от Штутгарта. На них изготавливали легковые, грузовые, коммунальные и специальные автомобили, автобусы. Один завод, расположенный в Берлине (западная зона), выпускал стационарные дизельные двигатели мощностью от 15 до 3000 л. с.¹³

Заводы, расположенные вблизи Штутгарта, были связаны друг с другом производственной кооперацией, а Берлинский завод дизель-моторов производственных связей с остальными заводами не имел¹⁴.

Одно из предприятий (завод в Унтертюркхайме) производило моторы и узлы шасси для легковых автомобилей, выпускаемых на заводе в Зиндельфингене. Среди прочих изделий завод выпускал быстроходный дизельный мотор типа OM636 VI для легкового автомобиля «Мерседес 180D» и специальной машины «Унимог», выпускаемой на заводе в Гаггенау. На заводе в Унтертюркхайме имелась центральная литейная, снабжавшая алюминиевыми литыми изделиями все остальные заводы фирмы, и легкая кузница для обеспечения собственного производства. На предприятии трудилось около 12 тыс. рабочих. При заводе в Унтертюркхайме был расположен административный центр фирмы и центральное конструкторское бюро по автомобилям¹⁵.

Завод в Зиндельфингене был расположен в 135 км к юго-западу от Штутгарта. На заводе трудилось около 12 тыс. рабочих. Предприятие производило кузова легковых автомобилей всех типов и осуществляло сборку легковых автомобилей, получая двигатели и узлы с завода в Унтертюркхайме и частично от внешних поставщиков. Завод также изготавливал кабины для тяжелых грузовиков, выпускаемых на заводе в Гаггенау, и крупные холодные штамповки для автобусов, выпускаемых заводом в Мангейме. На заводе в Зиндельфингене имелся цех по производству холодных штампов и прессовый цех для крупных кузовных штамповок¹⁶.

Завод «Даймлер-Бенц» в Мангейме был расположен в 120 км северо-восточнее Штутгарта. На заводе работало около 9 тыс. человек. Там производили грузовые автомобили грузоподъемностью 3,5 и 4,5 т, автобусы различного назначения. Часть автомобилей собиралась на основе шасси, поступающих с завода в Гаггенау. На за-

воде в Мангейме располагалась центральная литейная серого чугуна, производившая литые блоки цилиндров и головок для всех автомобильных двигателей, которые выпускал этот завод, а также заводы в Унтертюркхайме и Гаггенау. Крупные и сложные в изготовлении штамповки для облицовки автобусов на завод в Мангейме поступали с завода Зиндельфингена¹⁷.

Завод в Гаггенау располагался в 135 км к западу от Штутгарта. На нем работало около 5 тыс. человек. Предприятие производило тяжелые грузовики грузоподъемностью 6–8 т (в том числе с передними ведущими колесами) и часть шасси для автобусов, а также дизельные моторы для своих грузовиков и автобусов. На заводе в Гаггенау было организовано производство различных специальных автомобилей — пожарных и коммунальных, а также оригинальной машины «Унимог» для сельского и лесного хозяйства¹⁸.

На заводе Берлин-Мариенфельд работало около 1200 человек. Завод выпускал стационарные судовые дизельные моторы, дизельные двигатели для мотовозов узкой и широкой колеи, дорожного машиностроения, передвижных компрессоров, экскаваторов, сельскохозяйственных машин. Двигатели имели различную конструкцию (в горизонтальном и вертикальном исполнении) и развивали мощность от 15 до 3000 л. с.¹⁹

Отдельное внимание советские специалисты уделили проблемам организации управления и системе подготовки производства, действовавшей в фирме «Даймлер-Бенц». В отчете сообщалось, что во главе фирмы стоит правление, состоящее из восьми директоров. Правление определяло политику фирмы, направления развития производства, что и на каком заводе должно быть произведено, размер выпуска продукции и затраты. Заводы разрабатывали свои детальные планы в соответствии с заданиями правления и обладали определенной автономией в решении поставленных задач. Во главе каждого завода стояли коммерческий и технический директора²⁰. Технический директор нес ответственность за техническую сторону дела, а коммерческий — за рентабельность производства, он ведал управлением, бухгалтерией и кадрами. Снабжение и сбыт продукции были централизованы. Заказы материалов вело управление снабжением административного центра. Материалы, как правило, поставлялись непосредственно на заводы. Центральное управление снабжением имело свои филиалы на каждом заводе.

Фирма «Даймлер-Бенц» вела со своими поставщиками совместную техническую работу, поручая им задания на разработку новых изделий или материалов. Так, например, насос для системы впрыска бензина к новым двигателям «Мерседес-Бенц» разрабатывался фирмой «Бош» и доводился совместно с фирмой «Мерседес-Бенц». Благодаря развитой технической кооперации собственная трудоемкость изготовления в выпускаемых автомобилях составляла 50 % для

легковых машин и еще ниже для грузовых автомобилей.

Действовавшую систему поставок в Западной Германии советские специалисты сравнивали с отечественной. Отмечалось, что, помимо устоявшейся в Советском Союзе кооперации по электрооборудованию, резиновым и пластмассовым изделиям, колесам и другим элементам, в ФРГ была широко развита производственная кооперация по литью и поковкам (почти 100 % поковок и литья поступало от сторонних фирм), а также по отдельным массовым деталям и агрегатам. Так, например, на заводы «Мерседес-Бенц» со специализированных заводов поступал ряд крупных деталей: рули, карданные валы, буксирные приборы, тормозная арматура, лонжероны, рессоры, радиаторы и прочие изделия. Двигатели для всех моделей автомобилей фирма «Мерседес-Бенц» изготавливала у себя. При производстве двигателей ряд массовых деталей, таких как поршни, поршневые кольца, вкладыши, клапаны и другие детали, поступали от сторонних производителей²¹.

Аналогичная ситуация наблюдалась и на автозаводах ГДР. Советские специалисты отмечали сходство моделей организации производства в Восточной и Западной Германии. Оно выражалось в высоком уровне специализации производства и широкой кооперации, когда литье изделия, поковки и ряд типовых узлов и агрегатов изготавливали не автозаводы, а сторонние производители. Удачную, по мнению советских специалистов, модель организации производства с высоким уровнем специализации следовало внедрить и в СССР²².

Вместе с тем советские специалисты указывали, что подобная организация производства требовала хорошо налаженного складского хозяйства. Это исключало возможные случаи простоя автозаводов из-за сбоев в поставках деталей. В отчете отмечалось, что складское хозяйство на заводах «Мерседес-Бенц» было поставлено хорошо. Запасы материалов и готовых изделий по заявлению фирмы составляли по металлу около 28 дней, по литью и поковкам — 3 дня, по готовым изделиям — 14 дней. Сравнительно небольшие запасы способствовали ускорению оборота средств²³.

Советские инженеры сообщали, что на всех складах фирмы имелись необходимые средства механизации для погрузочно-разгрузочных работ, которые полностью исключали ручной труд (катучие балки, монорельсы, конвейеры-транспортеры, электрокары, автопогрузчики). Например, склад резины был оборудован подвесным конвейером, имевшим выход на площадку перед складом. Автомобильные шины выгружались конвейером непосредственно с машины поставщика. Конвейер своей консольной частью заходил внутрь фургона, и один рабочий разгружал резину или колеса, навешивая их с кузова автомобиля на конвейер²⁴.

На всех заводах детали и заготовки находились исключительно в таре. Много площадей

было отведено под промежуточные склады и кладовые. В ряде случаев применялись межцеховые и внутрицеховые передающие конвейеры. Тара в большинстве случаев имела конструкцию, которая позволяла устанавливать ее друг на друга. Это экономило место и в некоторых случаях, особенно в прессовых цехах, заменяло промежуточные кладовые.

В отчете советские инженеры рекомендовали использовать опыт германской промышленности, применять на производстве оборотную тару в складском хозяйстве автозаводов СССР. В частности, рекомендовалось ускорить выпуск типовых конструкций транспортной тары НИИТАвтомобильного института «Гипроавтопром» рекомендовали при проектировании заводов и отдельных цехов уделять большее внимание общезаводскому и цеховому складскому хозяйству²⁵.

Отдельное внимание советская делегация обратила на культуру производства. Советские инженеры отметили чистоту рабочих мест, цеховых проездов и проходов. Благоустройство и чистота бытовых помещений достигалась несколькими способами:

1) в большинстве цехов использовались бетонные полы из специального состава, покрытого мастикой. Это позволяло легко производить уборку помещений. Здесь же отмечалось, что на заводе «Бош», где полы были выполнены из деревянной шашки, чистота в цехах была значительно хуже;

2) каждый рабочий сам убирал свое рабочее место и собирал стружку в специальную тару, которая по мере необходимости освобождалась от мусора и отходов;

3) все уборщики на заводе были сосредоточены в одном «хозяйственном цехе», ведающем уборкой в производственных цехах, бытовках и на территории завода. Такая организация позволяла лучше технически оснастить уборщиков;

4) еженедельно по субботам за час-полтора до конца смены работа прекращалась, и рабочие тщательно чистили свое оборудование;

5) все оборудование при каждом ремонте окрашивали в светло-серый цвет. Это помогало содержать его в чистоте и исправном состоянии;

6) детали и заготовки не лежали на полу, поэтому около них не скапливались грязь и мусор;

7) оборудование в цехах было расставлено упорядоченно, но везде оставались достаточные проходы для поддержания порядка. В цехах было хорошее освещение. В них отсутствовали широко распространенные на советских заводах различные перегородки и конторки, которые затрудняли уборку производственных помещений.

Обобщая опыт фирмы «Мерседес-Бенц» в части культуры производства, советские специалисты писали:

Проведение указанных выше организационных мероприятий на наших заводах должно способство-

вать улучшению культуры на производстве, существующий уровень которой на большинстве заводов дальше терпим быть не может²⁶.

В отчете представители советской делегации уделили внимание и вопросам организации конструкторско-экспериментальных работ. Конструкторская работа в «Мерседес-Бенц» была сосредоточена в центральном конструкторском бюро, находившемся при административном центре в Штутгарте.

На заводах имелись небольшие конструкторские бюро для решения текущих задач производства и проведения непринципиальных изменений. Например, конструкторское бюро в Гаггенау имело в составе 30 конструкторов. Всего в фирме трудились 270 конструкторов. Из них 200 человек были заняты разработкой агрегатов автомобилей, 70 человек создавали оборудование автомобиля (арматура, приборы и прочие детали). Все конструкторы получали твердую зарплату. Сдельные и премиальные выплаты отсутствовали. Конструкторские помещения были обширными. Рабочее место конструктора было оборудовано доской, чертежным прибором и большим чертежным столом. Количественный состав конструкторского бюро и имеющийся задел работы, по мнению советских специалистов, позволял «Мерседес-Бенц» быстро готовить новые модели автомобилей.

Фирма сообщала, что для подготовки производства новой модели автомобиля до ее выпуска требовалось два года. Стоимость подготовки нового легкового автомобиля оценивалась в 25 млн марок.

Большое внимание при конструировании автомобилей уделялось контролю работы, в том числе технологическому. Каждая новая конструкция поступала в бюро проверки, которое принимало решение о ее приемке или переделке. Разработанные конструкции проходили технологический контроль и только после этого передавались на производство. При разработке технологии тщательно учитывались все вопросы использования оборудования, оснастки, организации рабочего места и создавались расчеты по нормам выработки продукции, которые направлялись на производство. Эти нормы не пересматривались на протяжении всего времени выпуска данной модели, если не менялась технология производства²⁷. Такая система тщательной подготовки и контроля позволяла создавать технологичные и экономичные конструкции машин, избегать доработок после начала производства автомобилей²⁸.

В отчете советские специалисты отмечали особенности технического обеспечения производства в ФРГ, описывали работу станко-инструментальной промышленности. В частности, в отчете сообщалось:

Сроки выполнения заказов на оборудование, как правило, составляют по специальному оборудованию до 1 года, по универсальному — 2–3 месяца. На всех заводах развито собственное станкостроение. Оно об-

легчается тем, что станкостроительная промышленность выпускает стандартные силовые головки, поворотные столы и прочие стандартизированные элементы для изготовления на их базе специальных станков²⁹.

Советские специалисты считали опыт немецкой промышленности актуальным для практики советского производства. В отчете были даны конкретные рекомендации по развитию советской индустрии:

Министерству станкостроения необходимо организовать выпуск стандартных агрегатов для увеличения применения спецстанков собственного изготовления на автомобильных заводах. Благодаря этому и при смене моделей потребуются меньшее количество заказа новых спецстанков³⁰.

Также Министерству станкостроения СССР рекомендовалось расширить ассортимент выпускаемого инструмента, увеличить объемы его выпуска, что избавило бы советские автозаводы от изготовления мелких партий режущего, мерительного и вспомогательного инструмента.

В отчете указывалось, что в СССР необходимо организовать заводы штампов и приспособлений, которые бы могли обслуживать небольшие предприятия и помогать крупным заводам при смене модельного ряда автомобилей³¹.

В ходе визита на заводы «Мерседес-Бенц» советская делегация собрала сведения о кадровом составе фирмы и способах комплектования рабочими. В отчете сообщалось, что на заводах работало около 47 тыс. человек. Соотношение производственных и вспомогательных рабочих составляло 1:1. Из общего числа вспомогательных рабочих до 20 % трудились на новой технике (экспериментальные работы, изготовление оснастки и станкостроение). Оплата труда рабочих была сдельной. Наряды оформлялись заранее машиносчетной станцией. Фактическую выработку в нарядах указывал отдел технического контроля, который вел счет деталей. На одного мастера в среднем приходилось 70–100 рабочих.

Расчет заработной платы на каждом заводе был централизован на машиносчетной станции. Средний заработок составлял 350–400 марок в месяц. Советские специалисты указывали, что «рабочие кадры устойчивы». Средний разряд рабочих высокий — 5–6-й.

На фирме насчитывалось более 2700 человек, чей стаж составлял 25 лет и более. Доля женского труда в цехах была невысока. Большое количество рабочих проживало в пригородных селениях вокруг Штутгарта. На работу сотрудники приезжали на автобусах (не заводских) и, главным образом, на собственных велосипедах и мотоциклах, для которых у завода были устроены стоянки.

Советские специалисты отмечали высокую трудовую дисциплину. В пролетах, цеховых проходах и на заводской территории не было видно ходящих без дела людей.

Питание на заводах было организовано без потерь для рабочего времени. Достаточная сеть столовых с быстрым обслуживанием позволяла укладываться с обедом в 30 минут. Например, на заводе Мангейм на 9 тыс. работающих имелось пять столовых. Столовые были хорошо оборудованы, приготовление пищи, уборка и мойка посуды механизированы³². В необходимых случаях устанавливался ступенчатый график обедов для различных цехов. В обеденное время по цехам развозили в тележках фруктовую воду. Многие рабочие принимали пищу, принесенную из дома, непосредственно в цехах у рабочих мест.

Для подготовки кадров при каждом заводе фирмы имелось техническое училище на 300–350 человек с трехгодичным курсом обучения. В училище принимали по окончании восьмилетнего обучения (нормальное среднее образование). Учащиеся с первого года обучения получали зарплату — 60 марок в месяц, которая повышалась в последующие годы. Со второго года обучения учащиеся выполняли производственные задания фирмы (изготовление инструмента, приспособлений, ремонтных деталей и др.). Советские инженеры сообщали, что учебные заведения фирмы выпускали квалифицированных рабочих-универсалов. Школ для подготовки рабочих массовых профессий (типа фабрично-заводского обучения), «рабочих-операционников» в ФРГ при заводах не было³³.

Советская делегация внимательно изучила действовавшую в «Мерседес-Бенц» систему технического контроля. «Мерседес-Бенц» презентовал свою продукцию как высококачественную и делал на этом упор в своей рекламе. Компания действительно уделяла большое внимание организации технического контроля на производстве. Например, контрольный аппарат, по заявлениям фирмы, составлял 15 % от общего числа производственных рабочих. Фирма подчеркивала, что 100 % всех материалов, поступающих в производство, проверяются на качество. Полностью контролировалось производство деталей и узлов машин³⁴.

В вопросах профилактики брака контролеры производства отчасти выполняли роль технологов. Они вели непрерывный контроль за рабочими операциями на линиях обработки деталей. На промежуточных контрольных точках выявляли брак, фиксировали случаи отклонения от технологии производства. На заводах широко практиковалось исправление дефектов. В литейных цехах, например, при помощи сварки устранялись дефекты литых деталей из алюминия. Сварку осуществляли газом, используя специальные электроды. Брак в литейном цехе серого чугуна (отливка блоков цилиндров и головок) составлял, по заявлению фирмы, 0,5 %. Данный показатель был незначительным³⁵.

Кроме «Мерседес-Бенц» советская делегация посетила завод фирмы «Бош» в Штутгарте. Фирма «Бош» являлась старейшей немецкой фирмой по производству автомобильного электрообору-

дования. Помимо этого фирма изготавливала аккумуляторы, лубрикаторы, фильтр-прессы, детали тормозной арматуры, высокочастотный электроинструмент, бытовые холодильники, детали из пресс-литья и пластмасс, которые поставляли другим фирмам. Всего на нескольких заводах фирмы «Бош» было занято около 30 тыс. рабочих. Завод «Бош» в Штутгарте выпускал топливную аппаратуру и электрооборудование (динамо, стартеры и фары)³⁶.

На заводе «Бош» советских специалистов в первую очередь интересовало производство топливной аппаратуры. Используя каталожные материалы фирмы, советские инженеры описали систему непосредственного впрыска, предназначенную для бензиновых двигателей³⁷.

В отчете отмечается, что германские фирмы не спешили делиться секретами производства. В частности, указывалось:

От сообщения сведений по некоторым вопросам, касающимся конструкции или технологии производства, фирмы уклонялись. Так, например, не удалось получить достаточно ясного представления о перспективных конструкторских работах, ведущихся фирмой Мерседес-Бенц по автомобильным дизелям, моторам с непосредственным впрыском бензина, газовым турбинам, машинам высокой проходимости и тому подобное. Не удалось ознакомиться с технологией изготовления дизельных форсунок на заводах Бош и некоторыми другими интересовавшими нас вопросам³⁸.

Завершив посещение заводов ФРГ, советская делегация отправилась на предприятия ГДР. В поездке по Восточной Германии советская делегация посетила завод малолитражных автомобилей «Автомобиль Верке» в г. Цвиккау («Ауди»). Завод изготавливал малолитражные легковые автомобили модели Р-70 с двухтактным двухцилиндровым двигателем мощностью 22 л. с. Кузов малолитражного автомобиля изготавливали из пластмассы³⁹.

На заводе работало 1850 человек, из них 40 % женщин. Из 1825 сотрудников предприятия — 1325 рабочих, 300 учеников, 30 конструкторов, 28 технологов, 50 контролеров, 40 мастеров и бригадиров, 55 человек обслуживающего персонала⁴⁰.

Советские специалисты сообщали, что производство на предприятии было мало механизировано, а себестоимость продукции относительно велика. Особенностью технологии производства на данном заводе был выпуск пластмассовых кузовов. Пластмассовый кузов, принятый на заводе «Ауди», имел каркас (деревянный или металлический), на который монтировались шурупами пластмассовые панели. Места стыков при необходимости закрывались декоративными накладками.

Во время посещения завода советскими инженерами «Ауди» выпускало кузова с деревянным каркасом, основные несущие детали которого изготавливались из бука, а менее важные — из сосны. В последующем предполагался переход на металлический каркас⁴¹. Сухой вес автомобиля

Р-70 с пластмассовым кузовом составлял 750 кг, тогда как вес того же автомобиля с металлическим кузовом — 950 кг. Использование пластмассовых панелей давало снижение веса автомобиля на 20 %.

Пластмассовые панели кузова автомобиля изготавливались по патенту специалистов завода, получивших за разработку этого метода национальную премию ГДР. Начальным сырьем для производства панелей были отходы хлопка, из которых изготавливалась тонкая ткань, наматываемая на барабан специального станка. В процессе наматывания слои ткани пересыпались порошкообразными фенольными смолами из специального бункера с устройством, которое обеспечивало равномерную и непрерывную подачу порошка на наматываемую ткань. Количество порошка составляло 53 % по весу, а хлопчатобумажная основа — 47 %. Полученная заготовка раскраивалась дисковыми ножами, а затем из заготовок прессовались детали при температуре 165 °С⁴². Пластмассовый кузов автомобиля окрашивался, как кузов из металла. На заводе велись исследования по применению красителей в пластмассе, чтобы не окрашивать детали.

Изготовление пластиковых панелей требовало определенных санитарно-технических условий, так как производство было связано со значительной запыленностью помещения. По стоимости пластмассовый кузовов был дороже, чем металлический, поэтому технология требовала дальнейшего совершенствования. Однако экономия в весе автомобиля и металле делала рациональным применение пластика⁴³.

После посещения производства легковых автомобилей советская делегация отправилась на автомобильный завод «Хорьх» в г. Цвиккау (ГДР). Завод выпускал грузовые дизельные автомобили грузоподъемностью 3,5 т и легковые автомобили среднего класса с двигателем объемом 2,4 л и мощностью 80 л. с. На предприятии трудились 5450 человек. На момент посещения завода выпуск продукции составлял 22 грузовика в день. К изготовлению легковых машин «Хорьх 240» завод только приступил и выпускал одну-две машины в день. Причем кузовные детали изготавливались на заводе вручную. Проектом намечалось нарастить выпуск до 10 тыс. легковых автомобилей в год⁴⁴.

После заводов в Цвиккау советские специалисты отправились в г. Эрфурт на завод «Пельц». Там трудились 3000 человек. Предприятие изготавливало прессовое оборудование, которое было хорошо известно на советских заводах. В отчете отмечалось, что завод имел много заказов от «Станкоимпорта» на стандартное прессовое оборудование, поставлявшееся в СССР. Сообщалось, что завод очень мало работал в части изготовления оборудования новых моделей и типов. Члены советской делегации считали, что от завода «Пельц» необходимо было требовать поставки в СССР новых типов оборудования для внедре-

ния более прогрессивных технологических процессов⁴⁵.

Затем советская делегация отправилась в Берлин на завод «Кабель Верке». Это предприятие имело в своем составе кузнечный цех, который не только производил изделия для собственных нужд, но и изготавливал поковки конических шестерен автозаводу «Хорьх» в Цвиккау. Советскими специалистами была изучена технология производства, применявшаяся на заводе⁴⁶.

В результате посещения автомобильных заводов ФРГ и ГДР советские специалисты выдвинули ряд практических рекомендаций по совершенствованию советской автомобильной промышленности. Эти предложения заключались в изучении и использовании «прогрессивных конструкций», отдельных элементов организации производства. Особое внимание советские инженеры уделили проблемам условий труда, «поднятию культуры производства, чистоты и освещенности рабочих мест».

Текст отчета свидетельствует, что непосредственное знакомство с технологиями и системой организации труда за рубежом не стали откровением для советских специалистов, но позволили критически взглянуть на проблемы собственной индустрии и предложить практические шаги по развитию советской автомобильной промышленности.

Примечания

¹ Исследование выполнено на средства гранта РНФ, проект № 25-18-00990 «Технологическое обновление советской промышленности (1950 — 1980-е гг.): стратегии, механизмы, социальные эффекты».

² ОГАЧО. Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 343. Л. 2.

³ Там же. Л. 5 об.

⁴ Промышленно-хозяйственная элита Нижегородской области. 1917–1996 : науч.-справ. изд. / сост. В. И. Белоус и др. Нижний Новгород, 1996. С. 83–84.

⁵ Коган В. М. Андерс Александр Александрович // Автомобильный завод «Урал» : энциклопедия / редкол. В. Х. Корман и др. Челябинск, 2009. С. 19.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 343.

⁷ Там же. Л. 2 об.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 4 об. — 5.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 5 об. — 6.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 7 об.

¹⁸ Там же. Л. 8.

¹⁹ Там же. Л. 8 об.

²⁰ Там же. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 9 об.

²² Там же. Л. 10.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 10 об.

²⁵ Там же. Л. 11.

²⁶ Там же. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 12 об.

²⁸ Там же. Л. 13.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 13 об.

³³ Там же. Л. 14.

³⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 343.

³⁵ Там же. Л. 14 об.

³⁶ Там же. Л. 86 об.

³⁷ Там же. Л. 31 об. — 41 об.

³⁸ Там же. Л. 2 об.

³⁹ Там же. Л. 89.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 89 об.

⁴² Там же. Л. 90.

⁴³ Там же. Л. 90 об.

⁴⁴ Там же. Л. 91 об. — 93.

⁴⁵ Там же. Л. 93–93 об.

⁴⁶ Там же. Л. 93 об. — 95 об.

Б. И. Фарманов

Технико-технологические преобразования на металлургических предприятиях Урала 1950–1960-х годов

Реформирование системы управления промышленностью и строительством нуждалось в достижениях науки и техники. Совершенствование организационных форм управления промышленностью и строительством базировалось на сочетании централизованного и местного руководства. Приоритет при таком сочетании имели местные органы управления. Суть данной перестройки управления заключалась в том, что производственным руководителям лучше были видны производственные проблемы на местах, чем в центре. Новая структура руководства промышленностью и строительством была призвана лучше организовать кооперирование, полнее использовать производственные мощности предприятий и капиталовложения.

Решение о передаче функции управления на места должна была приблизить руководство к производству, привлечь широкие слои трудящихся к ведению дел на производстве. Управление на местах приводит к тому, что уделяется больше внимания достижениям науки и техники, так как их результаты влияют на все показатели производства и условия труда. Территориальный принцип предусматривает бережное использование местных природных ресурсов для развития промышленности, а также влияет на рост производительности труда.

Усиление связи управления с производством привели к созданию совнархозов. Они были призваны усовершенствовать хозяйственный механизм, но в целом оказались неудачной попыткой перестройки управления¹.

Одно из главных направлений развития производства — внедрение достижений научно-технического прогресса. Двадцать первый внеочередной съезд партии обсудил доклад «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы»². В принятом решении было предусмотрено ускоренное развитие черной металлургии. Для выполнения расчетов, предложенных съездом, необходимо было внедрение достижений науки и техники. Выполнение плановых показателей, намеченных съездом, напрямую зависело от металлургической базы Урала.

Уральский экономический район (УЭР) был одним из крупных территориально-хозяйственных комплексов страны. В производстве продукции черной металлургии доля УЭР составляла:

26 % — чугуна, 30 % — стали, свыше 31 % — проката черных металлов и стальных труб³. Самые крупные металлургические заводы были сосредоточены на Южном и Среднем Урале. На металлургических заводах агрегаты имели срок службы более 40 лет. Например, на ММК износ основных фондов составлял 50 %⁴.

Внедрение достижений научно-технического прогресса началось в 1950-е гг. На Среднем Урале многие рудоуправления черной металлургии, обогатительные фабрики были полностью переведены на дистанционное управление, а аглоленты (конвейеры) автоматизированы. Это позволило сократить простои фабрик с 15,2 до 6,6 %, аглолент — с 7,1 до 5,8 % календарного времени⁵.

Осуществляя мероприятия по внедрению новой техники, челябинские металлургические заводы добились улучшения коэффициентов использования агрегатов. Обновление техники высвободило и облегчило труд 2820 человек⁶. В доменных цехах металлургических предприятий удалось снизить коэффициент использования полезного объема печей и увеличить съем стали с одного квадратного метра пода мартеновской печи. Усовершенствовалась работа мартеновских печей. На Златоустовском металлургическом заводе (ЗМЗ) в течение 1962–1963 гг. внедрились трубчатые охлаждающие детали на мартеновских печах, работающих на испарительном охлаждении. Данное конструктивное решение было разработано с участием сотрудников института «Гипросталь». Опыт эксплуатации установок испарительного охлаждения на мартеновских печах показал, что вопрос о внедрении трубчатых охлаждаемых элементов практически был решен. Экономическая эффективность только на ЗМЗ составил 500 тыс. руб.⁷ На Челябинском металлургическом заводе была освоена технология выплавки литейного чугуна и ферросилиция на дутье обогащенным кислородом, а в 1968 г. началось применение конверторного способа получения стали. В мартеновском производстве технического прогресс выражался дальнейшим увеличением емкости печей с 300 до 500 т⁸.

Среди металлургических предприятий важное место занимал Нижнетагильский металлургический комбинат (НТМК). В конце 1950-х гг. началось внедрение технического прогресса в производство. В 1959 г. на НТМК была введена в эксплуатацию доменная печь объемом

1719 м³, производительность которой была в полтора раза больше шести доменных печей Серовского металлургического комбината. На НТМК впервые осуществлена комплексная автоматизация контроля и регулирования теплового режима крупной мартеновской печи № 14. Это позволило повысить производительность труда на 10 % и снизить расход топлива на 4–5 %. Разработанная схема послужила основой для автоматизации остальных печей комбината, а также для печей Серовского металлургического комбината и др.

Развитие НТМК всегда было в центре внимания правительства. Этот комбинат, так же как и ММК, должен был стать образцово-показательным предприятием семилетки. Здесь было решено строить конверторный цех. В Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 22 февраля 1962 г. № 232 «О развитии кислородно-конвертерного способа производства стали на металлургических предприятиях»⁹ было отмечено, что кислородно-конверторный способ является прогрессивным способом производства, стали в конверторах с применением кислорода. За 1960–1961 гг. не было построено ни одного кислородного конвертора. Было решено к концу 1965 г. довести общую мощность по производству стали кислородно-конверторным способом до 19,5 млн т в год¹⁰.

В октябре 1962 г. состоялось собрание Нижнетагильского городского партийно-хозяйственного актива, посвященное строительству конверторного цеха НТМК¹¹. На собрании было отмечено, что кислородно-конверторный метод по всем технико-экономическим показателям имеет преимущество по сравнению с мартеновским. Пусковой комплекс первой очереди предусматривал ввод двух 100-тонных конверторов с утилизационными котлами и миксером, строительство кислородной станции, а также комплекса вспомогательных хозяйств. Сдача в эксплуатацию была намечена на второй квартал 1963 г. Общая сметная стоимость комплекса была определена в 24 млн руб., в том числе стоимость строительно-монтажных работ — 15,5 млн руб.¹² В июле 1963 г. в конверторном цехе НТМК была выдана первая плавка стали. Уже в 1970 г. выплавка конверторной стали составляла 1238 тыс. т¹³.

Установленный конвертор являлся единственным в стране по переработке ванадийсодержащих чугунов. Ванадиевые шлаки, получаемые в конверторе, необходимы для производства феррованадия, идущего на производство высококачественного легированного металла. В 1960-е гг. на Среднеуральских металлургических заводах применялись различные интенсификаторы плавок. Первые опыты по применению дутья, обогащенного кислородом, в доменном производстве для выплавки передельного чугуна и ферромарганца были проведены одновременно в СССР и Германии в 1932–1933 гг. Повышенное содержание кислорода в доменном дутье сопровождается большим сокращением

расхода последнего, при этом увеличивается содержание в доменном газе оксида углерода и повышается его теплота сгорания. Обогащение дутья кислородом позволяет повысить производительность доменной печи, а в сочетании с газообразным и жидким топливом, подаваемым в горн, приводит к снижению расхода кокса. В этом случае на каждый дополнительный процент кислорода в дутье производительность увеличивается примерно на 2,5 %, а расход кокса снижается на 1 %.

Кислород в мартеновском производстве в СССР сначала использовали для интенсификации сжигания топлива (в промышленном масштабе кислород для этой цели впервые применили на заводах «Серп и молот» и «Красное Сормово» в 1932–1933 гг.). В 1933 г. начали вдувать кислород непосредственно в жидкую ванну с целью окисления примесей в период доводки. С повышением интенсивности продувки расплава на 1 м³/т за 1 ч производительность печи возрастает на 5–10 %, расход топлива сокращается на 4–5 %. Однако при продувке увеличиваются потери металла. При расходе кислорода до 10 м³/т за час выход стали снижается незначительно (до 1 %). В мартеновском производстве кислород находит все большее распространение. Так, если в 1965 г. с применением кислорода в мартеновских печах было выплавлено 52,1 % стали, то в 1970 г. — уже 71 %.

Опыты по применению кислорода в электросталеплавильных печах в СССР были начаты в 1946 г. на заводе «Электросталь». Внедрение кислородного дутья позволило увеличить производительность печей на 25–30 %, снизить удельный расход электроэнергии на 20–30 %, повысить качество стали, сократить расход электродов и некоторых дефицитных легирующих добавок. Особенно эффективной оказалась подача кислорода в электропечи при производстве нержавеющей стали с низким содержанием углерода, выплавка которых сильно затрудняется вследствие науглероживающего действия электродов. Доля электростали, получаемой в СССР с использованием кислорода, непрерывно росла и в 1970 г. составила 74,6 % от общего производства стали.

В ваграночной плавке обогащенное кислородом дутье применяется главным образом для высокого перегрева чугуна, что необходимо при производстве высококачественного, в частности, высоколегированного литья (кремнистого, хромистого и т. д.). В зависимости от степени обогащения кислородом ваграночного дутья на 30–50 % снижается расход топлива, на 30–40 % уменьшается содержание серы в металле, на 80–90 % увеличивается производительность вагранки. В середине 1960-х гг. на НТМК началось применение природного газа в качестве топлива для мартеновских печей.

Особое значение имело создание непрерывных производственных процессов. Изобретение группы металлургов во главе с академиком И. П. Бардиным — установку непрерывной раз-

ливки стали (УНРС) — начали применять на производстве. К 1960 г. на металлургических заводах страны действовало 11 установок УНРС¹⁴. На НТМК такая установка была пущена в 1968 г.

В 1960-х гг. было положено начало внедрению автоматизированных систем управления предприятиями (АСУП). Он представлял собой систему управления с применением автоматических средств обработки данных. Первые ЭВМ «Урал», «Раздан», «Минск» и другие составляли основу для создания информационно-вычислительных центров (ИВЦ). Для проектирования автоматических систем управления на Урале организованы Свердловский филиал государственного проектного института «Системпроект», Челябинское проектно-конструкторское бюро АСУ, специализированное монтажно-наладочное управление треста «Сибавтоматика». Разработкой ряда подсистем и задач занимались НИИ экономики, Унипромедь, Уралгипромез и др.

Таким образом, в рассматриваемый период продолжалось внедрение достижений науки и техники на металлургических предприятиях. Происходило дальнейшее увеличение мощностей мартеновских печей. Внедрялись новые технологические методы плавки металла. Гигантские металлургические комбинаты (ММК, НТМК) имели преимущество в инновационной программе. Научно-исследовательские институты (Гипросталь, Востин, Уралгипромез и др.), а также ведущие вузы страны принимали участие во внедрении достижений научно-технического прогресса в производство.

Однако на том фоне экологические проблемы оказались на втором плане. Черная металлургия относится к числу наиболее экологоемких отраслей. С загрязнением воздуха и воды, образова-

нием твердых отходов связаны все технологии и стадии металлургического производства. Наибольшие объемы выбросов связаны с традиционным способом получения стали, доменным производством чугуна с последующим переделом его в сталь. Значительно меньшее загрязнение имеет место при прямом восстановлении железа непосредственно из руды в электропечах. Это позволяет также избавиться от ряда промежуточных стадий, сопряженных со значительным загрязнением, и одновременно повысить качество продукции. Поэтому мировой тенденцией последних десятилетий является постепенное свертывание доменных и мартеновских производств, вытесняемых электросталеплавиными. Одновременно с этим, благодаря повышению качества изделий, сокращаются общие объемы выплавки металла и всей сопряженной нагрузки на среду.

Примечания

¹ См.: Запарий В. В., Фарманов Б. И. Модернизация управления черной металлургией Урала в 1950–1960-е гг. // Десятилетия Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 21–22 нояб. 2013 г.) / под ред. Г. Е. Корнилова. Екатеринбург, 2013. С. 233–235.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9. С. 341–342.

³ ГАСПИСО. Ф. 4. Оп. 106. Д. 290. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Оп. 58. Д. 181. Л. 15.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 14. Д. 760. Л. 27.

⁷ Там же. Л. 29.

⁸ История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т. 6. С. 347.

⁹ Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ ГАСПИСО. Ф. 4. Оп. 65. Д. 105. Л. 10.

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же. Оп. 67. Д. 240. Л. 93.

¹⁴ История социалистической экономики ... Т. 6. С. 347.

М. Б. Огнетова

Рождение предприятия продиктовано временем: вехи истории треста «Востокшахтопроходка» в архивных документах

В муниципальном архиве социально-правовых документов Нижнего Тагила (МАСПД) сосредоточены документы по личному составу различных ликвидированных предприятий и организаций города — 571 фонд, более 291 тыс. дел. Документы в первую очередь необходимы для подтверждения трудовой деятельности работников, их социальной защиты в соответствии с законодательством РФ. Но одновременно они служат и документальными источниками по истории предприятий, учреждений и организаций, которые прекратили свое существование.

Одним из крупных предприятий Нижнего Тагила являлся Специализированный шахтостроительный горнорудный трест по проходке стволов шахт, околоствольных горно-капитальных выработок предприятий черной металлургии «Свердловскшахторудстрой». Трест был создан постановлением Свердловского совета на-

родного хозяйства от 16 января 1959 г.¹ Приказом Министерства черной металлургии СССР от 19 октября 1970 г. № 641 трест был реорганизован в шахтопроходческий горнорудный трест «Востокшахтопроходка» Главного управления горнорудной промышленности (Главруды) Министерства черной металлургии СССР.

Горнорудная промышленность входит в топ стратегических отраслей Уральского региона. Практически каждый подземный комплекс строили работники треста «Востокшахтопроходка», которых по праву можно считать «отцами» шахтерского промысла. На момент создания это было второе шахтостроительное предприятие в Советском Союзе — первое располагалось в Кривом Роге².

Трест «Востокшахтопроходка» — это уникальное горнорудное предприятие. Создание такой крупной организации было продиктовано време-

нем. Поверхностные залежи руды заметно иссякли, настала пора разведки подземных залежей. На Урале железосодержащие руды в основном добывались открытым способом в карьерах. К концу 1950-х гг. на Высокогорском и Гороблагодатском рудниках добыча руд подземным способом составляла 30–35 %. Остро стоял вопрос обеспечения доменного производства Нижнетагильского металлургического комбината сырьем — железной рудой. Необходимо было увеличить добычу руды в сжатые сроки. С этой целью и была создана специализированная шахтостроительная организация с перспективой развития добычи железной руды в целом на Урале.

Трест «Свердловскшахторудстрой» создавался для строительства новых и реконструкции старых шахт Тагило-Кушвинского района. Затем масштаб деятельности предприятия увеличился. Общая география структурных подразделений треста была обширна: управления работали в Нижнем Тагиле и Кушве, Краснотурьинске, Асбесте, Челябинске, Бакале, Белгороде. Участки были в Волгограде, Качканаре, Магнитогорске. Крупные строительные объекты — в Москве, Пермской области, Красноярском крае, Казахстане и т. д.

Управляющим трестом в 1959 г. был назначен главный энергетик Высокогорского железного рудника (ВЖР) Ефим Александрович Кандель³, личное дело которого хранится в МАСПД. Директор ВЖР Сергей Иванович Николаев (возглавлял рудник с 1956 по 1983 г.) принял меры, чтобы в трест перешли лучшие специалисты: инженерно-технические работники, проходчики, взрывники. Среди них: главный инженер ОКСа ВЖР Л. И. Кондратьев, начальник управления Н. А. Чистяков, главный инженер А. Г. Романченко.

Ефим Александрович Кандель родился 27 декабря 1911 г. в Екатеринбурге в семье инженера. В 1931 г. окончил Одесский энергетический техникум и с дипломом техника-электромеханика вернулся на Урал. С апреля по сентябрь 1931 г. работал техником на строительстве Челябинской ГРЭС-2, затем приехал в Нижний Тагил и был принят в штат Высокогорского рудоуправления (ВРУ) электриком ОКС. Вскоре был назначен заведующим электроцехом ВРУ⁴. В 1939 г. Е. А. Кандель поступил в Криворожский горнорудный институт, по окончании которого в 1943 г. становится главным энергетиком ВРУ. Под его руководством проводились внедрение и реконструкция горно-шахтного, транспортного и агломерационного оборудования, велись реконструкции действовавших и строительство новых шахт, проводилась работа по механизации и автоматизации производства, совершенствованию технологии добычи и обогащения руд.

После Великой Отечественной войны с 1954 по 1957 г. Е. А. Кандель был главным инженером Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината в г. Рудном Кустанайской области. С 1957 по 1959 г. работал в ВРУ заместителем

управляющего по капитальному строительству. В 1959 г. назначен управляющим трестом «Свердловскшахторудстрой», а с 1962 по 1969 г. Ефим Александрович являлся директором Качканарского горно-обогатительного комбината (ГОК).

Имя Ефима Александровича Канделя значится в списках первостроителей Качканарского ГОКа⁵. Именно под руководством Ефима Александровича заканчивалось строительство этого предприятия. По воспоминаниям современников, Кандель все держал под личным контролем. Был установлен срок введения комбината в строй — к очередной годовщине Октябрьской революции, но сроки пуска были под угрозой срыва. Ефим Александрович сумел организовать работы так, что уже 8 июня 1963 г. был получен первый концентрат, а 30 сентября первая очередь ГОКа пущена в строй. При всей своей занятости производственными вопросами Ефим Александрович успевал многое сделать для решения бытовых проблем строителей Качканарского ГОКа.

С 1969 г. Е. А. Кандель работал в ОКС Нижнетагильского металлургического комбината (НТМК), затем вышел на пенсию. В свободное время занимался краеведением, интересовался историей уральской горной промышленности, публиковал статьи в различных изданиях, в том числе в газете «Уральский рабочий». Собрал коллекцию фотографий паровых экскаваторов, эксплуатировавшихся на уральских предприятиях⁶. Е. А. Кандель был награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» (1964), медалями «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Гидрогеолог Высокогорского рудоуправления Александр Васильевич Тутунин так описывал Е. А. Канделя:

Высокий, почти двухметровый, рыжий весельчак в кителе, галифе и фуражке горного инженера был легок в общении, но строг и принципиален в вопросах, касающихся работы. Очень любил жену и детей — сына Сашу и дочь Лору. Был душой компании на праздничных посиделках, и беззастенчиво предан своей работе...

За время деятельности треста «Востокшахтопроходка» в его составе насчитывалось около двух десятков шахтостроительных и шахтопроходческих управлений, иных подразделений. На базе некоторых из них в СССР были созданы новые тресты, например «Казшахторудстрой» и «Таштагошахтострой»⁷.

В составе треста «Востокшахтопроходка» в разное время были образованы либо переданы в структуру треста шахтопроходческие (ШПУ) и шахтостроительные управления (ШСУ)⁸:

- Нижнетагильское ШПУ № 1;
- Кушвинское ШПУ № 2 (Гороблагодатское);
- Серовское ШПУ № 3 в связи со строительством Северо-Песчанской шахты (1961), с 1970 г. значится Краснотурьинское ШПУ № 3;

- Асбестовское ШПУ № 4 (1962);
- Березовское специализированное ШПУ (1963; в 1974 г. передано в ведение Всесоюзного объединения «Цветметшахтострой»);
- Нижнетагильское ШСУ № 5 (1965), деятельность которого была направлена на пуск таких объектов, как ствол шахты «Северная», надшахтные сооружения шахты «Валуевская» на Гороблагодатском руднике, горноспасательная станция на Высокогорском железнорудном комбинате, шахта «Магнетитовая-Бис», шахта «Вентиляционная» № 15, Соловьевогорский дунитовый рудник на ВЖР; ШСУ вело строительство жилья для шахтопроходчиков — было возведено более 1 млн кв. м жилья и объектов соцкультбыта;
- Хромтауское ШПУ № 6 (вышло из структуры в конце 1970-х гг.);
- Бакальское ШПУ № 7 (1966);
- Соколовские ШПУ № 8 и 9 (1979) в г. Рудном (вышли из структуры в конце 1970-х гг.);
- Шахтомонтажное управление № 10 (ШМУ) в г. Рудном (1977);
- Челябинское специализированное ШСУ № 11 (1977);
- Губкинское специализированное ШСУ № 12 (1978) в г. Губкин Белгородской области, которое в 1983 г. передано в непосредственное подчинение Всесоюзному объединению «Союзшахтопроходка»;
- хозрасчетное Нижнетагильское шахтостроительное управление (ШСУ);
- Нижнетагильское ШПУ № 8 (1981).

В структуру треста входили также:

- контора материально-технического снабжения;
- управление подсобно-вспомогательных производств;
- Нижнетагильская специализированная автотранспортная база механизации (1965), которая производила строительно-монтажные и земляные работы, наладку и ремонт оборудования, машин и механизмов, изготовление металлоконструкций, прокат горно-шахтного и другого оборудования;
- хозрасчетное подразделение «Проектная контора» с местом нахождения в Нижнем Тагиле (1976);
- учебно-курсовой комбинат (1980).

Так, Нижнетагильское ШПУ № 1 вело работы по реконструкции шахт «Магнетитовая-Бис», «Эксплуатационная» и строительству шахты «Естюнинская» в Нижнем Тагиле; Кушвинское ШПУ № 2 — на шахтах «Южная» и «Валуевская» Гороблагодатского рудоуправления. Красноуральское ШПУ № 3 вело строительство шахты «Северо-Песчанская» Богословского рудоуправления, реконструкцию шахты «Капитальная» Красноуральского медькомбината. Асбестовское ШПУ № 4 строило дренажные шахты для комбината «Ураласбест». Нижнетагильское ШСУ № 5 занималось строительством поверхностных сооружений Высокогорского рудоуправления,

жилых домов. Хромтауское ШПУ № 6 вело строительство шахты «Молодежная» рудника им. 40-летия Казахской ССР. Бакальское ШПУ № 7 производило строительно-монтажные работы на шахте «Сидеритовая» Бакальского рудоуправления. Соколовские ШПУ № 8 и 9 вели строительство Соколовского и Южно-Сарбайского подземных рудников. Трест «Востокшахтопроходка» сотрудничал с такими предприятиями, как «Союзшахтоосушение», «Союзшахтоспецмонтаж», «Уралэлектромонтаж», «Котломонтаж», «Газмонтаж», «Промвентиляция», «Уралспецстрой», «Промсвязьмонтаж», «Востокметаллургмонтаж», «Союзтеплострой», «Союзлифтомонтаж».

В 1962 г. трест возглавил Лев Иванович Кондратьев⁹, в июне 1969 г. управляющим треста назначен Виктор Владимирович Медведев¹⁰, который в ноябре 1977 г. переведен в аппарат Минчермета СССР. В ноябре 1977 г. управляющим треста стал Станислав Иванович Непомнящий. В январе 1992 г. в должности управляющего арендным предприятием «Трест «Востокшахтопроходка» утверждён Леонид Владимирович Мартюшев¹¹, который работал в тресте с 1975 по 1993 г. и прошел непростой путь от горного мастера до управляющего.

В июле 1990 г. трест «Востокшахтопроходка» прекратил свою деятельность на основании Приказа Министерства черной металлургии СССР от 31 декабря 1989 г. № 805. Его правопреемником стало специализированное шахтостроительное арендное предприятие «Трест «Востокшахтопроходка»» Министерства металлургии СССР. В декабре 1992 г. предприятие было перерегистрировано в товарищество с ограниченной ответственностью (ТОО) «Шахтопроходка». Личный состав арендного предприятия был переведен в ТОО. В феврале 1995 г. личный состав предприятия был уволен в связи с предстоящей ликвидацией ТОО. В феврале 1999 г. постановлением главы администрации Ленинского района Нижнего Тагила ТОО «Шахтопроходка» было ликвидировано. Огромная организация перестала существовать. На основе многих структурных подразделений треста были организованы новые предприятия.

Предприятием накоплен огромный трудовой опыт. Так, за период деятельности треста с 1959 по 1973 г. (15 лет) было пройдено 187 км подземных горных выработок, 21 км шахтных стволов. В 1973 г. на шахте «Южная» Гороблагодатского рудоуправления был поставлен всесоюзный рекорд горнорудной промышленности СССР по скоростной проходке околоствольных выработок горизонта 160. Предприятие практически постоянно держало у себя переходящее Красное знамя за победу в соревновании по министерству.

В истории треста навсегда осталась скоростная работа бригад В. Кулеша, М. Егоркина, А. Лекинского, а также лауреата Государственной премии, кавалера ордена Трудового Красного Знамени, полного кавалера орденов «Шахтерская слава» Александра Сергеевича Шамова¹²; двух Ге-

роев Социалистического Труда — Анатолия Петровича Городилова и Павла Степановича Васильева. Бригадир проходчиков Владимир Яковлевич Жернов — полный кавалер ордена Трудового Красного Знамени, заслуженный шахтер России; бригадир крепильщиков Павлов Андрей Иосифович — кавалер ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции, награжден медалью «За трудовое отличие». Начальник Нижнетагильского ШСУ № 1 Владимир Иванович Зайцев удостоен ордена «Знак Почета», полный кавалер знаков «Шахтерская слава», награжден медалью ВДНХ за внедрение новых технологий проходки вертикальных выработок, получил более десятка знаков «Победитель социалистического соревнования». Он отдал горному делу 44 года¹³. С 1975 г. за десять лет более 170 шахтостроителей были награждены орденами и медалями.

Необходимо отметить, что коллектив треста внес большой вклад в укрепление обороноспособности Советского Союза и стран Варшавского договора. Шахтостроители возводили шахты для ракет стационарного базирования. Заместитель управляющего Юрий Михайлович Шемякин работал в ГДР¹⁴, где вместе с коллегами по соцлагерю возводил урановые шахты, за что и был удостоен высших наград дружественной страны.

В памяти ветеранов треста остались трудовые будни, люди, благодаря которым трест обрел свою славу. На начало 2023 г. в ветеранской организации треста состояло 270 человек. Девятого января 2019 г. по инициативе совета ветеранов треста на здании управления треста «Востокшахтопроходка» (ныне здесь располагается администрация Ленинского района Нижнего Тагила) была открыта мемориальная доска за вклад предприятия в развитие города. Безусловно, практические уроки ушедшего в историю шахтостроительного предприятия не должны быть забыты. «Опыт треста “Востокшахтопроходка” будет использован другими поколениями, он

пригодится и через сто лет, и через двести... Именно наш трудовой, социальный и человеческий опыт будет использован будущими поколениями», — вспоминал в августе 2023 г. на одной из встреч с журналистами Владимир Горбунов, председатель совета ветеранов треста, почетный ветеран Нижнего Тагила¹⁵.

Документы по личному составу (приказы, личные дела, лицевые счета и ведомости, характеристики, личные листки, фотографии) ликвидированного треста «Востокшахтопроходка» за 1959–1995 гг. были переданы в муниципальный архив социально-правовых документов Нижнего Тагила. Документы необходимы не только для подтверждения трудовой деятельности работников треста, их социальной защиты в соответствии с законодательством РФ, но и для сохранения богатой истории предприятия, внесшего огромный вклад в индустриальное и социально-экономическое развитие нашей страны.

Примечания

¹ МАСПД. Ф. № 37/145 «Товарищество с ограниченной ответственностью “Шахтопроходка”». Историческая справка.

² Соколова Г. Свет угасшей звезды. URL: https://историятагила.рф/zavod/4_281.htm

³ МАСПД. Ф. 37/145. Оп. 1-л. Д. 465.

⁴ «Папа Кандель» и его Саша с «Уралмаша». URL: https://историятагила.рф/history/tagil_history_2014_09_02.htm

⁵ Ефим Александрович Кандель — первостроитель Качканарского ГОКа. URL: <https://ok.ru/evrazural/topic/157993229425454>

⁶ «Папа Кандель» и его Саша с «Уралмаша» ...

⁷ Свахина Р. Ни дня без взрыва. URL: https://историятагила.рф/zavod/4_281.htm

⁸ МАСПД. Историческая справка к фонду № 37/145 «Товарищество с ограниченной ответственностью “Шахтопроходка”».

⁹ МАСПД. Ф. 37/145. Оп. 1-л. Д. 484.

¹⁰ Там же. Д. 633.

¹¹ Там же. Д. 658.

¹² Тресту «Востокшахтопроходка» — 55 лет. URL: https://историятагила.рф/zavod/4_281.htm

¹³ МАСПД. Ф. 37/145. Оп. 1-л. Д. 437.

¹⁴ Радченко Е. А. Слава остается навсегда. URL: https://historyntagil.ru/zavod/4_456.htm

¹⁵ Их опыт пригодится будущим поколениям. URL: <https://tagilka.ru/109540-k-yubileyu-tresta-vostokshaxtoproxodka-v-nizhnem-tagile.html?ysclid=mpr05lbfmu339272638>

Часть IV
Социальная история

И. Ю. Матвеева

Городская идентичность и народное образование: общества попечения о народном образовании в городах Пермской губернии

В современной исторической науке отмечается рост интереса к социокультурной истории российского города и роли общественных инициатив в ней. Особое место в исследованиях занимают вопросы городской идентичности: того, как жители осознавали себя частью конкретного города, какими способами выражалась эта принадлежность.

Современные исследования (работы Э. Дюркгейма, П. Бурдьё, А. Лефевра, Л. В. Беловинского, Д. Р. Майстепановой)¹ подтверждают, что идентичность формируется в участии в различных организациях, публичных мероприятиях и социальных практиках. В этом отношении деятельность обществ попечения о народном образовании можно рассматривать как инструмент формирования городской идентичности. Обращение к этой теме позволяет заполнить теоретический пробел: до сих пор общества попечения исследовались либо в русле истории педагогики либо как форма благотворительности, но не как механизмы городской культурной среды и идентичности.

Общественные организации, занимавшиеся поддержкой народного образования, появились в Российской империи в 1860-е гг. в Санкт-Петербурге и Москве, а в 1880–1890-х гг. они стали открываться и в других регионах. Их деятельность основывалась на принципах добровольного и безвозмездного участия членов обществ в работе по поддержке народного образования, и общества Пермской губернии не были исключением. В городах и поселках губернии действовали организации, главной целью которых выступало развитие просвещения. Такие общества, как и многие другие объединения, регулярно получали пособия от уездного земства, хотя благотворительные суммы, как и членские взносы в их бюджете, нередко превышали объемы земских субсидий. Общества занимались выдачей пособий нуждающимся учащимся и учителям народных училищ, снабжением книгами библиотек, приобретением учебных пособий и одежды для учащихся, организацией народных чтений и спектаклей с просветительской целью и др. Активное участие в создании и деятельности просветительских общественных организаций принимали видные представители местной интеллигенции, педагоги, земские деятели, чиновники, купцы, промышленники, духовенство.

Наиболее значимой в деле народного просвещения была деятельность обществ попечения о народном образовании. Первое в Пермской

губернии общество попечения о народном образовании было создано в Верхотурском уезде. Устав его был утвержден МВД 29 июня 1884 г., открытие состоялось 15 мая 1885 г., активная деятельность началась 16 декабря 1885 г.²

Тагильским отделом общества заведовал инспектор местных горнозаводских училищ Николай Иванович Кларк, являвшийся одним из самых деятельных общественников в Нижнетагильском заводе. Активное участие в деятельности общества в разные годы принимали известные тагильские общественники — служащие заводоуправления Г. П. Залесский, Ю. Ф. Бекман, Е. Ф. Щецов, Д. П. Шорин, Н. В. Топорнин, Г. П. Левицкий, П. Ф. Огарков, врач П. В. Кузнецкий, купцы С. П. Голованов, Т. А. Балыков, Злоказовы и др.

Общество оказывало помощь учащимся «взносом платы за право учения, выдачей книг и учебных принадлежностей, снабжением одеждой и обувью, а равно доставлением и других способов к продолжению учения». Кроме того, планировалось учреждение «воскресных школ, повторительных курсов и классов для взрослых... устройство общежитий для приходящих учеников и ремесленных классов для обучения практическим приемам существующей в крае кустарной промышленности»³.

В первый год в общество входил 141 человек (6 неперменных, 79 действительных, 53 члена-сотрудника, 3 единовременных жертвователя)⁴. К 1898 г. в его составе насчитывалось 233 члена (6 неперменных, 141 действительный, 90 член-сотрудников, 4 действительных — по должности неперменных).

По месту жительства наибольшее число членов насчитывалось в Кушве (56), Нижней Туре (37), Верхотурье (26), по одному члену — в 17 селениях. В некоторых селениях обращает на себя внимание незначительное число членов по отношению к числу жителей: Нижний Тагил (23), Нижняя Салда (3), Алапаевск (2), Верхняя Салда (1), Нижняя Баранча (1)⁵.

Основными источниками доходов общества служили ежегодные членские взносы. Сумма членских взносов с 388 руб. 4 коп. в первый год выросла до 515 руб. к четвертому году работы. Также обществу делались пожертвования, как его членами, так и посторонними лицами. Некоторые лица изъявляли готовность жертвовать в пользу общества деньги, полученные ими от игры в карты, в лото и т. д. В пользу общества устраивались благотворительные спектакли.

Если в начале деятельность общества заключалась исключительно в выдаче пособий учащимся народных училищ, то 1890-е гг. оказалось возможным приступить к выполнению других задач. Так, в 1898 г. на покупку обуви одежды в 64 училища для 706 учащихся было выделено 778 руб. 61 коп. — на 336 руб. больше, чем в 1897 г. Для пополнения библиотек внеклассного чтения при училищах правление ассигновало 120 руб. из доходов 1898 г. Отдельным ученикам приобретались книги и учебники. Выдавались единовременные пособия учительскому персоналу на лечение. С 1899 г. общество стало помогать приютам и вести работу по организации народных чтений⁶.

Примеру общественности Верхотурского уезда последовали и в других уездах губернии. Подобные общества были созданы в Екатеринбурге, Кунгуре, Красноуфимске, Ирбите и т. д.

В августе 1885 г. с инициативой создания общества для пособия учащимся и попечения о народном образовании в Кунгуре и его уездах в особом отделе учебного комитета МНП с проектом устава выступил член ученого комитета министерства А. И. Кочетов. Проектируемое общество было признано полезным. Согласно уставу общество осуществляло всякого рода вспомоществование нуждающимся учащимся местных учебных заведений; выдачу пособий учащимся школ; учреждение воскресных школ, повторительных курсов и классов для взрослых; содействие расширению новых училищ и открытие новых; устройство общежитий для приходящих учеников и ремесленных классов; выдачу единовременных пособий недостаточным ученикам, окончившим курс учения, для продолжения обучения в высших учебных заведениях или устройство мастерских⁷.

Источниками доходов общества были ежегодные членские взносы, единовременные пожертвования, доход с приобретаемых обществом недвижимого имущества. Предусматривалось также создание неприкосновенного капитала, формируемого из части взносов почетных членов и ежегодно отчисляемой общим собранием части средств общества. По мере накопления этот капитал обращался в государственные и гарантированные правительством процентные бумаги и хранился в местном казначействе⁸.

Деятельность общества для пособия учащимся и попечения о народном образовании была связана с деятельностью различных кружков и обществ, которые существовали на тот момент в Кунгуре. По инициативе общества и супругов Агеевых в 1902 г. было создано общество любителей сцены. Они совместно проводили благотворительные литературно-музыкальные вечера, спектакли⁹. В 1907 г. общество

организовало Кунгурский педагогический музей, который снабжал все школы уезда наглядными пособиями, физическими приборами и коллекциями для уроков естествознания¹⁰. Еще одним начинанием общества было учреждение и регулярное снабжение книгами публичной библиотеки им. Н. А. Некрасова. Ключевую роль в работе организации играли известные общественные деятели Кунгура: промышленники, гласные городской думы Т. В. и А. Г. Агеевы, купцы Грибушины. Т. В. Агеева, председательница правления общества, безвозмездно передала свои личные коллекции и финансировала педагогический музей. Ее супруг А. Г. Агеев финансировал народную библиотеку, народный театр и продвигал идею доступности образования для всех слоев населения. Семья Грибушиных ежегодно вносила крупные пожертвования в фонд общества, оплачивая обучение десятков сирот и детей из малообеспеченных семей¹¹.

У истоков создания общества попечения о народном образовании в Екатеринбурге стояли земские деятели. В 1899 г. ими был разработан и направлен на утверждение устав общества. Подобно другим просветительским организациям Пермской губернии того времени общество ставило перед собой ключевые задачи: выделение пособий и стипендий для учащихся из беднейших семей; закупка книг, учебных пособий и мебели для народных училищ и школ; организация общежитий для иногородних учеников; содействие открытию новых учебных заведений; создание бесплатных народных библиотек, читален; проведение просветительских лекций.

Управление Екатеринбургским обществом попечения о народном образовании осуществлялось коллективно через выборный исполнительный орган — правление общества, а также через председателя, чья кандидатура ежегодно избиралась на общих собраниях членов организации и утверждалась гражданскими властями. Во главе правления общества стояла жена богатого и уважаемого в Екатеринбурге человека. Но фактически всеми делами управлял И. И. Попов, инспектор Екатеринбургского первого городского училища¹². Екатеринбургское общество отличалось высокой финансовой активностью благодаря купеческим и общественным пожертвованиям. Например, в конце 1907 г. организация планировала масштабный проект — выкупить за 40 тыс. руб. здание с залом на ул. Клубной, 22 (ныне ул. Первомайская) для создания Народного университета в Екатеринбурге¹³.

Одним из самых активных обществ попечения о народном образовании было создано в 1889 г. в Красноуфимске. В. В. Корватовский — основатель общества, его председатель, преподаватель математики и сельского хозяйства. Также актив-

ное участие в работе общества принимали Н. А. Скалозубов — известный уральский статистик и общественный деятель, А. А. Петров и Д. М. Боголепов — преподаватели Красноуфимского промышленного училища. В первый год деятельности обществом была открыта библиотека с кабинетом для чтения. Активно шло формирование книжного фонда, в который входили книги научно-учебного, педагогического содержания, а также издания для детского и народного чтения. На выписку журналов и книг было издано 82 руб. 37 коп. При библиотеке были организованы краткосрочные трехнедельные курсы пения для сельских учителей с целью учреждения певческих хоров из числа учеников народных училищ и участия в церковных богослужениях¹⁴. В 1894 г. общество открыло две воскресные школы — мужскую и женскую, где обучались 35 лиц женского и 23 мужского пола. Почти все учащиеся из крестьянского и мещанского сословий. В обеих школах преподавали Закон Божий, чтение, письмо, арифметику и пение¹⁵.

В Ирбите общество попечения о народном образовании было создано по инициативе местных деятелей. В него входили представители городской думы, купечества, интеллигенции и духовенства. Задача организации заключалась в том, чтобы дополнять государственные усилия: помогать школам, которые финансировались скудно, и расширять доступ к образованию для разных слоев населения.

Общество занималось вспомоществованием нуждающимся ученикам сельских и городских училищ взносами платы за обучение, выдачей книг и учебных принадлежностей, снабжением одеждой и обувью, выдачей пособий самим школам, устройством общежитий, организацией народных чтений, библиотек, учреждением воскресных школ, повторительных курсов и классов для взрослых¹⁶.

В самой губернской Перми отдельного общества попечения о народном образовании не было. В городе действовали другие общественные организации с похожими целями. Активно действовало общество содействия начальному образованию при Кирилло-Мефодиевском училище, общество вспомоществования нуждающимся учащимся низших училищ города и др. Были и другие просветительские инициативы — например, библиотечные общества или общество «Народный дом».

Проанализировав примеры деятельности различных обществ попечения о народном образовании в городах и уездах, можно сделать вывод, что это были крупные благотворительные и просветительские организации, действовавшие в Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. По меркам уездных городов Российской империи конца XIX в., местное благотворительное движение в сфере образования занимало одно из ведущих мест по объему собираемых средств.

Общества объединяли в своих рядах различных представителей городского сообщества самых разных слоев и профессий. Вместе с органами местного самоуправления и другими общественными организациями они играли большую роль в культурной жизни города и развитии образования.

Обращение к деятельности обществ попечения в Пермской губернии позволяет не только заполнить конкретный пробел в региональной истории, но и представить практики самоорганизации городских сообществ в дореволюционной России, рассматривать их как один из механизмов формирования городской идентичности в этот период.

Примечания

¹ Майстенова Д. Р., Гордеева А. В. Городская идентичность в контексте социального пространства // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Филология и психология. 2025. № 4. С. 219–228.

² Отчет общества попечения о народном образовании в Верхотурском уезде за 1886 г. Нижний Тагил, 1887.

³ Отчет о состоянии общества попечения о народном образовании в Верхотурском уезде за 1898 г. Пермь, 1899.

⁴ Там же.

⁵ Отчет о состоянии общества попечения о народном образовании в Верхотурском уезде...

⁶ Там же.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 1258. Л. 5.

⁸ Устав общества для пособия учащимся и попечения о народном образовании в г. Кунгуре и его уезде : утв. 20 ноября 1905 г. Пермь, 1905.

⁹ Елтышева А. Ю. Театральные подмостки Кунгура в начале XX в. // Десятые Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 20–21 нояб. 2013 г.). Екатеринбург, 2013. С. 75–80.

¹⁰ Беловинский А. В. Жизнь русского обывателя. М., 2022. Ч. 2. С. 168.

¹¹ Отчет о деятельности общества для пособия учащимся и попечения о народном образовании в г. Кунгуре и его уезде за 1911 г. Пермь, 1912.

¹² ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 529. Л. 20 об.

¹³ Дом на Клубной, 22: история концертного зала. URL: <https://uralmuzuch.ru/zametki-arkhivariusa/2672-dom-na-klubnoj-22-istoriya-kontsertnogo-zala-chast1.html> (дата обращения 27.06.2026).

¹⁴ Екатеринбургская неделя : полит. и лит. газ. 1891. № 10.

¹⁵ Отчет о деятельности общества попечения о народном образовании в г. Красноуфимске и его уезде за 1911 г. Пермь, 1912.

¹⁶ ГАПК. Ф. 598. Оп. 1. Д. 485. Л. 1–4.

Хроники пожарной безопасности: развитие пожарного дела в Златоусте в XIX веке

Город Златоуст, расположенный в самом сердце Уральских гор, славится не только своими мастерами-оружейниками и богатой историей, но и невидимыми героями, стоящими на страже безопасности его жителей. В XIX в., когда город активно развивался и рос, вопрос пожарной безопасности был особенно острым. Деревянные постройки, тесно прилегающие друг к другу, становились легкой добычей огня, способного в мгновение ока уничтожить плоды трудов многих поколений.

В связи с этим изучение истории формирования пожарной безопасности в Златоусте в XIX в. представляет не только исторический интерес, но и практическую значимость. Понимание того, как формировалась система борьбы с огнем в условиях ограниченных ресурсов и технических возможностей, позволяет нам лучше оценить вклад первых пожарных в сохранение города и его наследия.

Из наиболее интересных работ, посвященных развитию противопожарного дела на Урале можно выделить материалы С. М. Рязанова¹, Р. И. Кантимирова². Среди местных изданий следует отметить публикации, размещенные на электронном ресурсе Главного управления МЧС России по Челябинской области³ и краеведческого портала «БлогЗлатоуст»⁴. В обеих публикациях информация о становлении пожарной охраны отмечается двумя строчками, определяются две даты — 1800 и 1865 гг. Такие известные краеведческие издания, как «Златоуст — город крылатого коня» и «Златоуст и златоустовцы», также дают только общее представление по теме.

В настоящей статье мы попытаемся изучить основные этапы развития пожарного дела в Златоусте в XIX в. Источниками в исследовании выступали документы из фондов Архива Златоустовского городского округа И-22⁵, И-19⁶, И-24⁷, И-18⁸.

Главной причиной создания пожарной системы на Златоустовском заводе были частые пожары из-за несовершенных технологий с использованием открытого огня и обилия легковоспламеняющегося материала (дерева) как в производстве, так и в деревянных домах рабочих. Один из самых первых крупных пожаров был связан с Пугачевским бунтом 1776 г. Согласно свидетельствам очевидцев, бунтовщики подожгли заводскую контору, церковь и около 500 обывательских домов, а также склады с топливом для завода, повредили плотину и мучную мельницу. Из общего убытка в 75 860 руб. на сгоревшую мельницу и дома пришлось 34 550 руб.⁹

Последующие крупные пожары были связаны с производством. В декабре 1836 г. в оружейной фабрике при пожаре сгорела часть деревянной кузницы (по другим данным — и вся кузница), убыток составил 1873 руб. 89 ½ коп. Убыток был принят на счет казны¹⁰. Двадцать шестого февраля 1838 г. в три часа ночи огнем была полностью уничтожена каменная ножневая мастерская оружейной фабрики, располагавшаяся на правой стороне по течению р. Ай. Причиной пожара стала искра, попавшая в деревянный чулан-склад при работе находящихся рядом двух открытых горнов. Общий ущерб от пожара в 12 400 руб. 80 коп. был отнесен на счет казны¹¹. Пожар 31 августа 1838 г., вспыхнувший на средней оружейной фабрике, нанес ущерб многим жителям Златоустовского завода. При пожаре сгорело четыре казенных здания и более 120 обывательских строений с разным принадлежащим им имуществом¹².

Были и иные причины пожаров. Так, 30 апреля 1841 г. почти полностью выгорели ул. Ключевская и другие смежные с ней¹³. Самым же крупным пожаром в Златоусте за весь XIX в. был пожар 18 апреля 1855 г. Он получил в народе название «Большой». Начался он с госпиталя и перекинулся на ул. Мастерскую, другие улицы. В результате без крова остались 400 семей. Причина пожара — возгорание соломенных матрасов, находившихся во дворе госпиталя для проветривания. В 1856 г. полностью сгорели Барочные улицы и прибрежные постройки города¹⁴.

Такое положение дел требовало незамедлительного вмешательства со стороны заводского руководства. О том, как заботились о пожарной безопасности частные владельцы, сведений почти не сохранилось, однако с 1811 г., когда завод окончательно перешел в государственную собственность, этому вопросу стало уделяться самое серьезное внимание¹⁵.

Все мероприятия можно разделить на четыре вида: 1) создание пожарной команды; 2) внедрение правил противопожарного поведения; 3) введение персональной ответственности; 4) профилактические мероприятия.

Создание пожарной команды. Одним из самых первых мероприятий было приобретение оборудования и инструмента для тушения пожаров: так называемых пожарных (огнезаливных) машин (ручной насос, расположенный на телеге) и пожарных рукавов. На май 1818 г. такие машины имелись на Кусинском и Златоустовском заводах, а вот рукава (10 шт. длиной от 15 до

22 саженой и диаметром 1 ½ вершка) отсутствовали¹⁶. Специальный посыльный от завода караванный надзиратель унтершихтмейстер Стрижев искал их на Макарьевской ярмарке и у купца Рябова в Екатеринбурге. В итоге, осмотрев найденные образцы и их цены, было принято решение изготовить их на Златоустовском заводе из образцов кожи, предоставленных государственным крестьянином Петром Костаревым¹⁷.

К 1821 г. при Златоустовском заводе уже была создана пожарная команда. Однако специального помещения она не имела и снабжалась по остаточному принципу. Так называемый пожарный заводской дом находился в доменном корпусе в таком месте, где просушивалась солома и другие припасы. Размер помещения не позволял разместить в нем огнезаливные машины и бочки с водой и вовремя их обслуживать, то есть поддерживать в надлежащем состоянии. Машины не имели зимних ходов, рукава не были обвиты бечевками. Инструменты и пожарные бочки оставались во дворе, где они портились от перемены погоды, а вода в бочках замерзала. Из имеющихся семи фонарей для передвижения в ночное время пять были с разбитыми стеклами и негодны к употреблению. Конюшни для лошадей, избы для конюхов и сараи для инструментов отсутствовали¹⁸.

Вышеуказанная ситуация заставила руководство завода обратить внимание на состояние противопожарного дела. К 1838 г. в заводе появился еще один пожарный двор. А в мае 1838 г. главная контора Златоустовских заводов предписала заводской конторе внедрить на заводе правила «О пожарном устройстве», утвержденные горным начальником и директором¹⁹. То есть появился свод *правил противопожарного поведения*. Вот некоторые выдержки из этих правил:

– оба существующих на тот момент пожарных двора должны остаться на своих местах размещения: оружейный — на конюшенном дворе, заводской — на берегу ниже сливного моста;

– комплектация каждого двора должна быть следующей: огнезаливные машины — 4 шт., бочки с водой на роспусках или дровнях — 7 шт. (для каждой бочки и огнезаливной машины для езды в ночное время должно иметься по одному фонарю — всего 11 шт.), вил больших — 3 шт., багров больших — 6 шт., лестниц больших — 3 шт., лестниц малых — 6 шт., кошомный щит — 1 шт., железных ведер — 5 шт.;

– тяговая сила для каждой машины и бочки — одна лошадь;

– лошади должны пригоняться с конюшенных дворов, что являлось обязанностью конюшенного надзирателя и конюхов²⁰.

Правила касались не только работников и руководства завода, но и заводских обывателей.

Так, заводское начальство обязывалось за казенный счет обеспечить их дополнительным инструментом (баграми, вилами, ломami, ручными насосами). Обыватели же обязывались иметь в достаточном количестве топоры и ведра, а также в каждом доме кадку (бочку), всегда наполненную водой. Такие бочки должны были быть установлены в каждом помещении, как в промышленном, так и в жилом. Надзор за этим осуществлял полицмейстер²¹.

Ответственным лицом за состояние каждого пожарного двора был мастер. Его обязанность — наблюдать, чтобы машины, бочки, инструменты были в порядке. Кроме мастера при каждом пожарном дворе было по два сторожа (днем и ночью), сверх того по 12 мастеровых дежурили по очереди. Обязанностью одного из сторожей было находиться всегда на каланче и в случае пожара бить тревогу. Ночные сторожа были обязаны немедленно вывести на улицы машины и бочки, помочь конюхам запрячь в них лошадей и отправиться на место пожара. Особенного брандмейстера (руководителя тушения пожара) не назначали, но главным распорядителем во время пожара был управитель Златоустовского завода. Управитель составлял роспись всех мастеровых — кто с чем должен являться на пожар или при каком занятии должен находиться при пожаре. В 1838 г. список включал порядка 200 человек, разбитых на группы по десять человек²².

На жен мастеровых также составлялся список, женщины являлись на пожар не иначе как с ведрами и занимались ноской воды, а те, которые являлись без ведер, немедленно переписывались полицией. При первой тревоге о случившемся пожаре все служащие по заводу и фабрике, как чиновники, так и приказнослужители и мастеровые, спешили на место пожара. Мастерской являлся с назначенным ему инструментом: лопатой, багром, вилами. Женщины же отправлялись с ведрами прямо к реке или ближайшему колодцу и потом с водой спешили к пожару. Во всех жилых домах по всему заводу оставалось на карауле по одной женщине. Надзиратели получали приказания или от управителя, или от полицмейстера, который для рассылки своих приказаний имел при себе во время пожара верховых казаков, посылаемых по всем частям завода для наблюдения за спокойствием и тишиной. Во время пожара десятские и сотники замечали, кто из их команды не явился на пожар. По окончании тушения пожара надзиратели делали переключку и отмечали неявившихся, последние «забирались и по удостоверении в законности причины неявки на пожар, ленивые из них наказывались управителем лозами 25 ударов за каждый раз»²³.

Следующим видом противодействия пожарам стала *материальная ответственность* виновников

и лиц, пропустивших начало пожара. Так, во время пожара, вспыхнувшего на средней оружейной фабрике 31 августа 1838 г., сгорело четыре казенных здания и более 120 обывательских строений с разным принадлежащим им имуществом²⁴. После подсчета ущерба руководство завода 8 октября 1838 г. предписало взыскать с работников завода средства в качестве компенсации в пользу погорельцев: с разных лиц и иностранных мастеров — 1176 руб. 50 коп., с пенсионеров — 54 руб. 40 коп., с вдов, получающих содержание, — 43 руб.; из отделений: стального — 37 руб. 16 коп., клинкового — 59 руб. 50 коп., арсенального — 3 руб., эфесного — 42 руб. 20 коп., ножневого — 12 руб. 20 коп., конюшенного — 5 руб. 35 коп., поденного — 29 руб. 70 коп., госпитального — 4 руб. 70 коп.; от надзирателя Мальцова — 18 руб. 85 коп. Всего: 1486 руб. 56 коп. Эти деньги были выданы в пользу жителей Златоустовского завода, пострадавших от пожара²⁵. Впрочем, заводское руководство шло и на уступки, беря частичные расходы по ликвидации ущерба на себя. После пожара 1838 г. зимой и весной следующего 1839 г. руководство завода разрешало отстранить от работы мастеровых-погорельцев на месяц с сохранением за ними места и материального обеспечения для изготовления материалов на постройку домов. Тем лицам, которые были постоянно заняты в технологическом процессе на заводе, направлялись в помощь для изготовления материалов и самой постройки домов по одному рабочему сроком на месяц в зимнее время и следующей весной²⁶.

К профилактическим противопожарным мероприятиям следует отнести следующие. По предписанию главного начальника горных заводов от 17 мая 1840 г. был установлен порядок смены между пожарными сторожами, чтобы сторожа, находящиеся на церковных колокольнях и в других местах для пожарных случаев, сменялись, особенно ночью, через каждые три-четыре часа.

В 1849 г. в предупреждение несчастных случаев от пожаров в казенных зданиях, «в особенности в тех фабриках, которые основаны на огненном действии», брандмейстер каждую ночь обходил или объезжал казенные здания и фабрики с проверкой сторожей, чтобы они безотлучно находились на своих постах и со всей тщательностью наблюдали за охраной зданий от пожаров²⁷.

Как видно из приведенных фактов, единственной организованной силой в борьбе с пожарами для жителей Златоустовского завода в первой половине XIX в. была заводская команда, состоящая из обычных мастеровых и рабочих завода.

С появлением в 1965 г. у Златоустовского завода статуса города начинается новый этап развития пожарного дела. В городе появляется го-

родская пожарная команда. Городские власти выстроили пожарное депо на один выезд, то есть выделили один комплект повозок и имущества для тушильной команды. Иными словами, в городе одновременно стали действовать три пожарные команды — городская и две заводские²⁸.

О деятельности городской команды известно не очень много. В резолюции волостного схода жителей от 8 июля 1890 г. отмечено, что на указанный период пожарные средства города ничтожны, а в городе фактически отсутствует правильно организованная пожарная команда. Не было у городских пожарных нужного инвентаря (обоза, багров, кошмы), а огнезаливных машин имелось всего четыре штуки. При звуках набата городская команда хотя и прибывала на пожар наравне с заводскими, но занималась тушением пожара, используя лишь свои (казенные) машины²⁹.

С середины XIX в. происходят изменения в пожарных командах самого завода. По штату 1847 г. в пожарном депо завода числились: один брандмейстер (командир команды), восемь фурманов (специалисты по работе с пожарными орудиями), один караульщик, восемь пожарных лошадей. На содержание в год отпускалось: 80 руб. — на пожарные машины и инструменты, 100 руб. — на канцелярские припасы, отопление и освещение³⁰.

Из-за роста производительности завода и увеличения количества зданий и складов горючих материалов в 1872 г. журнальным постановлением Департамента экономии Государственного совета от 18 ноября за № 575 в штат были добавлены три фурмана и три пожарные лошади³¹. Также было приобретено современное пожарное оборудование: две паровые машины и один электрический насос. Однако такие новшества не решали главной проблемы — скорости в тушении пожаров. Из-за нехватки персонала и лошадей в случае выезда на пожар большая часть пожарного обоза оставалась неиспользованной³².

Несмотря на расширение штата заводских пожарных команд, руководство завода продолжало практику привлечения к тушению городских пожаров рабочих завода. В конце XIX в. при первых звуках набата с завода выпускались около 1000 человек, которые организованно с помощью пожарных средств отстаивали даже объятые пламенем постройки³³. Среди них были группы обученных людей, знавших свои места при тушении пожара. Отличительной чертой их были особые шапки с металлическими знаками, в которых они находились постоянно³⁴.

Продолжалась практика профилактики пожаров путем постоянного наблюдения за состоянием заводских зданий. По возможности все деревянные устройства, находящиеся на заводе и фа-

бриках — ветхие сторожки при домне, навесы генератора при семи котлах — заменялись кирпичными строениями с железной крышей³⁵.

Привело ли все вышеперечисленное к улучшению противопожарной обстановки в городе и на заводе? Найденные нами данные свидетельствуют: от пожара 1873 г. сгорели 12 домов в Демидовке³⁶; пожар, вспыхнувший из-за искры, попавшей на деревянный шкаф, стоявший в кузнице клинкового отделения оружейной фабрики 23 апреля 1885 г., причинил значительный ущерб и остановил производство³⁷. В мае 1887 г. произошел большой напольный пожар, к тушению которого были привлечены рабочие завода³⁸. Локальные пожары произошли жарким летом 1890 г.: 23, 27 мая и 19 июня³⁹. То есть опасность пожаров продолжала сохраняться.

Пожары не были побеждены, но их разрушительность серьезно снизилась, о чем свидетельствовали 5906 человек из 1690 домохозяев — участники Златоустовского волостного схода, состоявшегося 8 июля 1890 г. Они констатировали, что именно благодаря организованной на заводе системе борьбы с пожарами под руководством горного начальника Карла Густавовича Вейденбаума и управителя Златоустовского завода и фабрики горного инженера Павла Аркадьевича Трояна Златоуст с большинством обывательских домов пока стоит цел от огня. Люди знали, о чем говорили, ибо имели пред глазами страшные примеры пожаров весны и осени 1890 г., когда в Невьянске и Уфалее выгорело более 1000 домов (в каждом), а в Кусе — до 300 домов⁴⁰. Жители города просили городскую власть направить их просьбу уфимскому губернатору о награждении вышеуказанных руководителей наградой за заслуги по долголетней охране Златоуста от пожаров или разместить слова благодарности в губернских ведомостях⁴¹.

Таким образом, в первой половине XIX в. Златоустовский завод, как и многие населенные пункты России, столкнулся с проблемой пожарной безопасности. До создания организованной пожарной службы борьба с огнем велась силами местных жителей и рабочих заводов, что было неэффективно при крупных пожарах. Первые пожарные команды в Златоусте начали формироваться после перехода завода в государственную собственность на принудительной основе при участии заводского начальства. Команда и инвентарь содержались за счет завода. Были разработаны первые противопожарные правила. До середины XIX в. для всего населения Златоустовского завода единственной надеждой в борьбе с пожарами была заводская пожарная команда. Во второй половине XIX в. дальнейшее развитие пожарной безопасности определялось ростом производственных мощностей завода и жилой застройки.

В то же время эволюция пожарной безопасности характеризовалась существенным дисбалансом: если заводская пожарная охрана развивалась и оснащалась в соответствии с потребностями растущего производства, то городская команда долгое время оставалась малочисленной и слабо оснащенной. Это вынуждало жителей полагаться на самоотверженность заводских пожарных и рабочих, которые, несмотря на дополнительную нагрузку, успешно справлялись с защитой города от огненной стихии. Руководство завода и горного округа, организовавшее такую защиту, заслужило искреннюю признательность горожан.

Примечания

¹ Рязанов С. М. Деятельность полиции Урала по обеспечению пожарной безопасности (1862–1917 годы) // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2021. № 2. С. 142–148.

² Кантимирова Р. И. Борьба с пожарами в имперской России (на материалах Уфимской губернии второй половины 1870-х гг.) // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 32–38.

³ История становления пожарной охраны Златоуста. URL: <https://74.mchs.gov.ru/glavnoe-upravlenie/sily-i-sredstva/podrazdeleniya-gu-mchs-rossii-po-chelyabinskoy-oblasti/fgku-1-ofps-po-chelyabinskoy-oblasti/istoriya-stanovleniya-pozharnoy-ohrany-zlatoust/istoriya-stanovleniya-pozharnoy-ohrany-zlatoust> (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ Лазарев А. Пожарная охрана. URL: <https://blog.zlatcbs.ru/glossarij-zlatoust/41-p/2877-pozharnaya-oxrana> (дата обращения: 14.03.2024).

⁵ АЗГО. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 252, 721.

⁶ Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 252, 3390.

⁷ Там же. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 755, 784, 785, 1330.

⁸ Там же. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 116, 118, 200.

⁹ Окунцов Ю. П. Златоуст и златоустовцы: Исторические очерки. Златоуст : ФотоМир, 2015. Т. 1. С. 135–36, 37.

¹⁰ АЗГО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 755. Л. 64–66.

¹¹ Там же. Д. 784. Л. 2–12, 28–28 об.

¹² Там же. Д. 785. Л. 71.

¹³ Там же. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 1130. Л. 1–104.

¹⁴ Волокитин С. Ю., Толкач В. Д. Город Златоуст на фотографиях и почтовых открытках в период с 1870 по 1917 г. Челябинск, 2016. С. 312.

¹⁵ Бочкарева Е. С. Переход Златоустовских заводов в казенное владение в конце XVIII века // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2015. № 14 (369). С. 114–115.

¹⁶ АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 252. Л. 6–7.

¹⁷ Там же. Л. 9–12 об.

¹⁸ Там же. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 252. Л. 1, 194, 6–8, 11–17.

¹⁹ Там же. Д. 721. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 3 об.

²² Там же. Л. 4–14.

²³ Там же. Л. 3–6 об.

²⁴ Там же. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 785. Л. 71.

²⁵ Там же. Д. 785. Л. 20–56.

²⁶ Там же. Д. 785. Л. 69.

²⁷ Там же. Д. 1330. Л. 100–100 об.

²⁸ Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3390. Л. 136 об. — 137.

²⁹ Там же. Л. 137.

³⁰ Там же. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2078. Л. 5.

³¹ Там же. Д. 2078. Л. 5.

³² Там же. Л. 5 об.

³³ Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3390. Л. 137.

³⁴ Там же. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 200. Л. 261–261 об.

³⁵ Там же. Д. 118. Л. 125–125 об.

³⁶ Волокитин С. Ю., Толкач В. Д. Указ. соч. С. 312.

³⁷ АЗГО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 116. Л. 4

³⁸ Там же. Д. 116. Л. 8–8 об.

³⁹ Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3390. Л. 137 об.

⁴⁰ Там же. Л. 135–137 об.

⁴¹ Там же. Л. 137 об.

Становление агентурной сети жандармов в революционных организациях Урала в начале XX века

После многих лет умолчания оказался доступен большой пласт информации о революционном процессе в России в документах жандармов. Такие письменные источники по Уралу сохраняются в Перми, Екатеринбурге, Челябинске и других областных и столичных архивах.

Программа российской социал-демократии изначально была нацелена на свержение самодержавного строя в Российской империи, а в этих целях создавались сплоченные организации единомышленников на конспиративной основе и под руководством партийных штабов, проникнуть в которые извне было трудно. Хотя только внутренняя агентура могла выявить действия, планы подпольной группы и круг сторонников.

Отметим только два события, ставших знаменательными вехами в истории рабочего движения на Урале, и в то же время — явным провалом деятельности имперской политической полиции в начале XX в.

В июле 1904 г. в заводском селении Нижний Тагил Пермской губернии по инициативе Средне-Уральского комитета (СУК) успешно прошла I Уральская областная конференция РСДРП, результаты которой стали «архиважными» и прорывными. В принятых решениях был закреплен принцип централизма, а многие положения перешли из Устава партии, принятого II лондонским съездом РСДРП (1903), объединившим революционные марксистские организации в партию рабочего класса на ленинских принципах. В результате объединения под руководством СУК (так и звали себя социал-демократы в целях конспирации) партгруппы Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний обязались подчиняться его постановлениям. Таким образом, Екатеринбургский СУК встал во главе социал-демократического движения на Большом Урале¹.

Другим значительным событием в общественной жизни Урала явилось издание в Нижнем Тагиле первой нелегальной газеты РСДРП «Рабочий», которая сыграла заметную роль в пробуждении классового сознания мастеровых. Первый номер «Рабочего» в мае 1906 г. (тираж 700 экз.) с девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! открылся редакционной статьей с изложением текущих событий и их «ленинской» оценкой. Позднее первый номер нелегальной московской газеты «Социал-демократ» (1908) известил в новостной рубрике: «Н[ижний] Тагил. Распространяется газета Н[ижне-Тагильской] группы РСДРП, напечатанная в типографии Уральского комитета РСДРП тиражом в 1000 экз.». С учетом того, что аресты членов объединительного съезда РСДРП последовали лишь через два месяца, а подпольная газета «Ра-

бочий» выходила в течение трех лет, полагая, что чины жандармерии и охраны попросту «проспали» важные мероприятия по консолидации и развертыванию деятельности РСДРП на Урале².

События 1904–1907 гг. наглядно показали жандармскую неосведомленность в деятельности оппозиционных партий, боевых групп и забастовочных комитетов, так как политический сыск на Урале длительное время ограничивался в основном розыском распространителей прокламаций и запрещенной литературы, привлечением к суду или административной высылке и надзору плевавших в портреты государя-императора, то есть бил по «хвостам».

Конечно, агентурой пользовались давно и в том числе, для вскрытия внутренних врагов государства. Например, Департамент полиции МВД успешно применял агентов в обеих столицах и за пределами страны — в Западной Европе. Однако в условиях повсеместных восстаний и стачек выдвигались задачи розыска противников самодержавия на всей территории Российской империи. Но провинциальные жандармы без особого желания погружались в сферу сложных отношений, свысока взирая на требования конспирации. Дворяне по происхождению, выходцы из касты армейских офицеров не обладали профессиональным опытом агентуристов и по своему воспитанию были не способны опускаться до рутинной и затратной по времени работы с секретными сотрудниками в пролетарской среде.

Рост революционного движения в начале XX в. потряс основы монархии. Именно в 1905–1907 гг. вопрос приобретения агентуры как наиболее действенного инструмента встал особенно остро. Возглавил процесс насаждения агентуры особый отдел Департамента полиции (ДП). Через полтора года после начала волнений из столицы начали поступать первые директивы на места.

Совершенно секретно. Помощнику моему
в Верхотурском уезде (Н. Тагил)
Г. Пермь № 17 от 18 июля 1906 г.

Препровождаю депешу директора Департамента полиции, предлагаю немедленно принять к точному исполнению. Предлагаю в общий журнал (входящих документов. — В. К.) не вписывать и хранить у себя. О поступлении сотрудников ожидаю донесения. Начальник Пермского губернского жандармского управления полковник Байков.

На днях состоялась постановление ЦК партии социал-революционеров поручить местным организациям перейти к решительным действиям, направив их на возбуждение массовых беспорядков крестьянства и войсках, а также приступить к широкому партизанскому и массовому террору. Та же фракция, а равно комитет «Трудовая группа — Социал-демократы» бывшей думы, призывает к всеобщей забастовке. Необходимы решительные меры и немедленная ликвидация действующих ныне активно социал-рево-

люционеров, а также разных агитаторов, железнодорожных и телеграфных комитетов, а также препятствование возникновению новых. Приступить немедленно приобретению полезных сотрудников особенно в войсках, среди крестьян и террористов, проявив в этом полную энергию. На эти задачи отпускаемый аванс увеличен в три раза и будет переведен телеграфом по получению депеш о фактическом поступлении к Вам секретных сотрудников³.

В начале 1907 г. на места поступила «Инструкция по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения», в которой разработчики впервые обобщили тонкости агентурного процесса. В первую очередь указывались требования к жандармскому офицеру по владению программами революционных партий и обстановкой на местах, регулярному личному инструктажу и взаимоотношениям с секретными сотрудниками, в том числе недопустимости провокаций. Особо отмечалось, что «секретные сотрудники должны состоять членами одной из революционных организаций, по крайней мере, тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых, так как только тогда сведения их будут ценны». В ходе спада революционного движения и роста пораженческих настроений в октябре 1907 г. ДП потребовал наступательного характера:

Пользуясь разногласиями и колебаниями в партийных организациях, принять самые энергичные меры к приобретению новых [секретных] сотрудников, стремиться заручиться содействием серьезных представителей, а не мелких кружковых деятелей, а вместе с тем использовать означенное переходное состояние в том смысле, чтобы продвинуть их ближе к центрам организаций⁴.

В середине 1908 г. жандармские уездные офицеры Пермской губернии получили указание представлять регулярные агентурные отчеты на бланках с указанием противоправительственной организации и принятых мерах. Один из таких кратких отчетов гласил:

Сводка агентурных данных Верхотурского уезда по РСДРП за март 1908 год. Было одно собрание, на котором были братья Титовы и Павел Борисов. Меры: устанавливаются все лица собрания, а также ораторы и кто активно проявлялся⁵.

Премьер-министр П. А. Столыпин (он же глава МВД и шеф жандармов) изыскал дополнительное финансирование секретной агентуры, что позволило повсеместно активизировать розыск революционеров в регионах силами жандармских управлений и охранных отделений.

В новых условиях и повышенных требований к политической полиции как рыба в воде почувствовал себя помощник начальника Пермского губернского жандармского управления (ГЖУ) в Верхотурском уезде ротмистр П. В. Васильев. Его не смущали ни сложность проникновения внутрь подполья, ни кропотливая работа, зато привлекло освоение безотчетных денежных средств. В начале 1908 г. офицер обратился с письмом к адъютанту управления Н. Н. Чувст-

вину и «совершенно доверительно» сообщил, что в Богословском горном округе им приобретены два секретных сотрудника, которые доставляют «серьезные сведения», на которых ему отпускают только 50 руб. в месяц. Однако появился новый кандидат, который запросил за свои услуги 50 руб. на регулярной основе. Заметим, что на первичную обер-офицерскую должность адъютанта назначались новоиспеченные жандармы сразу после краткосрочного курса обучения. Удивительно, что свое обращение к молодому коллеге опытный офицер закончил просьбой: «...помочь материально в сумме 50 руб., чем я мог бы еще приобрести сотрудника на нашу общую цель»⁶. Ротмистр надеялся таким путем получить средства из секретной кассы в обход осторожно-го руководителя ГЖУ.

Весной 1908 г. П. В. Васильев сообщил уже начальнику управления, что один из рабочих предложил свои услуги в отношении Нижнетагильской организации РСДРП, но при этом выставил условия: назначить жалованье, часть которого выдавать вперед, особую плату за каждое важное сообщение, а также оплату его расходов на извозчика, бумагу и пр. Жандарм пообещал с помощью анонимного источника обнаружить подпольную типографию, хотя кандидат еще даже не вступил в партийную ячейку⁷.

«Заагентурирование» Урала продолжалось. Из служебной переписки стали известны два «почтовых адреса и фамилии получателей письменных агентурных донесений в Н. Тагиле» для неких Зиновьева (псевдоним «Сокол») и Федяева («Коршун»). Дело в том, что агенты проживали за сотни верст от резиденции ротмистра в Нижнем Тагиле и связь с ними предполагалась посредством писем. Насколько оба агента владели грамотой и были управляемыми в опосредованных и обезличенных способах связи, остается только гадать. В реальности же удаленными агентами «руководили» пунктовые унтер-офицеры, постоянно проживающие в крупных населенных пунктах. В середине 1908 г. начальник Пермского ГЖУ Н. Ф. Бабчинский предписал помощнику в Верхотурском уезде:

Сообщить совершенно доверительно: кто, под каким псевдонимом, по какой организации состоит сотрудником и какое получает вознаграждение, а также впредь доносить немедленно о замене секретных сотрудников, убыли или их провале.

В свою очередь ротмистр П. В. Васильев срочно потребовал от подчиненного унтер-офицера немедленно донести об установочных данных «Лебеда» и «Коршуна», так как он сам лично, в нарушение инструкции, с ними не работал. Оказалось, что первый (А. Н. Кондрашов) происходил из крестьян Орловщины и работал в Надеждинском заводе, а второй (бывший вятский крестьянин В. С. Федяев) — в Турьинских Рудниках⁸.

В итоге ротмистр П. В. Васильев донес начальнику, что у него имеются всего два секрет-

ных сотрудника: «Лебедь» с содержанием 20–30 руб. и «Коршун», который сообщает второй месяц в отношении эсеров за 25 руб. вознаграждения. Кроме того, ротмистр отметил, что «в Тагиле у него был сотрудник, который давал сообщения по РСДРП, но ввиду неполучения содержания от начальника управления он прервал с ним все сношения»⁹.

Как легко заметить, росту числа агентов, а значит, и высоким служебным результатам, по мнению активного жандарма П. В. Васильева, препятствовало недофинансирование, сам же он в профессиональном рвении четко осознавал, что вербовки послужат основанием для его поощрения, продвижения в чинах и должности. В условиях неотработанной системы учета секретных сотрудников и контроля самих агентуристов бойкие жандармы легко оперировали численностью агентов и их полезностью, подолгу оставляя в тени и биографические данные, и их реальные возможности. Авантюрно-меркантильный подход ротмистра Васильева к агентурной работе на уральских заводах вполне объясняется реалиями службы. В апреле 1908 г. произошла смена руководителя Пермского ГЖУ, который находился в 300 верстах от жандарма, что позволяло ему служить без должного контроля. Сам ротмистр менее года прослужил в Нижнем Тагиле. Мало того, в ходе своей личной переписки он дал согласие на должность в Читинском охранном отделении в мае и выехал к новому месту службы в августе, прельстившись добавочным содержанием 3000 руб. в год¹⁰.

Легко ли шло местное население, а уральские заводы притягивали крестьян со всей России, на сотрудничество с политической полицией? Жандармские документы свидетельствуют, что протестная среда на Урале была обширна, в то же время найти мотивированных людей в помощи правительству было трудно. В этих условиях по инициативе свыше верхотурский исправник провел опрос полицейский агентуры уезда на предмет оказания помощи жандармам в политическом розыске и весной 1909 г. предоставил список 26 лиц из десяти заводских поселков, готовых исполнять обязанности агентов сыска.

Исполняя указание начальства, ротмистр Н. А. Ружицкий доложил личные впечатления о двух из них. Чернорабочий Надеждинского сталерельсового завода А. А. Кусков привлекался к предварительному следствию в 1906 г. и имел некоторую осведомленность о революционном движении, но в условиях полной конспирации партийной организации мог приносить пользу лишь в незначительной степени, без знания мест и времени сходов. Вторая — служащая книжного магазина в Кушве агент В. А. Попова — выразила полную готовность, но совершенно не имела общения с революционной средой, а лишь знала некоторых лиц, принимавших участие в сходах, поэтому она потребовала бы от офицера «большой ее подготовки и руководства путем самых частых свиданий». Ротмистр принял

ее услуги и дал первое задание в отношении организации РСДРП в Кушвинском заводе, выдав аванс в 5 руб. без расписки. Ружицкий обещал руководству ознакомиться и с остальными агентами общей полиции, но отметил, что они по определению не могут быть успешными секретными сотрудниками, а их ценность проявится только в ходе очевидных протестных выступлений. В отличие от предшественников, ротмистр Ружицкий честно зафиксировал в служебной переписке, что не может решить главную задачу — выявить организаторов подполья в Верхотурском уезде¹¹.

В марте 1909 г. офицер доложил руководителю, что агенты «Николаев» и «Субботин» получают ежемесячно 50 и 40 руб., однако «агент «Николаев» совершенно вредит розыску, доставляя заведомо ложные сведения, «затемняющие общую картину», — поэтому его необходимо уволить. Начальник Пермского ГЖУ дал согласие, объявленное секретному сотруднику под расписку. Будучи удовлетворен содержанием по апрель, иногородний агент в тот же день выбыл в Уфу, чтобы там предложить свои платные услуги¹².

После девяти месяцев прохождения службы и ротмистр Н. А. Ружицкий покинул Урал. Его скорый отъезд подтачивал, если не обнулил вовсе, агентурный процесс на заводах Верхотурского уезда, который так и не стал системным.

В ноябре 1909 г. полковник Н. Ф. Бабчинский потребовал от нового помощника ротмистра В. А. Мордвинова дать отчет о приобретении агентов за три месяца службы на горнозаводском Урале. Офицер обнадежил руководство, что принял все меры «к приисканию подходящих сотрудников среди рабочих и служащих на заводах и приисках, в ж.-д. мастерских». Однако через полгода офицер признал, что принятые им меры не дали результата, поэтому он ходатайствовал направить к нему агента из Перми¹³.

Начальник Пермского ГЖУ отказал своему помощнику «за неимением секретного сотрудника, знакомого с местными условиями», напомнив азбучные истины, что агентов вербуют в ходе дознания из лиц, принадлежащих к местным организациям. Такой опыт имелся, когда вербующий под давлением обстоятельств давал согласие ради улучшения своего положения, например под угрозой ареста или в ходе предварительного заключения. Так, в 1908 г. среди двух десятков арестованных в Верхотурском уезде «за принадлежность к преступному сообществу» оказался ученик Нижне-Тагильского горно-заводского училища В. И. Шминке, привлеченный к дознанию «по взрыву дома платино-промышленников Треуховых и хранение разрывного снаряда». Помучившись в тюрьме два года, юноша согласился на сотрудничество. По заключению жандарма, получив долгожданную свободу 26 ноября 1908 г., В. И. Шминке «оказался плохим сотрудником, отказался работать в качестве секретного сотрудника и был выслан из пределов Пермской губернии»¹⁴.

Тем временем текст циркуляра ДП МВД № 123244 от 5 февраля 1909 г. о скандальном разоблачении агента потряс весь жандармский корпус:

Последовавшее благодаря известным условиям разоблачение услуг, оказанных делу розыска инженером Евно Азефом, может с вероятностью вредно отразиться на приобретении новых и даже, быть может, на сохранении некоторых функционирующих сотрудников <...> В случаях же замеченных колебаний в сотрудниках, ввиду раскрытия роли Азефа, надлежит указать сомневающимся, что розыскные органы сумели сохранить втайне работу Азефа в течение 16 лет, и она огласилась лишь при совершенно исключительных условиях предательства, и что властями приняты все меры к полному обеспечению тайны работы сотрудников.

Кроме того, начальник Пермского ГЖУ Бабчинский препроводил своим помощникам в уездах «добытое агентурным путем извещение ЦК ПСР О реакции на разоблачение Азефа (01.1909)» для учета в работе¹⁵. В то же время разочарование в обществе и шок в партии после разоблачения руководителя боевой группы, организатора громких терактов и члена ЦК ПСР Е. Ф. Азефа были настолько сильны, что эсеры еще долго не могли оправиться.

В условиях дефицита квалифицированной агентуры на местах жандармы вынуждены были перебрасывать их из других регионов и пользоваться услугами гастроллирующих агентов-провокаторов.

Так, новый и деятельный начальник Пермского ГЖУ организовал командировку жандармского унтер-офицера запаса в Нижний Тагил, где тот был арестован бдительными полицейскими в июле 1910 г. Ротмистр В. А. Мордвинов бесхитростно запросил руководство:

Служил ли агентом в Пермском охранном отделении задержанный с паспортом Я. А. Боровца, а если действительно служит, то работать в Н. Тагиле он больше не может вследствие провала.

Полковник М. С. Коммисаров попенял своему помощнику:

Неумелый и несвоевременный арест Боровца затормозил обследование преступной организации. Вы были поставлены в известность приставом, что он стоит близко к лицам местной революционной организации, так как обследование деятельности таковых лиц возложено законом на корпус жандармов, Вам следовало немедленно изъять Боровца из введения полиции и донести мне. Предписываю впредь исполнять в точности требования закона.

Полиции пришлось отправить задержанного в Пермь, однако тот бежал в пути. Таким образом, организованный побег помог скрыть работодателя в лице ГЖУ¹⁶.

Нестыковки действий между полицией и жандармерией, начальником и подчиненным привели к срыву операции в Нижнем Тагиле, выветив недостатки в системе взаимодействия внутри имперского МВД.

Активная ведомственная переписка 1909 г. свидетельствовала об отсутствии централизованной агентурной картотеки. В начале года столица сообщила, что на Урал выехал бывший агент Читинской охраны С. П. Смирнов (псевдоним «Редактор»), который провалился по причине «пьянства и неконспиративности»¹⁷. Летом беглец объявился в Нижнем Тагиле и предложил свои услуги жандарму. При отсутствии информации ротмистр Ружицкий сам телеграфировал в Читку: «Благоволите телеграфировать сведения сотрудника Смирнова то же “Редактор”, “Гонец”, “Гольд”». Одиннадцатого июня пришел краткий телеграфный ответ без знаков препинания: «Пользу принес провалился алкоголик»¹⁸.

Вал таких гастролеров и их проверок захлестнул страну, поэтому особый отдел ДП МВД в конце 1910 г. составил список из 142 бывших секретных сотрудников, потерявших доверие, то есть явных провокаторов и стяжателей. Пермские жандармы поместили в черный список бывшего столичного студента Всеволода Петровича Корша («Уралец»)¹⁹. Ссылный член РСДРП(м) добровольно предложил услуги жандармам с целью добиться перевода в Челябинск, мотивируя тем, что отца «начальника одной из южных железных дорог убили социал-демократы». Пермское ГЖУ перевело ссылного в Курган, где он якобы выявил «коллектив ПСР Уральской области», обещая выдать типографию эсеров с партией нелегальной литературы. При проверке сведения не подтвердились, отношения с ним были разорваны за преднамеренную ложь²⁰.

В начале XX в. появилось новое для провинциальной жандармерии направление сыска — перлюстрация корреспонденции с целью контроля переписки политически неблагонадежных лиц. Для этого в почтовом ведомстве вербовались чиновники, которые наряду с прямыми обязанностями отбирали, вскрывали или доставляли жандармам письма подозреваемых. В политическом обзоре за 1907 г. жандарм отметил: «...только перлюстрацией можно будет установить сношения В. И. Кларка с Петербургским, Московским и Екатеринбургским комитетами ПСР, но приобретенный мною недавно на почте агент захворал, а потому я до сих пор не имел возможности выяснить его роль в Н. Тагиле»²¹.

В 1912 г. начальник Пермского ГЖУ сильно озабочился, кто автор уральских заметок в газете «Луч» № 1, тираж которой был арестован в Петербурге. По сведениям агента «Тагильского», таковым являлся частный поверенный В. И. Кларк, так как он постоянно получал гонорары от столичных газет левого направления²². Тагильские жандармы получили неиссякаемый источник информации, проистекавший из почтового канала. В жандармских делах за 1912–1913 гг. отложились более 30 копий писем тагильчан. Так, из Франции перехвачено несколько писем от армейского дезертира А. П. Раскато-

ва. Среди получателей значатся: управляющий заводом И. К. Гибсон, член Госдумы и старовер Ф. Ф. Кондратьев, крупные предприниматели Т. А. Балыков и А. С. Каган, либеральный адвокат А. И. Кузнецов и профессиональный революционер А. Г. Белобородов²³. Тайный просмотр писем устраивали везде, куда могла дотянуться рука жандарма. В июне 1908 г. начальник Пермского ГЖУ препроводил почтальону Алапаевского завода вознаграждение в 5 руб. «за доставление писем и содействие просмотра корреспонденции»²⁴.

Большой сегмент разработки авторов корреспонденции уральских жандармов составляли запросы других регионов, что свидетельствует о том, что перлюстрация корреспонденции широко развилась. Например, в Зауралье в 1910–1917 гг. на строения местной интеллигенции освещал начальник Курганской почтово-телеграфной конторы И. Д. Петров за 50 руб. вознаграждения в месяц. Он отбирал в потоке подозрительную корреспонденцию, а также по указанным ему адресам. К негласной работе привлекли чиновника И. М. Анянина, переводчика Смелчу, почтальона С. Г. Левакова. Последний перед доставкой адресату письма сначала приносил его в жандармский пункт, вложенным для конспирации в газету²⁵.

Результаты перлюстрации ценились высоко, ответственные почтовые сотрудники поощрялись денежными выплатами на контрактной основе и с особым вниманием. Так, в апреле 1911 г. начальник Пермского ГЖУ полковник М. С. Коммисаров во время объезда губернии пожелал тайно встретиться с агентом «Тагильским» в вагоне первого класса²⁶. Однако снижение внимания к агенту побудило его через год имитировать работу. Двадцать третьего мая 1912 г. в полночь он передал жандарму черновик телеграммы с «заговорщическим» текстом: «Варшава Центр Комитет Анар Комм АКЛС». Якобы неизвестный попросил отправить депешу анонимно, иначе «ему будет конец». Согласно правилу, ему было отказано в приеме, клиент в гневе выбросил бланк, а агент подобрал. Несколько недель жандармы и полиция разыски-

вали и опрашивали подозреваемых, в то же время «Тагильский» уклонялся от личных встреч и разъяснений, выставив условие «ни в каком случае не допрашивать его по делу, опасаясь провала». Вместе с тем было установлено, что телеграмму пытался отправить «до бесчувствия пьяный» дрессировщик передвижного цирка Казимир Вашклевич, «нравственно опустившийся алкоголик», а все сотрудники телеграфа хорошо знали визитера²⁷.

В предвоенный период политическая полиция России достигла определенных результатов в насаждении агентуры на Урале и успешно противодействовала оппозиции, но коренные противоречия в обществе смели самодержавие в 1917 г., и вскоре уже большевики на новом уровне развивали институт секретных сотрудников, направляя их на своих политических противников.

Примечания

¹ Быстрых Ф. П. Возникновение Уральской областной организации РСДРП(б). М. ; Свердловск, 1933. С. 111–115.

² См.: Кашин В. В. Жандармы. Горнозаводской Урал в секретных документах политической полиции (1870–1917). Нижний Тагил, 2024. С. 77–81, 124–125.

³ ГАСО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 27. Л. 38–39.

⁴ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2013. С. 216, 219.

⁵ ГАСО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 117. Л. 27–29.

⁶ Там же. Д. 114. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Д. 113. Л. 28–30, 71.

⁹ Там же. Л. 18, 56.

¹⁰ Там же. Д. 114. Л. 15.

¹¹ Там же. Д. 139. Л. 36–37, 52–53.

¹² Там же. Л. 38, 46–48, 49–51.

¹³ Там же. Д. 166. Л. 104–107.

¹⁴ Там же. Д. 160. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 125. Л. 20, 21.

¹⁶ Там же. Д. 160. Л. 22, 24–26, 29, 30.

¹⁷ Там же. Д. 125. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 147. Л. 54 ; Д. 139. Л. 75.

¹⁹ Там же. Д. 157. Л. 170–179.

²⁰ ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 7599. Л. 9, 61, 69, 98.

²¹ ГАСО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 123. Л. 12–14.

²² Там же. Д. 208. Л. 661–662.

²³ Там же. Д. 209; Д. 212.

²⁴ Там же. Д. 4. Л. 19.

²⁵ ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 7581. Л. 23–27.

²⁶ ГАСО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 189. Л. 2.

²⁷ Там же. Д. 208. Л. 468–469, 473, 483.

С. И. Штепа, С. А. Сергеев

Становление органов ЗАГС в первые годы советской власти (на примере Златоуста)

В истории каждого человека есть три важнейших этапа: рождение, вступление в брак и смерть. На протяжении всего существования человечества эти события всегда сопровождались особым вниманием, множеством обрядов и традиций. В современном обществе помимо праздничной и обрядовой стороны, которой окружены эти жизненные вехи, существует и формальная составляющая — официальная регистрация и фиксация, иными словами, документальное

оформление. Эта важнейшая государственная функция возложена на органы записи актов гражданского состояния (ЗАГС). Как и повсеместно в нашей стране, отдел ЗАГС действует и в нашем городе — Златоусте.

Важность изучения истории создания органов ЗАГС определяется следующими аспектами. Во-первых, их становление пришлось на годы коренной ломки вековых традиций. Этот период очень скудно отражен в архивных документах.

Во-вторых, исследование вносит вклад в изучение истории повседневности, показывая, как в масштабах одного города выстраивалась система отношений между государством и человеком, которая действует и по сей день. В-третьих, в культурно-историческом контексте исследование позволяет обратиться к истокам этой службы в Златоусте, восстановить историческую преемственность и отдать дань первым работникам, которые налаживали новую систему учета в тяжелейших условиях.

В общероссийском масштабе изучение становления органов ЗАГС является достаточно популярным направлением. Примером могут послужить работы И. А. Алейниковой¹, Л. А. Емилиной² и Е. В. Тарасютиной³ и др. Иначе дело обстоит в региональном научном поле. Здесь можно выделить работу А. Ю. Марковой⁴ и публикацию И. Б. Шубиной⁵. В местной краеведческой же литературе эта тема остается нераскрытой. Последний аспект также добавляет актуальность к исследуемой теме.

В настоящей статье мы попытаемся реконструировать процесс становления отдела записи актов гражданского состояния в Златоусте в 1918–1920 гг.

Источниковая база исследования представлена документами Архива Златоустовского городского округа. В работе привлечены материалы фондов православных приходов города (И-41, И-44), а также фонды уездного ревкома и Златоустовского уездного исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов (Р-225 и Р-38).

До 1918 г. в России отсутствовали специализированные органы регистрации актов гражданского состояния: учет рождений, смертей и браков велся приходским духовенством в метрических книгах⁶. Советская власть приняла ряд новых законодательных актов, которые изменили порядок регистрации рождений, смертей, браков, а также разводов, усыновлений и перемены имени. Первыми из них были декреты: «О расторжении брака» (19 декабря 1917), «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (18 декабря 1917), «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (20 января 1918). Указанные декреты составили правовую основу для создания и деятельности органов ЗАГС, а также закрепили светский характер государства и лишили церковь и другие религиозные организации права вмешиваться в регистрацию актов гражданского состояния.

По мнению исследователя Е. В. Тарасютиной, ключевую роль в появлении ЗАГСов сыграл именно третий документ, где в п. 8 было зафиксировано: «Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений»⁷. Особой инструкцией «Об организации отделов записей браков и рождений», разработанной в начале 1918 г. Народным комиссариатом юстиции РСФСР, деятельность органов ЗАГС была упорядочена и введена в правовое поле. Согласно инструкции,

отделы записей браков и рождений должны были появиться при городских и районных управах. Заведующими такими отделами становились начальники управ, штат отдела включал дополнительно служащих и секретарей⁸. На местные отделы ЗАГСов возлагались регистрация всех произошедших событий, влияющих на гражданское положение лиц, и изготовление, по требованию лиц, засвидетельствованных выписей из реестров⁹.

Подтвердил полное право гражданской власти вести запись актов гражданского состояния принятый Всероссийским центральным исполнительным комитетом в октябре 1918 г. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве¹⁰. Кроме того, кодекс определил ведомственную принадлежность органов ЗАГС. Согласно разделу I «Об актах гражданского состояния» кодекса, органы ЗАГС входили в структуру местных Советов и находились в двойном подчинении. Административно (по вертикали власти) органы ЗАГС являлись структурными подразделениями (отделами) местных исполнительных комитетов (исполкомов). Методически и по линии надзора они подчинялись Центральному подотделу ЗАГС Народного комиссариата внутренних дел (через окружные отделы)¹¹.

Нужно отметить, что законодательство о передаче регистрации актов гражданского состояния в ведение государства было разработано новой властью в достаточно короткий срок и принято одним из первых. Это было продиктовано стремлением максимально быстро и полно начать получать информацию, характеризующую население страны, что, в свою очередь, определялось политическими причинами¹². Последние были связаны с необходимостью скорейшего изъятия статистической информации у своего идеологического врага — церкви, а также установления общего контроля над населением в интересах безопасности утвердившейся власти¹³.

Однако быстрота принятия новых законодательных актов не гарантировала их успешной реализации на местах. Трудности внедрения были обусловлены неравномерностью и спецификой установления советской власти в разных регионах страны. Именно такая ситуация сложилась в горнозаводской части Южного Урала, к которой относился и Златоуст.

В Златоусте, в отличие от других крупных населенных пунктов (городов-заводов), власть большевиков была установлена насильственным путем. Так, 17 марта 1918 г. отряды златоустовских и челябинских красногвардейцев под руководством М. Г. Назарова, В. Д. Ковшова и С. Я. Елькина разгромили местный эсеровский Совет¹⁴. Однако власть большевиков оказалась недолгой. Уже 26 июня 1918 г. город был захвачен чехословацкими войсками, которые восстановили демократические институты власти. С ноября 1918 г. Златоуст оказался под юрисдикцией Верховного правителя России А. В. Колча-

ка. Лишь 13 июля 1919 г., после успешного проведения Красной армией Златоустовской операции, советская власть в городе была установлена окончательно¹⁵.

Как видно из хронологии событий, возможность создания полноценных органов управления городом и уездом (в том числе и органов ЗАГС) у большевиков появилась уже в марте 1918 г. Однако имеющиеся в наличии архивные документы заставляют предположить, что этого не произошло. Главным аргументом служат факты продолжения ведения духовенством шести православных приходов города метрических книг и регистрации в них рождений, браков и смертей¹⁶. Тем не менее, по данным исследователя И. Б. Шубиной, первый стол записи актов гражданского состояния начал действовать при отделе управления Златоустовского уездного революционного комитета (ревкома) 26 июля 1919 г. под руководством заведующего Григорьева при неполном составе штата¹⁷. Это произошло через две недели после организации самого уездного революционного комитета — 19 июля 1919 г.¹⁸

В становлении новой советской системы регистрации актов гражданского состояния в Златоусте можно выделить два этапа. Первый связан с деятельностью уездного ревкома и охватывает период с 26 июля по 24 декабря 1919 г. Второй этап начался с образования исполнительного комитета уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов 26 декабря 1919 г., когда при отделе управления исполкома был создан подотдел записи актов гражданского состояния¹⁹.

На первом этапе своей работы уездный отдел ЗАГС столкнулся с рядом проблем. Среди них основными были материальное и кадровое обеспечение, а также настороженная реакция населения на нововведения. По замечанию исследователя Е. В. Тарасютиной, эти проблемы в целом были схожи с трудностями, которые испытывали аналогичные структуры по всей стране²⁰. Но в Златоусте они имели свои особенности.

Кроме недостатка средств для заработной платы работников отдела к проблемам материального обеспечения можно отнести отсутствие необходимых печатных государственных бланков и книг. На этот недостаток в ноябре 1919 г. указывал в своем отчете заведующий отделом ЗАГС уездного ревкома Григорьев. Не имея нужных бланков, сотрудники ЗАГС вынуждены были завести 11 временных книг: книгу рождений (№ 1), книгу смертей (№ 2), книгу записей безвестно отсутствующих (№ 3), книгу браков (№ 4), книгу разводов (№ 5), книгу записей о внебрачном зачатии (№ 6), книгу записей изменивших фамилию (№ 7), входящий журнал (№ 8), исходящий журнал (№ 9), алфавит разведенных (№ 10) и алфавит брачующихся (№ 11)²¹.

Остро стояла и кадровая проблема. В начале работы (26 июля 1919) штат ЗАГС был неполным. К началу ноября его удалось довести до пяти человек: заведующего, секретаря и трех перепис-

чиц. Рост документооборота требовал дополнительных сотрудников, о чем заведующий сообщал в отчете, указывая на необходимость иметь еще одного делопроизводителя («журналиста»)²².

Своеобразной была реакция горожан на создание и деятельность нового государственного органа. За три месяца (август — октябрь) сотрудниками отдела ЗАГС было зафиксировано 434 входящих и 37 исходящих документов. Кроме того, зарегистрированы два развода, три случая рождения внебрачных детей, четыре факта перемены фамилии, а также 49 браков, 225 рождений и 266 смертей.

Сравнение двух последних показателей с данными метрических книг позволяет констатировать, что желающих зарегистрировать рождение или смерть в новом органе было сравнительно немного. Так, в метрических книгах только двух православных приходов города — Трех-Святительской и Петро-Павловской церквей — за это время уже было зафиксировано 224 рождения (115 младенцев мужского и 109 женского пола) и 259 смерти (132 лицамужского и 127 женского пола)²³. Всего же в городе было шесть православных, один единоверческий, по одному католическому, лютеранскому и иудейскому приходу. На углу Большой и Малой Немецких улиц действовала соборная мусульманская мечеть²⁴.

В то же время важным остается факт наличия двух разводов и четырех фактов перемены фамилии, что в дореволюционное время было практически невозможно.

К особенностям второго этапа деятельности органов ЗАГС можно отнести продолжение систематического внедрения в жизнь новых законов советской власти. Эту деятельность возглавил новый заведующий Желнин, вступивший в должность в марте 1920 г. Кроме регистрации рождений, смертей и браков одним из приоритетных направлений его работы стала работа с религиозными организациями, а именно исполнение постановления исполкома от 7 февраля 1920 г. о необходимости приведения в соответствие советскому законодательству всех религиозных организаций города²⁵.

Весной 1920 г. было окончательно запрещено духовенству разных конфессий ведение метрических книг, брачных обысков и духовных росписей. Метрические книги ими были сданы в местный отдел ЗАГС. В большинстве приходов Златоуста и уезда процесс передачи книг прошел без существенных конфликтов. Исключение составил златоустовский приход Петро-Павловской церкви, где потребовалось вмешательство городской милиции²⁶. С этого момента для верующих златоустовцев основанием для совершения обрядов, связанных с рождением, бракосочетанием и погребением стали выступать официальные выписки книг актов гражданского состояния, временные удостоверения личности на жительство, выдаваемые органами милиции²⁷.

Также весной 1920 г. сотрудники Златоустовского отдела ЗАГС приняли участие в процедуре

описи имущества церковных домов²⁸. А в декабре 1920 г. ими были получены и обработаны сведения о наличии у религиозных организаций сбережений, доходных бумаг и облигаций²⁹.

Вышеуказанные сведения позволяют утверждать, что к концу 1920 г. формирование органов ЗАГС в Златоусте фактически было завершено.

Таким образом, становление Златоустовского отдела ЗАГС заняло более двух лет и прошло два крупных этапа, которые были обусловлены действием двух факторов: общегосударственной законодательной политики и локальной военнополитической ситуации. Первый этап (1917 — июль 1919) ознаменовался созданием правовой основы для деятельности отделов ЗАГС, но ее реализация в Златоусте тормозилась нестабильностью власти и контролем города антибольшевистскими силами, поэтому регистрация актов продолжала осуществляться духовенством. Второй этап (июль — декабрь 1920) стал периодом практического оформления органа: от решения первоочередных организационных вопросов при ревкоме до передачи всех метрических книг из церквей в ЗАГС весной 1920 г. и окончательного завершения формирования системы к концу года.

Примечания

¹ Алейникова И. А. История создания и развития государственной службы органов ЗАГС в России // Форум молодых ученых. 2018. № 10. С. 35–38.

² Емелина Л. А. Становление системы ЗАГС в первой половине XX века // Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния. Тверь, 2017. С. 28–36.

³ Тарасютина Е. В. Казусы первых советских ЗАГСов: закон и реальность // Современная научная мысль. 2023. № 1. С. 89–94.

⁴ Маркова А. Ю. История создания и развития архивов в органах ЗАГС в России (на примере Челябинской области) // Документ в современном обществе: на пути к междисципли-

нарному изучению : материалы XV Всерос. студенч. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2022. С. 201–204.

⁵ Шубина И. Б. Имеет законную силу... // Суббота. 2009. 5 авг.

⁶ Маркова А. Ю. Указ. соч. С. 201.

⁷ Тарасютина Е. В. Указ. соч. С. 90.

⁸ Алейникова И. А. Указ. соч. С. 36–37.

⁹ Шубина И. Б. Указ. соч.

¹⁰ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1045–1074.

¹¹ Там же. С. 1047.

¹² Тарасютина Е. В. Указ. соч. С. 90.

¹³ Алякринский. Гражданская метрикация // Власть Советов. 1922. № 1–2. С. 5–7.

¹⁴ Лисовский Н. К. 1917 г. на Урале. Челябинск, 1967. С. 481.

¹⁵ Кручинин А. М. Златоустовский фронт. Июнь 1918 г. Екатеринбург, 2012. С. 76 ; Додин А. Белый Златоуст. URL: <http://rusk.ru/vst.php?idar=64405> (дата обращения: 15.02.2026) ; Октябрь на Южном Урале : юбил. сб. к 10-летию Окт. революции / под ред. С. Шапурина. Златоуст, 1927. С. 66 ; Базанов М. А. Белые в Златоусте: первый месяц после падения советской власти // Золотые россыпи былого : сб. материалов XVI Всерос. краевед. конф. им. Н. А. Косикова. Златоуст, 2024. С. 36–39.

¹⁶ Например: АЗГО. Ф. И-41. Оп. 2. Д. 37 ; Ф. И-44. Оп. 1. Д. 43 ; Ф. И-45. Оп. 1. Д. 17 ; Ф. И-46. Оп. 1. Д. 22 ; Ф. И-48. Оп. 2. Д. 50.

¹⁷ Шубина И. Б. Указ. соч.

¹⁸ АЗГО. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

¹⁹ Шубина И. Б. Указ. соч.

²⁰ Тарасютина Е. В. Указ. соч. С. 91–92.

²¹ АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 44. Л. 46.

²² Там же.

²³ Там же. Ф. И-41. Оп. 2. Д. 37. Л. 1 об. — 100, 139–241 ; Ф. И-44. Оп. 1. Д. 43. Л. 310–409 об., 411 об. — 478.

²⁴ Денисов Д. Н. Мусульманская община Златоуста в конце XIX — начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). История. Вып. 32. С. 86.

²⁵ АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 132. Л. 30.

²⁶ Там же. Д. 15. Л. 74.

²⁷ Там же. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–54.

²⁸ Шубина И. Б. Указ. соч.

²⁹ АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 127. Л. 13 об. — 14 ; Д. 132. Л. 1–1 об., 23–25 ; Д. 128. Л. 24–24 об., 43 ; Д. 194. Л. 3, 9 об. ; Д. 197. Л. 20.

В. В. Вишневский

Семейное хозяйство в условиях голода 1921–1922 годов: опыт анализа поселенных учетных ведомостей Нижнеуvelьской станицы

Поселенные учетные ведомости начала 1920-х гг. имеют особое значение как источник информации о сельских домохозяйствах раннесоветского периода. В таких документах указывался домохозяин, отражались характер хозяйства, половозрастной и трудовой состав, наличие лошадей, крупного и мелкого скота, площадь пашни и фактический размер посева. Эти документы фиксировали сельское население не только как совокупность отдельных лиц, но прежде всего как совокупность дворов, обладавших определенным трудовым и имущественным ресурсом. Таким образом, эти ведомости позволяют увидеть состояние двора как хозяйственной единицы в конкретный момент.

По Троицкому уезду Челябинской губернии сохранились поселенные учетные ведомости за

1921–1923 гг. Эти годы совпали с голодом 1921–1922 гг. и ближайшими последствиями. Поэтому ведомости могут рассматриваться не только как списки домохозяев или налогово-статистические документы, но и как источник, позволяющий проследить динамику семьи и хозяйства в условиях кризиса: состояние двора накануне голода, его положение в период наиболее острого кризиса и первые признаки восстановления или дальнейшего распада.

Историография голода 1921–1922 гг. в Поволжье, на Урале и сопредельных территориях достаточно обширна. В региональных исследованиях, посвященных Челябинской губернии, голод рассматривается как результат совокупности факторов: последствий Первой мировой и Гражданской войн, разрухи, реквизиций, не-

урожая, эпидемий и нарушения хозяйственных связей. Эти работы позволяют реконструировать общий масштаб катастрофы, деятельность органов власти и структур помощи. Однако чаще всего они показывают голод на уровне губернии, уезда или волости; судьба отдельного семейного хозяйства в таких исследованиях обычно остается на периферии.

Документы сельского управления и хозяйственного учета также изучались неравномерно. Больше внимание получили подворные обследования, сельскохозяйственные переписи и особенно более поздние похозяйственные книги. Применительно к началу 1920-х гг. важно не смешивать эти виды учета с поселенными учетными ведомостями.

В краеведческой и генеалогической практике поселенные ведомости уже привлекаются, но чаще фрагментарно: как списки домохозяев, источник сведений о населении, скоте, пашне и посевах, а иногда — для краткого сравнения отдельных хозяйств за разные годы. В настоящей статье поселенные учетные ведомости 1921–1923 гг. рассматриваются как источник на стыке генеалогии, краеведения и социальной истории сельского общества: они позволяют проследить последствия голода не только по сводной статистике, но и на уровне отдельного двора.

Поселенные учетные ведомости Нижнеуельской станицы за 1921–1923 гг. фиксируют хозяйство в период острого социально-экономического кризиса. Замена продразверстки продналогом весной 1921 г. не могла дать немедленного облегчения: после Гражданской войны, мобилизаций, продразверстки и продотрядной практики многие сельские хозяйства подошли к новому хозяйственному году уже ослабленными. Переход к новой налоговой системе не означал и полного прекращения давления на население: на местах сохранялись продовольственные и налоговые обязательства, выполнение которых в условиях неурожая становилось для дворов тяжелым бременем. К зиме 1921/1922 гг. Нижнеуельская станица оказалась в зоне тяжелого голода.

О масштабе бедствия свидетельствуют материалы комиссии помощи голодающим. По данным на май 1922 г., в Нижнеуельской станице от истощения умерло более 87 человек. Показательна сама внутренняя противоречивость ситуации: несмотря на то что налог 1921 г. был выполнен станицей на 108 процентов, население фактически осталось без продовольственных запасов. В голодную зиму жители съели оставшийся скот; в свидетельствах о положении станицы упоминается употребление в пищу собак и кошек¹. Эти сведения показывают, что речь шла не только о неурожае или временном продовольственном затруднении, а о разрушении

обычного хозяйственного цикла и крайнем истощении дворов.

Именно в этом контексте поселенные ведомости становятся особенно ценным источником. Описания голода передают масштаб катастрофы и ее внешние проявления, но ведомости позволяют увидеть последствия кризиса в структуре конкретных хозяйств.

В статье используются два контрастных примера — хозяйства Владимира Егоровича Ничиженова и Николая Илларионовича Зажимаева. Эти два случая позволяют увидеть разные траектории прохождения кризиса: сохранение хозяйственной основы с последующим восстановлением и, напротив, резкое ослабление хозяйственной базы. Выбор этих хозяйств обусловлен их длительной оседлостью в Нижнеуельской станице и окрестностях, прослеживаемостью по метрическим книгам и семейному нарративу, а также наличием данных, позволяющих сопоставить состояние двора до, во время и после голодного кризиса. Это важно, поскольку данные ведомостей в таком случае не остаются обезличенной статистикой, а включаются в уже реконструированный семейный контекст.

Хозяйства сопоставляются по показателям, указанным в ведомостях разных лет: общей численности двора, числу мужчин и женщин трудоспособного возраста, наличию лошадей, в том числе рабочих, крупного рогатого скота и овец, площади пашни, размеру посева и доле посева от общей площади пашни. Последний показатель важен, поскольку позволяет отделить формальный земельный ресурс от реально используемого: большая пашня сама по себе еще не означала хозяйственной устойчивости, если двор не имел тягловой силы, семенного фонда и достаточного числа работников.

Основным приемом анализа является не статическое ранжирование дворов, а сопоставление их состояния в динамике за 1921–1923 гг. Хозяйство, располагавшее в 1921 г. значительной пашней и скотом, уже в следующем году могло утратить тягловую силу и резко сократить посев. Напротив, менее крупный двор иногда переживал кризис устойчивее, если сохранял рабочих лошадей, корову, трудоспособных членов семьи и возможность засеять землю.

Особое значение при таком сопоставлении имеет наличие рабочих лошадей. Для земледельческого хозяйства начала 1920-х гг. они были не просто частью имущества, а условием самостоятельной обработки пашни. Поэтому сохранение или исчезновение тягловой силы рассматривается как один из ключевых признаков хозяйственной устойчивости. Наряду с этим учитывается соотношение общей численности двора и его трудового состава: большая семья могла иметь

мало работников и много иждивенцев, тогда как меньший двор иногда сохранял более благоприятное соотношение работников и едоков.

Поселенная учетная ведомость № 9²
Хозяйств, населения, скота, пашни,
посева весною 1921 года.
Губерния Челябинская, уезд Троицкий,
волость (станция) Нижне-Увельская,
селение Нижне-Увельское.

№ 385

Домохозяин: Ничиженев Владимир Егорович.
Население до 5 лет: 1.
От 5 до 10 лет: 1.
Старше 16 лет: 2.
Всего в домохозяйстве: 4.
Лошадей рабочих до 4 лет и старше: 2.
Итого голов лошадей: 2.
Коров: 1.
Бычков от 1,5 до 2 лет: 1.
Телят до 1 г.: 1.
Итого голов КРС: 3.
Овец: 10.
В т. ч. взрослых: 5.
Всего десятин пашни в хозяйстве: 14.
В том числе засеяно озимью в 1920 и яровыми
в 1921 г.: озимой ржи 1 дес., яровой пшеницы 2 дес.,
овса 0,06 дес., проса 0,12 дес., гречихи 0,06 дес., горо-
ха 0,06 дес., картофеля 0,02 дес., льна 0,03 дес.
Итого десятин посева: 3,35.

В 1921 г. хозяйство Владимира Егоровича Ничиженова включало четырех человека. За ним числились две рабочие лошади, три головы крупного рогатого скота, 10 овец и 14 десятин пашни. Посев составлял 3,35 десятины, то есть почти четверть всей пашни. Такой показатель не позволяет говорить о полном благополучии, но показывает наличие основных элементов самостоятельного земледельческого двора: семьи, тягла, коровы, молодняка, овец и реального посева.

Поселенная учетная ведомость крестьянских
и казачьих хозяйств, населения, скота,
пашни и посева весною 1922 года³.
Губерния Челябинская, уезд Троицкий,
волость (станция) Нижне-Увельская,
селение Нижне-Увельское.

№ 497

Домохозяин: Ничиженев Владимир Егорович.
Мужского пола: 1.
В том числе от 18 до 60 лет: 1.
Женского пола: 3.
В том числе от 18 до 55 лет: 2.
Всего обоого пола: 4.
Лошадей рабочих до 4 лет и старше: 3.
Жеребят до 1 года: 1.
Итого голов лошадей: 4.
Коров: 1.
Подтелков и бычков от 1 года до 1,5 лет: 1.
Телят до 1 г.: 1.
Итого голов КРС: 3.
Овец: 6.
В т. ч. взрослых: 3.
Всего десятин пашни в хозяйстве: 14.
В том числе засеяно озимью в 1921 и яровыми
в 1922 г.: озимой ржи 0,5 дес., овса 0,5 дес., проса 0,25
дес. Итого десятин посева: 1,25.

Ведомость 1922 г. фиксирует влияние голодного кризиса, но не разрушение хозяйства. Чис-

ло членов двора осталось прежним — четыре человека. Форма ведомости этого года позволяет уточнить трудовой состав: один мужчина от 18 до 60 лет и две женщины от 18 до 55 лет. Количество лошадей не сократилось, а увеличилось до четырех голов, из которых три были рабочими. Крупный рогатый скот сохранился в прежнем общем количестве — три головы. Сокращение заметно по овцам: их стало шесть вместо десяти. Наиболее резкое изменение касается посева: он уменьшился до 1,25 десятины при тех же 14 десятинах пашни. Иными словами, в 1922 г. хозяйство Ничиженова сохраняло тягловую и скотоводческую основу, но резко сократило фактическое земледельческое производство.

Поселенная ведомость для подворного учета
основных элементов сельского хозяйства 1923 года⁴
Губерния Челябинская, уезд Троицкий,
волость (станция) Нижне-Увельская,
хутор Ческидов.

№ 12

Домохозяин: Ничиженев Владимир Егорович.
Мужского пола: 1.
Женского пола: 4.
Всего обоого пола: 5.
Лошадей рабочих до 4 лет и старше: 3.
От 1 года до рабочего возраста: 1.
Итого голов лошадей: 4.
В том числе от рабочего возраста до 4 лет и стар-
ше жеребцов — 1, маток — 1.
Коров дойных: 2.
Нетелей старше 1/2 г.: 1.
Телят до 1 г.: 2.
Итого голов КРС: 5.
Овец: 10.
В т. ч. взрослых: 5.
Всего десятин пашни в хозяйстве: 14.
В том числе засеяно озимью в 1922 и яровыми
в 1923 г.: 4,96 десятин посева, из них: озимой ржи
1 дес., пшеницы яровой 1,25 дес., овса 1,25 дес., яч-
меня 0,5 дес., проса 0,75 дес., гороха 0,06 дес., льна
0,12 дес., картофеля 0,03 дес.

К 1923 г. хозяйство Ничиженова, указанное уже по хутору Ческидову, демонстрирует восстановление. Число членов двора увеличилось до пяти человек. Лошадей оставалось четыре, из них три рабочие. Крупный рогатый скот вырос до пяти голов (две дойные коровы, нетель и два теленка). Число овец вернулось к уровню 1921 г. — десять голов. Особенно важно увеличение посева: при прежних 14 десятинах пашни он составил 4,96 десятины. По сравнению с 1922 г. это почти четырехкратный рост. Таким образом, хозяйство Ничиженова не избежало последствий голода, но его кризисная динамика имела характер временного сжатия производства, а не хозяйственного распада.

Иная траектория прослеживается по хозяйству Николая Зажимаева. В 1921 г. оно выглядело более крупным, чем хозяйство Ничиженова. В домохозяйстве числились семь человек, имелись пять лошадей, из них четыре рабочие, три головы крупного рогатого скота, шесть овец

и 23 десятины пашни. Посев составлял 4,16 десятины. По абсолютным показателям это был двор с большим земельным ресурсом и значительной тягловой силой. Однако уже в 1921 г. соотношение пашни и посева выглядит напряженным: засеяно было лишь около 18 % пашни. При большем размере пашни, чем у Ничиженова, доля фактического посева была ниже.

Поселенная учетная ведомость № 37⁵
Хозяйств, населения, скота, пашни, посева
весною 1921 года
Губерния Челябинская, уезд Троицкий, волость
(станция) Нижне-Увельская, селение Колбин
Домохозяин: Зажимаев Николай Лар.
Население до 5 лет: 0.
От 5 до 16 лет: 4.
Старше 16 лет: 3.
Всего в домохозяйстве: 7 человек.
Лошадей рабочих до 4 лет и старше: 4 шт.
Лошадей от 1 г. до рабочего возраста: 1 шт.
Итого голов лошадей: 5 шт.
Коров: 1 шт.
Нетелей старше 1/2 г.: 2 шт.
Итого голов КРС: 3 шт.
Овец: 6 шт.
В т. ч. взрослых: 3.
Всего десятин пашни в хозяйстве: 23 десятины.
В том числе засеяно озимью в 1920 и яровыми
в 1921 г.: озимой ржи 1 дес., яровой пшеницы
2,25 дес., овса 0,25 дес., проса 0,5 дес., гороха 0,06
дес., картофеля 0,01 дес., льна 0,09 дес.
Итого десятин посева: 4,16.

В 1922 г. положение Зажимаева резко ухудшилось. Численность домохозяйства осталась прежней — семь человек, но структура хозяйства изменилась принципиально. Лошадей уже не было вовсе. Из крупного рогатого скота оставалась только одна корова. При этом площадь пашни формально выросла до 28 десятин, но посев сократился до 1 десятины. Эта запись показательна: сама по себе большая пашня не означала хозяйственной устойчивости. При отсутствии тягловой силы она не могла быть полноценно обработана. Поэтому в случае Зажимаева важен не только факт сокращения посева, но и его сочетание с полной утратой рабочих лошадей.

Поселенная учетная ведомость крестьянских
и казачьих хозяйств, населения, скота,
пашни и посева весною 1922 года⁶
Губерния Челябинская, уезд Троицкий,
волость (станция) Нижне-Увельская,
селение Нижне-Увельское
№ 423
Домохозяин: Зажимаев Николай Лар.
Мужского пола: 3.
В том числе от 18 до 60 лет: 2.
Женского пола: 4.
В том числе от 16 до 55 лет: 1.
Всего в домохозяйстве: 7 человек.
Лошадей рабочих до 4 лет и старше: 0 шт.
Лошадей от 1 г. до рабочего возраста: 0 шт.
Итого голов лошадей: 0 шт.
Коров: 1 шт.
Всего десятин пашни в хозяйстве: 28 десятин.
В том числе засеяно озимью в 1921 и яровыми
в 1922 г.: озимой ржи 0,5 дес., проса 0,5 дес. Итого
десятин посева: 1.

Сопоставление этих двух случаев показывает, что последствия голода нельзя описывать одной общей формулой. В обоих хозяйствах в 1922 г. наблюдается резкое сокращение посева. Однако смысл этого сокращения различен. У Ничиженова оно происходит при сохранении рабочих лошадей и крупного рогатого скота; уже в 1923 г. хозяйство расширяет посев и увеличивает поголовье КРС. У Зажимаева сокращение посева сопровождается потерей всех лошадей и уменьшением поголовья крупного рогатого скота до одной коровы. Это уже не просто временное уменьшение производства, а утрата главного условия самостоятельного земледельческого хозяйства.

Именно поэтому при работе с поселенными ведомостями важно учитывать не отдельные показатели, а их взаимосвязь. Численность семьи сама по себе не показывает устойчивости двора. Площадь пашни также не является достаточным признаком хозяйственного положения. В 1922 г. у Зажимаева пашни было вдвое больше, чем у Ничиженова, но отсутствие лошадей и минимальный посев указывают на гораздо более тяжелое состояние хозяйства. Напротив, Ничиженов имел меньший земельный ресурс, но сохранял тягло, КРС и возможность восстановления посева.

Таким образом, два нижеувельских примера показывают разные модели переживания голода. Хозяйство Ничиженова демонстрирует просадку и последующее восстановление: в 1922 г. резко сокращается посев, но сохраняется производственная база, а в 1923 г. увеличиваются и посев, и поголовье скота. Хозяйство Зажимаева демонстрирует хозяйственный надлом: при сохранении численности семьи и даже увеличении формальной площади пашни исчезают лошади, сокращается скот и почти прекращается посев.

Благодаря наличию семейного нарратива и информации, найденной в учетной карточке по району Кирсараи г. Троицка за 1922 г., установлено, что Николай Илларионович Зажимаев и его семейство не погибли от голода, но были вынуждены перебраться в город⁷. Они жили в деревянном доме с двором в 100 кв. саженей; за семьей из семи человек числились одна корова, три курицы, однолемешный и двухлемешный плуги. Кроме того, был указан посев на нижеувельской надельной земле: 1 десятина озимой ржи и 1 десятина проса⁸. Эти данные несколько расходятся с ведомостью весны 1922 г. по Нижнеувельской станции, где при одной корове и отсутствии лошадей был зафиксирован посев всего в 1 десятину. Расхождение может быть связано как с различным временем учета внутри года, так и с разной логикой составления документов: сельская ведомость отражала хозяйство в системе местного земельного и налогового учета, тогда

как троицкая карточка фиксировала семью уже в городе, но с сохранением связи с прежней наделной землей. Обращает на себя внимание наличие плугов при полном отсутствии лошадей: семья сохраняла часть земледельческого инвентаря, но при этом утратила главное условие его самостоятельного использования. В поселенной ведомости по Нижнеуельской станице за 1923 г. хозяйство Зажимаева уже не обнаружено.

Случай Зажимаева демонстрирует не простое исчезновение двора, а форму хозяйственной адаптации после надлома. Семья утратила главное условие самостоятельного земледелия — тягловую силу, но сохраняла корову, часть сельскохозяйственного инвентаря и минимальный посев на прежней наделной земле. К 1923 г. Зажимаев уже не фиксируется в нижеуельской поселенной ведомости, что позволяет рассматривать переезд в Троицк как итог кризисной траектории двора: от крупного сельского хозяйства 1921 г. — через резкое сокращение производственной базы в 1922 г. — к исчезновению из сельского учета по Нижнеуельской станице.

Таким образом, поселенные учетные ведомости существенно расширяют возможности генеалогического и локально-исторического исследования. Метрические книги и актовые записи ЗАГС фиксируют происхождение, родственные связи и отдельные события жизненного цикла; ведомости же позволяют увидеть семью как хозяйственную единицу. Они показывают не только, кто жил в составе двора, но и каким ресурсом он располагал: имел ли работников, тягло, скот, пашню, посев и способность продолжать самостоятельное земледельческое производство.

Сопоставление хозяйств Владимира Егоровича Ничиженова и Николая Илларионовича Зажимаева показывает, что одна локальная и семейная среда могла включать дворы с разными траекториями. Один двор пережил резкое сокращение посева, но сохранил основу для восстановления; другой при сохранении численности семьи и значительной площади пашни утратил лошадей, резко сократил посев и в дальнейшем фиксируется уже в учете по Троицку. Это различие демонстрирует, что для оценки состояния хозяйства важны не отдельные показатели, а их

взаимосвязь: работники, лошади, скот, пашня и фактический посев. Земля, числящаяся за хозяйством, без тягла, семенного фонда и рабочих рук могла оставаться не действующим ресурсом, а лишь формально зафиксированной возможностью.

При этом поселенные учетные ведомости требуют осторожного использования. Они составлялись для хозяйственного и налогового учета, обычно называли домохозяина и численность двора, но не всех членов семьи поименно; возрастные сведения часто давались укрупненными группами. Поэтому изменение состава хозяйства между 1921, 1922 и 1923 гг. нельзя автоматически понимать как смерть, распад семьи или исчезновение двора. Оно могло быть связано с браком, разделом хозяйства, переселением, уходом на заработки, призывом в РККА или временным проживанием в другом месте.

Именно поэтому данные ведомостей необходимо сопоставлять с другими доступными источниками: метрическими книгами, исповедными ведомостями, актами ЗАГС, списками мобилизованных, документами сельсоветов, а также сверять с семейной памятью. Только такое сопоставление позволяет отличить хозяйственный надлом от временного сокращения посева, смерть от ухода, раздел семьи от исчезновения двора. Рассмотренные примеры не претендуют на статистическую характеристику всего Троицкого уезда или Нижнеуельской станицы; их задача — показать методический потенциал поселенных учетных ведомостей как источника для генеалогии, краеведения и микроистории раннесоветской деревни.

Примечания

¹ Кобзов В. С., Баландина Т. В., Семенов В. Г. Южноуральск: крепость, станица, город / ред.-сост. А. Ф. Летагин. Южноуральск, 1995. С. 106.

² ОГАЧО. Ф. Р-694. Оп. 1. Д. 25. Л. 118.

³ Там же. Д. 45. Л. 13 об.

⁴ Там же. Д. 107. Л. 99 об.

⁵ Там же. Д. 25. Л. 125.

⁶ Там же. Д. 45. Л. 12.

⁷ Одновременная фиксация Н. Зажимаева в материалах по Нижнеуельской станице и Троицку в 1922 г. не является противоречием: ведомости отражали не только фактическое проживание, но и хозяйственно-учетную связь лица с землей и имуществом.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-694. Оп. 1. Д. 54. Л. 290.

Е. В. Волков, М. В. Сафронов

Первомай в Челябинске: становление традиции массового городского праздника на Южном Урале (1917–1927)¹

Каждый год, 1 мая, миллионные армии рабочих на улицах всех городов и во всех странах поют одну и ту же песню труда, звуки которой приводят в трепет угнетателей. Они напоминают им о том, что царство капитала не долговечно, что близок день, когда организованная армия труда во всем мире сметет с лица земли не только властелинов и деспотов, но и тот капиталистический строй, который сажит их на троны, тот строй, который делит мир на обездоленных и угнетателей. И на обломках этого строя рабочие всего мира воздвигнут новое царство, в котором не будет рабов и господ, наемных рабочих и капиталистов.

Цвиллинг С. М. Праздник труда²

Вынесенную в эпиграф цитату провинциального большевистского лидера можно рассматривать как квинтэссенцию тех представлений новой власти о Первомае, которые ее руководители пытались культивировать становящемуся «воображаемому сообществу»³ советских граждан в первое послереволюционное десятилетие. Как известно, этот праздник не являлся отечественным изобретением, а имел зарубежное происхождение и значительную дореволюционную историю, считаясь главным днем для рабочих разных стран в контексте их социальной борьбы за свои права. В 1896 г. один из лидеров российской социал-демократии и будущий руководитель советского государства В. И. Ленин даже написал по этому поводу прокламацию, в которой призывал рабочих России последовать примеру пролетариев западноевропейских стран, объединившись, выходить 1 мая на улицы городов и требовать — пока еще только — улучшения своего экономического положения⁴.

Но уже в преддверии 1 мая 1918 г. большевики начали «изобретать» если не традицию, то новые содержание и ритуалы весеннего торжества. В первый год советской власти в Петрограде планировалось «отпраздновать 1 мая грандиозной вооруженной демонстрацией, с участием Рабочей и Крестьянской Красной армии». Против этого наполненного агрессией «казенного парада» ополчились все оппоненты и неприкрытые противники нового режима (от эсеров и меньшевиков всех мастей и анархистов до кадетов и служителей культа), призывая — если не отменить «показное торжество» вообще — провести свободную «манifestацию рабочего класса», «борющегося за свои пролетарские и демократические требования»⁵.

Вопросам становления и закрепления новых праздничных традиций посвящено много работ последних десятилетий, в том числе несколько монографий, среди них считающиеся уже классическими работы западных исследователей К. Жигульского (Kazimierz Żygulski), Дж. фон Гельдерна (James von Geldern), Ш. Плаггенборга (Stefan Plaggenborg), К. Петроун (Karen Petrone), М. Рольфа (Malte Rolf)⁶. Из современных наиболее интересных работ отечественных историков

следует упомянуть исследования С. Ю. Малышевой, Е. В. Барышевой и К. В. Годунова⁷.

В ряде целого набора поставленных вопросов и решаемых проблем в некоторых работах была сформулирована и задача наполнения исследований раннесоветской праздничной культуры региональным аспектом. Впервые на указанный пробел обратили внимание еще в конце 1980-х гг. отечественные этнографы:

...Исследователи, как правило, ограничивались анализом праздничных торжеств, происходивших в Москве, Петрограде и некоторых, преимущественно губернских городах, не касаясь периферии, где позиции традиционной праздничной культуры были значительно прочнее, чем в крупных городах, что не могло не сказаться на проходивших там праздничных торжествах⁸.

Актуальность обращения к региональным сюжетам в исследовании советской праздничной культуры (особенно начального периода ее становления) можно объяснить тем, что главная интенция власти в отношении праздников была обусловлена стремлением к легитимации существующего порядка. Например, М. Рольф так формулирует «красную нить» своего исследования: «Праздник был политикой, а советское праздничное действо — выражением специфической формы господства»⁹. Но как решать эту задачу на огромных пространствах страны с этноконфессиональным и историко-культурным разнообразием ее населения без учета региональных особенностей и выстраивания оптимального диалога центрального руководства с местными властями? Немецкий историк в проблемно-постановочной части своего труда констатирует наличие «не всегда гладких взаимодействий между Москвой и регионами»¹⁰. Ему вторит американская исследовательница К. Петроун:

Те, кто продвигал идею празднования в центре, а также на региональном и местном уровнях, не всегда говорили в унисон. Бюрократическая практика в Советском Союзе также создавала барьеры, через которые не могла пробиться идеология центрального правительства. Местные чиновники не всегда понимали цели правительства, не всегда передавали их по нужным каналам и не всегда эффективно доводили до сведения населения¹¹.

Именно поэтому современные исследователи праздничной культуры все чаще обращают взор на периферию в стремлении не только описать массовые торжества в регионах, но и выявить сам процесс их трансформации от традиционных форм к новым ритуалам «красного календаря» и его региональные особенности¹².

В фокусе данной статьи находится сюжет, посвященный празднованию Первого мая, прежде всего в Челябинске в 1917 г. и в отдельные годы последующего десятилетия. Стоит заметить, что до начала 1990-х гг. Первомай являлся одним из главных календарных торжеств нашей страны с широким участием народных масс, и на его примере можно выявить как характерные черты советской праздничной культуры в целом, так и ее региональные особенности.

Изысканий, посвященных становлению праздничной культуры Южного Урала, не так много. За исключением диссертационного исследования М. А. Мордасовой¹³ все они представлены в формате небольших сюжетов в рамках более широких тем, таких как культурное строительство, повседневность Гражданской войны, режиссура массовых праздников. В еще меньшей степени представлены публикации о первомайских торжествах на Южном Урале и конкретно в Челябинске. Здесь можно выделить сборник «Первомай в Челябинске», составленный краеведами на основе газетных заметок разных лет¹⁴.

Прежде всего необходимо кратко охарактеризовать основные подходы и результаты изучения раннесоветской праздничной культуры в целом. Относительно предназначения и функциональности советских праздников в современной, преимущественно зарубежной историографии подчеркивается их разрыв с повседневными буднями, связь с символическими практиками власти, легитимацией существующего порядка, консолидацией общества, обозначением «чужих» и «врагов», конструированием определенного варианта культурной памяти о прошлом¹⁵.

Как правило, любой праздник представляет собой набор ритуалов, то есть церемониальных действий (дискурсивных практик), наполненных символикой и идеологией, выполняющих определенные функции. При этом необходимо учитывать, что ритуалы праздников одного времени тесно связаны со всей предшествующей культурой общества, как с ее религиозными, так и светскими аспектами. Кроме того, в качестве новаций могут использоваться и зарубежные культурные формы, преломленные и несколько искаженные в ином социальном пространстве.

Относительно праздников раннего советского периода исследователи отмечают следующие тенденции и особенности. С одной стороны, использовались те же приемы и формы, характерные для торжеств дореволюционного времени. Но при этом для большевиков, например, ориентиром служил опыт Великой французской революции с изобретенными праздниками. На данном этапе государственная власть минимально

участвовала в подготовке и проведении празднеств. Большое влияние имели представители творческой интеллигенции, экспериментируя с формами, навязывая массам свои представления о том, каким должен быть праздник, пытаясь соединить дидактическое и развлекательное начала. Важную роль в празднествах играли и военные формирования, используемые в различного рода церемониальных действиях. С 1927 г. процесс подготовки и проведения праздников, если так можно выразиться, полностью огосударствуется: появляются специальные комиссии, планирующие и разрабатывающие стандарты для проведения торжеств, зачастую не учитывающие эмоциональную вовлеченность в них масс¹⁶.

По прошествии двух месяцев после падения монархии в России день 1 мая 1917 г. стал легитимным и «народным» праздником. В Петрограде и Москве его отметили массовыми демонстрациями с красными знаменами, митингами и пением «Интернационала». При этом участники шествий собирались к девяти часам утра в определенных местах, а через час начиналось движение по главным улицам и площадям столичных городов с остановками на небольшие митинги с выступающими ораторами¹⁷. Современные исследователи вполне резонно усматривают в митингах и демонстрациях связь с религиозной и светской культурой, например с такими их формами, как крестный ход и военный парад¹⁸.

Возвращаясь к Челябинску, сначала стоит остановиться на первом легальном праздновании здесь 1 мая в 1917 г. Данный сюжет почему-то выпадает из поля зрения исследователей, которые сосредоточиваются на анализе торжеств, проходивших уже после прихода большевиков к власти. На наш взгляд, это несколько обедняет общие представления о трансформации традиционной российской праздничной культуры в советскую. Это особенно актуально в рамках рассмотрения указанного выше взаимодействия центра и регионов по поводу церемониального дискурса. Ведь в 1917 г. Первомай организовывали местные Советы, которые и окажутся у власти через несколько месяцев, а значит, в последующем они должны были опираться на апробированные в начальный период собственный опыт и сценарии. Тем более весной 1917 г. не приходилось говорить о каком-либо диктате центра в деле организации праздничных торжеств на местах. В этом плане интересно будет посмотреть, как этот провинциальный опыт 1917 г. коррелировал с последующими инструкциями столичных советских властей.

Первомай в Челябинске в 1917 г. был организован, что называется, «с чистого листа». Конечно, какая-то предварительная подготовка в формате устного информирования, «заявлений о намерениях» имела место. О планируемых торжествах было объявлено в газете «Союзная мысль» в день их проведения — 18 апреля. Именно так — революционный постфевральский

Челябинск жил уже по европейскому календарю (за год до официальной перемены дат): «Сегодня по новому стилю (календарю), который принят почти во всем мире, кроме России, считается день первого мая»¹⁹.

В указанном номере газеты представлено четыре материала, посвященных предстоящим торжествам. Анонимная заметка о буднях города сообщала об истории появления первомайского праздника, его интернациональном характере, о том, что «в этот день социалисты всех стран не работают и устраивают собрания и собеседования», о тождестве интересов трудового крестьянства и рабочих²⁰.

Заметка «Праздник труда» за авторством С. М. Цвиллинга (цитата из нее вынесена в эпиграф) дублировала приведенную выше информацию, но с акцентом на большевистские лозунги о мировой революции, о мире без аннексий и контрибуций и т. п. Очень важным представляется пассаж лидера челябинских большевиков, обращенный к солдатской массе:

В этом году мы впервые празднуем великий праздник труда свободными гражданами. Некому встать поперек нашей дороги. Те, на кого опиралось царское правительство, — солдаты — они идут вместе с нами, плечо в плечо, как наши братья и товарищи!²¹

Третья заметка — «Воззвание» партии «Бунд» к рабочим-евреям, призывающая принять участие в первомайских церемониях. Этот текст густо сдобрен поэтическими метафорами («солнце расточает целые снопы лучей», «затихает шум молота и машин, ...который оглушает до потери сознания», «рабочий мощно расправляет согбенную спину, чтобы весело праздновать великий праздник») и актуальными на тот момент политическими лозунгами²².

Последний материал («Церемониал празднования 1-го мая») представляет собой предполагавшийся сценарий проведения праздничных мероприятий. Здесь подробно расписано, где должны состояться основные церемониальные действия — митинг и демонстрация, где и как формируются колонны, указаны путь и очередность движения колонн туда и обратно. Во второй половине дня в трех местах намечались митинги:

Все рабочие и служащие, как на место празднования, так и обратно идут рядами по 10 человек, составляя колонны по предприятиям. Учащиеся так же рядами и колоннами по учебным заведениям. Впереди каждой колонны несут плакаты с наименованием предприятия или учебного заведения. Колонны идут на расстоянии 50 шагов одна от другой и на месте празднования занимают места согласно указания распорядителей.

Никакого военного парада не предусматривалось («войска идут без оружия»). С точки зрения топографии, основными местами сбора и движения колонн в первой половине дня являлись Соборная площадь, ул. Уфимская и Екатеринбургская, а главным местом праздника бы-

ло указано стрельбище 109-го полка в заречной части города — видимо, из-за большого пространства, где можно было разместить многих участников демонстрации. Для митингов во второй половине дня определили Народный дом, остров на р. Миасс и Летний сад. Среди участников праздника выделялись рабочие, городские служащие, учащиеся, военнопленные (немецкие и австро-венгерские). На митингах слово предоставлялось ораторам от разных социалистических партий.

Для поддержания порядка избраны: начальник церемониала — подпоручик Архангельский (отличный его знак — повязка на голове и красная лента через плечо). Его помощники солдаты: Лупаковский и Кушаев и рабочие Красников и Захаров и служащий Белавенцев, все верхом на лошадях²³.

Скорее всего, первый легальный Первомай в Челябинске прошел по намеченному сценарию. Об этом позволяет говорить еще одна газетная заметка («Пролетарский смотр») за авторством все того же Цвиллинга. Этот весьма примечательный для исследователей трансформации праздничной культуры текст опубликован в «Союзной мысли» через пять дней после описанных выше торжеств — 23 апреля (6 мая) 1917 г. Его можно считать отчетом о проделанной работе, но очень своеобразным. Во-первых, Цвиллинг описывает не заявленный ранее в первоначальном сценарии церемониал поминовения «положивших жизнь свою в борьбе за рабочие идеалы» под траурные звуки оркестра. Этот обряд станет обязательным элементом советского праздника на ближайшие годы. Во-вторых, обращает на себя внимание мифопоэтический стиль текста. Это не привычное для нас описание того, что было: с привязкой ко времени и месту, с перечислением конкретных деталей. Перед нами — формирующийся универсальный миф-сценарий. Праздничная культура по определению мифологична, она призвана периодически воскрешать и закреплять в коллективной памяти обязательные для существования общества ритуалы. «Миф — это слово», — заявлял Р. Барт (Roland Barthes) в прошлом веке. Уже в наше время А. Я. Флиер говорит о том, что «миф есть непрофессиональная (то есть не опирающаяся на достаточные фактологические и системно-научные основания, — *Авт.*), но по-своему логичная интерпретация какой-либо проблемы в массовом сознании»²⁴. Цвиллинг при помощи вербальной конструкции начинает формировать новые мифы-интерпретации для нового «воображаемого сообщества».

Наконец, завершающая часть в заметке Цвиллинга выводит нас на еще один обязательный элемент праздничной культуры — ее тесную связь с феноменом сакральности. На эту тему со времен Э. Дюркгейма (Émile Durkheim; начало XX в.) написано много. Для примера приведем рассуждения М. Озуф (Mona Ozouf), чья работа о праздниках революционной Франции стала классической. Описывая становление новых ри-

туалов и церемоний конца XVIII в., исследовательница показывает, насколько тяжело и мучительно переживался французами отказ от христианских ценностей (и народом, и самими творцами революции). Поэтому потребовалось прибегнуть к стратегии, которую Озуф обозначила как «перенос сакральности»: замещение старых элементов веры новыми при сохранении самого феномена веры:

В мире, где христианские ценности утрачивают смысл, важнее всего потребность в сакральности. Общество, полагающее начало самому себе, должно освящать самый факт абсолютного начала. Тому, кто хочет основывать, научный взгляд не подобает; нельзя начать новую жизнь без веры²⁵.

В завершающей части своего текста большевик и атеист Цвиллинг вдруг обращается к «сказке донского казака о происхождении революционных знамен». И далее приводит библейский рассказ о готовящемся принять крестные муки Христосе, который утирает окровавленное лицо белоснежным полотенцем:

Так было сотворено первое красное знамя! Драгоценной кровью Человека, положившего душу «за други своя», окрасилось оно впервые в красный цвет. Наши знамена так же политы кровью и потом работников, положивших жизнь за международное братство всех трудящихся...

Конечно, Цвиллинг здесь действует с тех позиций, о которых писали Дюркгейм и Озуф. Он оценил ситуацию стратегически верно. Мы можем только догадываться, почему он вынужден был прибегнуть к христианским мотивам, а в качестве экзегеты упомянул донского казака. На Южном Урале казачество (оренбургское) имело большой вес и представляло собой потенциально враждебную для социалистов силу, поэтому, видимо, Цвиллинг решил сослаться на авторитетное мнение представителя данного сословия (как известно, самому Цвиллингу это не помогло, и через год он погиб от казачьей шашки). Ссылка на Христа — это, скорее всего, реакция большевиков на разговоры и, возможно, прямые вопросы в ходе проведения торжественных мероприятий. Впервые в большом количестве привлеченные к участию в них и состоявшие преимущественно из крестьян солдатские массы, видимо, не осознавали в полной мере нерелигиозный характер масштабных празднеств без крестного хода, икон и хоругвей. Пришлось «привносить сакральность» в такие мероприятия. Эту тактику будет использовать советская власть и позже в процессе трансформации старой и формирования новой праздничной культуры.

Завершая сюжет о Первом мае 1917 г. на Южном Урале, необходимо упомянуть еще об одном событии — жутком и трагичном, но очень важном для понимания самого феномена праздника. О нем сообщала «Союзная мысль» в развернутой редакционной статье (от 2 мая по старому стилю)

и отдельной заметке все того же Цвиллинга (от 6 мая). Двадцать третьего апреля в Троицке проходили приуроченные к 1 мая торжества — митинги и собрания. В самый разгар празднования разнеслась весть о разграблении винного склада. Митингующие бросились туда и увидели страшную картину:

Люди забыли свободу, люди забыли совесть и честь и великое светлое будущее... Как дикие звери, давя друг друга, казаки и солдаты, граждане и гражданки рвались за водкой. Хватали бутылки, четвертные и тут же, выбивая пробки, пили из посуды и тут же валились... А пьяные садились на тела спившихся и о их головы ударяли бутылками, выбивая пробки... Перепившиеся толпы граждан буянили на улицах... Пьяные казаки рубили друг друга, брат брата шашками.

Газета сообщает о более чем двухсот погибших, Цвиллинг приводит цифру в сто восемьдесят тел²⁶.

Не будем касаться вопроса о деталях, зачинщиках и участниках этого разгрома водочного склада. Редакция газеты «Союзная мысль» и Цвиллинг придерживались конспирологической версии о происках «темных сил» в лице бывших жандармов и прочей контрреволюционной «нечисти». Как бы кощунственно это не звучало, но произошедшее в Троицке можно рассматривать как еще один очень важный элемент любого праздника (наряду с мифологизацией, ритуализацией и сакральностью). Специалисты по праздничной культуре в изображении троцкого кошмара без труда увидят аналогию с классическими европейскими карнавалами, описание и объяснение смысла которых можно найти, например, у М. М. Бахтина²⁷. Французский философ и социолог Р. Кайуа (Roger Caillois) так определял сущность праздника:

Жизни размеренной, проходящей в повседневных трудах, мирной, скованной системой запретов, полной предосторожностей, когда мировой порядок поддерживается максимой *quieta non movere* [не трогать того, что покоится (лат.) — *Авт.*], противостоит кипение праздника. Даже если рассматривать только внешние его стороны, он являет собой одни и те же черты на любом уровне цивилизации. Праздник означает массовое участие возбужденного, шумного народа. Такие большие скопления чрезвычайно благоприятствуют возникновению и заразительному распространению душевной экзальтации, которая расстраивается в криках и жестах и заставляет людей бесконтрольно отдаваться на волю самых безотчетных импульсов²⁸.

Англо-американский антрополог В. Тернер (Victor Turner), изучавший ритуальные практики, в конце 1960-х гг. разработал схему их протекания, которую исследователи праздничной культуры объединили с карнавальными элементами и попытались выстроить алгоритм праздника с его динамикой. На выходе получилась схема «структура — антиструктура — структура»: в период торжества народ / человек на короткое время выходит из привычного ритма жизни (структуры) и пускается «во все тяжкие» (антиструкту-

ра), чтобы затем вновь вернуться к обыденности (вспомним изображение масленичных гуляний и возвращение к будням в фильме режиссера Н. С. Михалкова «Сибирский цирюльник», 1998)²⁹.

Троицкие события вполне укладываются в приведенную схему. Тем более что подобные пьяные погромы происходили в данное время по всей России, в том числе и в ходе первомайских празднеств³⁰. Местные власти в 1917 г. получили необходимый в будущем опыт, способствовавший минимизации негативных проявлений праздничного угара. Для примера: вот как описаны праздничные первомайские гуляния (антиструктура) в Челябинске в 1924 г.:

Группа молодых людей, ребят и девочек в красных платках, расположилась на берегу Миасса, они развели небольшой костер у самой реки, гармонист в рубашке косоворотке, подпоясанный узеньким ремешком, в сапогах, начищенных дегтем, широко развернул гармонь двухрядку и демонстранты, по-видимому, слегка подвыпив, дружно запели³¹.

В 1918–1919 гг. Челябинск и сопредельные территории оказались в гуще Гражданской войны. В такой ситуации было явно не до праздников, хотя в отдельных воинских формированиях проводились торжественные мероприятия по этому случаю³².

В 1920 г. в условиях окончания Гражданской войны и победы большевиков на основных фронтах один из советских руководителей, отвечавший за «культурное строительство» нарком просвещения А. В. Луначарский накануне 1 Мая высказал свою неудовлетворенность организацией советских праздников с точки зрения участия в них масс, их эмоциональной вовлеченности в торжества³³. Проекты, связанные с преданием праздникам не только дидактичности, но и карнавальности, отложенные в период Гражданской войны, вновь получили свое развитие в среде творческой интеллигенции, разрабатывающей различные варианты новых структур, форм и контентов советских праздников. В частности, такие драматурги и художники, как А. Пиотровский, М. Бродский, А. Зиновьев, предлагали сделать советский праздник не только политическим, но развлекательным, красочным и ярким явлением, по сути, «политкарнавалом» с участием народных масс, предполагающим не только демонстрации и митинги, но и зрелища с народными гуляньями³⁴. Такой подход к конструированию праздника предполагал соединение политического воспитания масс с их эмоциональной вовлеченностью в торжества.

И действительно, подобные идеи, хотя и частично, воплотились в праздниках, проходивших в начале 1920-х гг. в Москве и Петрограде. Во время первомайского праздника помимо традиционных демонстраций и митингов здесь устраивались военные парады, церемонии принятия военной присяги, массовые субботники и настоящие карнавальные шествия с макетами и чучелами, инсценировками, пантомимами на движу-

щихся платформах, проходили народные гулянья с музыкальным сопровождением³⁵.

Судя по содержанию челябинской газеты «Советская правда», в 1926 г. первомайский праздник в городе проходил под следующими лозунгами: крепить «союз рабочего класса и крестьянства» под руководством партии большевиков; бороться за «мировую коммуны»; усиливать военную мощь страны и повышать ее обороноспособность. На первой странице газеты был напечатан красным (праздничным) цветом большой портрет В. И. Ленина и ниже приведен текст его прокламации, написанной к 1 мая 1896 г., что говорит о доминировании в советском дискурсе культа умершего два года назад вождя. Главными враждебными силами, исходя из материалов газеты, представлены буржуазия капиталистических стран, а также их союзники и «предатели рабочего класса» социал-демократы, пытавшиеся в годы мировой войны даже бойкотировать первомайский праздник. Помимо этого враждебной стороной признается православная церковь с ее главным праздником Пасхи, которую также отмечают весной. Поэтому первомайский праздник, по замыслу большевиков, должен был противостоять церковному торжеству и искоренить религиозную дух Пасхи. В качестве рекомендации для докладов пропагандистов в газете указывалось:

Первое мая — праздник трудящихся, идущих по стопам науки, должен заменить пасху — праздник старого, отжившего мира, мира эксплуатации и народной темноты³⁶.

Каков был сценарий праздника на улицах и площадях Челябинска, газета, к сожалению, не сообщает. Однако можно предположить, что в отличие от столичных центров здесь мало экспериментировали и опирались на традиционные формы — демонстрацию и митинг. Но при этом мог быть устроен небольшой военный парад, поскольку в городе и округе стояли воинские части. Такая ситуация, скорее всего, была обусловлена ограниченностью ресурсов и отсутствием в Челябинской губернии большого количества профессиональных кадров в сфере драматургии и искусства.

Таким образом, процесс превращения первомайского праздника из нелегального в дореволюционной России в один из главных государственных праздников послереволюционной страны отличался мифологизацией, ритуализацией и сакрализацией смыслов, направленных прежде всего на утверждение идеологии классовой борьбы, легитимации советской власти и воспитание человека «новой формации». Первое послереволюционное десятилетие, когда власти предоставляли широкий простор для импровизации, отличалось поисками новых идей, канонов и форм праздничной культуры с широким участием народных масс. Однако эти массы, опираясь на свой прежний жизненный опыт, представляли

праздник по-своему. В их понимании за церемониальной частью любого праздника с ее сакральным смыслом должны были обязательно следовать народные гулянья с алкоголем, обильными закусками, музыкой, танцами и другими развлечениями, чтобы таким образом люди могли отдохнуть и отвлечься от будничной жизни. В отличие от центра и столичных городов, Первомай на Южном Урале, в частности в Челябинске, не отличался большими новациями, и традиционными церемониальными формами здесь оставались демонстрация и митинг. Только лозунги к празднику менялись в зависимости от актуальной политической повестки. Однако процесс предания первомайскому празднику нового содержания, но с опорой на старые представления и традиции, коснулся и челябинских обывателей, которые должны были стать «воображаемым сообществом» советских граждан.

Примечания

¹ Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда, проект № 26-28-20086. URL: <https://rscf.ru/project/26-28-20086/>

² Союзная мысль. Челябинск, 1917. 18 апр. (1 мая).

³ Концепция Б. Андерсона (Benedict Anderson), сформулированная в его книге «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» (1983), в которой нация рассматривается как социально сконструированное сообщество людей, воспринимающими себя как его часть.

⁴ Ленин В. И. Рабочий праздник 1-го мая (19-го апреля по нашему) // Ленин В. (В. Ульянов). Собрание сочинений. М., 1924. Т. 1. С. 293–295.

⁵ Подробнее см.: Годунов К. В. «Красная Пасха»: празднование годовщины Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб., 2023. С. 21–31.

⁶ Жигульский К. Праздник и культура. Праздники новые и старые: размышления социолога [1981] : пер с пол. М., 1985 ; Geldern von J. Bolshevik festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993 ; Plaggenborg S. Revolutionskultur: Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln, 1996 ; Petrone K. Life has become more joyous, comrades: Celebrations in the time of Stalin. Bloomington (Ind.), 2000 ; Rolf M. Das sowjetische Massenfest. Hamburg, 2006. См. также историографические обзоры: Малышева С. Ю. Праздничная культура российской революции в современной зарубежной историографии: советские «революционные празднества» 1917–1920-х годов // Clío moderna: Зарубежная история и историография : сб. науч. ст. Вып. 3. Казань, 2002. С. 120–138 ; Она же. Раннесоветская праздничная культура (1917–1920-е гг.): основные этапы и тенденции изучения // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. СПб., 2003. № 2 (4). С. 3–15 ; Шаповалов С. Н. Государственные праздники в Советском Союзе: зарубежный опыт исследования // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3–4. С. 225–232.

⁷ Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005 ; Барышева Е. В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М., 2020 ; Годунов К. В. Указ. соч.

⁸ Полищук Н. С. У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. № 6. С. 4.

⁹ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Petrone K. Op. cit. P. 4.

¹² См. например: Малышева С. Ю. Советская праздничная

культура в провинции ... ; Котылева И. Н. Праздничная культура Европейского Северо-востока России в 1918 г. — начале 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005 ; Деканова М. К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX — первой трети XX в.: центр и провинция : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009 ; Шаповалов С. Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011 и др.

¹³ Мордасова М. А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005.

¹⁴ Попов А. А., Ракитин И. Г. Ступеньки из прошлого: Первомай в Челябинске: серия 24. Челябинск, 2017.

¹⁵ См. обзор: Рольф М. Указ. соч. С. 13–20.

¹⁶ Гельдери Дж. фон. Праздники большевиков: 1917–1920 : пер. с англ. СПб., 2026 ; Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 290–310 ; Рольф М. Указ. соч. С. 69–115 ; Кустова Э. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101) С. 57–77.

¹⁷ Первое мая в документах и свидетельствах современников. 1886–1918 / под ред. М. А. Заборова. М., 1989. С. 214–217.

¹⁸ Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 94– ; Байбури А., Пиш А. Счастье по праздникам // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 240.

¹⁹ Союзная мысль. 1917. 18 апр. (1 мая).

²⁰ Стоит отметить, что челябинская «Союзная мысль» была создана на пожертвования крестьян, пользовалась у них огромной популярностью и в указанный период позиционировала себя как «народная социалистическая газета» близкая по духу к партии эсеров (см.: Коваль И. И. «Союзная мысль» // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 6. С. 221).

²¹ Союзная мысль. 1917. 18 апр. (1 мая).

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Барт Р. Миф сегодня [1957] // Мифологии. М., 2008. С. 265 ; Флиер А. Я. Миф как универсальный контекст интерпретации культуры // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 725.

²⁵ Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799 : пер. с фр. М., 2003. С. 388–389.

²⁶ Челябинск 2 мая // Союзная мысль. 1917. 2 мая ; Цвиллинг С. М. Пьяные кошмары // Там же. 6 мая.

²⁷ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

²⁸ Кайуа Р. Человек и сакральное // Миф и человек. Человек и сакральное : пер. с фр. М., 2003. С. 218.

²⁹ Тернер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура // Символ и ритуал. М., 1983. С. 104–264 ; Абрамян Л. А., Шагоян Г. А. Динамика праздника: структура, гиперструктура, антиструктура // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 37–47.

³⁰ См., например: Нарский И., Хмелевская Ю. «Упоение» бунтом в Русской революции (на примере разгромов винных складов в России в 1917 году) // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 259–281 ; Марченко П. П. Зеленый змей и Красная смута: пьяные погромы как орудие политической борьбы в 1917 году // Исторические записки. 2016. № 16 (134). С. 261–296 ; Нарский И. В. Посреди Гражданской войны. Повседневная жизнь населения Урала в 1917–1922 годах. СПб., 2025. С. 186–209.

³¹ Попов А. А., Ракитин И. Г. Указ. соч. С. 10.

³² О Первомае в Верхнеуральске см.: Там же. С. 5–6.

³³ Луначарский А. О народных празднествах // Вестник театра. 1920. № 62. С. 4.

³⁴ Первое мая : сб. материалов для клубов / под ред. Я. Нептупской. Л., 1925. С. 26–44.

³⁵ Шелапин К. 1-е мая в России. От первого празднования до 1923 г. Л., 1924. С. 77–102 ; Зиновьев Г. Новое в нашем первомайском празднестве // Первомайская хрестоматия / сост. С. Н. Валк, А. А. Шилов. Л., 1924. С. 202–206.

³⁶ Советская правда. Челябинск, 1926. 1 мая.

С. А. Сергеев

Изъятие церковных ценностей в городских горнозаводских приходах Южного Урала (на примере Златоустовского уезда Уфимской губернии)

Одним из важных аспектов изучения истории Русской православной церкви первой половины 1920-х гг. является вопрос интеграции ее структурных элементов в новую социально-политическую систему. В этот период на фоне завершения советским правительством реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» остро встал имущественный вопрос, тесно связанный с изъятием церковного имущества и материальных ценностей для нужд нового государственного строительства. Формально он нашел свое выражение в постановлении ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих»¹. Этот законодательный акт стал основой для проведения конфискационной кампании в масштабах всей страны. Для православных приходов горнозаводского Южного Урала кампания стала серьезным испытанием на прочность, так как в предшествующий период (1917–1919) они избежали масштабных конфискации.

Следует отметить, что тема изъятия церковных ценностей широко изучена на федеральном и региональном уровнях: рассмотрены мотивы кампании и судьба имущества². В уральской историографии сложились две оценки: как решительный удар по Церкви и как мирная конфискация без открытого противостояния³. Их сопоставление на материале двенадцати городских приходов Златоустовского уезда Уфимской губернии позволит восстановить реальную картину событий и определить фактический ущерб религиозным учреждениям.

Основными источниками в исследовании выступали документы фонда Р-38 «Отдел управления исполнительного комитета Златоустовского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Златоуста Уфимской губернии (с 1922 г. — Челябинской губернии) (1918–1923)» Архива Златоустовского городского округа.

Оставив за скобками особенности и этапы организации изъятия ценностей в Златоусте и уезде, рассмотрим итоги кампании и ее последствия для крупных приходов. Весь процесс изъятия ценностей прошел в два этапа. Сначала, с 26 по 28 апреля 1922 г., конфискационные комиссии работали в Златоусте, затем в уезде⁴. Весь процесс был завершен 26 июля 1922 г.⁵

Результатом проведенной инвентаризационной работы в храмах городских горнозаводских приходов было выявлено 297 серебряных пред-

метов⁶ (табл. 1). Из них конфискационным комиссиям удалось изъять 224 единицы, что составило 75 % от общего количества выявленных ценностей. Общий вес изъятых предметов составил примерно 6,41 пуда, или 105,2 кг, что составило 13 % от всей массы изъятых ценностей по губернии (около 50 пудов, или 819 кг; табл. 2).

Из этого числа больше всего ценностей дали приходские храмы Златоуста — около 7 %. Также шесть городских приходов Златоуста обеспечили более половины массы (53 %) всех собранных ценностей из городских религиозных учреждений разных конфессиональных принадлежностей и 20 % от городских и уездных религиозных учреждений. В то же время на долю шести приходских храмов Саткинского, Кусинского и Юрюзанского заводов пришлось большая часть собранных ценностей из волостей, к которым они принадлежали, что составило 49, 83 и 77 % соответственно (табл. 3).

При персональной оценке каждого прихода наименьшая разница между выявленными и изъятими предметами наблюдалась в Свято-Троицком соборе и Иоанно-Златоустовской церкви Златоуста, а также в Вознесенской и Христо-Рождественской церквях Юрюзанского завода. В последней из 41 выявленного ценного предмета были изъяты все и дополнительно к ним 21 комплект священнического и дьяконского богослужебного облачения (риз, епитрахиль, поручи, пояса, стихари и орари).

По данным итогового отчета уездной комиссии, из пяти занесенных в него замечаний лишь в одном были отмечены приходы Иоанно-Златоустовской и Трех-Святительской церквей Златоуста. В замечании указывалось несоответствие перечня выявленных ценностей инвентарным описям, составленным ранее⁷.

Между тем документальные свидетельства процесса — акты изъятия ценностей — раскрывают совершенно иную, противоречащую официальной версии картину. Из 12 проверенных приходов только три не получили замечаний. В десяти приходах представители приходских советов предъявили комиссиям претензии и жалобы. Все они касались оставления на учете тех или иных богослужебных предметов, евхаристических сосудов или замены их на серебро. Наиболее жесткий протест был выражен настоятелем Свято-Троицкого собора протоиереем Гавриилом Серезенко, церковным старостой и председателем приходского совета. Они в ультимативной форме протестовали против оставления на

учете только одного набора евхаристических сосудов, а также изъятия незначительной по весу серебряной обложки напрестольного евангелия. Особо отмечалось нарушение процедуры изъятия, так как она проходила без согласия общего собрания прихожан, а от членов приходского совета не были приглашены и допущены уполномоченные лица⁸.

Приходской совет и прихожане Христо-Рождественской церкви Юрюзанского завода, не добившись от волостной комиссии удовлетворения своих жалоб, уполномочили церковного старосту Михаила Петровича Жилова отправиться вместе с обозом в Златоуст и выйти с ходатайством перед уездной комиссией по изъятию ценностей о возвращении нескольких предметов: большого Евангелия художественной работы, напрестольного креста, хотя бы одного целого потира (взамен оставленного с трещиной), пасхального трикирия и по одному комплекту священнических и диаконских облачений. В случае неудачи приходской совет обещал старосту за это не преследовать⁹. При сравнении акта изъятия, квитанции и описи отправляемых в Уфу предметов видно, что из всех указанных предметов старосте удалось вернуть обратно только Евангелие, но без серебряной обложки, украшенной 145 камнями¹⁰. Посчастливилось и приходу Петро-Павловской церкви Златоуста. Ему удалось вернуть одну дароносицу, требование о которой было занесено в акт изъятия¹¹. Уездная комиссия не удовлетворила просьбу актива Трех-Святительской церкви — отказалась возвращать большое напрестольное Евангелие, имеющее историческую и художественную ценность. Оно было упаковано вместе с другими предметами в ящик № 3 и 22 июня отправлено в Уфу¹².

При исследовании ущерба, нанесенного кампанией по изъятию церковных ценностей горнозаводским приходам, представляется целесообразным пересмотреть традиционные методологические подходы к его оценке. Как правило, исследования этого вопроса концентрируются на количественных показателях и стоимостной оценке конфискованного имущества. Мы предлагаем акцентировать внимание на анализе функциональной незаменимости утраченных предметов в осуществлении богослужебной деятельности. Речь идет об евхаристических сосудах, необходимых для совершения центрального христианского богослужения — литургии. Из общего числа изъятых предметов (224 шт.) таких было 48 % (108 шт.)¹³. Традиционно к евхаристическим сосудам относят: чаши (потир), звезды, диски, ложечки для причащения мирян (лжицы), дарохранильницы (ковчеги для хранения ранее освященных Святых Даров)¹⁴. Также при совершении литургии используются тарелочки (для приготовления просфор), небольшие ковши

(для вливания в чашу вина и горячей воды). Необходимой утварью являются и дароносица (миниатюрный ящик с потиром, емкостью для заранее заготовленных Святых Даров, пузырьком для вина и лжицей), используемые для причащения больных и слабых здоровьем прихожан.

Отсутствие нужного количества евхаристических сосудов фактически останавливало богослужебную деятельность храма, центром которой было служение литургии. Именно на этот факт обращали внимание комиссий священнослужители Трех-Святительской церкви и Свято-Троицкого собора Златоуста, присутствующие при изъятии. В первом случае отмечалась недопустимость оставления потира малого размера, так как из него можно было одновременно причастить только 50 человек, тогда как на богослужение приходило намного больше людей. Во втором случае указывалось на то, что с оставлением собору одного комплекта евхаристических сосудов станет невозможной 80-летняя непрерывная практика служения двух литургий — ранней и поздней, на которых причащалось большое количество верующих¹⁵. Сокращение количества богослужений порождало еще одну проблему — снижение поступлений пожертвований, что подводило приходы к новой грани выживания. В условиях же крайней нужды и бедности начала 1920-х гг. быстро найти или изготовить новые металлические евхаристические предметы было существенной проблемой. Особенно это касалось потиров (к тому же больших размеров), которые должны быть изготовлены из специального стойкого к коррозии материала (металла, дерева, камня или стекла). Как следует из данных актов изъятия, большинства евхаристических сосудов лишились все приходы, кроме Вознесенского в Юрюзанском заводе. Там был изъят только один серебряный ковш.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в контексте религиозного мировоззрения духовенства и верующих изъятие комиссиями евхаристических сосудов представляло собой духовное преступление¹⁶. Священные сосуды, несущие в себе глубокий символический смысл и связанные с важнейшими событиями в жизни Спасителя, являлись неотъемлемой частью богослужебного чина. Их изъятие воспринималось как кощунственное нарушение церковного устава. Все это порождало справедливое негодование со стороны рядовых верующих ко всем участникам мероприятия. В то же время, в отличие от ситуации в Пермской губернии, открытого конфликта не возникло¹⁷. Также местные верующие не прибегали к сокрытию церковных ценностей, в отличие от монахов Воскресенского монастыря Саткинской волости, которые, организовав походную церковь, успели вывезти ценности до начала их конфискации¹⁸.

Таблица 1

**Общие сведения о количестве изъятых ценностей
в храмах городских приходов Златоустовского уезда¹⁹**

№	Приходской храм	Количество выявленных предметов	Количество изъятых предметов	Вес (пуд — фунт — золотник)	Вес (кг), примерно	Оценочная стоимость (руб.)
<i>Златоуст (26–28 апреля)</i>						
1	Трех-Святительская церковь	20	16	1 — 16 — ½	23	14
2	Симеоновская церковь	39	27	0 — 13 — 87	5,7	13
3	Свято-Троицкий собор	21	20	0 — 31 — 21	12,8	11
4	Петро-Павловская церковь	34	22	0 — 17 — 12	7	9
5	Иоанно-Предтеченская церковь	17	10	0 — 16 — 62	6,8	8
6	Иоанно-Златоустовская церковь	5	4	0 — 6 — 11	2,5	4
Всего		136	100	3,52 пуда	57,7	59
<i>Саткинский завод (5 мая)</i>						
7	Рождество-Богородицкая церковь	23	13	0 — 10 — 2	4,1	—
8	Свято-Троицкая церковь	38	25	0 — 34 — 92	14,3	—
Всего		61	38	1,12 пуда	18,4	
<i>Кусинский завод (8–10 мая)</i>						
9	Казанская церковь	14	9	0 — 8 — 76	3,6	6
10	Христо-Рождественская церковь	43	35	0 — 27 — 24	11,2	10
Всего		57	43	0,9 пуда	14,8	16
<i>Юрюзанский завод (18 мая)</i>						
11	Христо-Рождественская церковь	41	41	0 — 33 — 60	13,75	15
12	Вознесенская церковь	2	2	0 — 1 — 1½	0,42	1
Всего		43	43	0,87 пуда	14,2	16
Итого по всем храмам		297	224	6,41 пуда	105,2	91

Таблица 2

Сведения о весе изъятых ценностей на территориях Златоустовского уезда²⁰

№	Территория	Вес (пуд — фунт — золотник)	Вес (кг), примерно
1	Губерния	Около 50 — 0 — 0	819
2	Город	6 — 25 — 67	108,8
3	Уезд	10 — 31 — 85	176,9
4	Город и уезд	17 — 17 — 60	285,7
5	Саткинская и Рудничная волости	2 — 11 — 2	37,3
6	Кусинская волость	1 — 3 — 43	17,81
7	Юрюзанская волость	1 — 5 — 26 ½	18,53

Таблица 3

**Сравнительные данные о количестве и массе изъятых ценностей
в храмах городских приходов Златоустовского уезда²¹**

Населенный пункт	Коли- чество прихо- дов	Количество предметов (шт.)		Доля изъятых ценностей из выяв- ленных (%)	Вес (примерно)		Доля в общем весе (%)				
		выяв- ленных	изъя- тых		пу- дов	кг	Губер- ния	Город	Город и уезд	Уезд	Волость
Златоуст	6	136	99	73	3,52	57,7	7	53	20	—	—
Саткинский завод	2	61	38	62	1,12	18,4	2,25	—	6,4	10,4	49
Кусинский завод	2	57	44	77	0,9	14,8	1,8	—	5,2	8,4	83
Юрюзанский завод	2	43	43	100	0,87	14,2	1,7	—	5	8	77
Итого	12	297	224	75	6,41	105,2	12,75	—	36,6	26,8	—

Таким образом, кампания по изъятию ценностей в городских приходах горнозаводского Южного Урала в целом укладывалась в общерегиональные рамки: затягивание сроков и отсутствие кровавых столкновений с духовенством. Особенности стали деликатность властей (замалчивание нарушений в отчетах, возврат части предметов) и щадящий режим — не изымались чтимые иконы и крестильные принадлежности. Однако качественный анализ показывает критический ущерб для богослужений: сократилось число литургий, ухудшилось экономическое положение приходов, что нанесло серьезный урон церковной организации.

Примечания

¹ О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих: постановление ВЦИК от 23 февр. 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. № 19. Ст. 217. С. 381–382.

² Например: *Иванов С. Н.* Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. Церковных ценностей // Вестник ПСТГУ. Сер. История. История РПЦ. 2015. № 5 (66). С. 36–60; *Худобородов А. А., Яшина М. А.* Изъятие церковных ценностей один из видов борьбы советской власти с Русской православной церковью (на материалах Уральского региона) // Известия АлтГУ. 2014. №4 (84). С. 237–241; *Беликова Н. Ю.* Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте формирования системы взаимоотношений государства с Русской православной церковью // Хризостом. 2022. № 3 (3). С. 17–26; *Пирогова Е. П.* О национализации церковного имущества на Урале // Вестник ЕДС. 2018. № 2 (22). С. 181–198; *Кривова Н. А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за

церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997.

³ *Худобородов А. А., Яшина М. А.* Изъятие церковных ценностей один из видов борьбы советской власти с Русской православной церковью (на материалах Уральского региона) // Известия АлтГУ. 2014. № 4 (84). С. 240; *Кривова Н. А.* Указ. соч. С. 75–99.

⁴ АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 320. Л. 7–10.

⁵ НАРБ. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 432. Л. 28; АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 320. Л. 256–256 об., 251–253.

⁶ Кроме выявленных и изъятых драгоценных предметов дополнительно были изъятые: из Симеоновской церкви Златоуста — 48 драгоценных камней (находились в венце иконы святителя Николая Чудотворца), из Христо-Рождественской церкви Юрюзанского завода — 21 комплект богослужебных облачений духовенства (священнических и дьяконских).

⁷ АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 320. Л. 256–256 об.

⁸ Там же. Л. 259–259 об.

⁹ Там же. Л. 29–29 об.

¹⁰ Там же. Л. 212 об., 221, 246.

¹¹ Там же. Л. 271, 273, 250.

¹² Там же. Д. 269, 252 — 252 об.

¹³ Там же. Д. 320. Л. 92, 95–95 об., 97, 134, 136, 221–222, 246, 250, 252–252 об., 253, 256, 266–266 об., 269–269 об., 273–273 об., 278–278 об., 281–281 об., 284–284 об.

¹⁴ *Цыпин В.* Каноническое право. М., 2009. С. 726.

¹⁵ АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 320. Л. 267 об., 259.

¹⁶ *Цыпин В.* Указ. соч. С. 726–727.

¹⁷ *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922: монография. Пермь, 2004. С. 304; АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 320. Л. 256 об.

¹⁸ АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 320. Л. 256 об.

¹⁹ Составлено по: АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 320. Л. 21, 97, 134, 136, 221, 232–232 об., 247–250, 263–263 об., 265, 266 об., 277–277 об., 278, 280, 281–281 об.

²⁰ Составлено по: АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 320. Л. 256–256 об.; *Нечаев М. Г.* Указ. соч. С. 308.

²¹ Составлено по: АЗГО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 320. Л. 21, 97, 134, 136, 221, 232–232 об., 247–250, 263–263 об., 265, 266 об., 277–277 об., 278, 280, 281–281 об.

Н. Н. Макарова

Система здравоохранения в Магнитогорске: становление и развитие в годы первых пятилетних планов

Историческое исследование состояния медицинского обслуживания населения Магнитогорска в годы первых пятилеток является актуальным ввиду значимости вопроса охраны здоровья жителей крупных промышленных центров, особенно в периоды интенсивного развития промышленности и урбанизации. В частности, изучение опыта организации системы здравоохранения в условиях быстро растущего промышленного центра представляет собой важный аспект анализа социальных последствий индустриального роста и способствует выявлению ключевых факторов, влияющих на здоровье трудящихся. Город Магнитогорск — крупнейшая стройка Советского Союза начала 1930-х гг. — столкнулся с множеством проблем. Одной из самых сложных стала проблема обеспечения медицинской помощью населения. Необходимо было решать текущие проблемы, связанные с высоким травматизмом и смертностью, бороться с эпидемиями, процветавшими на строительстве, а также разрабатывать стройную систему здравоохранения для горожан.

Вопросы здравоохранения и коммунального хозяйства 1920–1930-х гг. изучались довольно

обстоятельно в связи с неблагоприятной санитарно-эпидемической ситуацией в стране, при этом основной акцент делался на проблемах социальной гигиены и борьбе с антисанитарией. Период 1950–1980-х гг. характеризуется появлением разноплановой литературы о здравоохранении, медицине, гигиене и т. п. В исторических исследованиях этих лет проявилось стремление к активному накоплению конкретного материала и его осмыслению и одновременно обнаружилась приверженность историков к сугубо доктринальному, тенденциозному подходу в исследованиях. В 1990–2000-е гг. историческая наука постепенно перестала быть односторонней в своих оценках. Появились работы обобщающего характера, посвященные государственной политике в области здравоохранения, основанные на анализе широкого круга исторических источников. Изучению ситуации в крупнейшем индустриальном центре периода индустриализации Магнитогорске автором данной статьи посвящен ряд публикаций¹.

Цель настоящей работы заключается в комплексном анализе особенностей формирования и функционирования системы здравоохранения в Магнитогорске в конце 1920-х — начале

1930-х гг. Автор стремится представить объективную картину организационных мер и практических шагов, предпринятых властями для улучшения качества оказания медицинских услуг населению, а также выявить наиболее существенные трудности, возникшие перед системой здравоохранения в процессе стремительного строительства крупного металлургического комбината.

Исследовательской базой послужили разнообразные исторические источники, включающие официальную документацию государственных органов, личные архивные материалы участников событий, публикации в прессе тех лет. Исследование выполнено методом комплексного анализа документальных материалов, позволяющим осуществить реконструкцию процессов формирования и становления городской медицины. Использованы сравнительно-исторический метод и статистические приемы обработки архивных документов. Такой подход позволяет создать целостную картину изменений, происходивших в системе здравоохранения Магнитогорска, выявить динамику уровня заболеваемости среди населения, оценить роль руководящих структур и организаций в развитии инфраструктуры здравоохранения, раскрыть факторы, препятствовавшие эффективному медицинскому обслуживанию работников предприятий и членов их семей.

Сеть пунктов оказания первой медицинской помощи функционировала в Магнитогорске начиная с декабря 1929 г. и вплоть до образования городского отдела здравоохранения 15 апреля 1930 г. Стационарная помощь больным на территории станицы Магнитной оказывалась в больнице, рассчитанной на 25 койко-мест, включая пять акушерских. В июне 1929 г. в город прибыло медицинское подкрепление; врачом-хирургом стал П. С. Некрасов, под его началом трудились фельдшер М. П. Верховцев, медсестра А. А. Деметьева и санитарный врач И. С. Кливанский. Уже 14 августа была открыта первая городская аптека, а спустя два месяца в бараке на 5-м участке — инфекционное отделение («заразный барак») на 45 кроватей, руководителем которого стала Т. И. Белоусова. Осенью 1929 г. из-за притока большого числа рабочих, неудовлетворительных жилищных условий и нехватки медицинского персонала качество медицинских услуг значительно снизилось. К началу 1930 г. медицинский персонал города представляли всего четыре врача, оказывавших медпомощь населению численностью около 30 тыс. человек².

Создание отдела здравоохранения 15 апреля 1930 г. стало началом систематической политики в сфере медицинского обслуживания Магнитогорска. Согласно приказу от 14 июля 1930 г. для повышения эффективности и доступности медпомощи все медицинские учреждения города объединились в единую структуру — лечебно-профилактическое и санитарное объединение. Оно включало стационар с различными специализированными отделениями, амбулаторию с профильными специалистами, ряд медицин-

ских пунктов первой помощи, участковую медицинскую службу, санитарную организацию и отделение охраны здоровья матери и ребенка.

Рост численности жителей Магнитогорска обусловил потребность в дополнительном стационаре. По распоряжению от 10 января 1932 г. открылась временная центральная больница на Ежовке, рассчитанная на 800 мест. Инфекционный стационар на 350 коек оставался на 4-м участке. Хотя новая больница считалась временной, ее инфраструктура соответствовала стандартам начала 1930-х гг.: отдельные корпуса, инженерные коммуникации, включая электричество, водоснабжение и отопление. Частые перебои в энергоснабжении создавали неудобства для пациентов и персонала больницы. Об этом свидетельствуют воспоминания американского рабочего — первостроителя Магнитогорска Джона Скотта:

...Место это было не из приятных (речь идет о стационаре. — Н. М.), и я старался как-нибудь оттянуть свой следующий визит. Там было холодно и грязно. Медсестрами работали одетые в овчинные тулупы деревенские девушки, ставшие совершенно равнодушными к той боли и страданиям, которые они видели вокруг себя...³

В 1930 г. магнитогорский стационар получил специальное медицинское оборудование, которое считалось ценным даже в столичных городах: гальвано-фарадические диски, умформеры, кварцевые лампы, рентген-кабинет. Летом 1931 г. был открыт физиотерапевтический кабинет. Кроме того, на территорию больничного городка была переведена аптека⁴.

Ведущим звеном амбулаторной помощи являлись здравпункты в цехах заводов, на предприятиях и в школах. Особую роль пунктов оказания медицинской помощи осознавали не только в Магнитогорске, но и в целом в регионе, стране. В первой половине 1930-х гг. пункты первой помощи формировали практически на всех строительных объектах в городе. Основной целью их создания было оказание немедленной медицинской помощи травмированным рабочим:

В целях успешной борьбы с травматизмом и отравлениями на строительстве и эксплуатации Магнитостроя необходимо расширить сеть здравпунктов и вести учет травм...⁵

Следующее звено лечебно-профилактической сети Магнитогорска — скорая помощь, входившая до 13 января 1932 г. в сеть стационарной помощи. Приказом горздравотдела скорая медицинская помощь была выделена в самостоятельную административную единицу⁶. Магнитогорская скорая помощь имела несколько автомашин для оказания помощи в экстренных случаях, а также содержала конюшню для выезда к больным на дом. Особо следует указать на приказ по станции скорой помощи о выделении кареты для транспортировки инфекционных больных.

Данное мероприятие имело огромное значение при борьбе с эпидемиями в Магнитогорске⁷.

Особое внимание в городе уделялось охране материнства и младенчества, здоровью детей и подростков. Детская смертность в 1929–1931 гг. была высокой. Слабая жизнестойкость детей обуславливалась в значительной степени недоеданием. Истощение организма наблюдалось как у новорожденных, так и у беременных женщин. В 1930 г. каждый взрослый магнитогорец съедал в среднем в день 318 г хлеба, 30 г мяса, 65 г рыбы, 199 г крупы, 166 г овощей при суточной норме соответственно в 250, 100, 170, 300, 200 г⁸. Динамика показывает, что основными продуктами питания в городе являлись хлеб и крупы. Таких продуктов, как мясо, рыба, овощи, явно не хватало. Естественно, что ослабленный организм оказывался предрасположен ко всякого рода инфекциям. В результате большой процент детской смертности давали пневмония, туберкулез, грипп, корь, дифтерия, менингит. Обычные «детские» заболевания в антисанитарных условиях превращались в бич, от которого страдало и взрослое население города. В городе для детей первостроителей начиная с 1931 г. создавали сеть детских яслей. Однако посещаемость детьми яслей составляла 58–80 %⁹. Основными причинами невысокой посещаемости являлись: большой процент заболеваемости детей; текучесть рабочей силы; нечеткая постановка патронажной работы в яслях¹⁰.

Кроме ясельной сети задачи охраны здоровья младенчества осуществлялись детскими консультациями и молочными кухнями, роль которых сводилась к борьбе за снижение детской заболеваемости и смертности. В частности, консультации вели санитарно-просветительскую работу не только в консультациях, но и в бараках (беседы, консультации, школа для матерей). Тематика лекций и бесед определялась текущими проблемами (уход за ребенком, вскармливание детей, инфекционные и детские болезни, а также борьба с ними)¹¹. В 1934 г. в городе действовало более 20 яслей на 1290 мест, 9 детских консультаций, число посещений которых составило 68 тыс.¹²

Организация деятельности медицинских служб города сопровождалась значительным числом трудностей. В 1929–1935 гг. существовало множество проблем материально-бытового характера в системе здравоохранения. Во-первых, в Магнитогорске до 1932 г. отсутствовали помещения, пригодные для лечения больных. Первая временная больница на 175 коек размещалась в пяти бараках, причем хирургическое отделение располагалось совместно с родильным и гинекологическим¹³. Отдельные корпуса были отведены под терапию, инфекционное отделение и амбулаторию, а кухня, прачечная и контора сосуществовали в одном бараке. Число больных практически постоянно превышало число койко-мест¹⁴. Выводы, сделанные очередной инспекцией в центральной больнице в августе 1933 г., также оказались неутешительными. Во-вторых, снабже-

ние больниц медикаментами и бельем находилось в удручающем состоянии. В частности, в родильном отделении вместо требуемых на ребенка в день пятнадцати пеленок выдалось не более трех¹⁵. В-третьих, существовал острейший дефицит бинтов и лекарственных препаратов. Врачи вынуждены были выдавать жаропонижающие и противовоспалительные лекарства только в самых тяжелых случаях. Бинты использовались многократно. Были введены правила отпуска лекарств:

...Лекарства для больных, находящихся в отделениях стационара, выписываются из аптеки по рецептам, написанным врачом соответствующего отделения; рецепты для каждого больного пишется отдельно с обязательным указанием палаты и фамилии больного <...> поступают для визирования заведующему отделением стационара; перевязочный материал и спирт выписывать на определенный срок по строго установленным здраводелом нормам¹⁶.

В-четвертых, остро стояла проблема питания в больнице. Качество, а зачастую и количество, пищи, предлагаемой больным, было неудовлетворительным. В ходе проверки городской больницы в мае 1930 г. больные жаловались на «однообразие пищи, недостаточность порций, особенно хлеба»¹⁷. В-пятых, в амбулаториях на прием к врачу попасть было крайне сложно. Очереди в коридорах были огромные. С проблемой очередей в магнитогорской больнице столкнулся американский рабочий Джон Скотт:

Она (медицинская сестра. — Н. М.) велела мне прийти к определенному времени, когда в поликлинике царствовал специалист по удалению зубов. Я пришел на несколько минут раньше и обнаружил очередь...¹⁸

В этой связи актуален вопрос о качестве лечения магнитогорцев. Несмотря на передовые по тем временам возможности, наличие специального медицинского оборудования и лекарственных препаратов, число повторно заболевших горожан не сокращалось. Главной причиной повторной заболеваемости был низкий уровень жизни. Жилищная скученность, неразвитость социальной инфраструктуры, несбалансированное, а зачастую недостаточное питание порождало высокую заболеваемость.

Важным элементом становления системы здравоохранения в Магнитогорске являлась проблема кадров. Первоначально Магнитогорск испытывал острый недостаток в специалистах-медиках. В 1931–1932 гг. ситуация обострилась. С учетом численности населения города и роста посещаемости амбулаторий Магнитогорску в декабре 1931 г. было необходимо 340 врачей, а «на 16 декабря имелось 147 врачей, из них на работе — 122»¹⁹. Данные цифры свидетельствуют о том, что штат медицинских учреждений был перегружен и фактически не справлялся с работой. В 1931 г. на одного врача в среднем приходилось 667 пациентов. Для обычного города тех лет это был хороший показатель, но Магнито-

горск был новостройкой, на которую постоянно прибывали новые партии рабочих.

Эпидемии усиливали остроту проблемы нехватки медицинских работников. Для борьбы с ними создавались специальные экспедиции — санитарно-эпидемиологические отряды, которые приезжали в Магнитогорск в моменты наибольшей опасности. Работа велась совместно с Красным Крестом и студентами-медиками.

Влияние бытовых факторов оказывало существенное воздействие на отток медицинских работников из города. Направленные в Магнитогорск Наркоматом здравоохранения или облздравотделом специалисты оказывались в сложнейших условиях. Жилищный вопрос в Магнитогорске в первой половине 1930-х гг. стоял особенно остро, поэтому городской отдел здравоохранения организовал строительство общежитий и жилых корпусов специально для медработников. Предполагалось, что жилой городок будет располагаться на территории центральной больницы сразу после ее открытия. Однако возведение общежитий затянулось. Вплоть до лета 1933 г. щитовые дома не были достроены, «несмотря на всемерную помощь со стороны здравотдела»²⁰ и возможность ускоренного темпа возведения щитовых конструкций. Более того, не были отремонтированы бараки, в которых временно проживал медперсонал.

В условиях общего дефицита продуктов и карточного распределения горздравотдел проявил обеспокоенность относительно качества питания своих сотрудников и их здоровья. Была подготовлена система мер социальной поддержки сотрудников отдела здравоохранения города. В целях предупреждения заболеваний среди медперсонала были выработаны специальные правила контроля:

...Не реже одного раза в месяц <...> проводить телесные осмотры рядового состава; проводить систематический санитарный надзор за помещениями, кухнями, столовыми, закрытыми распределителями, местами общественного пользования штаба <...> проводя дезинфекции²¹.

Городской отдел здравоохранения организовал фонд самозаготовок, из которого периодически в столовую центральной больницы направляли дополнительную продукцию²². Уровень заработной платы медицинских работников в Магнитогорске был сравнительно невысок. В 1930 г. рядовой врач получал 225 руб. в месяц, а заведующий здравпунктом — 60 руб. Постепенно зарплата возрастала: в 1933 г. главврач центральной больницы получал 500 руб., заведующий здравобъединением — 355 руб.²³, рядовой врач — 320 руб.²⁴, но при этом увеличивался разрыв в зарплате начсостава и рядовых сотрудников медицинских учреждений. В качестве примера можно привести размер средней заработной платы медицинской сестры, который составлял в 1933 г. 65–70 руб. Неустроенность быта, большие нагрузки, сравнительно низкая заработ-

ная плата вели к тому, что многие вновь прибывшие специалисты, не прожив в Магнитогорске и одной недели, уезжали.

Для решения проблемы нехватки медицинских кадров в Магнитогорске в 1930–1935 гг. организовали многочисленные курсы подготовки медсестер, ассистентов санитарных врачей, дезинфекторов, акушерок и др. Требования к участникам различались: для одних достаточно было начального образования, другим нужен был аттестат об окончании семилетней школы. Продолжительность обучения колебалась от полутрех месяцев до полугода. Преподавателями выступали местные врачи и специалисты из крупных городов СССР. Благодаря учебным курсам в этот период в Магнитогорске подготовили около 900 младших и средних медработников. Высококвалифицированных специалистов регулярно отправляли на повышение квалификации. Врач-инфекционист А. А. Барышев дважды проходил обучение: сначала в Ленинградском институте, потом изучал особенности сыпного тифа в Боткинской больнице²⁵.

Таким образом, процесс становления системы здравоохранения в Магнитогорске отражал общесоветские тенденции, среди которых преобладали принципы классовости и категориальности по отношению к больным, развертывание специальных видов медицинской помощи и развитие фармакологии. В процессе формирования медицинских учреждений в Магнитогорске имели место как проблемы, так и достижения. Наиболее сложными явлениями указанного периода были трудности бытового характера: отсутствие помещений, дефицит медикаментов, кадровый голод. Однако большинство указанных сложностей было преодолено к началу 1935 г. Несомненными достижениями магнитогорской системы здравоохранения к 1935 г. стало использование новейших медицинских препаратов и оборудования, успешная борьба с инфекционными заболеваниями, а главным образом — успешное завершение процесса становления основных медицинских учреждений города и возможность магнитогорцев получать своевременную медицинскую помощь.

Примечания

¹ Семашко Н. А. Октябрь и здоровье крестьянина. М.; Л., 1930; Ковригина М. Д. Забота государства о матери и ребенке. М., 1946; Барсуков М. И. Великая Октябрьская Социалистическая революция и организация советского здравоохранения (октябрь 1917 — июль 1918). М., 1951; Захарова О. Д. Демографическая ситуация в СССР в 80-е годы // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 43–52; Здравоохранение России. XX век / ред. Ю. А. Шевченко, В. И. Покровский, О. П. Щепин. М., 2001; Христенко Д. Н. Советская сельская медицина довоенного периода в оценках отечественных и иностранных очевидцев // Quaestio Rossica. 2022. № 2. С. 629–645; За-травкин С., Вишленкова Е., Шерстнева Е. «Коренный перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // Quaestio Rossica. 2020. № 8 (2). С. 652–666.

² Подробнее см.: Макарова Н. Н. Магнитогорск как социокультурный проект советской власти. Магнитогорск, 2021; Она же. Из истории становления системы здравоохранения Магнитогорска (1929–1935) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19. С. 70–77.

³ Скотт Дж. За Уралом: американский рабочий в русском городе стали : пер. с англ. М. : Свердловск, 1991. С. 68.

⁴ Городской архив города Магнитогорска. Ф. 121. Оп. 2. Д. 3. Л. 8, 21.

⁵ Там же. Д. 6. Л. 23.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 27–28.

⁸ Расчет автора на основе: Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

⁹ Там же. Д. 34. Л. 47.

¹⁰ Там же. Л. 47.

¹¹ Там же. Л. 51.

¹² Там же. Д. 106. Л. 58, 60.

¹³ Там же. Д. 12. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 21.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Скотт Дж. Указ. соч. С. 142.

¹⁹ Городской архив города Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

²⁰ Там же. Д. 16. Л. 1.

²¹ Там же. Ф. 121. Оп. 2. Д. 6. Л. 47.

²² Там же. Д. 14. Л. 94.

²³ Там же. Л. 43.

²⁴ Там же. Л. 27 об.

²⁵ Там же. Ф. 455. Оп. 1. Д. 27. Л. 2 ; Д. 16. Л. 2, 3.

А. Г. Иванов, С. Е. Зацепин

Урал начала 1930-х годов в «Стальном фундаменте» Джефа Ласта: стиль пропаганды автора и дискуссии нидерландских левых

В первой половине 1930-х гг. Нидерланды представляли собой нетипичную для западноевропейского контекста политическую конфигурацию. Страна, географически и культурно тяготевшая к британской модели умеренного реформизма, одновременно располагала развитым левым и внутренне конкурентным левым полем. Три крупные силы делили это пространство, не совпадая ни по программе, ни по риторике: Социал-демократическая рабочая партия (SDAP) с ее газетой *Het Volk*, Коммунистическая партия Голландии (CPH), чьим печатным органом выступала *De Tribune*, и анархо-синдикалистское движение, представленное *De Vrije Socialist*. Каждое из этих изданий существовало в собственном читательском мире и апеллировало к различным представлениям о природе и путях социализма.

В этой ситуации советский эксперимент вышел за рамки предмета наблюдения¹. То, как нидерландские левые оценивали советскую индустриализацию, прямо определяло их позицию в отечественных спорах. Для *De Tribune* и *VVSU* (*Vriendenvande Sovjet-Unie*, организации-спутника CPH) СССР был живым доказательством состоятельности коммунистического пути. Для редакции *Het Volk*, придерживавшейся курса SDAP, советский опыт вызывал настороженность и требовал критической дистанции. *De Vrije Socialist* занимала позицию между интересом и скептицизмом: приветствовала антикапиталистический импульс, но отвергала государственный централизм. Именно в этом треугольнике разворачивалась нидерландская дискуссия о книге Джефа Ласта².

Джеф Ласт (1898–1972) — нидерландский поэт, прозаик и публицист, чья биография представляет собой последовательную траекторию политической радикализации. Выходец из буржуазной семьи, он сознательно порывает с классовым происхождением: бросает профессиональную карьеру, становится моряком, рабочим, а затем журналистом и лектором марксистского движения. Начав в SDAP, он последовательно левеет через RSP к Коммунистической партии Голландии, в которую вступает в 1932 г. Движущей си-

лой этого пути была личная убежденность в том, что литература должна стать основным орудием в классовой борьбе.

К моменту поездки на Урал Ласт уже работал в Москве над изданием пропагандистских материалов для Коминтерна. Этот биографический контекст принципиален: он отправляется на Урал не как нейтральный наблюдатель и не как турист, а как человек, органически встроенный в советский пропагандистский аппарат. Его политическая позиция предшествует поездке и с самого начала определяет угол зрения будущей книги. Это хорошо понимал и его главный критик, рецензент *Het Volk* Й. В. Маттейсен:

Ласт был участником того, что он сам называет интернациональной бригадой писателей, воодушевленных «пламенным стремлением к коммунизму, любовью к новому отечеству и восхищением перед героическим строительством». Тот, кто путешествует по Советской республике с таким грузом чувств, не является трезвым наблюдателем³.

Летом 1932 г. Ласт отправляется в поездку по Уралу в составе делегации иностранных писателей; маршрут составил, по подсчетам автора, около 2500 км. Среди спутников — французский поэт и сюрреалист Луи Арагон, венгерский писатель Александр Барт и несколько немецких авторов. Возраст участников делегации — от 34 до 36 лет. Все члены турне являлись людьми с устойчивыми левыми убеждениями и литературными репутациями.

Сам формат такой поездки был к тому времени институционализирован. Советская сторона использовала организованные визиты иностранных писателей как инструмент культурной дипломатии: маршруты прокладывались через объекты, призванные произвести наибольшее впечатление, строящиеся заводы, ударные стройки, детские учреждения. Делегация Ласта и Арагона прошла через Свердловск, Челябинск и Магнитогорск, побывала на ЧТЗ и уральских горных предприятиях, осмотрела колхозы и рудники в Златоусте. Визит был не импровизацией, а контролируемым нарративом о советском строительстве, предъявленным западным

авторам в расчете на последующее тиражирование.

Публикация книги по итогам поездки вписывалась в эту логику: Ласт создавал именно тот продукт, который ожидался от идейного «паломника». Вопрос, однако, в том, какими конкретными средствами этот продукт был изготовлен.

«Hetstalenfundament» вышел в 1933 г. в издании «Boekengemeenschap V.V.S.U.» книжного клуба при организации «Друзья Советского Союза». Уже сам издатель маркировал книгу как просоветский документ, до того как читатель открывал первую страницу. De Tribune представляла книгу читателям как «путевые заметки о поездке на Урал», публикуя отрывки из нее и добавляя: «Ниже мы публикуем отрывок из этих заметок, чтобы наши читатели уже сейчас могли составить себе представление о характере этого труда». Систематическая публикация фрагментов в течение июля — августа 1933 г., указывает на целенаправленную рекламную и агитационную кампанию VVSU вокруг книги⁴.

Структурно книга состоит из разделов, следующих логике дорожного репортажа: вступительное стихотворение, очерк о путешествии («2500 км по Уралу»), главы о Свердловске, ЧТЗ, сельском хозяйстве, Магнитогорске, Златоусте и т. д. Эта жанровая форма, путевой очерк, стратегически выгодна: она имитирует непосредственность впечатления и создает иллюзию незамедлительного, нефильтрованного свидетельства.

Первый и наиболее последовательный прием — статистика как риторика. Ласт насыщает текст цифровыми блоками: данные о росте коллективизации (с 1,1 % охваченных земель в 1927 г. до 37,5 % в 1931), о наращивании тракторного парка (с 30 тыс. машин в 1928 г. до 90 тыс. в 1931), о мощности строящегося ЧТЗ (40 тыс. тракторов тяжелой модели в год на полной мощности). Числа работают на Ласта, создавая ощущение верифицируемой достоверности и переводя идеологическое утверждение в факт. Показательно, что источники этих цифр в тексте не атрибутированы: читатель получает данные без возможности их проверить.

Второй прием — коллективный герой при умолчании индивидуальной судьбы. В отличие от «производственного романа» с его ударником-героем, Ласт намеренно растворяет индивидуальность в массе. Рабочие появляются в тексте как часть потока: бригада, смена, цех. Коллективный субъект не может быть опровергнут через судьбу конкретного человека. Там, где индивидуальные свидетельства все же появляются в диалогах с рабочими или иностранными специалистами, они немедленно встраиваются в обобщение, лишаясь частного измерения. Показателен в этом отношении эпизод с молодым рабочим-литератором из клуба строительных рабочих: его личная история, путь из сибирской деревни через землекопные работы к электросварке и публикациям в журналах, подана не как конкретная биография, а как воплощение уни-

версальной советской возможности. Кульминацией эпизода служит прямая речь самого персонажа, замыкающая его историю в обобщение: «Каждый человек здесь, в Советском Союзе, получает возможность вырасти». Индивидуальная траектория в этот момент окончательно растворяется в коллективном нарративе «перековки», и именно такое растворение, а не конкретная судьба, остается в памяти читателя.

Третий прием — управление умолчаниями. В 1932 г., когда Ласт объезжал Урал, страна переживала начало голода, который к 1933 г. унесет миллионы жизней. В тексте «Стального фундамента» этой темы нет. Зато есть сцена в поезде, где из уст молодого контролера упоминается нехватка продовольствия в вагоне-ресторане. Но автор мгновенно переводит взгляд читателя к возросшей социальной мобильности и возможностям для молодежи. Умолчание структурирует текст не менее активно, чем то, что в него включено. Маттейсен комментирует:

Это поэтическое видение счастливой России. Прозаическая действительность — это урчащий в животе голод, из-за которого тратят баснословные суммы на добавочное питание, и трехчасовое стояние в очереди.

Четвертый прием — эмоциональный нарратив как аргумент. Книга открывается стихотворением («Eerik U kende» — «Прежде чем я узнал тебя»), написанным в Брюсселе накануне поездки. Уже в первых строках Ласт обращается к СССР в апострофической форме (лично — «ты») и декларирует этот жест как осознанный политический выбор:

Теперь, когда я знаю тебя, страна созидания, теперь, когда я знаю врагов у твоих границ, теперь, когда я разгадал их хитрые замыслы и вижу, как острия их штыков направлены в твою грудь, и как каждая газета изрыгает на тебя клевету и ложь.

Лирическое вступление, обращенное к «стране строительства», задает эмоциональную рамку: СССР предстает не как объект исследования, а как объект любви.

Дальнейший нарратив движется в пространстве, уже окрашенном этим аффектом. Критик Блинксма из De Vrije Socialist точно описал эту конструкцию: Ласт открывает книгу стихотворением, в котором прославляет Советскую Россию как «страну социалистического строительства», и уже после этого «нарезанная на кусочки пропагандистская речь» встраивает любые наблюдения в заранее готовую рамку⁵.

«Стальной фундамент» появился в нидерландских левых изданиях еще до выхода отдельных рецензий, сначала в форме рекламы. De Tribune публиковала анонсы книги как «подарка» (eengedoeschen), предлагая ее читателям в качестве рождественского и новогоднего приобретения. В декабрьском номере Nieuwsblad van Friesland (29 декабря 1933) книга была включена в список рекомендаций к Новому году в один

ряд с классикой просоветской апологетики: «Red Bread» Мориса Хиндуса (1931) и «Zaren, Popen, Bolschewiken» Эгона Эрвина Киша (1927). Это соседство само по себе было риторическим жестом: помещая книгу нидерландского автора рядом с признанными образцами жанра, редакция вписывала ее в уже сложившийся канон «честных свидетельств» о СССР. Вскоре после этого, 5 декабря 1933 г., в газете *Algemeen Handelsblad* вышла отдельная рецензия на книгу, что свидетельствовало о ее резонансе за пределами узкого левого круга⁶.

De Tribune 3 октября 1933 г. публикует развернутый анонс за подписью А. т. М., где книга характеризуется как описание «социалистического строительства» («beschrijft de socialistische opbouw»), а тираж в 2500 экземпляров подается как свидетельство массового интереса⁷. Организационная инфраструктура VVSU обеспечивала книге не только издание, но и дистрибуцию: адрес для заказа («Nieuwe Heerengracht 17, Amsterdam») фигурирует в рекламных объявлениях наряду с расценками на другую просоветскую литературу.

Однако «Стальной фундамент» не стал бесспорным текстом нидерландского левого движения, и именно в этом его историческое значение как источника. Книга спровоцировала публичную полемику, которая обнажила линии разлома внутри самого этого движения.

Первым развернутым откликом стала рецензия Блинксмы-младшего в *De Vrije Socialist* (26 августа 1933). Анархо-синдикалистский критик принял книгу с оговорками:

Если книга является не только плодом фанатичного энтузиазма Ласта по отношению к большевизму, но действительно рассказывает правду о Советской России, то мы должны признать: там есть многое, чему нельзя не радоваться.

Но тут же добавлял:

Именно этот энтузиазм, эта любовь к труду укрепляют меня в убеждении, что рабочие без правительства, с меньшими жертвами могут создать идеальное устройство.

Критика была направлена не против книги как таковой, а против ее системных умолчаний: о государственном капитализме, о бюрократии, о милитаристском воспитании молодежи.

Главным полемическим узлом стала серия материалов в *Het Volk*. Рецензент Й. В. Маттейсен опубликовал три последовательных разбора (3, 10 и 17 октября 1933)⁸, в которых применял характерный двухуровневый метод: он признавал честность Ласта как наблюдателя, но систематически показывал, что тот же текст, читаемый внимательно, опровергает собственный энтузиазм автора. «Джеф Ласт не слеп и не глуп, — писал Маттейсен, — он не губка, которая, будучи погружена в воду, впитывает все без разбора. Джеф Ласт — поэт. Как бы далеко он иной раз ни уходил от действительности, когда его чувст-

во набирает полный ход, он не избегает непосредственного столкновения с неприглядными и отталкивающими истинами». Именно эти «неприглядные истины», хлебные очереди, 80-процентная текучесть кадров на заводах, «неуместный страх» учителей перед критикой начальства Маттейсен методично извлекал из текста самого Ласта и предъявлял как опровержение его же выводов.

Позиция *Het Volk* отражала курс SDAP на дистанцирование от советской модели и закономерного вызвала ответный огонь *De Tribune*, которая обвинила Маттейсена в «мелкобуржуазной узости» и «социал-фашистском яде»⁹.

Кульминацией стал ответ самого Ласта, опубликованный в *De Tribune* (декабрь 1933) в форме брошюры¹⁰. Ласт защищал оптику книги: он настаивал на том, что видел то, что существует, и описал это честно. Эта защита красноречива именно своей логикой: автор не полемизирует с конкретными фактическими претензиями Маттейсена, а апеллирует к личному свидетельству как неопровержимому аргументу. Риторика очевидца замыкает дискуссию прежде, чем она успевает стать аналитической.

Полемика в нидерландской прессе 1933 г. позволяет точнее определить, чем «Стальной фундамент» был как пропагандистский продукт и в чем состояло его значение. Прежде всего труд Джефа Ласта следует рассматривать как риторическую конструкцию, в которой факты подчинены идеологической рамке.

Книга не выполняла задачу убеждения скептиков: критики из *Het Volk* и *De Vrije Socialist* не были переубеждены. Ее функция была иной: она работала на консолидацию уже убежденных. Для читателей *De Tribune* и членов VVSU она давала то, что можно назвать «подтверждением извне»: нидерландский писатель, лично объехавший Урал, свидетельствовал, что строительство идет, заводы работают, рабочие живут. Личное свидетельство в этом контексте важнее статистических данных: оно апеллирует к доверию, а не к верификации.

Одновременно диспут, который книга спровоцировала, выполнял для левого движения структурирующую функцию: он обозначал границы между тремя течениями, коммунистическим, социал-демократическим и анархо-синдикалистским, и воспроизводил их в публичном пространстве. «Стальной фундамент» стал поводом для спора о том, что значит «честное свидетельство» и кто вправе судить о советском эксперименте.

Примечания

¹ Иванов А. Г., Голубицкая Е. С., Трофимов А. Е. «Цитадель мирового пролетариата»: Магнитострой на страницах американской левой печати начала 1930-х годов (по материалам газеты *Daily Worker*) // Архив в социуме — социум в архиве: материалы восьмой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2025. С. 109–112; Иванов А. Г., Гридяков Д. М. Магнитогорск в пропагандистских

нарративах немецкой периодической печати 1930-х годов // Петровские образовательные чтения. Духовно-нравственные ценности в современном российском обществе в свете 80-летия Великой Победы : сб. науч. тр. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Магнитогорск, 2025. С. 104–110 ; *Они же. Магнитострой в периодической печати Германии и Испании 1930-х гг.* // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тез. докл. 84-й Междунар. науч.-техн. конф. Магнитогорск, 2026. С. 139 ; *Иванов А. Г., Зацепин С. Е.* Западные «пилигримы» на I съезде писателей 1934 г.: функции иностранных писателей в советской пропаганде // Научная мысль: традиции и инновации : сб. науч. тр. VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2026. С. 280–284.

² Last J. Het stalen fundament: 2500 km door den Oeral. Amsterdam : Boekengemeenschap V.V.S.U., 1933. 260 s.

³ Matthijsen J. W. Eendichter in Rusland. Poëzieproza van Jef Last. Communistische beschouwing der waarheid // Het Volk. 1933. 3 okt. URL: <https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:011119242:mpeg21:a0133>

⁴ Last J. Op. cit. ; Matthijsen J. W. Eendichter in Rusland. Poëzieproza van Jef Last. Communistische beschouwing der waarheid // Het Volk. 1933. 3 okt. URL: <https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:011119242:mpeg21:a0133> ; Een reis door de Oeral. Kinderziekenhuizen in de Sowjet-Unie. Zoo was het ook // De Tribune. 1933. 16 aug. URL: <https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:010464392:mpeg21:a0047>

[delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:010464392:mpeg21:a0047](https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:010464392:mpeg21:a0047)

⁵ *Blinxma Jr.* Het stalen fundament // De Vrije Socialist. 1933. 26 aug. (Oogstmaand 1933). URL: <https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=MM1ISG07:000793068:mpeg21:a00002>

⁶ Het stalen fundament // Algemeen Handelsblad. 1933. 5 dec. URL: <https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:010662700:mpeg21:a0177>

⁷ A. t. M. Op zwerftocht dwars door de Oeral. Het stalen Fundament beschrijft den socialistischen opbouw! // De Tribune. 1933. 3 okt. URL: <https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:010464154:mpeg21:a0053>

⁸ Het korteverhaal. De kleine groeit // De Tribune. 1933. 27 juli. URL: <https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:010464392:mpeg21:a0047> ; De Russische kinderkinderhuizen. Een bezoek aan een kinderkinderhuis in den Oeral. De kinderen kunnen nog groeien zonder belemmeringen // De Tribune. 1933. 19 juli. URL: <https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:010464392:mpeg21:a0047>

⁹ *Matthijsen het boek van Jef Last.* Kleinburgerlijke benepenheid sociaal-fascistisch gif // De Tribune. 1933. 17 oktober. URL: <https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:010464174:mpeg21:a0027>

¹⁰ Twee belangrijke brochures. Jef Last antwoordt Matthijsen // De Tribune. 1933. 12 dec. URL: <https://www.delpher.nl/nl/kranten/view?identifier=ddd:010464214:mpeg21:a0031>

А. Г. Иванов, К. Д. Стрикунов

Трансформация Урала в 1930-е годы в оптике Маргарет Бурк-Уайт

В начале 1930-х гг. советский Урал переживал беспрецедентную трансформацию. Форсированная индустриализация, развернутая в рамках первой пятилетки, превратила некогда периферийный регион в центр мирового внимания. Строительство Магнитогорского металлургического комбината, Челябинского тракторного завода, освоение новых угольных и нефтяных месторождений — все это происходило в то время, когда Соединенные Штаты и Западная Европа переживали тяжелейший экономический кризис. Контраст между Великой депрессией на Западе и кипящими стройками на Урале привлек в регион десятки иностранцев. Среди них была Маргарет Бурк-Уайт. Ее репортажи, фотографии и мемуары стали уникальным свидетельством эпохи.

Маргарет Бурк-Уайт занимает особое место среди американских журналистов, освещавших советскую индустриализацию. К моменту первой поездки в СССР в 1930 г. она уже имела репутацию одного из ведущих промышленных фотографов США. В 1929–1930 гг. по заказу журнала *Fortune* она снимала строительство небоскреба Chrysler Building в Нью-Йорке, вела фотосъемку на сталелитейных заводах компании Otis Steel Company в Кливленде, работала на предприятиях по производству стекла и бумаги. Именно опыт съемки на высотных конструкциях и в действующих цехах, а также заработанная в этих проектах репутация «несокрушимой Мэгги» (Maggie the Indestructible) позволили Бурк-Уайт получить статус первого западного фотографа, которому советские власти официально разрешили съемку промышленных объектов.

В 1931–1932 гг. М. Бурк-Уайт совершила несколько поездок по СССР, результатом которых стали не только сотни фотографий, но и серия публикаций в газете *The New York Times*¹. В отличие от большинства других корреспондентов этого издания, писавших об Урале, Бурк-Уайт не была ни политическим аналитиком, ни экономическим обозревателем. Ее профессиональный инструментарий, а именно визуальные образы, дополненные текстовым комментарием, задавал принципиально иную оптику. Московский корреспондент Уолтер Дюранти, удостоенный Пулитцеровской премии за репортажи о пятилетке, фокусировался на макроэкономических показателях и политическом контексте². Джозеф Шейплен, также работавший в Московском бюро газеты, последовательно подвергал сомнению официальную советскую статистику и указывал на структурные проблемы планирования³. Элла Уинтер, британско-американская журналистка, в своих материалах для воскресных выпусков романтизировала работу американских инженеров на советских стройках как продолжение национальной традиции пионерства⁴. На этом фоне Бурк-Уайт занимала особую нишу — она обращалась к тому, что оставалось за рамками этих нарративов, а именно к повседневной жизни людей, вовлеченных в индустриальный эксперимент.

Исследовательский вопрос настоящей статьи может быть сформулирован следующим образом: какой образ советского Урала создавала Маргарет Бурк-Уайт в своих публикациях для *The New York Times* и чем ее оптика отличалась от оптики

других корреспондентов газеты? Для ответа на этот вопрос мы обратимся к трем ключевым источникам: ее книге *Eyes on Russia* (1931)⁵, в которой зафиксированы ее первые впечатления от поездки по СССР, а также двум статьям, опубликованным в *The New York Times* в 1932 г. — *A Day's Work for the Five-Year Plan*⁶ и *A Day in a Remote Village of Russia*⁷. Эти публикации, наряду с фотографиями, сделанными М. Бурк-Уайт в Магнитогорске и других промышленных центрах Урала, позволяют реконструировать уникальный авторский взгляд, который не укладывается в бинарную схему «апологетика и разоблачение» и требует более тонкой аналитической рамки.

Методологически работа строится на сочетании нескольких подходов, выработанных в рамках исторической науки и смежных дисциплин. При анализе текстуальных источников используется нарративный анализ, направленный на выявление структуры авторского повествования, ключевых тем и акцентов. Элементы контент-анализа применяются для выделения повторяющихся мотивов и лексических маркеров, формирующих определенный образ региона. При работе с фотографическим материалом мы опираемся на иконографический метод, позволяющий рассматривать визуальные источники не как иллюстрации к тексту, а как самостоятельные носители исторической информации, требующие анализа композиции, ракурса, светового решения и символических деталей. Книга *Eyes on Russia*⁸ привлекается в качестве фонового источника, позволяющего реконструировать эволюцию взглядов М. Бурк-Уайт на советскую действительность: от первых непосредственных впечатлений, зафиксированных в книге 1931 г., к более рефлексивным газетным публикациям 1932 г.

Первый приезд М. Бурк-Уайт в СССР состоялся в 1930 г. Его результатом стала книга *Eyes on Russia*, вышедшая в нью-йоркском издательстве *Simon and Schuster* уже в 1931 г. Она содержала как фотографии, так и путевые заметки. Урал занимал в ней значительное место. Бурк-Уайт посетила Магнитогорск, Челябинск, Свердловск и ряд более мелких промышленных пунктов. В книге она описывала строительство Магнитогорского комбината, фиксируя его промежуточное состояние: доменные печи еще не были завершены, бараки только заселялись, дороги представляли собой грязевые колеи. Она снимала рабочих на фоне строящихся конструкций, и именно в *Eyes on Russia* впервые были опубликованы ее знаменитые кадры магнитогорских домен, которые позже будут перепечатываться в американской прессе как визуальный символ советской индустриализации.

Существенно, что в книге М. Бурк-Уайт позволяла себе более откровенные суждения об увиденном. Она размышляла о парадоксах советского эксперимента, о контрасте между энтузиазмом строителей и тяжестью их быта, о роли

американских специалистов на стройке. Ее авторский голос звучал здесь свободнее, чем в последующих газетных публикациях⁹. Книга дает более полное представление о ее личном отношении к советскому проекту.

Сам факт выхода книги показателен. Книжный формат принципиально отличался от газетных публикаций: газетная статья живет один день, книга остается в библиотеках и частных собраниях. То, что Бурк-Уайт сочла советский материал достойным книжного издания, означало признание исторического масштаба происходящего на Урале. Для советской стороны это было подтверждением правильности выбора фотографа: ее книга становилась долгосрочным вложением в формирование образа СССР как страны, переживающей уникальный индустриальный подъем.

Вопрос о том, по чьей инициативе Бурк-Уайт оказалась на Урале, не является технической деталью. От ответа на него зависит понимание того, чьи интересы обслуживали ее публикации и какую функцию они выполняли в системе советско-американских отношений начала 1930-х гг.

Инициатива приглашения исходила от советской стороны, однако практическую организацию поездки взял на себя американский журналист Фредерик Ку, возглавлявший московское бюро *United Press*. Бурк-Уайт, шесть месяцев ожидавшая визу в Берлине, получила разрешение на въезд, во многом благодаря его связям среди американских дипломатов и советских чиновников. В книге *Eyes on Russia* она оставила Ку дарственную надпись, в которой признавала: «...без которого я бы, возможно, никогда не попала в Россию... или не смогла бы вывезти отсюда свои пленки». С советской стороны к организации визита был причастен Михаил Кольцов, журналист и общественный деятель, фактически выполнявший функции неофициального куратора иностранных гостей. Кольцов отвечал за взаимодействие с западной интеллектуальной элитой, и именно через таких людей, как он, советское руководство выстраивало систему приглашения и сопровождения иностранных журналистов и писателей, обеспечивая их лояльность и контролируя содержание публикаций. В публицистике встречается также утверждение, что разрешение на въезд М. Бурк-Уайт давал лично Иосиф Сталин. Прямых документальных подтверждений этому не обнаружено, однако версия представляется правдоподобной в контексте того, насколько тщательно Сталин контролировал визуальную репрезентацию СССР на Западе.

Выбор Бурк-Уайт в качестве фотографа был неслучаен. К тому моменту она уже зарекомендовала себя как одного из ведущих промышленных фотографов США, чьи работы публиковались в журналах *Fortune* и *Life*. Советской стороне требовался специалист, способный создать визуальный образ индустриализации, который был бы понятен и привлекателен для американской аудитории.

Цели, которые преследовала советская сторона, носили прагматический характер. Во-первых, СССР добивался дипломатического признания со стороны Соединенных Штатов (официально установленного лишь в 1933 г.). Публикации в ведущих американских изданиях, демонстрирующие масштаб и успехи индустриализации, должны были формировать у американской элиты образ СССР как перспективного экономического партнера. Во-вторых, советская промышленность остро нуждалась в импорте американского оборудования и технологий. Визуальное подтверждение того, что советские заводы строятся с участием американских фирм и по американским образцам, стимулировало интерес американского бизнеса к торговле с СССР. В-третьих, фотографии Бурк-Уайт работали как инструмент опосредованной рекламы: показывая грандиозные масштабы строительства, они убеждали американских производителей в том, что советский рынок является емким и платежеспособным.

Определенные результаты эта стратегия принесла. В августе 1931 г. *The New York Times* сообщила о планах Амторга отправить в СССР 6000 квалифицированных американских рабочих. В июне 1935 г. газета зафиксировала заключение контракта на поставку нефтеперерабатывающего оборудования на сумму 1 175 000 долларов. К марту 1935 г., как отмечал корреспондент Чарльз Иган, советский экспорт в США должен был удвоиться по сравнению с предыдущим годом, прежде всего за счет поставок золота и руды с Урала, а полученные средства направлялись на закупку американских товаров и оплату обязательств¹⁰.

Собственные цели Бурк-Уайт также заслуживают внимания. Для нее поездка в СССР была прежде всего профессиональным вызовом и возможностью расширить портфолио. Она получила беспрецедентный доступ к объектам, закрытым для других западных фотографов, что само по себе гарантировало эксклюзивность материала. Кроме того, ее привлекала сама тема индустриального строительства, которой она посвятила значительную часть своей карьеры. В отличие от многих журналистов, приезжавших в СССР с уже сложившимися идеологическими установками, Бурк-Уайт руководствовалась прежде всего профессиональным интересом.

Результаты этого сотрудничества были взаимовыгодными. М. Бурк-Уайт получила материал для книги *Eyes on Russia* и серии публикаций в *The New York Times*, укрепивших ее репутацию ведущего фотожурналиста. Советская сторона получила то, ради чего приглашала фотографа, — визуальную репрезентацию индустриализации, которая транслировала американской аудитории образ СССР как страны, переходящей от аграрной традиции к индустриальной современности.

Характер публикаций М. Бурк-Уайт, их тональность и профессиональный уровень получили положительную оценку советской стороны.

Результатом стало повторное приглашение, итогом которого явились две статьи в *The New York Times* в 1932 г. Если книга была результатом первой, во многом интуитивной встречи с СССР, то статьи 1932 г. показывают более зрелый и методичный подход: Бурк-Уайт уже не просто фиксирует впечатления, а целенаправленно выстраивает повествование вокруг конкретных людей и конкретных мест.

Статья «*A Day's Work for the Five-Year Plan*», опубликованная в воскресном выпуске *The New York Times* 22 мая 1932 г.¹¹, построена вокруг одного дня из жизни Михаила Павловича Милова, рабочего-каменщика на строительстве Магнитогорского металлургического комбината. Выбор героя показателен: Бурк-Уайт выводит на первый план не инженера, не партийного функционера и не американского специалиста, а рядового строителя из крестьян, лишь недавно прибывшего на стройку.

М. Бурк-Уайт намеренно фиксирует детали, которые оставались за рамками обзоров других корреспондентов. Описание барака дается через предметный ряд. Она перечисляет: «Иван на соседней койке — всего лишь комок под одеждой»; «слипшиеся волосы Миши свисают на его плотно закрытые глаза; слипшаяся борода ниспадает на пальто, заправленное под подбородок». В этом же ряду возникают Гриша с женой и отряд девушек-цементщиц, спящих в ряд на длинной деревянной полке, «их головы обернуты красными платками, чтобы согреть уши ночью», а также дается описание утреннего туалета: «У гусиной шеи, подвешенной на проволоке на внешней стене барака, он останавливается, чтобы ополоснуть лицо и руки водой». При всем этом Бурк-Уайт не дает никаких оценочных комментариев, а лишь максимально подробно, в литературной манере конструирует образ жизни советских людей на уральской стройке.

Также фотограф не игнорирует советскую пропаганду, но подает ее как неотъемлемый элемент быта, а не как самостоятельный предмет анализа. Плакаты, лозунги, транспаранты вплетены в описание физического пространства. «Солнечный свет пробивается сквозь щели в стене и вспыхивает красным на примитивных цветах плаката», — сообщает автор. И тут же приводит текст: «Да здравствует четырнадцатая годовщина октября; да здравствует надвигающийся мировой октябрь». Этот прием последовательно выдерживается на протяжении всего репортажа: «Столовая украшена транспарантом “Долой капиталистический труд, вперед, свободный социалистический труд”». Над входом в рабочий клуб выбито в бетоне: «Нам нужна культура», а ниже висит баннер: «Женщины должны быть чистыми и гигиеничными». В шахматной комнате Милов играет под плакатом, изображающим рушащийся нью-йоркский небоскреб и падающего в пустоту капиталиста, и подпись гласит: «Капиталистический мир рушится — пятилетний план забивает гвозди в гроб мирового капитализма».

Бурк-Уайт не высмеивает эти лозунги, но и не транслирует их как истину. Она лишь помещает их в бытовой контекст, где они выглядят одновременно и грандиозно, и оторвано от реальности.

Центральный эпизод статьи — производственное собрание каменщиков, на котором Милов выступает с инициативой перейти на «американский темп» кладки кирпича. Бурк-Уайт подробно воспроизводит ход собрания. Один из рабочих говорит: «Управление материалами не отправило вовремя больше кирпичей». Другой добавляет: «Кирпичи привезли, но вагоны еще не разгружены». Третий замечает: «Нам не хватает инструментов». Сам Милов выступает с конкретным предложением, ссылаясь на рассказ американского инженера: «В Америке рабочий кладет 120 кирпичей в час. Мне об этом рассказывал американский инженер». Он добавляет, что американцы «не так много разговаривают» и «кладут кирпичи и не останавливаются, чтобы поговорить». Эта отсылка к американскому опыту важна: даже на уровне рядового каменщика советская стройка осознает себя как ученика западной индустриальной школы. Собрание завершается голосованием, в ходе которого норма последовательно повышается до 140 кирпичей в час. Председатель подводит итог фразой: «Все, кто не поддерживает это предложение, поднимают руки». Бурк-Уайт приводит эту формулировку без каких-либо пояснений, предоставляя читателю самостоятельно оценить процедуру принятия решений.

При этом автор не смещает фокус с Милова на протяжении всего эпизода. Сразу после собрания она возвращает читателя к мыслям героя: «Больше всего он хочет узнать новости о своей лошади, которую он вырастил еще жеребенком. Лошадь “социализировали” вместе с остальным скотом его деревни». И несколькими строками ниже, уже от себя, добавляет: «Вероятно, лошадь мчится вместе с другими приученными к присмотру животными по обширной территории колхоза, и Милофф знает, что больше никогда не услышит о своей лошади». Эта деталь удерживает человеческое измерение в центре повествования. Бурк-Уайт показывает читателю жизнь и образ мысли простого человека с Урала на фоне таких крупных процессов, как индустриализация и коллективизация.

На протяжении всей статьи Бурк-Уайт воздерживается от прямых оценок. Она не пишет, хорош или плох советский эксперимент, не сравнивает Магнитогорск с Америкой, хотя ее герои постоянно делают это сами. В разговорах рабочих фигурируют «американский темп», загадочные «продукты для завтрака», которые «похожи на маленькие орешки, полые внутри», ванны «как в Америке». Бурк-Уайт лишь фиксирует эти разговоры, не добавляя собственного комментария.

Ее метод можно определить как эмпатическое наблюдение. Она следует за Миловым через весь его день — от пробуждения в бараке до воз-

вращения с женой под светом сибирской луны — и фиксирует увиденное с вниманием к деталям, которое выдает в ней профессионального фотографа. Финальный диалог Милова с женой возвращает читателя к центральной метафоре статьи, а именно к ванне как символу потребительского комфорта. Жена говорит: «И говорят, что у нас будут ванны, как в Америке». Милов отвечает: «Ванна — это же здорово! Какая это будет культурная особенность!» Эта сцена закольцовывает повествование: рабочий, который утром умывался из «гусиной шеи» на проволоке, вечером мечтает о ванне как о высшем достижении цивилизации. Для американского читателя 1932 г., для которого ванна была повседневной реальностью, этот контраст создавал мощный эмоциональный эффект, не требующий дополнительных комментариев.

Именно в этом контексте следует рассматривать настойчивое присутствие американской темы в статье о Милове. Упоминания о ванне как о достижении, сравнение темпов кладки кирпича с американскими нормами, ссылки на американского инженера как на источник знания — все это не случайные детали, а элементы сознательно выстроенного нарратива. Они должны были заинтересовать американское общество происходящим в СССР, показать, что советская индустриализация не чужда американскому опыту, а, напротив, опирается на него и тем самым открывает возможности для дальнейшего сотрудничества.

Вторая статья М. Бурк-Уайт, опубликованная в *The New York Times* в 1932 г.¹², посвящена не заводу, а Верхнеуральску, деревне, расположенной, как уточняет автор, «на окраине Сибири, в предгорьях Урала». Уже сам выбор темы показателен: в то время как другие корреспонденты газеты сосредотачивались на промышленных гигантах, Бурк-Уайт сознательно смещает фокус на то, что оставалось в тени индустриализации, а именно на жизнь крестьянства, которое продолжало составлять большинство населения страны. Это создает важный контраст, который работает на общую картину: индустриализация забирает из деревни молодых и сильных, а те, кто остается, вынуждены приспосабливаться к новым условиям коллективного хозяйства. Бурк-Уайт фиксирует этот переходный момент, когда старый уклад уже разрушен, а новый еще формируется.

Композиционно статья построена вокруг одного дня из жизни глухой деревни, однако М. Бурк-Уайт с первых же строк задает оптику, которая превращает бытовую зарисовку в историческое свидетельство. Центральным символом этого столкновения эпох становится рабоче-крестьянский клуб, разместившийся в здании бывшей деревенской церкви. Автор подробно описывает трансформацию пространства: «Золотой крест, до сих пор сияющий над обветренным зеленым куполом, парадоксальным пережитком на фоне новых революционных и атеистических

доктрин, которые здесь проповедуются». Внутри иконы уступили место бюсту Ленина, старая надпись «Господи, помилуй нас» сменилась лозунгом «Восстаньте, узники голода!», а портреты Сталина и Ворошилова заняли место изображений Мадонны и святых.

В этом же клубе происходит сцена, которая могла бы показаться комической, если бы не ее документальная точность. Двое крестьян из еще более отдаленной деревни слушают фонограф — «почитаемый символ новой культуры», как с легкой иронией замечает Бурк-Уайт. Реакция крестьян на звукозапись зафиксирована с почти этнографической тщательностью: ««Как такое возможно? Как из этой шкатулки может доноситься голос?». «Должно быть, в ней прячется человек»». Когда же включают пластинку с революционной песней в исполнении хора и оркестра, крестьяне окончательно теряются: «Один маленький человек может поместиться в этом маленьком месте, да. Но как целый оркестр может спрятаться в этой ложе?» Бурк-Уайт не высмеивает эту реакцию, а фиксирует ее как свидетельство культурного разрыва между городом и деревней, между «новой культурой» и традиционным крестьянским сознанием.

Как и в первой статье, М. Бурк-Уайт последовательно показывает, как идеология проникает в повседневность. В трансепте бывшей церкви собираются пионеры в возрасте от 10 до 16 лет. Серьезная председательница «с соломенными волосами, выбивавшимися из красного платка», объявляет о заключении договора по птицеводству. Бурк-Уайт приводит ее речь дословно: «Мы, пионеры, должны приложить все возможные усилия для дальнейшего развития массового птицеводства. Таким образом, мы поможем индустриализовать страну и завершить пятилетний план». Разведение кур подается как часть государственной политики, и автор фиксирует это без комментариев, предоставляя читателю самому оценить масштаб проникновения плановой риторики в детский быт.

В полях та же двойственность. М. Бурк-Уайт описывает жатву, где соседствуют орудия разных эпох: «Две лошади запрягаются в деревянные жатки; вместе с лошадьми работают восемь величественных, покачивающихся верблюдов». Тракторы, которых пока не хватает, сосуществуют с серпами и верблюдами, и этот зримый образ переходного состояния работает на главную идею статьи: новая культура распространяется неравномерно, а деревня сопротивляется ей не столько политически, сколько самим укладом своей жизни.

М. Бурк-Уайт тщательно фиксирует приметы нового, привносимого советской властью в деревенскую жизнь. Во время обеденного перерыва крестьянам раздают журналы и газеты. В более продвинутых районах, оговаривается автор, в полях устанавливают переносные радиоприемники для трансляции концертов и лекций. Вечером женщины отправляются в бывшую церковь на

курсы по ликвидации неграмотности, где 16-летняя девушка учит их читать. Бурк-Уайт описывает, как «искривленные руки, больше привыкшие к плугу и бороне, с неловкой серьезностью орудуя карандашами», и приводит текст, который крестьянки переписывают с доски: «Революция Красного Октября смела угнетение и несправедливость железной метлой». Идеологическое содержание урока подано как само собой разумеющееся, и автор вновь воздерживается от комментария.

Центральный драматический эпизод статьи — приезд Миши, младшего сына одной из крестьянок, который учится в Москве и возвращается в деревню на побывку. Его визит становится поводом для столкновения двух реальностей. Миша рассказывает о трамваях, парках культуры, фабричных детских садах. Он обещает, что скоро и в их деревне появятся врач и няни для ухода за детьми. Реакция деревенских жителей, зафиксированная Бурк-Уайт, варьируется от недоверия до открытой враждебности. Пожилая женщина кричит: «Мы матери. Мы родили и вырастили своих детей. У некоторых из этих мещестер никогда не было детей. Откуда они знают, что делать с младенцем?» Седовласый мужчина, в котором автор узнает кулака, выражает протест резче: «Я вспахивал свой участок пятьдесят лет, а теперь он попал в колхоз, где юноши, которые “учились”, пытаются указывать мне, как обрабатывать свою землю».

М. Бурк-Уайт дает слово и Мише, который отвечает пространной речью, построенной по всем правилам тогдашней советской риторики. Он напоминает о холерной эпидемии сорокалетней давности, когда крестьяне забрасывали врачей камнями, а те все равно спасли деревню. Он указывает на заросшую травой дорогу к дому священника и противопоставляет ей молодежь, которая «празднует вокруг стального коня», а также рисует картину будущего: «Когда новый тракторный завод выйдет на производство, каждые четыре минуты с конвейера будет сходить один трактор». Автор не разрешает этот спор и не подводит итог. Она фиксирует обе позиции, оставляя читателя перед лицом конфликта, который выходил далеко за пределы одной деревни.

Как и в первой статье, М. Бурк-Уайт остается в позиции наблюдателя. Она не оценивает коллективизацию, не защищает и не обличает советскую власть. Ее интересует другое: как живут люди в переходную эпоху, как они приспосабливаются к переменам или сопротивляются им, как в их повседневности уживаются старые привычки и новые лозунги. В первой статье этот метод был применен к рабочему Милову, во второй — к безымянным крестьянам глухой уральской деревни.

Анализ статей М. Бурк-Уайт был бы неполным без учета того обстоятельства, что их автор была прежде всего фотографом. Текст и изображение в ее работе не являлись независимыми

продуктами. Они создавались во время одних и тех же поездок и адресовались одной и той же аудитории. Это делает необходимым сопоставление двух регистров, в которых Бурк-Уайт фиксировала советскую действительность: вербального (газетные статьи) и визуального (фотографии, публиковавшиеся в *The New York Times*, а также в книге *Eyes on Russia*).

Фотографии М. Бурк-Уайт, сделанные в Магнитогорске в 1931–1932 гг., давно признаны классикой промышленного репортажа. Наиболее известные из них строятся вокруг контраста между гигантскими конструкциями и маленькими человеческими фигурами. Этот композиционный прием работает на создание образа индустриальной мощи, который в текстах Бурк-Уайт практически отсутствует. В статьях она намеренно избегает описания заводов как грандиозных сооружений, погружаясь вместо этого в быт барака, в разговоры за чаем, в подробности утреннего умывания. Фотография дает масштаб, текст дает детали. Вместе они создают объемную картину, в которой величие стройки и непритязательность быта не противоречат, а дополняют друг друга.

Особого внимания заслуживает прием, который Бурк-Уайт использует в фотографии, но не переносит в текст. На ее снимках рабочие часто изображены в момент остановки, краткого перебива, когда их фигуры застыли на фоне движущихся механизмов или дыма доменных печей. Это создает эффект среза человеческой жизни в контексте больших исторических процессов. В своих текстах аналогичного эффекта она добивается иными средствами, чередуя сцены труда и размышлений, производственные собрания и воспоминания о лошади.

При этом важно подчеркнуть, что сюжеты, разработанные М. Бурк-Уайт в статьях для *The New York Times*, носят самостоятельный характер и не дублируют книгу *Eyes on Russia*. Ни история Михаила Милова, ни репортаж о Верхнеуральске не вошли в книгу. Это уникальный материал, созданный специально для газеты.

Особого внимания заслуживает тот факт, что М. Бурк-Уайт в своих публикациях последовательно придерживалась нейтральной, безоценочной манеры подачи материала. Эта особенность была не просто проявлением профессионального стиля, но и прагматической стратегией, приносившей выгоду обеим сторонам.

Для Бурк-Уайт нейтральность стала очередным билетом в СССР. Отказ от политических оценок и идеологических комментариев делал ее удобным партнером для советских властей. В отличие от многих журналистов, чьи публикации варьировались от откровенной апологетики (как у Уолтера Дюранти, удостоенного Пулитцеровской премии за репортажи о пятилетке¹³) до критических разборов (как у Джозефа Шейплена, ставившего под сомнение советскую статистику¹⁴), Бурк-Уайт не представляла угрозы. Ее интересовали не политические выводы, а визуаль-

ные образы и человеческие истории. Именно поэтому она получила разрешение на повторные поездки и доступ к объектам, закрытым для других западных фотографов. Результатом стали не только книга *Eyes on Russia*, но и последующие публикации в *The New York Times*. Сам факт продолжения сотрудничества после выхода книги свидетельствовал о том, что советская сторона была удовлетворена характером публикаций.

Советская сторона, в свою очередь, получила в известной степени лояльного американского журналиста, чьи работы транслировали выгодный образ СССР без риска непредсказуемых оценок. М. Бурк-Уайт не нужно было инспектировать или цензурировать. Она сама в силу своих профессиональных установок избегала тем и ракурсов, которые могли бы нанести ущерб советскому престижу. Ее нейтралитет выгодно отличался на фоне других материалов *The New York Times*. В тот же самый период газета публиковала статьи, в которых советская пресса сама характеризовала Магнитогорск как город, которому «не хватает всех необходимых вещей для жизни»¹⁵. На этом фоне сдержанная, но не критическая тональность Бурк-Уайт воспринималась как объективная и потому особенно убедительная. Читатель, знакомый с критическими публикациями, видел в ее репортажах не пропаганду, а взвешенное свидетельство.

Таким образом, нейтральная манера М. Бурк-Уайт выполняла двойную функцию. Для нее самой она была пропуском в СССР и гарантией профессиональной востребованности. Для советской стороны — инструментом формирования образа страны за рубежом, лишенным очевидных признаков пропаганды и потому более убедительным. Эта взаимная выгода и обеспечила устойчивость сотрудничества, продолжавшегося несколько лет и возобновившегося во время Великой Отечественной войны, когда Маргарет Бурк-Уайт вернулась в СССР.

Анализ публикаций Маргарет Бурк-Уайт в *The New York Times* позволяет определить ее место в корпусе американских материалов о советской индустриализации. В отличие от других корреспондентов газеты, рассматривавших советский эксперимент как экономическую и политическую систему, Бурк-Уайт избрала иной подход. В статьях *A Day's Work for the Five-Year Plan* и *A Day in a Remote Village of Russia* она сознательно ограничила поле наблюдения микросюжетами: день из жизни рабочего-каменщика и день из жизни уральской деревни. В обоих случаях в центре повествования оказались не завод и не колхоз как институты, а конкретные люди с их бытом и повседневными заботами. Визуальное наследие М. Бурк-Уайт дополняет эту картину: ее фотографии дают масштаб, которого намеренно лишены тексты, а тексты дают детали, которые невозможно передать снимком. На фоне двух противоречащих друг другу образов Урала — индустриального чуда и зоны дефицита — она создавала третий нарратив, в котором основ-

ным объектом изображения становился человек. Этот нарратив не снимал противоречия между апологетикой и скепсисом, но переводил его в плоскость, где важнее идеологических оценок оказывалась способность зафиксировать жизнь «маленького человека» на фоне масштабных исторических процессов.

Примечания

¹ Bourke-White M. A Day's Work for the Five-Year Plan // The New York Times. 1932. May 22.

² Duranty W. The «Rewards» of Communism Analyzed // Ibid. 1935. March 31.

³ Shaplen J. Soviet Russia Now at a Crisis in Her Five-Year Program // Ibid. 1931. Dec. 6.

⁴ Winter E. Our Engineers Find Romance in Russia // Ibid. 1931. May 10.

⁵ Bourke-White M. Eyes on Russia. N. Y. : Simon and Schuster, 1931. 135 p.

⁶ Bourke-White M. A Day's Work for the Five-Year Plan ...

⁷ Bourke-White M. A Day in a Remote Village of Russia: The Old Way of Life Has Been Modified by the Culture That Moscow Has Broadcast // The New York Times. 1932. Sept. 11.

⁸ Bourke-White M. Eyes on Russia. N. Y. : Simon and Schuster, 1931. 135 p.

⁹ Bourke-White M. A Day's Work for the Five-Year Plan ...

¹⁰ Egan Ch. Russia's Gold Will Double Her Trade // The New York Times. 1935. March 31.

¹¹ Bourke-White M. A Day's Work for the Five-Year Plan ...

¹² Bourke-White M. A Day in a Remote Village of Russia ...

¹³ Duranty W. The «Rewards» of Communism Analyzed // The New York Times. 1935. March 31.

¹⁴ Shaplen J. Op. cit.

¹⁵ Duranty W. Soviet Steel City Scored in Moscow: Magnitogorsk Is Short of All the Necessaries of Life // The New York Times. 1933. Dec. 23.

А. Г. Иванов, Д. М. Гридяков

Магнитострой как фронт: советские аллюзии в западной прессе и публицистике 1930-х годов

В начале 1930-х гг. Магнитогорск стал для многих западных журналистов настоящим символом новой, быстро меняющейся страны¹. Они пытались объяснить своим читателям, что происходит в далеком Советском Союзе, и часто прибегали к понятным аналогиям². Одним из самых популярных из них было сравнение с американским фронтиром.

Логика была простой. Теория фронта историка Фредерика Тернера объясняла американцам, как движение на Запад и освоение новых земель сформировало в США новую экономику, новое общество, нового человека³. Через эту призму было проще увидеть и понять происходящее в СССР: промышленное освоение востока страны, строительство передовых предприятий и городов, формирование «нового мира». Сравнение работало как культурный «переводчик» — делало далекую Россию ближе и понятнее.

В подобных сравнениях проявлялась романтизация бурного экономического и технологического подъема Советского Союза на фоне глубокого кризиса, который переживал капиталистический Запад⁴. Акцентуация на модернизации позволяла при этом отодвинуть в тень идеологические различия двух систем и оправдать участие американских компаний и специалистов в строительстве промышленности идейно враждебной страны⁵. Даже ярые противники СССР не могли не признать его взрывообразный прогресс⁶.

Западные комментаторы называли Магнитогорск городом, который «вырос, как гриб после дождя». И в этом не было преувеличения. Всего за несколько лет в степи появился огромный индустриальный центр. Там, где раньше не было почти ничего, возникли заводы, жилые кварталы, школы, больницы, театры и дворцы культуры.

Корреспондент американской газеты Christian Science Monitor Уильям Генри Чемберлин писал в 1932 г.:

Магнитогорск — это огромный металлургический завод, построенный за последние три года в голой степи, является одновременно крупнейшим, самым впечатляющим и самым символическим предприятием, осуществленным в рамках пятилетнего плана... Магнитогорск — это воплощение пятилетки: странное сочетание заоблачных амбиций, неумной энергии, неуверенного и несовершенного исполнения, масштабного строительства, суровых и примитивных условий жизни, идеализма и безжалостности... Новый город-гриб с населением более 200 000 человек, выросший вокруг завода находится недалеко от истоков реки Урал, примерно в 30–40 милях к востоку от низменности⁷.

Взрывной рост «с нуля», резкий переход от «пустоты» к плотной, бурной жизни — ключевой признак фронта у Ф. Тернера: пространство не просто мгновенно заселяется, оно взрывообразно осваивается и развивается. Магнитогорск по аналогии с Сан-Франциско в Калифорнии, который из поселка старателей за пару лет вырос в город, за три года превратился из степи в город на 200 тыс. жителей.

Магнитогорск, как казалось иностранным наблюдателям, буквально воспроизводил главный импульс «города-гриба» или «бум-тауна» — «лихорадку». В США это были золотая или серебряная лихорадка (Калифорния, 1849 г.; Комсток в Неваде, 1859 г.; Блэк-Хиллс в Дакоте, 1876 г.), когда десятки тысяч людей устремлялись в пустынные районы ради какого-то ресурса. В случае с Магниткой журналисты вели речь о «железной лихорадке».

Репортер ряда английских изданий Мартин Мур так писал в газете The China Mail за 8 февраля 1933 г.:

Вы видели лагерь времен «золотой лихорадки» или грибной городок на Дальнем Западе, как их изображали американские кинематографисты. Представьте себе такой город, с его атмосферой суеты, непостоянства и хаоса, но без салунов и мелких торговцев — и у вас появится некоторое представление о Магнитогорске.

Но не золотая или нефтяная лихорадка привела сюда, в пустынную степь, почти четверть миллиона человек. Впервые в истории мир наблюдает «железную лихорадку».

Магнитогорск — один из краеугольных камней первой пятилетки, поскольку без железа и стали, которые Советы надеются там производить, многие крупные промышленные предприятия никогда не смогут работать на полную мощность⁸.

Само пространство формировало у иностранцев ощущение фронта. Путь туда уже был испытанием: медленные поезда, переполненные вагоны, отсутствие нормального снабжения в дороге, необходимость брать еду с собой на несколько дней. Это была не просто поездка — почти экспедиция. Как когда-то американские переселенцы двигались на Запад, так и здесь люди двигались вглубь огромного, малоосвоенного пространства.

Чемберлин отмечал:

Несмотря на экономическое и общее значение Магнитогорска, он явно находится в стороне от проторенных туристических маршрутов. Автор, по-видимому, был первым иностранным корреспондентом, побывавшим здесь с тех пор, как первые две огромные доменные печи начали ежедневно выдавать сотни тонн жидкого металла. Одна из причин изоляции Магнитогорска — его удаленное географическое положение⁹.

В связи с чем очевидным был дефицит всего: «Каждый грамм еды, каждый кирпич или камень, даже дрова для домашних очагов приходится доставлять на многие мили...»

Масштаб происходящего в Магнитогорске поражал воображение зарубежных комментаторов. Среди грязи, временных бараков и глиняных хижин поднимались гигантские конструкции: доменные печи, коксовые батареи, металлические каркасы будущих цехов. Шум стоял непрерывный — гул машин, стук молотов, свист пара. Все работало днем и ночью. Это было похоже на огромную мастерскую цивилизации, где прямо на глазах создавался новый индустриальный мир.

Вот что вспоминал в 1930 г. приехавший на Магнитострой в команде Й. Ивенса английский кинематографист Герберт Маршалл:

Нам потребовалось четыре дня, чтобы добраться до Магнитогорска. На первый взгляд, это похоже на Дикий Запад из наших ранних фильмов: повозки и всадники, неровные дороги, хижина вместо станции, бараки для проживания и деревянная главная улица. Но вы не успеете далеко проехать по этой тряской дороге в гору, как перед вами откроется величественная панорама строительства. Колоссальные железные здания, странные на вид трубопроводы огромного диаметра, ряды огромных дымовых труб, лабиринт железнодорожных путей, бесчисленные постройки, дерево, кирпич, железо, бетон, массы рабочих, и сквозь все это — глубокий вибрирующий гул, который по мере приближения перерастает в рев. Поток металла, паровые клапаны, потоки сжатого воздуха, пневматические молотки, электросварочные аппараты, краны, лебедки, экскаваторы, поезда, конвейеры — все работает на полную мощность, днем и ночью... а два года назад это была пустынная степь!¹⁰

Именно это сочетание — хаоса и грандиозности — делало Магнитогорск таким фронтальным. С одной стороны, тысячи людей жили в тяжелых условиях, в самодельных жилищах, постоянно сталкивались с нехваткой еды, жилья и элементарных удобств. С другой — они участвовали в строительстве крупнейшего металлургического центра, который должен был изменить страну. Это напряжение между трудностями настоящего и верой в будущее — один из ключевых элементов фронта по Ф. Тернеру.

Поток рабочей силы был нестабильным: люди постоянно приезжали и уезжали, искали «лучшее место». Но при этом многие испытывали сильное чувство участия в большом деле. Наблюдатели писали об беспримерном трудовом энтузиазме, «почти религиозном рвении» и фанатичной вере в светлое будущее. Это очень похоже на образ пионеров фронта — людей, которые создавали новый мир.

На Магнитострое иностранные обозреватели находили подтверждение словам Ф. Тернера, что фронт «производил» новый тип людей, создавал новое общество. Бывшие крестьяне становились рабочими, рабочие получали образование и становились инженерами. Люди осваивали сложные машины, учились работать в индустриальном ритме. Это полностью соответствовало идее фронта: он меняет не только пространство, но и человека.

Магнитогорск в тернеровском смысле действительно выглядел как географический и геостратегический фронт. Новый индустриальный центр, расположенный на стыке Европы и Азии, должен был стать, с одной стороны, «арсеналом» в глубоком тылу, с другой — вместе с Кузнецком важным драйвером внутренней колонизации востока страны. Связка Урала и Кузбасса — Урало-Кузнецкий комбинат — мыслится двигателем освоения огромных пространств Азиатской России. Вот почему Магнитогорск воспринимался внешними наблюдателями символом того, как индустриальная цивилизация продвигает границу дальше, превращая «периферию» в центр производства.

У. Г. Чемберлин рассказывал своим читателям:

Магнитогорск — это часть огромной угольно-железной цепочки. Здесь находятся самые богатые в России запасы железа, но нет угля. Примерно в 2250 км к востоку, в Кузнецком бассейне Сибири, расположено крупнейшее известное угольное месторождение в Советском Союзе. В Кузнецке, в свою очередь, железа нет. Поэтому развивается обмен кузнецкого угля на магнитогорское железо. Поезда с кузнецким углем прибывают в Магнитогорск, а позже отправляются с магнитогорской железной рудой, которая будет поставаться на другой крупный металлургический завод, меньший по размерам, чем Магнитогорск, но уже вносящий свой вклад в национальные запасы чугуна. Этот обмен углем и железом будет приобретать все большие масштабы по мере дальнейшего развития строительных программ в Магнитогорске и Кузнецке, а также в рамках масштабной программы строительства двухпутных железных дорог и улучшения железнодорожной инфраструктуры между двумя центрами. Этот масштабный обмен является наиболее ярким

примером экономической взаимозависимости, лежащей в основе так называемого урало-кузнецкого союза — многосторонней схемы интенсивного освоения Уральской территории, Западной Сибири и частей Казахстана и других прилегающих регионов¹¹.

Магнитогорск в западной оптике начала 1930-х гг. предстает не просто крупным индустриальным проектом или городом на стыке Европы и Азии. Он воспринимается символическим фронтиром, границей между традицией и современной страной, пространством модернизации, где создаются новое общество и человек. Сравнение Магнитогорска с фронтиром — это не только попытка понять СССР, но и стремление встроить его опыт в привычные исторические схемы, делая чужое — объяснимым. Через знакомую американцам, да и европейцам, метафору «границы» иностранные наблюдатели переводили советский опыт на понятный язык, где-то романтизируя его и сглаживая идеологические разрывы.

Примечания

¹ Иванов А. Г., Гридяков Д. М. Магнитострой в периодической печати Германии и Испании 1930-х гг. // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тез. докл. 84-й междунар. науч.-техн. конф. Магнитогорск, 2026. С. 139.

² Иванов А. Г., Гридяков Д. М. Магнитогорск в пропагандистских нарративах немецкой периодической печати 1930-х годов // Петровские образовательные чтения. Духовно-нравственные ценности в современном российском обществе в свете 80-летия Великой Победы : сб. науч. тр. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Магнитогорск, 2025. С. 104–110.

³ Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009.

⁴ Иванов А. Г., Голубицкая Е. С., Трофимов А. Е. «Цитадель мирового пролетариата»: Магнитострой на страницах американской левой печати начала 1930-х годов (по материалам газеты Daily Worker) // Архив в социуме — социум в архиве : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред А. Н. Лымаев. Челябинск, 2025. С. 109–112.

⁵ Иванов А. Г., Голубицкая Е. С., Трофимов А. Е. «Принимали как королей»: быт и привилегии американских инженеров на Магнитострое (на основе интервью Дж. А. Габриэля) // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования ... С. 137.

⁶ Иванов А. Г., Голубицкая Е. С., Трофимов А. Е. Магнитострой в американской либеральной прессе 1930-х годов (по материалам газеты «The New York Times») // Петровские образовательные чтения. Духовно-нравственные ценности в современном российском обществе в свете 80-летия Великой Победы : сб. науч. тр. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Магнитогорск, 2025. С. 98–103.

⁷ Chamberlin W. H. Soviet puts power into city of iron. Magnitogorsk With 200 000 People Rises in Urals in Past Three Years // Christian Science Monitor. 1932. 6 Aug.

⁸ Moore M. The Soviet Giant Steel Town. «Bold or Crazy as time may judge». The «Iron Rush» // The China Mail. 1933. 8 Febr.

⁹ Chamberlin W. H. Op. cit.

¹⁰ Marshall H. P. J. Moscow Overtakes and Surpasses // Experimental Cinema. 1930. February. P. 41.

¹¹ Chamberlin W. H. Op. cit.

С. Ю. Сильницкая

Праздник счастливого детства: как индустриализация формировала систему дошкольного воспитания в СССР

Дети — зеркало своего времени, поскольку методы воспитания и представления о будущих гражданах постоянно эволюционируют. Однако их роль как будущего нации остается неизменной. Инвестиции в детей приносят многократную отдачу. Именно поэтому педагогика и юриспруденция единодушно призывают к бережному и уважительному отношению к детям. В статье речь пойдет о становлении советского дошкольного образования и принципах воспитания, благодаря которым детство в СССР ощущалось по-настоящему счастливым — в полном соответствии с известным лозунгом «Праздник счастливого детства». Статья подготовлена на основе документов Государственного архива социально-политической истории (ГАСПИО).

Тридцатые годы XX в. стали эпохой колоссальных преобразований и бурного промышленного роста. В этом кипящем котле перемен был важен каждый элемент строительства нового мира, а детство занимало особое место. Это было обусловлено стремлением воспитать поколение людей, чья преданность делу позволяла им с полной отдачей работать на заводах, в шахтах и колхозах, добывая выдающихся результатов, многократно перевыполняя планы. Кроме того, утверждалось, что «строительство новых крупных индустриальных центров, необходимость вовлечения в промышленность новых кадров

женской рабочей силы, а также широкое применение женского труда в совхозах, МТС и колхозах, требует еще большего ускорения развертывания сети детских садов...»¹.

Эпоха индустриализации ознаменовала собой кардинальные перемены в семейной жизни и воспитании подрастающего поколения. Если прежде матери-домохозяйки были главными воспитателями детей до школы, то теперь приоритетом стало вовлечение женщин в общественную жизнь и трудовую деятельность. Ответственность за раннее развитие детей перешла на общество, что положило начало системе дошкольного образования.

В начале 1930-х гг. в стране наблюдалось активное развитие сети дошкольных учреждений, сопровождающееся процессом подбора и подготовки новых педагогических кадров, а также формированием основ системы дошкольного образования. Строительство детских садов стало одним из важнейших направлений деятельности власти. В постановлении Уралобкома 1932 г. говорится, что необходимо «рассмотреть вопрос приравнивания строительства детсадов к первоочередным стройкам в отношении сроков строительства и снабжения стройматериалами»². При этом за каждым детским садом были закреплены врачи, которые в порядке совместительства посещали дошкольные учреждения не менее двух раз в месяц³.

В дополнение к этому для повышения качества образовательного процесса и создания более комфортных условий для воспитанников дошкольных учреждений планировалось «издать в 1932 году не менее 10 наименований художественной детской книги для дошкольников; организовать мастерскую по изготовлению оборудования для детских садов; организовать сеть магазинов дошкольника в Свердловске, Перми, Магнитогорске, Тагиле»⁴.

Все детские сады прикреплялись к предприятиям, совхозам, МТС, колхозам с целью укрепления связи дошкольного воспитания с производством⁵. К выполнению обязанностей воспитателей в дошкольные образовательные учреждения привлекались представители различных профессиональных сфер и уровней образования. Так, Уралобком ВЛКСМ мобилизовал на дошкольную работу 2000 комсомольцев; УралОНО направило 250 учащихся педтехникумов и студентов пединститутов; Уралколхоз выделил 10 тыс. лучших колхозниц, а Уралпрофсовет определил 6500 человек из членов профсоюзов и жен рабочих⁶.

Для новых кадров УралОНО организовывало «курсы по повышению квалификации вновь вовлеченных на дошкольную работу работниц заводов, колхозниц, домашних хозяек, одновременно поставив на учет и выдвижение, особенно активных из них, на руководящую работу»⁷.

Детские сады обеспечивались из специальных фондов снабжения промтоварами и продуктами питания, исходя из установленных норм. Так, «месячная норма на одного ребенка муки состояла из 2 кг 700 г, масла — 450 г, сахара — 1 кг 200 г, крупы — 1 кг 100 г»⁸. Кроме того, в каждом дошкольном учреждении развивались свои ресурсы снабжения. Например, выращивались овощи на собственном земельном участке и развивалось кролиководство⁹.

В советский период соревновательная деятельность выступала важным инструментом выполнения и перевыполнения производственных планов. На предприятиях активно внедрялись различные формы трудового соревнования, стимулирующие коллективы. Среди мер поощрения — вручение переходящего Красного знамени и присвоение звания «Передовой коллектив». Достижения отмечались в СМИ и обсуждались на собраниях партийных ячеек. Также широко практиковались соревнования в формате эстафет. В период с 27 февраля по 15 мая 1932 г. проводилась «Сталинская эстафета по дошкольному воспитанию». В ходе ее было подчеркнуто, что «коммунистическое воспитание подрастающих поколений с самого раннего возраста, является одной из важнейших задач социалистического строительства, важнейшей частью культурной

революции»¹⁰. В эстафете приняли участие работники дошкольного образования Ивановской промышленной области и Западно-Сибирского края, между которыми был заключен договор о социалистическом соревновании.

В ходе мероприятия процесс воспитательной деятельности в детских садах значительно улучшился. Изменения коснулись сразу нескольких направлений — от тщательного планирования расписания занятий и игровых мероприятий до разработки и внедрения четких санитарно-гигиенических норм, регламентирующих организацию прогулок, дневного сна и процедур закаливания.

От участников требовалось не только подготовить собственные методические рекомендации для дошкольников, но и вовлечь комсомольцев и пионеров в процесс дошкольного воспитания. Это взаимодействие детей и молодежи служило цели социализации малышей, а пионерам помогало приобрести ценный опыт общения с младшими. Согласно архивным материалам Свердловского обкома, практика взаимодействия детей и молодежи различных возрастных групп прослеживается стабильно — она фиксировалась в документах в каждый исторический период. Так, в протоколах 1980-х гг. говорится, что «комсомольские организации предприятий, учреждений, совхозов, колхозов и школ помогают педагогическим коллективам дошкольных учреждений организовать разнообразную деятельность детей: различные игры, занятия физической культурой, техническим и художественным творчеством, посильным трудом»¹¹. В школах «действуют “фабрики” и “ателье”, в которых учащиеся изготавливают дидактический материал, простейшие инструменты, игры и игрушки для дошкольников»¹².

Эстафета реализовывалась в четыре этапа. На первом этапе организовывался всеобщий по воспитанию детей дошкольного возраста. Для родителей и педагогов читались лекции, проводились конференции и семинары. Кроме того, в рамках данного этапа осуществлялся сбор статистических данных обо всех детях рабочих и колхозников в возрасте от трех лет.

Второй этап с вдохновляющим названием «Закommвоспитание» открыл новую страницу в работе детских учреждений. Занятия разрабатывались для детей таким образом, чтобы в увлекательной форме, через игры и посильный труд малыши познавали мир и учились новому. Специально для дошкольников обустроивали рабочие комнаты — здесь каждый мог попробовать свои силы и освоить первые трудовые навыки.

Тогда же начали формироваться и санитарные нормы: четко прописывались время для сна, длительность прогулок и расписание приемов

пищи — все, чтобы сделать день ребенка здоровым и сбалансированным. В условиях Сталинской эстафеты транслировалось, что необходимо «наладить пребывание детей на воздухе не менее трех часов в день зимой и в течение всего дня — летом. Организовать дневной сон детей в детских садах (где возможно, на воздухе)»¹³.

Третий этап эстафеты был связан со строительством детских садов в соревнующихся регионах и обеспечением материальной базы дошкольных учреждений. Участникам необходимо было «добиться выделения и закрепления лучших кулацких домов для открытия в них дошкольных учреждений и организации их ремонта»¹⁴.

Подведение итогов эстафеты состоялось на слете работников дошкольного образования. Планировалось провести награждение победителей, они признавались ведущими специалистами в области дошкольного воспитания.

В качестве премий для районов установлено:

- 1) учебное оборудование для дошкольных кабинетов при образцовых детсадах;
- 2) постройка типового детсада;
- 3) оборудование детсадов.

В качестве премии для детсадов установлено:

- 1) полный комплект политехнической игрушки;
- 2) комплект политехнического оборудования;
- 3) методбиблиотека.

Для ударников дошкольного фронта:

- 1) экскурсии в Москву, Ленинград, Магнитогорск и др.;
- 2) путевки в дома отдыха;
- 3) путевки на курорт¹⁵.

В Советском Союзе детские сады были настоящим «праздником счастливого детства». Госу-

дарство вкладывало огромные силы в создание среды, где каждый ребенок мог расти и развиваться в радости и благополучии. Это было не просто заботой о детях, а частью грандиозного плана по воспитанию «нового человека» в духе коммунистических идеалов. Особенно это было актуально после революционных потрясений и кровопролитной Гражданской войны. В рамках этой кардинальной перестройки детские сады заняли ключевое место в государственной структуре и были повсеместно доступными для всех слоев общества. Воспитательный процесс в этих учреждениях был пронизан духом коллективизма, глубоким патриотизмом и непоколебимой верой в грядущее процветание. С самых ранних лет малышам прививались идеалы трудолюбия, товарищества и готовности служить на благо общества. Эта идеологическая основа, обладая своими специфическими чертами, формировала у подрастающего поколения прочное ощущение сопричастности к могучей и великой державе.

Примечания

¹ ГАСПИСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 95. Л. 30.

² Там же. Л. 36–38.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 36–38.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ Там же. Л. 31.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 86.

⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 10. Д. 95. Л. 31.

¹⁰ Там же. Л. 40.

¹¹ Там же. Ф. 61. Оп. 31. Д. 25. Л. 37.

¹² Там же.

¹³ Там же. Ф. 4. Оп. 10. Д. 95. Л. 43–44.

¹⁴ Там же. Л. 45.

¹⁵ Там же. Л. 41–41 об.

И. Г. Ужакин, С. А. Сергеев

Деятельность отдела народного образования Златоустовского городского совета депутатов трудящихся в годы Великой Отечественной войны (по документам Златоустовского архива)

События Великой Отечественной войны по-прежнему находятся в центре внимания представителей различных научных школ. Этот интерес обусловлен уникальным историческим наследием наших соотечественников, которые успешно сочетали фронтовую доблесть с эффективным управлением тыловыми процессами. Особого внимания заслуживает работа отделов народного образования, в том числе в Златоусте. Исследование их истории актуально в двух аспектах: во-первых, для сохранения объективной памяти о войне; во-вторых, для анализа управленческих и педагогических решений, принимавшихся в критических условиях. Данный опыт важен для современной образовательной системы как инструмент обеспечения бесперебойной работы

школ и воспитания гражданственности в условиях внешних вызовов.

Отечественные исследователи, рассматривая деятельность советской системы образования в годы войны, обращали внимание на следующие аспекты. Так, например, В. Б. Помелов на примере ряда регионов рассмотрел общие принципы деятельности системы народного образования, опыт отдельных учителей, изучил различные стороны жизни советской школы в условиях военного времени: распорядка работы, питания школьников, самообеспечения школ продуктами, помощи школам местных предприятий школам¹. Н. К. Гуркина выделила такую особенность государственного управления общеобразовательной школой в годы войны, как нацеленность на ре-

шение двух важнейших задач: сохранение школьной системы и ее перестройка в соответствии с требованиями военного времени². Из региональных авторов интересна работа Е. Туровой, рассказывающая о самоотверженном труде педагогов в годы трагических испытаний³. О работе златоустовских учителей в годы войны можно узнать из публикаций в краеведческих изданиях, например в книге «Верность долгу», вышедшей в 2009 г. В целом тема деятельности Златоустовского городского отдела народного образования в годы Великой Отечественной войны требует конкретизации и доработки⁴.

Целью настоящей статьи является изучение деятельности отдела народного образования Златоустовского городского совета депутатов трудящихся в годы Великой Отечественной войны.

Эмпирическую базу настоящего исследования составили неопубликованные архивные документы, хранящиеся в Архиве Златоустовского городского округа. Основной массив материалов извлечен из фонда Р-279 муниципального учреждения «Городское управление образования Златоустовского городского округа» за 1941–1945 гг. В него вошли планы работ, докладные записки, ежегодные отчеты заведующего Златоустовским городским отделом народного образования, а также инструктивные указания вышестоящего Челябинского областного отдела народного образования⁵. Дополнительные биографические сведения о руководителях отдела и кадровые решения содержатся в документах фонда Р-35 «Исполком горсовета»⁶. Совокупность этих источников позволяет реконструировать как управленческую повседневность, так и механизмы принятия кадровых решений в экстремальных условиях военного времени.

Рассматривая деятельность гороно в годы Великой Отечественной войны, следует дать определение и обозначить функциональные характеристики этому государственному органу. Согласно данным «Педагогической энциклопедии», отделом народного образования являлся государственный орган, который руководил народным образованием на определенной территории⁷. В нашем случае — Златоуста. Он был структурной единицей исполнительного комитета Златоустовского совета депутатов трудящихся и подотчетен ему, а также Челябинскому областному отделу народного образования. В ведении гороно находились школы, дошкольные и внешкольные учреждения, районные и городские методические кабинеты. Основной функционал гороно: проведение в жизнь постановлений партии и правительства по вопросам народного образования, а также директивных указаний и распоряжений вышестоящих органов; контроль над работой школ, внешкольных и других детских

учреждений; подбор, назначение и увольнение работников подведомственных учреждений (в установленном законом порядке); изучение и распространение опыта лучших учебных заведений и эффективных методов руководства ими; финансирование подведомственных учреждений, контроль расходования ими средств, их материально-хозяйственной деятельности; организация строительства и ремонта зданий школ и иных детских учреждений; борьба с безнадзорностью детей; работа с родителями.

В условиях начала Великой Отечественной войны деятельность отдела перестроилась на военный лад, стала более ответственной и организованной. Появляются кадровые проблемы, связанные с ушедшими на фронт и прибывшими из оккупированных территорий педагогами⁸. Возникли существенные трудности, которые необходимо было решать в первую очередь: уменьшение количества школ из-за передачи помещений под госпитали, рост числа детей, не посещающих учебные заведения, организация многосменного обучения, перебои в подаче электроэнергии и др.⁹

В критический для страны момент (октябрь 1941) управление городским образованием было поручено Виктору Ивановичу Баталову. Родился Виктор Иванович в 1903 г. в семье рабочего Кузинского завода. Прошел трудовой путь до руководителя отдела народного образования крупного промышленного города. К моменту назначения на должность заведующего он имел опыт партийной работы (в ВЛКСМ с 1919 г., в ВКП(б) с 1925 г.), а также опыт педагогической и руководящей деятельности: учитель, заведующий школой, инспектор политического просвещения и курсов инженерно-технических работников, начальник политического отдела одного из районов Новосибирской области, директор школы № 8 в Златоусте. В 1930–1933 гг. учился на школьном отделении Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской (Москва). По окончании учебного курса поступил в аспирантуру на кафедру педагогики. Обучение в аспирантуре не завершил ввиду назначения его в феврале 1934 г. в политотдел заместителем начальника по партийно-массовой работе животноводческого совхоза Барабинского района Новосибирской области.

За время работы в системе народного образования Златоуста Виктор Иванович был охарактеризован председателем исполкома горсовета Н. М. Архангельским как выдержанный, политически грамотный и инициативный работник. В аттестации отмечалось, что он «требовательный руководитель, чуткий товарищ, внимательный к родителям и учащимся... пользуется большим авторитетом среди учителей города»¹⁰.

Учитывая обширный набор направлений деятельности горono, мы выделили наиболее значимые направления, характеризующие его работу в период Великой Отечественной войны: руководство, контрольно-надзорная деятельность, методическое сопровождение и работа с педагогическими кадрами.

1. *Контрольно-надзорная деятельность.* Златоустовский горono в своей работе опирался на комплексную систему наблюдения, проверки и оценки результатов работы образовательных организаций. Система была направлена на обеспечение эффективного функционирования всех подразделений системы образования и достижение поставленных целей. В нее входили: планирование, практические мероприятия и анализ итогов. Исходя из имеющихся в наличии документов, можно сделать вывод, что свою работу горono планировал на три месяца вперед, то есть на первый квартал года. Как правило, планирование строилось по следующей схеме: 1) основные задачи, 2) указание мероприятий по реализации этих задач. Основные направления планирования: школы, дошкольное воспитание, детские дома и борьба с беспризорностью, кадровая работа, политико-просветительская работа, финансы, статистика и строительство, работа с аппаратом. Вот такие задачи ставились на начало 1943 г.¹¹:

1. Проанализировать итоги 1-го полугодия по школам и детским садам и наметить мероприятия к дальнейшему улучшению работы;

2. Разработать практические мероприятия по подготовке школ и детсадов к новому учебному году;

3. Проанализировать исполнение бюджета на 1942 год, составить бюджет на 1943 год, установить систематический контроль за выполнением задания народно-хозяйственного плана по просвещению (борьба за осуществление всеобщего, развертывание всей сети учреждений, предусмотренных планом);

4. Обеспечить высокое качество работы всех политпросвету учреждений;

5. Своевременное выполнение всех приказов Народного комиссариата просвещения и других вышестоящих организаций, обратив особое внимание на военную подготовку учащихся;

6. Оказать помощь отстающим школам, а также шире развертывать политическую и методическую работу с кадрами по народному образованию, особенно молодыми.

Для решения задач устанавливались сроки и ответственные лица — исполнители. В частности, на анализ результатов первого полугодия 1942/1943 учебного года и составление отчета по его итогам отводился срок до 15 января. Ответственность за это возлагалась на заведующего горono В. И. Баталова и инспектора А. Лысенкову, а на проверку инспекторами состояния всеобщего школ № 24, 13, 22 и Уржумки отводился месяц март. Информация о состоянии образовательных учреждений поступала из следующих

источников: проведение выборочных фронтальных обследований, проверка выполнения предположений по улучшению ситуации, анализ состояния документации, оценка уровня пионерской работы и преподавания военного дела. Проверки проводили как внештатные, так и штатные инспектора горono, заведующие районными отделами народного образования, представители районных комитетов комсомола и военкомата. Кроме этого выборочно заслушивались отчеты нескольких заведующих начальными школами и директоров, заведующих детскими садами, изучались письма и жалобы трудящихся.

Например, среди запланированных мероприятий по работе школ на первый квартал 1943 г. можно выделить следующие:

– проверка работы на дому в школе № 10;

– уточнение количества учащихся, работающих на заводах и организация для них обучения;

– организация постоянно действующей выставки о деятельности школ;

– проведение не реже одного раза в две недели совещания с директорами по текущим вопросам;

По военно-физической подготовке: наметить с райвоенкоматом план единых мероприятий по контролю за работой военруков и оказать им помощь.

По борьбе с беспризорностью:

– добиться одежды и обуви для патронированных детей;

– организовать проведение новогодней елки для детей, оставшихся без родителей.

По дошкольному воспитанию:

– наметить мероприятия, обеспечивающие организацию подсобных хозяйств при детсадах и подготовку их к весеннему севу;

– разработать мероприятия по изготовлению детских игрушек силами детсадов и т. д.

Отдельно формировалось планирование на летние месяцы, где акцент делался на подготовку школ к новому учебному году, а также организацию летнего отдыха детей¹². По итогам реализации плана составлялись отчеты и докладные записки, содержание которых докладывалось заведующим горono в горсовете и областном отделе народного образования¹³. В итоговых документах указывались как достижения, так и сложности, которые нужно было преодолевать.

Из наиболее сложных, но успешно реализованных горono мероприятий первого учебного военного года стала реорганизация школьного образования, при котором сохранялся охват детей за счет меньшего количества школ. Общее количество школ на конец 1940/1941 учебного года было сокращено с 30 (26 городских и 4 сельских) до 27 (23 городских и 4 сельских). Сокращение произошло за счет передачи здания шко-

лы № 3 под госпиталь и объединение ее со школой № 22, школа № 25 была объединена со школой № 10, школа № 26 — со школой № 23. Новое здание школы № 5 было передано для общежития для эвакуированных рабочих¹⁴. В 1943 г. успешно была внедрена «пятибальная» система оценки знаний и поведения школьников¹⁵. В начале 1943/1944 учебного года были открыты три новых школы (№ 28, 29 и школа на 6-м участке)¹⁶.

В 1943 г. Златоустовский гороно не смог выполнить полный перевод всех подведомственных школ на раздельное обучение несмотря на решение СНК СССР. Неполная средняя школа № 19, расположенная в отдаленном районе города (за железнодорожными путями), продолжала работать по старой совместной схеме. Причины такого шага были указаны, а горисполком поддержал позицию гороно¹⁷. Так же сложно решался вопрос по реализации на практике закона об всеобщем (Постановление ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении»), предполагавшее максимальный охват обучением детей и введением обязательного семилетнего обучения в городах и рабочих поселках. Основными препятствиями в проведении этого закона в жизнь в условиях войны гороно видело отсутствие у детей одежды, нормальных домашних условий и нежелание учиться. Благодаря участию гороно вопрос о всеобщем поднимался на заседаниях горсовета, нуждающиеся дети (преимущественно фронтовиков) получили 320 талонов на обувь, 1215 шт. трикотажных вещей, 556 пар обуви от отделов рабочего снабжения и 540 пар от горторга, 320 детских костюмов, 169 платьев, 13 брюк и др. Были организованы мастерские по ремонту обуви (при школах № 3, 12 и 14), при школах созданы фонды (денежные и вещевые)¹⁸.

Еще одним успехом деятельности Златоустовского гороно можно считать организацию летней оздоровительной кампании 1943 г. В лагерях, которые были организованы в с. Сыростан и Медведевка, на дальнем берегу городского пруда (Фрейдентале) и укомплектованы педагогическим составом из комсомольцев, побывало 1800 детей. Кроме пионерских лагерей были организованы при школах санаторных площадки, срок смены на которых составлял 35 дней. Благодаря четырехразовому питанию каждый из 1700 отдохнувших детей прибавил до 2 кг веса за смену. Кроме отдыха от учебы ребята участвовали в заготовке сена (на площади 50 га), полезных (лекарственных) трав, ягод (49 кг) и грибов, часть которых были преданы в госпитали. Пионеры помогли по хозяйству десяти семьям красноармейцев: пилили дрова, окучивали картофель. В часы досуга школьники участвовали во встречах с участниками войны, в танцевальных

вечерах и вечерах самодеятельности, соревновались в военно-спортивных играх и выступали в госпиталях перед бойцами, участвовали в тематических пионерских сборах¹⁹.

2. *Методическое сопровождение.* Центральным звеном методической работы гороно являлся педагогический кабинет. Он представлял собой особое пространство, где была сосредоточена вся методическая база и происходило профессиональное развитие педагогов. К сожалению, с началом войны из-за уменьшения помещения и сокращения штата работников деятельность кабинета сузилась до обслуживания учителей педагогической литературой и другими пособиями, а также до проведения организационно-технической работы по созыву и обслуживанию собраний. Основными площадками методической работы гороно в масштабе города стали городские методические объединения учителей начальных и старших классов. В последнем имелись отдельные секции по предметам. С учетом обстановки и занятости учителей, многосменности учебного процесса в школах собрания проходили нерегулярно. Учителя начальных классов в 1941/1942 учебном году собирались на собрания один раз в месяц. Было заслушано 36 докладов, разобрано семь уроков, обсуждено шесть конспектов и три методических разработки, рассмотрены и проанализированы тетради пяти учителей. Практиковалось проведение консультаций. Сложнее обстояло дело с функционированием секций методического объединения старших классов.

В 1941/1942 учебном году наиболее продуктивными в этом отношении были секции по математике, русскому языку и литературе, физике и иностранному языку. Секция преподавателей иностранного языка работала над вопросами изучения оборонной лексики и использования готического шрифта при обучении немецкому языку. На секции русского языка рассматривался доклад профессора Никольского о предупреждении ошибок при изучении безударных гласных и улучшении работы над развитием устной и письменной речи у учащихся. Преподаватели физики делились опытом в вопросе изучения устройства трактора в рамках реализации программы по сельскохозяйственному труду²⁰.

3. *Работа с педагогическими кадрами.* Это направление деятельности также оставалось приоритетным для гороно. Основные направления работы: сохранение контингента учителей, повышение их квалификации и политической грамотности, работа с эвакуированными учителями.

Мониторинг со стороны гороно кадрового состава педагогов был тщательным и постоянным. Этому вопросу посвящались отдельные страницы отчетов и докладов. В первом полугодии 1941/1942 учебного года все школы города

были обеспечены учителями, за исключением новых военруков и преподавателей физкультуры. Из 376 учителей высшее образование имели 95 человек, незаконченное высшее — 56, среднее педагогические — 203, незаконченное среднее — 25 человек. В ВКП(б) состояли 16 человек, кандидатами числились два учителя²¹. В удачные показатели начала года постепенно внесла коррективы война — начинается текучесть кадров и размывание педагогических коллективов. Часть учителей уходит в армию, часть, попадая в Златоуст по эвакуации, вынужденно уезжает к своим семьям, оказавшимся в других населенных пунктах²². Например, в 1942/1943 учебном году из 21 выбывшего учителя трое ушли в Красную армию: 7 сентября 1942 г. — учитель школы № 9 М. И. Федоров, 28 сентября 1942 г. — учитель школы № 10 Ф. А. Петров, 30 сентября 1942 г. — учитель школы № 6 Г. Г. Чеснокова²³. К концу 1941/1942 учебного года в школах города уже не хватало не только военруков и учителей физической культуры, но и учителей черчения, рисования, пения²⁴.

Несмотря на появившиеся проблемы, гороно проводило планомерную работу с педагогическими коллективами и учителями. В политико-массовом направлении, руководствуясь указаниями горсовета об использовании пропагандистского и агитационного функционала учителей среди населения²⁵, гороно с осени 1941 г. при содействии городской профорганизации учителей и горкома ВКП(б) проводились собрания учителей. На собраниях обсуждались международные события. Обсуждались и такие темы, как «Задачи учительства в условиях военного времени», «О бдительности в условиях военного времени», «Политико-воспитательная работа в школе и задачи учительства». В 1941/1942 учебном году каждую неделю в определенный день в горкоме партии проводились инструктивные совещания с выделенными в школах наиболее политически подготовленными учителями. Работник горкома ВКП(б) Краснуха один раз в неделю проводил семинар для преподавателей истории и конституции²⁶. Также гороно проводил собрания педагогов по итогам четвертей, полугодий и всего учебного года.

Для поддержания производственной квалификации учителей гороно были предложены следующие мероприятия — работа с учителями внутри школ и на общегородском уровне. Внутри школ директора и завучи проводили беседы с учителями, проверяли конспекты уроков и посещали уроки. Также практиковались взаимные посещения уроков, выдача специальных заданий отдельным учителям или комиссиям, которые по заданию руководства школ изучали и делали выводы о состоянии преподавания отдельных предметов или определенного учителя. После посе-

щения уроков проводилась беседа и составлялся план работы по устранению недостатков. Подобный контроль проводился через инспекторов гороно²⁷. В общегородском масштабе проводились совещания учителей по итогам четвертей и полугодий²⁸. Инспектора гороно проводили подготовительную работу по обеспечению летней зачетной сессии заочников, вели непрерывный мониторинг потребностей школ в учительских кадрах²⁹. По окончании 1943/1944 учебного года была организована методическая и научная подготовка учителей через систему курсов (для учителей 1–4-х классов и заведующих школами — на месте, для учителей старших классов — по указанию облоно), индивидуальные задания с последующей сдачей зачета при районном или городском методическом кабинете³⁰.

Особое внимание гороно было направлено на работу с учителями, прибывшими в город по эвакуации. Судя по имеющимся документам, эвакуированные педагоги приезжали в город с лета 1941 до осени 1943 г. Кроме решения бытовых вопросов гороно было обеспокоено интеграцией педагогов в современную советскую систему образования. Это касалось прибывших из Латвии и Литвы. Работа их изучалась и по необходимости корректировалась³¹. На май 1942 г. среди педагогических работников Златоуста числилось десять человек, эвакуированных из оккупированных территорий Украинской ССР. Это учителя русского языка Людмила Ивановна Рачинская, Зинаида Исааковна Шерман и Евгения Яковлевна Розенштурм; пионервожатая Александра Авдеевна Линенко; учителя истории Полина Сауловна Вайнтрауб и Лидия Тимофеевна Кошук; лингвист Наталья Федоровна Каввадиас; учитель начальных классов Вера Павловна Долотова; учитель немецкого языка Лилия Марковна Розенштейн и доцент методологии музыкального воспитания Александр Григорьевич Раввинов. Ранее они жили и работали в Киеве, Харькове, Виннице³².

Не только контроль и стремление повысить квалификацию учителей заботил руководство гороно. По итогам проделанной работы за определенный этап учебного года руководством отмечались достижения лучших учителей. По итогам 1941/1942 учебного года лучшими учителями 5–10-х классов, обеспечивающими высокую успеваемость по своему предмету, дающим прочные знания ученикам и соединяющими вместе с тем ответственное отношение ко всем общественным мероприятиям, были признаны М. В. Овладеева (школа № 3), Е. Н. Малыхина (школа № 3), Е. П. Дорофеева (школа № 22), Р. Д. Егорова (школа № 10), О. П. Дурова (школа № 10), В. М. Линдер (школа № 20), В. П. Клушин (школа № 23)³³.

Таким образом, опираясь на архивные документы трех дел фонда Р-279, содержащих значи-

тельный объем ценных сведений о функционировании городского отдела народного образования в военный период, можно утверждать, что деятельность Златоустовского горно в годы Великой Отечественной войны была направлена на выполнение возросшего объема функциональных обязанностей, которые стали более сложными и ответственными. С октября 1941 г. руководство горно осуществлял Виктор Иванович Баталов, при котором учреждение сыграло ключевую роль в адаптации эвакуированных учителей и обеспечении непрерывности образовательного процесса. Особое внимание уделялось интеграции педагогов из разных регионов в советскую систему образования, контролю качества преподавания и повышению квалификации учителей. При этом горно активно поощряло лучших педагогов, демонстрировавших высокие результаты в обучении и активное участие в общественной жизни, что свидетельствовало о комплексном подходе к управлению образованием в условиях военного времени.

Примечания

¹ Помелов В. Б. Отечественное образование в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (44). С. 365–369.

² Гуркина Н. К. Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развитие образова-

тельной системы) // Управленческое консультирование. 2020. № 10 (142). С. 146–156.

³ Турова Е. Учителя Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://archive74.ru/news/uchitelya-chelyabinskoy-oblasti-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 15.04.2025).

⁴ Баранова Н., Малей Г., Обьедков А. Верность долгу. Златоуст, 2019.

⁵ АЗГО. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 115, 122, 126.

⁶ Там же. Ф. Р-35. Оп. 2. Д. 176.

⁷ Педагогическая энциклопедия. Т. 3. М., 1966.

⁸ АЗГО. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 122. Л. 54.

⁹ Там же. Л. 39–42 об., 50–52.

¹⁰ Там же. Ф. Р-35. Оп. 2. Д. 176. Л. 50–54.

¹¹ Там же. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 126. Л. 82–83 об.

¹² Там же. Д. 122. Л. 29–30; Д. 126. Л. 15–17.

¹³ Там же. Л. 1–27 об., 33–35 об., 37–38 ; Д. 126. Л. 39–44.

¹⁴ Там же. Д. 122. Л. 1–27 об.

¹⁵ Там же. Д. 126. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 62–62 об.

¹⁷ Там же. Л. 71.

¹⁸ Там же. Л. 62–62 об.

¹⁹ Там же. Л. 84.

²⁰ Там же. Д. 122. Л. 25–26.

²¹ Там же. Д. 126. Л. 40 об.

²² Там же. Д. 122. Л. 24–25.

²³ Там же. Д. 126. Л. 54.

²⁴ Там же. Д. 122. Л. 24–25.

²⁵ Там же. Д. 126. Л. 38.

²⁶ Там же. Д. 122. Л. 25.

²⁷ Там же. Л. 27.

²⁸ Там же. Д. 126. Л. 38.

²⁹ Там же. Л. 83.

³⁰ Там же. Л. 17.

³¹ Там же. Д. 122. Л. 27

³² Там же. Д. 115. Л. 61–61 об.

³³ Там же. Д. 126. Л. 42.

М. Н. Потемкина, В. А. Пестрякова

Социальный портрет партийно-хозяйственной элиты Челябинской области (1941–1953)

Челябинская область в период Великой Отечественной войны, сложного послевоенного восстановления, ужесточения внутривластного курса в конце 1940-х гг. являлась ключевым промышленным центром, где решались важнейшие для обороноспособности страны задачи. Именно поэтому изучение людей, стоявших во главе региона, их социального облика, происхождения, образования, карьерных траекторий и повседневных практик является крайне важным для понимания того, как функционировала советская система на местах в экстремальных и постэкстремальных условиях.

В историографии проблемы в первую очередь следует выделить работы, посвященные функционированию партийно-государственного аппарата и роли региональных секретарей в системе власти. В этой связи фундаментальное значение имеет труд О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого «Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева»¹, в котором на обширном архивном материале анализируется положение региональных секретарей, их место во властной структуре и механизмы воздействия на общество. Авторы

показывают, что региональные лидеры обладали значительной автономией в решении местных вопросов и играли роль связующего звена между центром и периферией, однако их социальный портрет в хронологических рамках 1941–1953 гг. в работе представлен фрагментарно, без детальной проработки специфики именно Челябинской области. Содержательный биографический материал об элите представлен в исследовании С. В. Нечаевой «Лидеры политической элиты Челябинской области, 1934–1991 гг.»², где автор приводит биографические справки партийного руководства, выявляет характерные черты секретарей и прослеживает их карьерный рост. Существенный вклад в понимание проблемы внес А. В. Сушков, который в своей статье «Власть и коррупция: привилегированная жизнь “челябинских вождей” во второй половине 1940-х годов»³ демонстрирует разрыв между пропагандистским образом и реальным положением партийно-хозяйственной элиты. Значимый пласт литературы представлен исследованиями по истории региональной периодической печати, в частности работами А. Н. Лымарева, который анализирует

функции газет Челябинской области в годы войны⁴. Работы А. Н. Федорова посвящены партийно-хозяйственной элите Челябинской области в позднесталинский период⁵. В отличие от большинства исследователей, сосредоточенных либо на пропаганде, либо на биографиях руководителей, Федоров последовательно разрабатывает проблематику неформальных практик, клановых взаимодействий и реальных механизмов функционирования региональной власти.

Источниковую базу исследования составили архивные документы Объединенного государственного архива Челябинской области, материалы региональной периодической печати и источники личного происхождения. Особый интерес представляют личные дела партийных и хозяйственных руководителей, отложившиеся в фонде Челябинского обкома партии⁶. Архивные документы обеспечивают доступ к информации о деятельности партийного и советского руководства области. В этих документах фиксируются ключевые решения, касающиеся управления промышленностью, сельским хозяйством, а также содержатся характеристики деятельности первых лиц области, их должностные обязанности и оценки их работы вышестоящими инстанциями. Материалы региональной периодической печати составляют не менее значимую группу источников. Главной газетой области в рассматриваемый период был «Челябинский рабочий». Именно на его страницах конструировался пропагандистский образ партийного руководства. Источники личного происхождения служат важным дополнением, позволяющим увидеть социальный портрет элиты. Ключевое значение имеют мемуары Н. С. Патоличева «Испытание на зрелость»⁷, где первый секретарь Челябинского обкома описывает свой опыт руководства регионом в военные годы. Мемуары содержат ценные сведения о повседневной управленческой практике, взаимоотношениях с центром и коллегами.

Цель исследования — реконструкция социального портрета партийно-хозяйственной элиты Челябинской области в период с 1941 по 1953 г. на основе комплексного анализа региональных источников.

Партийно-хозяйственная элита Челябинской области в 1941–1953 гг. представляла собой замкнутую социальную группу с устойчивыми демографическими и профессиональными характеристиками. Ее социальный облик складывался из мифологизированного пропагандистского образа, тиражируемого региональной печатью, и реального положения руководителей в системе властных отношений. Центральными фигурами элиты являлись первые секретари обкома ВКП(б), председатели облисполкома, а также директора крупнейших промышленных предпри-

ятий, которые входили в региональную номенклатуру. Их социальный портрет отличался рядом характерных черт.

По социальному происхождению элита была преимущественно «народной»: большинство руководителей происходили из рабочих и крестьянских семей. Секретари обкома Н. С. Патоличев и Г. Д. Сапрыкин, председатель облисполкома А. А. Белобородов — выходцы из рабочих и крестьян. Среди директоров заводов наблюдалась аналогичная картина: М. С. Завражнов, Г. С. Хламов, М. У. Конорев имели крестьянское происхождение, З. Д. Шульман, С. М. Беленький, Я. И. Сокол происходили из семей служащих и рабочих. Происхождение из социальных низов служило важным легитимирующим фактором, позволявшим власти позиционировать себя как истинно народную.

Национальный состав элиты был преимущественно русским, однако встречались и представители других национальностей: З. Д. Шульман, С. М. Беленький, Я. И. Сокол — евреи, М. У. Конорев, В. П. Пшеничный — украинцы⁸. Семейное положение было традиционным: практически все руководители были женаты и имели детей, жены часто работали инженерами на заводах.

Образовательный уровень руководителей был достаточно высоким для своего времени. Практически все представители элиты имели высшее образование, полученное в 1920–1930-е гг. Н. С. Патоличев окончил Военную академию химической защиты, Г. Д. Сапрыкин — Московский институт стали, Г. С. Хламов — Московский автомобильный институт, З. Д. Шульман — Ленинградский химико-технологический институт. Многие проходили стажировки за рубежом: Г. С. Хламов в 1937–1938 гг. обучался на автомобильных заводах в США, М. С. Завражнов в 1938 г. находился в спецкомандировке в Испании, А. В. Куранов — в Чехословакии. Это свидетельствовало о том, что советская власть высоко ценила западный технологический опыт. Высокий образовательный ценз объяснялся потребностями индустриализации, управлять сложным производством могли только технически грамотные специалисты.

Анализ возрастных характеристик показывает, что элита Челябинской области в 1941–1953 гг. была относительно молодой. Средний возраст секретарей обкома и председателей облисполкома в начале войны составлял 35–40 лет. Патоличев стал первым секретарем в 34 года, Г. Д. Сапрыкин — возрасте около 35 лет, А. А. Белобородов — в 38 лет. Директора заводов также были преимущественно людьми среднего возраста: например, Г. И. Носов возглавил ММК в 35 лет, С. А. Полянецв стал директором завода в 35 лет, М. А. Перцев — в 34 года. Достаточно моло-

дой состав элиты являлся непосредственно следствием сталинских чисток 1930-х гг. После войны возрастной состав постепенно «старел», однако ротация кадров продолжалась: часть руководителей были выдвинуты на общесоюзный уровень, их место занимали новые люди. Тем не менее к 1953 г., несмотря на репрессивные чистки, прошедшие в 1949–1952 гг. и коснувшиеся как партийных руководителей региона, так и директорского корпуса, значительная часть элиты сохранила свои позиции, что свидетельствовало о стабильности номенклатурного аппарата.

Карьерные траектории элиты складывались по схожему сценарию: путь от мастера, технолога или инженера до директора крупного завода, затем переход на партийную или советскую работу. Типичный представитель начинал трудовую деятельность в 15–16 лет рабочим, затем получал образование и последовательно проходил ступени заводской иерархии. Например, С. А. Полянцев начал работать техническим конторщиком в 1918 г., окончил Томский технологический институт и к 35 годам стал директором завода⁹. М. С. Завражнов прошел путь от слесаря до директора эвакуированного в Челябинск завода № 62. Н. С. Патоличев, прежде чем возглавить Челябинский обком, уже руководил Ярославским обкомом, что отражало практику ротации кадров в условиях войны. После войны его карьера достигла общесоюзного уровня: он возглавлял Управление ЦК по проверке партийных органов, был первым заместителем министра иностранных дел, а затем министром внешней торговли СССР. М. С. Завражнов начал слесарем, затем стал директором завода № 62, руководил его эвакуацией в Челябинск, а после войны работал в Госплане СССР. Г. С. Хламов прошел путь от мастера до главного инженера автозавода им. Сталина, затем стал директором автозавода в Миассе и впоследствии министром автомобильной промышленности СССР. Г. И. Носов начал слесарем, затем стал директором Магнитогорского металлургического комбината¹⁰. А. И. Самохвалов достиг высшего уровня — был народным комиссаром цветной металлургии СССР, начав свой карьерный путь в подростковом возрасте рассыльным аптеки, позднее став котельщиком судоремонтного завода в Саратове. Типичной была и карьера А. А. Белобородова, прошедшего путь от агронома до председателя облисполкома. Важно отметить, что некоторые директора имели опыт работы в партийных и советских органах: П. Е. Карпенко был членом партии с 1918 г., участвовал в Гражданской войне, работал в милиции и банке, затем стал директором Чебаркульского завода и заместителем председателя облсовета; В. М. Белоусов работал председателем райисполкома, заместителем директора завода, управлял строительными трестами.

Партийная принадлежность являлась обязательным условием вхождения в элиту. Все руководители состояли в ВКП(б), многие имели пар-

тийный стаж с 1920-х гг. Секретари обкома и председатели облисполкома входили в состав бюро и пленумов, избирались депутатами городских и областных Советов. Директора заводов, в свою очередь, являлись членами партийных бюро предприятий и нередко избирались в районные комитеты партии. Партия являлась главным каналом вертикальной мобильности и инструментом контроля над элитой.

Следует отметить, что среди элиты существовали конфликты и практики наказания. Ряд директоров заводов получали партийные взыскания: З. Д. Шульман был исключен из партии в 1952 г. и уволен с должности, И. П. Перекрестов снят с должности и исключен из партии за злоупотребления. М. И. Минеев неоднократно получал выговоры. Эти факты свидетельствуют о том, что партийный контроль распространялся и на верхушку региональной элиты. Стоит отметить, что многие руководители пришли на свои посты в результате «выдвижения» после чисток 1937–1938 гг., когда были репрессированы тысячи старых кадров.

Также стоит отметить, что наградная система являлась важным элементом социального портрета элиты, отражая признание заслуг и укрепляя легитимность власти. Почти все руководители имели государственные награды, причем многие по несколько орденов. Н. С. Патоличев после войны получил множество орденов, включая три ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени, орден Кутузова I степени. Его наградной список отражал не только военные и трудовые заслуги, но и высокий статус в номенклатурной иерархии. Г. И. Носов имел три ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени и Сталинскую премию (1942). Его награды подчеркивали исключительное значение Магнитогорского комбината для обороноспособности страны. Г. С. Хламов получил два ордена Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени и Сталинскую премию (1950). З. Д. Шульман в 1943 г. получил орден Трудового Красного Знамени, в 1945 г. медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1946 г. стал лауреатом Сталинской премии, а также получил орден Ленина и второй орден Трудового Красного Знамени. С. М. Беленький был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1942), орденом Ленина (1944), орденом Октябрьской Революции (1945) и медалью «За победу над Германией». П. Е. Карпенко в 1943 и 1945 гг. получил два ордена Ленина, в 1945 г. медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1952 и 1957 гг. два ордена «Знак Почета». Награды являлись не только формой поощрения, но и важным инструментом управления, они демонстрировали лояльность режиму, служили средством соревнования между руководителями.

Партийные руководители не только имели официально установленные льготы, но и активно изыскивали незаконные способы их расширения.

Еще в годы войны областное руководство вывело подсобное сельскохозяйственное предприятие из системы здравоохранения, чтобы его продукция обслуживала не только и не столько больницы и санатории, а питала членов обкома. После войны за счет незаконно полученных доходов от этого хозяйства, а также из секретного фонда председателя облисполкома «челябинские вожди» устраивали и содержали роскошные дачи, устраивали банкеты и бесплатные обеды, оплачивали квартиры и получали незаконные денежные пособия. Особенно ярко теневые стороны жизни региональной номенклатуры проявились в деятельности директора Кировского завода И. М. Зальцмана и его окружения. Как отмечает А. В. Сушков, на Челябинском Кировском заводе процветала коррупция: Зальцман незаконно тратил государственные средства, построил себе в годы войны дачу, устраивал за счет завода пышные банкеты, подкупив челябинское руководство. А. Н. Федоров также отмечает, что тесное взаимодействие обкома партии и дирекции завода позволяло прикрывать собственные ошибки и злоупотребления.

Стремление сохранить привилегии толкало руководство на прямые нарушения законности. Когда директор подсобного хозяйства попытался препятствовать незаконным переводам средств и настаивал на возвращении хозяйства в систему здравоохранения, руководители облисполкома сначала пытались его убедить, затем перешли к запугиваниям, а после начали добиваться его уголовного осуждения. Директор был уволен, а его жалобы в ЦК и прокуратуру остались без внимания. Лишь после того как факты незаконного снабжения продуктами и неоплаты жилья были установлены Управлением делами ЦК, а Комиссия партийного контроля признала руководителей виновными, жалобы директора были приняты к рассмотрению.

Социальный портрет партийно-хозяйственной элиты Челябинской области в 1941–1953 гг. характеризуется сочетанием нескольких устойчивых черт. Элита региона представляла собой профессиональное сообщество, практически все

руководители имели высшее техническое образование, полученное в ведущих вузах страны. Анализ биографий показывает также высокий уровень социальной мобильности в советском обществе, достоинства и возможности советской системы по подготовке профессиональных кадров, их карьерному росту, подъему реального, а не декларируемого социального статуса вне зависимости от места жительства, национальности и социального происхождения. Карьерный рост и благополучие элиты были жестко привязаны к выполнению производственных планов, успех предприятия открывал путь к наградам, продвижению и укреплению статуса, тогда как срыв производства влек за собой партийные взыскания, вплоть до исключения из партии и увольнения. Сама элита представляла собой замкнутую номенклатурную группу, все руководители являлись членами ВКП(б), многие совмещали хозяйственное руководство с партийными и депутатскими должностями, что обеспечивало контроль партии над промышленностью. Итогом деятельности элиты стало превращение Челябинской области в мощнейший промышленный центр страны, что сыграло решающую роль как в обеспечении фронта вооружением в годы войны, так и в послевоенном восстановлении и развитии индустриального потенциала региона.

Примечания

¹ Хлевнюк О. В., Горлицкий И. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М., 2024.

² Нечаева С. В. Лидеры политической элиты Челябинской области, 1934–1991 гг. Челябинск, 2007.

³ Сушков А. В. Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» во второй половине 1940-х годов // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 99–115.

⁴ Лымаев А. Н. Газеты Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Возрождение культуры народов Челябинской области : материалы регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 46–52.

⁵ Федоров А. Н. Слабые секретари: региональные руководители СССР 1946–1948 гг. в оценках ЦК ВКП(б) // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 2. С. 416–436.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-288 (Челябинский областной комитет КПСС).

⁷ Патоличев Н. С. Испытание на зрелость. М., 1977.

⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 70. Д. 1048.

⁹ Там же. Оп. 814. Д. 4328.

¹⁰ Там же. Оп. 72. Д. 472.

М. В. Бекленищева

Становление выездного туризма на Среднем Урале в 1955–1965 годах по материалам Государственного архива Свердловской области

С середины 1950-х гг. все большее место в жизни граждан Советского Союза стал занимать туризм, в том числе выездной. В полной мере это относится и к жителям Свердловской области — индустриального региона РСФСР, не имеющего границ с зарубежными государствами. В январе 1956 г. в газете «Уральский рабочий», являвшейся официальным печатным органом Свердловского обкома КПСС, впервые рассказы-

валось о туристической поездке свердловчан за рубеж. Сообщалось, что туристы из Свердловской области (металлурги, строители, железнодорожники, преподаватели и врачи) десять дней находились на экскурсии в Венгрии. Во время путешествия помимо учреждений культуры и здравниц на оз. Балатон туристы посетили два металлургических предприятия¹. В дальнейшем подобные сообщения в местной периодической

печати стали регулярными. Теме уделялось большое внимание, так как встречи жителей СССР с иностранцами призваны были способствовать формированию позитивного имиджа Советского Союза за рубежом.

Была ли Венгрия первой страной, куда отправлялись отдыхать свердловчане? Сколько человек и в каких странах побывали? Как изменялось число участников поездок за рубеж? Обратимся к материалам, сохранившимся в фонде Р-311 «Свердловский областной совет профессиональных союзов Всесоюзного Центрального совета профессиональных союзов» (Свердловский облсовпроф ВЦСПС) Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

В структуре Свердловского облсовпрофа ВЦСПС был создан отдел туристских поездок за границу. Сохранились материалы делопроизводства (протоколы заседаний областной комиссии по отбору туристов для поездки за границу, отчеты, справки). Документы свидетельствуют о том, что Венгрия была не первым государством, куда отправились свердловские туристы.

В материалах делопроизводства Свердловского облсовпрофа ВЦСПС зафиксировано, что первая группа свердловчан из 35 человек совершила туристическую поездку в ГДР в 1955 г. Из них 23 человека были жителями Свердловска, 12 человек — из области. Это были представители таких социально-профессиональных групп, как рабочие (10 человек), инженерно-технические работники (15) и служащие (10)².

В соответствии с установленным порядком трудящиеся, желающие выехать за границу в качестве туристов, должны были подать заявление в профсоюзную организацию предприятия, на котором они трудились. Заявления обсуждались на собраниях и заседаниях профгрупп в цехах и отделах. Затем каждое заявление рассматривалось на заседании фабрично-заводского или мест-

ного комитета в присутствии подавшего заявление. Далее характеристику-рекомендацию заявителю должны были подписать в учреждении или на предприятии его руководитель, руководители партийной и профсоюзной организаций после личной беседы. После этого характеристика-рекомендация заверялась в райкоме или горкоме КПСС. Подготовленные документы передавались в отраслевой областной комитет профсоюза, который на своем президиуме согласовывал кандидатуры для поездки. Далее решение о выезде принималось Свердловским облсовпрофом ВЦСПС и комиссией по выездам за границу³.

По линии профсоюзов учитывались также туристские поездки, совершенные посредством внешнеэкономического акционерного общества «Интурист». Проанализируем динамику выездов свердловчан за рубеж по профсоюзной линии в 1955–1965 гг. (см. таблицу).

Всего в 1955–1965 гг. за рубежом побывали 13 224 свердловчанина. Резкий рост турпотока с 35 человек в 1955 г. до 2236 в 1961 г. отражает институциональный сдвиг — формирование системы международного туризма и включение Свердловской области в общесоюзные туристические квоты по направлению туристов за рубеж. Динамика фиксирует не рост спроса, но расширение предложения для региональных акторов.

Пик 1961 г. (2236 человек) и последующее падение в 1962 г. почти вдвое (до 1224) с последующей стагнацией в 1962–1965 гг. коррелируют с эскалацией холодной войны (Берлинский кризис 1961 г., Карибский кризис 1962 г.). Резкое сокращение выездов в капиталистические страны в 1962–1963 гг. (с 407 до 25 человек) при относительной стабильности поездок в соцстраны демонстрирует, что культурная дипломатия, к коей относился международный туризм, была заложником геополитической конъюнктуры.

Динамика выездов свердловчан за рубеж по профсоюзной линии в 1955–1965 гг.

Год	Всего, чел.	В том числе выехало*		Количество стран
		в соцстраны	в капстраны	
1955	35	35	0	1
1956	476	372	104	19
1957	653	586	67	16
1958	953	848	105	20
1959	1137	990	147	27
1960	1800	1369	431	22
1961	2236	1829	407	35
1962	1224	1199	25	11
1963	1556	1527	29	12
1964	1561	1388	173	29
1965	1593	1433	160	20
Итого	13 224	11 576	1648	—

* Составлено по: ГАСО. Ф. Р-311. Оп. 6. Д. 677. Л. 55, 60, 67.

В страны соцлагеря в 1955–1965 гг. выехали 11 576 жителей Свердловской области. На протяжении рассматриваемого периода доля поездок в социалистические страны стабильно доминирует (71–91 %).

Рост числа стран посещения с 1 в 1955 г. до 35 в 1961 г. при одновременном увеличении общего объема туристов свидетельствует о структурном усложнении маршрутной сети. Однако сокращение количества стран до 11–12 в 1962–1963 гг. показывает, что географическая диверсификация была обратимой и зависимой от геополитической ситуации.

Всего в 1955–1965 гг. свердловчане в туристских целях посетили 55 стран. Важно отметить, что одна поездка могла включать посещение нескольких государств. Абсолютным рекордсменом по количеству посещений свердловскими туристами стала Чехословакия (4723 человека), Болгарию посетили 3038 человек, ГДР — 2791, Румынию — 2357, Венгрию — 2340, Польшу — 1272 человека. В Югославию выехали 613 человек, в Италию — 335, во Францию — 305, в Англию — 290, в Финляндию — 250, в Грецию — 234, в Турцию — 230, в Швецию — 185, в Бельгию — 65, в США — 45 человек. Наименьшее количество свердловчан в рассматриваемый период посетили Канаду и Аргентину — по одному человеку, два человека побывали в Австралии⁴.

По профессиональному составу из 13 224 человек, побывавших в 1955–1965 гг. за границей, 84 туриста были колхозниками, 2875 человек — рабочими, 4640 — инженерно-техническими работниками, 5335 — служащими, 290 человек — из прочих социальных групп (студенты, пенсионеры, домохозяйки).

Участниками зарубежных путешествий стали 8286 жителей Свердловска (63 % всех выехавших за рубеж свердловских туристов) и 4938 человек (37 %) — жители других населенных пунктов Свердловской области. Из 8286 жителей Свердловска в странах соцлагеря побывали 7068 человек, в капстранах — 1218 человек⁵.

Широкое распространение получила практика формирования специализированных групп по профессиям или из представителей одного предприятия. В 1955–1965 гг. за рубеж были направлены 5585 человек в составе 201 группы.

С 1961 г. при Свердловском облсовпрофе ВЦСПС на общественных началах действовали Совет по содействию развития зарубежного туризма и Клуб заграничного туризма, занимавшиеся продвижением этой темы среди жителей Свердловской области⁶.

Популярной формой привлечения внимания к зарубежным туристическим поездкам стали выступления путешественников перед жителями

Свердловской области. Свердловчан, побывавших за рубежом, приглашали выступить на радио. К примеру, в 1956 г. 13 человек рассказали о своих поездках в эфире радиостанции, 261 человек выступили с лекциями, в региональных периодических изданиях «Уральский рабочий» и «На смену!», городских и районных газетах публиковались рассказы туристов о своих поездках, 120 человек напечатали свои статьи в стенных газетах⁷.

На этапе становления выездного туризма Свердловский облсовпроф ВЦСПС в целях повышения качества обслуживания в 1956 г. проводил опросы среди путешественников, побывавших за рубежом. Пожелания и рекомендации от туристов были самые разнообразные и касались подготовки к поездке, состава группы, объектов посещения, количества людей в группе и продолжительности тура. Встречалась и критика работы организаторов путешествий:

С рассказом о поездке во Францию я выступал дважды... Пожелания и предложения по улучшению организации заграничного туризма весьма многообразны и в письме их все не выскажешь. Но считаю необходимым отметить как недостатки: задержку почти на целый месяц с выездом, плохую работу некоторых работников «Интуриста», неудовлетворительно поставленный отбор кандидатур для поездок подобного рода⁸.

С первых выездов свердловчан за рубеж стала очевидна разница в культурных кодах, в частности это касалось сервировки стола:

Мои личные пожелания — перед отъездом хорошо было бы проводить беседы на тему «Как пользоваться столовым прибором», а в нашей группе не у кого было посмотреть, очень неловко чувствовали себя перед грудой ложек и вилок⁹.

Таким образом, с первых путешествий появился запрос на достойную презентацию советского человека за рубежом.

В рамках подготовки к путешествию свердловчане полагали целесообразным организовать тематические занятия будущих туристов, чтобы они могли рассказать о своей стране:

В будущем необходимо самым серьезным образом отнестись к тому, чтобы в группе был приличный конфертемейстер. Учитывая, что французы проявляют к нам большой интерес в отношении нашей культуры, желательно, чтобы туристов подробнее информировали об этом¹⁰.

С самой первой туристической поездки свердловчан за границу обнаружилось, что нормы обмена валюты являются недостаточными:

Я находился в числе первой группы советских туристов в Германскую Демократическую Республику. Предложения: <...> Уточнить сумму, заменяемую валютой, которая была бы близка к реальной, потребной сумме во время срока пребывания туриста за границей¹¹.

О туристической поездке в ГДР я выступил с рассказом перед учащимися школы № 27 г. Волчанска... Мои пожелания и предложения... не следует слишком ограничивать туриста в ин[остранной] валюте. Лучше запретить приобретение вещей¹².

Высказывали туристы и пожелания по программе путешествия. В основном это касалось организации пребывания за рубежом специализированных групп, которым не всегда удавалось посетить профильные предприятия и организации:

В текущем году я побывала вместе с группой учителей Российской Федерации во Франции. Следует, как мне кажется, включать в план экскурсий и пожелания экскурсантов. Будучи во Франции 21 день, мы не смогли посмотреть (несмотря на наши просьбы) материнскую школу и лицей, так как это не было предусмотрено по плану нашими хозяевами (Лига просвещения)¹³.

О моей поездке в ГДР сообщаю... Мне бы хотелось, чтобы турбюро в будущем организовывало хотя бы одну экскурсию, учитывая профессии экскурсантов. Например, для преподавателей — школа, для врачей — больница и т. д.¹⁴.

Поездка в две страны очень хорошо, только хотелось бы, чтобы была договоренность посетить фабрики и заводы. Мы, швейники, имеем много специальных швейных машин из Германии и хотелось бы побывать там, где их выпускают¹⁵.

Интересовали свердловчан и вопросы организации быта за рубежом:

Наш тур в Чехословакии прошел очень хорошо... Очень жаль лишь, что нам не пришлось побывать в театре или в рабочем клубе и не пришлось познакомиться с бытом трудящихся Чехословакии¹⁶.

Подводя итоги, отметим, что объем и география выездного туризма (резкие флуктуации тур-

потока в 1961–1962 гг. и сокращение участников поездок в капиталистические страны) являлись зеркалом состояния международных отношений. Статистика профессионального состава выезжающих (доминирование инженерно-технических работников и служащих при незначительной доле колхозников) указывает на то, что зарубежный туризм в рассматриваемый период был прерогативой городских квалифицированных кадров.

Анализ пожеланий туристов свидетельствует о формировании «советского» восприятия туризма. Это был запрос не на «пассивный осмотр достопримечательностей», а на встречи с зарубежными коллегами, посещение рабочих мест и знакомство с бытом трудящихся. Причем зачастую это воспринималось не как дополнительная опция, а как ключевая ценность путешествия. В заключение подчеркнем, что представленные наблюдения и выводы открывают широкое поле для дальнейших научных изысканий.

Примечания

¹ Свердловские туристы вернулись из Венгрии // Уральский рабочий. 1956. 11 янв.

² ГАСО. Ф. Р-311. Оп. 6. Д. 677. Л. 51, 55, 57.

³ Там же. Л. 133–134.

⁴ Там же. Л. 51–53.

⁵ Там же. Л. 55, 59, 62, 109.

⁶ Там же. Л. 154, 157.

⁷ Там же. Д. 678 Л. 108–109.

⁸ Там же. Д. 680 Л. 24.

⁹ Там же. Л. 22.

¹⁰ Там же. Л. 46 об.

¹¹ Там же. Л. 71, 71 об.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 40.

¹⁴ Там же. Л. 55, 55 об.

¹⁵ Там же. Л. 79.

¹⁶ Там же. Л. 69.

В. В. Риконина

Индустриальный город и социальная защита: трудоустройство инвалидов по зрению в Челябинской области в 1950–1970-е годы

Послевоенный Челябинск представлял собой индустриальный организм. Город, ставший в годы войны Танкоградом, к концу 1950-х гг. сохранял статус одного из ключевых промышленных центров СССР. Челябинские тракторный, металлургический, трубопрокатный заводы предъявляли высокий спрос на рабочую силу, преимущественно физически здоровую. В этой среде категория инвалидов по зрению оказывалась в зоне социального риска: их ограничения вступали в противоречие с требованиями конвейерного производства. Именно промышленная специфика региона и ограничивала, и формировала особые модели занятости для слепых. В отличие от аграрных областей, где инвалиды могли быть

вовлечены в сезонные сельхозработы, в Челябинске единственным выходом становилось создание специализированных производственных ячеек внутри системы Всероссийского общества слепых (ВОС).

Масштаб проблемы, потребовавшей такого решения, раскрывают архивные документы середины 1950-х гг. В Челябинской области сложилась непростая ситуация: с одной стороны, существовал высокий спрос на рабочие руки, с другой — слепые оказывались исключенными из системы распределения трудовых ресурсов. Общая численность членов ВОС на начало 1957 г. составляла 1073 человека, однако за 1955–1957 гг. трудоустроено было только 153 челове-

ка, что составляло менее 15 % от общего количества¹. Основные каналы трудоустройства — артели промкооперации («Луч», им. Кирова, Островского) — не справлялись с задачей, напротив, наблюдался отток из них слепых работников. Причины виделись в следующем: низкие заработки, неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия и, что важнее, полное отсутствие адаптации производственных процессов к возможностям незрячих².

В этой ситуации учебно-производственные предприятия (УПП) ВОС стали рассматриваться как основная и наиболее эффективная форма занятости. К тому моменту в Челябинской области уже действовали пять таких предприятий: Челябинское, Магнитогорское, Миасское, Златоустовское и Полетаевское³. Название «учебно-производственное» подчеркивало их двойную функцию: здесь создавали рабочие места и профессионально переучивали людей, потерявших зрение, а также происходили их реабилитация и социализация. Инвалиды Великой Отечественной войны составляли существенную часть членов ВОС, на V Челябинской областной конференции общества слепых в 1957 г. в составе делегатов были 22 инвалида, прошедшие войну⁴.

Техпромфинплан Челябинского УПП на 1958 г. и объяснительная записка раскрывают противоречие между экономической эффективностью производства и необходимостью трудоустройства максимального количества инвалидов. Среднесписочная численность персонала Челябинского УПП составляла 208–221 человек, при этом значительная часть из них — слепые рабочие⁵. Предприятие выпускало сидения, спинки, подлокотники для автомобилей, ватные одеяла, ватники, швабры, веники, рукавицы⁶. Производство этих изделий требовало значительных трудовых затрат, но не предполагало визуального контроля, что делало их доступными для незрячих работников. Формально план был выполнен: по валовой продукции — на 103,3 %, по товарной — на 96,5 %, рост выработки составил 101,1 %. Успехи 1958 г. не были случайными: им предшествовали внушительные результаты предыдущего года. По итогам 1957 г. при плане выпуска валовой продукции на 30 952,2 тыс. руб. фактическое выполнение составило 37 024,0 тыс. руб., то есть 119,6 %. Особенно отличились миасская (137,4 %) и челябинская (116,5 %) учебно-производственные мастерские (УПМ). Снижение себестоимости по челябинской УПМ достигло 8,8 % при плане 0,2 %, а накопления (прибыль) перекрыли план на 225,5 % в целом по отделу⁷. Эти данные опровергают стереотип о том, что предприятия инвалидов были заведомо убыточными. Напротив, в конце 1950-х гг. УПМ ВОС демонстрировали высокую эффективность, что позво-

ляло им накапливать средства для капитального строительства и социального обслуживания (в том числе для путевок в санатории). За этими показателями стоял конфликт между экономической рациональностью и социальной необходимостью, который не разрешался, а лишь сглаживался за счет гибкого администрирования.

Переписка с Центральным правлением ВОС представляет картину административного давления. Центр критиковал челябинский отдел за заниженные плановые показатели и несоответствие темпов роста численности рабочих и объема производства. Наиболее яркий показатель — удельный вес зарплаты в себестоимости. По плану он должен был составлять 14,5 %, но реально достигал 16,85 %⁸. Центральное правление требовало от региона быть эффективным цехом. Правление челябинского отдела, видевшее реальную ситуацию с безработицей среди слепых, шло на сознательное занижение плановых показателей, чтобы иметь возможность принимать на работу большее количество инвалидов, даже ценой роста себестоимости и снижения выработки на одного человека.

Протоколы заседаний президиума областного отдела ВОС за 1958 г. фиксируют случаи, когда формальная процедура увольнения сталкивалась с социальной уязвимостью слепых рабочих. Двадцать пятого февраля 1958 г. президиум рассматривал жалобу члена ВОС Щукина, который уволился из Челябинской УПМ, а затем выразил желание вернуться. Проверка показала, что Щукин написал заявление «по состоянию здоровья», однако действительной причиной стала личная обида на заместителя директора⁹. Особый интерес представляет позиция областной ревизионной комиссии. Ее председатель Тарасовский и член Печерский поддержали жалобу Щукина, что спровоцировало острую дискуссию. Директор УПМ И. М. Дворецков обвинил ревизионную комиссию в том, что она «отстала от задач общества слепых лет на десять» и поддерживает «нарушителей трудовой дисциплины — пьяниц и прогульщиков»¹⁰. В свою очередь Тарасовский признал, что администрация УПМ «слабо проводит воспитательную работу среди рабочих» и не имеет права применять санкции к тем, кто отказывается вступать в хоровой кружок. Эта коллизия высвечивает более глубокий конфликт: между формальным правом администрации увольнять нерадивых работников и социальной миссией ВОС — сохранять рабочее место для каждого слепого, даже если он нарушает дисциплину. Президиум постановил принять Щукина обратно на «посильную работу», но одновременно рекомендовал усилить общественный контроль над увольнениями¹¹. Таким образом, УПП выступало как фабрика и социальный институт,

где производственная дисциплина уступала место принципу «никто не должен быть выброшен из трудовой жизни». Фактически УПП выступало в роли субсидируемого предприятия, где социальная защита ставилась выше хозяйственной рентабельности, но документально это маскировалось под «освоение новой технологии». Так индустриальный город создавал «свою» модель социальной поддержки.

К 1967 г. Челябинское УПП проделало колоссальный путь: техпромфинплан этого года показывает количественный и качественный скачок. Численность промышленно-производственного персонала достигла 337 человек, из которых 205 были инвалидами по зрению (62 %) ¹². Это означает, что предприятие перестало быть мелкой мастерской и превратилось в градообразующую социальную структуру для целой категории горожан. В ассортименте предприятия появились изделия, поставляемые по кооперации на Челябинский тракторный завод (сидения, спинки, светозащитные козырьки, муфты сцепления для трактора Т-100М, резиновые уплотнители), а также амортизаторы для радиол «Эфир-67» и «Родина-65», выпускавшиеся для радиоэлектронной промышленности ¹³. Это была уже не просто «трудотерапия» (шитье ватников и плетение веников), а полноценное участие в промышленной кооперации. Однако и здесь прослеживается влияние «тяжелой» промышленности: номенклатура оставалась вспомогательной (комплектующие, детали, упаковка).

Коллективный договор 1971 г. сочетает производство и социальное обеспечение. В нем фиксируются не только плановые задания (выполнение плана на 103 %, снижение себестоимости), но и широкий блок социальных гарантий: обязательства по улучшению жилья, организации детского сада и огородов, а главное — специальный раздел по охране труда ¹⁴. В нем упоминаются «специальные приспособления, усиление освещения, обучение рабочих-слепых». Предприятие внедрило комплексную систему научной организации труда, которая включала десять важных направлений: от обязательного выполнения плана до систематического повышения квалификации и рационализаторства ¹⁵. Особое внимание уделялось созданию «нормальных температурных и влажностных режимов» и усилению освещения рабочих мест — критически важному фактору для инвалидов по зрению.

Результаты не заставили себя ждать. В 1970 г. на предприятии не было зафиксировано ни одного случая производственного травматизма ¹⁶. Высокий уровень безопасности стал возможен благодаря регулярным санитарным дням, комиссионным обходам цехов и строгому соблюдению техники безопасности ¹⁷. Забота о здоровье слепых

работников не ограничивалась охраной труда на производстве. Протоколы заседания президиума 1958 г. свидетельствуют о систематическом направлении инвалидов по зрению в лучшие здравницы страны. Так, в 1958 г. президиум утвердил выдачу путевок в санаторий «Кисегач» и на курорт «Боржом», а также в дом отдыха «Тургояк» ¹⁸. Показательно, что путевки предоставлялись и по медицинским показаниям, и по социальному принципу: их получали инвалиды I и II групп, в том числе одинокие и многодетные ¹⁹. Это дополняет картину всесторонней реабилитации: ВОС стремилось восстановить не только трудоспособность, но и общее физическое и психическое здоровье слепых. Курорты Кавказских Минеральных Вод и уральского Тургояка становились местом не только лечения, но и общения, обмена опытом, что играло важную роль в поддержании морального духа членов общества.

Анализ архивных материалов Челябинского областного правления ВОС за 1950–1970-е гг. позволяет сделать вывод о формировании в индустриальном центре Урала особой модели социальной защиты. Специфика индустриального Челябинска создавала барьер для прямой интеграции инвалидов по зрению в экономику. Это привело к институционализации учебно-производственных предприятий как ключевого актора социальной помощи. На протяжении всего периода прослеживается напряженный конфликт между логикой плановой экономики (требовавшей роста выработки и снижения себестоимости) и социальной необходимостью (требовавшей увеличения численности занятых слепых, даже в ущерб эффективности). Ближе к концу 1960-х гг. система нашла баланс: УПП расширили номенклатуру, интегрировавшись в технологические цепочки местных заводов в качестве поставщиков трудоемких комплектующих. Это позволило одновременно повысить план и сохранить высокую долю незрячих работников.

Пример Челябинской области показывает, как в советском индустриальном городе социальная защита осуществлялась не столько через прямые дотации, сколько через адаптацию производственных сфер под ограниченные возможности человека. Учебно-производственные предприятия ВОС стали эффективным «мостиком» между человеком, потерявшим зрение, и реальностью Танкограда, превратив экономическую уязвимость региона в стимул для создания уникальной системы трудовой реабилитации.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. Р-648. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.

² Там же. Л. 24–25.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 150.

⁵ Там же. Ф. Р-648. Оп. 1. Д. 110. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 3 об. — 4.

⁷ Там же. Д. 27. Л. 38.⁸ Там же. Д. 108. Л. 2–3.⁹ Там же. Д. 27. Л. 44.¹⁰ Там же. Л. 45.¹¹ Там же. Л. 50.¹² Там же. Д. 117. Л. 3.¹³ Там же. Л. 3.¹⁴ Там же. Д. 195. Л. 10–15.¹⁵ Там же. Д. 171. Л. 72.¹⁶ Там же. Л. 73.¹⁷ Там же. Л. 74.¹⁸ Там же. Д. 27. Л. 59–60.¹⁹ Там же.

Ю. Д. Дорогина

Учительские кадры в челябинской школе в 1972–1984 годах: характеристика, динамика и проблемы¹

Период 1970-х — первой половины 1980-х гг. представляет собой относительно целостный этап в развитии кадровой политики советского государства в сфере школьного образования. Его начало связано с нормативным оформлением в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему совершенствованию общеобразовательной школы»² курса на дальнейшее развитие всеобщего среднего образования, что потребовало усиления внимания к вопросам подготовки, распределения и закрепления учителей, повышения их квалификации. Завершается данный этап реформой 1984 г.³, обозначившей переход к новым организационным и содержательным принципам функционирования школы.

На фоне этих государственных преобразований особенно показательно то, как складывалась фактическая ситуация в отдельных регионах.

В 1970-х гг. в Челябинске наблюдалось сокращение численности учителей общеобразовательных школ: с 4597 человек в 1972/1973 учебном году до 4115 человек в 1980/1981 учебном году. Затем численность учителей начинает увеличиваться — до 4321 человека в 1983/1984 учебном году (табл. 1).

влияние на общую динамику оказало сокращение численности учащихся. Так, если в 1972/1973 учебном году в школах обучалось 125 955 человек, то к 1980/1981 учебному году — 112 929 человек. Ключевым фактором такой динамики стало «демографическое эхо», обусловленное снижением рождаемости в 1960-е гг. ввиду вступления в репродуктивный возраст женщин, рожденных в военное время, что закономерно привело к последующему уменьшению численности детей, поступающих в школы в 1970-е гг. (табл. 2). В то же время для Центрального и Калининского районов была характерна противоположная тенденция, выразившаяся в увеличении численности педагогического состава в связи с открытием в каждом из них двух новых школ⁵.

На протяжении рассматриваемого периода подавляющее большинство учителей составляли женщины. В частности, в 1972/1973 учебном году среди 4597 учителей Челябинска женщин было 86 %. К 1983/1984 учебному году численность женщин среди учительского состава увеличилась еще на 4 % (табл. 3).

Приведенные данные свидетельствуют о значительном гендерном дисбалансе в сфере школьного образования, проявляющемся в устойчивом преобладании женщин. Феминизация общеобразовательной школы начала проявляться еще в конце XIX в., однако определяющим фактором в ее развитии стала Великая Отечественная война, повлекшая за собой значительное сокращение численности мужского населения страны⁶. Так, начиная с конца 1940-х гг. доля женщин в общей численности учительского состава по Челябинску превышала 70 %. К 1957/1958 учебному году данный показатель достиг 87 %⁷ и в дальнейшем, вплоть до конца рассматриваемого периода, существенных изменений не претерпел.

Качество педагогических кадров в самой общей форме зависит от двух факторов — уровня образования и стажа педагогической работы⁸.

Для рассматриваемого периода характерен рост доли учителей с высшим образованием: если в 1972/1973 учебном году 71 % учителей имели высшее образование, то к 1983/1984 учебному году этот показатель достиг 76 % (табл. 4). Вместе с тем значительная часть педагогического состава (24 % в 1972/1973 учебном году) имела среднее специальное образование. В первую очередь это касалось учителей начальных классов, а также

Таблица 1

Численность учителей общеобразовательных школ⁴

Учебный год	Район						Город
	Советский	Центральный	Калининский	Металлургический	Тракторозаводский	Ленинский	
1972/1973	657	629	795	924	655	937	4597
1974/1975	626	616	853	832	610	922	4459
1976/1977	543	696	836	772	561	856	4264
1977/1978	545	698	786	747	567	819	4162
1980/1981	493	685	967	665	547	757	4115
1982/1983	493	708	1012	665	571	758	4207
1983/1984	504	814	1018	602	578	805	4321

Сокращение числа учителей общеобразовательных школ было обусловлено совокупным действием нескольких факторов. Определяющее

Таблица 2

Численность учащихся школ г. Челябинска⁹

Учебный год	1972/1973	1974/1975	1976/1977	1977/1978	1980/1981	1982/1983	1983/1984
Количество учащихся	125 955	117 446	111 720	113 961	112 929	120 161	124 388

Таблица 3

Гендерный состав учителей¹⁰

Учебный год	Район												Город	
	Советский		Централь- ный		Калинин- ский		Металлурги- ческий		Трактороза- водский		Ленинский			
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1972/1973	561	96	552	77	648	147	804	120	585	70	786	151	3936	661
1974/1975	538	88	522	94	727	126	720	112	522	88	795	127	3824	635
1976/1977	464	79	609	87	727	109	656	116	494	67	771	85	3721	543
1977/1978	458	87	607	91	755	31	644	103	506	61	708	111	3678	484
1981/1982	431	62	612	73	858	109	594	71	490	57	686	131	3671	503
1982/1983	430	63	671	37	913	99	582	83	513	58	680	78	3789	418
1983/1984	454	50	681	133	913	105	596	6	522	56	712	93	3878	443

Таблица 4

Уровень образования педагогических кадров¹¹

Учебный год	Уровень образования				Лиц, не имеющих полного среднего образования
	Высшее	Лиц, имеющих законченное среднее специальное или среднее общее образование			
		Среднее специальное	Из них педагогическое	Общее	
1972/1973	3584	1213	1021	149	93
1983/1984	3642	1061	896	41	—

учителей физической культуры, музыки и пения, изобразительного искусства, трудового обучения. Эти предметы в школах традиционно относились к «неосновным», потому полагалось, что для их преподавания достаточно среднего образования. К 1983/1984 учебному году доля специалистов без высшего образования незначительно снизилась и составила 22 %.

Кроме того, в рассматриваемый период существовала практика привлечения к преподаванию данных предметов лиц, вовсе не имевших профессионального образования и обладавших лишь средним общим, что противоречило официальным требованиям к педагогической квалификации. Еще в 1970 г. в постановлении Совета министров СССР «Об Уставе средней общеобразовательной школы» было закреплено требование к педагогическим кадрам: «Учителя <...> должны иметь соответствующее специальное образование»¹².

Тем не менее численность учителей без соответствующего образования неуклонно сокращалась: если в 1972/1973 учебном году таких учителей насчитывалось 149 человек (3 %), то к 1983/1984 учебному году — всего 41 человек (1 %).

На фоне общей статистики заслуживает внимания качественное повышение образовательного уровня учителей начальной школы. За

рассматриваемый период доля педагогов, имеющих высшее образование, выросла вдвое: с 15 % в 1972/1973 учебном году до 30 % в 1983/1984 учебном году.

Следовательно, можно утверждать, что в начале 1980-х гг. система школьного образования располагала более подготовленным и профессионально компетентным педагогическим составом, что отражало общую тенденцию к повышению требований к квалификации учителей.

Высокий уровень образования — неотъемлемая составляющая профессионального мастерства, однако для достижения подлинного профессионализма необходимо не только образование, но и практический опыт. Распределение учителей по педагогическому стажу демонстрирует существенную структурную трансформацию кадрового состава (табл. 5). К началу 1980-х гг. сформировалась ярко выраженная неоднородность педагогического состава: с одной стороны, более чем в полтора раза выросла численность наиболее опытных педагогов, с другой — зафиксирован резкий приток молодых специалистов. Одновременно группа учителей со средним стажем (от 5 до 15 лет) последовательно сокращалась. В результате школы опирались на ядро опытных учителей при активном пополнении кадров молодыми специалистами.

Таблица 5

Стаж педагогической работы учителей Челябинска¹³

Учебный год	Стаж				
	Менее 5 лет	5–10 лет	10–15 лет	15–25 лет	25 лет и более
1972/1973	788	723	829	1541	712
1977/1978	658	663	700	1588	1042
1983/1984	1020	557	630	1181	1147

Неоднородность кадрового состава к 1983/1984 году обусловлена изменениями демографической ситуации. Как уже отмечалось, с начала 1980-х гг. наблюдалось увеличение численности учащихся общеобразовательных школ. Это привело к увеличению нагрузки на действующий кадровый состав и, как следствие, к необходимости расширения штата учителей. Органы народного образования отреагировали на это увеличением выпуска специалистов из педагогических учебных заведений и распределением их в школы города. Поэтому на фоне увеличения числа школьников группа учителей со стажем до пяти лет быстро увеличилась.

В образовательной среде традиционно считалось, что профессиональное мастерство учителя определяется прежде всего стажем работы. Однако стаж и профессионализм не находятся в прямой зависимости. Наиболее заметный рост мастерства обычно приходится на первые пять-семь лет педагогической деятельности. В дальнейшем стаж сам по себе уже не обеспечивает профессионального развития: оно возможно только при условии постоянного обучения, повышения квалификации и освоения новых методов работы.

В этой связи возросшие требования к профессиональной подготовке учителей обусловили необходимость систематического повышения квалификации педагогических кадров:

...Возрастает ответственность учителя перед обществом за обучение и воспитание молодого поколения. Учитель всем своим поведением, во всех своих поступках и действиях должен служить примером для учащихся, быть образцом высокой коммунистической нравственности, идейной убежденности, культуры, принципиальности и широкой эрудиции¹⁴.

Процесс повышения квалификации педагогических работников осуществлялся на базе различных образовательных и производственных структур: в институтах усовершенствования учителей, институтах повышения квалификации, на факультетах повышения квалификации при высших учебных заведениях, на курсах повышения квалификации при передовых предприятиях и в других учреждениях¹⁵. Центральную роль в этом играл институт усовершенствования учителей, который занимался изучением, обобщением и распространением педагогического опыта, а также повышением идейно-политической и деловой квалификации учителей¹⁶. Деятельность института усовершенствования учителей реализовывалась посредством проведения курсов, раз-

работки методических указаний и списков литературы, чтения лекций, а также организации научно-практических конференций с целью обмена опытом работы.

В соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 16 апреля 1974 г. № 273 «Об аттестации учителей общеобразовательных школ» была официально введена систематическая аттестация педагогических кадров. «Аттестация, — отмечается в постановлении, — должна способствовать распространению передового педагогического опыта, повышению эффективности труда и персональной ответственности каждого учителя за качество обучения и воспитания учащихся»¹⁷. Тем самым государство стремилось стимулировать педагогов к постоянному профессиональному росту и улучшению методик преподавания. В контексте реализации данного постановления Челябинский областной исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся назначил проведение первого этапа переаттестации учителей общеобразовательных школ с 1 января 1976 г.¹⁸

Планируемая аттестация преследовала двойную цель: совершенствование профессионального уровня учителей и оптимизация кадрового состава посредством выявления и последующего отстранения не соответствующих требованиям специалистов. «Аттестация — это не чистка, — отмечал заведующий Челябинским облоно Н. С. Костин на кустовом совещании директоров школ в 1975 г., — а смотр интеллектуальных и нравственных сил учителя, аттестация — это не самоцель, а средство активизации педагогического труда и работы школы по выполнению директив партии»¹⁹.

В ходе аттестации работа учителей должна была оцениваться по следующим категориям: «соответствует занимаемой должности и заслуживает поощрения»; просто «соответствует»; «соответствует, но должен учиться»; «не соответствует»²⁰.

В рамках проведения аттестации перед органами народного образования, институтами усовершенствования учителей, районными методическими кабинетами возникла необходимость организации методической помощи учителям. В первую очередь речь идет о педагогах, которым были даны конкретные рекомендации по результатам анализа их профессиональной деятельности. Анализ собранных материалов, проведенный институтами усовершенствования учителей, позволил выявить типичные недостатки в работе педагогов. На основе этих данных были разработаны учебные планы и программы

тематических курсов, направленные на систематическое устранение выявленных пробелов в знаниях и навыках педагогов²¹. Курсы повышения квалификации учителей различных предметов были ориентированы на повышение идейно-теоретической подготовки, освоение содержания новых учебных программ, а также на приобретение новых методов и средств обучения²².

Система повышения квалификации учителей посредством прохождения курсов в институте усовершенствования учителей складывалась из нескольких этапов: предкурсовой работы, включающей выполнение педагогом предварительных заданий, обучения непосредственно на курсах, а также послекурсовой работы, которая охватывала выполнение послекурсовых заданий, участие в методической работе, межшкольных или школьных методических объединениях и самообразовательной работы. Курсы выполняли не только образовательную, но и контролирующую функцию, предусматривая проведение практических и самостоятельных работ слушателей, а также сдачу зачетов²³.

В сложившейся системе профессионального развития педагогических кадров учреждения народного образования обеспечивали прохождение курсового обучения большей частью педагогов один раз в пять лет²⁴.

Весомый вклад в повышение квалификации педагогических кадров вносили наряду с институтом усовершенствования учителей школьные, кустовые и городские методические объединения, при этом особое внимание уделялось самообразованию, которое служит фундаментом для непрерывного профессионального развития.

В условиях часто меняющихся методик обучения профессия учителя, возможно, более других нуждается в самосовершенствовании, накоплении знаний. Учитель остается таковым только до тех пор, пока он занимается самообразованием. Если он потерял интерес к познанию нового, он лишь формально может именоваться учителем²⁵.

Несмотря на важность, придаваемую самообразованию, на практике оно носило преимущественно формальный и идеологически окрашенный характер²⁶. Учителя сталкивались с неоднозначными и противоречивыми требованиями со стороны различных структур: отдела народного образования, института усовершенствования учителей, методических кабинетов. Эти требования зачастую были неопределенными и недостаточно конкретными, что затрудняло их понимание и выполнение. В результате многие учителя не были готовы к самостоятельному развитию и повышению своего профессионального уровня.

Недостаточная поддержка и сложности в организации обучения способствовали возникновению текучести кадров, которая особенно остро ощущалась в отдельных общеобразовательных школах города. На 1972/1973 учебный год текучесть кадров составляла 16 %. Однако с начала 1980-х гг. этот показатель начинает сокращаться в связи с высокой потребностью в педагогических кадрах и к 1983/1984 учебному году достигает 9 % (табл. 6). Это последовательное улучшение ситуации стало возможным благодаря системе государственного распределения: молодые специалисты, приехавшие в школы, должны были в обязательном порядке отработать там три года. Именно эта мера позволила закрепить учителей на местах.

Таблица 6

Текучесть учительских кадров²⁷

Учебный год	1973/1974	1974/1975	1975/1976	1976/1977	1979/1980	1982/1983	1983/1984
Выбыло учителей	782	714	446	666	587	555	446

Наибольшая потребность в кадрах наблюдалась в предметных областях, имеющих фундаментальное значение для образовательного процесса, таких как физика, математика, русский язык и литература. Систематическая нехватка преподавателей по данным дисциплинам приводила к формированию кадрового дефицита: «Проблема дефицита кадров касалась 7–8 классов, — вспоминает И. В. Сибириков, учившийся в школе Центрального района, — в частности, преподавания русского языка и литературы. У нас очень долго не могли найти преподавателя, и в результате эти предметы замещались другими. Проблемы с русским языком и литературой дошли даже до района: родители обращались туда, потому что полгода нет русского языка и литературы»²⁸.

Текучесть кадров среди учителей была обусловлена рядом факторов. Один из них — социально-бытовая неустроенность специалистов.

Стоит отметить, что жилищные условия являлись важным фактором закрепления в профессии специалистов, особенно это касалось молодых учителей²⁹. Значительная часть педагогов проживала в общежитиях или коммунальных квартирах, что ограничивало их возможности для комфортного жилья и создавало дополнительные стрессовые ситуации. В частности, около 90 % учителей в Челябинске в начале 1970-х гг. проживали в подобных условиях, и к 1984 г. этот показатель остался неизменным.

Вопросы обеспечения учителей жильем решались недостаточно эффективно. К 1979 г. нуждались в получении квартир около 800 работников просвещения. Учителя ожидали своей очереди на жилье более 15–20 лет. Так, например, по состоянию на 1979 г. четыре человека стояли в очереди с 1959 г. Вместе с тем даже то небольшое количество жилплощади, выделяемое горисполкомом учителям, ежегодно сокраща-

лось³⁰: в 1976 г. было выделено 415 м², в 1977 г. — 377 м², в 1978 г. — всего 196 м².

Снижение привлекательности профессии учителя также являлось значимым фактором. Основной причиной этого выступало отставание уровня заработной платы педагогических работников от темпов роста оплаты труда в других отраслях экономики³¹. Согласно статистическим данным, в период с 1972 по 1984 г. средний доход учителей увеличивался заметно медленнее, чем средний заработок представителей иных профессий, что способствовало снижению престижа профессии, особенно среди мужчин (табл. 7).

Таблица 7

**Динамика заработной платы учителей
в сравнении с другими категориями
трудящихся³²**

Год	Средняя зарплата, руб.			
	учи- телей	в целом по народному хозяйству	рабочих промыш- ленности	инженерно- технических работников
1972	113,1	130,2	151,2	197,6
1975	125,7	140,7	183,7	215,4
1980	135,0	179,8	202,1	221,5
1983	144,8	163,9	211,0	228,1

В 1972 г. заработная плата учителей увеличилась в среднем на 20 %. Однако за этот же период средняя заработная плата рабочих и служащих увеличилась на 44 %³³. Следовательно, несмотря на повышение ставок, темпы роста заработной платы учителей существенно отставали от темпов роста средней заработной платы рабочих и служащих, особенно квалифицированных рабочих и специалистов научно-технической сферы промышленности.

В 1972 г. средняя заработная плата учителя была на 25,2 % ниже среднего заработка рабочего промышленности, и на 42,8 % уступала средней заработной плате инженерно-технических работников. К 1984 г. этот разрыв увеличился: средний доход учителя оказался уже на 31,4 % ниже по сравнению с рабочими промышленности и на 36,5 % ниже по сравнению с инженерно-техническими работниками. Кроме того, необходимо учитывать, что повышение уровня заработной платы учителей в значительной мере обеспечивалось за счет увеличения учебной нагрузки сверх установленной нормы и более продолжительной рабочей недели.

Средняя продолжительность рабочей недели учителя находилась в интервале 50–60 часов и значительно превышала аналогичный показатель у трудящихся других отраслей народного хозяйства³⁴. Рост ее произошел за счет увеличения времени на подготовку к урокам, дополнительным занятиям, факультативам, в связи с переходом на новые учебные программы.

Поскольку уровень оплаты труда в сфере образования значительно уступал заработкам в промышленности, это снижало мотивацию

к долгосрочной работе в школе. В условиях доступности альтернативных вариантов занятости многие предпочитали переходить на непедagogические должности, где предлагались более привлекательные условия труда³⁵. Так, например, в 1972/1973 учебном году из профессии ушел 101 человек, а к 1983/1984 учебному году этот показатель увеличился на 12 % и составил 130 человек³⁶.

Таким образом, в рассматриваемый период произошли значительные изменения педагогического состава школ Челябинска. Динамика численности педагогов зависела прежде всего от демографической ситуации и меняющихся потребностей школьной сети. Вместе с тем постепенно улучшались качественные характеристики кадров — активизировалась работа органов народного образования по повышению их образовательного уровня. Однако качественное улучшение педагогического состава не означало преодоления системных проблем школьного образования. Сохранялись дефицит педагогов по ряду ключевых учебных дисциплин, значительная нагрузка на учителей и неоднородность кадрового состава. Низкий уровень оплаты труда, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, высокая продолжительность рабочей недели и формализация профессионального развития снижали привлекательность учительского труда и затрудняли устойчивое закрепление учителей в профессии. В этих условиях кадровая стабильность обеспечивалась в большей степени административными механизмами распределения и удержания специалистов, чем внутренней привлекательностью педагогической деятельности. Таким образом, к концу рассматриваемого периода общеобразовательные школы Челябинска в целом располагали более подготовленным педагогическим составом, однако сохранялись структурные проблемы, связанные с удержанием квалифицированных специалистов в системе школьного образования.

Примечания

¹ Научный руководитель — Т. В. Раева, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета.

² Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 июня 1972 г. «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему совершенствованию общеобразовательной школы» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. М., 1974. Т. 9. С. 195–202.

³ Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 апреля 1984 г. «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательной школы» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. М., 1985. Т. 15, ч. 1. С. 407–417.

⁴ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 999. Л. 37 ; Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 3607. Л. 18 ; Д. 3678. Л. 18 ; Д. 3893. Л. 18 ; Д. 3943. Л. 18 ; Д. 4146. Л. 18 ; Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 577. Л. 1 ; Д. 612. Л. 1 ; Д. 646. Л. 2.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 646. Л. 3–8.

⁶ Королева Е. Г. Социально-педагогический анализ процесса феминизации педагогических кадров. СПб., 1998. С. 52–53.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 21. Л. 52.

⁸ Колесников Л. Ф. Резервы эффективности педагогического труда. Новосибирск, 1985. С. 31.

- ⁹ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 999. Л. 37 ; Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 3607. Л. 18 ; Д. 3678. Л. 18 ; Д. 3893. Л. 18 ; Д. 3943. Л. 18 ; Д. 4146. Л. 18 ; Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 577. Л. 1 ; Д. 612. Л. 1 ; Д. 646. Л. 2.
- ¹⁰ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 999. Л. 37 ; Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 3607. Л. 18 ; Д. 3678. Л. 18 ; Д. 3893. Л. 18 ; Д. 3943. Л. 18 ; Д. 4146. Л. 18 ; Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 577. Л. 1 ; Д. 612. Л. 1 ; Д. 646. Л. 2.
- ¹¹ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 379. Л. 10–5 ; Д. 642. Л. 2–7.
- ¹² Устав средней общеобразовательной школы // Собрание постановлений Правительства СССР за 1970 г. № 1–21. М., 1970. С. 347.
- ¹³ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 379. Л. 10–15 ; Д. 518. Л. 3–8 ; Д. 642. Л. 2–7.
- ¹⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 июня 1972 г. ... С. 195.
- ¹⁵ Закон «О народном образовании» // Свод законов РСФСР. М., 1988. Т. 3. С. 273.
- ¹⁶ Большая советская энциклопедия. М., 1953. С. 233.
- ¹⁷ Постановление Совета министров СССР от 16 апреля 1974 г. № 273 «Об аттестации учителей общеобразовательных школ» // Собрание постановлений Правительства СССР за 1974 г. № 1–24. М., 1974. С. 243.
- ¹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 442. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 3783. Л. 14.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 447. Л. 23.
- ²¹ Худоминский П. В. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров советской общеобразовательной

школы (1917–1981 гг.). М., 1986. С. 136.

²² ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 3. Д. 86. Л. 61.

²³ Там же. Л. 61.

²⁴ Колмакова М. Н. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1961–1986 гг. М., 1987. С. 354.

²⁵ Батышев С. Я. Советская школа на современном этапе. М., 1977. С. 29.

²⁶ Кораблева Г. В. Организация методической работы педагогов Южного Урала во второй половине XX в. // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. № 4. С. 175.

²⁷ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 379. Л. 10–15 ; Д. 518. Л. 3–8 ; Д. 642. Л. 2–7.

²⁸ Сибиряков И. В. Интервью в Челябинске 04.03.2025 (из личного архива автора). С. 5.

²⁹ Борисова А. Г. Молодой учитель: труд, быт, творчество. М., 1983. С. 53.

³⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 204. Л. 430. Л. 31.

³¹ Колесников Л. Ф. Указ. соч. С. 207.

³² Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 16. Д. 1081. Л. 1–2, 108 ; Д. 1135. Л. 1, 109–110 ; Д. 1158. Л. 19, 26, 30 ; Д. 1170. Л. 10–11, 17.

³³ Колесников Л. Ф. Указ. соч. С. 206.

³⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 204. Д. 430. Л. 19.

³⁵ Кораблева Г. В. Школьная политика и ее осуществление в Российской Федерации в 1970–1980-е годы: опыт, уроки (на материалах Уральского региона). Оренбург, 2001. С. 167.

³⁶ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 204. Д. 633. Л. 114–115 ; Ф. Р-1068. Оп. 4. Д. 410. Л. 15–19.

В. А. Лукманова

Антиалкогольная политика в эпоху перестройки: опыт Магнитогорска (1985–1987)

Изменения, происходившие в СССР в период правления М. С. Горбачева, носили масштабный характер. Политический курс, направленный на ускорение и перестройку всей государственной системы, должен был существенно изменить жизнь советского народа. Частью подобных изменений стала антиалкогольная кампания, потребовавшая от советского общества искоренения пьянства как социального явления.

В статье поднимается тема реализации политики по борьбе с пьянством на локальном уровне — в Магнитогорске. На основе анализа архивных номеров газет «Магнитогорский рабочий» и «Магнитогорский металл» демонстрируется, как всесоюзные меры воплощались на городском уровне, предпринята попытка их систематизации. Хронологические рамки работы охватывают период с мая 1985 г. — время начала антиалкогольной кампании — до январского Пленума ЦК КПСС 1987 г., так как завершение его работы ряд отечественных историков считают началом нового этапа процесса перестройки.

Актуальность введения новых мер по борьбе с пьянством обуславливалась остротой проблемы, что подтверждают и данные по Челябинской области. В первой половине 1980-х гг. в регионе фиксировалось увеличение количества людей, побывавших в медицинских вытрезвителях. В 1981 г. в Кыштымском районе число пациентов медицинских вытрезвителей составляло 2638 человек, а в 1984 г. оно увеличилось уже до 3033¹.

В 1983 г. по области был отмечен рост преступности на 37 %, при этом на 41 % увеличилось количество бытовых преступлений, совершенных в состоянии опьянения². Статистические данные, приводимые начальником отдела юстиции Челябинского облисполкома, не менее показательны. Им приводится следующая статистика:

В 1984 году в области в алкогольном опьянении совершено 82,6 % умышленных убийств, 90 % разбойных нападений, 90,4 % уголовно наказуемых хулиганских действий³.

Развернувшаяся в стране и Челябинской области кампания по борьбе с пьянством получила заметное освещение в прессе. Местные газеты информировали о принятых правительством мерах, задавали общественную дискуссию. В номерах газет «Магнитогорский рабочий» и «Магнитогорский металл» нашла также отражение работа служб, которые должны были реализовывать кампанию на местном уровне и следить за исполнением постановления партии. Все эти данные позволяют выстроить типологию мер следующим образом:

1. *Административно-регуляторные меры.* К данной группе относятся меры государственного контроля над производством и продажей алкогольной продукции. Законодательная база, контролирующая продажу алкоголя во время антиалкогольной кампании, была общей для всего Советского Союза. К ней можно отнести со-

кращение количества магазинов, продающих алкогольные напитки, четко установленное время продажи алкогольной продукции, увеличение ассортимента безалкогольных напитков, доступных в магазинах, и перепрофилирование заводов по производству спиртных напитков⁴.

В рамках выполнения данных мер Магнитогорский ликеро-водочный завод перестроил свою работу. Предприятие, выпускавшее водку, настойки и винные напитки, с началом политики борьбы с пьянством частично перепрофилировалось на выпуск сиропов и соусов. Исполнение ограничительных норм по продаже алкоголя складывалось значительно сложнее. Корреспонденты, работающие в местных газетах и участвующие в рейдах по борьбе с пьянством, писали о многочисленных нарушениях со стороны продавцов. Так, учащиеся различных СГПТУ города попадались дружинникам с алкоголем или в нетрезвом состоянии. Во время одного из рейдов по городу у двоих учащихся СГПТУ № 77 было изъято сразу 20 бутылок вина⁵. Помимо продажи алкоголя лицам, не достигшим 21 года, часть продавцов магнитогорских продторгов продавала спиртное и до 14:00, и после 19:00, нарушая временные ограничения продажи⁶.

Отдельного внимания заслуживает работа ресторанов и кафе города в условиях антиалкогольной кампании. Торговля вином на розлив «из-под прилавка» рядом со скверами и парками города, например со «Сквером трех поколений», приводила к тому, что распивающих или уже сильно выпивших людей забирали сотрудники РОВД и доставляли в медицинские вытрезвители. Порой на защиту выпивающих сограждан вставали и работники кафе, и прохожие, проводящие там свое свободное время⁷. Направляющиеся по своим делам в общественном транспорте люди, становившиеся свидетелями рейдов, тоже могли заступиться за человека, задержанного в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Рабочая документация инспекторов исправительных работ Орджоникидзевского района Магнитогорска описывает немало нарушений мер по борьбе с пьянством, начиная с фактов незаконного самостоятельного изготовления алкогольной продукции в немалых количествах (например, работницей столовой детского лагеря во время заезда — 40 л) и заканчивая спекуляциями и перепродажей алкоголя, только подтверждает непопулярность антиалкогольной кампании среди населения и свидетельствует о попытках закупиться недоступным товаром в необходимом количестве⁸.

2. *Меры юридической и дисциплинарной ответственности.* В данную категорию входит комплекс санкций по отношению к рабочим — на-

рушителям мер по борьбе с пьянством. Больше всего данных имеется по мерам, принимаемым, в частности, на Магнитогорском металлургическом комбинате. Прежде всего — штрафные санкции к тем, кого поймали в нетрезвом состоянии на рабочем месте. В качестве назидания для читателей публиковались статьи, рассказывающие о том, насколько дорого может обойтись такая безответственность работнику⁹. Была создана общекомбинатовская комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Выявление нетрезвых работников ММК на проходной с раннего утра или при выходе с работы подтверждается именно результатами ее работы. Поимка данной комиссией, судя по всему, влекла за собой более серьезные последствия для сотрудника. Дело в том, что если разбирательство начинала общекомбинатовская комиссия, то в большинстве случаев за нахождение пьяным на рабочем месте или прогул работник сталкивался с последствиями в виде штрафа, выговора, направления на лечение и т. д.

По-другому дело обстояло, когда работник комбината в нерабочее время задерживался сотрудниками милиции или членами общегородской комиссии по борьбе с пьянством. В случае, когда из медицинского вытрезвителя, куда был доставлен работник, в цех поступало письмо о составлении протокола о его нахождении в нетрезвом виде, начальник цеха или мастер могли не отреагировать и не дать ход разбирательству, что называлось «всепопущенчеством» и «снисходительностью»¹⁰.

Не следует забывать и о практике товарищеских судов, которые могли действовать с разной степенью принципиальности. Так, товарищеский суд центральной электростанции Магнитогорска объявил работнику, оказавшемуся второй раз в медицинском вытрезвителе, общественный выговор с публикацией заметки о нарушителе в газете¹¹. Тем не менее нередко коллеги и начальники человека, пойманного пьяным в свободное от работы время, не считали это предметом для разбирательства. Как следствие, человек не сталкивался с предусмотренными штрафными санкциями.

Из вышеописанного можно сделать вывод, что потенциальная эффективность мер, предпринимаемых государством, хоть и не повсеместно, но подрывалась отсутствием контроля на уровне трудовых коллективов, где мастера и коллеги часто «прикрывали» нарушителей. Это приводило к двойственности и непоследовательности в их реализации.

3. *Идеолого-просветительские меры.* Это мероприятия, направленные на формирование общественной установки на трезвость как социальную норму и пропаганду отказа от алкоголя. Идеоло-

гическая работа с населением заключалась в организации различных мероприятий, направленных на антиалкогольную пропаганду: показы фильмов о вреде злоупотребления алкоголем, колонки об этом же в местных газетах, встречи различных трудовых коллективов Магнитогорска и групп учащихся с сотрудниками правоохранительных органов и медицинских учреждений, организация круглых столов, на которых также обсуждалось пагубное влияние алкоголя на организм человека, и т. д.¹²

В идеолого-просветительской работе отдельного внимания заслуживает вопрос изменения досуговых практик населения страны и пересмотр самого подхода к досугу, отдыху, встрече праздников и знаменательных дат, которые теперь не должны были ассоциироваться у советского человека с застольем и алкогольными напитками. Утопическая идея пересмотреть досуговые практики населения страны, отучив встречать дни рождения, праздновать свадьбы, проводить поминки без алкоголя, вызвала явное недоумение у городского населения. Так, газетой «Магнитогорский рабочий» было перепечатано письмо, присланное читательницей газеты «Комсомольская правда». В этом письме женщина, пожелавшая остаться анонимной, задается вопросом о том, почему отсутствуют продуманные альтернативные сценарии проведения праздничных мероприятий, например, тех же свадеб. Что показательно, спрашивает она и о том, все ли безалкогольные празднования будут поощряться и широко освещаться в качестве примера или дальше «показных» дело не пойдет и новые традиции так и не смогут закрепиться в обществе¹³. Ответ на ее вопрос известен.

В то же время Г. Г. Чугунников, председатель профсоюзного комитета ММК, предлагал магнитогорцам «разумно использовать свободное время»: посещать дворцы культуры, заниматься художественной самодеятельностью, спортом, в выходные с семьей выбираться на природу и туристические базы. В свою очередь работники данных учреждений должны были переориентироваться на массовую работу, чтобы организовать досуг всех желающих. При необходимости отпраздновать повышение сотрудника, его день рождения или проводы на пенсию Г. Г. Чугунников предлагал, через газету обращаясь к культурно-массовым работникам и самим трудящимся, разрабатывать интересные и нешаблонные сценарии, не прибегая к употреблению алкоголя¹⁴.

Обсуждая организацию летнего отдыха горожан в парках и скверах, старожилы города призывали обратиться к прошлому, вспоминая про летние кинотеатры и кафе, аттракционы, танцевальные площадки, даже игру духовых оркест-

ров. Молодежь же откровенно писала о том, что после учебы и работы компаниям ребят, гуляющим по улицам, просто нечем заняться, что, конечно, лишь частично объясняет причину распития спиртного в качестве досуга¹⁵.

Казалось бы, эффективная реализация идеологических мер по полному искоренению привычки потребления алкоголя у советского человека, чего советская власть хотела достичь в перспективе, является одной из наиболее важных. Именно эта группа мер подразумевала формирование у гражданина внутреннего стимула к сознательному полному отказу от алкоголя. Однако, несмотря на ключевое значение этого направления, поставленной цели не удалось достичь ни на местном, ни на общегородском уровнях. Основной причиной стало отсутствие реальной досуговой альтернативы и формальный характер большинства мероприятий.

4. *Медико-организационные меры.* Это комплекс мероприятий по работе с уже сформированной зависимостью и ее профилактика через систему здравоохранения.

С одной стороны, работа системы здравоохранения в указанный период характеризуется увеличением количества специализированных медицинских учреждений. Так, в Челябинской области действовали 49 наркологических кабинетов, 2083 наркологических поста, 196 наркологических пунктов, 5 лечебно-трудовых профилакториев, в которых только в 1986 г. принудительно лечились 5 тыс. хронических алкоголиков¹⁶. С другой, уже в начале антиалкогольной кампании врач и заведующая наркологическим кабинетом Магнитогорска С. В. Тарасова предложила направлять пациентов во время ежегодных медицинских профилактических осмотров дополнительно к наркологам, что, с ее точки зрения, могло бы позволить своевременно начать лечение больного человека. Она жаловалась на то, что практически полностью отсутствовал контакт между ее кабинетом и цеховыми здравпунктами¹⁷. Несмотря на недостатки системы по борьбе с пьянством, выстроенной на ММК, отсутствие должного контакта между медицинскими организациями на уровне города, заместитель директора комбината А. Н. Цыкунов подчеркивал, что на комбинате внимательно следят за опытом работы по преодолению пьянства, анализируя наиболее эффективные меры медицинского характера, реализуемые другими предприятиями, например московским ЗиЛом¹⁸.

Начальник юридического отдела комбината А. А. Рудченко предлагал расширить в городе сеть медицинских учреждений, помогающих зависимым, и ужесточить контроль за «употребляющими», анализируя эффективность нововведений. Оценка эффективности состояла в работе со

статистикой: какому количеству больных удалось помочь, а какому — нет¹⁹.

Также планировалось открыть новый, современный наркологический кабинет для оказания помощи жителям города.

Последним пунктом в системе медицинских учреждений для тех, кому не удавалось помочь, становились лечебно-трудовые профилактории, где терапия сочеталась с трудовой деятельностью.

Таким образом, медицинское направление кампании, несмотря на вложенные ресурсы и видимую инфраструктуру, страдало от фрагментарности и слабой координации между уровнями здравоохранения (город — предприятие).

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что на уровне конкретного города можно проследить все сильные и слабые стороны антиалкогольной кампании как всесоюзной инициативы. С одной стороны, были предприняты конкретные и комплексные шаги, реализация некоторых из них действительно дала свои результаты: продажа спиртных напитков по Челябинской области была сокращена, временно снизился уровень смертности. С другой стороны, на каждом из этих направлений борьба с бытовым пьянством сталкивалась с сопротивлением — как активным, так и пассивным. Многочисленные нарушения правил торговли, факты самогонварения и спекуляции, практика «всепрощеньства» в трудовых коллективах и откровенное недоумение граждан демонстрируют глубокий разрыв между директивами сверху и реальностью на местах. При анализе становится ясно, что лучше всего реализовывались меры административно-регуляторного характера, так как их исполнение зависело от контролирующих государственных органов, — запретительные меры, принятые на законодательном уровне. Меры, реализация которых требовала одобрения, а где-то и энтузиазма совет-

ского общества, реализовывались с разной степенью личностной и групповой убежденности ответственных лиц, что в конечном итоге сказалось на эффективности проведения всей политики по борьбе с пьянством.

Таким образом, пример Магнитогорска наглядно показывает, что кампания, несмотря на благие цели по оздоровлению нации, не смогла реализоваться прежде всего из-за отсутствия общности между государственным партийным аппаратом и народом, став в итоге одним из самых противоречивых символов эпохи перестройки.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 199. Д. 86.

² Там же. Д. 154.

³ Коротков А. Наказание для всех. Закон обязателен для всех. За трезвый образ жизни // Магнитогорский металл. 1985. 13 июня.

⁴ Фокина С. Н. Антиалкогольная кампания Советского государства второй половины 1980-х годов на территории Челябинской области // Приоритетные направления развития науки и образования. 2015. № 2 (5). С. 72–73.

⁵ Пологов П. Голосую за трезвость! Спросить строгою // Магнитогорский рабочий. 1985. 9 июня.

⁶ Машиев А. Голосую за трезвость! В обход правил // Там же. 16 авг.

⁷ Бутахов А., Дятел В. Голосую за трезвость! Неспешная перестройка // Там же. 3 сент.

⁸ Аверкина Л., Юмагулова Ю. За эффективный труд и здоровый быт. А рядом были люди // Магнитогорский металл. 1985. 18 нояб.

⁹ Подольский А. Сколько стоит водка // Там же. 19 сент.

¹⁰ Подольский А. За трезвый образ жизни. На работу с запахом // Там же. 1986. 15 февр.

¹¹ Ямщиков В., Фомин В., Токарев Л. Судят товарищи. Пьянству — бой // Там же. 1985. 6 июня.

¹² Матюшечкина Т. На актуальную тему // Там же. 24 авг.

¹³ В. А. Тревожное письмо // Там же. 3 дек.

¹⁴ Чугунинов Г. Г. Братся за дело серьезно // Там же. 9 июля.

¹⁵ Смирнов С. Все те же проблемы. Вечером после шести... // Магнитогорский рабочий. 1985. 10 авг.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 199. Д. 21.

¹⁷ Быстрова В. Здоровье людей — наше богатство // Магнитогорский металл. 1985. 18 мая.

¹⁸ Быстрова В. Чтобы требовательность стала нормой // Там же. 16 июля.

¹⁹ Рудченко А. А. Пока не поздно. За эффективный труд и здоровый быт // Там же. 1986. 8 июля.

Часть V
История повседневности

И. В. Кунц

К вопросу о хозяйственно-экономических функциях исетских казаков в 1730–1740-е годы

Как известно, в середине 1730-х гг. появляется Исетская линия крепостей, укрепления которой отнюдь не стоит называть изолированными поселениями: казаки занимались скотоводством, косили сено, сеяли рожь и пшеницу (то есть вели собственно хозяйство, во многом аналогично служилому городскому казачеству XVII в.). Как отмечал Г. Х. Самигулов, соседствующие с ними башкиры также имели скот и в некоторых местах обрабатывали землю. Между ними периодически происходили конфликты, связанные с выпасом скота: то башкирский скот проходил по казачьим посевам, то казачий забредал на башкирские пастбища или покосы. В связи с этим в сентябре 1745 г. в Миасскую крепость поступил указ от Исетской провинциальной канцелярии:

На поданное доношение Исецкой провинции башкирских старшин Таймаса тархана Шаймова с товарищи которым просили обороны от причиняемых им яко от Челябинских и других крепостей казаков обид о потрахх насевных хлебов и о прочем в Исецкой провинциальной канцелярии рассмотря определение учинено и им старшинам объявлено ле чтоб они всем башкирцам живущим близь крепостей объявили и накрепко подтвердили дабы в летнее время скота своего в близости крепостей и насевного казачьего хлеба не держали и травить не допускали о чем чрез сие подтверждаетца и крепостным казакам чтоб табунов своих близь башкирских деревень и насевного хлеба потому ж не гоняли и потравы не чинили¹.

Первые казаки набирались из разных социальных категорий и этнических групп. Определяя территориальную принадлежность первых переселенцев, А. И. Конюченко обращает внимание, что примерно половина семей родилась в европейской части России, вторая — в восточной части Урала и Западной Сибири. Самые дальние переселенцы происходили из северо-запада России (Архангелогородская и Ингерманландская губернии), а также со Среднего Поволжья (Казанская и Нижегородская губернии)². В документах переписи Челябинской крепости «хлебная скудость» упоминается в качестве основной причины миграции переселенцев из европейских губерний России, включая «уральские» уезды (Хлыновский, Кунгурский, Чердынский, Осинский)³. Однако данная формулировка практически отсутствует в описаниях выходцев с восточного склона Урала и из Западной Сибири. Этот факт позволяет предположить, что аграрный кризис, связанный с истощением почв и неурожаем, в меньшей степени затронул восточные территории. Подходя к проблеме голода в европейской части России, А. И. Конюченко считает косвенным подтверждением остроты проблемы рассмотрение Сенатом в 1734 г. (за два года до основания Челябинской крепости) мер

по преодолению «народной скудости, происшедшей от хлебного недорода»⁴.

Казаки активно участвовали в инициировании строительства церквей. В Челябинской крепости вопрос о строительстве первого храма был поднят уже через год после основания крепости в 1737 г. А. И. Конюченко приводит рапорт подпоручика Кузнецова, который сообщал, что в Челябинской крепости «жителей де уже поселилось немалое число, а церкви де имеются от оной крепости в данном разстоянии и поселившаяся как крестьяне, так и протчие обыватели желают построить во оной крепости церковь»⁵. Также казаки частично интегрировались в систему церковного самоуправления. В казачьих общинах Южного Урала церковные старосты избирались из числа казаков общины. Их кандидатуры обсуждались и утверждались на казачьем сходе. Так, например, в 1745 г. казаки Миасской крепости избрали из своего числа заместо бывшего церковного старосты Карпа Панова казака Степана Плотникова⁶. Основные обязанности старост охватывали все стороны церковной жизни. Они отвечали за сбор пожертвований деньгами, хлебом и скотом, контролировали церковную казну и регулярно отчитывались перед общиной. Хозяйственные функции также включали в себя надзор за церковными землями, организацию трудовых повинностей среди казаков и учет церковного имущества, что было особенно важно в пограничных станицах, где случались кражи.

Важными в хозяйственной деятельности казаков были вопросы связанные с транспортировкой соли. В декабре 1744 г. комиссар Челябинской крепости Пашнин докладывал о вывозе соли казаками со степных озер. Челябинская крепость получила 434 пуда 15 фунтов соли с оз. Кулат; Миасская крепость — 679 пудов. За транспортировку соли казакам полагалась плата по 5 коп. за пуд, что в сумме составило: для Челябинска — 21 руб. 72 коп.; для Миасской крепости — 33 руб. 95 коп. Общая сумма выплат — 55 руб. 67 коп., которые должны были быть выделены из соляного сбора Исетской провинциальной канцелярии⁷.

Также документ демонстрирует, что казаки Исетской провинции выполняли не только военные, но и хозяйственные функции: 1) добыча и транспортировка соли — важного стратегического ресурса; 2) организация торговли через выборных целовальников, что свидетельствует о самоуправлении в экономической сфере; 3) финансовая ответственность (выплаты за перевозку осуществлялись из государственных сборов, но под строгим учетом). Соль, вывезенная казаками, официально учитывалась в приходных книгах как Челябинской, так и Миасской крепостей, од-

нако ее реализация для жителей Миасской крепости осуществлялась непосредственно на месте. Такое решение было принято по двум ключевым причинам: во-первых, подчеркивалась сложность регулярных поездок в Челябинск; во-вторых, централизованная перевозка всей соли потребовала бы дополнительных расходов — по 1 коп. за каждый пуд, что существенно увеличило бы конечную стоимость продукта для местного населения.

Еще одним важным актом, отражающим хозяйственные функции казаков, является указ Исетской провинциальной канцелярии «о направлении казаков на рубку леса, предназначенного для строения гостиного двора и лавок в Челябинской крепости» 1747 г.⁸ Указ был направлен комиссару Миасской крепости Клементеву и казачьему старшине Пашнину на основе решения, присланного из Оренбургской губернской канцелярии. В указе говорилось, что строительство должно было осуществляться наймом или подрядом, а в случае отсутствия желающих необходимо привлечь казаков.

Помимо объектов, так скажем, гражданской инфраструктуры, казаки привлекались для строительства новых крепостей. Подробности следующего мы находим в указе Исетской провинциальной канцелярии «о присылке казаков для строительства новых крепостей» 1745 г.⁹ В указе говорилось: «...для строения вновь построенных крепостей на Уйскую линию прислать Исетской провинции казаков пятьсот шестьдесят человек».

Примечательной практикой исетского казачества была выдача земель под основание заимок¹⁰. В частности, подчеркивалось, что ими «должно было селиться так, чтобы в зимнее время для проезжающих было пристанище»¹¹. Казаки, которые получали землю, должны были слу-

жить в крепости и выполнять военные обязанности, что подчеркивает связь между гражданской жизнью и военной службой. Это было характерно для казачьего сословия.

Таким образом, мы можем говорить, что деятельность казаков включала не только военную службу, но и земледелие, скотоводство, добычу соли, строительство. Это способствовало экономическому развитию региона и укрепляло автономию казачьих общин. Казаки участвовали в строительстве храмов, избирали церковных старост и делали церковь центром социальной жизни. Экономическая деятельность казаков была тесно связана с системой самоуправления — община избирала церковных старост, участвовала в распределении земель под заимки, организовывала соляную торговлю через выборных целовальников.

Примечание

¹ Цит. по: Самигулов Г. Х. Исетская провинция: эскиз истории региона // Исетская провинция: повседневная жизнь в документах Миасской крепости : сб. док. / сост. и науч. ред. Н. А. Антипин и др. Челябинск, 2024. С. 27.

² Конюченко А. И. Причины переселения крестьян, оказавшихся по своей и Божьей воле в Челябинской крепости // Гороховские чтения : материалы XIII регион. музейн. конф. Челябинск, 2022. С. 216–217.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Конюченко А. И. Первый храм в Челябинской крепости в контексте сакрализации пространства в ходе русской колонизации Урала и Сибири // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2024. № 119. С. 71.

⁶ Цит. по: Исетская провинция: повседневная жизнь в документах Миасской крепости : сб. док. / сост. и науч. ред. Н. А. Антипин и др. Челябинск, 2024. С. 335.

⁷ ОГАЧО. Ф. И-63. Оп. 1. Д. 1. Л. 435–436.

⁸ Исетская провинция: повседневная жизнь ... С. 440.

⁹ Там же. С. 313.

¹⁰ Там же. С. 281–289.

¹¹ Там же. С. 284.

С. А. Кусков

Пребывание графа Петра Апраксина в Успенском Далматовском монастыре

В ходе реализации проекта «Документальное наследие Южного Урала: возвращая забытое» сотрудники Объединенного государственного архива Челябинской области выявили и описали несколько тысяч документов, связанных с различными аспектами существования Исетской провинции, старейшей административно-территориальной единицы — предшественника Челябинской области¹. На территории Исетской провинции Успенский Далматовский монастырь являлся наиболее значимым религиозным учреждением, а также административным и хозяйственным центром, что нашло отражение в архивном фонде монастыря². Ныне документы монастыря хранятся в Государственном архиве в г. Шадринске. К сожалению, из-за пожара в монастыре были утрачены самые старые документы XVII — первых лет XVIII в.; однако более поздние события местной истории отражены в бума-

гах монастыря весьма подробно. Особый интерес исследователей привлекают документы о военной истории, восстаниях, колонизации и основании в крае новых поселений³. Государство время от времени использовало хорошо укрепленный приграничный монастырь в качестве тюрьмы для содержания политических преступников; обращение к этим эпизодам позволяет выявить на первый взгляд неочевидные связи далекой периферийной провинции с высшими государственными и придворными кругами империи⁴.

Один из самых статусных узников Успенского Далматовского монастыря — генерал-поручик граф Петр Федорович Апраксин. В наказание за двоеженство он по воле императрицы Екатерины II пребывал в монастыре более двух лет⁵. Дата приезда секретного арестанта в монастырь зафиксирована в рапорте подпрапорщика лейб-гвардии Прокопия Путкова к настоятелю архи-

мандриту Иоакиму от 6 сентября 1775 г. Вместе с унтер-офицером в монастырь прибыли трое солдат для неотлучной охраны арестанта. Дата отъезда 8 января 1778 г. написана на письме генерал-аншефа князя М. Н. Волконского об освобождении графа⁶.

Апраксины — древний боярский род, который столетиями поставлял высших администраторов, генералов, деятелей науки и искусства, давно входил в круг высшей придворной аристократии⁷. В 1682 г. они породнились с царствующей семьей, что Екатерина II и ее вельможи, решая участь графа Петра Апраксина, не могли не учитывать⁸. Решение о заключении в монастырь во времена сравнительно мягкого «просвещенного абсолютизма» свидетельствует о крайней степени монаршего недовольства порочными проступками графа. В отличие от политических практик первой половины XVIII в. он не был окончательно извержен из благородного сословия, не лишился наследственных поместий и даже формально сохранил генеральский чин. О состоянии здоровья и поведении арестанта регулярно справлялся московский генерал-губернатор князь Михаил Никитич Волконский, а опосредованно (из докладов князя) — и сама императрица. Она лично принимала решение о месте и условиях заключения оскандалившегося графа, о допуске к нему врача, а затем и о замене ареста ссылкой в губернский город Казань.

Факт заключения пятидесятилетнего графа в Успенский Далматовский монастырь уже введен в научный оборот⁹. В данной статье рассмотрим документальный комплекс в фонде монастыря, отразивший это событие, а также попробуем оценить масштаб изъятия материалов, произведенного в 1778 г. требованию Московской конторы Тайной экспедиции. По монастырским документам сложно судить о карьере и личной жизни П. Ф. Апраксина до ареста, но они (документы) являются крайне важным источником о повседневности, состоянии здоровья за период заключения графа в монастырских стенах.

Документы Успенского Далматовского монастыря о П. Ф. Апраксине подшиты в одном деле¹⁰. Большая их часть является исходящими бумагами: это отпуска и черновики писем, адресованных генерал-аншефу князю М. Н. Волконскому, начальнику канцелярии Главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов Якову Фомичу Рооде (и его преемнику на той же должности Петру Ивановичу Рычкову). На следующий день после приезда в монастырь арестованного графа и его охраны (7 сентября 1775) настоятель направил князю М. Н. Волконскому «подтверждение», что им получено «высочайшее повеление» об участии графа-арестанта. В письме архимандрит Иоакимф пересказывает важнейшее: граф не лишен воинского звания, а находится в подчинении у настоятеля¹¹. Высочайшего повеления и инструкций из Тайной экспедиции в монастырских бумагах нет (хотя запечатанный пакет из Тайной экспедиции был вручен

архимандриту лейб-гвардии подпрапорщиком Прокопием Путковым¹²), но об их содержании мы можем судить также по другому исходящему монастырскому документу, датированному тем же днем. Седьмого сентября настоятель выдал подпрапорщику «наставление» об охране секретного арестанта. В деле подшита копия «наставления», выполненная набело, без помарок (что не характерно для делопроизводства монастыря). Согласно «наставлению», два охранника постоянно находились при арестанте, ему воспрещалось выходить из выделенной ему кельи куда-нибудь кроме «церкви божией», принимать гостей, пользоваться бумагами и чернилами, получать письма. С графом запрещалось вести разговоры на отвлеченные темы. При этом солдатам наказали «озлобление и неучтивости кроме своей должности отнюдь не чинить»¹³. Помимо подпрапорщика лейб-гвардии Московского батальона (в некоторых документах он записан как унтер-офицер) Прокопия Путкова графа посменно охраняли солдаты Александр Григорьев, Федор Колупаев и Клим Прозоровский¹⁴.

М. Н. Волконский, будучи руководителем Московской конторы Тайной экспедиции¹⁵, ежемесячно получал от настоятелей краткие секретные «репорты» о поведении, образе мыслей, занятиях и состоянии здоровья арестанта. Из месяца в месяц из монастыря рапортовали, что граф «определенный ему жребий» «несет с крайним признанием известного ему прегрешения» и «в церковь святую на славословие божие ходит каждодневно». В сложившихся условиях единственным доступным занятием для арестанта стало чтение религиозных книг: «...и притом всегда упражняется в чтении церковных принадлежащих до душеспасительных законов книг»¹⁶. Книги для чтения имелись, так как монастырь обладал самой большой в Исетской провинции библиотекой религиозного содержания¹⁷. «Репорты» настоятеля сразу же приняли стандартизированный канон, в отпусках рапортов за первые месяцы нового 1776 г. по невнимательности переписчики проставляли предыдущий 1775-й. Устоявшийся канон «репортов» поломали болезнь графа и смена настоятеля: в начале 1777 г. вместо архимандрита Иоакимфа (Кашперова) настоятелем стал игумен Адам (Аркудинский). Спустя год после прибытия секретного арестанта в монастырь в своем «репорте» за август 1776 г. Иоакимф впервые докладывает о болезни графа: арестант посещает все церковные службы, «кроме приключавшихся ему болезненных припадков». Та же формулировка повторена в «репортах» и за другие месяцы. А 1 декабря архимандрит зафиксировал, что граф «одержим жестокою болезнию» и не выходит из своей кельи из-за болезни правой ноги¹⁸. То есть во второй половине 1776 г. болезнь заключенного очевидно прогрессировала.

Девятнадцатого марта 1777 г. начальник канцелярии Главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов Яков Фомич Рооде направил «высокопреподобному отцу архиман-

дritу» секретное письмо, которое вместе с ордером князя Волконского привез из Екатеринбурга в Далматовский монастырь «из здешнего гофшпиталя» лекарь Иван Бенкен. Ордера князя в бумагах монастыря нет. Рооде упомянул, что допуск лекаря разрешен по высочайшему повелению (ее копии тоже нет). Иван Иванович Бенкен добрался до монастыря за два дня и уже 21 марта занялся больной ногой арестанта, без промедления заказал медикаменты. Рецепты лекаря на изготовление лекарств были отпущены из аптеки в Екатеринбурге «штаб-лекарем». Первого апреля 1777 г. настоятель записал, что граф уже встает с постели и может ходить по келье. При посещениях Иваном Ивановичем кельи больного арестанта всегда присутствовали караульные солдаты¹⁹. Двадцать первого мая 1777 г. новый настоятель игумен Адам обратился в канцелярию главного правления, чтобы еще раз и «без задержания» к графу прислали того же лекаря. Двадцать шестого мая И. И. Бенкен приехал в монастырь и находился при больном по меньшей мере до 1 июня²⁰.

Однако 18 июня состояние графа резко ухудшилось. Через три дня через охрану «его сиятельство» «призвал к себе» монастырского служителя Алексея Мерзлякова (так как настоятель был в отъезде) и объявил, что «сделался болен поносом и почечуем» (почечуй — устаревшее ныне название геморроя²¹) и попросил вызвать лекаря. Далее служитель высказал пожелание, чтобы лекарь приехал с готовыми лекарствами, которыми раньше лечил больную с похожими симптомами: «...всеми теми же приключениям одержим, каковым означенная девушка имела»²². Упомянутая Мерзляковым девушка была дочерью казначея Далматовской экономической вотчины секунд-майора Василия Семеновича Завороткова, руководившего обороной монастыря в период его осады пугачевцами.

Известие о «великой болезни» графа застало настоятеля игумена Адама в слободе Петропавловской, откуда он без промедления послал с местным крестьянином письмо в Екатеринбург, дословно пересказав сообщение монастырского служителя и предложение лекаря захватить с собой и то самое лекарство. И. И. Бенкен выехал из Екатеринбурга 24 июня, а значит, через два-три дня вновь встретил своего пациента. В «репорте» от 1 июля 1777 г. игумен сообщил князю М. Н. Волконскому, что с 18 июня его подопечный пребывает в «великой болезни поносом кровавым», но по прибытии лекаря графу стало лучше. Но и это сообщение оказалось чрезмерно оптимистическим: через три дня (4 июля) игумен вновь послал в Екатеринбург за лекарем и запасом опробованных лекарств. Пятнадцатого июля Петр Иванович Рычков, новый начальник Главного правления уральских заводов, еще раз отправил лекаря И. И. Бенкена к сиятельному пациенту. И все же многочисленные поездки лекаря не были напрасными: к началу августа П. Ф. Апраксин поправился настолько, что вновь

ежедневно стал ходить в храм и выдерживать долгие церковные службы²³.

В «репорте» за октябрь 1777 г. настоятель упомянул проблемы со здоровьем в контексте исправления своего подопечного: «...в церковь божию всегда ходит, хоть ногами весьма нелегко болел, всегда ходит». В последнем декабрьском «репорте» эта мысль о болезни и исправлении графа была еще более усилена нравственной характеристикой: «...и во всем содержит себя с особливим великодушием скромно и благочестно»²⁴. Проблемы со здоровьем графа, а равно и неизменно благожелательные характеристики настоятелей могли ускорить решение об освобождении П. Ф. Апраксина из заключения. И все же хотя пребывание в монастыре сказалось негативно, оно не подорвало окончательно здоровье графа. После отъезда в Казань он прожил еще 35 лет и умер в возрасте 85 лет²⁵.

Помимо «репортов» настоятели монастыря почти ежемесячно слали князю секретные письма с просьбами о продовольственном и материально-бытовом обеспечении арестанта и его охраны, выдаче охранникам жалования, покупке графу рубах и теплых вещей. Согласно незаверенной копии ордера (то есть приказа) от 30 июля 1775 г. от князя М. Н. Волконского, данного унтер-офицеру Прокопию Путкову в Москве, в финансовых вопросах охрана арестанта была подотчетна архимандриту «того монастыря». Поначалу траты осуществлялись из привезенных охранниками средств, но к апрелю 1776 г. деньги закончились. После многократных напоминаний и просьб настоятелей через тобольского губернатора и Ялуторовскую управительскую канцелярию в монастырь стали поступать деньги. В октябре 1776 г. часть средств выдали ассигнациями, но ввиду копеечных трат на пищу, дрова и невыплаченное жалование солдатам эти ассигнации пришлось пересылать в Екатеринбург для размена на медную монету²⁶.

Шестнадцатого мая 1777 г. ответственность за содержание в монастыре графа П. Ф. Апраксина и 53 руб. на расходы арестантов архимандрит Иоакимф передал новому настоятелю монастыря игумену Адаму. Спустя три недели монастырский служитель Алексей Мерзляков объявил игумену о недостатке в 20 руб. 20 коп., потраченных по приказам прежнего настоятеля. По бумагам три четверти выделяемых средств тратились на секретного арестанта и только четверть — на его охрану. Первого ноября 1777 г. игумен писал князю М. Н. Волконскому о «крайней скудости в рубашках и в прочем белье» графа. А через месяц — о появлении задолженности перед солдатами. Это письмо — наиболее поздний документ о финансовых делах П. Ф. Апраксина и его охранников. Они покинули обитель не ранее 8 января 1778 г., оставив обязанность по охране оставшегося еще одного колодника на ответственность самих монахов. Остатки неизрасходованных средств были возвращены в Московскую контору тайной экспедиции²⁷.

Будучи арестантом в монастыре, П. Ф. Апраксин контактировал с крайне ограниченным кругом людей. Среди них подпрапорщик и трое солдат, лекарь И. И. Бенкен, архимандрит Иоакимф, игумен Адам, священник в храме и монастырский служитель Алесей Мерзляков.

Повеление об освобождении графа «из монастыря, в котором он ныне находится» и о замене тюремного заключения ссылкой в Казань Екатерина II дала князю М. Н. Волконскому 20 декабря 1777 г.²⁸ Двадцать шестого декабря он распорядился освободить графа и отправить охранников в Москву, в числе прочего князь «попросил» изъять из монастырского архива и возвратить ему его наставления и другие бумаги. На подлиннике письма имеется запись об отъезде графа 8 января 1778 г. и рядом подсчитан срок его пребывания в Успенском Далматовском монастыре: «2 года 4 мес. 2 дни»²⁹. Самым поздним документом, посвященным П. Ф. Апраксину, оказалось сообщение Шадринской управительской канцелярии от 7 января 1778 г. о готовности двух подорожных — до Москвы и Казани³⁰.

Письмо князя М. Н. Волконского от 26 декабря 1777 г. позволяет датировать и масштаб изъятия бумаг из монастырского архива. Среди них наставления Тайной экспедиции настоятелям, копия повеления императрицы Екатерины II о допуске к графу лекаря, какие-то финансовые документы.

Возможно, игумен Адам продолжил переписку с главой Московской конторы Тайной экспедицией и позднее. Об этом свидетельствуют разрозненные записи настоятеля, относящиеся к 1779 г., подшитые в одном деле с документами о графе П. Ф. Апраксине. В них приводится воспоминание (весна 1778) о намерении экономических крестьян выкрасть из монастыря секретного арестанта, а далее весьма подробно рассказывается о бунте и нападении на контору Далматовской экономической вотчины в с. Николаевском, спровоцированном экономическим комиссаром подпоручиком Володимеровым, незаконно вымогавшим деньги у подведомственных крестьян³¹.

Примечания

¹ Архивные коллекции // Документальное наследие Южного Урала XVII–XVIII веков : информ. ресурс Объедин. гос. ар-

хива Челяб. обл. URL: <https://southuralhistory.ru/kollekcii> (дата обращения: 24.06.2026).

² Нечаева М. Ю. Архивы православных монастырей Среднего Урала синодального периода: состав и сохранность // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2024. № 48. С. 208.

³ Конюченко А. И. Первый храм в Челябинской крепости в контексте сакрализации пространства в ходе русской колонизации Урала и Сибири // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. История. История Русской православной церкви. 2024. № 119. С. 63–78.

⁴ Дударенок С. М., Кораблин К. К. Тюремное заключение как способ наказания преступников в дореволюционной России (исторический обзор) // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2017. № 1. С. 30.

⁵ Тюляков М. З. За что был сослан граф Апраксин // Зырянские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган : Курган. гос. ун-т, 2012. С. 8–90.

⁶ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 944. Л. 3, 76.

⁷ Пятнов А. П. Апраксины // Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С. 128.

⁸ Володихин Д. М. «Сливки провинции»: царица Марфа Матвеевна и возвышение рода Апраксиных на царской службе // Златоустовские чтения : сб. докл. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 212–220.

⁹ Тюляков М. З. Секретный узник // Курган: история, краеведение, генеалогия. Зауральская генеалогия. Ищем забытых предков : сайт. URL: <https://www.kurgangen.ru/local-finding/Persons/Secret%20usnik/> (дата обращения: 23.06.2026).

¹⁰ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 944. Л. 1–92.

¹¹ Там же. Л. 12.

¹² Там же. Л. 17–17 об.

¹³ Там же. Л. 13–13 об.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Зайцева Е. 225 лет назад Александр I запретил пытки на допросах // Родина : сайт. URL: <https://rodina-history.ru/2026/04/14/225-let-nazad-aleksandr-i-zapretil-pytki-na-doprosah.html> (дата обращения: 25.06.2026).

¹⁶ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 944. Л. 14 об.

¹⁷ Конюченко А. И. Далматовский Успенский монастырь // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 2. С. С. 11.

¹⁸ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 944. Л. 20, 21 об.

¹⁹ Там же. Л. 25, 29, 43.

²⁰ Там же. Л. 56–57, 60а.

²¹ Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3. С. 676–677.

²² ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 944. Л. 61–61 об.

²³ Там же. Л. 61а, 61б, 63а–64а, 65 об., 67.

²⁴ Там же. Л. 70, 73.

²⁵ Долгоруков П. В. Графы и дворяне Апраксины. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/rossijskaja-rodoslovnaja-kniga/73#source> (дата обращения: 25.06.2026).

²⁶ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 944. Л. 4, 17–17 об., 35–35 об., 52–53.

²⁷ Там же. Л. 46–47, 60–60 об., 71, 72 об., 89.

²⁸ Там же. Л. 77.

²⁹ Там же. Л. 75–76.

³⁰ Там же. Л. 88.

³¹ Там же. Л. 80–86.

Ю. Д. Коновалов

Повседневная жизнь гимназистов в дореволюционном Екатеринбурге

Гимназическая система в Российской империи во многом сформировалась на основании «Устава гимназий и училищ уездных и приходских» от 8 декабря 1828 г. (первая в стране гимназия основана в 1726 г., но существенно отличалась от гимназий образца XIX в.). Гимназии можно охарактеризовать как общеобразовательные учебные заведения¹, в задачи которых входило приготовить воспитанников к слушанию

университетских лекций и «доставить способы приличного воспитания». Вводились существенные изменения в самой системе гимназий, их управлении, распределении уроков и т. п. Возглавлял гимназию директор, но с новым уставом к нему в помощь назначался инспектор, избираемый из числа старших учителей, для наблюдения за порядком в классах и ведения хозяйства в пансионах. Учреждено звание почетного попе-

чителя — для осуществления надзора за гимназией и пансионом совместно с директором. Образованы педагогические советы, на которых обсуждалось состояние гимназии и возможные меры к ее улучшению. Главными предметами признавались древние языки (латынь и греческий) и математика. Однако в дальнейшем порядок приоритетных учебных дисциплин мог изменяться (например, роль греческого языка снижалась в 1849–1871 гг.). Устав 1828 г. также вводил «телесные наказания» в порядке гимназической жизни (позднее заменив их «розгами»). Этот устав полноценно вошел в силу во всех гимназиях лишь в 1837 г., постепенно получая различные дополнения и изменения. Отечественный педагог В. Е. Рудаков при этом отмечает значимое нововведение в порядок функционирования гимназий:

Важнейшей мерой, введенной при нем, была система испытаний и аттестатов (1837 г.). На основании окончательно утвержденных в 1846 году правил этих испытаний степень успехов обозначалась цифрами (по пятибалльной системе). Теми же цифрами означались прилежание, способности и поведение учеников в ежемесячных ведомостях учителей и комнатных надзирателей².

В 1864 г. был принят еще один устав, вводивший новые учебные планы: увеличивалось число уроков по Закону Божьему, математике, древним языкам, в необходимые предметы вводились гимнастика и пение, педсоветам и преподавателям давалась полная свобода в составлении программ и выборе учебников. Следующей важной вехой в истории гимназического образования в России стал устав, утвержденный 30 июля 1871 г. По нему целью гимназий утверждалось общее образование и подготовка учащихся к университету. Вновь признавалось главенствующее значение древних языков (позднее, в 1890 г., часы занятий снова уменьшались), сокращалось преподавание естественной истории, чистописания, рисования, черчения, предоставление права преподавателям давать уроки по нескольким предметам, объединение для преподавателей обязанностей учебных и воспитательных и т. д. В 1872 г. введены правила об испытаниях при поступлении, переходе и окончании курса³.

В сфере образования Российская империя делилась на административно-территориальные единицы — учебные округа⁴. Пермская губерния в целом и рассматриваемый в рамках исследования г. Екатеринбург в частности входили в состав Оренбургского учебного округа⁵.

В дореволюционном Екатеринбурге существовало три гимназии Министерства народного просвещения — одна мужская и две женские⁶. Мужская гимназия стала первой гимназией, открытой в городе 22 октября 1861 г., была названа в честь Александра II Освободителя. Учреждение расположилось в здании Уральского горного училища. Часть финансовых вопросов об открытии и обустройстве здания на себя взяло государ-

ство, а часть — Уральские горные заводы. В честь празднования дня Казанской иконы Божией Матери (22 октября по ст. ст.) был совершен крестный ход с иконами и хоругвями из кафедрального собора к зданию Уральского горного училища. Усадьба при гимназии, построенная еще в 1855 г., также была унаследована от Уральского горного училища. Изначально гимназия занимала лишь второй этаж здания, но 8 мая 1878 г. ей передали все здание⁷. Уже 23 октября 1861 г. начались приемные испытания для поступления в гимназию. Занятия начинались 16 августа и заканчивались 10 июня (для 8-х классов — 15 мая). Каникулы распределялись следующим образом: рождественские — 12 дней, масленичные — 2, пасхальные — 9 дней⁸.

Существовал объемный перечень проступков, за которые гимназисты могли получить сниженные баллы по поведению: беспокойное поведение на уроках, чтение посторонней литературы на уроках, курение табака, шалости на уроках и переменах (например, упоминается случай бросания гимназистами снежков в проезжающих по улице людей), уход или пропуск урока, покидание пансиона без разрешения, игнорирование требований преподавателя, уклонение от посещения богослужений. Дисциплинарное взыскание полагалось и за нарушение запрета (если таковой вводился директором) на посещение цирка, театра⁹. Совершение большого числа провинностей грозило наказаниями вплоть до исключения из гимназии, в особо тяжких случаях — без права повторного поступления.

Шестнадцатого марта 1879 г. директор ходатайствовал об открытии при гимназии церкви и пансиона¹⁰. Церковь была обустроена на втором этаже здания гимназии, освящена 18 декабря 1879 г. во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В пансионе существовал свой распорядок дня: день начинался в 7:00 с молитвы, повторения уроков, чая, классных занятий; в 12:00 завтрак, затем снова классные занятия; в 15:00 обед, до 17:00 отдых, игры; затем занятия с перерывом с 18:30 до 19:00 на чай; в 20:30 ужин, в 21:00 молитва. В каникулы воспитанники увольнялись и отправлялись к заранее указанным родителями лицам¹¹.

В сохранившемся отчете о состоянии здания мужской гимназии за 1905 г. приводится подробное описание здания. Несмотря на активное развитие учебного заведения, перечисляются и проблемы, с которыми сталкивались обучающиеся и служащие гимназии. Само помещение гимназии представляло собой трехэтажное здание. На первом этаже располагались квартиры директора, инспектора, законопоучителя, эконома и старшего сторожа, а также канцелярия и кухня пансиона вместе со столовой. На втором этаже размещались девять классов, церковь с примыкающей к ней комнатой для застолий, учительская, физический кабинет, естественно-исторический кабинет, библиотека, комната для завтрака. На третьем этаже имелось четыре класса

и здесь же располагался пансион, включавший в себя две комнаты для занятий, столовую, умывальню, комнату для приема, больничную комнату, цейхгауз (склад)¹². В отчете указаны недостатки здания: тесные классные комнаты, отсутствие гимнастического зала, квартир для помощников классных наставников и сторожей, некорректно устроен люфт-клозет (туалет). Отмечается, что зданию необходимы ремонт и покраска¹³.

В протоколе заседания педсовета от 8 ноября 1916 г. приводятся сведения, что в здании имеются проблемы с большим скоплением пыли в воздухе классных помещений, о чем свидетельствовала специально собранная врачебная комиссия. Был принят ряд мер: продувание главного коридора при помощи электрических вентиляторов, еженедельное натирание полов в классах и коридорах «пылесвязывающим» веществом, а также их мытье, подметание полов в коридорах после второй и третьей перемен с помощью сырых опилок. По мнению педагогического совета гимназии, проблему неудовлетворительного состояния воздуха в помещении невозможно устранить окончательно по ряду причин: здание не отвечает современным требованиям школьной гимназии, нуждается в капитальном переустройстве (отмечается, что проект уже передан в Министерство просвещения), некачественно установлены уборные, высокая плотность учащихся, отсутствует гардероб¹⁴.

В 1903 г. гимназию посетил член Совета министра народного просвещения, действительный статский советник князь Д. П. Голицын. При осмотре зданий он высказал довольство как гимназией, так и пансионом и дал оценку поведению учащихся: «Ваши воспитанники дисциплинированы и, видимо, сами чувствуют и осознают это. Смотрят бодро и весело...»¹⁵. Князь напрямую принял участие в образовательном процессе, сам опрашивал учеников и остался доволен результатом¹⁶.

В 1860 г. в Екатеринбурге открылось женское училище 2-го разряда с трехгодичным курсом, в 1862 г. оно было реорганизовано в шестиклассное училище 1-го разряда. В 1870 г. преобразовано в женскую гимназию в составе семи классов. Женские учебные заведения не получали значительной финансовой поддержки от правительства, поэтому их содержание во многом ложилось на городские власти, различные благотворительные организации, частных лиц. В 1866/1867 учебном году открыт дополнительный педагогический класс, официально имевший статус педагогических курсов. В связи с утверждением 31 января 1874 г. новых учебных планов гимназий педагогические курсы оказались трансформированы в 8-й (педагогический) класс¹⁷. Одним из главных направлений деятельности учебного заведения в последней четверти XIX — начале XX в. являлась подготовка учительских кадров для общеобразовательных школ Екатеринбург¹⁸.

В 1882 г. состоялось открытие и освящение нового комплекса зданий Екатеринбургской жен-

ской гимназии, включавшего учебный корпус и пансион (однако сами строительные работы активно велись в 1860–1880-е гг.), построенного по проекту архитекторов В. И. Ревнера и Ю. О. Дютеля в квартале между пр. Вознесенским и ул. Колобовской (сегодня дома с адресами: ул. Карла Либкнехта, 9, и ул. Толмачева, 8)¹⁹.

Сведения о состоянии и устройстве двухэтажного учебного корпуса имеются в отчете 1913 г.: на первом этаже располагались девять классных комнат, класс для рисования, гимнастический зал, физический кабинет, канцелярия, комната для преподавателей и вестибюль. На втором этаже находились десять классных комнат, рекреационный зал, приемная комната начальницы и комната для преподавательниц (она же служила приемной врача)²⁰.

Вторая женская гимназия в Екатеринбурге была открыта как прогимназия (общеобразовательное учреждение среднего образования) 30 августа 1903 г. Спустя четыре года преобразована в женскую гимназию. В честь цесаревича Алексея Романова гимназию наименовали Алексеевской²¹. С 1909 по 1916 г. имела 8-й педагогический класс, а в 1916 г. открылся 8-й общеобразовательный класс²². Изначально гимназия располагалась в здании Алексеевского реального училища на Главном проспекте (сегодняшний адрес: пр. Ленина, 13). Однако в 1908 г. на заседании городской думы было принято решение об отчуждении земельного участка на Щепной площади (ныне упразднена, находилась на пересечении современных ул. Куйбышева, Хохрякова, Народной Воли и пер. Университетского) под строительство здесь здания гимназии и дополнительных пристроек. Примечательно, что в качестве места под строительство нового здания гимназии также рассматривалась пл. Коковинская (ныне упразднена, располагалась на территории, ограниченной современными ул. Шейнкмана — с запада, Радищева — с юга, Малышева — с севера, Сакко и Ванцетти — с востока). Причиной выбора в пользу пл. Щепной стал факт того, что Коковинская имела довольно глинистую почву, в то время как Щепная стояла на более сухом каменистом грунте²³. Позже, в 1913 г., гимназия переехала на новое место. В наши дни здание бывшей гимназии принадлежит Уральскому государственному горному университету и располагается по адресу: ул. Куйбышева, 30 (передано гимназией в 1917 г.)²⁴.

Гимназисты и гимназистки имели подробно расписанный и строгий распорядок дня, значительную часть которого составляли классные занятия. В контексте изучения повседневной жизни обучающихся интерес представляют сведения о темах занятий, изучаемых в рамках различных дисциплин. Так, в документах Екатеринбургской мужской гимназии перечислены вопросы, рассматриваемые на экзаменах, а также изучаемые гимназистами в ходе классных занятий и домашней работы. Вопросы для экзаменов в 8-м (заключительном) классе выглядели следующим

образом: по русскому языку — вопрос о частях речи; по Закону Божьему — молитвы за царя и Отечество, крестные страдания Христа, Похвальная в честь Богородицы; по арифметике — учет векселей, определение крепости раствора, задачи на проценты; по геометрии — равенство треугольников, площадь правильного многоугольника, средняя линия трапеции²⁵. Помимо этого к темам испытаний по русскому языку относилось и умение трактовать классические басни (например, «Волк и журавль» «Свинья над дубом», «Лебедь, рак и щука» И. А. Крылова). По истории требовали развернутый ответ на вопросы по крупным историческим событиям (Куликовская битва, Монгольское иго, Крещение Руси и т. д.); по географии задавались вопросы о губерниях Российской империи (например, Пермской, Московской и др.), морях (Каспийском, Черном, Балтийском и др.), странах (США, Сербии, Японии, Италии и др.). К устным экзаменам допускались ученики, успешно прошедшие письменные испытания²⁶.

Учебная программа различалась в зависимости от классов. Для 1–4-х классов по русскому языку предполагалось написание диктантов и выученных наизусть стихотворений, отрывков из книг, в то время как старшеклассники занимались анализом классической литературы, периодически зачитывались ученические рефераты, проводились литературные беседы²⁷.

Особый интерес в контексте изучения образовательного процесса представляет и пласт сохранившихся сочинений учениц 7-го класса 2-й женской гимназии по словесности и русскому языку, посвященные анализу литературных произведений отечественных классиков. В ряде экзаменационных работ рассматриваются такие литературно-художественные темы, как образ байронического героя и его репрезентация в работах Пушкина и Лермонтова, проблематика «лишнего человека», исторические личности в произведениях Пушкина (например, Борис Годунов и Петр I), «жестокые нравы» в «Грозе» Островского²⁸.

Сохранились сведения об оказании материальной помощи обучающимся в гимназиях и предоставлении определенных льгот малоимущим ученикам. В мужской гимназии существовало общество вспомоществования недостаточным ученикам Екатеринбургской мужской гимназии, основанное в 1882 г. Обществом занималось различной благотворительной деятельностью: вносило плату за обучение бедных учеников, обеспечивало выдачу им одежды, книг и иных учебных пособий, средств на улучшение питания, наем квартир²⁹. Помимо пансионеров детям, проживающим за пределами Екатеринбурга, могли предоставляться на время обучения частные ученические квартиры. При этом «нежелательными» считались квартиры, в которых проживали ученики различных учебных заведений, исключение признавалось допустимым лишь для родных братьев³⁰.

Помимо учебы в жизни гимназистов существовала и внеклассная деятельность, так или иначе связанная с учебным заведением. Одним из распространенных видов внеклассной активности являлись экскурсии. Имеющиеся данные свидетельствуют о вариативности экскурсионных маршрутов, устраиваемых учебными заведениями для гимназистов. Например, в 1916 г. учащиеся мужской гимназии посещали пожарное депо, обсерваторию, спичечную фабрику, лес в окрестностях Екатеринбурга, берега р. Исети, оз. Исетское и Шарташское, Мраморский и Каменский заводы, Каменные палатки, Верх-Исетский пруд, Верх-Исетский монастырь, «Черногородище», «Семь братьев», «Ледяную пещеру в Кунгуре». Более того, экскурсии отличались друг от друга тематикой. Существовали географические, геологические, физико-географические, исторические, естественно-исторические, религиозные экскурсии³¹. Территориально экскурсии для учащихся не ограничивались одним лишь Екатеринбургом и его окрестностями. Во время каникул могли проводиться экскурсии и в другие города: Пермь, Челябинск, Тюмень³². В 1909 г. в связи с юбилеем Полтавской победы 86 воспитанниц 1-й женской гимназии изъявили желание отправиться на экскурсию ко дню праздника в Полтаву, а 32 — в Петербург³³.

В гимназической жизни играло определенную роль празднование памятных дат. Например, уже упомянутый юбилей Полтавской победы не прошел незамеченным в 1-й женской гимназии. Имелась определенная праздничная программа: ученицы 7-х и 8-х классов должны были составить рефераты на тему праздника. Чтение рефератов предполагалось осуществить в присутствии учениц старших классов, в то время как ученицам 5-х классов было поручено выучить наизусть и рассказать отрывки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава». Для учениц младших классов показывали подходящие к тематике юбилея картины при помощи волшебного фонаря (проектор), а ученицы 8-го класса, специализирующиеся на истории, сопровождали показываемые изображения объяснениями³⁴.

Первая мировая война, ставшая масштабным событием, в том числе для Российской империи, не могла не оказать влияния на жизни учеников гимназий. Так, в 1-й женской гимназии в 1914 г. преподавательница В. А. Беляева предложила под своей редакцией начать издание собственного журнала женской гимназии «Общими силами». Распространение журнала среди учащихся являлось платным (в 1914 г. называется сумма в 25 коп. за экземпляр). Заработанные средства предполагалось направлять на покрытие расходов по печати, а оставшееся — на нужды раненных военных. По содержанию журнал предполагался научно-литературным, с размещением стихотворений, статей беллетристического характера³⁵.

Война оказала влияние, в числе прочего, и на учебную программу. Например, в 1916 г.

в Екатеринбургской мужской гимназии ввели уроки военного строя, заменившие уроки логики и гигиены³⁶. Было принято решение начать обучение учащихся «ружейным приемам», предоставив им для этого деревянные ружья, научить гимназистов военному строю. Из учеников набирались добровольцы для оказания помощи в полевых работах семьям призванных на войну. Учеников старших классов мужской гимназии также пригласили вступать в ряды Екатеринбургского вольного пожарного общества в связи с уходом большинства постоянных его работников на фронт³⁷. Гимназисты участвовали в сборе вещей и подарков для солдат, за что мужская гимназия в 1916 г. получила благодарность от генерала инфантерии М. В. Алексеева³⁸. В том же году проводился сбор средств для образования фонда оказания помощи детям воюющих — на 5 ноября 1916 г. собранная сумма составляла 2400 руб.³⁹

Поощрялось и оказание помощи попавшим в плен. Так, в переписке 2-й женской гимназии в 1917 г. упоминается призыв к отправке именных посылок в Комитет помощи военнопленным⁴⁰. До этого, в 1915 г., 2-я женская гимназия устраивала благотворительный концерт с отчислениями в пользу раненых⁴¹, а в 1917 г. также принимала эвакуированных учащихся из Петрограда⁴². Помимо перечисленного сами помещения гимназий могли использоваться под нужды ратников и ополчения⁴³.

Помимо глобальных процессов, таких как Первая мировая война, на жизнь гимназистов оказывали влияние различные локальные события, которые также заслуживают рассмотрения. Можно упомянуть случай негативного восприятия ученицами 2-й женской гимназии нового педагога по русскому языку⁴⁴. Судя по документам, ученицы неоднократно срывали занятия новой преподавательницы, что выражалось, например, в следующих ситуациях:

Был случай демонстративного оставления класса ученицей, когда преподавательница назвала фамилию этой ученицы, желая ее спросить. Наблюдалась и такие явления, когда вместо вызванной для ответа по русскому языку ученицы, отвечала не она сама, а ее подруга⁴⁵.

В итоге подобное поведение привело к отказу преподавательницы от проведения занятий и от должности в целом, а также послужило поводом к приглашению родителей учениц посетить занятия с целью установления и поддержания на них порядка⁴⁶.

Еще один интересный случай произошел в Екатеринбургской мужской гимназии. В декабре 1916 г. председатель комиссии городской думы запросил выдать разрешение ученикам на участие в переписи населения Екатеринбурга в качестве счетчиков-регистраторов. Педагогический совет гимназии принял решение отказать в связи со скорым окончанием учебного года и опасениями по поводу того, что, принимая

участие в переписи, учащиеся могут столкнуться с «не самыми лицеприятными картинками жизни, которые в воспитательном отношении нежелательны»⁴⁷.

Сохранились и некоторые сведения о более личных историях, которые происходили в повседневной жизни гимназистов. Так, в октябре 1901 г. 20-летний воспитанник мужской гимназии направился в отпуск к бабушке и не вернулся. Воспитатель пансиона вскрыл его личный стол и обнаружил там несколько записок. В первой ученик просил передать все хранящиеся здесь имущество своей тете, вторая записка была адресована отцу и имела содержание: «Я никуда не гоюсь... извините меня. Все пропало. Не беспокойтесь». В третьей записке ученик обращался к матери: «Дорогая мамочка, не печалься, так обещано мной сделать; не убивайся, а позаботься об остальных». По свидетельству товарищей и преподавателей, этот ученик был необщителен, вел себя в основном тихо, скромно и исполнительно, замечаний не получал. Дело передали в полицию⁴⁸. Спустя шесть дней потерянный ученик вернулся в гимназию, и из его рассказа стала ясна полная картина событий. По полученным от гимназиста показаниям, он принял решение отправиться в Омск, воспользовавшись железнодорожным транспортом. В Омске он посетил церковную службу, где размышлял, как ему поступить дальше — вернуться в Екатеринбург или попробовать поступить на службу в монастырь. Мотивацией к подобному поступку послужили сомнения в собственных способностях к постижению гимназических дисциплин. Интересно, что в отчете для Министерства народного просвещения директор гимназии заступился за ученика, попросив не наказывать его за проступок. В ответ министр народного просвещения выразил согласие с позицией директора и попросил в дальнейшем оказать вернувшемуся гимназисту всяческую поддержку, чтобы «путем нравственного воздействия поднять упавший дух молодого человека»⁴⁹.

Тем не менее не все подобные истории заканчивались в положительном ключе. Так, в ночь с 10 на 11 марта 1903 г. произошло убийство ученицы 8-го класса 2-й женской гимназии Екатеринбурга. Причиной смерти стало огнестрельное ранение в висок, причиненное из револьвера учащимся 1-го класса Уральского горного училища. Сам ученик произвел выстрел себе в голову и скончался ближе к утру 11 марта. Расследование, проведенное правоохранительными органами, позволило установить причину трагедии. Интерес представляют показания, данные опрошенными свидетелями из числа ближайшего окружения учащихся. Из озвученных деталей и найденных на месте события улики удалось установить, что на практике инцидент оказался двойным самоубийством на любовной почве⁵⁰.

По показаниям родственников погибшего, выходца из мещан, стало известно, что он ранее уже дважды предпринимал подобные попытки,

но его удавалось вовремя остановить, а погибшая гимназистка являлась сиротой, происходила из крестьянского сословия и проживала у бабушки (которая, по показаниям тети погибшей, плохо с ней обращалась). Тетя высказала предположение, что причиной подобного поступка стала разница в возрасте, потенциально мешавшая заключению брака (погибшей было 18 лет, а погибшему — 16; к тому же девушка уже заканчивала гимназию, а юноша только начинал учиться). Выяснилось, что пара была знакома с июня 1912 г., часто совместно занималась учебой и в целом много времени проводила вместе. В день трагедии погибший заходил вечером домой, вероятно, забрать оружие, хранившиеся у одного из его братьев в закрытом ящике стола. При осмотре места преступления следствие обнаружало письма погибших — два составленных учащимся училища, одно от гимназистки и одно совместное⁵¹.

В первом письме погибший обращается к брату:

Прости меня, [имя брата погибшего], и все — кому я делал зло. Я жить утомился. А жить так хочется. Не могу бороться [подпись].

Во втором, к погибшей:

Прости меня, [имя погибшей], но мне ничего больше не остается делать. В последний час я тебе решил сказать все: жить мне не на что, вот что заставляет меня думать о смерти. Спроси после [предположительно имя общего знакомого], он тебе все скажет: я же не могу. Не хочется мне умирать, да надо. Жить хочется, любить хочется, и быть любимым. Вот еще ты меня удерживаешь, но прости мне, я не могу иначе. Счастье, где оно? Не бывать ему. Но ведь живут же другие, почему бы и мне не пожить. Пишу тебе в 12 часов дня, а в 12 часов ночи меня уже не будет. Хочется мне еще увидеть тебя. Желаю тебе счастья, того счастья, которое от меня улетело. Не судьба видно. Не забудь левкой. Жалко тебя оставлять, умерем вместе; нет, нет, живи, стоит ли. Ведь ты можешь быть еще счастливой, а я — не судьба. Прощай. Не поминай лихом. Я тебя люблю. Твой [подпись].

Письмо погибшей:

Простите. Я одна остаться не могу. Слишком люблю его [подпись].

Совместное письмо:

В смерти не винить никого: мы умираем по общему нашему желанию, с церковью не разошлись. Просим отпевать вместе. Просим у всех прощения. Хоронить рядом. Молитесь за раба божьего [имя погибшего] и девицу [имя погибшей]. Мы оба чисты перед Богом, так и перед людьми. Не поминайте злом [Подпись]. Лучше умереть, чем страдать. Простите все. [Имя брата погибшего], не горюй; так лучше. Мы слишком любили друг друга, чтобы оставаться кому-нибудь из нас в живых. Простите нас⁵².

В заключение можно сказать, что жизнь учащихся Екатеринбургских гимназий в действительности была богата на различные события. Несмотря на строгий распорядок дня, весьма высокие

требования к дисциплине и усердию учащихся, в ней находилось место как для разного рода досуга, так и для различной внеклассной деятельности, включая посещение экскурсий и участие в праздничных мероприятиях. Как показывает содержимое сохранившихся документов, имели место и уникальные личные истории. Начало XX в. для Российской империи в целом можно охарактеризовать как период потрясений, что не могло не оказать влияния на повседневную жизнь, в том числе и учащихся гимназий. Серия глобальных событий, стремительно происходивших со страной, вынуждала учеников быстрее включаться в работы, которыми традиционно занимались взрослые, тем самым учащиеся быстрее вступали в общественную жизнь города и страны.

Примечания

¹ ГАСО. Дело фонда 4. Л. 10.

² Рудаков В. Е. Гимназия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%93%D0%B8%D0%BC%D0%BD%D0%B7%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 10.06.2026).

³ Там же.

⁴ Учебный округ // Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. М., 1956. Т. 44. С. 450.

⁵ Коротков Ю. Н. Учебные округа // Российская педагогическая энциклопедия / гл. ред. В. В. Давыдов. М., 1993.

⁶ Екатеринбург : энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 118.

⁷ ГАСО. Дело фонда 91. Л. 22 ; Диомидов Н. Историческая записка о Екатеринбургской гимназии. Екатеринбург, 1887. С. 1.

⁸ ГАСО. Дело фонда 91. Л. 24.

⁹ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 51. Л. 30–30 об., 84 об. — 85, 87 об.

¹⁰ Там же. Д. 320. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 279. Л. 10 ; Дело фонда 91. Л. 27–28.

¹² Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 74. Л. 3 ; Старков В. Екатеринбургская мужская гимназия // Мой город: Екатеринбург в памятниках истории и культуры. Екатеринбург, 2006.

¹³ ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 74. Л. 6 об. — 7.

¹⁴ Там же. Д. 60. Л. 72–73.

¹⁵ Там же. Д. 103. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 9–9 об.

¹⁷ Там же. Дело фонда 70. Л. 2, 28–29 ; Старков В. Рассадник женского образования в крае // Мой город ... ; Елисафенко М. К., Игошев Б. М., Попов М. В. У истоков педагогического образования на Урале: 1871–1910 гг. // Педагогическое образование в России. 2011. № 2. С. 7–14.

¹⁸ Там же. Л. 31.

¹⁹ ГАСО. Дело фонда 70. Л. 29 ; Свод памятников истории и культуры Свердловской области / отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 198–201.

²⁰ ГАСО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 27. Л. 5–6.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Там же. Дело фонда 4. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 об. — 5.

²⁴ Свод памятников истории и культуры Свердловской области ... С. 246.

²⁵ ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 60. Л. 12–13, 46–47.

²⁶ Там же. Д. 51. Л. 4–7.

²⁷ Там же. Д. 53. Л. 76–78 ; Будрин В. И. 50-летие Екатеринбургской гимназии. Екатеринбург, 1911. С. 73.

²⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3а.

²⁹ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 74. Л. 42–42 об.

³⁰ Там же. Д. 51. 96 об. — 97.

³¹ Там же. Д. 60. Л. 8–9 об.

³² Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

³³ Там же. Д. 20. Л. 15.

³⁴ Там же. Л. 16.

³⁵ Там же. Д. 27. Л. 86–88.

³⁶ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 60. Л. 26.

³⁷ Там же. Д. 315. Л. 146–146 об.

³⁸ Там же. Д. 60. Л. 35–36.

³⁹ Там же. Л. 75.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3а. Л. 34 об.

⁴¹ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 315. Л. 46.

⁴² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3а. Л. 34.

⁴³ Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 27. Л. 43.

⁴⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3а. Л. 31.

⁴⁵ Там же. Л. 40.

⁴⁶ Там же. Л. 40–40 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 60. Л. 66.

⁴⁸ Там же. Д. 93. Л. 4.

⁴⁹ Там же. Л. 9–11 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 8–9.

⁵¹ Там же. Л. 10–12.

⁵² Там же. Л. 13–13 об.

П. А. Первов, С. А. Сергеев

«Укрощение строптивой»: борьба с разрушительной силой реки Громатухи в первой половине XX века

В Златоусте имеется сложная сеть рек, чьи течения продолжают тесно переплетаться с судьбами горожан и историей Златоуста с середины XVIII в. Одной из таких рек является Громатуха — сегодня небольшая мелководная речка, мирно протекающая в исторической части города и впадающая в городской пруд. Но настоящее плачевное состояние ее русла и берегов заставляет задуматься о возможных последствиях недооценки ее разрушительного потенциала и невнимания к проблеме ее благоустройства. Что уже в недалеком будущем может привести к бедствиям, с которыми в прошлом сталкивалось не одно поколение златоустовцев. И здесь опыт пращуров может способствовать в решении назревших проблем.

Информация о Громатухе, ее разрушительной силе и борьбе жителей Златоуста с ней в краеведческих изданиях представлена достаточно специфично. О реке как водном объекте отмечается в «Златоустовской энциклопедии», где, в частности, приводится предположение о происхождении ее названия (топонима). Именно эта информация является основой для последующих популярных публикаций в сети Интернет. Как одна из достопримечательностей города она упоминается в публикациях И. Н. Мифтаховой «Знаменитые гости Златоуста. Д. Н. Мамин-Сибиряк», О. В. Глушковой «Малые реки Златоуста». Сведения же о бедствиях, связанных с Громатухой, представлены в изданиях: «Златоуст — город крылатого коня» и «Город Златоуст на фотографиях и почтовых открытках (1870–1917)». В каждом из них перечисляются годы наводнений и особо выделяется июнь 1909 г., когда Громатуха серьезно повредила инфраструктуру в центре города, территорию и цеха завода. Второе издание содержит семь фотоснимков, которые позволяют судить о масштабе бедствия. Грозный характер златоустовской речки, а также популярная легенда, связанная с ней, были воспеты знаменитым златоустовским поэтом и драматургом К. В. Скворцовым в произведении «Баллада о Громатухе»¹.

По замечанию известного златоустовского краеведа Н. А. Косикова, ранее река (в XVIII в.) называлась Гремячка, что было связано с грохотом, который вызывал шум переворачиваемых водой камней во время половодья².

Опираясь на данные рекогносцировочного гидрогеологического обследования г. Златоуста за

1934 г., записки о состоянии реки и мерах по ее благоустройству инженера-гидролога А. В. Невского за сентябрь 1943 г., докладной записки областной комиссии по обследованию разрушительных действий реки от 11–16 июля 1946 г., протокола областной архитектурной комиссии от 5 августа 1946 г., пояснительной записки к проекту регулирования русла реки за 1946 г.³ можно увидеть, какой была река в начале XX в.

Громатуха — это левый приток Ая. Началом реки указан склон горы Уреньга на отметке 630 м над уровнем моря. Верховье реки было заболочено, как частично и ее пойма (всего четыре участка). Основная причина заболачивания — просачивание грунтовых вод⁴. Величина водосборной площади была сходна с подобной у р. Чувашки и составляла около 5 км (точнее 5,14 км²). Питание реки осуществлялось родниками, выходящими в верхней и средней части ее течения, а также водами поверхностного стока. Всего около 13 родников. Вода в речке не пересыхала, в силу большого уклона течение оставалось быстрым. Средняя ширина речки составляла 1,5–2 м, глубина потока 10 см (по расчетам гидролога А. В. Невского в сентябре 1943 г. — нижнее течение 3–6 м, 20–30 см). На всем протяжении фиксировалось каменистое дно (гравий, щебень, отдельные валуны). Некоторые участки русла состояли из нагромождения крупных камней, сообщающих дну чрезвычайную шероховатость⁵.

Составляя описание реки, специалисты выделяли в ее русле две основные части: верхнюю, проходящую вне селения и нижнюю, протекающую по городу. Верхняя часть русла протяженностью 2 км проходила по хвойному и смешанному лесу и спускалась в узкую долину с крутыми склонами гор, которые и служили ей берегами. На расстоянии примерно 3 км вверх от городской площади река разделялась на два ручья протяженностью по 1,5 км каждый, площадь между ними была заболочена от грунтовых вод и весеннего снеготаяния. В этой части русла на 1946 г. были зафиксированы следы двух гидрологических сооружений — небольших плотин: одна — ниже слияния двух тальвегов (ручьев), вторая — напротив здания фельдшерско-акушерской службы⁶.

Нижняя же часть русла до конца 1920-х гг. была иной. В 1934 г. при описании реки инже-

неры Коммунстроая отдельно выделяли так называемое старое русло, которое частично продолжало действовать. Оно начиналось в районе современного здания медицинского техникума где пересекало ул. Ленина, далее проходило по ул. Калинина и, делая в конце улицы поворот направо, уходило вниз по пер. Красноармейскому до ул. Златоустовской, по которой уже направлялась к Аю (в него впадала ниже инструментального завода). На этом участке русло было оформлено в виде деревянной трубы высотой 1,8 м и шириной 2 м, состоящей из горизонтально уложенных брусев. Труба местами была закрыта мостовой (на ул. Ленина и в проезде с ул. Ковшова до ул. Косотурской). Расход воды в старом русле составлял около 1 л/с⁷. Всего, судя по схеме, она имела три крутых поворота и несколько мест, закрытых мостовой.

В конце 1920-х гг. было проложено новое, более прямое и ровное русло (то, которое мы привыкли сегодня видеть). Оно проходило по логу у подножья горы Бутыловки, ниже ул. 2-й Нагорной, пересекало городской сад, площадь и у плотины впадало в пруд. Перед городской площадью на участке примерно в 1 км речка введена в трубу (сечением 1,75×1 м), у выхода в пруд (на отметке 410–411,75 м над уровнем моря). Длина нижней части русла в 1943 г., по расчетам инженера-гидролога А. В. Невского, составляла 2950 м. В новом русле длина всей реки составила 4,2 км. Меженный (наименьший) расход воды определялся в 3–50 л/с (по расчетам А. В. Невского — не более 0,50 м³/с). Средний уклон русла составил 0,063 м. Рыбы в реке не водилось⁸.

Несмотря на то что Златоуст расположен в горной местности и удален от крупных водных объектов, он неоднократно становился объектом серьезных наводнений. По данным «Златоустовской энциклопедии», в первой половине XX в. стихийные бедствия были зафиксированы в 1909 (16 мая, 2 июня), 1922, 1924 (24 сентября), 1941 (24 апреля) и 1943 (конец июля — начало августа) годах. Подтопленными оказывались центральная и северо-западная части города⁹. Ввиду места расположения, протяженности и извилистости русла жертвой Громатухи становилась преимущественно центральная часть Златоуста.

Второго июня 1909 г. днем начался сильный ливень, который продолжался около двух часов. Река вышла из берегов и пошла по ул. Большой Немецкой, затем по площади. Вся масса воды хлынула в цеха завода: клинковый, меднолитейный, кузнечный, среднепрокатный и др.¹⁰ В заметке газеты «Новое время» было отмечено, что было затоплено много домов и подвалов, снесены базарные лавки, лари и заплоты. В стихии погибла проходившая в это время через улицу гимназистка¹¹. Итоги наводнения были зафиксированы фотографом Галунским. На фотоснимках хорошо просматривается эпицентр наводнения — место пресечения Громатухи и центральной улицы — Большой Немецкой (ныне ул. Ле-

нина). Здесь река была скрыта настилами мостовой. Видны крыши и стены деревянных построек, снесенных водой, огромное количество ила и камней, бревен и досок. Усматривается русло, промытое водой, идущее к оружейной фабрике и Арсеналу, где скопился весь мусор и камни, смытые водой с возвышенностей.

В конце 1930-х гг. и в период Великой Отечественной войны затоплению подвергся инструментальный завод-комбинат № 259. Вот как эти события отмечены в сводке гидрометеорологической станции Златоуста «Выдающиеся ливни с 1931–1946 гг.» от 16. июля 1946 г.:

28.07.1938 г. Осадки: 25 мм. Ливневый дождь с 17.30–17.36. Громатуха вышла из берегов, остановило завод № 259, были человеческие жертвы.

12.07.1942 г. Осадки: 66 мм. За городом прошел ливень с 13.45 по 14.45. Уровень воды реки Громатухи вышел из берегов: затопило на улице Ленина подвальные помещения, остановило завод № 259, были человеческие жертвы.

21.06.1943 г. Осадки: 3,5 мм. За городом прошел ливень, уровень воды реки Громатухи выходил из берегов.

27.06.1943 г. Осадки: 78,2 мм Ливень продолжался сильный с 14.00 до 14.15, умеренный с 14.15 — 14.30, сильный 14.30–15.45, с 15.45 — 18.00 слабый. Затопило ул. Ленина и остановило завод № 2 59 рекой Громатухой¹².

Во время ливня и наводнения 1 июля 1943 г. под угрозой затопления водой из Громатухи оказались заводской архив и светокопировальная мастерская. Однако рабочий светокопировщик Федор Максимович Кашигин проявил исключительную находчивость и спас их от затопления, за что ему была объявлена благодарность и назначена премия в размере месячного оклада. Были занесены также илом копежи у насосной станции, тоннели между цехами, дренажные канавы и вентиляционные туннели цехов № 18, 21 и лакокрасочного цеха, а также канавы у заводууправления¹³.

Пролить свет на причины, пробуждающие буйный нрав тихой горной речки, помогут исследования, проводившиеся инженерами различных организаций с 1930 по 1946 гг.¹⁴ Все причины можно разделить на две категории — общие и частные. К категории общих причин относятся особенности климата и рельефа. В данных рекогносцировочного гидрогеологического обследования Златоуста за 1934 г. отмечено, что климат города имеет ярко выраженный континентальный характер со своеобразными особенностями, обусловленными расположением на склонах главного хребта Южного Урала. Движущийся воздух с более низких точек поверхности при подъеме по склонам гор поступает в зоны низких температур и этим самым способствует процессу дождеобразования, что резко увеличивает относительную влажность. Особенно резкая разница температур Уральского хребта и прилегающих с запада равнин европейской части СССР в летний период обуславливает дождливое лето. В летний период выпадает до 50 % от годовой суммы осадков,

а на зиму в среднем приходится 10 %¹⁵. Порой летние осадки выпади в виде сильных ливней, что и становилось причинами наводнений.

Особенности рельефа отмечены в пояснительной записке к проекту регулирования русла реки 1946 г.: горный характер рельефа всего города с развитой гидрографической сетью и весьма большим падением водостоков и резкими склонами плоскостей водосборов — причина высоких скоростей воды, стекающей со склонов во время ливней.

К частным можно отнести следующие причины:

1. Геологические особенности склонов бассейна Громатухи. Они сложены коренными породами, покрытыми делювиальными отложениями, мощность которых увеличивается к подножию гор. Коренные породы представлены в основном слюдястыми сланцами, а делювий — суглинками и супесями с включением щебня. Пониженная часть бассейна представлена аллювиально-делювиальными отложениями мощностью до 10 м и более. Благодаря большим скоростям течения происходит интенсивный размыв русла и наносов в виде песка, гальки и даже камней.

2. Кривизна русла Громатухи. При нахождении реки в старом русле она имела три крутых поворота и несколько мест, закрытых мостовой. При спрямлении и прокладке нового русла проблема была решена лишь частично. Участок реки между городской баней (современная ул. Геппа) и прудом остался извилистым. Дно реки в этом месте очень шероховатое и порожистое (большое скопление крупных камней), что создавало в некоторых пунктах подпоры, а в некоторых быстротоки со скоростями порядка 6–7 м/с. Это развивало высокую эрозионную деятельность ливневого паводка, а создающиеся подпорки заставляли реку выступить из берегов.

3. Невнимательность к состоянию реки со стороны городского руководства. Как следует из изученных документов, до 1946 г. не велось систематических многолетних гидрометрических наблюдений. О Громатухе вспоминали лишь тогда, когда она выходила из берегов и становилась проблемой для жителей города и производственного цикла на заводе. Это происходило после сильных ливней, начало которых было сложно спрогнозировать. Согласно данным пояснительной записки к проекту регулирования русла реки 1946 г., вероятность сильнейших ливней, способных привести к выходу Громатухи из берегов, составляет 3 %, то есть в каждом столетнем периоде присутствуют три года, в которые может случиться очередное бедствие. При обычном дождливом лете течение реки было более или менее спокойным, но эрозивный эффект оставался. Постепенное же скапливание мусора (в том числе бытового) и грунта в узких местах и трубе в районе площади и городского сквера приводило к полной их закупорке, снижению пропускной способности, что становилось причиной выхода реки из берегов в виде отогнанного гидравлического прыжка, «вала воды» из реки, позже пере-

ходящего в надвинутый гидравлический прыжок¹⁶.

Если первые две причины общего характера невозможны к устранению ввиду их глобальности, то остальные — частного характера — оказались вполне доступны для осмысления и обработки человеческим интеллектом. На протяжении всей первой половины XX в. разрешение проблемы купирования разрушительной силы Громатухи сводилось к благоустройству русла, снижению скорости воды и укреплению берегов.

В дореволюционный период берега реки, особенно в нижней части ее течения (в городской застройке), укреплялись горизонтально уложенными деревянными брусками, чтобы они возвышались над уровнем земли. Размер трубы (канавы, лотка) составлял 1,8 м в высоту и 2 м в ширину¹⁷. Кроме того, как показывает план-схема центра города начала XX в., в среднем течении Громатухи имелись три небольшие плотины (запруды), которые так или иначе могли регулировать поток и скорость течения.

В послереволюционные годы (конец 1920-х — начало 1930-х) вопрос благоустройства русла вышел на качественно высокий уровень. Фотоснимок, датируемый этим временем, сохранил момент работы горожан над прокладкой и расширением нового, спрямленного русла реки. Работы выполнялись в летнее время с использованием ручного труда. На некоторых участках реки берега были укреплены подпорными стенками из постелистых бутовых камней на мху¹⁸.

В 1930–1934 гг. вопросом благоустройства русла Громатухи занимался Свердловский институт «Уралгипрогор», в 1938–1939 гг. — Государственный институт съемки и планировки городов и проектирования гражданских сооружений НККХ РСФСР (Гипрогор). Были составлены эскизы и рекомендации. В частности, специалисты Уралгипрогора предложили сделать ступенчатые каменные лотки на всем протяжении регулируемого участка нижнего русла. Напротив, предложением Гипрогора было устройство сплошного быстротока каменной конструкции с одним колодцем-гасителем в конце его¹⁹.

Судя по документам, эти решения не были претворены в жизнь, ибо события июня — июля 1943 г. вновь заставили вспомнить о разрушительной силе Громатухи. По данным инженера-гидролога А. В. Невского, проводившего исследование русла Громатухи в сентябре 1943 г., ливень в городе шел четыре дня: 27 июня, 1, 4 и 15 июля. Подтоплению подвергся завод № 259. Для восстановления деятельности некоторых цехов приказом директора Николая Николаевича Шилина № 374 от 2 июля 1943 г. были направлены рабочие. Работы проводились по специальному графику, утвержденному главным инженером завода — с 8:00 до 20:00. Позже, 4 июля, рабочие были направлены на расчистку русла реки с целью отвода воды от завода. Однако из 50 рабочих цехов № 18 и 26 эту работу выполняли всего 16 человек под руководством заместителя началь-

ника цеха № 18 Фадеева и мастера Васильева. Все они были премированы — получили по одной паре кожаных ботинок. Ликвидация последствий наводнения 15 июля потребовала еще большего количества рабочих. Были задействованы коллективы 16 цехов — 930 человек. Рабочие трудились в две смены с 8:00 до 18:00. В помощь ликвидаторам были выделены 12 транспортных платформ и две автомашины, им было обеспечено однократное питание в столовой²⁰.

Следующим исследователем проблемы буйного нрава Громатухи был инженер-гидролог А. В. Невский, который составил подробную записку о своих исследованиях, проведенных в сентябре 1943 г. Выводы инженера были неутешительны — при дальнейшем затягивании реконструкции русла реки последствия могут быть еще более плачевные. Поэтому он предложил незамедлительно, уже с весны 1944 г. начать процесс благоустройства. Все работы разделить на два этапа. Но к первоочередным мероприятиям он отнес следующие:

1. Провести расширение русла до 6 метров по дну, при наибольшей глубине живого сечения 2,5–3 м. Вынутый грунт использовать для подъема берегов в тех местах, где его не достает.
2. Провести расчистку русла от отложившихся наносов (камень, песок).
3. Провести подъем берегов, создать дамбы на берегах шириной 2 м разной конструкции: сухую и мокрую.
4. Укрепить мокрые откосы в размываемых участках укладкой каменных плит на подготовке из мелко-го камня и щебня;
5. При возможности — устроить в реке нескольких перепадов (уступов) из бутовой кладки для уменьшения течения в количестве 70 штук, длиной не более 2 м, со средним расстоянием между ними в 42 м²¹.

Последним же проектом реконструкции русла Громатухи в первой половине XX в. стал «Проект благоустройства русла регулирования ливневого стока р. Громатухи», который был разработан по заказу проектно-сметного отдела Управления главного архитектора г. Златоуста знаменитым миасским инженером В. В. Северьяновым в 1945 г.²² После детальной проработки итогов прошлых исследований, а также собственных вычислений он обнаружил неточности при расчете количества воды, притекающей к определенной точке в русле реки. При применении формулы Кестлина — Николаи с предложениями профессора Дубелира (норматив для расчетов максимальных расходов дождевых паводков), принятой научно-исследовательским комитетом Народного комиссариата путей сообщения СССР 22 сентября 1928 г., были использованы уменьшенные данные, что привело к недооценке максимального объема воды, способного при сильном ливне собраться в русле реки. Инженер математически доказал, что труба, проложенная через городскую площадь и сквер, при сильном ливне способна пропускать в секунду лишь 3,5 м³, тогда как необходимый объем пропускаемой воды должен быть порядка 25 м³ в секунду.

Также В. В. Северьянов, опираясь на теорию вероятности, подсчитал, что вероятность выхода Громатухи из берегов составляет 3 %²³.

На основании полученных данных инженер Северьянов предложил следующие решения по реконструкции русла: на участке с отметки 487,5 до 127,5 построить систему из чередующихся четырехступенчатых перепадов (двух каменных и двух деревянных порогов) и пяти лотков-быстротоков (двух деревянных и трех каменных), сечением 4×1,8 м каждый, а также устроить каменные и деревянные подпорные стенки. Проект был рассмотрен на заседании городской архитектурной комиссии 24 мая 1946 г., а 5 августа — архитектурной комиссией при начальнике Челябинского областного отдела по делам архитектуры²⁴. Областная комиссия указала на необходимость доработки проекта:

1. Запроектированные в дереве быстротоки и перепады перепроектировать на каменные.
2. Расчетный расход Громатухи проверить по формуле профессоров Горбачева и Соколовского с последующим внесением соответствующих поправок в принятые величины отверстий мостов, лотков, быстротоков и перепадов.
3. Для регулирования развивающихся скоростей потока крепления тальвега и улавливания твердого стока запроектировать дополнительные регулирующие сооружения на протяжении 1,2 км.
4. Для регулирования развивающихся скоростей потока крепления тальвега и улавливания твердого стока запроектировать меры борьбы с оврагами путем крепления их вершин и тальвегов соответствующими сооружениями.
5. На склонах долины предусмотреть устройство нагорных канав и восстановление дернового покрова, нарушенного индивидуальными огородами.
6. Запроектировать укрепление верховьев, склонов и тальвегов насаждениями быстрорастущих кустарников и деревьев.
7. Предусмотреть приведение в порядок существующих и устройство новых уличных ливневых канав с отводом их в укрепленные овраги и тальвеги.
8. При начале проектирования провести качественную нивелирно-теодолитную съемку бассейна Громатухи²⁵.

Сделанные заметки практически совпали с выводами другой областной комиссии под председательством начальника областной инспекции Госархстройконтроля инженера Б. П. Ильина, которая работала в Златоусте с 11 июня по 16 июня 1946 г. Кроме прочего комиссия предложила безотлагательно провести следующие мероприятия:

1. Работы по регулированию реки довести до ее разветвления. Путем устройства нескольких перепадов из габионов Пальвиса (короба из проволоки, заполненные камнем).
2. Обратить внимание на недопустимость нарушения дернового покрова с крутизной более 1–2 % путем раскопки их под огороды и устройства поперечных борозд.
3. В ближайшее время провести деревонасаждения в верховьях реки на месте вырубленного леса, а также укрепление склонов долины и оврагов насаждениями ивняка и прочих быстрорастущих кустарников и трав.

4. В целях предотвращения образования наносов и наледей в устьевой части Громатухи закрытый лоток в районе сквера немедленно открыть на всем протяжении с соответствующим архитектурным оформлением²⁶.

Комиссия также указала примерную стоимость работ — 3 млн руб. С учетом реконструкции других рек города — Чувашки, Каменки и крупных оврагов — сумма составила 15 млн руб. Главный аргумент в пользу столь крупных сумм — кратный размер ущерба экономике города и страны, который уже нанесла Громатуха в прошлые годы наводнений²⁷.

На сегодняшний день пока сложно сказать, удалось ли реализовать проект В. В. Северьянова и те рекомендации, что предлагали комиссии до конца первой половины XX в. На фотоснимке, имеющемся в нашем распоряжении и датированном серединой 1960-х гг., просматриваются некоторые реализованные решения в нижней части русла реки, а именно открытое широкое русло, ровные, укрепленные каменные склоны.

При проведении современной съемки русла реки из-за обилия мусора и наносов сложно определить, где расположен перепад или быстрое течение. Однако хорошо видны насаждения по берегам реки, каменные и бетонные подпорки. Определяются на участке выше музея на дне элементы старых бетонных блоков.

Несмотря на серьезную работу, проведенную различными проектировочными организациями, комиссиями и инженерами, Громатуха вновь проявила себя 11 июля 1968 г., когда из-за сильного ливня рекой были снесены постройки, деревянный мост со стоящей на нем автомашиной. Они создали залома в устье и сильный подпор воды. Вновь улицы и предприятия были затоплены²⁸.

Таким образом, Громатуха в первой половине XX в. представляла собой небольшую горную речку с ограниченным бассейном водосбора, проходящую в своем нижнем течении через историческую часть города и после прокладки нового русла впадающую в городской пруд. В истории Златоуста первой половины XX в. сохранились свидетельства о стихийных бедствиях, связанных с Громатухой. Основными причинами их являлись климат, горный рельеф местности и особенности русла реки, неспособное вместить огром-

ное количество высокоскоростных потоков воды, несущихся вниз со склонов и берегов вместе с горными породами. Основными методами решения проблемы разрушительных действий реки были: перенос и спрямление русла, определение верной пропускной способности реки, создание цепи порогов и быстротоков, укрепление берегов реки и склонов горы от разрушения. Проведенные мероприятия успехов не принесли — в 1968 г. река вновь вышла из берегов.

Примечания

¹ Косиков Н. Громатуха. URL: <http://www.zlatoust.ru/a/ze/ze.html?713> (дата обращения: 10.09.2024); Река Громатуха. Водоемы. URL: <https://www.columbista.com/ru/showplace/reka-gromatukha> (дата обращения: 09.10.2024); Мифтахова И. Н. Знаменитые гости Златоуста. Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. URL: <https://zlatmuseum.ru/science/articles/c140420210853> (дата обращения: 09.10.2024); Глушкова О. В. Малые реки Златоуста. URL: <https://zlatmuseum.ru/science/articles/c120520180754> (дата обращения: 09.10.2024); Златоуст — город крылатого коня / сост. А. В. Козлов. Златоуст, 2004. С. 69; Волокитин С. Ю., Толкач В. Д. Город Златоуст на фотографиях и почтовых открытках (1870–1917). Челябинск, 2016. С. 307–311; Скворцов К. В. Баллада о Громатухе. URL: <http://skvortsov.ru/writing/ballada-o-gromatuhe/> (дата обращения: 10.10.2024).

² Косиков Н. Указ. соч.

³ АЗГО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–67.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 2, 23, 34; Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 7 об., 34, 62.

⁶ Там же. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 70. Л. 34; Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

⁷ Косиков Н. Указ. соч.; АЗГО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 70. Л. 34, 50.

⁸ АЗГО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 70. Л. 34, 62, 63; Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 62.

⁹ Козлов А., Косиков Н. Стихийные бедствия. URL: http://www.zlatoust.ru/a/ze/st_b.html (дата обращения: 13.09.2024).

¹⁰ АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 1645. Л. 1–10.

¹¹ Там же; Волокитин С. Ю., Толкач В. Д. Указ. соч. С. 309.

¹² АЗГО. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 39 об.

¹³ Там же. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1564. Л. 8, 9, 56.

¹⁴ Там же. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

¹⁵ Там же. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

¹⁶ Там же. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 7 об., 8–29.

¹⁷ Там же. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 70. Л. 50.

¹⁸ Там же. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

¹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰ Там же. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1564. Л. 9, 10, 56, 56 об.

²¹ Там же. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 63–67 об.

²² Кто чинил «сердце» Миасса? Миасс Новостной. URL: https://vk.com/wall-21064178_25884 (дата обращения: 16.09.2024); АЗГО. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 245.

²³ АЗГО. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 10 об., 1, 12.

²⁴ Там же. Л. 3, 12 об., 20, 27, 28 об., 245.

²⁵ Там же. Л. 3–4.

²⁶ Там же. Л. 42–44.

²⁷ Там же. Л. 45.

²⁸ Златоуст — город крылатого коня ... С. 69.

Н. А. Алексеев

Здравоохранение в Челябинске сто лет назад (1926)

В 1926 г. Челябинский округ входил в состав Уральской области. Окружной отдел здравоохранения находился в административном подчинении областного отдела (Екатеринбург; заведующий Иван Степанович Белостоцкий).

Город постепенно оправлялся после эпидемий и голода начала 1920-х гг. Отходили в прошлое голодные времена предшествующих лет. Но-

вая экономическая политика государства приносила свои плоды. В Челябинском округе значительно снизилась инфекционная заболеваемость. Все реже регистрировались случаи тифа. На первое место вышли инфекции детского возраста, такие как скарлатина, корь. В конце февраля 1926 г. заведующий здравотделом горсовета Симонов подготовил обоснование о необходимости

сохранения скарлатинозного отделения в Челябинске, поскольку сохранялся высокий уровень заболеваемости у детей. В 1925 г. скарлатиной в округе заболели, по неточным данным, 2048 человек. Регистрация больных в районах была неполной. Меры борьбы со скарлатиной оценивались как недостаточные по причине отсутствия изоляционных квартир для проведения дезинфекции в очагах, изоляция и карантин не охватывали всех больных из-за малого количества специализированных коек в больницах. В городе для лечения больных со скарлатиной существовал только один скарлатинозный барак в структуре городской больницы. Недостаточно развиты были санитарные службы.

Главной мерой борьбы со скарлатиной являлась изоляция больных (в стационаре). Здравотдел просил существующий заразный барак для скарлатинозных больных сохранить до окончательной ликвидации эпидемии¹. По-прежнему оставалась высокой заболеваемость малярией. С 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. (операционный год) малярией заболели 5657 человек. Довольно много людей в городе за этот же период было укушено животными (собаками), в связи с чем окрздравотдел, чтобы не посылать пострадавших в другие города, вынужден был открыть пастеровскую станцию для проведения прививок от бешенства. За год обратились с укусами 384 человека, из них 204 пациентам были назначены прививки².

Ужесточался санитарный надзор в городе и округе. Окрисполкомом (председатель С. Н. Фези-Жилинский) и санитарной службой (А. М. Хургель, А. Н. Карамышева, Н. Н. Крыжманцев) было подготовлено постановление об обязательном предупредительном санитарном надзоре. В соответствии с ним все лица, учреждения, предприятия, организации, желающие открыть какие-либо точки общественного пользования (торговые, пищевые заведения, бани, прачечные, купальни, парикмахерские, столовые, рестораны, лечебные, воспитательные учреждения и др.), должны были иметь удостоверение о соответствии их санитарным требованиям.

Также было выпущено постановление об обязательном врачебном осмотре при поступлении на работу и периодическом осмотре рабочих по продаже и переработке пищевых продуктов, лиц, работающих в местах общественного пользования, персонала детских учреждений, домашней прислуги. Винозные в нарушениях наказывались штрафом либо принудительными работами³. После закрытия большинства инфекционных больниц, открытых во время эпидемии в начале 1920-х гг., постепенно формировалась постоянная структура лечебной сети. Но складывалась она на базе уже имеющихся учреждений, эксплуатировались здания дореволюционной постройки. За несколько лет после Гражданской войны в городе не было построено ни одного капитального больничного здания. На 1 октября 1926 г. для челябинского населения, приближающегося по чи-

сленности к 60 тыс., имелись следующие лечебные учреждения: городская больница на 360 коек (главный врач С. З. Глуховский), в том числе заразный барак на 70 коек в бывшем архиерейском доме, венерическая больница на 60 коек, больница при исправительном доме (тюрьме) на 50 коек, дом ребенка на 50 коек, дом матери на 20 коек, детские дневные ясли на 20 коек, амбулатория № 1 по специальностям (находилась при городской больнице, прием вели узкие специалисты), амбулатории № 2, 3 и 4 (амбулатории № 5, 6, 7 и 8 состояли на тот момент на балансе предприятий, но вскоре были свернуты), детская, профилактическая и зуботехническая амбулатории, консультация для беременных, детская консультация, туберкулезный и венерический диспансеры. В штате лечебных учреждений числились 50 врачей, 8 зубных врачей, 33 фельдшера, 11 акушерок. Два врача обеспечивали разъездную медицинскую помощь.

Бюджет системы здравоохранения города формировался за счет городских доходов, дотаций округа и фонда «Г» (страховые взносы); расход за год составил 381 590 руб.⁴ Одиннадцатого января 1926 г. был открыт туберкулезный диспансер без стационара (ул. Красная, 55), заведующим назначен Федор Васильевич Симонов, ординатором Григорий Герасимович Березовский. Диспансер имел кабинеты для взрослых и для детей, лабораторию. За год был принят 2141 пациент с туберкулезом. В арсенале специальных лечебных процедур: инъекции мышьяка, туберкулина, искусственный пневмоторакс, лечение кварцевой лампой⁵.

Помимо вышеперечисленных лечебных учреждений на территории города имела железнодорожная больница на 70 коек (больница Омской железной дороги), обслуживавшая рабочих и служащих Челябинского железнодорожного узла, Шумихинский, Курганский и Макушинский участки. Располагалась больница на территории бывшего переселенческого пункта, находящегося в ведении переселенческого управления при Наркомземе. На общей территории в двух зданиях находился приемный покой 5-го врачебного участка, обслуживавший рабочих и служащих Омской, Самарской и Пермской железных дорог. Больница занимала шесть корпусов, в четырех из них были развернуты отделения, в одном — прачечная, и еще одно здание использовалось под больничные нужды. В структуре больницы имелось терапевтическое (20 коек), хирургическое (25), родильное (5), гинекологическое (10) и заразное (10) отделения. В штате числились три врача, три фельдшера, три акушерки; всего персонала — 57 человек.

Кроме того, здесь же располагался изоляционно-пропускной пункт (изопропункт) Омской железной дороги. Он занимал специально построенное здание, в котором было развернуто 25 стационарных коек. При изопропункте имела баня. Под квартиры для медперсонала было занято восемь жилых домов.

За медицинской помощью в железнодорожную больницу обращалось и население, проживавшее вблизи переселенческого пункта.

В 1926 г. поднимался вопрос об освобождении помещений «переселенки» от лечебных учреждений — вероятно, для использования их только для перемещаемого населения, в том числе для раскулаченных крестьян, направляемых в Сибирь на новое место жительства. Начинаясь всеобщая коллективизация. В январе окрздравотдел созвал совещание по вопросу медико-санитарного обслуживания переселенцев в пределах области и в местах их водворения, планов больничного строительства в районах колонизации. Челябинский окрздравотдел, отвечая на вопрос областных властей на эту тему, подготовил отрицательный ответ, так как считал, что в значительной степени ухудшится оказание медицинской помощи местному населению. Здания переселенческого пункта освободят, но это произойдет позже, в начале 1930-х гг.⁶

В январе 1926 г. заведующий окрздравотделом Василий Александрович Ушаков направил в президиум горсовета письмо о необходимости постройки новых зданий городской больницы, в котором он отмечал, что существующие здания приходят в ветхость, сама система зданий не соответствует больничному строительству, на ремонт ежегодно тратится значительная сумма средств⁷.

Городская больница в этот период на своей территории имела пять отдельных лечебных корпусов и четыре здания для персонала, в которых размещались квартиры главного врача, завхоза, фельдшеров и хозяйственного персонала. Инфекционное отделение (заведующая Н. В. Металлова) находилось вне усадьбы больницы, занимало приспособленное помещение в бывшем архиерейском доме (в районе нынешнего Центрального рынка) и было довольно проблемным⁸. В отделении было 70 коек для лечения детей с дифтерией, корью, скарлатиной. Отделение находилось на другом конце города, здание было приспособлено под медицинское учреждение. В нем довольно сложно было решать проблему изоляции детей с разными инфекциями, что является основным условием для предотвращения внутригоспитального заражения⁹.

При описании городской больницы отмечалось:

Главный корпус больницы вместимостью до 110 коек, деревянный, одноэтажный, построен более 60 лет тому назад (на самом деле не более 45 лет). За этот промежуток времени к нему были сделаны ряд деревянных пристроев. Канализация отсутствует и выгребные ямы с деревянным срубом, представляют собой нижний этаж этого здания. Постоянный зловонный запах царит в основном корпусе горбольницы, где находятся внутреннее отделение больницы на 50 коек и распределитель (разборочное отделение) на 50 коек.

Окрздравотдел считал необходимым приступить к постройке новых зданий для больницы

в текущем строительном сезоне с таким расчетом, чтобы в течение трех лет были построены все необходимые здания вместимостью 300 коек. По предварительным расчетам, на строительство необходимо было 900 тыс. руб. Окончание строительства приходилось на 1928 г.

Окружной финансовый отдел на обращение ответил просто и незатейливо:

Возвращая при сем докладную записку окрздравотдела об отпуске средств на постройку новых зданий для городской больницы, окрфинотдел полагает, что вопрос о постройке новых зданий необходимо рассмотреть при составлении 5-летнего плана. Причем нужно иметь в виду, что такой суммы, как 900 тысяч руб., городской бюджет в течение 5 лет не сможет выделить на постройку больницы. Рассчитывать на получение средств из области в текущем году в сумме 300 000 руб. вряд ли возможно и, тем более, это ненадежно, если окрздравотдел предполагает получить как дотацию. Вопрос о больнице должен будет получить свое разрешение только при составлении 5-летнего хозяйственного и финансового плана, как будут учтены все потребности города и возможности их удовлетворения¹⁰.

Строительство новых корпусов городской больницы было отложено практически на 20 лет.

Посещений больных по всем амбулаториям города было 245 789 за год, что значительно превысило число посещений в предыдущие годы¹¹. В октябре 1926 г. на пленуме Челябинского райкома металлистов был заслушан доклад заведующего окрздравотделом Ушакова о медицинской помощи на заводе им. Колющенко. На пленуме присутствовала назначенная после Л. М. Елпанова заведующая отделом рабочей медицины Софья Ивановна Доротова, ранее работавшая на этом же заводе, медицинского образования не имевшая, так же как и ее предшественник. По результатам заседания пленума окрздравотделу было рекомендовано расширить амбулаторию № 4, обслуживавшую завод, принять меры к обеспечению рабочих медикаментами, организовать цеховые аптечки¹².

Фактически в этот период зарождалась цеховая медицинская служба, получившая развитие в последующие годы. Областной отдел здравоохранения нацеливал округ на более активную организацию медицинской помощи рабочим предприятий, проведение диспансеризации. Наиболее крупным предприятием в городе, после угольных копей, был завод сельскохозяйственной техники им. Колющенко. На нем был организован пункт первой помощи, работавший в ночную смену, который обслуживался фельдшером. В дневное время рабочие обращались в амбулаторию № 4, занимавшую одно помещение с венерической больницей (бывшая Никольская). Диспансеризация рабочих находилась в зачаточном состоянии¹³.

С развитием промышленного строительства в Уральской области вопрос о развитии лечебно-профилактической помощи рабочим стал приоритетным, начиналось изучение проблем профессиональных заболеваний и борьбы с ними. На

этот счет СНК в 1926 г. издал специальное постановление. Облздравотдел ставил задачу во всех промышленных округах и лечебных учреждениях, обслуживающих крупнейшие заводы, организовать амбулатории-поликлиники и стационарные отделения для изучения профзаболеваемости с приглашением в эти заводские районы санитарных врачей для изучения санитарного состояния промышленных предприятий, жилищных и бытовых условий рабочих и для постоянного участия в деятельности объединенных лечебных учреждений, обслуживающих заводы, стройки.

В Свердловске шла проработка вопроса об организации областного института профессиональных болезней, в частности: о выделении специального отделения при областной хирургической больнице с приглашением специалиста для заведования им, объединении деятельности этого отделения с работой окружного кабинета по профессиональным болезням при Верх-Исетской поликлинике. Такой институт будет создан в 1930 г., возглавить его бывший челябинский врач Василий Алексеевич Ляпустин¹⁴.

К 1926 г. напряженная ситуация с кадрами, в первую очередь с врачами, в Челябинском округе стала постепенно разряжаться. Заканчивали обучение студенты, поступавшие в институты и университеты уже после окончания Гражданской войны. Окргдравотдел размещал объявления о вакансиях в газете «Медицинский работник». Отбор врачей для работы в округе осуществлялся через конкурсную комиссию.

Уровень подготовки врачей в послевоенное время, вероятно, был не самым высоким, поэтому областной отдел здравоохранения направил в округа Уральской области письмо, в котором отмечалось:

В последние дни в облздравотдел стали поступать заявления врачей, окончивших медфаки вне Урала о предоставлении им службы. Считая принципиально нежелательным направление врачей со школьной скамьи на самостоятельную работу, облздравотдел всеми мерами добивается проведения стажировки вновь оканчивающих врачей в самом широком объеме, в частности облздравотдел рассчитывает полностью стажировать весь выпуск Пермского медфака...

...Относясь принципиально отрицательно к приглашению врачей, не прошедших стажирование, тем не менее, облздравотдел, имея в виду крайний недостаток врачей в Вашем округе и не желая выпускать с Урала хотя бы и не прошедших стаж врачей, считает возможным в нынешнем году производить прием и врачей, не прошедших стажирование, но все же надо добиваться, чтобы хотя бы в течение двух месяцев они прошли бы подготовку при окрбольнице, однако облздравотдел предупреждает Вас, что данное отступление может быть допущено лишь в отношении врачей, окончивших медфаки вне Урала, врачей же, окончивших Пермский медфак, ни в коем случае принимать на службу до прохождения стажирования нельзя. На их стажирование средства у облздравотдела и окргдравов имеются, и они должны пройти стаж¹⁵.

Это условие для выпускников медицинского факультета Пермского университета соблюдалось.

В архиве сохранились многочисленные заявления врачей, студентов, заканчивающих обучение, с просьбами принять их на работу в округ. Окргдравотдел после доукомплектования городских больничных учреждений старался направлять поток врачей прежде всего в сельские врачебные пункты. Сельское население по численности значительно превышало городское. Вновь прибывающие выпускники Пермского мединститута действительно сначала проходили стажировку на базе городской больницы (Е. И. Мицкевич, М. Г. Бояршинова, Л. Н. Райк, Ф. А. Рискина)¹⁶. Среди вновь прибывших врачей была и Мария Николаевна Жеребцова (Селаври). В начале 1920-х гг., после заключения в местной тюрьме, она работала врачом в Челябинске, в городской больнице, и числилась в списках врачей до 1925 г. Вероятно, на какое-то время она прерывала свою врачебную деятельность в городе. Заступив на службу в 1926 г. в амбулаторию городской больницы, она периодически по несколько дней не выходила на работу, по поводу чего главный врач С. З. Глуховский писал в окргдравотдел. Мария Николаевна была заменена, на ее место принята доктор Г. Я. Гильман. В 1927 г. Мария Николаевна была назначена заведующей амбулаторией № 3, но вскоре из списков врачей Челябинска исчезла¹⁷. В Челябинске по состоянию на 1 января 1926 г. трудились врачи, на много лет связавшие свою судьбу с городским здравоохранением: А. А. Кузнецов, И. В. Шмидт, А. Ф. Бейвель, И. М. Немченко, Н. Д. Неаполитанов, Н. И. Игнатов, Г. Н. Череваткин, С. Г. Колбин, Н. Н. Родосский, А. В. Быстренин, Н. И. Смалин, С. З. Глуховский, С. В. Шульц, Н. А. Арнольдов и др.¹⁸

При наличии в городе довольно большого числа врачей на административные должности в окргдравотдел по-прежнему назначались работники, не имевшие медицинского образования. Так, в апреле 1926 г. на должность заведующей подотделом охраны материнства и младенчества была назначена Евдокия Сергеевна Иванова, портниха. Определяющим условием было членство в партии большевиков¹⁹. Зарплата сотрудников окргдравотдела была не выше, чем у квалифицированных врачей. Средняя заработная плата врача по городу составляла 100 руб. (минимум 85, максимум 140). У старшего врача, рентгенолога и бактериолога городской больницы заработная плата была самой высокой — 180 руб., причем у рентгенолога вскоре она стала еще выше (200 руб.)²⁰. Многие врачи продолжали заниматься частной практикой. В основном это были доктора, имевшие большой стаж работы.

Врачи Челябинска, занимающиеся частной практикой²¹
(ответ Челябинского окрздравотдела на запрос финансового инспектора
2-го района г. Челябинска от 17/У1-1926 г.)

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Адрес	Сумма дохода с окт. 1925 г. по март 1926 г.
1	Симонов Ф. В.	ул. Елькина, 36	Неизвестна
2	Череваткин Г. Н.	ул. Спартака, 35-а	
3	Мацкевич Г. И.	ул. Васенко, 66-а	
4	Смалин Н. И.	ул. Елькина	
5	Шульц С. В.	ул. Красноармейская, 102	
6	Лев П. Д.	ул. Труда, 2	
7	Левин С. М.	ул. Рабоче-Крестьянская, 65	
8	Павловский М. А.	ул. Рабоче-Крестьянская, 6-а	
9	Березовский Г. Г.	ул. Труда, 40	
10	Кузнецов А. А.	ул. Цвиллинга, 22	
11	Сурьянинов Б. Ф.	ул. К. Маркса, 33-а	
12	Нестерович А. Г.	ул. Васенко, 60	
13	Дикштейн А. Л.	ул. Елькина, 41-а	
14	Бейвель А. Ф.	ул. Коммуны, 53	
15	Неаполитанов Н. Д.	ул. Елькина, 49-а	
16	Семейна М. Г.	ул. Красноармейская, 76	

Частной практикой занимались и другие врачи, не вошедшие в этот список (Рифман, Быстрин), зубные врачи. Фельдшерам частная практика не разрешалась. Исключением были только акушерки, имевшие большой опыт, практикующие еще до революции: Рудая, Миценгендлер, Бакшт²².

Постепенно начало выправляться положение дел с обеспечением населения медикаментами.

В довоенное время Челябинский уезд имел десять аптек. К моменту организации Уралмедторга в 1924 г. было три аптеки, причем все в городе. К 1926 г. имелось уже семь аптек, из них три в городе, четыре в округе. Таким образом, существовавшая аптечная сеть составляла 70 % довоенной. Но если аптек было меньше, чем до войны, зато работа существующих аптек значительно превосходила по объему работу довоенных. Все аптеки до революции выпускали в год 92 700 рецептов, а семь аптек Челябинского отделения Уралмедторга за 1925–1926 гг. выпустили 257 806 рецептов. Как отмечалось в докладе фармотдела, существовавших аптек для города было вполне достаточно. Вместе с тем в 1925 г. здравотдел неоднократно ставил вопрос об открытии еще одной аптеки в городе, на этой почве возникали конфликты. В 1926 г. аптека № 2 была переоборудована и значительно расширена, поэтому потребность еще в одной аптеке отпала. Пропускная способность аптеки № 2 с 400 рецептов в сутки могла быть увеличена до 1000–1200. Сеть сельских аптек была недостаточна. Предлагалось открыть еще две аптеки (в двух отдаленных районах округа — Бродоколмакском и Кочердыкском)²³.

За предшествующий операционный год от хозрасчетных предприятий Уралмедторга была получена прибыль, на долю Челябинского округа приходилось 4080 руб. В соответствии с поста-

новлением СНК РСФСР прибыль должна была быть направлена на улучшение лекарственной помощи сельскому населению. Деньги были распределены по районам, Челябинску досталось 380 руб.²⁴

Проблемы лекарственного обеспечения решались, в том числе и за счет сбора лекарственных трав. Несмотря на позднюю весну и дождливое лето 1926 г., к 1 октября была заготовлена тонна лекарственных трав, в том числе 730 кг горьцвета, 150 кг спорыньи²⁵.

Во второй половине 1926 г. городская больница наконец-то получила рентгеновский аппарат. Рентгеновские аппараты получали и другие города области, а поскольку рентгентехник имелся один на область, была установлена очередность монтажа. Челябинск в очереди был девятым — после Троицка, Свердловска, Кургана и др.²⁶ Для приемки аппарата была создана комиссия в составе заведующего фармотделом Винер, главного врача городской больницы Глуховского и хирурга больницы Игнатова. Врачом-рентгенологом назначен прибывший в город Н. А. Рифман, имевший соответствующую подготовку²⁷. В августе 1926 г. его командировали в Москву и Ленинград для приобретения принадлежностей для рентгеновского кабинета и туберкулезного диспансера²⁸.

Вскоре после установки аппарата для пациентов, направленных на рентгеновское исследование вольнопрактикующими врачами или обратившимся самостоятельно, была установлена плата. При этом для «нетрудового элемента» она была в два раза выше, чем для рабочих и служащих: например, просвечивание грудной клетки для рабочих и служащих стоило 1 руб., для неработающих — 2 руб.²⁹

В 1928 г. рентгенолог Н. А. Рифман получил от окрздравотдела разрешение на установку и от-

крытие частного рентгеновского кабинета по адресу: ул. К. Маркса, 46³⁰. Он некоторое время совмещал работу в городской больнице и работу в частном кабинете, где проводил просвечивание за плату. На этой почве возник конфликт, так как в больнице рентгеновское обследование производилось также за плату.

В конце 1926 г. лечебные учреждения Челябинских угольных копей, находившиеся в ведении окрздравотдела, были переданы на бюджет Копейского горсовета. В президиум окрисполкома поступило обращение заведующего окрздравотдела Ушакова:

Ввиду передачи копейских лечебно-санитарных учреждений на бюджет Копейского горсовета окрздравотдел просит разрешить произвести передачу имущества лечебных учреждений горсовету. Передачу произвести одновременно со снятием остатков на 1 октября³¹.

Таким был 1926 г. в здравоохранении Челябинска. В последующие годы будут происходить существенные изменения в организации медицинской помощи горожанам и жителям округа, в том числе в результате значительного роста численности челябинского населения.

Примечания

- ¹ ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 1648. Л. 9, 14.
- ² Там же. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 217. Л. 32–37.
- ³ Там же. Д. 203. Л. 18, 19.
- ⁴ Там же. Д. 217. Л. 32–37.
- ⁵ Там же. Д. 184. Л. 94–95, 160.
- ⁶ Там же. Л. 47; Д. 206. Л. 43–44, 278.
- ⁷ Там же. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 1648. Л. 5, 6.
- ⁸ Там же. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 184. Л. 77.
- ⁹ Там же. Д. 201. Л. 27, 28.
- ¹⁰ Там же. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 1648. Л. 5, 6.
- ¹¹ Там же. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 217. Л. 32–37.
- ¹² Там же. Д. 191. Л. 15; Оп. 2. Д. 234. Л. 1–4.
- ¹³ Там же. Оп. 1. Д. 206. Л. 343.
- ¹⁴ Там же. Д. 110. Л. 66–67.
- ¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 209.
- ¹⁶ Там же. Д. 16. Л. 9, 76.
- ¹⁷ Там же. Д. 204. Л. 2–5.
- ¹⁸ Там же. Д. 7. Л. 277, 279.
- ¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 206. Л. 310.
- ²⁰ Там же. Д. 201. Л. 23.
- ²¹ Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 59.
- ²² Там же. Оп. 1. Д. 228. Л. 19–21.
- ²³ Там же. Д. 110. Л. 3.
- ²⁴ Там же. Д. 203. Л. 23.
- ²⁵ Там же. Д. 184. Л. 46.
- ²⁶ Там же. Д. 206. Л. 1, 1 об.
- ²⁷ Там же. Д. 4. Л. 37.
- ²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 303.
- ²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 94.
- ³⁰ Там же. Д. 293. Л. 1.
- ³¹ Там же. Д. 201. Л. 1.

Н. В. Байдосова

Повседневная жизнь Сатки в 1930-е годы в периодической печати (на примере газеты «Саткинский рабочий»)

Актуальность статьи заключается в важности понимания исторического контекста жизни регионов России в 1930-е гг. В современное время актуальным становится изучение локальной истории, особенно в переломные моменты. Сатка, как типичный советский город того времени, иллюстрирует процессы, происходившие в стране: индустриализация, коллективизация и развитие общественной жизни. Аспекты повседневности находят особенно интересное рассмотрение в периодической печати, так как все остальные источники носят более официальный характер. К сожалению, воспоминаний из жизни саткинцев в этот период никто не оставил. Поэтому наше исследование посвящено изучению повседневной жизни Сатки через периодическую печать на примере газеты «Саткинский рабочий».

В 1930-е гг. газета «Саткинский рабочий» играла ключевую роль в формировании общественного мнения жителей Сатки. Печатное издание не только информировало о текущих событиях, но и активно способствовало формированию идей социалистического строительства, внедрению новых трудовых практик и укреплению общественной сплоченности. Исследование материалов газеты за этот период позволит выявить, насколько успешной была эта пропагандистская и образовательная функция и как она соотносилась с реальными изменениями в жизни саткинцев, включая индустриализацию, коллективиза-

цию и повседневные трудности, с которыми сталкивались горожане.

Периодическая печать представляет собой уникальный и чрезвычайно важный вид исторических источников, позволяющий глубже понять, как повседневную жизнь, так и общественные процессы любого исторического периода. Это долговременные издания, публикуемые с определенной регулярностью¹, которые не только отражают события, но и активно участвуют в их формировании. Газеты, журналы и другие формы «периодики»² служат механизмом структурирования общественного мнения, переноса на свои страницы идеологические, и политические аспекты.

Функции периодической печати выходят далеко за рамки простого информирования. Она становится инструментом, с помощью которого государство осуществляет идеологическое воздействие³, регулируя восприятие событий его гражданами. В экономической сфере периодика играет важную роль для всего общества, охватывая все сферы общественной жизни. Кроме того, она выполняет роль своеобразного «канала обратной связи», давая возможность власти и обществу обмениваться мнениями и корректировать управленческие решения.

Периодическая печать — это не просто носитель информации, но и посредник между государством, экономикой и обществом. Она стано-

вится отражением своей эпохи⁴, сохраняя отпечаток настроений, проблем и достижений, что делает ее ценным источником для историков, исследующих прошлое. В данной статье мы рассмотрим газету «Саткинский рабочий» как основной источник для формирования представления о повседневности жителей Сатки и их облика в контексте 1930-х гг.

Тематика повседневной жизни Сатки 1930-х гг. представляет собой богатое поле для исследований, позволяющее взглянуть на важные социальные трансформации эпохи⁵. Особая ценность изучения повседневности этого времени заключается в возможности анализа местной независимой периодической печати, поскольку данный источник информации скрывает за собой богатый материал для изучения, в котором собраны рубрики, написанные жителями города. Газета фиксировала события повседневной жизни, служила рупором идеологии⁶ и одновременно зеркалом настроений общества. Особенно ярко отражено последнее, поскольку для данного периода было характерно следующее: рубрики были независимы от издательств, что позволяет нам увидеть большое количество публикаций, где можно заметить то, как автор относится к событиям, о которых сам же пишет или же о людях, с которыми работает, живет «под одной крышей» или даже находится в хороших взаимоотношениях⁷.

Интерес к изучению предвоенной повседневности советского общества растет в последние десятилетия благодаря усилиям отечественных исследователей, таких как Ю. Н. Горячев, А. А. Козлов, Н. В. Петров и др. Их работы подчеркивают важность локальных источников, включая периодические издания, для понимания макроэкономических и микросоциальных изменений⁸, происходящих на фоне масштабных процессов коллективизации, индустриализации и становления авторитарной системы советского периода истории.

Погружение в местные газеты 1930-х гг., такие как «Саткинский рабочий», позволяет не только восстановить картину экономической, социальной и культурной жизни города, но и выявить особенности общественного восприятия, политической пропаганды и культурного становления облика жителя. В газетах печаталось следующее:

1. Социальные объявления о поиске потерянного домашнего скота. В газетных прошивках 1930-х гг. нередко публиковались объявления о пропаже животных (коров, коз и другого домашнего скота), поскольку в те времена животные составляли значительную часть хозяйства для многих семей. Эти объявления часто имели простой стиль с описанием животного, места пропажи и просьбой вернуть его за вознаграждение. Такие публикации демонстрируют важность личного хозяйства для экономики отдельных граждан тех лет. Кроме того, это может свидетельствовать о солидарности сообщества: соседи

и знакомые помогали друг другу находить пропавший скот, что подчеркивает тесные социальные связи в небольших городах.

2. Информация о культурных мероприятиях. Значительное внимание в местных газетах уделялось культурной жизни города. В частности, упоминались киносеансы в кинотеатре «Киров», который был центром досуга в Сатке. Часто публиковались афиши фильмов, которые демонстрировались. Например, это могли быть советские киноленты 1930-х гг., прославлявшие достижения социалистической страны и идеалы трудящихся. Такие фильмы, как «Путевка в жизнь» (1931), «Чапаев» (1934), «Веселые ребята» (1934), пользовались значительной популярностью. Газетные статьи подчеркивали значение кинематографа как инструмента воспитания и идеологического влияния на население. Также упоминались театральные постановки и культурно-просветительские мероприятия, призванные поддерживать культурный уровень горожан.

3. Проведение спортивных состязаний между Саткой и Бакалом. В публикациях сообщалось о спортивной жизни региона, включая товарищеские матчи по футболу, лыжные гонки и другие виды спорта. Такие мероприятия способствовали укреплению связей между соседними городами, формированию спортивного духа и популяризации здорового образа жизни. В газетах нередко приводились результаты матчей, имена победителей и героев состязаний, что делало такие события предметом гордости для местных жителей. Спорт также использовался как инструмент пропаганды: демонстрировались достижения физической культуры, что соответствовало ценностям социалистического воспитания.

4. Личное мнение авторов о коллегах по цеху на заводе «Магнезит». В некоторых публикациях журналисты выражали субъективное мнение о своих коллегах, раскрывая их недостатки. Например, в текстах можно было встретить критику пьянства, хулиганства, случаев разбоя или грабежа. Такие статьи показывают общественный контроль и стремление к «идеальному» труженику, чистому в моральном и профессиональном планах. Однако эти материалы могли также свидетельствовать о внутренних противоречиях в коллективе, который был частью индустриальной жизни города. Подобные разоблачения использовались в обществе как метод влияния и воспитания через публичную огласку.

5. Новости об образовании. Особое место занимали публикации о школьной жизни. С одной стороны, отмечались заслуги учителей, их тяжелый труд, успехи их учеников, что поднимало престиж образовательной системы и формировало позитивное отношение к этой профессии. С другой стороны, газеты могли выпускать статьи, разоблачающие «недостойное» поведение некоторых педагогов, например случаи неподобающего отношения к своим обязанностям или ученикам. Эти материалы часто шокировали читателей, но служили иллюстрацией того, как советское обще-

ство боролось с негативными явлениями. Тем самым газеты выполняли функцию не только информирования, но и воспитания граждан в духе идеалов того времени.

Статьи в газете «Саткинский рабочий» отчетливо показывают, как сильно печатные издания зависели от официальной идеологии. Пропаганда правильных ценностей (трудолюбие, стойкость, культура и спорт) сочеталась с разоблачением и осуждением социально неприемлемого поведения. В то же время публикации об отсутствии скота или взломах указывали на бытовую уязвимость таких городов, подчеркивая реалии их жизни. Тематика текстов позволяла власти влиять на формирование воспринимаемого «идеального советского гражданина» через давление общественного мнения, формируемого газетами.

Таким образом, газета «Саткинский рабочий» представляла собой не только информационный источник, но и инструмент формирования социального сознания, который отражал как официальные ориентиры, так и бытовую жизнь жителей.

Для более детального анализа публикаций газеты нами был проведен контент-анализ, который позволил сделать следующие выводы, касающиеся рубрик и основных интересов авторов в печати того времени. Газета «Саткинский рабочий» представляла собой важный источник информации, освещающий различные аспекты жизни Сатки и ее окрестностей. Контент-анализ публикаций в «Саткинском рабочем» за 1931–1939 гг. позволяет глубже изучить, как развивались информационные запросы общества, какие проблемы поднимались на страницах газеты и как это связано с общими тенденциями советского периода.

Для данного контент-анализа газета была условно разделена на рубрики, каждая из которых отражала ключевые аспекты жизни того времени. Рассмотрение количества публикаций в различных рубриках позволяет выявить приоритетность той или иной темы в советском общественном дискурсе, а также проследить изменения интересов и задач общества в условиях индустриализации, культурной революции и коллективизации (см. таблицу).

Контент-анализ публикаций газеты «Саткинский рабочий» показывает, что рубрики в издании отражали широкий спектр интересов и при-

оритетов общественной жизни Сатки. Наибольшее количество статей было посвящено производственным вопросам, что подчеркивает ключевую роль труда и социалистического соревнования в идеологии советского общества. Значительное внимание уделялось также повседневным запискам, что свидетельствует о важности отражения бытовых проблем и их решения. Школьные новости показывают направленность на воспитание нового поколения, а культурно-досуговая деятельность обозначает желание привнести в жизнь трудящихся элементы культурного развития. Тематике спорта было уделено немного места, что, вероятно, связано с ее второстепенной ролью в тот период.

Отдельно стоит отметить, что авторы публикаций, как правило, были разными, и это говорит о вовлечении представителей разных слоев общества в написание текстов и развитие журналистики как коллективного инструмента освещения событий. Это отражает высокий уровень общественной активности, характерный для 1930-х гг. Тематическое разнообразие статей газеты является доказательством формирования полноценной общественной жизни, где каждый аспект — от школы до производства — находил свое место на страницах местной прессы.

Исследование повседневной жизни Сатки в 1930-е гг. на основе материалов газеты «Саткинский рабочий» позволяет раскрыть ключевые аспекты жизни местного населения. В этот период формировались новые социальные практики, связанные с изменением экономической и культурной структуры общества. Газета «Саткинский рабочий» стала не только рупором советской политики⁹, но и важным источником информации о буднях горожан, трудовых свершениях, культурной жизни и социальных проблемах.

Анализ публикаций с помощью контент-анализа позволил выявить, что в центре внимания находились успехи в производстве, вопросы о быте и образовании. Вместе с тем через призму повседневных материалов можно проследить и трудности, с которыми сталкивались жители: тунейдцы и лодыри, пропажа скота, грабеж, воровство и неподобающее поведение представителей интеллигенции, в частности учителей.

Газета также отражала идеологические аспекты жизни города, формируя образ «нового человека» — сознательного, трудолюбивого и преданного

Публикации газеты «Саткинский рабочий» за 1930–1939 годы

Год	Тема публикаций				
	Спорт	Культурно-досуговая деятельность	Повседневные записки	Школьные новости	Производственные записки
1931	40	66	96	87	105
1933	51	72	110	92	118
1935	55	83	125	115	136
1936	63	87	134	121	139
1937	65	90	139	126	156
1939	72	96	148	130	162

социалистическим идеалам. При этом издание не обходилось без преувеличений и замалчивания определенных негативных процессов, что характерно для советской периодической печати того времени.

Таким образом, газета «Саткинский рабочий» предоставляет уникальную возможность реконструировать повседневную жизнь Сатки в эпоху масштабных социальных и экономических преобразований. Этот источник подчеркивает, что, несмотря на трудности и ограничения, граждане города играли активную роль в строительстве нового общества, стремясь адаптироваться к стремительно меняющимся условиям. Тщательное изучение подобных локальных источников позволяет не только глубже понять повседневную жизнь малых городов в советскую эпоху, но

и дополнить общую картину исторических процессов, происходивших в стране в 1930-е гг.

Примечания

¹ Сатка // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1970. Т. 22. С. 345; Сатка // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 877.

² Саткинский район: энциклопедия / гл. ред. В. В. Большаков. Челябинск, 2010. С. 13.

³ Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 1. С. 34.

⁴ Декрет о печати // Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 24.

⁵ Саткинский район: энциклопедия ... С. 667; Козлов А. А. Сатка индустриальная. Челябинск, 1961. С. 113.

⁶ К 100-летию начала добычи магнетита в России. 1900–2000 годы / сост. В. А. Немчинов, Ю. Н. Чистяков. Челябинск, 1997. С. 102.

⁷ Там же. С. 104.

⁸ Горячев Ю. Н., Чернецов В. П. Сатка в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1994. С. 24.

⁹ Саткинский район: энциклопедия ... С. 335.

Н. Н. Кирилова

Ветеринарная служба Копейска: белые страницы истории

Копейск, как и многие города Челябинской области, был сельскохозяйственным и животноводческим центром. Без развития ветеринарной службы выращивать стада молочных коров, тонкорунных овец и породистых лошадей было бы невозможно. Но кто стоял у истоков ветеринарной службы города и как она развивалась, в архивах нет информации, лишь обрывочные документы о численности животных и проблемах их содержания и лечения.

Коллективизация 1920–1930-х гг. ставила задачу в кратчайшие сроки поднять сельское хозяйство и особенно животноводство. Продовольственный вопрос после пережитого голода 1921 г. стоял особенно остро. Узких специалистов зоотехников и ветеринаров катастрофически не хватало. В 1925 г. в стране имелось девять ветеринарных институтов: шесть в России, два в Украине и один в Белоруссии. Срок обучения в них составлял четыре года. В Челябинской области: Уральский ветеринарный институт в Троицке, созданный в 1929 г., в Сибири — Омский ветеринарный институт.

Большую роль в развитии ветеринарного образования сыграли декреты Советского Союза «О высших учебных заведениях в РСФСР» от 2 сентября 1921 г. и «Об улучшении быта ученых» от 6 декабря 1921 г. В 1920-е гг. в стране насчитывалось 4000 ветврачей и чуть более 6000 ветфельдшеров, что было явно недостаточно. В то же время, по неполным данным, имелось больше 11 тыс. специальных ветеринарных учреждений. Важным событием в организации и развитии ветеринарии в условиях борьбы с эпизоотиями было появление в печати Ветеринарного устава РСФСР. Этот документ ветеринарной службы, или ветеринарный закон, был введен в действие 1 декабря 1923 г.¹

Перед животноводами и ветеринарами, колхозными коллективами в те годы остро стояли

проблемы: содержание, уход и кормление животных; строительство и содержание помещений (телятников, овчарен, свинарников), скотных дворов и подготовка к зимнему периоду.

В 1920–1930-е гг. Копейск представлял собой крупный поселок, состоящий из дворов частного сектора. Копейчане жили в домах с печным отоплением, в каждом дворе были скотина, птица. Лошадей рабочих пород катастрофически не хватало на полях. В плуг впрягали коров, потом даже женщин. Передвижение по городу было исключительно гужевым. Лошадей использовали на всех угольных предприятиях, конные дворы были при немногочисленных промышленных артелях, здравпунктах, управляющих организациях и др.

В ходе коллективизации еще в 1920–1930-е гг. у частных хозяев был изъят домашний скот, но для его содержания не оказались предусмотрены элементарные условия содержания: животные находились под открытым небом, не обеспеченные ни кормовой базой, ни должным уходом, ни помещениями. Гибель животных была массовой. В дальнейшем наладить работу по уходу было крайне сложно. Каждый колхозник жалел свою скотину, подкармливая ее, обделяя других. Часто запаса кормов хватало самое большее на два-три дня.

Газета «Копейский рабочий» часто поднимала проблемы нехватки оборудованных помещений: отсутствие печей, крыш. Скотные дворы не были утеплены. Животные содержались в тесноте, в помещениях настолько маленьких, что могли только стоять, замерзая в зимний период. Выполнять рекомендации ветеринарных врачей (отделять больных животных от здоровых) возможности не было. Особенно остро этот вопрос стоял в колхозах Копейска им. 1-й пятилетки (председатель Худяков, животновод Филинских),

им. Куйбышева (председатель Тельманов), им. 12-й годовщины Октября (председатель Алексеев, заведующий фермой Малков)².

Во многих колхозах Копейска медленно, но все же велось строительство помещений для содержания животных. Так, к декабрю 1938 г. в колхозе им. 8 Марта был построен скотный двор для крупного рогатого скота на 50 голов, в колхозе им. 12-й годовщины Октября по типовому проекту построен телятник на 100 голов³.

Сельские хозяйства города остро нуждались в грамотных специалистах — ветеринарных врачах. В условиях их нехватки велась просветительская работа по распространению знаний и умений ухода за животными. В колхозе им. 8 Марта Козыревского сельсовета членами животноводческой бригады Худяковой, Журавлевой, Шипициной, Лебедевой был создан ветеринарный кружок. Консультировал и контролировал их работу ветеринар Степанов⁴. Колхозники постепенно приобретали необходимые навыки и знания. О тех, кто выполнял зоотехнический минимум, писала газета «Копейский рабочий», ставя их в пример остальным колхозникам города.

В колхозе им. Куйбышева Козыревского сельсовета был создан ветеринарный кружок, возглавлял его ветеринарный фельдшер Подмарьков⁵. По типовому проекту Наркомзема в 1938 г. на средства Госстраха выстроили ветеринарную лабораторию, пропускная способность которой была 1000 голов скота в год⁶.

Подобные лаборатории создавались во многих колхозах Советского Союза. Цель их деятельности — сбор данных о животных региона для исследовательских институтов, которые работали над выведением новых пород животных, птицы, способных жить в определенном климате, давать больше молока, мяса и т. д.

В 1926 г. ветлаборатория Копейского района располагалась в пос. Сухомесово. Здесь производилась кастрация (холощение) животных. Жители многих сел ездили в Сухомесово за ветеринарными услугами.

Еще в 1920-е гг. катастрофически не хватало техники для работы на земле и рабочих лошадей. При создании колхозов хозяев заставляли пахать колхозную землю на своих коровах. Хозяева всячески сопротивлялись, пытались спасти своих кормилиц: вечером после пахоты коровы доились с кровью. В 1939 г. в адрес Копейского горзо (городской земельный отдел) из Свердловской области прибыло восемь породистых быков остфризской породы. Этого было недостаточно и не могло спасти положение на селе.

Вопрос о разведении лошадей рабочих пород стоял очень остро. В конце 1930-х гг. предпринимались попытки выведения новых пород лошадей на территории Копейска. В декабре 1938 г. с этой целью по типовому проекту была построена конеферма в колхозе «Красный Октябрь» на 50 голов⁷. Но это направление в животноводстве в Копейском регионе начало развиваться только после Великой Отечественной войны.

На страницах газеты «Копейский рабочий» встречаются имена работников ветеринарной службы. В 1937 г.: старший врач горзо Новоселов; зоотехник горзо Щеглов; ветеринарный врач Севостьяновского сельсовета Кочетков; заведующий конным двором Шахтостроя Калмоковников; ветфельдшер конного двора Шахтостроя Амонин; ветсанитар колхоза «Прогресс» Нафиков Мухамет. В 1938–1939 гг.: участковый ветеринарный фельдшер по Копейску Курочкин; зоотехник горзо В. Медведков; заведующий Копейской городской ветеринарной лечебницей А. Ф. Орешин; ветеринарный фельдшер колхоза им. Чапаева Н. И. Вишняков; участковый ветеринарный фельдшер колхоза им. 8 Марта Курочкин; ветеринарный фельдшер колхоза им. Куйбышева Козыревского сельсовета Подмарьков.

Степан Яковлевич Кирилов
(21.04.1901 — 19.03.1951)

Мой дед Степан Яковлевич Кирилов в конце 1930-х гг. жил в Копейске и работал ветеринарным врачом. Родился он в семье крестьянина в с. Тамбовка Больше-Глушецкого района Куйбышевской области. Тяжелый труд, эпидемии унесли жизни его матери Авдотьи Николаевны и отца Якова Евлантьевича Кириловых. Остались братья — старший Федор и младший Степан. Первого сентября 1918 г. Степан был призван в Красную армию. Направили его на Урал. Военную службу проходил в мусульманском полку до 1921 г., затем был переведен в 125-й полк. Благодаря введенному советской властью всеобщему бесплатному образованию Степан Яковлевич сумел окончить семь классов средней школы к 1921 г., во время службы в армии. В 1922 г. был отправлен в 95-ю саперную роту, там прослужил до мая 1924 г. и был демобилизован. После службы вернулся к мирному труду, работал.

Любовь к животным подсказали ему, какую профессию выбрать. Он окончил ветфельдшерские курсы в Саратовском ветеринарном институте (декабрь 1930 — май 1932). Таких специалистов всегда не хватало, поэтому после окончания учебы Степан был распределен в Сибирь. Возможно, он скрывался от ЧК и сам попросил отправить его подальше от столиц.

До революции отец Степана, Яков Кирилов, был зажиточным крестьянином. Он умел выбирать землю, знал, как ее пахать, имел лучшую по тем временам сельскохозяйственную технику, которую сам ремонтировал, был и бухгалтером, и агрономом. Нанимал сезонных работников. Яков Кирилов никогда своих рабочих не обманывал, расплачивался честно, и они каждую весну нанимались к нему на работу. В советские времена он был бы кулаком, но поняв всю сложность стремительно меняющейся политической обстановки, еще в 1917 г. все продал, дал сыновьям небольшие денежные суммы, велел разъехаться, затеряться и не искать его, не искать друг друга. Семья распалась на долгие годы.

С мая 1932 по август 1934 г. Степан работал ветфельдшером в минусинском совхозе «Овцевод», затем в енисейском совхозе «Овцевод» (Красноярский край). Проходил переподготовку на семимесячных курсах ветфельдшеров в Омском институте, которые окончил 1934 г. С июля 1934 по декабрь 1936 г. он работал ветфельдшером в совхозе «Овцевод» Карадитского района Новосибирской области. Прошел обучение в Троицком ветеринарно-зоотехническом институте в 1938 г.⁸

В Копейск С. Я. Кирилов приехал уже опытным ветфельдшером, имея семилетний стаж работы, и сразу был назначен ветеринарным врачом в Копейскую городскую ветлечебницу, в которой работал с января 1937 по июль 1941 г. После войны Степан Яковлевич вернулся в Копейск. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После всех проверок, как бывший военнопленный, 1 января 1946 г. был принят на работу в Копейскую городскую ветеринарную лечебницу на должность ветфельдшера. Через четыре месяца ушел с этой должности и поступил в хозяйственный отдел треста «Копейскуголь» на должность ветфельдшера. Город был разделен на ветеринарные участки, колхозы, хозяйства, в которых врачи должны были осуществлять лечебные и профилактические мероприятия по предупреждению возникновения заразных заболеваний согласно государственному плану противоэпизоотических мероприятий для каждого животноводческого хозяйства. Работа не ограничивалась проведением прививок и диагностических исследований, при непосредственном участии ветврачей создавались нормальные условия кормления, ухода и содержания как основной фактор, повышающий устойчивость организма животных к заболеванию. В определенное время ветеринар должен был обходить все частные хозяйства на своем участке. С. Я. Кирилов проводил такие обходы в с. Глубоком Копейского района (с 1943 г. Красноармейский район). Так он познакомился со своей будущей женой — моей бабушкой Анной Васильевной Кириловой-Бородиной.

Степан Яковлевич читал лекции, проводил беседы с владельцами домашнего скота и птицы о том, как следить за здоровьем «буренок», осуществлять профилактику заболеваний животных, чем и когда нужно кормить корову, чтобы увеличить надой молока. Лекции читал прямо в поле, в моменты отдыха доярок, колхозников. Мастерство, глубокие знания медицины и любовь к своему делу позволили ему добиться признания и уважения среди копейчан. Он умел кастрировать, ставить укол быстро и ловко, одним движением, так что животное не мучилось. Умел приласкать, успокоить животных перед операцией.

С. Я. Кирилов обучал ветеринарному делу тех, кто обращался к нему за помощью и советом. В его доме все было оборудовано для осмотра и лечения животных. Все нужные для работы

постройки находились рядом: специальное стойло, где фиксировали животное (лошадей, коров, коз), лаборатория... Копейчане часто обращались к нему за помощью, просили совета, приводили для осмотра и лечения свою скотину.

С. Я. Кирилов работал с декабря 1945 по март 1951 г. в хозяйственном отделе треста «Копейскуголь» ветфельдшером, лечил шахтовых лошадей. Его жизнь оборвала автомобильная авария.

В послевоенный период ветеринарную службу города возглавлял Федор Афанасьевич Богатенков (1891 г. р.). Он работал ветврачом с 1923 г. Прежде чем его назначили на руководящую должность, он лечил животных в колхозе им. 2-й пятилетки. За многолетний труд в области животноводства был награжден орденом Ленина. Медалью «За трудовую доблесть» был награжден ветеринарный техник, заведующий зооветпунктом пос. Северный Рудник г. Копейска Иван Иванович Дженко, который в области животноводства работал свыше десяти лет⁹.

Строительство городской ветеринарной амбулатории началось в 1953 г. на территории Сталинского района Копейска, юго-восточнее местпрома и северо-восточнее железнодорожной ветки на кирзавод. Располагалась ветлечебница по адресу: ул. М. Горького, 15¹⁰. Жители города узнавали со страниц «Копейского рабочего», когда нужно привести животных в ветлечебницу для клинического осмотра, вакцинации и т. д. Явка была обязательной, домохозяева должны были заплатить штраф, если вовремя не приводили животное на осмотр (табл. 1).

В послевоенный период колхозы города поднимались, окрепли, поголовье скота увеличилось в разы. В двух самых крупных колхозах 1950-х гг. — им. 7-го съезда Советов и им. 2-й пятилетки — поголовье овец, коров, быков и даже породистых лошадей исчислялось сотнями, устанавливались планы по разведению и выведению новых пород лошадей и тонкорунных овец¹¹.

Широко раскинулись поля старейшего колхоза «Вторая пятилетка». За годы трех пятилеток намного увеличилось богатство колхоза, которое исчисляется сейчас в несколько миллионов рублей. В суровые и грозные годы войны, не покладая рук трудились колхозники. Колхоз оказал большую материальную помощь Красной армии. Им было сдано в фонд победы сотни тонн зерна, овощей и мяса, 60 голов крупно рогатого скота и большое количество столь необходимых продуктов. За это же время колхоз приобрел для Красной армии различного вооружения более чем на 2 миллиона рублей.

Окончилась война. Председатель колхоза тов. Шиленьков развертывает перед нами планы развития колхоза в годы четвертой сталинской пятилетки. Колхоз полностью освоил свои земли.

Так же, как и по зерновым культурам, развитие животноводства будет идти по линии улучшения его качества. Если раньше все старания колхозников были направлены к тому, чтобы увеличить поголовье скота, то в этом пятилетии артель ставит перед собой задачу вырастить высокопродуктивный скот. Будут выращены

Таблица 1

**Из протокола № 3 заседания исполнительного комитета
Копейского городского совета депутатов трудящихся от 7 февраля 1950 года¹²**

№	Показатели	Ед. измерения	План на 1950 г.		Всего по колхозам
			Колхоз «2-я пятилетка»	Колхоз «7-й съезд советов»	
1	Лошадей всего	голов	165	155	320
	В т. ч. жеребят до 1 года	голов	25	25	50
2	Крупный рогатый скот, всего	голов	360	340	700
	В т. ч. коров	голов	175	175	350
	В т. ч. рабочих волов	голов	75	75	150
3	Овец и коз, всего	голов	500	500	1000
	Из них овец	голов	500	500	100
	В т. ч. тонкорунных и полугрубошерстных	голов	500	500	1000
4	Свиней, всего	голов	275	275	500
	В т. ч. свиноматок	голов	45	45	90
5	Птицы взрослой в переводе на кур, всего	голов	1500	1500	3000
6	Пчелосемей, всего семей	голов	100	90	190
7	Средний годовой надой молока на одну фуражную корову кг.	голов	1800	1800	1800
8	Настриг шерсти от одной овцы имевшейся на начало года голов	голов	2,5	2,5	2,5
9	Снять с откорма и нагула для сдачи государству свиней голов	голов	125	100	225
10	Овец	голов	150	150	300
11	Кр. рог. скота	голов	50	50	100

коровы, способные давать 2–2,5 тысячи литров молока в год. Свиньи бело-английской породы будут заменены свиньями крупно русской породы. В 1950 г. молочно-товарные фермы колхоза дадут десятки тысяч литров молока, сотни килограммов шерсти и большое количество кожи¹³.

Сегодня трудно представить, что в 1950-е гг. по всем поселкам Копейска, по центральным улицам города шли огромные стада коров. Горисполком официально утвердил маршруты передвижения животных по городу и места их выпаса. Для их прогона в вечернее и утреннее время были определены конкретные маршруты. Доро-

ги должны были быть определенной ширины и протяженности (табл. 2).

Чтобы вырастить такие огромные стада, нужен грамотный уход за животными. В этом заслуга совместной работы колхозников, зоотехников и ветеринарных работников.

В Копейском городском архиве хранятся документы о профилактике и борьбе с серьезными инфекционными болезнями среди животных: бруцеллезом, туберкулезом, эмкаром, ящуром, сибирской язвой — у крупнорогатого скота; чумой, рожей — у свиней; псевдочумой — у кур. На страницах газеты «Копейский рабочий»

Таблица 2

Описание прогонов по пропуску скота¹⁴

№	Фамилия уполномоченных табунов	Место расположения, по которым пойдут табуны.
1	Пыстунов В. А.	Камышитовый городок, клубный переулок, ул. Борьбы, Больничная улица, пойдут к Потанино по шоссе. Отремонтировать мост
2	Курьянкова, Букин	Пионерская улица, цветочный переулок, часть Афона, пойдут позади Пионерской улицы, по направлению к кирзаводу. Требуется прогон километр длины, 40 метров ширины, исправить мост
3	Бодулин	Сгон у кузницы «Челябшахтстроя» 11 улиц с частью Афона на 114 завод, прямо на магазин расстояние длина 2 км, ширина 40 м, исправить один мост
4	Оргерева	Территория пос. ш. 20 прогон по шоссе Севостьяновской дороги, расширить на 10 м. Ширины вдоль шоссе
5	Винник, Коновалов	Бойкова заимка, Новостройка, прогон по северной улице до границы земель длиной 2 км, ширина 44 м
6	Трошкиной	2-й участок прогон степной улицы на Курлады длина 500 м., ширина 90 м

ветврачи города рассказывали о болезнях животных и методах их предотвращения и лечения.

В декабре 1949 г. бюро горкома ВКП(б) и исполкома Копейского городского Совета депутатов трудящихся издало постановление «По увеличению поголовья, улучшению кормления, содержания и правильному использованию лошадей». В постановлении говорилось об увеличении поголовья лошадей в Копейске с 320 до 400 голов к концу 1951 г. Перед колхозниками и животноводцами была поставлена проблема: улучшить племенное дело в коневодстве.

Постановление бюро горкома ВКП(б) и исполкома Копейского городского Совета депутатов трудящихся от 7 декабря 1949 г. «О мерах развития коневодства в колхозах города в 1950–1951 гг.»¹⁵

Основной задачей в племенной работе по коневодству повышение работоспособности и выносливости лошадей, размножение и совершенствование имеющихся пород, скрещивание местных пород лошадей с улучшающими породами, выведение новых пород, обладающих высокими хозяйственно-полезными качествами.

Принять в условиях г. Копейска для развития и улучшения поголовья местных лошадей, имеющих низкие рабочие качества, следующие породы:

Орловскую рысистую, русскую рысистую, арденскую, брабансонскую, донскую, буденовскую и чистокровную верховую. При наличии хозяйственной целесообразности разводить в одном хозяйстве наряду с рысистыми породами, тяжеловозные породы и наряду с верховыми — упряжные породы лошадей.

Обеспечить ежегодный весенний ветеринарно-зоотехнический осмотр жеребцов и выдавать хозяйствам на каждого допускаемого к случке производителя удовлетворение о готовности его к племенному использованию, не допускать родственного скрещивания.

Пройдут годы, на месте землянок вырастут красивые многоэтажные дома, изменится политический строй и колхозное, частное животноводство уйдет в прошлое, но останется историей Копейского городского округа.

Примечания

¹ Ветеринария в период 1933 г. URL: <https://medlec.org/lek-30514.html?ysclid=mcq2aур9ie376244625> (дата обращения: 17.02.2026).

² Попов. Нет заботы о животноводстве // Копейский рабочий. 1938. 28 дек.

³ Строительство скотных дворов // Там же. 10 дек.

⁴ В колхозе «8 Марта» неблагополучно с животноводством // Там же. 1939. 1 марта.

⁵ Организован ветеринарный кружок // Там же. 1938. 4 янв.

⁶ Медведков. Ветеринарная лаборатория в колхозе // Там же. 1938. 10 дек.

⁷ Построена конеферма // Там же. 15 дек.

⁸ ЦАМО. Личное дело № 0275631. Л. 9–10.

⁹ Копейский городской архив. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 40.

¹⁰ Объявление // Копейский рабочий. 1952. 12 янв.

¹¹ Копейский городской архив. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.

¹² Копейский городской архив. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 32. Л. 3–4.

¹³ Лахно М. Весна в колхозе. Артель «Вторая пятилетка» перед дальнейшим подъемом // Копейский рабочий. 1946. 28 апр.

¹⁴ Копейский городской архив. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 32. Л. 141.

¹⁵ Там же. Л. 16–17.

К. В. Викулов

Социально-бытовые особенности жизни и культурный досуг жителей Бакальских рудников Челябинской области в годы Великой Отечественной войны¹

На протяжении более восьмидесяти лет мы сохраняем память о событиях Великой Отечественной войны, так как это одна из самых значимых побед в истории нашего государства. Мы храним память о фронтовиках, о тружениках тыла, ведь вклад, который они внесли, неосценим. Но помимо того, что каждая из этих групп сталкивалась с трудностями военного времени, государству и местному руководству было необходимо создать такие условия жизни, чтобы дать возможность отвлечься от тягот военного времени и поднять боевой настрой фронтовиков и труженников тыла.

Бакальские рудники свою историю начинают с 1757 г., после того как симбирские купцы и заводовладельцы братья Иван, Яков и Петр Твердышевы с зятем И. С. Мясниковым купили землю с рудниками². В последующие десятилетия Бакальские рудники стали основной железорудной базой на Южном Урале, а после и одной из крупнейших на территории России. В 1919 г. с установлением советской власти было создано Бакальское рудоуправление. Вследствие этого рудники вступили в новый период своей исто-

рии, за время которого произошла модернизация производства, появилась новая техника для добычи и отгрузки руды³. На начало 1941 г. одними из самых крупных карьеров и рудников Бакальского рудоуправления являлись: Объединенный рудник, рудник им. Ленина, Буландинский карьер, Гаевский карьер, рудник им. ОГПУ и рудник Иркутскан⁴.

В нашем исследовании мы рассмотрим, как была организована жизнь на Бакальских рудниках в военный период, какие были социально-бытовые особенности жизни и организация культурного досуга бакальцев. Исследования в данной области позволяют лучше понять, что иногда за яркими трудовыми подвигами стоят тяжелые условия труда и быта, что формирует совершенно другое отношение к рассматриваемым событиям.

Так как история Бакальских рудников и г. Бакала является малоизученной, мы для рассмотрения данной темы использовали материалы периодической печати (газета «Саткинский рабочий»), а также материалы ОГАЧО, в которых наиболее полно представлена информация по интересую-

щей нас теме. В работах исследователей информация о социально-бытовых условиях и культурном досуге практически не встречается, они представлены лишь в работах местных авторов⁵.

В первые дни после начала войны прошли митинги в цехах и на рудниках Бакальского рудоуправления. Вечером 22 июня на открытой площадке у клуба им. Артема состоялся общий митинг трудящихся рудоуправления. В постановлении были слова, прозвучавшие, как клятва бакальских горняков:

Еще теснее сплотим свои ряды вокруг партии, вокруг Советского правительства. Будем честно трудиться на своем посту. Будем работать с удвоенной энергией, и, если потребуются, грудью встанем на защиту Родины⁶.

Этот призыв необходимо охарактеризовать как боевой подъем населения, такие настроения среди местных жителей были связаны с готовностью помогать Родине трудом, а также встать на ее защиту ценой своей жизни. Но стоит рассмотреть, как такой боевой подъем был связан с уровнем жизни населения.

Одним из важных и показательных событий в годы Великой Отечественной войны стало то, что население городов и сел, несмотря на все тяготы жизни и работы, не переставали заботиться о тех, кто защищает их на фронте. Для поддержки бойцов и оказания им помощи регулярно проводились денежные и вещевые сборы, так продолжалось до окончания войны.

Например, Бакальский сухарный комбинат внес 1500 руб. на постройку эскадрильи истребителей Челябинской областной организации МОПР⁷, а бакальские и саткинские школьники собирали денежные средства на постройку «Пионерского танка»⁸. Коллективы пожарной команды⁹ и рудоуправления¹⁰ занимались сбором теплых вещей для бойцов.

Мать Героя Советского Союза Г. М. Лаптева в свою посылку для фронта вложила письмо, в котором было написано: «Дорогой боец! Поздравляю с праздником — 24 годовщины Красной армии. Бейте врага и возвращайтесь домой с полной победой!»¹¹.

Помощь фронту становилась неотъемлемой частью жизни бакальцев, не только взрослые мужчины и женщины отправляли вещи на фронт, но и среди детей и школьников эта практика получила широкое распространение. В подарок женщинам и детям районов, освобожденных от немецких захватчиков, рабочие, работницы и учащиеся группы «Бакальчик» Саткинского леспромхоза собрали одежду и предметы домашнего обихода в количестве 48 единиц. Некоторые ученицы отправляли майки, кофты и чайную посуду¹².

Регулярной практикой стало то, что проводимые культурно-массовые мероприятия были направлены не только на отдых и культурное просвещение жителей, но и на помощь фронту. Действовавший в Бакале клуб им. Артема 1 февраля

1942 г. устроил вечерний концерт, где выступали представители кружков клуба и отдельные исполнители. Программа была большой и разнообразной, по ее окончании удалось собрать 1104 руб., их потратили на приобретение подарков для Красной армии¹³.

Рабочие рудников неоднократно помогали фронтовикам: отправляли вещи, отдавали часть заработной платы и др. Так, знатный буржик страны и лауреат Сталинской премии А. И. Семиволос в составе делегации трудящихся Челябинской области в конце апреля 1942 г. посетил Северо-Западный фронт, где вручил подарки и собранные вещи солдатам Красной армии¹⁴.

Не менее важным является то, что население активно участвовало в материальной помощи государству, а именно в государственных займах, что позволяло финансировать промышленность и другие производства. Так, в газете «Саткинский рабочий» от 5 мая 1945 г. на Бакальских рудниках сумма подписки составила 2 886 200 руб.¹⁵ А 7 мая было сказано, что Бакальские рудники являются лидером в районе, так как они дали займы 4 593 875 руб.¹⁶

Условия жизни и быт являются одним из аспектов рассмотрения особенностей повседневной жизни населения, что позволяет создать образ внутреннего мира, ценностей, отношения к чему-либо у людей, проживающих на определенной территории. Необходимо рассмотреть, с какими трудностями сталкивались жители Бакала в довоенные и военные годы, а также в каких условиях они жили.

Из-за того, что в 1941 г. не велось строительство ни культурных, ни жилых помещений, прибывшие эвакуированные рабочие из Кривого Рога столкнулись с проблемой нехватки жилья. Необходимо было решить данную проблему, поэтому в 1942 г. было построено общежитие на 148 человек с жилой площадью 250 м². В 1943 г. построен четырехквартирный жилой дом с жилой площадью 85 м², а также столовая для рабочих пропускной способностью 100 человек в час.

На 1942 г. жилплощадь в Бакале имела следующие показатели: жилые дома — 22 349 м², в которых проживали 5673 человека, площадь барачных помещений составила 766 м², где проживали 216 человек.

В отчетах за 1945 г. преобладали данные, связанные с жилищно-бытовыми условиями, так как война подходила к завершению, соответственно, встал вопрос об улучшении жизни населения. К 1 января 1946 г. на Бакальских рудниках работали 6192 человека¹⁷.

Шестого декабря 1945 г. была проведена проверка, в ходе которой установлено, что на Бакальских рудниках наблюдается сильное отставание от плана по жилищному и культурно-бытовому строительству. По состоянию на 1 августа 1945 г. на одного проживающего в семейных домах приходилось 3,37 м², на проживающего в общежитии комнатного типа — 2,68 м², а в общежитии барачного (казарменного) типа — 0,86 м². Бывали

случаи, когда на одной койке спали по два человека¹⁸.

В течение всего времени, пока управляющим рудоуправлением был И. Ф. Медведев, поступали жалобы на его работу, зачастую за то, что он не уделял должного внимания проблемам рудников и жалобам рабочих на условия работы и жилья. Так, исполнительный комитет Челябинского областного совета депутатов трудящихся 6 декабря 1945 г. отметил, что И. Ф. Медведев действительно не занимался наведением порядка в общежитиях, что привело к антисанитарным условиям в них, а также в ближайшей округе, даже источники питьевой воды пришли в негодность¹⁹. Было отмечено, что жестким и мягким инвентарем общежития не были обеспечены. В трех комнатах на 42 человека имелось лишь 4 табурета и 15 тумбочек. У большинства рабочих не было сменного нательного белья, частично верхней одежды и обуви, спецодежды не хватало. Прачечных не было, а бани находились в аварийном состоянии²⁰.

Для поддержания трудового настроя, нравственного воспитания, развития патриотических чувств, элементарного информирования о работе партии и продвижении войск необходимы были постоянные беседы с рабочими, чтобы они понимали, для чего трудятся, как их работа отражается на тех, кто на передовой, а также сам процесс отдыха после рабочего дня зависел от воспитательной работы на производстве. Но воспитательная работа в 1941–1942 гг. практически не проводилась, лекции и беседы были редкостью, радио зачастую отсутствовало.

Вопрос здравоохранения и гигиены стоял не менее остро. К 1942 г. водопровода не существовало, как и прачечных²¹. Городская баня долгое время не работала, но к концу 1941 г. открылась. Она проработала недолго, так как было много жалоб со стороны посетителей: сначала вода подавалась из колодца, что загрязняло тело еще больше, а после того как проложили насос к реке, начались проблемы с напором и температурой воды. Жители перестали ходить в баню, что привело к ее закрытию²². Вскоре проблема была решена: открылись три бани общей вместимостью 500 человек.

С января по август 1945 г. невыход рабочих по болезни составил 31 тыс. человеко-дней, или 7,6 %. За этот период уволились по болезни и инвалидности 107 человек. За три летних месяца 280 рабочих получили на руки от 150 до 300 руб., а 400 человек не получили ничего. За семь месяцев 1945 г. на работу было принято 477 человек, убыло 239, дезертировал с производства 51 человек. Исполком Челябинского областного совета депутатов трудящихся принял решение ликвидировать все проблемы в ближайшие один-два месяца²³.

Проблемы наблюдались не только в жилищно-бытовой сфере, но и в продовольственной. Так, в 1940–1941 гг. возникла серьезная проблема с получением хлеба среди населения, около

50 рабочих рудников ежедневно оставались без хлеба²⁴. По всей видимости, данная ситуация была характерна не только для Бакальских рудников, так как привела к тому, что люди занимали очередь в магазинах еще задолго до продажи хлеба, и это привело к принятию мер со стороны власти для урегулирования данной ситуации. Четвертого мая 1940 г. было объявлено о постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О борьбе с очередями за продовольственными товарами»²⁵, но и это не сразу решило проблему, народ стал искать пути обхода данного постановления. Челябинский облисполком после распоряжения Наркомторга СССР от 12 августа 1941 г. стал вводить в городах и поселках карточную систему продажи хлеба, рабочий пос. Бакал оказался в их числе²⁶.

В июне — июле 1941 г. на базарах еще сохранялся уровень довоенных цен, те, кто имел свои хозяйства, торговали яйцами, молоком и картофелем, при этом цены на базаре были выше, чем в государственных магазинах. По одним данным, на базаре молоко продавали по 3–4 руб. за литр, мясо по 18–24 руб. за килограмм, картофель — по 2–2,5 руб. за килограмм²⁷. По другим данным, цена молока составляла 3,65 руб. за литр, десятка яиц — 20 руб., мяса — 50–60 руб. за килограмм, картофеля — 50 коп. за килограмм²⁸. Цена картофеля была невелика, так как каждая семья зачастую обеспечивала себя сама, ведя домашнее хозяйство.

На тот момент времени в подсобном хозяйстве находились: коровы и быки (19 особей), лошади (9), овцы (110), свиньи (12). Значительная часть средств уходила на закупку корма для содержания скота. Уже к 1942 г. было заложено 100 т силоса, в 1943 г. — 238 т. К 1942 г. поголовье скота увеличилось: коров стало 59, свиней — 77, овец — 114. К 1943 г. стала прослеживаться проблема: по поголовью крупного рогатого скота был небольшой прирост, а по мелкому скоту наблюдалось снижение из-за необеспеченности кормами свиней; снижение поголовья овец объяснялось заражением их глистами. В 1943 г. коров становится 69, свиней — 50, овец — 65 голов.

В подсобном хозяйстве так же, как и в сфере производства, наблюдались проблемы, которые влияли на сбор урожая, содержание скота и быт людей. Подсобное хозяйство за восемь месяцев 1941 г. потерпело убыток в 21,6 тыс. руб. Кредит в 300 тыс. руб., взятый у Сельхозбанка, был использован не полностью (лишь 259 тыс. руб.), оставшиеся деньги необходимо было потратить на приобретение коров, но в Саткинском районе не было заготконторы, а на частном рынке были высокие цены, поэтому деньги не были реализованы.

В годы войны за Бакальским рудоуправлением был закреплен колхоз «Победа», одной из основных проблем которого в 1941 г. являлась подготовка к посевам. В тот период посевов не было по причине того, что земельные участки получили только 25 мая, а семена — в конце

июня. Соответственно, за столь малый промежуток времени не стоило ждать хорошего урожая, что и привело к невыполнению плана²⁹.

Ситуация с посевами будет нормализована к следующему году, а урожай составит 311 т. Еще через год посевная площадь равнялась 230,5 га, или 125 % к 1942 г., но несмотря на значительный прирост посевных площадей, прироста урожая почти не получилось. Так, в 1943 г. он составил 319 т. Причинами такого количества урожая стали обильные осадки в течение всего лета, зараженность картофеля фитофторой и недостаточное внимание со стороны рудоуправления к состоянию подсобного хозяйства³⁰.

В 1942 г. среди проблем выделяется нехватка рабочего инвентаря и его неподготовленность к посевному сезону. Данная проблема была характерна и для других колхозов во время войны³¹. К 1944 г. ситуация в колхозе значительно улучшается, газета «Саткинский рабочий» чаще публикует положительные оценки. Так, сев озимых заканчивают в срок и с перевыполнением плана³², за это председателя колхоза Гайдука занесут на областную Доску почета и премируют³³.

В 1945 г. колхоз взял обязательство выполнить план хлебосдачи государству до 10 октября, а выполнил раньше срока — 26 сентября, после чего взял новое обязательство — к 1 октября сдать сверх плана 2000 пудов зерна³⁴. Такое же обязательство было дано и в 1946 г.: к 1 октября сдали сверх плана 2000 пудов зерна, а к 10 октября сдали больше нормы на 3600 пудов зерна³⁵.

Несмотря на военное время необходимо было создавать условия, чтобы население отвлекалось от тягот труда, поэтому в Бакале действовали творческие и спортивные объединения. Например, клуб им. Артема устраивал вечерние концерты, при нем стали работать комсомольско-молодежные кружки (драматический, хоровой, струнный) и вновь организованный духовой оркестр. Весной 1942 г. в клубе была оформлена выставка портретов великих полководцев: Петра I, героев Севастопольской обороны, М. И. Кутузова, А. В. Суворова, Н. А. Щорса, В. И. Чапаева и др.³⁶

Пятнадцатого февраля 1942 г. для учащихся средней школы был проведен комсомольско-молодежный лыжный кросс, в котором приняли участие 40 человек³⁷. На базе Бакальской средней школы организован отряд тимуровцев, которые активно участвовали в деятельности кружков художественной самодеятельности, субботниках, воскресниках, а также помогали местным жителям колоть и пилить дрова, носить воду³⁸.

На Бакальских рудниках действовала школа ФЗО, готовившая новые кадры, которые должны были заменить тех, кто уходил на фронт. В ней под руководством Братцева издавалась сатирическая стенгазета «Комсомольский крокодил», и уже в мае 1942 г. вышел третий номер³⁹. Помимо того что школа готовила большое количество специалистов, многие из них были вовлечены

в общественно полезную деятельность. Так, под руководством секретаря комсомольской организации Губрия учащиеся собирали лом на Ленинском руднике, 40 человек смогли собрать 15 т лома.

Таким образом, условия жизни на Бакальских рудниках в военный период были неоднозначны. С одной стороны, сохранялось большое количество проблем как в начальном периоде войны, так и в 1945 г., но, с другой стороны, мы видим, что, несмотря на трудности военного времени, жители находили время учиться, жить культурной жизнью и собирать помощь фронту в денежном и материальном эквиваленте. Несмотря на тяжелое положение, жители Бакальских рудников не отошли от данной клятвы, они продолжали усиленно работать на производстве, в сельском и подсобном хозяйстве, совершили ряд трудовых подвигов, которые смогли нормализовать работу производства, старались делать все возможное, чтобы фронт ощущал их большой вклад в Победу.

Примечания

¹ Научный руководитель — Игорь Александрович Новиков, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

² Трофимов Е. П. Сатка и Бакал: люди, факты, жизнь (1757–2008). Сатка, 2005. С. 14.

³ Там же. С. 25.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 8. Д. 151. Л. 3.

⁵ Трофимов Е. П. Указ. соч. ; *Он же*. Бакал сквозь призму лет. Челябинск, 1998 ; Город моей родины Бакал: к 265-летию города. Бакал, 2022.

⁶ Город моей родины Бакал ... С. 158.

⁷ Подольский С. На эскадрилью истребителей // Саткинский рабочий. 1942. 27 янв.

⁸ Построим пионерский танк // Там же. 1942. 22 февр.

⁹ Зимаев. Тыл помогает фронту // Там же. 1942. 11 февр.

¹⁰ Агапов В. Собираем теплые вещи // Там же. 1942. 15 февр.

¹¹ Тыл помогает фронту // Там же. 1942. 11 февр.

¹² Фахреева М. Нашим друзьям // Там же. 1942. 4 марта.

¹³ Найдено Н. Вечер-концерт // Там же. 1942. 6 февр.

¹⁴ Денисов И. Делегация челябинцев на фронте // Там же. 1942. 5 мая.

¹⁵ Реализация займа // Там же. 1945. 5 мая.

¹⁶ Реализация займа // Там же. 1945. 9 мая.

¹⁷ Трофимов Е. П. Бакальский завод по ремонту горного обогащительного и агломерационного оборудования // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 5. С. 266.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1760. Л. 91.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 92.

²¹ Там же. Ф. Р-485. Оп. 8. Д. 220. Л. 12.

²² Галкин А. Еще раз о бане // Саткинский рабочий. 1942. 9 янв.

²³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1760. Л. 92.

²⁴ Трофимов Е. П. Бакал сквозь призму лет. Челябинск, 1998. С. 214.

²⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 мая 1940 года «О борьбе с очередями за продовольственными товарами» // Хронос. Всемирная история в Интернете. URL: https://hrono.ru/dokum/194_dok/19400504ck.php (дата обращения: 08.06.2026).

²⁶ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1389. Л. 27.

²⁷ Кусков С. А. Цены военного времени // ОГАЧО. URL: <https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni?ysclid=mbc85gtehd963200722> (дата обращения: 08.06.2026).

²⁸ Трофимов Е. П. Бакал сквозь призму лет ... С. 214.

²⁹ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 8. Д. 151. Л. 25.

³⁰ Там же. Ф. Р-288. Оп. 8. Д. 118. Л. 1.

³¹ Отлично подготовиться к весеннему севу // Саткинский рабочий. 1942. 30 янв.

³² Закончили сев озимых // Там же. 1944. 7 сент.

³³ Пленум райкома партии // Там же. 1944. 1 дек.

³⁴ Первая заповедь выполнена // Там же. 1945. 28 окт.

³⁵ Гайдук. Взятое обязательство выполнили досрочно // Там же. 1946. 12 окт.

³⁶ Выставка портретов великих полководцев // Там же. 1942. 27 мая.

³⁷ Аитропов. Комсомольско-молодежный лыжный кросс // Там же. 1942. 20 февр.

³⁸ Рудь М. Тимуровцы Бакала // Там же. 1942. 5 апр.

³⁹ Сатирическая газета // Там же. 1942. 27 мая.

А. В. Голубова, А. Л. Худобородов

Эвакуированные в Челябинск студенты и преподаватели вузов: особенности жизни и работы в годы Великой Отечественной войны

В развитии высшей школы в Челябинске в годы Великой Отечественной войны особая роль принадлежала преподавателям и студентам эвакуированных вузов. На основе Киевского медицинского института был создан Челябинский медицинский институт, а Челябинский механико-машиностроительный институт (в будущем политехнический) начал работать в 1943 г. на основе одноименного сталинградского вуза. Но особенно интересно проанализировать, как изменилась жизнь Челябинского государственного педагогического института, существовавшего уже семь лет, с приездом новых преподавателей и студентов из вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы.

По минимальным подсчетам, не меньше двухсот студентов прибыло в Челябинский пединститут из европейской части страны. В ЧГПИ приехало немало эвакуированных преподавателей, что способствовало повышению и качества преподавания, и уровня научной работы. Эвакуированным студентам и преподавателям пришлось испытать немало трудностей входе адаптации к новым условиям жизни в Челябинске, в новом вузе, в новом коллективе.

Вот что вспоминал приехавший из Москвы студент М. А. Заборов, окончивший в 1942 г. исторический факультет Челябинского пединститута:

Учиться в военные годы было очень нелегко. Особенно большие тяготы материально-бытового характера испытывали эвакуированные. «Аборигенам» было все-таки проще: кто получал продуктовые посылки от родственников в деревне, кто сам время от времени ездил на родину на пополнение местной. Для нашего же брата, эвакуированных, проблема питания стояла чрезвычайно остро. В сущности, мы жили на полуголодном пайке. Для «поддержания духа» отдельным студентам выдавались сверх карточек (500 г черного хлеба на день, 600 г сахара — на месяц и т. д.) талоны на «усиленное дополнительное питание» — УДП... В УДП входила тарелка горохового супа в общепитовской столовой (половники приходилось «брать» с бою в раздаточной!), или «затируха». Кусочек селедки — иногда — считался высшей роскошью!

Не просто включались в преподавательскую и научную жизнь Челябинского пединститута эвакуированные преподаватели. Но свою положительную роль сыграли их высокий профессионализм, научная эрудиция, умение доступно и логично излагать материал студентам. Доцент М. М. Забицкая, преподававшая философию, при-

была из Московского пединститута. Студентка З. И. Глазкова (Смирнова) вспоминала в 1975 г.:

Трудно забыть М. М. Забицкую, читавшую курс философии. До сих пор в памяти остался ее своеобразный взмах руки, характерные фразы. Читала она эмоционально и вместе с тем логично, семинары проводила очень интересно.

Нам посчастливилось услышать лекции некоторых крупных историков. Приезжала Э. Б. Генкина, прочла две лекции. Это был настоящий праздник — настолько интересно, ярко, глубоко излагала она материал².

М. А. Заборов в 1984 г. писал:

...Особенно импонировала спокойная, раздумчивая манера М. М. Забицкой «прояснять нечетко или недостаточно точно воспринятое нами из книг», углублять прочитанное, «освежить» теорию примерами и фактами, взятыми из жизни. Все мы с уважением относились к этой опытной и заинтересованной в своем деле преподавательнице³.

Опытные эвакуированные преподаватели пополнили факультет иностранных языков Челябинского пединститута. Из Одесского фармацевтического института приехала Э. И. Ванштейн, заведующая кафедрой немецкого языка (окончила Цюрихский университет). Старший преподаватель английского и французского языков Д. И. Фишкис был эвакуирован из Киевского государственного университета, где раньше работал деканом факультета иностранных языков, образование получил в Чикагском университете Люкса (США)⁴.

В г. Кыштым Челябинской области был эвакуирован Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. Часть его ученых и преподавателей в годы войны работали в стенах Челябинского педагогического института. Так, профессор П. В. Гуревич преподавал экономическую географию зарубежных стран, доцент Г. П. Петрушевский — зоологию.

Среди творческих, активных преподавателей дирекция института отмечала и эвакуированных коллег. Так, в отчете о работе Челябинского государственного педагогического института за 1942/1943 учебный год среди лучших преподавателей вуза были названы М. М. Забицкая (диалектический и исторический материализм), молодой преподаватель М. А. Заборов (история Средних веков). И далее в отчете подчеркивалось:

Секрет их плодотворной работы прост: они любят свою науку, много работают над собой, уделяют много внимания студентам, пробуждают в них лучшие стремления к науке и практической деятельности учителя. Терпеливо и настойчиво воспитывают у студентов навыки самостоятельной работы, любовь к книге, к труду учителя, пронизывая всю свою работу глубокой идейностью, преданностью родине, содействуя в меру сил своим росту культуры и благосостояния своего Отечества. Их работа со студентами не кончается в аудиториях и кабинетах⁵.

Эвакуированные ученые не только укрепили преподавательский состав ЧГПИ, но некоторые из них возглавляли институт в годы войны. Ленинградский профессор П. В. Гуревич был заместителем директора по научной и учебной работе, а в 1943 г. — и. о. директора ЧГПИ. В 1944–1945 гг. директором Челябинского пединститута был доцент Ф. А. Редько, эвакуированный из Киева.

Конечно, основная учебная и научная работа в ЧГПИ в годы войны велась местными уче-

ными и преподавателями, которые стояли у истоков института в 1930-е гг. И все же значительную роль в развитии нашего вуза сыграли и эвакуированные преподаватели, которые и после войны, когда они возвратились в свои родные города, сохраняли связь с Челябинским государственным педагогическим институтом.

Примечания

¹ Заборов М. А. В годы войны // Молодой учитель (Челябинск). 1984. 21 марта.

² Глазкова (Смирнова) З. И. В годы войны // «На всю оставшуюся жизнь нам хватит подвигов и славы»: О Великой Отечественной на страницах газеты «Молодой учитель». Челябинск, 2005. С. 122.

³ Заборов М. А. Указ. соч.

⁴ Челябинский государственный педагогический университет. 2-е изд., испр. и доп. Челябинск, 2004. С. 77.

⁵ СССР во Второй мировой войне: Третьи Всерос. ист.-краевед. чтения памяти проф. П. Е. Матвиевского: сб. ст. Оренбург, 2010. С. 290.

В. В. Колмогоров

Приют комедиантов в шахтерском Копейске

С началом Великой Отечественной войны Челябинская область стала одним из важнейших тыловых регионов, куда были эвакуированы не только многочисленные промышленные предприятия, но и научные и культурные учреждения. Так, в Челябинск прибыла труппа Малого театра, в Магнитогорск — театра сатиры, в Златоуст — Орловского драматического театра, в Копейск — Воронежского драматического театра. Кроме того, в течение двух месяцев 1942 г. в шахтерском Копейске выступал Ленинградский театр музыкальной комедии под руководством Н. П. Акимова. Вынужденную остановку коллектива в афишах обозначили как «гастроли». Восстановим хронологию этих выступлений, ставших одним из самых ярких событий в культурной жизни Копейска.

Санкт-Петербургский театр комедии им. Н. П. Акимова, прописавшийся в самом центре Северной столицы на Невском проспекте, свою историю ведет с 1 октября 1929 г. Несмотря на то что в труппе играли популярнейшие артисты Леонид Осипович Утесов, Борис Андреевич Бабочкин, Николай Константинович Черкасов и Елена Маврикиевна Грановская, театр ко второй половине 1930-х гг. оказался на грани закрытия. Спасти положение предстояло 34-летнему режиссеру и художнику Николаю Павловичу Акимову. Правда, Акимову пришлось расстаться со звездной труппой и набрать новых артистов, завести знакомство с литераторами Михаилом Михайловичем Зощенко, Евгением Львовичем Шварцем, Михаилом Леонидовичем Лозинским, режиссерами Сергеем Иосифовичем Юткевичем и Григорием Михайловичем Козинцевым. Ленинградский театр комедии стал одним из лучших в СССР.

В начале Великой Отечественной войны театр продолжал давать спектакли в Ленинграде, но только в самую суровую блокадную зиму 1941 г. Акимов получил разрешение на эвакуацию.

Перебирался коллектив на большую землю со своими родными и близкими на грузовом самолете Ли-2, который был лицензионной копией американского «Дугласа». Пролетая на высоте 70 м над Ладожским озером, самолет попал в поле зрения вражеского истребителя. Но находившийся на борту пулеметчик сумел дать отпор. Из-за нештатной ситуации машину пришлось посадить на промежуточном аэродроме. Здесь в огромных кубках под охраной часового с винтовкой хранилось замороженное американское мясо, предназначавшееся для жителей блокадного Ленинграда. Измученные голодом театралы с родней бросились на мясо, не обращая внимания на угрозы часового.

Здесь же театр отвезли на железнодорожную станцию, откуда уже отправили эшеленом, состоявшим из товарных вагонов-теплушек. Поезд направлялся в Магнитогорск, именно туда Акимову дали направление на размещение коллектива. Добирались месяц. По приезде в город металлургов оказалось, что размещаться негде, потому что местный театр остался в родном городе. Пришлось вернуться в холодные теплушки на несколько дней. «Зеленый свет» труппе дали в шахтерском Копейске. На календаре был январь 1942 г.

Николай Павлович Акимов в письме драматургу Евгению Львовичу Шварцу, автору культовых пьес «Тень», «Дракон», «Обыкновенное чудо» от 25 февраля 1942 г. писал:

Дорогой Евгений Львович! Как Вы живете? Довольны ли всем? И как вообще? Краткий отчет: Магнитогорск нас не принял. Переадресовали нас

в некий Копейск в 18 километрах от Челябинска. Где мы временно и расположились, играя и кушая¹.

В 1938 г. на экраны страны вышел фильм С. И. Юткевича «Человек с ружьем» по одноименному произведению сценариста и драматурга Николая Николаевича Погодина. Фильм о событиях 1917 г. рассказывает о солдате Первой мировой (империалистической) войны Иване Шадрине, которого однополчане отправили в Петроград, чтобы встретиться с Лениным и передать ему письмо с вопросами. Шадрину это удастся... «Человека с ружьем» воплотил Борис Михайлович Тенин, артист Ленинградского театра комедии, уже имевший в своем творческом портфолио роли в кино... и клоуна в московском цирке. Супругой артиста была Лидия Павловна Сухаревская, с которой они создали один из самых известных в стране театральных дуэтов. В 1970-е гг. Тенин прославился ролью комиссара Мегрэ в нескольких телеспектаклях. Французский писатель Жорж Симеон, придумавший детектива полиции, в интервью актрисе Алле Сергеевне Демидовой признал образ, воплощенный Тениным, самым похожим на его литературного героя.

О своей жизни на сцене и в кино Б. М. Тенин подробно написал в книге «Фургон комедианта», изданной в 1987 г. Вспоминает на страницах автобиографии Борис Михайлович и о Копейске:

Под жильем нам отдали школьное помещение с дровяным отоплением. Первые дни непривычно было включать вечером электрический свет при не занавешенных плотно окнах, казалось странным, что стекла не заклеены полосками бумаги для предохранения от взрывной волны. Идя по улице, испытывали радость от осознания, что рядом неожиданно не упадет снаряд, что не раздастся противный вой сирены и не нужно будет метаться в поисках ближайшего бомбоубежища. До чего же несчастье учит ценить элементарные человеческие радости!

В Копейске оказалось немало ленинградцев. Землячество вдали от любимого города, ощущение себя товарищами по несчастью очень всех сблизило. В Копейске у нас появились друзья, то и дело зазывавшие нас в гости. Мы оттаивали после блокады, приходили в себя после изнурительного переезда. Хотелось быстрее начать работу.

Копейск тогда был шахтерским поселком с довольно приличным клубом. Мы дали несколько концертов. Состоялся мой творческий вечер. Мы с Сухаревской сыграли скетч «Укушенный» Ардова, с Лецким — еще один скетч. Я продемонстрировал свои эстрадные номера и даже исполнил песни Беранже. А вот со спектаклями дело обстояло сложнее. У нас не было ни декораций, ни костюмов, ни реквизита. В. И. Немирович-Данченко считал, что актерам для представления достаточно иметь коврик. У нас и этого не было. Мы пробовали в своих костюмах играть «пиджачные» пьесы. Несколько раз дали «Тот, кого искали» Раскина и Слободского. В своих же пиджаках играли «Малыша». Только сейчас стало ясно, что большинство спектаклей нашего репертуара — костюмные.

Реквизит — посуду, легкую мебель и т. д. — мы приносили на сцену из дома или одалживали у знакомых².

Копейчане увидели впервые ленинградцев на сцене Дворца культуры угольщиков 24 января

1942 г. в комедии на тему советской морали и этики, проблем советской семьи Александра Борисовича Раскина и Мориса Романовича Слободского «Тот, кого искали» (постановка Н. С. Рашевской, режиссер И. А. Хайзель)³. В ролях: А. К. Колесов (радист-полярник Василий Захарович Борзов), Б. М. Тенин (врач-полярник Евгений Шрамков), В. И. Осипов (Захар Петрович Борзов), Т. В. Сезиневская (Саша Борзова), А. В. Сергеева (Коля Борзов), Л. П. Сухаревская (Лена, подруга Саши Борзовой). Газета «Копейский рабочий» отмечала:

Без декораций, без нужных костюмов Ленинградский театр комедии в постановке артистки-орденоносца Рашевской, режиссера И. А. Ханзеля сумел показать замечательный спектакль, насквозь проникнутый новой советской жизнью. Пьеса была написана задолго до начала войны. И поэтому именно сейчас нам особенно дорого все то, за что героически сражается Красная армия, все то, к чему мы уже привыкли, что вошло в наш быт, в нашу счастливую советскую деятельность⁴.

На следующий день, 25 января, утром и вечером была показана комедия Василия Васильевича Шкваркина «Весенний смотр»⁵. Двадцать восьмого января состоялась встреча с Борисом Михайловичем Тениным с участием Лидии Павловны Сухаревской, Жана (Жозефа) Николаевича Лецкого, Николая Алексеевича Волкова. В программе были концерты, комедии, скетчи, музыка, юморески, рассказы⁶.

Седьмого и 8 февраля сыграли французскую комедию «Малыш» по Жану Латрезу⁷. Н. П. Акимов вспоминал:

У этой пьесы была самая интересная судьба. Ее очень хорошо играли Тенин, Зарубина, Флоринский и целый ряд наших хороших актеров и нам было предписано играть ее в блокаду, когда фронт находился в Гатчине. Играйте — пусть бойцы немножко развлекутся и отдохнут⁸.

Двенадцатого февраля состоялся прощальный вечер Б. М. Тенина с участием А. П. Сухаревской, Ж. Н. Лецкого, А. В. Савостьянова и Н. А. Волкова⁹, а 14 и 15 февраля — прощальные выступления всей труппы с показом водевилей французского драматурга Эжена Лабиша «Разбойник Вердине» и «Малютка Бланш»¹⁰. Завершились копейские гастроли театра 19 февраля творческим вечером артиста, режиссера и драматурга Глеба Андреевича Флоринского¹¹.

Кто же выступал на копейской сцене? Кроме вышеупомянутых артистов в спектаклях и театральных представлениях была задействована популярная актриса Ирина Петровна Зарубина, имевшая в своей довоенной фильмографии роли в лентах «Подруги», «Друзья», «Петр Первый», «Василиса Прекрасная». Также своей игрой копейчане радовали: Лев Аркадьевич Кровицкий, Татьяна Викторовна Сукова, Павел Михайлович Суханов, Татьяна Ивановна Чоккой, Елена Владимировна Юнгер и др.¹² Был в Копейске и Сергей Николаевич Филиппов, известный по не-

забываемым ролям в кинофильмах «Девушка без адреса», «Карнавальная ночь», «12 стульев», «Иван Васильевич меняет профессию», «Собачье сердце». В 1983 г. «рыцарь смеха» побывал в Челябинске на кинофестивале студии «Ленфильм». Сергей Николаевич дал интервью «Челябинскому рабочему», вспомнив о днях на Южном Урале:

В конце 1941 г. наш театр был эвакуирован из блокадного Ленинграда, и мы нашли временный приют в городе Копейске. Помню, нас поселили всех в школе. Мы были очень слабы, больны и познакомиться с Челябинском в то время не могли. Знакомство состоялось уже в шестидесятых годах, когда театр приехал на гастроли в Челябинск. Мы смогли познакомиться ближе с городом и с людьми, которые нас приютили и обогрели в то тяжелое время¹³.

Как сложилась судьба самого театра в годы войны? Театр направился из Копейска в Сочи, затем был месяц в Тбилиси и полтора года в Душанбе. Осенью 1944 г. коллектив обосновывает-

ся в Москве и только в 1945 г. возвращается в Ленинград.

Примечания

¹ Н. П. Акимов — Е. Л. Шварцу. 25 февр. 1942 г. Челябинск : письмо // Акимов — это Акимов! СПб., 2006. С. 209.

² Тенин Б. Фургон комедианта. Из воспоминаний. М., 1987. С. 302.

³ [Объявление] // Копейский рабочий. 1942. 24 янв.

⁴ Квитко С. «Тот, кого искали» // Там же. 28 янв.

⁵ [Объявление] // Там же. 24 янв.

⁶ [Объявление] // Там же. 28 янв. ; Квитко С. Творческий отчет // Там же. 30 янв.

⁷ [Объявление] // Там же. 7 февр.

⁸ Астафьева А. Московские сюжеты Николая Акимова // Санкт-Петербургский государственный академический театр комедии имени Н. П. Акимова. URL: <https://akimovkomedia.ru/news/1014/?ysclid=mrnm29a5ua6102128400> (дата обращения: 01.07.2026).

⁹ [Объявление] // Копейский рабочий. 1942. 12 февр.

¹⁰ [Объявление] // Там же. 14 февр.

¹¹ [Объявление] // Там же. 19 февр.

¹² Квитко С. К гастролям Ленинградского театра комедии // Там же. 24 янв.

¹³ Филиппов С. Рыцарь смеха // Челябинский рабочий. 1983. 7 мая.

А. М. Гордеева

Дворец пионеров в Челябинске как актор публичного дискурса о Дне пионерии в 1960–1980-е годы

Праздничная культура позднесоветского общества, по мнению исследователей, отличалась консервацией ставших уже традиционными образов. Советский праздник оставался одним из важнейших медиумов, обслуживающих потребности режима в общественных презентациях, поэтому он мог рассчитывать на финансовую и иную поддержку партийного государства¹. День пионерии можно рассматривать как пример советского праздника и проанализировать, как работали элементы символической политики применительно к детской аудитории.

Ключевой теоретической рамкой исследования является концепт публичного дискурса, под которым, вслед за О. Л. Михалевой и Ю. В. Ключевым, понимается система высказываний, визуальных образов и ритуальных действий, отражающих реальность и активно конструирующих ее нормативную модель². Публичный дискурс о Дне пионерии — это не только тексты постановлений и статей в журналах, но и сама организация парадов, линеек, сборов металлолома, а также оформление пространства (знамена, лозунги, портреты вождей). Все эти элементы формируют у участников (и у наблюдателей) определенное представление о том, каким должен быть образцовый пионер и какова его роль в обществе. Ключевой функцией публичного дискурса является партиципаторность (или партисипаторность), то есть включение адресата (ребенка-пионера) в практические действия, которые преобразуют его личный опыт. В этой системе Дворец пионеров выступает не просто «транслятором» готовых инструкций, а активным актором — субъектом, который интерпретирует государственный заказ,

адаптирует его к местным условиям и придает ему конкретные организационно-ритуальные формы. Именно через деятельность Дворца пионеров официальный дискурс становится повседневностью для тысяч детей.

Дворец пионеров рассматривается как типовое советское учреждение для проведения мероприятий, в данном случае — внешкольной работы. Первым построенным дворцом стал Дом пионеров в Москве в 1923 г. Постепенно их количество увеличивалось. История челябинского Дворца пионеров началась в середине 1930-х гг. с открытия областного Дома художественного воспитания детей и организации Дома пионеров в 1940 г., переименование в Дворец пионеров и школьников произошло в 1956 г.³

Создание Домов пионеров и постепенно увеличение их количества было экономически и административно обоснованным решением. Оно позволило сконцентрировать кадры (методистов, руководителей кружков, старших вожатых) в одном месте, обеспечивая их взаимозаменяемость и повышение квалификации, снизить финансовую нагрузку на местные бюджеты за счет централизации всей материально-технической базы, а также унифицировать программы и методики воспитательной работы. Однако эта унификация не означала пассивного копирования: именно на уровне дворца происходила адаптация общих задач к местным условиям, что и делало его активным актором.

Как следствие, в советской практике сложилась типовая модель Дворца пионеров: от архитектурных решений до структуры отделов и кружков. Это не отменяет факта различия со-

держания работы в разных городах: местные условия (шефство над заводами, военно-патриотическое воспитание в приграничных районах, национальные особенности в союзных республиках) накладывали свои изменения в работу. Важна сама идея организации отдельного пространства и заинтересованность областных структур в данном решении.

Обращение к челябинским материалам репрезентативно по трем причинам. Во-первых, область — индустриальный регион РСФСР с развитой сетью образовательных учреждений. Во-вторых, доступность архивных материалов (фонды ОГАЧО, архивного управления Администрации г. Челябинска, Государственного исторического музея Южного Урала) создает источниковую базу для воссоздания практики празднования Дня пионерии. В-третьих, единая типовая модель дворцов пионеров позволяет экстраполировать базовые элементы подготовки и проведения Дня пионерии с Челябинска на всю территорию СССР, выявляя механизм подчинения региональных акторов центральным властным установкам.

Судя по делопроизводственным документам, основными задачами Дворца пионеров на период 1960-х гг. становились: подготовка педагогических кадров, оказание помощи школам и внешкольным учреждениям в воспитании активных участников строительства коммунистического общества в соответствии с решениями XIII съезда и II пленума ЦК ВЛКСМ⁴, продолжение инструкторско-методической работы для пионерского актива, старших пионервожатых⁵. В 1960-е гг. обновленный состав вожатых (выпускники 10-х классов школ) принял участие в семинаре в лагере «Колющенко» в районе Шершней. Посещения занятий в школах № 6, 87 и 17 Челябинска показали, что вожатые успешно овладели основами пионерской работы и навыками самостоятельного ведения занятий⁶. Вся массово-политическая работа Дворца пионеров была направлена на выполнение решений XXII съезда КПСС, 40-летия Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина и решений XIV съезда ВЛКСМ⁷. Подготовка к достойному проведению мероприятий, посвященных юбилеям (40-летию и 50-летию) организации, начинались за два года до ожидаемого события и являлась важным аспектом наряду с методической работой с вожатыми и воспитанием пионеров.

В рамках объявленной в 1960 г. двухлетки «Пионеры — Родине»⁸ пионеры приобщались к ударному труду, могли почувствовать себя причастными к строительству коммунистического общества. Учебным критерием становилась успеваемость — отсутствие второгодников. Важной составляющей деятельности стало трудовое воспитание. В частности, учащиеся школы № 86 оказывали постоянную помощь рабочим строительного-монтажного управления № 2, расчищали дворы вновь выстроенных домов, мыли окна, учащиеся школы № 87 распространяли книги

среди населения, а ребята из школ № 27 и 88 в выходные дни обслуживали два почтовых отделения⁹. Девизы успешной учебы и труда на благо Родины сопровождали всю подготовку к празднованию юбилейных дат пионерской организации.

Праздничный парад в честь 40-летия пионерской организации был проведен 19 мая 1962 г. на главной площади Челябинска — по пл. Революции прошли лучшие пионерские дружины школ. Во главе каждой дружины следовала знаменная группа, несшая знамя. Знаменные группы несли щитки с цифрами отчетов о проделанной работе, изображения В. И. Ленина и знамени, а также транспаранты с различными лозунгами. За ними следовали пионерские отряды и кружки, каждый из которых имел собственные флаги. Судя по сохранившимся фотоснимкам, сделанным в Челябинске, у памятника В. И. Ленину был сформирован почетный караул. В рамках празднования 19 и 20 мая ансамбль песни и танца выступил по телевидению, а барабанщики приняли участие в открытии парада пионеров¹⁰.

Юбилей символизировал завершение двухлетнего периода (подведение итогов двухлетки) и демонстрировал силу и влияние детского движения. Указаний от партии относительно организации мероприятия не было, единственное требование — праздник должен быть ярким. Это требование было выполнено.

В 1965 г. Дворец пионеров и школьников Челябинска готовился отметить 25-летний юбилей, «в этот день они дали слово своими делами оправдать имя Надежды Константиновны Крупской, за присвоение которого борется наш дворец»¹¹. Второго ноября 1967 г. Совет министров РСФСР присвоил дворцу имя Н. К. Крупской.

В архивных документах не отображаются проводившиеся каждый год парады, но можно утверждать, что праздничные мероприятия проводились. Однако сам праздник стал уже настолько рутинным, что к нему не требовалась тщательная подготовка и детализация. День пионерии в неюбилейные годы — привычное мероприятие, в юбилейные — повод для демонстрации достижений. Согласно М. Рольфу, массовый праздник в СССР выполнял две функции: демонстрация образцовых отношений власти и общества и «ритуальный тренинг», формировавший нового советского человека через непосредственное участие в торжествах¹².

Процесс подготовки к 50-летию юбилею Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина начался за два года до самого празднования, как и в 1960-е гг. В обращении XVI съезда ВЛКСМ ко всем пионерам СССР прозвучал призыв готовиться к пионерскому юбилею под лозунгом «Тебе, родная партия, тебе, Советская Родина, наши отличные знания трудовые подарки, верность и любовь!»¹³. Призыв поддержал IV Всесоюзный слет пионеров в Ленинграде, и 3 июля 1970 г. он дал старт маршу

пионерских отрядов «Всегда готов!» (июль 1970 — май 1972). Целью марша стала боевая проверка верности каждого пионера торжественному обещанию законам юных ленинцев.

Пятый пленум Челябинского горкома ВЛКСМ 13 октября 1970 г. обязал комсомольские организации провести обсуждение юбилейных вопросов на всех уровнях — от собраний до горисполкома и райкомов партии¹⁴. В 1970 г. началась активная подготовка к празднованию 50-летия Всесоюзной пионерской организации.

Судя по архивным материалам, в ходе выполнения марша пионеры Челябинска и области не только хорошо учились. Например, в школе № 63 возникло 17 экспедиционных отрядов и одна геологическая группа¹⁵. Но основным занятием становился сбор металлолома и макулатуры. Дворец пионеров выступил ключевым координатором этой деятельности, консолидируя усилия школ и отрядов, разрабатывая единые планы и методические рекомендации, — действовал как активный организатор, а не просто как место для кружков. Но не менее важной стала помощь в строительстве Дворца пионеров на Чукотке; челябинские пионеры помогали сбором книг и отчисляли заработанные средства от сдачи макулатуры и сбора металлолома. Например, школа № 56 Советского района Челябинска перечислила в фонд Чукотки 20 руб.¹⁶

В Челябинской области в подготовке к юбилейным торжествам были задействованы восемь городов и шесть муниципальных районов, в том числе принадлежащие к ним десять городов, четыре села и один поселок. В Челябинском городском округе, а также в других муниципальных образованиях за два года проведения марша число правофланговых отрядов достигло значительных показателей: в Кыштыме — 75¹⁷, в Каслях — 73¹⁸, в Катав-Ивановске — 49¹⁹. Такие цифры свидетельствуют о высокой активности и вовлеченности пионеров в выполнение заданий, что позволяло говорить о широком охвате.

Несмотря на общий высокий уровень участия, отмечается, что выполнение маршрута «Мир и солидарность» в некоторых районах Челябинска, например в Советском, было недостаточно хорошим. Это показывает, что, несмотря на системный подход, в отдельных местах существовали сложности в реализации задач, требующие дополнительного внимания и мер мотивации.

В каждом административном районе задачи, поставленные перед пионерами к выполнению, были одинаковыми. Основные усилия были направлены на повышение успеваемости. Процент успеваемости был высоким, что отмечалось во всех районах. Например, в Коркино из 7100 учеников не успевал всего 91 пионер, то есть чуть больше 1 %²⁰. Различие в количественных показателях обусловлено различной численностью школ и пионеров в каждой административной единице.

Похожая ситуация была и с остальными маршрутами. Пионеры выполняли спортивные нор-

мативы ГТО, активно участвовали в игре «Зарница». Так, в Сатке, количество отрядов, имеющих 100 %-ю успеваемость за второй год марша, по сравнению с первым, выросло с 128 до 150²¹.

В мае 1972 г. марш завершился. Отряды рапортовали комсомолу, как выполнили его наказ. Правофланговые отряды юбилейного года по решению городского Совета пионерской организации должны были быть награждены памятными подарками²². Итогом стал праздничный парад 19 мая 1972 г. на пл. Революции в Челябинске. День торжеств начался 8:00 с «пионерского рассвета» в памятных местах города. В 10:00 был выставлен почетный караул. Официальное открытие парада стартовало в 11:00²³.

К сожалению, нами не обнаружено сохранившихся фотографий, однако ход празднования можно восстановить по архивным материалам. По сигналу фанфар парад открыли барабанщики, после чего был озвучен пионерский рапорт партии, Родине, комсомолу. На площади ребята показывали живые картины из истории пионерии по десятилетиям. Пролог завершился исполнением пионерской песни «Взвейтесь кострами, синие ночи»²⁴.

После пролога начинался парад правофланговых отрядов, представляющих различные районы города. С 13:00 до 15:00 празднование проходит во Дворцах пионеров и стадионах города. Чуть позже начинаются показы бесплатных концертов и кинопоказы. С 17:00 до 19:00 празднование переместилось в семейные дома. После этого времени на площади организована пионерская массовка, завершившаяся фейерверком. В рамках праздничного оформления города были зажжены 50 праздничных костров²⁵.

В 1970-е гг. отмечался еще и День челябинской пионерии. Пионерия в Челябинске возникла не в 1922 г., а в начале 1923 г. — 3 февраля. В честь празднования данной даты объявлялись два месячника — дружбы и поиска.

В рамках месячника «Дружба» (декабрь 1972) пионеры собирали металлолом, знакомились с жизнью сверстников из союзных республик и интернациональными связями города²⁶. Месячник «Поиск» (январь 1973) — сбор материалов по истории пионерии Челябинска и страны для школьных музеев²⁷. Отмечалось, что делегаты лучших пионерских отрядов и дружин станут участниками торжественного сбора юных ленинцев, посвященного 50-летию пионерской организации Челябинска, 4 февраля 1973 г.²⁸

Деятельность пионерской организации в 1970-е гг. была наполнена событиями. Празднования 50-летия самой организации, в Челябинске — локальный праздник, «свое 50-летие». Пятидесятилетний юбилей Всесоюзной пионерской организации стал важным событием для всей страны, объединив пионеров в рамках марша «Всегда готов!».

Следующий рассматриваемый период — 1980-е гг. К 60-летию пионерской организации в Челябинск была выпущена книга «Дворец на Алом поле», освещающая все труды и заслуги пи-

онерии перед Отечеством за прошедшие годы. Это свидетельствует о значимости и масштабе деятельности пионеров в регионе.

Двадцать первого апреля 1982 г. состоялась V конференция комсомольско-пионерского актива, посвященная 60-летию Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина²⁹. На мероприятии выступали секретари комсомольских организаций школ и председатели советов дружин с докладами о координации проведения пионерского марша. Председатели советов октябрят осветили аспекты оказания помощи пионерам в подготовке к празднованию 60-летия пионерской организации. В работе конференции также приняли участие учащиеся 8–10-х классов, распределенные по тематическим секциям (военно-патриотическая, учебная, политико-просветительская)³⁰.

Двадцать шестой съезд КПСС (1981) наметил перспективы развития страны в одиннадцатой пятилетке.

Челябинская городская 60-тысячная пионерская организация стремится сделать все возможное, чтобы помочь старшим осуществить их планы³¹.

Пионерским вкладом в новую пятилетку явился Всесоюзный марш пионерских отрядов (по структуре и содержанию маршруты повторяли аналогичные направления, установленные в 1970 г.; описание каждого маршрута не представляется необходимым).

Пионеры продолжили поиск погибших бойцов Великой Отечественной войны. В школе № 147 зацвел Сад памяти, на каждом посаженном дереве — имя погибшего бойца дивизии³². Проводились олимпиады на знание Челябинска по ведущим отраслям индустрии города: металлургической, строительной, по городскому транспорту и т. д. Готовясь к олимпиаде, учащиеся школ совершали экскурсии в Музей трудовой славы, посещали профтехучилища, участвовали в подготовке и проведении тематических конференций во Дворце пионеров. Мероприятия являлись продолжением повседневной работы пионеров³³. Подчеркивалось, что участие в этих мероприятиях способствует формированию у подрастающего поколения качеств, необходимых для становления настоящих коммунистов.

В планах работы предусмотрено было участие во всесоюзных трудовых операциях: радиолинейке «Смена смене идет», сборе материалов об участниках Великой Отечественной войны, продолжении сбора информации для пионерской летописи Челябинска, сборе металлолома и макулатуры, а также в общегородских слетах к Дню знаний и различных соревнованиях для всестороннего развития детей («Зарница», «Орленок», багги, хоккей, шахматы и др.)³⁴.

В период 1982 по 1984 г. вся деятельность была направлена на «достойную встречу 60-летия образования СССР, 65-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 65-летия

ВЛКСМ и 60-летия присвоения имени В. И. Ленина Всесоюзным комсомольским и пионерским организациям, на претворение в жизнь решений XXVI съезда КПСС на реализацию задач, вытекающих из программы Всесоюзного марша юных ленинцев»³⁵.

В условиях высокой концентрации праздничных мероприятий в течение календарного года День пионерии может утратить свою значимость. Вероятно, празднование 60-летия данного движения не достигло масштаба, схожего с тем, как были организованы мероприятия в честь 50-летнего юбилея. В этот период основное внимание было уделено продолжению методической и идеологической работы с пионерами, а также расширению их деятельности по маршрутам.

Девятнадцатого мая 1982 г. пионеры направлялись к производственному объединению «Вторчермет». Во всех районах города в это время звучали пионерские песни, слова напутствия старших товарищей по дальнейшему участию челябинских пионеров во Всесоюзной операции «Баму — пионерские поезда».

В этом десятилетии наблюдается усиление идеологического воспитания, выражающееся не в торжественных празднованиях, а в организации многочисленных конференций, семинаров. Вместо традиционных празднований акцент делается на формировании и укреплении убеждений посредством дискуссий, лекций и презентаций, часто с участием влиятельных экспертов и лидеров мнений. Таким образом, идеологическое воспитание происходит не столько через прямое празднование, сколько через целенаправленное формирование взглядов на ключевые аспекты жизни.

Эволюция празднования юбилеев пионерского движения в Челябинской области показывает изменения в организации и тематике мероприятий. В 1962 г. (40-летие) празднование было масштабным и включало выставки, трудовые акции и митинги — акцент на массовых торжествах и пропаганде идеалов. В 1972 г. (50-летие) размах достиг пика: крупные марши, конкурсы, спорт, культурные программы, встречи с ветеранами — праздник приобрел сложную структуру и стал кульминацией истории движения. В 1982 г. (60-летие) массовые парады уступили место конференциям и идеологической подготовке, что отражало переход от массового торжества к узконаправленной воспитательной работе.

В отличие от повседневной воспитательной работы, празднование Дня пионерии представляло собой ритуализированную форму отчетности. На материалах Челябинской области можно проследить, как регион воспроизводил государственный дискурс в праздновании юбилейной даты (пионеры активно участвовали в подготовке к празднованиям как во Дворце пионеров, так и в школах, в которых учились). Дворец пионеров не был пассивным реализатором: он интерпретировал центральные установки, наполняя их смыслом через оформление, вовлечение де-

тей, что делало дискурс осязаемым и понимаемым для его участников.

Регион не создавал альтернативного образа праздника и не наполнял его местным содержанием, а воспроизводил ритуал, созданный вышестоящими органами. Образ пионера полностью соответствовал официальному заказу. Характерно, что интенсивность этого дискурса резко возростала в юбилейные годы (особенно в 1972), когда требовалось подчеркнуть значимость и легитимность пионерской организации, и затухала в обычные годы, когда праздник превращался в рутинный, документально почти не фиксируемый ритуал.

Примечания

¹ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 78.

² Клоев Ю. В. Дискурс в массовой коммуникации (междисциплинарные характеристики, концепции, подходы) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2013. № 1. С. 215.

³ Летопись Дворца пионеров и школьников им. Н. К. Крупской. URL: <https://www.calameo.com/read/003098717b9fbee4f66cc?view=scroll&page=1> (дата обращения: 23.05.2026).

⁴ Архивное управление Администрации г. Челябинска. Ф. ОАФ-142. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 43. Л. 6.

⁶ Там же. Д. 40. Л. 28–32.

⁷ Там же. Д. 42. Л. 3.

⁸ Свистов В. Т. Артек — за годом год: Летопись Международного детского центра. Запорожье, 1995.

⁹ Архивное управление Администрации г. Челябинска. Ф. ОАФ-142. Оп. 1. Д. 43. Л. 11–13.

¹⁰ Там же. Л. 23.

¹¹ Там же. Д. 60. Л. 49.

¹² Рольф М. Указ. соч. С. 157.

¹³ Архивное управление Администрации г. Челябинска. Ф. ОАФ-142. Оп. 1. Д. 60. Л. 78 об.

¹⁴ Там же. Л. 80.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 6. Д. 38. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 40.

¹⁷ Архивное управление Администрации г. Челябинска. Ф. ОАФ-142. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 37.

²⁰ Там же. Д. 38. Л. 181.

²¹ ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 6. Д. 38. Л. 181.

²² Архивное управление Администрации г. Челябинска. Ф. ОАФ-142. Оп. 1. Д. 60. Л. 97.

²³ Там же. Д. 115. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 60. Л. 99.

²⁵ Там же. Д. 115. Л. 6–7.

²⁶ Там же. Д. 108. Л. 21.

²⁷ Там же. Л. 20.

²⁸ Там же. Л. 21.

²⁹ Там же. Д. 195. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 1–15.

³¹ Там же. Д. 233. Л. 7 об.

³² Там же. Л. 14 об.

³³ Там же. Л. 20 об. — 34.

³⁴ Там же. Д. 224. Л. 5–6 об.

³⁵ Там же. Л. 3.

И. В. Усков

Отражение культурной травмы 1990-х годов в делопроизводственной документации территориального Комитета профсоюза работников угольной промышленности¹

Изучение культурной травмы 1990-х гг. в отечественной историографии и социальной антропологии в основном сводится к анализу мемуаристики или публицистики: исследовательский инструментарий по-прежнему тяготеет к источникам, в которых травматический опыт артикулирован напрямую — будь то дневники, интервью, художественная проза, кинематограф и т. д.² В фокус внимания, таким образом, не попадают массивы делопроизводственной документации, которые оказываются сухими, формализованными и лишенными какой бы то ни было эмоциональной окраски. Одно из свойств такого рода исторических источников заключается в том, что их функция сугубо прагматическая: зафиксировать факт, придать ему юридическую силу, обеспечить обратную связь между уровнями управления. Именно поэтому культурная травма, понимаемая как глубокое потрясение коллективной идентичности, выражающееся в утрате привычных смыслов, социального статуса и патерналистских ожиданий, сопровождающееся крушением прежней логики социальной справедливости и формированием ощущения уязвимости³, зачастую отражается здесь не в виде прямых высказываний, а в виде смещений и акцентов. Кажущаяся бесстрастность делает их коренным свидетельством такого явления, как культурная травма, пережитая в том числе сооб-

ществом горняков России в первое постсоветское десятилетие. Обращение к архивному фонду Челябинского территориального комитета профсоюза работников угольной промышленности позволяет увидеть, каким образом институциональный язык, не предназначенный для публичной рефлексии и тем более для исповедального высказывания, фиксирует катастрофу через систему умолчаний и бюрократических эвфемизмов.

В первую половину 1990-х гг. для челябинского теркома Росуглепрофа не было характерно культивирование травмы в шахтерской среде. Напротив, организация подчеркивала тот факт, что ее аппарат работает значительно эффективнее регионального отделения независимого профсоюза горняков в профильных областях:

В отличие от наших коллег из НПП, не стесняющихся «гремить во все колокола» по самым незначительным поводам, наши председатели профкомов не говорят о результатах своей работы, которые значительно весомее и направлены исключительно на благо членов профсоюза⁴.

С одной стороны, профсоюз признает наличие кризиса и социального напряжения (иначе не было бы нужды отчитываться о «весомых результатах»), а с другой — травматическая риторика намеренно выводится за пределы легитимного профсоюзного дискурса и маркируется как

признак слабости или популизма, свойственный их коллегам.

Делопроизводственные документы начала 1990-х гг. (протоколы заседаний профкома, служебные записки, отчеты о выполнении коллективных договоров и переписка с вышестоящими инстанциями и органами власти), на первый взгляд, сохраняют привычную советскую форму: строгая структура, обязательные реквизиты, клишированные обороты. Однако при внимательном анализе становится заметно, как в этот устойчивый вокабуляр начинают вкрапляться новые, чуждые ему термины: «невыплаты», «лечь в забастовку», «бартер», «взаимозачеты». Само по себе появление этих слов лишь сигнализирует об экономическом сдвиге, потому для нас важнее то, как именно они вписываются в старые синтаксические конструкции. Для примера можно рассмотреть выступления генерального директора Челябинскугля А. В. Дружинина на пленуме отделения профсоюза 12 мая 1994 г., где он реконструировал логику горняков:

На Коркинском разрезе выступили с требованием, там рабочие недовольны, что они уходят в отпуск <...> отпускные насчитываются за последние три месяца, и они получают мало отпускных. А из этих трех месяцев они полтора лежали⁵.

В этой реплике сталкиваются два разных понимания справедливости. Логика шахтеров, которую А. В. Дружинин критикует в своей речи, по-прежнему построена на советской патерналистской интуиции: государство обязано гарантировать стабильный доход вне зависимости от того, работает предприятие или вынужденно простаивает. Однако реальность, с которой столкнулись горняки в 1990-е гг., была устроена принципиально иначе: отпускные рассчитывались исходя из фактического, а не планового объема выполненных работ за предшествующие месяцы, а если в эти месяцы предприятие не функционировало, то и сумма оказывалась меньше планируемой. Иными словами, социальная политика молодого российского государства, ориентированная на формальные нормы рыночной экономики, вступила в противоречие с прежней логикой, основанной на представлении о государстве как о попечителе и гаранте социальной справедливости.

В материалах рассматриваемого фонда за 1996–2001 гг. резко возрастает количество повторных обращений в Министерство топлива и энергетики, прокуратуру, к президенту и в другие инстанции с одинаковыми, по сути, запросами о погашении задолженности по заработной плате. Если в советские времена подобное письмо отправлялось единожды и воспринималось как рутинная процедура, то теперь многократное воспроизводство текста с одинаковым содержанием и отправка его в различные инстанции, иногда не касающиеся непосредственно происходящего, превращается в часть ритуала по признанию реальности травмирующего события.

В одном из таких писем, адресованном главе администрации области В. П. Соловьеву, от 16 января 1996 г. профсоюз заявляет:

Президиум <...> в очередной раз обращает Ваше внимание на критическое положение дел в угольной отрасли области: задолженность по выплате зарплаты <...> достигла трех месяцев, люди в опаснейших подземных условиях вынуждены работать без средств индивидуальной защиты в лохмотьях спецодежды, т. к. предприятие не имеет средств на ее приобретение. Среди шахтеров усиливается мнение, что органам государственной власти, в том числе и администрации области, безразлично, как живут, в каких условиях работают люди. Считаем необходимым поставить Вас в известность, что непринятие мер, направленных на нормализацию положения в нашем угледобывающем регионе, особенно в части погашения задолженности по заработной плате, приведет к социальному взрыву и параличу угледобывающего комплекса области⁶.

Задача данного обращения состоит не столько в уведомлении о положении дел, сколько в конкретизации позиции органа власти, поскольку тот находится посередине между горняками, репрезентирующими травму, и их оппозицией в лице администрации предприятия, приравнивающей переживаемый опыт шахтеров к опыту других россиян, принимая тем самым страдания первых.

Важным является и фиксация представления о безразличии региональной власти к работникам угольной отрасли, что также может быть свидетельством одного из симптомов травмы — отсутствия доверия к институтам⁷.

В 1998 г. в документообороте профсоюза выкристаллизовался нарратив о несовместимости рыночных реформ и поддержки угольной отрасли региона. В открытом письме губернатору П. И. Сумину за подписями председателей обоих профсоюзов выражается мнение:

На наш взгляд, предпринимаются шаги путем ликвидации угольных предприятий решить все проблемы шахтеров, из которых главная — это сам шахтер⁸.

Подобные умозаключения об антишахтерской политике государства можно встретить и в документах фонда более раннего периода. В частности, в трех текстах выступлений на митинге в Челябинске 27 марта 1997 г. Однако едва ли можно отнести их к делопроизводственной документации, поскольку речи не являются программными для какой-либо из организаций и авторство этих речей не установлено⁹. Но здесь стоит отметить следующее: либерализация цен, приватизация, закрытие шахт до этого времени воспринимались территориальным комитетом Росуглепрофа прагматично. К примеру, для смягчения последствий реформ было принято решение подготовить программу приватизации и осуществить ряд мероприятий для уменьшения доли дотаций на уголь, а отношение к проводимым преобразованиям было выражено путем поддержки решения IV пленума Российского комитета профсоюза работников угольной промышленности, бывшей,

по-видимому, довольно сдержанной¹⁰. Проникновение процесса конструирования травмы завершается именно в тот момент, когда профсоюз перестает воспринимать реформы как изменчивую рыночную конъюнктуру и начинает трактовать их как целенаправленную политику по ликвидации социальной группы.

Интерес представляют слова председателя теркома профсоюза Ю. И. Глобы, запротоколированные в ходе пленума 3 февраля 1999 г.: «...Примаков ведет дело к тому, чтобы газ называли сырьем, а уголь — топливом, [он заверил] что шахты закрывать нельзя»¹¹. Фраза Ю. И. Глобы примечательна тем, что в ней травматическая рамка накладывается на сугубо техническую классификацию энергоносителей. С точки зрения экономики и товарной номенклатуры, различие между «сырьем» и «топливом» не несет само по себе дискриминационного заряда, однако в контексте формирующегося к тому моменту нарратива о газовой отрасли, которая при попустительстве государства отхватывает рынки сбыта угольной, оно обретает эмоциональный заряд. Важно, что такое заявление делается не на митинге, а на пленуме — институциональной площадке профсоюза, что свидетельствует об окончательной кристаллизации травматического дискурса внутри организации. К концу 1990-х гг. профсоюз уже не просто защищает экономические интересы, но и формирует коллективную идентичность, основанную на ощущении экзистенциальной уязвимости, где даже нейтральные семантические сдвиги выглядят как звенья одной цепи: закрытие шахт, сокращение дотаций, игнорирование интересов шахтеров.

Подходя к выводу, нужно отметить, что в данном конкретном случае делопроизводственная документация фиксирует не столько сам дискурс травмы, а лишь траекторию проникновения травматического дискурса в институционализированную среду. Хронологически этот процесс совпадает с рубежом 1998–1999 гг., когда профсоюзные документы обретают эмоциональный окрас в связи критическим ухудшением положения шахтеров. Однако этот сдвиг не становится долговременным, что странно, поскольку профсоюзные лидеры в силу своего преимущественно интеллектуального труда, управленческого опыта и доступа к разнообразным информационным потокам могли оказаться группой носителей подобных нарративов

Примечательно, что данное проникновение оказывается временным и локальным: к началу

2000-х гг., когда экономическая ситуация начинает стабилизироваться, а ритуал многократных обращений в различные инстанции исчерпывает свою перформативную энергию, следы травматического дискурса уходят из делопроизводственного оборота. Профсоюз вновь возвращается к функциональному языку отчетности, оставляя нарратив о брошенности и антишахтерской политике за рамками официальных бумаг. Это свидетельствует как о том, что делопроизводственная документация не предназначена для удержания сложных ценностных конструкций, так и о том, что работники территориального комитета старались оставаться в рамках профессиональной коммуникации. Именно здесь нарративные источники демонстрируют свое преимущество. В отличие от делопроизводства, которое лишь подчеркивает момент актуального социального напряжения, нарративные источники дают возможность увидеть культурную травму как заверченный, целостный и рефлексивно осмысленный феномен, где она обретает свои формы и драматургию.

Анализ фонда челябинского теркома Росуглепрофа показывает, что нарративные источники не являются единственным свидетельством травмы. Травматические нарративы зачастую воспроизводятся в письмах и протоколах заседаний, обладающих свойствами нарративных источников. Неоспоримое преимущество делопроизводственной документации — возможность проследить процесс ритуала в форме институционального запроса. Следовательно, принципиальное различие лежит не в природе содержания (и там, и там мы имеем дело с вербализованным страданием и конструированием образа зла), а в формате присвоения этого нарратива и в его жизненном цикле внутри социальных структур.

Примечания

¹ Научный руководитель — Николай Александрович Антипин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета.

² Травма: пункты : сб. ст. / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М., 2009. С. 29–41.

³ Sztompka P. Cultural Trauma: The Other Face of Social Change // European Journal of Social Theory. 2000. No. 4. P. 449.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 1436. Л. 10–11.

⁵ Там же. Ф. Р-1283. Оп. 4. Д. 1454. Л. 71.

⁶ Там же. Д. 1490. Л. 5.

⁷ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной. М., 2005. С. 484.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1283. Оп. 4. Д. 1526. Л. 46.

⁹ Там же. Д. 1504. Л. 12–13, 18, 20–21.

¹⁰ Там же. Д. 1417. Л. 1–5.

¹¹ Там же. Д. 1554. Л. 5.

Часть VI

Градостроительство и история населенных пунктов

А. Р. Гильмиянова

Каслинский завод на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде (1896)

В 2026 г. отмечается 130-летие с момента проведения XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. Выставка 1896 г. — это уникальное явление в жизни России. Все предшествующие выставки (первая прошла в Петербурге еще в 1829 г.) не имели такого размаха и не демонстрировали в таком масштабе успех Российской империи в развитии отраслей промышленности, сельского хозяйства и изобразительного искусства.

Одним из инициаторов проведения выставки стал министр финансов Сергей Юльевич Витте (1849–1915). В июле 1893 г. он подал доклад императору, в котором сообщил, что с момента проведения последней Всероссийской художественно-промышленной выставки (1882, Москва) прошло 11 лет, а отечественная промышленность за этот период сделала значительные успехи. Император Александр III дал высочайшее соизволение и лично выбрал место проведения выставки. Выбор пал на Нижний Новгород, живописный город на слиянии двух рек — Волги и Оки. Выставка была устроена на левом берегу Оки, рядом с Нижегородской ярмаркой.

Торжественное открытие состоялось 9 июня (28 мая по ст. ст.) 1896 г., через две недели после коронации императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Было совершено церковное богослужение, после которого с речью выступил председатель комиссии по выставке министр финансов С. Ю. Витте:

Я смею думать, что выставка, которая... будет открыта в течение 120 дней, произведет на всех посетителей, — а их я уверен, будет весьма много, — то же впечатление, что Россия растет, что увеличиваются ее производительные силы, а с ними и богатство страны. Для меня и без выставки это было убеждением. Я всегда носил его, ношу и высказываю, что Россия выросла духовно и материально, что крепнет ее мощь и сознание сил, растет ее производительность, ее богатство.

В выставке приняли участие 9700 экспонентов (участникам выставки присуждено 5318 наград), а все предметы были распределены на 692 класса, из них сформированы 223 группы, составлено 20 отделов и 5 подотделов, разместившихся на территории 80 га, где было 172 отдельно стоящих здания¹. Так, «Горный отдел» (отдел VII «Горное дело и металлургия», 58 класс «Железо») был размещен в центральном здании выставки. В этом отделе представил свою продукцию Каслинский завод².

В ходе подготовки к выставке главный механик Кыштымского горного округа, в состав которого входил Каслинский завод, Николай Александрович Зайцевский (1862–1947) рекомендовал заводладельцам поручить разработку выставоч-

ной витрины своему шурину — Александру Ивановичу Ширшову (1865–1932).

В начале 1895 г. совладельцы Кыштымского горного округа барон Владимир Владимирович Меллер-Закомельский (1863–1920) и Василий Григорьевич Дружинин (1859–1936) доверили создание проекта чугунного павильона столичному архитектору А. И. Ширшову. Проект был оценен заказчиком в 400 руб. Более девяти месяцев каслинские мастера трудились над воплощением деталей павильона и созданием скульптурных и декоративно-прикладных изделий из чугуна. Для экспонирования было отобрано 1200 произведений.

На выставке продукцию Каслинского завода представили лучшие мастера: П. Ф. Ахлюстин, К. Д. Тарасов, И. О. Широков. По этому случаю лучший портной Екатеринбургского уезда Н. И. Щербаков сшил для рабочих костюмы³.

Отправившиеся в Нижний Новгород каслинцы установили павильон на специально подготовленный для него фундамент. Фасад павильона украшал портик с колоннами. Перед павильоном были размещены торшеры, стелы с художественной продукцией, которая также размещалась в нишах павильона. У входа стояли скульптуры: «Рудознатец» — с одной стороны, «По грибы» Федора Федоровича Каменского (1836–1913) — с другой.

Каслинский павильон, как и выставленные в нем изделия, произвели неизгладимое впечатление на посетителей выставки. В российской прессе появились восторженные отзывы о нем. Так, в еженедельной газете Нижнего Новгорода «Волгарь» (№ 162 от 14 июня 1896) написано:

Из оригинальных витрин отметим витрину Кыштымского округа. Издалека она кажется кружевной, но это ничего иное как тончайшая чугунная решетка, составляющая ее стены. Заводы этого округа решили щеголять чугуном и изделиями из него. Кроме решетки фигурирует множество статуэток, фигур зверей и птиц и т. д.⁴

Еженедельная газета «Екатеринбургская неделя» (№ 31, 1896) сообщает:

Витрина Кыштымских заводов в виде роскошной веранды — одна из изящных, невольно останавливающих на себе внимание. Она вся состоит из ажурного ваграночного литья Каслинского завода, изнутри занята голубой материей, просветы же или окна пунцовые; вокруг ее симметрично расположены чугунные статуэтки, а внутри по стенам и на столиках установлены чугунные кабинетные вещи, своим изяществом невольно привлекающие внимание посетителей.

В июле 1896 г. XVI Всероссийскую промышленную и художественную выставку в Нижнем Новгороде посетили император Николай II

с супругой. При посещении центрального выставочного здания они познакомились с «витриной Кыштымских горных заводов, выставивших образцы литья».

Павел Михайлович Карпинский (1843–1907), управляющий Кыштымским горным округом лично знакомил государя с достижениями округа и изящной витриной в виде каслинской «роскошной веранды со статуарными предметами художественного литья из чугуна». Кроме того, он был удостоен чести поднести в дар императорской чете от лица владельцев Кыштымских горных заводов скульптуру «Россия».

Автором произведения является русский скульптор профессор Императорской академии художеств Николай Акимович Лаврецкий (1837–1907). Созданный в лучших традициях отечественного академического искусства скульптурный аллегорический образ России является символом «православия, самодержавия, народности». Композиция представляет собой фигуру женщины в воинском облачении с обнаженным мечом и щитом. Щит украшен изображением двуглавого орла — государственного герба России. Им она прикрывает царские регалии — корону, скипетр и державу. Поза защитница спокойна, взгляд прямой и сосредоточенный устремлен вперед, воплощая твердую решимость защитить родную землю. Скульптура всем своим видом воплощает исторический девиз Российской империи: «За веру, царя и Отечество!» На груди «России» православный крест, который подчеркивает духовную основу борьбы за русскую землю. Она является заступницей и покровительницей простого народа, охраняя Русь от врагов и бед. Такой дар русскому государю был не просто материальным подношением, но и важным инструментом дипломатии, демонстрируя свой статус, а также являлся частью культурной традиции.

Нижегородская выставка произвела впечатление на Николая II, о чем он не преминул написать в своем дневнике: «Меня всего более заинтересовали отделы железнодорожный и горный».

По результатам заседания Главного комитета экспертов Всероссийской выставки Кыштымские горные заводы наследников Л. И. Расторгуева были «одними из первых» удостоены высшей награды выставки — правом изображения государственного герба, которое имело значительное символическое и практическое значение. Право употребления государственного герба на вывесках и изделиях считалось одной из высших наград, подтверждающих высокое качество продукции и высокий уровень организации производства. Это позволило заводам Кыштымского горного округа войти в число самых именитых предприятий Российской империи.

Главным виновником торжества Каслинского завода на Нижегородской выставке был П. М. Карпинский. Главное правление Кыштымскими завода в лице В. В. Меллер-Закомельского и В. Г. Дружинина телеграммой от 9 сентября 1896 г. поблагодарило Павла Михайловича: «Заводы обязаны высшей наградой Вашим личным трудам. Правление просит принять глубокую благодарность и поздравления».

По итогам выставки управляющий Кыштымских горных заводов П. М. Карпинский был награжден орденом Св. Анны II степени, а смотритель Нязепетровского завода дворянин Валериан Петрович Иваницкий (1864 — ?; в 1896 г. был назначен управителем Каслинского завода) «за плодотворную и весьма успешную деятельность по заведованию Нязепетровским заводом» — орденом Св. Станислава III степени. Среди награжденных были также модельщики, формовщики и чеканщики Каслинского завода: В. Ф. Ахлюстин, О. А. Ахлюстин, Н. А. Вихляев, О. М. Гребенчиков, М. М. Игнатов, Е. С. Лежнев, А. М. Макуров, А. С. Мочалин, П. Л. Пермин, Д. Т. Рязанцев, И. В. Рязанцев, Ф. М. Самойлин, К. Д. Тарасов, В. Ф. Тепляков, П. А. Тепляков, В. Ф. Торокин, С. Л. Хорошенин, В. А. Шарапов, Д. И. Широков, И. О. Широков, Шмаков⁵.

Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. стала последней в ряду всероссийских выставок. Она продемонстрировала высокий уровень отечественной науки, техники и промышленности, отразила бурное развитие культуры России, дала мощный импульс к расширению производства, в том числе на Каслинском заводе.

Выставку посетило около миллиона человек. Для Каслинского завода это был прекрасный повод еще раз заявить о себе весьма достойно. И даже спустя годы корреспондент одной из московских городских газет сообщал:

Достаточно вспомнить, что до Нижегородской выставки никто почти не подозревал о существовании у нас где-то в глуши Урала каслинского литья — единственного в мире по тонкости и художественности выполнения чугунного литья. И это самое литье, в первую же неделю расхвачанное на выставке вплоть до балюстрады павильона, сыграло немалую роль в дальнейшей судьбе Каслинского завода (1914).

Примечания

¹ Губкин О. П. Каслинский феникс. Екатеринбург, 2004.

² Свистунов В. М. История Каслинского завода. 1745–1900. Челябинск, 1997.

³ Губкин О. П. Каслинский чугунный павильон. История создания и реставрации. 1900–2000. Екатеринбург, 2000.

⁴ Злизин И. Ю. Нижегородский «орел» — научная реконструкция участия Кыштымских горных заводов в XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года // Искусство Евразии. 2025. № 4 (39). С. 254–275.

⁵ Каслинский историко-художественный музей. Ф. 1. Оп. 5. Д. 19.

А. И. Сысов

Вязовая: есть такая станция...

Как змея извивается поезд, и с высоты обрыва открывается беспредельная даль долин Белой, Уфы, Сима, Юрюзани с панорамой синеватой мглой покрытых, лесистых, вечно зеленых гор Урала. В этой мглистой синеве щемящий и захватывающий простор, покой и тишина. В этих таинственных лесных дебрях, в сумрачной тьме их прячется отшельник, бродяжка, прятался прежде делатель фальшивых монет. Как редкие зубы старой ведьмы, торчат над пропастью серые скалы, и вьется там на высоте, железнодорожный путь по реке Юрюзани. А там, меж синих гор, орел парит и тянет вверх... Поезд гулко мчится, и притихли навеки загадочные, сфинксами залегшие насыпи — гиганты, темные, как колодцы, выемки, мосты и отводы. Смирились камнем и цементом скованные реки — не рвутся больше и только тихо плачут там, внизу, о былой свободе...¹

Эти слова, сказанные в 1898 г., принадлежат перу Н. Г. Гарина-Михайловского, известного русского писателя и инженера — строителя железных дорог, идеально подходят к описанию живописных окрестностей ст. Вязовая, возникшей в конце XIX в., в период строительства Самаро-Златоустовской железной дороги, ставшей частью Великой Транссибирской магистрали. Сейчас кажется, что железная дорога просто не могла не пройти через эти места. Однако первоначально все выглядело совсем иначе, и Сибирская магистраль, согласно планам правительства, должна была пройти в другом направлении. К началу 1860-х гг. железнодорожные пути все ближе подступали к предгорьям Урала. Тогда же вопрос о сооружении дороги в Сибирь стал всерьез обсуждаться в правительственных кругах. Проведенные в 1872–1874 гг. изыскания установили три главных «разведывательных» направления. «Северный» вариант предусматривал строительство линии Петербург — Рыбинск — Кострома — Кинешма — Вятка — Пермь. «Южный» вариант предполагал направление от Нижнего Новгорода на Казань, затем на Красноуфимск и Екатеринбург. «Восточный» вариант должен был связать Алатырь — Уфу — Златоуст — Челябинск². Последний вариант предлагался с учетом прокладки дороги не только в Сибирь, но и в Среднюю Азию, но в тот момент он так и не был одобрен железнодорожным ведомством. А вот первые два широко обсуждались и общественностью, и правительством. Комитет министров большинством голосов одобрил строительство железной дороги по «южному» варианту — через Нижний Новгород (к которому уже был проложен путь из Москвы), Казань, Екатеринбург, Камышлов на Тюмень. Двадцать седьмого мая 1875 г. решение комитета обсуждалось уже на заседании Совета министров, на котором присутствовал Александр II. Восьмого декабря 1875 г. царским указом было утверждено «южное» направление трассы, одобренное как Комитетом министров, так и Советом министров. Однако сооружение дороги задержалось из-за слож-

ной политической обстановки, связанной с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Кроме того, война поглотила огромные средства, что не могло не сказаться на темпах железнодорожного строительства.

Окончание войны с Турцией, более прочное финансово-экономическое положение страны, а также сооружение Оренбургской и Уральской горнозаводской железных дорог позволили МПС вернуться к вопросу о направлении Сибирской железной дороги. Семнадцатого декабря 1881 г. министр путей сообщения адмирал Посыет обратился к императору Александру III с просьбой вновь рассмотреть вопрос о строительстве Сибирской железной дороги и получил на это разрешение. В марте 1882 г. министр путей сообщения внес представление в Комитет министров, в котором указывал, что после 1875 г. значительно изменились обстоятельства и теперь следует исходить не столько из интересов Европейской России, сколько из «интересов, нужд и потребностей Сибирского края». Он писал, что «все стороны жизни в Сибири находятся в застое почти исключительно по причине отсутствия удобных путей сообщения»³. Поэтому был предложен другой вариант строительства — от Самары до Омска через Уфу, Златоуст, Челябинск. При этом трасса прошла бы по плодороднейшим землям и была бы наиболее короткой из всех предлагаемых⁴. Однако предложение Посыета встретило серьезные возражения со стороны многих членов Комитета министров. Спор решил сам Александр III, который 22 мая 1882 г. написал в журнале Комитета министров резолюцию: «Изыскания произвести безотлагательно и рассмотреть направления Сибирской магистральной линии». Кроме того, мнение Посыета поддержали санкт-петербургское Биржевое общество и Общество содействия русской промышленности и торговли⁵, и поэтому Комитет министров для принятия окончательного решения санкционировал дополнительные изыскания трассы от ст. Кинель Оренбургской железной дороги до Уфы и Екатеринбурга через Троицк, а также трассы Кинель — Уфа — Златоуст — Челябинск. Основываясь на полученных данных, министр путей сообщения в июне 1884 г. внес в Комитет министров новое предложение:

1) руководствоваться при решении вопроса о направлении трассы интересами глубинных районов Сибири;

2) выбрать направление по минимальным расходам;

3) выбор трассы осуществить с учетом интересов развития горного дела на Урале и ускорения экономического развития прилегающих районов.

Последний пункт министр внес в свою программу после того, как поступили докладные за-

писки владельца Симского горного округа Ивана Петровича Балашева (от 12 мая 1884) и уфимского городского головы Волкова («Последнее слово к вопросу Сибирской дороги»), в которых авторы доказывали необходимость проведения железной дороги через Южный Урал⁶. Указанным выше требованиям лучше всего удовлетворяло, как считал Посыет, направление трассы через Самару, Уфу, Златоуст, Челябинск и далее на Омск. Комитет министров рассматривал это предложение Посыета на двух заседаниях — 18 декабря 1884 и 2 января 1885 г. — и признал возможным разрешить строительство дороги от Самары на Уфу. На такое решение оказало влияние заявление председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича о значении для страны казенных артиллерийских заводов Златоустовского округа. Решение Комитета министров было утверждено императором Александром III 6 января 1885 г., а 25 января он же решил начать строительство дороги за счет казны. Южноуральцы выиграли спор о направлении строительства будущей дороги.

Для сооружения Самаро-Уфимского участка дороги было создано специальное управление, разместившееся в Самаре. На должность начальника этого участка 30 марта 1885 г. был назначен инженер Константин Яковлевич Михайловский. В течение 1885 г. на этом участке были произведены изыскания, а весной 1886 г. начались строительные работы по всей линии. Она была разделена на восемь участков (по 50–60 верст), и строительство производилось одновременно на всех участках. Первого июля 1887 г. в 12 верстах от Уфы на месте будущей железной дороги состоялся молебен и началась укладка рельсового пути в самарском направлении. Работы были закончены в сентябре 1888 г., и 8 сентября из Самары в Уфу прибыл первый поезд.

В июне 1886 г. вышел высочайший указ, разрешивший приступить к постройке Уфа-Златоустовского участка⁷. В 1886–1887 гг. на трассе будущей дороги провели изыскания, которыми руководил известный писатель и инженер Н. Г. Гарин-Михайловский, принятый на работу 26 мая 1886 г. специально «для производства изысканий и составления проектов на участке Уфа — Златоуст». Десятого июля 1887 г. по результатам изысканий было утверждено направление этой линии. Первого января 1888 г. приказом МПС К. Я. Михайловский был назначен начальником работ по сооружению Уфа-Златоустовской дороги (с исполнением прежних обязанностей начальника участка Самара — Уфа). Тогда же «начальником 9 участка по постройке железной дороги на участке Уфа — Златоуст» был назначен Н. Г. Гарин-Михайловский. Из документов видно, что участок его работы начинался в районе Симского и Усть-Катавского заводов. Это был наиболее тяжелый участок строительства. Строительные работы начались весной 1888 г. за счет средств казны и велись в крайне сложных условиях горной местности⁸. Семнадцатого мая

1888 г. утверждены технические условия на сооружение линии Уфа — Златоуст.

Строительство линии Уфа — Златоуст было сопряжено со многими трудностями. Объем земляных работ составил более 10 млн кубометров. Делались многочисленные выемки в каменистых и скалистых грунтах, что для того времени было большим и сложным делом. Все делалось вручную — кайлом, заступом да лопатой, в сложных местах применялись взрывы. При сооружении насыпей и уборке камней использовались ручные носилки, колымаги и «грабарки», движимые лошадьми. Много раз строителям преграждали путь быстрые, бурные реки, горные ручьи. Чтобы огрاديть железнодорожное полотно, строители составила более 22 км. В отдельных местах потребовалось реки отводить в сторону от полотна, устроив для них новые русла (например, для р. Сим, Ай, Юрюзань). Всего на 300 км этой железнодорожной линии возведено около 300 различных искусственных сооружений — мостов, труб, водопроводов, укрепительных дамб, подпорных стенок. Правительственная комиссия МПС во главе с членом Совета МПС действительным статским советником инженером О. Венгровичем отмечала, что Уфа-Златоустовская железная дорога как в отношении выбора, так и в отношении сооружения ее «представляет весьма значительные технические трудности, разрешенные талантливо, с полным знанием дел. По большому количеству и разнообразию искусственных сооружений, отводу русел рек, устройству подпорных стенок Уфа-Златоустовская дорога представляет большой научный интерес и может быть признана одной из выдающихся дорог, построенных русскими инженерами. Качество выполненных работ вполне безукоризненно и может быть признано образцовым».

В 1889 г. рельсы были протянуты от Уфы до разъезда Яхино. Одновременно проложен путь и с востока — от Златоуста до нынешней ст. Вязовой. И только участок между Вязовой и разъездом Яхино все еще оставался в стадии строительства. Это был самый трудный и сложный участок пути. Здесь нужно было проложить глубокие выемки в скалах, построить железнодорожный мост через р. Юрюзань, выложить две высокие подпорные стенки как гарантию от оползней. Реку Юрюзань между Вязовой и Усть-Катавом потребовалось перевести в новое русло, а вдоль всего берега реки насыпать сотни тысяч тонн грунта. И все это сделать вручную, без всякой механизации и при отсутствии автомобильного транспорта. Проектированием и строительством этого участка занимался инженер Н. Г. Гарин-Михайловский, благодаря новаторским проектам которого удалось сэкономить значительные казенные средства. Официальные данные об этом говорят следующее:

Сооружение туннеля на перевале Сулея сократило линию на 10 верст и дало экономии 1 млн рублей, изыскания от станции Вязовая до станции Садки со-

кратили линию на 7,5 верст и сберегли около 400 тысяч рублей, и новый вариант линии вдоль реки Юрюзани дал экономию до 600 тысяч рублей.

Строительство Уфа-Златоустовского участка дороги велось два года и завершилось в сентябре 1890 г. Восьмого сентября в Златоуст прибыл первый поезд. Этот день стал не только днем открытия движения по Самаро-Златоустовской железной дороге, но и днем рождения ст. Вязовая. К этому времени здесь уже были построены кирпичное здание вокзала, несколько домов для служащих и полуземлянок для строителей, хотя совсем недавно здесь были совершенно дикие места:

Было время, и очень недавно, когда по тем горным и лесным дебрям, где сейчас раскинулась эта станция, рыскали одни только хищные волки, горные козы и другие лесные звери; пешему, а тем более конному человеку доступ сюда был весьма труден. Но прошла здесь железная дорога, и все изменилось: хищные звери, как бы напуганные пронзительными свистками и шумом железной дороги, удалились в другие, более глухие, горные дебри, уступив свои места человеку⁹.

Станция Вязовая в то время была отнесена к третьему классу. В «Отчете по эксплуатации Самаро-Златоустовской железной дороги» за 1898 г. отмечалось, что в вязовском вокзале имелись залы трех классов, телеграф, почтовое отделение, контора, касса, кухня буфета, комнаты для мужчин и женщин, сени парадные, ламповая. Здание вокзала было построено к 1890 г. на пологом берегу р. Юрюзань, и ввиду заболоченности местности его установили на сплошной каменной подушке высотой около 1,5 м. Вокзальный комплекс на ст. Вязовая признан памятником архитектуры XIX в. Наружная облицовочная кирпичная кладка стен является замечательным образцом стиля, характерного для русской архитектуры конца XIX — начала XX в. Здание украшают арочные окна. Фасад отделан ризалитами и фронтонами, имеющими многопрофильные карнизы. Вокзал снаружи окрашен в красный цвет, а элементы отделки — в белый. К сожалению, автор проекта здания вокзала пока неизвестен. Нужно сказать, что здание вокзала неоднократно подвергалось доработке и приобрело свой нынешний вид после реконструкции 2005 г.

Станция Вязовая была построена в живописном месте, среди гор, покрытых густым лесом. От Вязовой глубокими выемками дорога идет по горным ущельям, затем гористая местность сменяется равнинной, защищенной от ветров горными хребтами. В «Путеводителе по Великой Сибирской дороге» о станции говорится как об одной из самых больших и благоустроенных станций на Самаро-Златоустовской железной дороге¹⁰. В то время Вязовая была самой деятельной на линии по обороту с горнозаводскими грузами. Сюда доставлялась железная руда с Бакальских рудников, которая затем развозилась по окрестным заводам (в том числе в Ашу, Сим,

Миньяр). На станции имелись представительства — конторы Юрюзанского, Катав-Ивановского, Белорецких заводов, развивавшие здесь кипучую деятельность. На самих этих заводах в то время производилось сортовое и котельное железо, чугуны, рельсы, железнодорожные скрепления и др. На станцию вели дороги от целого ряда заводов: Юрюзанского (9 верст), Катав-Ивановского (30), Тирлянского (110), Белорецкого (140), Кагинского (212), Узянского (288), Авзяно-Петровского (226), Инзерского (130 верст)¹¹. Однако дороги эти были очень слабо обустроены, а осенью, весной и в период сильных дождей выходящая из берегов Юрюзань подтапливала их и сообщение со станцией прерывалось. Кроме того, доставлять продукцию окрестных заводов гужевым транспортом, чтобы затем погрузить в вагон, было признано вскоре слишком хлопотным делом. Поэтому в начале XX в. вплотную встал вопрос о строительстве железнодорожной ветки от Вязовой до Катав-Ивановска. В 1902 г. управление Самаро-Златоустовской железной дороги приступило к постройке этой железнодорожной ветки протяженностью 37 км. Пятнадцатого января 1903 г. открылось временное движение от Вязовой до Юрюзанского завода. Но от Юрюзани до Катав-Ивановска строители железнодорожной ветки двигались более года. Пятнадцатого мая 1904 г. было открыто движение поездов лишь от Вязовой до ст. Запрудовка. Это связано с тем, что инженерная комиссия выявила нарушения качества металлических ферм для моста, изготовленных Катав-Ивановским заводом. Поэтому движение до Катав-Ивановска было открыто только 15 октября 1905 г. И хотя экономический кризис и депрессия начала XX в., в результате которых в 1908 г. Катав-Ивановский и Юрюзанский заводы были закрыты и до 1912 г. фактически простаивали, не позволили в тот момент использовать эту железнодорожную ветку в полную силу, но было совершенно очевидно ее огромное значение в развитии транспортной системы нашего региона. Поток грузов на ветке Вязовая — Катав-Ивановск резко увеличился, после того как в 1909–1914 гг. немецкой фирмой «Воган», владевшей Белорецкими заводами, была построена и начала функционировать узкоколейная железная дорога, связавшая Катав-Ивановск и Белорецк (БЖД)¹².

Все это способствовало интенсивному развитию станции и превращению ее в узловую. К этому времени на станции уже существовало собственное паровозное депо, осуществлявшее обслуживание и ремонт локомотивов.

Поселок при станции в это время относился к Юрюзанской волости Златоустовского уезда Уфимской губернии. Население поселка довольно быстро росло: если в 1896 г. жителей насчитывалось чуть более 200 человек обоих полов¹³ (из них, согласно переписному листу железнодорожной ст. Вязовая Самаро-Златоустовской железной дороги, составленному 21 мая 1896 г., непосредственно на станции, где имелись три

постройки, мужчин проживало 37 человек, женщин — 26¹⁴), то к 1917 г. уже было 715 человек¹⁵.

Сохранившиеся фотографии дают представление о жилищно-коммунальном и бытовом уровне поселка тех лет: жилье в основном представлено постройками барачного типа и полуземлянками, хотя начинают появляться большие дома, есть даже несколько двухэтажных, принадлежащих, очевидно, местной зажиточной прослойке (вероятно, местным торговцам) или руководящим служащим железной дороги и служащим контор-представительств Юрюзанского, Катав-Ивановского и Белорецких заводов. Более детальное представление об инфраструктуре станции и поселка дает схема станции начала XX в., которая хранится в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге¹⁶. В ней помимо объектов, непосредственно связанных с работой железнодорожного транспорта (склады, будки, вокзал, пакгаузы, рельсовые пути, грузовые и пассажирские платформы, гидравлические краны, паровозное депо, система обеспечения водой, кладовые и т. д.) указаны казармы, полуказармы, жилые дома, церковь, постройки, принадлежавшие церкви (кладовые, церковно-причтовый дом), баня, склады и жилые дома, принадлежавшие Белорецкому заводу, баня, воинская конюшня и воинская кухня, холерный барак, построенный в отдалении от станции и поселка. Социальный состав на станции был представлен в основном служащими железной дороги, членами их семей, а также, как сказано в документах, «некоторым количеством частных обитателей с различных концов матушки-России»¹⁷. Здесь осело некоторое количество строителей железной дороги, часть из которых была родом с Поволжья, сюда же переселялись многие жители окрестных населенных пунктов. Нужно отметить, что к станции относились и будки железнодорожных обходчиков, в которых они проживали вместе со своими семьями. Такие будки в условиях слабой системы оповещения и сигнализации были необходимым условием безопасности движения, поэтому встречались часто: на переездах, возле скал и на других опасных участках. Интенсивному росту поселка способствовало выгодное географическое положение и роль транспортного узла — ведь на станции замыкались дороги в сторону Катав-Ивановска и Белорецка. К тому же, благодаря интенсивному движению грузов и пассажиров, прибывающих и отъезжающих со станции, здесь было выгодно вести торговлю.

В религиозном отношении население ст. Вязовая на рубеже XIX–XX вв. было однородным и в основном исповедовало православие (какая-то часть относилась к старообрядцам). Однако свободному проявлению религиозных чувств жителей Вязовой в первые годы существования станции мешало отсутствие здесь церкви. Станция Вязовая первоначально относилась к приходу Юрюзанского завода как самого ближайшего к ней (10 верст). Однако состояние дорог было таким, что поездка в сторону Юрюзани, осо-

бенно весной, летом и осенью, была настолько тяжелой, что приравнивалась местными жителями к «великим наказаниям Божиим»¹⁸. Кроме того, р. Юрюзань, по берегам которой расположены Вязовая и Юрюзанский завод, иногда выходила из берегов, и тогда сообщение между этими населенными пунктами прекращалось почти полностью. По этим причинам «томимым религиозной жаждой служащим Вязовой желалось во что бы то ни стало устроить свой храм на станции»¹⁹. На самой станции с момента ее возникновения в 1890 г., появления здесь служащих и до 1892 г. не совершалось никаких богослужений. С 1892 по 1895 г. по желанию служащих станции священником из Юрюзани совершались ежегодные богослужения на Пасху и Рождество Христово в зале 1-го класса железнодорожного вокзала. Однако производить богослужения в помещении вокзала было не очень удобно: этому мешали шум колес и пронзительные свистки паровозов приходящих поездов, постоянное хождение во время богослужений прибывших и отъезжающих пассажиров. За решение этой проблемы и взялись некоторые служащие ст. Вязовая, в первую очередь жандармский унтер-офицер П. А. Лупанов, который и прежде проявлял особое рвение в деле организации церковных богослужений в здании железнодорожного вокзала. Лупанов добился официального разрешения уфимской епархии на строительство церкви, а затем и организовал сбор средств, в котором приняли участие большинство жителей поселка. Восьмого сентября 1897 г. состоялась закладка церкви, а 28 марта 1898 г., в Вербное Воскресенье, церковь Преображения Господня уже была освящена²⁰.

В 1905 г., согласно сведениям А. Ф. Мукомолова, в жизни поселка при ст. Вязовая произошло еще одно важное событие — здесь была открыта одноклассная начальная школа. Законоучителем в ней стал священник Алексей Диакон (он же был законоучителем в Юрюзанском женском училище), а учительницей — Параскева Васильевна Доменнова²¹. В 1906 г. в школе насчитывалось примерно 120 учеников²². Школа располагалась в нескольких десятках метров от церкви, в так называемом церковном доме, построенном, согласно страховой карточке Преображенской церкви при ст. Вязовая от 6 октября 1910 г., в 1900 г. (его страховая стоимость составляла 500 руб.), где и располагалась до 1934 г.²³ В 1910 г. вязовская школа перешла под опеку железнодорожного ведомства...²⁴

Бурный XX в. внес свои коррективы в развитие Вязовой. Работники станции и жители поселка оказались участниками всех важнейших событий столетия.

Примечания

¹ Коледин Н. Д. Среди вершин. М., 1991. С. 31.

² Калинин В. П. Великий Сибирский путь. М., 1991. С. 46.

³ Путеводитель по Великой Сибирской дороге. СПб., 1910. С. 184.

⁴ Калинин В. П. Указ. соч. С. 50.

⁵ Путеводитель по Великой Сибирской дороге ... С. 184.

⁶ Лоскутов С. А. Южно-Уральская магистраль. Челябинск, 2001. С. 46–48.

⁷ Уральский исток Транссиба. Челябинск, 2009. С. 104.

⁸ Там же. С. 107.

⁹ Разумов Н. Построение храма на станции Вязовой Самаро-Златоустовской железной дороги и освящение его 28 марта 1898 года // Уфимские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С. 353.

¹⁰ Путеводитель по Великой Сибирской дороге ... С. 185.

¹¹ Весновский В. А. Спутник туриста по Уралу. Екатеринбург, 1902. С. 9.

¹² Сурип Л. Н. ЮУЖД — 120 лет // Усть-Катавская неделя. 2010. № 80. С. 4.

¹³ Разумов Н. Указ. соч.

¹⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2560. Л. 611.

¹⁵ Морозов Е. Г., Поздеев В. В., Шуклина Н. Я. Вязовая // Челя-

бинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 777.

¹⁶ РГИА. Ф. 350. Оп. 98. Л. 32, 33, 44.

¹⁷ Разумов Н. Указ. соч. С. 354.

¹⁸ Там же. С. 354.

¹⁹ Там же. С. 355.

²⁰ Разумов Н. Поучение по случаю освящения храма в честь Преображения Господня на станции Вязовой Самаро-Златоустовской железной дороги // Уфимские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С. 407–415.

²¹ Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах. М., 2004. Кн. 3. С. 276–277.

²² Фокеева Т. А., Кузнецова П. А. История поселка — история школы. Челябинск, 2015. С. 35.

²³ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2228. Л. 14–15.

²⁴ Фокеева Т. А., Кузнецова П. А. Указ. соч. С. 37.

А. В. Маистак

Кулляр: от разъезда до остановочного пункта.

О возвращении забытого названия на карту Южно-Уральской магистрали

При трассировании линии железной дороги идеальной считается трасса, представляющая прямую в плане и пологий спуск в профиле. Это не всегда возможно из-за необходимости подхода к населенным пунктам, обхода естественных препятствий и стремления удешевить строительство¹. Однако в истории железнодорожного строительства существуют примеры, когда даже идеально прямая линия железной дороги делает значительный изгиб. Широко известно о существовании Веребинского обхода на Николаевской железной дороге², необходимость которого была обусловлена профилем пути.

Схожая, но вызванная другими причинами ситуация сложилась на перегоне Еманжелинск — Красноселка Южно-Уральской железной дороги. Открытая в 1912 г. железная дорога Полетаево — Троицк пролегла в юго-восточном направлении от ст. Полетаево практически по прямой линии: благодаря равнинному рельефу не было необходимости значительно изменять трассировку линии в плане. Это хорошо иллюстрирует план направления Троицкой железной дороги, приложенный к делу «О разрешении постройки Троицкой железной дороги от города Троицка Оренбургской губернии до станции Челябинск Самаро-Златоустовской железной дороги», который хранится в РГИА³. Однако современный участок железной дороги вблизи ст. Красноселка имеет заметное отклонение на восток от основного направления. Поиск причин такого изменения трассы железной дороги кроется в истории геологического освоения недр Южного Урала.

На приведенной выше схеме участка железной дороги обозначен разъезд Ключевской, находящийся между ст. Еманжелинская и Кичигинская (ныне Нижнеуvelьская). Как установил исследователь железных дорог А. Садчиков, разъезд Ключевской и Кулляр — один и тот же раздельный пункт⁴. Однако в «Официальном указателе железнодорожных, паромных и других пассажирских сообщений» за 1916 г. разъезд

Ключевской не упоминается⁵. Не отмечен разъезд Ключевской и в аналогичных изданиях советского периода: в 1925 г.⁶ и 1929 г.⁷ среди раздельных пунктов Самаро-Златоустовской железной дороги, в состав которой вошла линия, также нет разъезда с таким названием.

Так как рассмотренный план направления имеет характер документа периода проектирования линии (запроектированные разъезды могли быть не построены), мы не можем уверенно определить, был ли открыт разъезд между этими станциями к моменту открытия правильного движения. Однако достоверно известно, что в годы индустриализации разъезд на этом месте уже существовал: в период вхождения линии в состав Пермской железной дороги «Официальный указатель...» зимнего движения 1932–1933 гг. впервые упоминает разъезд «Кулляр» (явная ошибка в названии — распространенное явление в таких изданиях). Время хода от Кулляра до ст. Формачево составляло 20 минут, до ст. Таянды — 20 минут. Четыре пассажирских поезда — № 56/55, 64/63, 44/43 и 58/57 — проходили разъезд Кулляр без остановки. Почтовые поезда № 80 и 79 имели остановку на станции⁸. В 1934 г., после вхождения линии в состав Южно-Уральской железной дороги, размеры пассажирского движения несколько увеличились — теперь на Кулляре останавливалась еще одна пара поездов — № 405 и 406, однако написание названия не было исправлено⁹. В 1937 г. размеры движения вновь сократились — не стало одного почтового поезда, однако в Кулляре стала останавливаться одна пара пассажирских поездов — № 57 и 58, в которых можно было доехать без пересадки от Оренбурга через Карталы до Магнитогорска¹⁰. В 1940 г., вероятно, на участке уже был построен второй путь, и из наименования Кулляра исчезло слово «разъезд». Остановка поездов № 57/58 и почтового поезда № 82 была отменена; теперь здесь останавливались пассажирские поезда № 59 (в 21:59) и 60 (в 6:39), а также почтовый поезд № 81 (в 11:29)¹¹. В 1946 г. через Кулляр проходили маршруты по-

ездов № 59 и 60 сообщением Кустанай — Челябинск, № 57 и 58 сообщением Магнитогорск — Челябинск, № 50 и 49 Оренбург — Свердловск. Все они имели остановку на станции¹². Разъезд Кулляр отмечен на схеме Южно-Уральской железной дороги 1934 г. и в атласах железных дорог СССР периода 1937–1952 гг., причем на схеме 1943 г. указано расстояние от ст. Полетаево до Кулляра — 48 км¹³.

Период истории Кулляра как обгонного пункта, которым он стал после строительства второго пути, отражен документах Троицкого отделения службы движения Южно-Уральской железной дороги из фонда Р-1607 Объединенного государственного архива Челябинской области. Среди них имеются техническо-распорядительные акты (ТРА) обгонного пункта Кулляр. Первый из них составлен 29 июля 1943 г. начальником станции Шалимовым и проверен ревизором движения Бабозиной:

Особые указания: Участок двухпутный. Границы станции со стороны ст. Таянды входной семафор на 47 км. + 500 мет. и указатель границы станции, находящийся на расстоянии 50 метров от стрелки № 1. Со стороны ст. Формачево входной семафор на 49 км. + 200 метров и указатель границы станции, находящийся на расстоянии 50 метров от стрелки № 2. <...> Основной способ сношений при движении поездов: до раздельного пункта Формачево, до раздельного пункта Таянды — по поездной телеграфной связи. <...> Водоснабжение не имеется. <...> Сведения о путях: I — главный для пропуска нечетных пассажирских и товарных поездов, II — главный для пропуска четных пассажирских и товарных поездов, 3 — для приема четных товарных поездов.

Из-за особенностей путевого развития под обгон на Кулляр могли прибывать только четные поезда. В связи с требованиями военного времени были выделены пути для приема и отправления санитарных поездов: «...в нечетном направлении выделен I гл. путь в четном направлении II главный. путь». Ведомость постов и стрелок сообщает о наличии двух стрелочных постов: 1-й пост обслуживал стрелки № 1, 3, 5, запиравшиеся висячими замками; 2-й пост — стрелку № 2, имевшую замок Мелентьева, и стрелки № 4, 6, запиравшиеся висячими замками. Все стрелки имели освещаемые керосином стрелочные указатели. Отдельно указывалось: «Входной четный семафор имеет ключевую зависимость со стрелкой № 2». Эта простейшая зависимость была необходима для обеспечения безопасности движения¹⁴.

Второй документ — ТРА обгонного пункта «Куляр», составленный тем же начальником станции Шалимовым и проверенный ревизором движения Перевышиным 29 августа 1947 г. Его содержание практически идентично первому, однако отмечена классность станции: «Обгонный пункт Куляр по объему работы и технической оснащенности отнесен к 5 классу» — объем работ был небольшим¹⁵. К обоим документам приложены схемы станции, по которым видно, что четный входной семафор был двухкрылым, нечетный — однокрылым.

В ряде документов из фонда Р-1607 периода Великой Отечественной войны содержатся вклейки на повторно (в связи с существовавшим дефицитом) используемой бумаге. Уникальные данные порой обнаруживаются именно на таких листах-оборотках. Так, в Троицком отделении Южно-Уральской железной дороги в ход шли использованные бланки графиков исполненного движения поездов, в обычное время подлежащие уничтожению по истечении срока хранения. В ТРА ст. Тумак содержится вклейка с начерченной вручную и писанной синими чернилами ведомостью порядка занятия путей поездами. Заполнена она была на обороте графика исполненного движения поездов участка Таянды — Троицк. Ведомость составлена на основе графика движения поездов, введенного 20 июня 1944 г. Следовательно, если учесть срок хранения заполненных графиков (пять лет), события, отраженные на нем, происходили в смену неизвестного поездного диспетчера не ранее 1939 г. Сохранившийся график представляет собой фрагмент исполненного графика движения поездов на двухпутном участке с паровозной тягой при телеграфном способе связи и прекрасно иллюстрирует данные рассмотренных ТРА. Благодаря этой неожиданной находке мы можем увидеть, какие поезда проходили через Кулляр во время дежурства дежурного по станции Киселева: за четыре часа по станции проследовали четыре четных поезда и шесть нечетных; еще один поезд (№ 5995) имел стоянку продолжительностью не более 15 минут¹⁶.

Название раздельного пункта имеет тюркское происхождение. Интересно, что топонимист Н. И. Шувалов дает еще один вариант написания названия и характеризует Кулляр как разъезд, что к моменту издания книги в 1989 г. уже несколько десятилетий как утратило актуальность:

Куляр (Кульяр), ж.-д. рзд на участке Таянды — Формачево, пос., тер. гор. Еманжельска. От башкирского *куллар* — «озера», «озерное место» («кул» — озеро, -лар — аффикс множественного числа)¹⁷.

Название, по-видимому, было дано неслучайно — вблизи разъезда располагались оз. Мысы и Стариково¹⁸. Рассмотренные карты местности того периода (например, топографическая карта Челябинского округа 1928 г.¹⁹) не содержат озер с таким названием. Однако отмечается большое количество заболоченных участков, некоторые из которых имеют форму озерных котловин. По мнению озероведа кандидата географических наук С. Г. Захарова, указанные озера могли относиться к озерам Урало-Сибирского уступа, иметь небольшую глубину, покрытость водной растительностью, заболоченность и пересыхать в засушливые годы, что и приводило к отсутствию обозначений на картах. Отсюда можно сделать уточнение, что название раздельного пункта отражало характер местности с небольшими заболоченными водоемами. Однако во второй половине 1940-х гг. окружающая станцию мест-

ность претерпела коренные изменения. Озера Стариково и Мысы были обречены на исчезновение, а линия железной дороги — на перенос: планировалось промышленное освоение залегавшего в этом районе угля.

В 1943 г. трестом «Челябуглеразведка» при Копейской геологоразведочной партии была создана Красносельская геологоразведочная партия, весной 1944 г. занявшаяся детальной разведкой Куллярского месторождения бурого угля²⁰. Небольшая ст. Кулляр стала центром геологоразведки — воротами для прибывавших изыскателей, строителей, рабочих. Весной 1944 г. из Копейска семья Антонины Харитоновой вместе со всеми работниками этой партии эшелонам прибыла на ст. Кулляр. Одновременно велись как изыскательные (бурение скважин и поиски угля), так и строительные работы. В связи с тяжелым материальным положением семьи Антонине пришлось устроиться рассыльной в геологоразведку, чтобы получать рабочую пайку. Там она проработала лето 1944 г. Осенью пошла в школу, но в начале 1945 г. ей вновь пришлось выйти на работу. Ее часто опрашивали в управление с отчетом, со ст. Кулляр до Копейска ей приходилось добираться на товарных поездах. Примечательно, что впоследствии Антонина Романовна Титова (Харитоновна) работала на промышленном железнодорожном транспорте — занимала должности стрелочницы и дежурной по станции одной из куллярских шахт²¹.

Значимым этапом исследования стало обращение к компетентным респондентам. Краевед из пос. Красногорского Зоя Александровна Дудина поделилась ценными заметками из своих бесед с жителями поселка. В обширной базе данных, скрупулезно собранных Зоей Александровной за долгие годы поисковой работы, содержится информация о переносе железной дороги, начале разработки разреза, строительстве ст. Красноселка. Сохранились ценнейшие воспоминания Варвары Матвеевны Виншу (по первому браку Беляк, в девичестве Соколова). Уроженка Новосибирской области, рано потерявшая родителей, она имела небольшой опыт работы на железной дороге: «По объявлению Варя устроилась на железную дорогу стрелочницей. Это была тупиковая ветка, по которой ходил паровоз». Двадцать седьмого сентября 1947 г. Варвара Матвеевна прибыла в Коркино, попав затем на площадку Коркиншахстроя в район ст. Кулляр. На основе воспоминаний Варвары Матвеевны был написан очерк, в который вошли воспоминания о работе бригады по строительству обхода предполагаемого разреза:

Стране в послевоенный период нужен был уголь. Это была основная задача, ради чего приехали сюда рабочие. <...> Варвару назначили бригадиром одной из женских бригад. <...> А существующую железнодорожную ветку, от станции Кулляр до станции Формачево, нужно было перенести, так как она проходила по территории будущего разреза. Вот на эту работу и была направлена женская бригада, возглавляе-

мая Варварой Матвеевной. Легко сказать «перенести», когда в бригаде одни девочки. Сначала все работы велись вручную. По несколько человек одним концом веревки обвязывали рельсы или шпалы, другим обвязывали себя и волокли эту тяжесть по земле. Несколько минут тащили, потом отдыхали, и т. д. На работу и обратно с работы шли пешком, возвращались поздно, падали, не чуя рук и ног. Вскоре для тяжелых работ на стройку прислали четыре трофейных грузовика. Одну машину выделили и бригаде Варвары Матвеевны. Девчата вздохнули: теперь рельсы и шпалы перевозили на машине. Они их демонтировали, грузили в машину, а на новом участке разгружали и монтировали. Новый участок был от станции Формачево до разъезда 53-й км (нынешней станции Красноселка). Работали целый день на коленях, с домкратом в руках. И, как говорит Варвара Матвеевна, ни разу никто не пожаловался, что тяжело. Все знали, как нужна эта дорога, и ежедневно укладывали по два звена (1,5 км). Потом делали стрелки, бетонировали²².

Хранятся в архиве З. А. Дудиной и воспоминания о самом разъезде Кулляр:

Знаю, что там была казарма — так называли барак, где жили работники станции, и была такая же казарма на месте, где потом разрез построили, мне одна жительница Красногорска говорила (Раиса Тимофеевна, Кобзева — ее девичья фамилия), она там с родителями в детстве жила, когда приехали, видимо, первые замеры делать для строительства разреза. Это когда железнодорожная ветка проходила не так, как сейчас до ст. Красноселка, а через будущий поселок по окраине.

Раиса Тимофеевна — жительница пристанционного поселка — свидетель последних месяцев существования обгонного пункта Кулляр. Во времена ее детства происходил перенос железной дороги и последующее вскрытие разреза. З. А. Дудина записала и прокомментировала следующие ее воспоминания:

В том месте, где были найдены залежи угля, ближайшие пласты к поверхности как раз находились под озерами Мысы и Стариково. Рядом проходила ветка от Кулляра до Формачева (вот эту ветку и разбирали бригада Варвары Матвеевны Беляк и переносила на другое место — теперешний путь по мосту на въезде в поселок). По-видимому, там был разъезд, если был барак и дом, где жили рабочие железной дороги. Ее семья жила в деревянном доме на 2 хозяина, а рядом был барак на 4 квартиры. Ее отец работал на железнодорожных путях — Кобзев Тимофей Андреевич. Приехали трое мужчин, говорила инженеры, они жили у ее тетки. Ходили с теодолитом, наверно. Ее брали ставить вешки, измеряли, размечали, где что будет, она была маленькая еще.

После завершения строительства обхода движение поездов было полностью перенесено на новый участок, а ст. Кулляр закрыта. Однако какое-то время (по крайней мере, до 1955 г.) действовал вновь построенный пост 48-й км, переименованный в Кулляр (новое название вписано на обложке документа рядом с зачеркнутым). Пост не имел путевого развития и работал временно, до введения новых средств сигнализации и связи. К этому периоду относится последний документ из фонда Р-1607 ОГАЧО. Техническо-распорядительный акт поста 48-й км, составлен-

ный 15 сентября 1955 г. начальником станции с неразборчивой подписью:

Станция Пост 48 км по объему и сложности работы отнесена к 5 классу. Границы станции: со стороны Красноселка по гл[авному] пути — входной семафор, со стороны Таянды — входной семафор. <...> Освещение станционных путей: освещается место встречи поездов. <...> Средства сношений при движении поездов до раздельного пункта Красноселка, до раздельного пункта Таянды — по телефонному способу.

В ТРА содержится важный документ периода реконструкции железной дороги — «Инструкция о порядке движения поездов путевого поста 48 км, находящегося на 48 км перегона Таянды — Красноселка», проверенная ревизором движения Добышевым и утвержденная начальником отдела эксплуатации Андреевым 27 августа 1955 г. Необходимость существования поста состояла в увеличении пропускной способности межстанционного перегона:

Дежурный по посту 48 км при следовании нечетного со ст. Таянды на пост 48 км. при наличии прибытия со ст. Красноселка пропускает поезд при открытом семафоре по нечетному главному пути, вручая на ходу поезда машинисту путевую записку.

Аналогично пропускались четные поезда. При этом, «если же впереди лежащий межпостовой перегон занят, то прибывающий поезд задерживается у входного семафора до освобождения перегона». Таким образом, пропускная способность межстанционного перегона Таянды — Красноселка увеличивалась на одну пару поездов²³.

В последующие годы на месте бывшего телеграфного поста действовал остановочный пункт. Со временем он потерял индивидуальное наименование, получив название по километру — 47-й км (при счете километров от Полетаево). Современное положение остановочного пункта 47-й км несколько отличается от отмечаемого на картах советского периода. В связи с начавшейся в 2024 г. кампанией по переименованию «километровых» железнодорожных пунктов автором данной статьи в обращении в адрес начальника ЮУЖД И. Рязанова было предложено переименовать 47-й км в честь ранее существовавшей станции: таким образом появилась возможность сохранить не только историю железной дороги, но и память об освоении природных богатств Урала²⁴. Предложение поддержали в пассажирской службе ЮУЖД. Так на современной карте железных дорог вновь появилось название Кулляр²⁵. Современный остановочный пункт находится неподалеку от исторической станции: по спутниковым снимкам хорошо прослеживается направление разобранной линии, а в части пос. Красногорского, сохранившей наименование Кулляр, есть ул. Вокзальная и Железнодорожная.

В ходе работы были рассмотрены причины переноса железной дороги и впервые подробно рассмотрена история ст. Кулляр. Автор выража-

ет благодарность за содействие экскурсоводу Историко-краеведческого музея пос. Красногорского — филиала Екатеринбургского историко-краеведческого музея им. А. Ф. Ведерникова М. Петровой; краеведу из пос. Красногорского З. А. Дудиной; преподавателю Челябинского института путей сообщения Э. Ф. Артемьевой — за содействие в анализе графика движения; кандидату географических наук, доценту кафедры географии и методики обучения географии ЮУрГПУ С. Г. Захарову — за консультацию по озерам Южного Урала.

Примечания

¹ Железные дороги. Общий курс : учебник / под. ред. М. М. Филиппова. М., 1981. С. 34.

² История железнодорожного транспорта России / под общ. ред. Е. Я. Красковского, М. М. Уздина. СПб. ; М., 1994. Т. 1. С. 60.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 360. Л. 116. Цит. по: Садчиков А. Станция Кулляр (закр.). URL: <https://milreview.ru/railways/railstation.html?id=868> (дата обращения: 07.07.2026). В источнике допущена ошибка в названии архива: на самом деле дело хранится не в ЦГИА, а в РГИА.

⁴ Садчиков А. Указ. соч.

⁵ Официальный указатель железнодорожных, паровозных и других пассажирских сообщений. М., 1916. Вып. 3. С. 205.

⁶ Официальный указатель железнодорожных, паровозных и других пассажирских сообщений. Летнее движение 1925 г. М., 1925. Вып. 6. С. 184.

⁷ Официальный указатель железнодорожных, паровозных и других пассажирских сообщений. Зимнее движение 1929/30 гг. М., 1929. Вып. 15. С. 137.

⁸ Официальный указатель железнодорожных, паровозных и других пассажирских сообщений. Зимнее движение 1932–1933 г. М., 1932. Вып. 21. С. 294.

⁹ Официальный указатель железнодорожных, водных и других пассажирских сообщений. Летнее движение 1934 г. М., 1934. Вып. 23. С. 250.

¹⁰ Официальный указатель железнодорожных, паровозных и других пассажирских сообщений Зимнее движение 1937 г. М., 1937. Вып. 30. С. 268.

¹¹ Официальный указатель железнодорожных, паровозных и других пассажирских сообщений на 1940 г. М., 1940. С. 290.

¹² Официальный указатель железнодорожных, паровозных и других пассажирских сообщений. Лето 1946 г. М., 1946. Вып. 35. С. 367.

¹³ Альбом схем железных дорог СССР : карты. М., 1937. Л. 32 ; Альбом схем железных дорог СССР : карты: по данным на 1 января 1940 г. М., 1940–1941. Л. 39 ; Схема железных дорог СССР : карты. М., 1945. Л. 52 ; Альбом схем железных дорог СССР : карты. М., 1952. Л. 55 ; Схемы железных дорог и водных путей сообщения СССР / ред. Л. И. Шалыт. М., 1943. Л. 45.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1607. Оп. 2. Д. 160. Л. 2, 3, 5, 6 об., 9.

¹⁵ Там же. Д. 175. Л. 2 об.

¹⁶ Там же. Д. 1445. Л. 8 об.

¹⁷ Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области : топоним. слов. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск, 1989. С. 76.

¹⁸ Красногорский вырос на месте болот и лесов и своим существованием обязан запасам бурого угля // Новая жизнь. 2022. 8 сент. URL: <https://ng-74.ru/spetsproekty/iz-istorii-goroda/13623-krasnogorskij-vyros-na-meste-bolot-i-lesov-i-svoim-sushchestvovaniem-obyazan-zapasam-burogo-uglya.html> (дата обращения: 08.07.2026).

¹⁹ Топографическая карта Главлит № А-1771, ред. ст. инженер Кудрявцев. 1927 г. Л. 51. URL: https://retromap.host4g.ru/14192821_54.303864,61.025303 (дата обращения: 08.07.2026).

²⁰ Дудина З. А. История поселка Красногорского. Ч. 1: Геологоразведка. URL: https://vk.com/wall-194500736_436 (дата обращения: 07.07.2026). Материал составлен на основе документов архивного отдела Администрации Еманжелинского муниципального района и воспоминаний работников геологоразведки.

²¹ Долгожительница из Красногорского Еманжелинского района Антонина Романовна Титова в годы войны работала в геологоразведочной партии // Новая жизнь. 2021. 26 марта. URL: <https://ng-74.ru/spetsproekty/rajon-v-litsah/11056-dolgozhitel'nitsa-iz-krasnogorskogo-emanzhelinskogo-raiona-antonina-romanovna-titova-v-gody-vojniy-rabotala-v-geologorazvedochnoj-partii.html> (дата обращения: 07.07.2026).

²² Зоя Дудина. Варвара : очерк. Челябинск, 2020. С. 81.

²³ ОГАЧО. Ф. Р-1607. Оп. 2. Д. 1626.

²⁴ URL: <https://varna74.ru/node/1762> (дата обращения: 08.07.2026).

²⁵ Акимов Л. Станции хранят истории людей // Призыв (Челябинск). 2024. 13 сент.

В. С. Мельникова

Дворец для Магнитки: идеологические и градостроительные основания появления Центрального клуба металлургов и проблемы его возведения (по архивным документам 1934–1938 годов)

Магнитогорск 1930-х гг. относится к числу первых «соцгородов», в которых началась апробация моделей новой социалистической культуры. Центральный клуб металлургов (впоследствии Дворец культуры) задумывался как архитектурный и идеологический центр нового быта — место, где должны были объединиться театральное искусство, клубная самодеятельность и политическая агитация для формирования «человека нового типа». Однако его возведение с 1934 по 1938 г. превратилось в хроническую драму переносимых сроков, межведомственных конфликтов и кадрового голода, что делает этот объект идеальным для изучения механизмов принятия решений, распределения ресурсов и адаптации архитектурных форм к идеологическим запросам в регионе.

Историография проблемы формирования клубной инфраструктуры в промышленных центрах Урала насчитывает несколько исследовательских направлений. Прежде всего это труды по архитектуре и градостроительству, в которых на примере Магнитогорска анализируется влияние локальной промышленной структуры на размещение и типологию общественных зданий. Работы В. Сержантова¹, З. Н. Нестеровой² и В. И. Казариновой³ заложили основу для понимания того, как функциональная логика комбината определяла приоритеты в развитии городской среды, а исследования К. Н. Афанасьева⁴, С. О. Хан-Магомедова⁵ и Н. С. Назаровой⁶ раскрывают символическое значение дворцов культуры как «храмов социализма» и эволюцию их архитектурного языка от авангарда к сталинскому ампиру. Отдельный пласт составляют работы по социокультурной истории советского общества: концепции «культурности» В. В. Волкова⁷, идеологического конструирования повседневности О. Хархордина⁸, а также модель «производственной квазиобщины» П. Кудюкина⁹ позволяют интерпретировать клуб не просто как место досуга, а как механизм формирования корпоративной идентичности металлургов. Наконец, региональные исследования повседневности Магнитогорска — прежде всего труды С. Коткина¹⁰ и Н. Н. Макаровой¹¹ — дают ценный материал о социальном самочувствии горожан и роли культурных институтов в структуре «соцгорода». При всем перечне на-

копленных знаний, специальных работ, посвященных истории строительства и первых лет деятельности именно Центрального клуба металлургов, в региональной историографии до сих пор не было; данная статья призвана заполнить эту лауну, опираясь на широкий круг непубликованных архивных источников и материалов периодической печати.

Клубное строительство с середины 1920-х гг. рассматривалось как определяющая веха урбанизации: клуб становился центром объединения рабочей самодеятельности, призванным удовлетворять запросы досуговой деятельности с примесью интеллектуально-культурного просвещения. В идеале это было место, куда рабочие после трудового дня могли бы по собственному желанию прийти для занятий в шахматном кружке, творческих студиях, библиотеке, читальне, тире и т. д. Однако уже к 1930-м гг. подобные идеи, развитые в концепции соцгорода перестали отвечать запросам модернизирующегося общества.

Советская власть осознавала необходимость отразить новые социалистические идеалы в планировке и архитектуре городов. Дворцы культуры как общественные пространства должны были сочетать в себе масштабность и монументальность сооружения, но избегать вычурной «лепнины» экстерьера. Дворец задумывался как пространство, где одновременно разворачивались процессы, символически интерпретирующие устройство города и государства.

Многофункциональность выполнялась как раз за счет работы клубов, и таким образом, по нашему мнению, произошло синтезирование этих понятий. Между клубом и дворцом происходит некая «конфлюэнция», когда новосозданная клубная структура посредством взимания опыта дворца (возможно, корректнее говорить народного дома) пытается отстоять свое право на существование. Эту мысль на интуитивном уровне ощущают и строительные умы того времени:

Вы знаете, что немало нас навещают всевозможные делегации из-за рубежа. Как мы им покажем наши клубы и чем мы их удивим: высокими большими комнатами? — нет; богатством отделки? — нет; хорошим качеством работы? — нет. Только принципом, идеей. Вот почему следует идейную сторону поставить во главу¹².

Однако существовавшая клубная сеть не позволяла решить возложенные на нее идеологические задачи. Большинство клубов и красных уголков в Магнитогорске имело непрезентабельный вид. Горком указывал на несостоятельность профсоюзов в деятельности по приобщению к культуре: «Клуб должен обслуживать не только рабочих своего цеха, но и всех рабочих того участка, на котором он находится»¹³. Горком принимает решение раздробить работу в соответствии с «различными видами художественной самодеятельности»¹⁴ и передать ряд обязанностей и ответственность на детскую музыкальную школу, Театр рабочей молодежи (ТРАМ) и Университет культуры. Эти организации начинают по добровольно-принудительному принципу проводить огромное количество лекций, массовых экскурсий, конкурсов с обязательным участием семей¹⁵. Внутри коллектива рабочих накалялась обстановка: свободное время они вынуждены были проводить на собраниях, а после трудового дня посещать музыкально-хоровые кружки. В результате обострялось противоречие между декларируемой свободой выбора в проведении досуга и фактическим положением дел.

Таким образом, идея строительства Центрального клуба металлургов в Магнитогорске возникла как реакция на кризис культурной жизни города. Первого июня 1934 г. заводской комитет, осознавая, что городской совет не справляется в одиночку, решил провести 9 июня общезаводскую культурно-бытовую конференцию. Для вовлечения в культурную сферу распространялись бесплатные абонементы в театр, однако ТРАМ и Дом инженерно-технических работников не имели постоянного места пребывания. Еще с января общественность в заметке газеты «Магнитогорский рабочий» указывает на то, что горсовет может и должен «взять на себя постройку детского Дома культуры, строительство клубов, столовых», поскольку строительные тресты комбината и соцгорода выполняют свои не менее важные заказы¹⁶. По этой причине в 1934 г. власти начали проявлять инициативу: «В план работ внесена постройка временного театра на левом берегу, так как у нас нет театра, нет сцены...»¹⁷.

Первое упоминание о строительстве клуба в документах датируется 19 сентября 1934 г., а уже 18 декабря завком отправил на президиум ВЦСПС утвержденную смету, поскольку «в Магнитогорске не имеется хорошего культурного клуба, где рабочие в культурном обслуживании мало удовлетворяются»¹⁸.

В 1934 г. принимается окончательное решение перенести строительство города на правый берег, где в будущем расположится административный центр. Левый же берег стал местом штамповки типовых кварталов строчной застройки. Однако продолжать работы здесь заставлял прагматический расчет: нельзя было «отрывать» рабочих горнорудного управления в количестве 28 тыс. человек от производства, поскольку форсировать застройку правого берега начали лишь

в 1935 г. Такое решение было спорным. Магнитогорск был признан примером неудовлетворительной планировки, а Совнарком фиксировал, что «многие проектировки в первой пятилетке не были обеспечены необходимыми изысканиями, что приводило к необходимости пересмотра и внесения весьма существенных поправок»¹⁹. Все постановления того времени были лишь юридическим закреплением вынужденной застройки левого берега, хотя все понимали, что эта зона экологически неблагополучна, а реализовать коммунальное бытие не удалось.

Обустройством досуговой инфраструктуры занимался Гипрогор. Московский архитектор В. Кусаков свидетельствует, что фундамент и несущие стены были возведены по типовому проекту Гипрогора, что в дальнейшем усложнило работу²⁰. Местоположение дворца, вероятно, определили в ходе застройки 1-го и 2-го кварталов в 1930-е гг. между двумя магистралями перед Театральной площадью. Клуб располагался на главной дороге, от жилой застройки до промзоны, являясь структурным звеном «центра» левого берега, на доминирующей высотной отметке, чтобы рабочий мог постоянно лицезреть его по пути с работы. Дворец должен был интегрировать архитектурный замысел с многофункциональной средой для социокультурной деятельности населения.

Документация Промстройпроекта фиксирует острый дефицит архитектурных кадров: «...архитектуру делать некому, повышать архитектурное качество проектов некому, учить молодежь тоже некому»²¹. Партия осознавала необходимость воспитания пролетарского архитектора и требовала «развернуть соответствующими темпами подготовку кадров пролетарских архитекторов и работу по перевоспитанию и переводу на позиции пролетарской идеологии попутнических архитектурных кадров, ведя одновременно самую беспощадную борьбу с буржуазными, реакционными, мещанскими, националистическими, узко деляческими безыдейными течениями»²². Само строительство вел Горстройпроект. В 1935 г. началось возведение комплекса из двух примыкающих зданий — театральной и клубной частей (архитекторы П. Бронников, М. Куповский и М. Дудин). Молодые московские архитекторы 1920-х гг. представляли клуб как неразрывную часть театра: проекты Московского городского совета профессиональных союзов предполагали наличие зрительного зала со сценой, что деформировало архитектурный комплекс, поскольку сцена в массовом сознании выступала метонимией театра, доминируя над клубной функцией. Из-за недостатка «средств на две изолированные постройки»²³ этой участи не избежал и Магнитогорск.

Проблемы, с которыми столкнулись жители Магнитогорска в связи со строительством и деятельностью клуба, были многообразны и масштабны. Люди жили в бараках, а возведение социальной инфраструктуры, включая клубы,

постоянно отставало. Строительство самого Центрального клуба шло с огромными перебоями. К сентябрю 1934 г. строительство было «на 60–65 % законсервировано, т. к. отсутствие достаточного количества рабсилы и материалов не дает возможность двигать строительство вперед, а имеющаяся рабсила и материалы на 29.09.34 г. дают возможность только ликвидировать хвост проделанной ранее работы»²⁴. Горожане сталкивались с тем, что клубы не были уютными и приспособленными для отдыха: в них было холодно, грязно, не хватало мебели. Информация о мероприятиях не доходила до рабочих, а посещение многих из них было платным, что отталкивало публику. Например, на одно из выступлений в сентябре 1935 г. пришли всего три человека²⁵.

Главным архитектором объекта стал Петр Иванович Бронников, прибывший в конце 1934 г. в Магнитогорск. Двадцатичетырехлетний инженер-архитектор уже имел опыт проектирования клуба и театра в Мариуполе. Его призвали обуздать хаос на площадке, создать систематический план работы и предотвратить сухую конструктивистскую тенденцию. Скульптор П. В. Митковицер лестно отзывался о коллеге:

Это человек имеющий большой опыт в смысле ведения большого объекта строительства. Несмотря на свою молодость, как инженер-строитель зарекомендовал себя, что ему поручали большие объекты²⁶.

Однако начало 1935 г. не принесло облегчения: театральную часть должны были сдать еще в 1934 г.²⁷ В управлении строительством соцгорода числились 6000 человек, правительство выделило 24,5 млн руб., но потратили всего 6691 руб. — цифры говорят сами за себя. Процесс нужно было выстраивать с нуля из-за нехватки материалов и незаинтересованности руководства комбината в мотивации рабочих.

Двадцатого апреля 1935 г. в газете «Магнитогорский рабочий» разразилась полемика: на площадке осталось 160 человек, отсутствовали «рабочие чертежи по внутреннему оборудованию, нет необходимых материалов, например кровельного железа»²⁸. Профсоюзная организация перестала вести работу, никто не знал сроков окончания строительства. Прораб Чуваев сообщал, что заведующий плановым отделом Григорьев «отмывает деньги», жалуясь на отсутствие поступлений в 1800 тыс. руб. и на то, что клуб не включен в число объектов, подлежащих сдаче в этом году. Политинформатор Сметанин жаловался на несостоятельность агитации, хотя народ скитался без дела. Парторг Винер ввел утреннюю читку газет, после чего каменщики, просветившись деятельностью Куйбышева и Сталина, стали брать на себя вдвое больше обязанностей, но этот потенциал угас к весне²⁹.

Архитектор Бронников в это время ждал в Горстройпроекте: управление строительством имело долг перед компанией в 700 тыс. руб. Маг-

нитогорский исполком ожидал активизации комбината, который аккумулировал ассигнования, но просить помощи было унижительно — латентный внутривидовый конфликт по-прежнему сохранял актуальность. В июне 1935 г. Людмила Татьяничева в статье «Мертвые темы» писала, что, несмотря на решение форсировать работы, стройматериалы и чертежи не поставлялись, средства не выделялись. В августе некий Второв объяснял задержку тем, что «цех механизации затянул поделку ряда деталей, руководство бригадой по установке ферм было поручено пьянице, горлопану и прогульщику Медведеву, который срывает выполнение этой важной работы; стройка испытывает недостаток гвоздей мелкого калибра, так что строители понуждаются брать гвозди в 150 миллиметров и делать из них гвозди в 50 миллиметров»³⁰. По нашему мнению, это объяснение не имеет правдивого характера; публикация носит апологетический характер, направлена на деэскалацию общественного напряжения и минимизацию ответственности городского управления, высмеивая пороки человека «прошлого» и закрывая гештальты идеологической приверженности — «быть или казаться» соцгородом.

В октябре 1935 г. возникло предложение передать освоение левого берега жилстрою. Начальник строительства Коржииков 22 октября констатировал:

...Театр, клуб металлургов в Кировском районе с полной отделкой будет сдан в эксплуатацию в ноябре. Строительные работы в клубной части здания (монтаж, штукатурка, полы и т. д.) заканчиваются к 1 января. Полностью с облицовкой и внешней отделкой клуб будет сдан в мае 1936 г.³¹.

Этого не произошло; дату хозрасчетной приемки передвинули на 1936 г. В феврале 1936 г. решили сдать театр в апреле, но, как отмечалось в статье «Старые стены», были совершены акты вредительства: строители вопреки проекту отказались от оформления театральных лож мрамором, заменив его масляной краской, а потолки попытались покрыть масляной краской, что не удешевляло, а удорожало работы³².

Театральную сцену планировали открыть 1 мая 1936 г. большим костюмированным балом-маскарадом, но помещение для праздника указали иное³³. Открытие состоялось 20 мая 1936 г. премьерой пьесы «Чапаев» драмтеатра³⁴.

На основании документов можно констатировать, что архитектор Бронников занимался лишь внутренней отделкой дворцовой части и не имел отношения к полноценной реализации проекта; в конце 1936 г. он покинул Магнитогорск, будучи назначен в Москву начальником строительства жилого дома треста «Промстройпроект». Главным строителем остался Чуваев.

Клубная часть дворца осталась неоткрытой: внимание переключилось на правый берег, здание Госбанка и другие объекты. Управляющий отделением промбанка отмечал высокий уровень

неорганизованности и нераспорядительности бывшего «вредительского» руководства стройки³⁵. В 1937 г. в городе стали заметны процессы «Большого террора», проявлявшиеся в оправдании неудач вредительством со стороны «антисоветских элементов и контрреволюционных сил». Однако на стройке работа кипела: завком поставлял мебель, шла покраска стен, чтобы с середины февраля 1938 г. возобновить деятельность самодеятельных коллективов. Но, по известному сценарию, о своих обещаниях забыли на месяц. Официальную дату открытия к 8 марта 1938 г. сдвинули; газеты пестрели «делом правотроцкистского блока», и открытие перенесли. В архивных документах встречается заметка от 24 марта 1938 г.: «краска еще не успела хорошо высохнуть, комнаты и залы еще не все оборудованы мебелью, но клуб уже живет»³⁶. Следующую дату назначили на 1 мая. Но 25 марта 1938 г. в здание переехала библиотека металлургов, что можно считать началом полноценной работы второй части здания: проходимость составила около 700 человек в день открытия, хотя отсутствовали рабочие столы, стулья (всего 30 шт.), лампы и подъемник для книг³⁷.

По итогу строительства всего комплекса дворца в постконструктивистской внутренней эстетике было реализовано: театральное здание на 1200 зрителей; клуб с четырьмя этажами и 120 комнатами для занятий; переведенная центральная библиотека металлургов; спортивный зал; лекционный зал на 400 зрителей.

Таким образом, реконструкция процесса проектирования и строительства Центрального клуба металлургов в 1934–1938 гг. позволяет интерпретировать его не как ординарную строительную практику, а как сложный социополитический акт, в котором материализовались фундаментальные противоречия раннесоветского градостроительства. Анализ источников демонстрирует, что интенция тотальной идеологической политики — создания единого архитектурного организма, синтезирующего театральное действие, клубную самодеятельность и политическую агитацию, — натолкнулась на системную недостаточность институциональных, финансовых и кадровых ресурсов.

На концептуальном уровне выявлена неразрешимая дихотомия между театральной и клубной функциями. Проект, разработанный в парадигме экономической целесообразности, объединил два разнонаправленных модуля культурного ландшафта под одной крышей. Заложенная в гибридном здании архитектурная метонимия, при которой сцена априори воспринималась как смысловая доминанта, предопределила фактическое поглощение просветительской функции театральной частью. Это породило пространственную деформацию: клубная часть оказалась вто-

ричной не только на уровне восприятия масс, но и в темпах своего освоения, что подтверждается двухлетним разрывом между сдачей театрального зала (май 1936) и клубного помещения (май 1938).

Примечания

- ¹ Сержантов В. Магнитогорск. Челябинск, 1947.
- ² Нестерова З. Н. Магнитогорск. М., 1951.
- ³ Казафимова В. И., Павличенков В. И. Магнитогорск. М., 1961.
- ⁴ Из истории советской архитектуры 1926–1932 гг. / под ред. К. Н. Афанасьева. М., 1984.
- ⁵ Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. 2 : Социальные проблемы. М., 2001.
- ⁶ Назарова Н. С. Формирование представлений о советском дворце от конструктивизма 1920-х к модернизму начала 1960-х годов // Наука, образование и экспериментальное проектирование : электрон. журн. 2021. № 1. С. 323–326. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-predstavleniy-o-sovetskom-dvortse-ot-konstruktivizma-1920-h-k-modernizmu-nachala-1960-h-godov/viewer> (дата обращения: 19.05.2026).
- ⁷ Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.
- ⁸ Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб. ; М., 2002.
- ⁹ Кудюкин П. Производственная квазиобщина как центр жизненного мира // ВикиЧтение. URL: <https://culture.wikireading.ru/22615> (дата обращения: 25.05.2025).
- ¹⁰ Koltkin S. Magnetic mountain : Stalinism as a civilization. Berkeley, 1995.
- ¹¹ Макарова Н. Н. Город Магнитогорск как объект исторических исследований (к постановке проблемы) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2015. С. 156–166 ; Она же. Магнитогорск как социокультурный проект советской власти в 1930–1950-е гг. Магнитогорск, 2021.
- ¹² Мельников К. С. Архитектура моей жизни. Творческая концепция. Творческая практика. М., 1985. С. 185.
- ¹³ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 118. Оп. 1. Д. 41. Л. 20.
- ¹⁴ Там же. Л. 20.
- ¹⁵ Там же. Л. 20–21.
- ¹⁶ О культурно-бытовом строительстве // Магнитогорский рабочий. 1934. 23 янв.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 118. Оп. 1. Д. 43. Л. 73.
- ¹⁹ РГАЭ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.
- ²⁰ Куцаков В. Театр в Магнитогорске // Архитектура СССР. 1936. № 9. С. 42–45.
- ²¹ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 6 (1). Л. 5.
- ²² РГАЭ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
- ²³ Из истории советской архитектуры ... С. 12.
- ²⁴ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 118. Оп. 1. Д. 43. Л. 119.
- ²⁵ Тверской. В клуб пришли три человека... // Магнитогорский металл. 1935. 12 окт.
- ²⁶ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 28. Д. 35. Л. 3.
- ²⁷ Береговой А. Где же новая жилплощадь, т. Коржилов? // Магнитогорский рабочий. 1935. 4 янв.
- ²⁸ Строители и профсоюзники сохраняют спокойствие // Там же. 20 апр.
- ²⁹ Жизнь требует // Там же. 8 февр.
- ³⁰ Анасова К. Б. Смелость строит города // Там же. 2024. 22 авг.
- ³¹ Очередные работы на строительстве города // Там же. 1935. 22 окт.
- ³² Заснич В. Старые стены // Магнитогорский металл. 1997. 12 дек.
- ³³ Первомайский бал маскарад // Там же. 1936. 22 апр.
- ³⁴ Сегодня открывается новый театр! // Магнитогорский рабочий. 1936. 20 мая.
- ³⁵ Полностью извлечь уроки // Там же. 1938. 1 марта.
- ³⁶ Смелянский Н. Новый клуб металлургов // Там же. 24 марта.
- ³⁷ Фиолетова. Библиотека металлургов // Там же. 2 апр.

С. И. Пудовкин

Образ советского индустриального города в 1930-е годы на примере проекта района Красный Камень в Нижнем Тагиле

...Я снова и снова в тончайшей тиши
Смотрю и читаю в листах чертежи,
И в линиях, выющихся тонкими лентами,
Сплетающихся паутиною,
Я вижу — город встает монументами
Огромной такой детиною,
Я вижу город, чугун рождающий
И обновленный вновь,
Я вижу город такой, товарищи,
Который волнует кровь,
Улицы зелены плотно обложены,
Деревья уходят ввысь,
В этом городе-саде крепко заложена
Великая стройная мысль.

Сливкин А. *Контуры*¹

В 1930-е гг. Нижний Тагил стал центром крупномасштабного промышленного строительства. В нем возводились такие гиганты, как Новотагильский металлургический и Уральский вагоностроительный заводы. Промышленное строительство вызвало прирост населения, что потребовало и общего развития города. Общий жилой фонд составлял в то время 65 550 кв. м и не мог вместить быстрорастущее население города, насчитывавшее к этому времени 150 тыс. человек.

В связи с этим в начале 1930-х гг. было принято решение о поэтапной (порайонной) реконструкции города. В 1934 г. появился проект планировки и застройки Краснокаменского района Нижнего Тагила, рассчитанного на 24 тыс. человек. Дела с этими материалами сосредоточены в фонде «Горкомхоз» (№ 69) и включают в себя «Пояснительную записку к эскизному проекту планировки района «Красный Камень»».

Проект планировки Красного Камня был разработан в 1934 г. Архитектурно-проектной мастерской Наркомата гражданского строительства СССР по поручению Управления строительства Нижнего Тагила. Автор проекта М. Я. Гинзбург с соавторами предложили дать застройке района трактовку «автономного законченного организма»².

В 1934 г. городская газета шапкой на всю первую полосу сообщала: «6 июня состоится закладка нового социалистического городка. На месте Рыжковой слободки вырастет новый Тагил». В клубе металлургов с 5 по 10 июня экспонировался проект застройки Красного Камня. Схемы застройки микрорайона — кварталы № 6, 9. Солнечным утром 6 июня 1934 г. на Красный Камень потянулись сотни людей с лопатами, кирками, конные повозки. Это тагильчане шли на первый субботник по закладке социалистического городка. Перед началом субботника состоялся митинг, где ораторы говорили: «Здесь, на месте Рыжковой слободы, будут стоять многоэтажные светлые дома с газом, водопроводом, канализацией».

В середине 1930-х гг. Красный Камень был, по сути, островной территорией, которая с раз-

ных сторон имела ограничения: река, обрыв, зеленая защитная зона, ветка железной дороги. Авторы проекта решили органично вписать вновь отстраиваемый городской район в существующий ландшафт, создавая его архитектурный облик вне связи с обликом Центрального и Выйского районов. Только отдельные магистрали должны были связывать Красный Камень с другими частями Нижнего Тагила. Автомагистраль, проходящая с востока на запад, должна была соединить главные проходные Новотагильского металлургического и Высокогорского механического (снарядный № 63) заводов. Автомагистраль, проходящая с севера на юг, выходила к главной проходной металлургического завода им. В. Куйбышева. Автомагистраль, идущая с севера на восток, выходила на дорогу № 101 и далее, к центральной проходной Уральского вагоностроительного завода³.

Поскольку история района связана с памятью о погибших на этой территории 11 красногвардейских полках 29-й стрелковой дивизии (командир Р. П. Эйдеман), перед планировщиками стояла задача подчеркнуть историческое значение Красного Камня путем создания торжественных монументальных архитектурных форм. По плану, район имел три главных выхода из других частей города (сейчас это ул. Мира, Победы и Пархоменко). Все три улицы выходили на большую (110 га) площадь Красного Камня с памятником героям Гражданской войны в центре. Эта площадь, подобная площади Святого Петра в Риме, должна была являться центральной частью объемно-пространственной композиции района. По своей форме — вытянутая трапециевидная в плане — своеобразный форум. Одна сторона ее состояла из обслуживающих помещений: клуб, магазины, почта, детские учреждения и т. д.; по другую должны были располагаться шесть домов повышенной этажности. К площади-форуму примыкали пять замкнутых жилых ансамблей, составлявших с ней одно целое и дополнявших друг друга различными геометрическими в плане формами. Внутри ансамблей были запроектированы партерные сады-парки французского типа и газоны⁴.

Авторы попытались создать индивидуальное лицо района, отвергая возможность типового строительства. Скелет всей архитектурной композиции, ее рисунок составлен пятью жилыми ансамблями разной конфигурации: прямоугольник, эллипс, шестигранник, квадрат и трапеция. Это хорошо видно на макете района «Общий вид с юга». Применение различных геометрических форм было связано с рельефом местности, а также являлось данью моде — проникшему в архитектурный облик Тагила модному направлению конструктивизму.

Все пять ансамблей объединены центральной площадью, расположенной на пересечении вертикальной и горизонтальной осей.

Входы в район оформлялись монументальными скульптурными формами, тематически и стилистически связанными с центральным памятником на площади. Проект был необычен и тем, что предполагал строительство «небоскребов» в 13–14 этажей на ул. Победы, а также варьированием этажности. Варьирование этажности предполагалось по принципу нарастания от менее важных и окраинных элементов к более важным центральным.

Итак, центральные дома имеют 13–14 этажей, жилой ансамбль составляют 7–9-этажные здания, остальные дома 4–5-этажные. Общественные и социокультурные учреждения располагаются в двух- и трехэтажных зданиях. Варьированием этажности достигнуто увеличение проектного задания по численности населения на 2350 человек.

В отдельные габариты выделены школы, медицинские учреждения, пожарное депо, банно-прачечный комбинат, гараж. Большая половина детских яслей и садов являются отдельными зданиями.

Планировка предполагалась таковой, что учреждения максимально были приближены к жилью, все прочие равномерно, с соблюдением необходимых радиусов, распределялись по территории, главным образом на уличных магистралях.

Западная окраина Красного Камня (шихан) предполагала размещение здесь детской технической станции с физкультурными площадками и стадионом для детей, дневного и ночного санаториев, жилого дома для ударников в виде «небоскреба» в 13 этажей, музея, ресторана. Все это должно было составить живописную панораму совместно с зелеными склонами. Музей должен был стать монументом в честь 11 полков Красной армии.

Сеть торговли, питания, почта, телеграф, аптеки, учреждения бытового обслуживания, по проекту, располагались в жилых домах.

В «Пояснительной записке» к нему уделяется место и квартирам, их площади и планировки. Проектируя квартиры в домах, авторы делают вывод:

...Площадь двухкомнатной квартиры стоит дороже на 30–35 % в сравнении с площадью четырехкомнатной квартиры, поэтому целесообразно увеличить

количество четырехкомнатных квартир и представлять их для пользования 2 семьям на ближайшие 10–15 лет.

Обсуждая вопросы экономичности строительства, авторы производят расчеты и делают вывод, что наиболее выгодный метраж квартир таков: двухкомнатная — 30 кв. м, трехкомнатная — 47 кв. м, четырехкомнатная — 60 кв. м.

Кроме стандартных квартир предполагалось строительство квартир так называемого «повышенного» типа (четырекомнатные с размером площади, несколько превышающей обычные, и рассчитанные уже на одну семью). Квартиры «повышенного» типа, запроектированные в количестве 20 % от общего числа, предназначались для высшего технического персонала и ударников труда⁵.

Все жилые комнаты в квартирах должны были быть ориентированы на юг и юго-восток. Высота квартиры от чистого пола до чистого пола верхнего этажа составляла 3,4 м.

Проект застройки Красного Камня был типичен для переходного этапа в советской архитектуре — времени романтических увлечений, экспериментов и поисков. Но практически он не был реализован. Его воплощением стали только два первых пятиэтажных жилых дома Нижнего Тагила, построенные по проектам, выполненным в мастерской М. Я. Гинзбурга и переработанных затем архитекторами Гриневичем и Розенбаумом (ул. Жуковского, 8, 20), а также детское учреждение (впоследствии туберкулезный диспансер). Сейчас эти постройки в стиле конструктивизма являются памятниками архитектуры федерального значения.

Если бы проект удался, то, по мнению проектировщиков, район Красного Камня «явился бы примером населенного пункта, сочетающего в себе все преимущества высоко технически оснащенной городской культуры, с чистым озонированным воздухом, большим количеством зелени и красивыми панорамами величественных зданий, разбросанных среди сплошного моря зелени».

По планам реконструкции модернизировались транспортные связи в городе. Районы города связывались трамвайными путями. Организовывались четыре трамвайных маршрута, соединяющих Красный Камень с вокзалом, центром города, Новотагильским металлургическим заводом. Предполагалось и строительство кольцевого маршрута, соединяющего все главные районы города⁶.

Однако в тот период не удалось в полной мере реализовать эти планы — связать рабочие поселки Тагилстроя, Вагонстроя и Красного Камня в единый городской комплекс. Эта задача была решена только к середине 1960-х гг.

Примечания

¹ Тагильский рабочий. 1934. 15 апр.

² Из истории художественной культуры Урала: сб. науч. тр. Свердловск, 1985.

³ НТГИА. Ф. 189.⁴ Там же.⁵ Федотова Е. Русский конструктивизм // *Salon* № 9. М., 1999.⁶ НТГИА. Ф. 189.*Н. Б. Салимов*

Белорецк, один из опорных городов Южного Урала, в годы Великой Отечественной войны

Белорецк, уральский город в Республике Башкортостан, этот статус получил 22 декабря 1923 г. по указу Президиума Башкирского центрального исполнительного комитета (БашЦИК) Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «О переименовании центра Тамьяно-Катайского кантона Белорецкий завод в город Белорецк». Сегодня Белорецк является одним из старейших горнозаводских центров Южного Урала и флагманом металлургической промышленности Республики Башкортостан.

В фондах Национального архива Республики Башкортостан хранится большой объем документов, рассказывающих о трудовом подвиге жителей Белорецка и пос. Тирлян в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Так, в фонде Белорецкого горкома ВКП(б) отложились документы и материалы о трудовой доблести металлургов в военное лихолетье¹.

Постановлением Экономического совета при Совнаркоме СССР от 7 марта 1940 г. № 328 было принято решение о создании Белорецкого металлургического комбината в составе следующих хозяйственных единиц: Белорецкого металлургического завода (БМЗ), Тирлянского листопрокатного завода, Горнорудного управления (Туканский и Комаровский железные рудники), Белорецкой лесной конторы и Белорецкой железной дороги (БЖД). Связка этих заводов и предприятий оказалась уникальной и сыграла в годы войны значительную роль. Белорецкий металлургический завод имел собственную сырьевую базу для производства чугуна, стали и проката и обеспечивал сталепроволочно-канатный завод катанкой для изготовления метизной продукции, листопрокатный завод — сутункой для прокатки листа.

В условиях немецкой оккупации западных территорий СССР Белорецкий сталепроволочно-канатный завод стал играть важнейшую роль единственного поставщика изделий, от которых напрямую зависела обороноспособность страны.

В начале Великой Отечественной войны в Белорецк из западных регионов страны были эвакуированы предприятия: 231-й Клинский машиностроительный завод, Московский завод сельскохозяйственного машиностроения «Автомотордеталь» (АТД) им. С. М. Буденного (единственное предприятие в СССР, где изготавливались пружины и запчасти для тракторов и сельхозмашин), биметаллический цех московского завода «Серп и молот», оборудование которого было размещено на базе Белорецкого металлургического завода, оборудования Харцызского и Одесского заводов (Украинская ССР), которые

были установлены на базе Белорецкого сталепроволочно-канатного завода, и др.

Башкирский обком и Белорецкий горком ВКП(б) проводили большую организаторскую работу по приему эвакуированных промышленных предприятий и населения из прифронтовых районов. Размещение эвакуированных предприятий и оборудования осуществлялось в условиях поздней осени и суровой зимы 1941/1942 гг. Потребовались героические усилия местных партийных и советских органов, а также трудящихся города, чтобы в короткий срок обеспечить пуск эвакуированных заводов. Всех эвакуированных специалистов и членов их семей на новом месте нужно было обеспечить питанием, жильем, работой, медицинским обслуживанием. Архивные документы раскрывают весомый вклад местных рабочих и простых людей в быстрейший ввод в строй оборонных предприятий.

Одним из немногих предприятий, которые могли обеспечить выполнение военных заказов, оказался Белорецкий сталепроволочно-канатный завод. В кратчайшие сроки башкирские металлурги освоили выплавку 90 легированных и высококачественных марок стали, прокат 150 марок металла. Сталевары работали по 16 часов в сутки, отдавали все свои силы, осознавая, какая угроза висит над страной. Их трудовой героизм и вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков неоднократно был отмечен телеграммами председателя Государственного комитета обороны СССР И. В. Сталина.

Вклад металлургов Белорецка в победу в Великой Отечественной войне невозможно переоценить — он был огромен. В 1945 г. за героический труд в тылу 1843 белорецанина были награждены орденами и медалями, в том числе 315 человек — орденом Ленина. В память о самоотверженном труде в тылу в годы Великой Отечественной войны работников металлургического комбината в Белорецке поставлена стела «Сталепроволочникам — труженикам тыла» и памятник металлургам, павшим в боях за Родину.

Большую организаторскую работу в тылу по различным направлениям вели партийные и советские органы. Обратим внимание на протокол № 181 заседания бюро Белорецкого горкома ВКП(б) от 12 января 1945 г. Бюро на этом заседании рассмотрело вопрос «О подготовке и проведении 27-й годовщины Красной армии». Обсудив вопрос, бюро постановило:

Подготовку к славной 27-й годовщине Красной армии провести под знаком дальнейшей мобилизации

трудящихся на усиление всемерной помощи наступающей Красной армии, на увеличение продукции для фронта, на приближение часа полной победы над врагом.

Первый пункт постановления гласит:

Развернуть социалистическое соревнование за достойную встречу славной 27-й годовщины Красной армии, мобилизуя трудящихся на досрочное выполнение производственной программы февраля месяца 1945 г.²

Как в стране, так и в республике большое внимание уделялось вопросу трудового устройства и обслуживания инвалидов Великой Отечественной войны. В протоколе заседания бюро Белорецкого горкома ВКП(б), состоявшегося 2 февраля 1945 г., зафиксировано:

Вскрытые и указанные в решении бюро Башобкома ВКП(б) от 16/1-45 г. недостатки в Башкирской АССР в вопросе трудового устройства, производственного обучения и бытового обслуживания инвалидов Отечественной войны имеют место и в городе Белорецке. На 1 февраля 1945 г. из общего числа инвалидов Отечественной войны рядового и офицерского состава 480 чел. работает только 340 чел. на предприятиях БМЗ, Тирлянского листопрокатного завода, завода АТД, БЖД, Магнитостроя и некоторых артелях. Партийные, хозяйственные и профсоюзные руководители работу по повышению квалификации и бытовому устройству инвалидов Отечественной войны пустили на самотек...³

Обсудив животрепещущий вопрос, бюро постановило:

Обязать заведующего отделом социального обеспечения тов. Салова и председателя комиссии по трудоустройству инвалидов Отечественной войны тов. Иванова в течение февраля и марта с. г. наладить точный учет работающих и нетрудоустроенных инвалидов Отечественной войны, установить повседневное руководство и контроль за работой руководителей предприятий, артелей, торгующих организаций в правильном назначении инвалидов на работу, повышении их квалификации, предоставлении льгот, первоочередном предоставлении квартир, своевременном отоваривании карточек⁴.

На этом же заседании бюро рассмотрело вопрос «О присуждении переходящего Красного знамени горкома ВКП(б) и горисполкома за лучшие показатели в социалистическом соревновании в январе 1945 года». В принятом решении отмечается:

...Лучших показателей в январе в выполнении производственного плана добился коллектив Белорецкого металлургического завода (директор т. Марков, секретарь партбюро т. Бритов, председатель завкома т. Скрябнев, комсорг комитета ВЛКСМ т. Ефимов), выполнивший план по всему металлургическому циклу. Хорошо работали коллективы: Тирлянского листопрокатного завода (директор т. Голынский, секретарь парткома т. Ефремов, комсорг комитета ВЛКСМ т. Игнатов), выполнивший план на 103,2 %, коллектив Белгэстроя (начальник т. Тригер, секретарь партбюро т. Рыбаков), выполнивший план на 111 %⁵.

На повестку дня следующего заседания бюро Белорецкого горкома ВКП(б), которое проходило 9 февраля 1945 г., был включен и вопрос «Об итогах призыва в Красную армию граждан 1927 года рождения и о задачах подготовки к призыву граждан 1928 года рождения». В принятом решении бюро отметило:

...Подготовка и проведение призыва в Красную армию граждан 1927 года рождения в г. Белорецке и пос. Тирлян по основным видам подготовки проходила успешно. Призывниками были проявлены массовые случаи истинного патриотизма, не было случаев аморальных поступков. 99,5 % призывников прошли военную подготовку в школах и подразделениях⁶.

Представляет большой интерес коллекция документов Башкирского областного комитета ВКП(б) за 1945 г. «Справки, докладные записки, отчеты о работе Белорецкого металлургического комбината»⁷. Так, в отчете о работе партийной организации Белорецкого металлургического завода за январь 1945 г., отправленном в отдел промышленности обкома ВКП(б), отмечено:

С поставленной задачей парторганизация справилась. План в январе месяце был выполнен по всему металлургическому циклу и имеет нижеследующие показатели: по чугуну — 100,0 %, по стали — 102,5 %, по сутунке — 100,0 %, по катанке — 102,1 %⁸.

Для успешного выполнения государственно-го плана во всех цехах были широко развернуты социалистическое соревнование и массово-политическая работа. Всего по заводу социалистическими договорами было охвачено 16 цехов (3296 человек).

В отчете отмечена хорошая работа многих бригад, в том числе комсомольско-молодежных, выполнявших планы на 119,2–369 %. Лучшим металлургам, отличившимся в индивидуальном социалистическом соревновании, присвоено звание «Лучший рабочий завода». Например, в список передовиков производства включены И. Горелов, А. Носова, Т. Хохлова, Байбурдин, Батыров, Беляев и др.

Обращает на себя внимание забота руководства завода о семьях фронтовиков. Так, в январе была оказана материальная помощь на 10 433 руб., подвезено 402 кубометра дров для 256 семей, выдано 365 кг продуктов, 31 пар валенок и т. д.

Далее в отчете описывается массово-политическая работа, проведенная в январе руководством завода и партийной организацией. Поражает массовость этой работы: например, только за один месяц проведено 1498 мероприятий (митингов, собраний, бесед, лекций и др.) с охватом 50 011 человек. Секретарь партбюро завода Бритов в отчете также указал отдельные недостатки: простои, аварии, нарушение технологического процесса, дезертирство.

За аналогичный период отчитался перед Башкирским обкомом ВКП(б) и директор Тирлянского завода Голынский. Производство

валовой продукции здесь составило 101,8 %, выпуск продукции в натуре готового проката составил 103,2 %. В это время на заводе трудились 888 рабочих, 61 инженерно-технический работник, 43 служащих, 36 учеников. Средний месячный заработок у рабочих составил 734 руб.

Важную роль в работе этих заводов сыграла Белорецкая узкоколейная железная дорога, обеспечивающая их необходимым сырьем и технологическими материалами. На пике своего развития узкоколейка протянулась до Туканских рудников, Инзерского завода и торфоразработок Журавлиного болота. Практически железная дорога была стратегической магистралью — по ней из Белоречья вывозили заготовки для снарядов к «катюшам». Судя по «Объяснительной записке к годовому отчету за 1944 г.», составленной в январе 1945 г., Белорецкая узкоколейная железная дорога выполнила большой объем работы: планы перевозок грузов (каменного угля, древесного угля, железной руды, мазута, лома и стружки) и пассажиров перевыполнены на 100,9 и 119,7 %.

Железнодорожникам приходилось работать в очень сложных условиях. Об этом свидетельствуют строки из «Объяснительной записки». Так, в течение 1944 г. было зафиксировано 590 аварий и случаев брака в работе, в том числе:

- ...Сходы вагонов при маневрах — 28,
- сходы паровозов при маневрах — 81,
- излом ходовых частей — 101,
- столкновение поездов — 0,
- прием поездов на занятый путь — 5,
- обрыв поездов при движении — 67,
- излом рельса — 11...⁹

На Белорецкой железной дороге также широко было развернуто движение стахановцев и ударников, количество которых на начало 1945 г. составляло 1393 человека (52 % от общего количества рабочих). Среди цехов и служб организовывалось социалистическое соревнование, победителям вручались переходящие знамена, одновременно присваивались звания лучших участков дороги, мастеров и рабочих. Отдельные комсомольско-молодежные бригады «показывали образцы социалистической организации труда, которые систематически ежемесячно добивались выполнения норм в пределах 185–200 %»¹⁰.

Помимо основной продукции Белорецкий металлургический комбинат в годы войны выпускал изделия ширпотреба: госпитальные кровати, пружины, гвозди (проволочные, конно-подковные), огородные грабли, мотыги-окучники, а также оцинкованную посуду, хлебоформы, кровельную черепицу, косячки обувные, печи железные окопные и пр.

В 1945 г. на металлургическом комбинате трудились 11 644 человека, из которых 69 % составляли мужчины, 43 % — молодежь до 25 лет. В металлургической промышленности было занято 44 %

рабочих, в горно-рудной — 8 %, на транспорте — 23 %, в лесной промышленности — 25 %¹¹.

После окончания войны на комбинат был трудоустроен 471 человек из числа демобилизованных воинов, 72 из них заняли административно-хозяйственные и инженерно-технические должности¹².

Руководство завода большое внимание уделяло и подготовке кадров. Так, в справке на имя секретаря обкома ВКП(б) Уразбаева заместителя начальника Управления трудовых резервов БАССР Ишмуратов сообщает, что «школа ФЗО на базе сталепроволочного завода имеет общежитие на 500 мест, однако необходимо дополнительное общежитие на 200 мест»¹³. Бюро Белорецкого горкома ВКП(б), рассмотрев данный вопрос на очередном заседании, постановило:

Придавая исключительно большое значение современной готовности школ ФЗО к приему нового набора учащихся, бюро горкома ВКП(б) требует от всех директоров ФЗО, а также от хозяйственных и партийных руководителей заводов и предприятий обеспечить безусловное выполнение указанных выше мероприятий, проявить максимум заботы о создании необходимых культурно-бытовых и производственных условий учащимся школ ФЗО для их нормальной учебы, помня о том, что от этого прежде всего будет зависеть дальнейшее пополнение заводов и предприятий квалифицированными кадрами рабочих¹⁴.

За годы войны белорецкие металлурги освоили выплавку 90 марок легированной стали, прокат более 15 марок металла, сталепроволочники — производство десятков видов стальной проволоки и канатов. Когда стали освобождать западные районы страны от оккупации, комсомольцы и молодежь Белоречья отправили для Никитинского завода (Украина) 163 т катанки и троса, 10 вагонов круглого леса, кровельного железа, запасных частей и разного инвентаря, 550 шт. железных кроватей и разной посуды.

Белорецкий металлургический комбинат за успехи в работе в 1966 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени¹⁵.

В целом в период Великой Отечественной войны предприятия Белоречья внесли достойный вклад в приближение Победы.

Примечания

¹ НАРБ Ф. П-122. Оп. 25. Д. 428 ; Ф. П-2225. Оп. 1. Д. 29 ; Ф. П-2225. Оп. 1. Д. 176 и др.

² Там же. Ф. П-2225. Оп. 1. Д. 176. Л. 18.

³ Там же. Л. 58.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 62.

⁶ Там же. Л. 76.

⁷ Там же. Ф. П-122. Оп. 25. Д. 428.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 146.

¹⁰ Там же. Л. 151.

¹¹ Там же. Ф. П-2225. Оп. 1. Д. 176. Л. 22.

¹² Там же. Л. 25.

¹³ Там же. Ф. П-122. Оп. 25. Д. 428. Л. 177.

¹⁴ Там же. Л. 172.

¹⁵ Башкирская энциклопедия. Уфа, 2005. С. 424.

Д. Е. Матвеев

Бумажный город: архитектурные проекты и реальность застройки Чебаркуля (1940–1950-е годы)

Город — это пространство, где сталкиваются решения власти и реальная жизнь. Чебаркуль не исключение: за каждым его домом, улицей стоят планы, экономические расчеты и социальные идеи своего времени. То, каким город видели архитекторы, что хотели построить и что в итоге реализовано, зафиксировано в градостроительной документации. Генпланы, проектные задания, акты выбора площадок и паспорта районов — это вовсе не сухие технические чертежи и статистические таблицы. Это срезы административных планов, менявших городскую ткань, и следы решений, определивших облик современного Чебаркуля. Сегодня эти уникальные свидетельства пространственной памяти хранятся в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), краеведческом музее и Администрации г. Чебаркуля. В отличие от личных дел, анкет и автобиографий они рассказывают не об отдельных «человеческих судьбах», а о судьбе самого города.

Каким образом градостроительные проекты и административные решения 1940–1950-х гг., зафиксированные в генеральных планах и проектной документации Чебаркуля, соотносятся с реальной застройкой города, если учесть влияние войны, индустриализации, изменения административного статуса и нормативных документов середины 1950-х гг.?

Для ответа на этот вопрос необходимо применить комплексный подход, сопоставляющий три уровня источников: проектный идеал (генпланы и отмывки), административный контекст (постановления, сметы, изменение статуса) и материальное воплощение (натурные обследования и фотофиксация). Такой триангуляционный метод позволит не просто констатировать факт несоответствия, а выявить механизмы селекции: почему одни архитектурные элементы (например, регулярная сетка кварталов) были реализованы, а другие (башни со шпилями) отброшены, несмотря на их идеологическую значимость.

Чебаркуль был основан как крепость в 1736 г., до 1917 г. его население относилось к казачьему сословию, а само поселение не имело городского статуса. После революции и Гражданской войны прошла череда административных реформ. Чебаркульский район окончательно оформился лишь в 1935 г.¹ Экономический паспорт, составленный Челябинской плановой комиссией в 1936 г., характеризовал его как сельскохозяйственный район².

В 1939 г. принимается решение о строительстве завода № 25 (Ново-Златоустовский завод Главспецстали). Данное решение привело к активному развитию населенного пункта. В 1940 г. Государственным институтом «Гипросталь» (Харь-

ковское отделение) был разработан генеральный план рабочего поселка для Ново-Златоустовского завода № 25 на территории с. Чебаркуль³. Главная цель данного генплана заключалась в создании поселка для размещения рабочих строящегося завода. Одной из особенностей планировки является включение в генплан водного зеркала и лесного массива. Эти естественные природные факторы получили отражение в архитектуре застройки жилых кварталов, носящих характер легкости, интимности⁴.

Обращение к образу «города-сада» в генплане 1940 г. не было случайностью. В советском градостроительстве конца 1930-х гг. эта концепция активно переосмыслилась как способ социалистической реорганизации быта. Включение в план водного зеркала озера и лесного массива — это не просто эстетический жест, а попытка внедрения престижной урбанистической модели, призванной компенсировать тяжелые условия труда на металлургическом производстве. Однако уже на этом этапе закладывается критическая уязвимость: «легкость и интимность» оказываются в жестком противоречии с форсированными сроками пуска завода, что делает этот план заведомо невыполнимым в случае любого внешнего стресса (каким и стала война).

Великая Отечественная война кардинально изменила градостроительные планы, созданные и зафиксированные в генплане 1940 г. Завод требовалось запустить в кратчайшие сроки — уже в 1942 г. Эвакуация предприятия из г. Электросталь привела к лавинообразному притоку рабочих. Вместо четырехэтажных домов — палатки, землянки, временные бараки. Экономические показатели города росли, в 1942 г. поселок получил статус рабочего⁵.

В деле по вопросу об отнесении населенного пункта Чебаркуль Чебаркульского района Челябинской области к категории рабочих поселков приводится справка⁶, в которой описана характеристика населенного пункта:

1. Территория Чебаркульского сельсовета 19 852 га (пос. Чебаркуль, Малково, Мельниково, свиновхоз «Боровое», санатории «Кисегач», «Чебаркуль», дом отдыха УралВО).

2. Население 26 456 человек (пос. Чебаркуль, прилегающие санатории «Чебаркуль», «Кисегач», дом отдыха УралВО, разъезд Кисегач).

3. Промышленность союзного значения: Чебаркульский металлургический завод, трест «Запорожстрой», заводы местного значения: кирпичный, фруктовый, молокозавод, райпромкомбинат, промартели и др. (общее количество трудящихся 17 400 человек).

4. Бюджет на 1942 г. (Чебаркульского сельсовета) 410 тыс. руб.; предусматриваемый бюджет

для рабочего поселка Чебаркуль на 1942 г. — 1109 тыс. руб.

Приведенные цифры бюджета при росте населения лишь до 26,5 тыс. человек — не просто статистика, а документальное свидетельство экстренной индустриализации пространства. Такое кратное увеличение финансирования при почти полном отсутствии капитального жилого фонда (палатки, землянки) означает, что все ресурсы направлялись исключительно на запуск производственных мощностей. Жилищная политика в этот период становится сугубо остаточной, что фиксирует первый, самый драматический разрыв между «бумажным городом» 1940 г. и военной реальностью.

Второй генеральный план был разработан в 1948 г.⁷ также Харьковским отделением Горстройпроекта. Новый генплан должен был учитывать изменившийся административный статус, выросшее население. Данный генплан сохранился частично: в виде графических материалов (проект центральной площади, развертки ул. Пугачева, правая и левая стороны, и ул. Вокзальная, генеральный план пос. Чебаркуль, схема улиц, вертикальная планировка), текстовая часть (том 2 «Инженерное оборудование»).

Отсутствие первого тома делает невозможным оценить, какие расчеты брались для проектирования рабочего поселка, какие показатели изменились по сравнению с генпланом 1940 г. Визуально генплан 1948 г. повторял черты предыдущего генплана. Центральную и восточную части занимает регулярная прямоугольная сетка кварталов. Улицы и проезды начерчены тонкими линиями. В верхней (северной) части плана параллельно берегу проходит линия железной дороги. Между железной дорогой и жилыми кварталами выделены крупные серо-коричневые массивы промышленных зон, что характерно для советских городов с градообразующими предприятиями. Подробное описание генерального плана 1948 г. приведено Г. В. Перевозчиковой⁸, которая называет его первым генеральным планом.

Замена проектной организации (Харьковское отделение на Ленинградское) — смена архитектурно-философской парадигмы. Если харьковский проект 1948 г. утилитарно-инженерный, то ленинградский привнес в Чебаркуль столичный, репрезентативный подход: четкие анфилады площадей, перспективные замыкания улиц Дворцом культуры, проработка курдонеров. Это свидетельствует о том, что к 1952 г. Чебаркуль начинает восприниматься властью как полноценный административный и культурный центр района. Однако именно эта «ленинградская парадность» станет позже жертвой постановления 1955 г.

Частично строительство по генпланам 1940 и 1948 гг. было осуществлено, большинство построенных в этот период домов расположено на ул. Ленина, на участке от предзаводской площади до пл. Ленина. Большинство домов, постро-

енных в 1940–1948 гг., двухэтажные, и лишь на центральной улице вблизи пл. Ленина дома имеют повышение до трех-четырёх этажей.

Научная ценность генплана заключается в классической демонстрации принципа функционального зонирования, господствовавшего в советском градостроении (в частности, в эпоху индустриализации и послевоенного восстановления). План показывает разделение города на основные блоки: промышленную зону (на севере, с выходом к железной дороге), селитебную зону с развитой прямоугольной планировкой и прибрежную рекреационную зону.

Только после окончания Великой Отечественной войны, полного пуска завода и завершения восстановительных работ началось плановое благоустройство. Завод № 701 (позже — Чебаркульский металлургический завод) стал градообразующим предприятием. Он не только давал рабочие места, но и строил жилье, детские сады, школы, больницы.

В 1951 г. Чебаркуль из рабочего поселка преобразовали в город районного подчинения. В деле о преобразовании⁹ имеются следующие данные:

1. Население 20 505 человек (только пос. Чебаркуль).

2. Промышленность: металлургический завод (3467 рабочих), литейно-механический завод (466), управление «Чебаркульстрой» треста «Стальстрой» (520); всего служащих и рабочих более 8500 человек. Местная промышленность: рыбозавод, завод по переработке молока, райпромкомбинат, райпищекомбинат, две промартели.

3. Всего жилых домов 1681 (жилая площадь 83 065 кв. м), домов, принадлежащих местному Совету, — 53, ведомствам — 381 (жилая площадь 45 625 кв. м), частных — 1247. План ввода в эксплуатацию на 1951 г. — восемь двухэтажных домов.

4. Социальная и культурная инфраструктура: два клуба на 750 мест, кинотеатр на 220 мест, две больницы на 280 коек, 12 школ (3910 учащихся), шесть детских садов, пять яслей, шесть библиотек, поликлиника, противоэпидемическая станция, аптеки, женско-детские консультации, ремесленное училище, баня, прачечная, хлебозавод, гостиница, дом колхозника.

Городской статус потребовал пересмотра градостроительной документации. Архитектурный облик, заложенный в генплане 1948 г., уже не в полной мере соответствовал требованиям к городу районного подчинения. Возникла необходимость разработки новых архитектурных ансамблей, которые визуально закрепили бы переход от рабочего поселка к городу. Ключевым направлением работы архитекторов в этот период становится борьба со стихийностью застройки и формирование репрезентативного центра.

В 1952 г. Ленинградским отделением Горстройпроекта был разработан эскизный проект застройки района, прилегающего к ул. Пугаче-

ва¹⁰. На основе данного эскизного проекта в 1954 г. был разработан проект детальной планировки центральной части города¹¹. Проектом предусматривалась застройка кварталов, примыкающих к основной магистрали города — ул. Пугачева, по обе стороны.

Композиционной основой эскизного проекта выступает строгая регулярная планировка. Территория города разделена крупными магистралями на обширные прямоугольные кварталы. Внутренняя структура этих кварталов продумана с учетом принципов социального жилья: здания сгруппированы по периметру, формируя замкнутые или полукруглые дворовые пространства. Значительное внимание на плане уделено озеленению и благоустройству: между жилыми массивами проложены широкие парковые бульвары, а в верхней правой части города запроектирован крупный городской парк с круглой видовой площадкой (предзаводская площадь) и системой радиально расходящихся дорог, что характерно для Ленинградской школы градостроительства.

На ул. Пугачева планировалась трех-четырехэтажная застройка (типовые секции)¹², на второстепенных улицах — двухэтажная. Главная улица получала высотные акценты и парадное решение, с торговыми и бытовыми помещениями в первых этажах. Второй магистралью стала ул. Вокзальная (бульварного типа) — от вокзала к центральной площади, — которую замыкал Дом культуры. Проект предусматривал четыре площади¹³: две въездные, центральную и полукруглую. На центральной размещались Дворец культуры, горсовет, учреждения, универмаг и гостиница с рестораном. Вокзальную улицу застраивали трехэтажными домами, оформляя подход к центру.

В 1955 г. утвержден проект застройки восточной стороны ул. Вокзальной¹⁴ (заказчик — Чебаркульский литейно-механический завод). От бульварного типа отказались в пользу трехэтажных типовых зданий с полным инженерным обеспечением. Выходы на площади закреплялись угловыми домами повышенной этажности, разрывы между зданиями заполнялись каменными вставками. Застройка — строчная, с блокировкой домов по две-три секции, использованы три типа домов серии 1-255. Внутриквартальные пространства озеленялись и благоустраивались.

Графика 1954¹⁵ г. показывает главные площади города. Центральная площадь показана с двух ракурсов: с высоты — Дом культуры с портиком и колоннами (образец классицизма) напротив углового дома с башней и шпилем (сталинский стиль); с уровня пешехода — тот же угловой дом с рустовкой, лепниной и шпилем со звездой, а слева — дом с портиком и балконами (реализован частично, без портика). Полукруглая площадь показана двумя скругленными четырехэтажными корпусами с рустовкой и арками, соединенными арочной вставкой; между ними бульвар. Здания не реализованы, заменены трехэтажными угловыми; дома напротив построены в соответствии

с проектом. Въездная площадь со стороны озера: два симметричных трехэтажных дома с четырехэтажными башнями-шпилями, образующие курдонер и эффект «пропилей». Площадь не реализована.

В ноябре 1955 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»¹⁶, которое завершило эпоху сталинского ампира в советской архитектуре. Данным постановлением было положено начало ориентации на экономию ресурсов и типовое строительство, что в масштабах страны привело к появлению панельных домов — «хрущевок».

Чебаркульский кейс уникально демонстрирует внезапный разрыв между замыслом и реализацией, произошедший из-за этого норматива. Пышные генеральные планы 1952–1954 гг., отраженные в проектных отмычках, предусматривали создание полноценного городского центра с башнями, шпилями и классическими портиками. Однако, как следует из анализа графических материалов, реальная застройка города оказалась значительно скромнее: угловой дом на центральной площади утратил и башню, и шпиль, превратившись в рядовую «хрущевку», а полукруглая площадь вместо ансамбля скругленных корпусов обзавелась отдельными трехэтажными зданиями. Наиболее показательным стал отказ от строительства башенных доминант на въездной площади со стороны озера, которые так и остались на бумаге. Чебаркуль, таким образом, не только отразил, но и в буквальном смысле заострил ключевой принцип перехода от сталинской архитектуры к хрущевской — замену дорогостоящих архитектурных амбиций прагматичной, но лишённой яркой индивидуальности типовой застройкой.

Постановление 1955 г. стало переломным, сменив сталинскую «представительскую» архитектуру парадных фасадов на хрущевскую «потребительскую», ориентированную на быстрый и дешевый ввод квадратных метров. В Чебаркуле это выразилось в замене запроектированных башен и портиков типовыми «хрущевками», что наглядно отразило общесоюзный переход от идеологии «витрины» к идеологии «конвейера» жилья.

Из проектных отмычек 1954 г. реально воплощены лишь два узла. Ближе всего к замыслу — юго-западная сторона полукруглой площади (ныне пл. Комсомольская), центральная площадь реализована частично и беднее. Угловой дом со шпилем построен без башни, в типовой стилистике «хрущевки» — высотный акцент утерян. Противостоящее здание лишилось полуколонн и портика, остался только декоративный фронтон над балконом.

Помимо отмычек к проекту 1954 г. сохранилась развертка ул. Пугачева и Вокзальной. Развертка наиболее полно отображает архитектуру улиц, фиксируя абсолютно все фасады зданий. Она полезна для сравнения проектных и постро-

енных зданий. Места, совпадающие с отмывками, в описании развертки не повторяются. Также сохранились развертки к проекту 1948 г. Развертка разделена на две части: юго-восточную и северо-западную. Над некоторыми зданиями присутствуют карандашные пометки: например, «школа», «фото есть», «фото нет», «изменено», «фото есть, изменений нет»; в некоторых местах этаж здания зачеркнут штриховкой.

На развертке юго-восточной части присутствуют (и реализованы без существенных изменений): школа № 2, дома по правую и левую сторонам от кинотеатра, Комсомольская площадь (прямоугольная часть полукруглой площади). Здесь же на развертке изображен главный фасад кинотеатра, здание утоплено вглубь квартала, за счет чего перед зданием образована площадь. Генпланом 1940 г. именно в этом месте задумывалась главная площадь города.

Развертки 1948 и 1954 гг. очень интересны в сравнении. Для этого взята развертка правой стороны ул. Пугачева. Первая создана Харьковским отделением Государственного проектного института (ГПИ), вторая — Ленинградским. Развертка 1948 г. более схематична, отображает лишь главные силуэты; развертка 1954 г. более детализирована и включает элементы декора. План 1948 г. — это эскизный чертеж, снизу введена строгая разметка с указанием номеров кварталов (например, «Квартал 29», «Квартал 30»). План 1954 г. — это чистовой рабочий проект. Четко прорисованы все линии, фасады зданий детальные.

За шесть лет проектировщики доработали и уточнили проект: добавили озеленение (деревья), внесли коррективы в левую «парадную» часть улицы (увеличение шпиля) и перевели развертку из состояния эскиза в полноценный архитектурный рабочий чертеж с уточненной детализацией.

Однако за этими сугубо графическими правками стоит более глубокая смена визуально-сيميотической программы. Увеличение шпиля в левой части развертки — это не просто архитектурный декор, а высокосимволический жест. Шпиль — символ вертикали, устремленности вверх, характерный для сталинского ампира 1940-х гг. с его акцентом на высотные доминанты, призванные «пронзать небо» и демонстрировать мощь государства. Это изменение говорит о том, что к 1954 г. концепция центра города смещается: он должен был стать не просто точкой притяжения с башней-ориентиром, а «линейным фронтом», раскрывающим город в сторону природного ландшафта. Одновременно появление детальной прорисовки озеленения свидетельствует о переходе от сугубо инженерного мышления (план 1948 г. — эскиз, кварталы как номера) к ансамблевому градостроительству (план 1954 г. — город как среда обитания с бульварами и кронами деревьев). Однако именно этот, более сложный, гуманизированный фронт и не будет реализован — он станет жертвой грядущего поворота к экономии.

Переход от статуса рабочего поселка к городу требовал создания нового визуального нарратива: на смену утилитарной сетке барачных кварталов должен был прийти парадный фасад, обращенный к озеру и главным магистралям. Однако реальная застройка Чебаркуля в 1950-е гг. неслала отпечаток двойственности. Формально став городом, он еще долго оставался в архитектурном отношении «рабочим поселком» с отдельными вкраплениями капитальной застройки. Заводское жилищное строительство велось преимущественно в формах упрощенного неоклассицизма или типовых секций, экономически более выгодных, чем уникальные проекты с башнями и аркадами. Проект Дома культуры остался композиционным центром, но застройка площади растянулась на годы, а угловой дом-доминанта так и не был реализован.

Анализ графического комплекса документов доказывает, что визуальные источники обладают не меньшей информационной ценностью, чем текстовые: они фиксируют идеальный образ, который власть и архитекторы стремились транслировать, в то время как сметы и акты приемки описывают суровую реальность. Именно в этом несовпадении «бумажного города» и «города реального» кроется главная драма Чебаркуля как историко-архитектурного феномена.

Чебаркуль — яркий пример того, как завод и генеральный план изменили административный статус, архитектурный облик и идентичность города. Изучая генплан 1940 г., мы видим не просто чертеж — мы видим надежды поколения, которое верило, что уральское село может превратиться в город-сад у озера. Архив позволяет нам сегодня заново «спроектировать» понимание того, что такое уральский малый город середины XX в. — с его героикой, трагедией и повседневностью. Поэтому обращение к градостроительной и административной документации — это не узкоспециальная задача. Это способ вернуть архиву его полноценную роль соавтора городской идентичности и памяти.

Кейс Чебаркуля уникален тем, что наглядно демонстрирует «кальку» между идеальным текстом и суровым контекстом. В отличие от столичных городов (Москва, Ленинград), где сталинские проекты все же были реализованы, в малом уральском городе разрыв между генпланом и реальностью достиг максимума. Это доказывает, что инерция идеологического запроса (на создание «образцового социалистического города») сталкивалась с непреодолимым сопротивлением ресурсной базы моногорода, целиком зависимого от градообразующего завода. Завод № 701 был не просто работодателем, а агентом строительства: он выделял средства, он же определял приоритеты. И когда постановление 1955 г. запретило «излишества», завод ухватился за типовые серии — они были дешевле и позволяли быстрее вводить жилье для своих рабочих.

Таким образом, чебаркульские архивы позволяют увидеть не просто историю отдельного го-

рода, а механизм функционирования всей советской градостроительной системы в провинции: грандиозные замыслы «сверху» неизбежно деформировались и упрощались «снизу» — в сметах, типовых проектах и ведомственных интересах. Это делает Чебаркуль не исключением, а «увеличительным стеклом» для изучения урбанизации всей уральской индустриальной периферии, где героика послевоенного восстановления соседствовала с повседневной борьбой за ресурсы.

Примечания

¹ Кусков С. А. История административно-территориального деления Чебаркульского района (советский период). URL: https://web.archive.org/web/20190515235722/http://samlib.ru/k/kuskow_sergej_aleksandrowich/ghjfh.shtml

² Матвеев Д. Е. Влияние процесса индустриализации на урбанизацию села Чебаркуль в 1939–1940 годах // Архив в социуме — социум в архиве : материалы седьмой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2024.

³ Там же.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1284. Оп. 3. Д. 1. Л. 34.

⁵ Там же. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1462. Л. 56.

⁶ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 144. Л. 1–2.

⁷ ОГАЧО Ф. Р-274. Оп. 3 д. 2065. Л. 587–595.

⁸ Чебаркуль и Чебаркульский район : энциклопедия. Челябинск, 2016. С. 127.

⁹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 1926. Л. 1–4.

¹⁰ Эскизный проект застройки района, прилегающего к ул. Пугачева в г. Чебаркуль. ГПИ «Горстройпроект», Ленинградское отделение. 1952 г.

¹¹ Проект детальной планировки центральной части города. Т. 1: Архитектурно-планировочная часть. ГПИ «Горстройпроект», Ленинградское отделение. 1954 г.

¹² Там же.

¹³ Эскизный проект застройки района ... Л. 21.

¹⁴ Детальный проект застройки Восточной стороны ул. Вокзальной. Челябинскметаллургстрой, 1955.

¹⁵ Там же. Л. 72.

¹⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1985. Т. 8. С. 532 ; Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (извлечение). 4 ноября 1955 г. // Правда. 1955. 10 нояб.

А. А. Коспалова

История жемчужины таежного Зауралья в архивных документах Югры (к 50-летию со дня создания государственного природного заповедника «Малая Сосьва» имени В. В. Раевского)

В начале XX в. интеллектуальная элита страны, понимая необходимость проведения последовательной природоохранной политики, заложила идеи заповедного дела, которые стали фундаментом будущей системы особо охраняемых природных территорий в стране. Их история в Югре имеет глубокие корни. Коренные народности ханты и манси издревле создавали своеобразные заповедники в виде «святых мест» («ём-тахе» или «ёмынг-тагат»), которые считались неприкосновенными, находились во владении шаманов и тщательно оберегались. Помимо чисто ритуального они имели хозяйственно-промысловое значение, являясь резерватом для естественного воспроизводства зверя, сохранения фауны и флоры. Это были первые шаги по сохранению животного и растительного мира.

Становление заповедного дела в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на протяжении последнего столетия пережило Великую Отечественную войну, репрессии и экономические катаклизмы. Сегодня на территории Югры расположены 26 особо охраняемых территорий: 4 природных парка, 12 памятников природы, 8 заказников и 2 государственных природных заповедника: «Юганский» и «Малая Сосьва».

Заповедник «Малая Сосьва» стал преемником Кондо-Сосвинского заповедника. О значимости последнего в свое время написал в очерке «Кондо-Сосвинский эксперимент» ученый-биолог, охотовед, один из создателей системы заповедников в Советском Союзе Ф. Р. Штильмарк:

...Кондо-Сосвинский очаг обитания речных бобров единственное в Западной Сибири место, где

уцелели исконные четвероногие строители. В начале нашего века это был самый крупный очаг обитания бобров во всей Евразии, хотя в его существование многие зоологи даже не хотели верить. Ведь речной бобр — не таежный обитатель, он предпочитает зону смешанных и широколиственных лесов. Но на Конде и на Малой Сосьве, где совсем нет излюбленной бобрами осины, эти звери все-таки сохранились, потому что кондо-сосвинские края оказались недоступными для пришлых охотников¹.

Российский орнитолог, охотничий биолог, доктор биологических наук, профессор В. Н. Скалон выдвигает еще одну версию сохранения бобровой популяции на данной территории: местные жители скрывали местонахождение бобров от пришлых русских охотников, так как считали этого зверя священным животным и широко использовали продукцию бобровой охоты, которую вели ограниченно, в ритуальных обрядовых целях.

В бассейне р. Конды и Сосьвы были популяции не только бобра, но и соболя, численность которого в первой четверти XX в. стала сокращаться. В газете Остяко-Вогульского национального округа «Остяко-Вогульская правда» в октябре 1940 г. была напечатана статья В. Н. Скалона «Соболь в Остяко-Вогульском округе», в которой он писал, что в 1927 г. был объявлен первый запрет добычи соболя на пять лет. Но в 1934 г., после снятия запрета, популяция вновь стала сокращаться. «Потребовалось объявление нового пятилетнего запрета промысла соболя, который и был объявлен в 1934 году», — пишет автор статьи².

Правы оба исследователя. Их версии о сохранении бобровой популяции были учтены

в процессе основания заповедника и сохранения крупного очага обитания бобров в кондо-сосвинских лесах.

Уникальная история заповедника с трагическими нотками, но со счастливым концом, началась в 1926–1927 гг., когда в район водораздела верховьев Конды, Большой и Малой Сосьвы был командирован заведующий отделом охоты Тобольского окружного земельного управления, биолог, эколог и охотовед Василий Владимирович Васильев.

Из отчетной докладной записки в Тобольскую окружную плановую комиссию по обследованию водоразделов р. Конды, Большой и Малой Сосьвы, произведенному в 1926–1927 гг., мы узнаем о содержании командировочного задания Тобольской окружной плановой комиссии, выписанного В. В. Васильеву, включающего четыре пункта: характеристика лесных массивов с точки зрения кормовых запасов данного района и возможности эксплуатации лесов; определение запасов пушного зверя; выявление экономического положения местного населения; точное определение и обозначение на карте отдельных мест указанного района в целях выбора мест для установления заказника³.

В. В. Васильев выехал в командировку 4 сентября 1926 г., возвратился в Тобольск 4 февраля. В отчетной докладной записке Васильев писал:

Всего на обследование затрачено мною, с дорогой туда и обратно, 5 месяцев. За это время пройдено расстояние: на пароходе 900 верст; на лодке до 800 верст; пешком и на лыжах до 800 верст; на оленях до 600 верст и на лошадях до 900 верст — всего до 4000 верст, из них приблизительно половина падает на дорогу к месту обследования.

Условия обследования были крайне тяжелыми. Не имея средств нанять проводника-нартощика он вынужден был ходить по 100–120 верст пешком и неделями жил один под открытым небом, несмотря на приближающиеся морозы.

На вершине р. Конды пришлось голодать. При поездке на р. Тапсуй поморозил пальцы ног; но особенное мучение доставляло большое количество насекомых всех родов оружия, наполняющих остяцкие юрты⁴.

В выводах по итогам обследования он утверждает, что организация заказника ничего не даст. Для охраны исчезающего бобра единственно правильной мерой, достигающей своей цели, будет учреждение заповедника. «Доказывать необходимость организации бобрового заповедника нет надобности», — пишет В. В. Васильев в заключении⁵.

Только благодаря безмерной вере В. В. Васильева в целесообразность своего замысла удалось создать первый на территории Западной Сибири заповедник. Пятнадцатого июня 1928 г. было принято решение президиума Тобольского окрисполкома о создании Северо-Уральского государственного боброво-соболиного охотничьего

заповедника. Двадцать шестого апреля 1929 г. коллегия Наркомзема РСФСР утвердила организацию заповедника, границы которого устанавливались достаточно долго, что подтверждают архивные документы. В ноябре 1934 г. заповеднику присвоили общегосударственное значение и переименовали в Кондо-Сосвинский. Первым директором стал В. В. Васильев.

В архиве заповедника «Малая Сосьва» хранится самая первая карта Кондо-Сосвинского заповедника, составленная В. В. Васильевым, на которой подробно воспроизведены все особенности огромной заповедной территории. Вера Нюхалова в книге «Осколки таежного рая» пишет:

Эта карта дорогого стоит. На ней точно нанесены юрты с населением промыслового характера, кордоны заповедника, промысловые избушки, поселения сельскохозяйственного характера, промысловые тропы, речки, доступные на мелководных лодках, дороги оленные, существующие в зимний период, границы заповедника⁶.

Как научное и природоохранное учреждение заповедник стал работать с 1939 г., когда директором был назначен Я. Ф. Самарин. Ф. Р. Штильмарк в очерке «Кондо-Сосвинский эксперимент» отмечает:

В глубинном поселке Хангакурт (центральная усадьба, где находилось управление заповедника) удалось создать не только жилье, метеостанцию, хорошую библиотеку, музей природы, но и школу, амбулаторию, почту с радиостанцией, то есть подлинный культурный центр, который имел большое значение для улучшения быта местного населения⁷.

На первом этапе (1929–1933) были организованы зообаза и вольерное содержание бобров, произведена акклиматизация ондатры, американской норки. Планировались выпуски белки-телеутки и скотовидной собаки.

Как научное и природоохранное учреждение заповедник стал работать позже. В 1939 г. директором был назначен Я. Ф. Самарин. Период с 1939 по 1941 г. был самым плодотворным в истории заповедника, о чем свидетельствуют как опубликованные, так и рукописные материалы.

Достоинно трудился научный коллектив заповедника в предвоенные и суровые военные годы. Была завершена многолетняя тема В. В. Раевского по экологии соболя, результатом чего явилась его известная монография «Жизнь Кондо-Сосвинского соболя». Научными сотрудниками заповедника были собраны уникальные коллекции растений, животных и насекомых. В 1941 г. вышел из печати первый том «Трудов Кондо-Сосвинского заповедника» с работой В. В. Васильева, В. В. Раевского и З. И. Георгиевской «Речные бобры и соболи в Кондо-Сосвинском государственном заповеднике». Научные сотрудники заповедника супруги К. В. Гарновский и Е. В. Дорого-стайская закончили инвентаризацию цветковых

растений и описание растительности заповедника. Была издана брошюра В. В. Васильева «Ондатра» (результаты ее акклиматизации в Кондо-Сосвинском заповеднике).

Условия, в которых приходилось работать, были тяжелыми. В письме к своему брату К. В. Гарновский в феврале 1940 г. писал об удаленности центральной усадьбы заповедника от всего цивилизованного мира, подчеркивая, что людей они здесь вообще не видят: до ближайшей почты 180 км, до сельсовета — 280 км, если ехать без дороги на оленях по снегу напрямую, до ближайшего г. Березова — 350–370 км. «Сооруди для меня посылку. Главное — пошли бумаги. Писать тут не на чем. Волками воюем — ни у кого нет бумаги. Пишем на старых газетах, на обоях», — обращается к брату К. В. Гарновский в феврале 1941 г.⁸

Наиболее трудными для заповедника оказались послевоенные годы. В 1946 г. работали всего два научных сотрудника — В. В. Раевский и З. И. Георгиевская, причем В. В. Раевский был тяжело болен. В 1948 г. в связи с отсутствием в заповеднике ученых научная работа не проводилась.

Ученые довоенного, военного и послевоенного периодов были настоящими подвижниками и патриотами. Они сохранили преданность не только заповедной науке, но и древней земле ханты и манси, которая стала для многих из них второй малой родиной, а для кого-то и последним пристанищем. Весной 1947 г. в возрасте 38 лет здесь скончался зоолог В. В. Раевский. Он был похоронен на кладбище недалеко от Хангокурта — бывшей центральной усадьбы Кондо-Сосвинского заповедника. На мраморной доске выгравированы слова: «Раевский Вадим Вадимович. 1909–1947. Зоолог Кондо-Сосвинского заповедника. Он жил здесь, работал и умер, отдав все свои силы сохранению природы этого края».

Кронид Всеволодович Гарновский умер в 1988 г. в Ленинграде. По завещанию урна с его прахом была захоронена на таежном кладбище в окрестностях Хангокурта. В 1993 г. его супруга Евгения Дорогостайская издала законченный вариант книги воспоминаний мужа «В Кондо-Сосвинском заповеднике. 1940–1945». Один экземпляр книги она передала в Государственный архив Югры. По завещанию Евгении Витальевны ее прах в 1999 г. был захоронен на кладбище Хангокурта рядом с прахом мужа.

В исторической справке о Кондо-Сосвинском заповеднике Ф. Р. Штильмарк, советский и российский ученый, эколог, охотовед и писатель, один из ключевых деятелей в становлении системы заповедников в СССР и России, пишет, что нельзя забыть и о тех людях, которые во многом содействовали выполнению научных исследований, хотя имена их остались мало известными. Это наблюдатели и работники охраны:

работали в заповеднике наблюдателями. Как хорошие следопыты и охотники, они немало содействовали изучению фаунистического состава зверей и птиц⁹.

В августе 1951 г. в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 29 августа 1951 г. № 3192 и Совета министров РСФСР от 10 сентября 1951 г. № 1085 число заповедников в стране сократилось с 128 до 40, их площадь уменьшилась с 12,5 тыс. га до 1,466 тыс. га. Был ликвидирован и Кондо-Сосвинский заповедник — в Ханты-Мансийском национальном округе закончился первый этап развития особо охраняемых территорий.

Ликвидация заповедника впоследствии привела к плачевным результатам. В 1960–1970-х гг. Ф. Р. Штильмарк в документе «О борьбе общественности за возрождение Кондо-Сосвинского заповедника» писал:

Да, сегодня здесь край браконьерского раздолья и об этом надо сказать в полный голос. Бьют всех и вся — летнего соболя и неоперенных птиц, бьют оленей с вертолетов, глушат взрывчаткой рыбу. Хоть с опаской, но бьют и бобра. Процветает «черный» пушной рынок¹⁰.

В 1971 г. начался второй этап развития заповедных территорий в Ханты-Мансийском автономном округе. Вопрос о восстановлении Кондо-Сосвинского заповедника поднимался неоднократно. Так, в 1972 г. доктор биологических наук Т. В. Гагина в статье «Сохранить “Малую Сосьву”» писала:

Закрытие Кондо-Сосвинского заповедника можно назвать самым позорным фактом из компании по уничтожению заповедников. Я получаю письма от студентов-охотоведов и выпускников о том, что истребление бобров продолжается. Думается, что директивные органы РСФСР не замедлят с надлежащим решением этого неотложного вопроса¹¹.

Заручившись поддержкой местных районных организаций, Кондо-Сосвинская комплексная проектно-изыскательская партия в составе специалистов Центральной научно-исследовательской лаборатории Главохоты РСФСР Б. П. Ивашенко, Ф. Р. Штильмарка, А. В. Панова, Н. К. Носковой и проводников — местных жителей Ф. Бельбердина, О. А. Тамма и К. А. Дунаева, летом — осенью 1970 г. провела обследование территории в бассейнах р. Конды и Малой Сосьвы. В результате работ был предложен проект создания заповедника в бассейне Малой Сосьвы площадью около 300 тыс. га и государственного заказника в бассейне Конды площадью 250 тыс. га. В 1971 г. распоряжением Совета министров РСФСР заказник был создан, а проект создания заповедника отклонен. Карты-схемы проектируемого государственного заповедника с вариантами организации границ хранятся в Государственном архиве Югры¹².

В январе 1974 г. профессор В. Н. Скалон направил письмо в Совет министров РСФСР, пре-

Местные жители ханты — А. А. Ячигин, Г. Я. Сумрин, М. А. Маремьянин, манси — Дунаевы, Езины

зидиум Всероссийского общества охраны природы, которое завершил словами:

Сколько уже лет я, бывший работник и зав. научной частью бобрового заповедника, стараюсь что-то сделать, а толку нет. И все же снова поднимаю я голос в поддержку тех, кто еще продолжает самоотверженно бороться за спасение уральских бобров. Кондо-Сосвинский заповедник должен быть восстановлен, во что бы то ни стало.

Большую роль в борьбе за открытие заповедника сыграл Михаил Тимофеевич Яковлев, почетный гражданин Советского района, внештатный корреспондент районной газеты «Путь Октября», окружной газеты «Новости Югры», краевед и активный общественник. В течение десяти лет он избирался депутатом Пионерского поселкового совета. Используя силу печатного слова и статус депутата, как мог, оказывал влияние на принятие положительного решения в вопросе открытия заповедника.

Благодаря общим усилиям ученых, экологов, общественности 17 февраля 1976 г. было создано ФГБУ «Государственный природный заповедник «Малая Сосьва»», но на значительно сокращенной площади — лишь на 92 га.

Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 24 марта 2017 г. № 129 государственному заповеднику «Малая Сосьва», который принял эстафету от Кондо-Сосвинского заповедника, присвоено имя В. В. Раевского. Одной из улиц г. Советского, где находится офис заповедника «Малая Сосьва», присвоено имя Вадима Вадимовича Раевского — натуралиста-исследователя, автора 20 научных работ, внесшего большой вклад в дело изучения и охраны природы.

Первым директором заповедника «Малая Сосьва» им. В. В. Раевского» был назначен Леонид Федорович Шашкевич, заслуженный эколог РФ, почетный полярник, почетный гражданин Советского района, мастер спорта СССР, член Союза фотохудожников России. По его инициативе в 1983 г. в Главохоту РСФСР было внесено предложение о расширении границ заповедника. В 1986 г. приказом Главохоты РСФСР научным руководителем проекта по расширению границ заповедника был назначен Александр Михайлович Васин, сотрудник заповедника, отличник охраны природы РФ, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа, заслуженный эколог РФ. В результате проектно-исследовательских работ по расширению границ, проводимых в 1993 г. под руководством Шашкевича, распоряжением Правительства РФ площадь заповедника была увеличена до 225,5 га.

Большой вклад в становление заповедника и организацию его научной деятельности внесли супруги Васиных. Александр Михайлович Васин начал работать в заповеднике в 1977 г. старшим научным сотрудником, с 1981 по 2015 г. являлся заместителем директора по научной работе. Объемом его исследований стал западносибирский

речной бобр, занесенный в Красную книгу РФ. Александр Михайлович является автором почти 80 научных работ, членом редакторского коллектива монографии «Позвоночные животные заповедника «Малая Сосьва»», ряда научно-популярных изданий (книг, фотоальбомов) о заповеднике «Малая Сосьва» и заказнике «Верхне-Кондинский».

Александр Михайлович Васин — отличник охраны природы РФ, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа, заслуженный эколог РФ. Его супруга Александра Леонидовна, кандидат биологических наук, заслуженный эколог Ханты-Мансийского автономного округа, трудилась вместе с мужем. Она автор и член авторских коллективов около 300 научных работ, в том числе монографических: «Сосудистые растения заповедника «Малая Сосьва»», «Определитель растений Ханты-Мансийского автономного округа», «Современное состояние биологического разнообразия на заповедных территориях России». В настоящее время она заместитель директора заповедника «Малая Сосьва».

Во вновь созданном заповеднике «Малая Сосьва» в конце 1970-х гг. существовали серьезные проблемы, требующие неотложного решения. Одна из них — обеспечение охраны территории. Охранников катастрофически не хватало. Большую помощь заповеднику, как и сто лет назад, оказывали представители коренного населения. В ходе изучения архивных документов удалось выявить трудовую династию работников заповедного дела. Основатель династии Кирилл Андреевич Дунаев (1932–2005) — представитель народа манси, потомственный таежник. В подростковом возрасте жил в Хангокурте, на центральной усадьбе Кондо-Сосвинского заповедника. После закрытия заповедника в 1951 г. работал охотником в Березовском охотничьем хозяйстве. Помогал участникам проектно-исследовательской экспедиции Главохоты РСФСР, работая проводником, когда проектировали заповедник «Малая Сосьва» и заказник «Верхне-Кондинский». В 1971 г. был принят егерем в его штат. В 1976 г. перешел в только что организованный заповедник «Малая Сосьва», где работал лесником-наблюдателем до 2002 г.

Его сын Павел Кириллович Дунаев, продолжатель трудовой династии, проработал природоохранным инспектором в «Малой Сосьве» 35 лет. Именно ему принадлежит идея назвать заповедник «Малая Сосьва». Павел Кириллович в настоящее время находится на заслуженном отдыхе и проживает в г. Советском Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Общий трудовой стаж династии составляет более 80 лет.

На территории современной «Малой Сосьвы» сегодня зарегистрированы: 41 вид млекопитающих, 214 видов птиц, 1 вид рептилий, 2 вида амфибий, 17 видов рыб, 417 видов сосудистых растений, 148 видов мохообразных, 183 вида лишайников, 425 видов грибов — макро- и микромицетов. При заповеднике создан Музей природы. Учреждение тесно сотрудничает не только с ор-

ганизациями и учреждениями Югры, но и с природоохранными организациями, исследовательскими центрами регионов России.

В Государственном архиве Югры к 50-летию заповедника в марте 2026 г. экспонировалась документальная выставка «Жемчужина таежного Зауралья», в основу которой легли документы, переданные в Государственный архив Югры учеными Ф. Р. Штильмарком, К. В. Гарновским и Е. В. Дорогостайской. Партнером выставки выступил заповедник «Малая Сосьва», предоставив на время ее проведения музейные экспонаты, видеозаписи, сувенирную продукцию. Среди посетителей выставки были директор заповедника «Малая Сосьва» Борис Витальевич Предит (г. Советский), сотрудники природного парка «Самаровский Чугас», предприятий и организаций, обучающиеся образовательных учреждений.

Виртуальная версия выставки размещена на официальном сайте Государственного архива Югры.

Документы по истории жемчужины таежного Зауралья, хранящиеся в фондах Государственного архива Югры, несомненно, будут использованы не одним поколением исследователей заповедного дела.

Примечания

¹ Государственный архив Югры. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

² Там же. Д. 35. Л. 3.

³ Там же. Д. 239. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 22.

⁶ Нюхалова В. М. Осколки таежного рая. Ханты-Мансийск, 2020.

⁷ Государственный архив Югры. Ф. 421. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 70.

⁹ Там же. Д. 4. Л. 12.

¹⁰ Там же. Д. 10. Л. 36.

¹¹ Там же. Д. 239. Л. 79.

¹² Там же. Д. 3. Л. 1.

Н. Н. Макарова, К. Д. Рыжова

История создания и архитектурные особенности Правобережного вокзала города Магнитогорска

Развитая сеть железных дорог на Урале играет ключевую роль в перемещении населения по территории страны. Выбирая данный вид транспорта и начиная свой путь, пассажир первым делом встречается с вокзалом. Такое сооружение является важным градостроительным объектом. Помимо создания удобств для пассажиров оно выполняет еще одну важную функцию — становится визитной карточкой города.

В преддверии столетия Магнитогорска особое значение приобретает изучение истории города, его символов и архитектурных памятников. Именно поэтому обращение к прошлому Правобережного вокзала — одной из визитных карточек города — становится особенно актуальным. Это продиктовано не только приближающимся юбилеем Магнитогорска, но и современной ситуацией, связанной с его благоустройством. В настоящее время ведется спор между администрацией города и руководством вокзала о предстоящем ремонте здания. Проблема заключается в разделении земельных участков: одна часть территории принадлежит городу, другая — вокзалу (РЖД). Это препятствует началу работ по благоустройству. Однако вокзал и привокзальная площадь обладают уникальной архитектурой, поэтому любое проектное решение должно учитывать их историко-архитектурную ценность. Следовательно, обращение к истории вокзала становится практической необходимостью.

В связи с этим особенно важно обратиться к истории создания Правобережного вокзала Магнитогорска. В 1956 г. был утвержден план строительства нового магнитогорского вокзала. Согласно плану, вокзал должен был располагаться в северо-западной части Правобережного района, в конце пр. Сталина (ныне пр. Ленина) и пр. Карла Маркса. По проекту, здание вокзала пред-

полагалось двухэтажным, объемом 20 тыс. кубометров. На первом этаже планировалось возвести два просторных зала для пассажиров, на втором разместить комнаты отдыха. Также в здании вокзала предполагался комфортабельный ресторан. Кроме того, проектом предусматривалось сооружение отдельных залов для пассажиров пригородных поездов, а также специальных залов для пассажиров дальнего следования (на 900 человек) и ближнего следования (на 300)¹.

После утверждения плана началось долгожданное строительство, и за шесть лет был возведен новый вокзал. В периодической печати вышла новость о том, что 5 июля 1962 г. в Правобережном районе вступил в строй новый двухэтажный вокзал. Как и планировалось, вокзал был комфортабельным. Здесь были оборудованы уютные комнаты отдыха, залы ожидания, кассовые залы, комната матери и ребенка, ресторан, медицинские кабинеты, камера хранения, парикмахерская, служебные и подсобные помещения².

Следует отметить, что проект не был полностью реализован. Первоначальный замысел — более величественного и просторного вокзала — так и не воплотился в жизнь. Например, вместо запланированных больших залов для пассажиров дальнего следования на 900 человек были возведены лишь небольшие залы ожидания на не более чем 300 человек.

После того как история строительства была восстановлена, необходимо обратиться к архитектурному облику здания. По архитектурному стилю здание вокзала принадлежит к сталинскому классицизму, который также называют сталинским ампиrom. Сталинский ампиr — это стиль 1950-х гг., возникший в эпоху И. В. Сталина. Он вобрал в себя черты французского ампира, а также элементы барокко и классицизма.

Решение о необходимости создания нового стиля было сформулировано на Всесоюзном собрании советских архитекторов, которое прошло в 1934 г. Сталинский ампи́р создавался для воплощения веры в основные передовые идеи коммунизма.

Выделяют несколько отличительных черт сталинского ампи́ра. В архитектуре Правобережного вокзала Магнитогорска прослеживаются многие из них. Здание сочетало в себе достижения архитектуры, скульптуры и живописи, связывая их в единый ансамбль. Так была сформирована привокзальная площадь, от которой отходят две главные магистрали — пр. Карла Маркса и пр. Ленина (бывший пр. Сталина). Она не только выполняла транспортную функцию, но и служила парадным въездом в правобережную часть города, организуя окружающее пространство. В отделке интерьера вокзала использовались натуральный мрамор, гранит и мозаика, что полностью соответствует чертам сталинского ампи́ра. Такие материалы подчеркивали высокий статус и монументальность объекта. При этом можно отметить наличие в здании архитектурных элементов, таких как пилястры, балюстрады, центральные фронтоны и фестоны (лепнина в виде гирлянд и цепочек).

Тщательная проработка интерьера и экстерьера не была случайной. Разработкой плана вокзала занимался институт «Киевгипротранс», а непосредственным автором проекта выступил опытный советский архитектор Г. И. Гранаткин. Он был известным архитектором своего времени. Г. И. Гранаткин родился 18 апреля 1913 г. в Республике Мордовия. С 1932 по 1938 г. он учился в Среднеазиатском индустриальном институте в Ташкенте на архитектурном факультете. После окончания института с 1938 по 1943 г. работал в проектных организациях Ташкента. С 1943 г. находился в действующей армии, в 1945 г. награжден орденом Отечественной войны II степени. После войны работал архитектором в проектно-институте «Киевгипротранс» (до 1951 г. — Киев-трансупроект), в 1960 г. получил повышение и начал работать главным архитектором в Институте экспериментального проектирования Академии строительства и архитектуры УССР. С 1963 г. являлся руководителем отдела в Киевском зональном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования жилых и общественных зданий. Г. И. Гранаткин принимал участие в разработке множества архитектурных проектов по всей стране. Например, среди его работ были не только вокзал Магнитогорска, но и железнодорожные вокзалы на станциях Чернигова (1948), им. Тараса Шевченко в г. Смеле (1952), Слободка в Одессе (1954) и др.³ Г. И. Гранаткин оставался ведущим специалистом в области проектирования железнодорожных вокзалов в послевоенное десятилетие. Все перечисленные объекты объединяет не только авторство, но и принадлежность к типовым проектам, разработанным институтом «Киевгипротранс».

В 1960-е гг. сталинская архитектура проявилась не только в Магнитогорске, но и в Нижнем Тагиле, Новокузнецке, где строились металлургические гиганты Урала. Так появились «братя-близнецы» магнитогорского вокзала. Действительно, все три вокзала не просто построены по одному типовому проекту: средства на их возведение были выделены Совмином РСФСР одновременно. Более того, строить все три вокзала начали примерно в одно и то же время. Однако если вокзалы в Новокузнецке и Магнитогорске были сданы в 1962 г., то их нижнетагильский «брат» вошел в строй с опозданием на четыре года. Основной причиной длительного строительства стала нехватка техники. Большая часть техники в те годы была направлена на строительство жилья, гидротехнического комплекса на Верхне-Выйском пруду, а также на создание сетей водоснабжения и канализации⁴.

«Собрат» магнитогорского вокзала в Нижнем Тагиле внешне повторяет его: двухэтажная структура, центральный фронтон, пилястры и флигели. Однако его декор скромнее: балюстрада дополнена тумбами и металлической решеткой, лепные гирлянды отсутствуют. Главная проблема вокзала — неудачное расположение: он находится на юго-восточной окраине города, позади него расположены промышленные постройки, а перед фасадом установлен протяженный крытый остановочный комплекс, и рекламные баннеры закрывают большую часть здания. Из-за этого, а также из-за цветового решения фасада вокзал буквально «теряется» в окружающей среде и не воспринимается как архитектурный доминанта⁵.

Совсем иначе выглядит новокузнецкий «близнец». Разработанный тем же институтом «Киевгипротранс», он выполнен в стиле сталинского неоклассицизма. Здание также двухэтажное, с дополнительным цокольным этажом, выстроено как единый комплекс. Его архитектурной изюминкой, которая отличает его от «братьев», стала круглая остекленная башня, увенчанная часами и остроконечным шпилем. Правда, по сравнению с другими вокзалами-двойниками новокузнецкий заметно скромнее в архитектурном убранстве: он не переполнен пилястрами, балюстрадами, фронтонами и фестонами⁶.

Таким образом, Правобережный вокзал Магнитогорска представляет собой градостроительный объект, обладающий уникальными чертами, однако созданный по типовому проекту, который был разработан опытным архитектором Г. И. Гранаткиным. Хотя первоначальный величественный замысел не удалось осуществить в полной мере, итоговый вариант приобрел более строгий и практичный облик. В архитектуре здания отчетливо прослеживается сталинский ампи́р со многими его характерными чертами: монументальность, использование пилястр, балюстрад, фронтонов и лепного декора. Сравнение с вокзалами-«близнецами» в Нижнем Тагиле и Новокузнецке показывает, что архитектурная ценность

объекта зависит не только от самого здания, но и от его расположения, а также от бережного отношения к окружающему пространству. Благодаря удачному градостроительному решению магнитогорский вокзал до сих пор сохраняет доминирующую роль в архитектурном ансамбле. В отличие от своих «близнецов» этот вокзал не имеет загроможденного посторонними объектами окружающего пространства, что свидетельствует о внимательном отношении к архитектурному наследию. Поэтому важно и сегодня сохранять бережное отношение к зданию, чтобы его архитектурные особенности оставались неизменными долгие годы.

Примечания

¹ Каким будет новый вокзал // Магнитогорский рабочий. 1956. 24 нояб.

² Вчера на новом вокзале // Там же. 1962. 6 июля.

³ Победа: сайт. URL: <https://uar-pobeda.ru/index.php/component/sppagebuilder/page/618> (дата обращения: 13.05.2026).

⁴ Как привокзальная площадь Нижнего Тагила стала катком // История Нижнего Тагила от основания до наших дней: сайт. URL: https://historyntagil.ru/history/tagil_labirint_2017_02_04.htm (дата обращения: 13.05.2026).

⁵ Антоненко Ю. С., Арзмасцева Н. Ю., Екаторинишнина А. В. Историческое наследие: изучение архитектурных обликов некоторых вокзалов 50-х годов XX века // Перспективы науки. 2019. № 11 (122). С. 58–63.

⁶ Киселев И. А., Санников В. С. История Новокузнецкого вокзала // Юный ученый. 2024. № 10 (84). С. 7–9. URL: <https://moluch.ru/young/archive/84/4665>.

Ю. В. Латышев

Архитектурное наследие Челябинска советского периода

В 2005 г. была издана монография Е. В. Кобышевой, посвященная градостроительству и архитектуре Челябинска конца 1920-х — 1950-х гг.¹ Это самая основательная работа по истории архитектуры нашего города. Однако представляет интерес обзор архитектуры Челябинска всего советского периода с начала 1920-х до 1991 г.

В архитектуре Челябинска 1920–1980-х гг. отразились все основные стили советского периода: конструктивизм, постконструктивизм, традиционализм, сталинский ампи́р, советский архитектурный модернизм.

Для первой половины 1920-х гг. была характерна очень низкая строительная деятельность, лишь во второй половине появляются достаточно интересные и сохранившиеся до наших дней здания. В 1925 г. началось строительство комплекса домов для служащих Самаро-Златоустовской железной дороги. Позже этот комплекс из пяти домов стал называться Ленинским городком. Каждое здание проектировалось на двух хозяев, а квартиры в них выполнялись двухуровневыми: на первом этаже кухня и подсобное помещение для хранения угля, на втором — две жилые комнаты. Есть версия, что архитектором был Нестеренко, получивший образование в Германии. Северной границей городка был дом, сохранившийся и по сей день (ул. Цвиллинга, 416)².

Сохранился также двухэтажный дом по ул. Цвиллинга, 51, построенный ориентировочно в 1928 г. в «североевропейской» стилистике. Дом строился, скорее всего, для руководителей Челябинского отделения Самаро-Златоустовской железной дороги. Позже в нем разместили иностранных специалистов, приехавших на строительство промышленных предприятий в Челябинске.

Именно благодаря началу индустриализации в Челябинске были построены интересные промышленные, а также общественные и жилые здания, в основном в стиле конструктивизма. В соответствии с планом ГОЭЛРО в Челябинске к 1930 г. была построена ЧГРЭС³. Интересна

архитектура здания станции: два вертикальных акцента — северная и южная башни, остекленные полуциркульные выступы, которые тянутся на два этажа, застекленные поверхности чередуются с глухими стенами, порождая динамику. Самыми первыми зданиями Челябинского тракторного завода стали цеха опытного завода, пущенного 7 ноября 1930 г.⁴ Корпуса трех основных цехов (механосборочного, литейного и кузнечного) были одноэтажными, имели многопролетное нерасчлененное внутренними стенами цельное пространство. Цеха ЧТЗ стали уникальными для СССР по своему архитектурно-конструктивному решению из-за применения исключительно металлических конструкций и использования для несущих элементов тяжелых прокатных профилей.

Около промышленных предприятий начали возникать рабочие поселки. В 1928–1929 гг. появились первые дома в поселке ЧГРЭС. Большинство общественных сооружений поселка имели внешние признаки стилистики конструктивизма. Особенно интересно по своему архитектурному решению двухэтажное здание детских яслей во внутриквартальном пространстве. Здание обладает ассиметричным планом в соответствии с функциональным назначением отдельных групп помещений. Композиционные акценты — расположенные на боковых, северном и южном фасадах полуциркулярные объемы двухэтажных веранд с обширным остеклением.

Рабочий поселок ЧЭМК разместили также вдоль ул. Российской, южнее поселка ЧГРЭС. Первоначальный проект поселка ЧЭМК 1929 г. остался нереализованным, и в 1930–1934 гг. осуществлена строчная застройка четырехэтажными, кирпичными, прямоугольными в плане домами с решением фасадов в духе внешней стилизации конструктивистских форм (например, дома по ул. Российской, 32 и 45).

Организация проектирования рабочего поселка ЧТЗ была возложена на А. В. Самойлова и А. К. Бурова. Первый квартал соцгорода ЧТЗ

строился в 1930–1933 гг. и ограничен ул. Ловина, Горького, Первой Пятилетки, 40 лет Октября. Квартал разделен на четыре однотипных по планировке жилых сектора по восемь домов в каждом с характерной для эпохи конструктивизма строчной застройкой. С юга к первому кварталу примыкала более комфортабельная застройка — квартал домов по типовым проектам московского Государственного института норм и стандартов строительной промышленности (ИННОРС)⁵.

Селитебная зона завода «Станкомаш» («район КБС») ограничен ул. Харлова, Гагарина, Руставели, Барбюса. Вдоль небольшой ул. «Челябинского рабочего» сохранилась застройка середины 1930-х гг. в конструктивистском духе. Это четырехэтажные жилые дома и детские ясли.

Эволюцию в застройке, характерную для рубежа 1940–1950-х гг., демонстрирует в рабочем поселке ЧТПЗ ул. Машиностроителей. На смену простым двухэтажным «коробкам» пришли многоэтажные (три-четыре этажа) дома с более сложным архитектурным решением. Акценты зданий — граненые эркеры на высоту первых двух этажей.

Комплекс домов малоэтажной застройки в соцгороде ЧМЗ на ул. Социалистической возведен в 1944–1947 гг. Проект квартала разработан, вероятно, силами инженеров из военнопленных немцев — трудармейцев. Ансамбль «немецких» домов — это историческая память челябинцев, он представляет колоссальный интерес с архитектурной точки зрения и не имеет аналогов на территории России. Остроконечная крыша центрального фронтона, V-образные эркеры, мощные уступчатые консоли и другие архитектурные элементы, столь не типичные для советской застройки, создают неповторимый стиль трехэтажных двухподъездных нештукатуренных домов из темного кирпича (дома № 26, 30, 34, 38). Именно они определяют знаменитую «открыточную» перспективу квартала. Жилые дома другого типа расположены с отступом от красной линии и втянуты вглубь внутриквартального пространства (№ 28, 32, 36).

Ансамблевый подход в неоклассическом стиле стал определяющим при формировании структуры соцгорода ЧМЗ в 1950-е гг.⁶ Дома получили укрупненный масштаб. Особенно пластичны в разработке уличные фасады жилого дома по ул. Сталеваров, 32⁷.

Жилые дома для работников промышленных предприятий строились также в центре Челябинска. Так, в стиле постконструктивизма ул. Спартака (ныне пр. Ленина) между ул. Советской и Пушкина в 1937 г. построен дом разной этажности для работников абразивного завода. Традиционализм характерен для жилого дома инженерно-технических работников завода «Станкомаш», который был сооружен в 1935–1936 гг. на ул. Цвиллинга.

Безусловно, к важному архитектурному наследию Челябинска нужно отнести многие общественные здания. Дворец культуры ЧЭМК начинался как клуб ферросплавного завода. Стиль

постройки — советский конструктивизм с асимметричным построением плана, широкими окнами с узкими простенками, ленточным остеклением. В 1932 г. в клубе разместился кинотеатр, в 1950-е гг. здание перестроено с элементами неоклассики. Дворец культуры (клуб) ЧТЗ — единственное здание в соцгороде ЧТЗ и в Челябинске, которое было построено в 1934 г. по проекту архитектора А. К. Бурова (совместно с Г. С. Кирилловым). Во внешнем облике здания прослеживается сочленение зон в контрастном сопоставлении горизонтальных и вертикальных объемов. Строительство Дома культуры завода «Станкомаш» началось в 1939 г., и к началу Великой Отечественной войны корпус здания был возведен и послужил местом размещения эвакуированных работников. Завершили строительство к 6 ноября 1948 г.⁸ В 1956 г. в детском парке на Алом поле открылся Дворец пионеров и школьников, построенный по проекту архитектора Ю. П. Данилова. Проект нового комплекса дворца, рядом со старым, был разработан в 1974 г., и к 1978 г. были возведены спортивный и театральный корпуса⁹.

Несколько общественных зданий 1930–1940-х гг., в частности кинотеатров, было значительно перестроено¹⁰. Здание кино клуба ЧТЗ было построено в 1931–1932 гг. предположительно по проекту московского архитектора С. С. Корвин-Круковского. Первоначальное решение здания — в формах конструктивизма. Здание было воплощением чистой функциональности и обладало предельно простым архитектурным обликом. В 1946–1948 гг. при сохранении основ объемно-пространственной композиции были реконструированы фасады и интерьеры в стилистике неоклассицизма. В 1950 г. в Челябинске открылся кинотеатр «Родина». При его проектировании за основу был принят ранее выполненный конкурсный «Типовой проект кинотеатра на 500 мест» 1945 г. В Челябинске этот проект переработан с корректировкой фасадов в стиле неоклассицизма. В 1951 г. переработанный проект был удостоен премии Госстроя РСФСР в качестве лучшего реализованного проекта здания кинотеатра. В 2010–2012 гг. проведена коренная реконструкция здания бывшего кинотеатра «Родина» под размещение концертного зала камерной и органной музыки.

В проекте здания театра оперы и балета 1936 г., по которому началось в 1937 г. строительство, ощущалось влияние аскетичного конструктивизма. С началом войны почти готовое здание было передано в эксплуатацию заводу «Калибр». В ходе послевоенной реконструкции облик фасады и интерьеры были переработаны в духе стилизации классических форм¹¹. Такую реконструкцию можно признать очень удачной. Гораздо печальнее история здания главпочтамта, построенного в стилистике конструктивизма¹². В 2003–2004 гг. был разработан проект реконструкции. При сохранении общего направления (конструктивизм) образ здания приобрел элементы, нару-

шающие чистоту стилового решения (круглые окна, меньшая площадь ленточного остекления).

По генеральному плану Челябинска 1934–1936 гг. пл. Революции, как главенствующий архитектурный ансамбль, должна была получить величественный и монументальный архитектурный облик¹³. И это в значительной степени было реализовано. Полукруглое административное здание (ул. Воровского, 2), один из элементов ансамбля центральной площади города, было построено в стиле конструктивизма в 1934 г. на перекрестке ул. Спартака (ныне пр. Ленина) и Воровского. По разным данным, в этом здании предполагалось разместить конторы или гостиницу¹⁴. Жилой дом для сотрудников облизполкома начали строить осенью 1934 г. Летом 1937 г. были завершены и сданы в эксплуатацию два боковых крыла дома на ул. Кирова и Цвиллинга, в 1938 г. закончен центральный объем, обращенный к ул. Спартака (пр. Ленина)¹⁵. Проект гостиницы «Южный Урал» (рабочее название — гостиница № 2) был создан в 1935 г.¹⁶ Архитектурный образ здания в его проектном варианте явственно отсылал к итальянской ренессансной архитектуре, что было характерным для проектов середины 1930-х гг. При всей геометрической простоте плана здание составлено из нескольких разномасштабных объемов. В стиле неоклассицизма построены здания управления ЮУЖД (1942), Челябэнерго (1953–1955)¹⁷, а также дом для работников радиозавода (1951–1953). Жилой

дом-квартал для работников Южно-Уральской железной дороги был построен в 1956 г.¹⁸ Предполагалось построить этот дом в 12 этажей, но началась кампания по борьбе с «излишествами» в архитектуре, и архитектора заставили снять три этажа, убрать эркеры.

Более половины зданий Челябинска советского периода являются памятниками истории и культуры, либо выявленными как объекты культурного наследия, либо включенными в государственный реестр регионального и местного значения. В оценке их значимости, как и в официальных названиях (они приведены в таблице) велика доля субъективизма. Поэтому то, что ряд достаточно интересных зданий не являются официально памятниками истории и культуры, совсем не снижает их значения с точки зрения важности для архитектурного наследия Челябинска. Например, до сих пор не является объектом культурного наследия здание аэропорта в Челябинске, построенное в 1953 г. по проекту архитектора Н. Макареня из института «Аэропроект», который в 1950-е гг. осуществил привязку одиннадцати подобных зданий в стиле «сталинского классицизма», отличающихся в зависимости от местных особенностей архитектурой портика и башни над входом. Все эти здания, кроме челябинского, уже не используются в качестве аэровокзалов. Статус объекта культурного наследия важен как с архитектурной точки зрения, так и как гарантия от полного уничтожения.

Архитектурное наследие Челябинска советского периода

Дата строительства	Название	Адрес	Архитектор	Статус объекта культурного наследия*
1926	Дом жилой Ленинского городка	Ул. Цвиллинга, 41б	Нестеренко	МЗ
1928	Дом жилой двухэтажный	Ул. Цвиллинга, 51		МЗ
1928	Жилой дом с квартирами для индивидуально-семейного проживания рабочего поселка ЧГРЭС	Ул. Российская, 8		
1929	Двухэтажное общежитие рабочего посёлка ЧГРЭС	Ул. Российская, 4		
1930	Челябинская ГРЭС	Ул. Российская, 1а		ВОКН
1930	Дом жилой, в котором в 1935–1952 гг. располагалось Челябинское областное государственное издательство	Ул. Свободы, 74 / ул. Тимирязева, 26 / ул. Пушкина, 65		МЗ
1932	Здание заводоуправления ЧТЗ	Пр. Ленина, 3		РЗ
1932	Учебный корпус фабрично-заводского училища ЧТЗ	Пр. Ленина, 5	А. К. Буров, Г. С. Кириллов	РЗ
1932	Здание фабрики-кухни соцгорода ЧТЗ	Ул. 40 лет Октября, 29		
1932	Баня в соцгороде ЧТЗ	Ул. 40 лет Октября, 31		
1929–1933	Комплекс цехов ЧТЗ	Пр. Ленина, 3		
1930–1933	Первый квартал соцгорода ЧТЗ	Ул. Ловина — Горького — Первой Пятилетки — 40 лет Октября		
1931–1933	Квартал жилых домов ИННОРСа для инженерно-технических работников ЧТЗ	Пр. Ленина — ул. 40 лет Октября — Ловина — Горького		
1933	Здание энергетического техникума	Ул. Российская, 23		

Продолжение таблицы

Дата строительства	Название	Адрес	Архитектор	Статус объекта культурного наследия*
1932–1933	Жилой дом для работников ЧЭМК	Ул. Российская, 45		
1929–1934	«Инженерный» дом	Ул. Кирова, 163 / ул. Коммуны, 75 / ул. Цвиллинга, 28		
1934	Дворец культуры ЧТЗ	Пр. Ленина, 8	А. К. Буров, Г. С. Кириллов	РЗ
1934	Дом, в котором в 1934–1935 гг. жил советский партийный деятель К. В. Рындин	Ул. Цвиллинга, 6		РЗ
1934	Здание гостиницы	Ул. Воровского, 2.	И. Ипполитов	РЗ
1933–1935	Жилой дом для специалистов ЧЭМК	Ул. Российская, 32		
1934	Школа № 50	Ул. Российская, 49а		
1935	Ясли рабочего пос. ЧГРЭС	Ул. Российская, 6а		
1935	Школа № 1	Ул. Красная, 59		
1935	Здание школы, в котором в 1942 г. формировалась 97-я танковая бригада	Пр. Ленина, 13	М. А. Лежень	РЗ
1935	Жилой многоквартирный дом	Пр. Ленина, 62	Т. М. Эрвальд	
1935	Здание НКВД	Ул. Елькина, 34 / ул. Васенко, 39		
1936	Жилой дом Рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества	Ул. Кирова, 110.		
1934–1936	Ансамбль жилых домов «Городок чекистов»	Пр. Ленина, 63, 65, 67, Свердловский пр., 63, 63а, ул. Сони Кривой, 28, 30, 32	Н. И. Корнифский, А. М. Тумбасов	МЗ
1936	Здание главпочтамта	Ул. Кирова, 161	М. Гинцбург, К. К. Футуков	МЗ
1936	Жилой дом для специалистов облзуправления	Пр. Ленина, 40		
1936	Жилой многоквартирный дом	Ул. Свободы, 80		
1936	Жилой многоквартирный дом	Ул. Свободы, 72		
1935–1937	Жилой многоквартирный дом	Ул. Свободы, 86		
1937	Дом жилой шестиэтажный	Пр. Ленина, 50	С. А. Стыпалковский	ВОКН
1937	Жилой многоквартирный дом	Ул. Свободы, 84		
1937	Здание педагогического университета	Пр. Ленина, 69	Г. К. Яковлев, А. Н. Сахаров	МЗ
1937	Жилой дом для инженерно-технических работников завода «Станкомаш»	Ул. Цвиллинга, 28	П. Кузмичев, В. Пеняжнин	МЗ
1937	Кинотеатр им. А. С. Пушкина	Ул. Пушкина, 64	Я. А. Корнфельд, Т. Г. Заикин	РЗ
1937–1938	Жилой дом облисполкома	Пр. Ленина, 54 / ул. Цвиллинга, 36	П. В. Кухтенков, А. П. Максимов	РЗ
1935–1939	Ясли и четырехэтажные жилые дома поселка работников станкостроительного завода	ул. Челябинского рабочего, 1а, 1-5		
1939	До, в котором жил немецкий антифашист А. Хеслер	Пр. Ленина, 15		МЗ
1939	Жилой дом для сотрудников педагогического института	Ул. Пушкина, 60	О. П. Ишуков	
1937–1940	Жилой многоэтажный дом	Ул. Свободы, 88		
1938–1940	Жилой многоэтажный дом	Ул. Свободы, 104		
1940	Жилой многоэтажный дом	Пр. Ленина, 43	Т. М. Эрвальд	
1940	Жилой многоэтажный дом	Ул. Свободы, 90		

Продолжение таблицы

Дата строительства	Название	Адрес	Архитектор	Статус объекта культурного наследия*
1940	Здание железнодорожной поликлиники	Ул. Цвиллинга, 41		
1941	Здание универмага, в котором в 1941–1945 гг. находился Наркомат танковой промышленности СССР	Пр. Ленина, 46	Б. Н. Егоров	РЗ
1941	Гостиница «Южный Урал»	Пр. Ленина, 52	Д. Д. Барагин	РЗ
1942	Здание управления ЮУЖД	Пл. Революции, 3	Б. С. Помпеев	МЗ
1927, 1945	Дом жилой четырехэтажный	Пр. Ленина, 45	В. Я. Гофрат	ВОКН
1945	Клуб Челябинметаллургстроя	Шоссе Metallургов, 706	Я. Л. Скуратовский, А. Гуревич	РЗ
1946–1947	Комплекс жилых домов («немецкий» квартал)	Ул. Социалистическая, 26–38		
1947	Здание монтажного техникума	Ул. Горького, 15	Б. Н. Егоров	
1932, 1948	Театр ЧТЗ	Пр. Ленина, 10	С. С. Корвин-Круковский, М. Я. Лежень, И. И. Ширяев, Н. Г. Мартемьянов	РЗ
1935–1941, 1945–1948	Часовой завод	Ул. Цвиллинга, 25	С. И. Овсянников, С. К. Колчин, В. А. Каменский	РЗ
1948	Дворец культуры «Станкомаш»	Ул. Тухачевского, 3	И. Векслер, К. Истрин, А. Д. Кладовщиков, М. Г. Семенов	РЗ
1948	Кинотеатр им. 30-летия ВЛКСМ	Ул. Цвиллинга, 81	В. Калмыков, К. Д. Евтеев	ВОКН
1936–1949	Комплекс жилых домов КБС	Ул. Гагарина — Харлова — Барбюса — Руставели	В. Бирюков, К. Н. Чернопяттов	
1948–1949	Жилые многоквартирные дома	Ул. Байкальская (четная сторона от ул. Обухова до ул. Румянцева)	А. Поляков, Я. А. Скуратовский	
1950	Дом-контора Челябинского управления курортами, санаториями и домами отдыха ВЦСПС	Ул. Цвиллинга, 51а	К. Д. Евтеев	РЗ
1950	Жилой многоквартирный дом	Ул. Цвиллинга, 35		
1950	Дом для работников завода металлоконструкций	Ул. Цвиллинга, 37	Ф. Л. Серебровский	МЗ
1950	Здание треста «Челябуголь»	Пр. Ленина, 59	Т. М. Эрвальд	
1950	Школа № 46	Ул. Новороссийская, 77а	Ф. Л. Серебровский, Л. А. Ашихмина	
1950	Кинотеатр «Родина»	Ул. Кирова, 78	Л. И. Гонсиоровский, В. Я. Гофрат, В. П. Дановский, М. П. Мочалова, Ф. Л. Серебровский, Б. В. Петров, Шпильберг	РЗ
1951	Дворец культуры «Энергетик» (ДК ТЭЦ)	Ул. Энергетиков, 19		
1951	Дом жилой трехэтажный	Ул. Коммуны, 129		ВОКН
1935, 1952	Жилой многоквартирный дом	Пр. Ленина, 61	Т. М. Эрвальд, Ф. Л. Серебровский	
1952	Дом жилой	Ул. Цвиллинга, 39	Б. В. Петров	МЗ
1932, 1953	Дворец культуры ЧЭМК	Ул. Российская, 34	К. Д. Евтеев, А. Д. Кладовщиков	РЗ

Продолжение таблицы

Дата строительства	Название	Адрес	Архитектор	Статус объекта культурного наследия*
1951–1953	Хирургический корпус городской больницы	Ул. Воровского, 16	К. Д. Евтеев	РЗ
1953	Дом для работников радиозавода	Пр. Ленина, 53	А. Д. Кладовщиков	ВОКН
1949, 1953	Дом жилой пятиэтажный	Пр. Ленина, 47, 49	Т. М. Эрвальд	МЗ
1953	Здание аэровокзала	Ул. Звездная	Н. Макарень	
1950–1954	Ансамбль жилых домов для работников ЧТПЗ	Ул. Машиностроителей, 20-46	Я. О. Свирский, А. А. Яковлев	
1950–1954	Заводоуправление ЧТПЗ	Ул. Машиностроителей, 21		
1950–1954	Жилые многоквартирные дома	Ул. Сталеваров, 13, 15, 27, 29, 32, 37, 38, 40, ул. Мира, 36	С. Князев, В. Г. Болдырев	
1951–1954	Дом жилой четырехэтажный	Ул. Тимирязева, 29 / ул. Пушкина, 66	М. П. Мочалова, А. Д. Кладовщиков	МЗ
1954	Жилой дом для работников лакокрасочного завода	Ул. Тимирязева, 28	Д. Л. Берштейн	
1954	Жилой многоквартирный дом	Ул. Тимирязева, 30	Е. М. Израилев, Е. В. Александров	
1941, 1955	Здание Челябинского государственного театра оперы и балета им. М. И. Глинки	Пл. Искусств, 1	Н. П. Куренной	РЗ
1955	Жилые многоквартирные дома	Ул. Дегтярева, 49, 55а, 57а, 58		
1955	Дворец культуры ЧТПЗ	Ул. Новороссийская, 83	К. К. Барташевич	
1955	Здание общежития трехэтажное с магазином и кафе	Ул. Салютная, 22	Ф. Л. Серебровский, Б. В. Петров, К. Д. Евтеев	МЗ
1955	Здание АО «Челябэнерго»	Пл. Революции, 5	Ф. Л. Серебровский, К. Д. Евтеев	МЗ
1955	Техникум железнодорожный	Ул. Цвиллинга, 56	М. П. Мочалова	РЗ
1954–1956	Жилые многоквартирные дома	Шоссе Metallургов, 11, 15, 19	Я. А. Скуратовский	
1954–1956	Дом, в котором жил первый почетный гражданин Челябинска И. С. Белостоцкий	Ул. Свободы, 66	Е. В. Александров, Е. М. Израилев	МЗ
1956	Жилой многоквартирный дом	Пр. Ленина, 51	К. Д. Евтеев	
1956	Партшкола	Ул. Елькина, 76	Ф. Л. Серебровский	РЗ
1957	Дворец культуры ЧМК	Ул. Я. Гашека, 1	А. И. Зайцев	РЗ
1957	Дом-квартал для сотрудников ЮУЖД	Пл. Революции, 1	Е. В. Александров	
1958	Жилой многоквартирный дом	Пр. Ленина, 19		
1954–1959	Ансамбль жилых домов в Metallургическом районе	ул. Б. Хмельницкого (от ул. Я. Гашека до ул. Жукова)	В. Болдырев, Я. А. Скуратовский	
1955–1959	Дом жилой для работников радиозавода «Полет» с магазинами	Пр. Ленина, 71	Д. Л. Бернштейн, А. Б. Ривкин	РЗ
1959	Дворец культуры железнодорожников	Ул. Цвиллинга, 54	Ф. Л. Серебровский	ВОКН
1960	Здание дома культуры имени Колущенко	Ул. Доватора, 15	К. К. Барташевич	ВОКН
1960	Кинотеатр «Россия».	Ул. Б. Хмельницкого, 14а		
1960	Жилой дом	Пр. Ленина, 71а	Д. Л. Берштейн	МЗ
1956–1962	Здание теплотехнического института	Пр. Победы, 168		
1963	Здание Челябинской областной универсальной научной библиотеки	Пр. Ленина, 60	М. П. Мочалова, Б. В. Петров	РЗ

Окончание таблицы

Дата строительства	Название	Адрес	Архитектор	Статус объекта культурного наследия*
1965	Здание железнодорожного вокзала	Привокзальная пл., 1	Л. М. Чуприн, В. Грищенко, С. И. Крушинский	РЗ
1967	Дворец спорта «Юность»	Свердловский пр., 51	С. Д. Филимонов, В. Н. Малышев, В. Коржевский, Ю. П. Данилов, Т. М. Эрвальд	
1972	Комплекс Дома политпросвещения	Ул. Коммуны, 87	И. В. Талалай, Б. В. Петров	
1975	Торговый центр	Ул. Каслинская, 64	Ф. Селецкий, В. Н. Жадовская, Л. Рагозина	
1975–1978	Общественно-жилой комплекс	Пр. Ленина, 64, 66, 68; ул. Володарского, 28; ул. Энгельса, 28, 65	Б. В. Петров, И. В. Талалай, Б. А. Баранов, В. В. Светличный, В. Г. Ламанов, В. А. Наумов, Н. А. Рожкова, В. И. Хабберев, Е. П. Вулых	
1978	Здание проектного института ГИПРОМЕЗ	Пр. Ленина, 35	Ю. Г. Пьянков, А. М. Манжелевский, Г. Кокшаров, И. Боголюбцева	
1956, 1978	Дворец пионеров и школьников (историческое место «Алое поле»)	Свердловский пр., 59	Ю. П. Данилов, Ю. П. Перчаткин, Б. А. Баранов, В. А. Глазырин, Н. Н. Семейкин, А. И. Слонимский, Л. М. Балдина, В. Ф. Москальцев, С. А. Дучман, С. Е. Николаевский, С. Н. Поливанов, Н. И. Свершевский, В. П. Туркин	ВОКН
1979	Гостиница «Малахит»	Ул. Труда, 153	Я. И. Рувинов	
1979	Здание Центра научно-технической информации	Ул. Труда, 157		
1979	Здание цирка	Ул. Кирова, 25	Ю. А. Мотов, Л. В. Онищенко, Я. И. Рувинов	
1982	Здание драмтеатра	Пл. Революции, 6	В. А. Глазырин, Б. А. Баранов, Д. О. Олтаржевский, Ю. П. Перчаткин, А. Н. Слонимский, Н. Н. Семейкин, А. И. Рудик	РЗ
1985	Новый комплекс городской больницы № 1	Ул. Воровского, 16	В. П. Ковалев	
1954–1957, 2004	Государственный технический университет (главный корпус) [Южно-Уральский государственный университет]	Пр. Ленина, 76	С. В. Истомин, А. П. Луконин, В. Н. Соковнин, Е. В. Александров, С. Г. Шабиев, М. Ю. Тюрин, В. Баранова	ВОКН

* РЗ — региональное значение; МЗ — местное значение; ВОКН — выявленный объект культурного значения.

При подготовке перечня архитектурного наследия Челябинска советского периода огромную помощь оказала Е. В. Кобышева, кандидат искусствоведения, специалист по архитектуре Челябинска XX в.

Примечания

¹ Кобышева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х — 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск, 2005.

² Ленинский городок в Челябинске. URL.: <http://chelchel.ru.livejournal.com/969993.html> (дата обращения: 05.07.2026).

³ Шамова Н. П. Электростанция районная // Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 1062.

⁴ Кобышева Е. В. Челябинский тракторный завод и соцгород ЧТЗ. Екатеринбург, 2024. С. 1674–1679.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-379. Оп. 2. Д. 555. Л. 14.

⁶ Кобышева Е. В. Неоклассицизм в архитектуре // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2005. Т. 4. С. 552–553.

⁷ Кобышева Е. В. Ансамбль соцгорода ЧМЗ // Челябинская область. Архитектура. Строительство. 2004. № 4 (7). С. 8–9.

⁸ Челябинскгражданпроект. Юбилейное издание. Челябинск, 2014. С. 18.

⁹ Там же. С. 19, 41–42.

¹⁰ Кинотеатры Челябинска XX века. Челябинск, 2023. С. 18–36.

¹¹ Кобышева Е. В. Театр оперы и балета // Челябинск ... С. 853.

¹² Об уродливых явлениях в архитектуре // Челябинский рабочий. 1936. 29 марта.

¹³ Вознюк Л. Ю., Полякова Т. А. Архитектура городская // Челябинск ... С. 57–59.

¹⁴ Кобышева Е. В. Градостроительство и архитектура // Там же. С. 48.

¹⁵ Там же. С. 68–70.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Челябинскгражданпроект ... С. 19.

¹⁸ Челябинск. Градостроение: вчера, сегодня, завтра. Челябинск, 1986. С. 63.

С. И. Мотков

О кладбище в селе Глубки Новосильского уезда Тульской губернии

Приход с. Глубки Новосильского уезда образовался после постройки в селе деревянной Казанской церкви в 1746 г. Географически приход находится вдоль течения р. Зуши, притока Оки, в 15 км на запад от г. Новосиля. В приход входят с. Глубки (левый берег Зуши), дер. Городилова (правый берег), дер. Одинок (левый берег). Позже в состав прихода вошли Городиловские выселки, или Хапово. Казанская церковь построена на холме напротив села, поэтому это место в народе называют Бугровка (то есть на бугре). К середине XIX в. церковь обветшала, и прихожане решили заменить ее каменной. Постройка началась в 1864 г, а 8 июля 1871 г. каменная Казанская церковь была освящена¹. В 1930 г. церковь была снесена вместе со всеми принадлежащими ей соседними постройками. Сейчас на ее месте заросший пустырь.

Около церкви на ее земле было старое кладбище, которое к середине XIX в. стало столь тесным, что был поставлен вопрос о новом месте для него. Вопрос был решен положительно, выделено место между Бугровкой и дер. Городилово, на холме по правому берегу реки. Сейчас кладбище там действует, осуществляются захоронения.

В конце апреля 2018 г. я с земляком Сергеем Савиным и его сестрой Натальей на его машине совершили вояж по родным местам, посетив с. Глубки, кладбище местного прихода, место, где была дер. Образцовая (с середины 1920-х гг. — дер. Образцово), дер. Веселую и кладбище при ней, окраину дер. Кочеты и Мценск. На приходском кладбище с. Глубки я заснял 29 апреля 2018 г. почти все захоронения с памятниками, где указаны даты жизни усопших. В сентябре — ноябре 2025 г. я на основе фотографий подготовил текст со списком всех жителей с. Глубки, дер. Городиловой и дер. Одинока с датами их жизни, указанными на памятниках. Самым древним в этом списке оказался Степан Власевич Кожин,

родившийся в 1864 г. и скончавшийся в 1934 г. А самым поздним — Александра Никитична Апарина (1927–2017). То есть диапазон захоронений охватывает уже более 150 лет. В ГАТО я просмотрел дело, посвященное созданию нового кладбища при с. Глубки, сделал выписки и в Москве набрал их на компьютере. Думаю, язык живого документа середины XIX в. будет интересен современным читателям, привыкшим к другому стилю изложения текстов.

Ниже даются выписки из дела 7830 об отводе земли под кладбище в с. Глубки в 1849–1850 гг.², а также списки захоронений жителей селений Глубки, Городилово и Одинок на кладбище между Бугровкой и дер. Городилово в Новосильском районе Орловской области. В 1925 г. летом Новосильский уезд Тульской губернии был целиком передан в Орловскую область (тогда — губернию). Данные о жителях, похороненных на приходском кладбище с. Глубки, могут быть использованы как генеалогический источник для поиска своих родственников потомками этих жителей.

Дело об отводе земли под кладбище
в селе Глубки Новосильского уезда (1849–1850)³

Л. 1. № 2783 20 Апреля 1849 г.

Благочинного Новосильской округи села Вышне-го Скворченого Священника Григория Александровского покорнейший репорт

Ведомства моего села Глубок Священно-церковно-служители в поданном объявлении прописали, что при Казанской приходской церкви находящийся внутри селения погост очень тесен, и по моему замечанию действительно теснов, а особого кладбища вне села не отведено. Каковое объявление в Духовную Консistorию препровождаю покорнейше репортую Апрель 12 дня 1849 года.

Благочинный Священник Григорий Александровский

Л. 3. Копия с журнала № 290

1849 года Апрель 28 дня в журнале Тульской Духовной Консistorии по выслушании рапорта Благочинного Новосильского уезда села Вышне-го Сквор-

чего Священника Григория Александровского с объявлением Священноцерковнослужителей села Глубок о том, что при их Казанской церкви погост так стеснен, что с большою неудобностию погребаются на оном тела умерших; Приказали: Рапорт Благочинного Александровского с Объявлением от причта села Глубок о стесненности состоящего внутри селения кладбища представить к Его Преосвященству при копии с журнала с мнением, что Консистория полагает сообщить в Губернское Правление об отводе нового удобного места для кладбища на основании 534 ст. XIII т. Св. зак. (изд. 1842 г.) вне селения из дач владельцев при Депутате с Духовной стороны; О чем для наблюдения и содействия Благочинному предписать Указом.

Подлинный за подписанием гг. присутствующих и скрепою секретаря

Верно: Секретарь П. Богословский
№ 578 11 Мая 1849 г. По 4 столу

Л. 4. № 4682. 8 Июня 1849 года

Тульское Губернское Правление 2 Отделение
Стол 5 Июля 4 дня 1849 г.

В Тульскую Духовную Консисторию

Губернское Правление по выслушании Отношения оной Консистории от 19 минувшего мая за № 2440, об отводе кладбища в селе Глубках Определило: К удовлетворению настоящего требования Духовной Консистории на законном основании предписать Новосильскому Земскому суду с тем, чтобы оный распорядился отводом кладбища в означенном селе Глубках при Депутате с духовной стороны и о последующем прямо от себя уведомил Духовную Консисторию, которой о сем сообщит.

Секретарь Егоров Столоначальник Звягин

Л. 6. № 9066. 29 Декабря 1849 года

Новосильского Земского Суда Декабря 22 дня
1849 г. а № 8138

В Тульскую Духовную Консисторию

Во исполнение указа Тульского Губернского Правления от 4-го Июля сего года за № 8946 Земский Суд уведомляет, что кладбище в селе Глубках Правящим должностю Одоевского Уездного Землемера Каневским при Приставе 1-го стана и депутате с Духовной стороны отведено.

За неперменного Члена *подпись*

Л. 7. Копия с журнала. 1849 года Декабря 30 дня в Тульской Духовной Консистории, по выслушании сообщения № 9066 Приказали: Предписать Благочинному отобрать от причта села Глубок сведение, удовлетворительно ли отведено место для кладбища в оном селе и представить в Консисторию.

Л. 11–11 об. Получено Февраля 6 дня 1850 года

Его Высокоблагословению Благочинному села Вышнего Скворчего Священнику Григорию Васильевичу Александровскому Вашего ведомства села Глубок Казанской церкви Священноцерковнослужителей Сведения

Имеем честь донести Вам в силу указа Тульской Духовной Консистории последовавшего за № 8028 касательно об отведении кладбища в нашем селе Глубки при Казанской церкви, что действительно отведена вблизи Казанской церкви на приходской земле Правящим должностю Одоевского Уездного Землемера Коневским при Приставе 1-го стана и с депутатом Духовной стороны села Ломиполоза Священником Иваном Покровским, в чем не имеется никакого препятствия как от прихожан так и от Священноцерковнослужителей в чем и подписуемся. 1850-го года 4 дня.

Священник *Иоанн Воскобойников*

Того ж села Диакон *Иоанникий Мерцалов* дьячек
Ефим Васильев

Пономарь *Дмитрий Ефимов*
Благочинный *Александровский*

*Перечень захоронений на кладбище
между Глубками и Городилово
Новосильского района Орловской области⁴
Жители Глубков — Городилова*

Ананкины

- Ананкин Николай Егорович (1952 — 04.08.2005)
Ананкина Нина Ивановна (15.10.1926 — 02.09.2009)
Ананкин Сергей Акимович (20.09.1932 — 24.03.2005)
Ананкин Михаил Акимович (21.10.1922 — 09.01.2001)
Ананкин Николай Михайлович (26.04.1956 — 06.05.2007)
Ананкина Антонина Николаевна (15.02.1929 — 02.05.2010)
Ананкин Виктор Михайлович (22.09.1950 — 05.03.2011).

Кожиньы

- Кожина Устинья (?) Сергеевна [1895 (1905) — 1957]
Кожина Евгения Дмитриевна (1896 — 16.01.1951)
Кожин Иван Константинович (1925 — 02.1951)
Кожина Наталья Ивановна (1948 — 12.1950)
Кожин Николай Сергеевич (1950–1962)
Кожин Григорий Егорович (1895–1974)
Кожина Василиса Яковлевна (1899–1975)
Кожин Владимир Васильевич (02.05.1960 — 30.08.2009)
Кожин Василий Иванович (1923–1986)
Кожин Никита Степанович (1895–1968)
Кожина Анна Акимовна (1896–1979)
Кожин Степан Власович (1864–1934)
Кожина Пелагея Фоминична (1871–1939)
Кожин Николай Никитович (14.10.1926 — 07.11.2002)
Кожина Александра Семеновна (08.09.1927 — 14.1.2007)
Кожин Юрий Николаевич (24.06.1956 — 25.03.2015)
Кожина Ефросинья Константиновна (22.09.1913 — 08.03.1994)

Самохваловы

- Самофалова Валентина Максимовна (15.02.1939 — 09.10.2001)
Воробьева Раиса Матвеевна, ур. Самохвалова (10.10.1932 — 12.09.2011)
Самохвалов Матвей Константинович (10.12.1907 — 05.03.1993)
Екатерина Фроловна (его жена; 12.10.1908 — 09.11.1999)
Самофалов Николай Матвеевич (1945–1982)
Самохвалов Афанасий Константинович (1918–1964)
Ульяна Дмитриевна (его мать; 1890–1964)
Самохвалов Николай Константинович (12.12.1933 — 25.10.1997)

Тимонины

Тимонин Вячеслав Николаевич (1964–2008)
 Тимонин Николай Иванович (01.12.1932 — 04.12.1996)
 Тимонин Семен Иванович (13.02.1928 — 30.04.1992)
 Тимонина Федосия Дмитриевна (10.11.1906 — 08.09.1988)
 Тимонина Анастасия Федоровна (16.10.1928 — 30.04.1992)

Кочергины

Кочергин Семен Никитич (1894–1966)
 Кочергина Аграфена Спиридоновна (его жена; 1895–1962)
 Кочергина Е. А. (1886–1967)
 Кочергина А. Б. (1910–1983)
 Кочергин Семен Максимович (01.03.1929 — 01.02.2006)
 Кочергин Максим Иванович (1887–1960)
 Анастасия Константиновна (его жена; 1885–1964)
 Кочергин Сергей Тихонович (21.07.1918 — 29.11.2004)

Ивкины

Ивкин Николай Никанорович (14.11.1923 — 09.11.2001)
 Ивкин Николай Николаевич (16.12.1961 — 04.09.1988)
 Ивкина Мария Гавриловна (21.09.1925 — 21.03.2012)
 Ивкина Анна Дмитриевна (28.10.1931 — 20.11.2015)
 Ивкин Федор Савельевич (1887–1962)
 Ивкин Иван Прокофьевич (04.08.1929 — 22.08.1983)
 Ивкина Валентина Ивановна (14.10.1931 — 20.06.2007)
 Ивкин Михаил Федорович (21.11.1932 — 1968)
 Ивкин Гаврил Федорович (07.04.1923 — 03.08.2006)
 Ивкина Антонина Григорьевна (20.02.1925 — 04.07.2005)

Фирсовы

Фирсов Андрей Гаврилович (1901–1984)
 Фирсова Пелагея Акимовна (1905–1994)
 Фирсов Николай Иванович (15.11.1938 — 15.01.1990)
 Фирсова Валентина Тимофеевна (18.01.1940 — 05.04.2013)
 Фирсов Алексей Гаврилович (1898 — 08.04.1969)
 Фирсов Семен Иванович (1933 — 06.11.1975)

Коняшинны

Коняшин Иван Перфилович (1926 — 15.05.1983)
 Коняшина Екатерина Семеновна (01.03.1928 — 30.04.1980)

Коняшин Борис Перфилович (23.09.1932 — 06.04.2006)
 Коняшин Прокофий Александрович (1893–1961)
 Коняшина Ирина Трофимовна (1894–1976)

Трактировы

Трактиров Петр Романович (16.06.1929 — 17.06.1999)
 Трактирова Агафья Михайловна (1900 — 04.08.1981)
 Трактирова Мария Васильевна (12.07.1932 — 08.07.1983)

Французовы

Французов Иван Спиридонович (1893–1974)
 Французова Варвара Андреевна (1903–1981)

Апарины

Апарина Анисия Николаевна (1887–1957)
 Апарин Алексей Степанович
 Галя (1953–1959)
 Апарин Иван Алексеевич (03.04.1923 — 11.09.2004)
 Апарин Александр Иванович (02.10.1969 — 10.07.2003)
 Апарина Анна Андреевна (03.10.1926 — 11.06.2006)
 Апарина Александра Никитична (07.04.1927 — 05.01.2017)

Чумаковы

Чумаков Василий Романович (01.07.1902 — 02.11.1977)
 Чумакова Марфа Алексеевна (21.07.1902 — 04.06.1983)

Простатины

Простатин Семен Филиппович (1925–1956)
 Простатина Дарья Ильинична (1895–1969)

Медведевы

Медведева Варвара Никаноровна (07.12.1914 — 08.03.1996)
 Медведев Николай Михайлович (15.04.1934 — 13.04.1998)
 Медведева Антонина Ильинична (1937–2006)
 Медведева Прасковья Степановна (10.10.1910 — 10.09.1993)

Куркины

Куркин Николай Степанович (1928–2009)
 Куркина Варвара Павловна (08.03.1931 — 23.04.2013)

Заплешневые

Заплешнев Николай Яковлевич (1918–1968)
 Заплешнева Анна Тихоновна (21.09.1918 — 14.01.1998)

Прибыловы

Прибылов Никит Фролович (27.09.1933 — 04.1986)

Прибылов Андрей Захарович (1900–1976)
Прибылов Александр Андриянович (1930–1971)
Прибылов Николай Алексеевич (22.07.1939 — 06.05.1980)
Прибылова Александра Акимовна (1917–1984)

Одинокы

Одинок Илья Николаевич (02.08.1949 — 10.10.2000)
Одинок Екатерина Прокофьевна (1928–1998)
Одинок Николай Кондратьевич (10.11.1925 — 18.11.1989)

Панюшкины

Панюшкин Степан Никитович (10.11.1912 — 21.07.1978)
Панюшкин Виктор Григорьевич (16.09.1934 — 01.05.2013)
Панюшкин Григорий Гаврилович (21.02.1907 — 10.11.1994)
Панюшкина Анна Фроловна (21.09.1912 — 28.10.1986)

Кузнеченковы

Кузнеченков Гаврил Иванович (21.06.1904 — 19.12.1977)
Кузнеченкова Ираида Андреевна (1938–2001)

Калиновы

Калинова Екатерина Сергеевна (23.01.1929 — 18.09.2009)
Калинов Алексей Федорович (08.06.1938 — 12.05.2006)
Калинов Алексей Николаевич (1950–2003)

Алисовы

Алисов Виктор Федорович (09.07.1938 — 04.07.1997)
Алисов Николай Федорович (24.07.1931 — 25.07.2010)
Алисова Матрена Ильинична 1902–1991)
Алисова Любовь Ивановна (27.09.1887 — 20.11.1976)

Можиньы

Можин Николай Иванович (20.08.1938 — 12.06.2000)
Можин Евгений Николаевич (07.08.1967 — 31.12.1991)
Можина Наталья Николаевна (09.10.1962 — 13.11.1986)

Денисовы

Денисов Алексей Ильич (?)
Денисова Вера Алексеевна (?)
Денисова Татьяна С... (?)
Французова Матрена Алексеевна (?)

Алексановы

Алексанов Михаил Владимирович (06.11.1929 — 22.12.2009)
Алексанова Валентина Васильевна (07.10.1933 — 01.04.2008)

Тулуповы

Тулупов Иван Кондратьевич (1909 — 06.01.1991)
Тулупова Анисья Устиновна (07.01.1914 — 26.10.1975)

Сутуловы

Сутулов Алексей Максимович (1883–1942)
Сутулова Прасковья Ивановна (1908–1982)

Бытещиковы, Чугуновы,

Кругликовы, Данилкины, Недумины

Недумина Анна Васильевна (11.05.1931 — 19.03.2016)
Бытещикова Серафима Захаровна (05.06.1925 — 8.12.2003)
Чугунов Николай Иванович (20.12.1927 — 12.11.2006)
Кругликова Ольга Антоновна (30.03.1919 — 14.01.2005)
Данилкин Олег Юрьевич (21.12.1972 — 25.01.2005.)

Жители деревни Одинок

Полуничевы

Полуничева Мария Васильевна (10.09.1927 — 29.05.2003)

Пантюхины

Пантюхина Екатерина Васильевна (17.01.1936 — 17.08.2004)

Судаковы

Судаков Александр Александрович (14.12.1904 — 25.10.1981)
Судаков Николай Александрович (01.04.1942 — 19.07.2015)
Судаков Николай Емельянович (01.06.1933 — 06.11.1996)

Кузнецовы

Кузнецова Пелагея Степановна (23.11.1924 — 20.04.2005)

Без фамилии

Мама, брат Михаил и женщина (вероятно, сестра либо жена Михаила)

Леоновы

Леонова Мария Арсентьевна (27.11.1909 — 23.05.1996)
Леонов Сергей Дмитриевич (10.07.1903 — 27.06.1973)

Шестаковы

Шестаков Петр Семенович (05.05.1914 — 03.02.1991)

Шестакова Мария Никитична (29.07.1911 — 30.04.1997)

Савинкины

Савинкина Степанида Андрияновна (1887–1952)

Савинкин Спиридон Федорович (25.12.1921 — 09.08.1991)

Савинкин Виктор Семенович (08.01.1956 — 2000)

Савинкин Семен Федорович

Савинкина (?)

Примечания

¹Рождественский Д. Казанская церковь села Глубок Новосильского уезда // Тульские епархиальные ведомости. 1873. № 4. Прибавления к № 4. С. 128.

²ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 7830.

³Там же.

⁴Составлено в 2025 г. с фотографий, сделанных на кладбище в Бугровке 29 апреля 2018 г.

Часть VII
Интеллектуальная история

А. Г. Иванов, А. М. Рудаков

Дореволюционная историография Оренбургской экспедиции 1730–1740-х годов: основные интерпретации причин и мотивов

Начиная с царствования Петра Великого русское правительство проявляло повышенный интерес к организации торговли с государствами Средней Азии и (в перспективе) с Индией¹. Торговля понималась не только как стимул экономики и источник богатств, но и как естественное проявление военно-политической силы страны: одно виделось продолжением другого, а коммерческое присутствие должно было конвертироваться во влияние на политику среднеазиатских государств вплоть до прямого военного вмешательства. Реализацией этих планов должна была стать Оренбургская экспедиция², деятельность которой в 1734–1744 гг., начатая под руководством Ивана Кирилова, стала переворотом во всей юго-восточной политике империи, а также началом нового этапа русско-башкирских отношений.

Разумеется, события подобного масштаба не могли не получить отражение в общественной и научной мысли России. Рассмотрение того, как именно причины этого переворота видели дореволюционные авторы, и будет являться предметом данной работы.

Всего пятнадцать лет спустя после упразднения экспедиции, в 1759 г., выходит в свет «История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии» Петра Ивановича Рычкова, активного сотрудника экспедиции и крупного ее администратора, продолжавшего свою деятельность и в губернских органах власти. Данный текст возник в процессе работы над «Топографией Оренбургской губернии», статистическим и географическим справочником о регионе, предназначенным для внутреннего пользования русскими чиновниками³. Схожую функцию имела и «История...», хотя ее Рычков позиционировал так же, как и достоверное описание, создаваемое «не для настоящего, как для будущего, то есть потомственного, времени»⁴.

Опираясь на массив тогда еще не опубликованных правительственных документов (проект Кириллова, указы Анны Иоанновны, привилегия Оренбургу и т. д.)⁵, а также на собственный личный опыт, Рычков считал главной причиной экспедиции стремление русского правительства совершить военно-политический и экономический прорыв вглубь Средней Азии, в рамках которого основание Оренбурга «ко удержанию многих авантажей в Азии, особливо же для умножения коммерции служить будет, также и о... великой прибыли от руд и минералов, кои как внутри Башкирии, так и вне оной в киргиском и в прочих тамошних владениях находятся»⁶, а сам этот прорыв понимался как логичное продолжение и реализация замыслов Петра Первого, который «изволил... героичным своим намерением путь во всю полуденную Азию отворить, а своеволь-

ной башкирской народ на вечное время обуздать».

Непосредственное же начало экспедиции Рычков связывал с присягой хана Младшего жуза Абулхаира, его сыновей и старейшин русской императрице, который (Абулхаир) и попросил правительство об учреждении крепости на реке Орь с целью протекции казахов как от соседних башкир, так и от «зюнгорских калмык»⁷.

Будучи не только первым историком экспедиции 1734–1744 гг., но и ее непосредственным участником и современником, Рычков во многом ретранслировал тот взгляд на причины происходящего, который был у вдохновителя и первого руководителя экспедиции — И. И. Кирилова.

Следующей крупной работой, освещавшей Оренбургскую экспедицию и ее причины, стало «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» Алексея Ираклиевича Левшина, опубликованное в 1832 г. В ее втором разделе, озаглавленном как «Исторические известия», Левшин подробно рассматривал историю Казахстана от основания самостоятельного ханства вплоть до современного ему времени.

В общем и целом исследователь полностью разделял концепцию Рычкова об экспедиции как о полностью внешнеполитическом предприятии, но существенным достоинством его работы было подробное и сравнительное сопоставление истории всех трех жузов, их взаимоотношений друг с другом, с Российской империей и с другими центрально-азиатскими народами (башкирами, калмыками, джунгарами, государствами Средней Азии, державой Надир-шаха), позволившее составить гораздо более подробную и нюансированную картину геополитики и международных отношений в регионе, а равно места Оренбургской экспедиции в ней⁸. Также следует отметить привлечение Левшиным для исследования новых документов, таких как отчеты А. И. Тевкелева, переписка между Петербургом и провинциальными органами власти и т. д.

Уже два года спустя была выпущена небольшая брошюра Ивана Васильевича Жуковского «Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 г. чиновником, состоящим при оренбургском военном губернаторе по особым поручениям И. Жуковским». Будучи скорее учебным пособием для «питомцев»⁹ Оренбургского Неплюевского военного училища, чем строго исследовательской работой, данная работа также полностью повторяет взгляд Рычкова, но ее ценность состоит в том, что, во-первых, это по-видимому первое произведение, автор которого поставил своей целью изложить всю известную историю региона и, в частности, отношений баш-

кир и русских властей, а также одна из немногих работ дореформенного времени, которая, будучи посвящена данной теме, была при этом самостоятельной и строго исторической (труд Рычкова был скорее разросшимся приложением к основной «Топографии...», у Левшина же историческая часть представляет лишь фрагмент этнографического исследования, да и многие последующие работы не были вполне историческими).

В 1837 г. Иосиф Львович Дебу, служивший в 1827–1832 гг. гражданским губернатором Оренбурга, выпускает «Топографическое статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии»¹⁰, в конце которого помещает «Общие замечания об Оренбургской губернии», представляющие собой сжатое изложение истории региона, начиная от его присоединения к России, но с упором на события после основания экспедиции и губернии. В отличие от предшествовавших авторов Дебу совершенно не упоминает о событиях, связанных с присягой Абулхаира и Младшего жуза, а равно и о планах экспансии в Среднюю Азию, но делает акцент на необходимости усмирения башкир, получающих характеристику «народа не образованного, дикого, приобывшего по врожденной склонности действовать произвольно, не признавая никакой над собою власти», причины же экспедиции видит в стремлении правительства принять «такие меры, кои бы положили предел необузданному своевольству, а через то содействовали будущему благосостоянию сего дико-степного народа»¹¹. Таким образом, Дебу первым вводит в историографию, во-первых, альтернативную концепцию причин экспедиции и, во-вторых, впервые вводит в текст собственно историографическую часть, упоминая и даже критикуя работы предшественников — Рычкова и Жуковского¹².

Двадцать два года спустя, в 1859 г., Василий Макарович Черемшанский публикует «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях», в начале которого помещает раздел «Краткая история Оренбургской губернии». В данном разделе автор излагает историю региона от присоединения к Московскому царству и до 1851 г.¹³ Работа интересна более подробным, чем у того же Жуковского, изложением башкирских восстаний и правительственной политики в крае в XVI–XVII вв., а также описанием как стихийного, так и организованного поселенческого движения русских, тептярей, мещеряков в Башкортостане. В рамках этого подхода Оренбургская экспедиция позиционируется как логичное продолжение и усиление прежней колонизационной политики, призванное усмирить и замирить непокорных башкир (в отличие от Дебу Черемшанский упоминает о планах Кирилова в отношении Средней Азии, но не придает этому существенного места в своем повествовании)¹⁴.

В 1861 г. Нил Александрович Попов выпускает работу «В. Н. Татищев и его время. Эпизод из

истории государства, общества и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия», в третьей главе которой («Сибирские горные заводы и Оренбургская экспедиция») не только описывает деятельность Татищева во главе Оренбургской экспедиции, но и дает довольно подробный очерк русско-башкирских отношений во второй половине XVI — первой четверти XVIII в., опираясь на массив архивных источников и опубликованных работ, возвращаясь к высказанной еще Рычковым концепции об экспедиции как о внешнеполитическом предприятии, предпринятом в связи возможностями, открывшимися после присоединения Младшего жуза¹⁵.

Однако Попов помещает данный нарратив в более широкий контекст русской политики в отношении Башкирии и связывает со стремлением правительства усмирить и замирить непокорную страну (так, Попов упоминает о «Записке о башкирском вопросе» Воынского и начале строительства новой Закамской линии крепостей еще в конце 1720-х гг.).

Первой специальной монографией, посвященной русской политике в Башкортостане и в частности Оренбургской экспедиции, может считаться «Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель» 1869 г. Николая Алексеевича Фирсова, поставившего цель «собрать печатные сведения насчет того, в какие условия жизнь инородцев, входивших в состав прежнего Казанского царства или тянувших к нему, старалась поставить и поставила новая Россия, — с указанием, где возможно, результатов от возникавших вследствие того отношений для жизни как русских, так и инородцев»¹⁶. Во втором разделе своей работы Фирсов подробно описывает имперскую политику в регионе в первой половине XVIII в., от Алдар-Кусюмовского восстания 1705–1707 гг. до назначения И. И. Неплюева на должность главы экспедиции, анализируя основные тенденции в имперской политике, программу и цели башкирских восстаний (а также их связи с другим инородческим населением и беглыми русскими поселенцами региона), подробно раскрывая планы Петра Первого по экспансии в Среднюю Азию¹⁷.

В целом Н. А. Фирсов рассматривает Оренбургскую экспедицию как очередной и решающий этап в борьбе между азиатским, мусульманским и отсталым башкирским обществом, с одной стороны, и европейским, христианским и цивилизующим российским государством — с другой¹⁸, разворачивавшейся вокруг того, будут ли укреплены и интегрированы в государственный организм башкирские земли (что позволит продвигаться вглубь Средней Азии и умножить силу страны) либо же на восточных рубежах империи будет создано враждебное России тюркское государство. Весьма характерна приводимая автором оценка экспедиции: «такое дело... составляет один из важных подвигов, когда-либо совершенных человеческими обществами на пути развития»¹⁹.

В известной мере позицию Н. А. Фирсова о причинах экспедиции можно охарактеризовать как комбинированную, учитывающую как внутри-, так и внешнеполитическое измерение событий 1734–1744 гг.

Сергей Михайлович Соловьев, основатель и виднейший представитель государственной школы в отечественной науке, в четвертой главе XX тома «Истории России с древнейших времен до наших дней» (1870) также освещает события Оренбургской экспедиции, ограничиваясь, впрочем, скорее подробным описанием ее хода, и лапидарной формулировкой: «Закрепление окраин составляет одну из самых видных черт правительственной деятельности в царствование Анны»²⁰. Из этого, а также из того, что повествование об экспедиции помещено в одной главе с описанием политики Петербурга в отношении гетманской Украины, на наш взгляд, можно сделать вывод, что Соловьев считал главной причиной экспедиции стремление замирить и интегрировать в общеимперское пространство Башкирию, не придавая большого значения геополитическим амбициям ее участников.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что дореволюционные авторы сформулировали ко второй половине XIX в. две концепции, объяснявшие причины Оренбургской экспедиции, которые для простоты изложения можно обозначить следующим образом:

1. Позиция П. И. Рычкова, рассматривавшего экспедицию как попытку развернуть полномасштабную экспансию в Центральной Азии в условиях присоединения Младшего жуза — в известном смысле завоевательное мероприятие, в рамках которого Башкирия была не более чем пространством для размещения Оренбургской крепости и плацдармом для приготовления рывка в по-настоящему богатые и желанные области континента (Бухара, Хива, Самарканд, Балх, Бадахшан и т. д.), вопрос же усиления порядка в крае, усмирения башкир был второстепенным.

Подобный взгляд восходил непосредственно к «Проекту об удержании в русском подданстве киргиз и способов управления ими» И. И. Кирилова и потому был аутентичен воззрениям непосредственных участников экспедиции.

В той или иной степени он разделялся А. И. Левшиным, И. В. Жуковским, Р. Г. Игнатьевым, Ф. М. Стариковым, В. Н. Витевским и П. Н. Столпянским.

2. Позиция И. А. Дебу, рассматривавшего экспедицию как внутривластное мероприятие, призванное прочно утвердить имперскую власть в отдаленной и мятежной провинции, продолжение общей для XVI–XVIII вв. политики централизации и укрепления русского государства.

Проследить корни подобного взгляда труднее, но, на наш взгляд, покоился он, во-первых, на определенной аберрации сознания. А именно, разделявшие его исследователи писали уже в XIX в., почти или даже более чем век спустя от

времени экспедиции, когда Южный Урал был в значительной степени замирен, заселен русскими крестьянами и освоен в качестве промышленного центра, и вследствие этого воспринимали его если не прямо как национальную русскую территорию, то определенно не как чужую и завоеванную землю, а потому рассматривали перипетию русско-башкирских отношений как борьбу государственного начала с местечковой анархией и сепаратизмом. Во-вторых, данный взгляд восходил к изучению тех мероприятий правительства, которые принимались до и помимо экспедиции, таких как: строительство Новой Закамской линии, попытки распространить налогообложение, собственность государства на природные ресурсы и иные общеимперские порядки на Башкирию в течение XVII в., проекты других государственных деятелей 1720–1730-х гг. («Представление о башкирах» В. Н. Татищева, «Записка о башкирском вопросе» А. П. Волынского, «Сведения о башкирах» Юхнева, написанные по заказу Георга Геннина). В-третьих — послезнание: поскольку экспедиция не добилась поставленных внешнеполитических целей и ее главным результатом стала именно полномасштабная колонизация Башкортостана, в дальнейшем исследователи рассматривали ее от начала и до конца именно в подобном ключе. Помимо И. А. Дебу подобные взгляды высказывали в своих работах В. М. Черемшанский, С. М. Соловьев и А. А. Алекторов.

Особняком здесь стоят работы Нила Попова и Николая Фирсова, которые, прямо указывая на амбициозные планы Кирилова и русского правительства как на двигатель новой политики на юго-восточных рубежах, помещали данные намерения в широкий контекст предшествующей политики русского государства в отношении Башкирии и восстаний местного населения как реакции на нее, в рамках которой экспедиция была радикальным сломом этих отношений в пользу Российской империи.

Работы последующих десятилетий характеризовались углублением и дополнением уже изученных вопросов («История Оренбургской губернии» А. А. Алекторова 1883 г., первое со времен Рычкова специальное исследование по истории губернской истории²¹; «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.» В. Н. Витевского 1897 г., пятитомная монография об истории края с древнейших времен до 1758 г. с упором на эпоху губернаторства Ивана Неплюева, содержащая также его подробную биографию²²; «Взгляд на историю Оренбургского края» Р. Г. Игнатьева 1881 г., работа, охватывающая историю Южного Урала от первых археологических и письменных сведений о нем до восстания Емельяна Пугачева включительно, его же «Киргизы Оренбургского ведомства в XVIII столетии», выпущенная годом ранее и охватывающая схожий временной период, но с большим акцентом на политической истории казахов и их взаимодействии с имперскими властями²³), а также разработкой более частных сюжетов (биографиче-

ские очерки Руфа Игнатъева «Иван Кирилович Кирилов, основатель Оренбургского края» и «Ка-ракасаллже-хан Башкирии» 1880 г.²⁴; «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты» Ф. М. Старикова 1891 г., в котором автор рассматривает события 1734–1744 гг. через призму местного казачьего сословия²⁵; «Сборник материалов для истории Уфимского дворянства, составленный В. А. Новиковым в 1879 году», в котором рассмотрение идет уже с точки зрения дворянского сословия²⁶; «Город Оренбург» П. Н. Столянского 1908 г. — первая работа, системно изучающая историю Оренбурга как города²⁷; «К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации» А. А. Дмитриева 1900 г. — монография, специально изучавшая экономическую сторону отношений между Башкирией и Россией²⁸). Отдельно следует отметить работу Александра Ивановича Добромыслова «Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг.» (1900) — первое в дореволюционной историографии исследование, специально посвященное восстанию башкир в годы экспедиции²⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что в дореволюционной исторической науке были выработаны первые концепции, объяснявшие причины экспедиции и ее роль в истории страны, введены в научный оборот ключевые письменные источники, написан ряд специальных работ об истории Башкортостана в составе России, об истории Оренбургской губернии, а также начато изучение социальных движений и социально-экономической истории страны в XVI–XVIII вв.

Примечания

¹ Материалы по истории России. Оренбург : Типо-лит. Ф. Б. Сачкова, 1900. Т. 1. С. 16.

² История башкирского народа. Уфа, 2011. Т. 3. С. 173.

³ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 64.

⁴ Рычков П. И. История Оренбургская по учреждениям Оренбургской губернии. Уфа, 2002. С. 20.

⁵ Там же. С. 28–32.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Там же. С. 21–22.

⁸ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 152–170.

⁹ Жуковский И. В. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 г. чиновником, состоящим при оренбургском военном губернаторе по особым поручениям И. Жуковским, Оренбург, 1832. С. 3.

¹⁰ Дебу И. А. Топографическое статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии, М., 1837. С. 4.

¹¹ Там же. С. 206–207.

¹² Там же. С. 2–3.

¹³ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 1–12.

¹⁴ Там же. С. 5–6.

¹⁵ Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории гос., обществ. и част. жизни в России, первой половины прошедшего столетия, М., 1861. С. 134–192.

¹⁶ Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель. Казань, 1869. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 211–304.

¹⁸ Там же. С. 230–232.

¹⁹ Там же. С. 242.

²⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 20. М., 1878. 606 с.

²¹ Алекторов А. А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.

²² Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897.

²³ Игнатъев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Уфа, 2013. Т. 9. С. 80–183, 259–345.

²⁴ Там же. С. 19–50, 53–80.

²⁵ Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891.

²⁶ Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства, составленный В. А. Новиковым в 1879 году. Уфа, 1903.

²⁷ Столянский П. Н. Город Оренбург. Оренбург, 1908.

²⁸ Дмитриев А. А. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермь, 1900.

²⁹ Добромыслов А. И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. Оренбург, 1900.

М. П. Данцева, С. А. Сергеев

Златоустовские минералы в коллекциях специализированных учебных заведений России второй четверти XIX века: к истории формирования

Южный Урал занимает важное место в истории России. Это преимущественно металлургический и горнодобывающий регион. Одним из старейших его районов является Златоустовский горный округ, образованный 3 (15) октября 1811 г.¹ На протяжении долгого времени, несмотря на изменение статуса в декабре 1919 г., он продолжал исправно служить России. Наряду с развитием металлургии здесь велась добыча минералов и руд. Наиболее продуктивным в этом отношении стал именно XIX в., когда было положено начало описанию геологического многообразия Южного Урала, что привело к прорыву

в развитии отечественной геологоразведки и минералогии. Многие минералы, найденные на рудниках Златоустовского горного округа, вошли в коллекции ведущих специализированных учебных заведений России, а сегодня являются музейными экспонатами.

Изучение геологического разнообразия Златоустовского горного округа является популярным направлением у исследователей разных исторических периодов. Из дореволюционных авторов — И. В. Мушкетов², среди первых советских исследований можно выделить «Материалы к изучению природных ископаемых богатств Южного

Урала»³ и «Состояние и ближайшие перспективные наметки геологоразведочных работ по Златоустовскому округу»⁴. К послевоенным исследованиям можно отнести сборник докладов по комплексным исследованиям земной коры и верхней мантии Уральского складчатого пояса «Глубинное строение Урала»⁵. Современные исследования о Златоустовском Урале, как части Златоустовского горного округа, представлены популярным сборником публикаций «Таганай — гора молодого месяца»,⁶ статей «Ахматовская копь — геологический памятник Златоустовского Урала» А. Ш. Каримуллиной⁷ и наиболее авторитетным изданием, резюмирующем все предыдущие исследования, — «Минералы Златоустовского Урала» В. С. Долгова, А. В. Козлова и М. С. Середы⁸. В нем повествуется о минералах известных златоустовских копей, приводятся сведения о геологической истории Златоустовского Урала и дается краткий обзор истории его изучения геологами и минералогами.

Однако следует отметить, что ни в одном из них тема формирования коллекций минералов практически не рассматривается, что доказывает необходимость и актуальность изучения этого вопроса.

Цель настоящей статьи — изучить фрагменты истории, связанные с формированием коллекций минералов Златоустовского горного округа при специализированных учебных заведениях России второй четверти XIX в.

Источниками в исследовании выступают документы фондов архива Златоустовского городского округа, содержащие информацию о формировании и отправке партий минералов в специализированные учебные заведения при военизированных ведомствах Российской империи: каталоги, приказы, требования, регистры⁹.

С промышленным освоением Урала открылась новая страница в истории России. Начало освоения это региона государством и частным капиталом¹⁰ приходится на вторую половину XVI в.¹¹, и к началу XX в. оно достигает апогея, когда за Уралом прочно закрепился статус ведущего региона по производству черного металла в России. Известный исследователь горнозаводского Урала М. П. Вяткин отмечает, что к началу XX в. горнозаводской Урал объединял такие виды горной промышленности, как черная металлургия, выплавка меди, добыча золота и платины. Управление же промышленностью строилось на окружающей системе¹².

Согласно данным «Златоустовской энциклопедии» Златоустовский горный округ был образован решением Государственного совета от 3 октября 1811 г. в составе Златоустовского (главный) Кусинского, Саткинского, Артинского и Миасского заводов (с 1815)¹³. Он был шестым казенным округом по времени создания и самым крупным среди казенных и частных горных округов России XIX в. На его предприятиях было занято свыше 6 тыс. человек. Территория округа составляла более 7 тыс. кв. км и прости-

ралась с юга на север на 126 км, с запада на восток — на 120 км. Основной продукцией предприятий округа были сталь и чугун, поставлявшиеся в основном на оборонные предприятия России, а также артиллерийские снаряды и холодное оружие. В XIX в. по выпуску стали и снарядов округ занимал первое место среди казенных и частных горных округов России¹⁴.

Несмотря на то что основная значимость округа заключалась в металлургическом промышленном производстве, основой этого производства был минеральный потенциал — руды и минералы, хранящиеся в недрах Уральских гор. На свет они появлялись из рудников и минеральных копей — минеральных месторождений, вскрытых горными работами, со старательской или промышленной добычей¹⁵.

На территории самой крупной из заводских дач округа — Златоустовской — находились шесть медных рудников, 42 железных, 30 месторождений различных строительных материалов, четыре мраморных карьера, четыре минеральные копи¹⁶. Основными рудными минералами, добывавшимися около Златоуста, были бурый железняк (гидрогётит и лимонит) и гидрогематит; второстепенными — пиролюзит, манганит, гётит, пирит, магнетит. Руда всех месторождений содержала малые количества соединений фосфора и серы, что обусловило высокое качество выплавлявшегося из этих руд металла. Содержание железа в руде колебалось в пределах 45–55 %¹⁷.

Недра дачи Миасского завода изобиловали запасами золота (Верхне-Карасинская, Городская россыпи)¹⁸, самарскита (Блюмовская копь)¹⁹, топаза и слюды (Прутовская копь)²⁰. Основой Саткинской дачи является так называемая Саткинская группа месторождений магнезита, которая известна с конца XIX в., активно же разрабатывается с 1900 г.²¹ В окрестностях Кусинского завода расположено богатейшее месторождение магнетит-ильменитовых руд. Кроме главных рудных минералов (ильменита и магнетита) в рудах присутствуют гематит, рутил, пирит, халькопирит, лейкоксен, а из нерудных минералов — роговая обманка, хлорит плагиоклаз, а также апатит, гранат, эпидот, биотит, кальцит²². Именно этот минеральный потенциал недр заводских дач Златоустовского горного округа и стал предметом научного интереса ученых России XIX в.

Таким образом, Златоустовский горный округ на момент своего создания в начале XIX в. был крупнейшим территориально-хозяйственным образованием на Урале. Являлся преимущественно промышленной площадкой для металлургической промышленности. Однако на территории округа имелись и богатые залежи минералов, изучение которых стало необходимостью для развития металлургического потенциала страны.

Одним из ведомств Российской империи, сыгравшим важную роль в развитии горнозаводского хозяйства первой половины XIX в., был учрежденный 1 января 1834 г. Корпус горных

инженеров. Это военизированное ведомство кроме заведования трудом горнозаводского населения казенных заводов и надзором за отношениями к рабочим частных заводууправлений выполняло и задачи научного плана. В составе корпуса находились ученый комитет и институт, преобразованный из старейшего в России Санкт-Петербургского Горного института, занимавшегося подготовкой горных инженеров — специалистов в области горнодобывающего и металлургических производств²³.

При корпусе действовали музей и магазин минералов (при Горном институте)²⁴. Именно для них по требованиям Департамента горных и соляных дел (1834)²⁵ и начальника штаба корпуса генерал-майора Константина Владимировича Чевыкина (1840, 1841)²⁶ добывались и направлялись необходимые образцы минералов Златоустовского округа. Судя по документам, для выполнения требований в Златоустовском горном округе в период с мая по октябрь²⁷ формировались поисковые партии для поиска цветных камней²⁸. Так, летом 1834 г. поисковой партией шихтмейстера П. В. Барбот де Марни были найдены четыре штуфа венисы и два штуфа окристаллованного хлорита, часть из которых направлена в Екатеринбург для передачи в Департамент горных и соляных дел²⁹. Другой партией под руководством коллежского секретаря Стрижева³⁰ в районе Миасской дачи летом 1842 г.³¹ был обнаружен крупный образец породы (штуф) тяжеловеса (топаза) весом 61 $\frac{1}{2}$ золотника (примерно 262,3 г)³². После получения тяжеловеса начальником штаба Корпуса горных инженеров 28 ноября 1842 г. была объявлена искренняя благодарность горному начальнику Златоустовских заводов П. П. Аносову и руководителю поисковой партии³³.

Интересной является находка, сделанная летом 1940 г. на Андреевском золотопесчаном руднике, расположенном в 50 верстах от Миасса. Это три куса (штуфа) талькового сланца, пронизанных золотом. Находка была доставлена в штаб корпуса 9 ноября 1840 г.³⁴ Нужно отметить, что не всегда затребованные штабом Корпуса горных инженеров образцы минералов удалось добыть. Такое положение 12 января 1842 г. констатировал горный начальник Златоустовского округа относительно деятельности летом 1841 г. цветной (поисковой) партии на территории дач Кусинского завода³⁵.

Найденные поисковыми партиями образцы вместе с каталогами упаковывались в ящики (укупоривались) и сдавались заводскими конторами на хранение экспедитору в главную контору Златоустовских заводов³⁶. Позже по приказу главной конторы посредством ближайшего по времени золотого каравана (транспорта) направлялись в Екатеринбург под надзор главного начальника горных заводов Уральского хребта, а далее в составе золотого транспорта — в столицу империи Санкт-Петербург³⁷. Как правило, между находкой и отправкой образцов проходил довольно

внушительный отрезок времени — более шести месяцев. Впрочем, отдельные образцы отправлялись обычной почтой³⁸.

Какие же минералы были интересны руководству Корпуса горных инженеров? Примером может послужить список, приложенный к письму № 6117 от 26 ноября 1842 г. начальника штаба корпуса генерала-майора К. В. Чевкина:

– из Ильменских и Назямских (Назминских) гор: корунд, алмазный шпат, циркон, апатит, пироксид моноцит, эшенит, перовскит, сфен желтый, вениса, диопсид, ксантафалит, лейхтенбергит, гидраргилит, везувиан, эпидот, элеолит, канкритнит синий и розовый, ильменит окристаллованный и сплошной, уранотантал, рутил, аквамарин, топаз, тяжелый шпат, окристаллованный хлорид, окристаллованный полевой шпат из тяжеловесных копий;

– из Раднинских гор: черный шерл;

– из Керебинского рудника: альбит, известковый шпат удвояющий, апатит;

– из горы Таганай: кианит³⁹.

В главной конторе Златоустовских заводов весь перечень минералов был распределен между Миасским и Кусинским заводами и отправлен для исполнения.

Следующим специализированным учебным заведением, интересующимся образцами минералов из окрестностей Златоустовских заводов, был Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Он входил в структуру специального военизированного формирования — Корпуса инженеров путей сообщения, образованного в Санкт-Петербурге осенью 1809 г. манифестом Александра I. Сам институт был создан для подготовки кадров инженеров-путейцев со сроком обучения четыре года⁴⁰. При институте действовал специализированный кабинет минералов⁴¹.

Возможность заполучить образцы минералов для учебного заведения была использована в конце лета 1834 г. сотрудником Корпуса путей сообщения майором Термином, находящимся в командировке в Екатеринбурге и Сысертском заводе⁴². О чем он 4 августа 1834 г. с просьбой обратился к горному начальнику Златоустовских заводов полковнику Павлу Петровичу Аносову. Двадцать восьмого ноября 1834 г. главная контора Златоустовских заводов выдала предписание о формировании коллекций⁴³. Просьба майора была удовлетворена, и в начале 1835 г. Миасская (9 января) и Кусинская (30 апреля) заводские конторы отчитались о собрании и подготовке коллекций минералов⁴⁴. Только в июне 1835 г. (почти через год) майор Термин получил два ящика с минералами и два каталога⁴⁵. Однако при сверке наличия минералов с каталогом Кусинского завода им были найдены расхождения⁴⁶. За коллекцию майор заплатил из своих средств⁴⁷ 50 руб.⁴⁸, из которых 25 руб. 19 сентября 1835 г. главная контора Златоустовских заводов направила Кусинской заводской конторе⁴⁹. Также за сбор минералов было выплачено вознаграждение в размере 1 руб. 33 $\frac{1}{4}$ коп. руководителю одной

из поисковых партий шихтмейстеру подпоручику Павлу Николаевичу Барбот де Марни⁵⁰.

Итак, в учебную коллекцию минералов при кабинете Института Корпуса инженеров путей сообщения вошли следующие образцы:

– из окрестностей Миасского завода: корунд, циркон, апатит, пилохлор, аметист, канкринит, сфен, аквамарин, асбест (фистехезир), гадолинит, мананит, панталит (титаническое железо), кристаллы белой слюды, зеленый полевой шпат, роговая обманка, благородный тальк, горький шпат. Они были найдены на склонах Ильменских гор, близ оз. Ильмень, Табакуль, Вшивое, на берегах р. Черемшанка, в Перво-Павловском руднике и старых Качевских копях⁵¹;

– из окрестностей Кусинского завода (партия под надзором П. В. Барбот де Марни): окристалованная вениса (гранат), окристалованный хлорит с диопсидом и сфеном на зеленом камне, окристалованный хлорит с венисой и дирпсидом на зеленом камне, диопсид с известковым шпатом на зеленом камне, эпидот с диопсидом на хлоритовом сланце, сфен с известковым шпатом, скаполит с окристалованным хлоритом на хлоритовом сланце, окристалованный хлорит с апатитом на зеленом камне, идокрасс с известковым шпатом на хлоритовом сланце, автомалит в тальке, сернокислый борит голубого цвета, окристалованный известковый шпат, яшмовидный зеленый известковый камень, хромиево железо, жилковатый гапс, ставролит в слюди-стом сланце. Минералы были найдены в Ахматовской копи, на берегах р. Ай и Иремель, на склонах Таганайских и Шишимских гор, близ дер. Тигово.

Таким образом, в период с 1834 по 1842 г. территория Златоустовского горного округа стала площадкой сбора образцов минералов для учебных коллекций двух крупных специализированных учебных заведений — Института Корпуса горных инженеров и Института Корпуса инженеров путей сообщения, находящихся в Санкт-Петербурге. В сборе коллекций принимали участие поисковые партии при Кусинском и Миасском заводах под руководством коллежского секретаря Стрижева и шихтмейстера подпоручика Павла Николаевича Барбот де Марни. Состав коллекций был разнообразным и включал в себя широкую номенклатуру минералов и полудрагоценных камней. Сбор коллекций проходил по заранее составленному требованию с перечнем необходимых образцов.

Примечания

¹ Козлов А. В. Златоустовский горный округ. Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область. URL: https://chelreglib.ru/media/files/dl/el_izdan/kalend2011/zlatoust-okrug.htm. (дата обращения: 15.10.2024)

² Мушкетов И. В. Материалы для изучения геогностического строения и рудных богатств Златоустовского горного округа в Южном Урале. СПб., 1877.

³ Материалы к изучению природных ископаемых богатств Южного Урала / сост. Л. Архипов, М. Шестопалов. Златоуст, 1929.

⁴ Состояние и ближайшие перспективные наметки геолого-разведочных работ по Златоустовскому округу: итоги работы 1-й геологоразведочной окружной конференции, 10–11 июля 1930 г. Златоуст, 1939.

⁵ Глубинное строение Урала / отв. ред. Л. Н. Овчинников. М., 1968.

⁶ Таганай — гора молодого месяца / ред.-сост. А. В. Козлов. Златоуст, 2011.

⁷ Каримуллина А. Ш. Ахматовская копь — геологический памятник Златоустовского Урала // Гороховские чтения : материалы второй регион. музейной конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2011. С. 334.

⁸ Долгов В. С., Козлов А. В., Середина М. С. Минералы Златоустовского Урала. Златоуст, 2007.

⁹ АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1161, 823, 1202.

¹⁰ Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 1–2, 26–27.

¹¹ Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. С. 135, 137.

¹² Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. / Акад. наук СССР, Ленингр. отд.-ние Ин-та истории. М. ; Л., 1965. С. 10.

¹³ Косиков Н. Златоустовский горный округ. URL: <http://blog.zlatcbs.ru/glossarij-zlatoust/30-g/1394-gornij-okrug>. (дата обращения: 19.10.2024).

¹⁴ Долгов В. С., Козлов А. В., Середина М. С. Указ. соч. С. 4.

¹⁵ Концепция геопарка «Самоцветная полоса Урала». Екатеринбург, 2013. С. 4.

¹⁶ Козлов А. В. Указ. соч.

¹⁷ Златоустовский горный округ. URL: <http://chel-portal.ru/en-4373>. (дата обращения: 19.10.2024).

¹⁸ Рудники Миасской дачи. URL: <https://uralmines.ru/rudniki-miasskoj-dachi> (дата обращения: 19.10.2024).

¹⁹ Губко Г. В., Левцова Н. Н. Блюмовская копь. Ильменские горы. URL: <https://studylib.ru/doc/2063800/blyumovskaya-kop> (дата обращения: 19.10.2024).

²⁰ Ильменский заповедник. URL: <https://gotonature.ru/1516-ilmenskiy-zapovednik.html> (дата обращения: 19.10.2024).

²¹ Саткинская группа месторождений // География России : словарь. М. : Большая Российская энциклопедия. URL: https://russian-geography.academic.ru/2599/Саткинская_группа_месторождений (дата обращения: 19.10.2024).

²² Бочарникова Т. Д., Холоднов В. В., Шагалов Е. С. Кусинское месторождение. URL: http://wiki.geologyscience.ru/index.php/Кусинское_месторождение#cite_note-1 (дата обращения: 19.10.2024).

²³ Корпус горных инженеров. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Корпус_горных_инженеров (дата обращения: 19.10.2024).

²⁴ АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1161. Л. 14, 16, 49.

²⁵ Там же. Д. 823. Л. 18.

²⁶ АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1161. Л. 16, 49 об. ; Россия. Корпус горных инженеров. Список генералам, штаб- и обер-офицерам Корпуса горных инженеров по 1 июня 1843 года. СПб., 1843. С. 3.

²⁷ АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1202. Л. 30, 43.

²⁸ Там же. Д. 1161. Л. 1–1 об., 15, 58 об.

²⁹ Там же. Д. 823. Л. 24, 26.

³⁰ Там же. Д. 1161. Л. 602, 63–63 об.

³¹ Там же. Л. 58 об.

³² Перевести золотники старорусские в граммы. Новый расчет. Калькулятор. Справочный портал. URL: <https://www.calc.ru/zolotnik-starorusskiy-v-gramm.html?source=61,5> (дата обращения: 19.10.2024).

³³ АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1161. Л. 60, 63–63 об.

³⁴ Там же. Л. 19.

³⁵ Там же. Л. 14 об.

³⁶ Там же. Л. 1–1 об.

³⁷ Там же. Л. 14 об., 15.

³⁸ Там же. Л. 19.

³⁹ Там же. Л. 50.

⁴⁰ Элита Российской империи: инженеры путей сообщения. Военное обозрение. 2 февраля 2019 г. URL: <https://topwar.ru/153417-jelita-rossijskoj-imperii-inzheneriy-putej-soobschenija.html> (дата обращения: 17.10.2024).

⁴¹ АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 823. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 1, 2.

⁴³ Там же. Л. 8, 11.

⁴⁴ Там же. Л. 8, 8 об., 11.

⁴⁵ Там же. Л. 16.

⁴⁶ ДЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 823. Л.16.⁴⁷ Там же. Л. 4.⁴⁸ Там же. Л. 16.⁴⁹ Там же. Л.17.⁵⁰ Там же. Л. 11, 17, 24.⁵¹ Там же. Л. 9–10 об.

Н. Н. Алеврас

Диссертации военного времени: М. К. Рожкова и А. Б. Закс об истории Кавказа и Закавказья первой половины XIX века¹

Авторов представляемых диссертаций связывают выбранный ими для изучения Кавказский регион России, история его народов, характер и специфика их жизни и деятельности в контексте военно-политической ситуации в России, расширявшейся с начала XIX в. диапазон своего военно-политического, экономического и культурного влияния на территории Кавказа и Закавказья. Их диссертации стали одними из первых опытов изучения социально-экономических процессов, происходивших в Закавказье (диссертация М. К. Рожковой), а также повстанческих движений в северо-восточных районах Кавказа 1830–1840-х гг. (диссертация А. Б. Закс).

Несмотря на тяжелейшие испытания, выпавшие на долю советских людей периода Великой Отечественной войны, научная деятельность ученых, в том числе нацеленная на разработку диссертационных исследований с последующей их защитой, воспринималась как актуальная научная задача. В поле зрения автора — тексты диссертаций, создававшиеся в 1942–1944 гг. Научная судьба диссертантов, принадлежавших к одному поколению, складывалась по-разному: если Мария Константиновна Рожкова (1898–1982) работала над созданием диссертации еще в довоенное время и защитила ее в 1942 г., то диссертационный проект Анны Борисовны Закс (1899–1996) разрабатывался уже в условиях войны.

М. К. Рожкова, о жизни и деятельности которой известно не так много, работала над кандидатской диссертацией, тематически ориентированной на изучение развития промышленности в Закавказье, имея в виду отрасль шелковой промышленности². В диссертации нет какой-либо вводной части с постановкой целей и задач исследования. Автор не обратилась ни к характеристике используемого информационного ресурса, ни к историографическим опытам изучения экономической жизни территорий Закавказья (Грузии и Азербайджана), присоединяемых к России в ходе целого ряда российских военно-политических акций XIX в. Известно, что тематика ее кандидатской диссертации получит определенное продолжение в докторском исследовании, защищенном ею в Институте истории АН СССР в 1948 г. под названием «Экономическая политика царского правительства на Среднем востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия». Не выявлено прямых свидетельств о наличии у М. К. Рожковой научного руководителя. Но в диссертации она неоднократно ссылалась на «материалы» Ольги Петровны Марковой

(1890–1975). Маркова в 1922 г. окончила факультет общественных наук Московского университета и проявляла собственный интерес к истории Закавказья в серии своих публикаций³. В октябре 1940 г. Маркова написала отзыв на одну из статей Рожковой. При этом название статьи, текст которой выявить не удалось, было идентично наименованию ее будущей кандидатской диссертации. На основе подобных наблюдений можно предполагать наличие научных контактов диссертантки с О. П. Марковой и возможную причастность последней к научной поддержке работы Рожковой над диссертацией.

А. Б. Закс в 1925 г. тоже окончила факультет общественных наук Московского университета. Ее многолетняя научная деятельность и вклад в развитие музейного дела в стенах Государственного исторического музея трудно переоценить. Будучи нацеленной на сохранение памяти о поколении ученых-историков своего времени и их творческой деятельности, она до конца своих дней публиковала свои мемуарные свидетельства о современниках. Личность Анны Борисовны как человека, последовательно придерживавшегося принципов честности в науке, предстает как некий образец борца за чистоту научных помыслов ученых в их историко-научных наблюдениях и выводах. Существенная часть мемуаров А. Б. Закс, нацеленных на реализацию ее научных интересов, подготовку и защиту ею диссертации в 1940-е гг., воплотилась в одной из ее статей⁴, когда автору исполнилось уже 90 лет.

А. Б. Закс отмечала, что она интенсивно работала над текстом диссертации, который был у нее готов к концу 1944 г. В картотеке РГБ в сведениях об ее диссертации обозначен диапазон работы над ней, включая год защиты (1943–1946)⁵. Несмотря на то что имени главного героя ее исследования — Ташева-Хаджи — нет в названии диссертации, именно он явился основным объектом ее изучения. Уже в преклонном возрасте, в 1989 г., вспоминая о работе над диссертацией и уточняя ее особенности, она констатировала в вышеуказанной статье: «Мне не пришлось быть в аспирантуре. Я не имела научного руководителя. Никто не давал мне темы диссертации. Я не думала о ее защите. Тема наметилась в процессе моей практической работы в Государственном историческом музее». А. Б. Закс самостоятельно создавала свой научный текст. Ее диссертация четко структурирована: в ней имеется вводная часть с обоснованием темы диссертации и характеристикой источников. В конце текста

диссертации представлены списки использованных архивных дел, исторических источников и научных исследований.

Основные сюжетные линии и тематическая структура довольно объемной по листажу диссертации М. К. Рожковой⁶ подчинены авторскому замыслу: во-первых, ее версии о колониально-экономическом характере политики царизма в Закавказье, оцениваемой ею сугубо в критическом ключе (гл. I); во-вторых — исследованию формирования шелководства и шелковой промышленности в России (гл. II) и организации этой отрасли в новом, «колониальном» регионе России — в зоне экономик Грузии и Азербайджана (гл. III). Текст диссертации содержит представленный ею опыт опоры на статистический материал, характеризующий торговые обороты российских и закавказских купцов, численность и социальную структуру населения отдельных районов Закавказья, втянутых в торгово-предпринимательскую деятельность. Автор фиксирует связи формирующегося буржуазного слоя с зарубежными рынками применительно к первой половине XIX в. Критическая позиция по отношению к самодержавию и формировавшемуся буржуазному слою в России данного времени привели ее к характерному наблюдению: «...в [18]30-х гг. российское самодержавие сделало попытку превратить Закавказье в колонию, опираясь на буржуазию метрополии. Однако <...> совершенно ясно обнаружилась слабость русской буржуазии, ее несостоятельность в борьбе с английской конкуренцией и неспособность сделать Закавказье сырьевой базой и рынком сбыта для произведений русской промышленности».

Уточняя свои исследовательские задачи, Рожкова одной из первых погружается как в технологию производства шелка, так и в историю российского шелководства, полагая, что в России изучаемого периода эта отрасль создавалась в виде мануфактурного производства, тесно связанного с «домашней промышленностью» и в значительной степени «зависящего от нее».

Кавказская война, по версии М. К. Рожковой, актуализировала «вопрос об удовлетворении русской промышленности собственным колониальным сырьем». Имея в виду сырье для развития шелководства и отмечая опыт развития подобной отрасли в Закавказье, она учитывала наличие этой отрасли в наиболее развитых шелководческих мировых центрах Ирана, Турции, Франции, Италии. Обращаясь к особенностям российского шелководства и ориентируясь на информацию из российского «Журнала мануфактур и торговли», Рожкова констатировала застойный характер его развития в России первой четверти XIX в., однако отмечала медленную тенденцию роста шелководческих предприятий в России. По ее наблюдениям, с 215 подобных заведений, имевшихся в 1825 г., к 1857 г. их стало 256.

Центром развития отрасли М. К. Рожкова считала Московскую губернию. Подчеркивая, что шелковые фабрики в России были типичными

мануфактурами, она фиксирует первые опыты приобретения купцами Рогожинными (из Фрянова) жаккардовых станков у немецкого механика Канегисера. А шелковый фабрикант Карпов в 1826 г. использовал на своей фабрике уже 100 жаккардовых станков для создания узорчатых тканей. Рожкова подчеркивает и такую особенность: несмотря на существенно меньшее количество подобных заведений в Петербурге, в техническом отношении они были выше московских.

Одним из оригинальных аспектов ее диссертации является сюжет о деятельности в 1820-е гг. французского купца Кастелло, добившегося права создания компании для устройства шелкомотальных и тростильных заведений в Закавказье, заявив о сумме своего капитала в 200 тыс. франков. Однако, как оказалось, ни он, ни его компаньоны такой суммой не обладали. Рожкова пришла к выводу, что «Кастелло явился в качестве ловкого предприимчивого <...> авантюриста, и надеялся нажить капитал, эксплуатируя русскую буржуазию». Тем не менее ему удалось в 1826 г. получить «привилегию» «на мотание и трощение шелка в Закавказье». Он получил разрешение и на поиск участка, благоприятного для создания своего предприятия. Однако, не завершив реализацию проекта, в 1828 г. Кастелло умирает.

Из контекста диссертации Рожковой, которая при упоминании конкретных персон не обозначала их инициалов, вытекает, что одним из первых личностью Кастелло заинтересовался князь Голицын. Из событийной стороны истории создания фабрики Кастелло можно полагать, что речь могла идти об Андрее Борисовиче Голицыне. Полное его имя диссертант дала лишь при упоминании немецкого путешественника Andreas Fedor Jagor (1816–1900) (в тексте диссертации его имя вписано автором от руки). Рожкова сообщает, что одну из своих книг Jagor посвятил «Андрею Борисовичу Голицыну» и что он весьма позитивно оценил качество продукции предприятия Кастелло, взятого Голицыным после его смерти под свой контроль: «Я удивился красоте и отличной тонкости пряженного шелка, который выходит из его мануфактуры», — констатировал Jagor. Благодаря этому пассажи стало возможным идентифицировать «безымянную» личность Голицина. Подчеркну: именно он в 1830 г. разработал «План компании акционеров для распространения шелководства в Закавказском крае».

В заключительных фрагментах диссертации Рожкова обвиняет русскую буржуазию «в том, что она была недальновидна и не смогла создать промышленность по образцу западноевропейских стран», но не актуализировала характер специфики российской экономической жизни дореформенного времени на фоне европейского опыта.

В современных гуманитарных исследованиях интерес к давней истории развития закавказского шелководства поддерживается и поныне, пополняя перечень современников, втянутых в эту

историю. Характерна недавняя статья филолога Н. А. Тарховой. Она раскрывает интерес к этой отрасли, проявленный со стороны многогранного деятеля А. С. Грибоедова и чиновника Министерства финансов П. Д. Завелейского, служившего с 1928 г. в Грузии⁷.

Переходя к диссертационному опыту А. Б. Закс, отмечу, что основного своего героя — Ташева-Хаджи — она характеризовала сквозь призму социально-экономического развития Чечни первого десятилетия XIX в. Автор сосредоточивается на вопросах, позволявших «выяснить роль Чечни в период создания имамата и определить особенности политики в этом регионе имама Шамиля и его наиба — Ташева Хаджи». Общую социально-экономическую ситуацию на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня, «Кумыкская земля») диссертант оценивала как результат «переплетения» здесь феодальных отношений и патриархального строя. Она фиксировала, что в середине 1830-х гг. на Кумыкской земле и в приморском Дагестане «было окончательно установлено русское управление». Не присоединенными к России остались Горный Дагестан и Чечня. Констатируя, что «чеченцев привлекала перспектива свободной жизни и свободного владения землей», Закс подчеркивала, что мусульманское духовенство не пользовалось особыми привилегиями и занималось в рамках сложившихся традиций хлебопашеством и торговлей.

На фоне культуры повседневной жизни нижней и горной Чечни А. Б. Закс отмечала, что именно по Черным горам — в верховьях притоков Сунжи — сохранились черты патриархально-родового строя. Учитывая особенности жизни чеченцев, она выявила наиболее очевидные тенденции в управлении горными территориями со стороны российского военного командования, поддерживавшего, по ее наблюдениям, «слабеющую власть князей», ставших в дни чеченского восстания 1840 г. его прочной опорой. Сделанные ею акценты вполне выражают критическую позицию Закс в адрес представителей русской военной администрации, сохранявшей, на ее взгляд, равнодушие к судьбам коренных жителей народов Кавказа. Характеризуя историографическую ситуацию, Закс констатировала, что на фоне повышенного интереса к истории Кавказской войны вопросы развития освободительного движения горцев остаются за пределами интересов историков.

Изучая экономическую основу жизненного пространства народов Кавказа, А. Б. Закс отмечала благотворное влияние Дагестана на развитие в Чечне разнообразных промыслов — кузнечного, оружейного, ювелирного и др., фиксируя что они у чеченцев совмещались с земледелием и скотоводством. Ссылаясь на свидетельства очевидцев, она подчеркивала многочисленные факты внутренних конфликтов в среде чеченцев, более всего связанных с «поземельными спорами». Обращаясь к особенностям их социально-экономической культуры, автор констатировала,

что «земля, раньше свободная, а к XIX веку уже плотно заселенная, была причиной кровавых распрей: сильный род мог завладеть ею индивидуально по праву первой «заимки», утвержденному адатом; мог захватить землю соседней тайпы, используя освещенное адатом право индивидуальной собственности на расчищенный участок».

Закс пришла к выводу, что у чеченцев к XIX в. «от древней коллективной обработки земли не осталось и следа», и отмечала, что в наиболее развитых районах горной Чечни процесс разложения родовых отношений был наиболее интенсивным. Все главы ее диссертации концентрируются на фигуре Ташева-Хаджи как лидере чеченской диаспоры Кавказского региона. Несомненно, А. Б. Закс была одним из первых ученых, взявшихся за разработку истории слабо в то время изученных и сложных для восприятия в XX в. традиций и особенностей культуры народов Кавказа XIX столетия.

Своим предшественником по научному интересу к истории кавказских народов Закс считала Н. И. Покровского (1897–1946), создавшего еще в довоенные годы серию научных статей на эту тему, а в 1938–1939 гг. защитившего одну за другой кандидатскую и докторскую диссертации, актуализируя зарождавшийся тогда интерес к кавказской истории и культуре⁸.

Обращаясь к историографическим аспектам диссертации, А. Б. Закс представила анализ исследований, касавшихся персонажей ее диссертационного труда. Она критически оценила кандидатскую диссертацию С. К. Бушуева «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля» (М., 1938), подчеркнув, что вопросам стратегии и тактики действий Шамиля им не уделено «почти никакого внимания». Не была ею принята и версия Р. Магомедова, «превратившего Шамиля в народного героя Грузии». Автора популярной брошюры «Шамиль» Н. Кровякина она уличила в прямом заимствовании материалов из неопубликованной в то время рукописи монографии Н. И. Покровского, находившейся в ряде издательских центров.

Отдельно Закс отметила отсутствие специальных исследований о деятельности главного героя своей диссертации. Отталкиваясь от факта его кумыкского происхождения, она отмечала преданность Ташева традициям чеченского народа, в среде которого он жил и к защите интересов которого был устремлен. Он предстает как человек, сформировавший свою идентичность как личность религиозной культуры ислама, высокообразованного и мудрого деятеля по меркам того времени. Став муллой, он претендовал на избрание имамом Чечни, что ему реализовать не удалось. Характеризуя устремленность Ташева к подобной деятельности, которую он закреплял при помощи распространения своих воззваний к чеченцам в условиях Кавказской войны, Закс приходит к выводу о признании в их среде его авторитета, подчеркивая, что обычно «именные воззвания были лишь у имамов» (гл. II). Его

активную деятельность она характеризует как результат стремления Ташева-Хаджи стать самостоятельным главой чеченцев в условиях Кавказской военной компании и в ситуации появления ряда иных претендентов на лидерство в Чечне. Характерно, что Ташев объявил борьбу с адатом как традицией «обычного права», отстаивая вводимый им единый закон — шариат, способствовавший, как он полагал, духовному объединению чеченцев для «священной войны» (гл. III). В условиях религиозно-политической конкуренции его соперником стал Шамиль, претендовавший на звание имама в границах всего Кавказа и имевший более основательную поддержку элитных слоев кавказских деятелей (гл. IV–V). Признавая заслуги и лидерские качества Ташева-Хаджи, Закс обосновывает вынужденное его согласие все же стать наибом Шамиля (гл. VI). Но взаимодействие Шамиля и Ташева заканчивается разрывом их отношений, затем — коротким примирением (гл. VII) и ранней смертью Ташева (гл. VIII), которую Закс в тексте диссертации датирует 1841 г. Однако много позднее в опубликованной ею статье о нем она выдвигает иную датировку — 1843 г.⁹ Предполагаю, что это уточнение могло произойти под влиянием публикации известного арабиста Р. Ш. Шарафутдиновой¹⁰, датировавшей его смерть этим годом на основе источника, созданного на арабском языке.

А. Б. Закс полагала, что в отличие от Шамиля Ташев-Хаджи был более консервативен и склонен к позиции сохранения родовых традиций жизни чеченцев. Симпатизируя ему как незаурядной личности, она констатировала социально-экономическую отсталость Чечни. Имея в виду героя диссертации, отмечала, что его военная деятельность и аграрная политика носили черты

«кастной ограниченности», приводившей в ряде случаев к сепаратизму, мешавшему развитию движения в целом. Закс считала, что в этом был корень его разногласий с Шамилем и определенная слабость позиции Ташева-Хаджи, приведшие в 1840 г. к его подчинению Шамилю.

Интерес к личности Ташева-Хаджи в свое время проявил известный историк Кавказа Н. А. Смирнов¹¹, представивший его «как наиболее серьезного конкурента Шамиля». Фигура Ташева-Хаджи привлекает внимание историков и поныне. Историк И. И. Ханмурзаев¹² — один из немногих, обращаясь к его личности, ссылается на текст диссертации А. Б. Закс.

Примечания

¹ Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда. Проект № 25-18-00259. URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00259/>

² Рожкова М. К. Из экономической истории Закавказья в первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 1942.

³ Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966.

⁴ Закс А. Б. Как я защищала свою диссертацию и пыталась ее опубликовать // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 164–167.

⁵ Закс А. Б. Из истории первого периода имамата Шамиля : дис. ... канд. ист. наук. М., 1943–1946.

⁶ Рожкова М. К. Указ. соч.

⁷ Тархова Н. А. Промышленная компания Кастилло в Тифлисе (К истории Российской Закавказской компании А. С. Грибоедова и П. Д. Завелейского) // Русская литература. 2026. № 3. С. 153–159.

⁸ Алеврас Н. Н. Защита диссертаций Николаем Ильичем Покровским в Ленинградском университете // Вестник СПбГУ. История. 2023. Т. 68, вып. 1. С. 259–276.

⁹ Закс А. Б. Ташев-Хаджи // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 140–145.

¹⁰ Шарафутдинова Р. Ш. Письмо наиба Ташев-Хаджи к Шамилю // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. М., 1977. С. 86–89.

¹¹ Смирнов Н. А. Юризм на Кавказе. М., 1963. С. 61–63.

¹² Ханмурзаев И. И. Великий шейх Ташев-Хаджи из Эндирея // Исламоведение. 2012. № 1 (11). С. 104–107.

Е. М. Булгакова

Наука в годы войны: кандидатская диссертация Г. П. Рычковой (1943)¹

В последние годы в исторической науке все больше актуализируется проблематика научной повседневности военного времени и изучаются механизмы адаптации академического сообщества к экстремальным условиям. Особый интерес представляет исследование региональных центров, продолжавших научную работу в условиях эвакуации и сохранения исторического знания. Настоящая статья посвящена анализу кандидатской диссертации Галины Петровны Рычковой (1899–1979) «Борьба за власть Советов на Урале в 1917 г.», которую она защитила в 1943 г. в Свердловске в эвакуированном Московском государственном университете (МГУ).

Основным источником стал текст кандидатской диссертации Г. П. Рычковой, хранящийся в библиотеке МГУ. Работа Рычковой над диссертацией и ее защита уникальны для изучения диссертационной культуры, поскольку тема иссле-

дования неразрывно связана с ее судьбой, а мотивация защиты непосредственно сопряжена с условиями военного времени. Кроме того, анализ текста диссертации позволит выявить, какие темы и сюжеты были особенно актуальны в период Великой Отечественной войны. В военное время историческая наука не только выступала как источник знаний, но и становилась одним из инструментов мобилизации населения, напоминая о героических страницах прошлого и важности единства народа в непростое для страны время. Диссертация Рычковой является одним из таких примеров.

Еще одним важным источником стали материалы личного происхождения — воспоминания Г. П. Рычковой «Мгновения и годы», которые она опубликовала в 1972 г.² Защита Рычковой проходила в эвакуированном МГУ в 1943 г., однако документов, фиксировавших ее, не со-

хранилось, что характерно для источников 1940-х гг.

Методологическую основу исследования составили источниковедческий и нарративный подходы, а также контент-анализ. С помощью инструментов обработки текста удалось провести частотный анализ текста кандидатской диссертации и выявить семантическое ядро слов, использованных Рычковой при работе над диссертацией. Результаты нарративного анализа позволили выделить сюжетные схемы внутри текста и определить их роль в повествовании. Все это в комплексе позволяет интерпретировать диссертацию как документ эпохи, отражающий идеологические и мобилизационные черты исторической науки в военное время.

Прежде чем перейдем к анализу кандидатской диссертации, обратимся к биографии Галины Петровны Рычковой (Варокиной). Она родилась в Перми в 1899 г. в семье земских статистиков. Семья жила небогато, но сама Галина Петровна вспоминала их как интеллигентных людей, которые привили ей любовь к книгам³. В 1910 г. семья переехала в Чердынь — небольшой город на севере Урала. Галина Варокина училась в местной женской гимназии, но уже в старших классах была вынуждена пойти работать репетитором, чтобы помогать матери содержать семью.

В своих воспоминаниях Галина Петровна признается, что переломным моментом ее жизни стала Февральская революция 1917 г. В это время она оканчивала гимназию, и из Петрограда пришли вести об отречении царя, после чего она постепенно присоединялась к политическим демонстрациям и срывала царские портреты в гимназии. Рычкова вспоминала, что она и ее несколько подруг пробрались тайком вечером в гимназию, когда там уже никого не было:

Принесли лестницу, общими усилиями сняли со стены тяжелые портреты, стащили их вниз к одному из закрытых запасных выходов и спрятали под лестницей среди разного хлама. Наша одноклассница, озорная девчонка Людмила Нешатаева, похожая бесшабашной удалой на мальчишку, пришла на следующее утро рано в гимназию и раскопала эти портреты. Она тут же не замедлила внести свою лепту: выколола на портретах царским особам глаза⁴.

Вместе с этим Рычкова увлеклась чтением программ политических партий и была одним из организаторов тематического кружка. Но с работами В. И. Ленина она еще не была знакома, поскольку в Чердыни не было ссыльных большевиков.

В 1918 г. она окончила гимназию с золотой медалью, и в это время для установления советской власти прибыли лысьвенские красноармейцы. Среди них был будущий муж Галины Петровны — Александр Иванович Рычков, рабочий-металлург. В этом же году она вступила в РКП(б) и вышла замуж за Рычкова. Сама Галина Петровна в своих воспоминаниях пишет, что это был первый гражданский брак в Чердыни, без тра-

диционного церковного венчания, и что это вызвало серьезное неодобрение среди местного населения⁵. Пока Галина Петровна занималась агитационной работой, Рычков был избран военным комиссаром Чердынского уезда, а потом стал председателем Северо-Камского военно-революционного комитета.

В начале 1919 г. в ходе начавшейся Гражданской войны Александр Иванович Рычков был схвачен белогвардейцами неподалеку от с. Юрла и пленен. Перед смертью он давал наставления арестованным товарищам:

Прощайте, товарищи! Советская власть победит! Мне осталось жизни пять минут, но вы, кто останется в живых, отомстите врагам за все!⁶.

В это время Галина Петровна сама находилась под домашним арестом и узнала о гибели мужа от местных. Через несколько дней Чердынь освободили красноармейцы, она чудом осталась жива. По ее словам, именно этот жизненный период навсегда определил ее отношение к революции и царской власти.

После смерти мужа она некоторое время работала в Вятском и Пермском горкомах партии. В 1920 г. Рычкова уехала в деревню и стала заниматься ликбезом, где показала себя как преданный делу сотрудник и была направлена в Москву для прохождения дошкольных курсов. Именно в Москве на Всероссийском съезде работников просвещения она впервые увидела и услышала Ленина.

В 1926 г. Галина Петровна окончила Академию коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, куда попала по направлению Пермского горкома⁷. Вернувшись в Пермь в 1929 г., начала работать в Пермском краеведческом музее, в историко-архивном отделе. Здесь начала свой путь как исследователь и набирала задел для будущей диссертации. Ей стали доступны архивные документы, фотографии царских охранных отделений и появилась возможность пообщаться с большевиками, которые непосредственно участвовали в революции 1905–1907 гг. Ее источниковая база расширилась, когда она переехала в Свердловск и поступила на работу в Истпарт (Комиссию по истории партии и Октябрьской революции) при Уральском обкоме ВКП(б), а потом в партийный архив и Институт истории партии. Под ее авторством были подготовлены две книги: «Лысьва. Очерки по истории революционного движения на Лысьвенском заводе» (1932) и «Красная гвардия на Урале» (1933).

В Великую Отечественную войну Рычкова подготовила еще одну работу, посвященную революции 1917 г. на Урале, но издательство в печать книгу не приняло. Галина Петровна пишет в своих воспоминаниях:

Работу я готовила для печати, но в связи с военным временем издательская деятельность была сокращена, и мне посоветовали представить свою рукопись на защиту кандидатской диссертации⁸.

Такая ситуация со сложностями публикации научных трудов характерна для военного времени и подтверждается данными о состоянии регионального книгоиздания. Известно, что в этом же регионе в 1943 г. Челябингиз резко сократил план по количеству наименований выпускаемой продукции (69 вместо 105) и средний тираж экземпляров. Аналогичные процессы происходили и в других региональных издательствах Урала, в том числе в Свердловске⁹. Таким образом, единственным способом сохранить свой многолетний труд и опубликовать его была защита рукописи как кандидатской диссертации.

В начале войны в Свердловск был эвакуирован МГУ им. М. В. Ломоносова. Галина Петровна защитила диссертацию 5 мая 1943 г. на ученом совете гуманитарных наук Московского университета под председательством Н. К. Гудзия. В своих воспоминаниях она поделилась эмоциями от этого момента:

Мне пришлось изрядно поволноваться. Первою защищала кандидатскую диссертацию какая-то приезжая женщина. Она выступала вторично, прежняя ее защита оказалась неудачной. Я сидела и слушала... Диссертантка провалилась и на этот раз и больше уже не имела права на защиту. Понятно, каково было мое состояние, когда слово дали мне. Мое лицо горело от волнения. Как-то примут работу московские ученые?¹⁰

Официальными оппонентами стали И. М. Разгон и П. Ф. Юдин, которые вместе с другими членами ученого совета сидели «буквально на чемоданах», поскольку в этот же день вечером они уезжали обратно в Москву. Но защита прошла успешно, и Галине Петровне единогласно присудили степень кандидата исторических наук.

После защиты она продолжила работу в Свердловске, сначала в Институте истории партии, а потом в Государственном музее Я. М. Свердлова. В 1960-х гг. она участвовала в подготовке нескольких сборников по истории революции¹¹, а в начале 1970-х гг. опубликовала свои воспоминания, которые стали основой для реконструкции ее биографии. Галина Петровна Рычкова умерла в 1979 г. в Свердловске.

Для анализа самой диссертации важно обозначить условия, в которых существовала историческая наука и историки в период Великой Отечественной войны. По мнению Г. Д. Бурдея, в военное время историческое знание было вынуждено взять на себя функцию патриотического воспитания и дать идеологическое обоснование для борьбы с врагом. Наряду с этим историкам нужно было обращаться к героическим образам прошлого для вдохновения и примеров мужества и стойкости перед фашистской армией. По этой причине исторические исследования эпохи войны приобретают черты эмоциональной окраски и публицистичности¹². При этом отмечается, что развитие науки происходило в сложнейших условиях: эвакуация, реэвакуация, закрытие архивов, резкое сокращение историче-

ской периодики и книгоиздания и, конечно, мобилизация ученых на фронт. Для того чтобы научный труд увидел свет и не был утерян, историки выходили со своими исследованиями на защиту и защищали как диссертации, что подтверждает случай Г. П. Рычковой¹³.

Кандидатская диссертация Рычковой называется «Борьба за власть Советов на Урале в 1917 г.» и состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, и заключения. Первая глава посвящена экономическому положению Урала накануне революции, вторая — возникновению и деятельности Советов в период двоевластия, третья — подготовке к вооруженному восстанию, четвертая — победе Октябрьской революции и установлению власти Советов на Урале.

Из обзора источников видно, что автор проделала огромную работу в архивах и собрала серьезные статистические данные, которые были отражены в виде таблиц. Рычкова опиралась на документы ЦАОР (ныне ГАРФ), Свердловского областного партархива, областного архивного управления, а также привлекала газеты 1917 г.¹⁴

При довольно обширном источниковом обзоре историография практически полностью отсутствует. Рычкова не упоминает других исследователей и не привлекает работы по схожей тематике. Исключения — статистик Н. П. Огановский и историк промышленности С. П. Сигов¹⁵. Вместо этого Рычкова часто ссылается на работы Ленина, Сталина и «Краткий курс истории ВКП(б)». Это делает диссертацию не столько полем для развития дискуссий и диалогов, сколько подтверждает правильность линии партии.

В первой главе «Экономическое положение Урала накануне Февральской революции» выделяется лидер смыслового ядра — «война» (86 упоминаний; 2,44 %). Это говорит о том, что автор видит войну как главную причину кризиса власти и постоянно возвращается к ней. Например:

Империалистическая война, начатая в 1914 г. капиталистами всех стран за новый передел мира, привела к разрушению народного хозяйства России...¹⁶, или «война ударила по рабочему классу, бедняцко-среднеземельным слоям крестьянства и трудовой интеллигенции»¹⁷.

Вторая глава меняет направление темы с экономической на политическую сторону. Самым часто употребляемым словом стал «совет» (251; 2,13 %), что оправдано, поскольку в самом названии главы оно присутствует. При этом практически полностью исчезает слово «война», уступая место политической лексике.

Третья глава объясняет процесс подготовки рабочих к вооруженному восстанию. Здесь лидером по частоте упоминаний стал «лидер» (110; 1,124 %). Вместе с этим чуть меньше встречаются слова «совет» (98; 1,11 %) и «партия» (89; 1 %). Впервые появляются слова «съезд», «буржуазия» и «масса».

Суть четвертой главы «Победа Октябрьской социалистической революции» направлена на

выстраивание линии неоспоримой победы большевизма, что подтверждают часто употребляемые слова «совет» (88; 2,11 %), «рабочий» (64; 1,54 %), «революция» (60; 1,44 %). Эта динамика смыслового ядра подтверждает, что Рычкова связывает все события, которые плавно сменяют друг друга в единый сюжет, где экономический кризис, вызванный войной, сменяется политической борьбой за Советы, которая перерастает в подготовку к вооруженному восстанию и завершается победой и установлением власти Советов. Важно отметить, что «война» исчезает после первой главы. Это означает, что она воспринимается как экономическая предпосылка революции, а не часть сквозного сюжета.

Приступая к нарративному анализу текста диссертации, важно отметить, что Рычкова была непосредственным очевидцем событий, о которых пишет как историк. Конечно, она не являлась прямой участницей революции 1917 г., но последующие события (собственный арест, расстрел мужа, жестокость белогвардейцев) сформировали ее отношение к теме, которую она изучает. Здесь возникает вопрос о субъективности автора и неосознанной передаче опыта и личных переживаний через текст диссертации. А также тематика диссертации во многом определена спецификой полученного образования Рычковой в коммунистическом вузе и ранним вовлечением в политико-идеологическую деятельность. Для нее история являлась инструментом политического воспитания и идеологической работы, поэтому ее исследование обращено не столько к коллегам-историкам, сколько к широкой аудитории. Такие моменты усложняют структуру кандидатского исследования как исторического источника, формируя несколько уровней: общий нарратив для советской историографии о неизбежной победе большевиков, региональная идеология Урала как оплота экономики страны и личная трагедия.

Один из главных нарративов, как было сказано выше, — закономерная и неизбежная победа социалистической революции под руководством большевиков. История 1917 г. представлена не как череда разрозненных событий, а как движение по начертанному пути. В этом смысле нарратив в диссертации Рычковой пересекается с кандидатской диссертацией Алексея Павловича Павлова, который защитил ее в 1943 г. в Кыштыме, в эвакуированном АГПИ им. А. И. Герцена. Его диссертация была посвящена рабочему движению на Южном Урале в 1905–1907 гг. Павлов выстраивает концепцию, что неудачи, перенесенные в ходе поражения революции 1905 г., воспринимаются как необходимые уроки для будущей безоговорочной победы большевиков 1917 г.¹⁸ Еще одно пересечение двух диссертаций о революциях видно в нарративе предательства, где в обоих случаях меньшевики и эсеры — это предатели. Но если Павлов в событиях 1905–1907 гг. обозначает их как политических оппонентов и силу, тормозившую революцию, то Рыч-

кова в рамках революции 1917 г. пишет, что они — «пособники буржуазии», «соглашатели», противопоставляя им большевистскую партию, «не покинувшую рабочих кварталов»¹⁹.

Рычкова вводит сюжет о росте сознания масс, где рабочие, крестьяне и солдаты в начале 1917 г. пока пребывают под влиянием «мелкобуржуазной волны». Но их сознание растет с усилением большевистской партии, путем разъяснительной работы. Это оправдывает руководящую роль партии, которая представлена как единственная возможность масс дойти до истины и сделать правильный выбор²⁰.

В диссертации Урал — это не периферия, а один из ключевых центров революционной борьбы. В ряде заводских центров Урала (Лысьва, Верхняя Тура, Миньяр) Советы с первых дней находятся под контролем большевиков. Фигура Свердлова показана как связующее звено между ЦК и Уралом²¹. Урал — это промышленное сердце страны, за которое нужно бороться и которое нельзя отдать врагу. Это и есть скрытый нарратив, мобилизующий население, где даже спустя десятилетия Урал остается важной стратегической точкой, и лишь враг меняет свое лицо с буржуазных сил и Временного правительства на фашистских захватчиков.

При этом в самом тексте нет упоминаний о Великой Отечественной войне, но риторика в нем военная. Используются слова «борьба», «враг», «лагерь», «отряд». Присутствует явная эмоциональная окраска, не характерная для академического текста, например:

При содействии Временного правительства во главе с Керенским Корнилов стянул наиболее надежные части войск и двинул их 25 августа на Петроград с целью разгромить прежде всего авангард революционного пролетариата — большевистскую партию, потом Советы, а затем все революционно-демократические организации²².

Проведенный анализ диссертации Г. П. Рычковой позволяет сделать вывод, что перед нами добротное историческое исследование, которое основано на обширном круге источников, но отсутствие историографии как таковой не дает Рычковой вступить в дискуссию по теме. Поэтому ее работа представляется как продолжение линии партии с частым цитированием Ленина и Сталина, подтверждая предположение об идеологической и мобилизационной функции диссертации.

Нарративы, которые сформировала Рычкова, выполняют не столько аналитическую функцию, сколько идеологическую, создавая бинарную оппозицию «свой — чужие», которая необходима для подъема патриотического движения против немецкой армии. Галина Петровна не проводит параллели с современными ей событиями, но риторика в ее работе носит военный и эмоциональный окрас, тем самым подтверждая единство партии с солдатами, рабочими и крестьянами даже сквозь десятилетия. Сравнение с диссертацией А. П. Павлова показало, что оба исследования

построены по общей идеологической схеме, что может говорить о существовании общего «канона» диссертационного нарратива в годы войны.

Примечания

¹ Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда, проект № 25-18-00259 (<https://rscf.ru/project/25-18-00259/>).

² Рычкова Г. П. Мгновения и годы. Пермь, 1972.

³ Там же. С. 6–7.

⁴ Там же. С. 35–36.

⁵ Там же. С. 54–55.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 178.

⁸ Там же. С. 224.

⁹ Пантелеева Е. Д., Лихачева Е. М. За строкой отчета: деятельность Челябинского книжного издательства в годы Великой Отечественной войны // *Magistra Vitae*. 2025. Т. 10, вып. 4. С. 5.

¹⁰ Рычкова Г. П. Указ. соч. С. 225.

¹¹ Там же. С. 249.

¹² Бурдей Г. Д. Историк и война. 1941–1945. Саратов, 1990. С. 211–212.

¹³ Там же. С. 214.

¹⁴ Рычкова Г. П. Борьба за власть Советов на Урале в 1917 году : дис. ... канд. ист. наук. [Свердловск], 1943. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 35.

¹⁶ Рычкова Г. П. Борьба за власть ... С. 13.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Лихачева Е. М. Диссертационная история Алексея Павловича Павлова (1943, ЛГПИ, Кыштым) // Архив в социуме — социум в архиве : материалы восьмой Всерос. науч.-практ. конференции / сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2025. С. 258.

¹⁹ Рычкова Г. П. Борьба за власть ... С. 176, 179–180.

²⁰ Там же. С. 118.

²¹ Там же. С. 54, 108–109.

²² Там же. С. 230.

А. В. Волков

Создание и деятельность Курганского сельскохозяйственного института в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война — один из самых тяжелых периодов для нашей страны. Кургану она принесла не только беды военного времени, но и создание промышленности и развития образования. Именно в годы войны в Кургане появляется первое высшее заведение.

Необходимость развития высшего аграрного образования на Южном Урале и особенно в Зауралье стала понятна еще в начале 1930-х гг. Территория будущей Курганской области изначально рассматривалась как сельскохозяйственный регион, а следовательно, подготовка агрономов была необходима. Однако процесс затянулся на несколько лет, а далее создание вуза остановила война. Вместе с тем Кургану повезло — эвакуация предприятий и учреждений разместила в городе не только крупные заводы, ставшие базой промышленного сектора, но и Полтавский институт инженеров социалистического сельского хозяйства.

Исследования, посвященные становлению высшего образования в Кургане, и в частности Курганского сельхозинститута (КСХИ), можно разделить на две группы: работы советского периода и научные труды постсоветского периода, рубежом между которыми является начало 1990-х гг.

Первые работы, исследовавшие развитие высшего образования в СССР, вышли еще в 1950-е гг.: например, труды С. Кафтanova и К. Т. Галкина¹. Авторы отметили в своих работах основные достижения советской высшей школы за более чем 30 лет.

Исследование различных направлений высшего образования в СССР продолжалось и в 1960–1980-е гг. Это и монография Ф. Г. Панакина, посвященная педагогическим вузам, и статья И. Ф. Образцова, отразившая основные проблемы подготовки профессиональных кадров². Фундаментальным исследованием высшего образования СССР в этот период стала моногра-

фия В. П. Елютина, в которой в том числе изучена динамика роста студенческого контингента³.

Изучение истории и развития высшего образования на Урале было положено работой М. Е. Глазачкова и З. Т. Сажинной⁴. Однако ни в этой, ни в других подобных работах нет информации о вузах Кургана. Первые публикации о Курганском сельскохозяйственном институте появились в областной газете «Красный Курган» («Советское Зауралье» в 1950–1960-е гг.). Их авторами являлись современники и участники событий — руководители и преподаватели вуза⁵.

В целом в советский период преобладала литература о партийном руководстве высшей школы в годы войны, а деятельность вузов Кургана, в том числе КСХИ, освещена фрагментарно.

Второй период исследований составляют научные труды постсоветского периода. Создано несколько десятков диссертаций о развитии высшего образования в отдельных регионах России с критическим отношением к высшей школе в изучаемый период⁶. В это же время начался новый этап изучения истории высшего образования в годы войны в Кургане. Историки отмечали не только успехи, но и недостатки в работе вузов⁷. Значительное место процессу становления Курганского сельскохозяйственного института отведено в общем труде по истории культуры Курганской области⁸.

В 2000–2010-е гг. появились первые работы, в которых историки отразили именно создание Курганского сельскохозяйственного института⁹. Однако большее внимание в них уделено научной деятельности, а не становлению вуза, либо КСХИ рассматривается среди прочих.

Таким образом, в настоящий момент отсутствует исследование создания и первоначального развития Курганского сельскохозяйственного института. В нашей работе мы исследуем начальную историю КСХИ (эвакуация, размещение

и принятие решения о создании института в Кургане).

Полтавский институт инженеров социалистического сельского хозяйства был эвакуирован в Курган в сентябре 1941 г.¹⁰ Разместилось учебное заведение в зданиях Курганского агрозоотехникума¹¹. При эвакуации институту удалось полностью сохранить состав научных работников, а также все ценное оборудование¹². Таким образом, в Курган прибыли 12 доцентов и три профессора, в том числе кандидаты сельскохозяйственных, биологических, геолого-минералогических, химических, экономических, технических наук и один доктор биологических наук¹³.

Материально-бытовые условия на начальном этапе оставались сложными. Не хватало мест в общежитии, так как имеющееся могло вместить только 80 человек, а необходимо было 130. Преподавательскому составу выделили квартиры в новом доме, однако построили его уже после войны¹⁴. Учебное здание оставалось холодным, многие студенты не имели сменного белья и страдали от вшей¹⁵. Ситуация с питанием была сложной вплоть до начала 1943 г., когда институт получил отдельную студенческую столовую закрытого типа в Кетово, которая обеспечивала трехразовым питанием всех обучающихся¹⁶. Сохранялись проблемы и в образовательной деятельности: посещаемость учебных занятий, слабая связь с колхозами, низкая успеваемость по предметам кафедры марксизма-ленинизма¹⁷. Возникали и конфликты со студентами. После завершения экзаменов учащихся неоднократно пытались направить на реальную работу в колхозы, в основном на прополку. Однако они, как правило, были против, считая это незаконным, из-за чего у них постоянно возникали конфликты с преподавателями¹⁸.

Несмотря на все сложности (нехватка материальной базы, прежде всего помещений, животных, одежды и обуви), уже в 1942 г. институт расширяет образовательную программу. Создаются два отдельных факультета — агрономический и зоотехнический¹⁹.

В августе 1942 г. впервые был поднят вопрос о переезде института из Кургана. Однако его значение для всей Западной Сибири было уже очень велико, и поэтому от переезда или возвращения в Полтаву отказались²⁰.

Институт планомерно развивал образовательную и научную деятельность. Если в 1942 г. выпустили 67 агрономов и зоотехников, то уже в следующем году высшее образование получили 100 выпускников с достаточно высоким уровнем успеваемости, достигавшем 74,7 %²¹. В апреле 1943 г. в институте прошла научная конференция²².

Тридцать первого января 1944 г., постановлением Совета народных комиссаров СССР на базе Полтавского института был создан Курганский сельскохозяйственный институт с агрономическим и зоотехническим факультетами²³. При образовании нового вуза Правительство СССР

руководствовалось необходимостью обеспечению Курганской и других восточных областей высококвалифицированными специалистами сельского хозяйства. Директором КСХИ с момента создания и до 1952 г. являлся Николай Максимович Малышев²⁴.

В постановлении также указывалось, что новый институт должен был получить жилые и учебные помещения бывших техникумов Наркомсовхозов СССР и Наркомзема РСФСР, а также ферму конезавода для организации учебного хозяйства²⁵. Институт получил в Кургане два капитально отремонтированных здания на 42 комнаты по адресу: ул. Куйбышева, 47. Однако этого было недостаточно, хватило только для размещения 14 кафедр, а лабораториям помещений не нашлось²⁶. Помимо этого позднее в рамках расширения Кургана сельхозинститут получил участок в черте города для организации хозяйства и опытного поля, где студенты проводили практические занятия²⁷.

В рамках приемной кампании 1944 г. в институт планировалось набрать 125 человек, однако в итоге зачислили только 96, из которых учились 90²⁸. Всего же в этот учебный год в КСХИ получали образование 204 студента²⁹. Для студентов и преподавателей была доступна неплохая институтская библиотека, включавшая 20 тыс. книг³⁰.

Отдельно хотелось бы отметить интересный факт. В 1945 г. в библиотеке КСХИ якобы работала З. В. Пчелина, являвшаяся племянницей В. М. Молотова³¹. Информацию о том, как она оказалась в Кургане, найти не удалось.

Таким образом, в тяжелых условиях военного времени Полтавскому институту удалось в Кургане создать заново материально-техническую базу и сохранить преподавательский состав, что позволило продолжить подготовку специалистов для сельского хозяйства. Отдельно хотелось бы отметить отказ от реэвакуации, чтобы не нарушать образовательный и научный процесс. Все это дало в 1944 г. Кургану первое высшее учебное заведение, которое в дальнейшем развивалось и продолжает действовать до сих пор.

Примечание

¹ Кафтанов С. Высшее образование в СССР. М., 1951 ; Галкин К. Т. Высшее образование в СССР и подготовка научных кадров. М., 1958.

² Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в СССР. Важнейшие этапы истории и современное состояние. М., 1975 ; Образцов И. Ф. Вузы Советской России сегодня и завтра // Вестник высшей школы. 1977. № 11. С. 15–20.

³ Елютин В. П. Высшая школа общества развитого социализма. М., 1980.

⁴ Сажина З. Т., Главацкий М. Е. Горизонты высшей школы и науки на Урале. Свердловск, 1981.

⁵ Лопатин М. Кузница специалистов сельского хозяйства // Красный Курган. 1952. 31 авг. ; Маликов А. Новый институт в Кургане // Там же.

⁶ Терехов А. Н. Становление и развитие высшего исторического образования на Южном Урале (1934–1993 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003 ; Шевченко Е. М. Становление и развитие высшей школы на Ставрополье: предпосылки, трудности и успехи (1920–1950-е годы) : дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2006.

⁷ Павлов В. Д., Подгорбуных П. Е. Развитие аграрной науки и образования в Курганской области // Культура Зауралья: прошлое и настоящее : сб. науч. тр. Вып. 5. Курган, 2003. С. 36–41.

⁸ История культуры Южного Зауралья. Т. 2: Советский период. Курган, 2004.

⁹ Котылов В. П. Вузы Зауралья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «VI Зыряновские чтения». Курган, 2008. С. 95–96 ; Подгорбуных П. Е. Курганская государственная сельскохозяйственная академия имени Т. С. Мальцева: история созидания // Вестник Курганской ГСХА. 2014. № 2 (10). С. 4–8 ; Архипова Л. А. Ученые сельскохозяйственного института в годы войны // Зауралье и победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы регион. науч.-практ. конф. Курган, 2015. С. 35–45.

¹⁰ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 74а. Л. 6.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 1. Л. 45.

¹² ГАСПИКО. Ф. 3808. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

¹³ Там же. Ф. 10. Оп. 16. Д. 250. Л. 150.

¹⁴ Там же. Ф. 166. Оп. 2. Д. 316. Л. 116.

¹⁵ Там же. Ф. 3808. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

¹⁶ Там же. Ф. 166. Оп. 2. Д. 316. Л. 116.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 270. Л. 45 ; Ф. 3808. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

¹⁸ Там же. Ф. 3808. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

¹⁹ Там же. Д. 4. Л. 45.

²⁰ Там же. Д. 4. Л. 45.

²¹ Там же. Д. 2. Л. 10.

²² Красный Курган. 1943. 17 апр.

²³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 288.

²⁴ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 316. Л. 115.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 288.

²⁶ ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 316. Л. 115.

²⁷ Там же. Ф. 166. Оп. 2. Д. 308. Л. 38.

²⁸ Там же. Д. 316. Л. 116.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Ф. 3808. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

С. Д. Батищев

Рецензии на научные работы уральских историков Б. Н. Накарякова и В. Е. Четина: публикация источников

Рецензирование научных работ является неотъемлемой частью жизни профессиональных историков. Рецензии — важные историографические источники. В научных рецензиях «обычно рассматривается тема рецензируемого исследования в контексте актуальной научной ситуации, в связи с тем или иным научным направлением или предметным полем исторической науки, анализируется репрезентативность источниковой базы исследования, доказанность выводов и т. д.»¹.

Рецензии не часто становятся объектом пристального внимания историко-научного сообщества. Зачастую они привлекаются в качестве своего рода «иллюстративного» материала в историографических штудиях. Некоторым исключением стала сравнительно недавно опубликованная книга исследователей из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в центре внимания которой как раз оказались рецензии².

На региональном уровне, насколько нам известно, не было предпринято шагов к тому, чтобы ввести рецензии / отзывы, хранящиеся в личных фондах историков, в научный оборот. Настоящая публикация немного восполнит существующий пробел.

Мы подготовили к печати шесть рецензий / отзывов на научные работы (статьи, очерк, автореферат диссертации) двух уральских историков советского периода. Знакомство с этой подборкой источников, на наш взгляд, позволяет получить представление о том, какие научные проблемы находились в фокусе внимания региональных ученых, достоинства и недостатки рецензируемых работ, а также увидеть особенности научного дискурса советских историков, некоторые стилистические клише, которые присутствуют в большинстве рецензий.

Все рецензии мы постарались расположить в хронологической последовательности. Некото-

рые источники не датированы, их располагали по году выхода работ, на которые они создавались.

№ 1. Отзыв В. Е. Четина на автореферат соискателя ученой степени кандидата исторических наук Б. Н. Накарякова на тему «История Александровского машиностроительного завода (на Урале)»³

Диссертация Б. Н. Накарякова⁴, судя по списку опубликованных работ и автореферату, является результатом его продолжительных изысканий в исторической литературе и архивохранилищах страны с целью выявления и систематизации материалов по истории одного из многочисленных уральских заводов со времени его основания и до наших дней. Научное и практическое значение такой работы неоспоримо, и автор убедительно доказывает это во вступительной части своего автореферата.

Принятый автором план изложения собранных материалов соответствует общепринятой периодизации исторического процесса в нашей стране. Вместе с тем он позволяет автору выдвинуть на первый план именно те проблемы, при освещении которых исследователь на основе местного, частного материала еще раз показал объективность методологических положений марксистско-ленинской теории о закономерностях общественного развития и неизбежности победы коммунизма. Соискателю удалось также показать решающую роль рабочего класса нашей страны в развитии производительных сил и революционном преобразовании всего уклада общественной жизни, выявить источники его формирования и особенности развития в дореволюционный и советский периоды истории. Наконец, в названных материалах достаточно внимательно и полно освещена роль коммунистической партии в руководстве борьбой рабочих Александровского завода за социалистическую революцию и построение коммунизма, за восстановление и социалистическую реконструкцию и последующее превращение завода в один из крупных современных машиностроительных уральских предприятий.

Объявление о том, что на основе рассматриваемой диссертации будет издана отдельная книга, посвященная истории Александровского завода, радует⁵. Она явится хорошим и глубоким пособием при организации воспитательной работы среди подрастающего поколения на революционных и трудовых традициях славного рабочего класса Урала.

Все сказанное позволяет нам заключить, что соискатель Б. Н. Накаряков проделал большую и полезную исследовательскую работу и продемонстрировал при этом солидные исследовательские навыки. Поэтому он вполне заслуживает присвоение ему искомой степени кандидата исторических наук.

Доцент кафедры истории СССР
Челябинского пединститута,
кандидат исторических наук
В. Е. Четин
15 апреля 1969 г.

№ 2. Отзыв А. П. Роцевской на статью кандидата исторических наук доцента кафедры истории СССР Челябинского пединститута В. Е. Четина «Возникновение и деятельность "Группы социал-демократов на Урале"»⁶

Представленная статья⁷ является продолжением предыдущих публикаций и многолетних трудов В. Е. Четина⁸ о развитии рабочего движения на Урале и исчерпывающе освещает деятельность «Группы социал-демократов на Урале». В. Е. Четин своей статьей стремится определить сущность рабочих организаций на Урале, рассматривает разные точки зрения по этому вопросу в историографическом введении и на основе глубокого анализа документальных материалов, сопоставления фактов деятельности кружков приходит к выводу, что эта организация носила социал-демократический характер и пыталась «придать стихийно борьбе уральских рабочих марксистскую направленность».

Таким образом, автор поднимает принципиальный вопрос о необходимости внимательного изучения процессов политического формирования рабочего класса Урала, предшествующего социал-демократическому движению.

Статья по-новому раскрывает одну из важных сторон истории рабочего движения на Урале и безусловно рекомендуется к печати.

22 июля 1970 года
Кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры истории
Тюменского пединститута
А. П. Роцевская⁹

№ 3. Отзыв П. А. Бутылкина на исторический очерк В. Е. Четина «Первые шаги рабочего движения на Урале» (1861–63 гг.)¹⁰

Изучение истории рабочего класса такого крупного промышленного района, как Урал, имеет огромное научное и актуальное значение. Изучение данной проблемы способствует дальнейшему выяснению роли и места рабочего движения на Урале и места рабочего движения на Урале в общероссийской борьбе пролетариата.

Очерк написан на основе широкого использования документов центральных и местных архивов, сборников документов, статистических сборников и монографий.

Исследование В. Е. Четина впервые дает глубокую характеристику важнейших этапов начала рабочего движения на Урале.

В первом разделе на конкретных строках показаны рабочие волнения в период объявления реформы 1861 г., когда одна пятая часть всех заводов и промыслов Урала была охвачена этим движением. В разделе хорошо раскрыты причины волнений, формы рабочих выступлений. Верно раскрыт характер этих волнений как стихийный экономический, как результат протеста против крепостничества.

Во втором разделе показана борьба уральских горнозаводских рабочих против грабительских уставных грамот и кабальных условий найма (июль 1861 — март 1863 гг.), как второй этап борьбы рабочих за свои права. Автор верно указывает, что в этот период выступления мастеровых и сельского населения Урала были более решительны. В разделе подробно рас-

смотрены формы выступлений, их причины и значение. Автор правильно подчеркивает крайнюю слабость и неразвитость массовой борьбы горнозаводского населения в этот период, но в то же время он отмечает прогрессивный характер этих выступлений как составную часть революционно-демократического движения шестидесятых годов XIX века.

В работе имеются недостатки в организационном плане. Очень громоздки разделы (два раздела составляют 141 стр.). Целесообразно также составить итоговую таблицу по рабочим волнениям с выделением форм этих волнений, их участников, мест выступлений.

В целом работа В. Е. Четина является глубокой, содержательной и во многом поможет историкам в изучении истории рабочего класса Урала. Работа заслуживает скорейшего опубликования¹¹.

Доцент кафедры истории СССР
Волгоградского педагогического института
П. А. Бутылкин¹²

№ 4. Отзыв В. В. Адамова на статью В. Е. Четина «Об эволюции уровня зарплаты уральских рабочих в 1861–1904 гг.»¹³

Тема статьи¹⁴ В. Е. Четина, несомненно, интересна. Автор правильно отмечает, что вопрос об уровне зарплаты уральских рабочих и ее эволюции во второй половине XIX века разработан слабо. Однако он преувеличивает, когда пытается говорить о полном невведении литературы на этот счет (стр. 1). В дальнейшем ему приходится, в сущности, отказаться от данного утверждения и назвать ряд работ, в которых этот сюжет разбирается более или менее подробно. К сожалению, стремление быть первооткрывателем, видимо, помешало автору дать более подробный обзор литературы. Тема обязывает к подобному обзору, так как авторы неодинаково смотрят на существо проблемы.

Мало и, главное, неубедительно говорится в статье об источниках. Критерии отбора и оценки их не указаны. Какие из многочисленных документов автор признал «подходящими» (стр. 2), остается неясным. Предшественники автора проделали определенную работу источниковедческого плана, показав, что с особой осторожностью надо подходить как раз к сводным сведениям заводоуправлений (см.: Г. В. Калугина. К вопросу о положении рабочих Урала... Сб. «Из истории фабрик и заводов Урала», вып. 2. Свердловск, 1963. Стр. 118–130.).

Вопрос о заработной плате и особенно об оценке жизненного уровня уральских рабочих не может быть решен без учета специфики их положения, обусловленной крепостнической или полукрепостнической зависимостью от заводов. В статье, однако, полностью игнорируется эта специфика. В настоящей, как и в других своих работах, автор отталкивается от положения о завершении капиталистической перестройки уральской промышленности уже к началу 70-х годов XIX века (стр. 6–7), что с этого момента горнозаводские рабочие Урала представляются в качестве более или менее «чистого» пролетариата, заработная плата которого целиком уже зависит от уровня борьбы, технического прогресса и колебаний рыночных цен (стр. 8), в обосновании данного тезиса и подбирается в статье соответствующий материал. Отрывочный и случайный характер этого материала достаточно очевиден. Во второй части статьи повторяется, в сущности, давно известное: заработная плата на Урале была в 2–3 раза ниже, чем на Юге и в Центре. Прямо не утверждается, но весьма прозрачно намечается и на то, что жизненный уровень уральских рабочих был соответственно меньшим.

Предположение такого рода вытекает из логики статьи, но не соответствует действительности. Суть и специфика проблемы заработной платы уральских рабочих состояли в том, что она не имела однородного денежного выражения, но состояла из двух частей: денежной и натуральной. В понятие последней

входила не только выдача провианта, но и предоставление заводами «своим» рабочим права бесплатного пользования землей, выгонами, лесом и т. п.

Совокупный денежный и натуральный доход обеспечивал уральским рабочим, очевидно, такой прожиточный минимум, который имели рабочие и других районов. Соотношение между денежной и натуральной зарплатой не было постоянным. Общая тенденция капиталистического развития вела к увеличению первой и сокращению второй. Процесс этот шел, однако, крайне медленно. По расчетам пермских земцев, в конце XIX в. только 30 % потребностей уральских рабочих покрывалось заработком на заводах, остальное доходами от хозяйства, занятия промыслами и т. п.

Полукрепостнические формы оплаты труда были распространены на Урале неравномерно. Различия зависели как от типа завода, так и особенно от квалификации рабочих. У вспомогательных рабочих и рабочих на заготовке леса и перевозке дров «отработок» был небольшой. Неслучайно у этих категорий рабочих, как видно из статьи, почти не наблюдалось роста заработной платы (стр. 9–10).

Показ специфики динамики заработной платы требовал анализа бюджетов рабочих, сопоставления дохода с уровнем цен и т. п.

Полагаю, что автору следовало бы особенно основательно поработать над второй частью статьи (со стр. 6), а может быть, ограничиться первой частью, соответственно развив и дополнив ее фактическим материалом.

Зав. кафедрой истории СССР
Уральского гос. университета
Кандидат исторических наук, доцент
В. В. Адамов¹⁵
[1971 г.¹⁶]

№ 5. Рецензия М. А. Чулкиной на статью В. Е. Четина «О росте численности и концентрации рабочего класса на Урале в 1861–1904 годах»¹⁷

Установление роста численности и концентрации рабочего класса на Урале давно назревшая, но еще недостаточно решенная проблема, и постановка ее автором статьи вполне правомерна.

Используя ленинскую методологию и опыт обработки имеющихся статистических источников, автор исследует данные о составе рабочего класса, занятого в горнозаводской обрабатывающей промышленности и транспорта четырех губерний Урала в пореформенное сорокалетие, приводит важные данные об уровне концентрации пролетариата нашего края, хорошо прослеживает связь кадровых рабочих с полупролетарскими массами, делая правильный вывод о том, что эти рабочие (280 тыс. рабочих 320 крупных заводов) стояли во главе эксплуатируемых и угнетенных.

Статья интересна своей полемической направленностью, заслугой автора является и то, что, изучив и обобщив огромный материал далеко несовершенной демографической статистики различных учреждений царской России, он сумел выделить те крупницы «сравнительно годного от абсолютно негодного» в имеющихся статистических источниках и до некоторой степени восполнить имеющийся по вопросу пробел в нашей исторической литературе.

Материал статьи представляет интерес для исследователей и всех интересующихся историей нашей Родины, историей нашего края.

Статья может быть рекомендована к печати.

Кандидат исторических наук, доцент ЧГИК
М. А. Чулкина¹⁸

№ 6. Отзыв В. С. Поскребышева на статью В. Е. Четина «О росте численности и концентрации рабочего класса Урала в 1861–1904 годах»¹⁹

В статье²⁰ рассматривается вопрос о численном росте уральского пролетариата в пореформенный пе-

риод. Правильно отмечая, что дореволюционная правительственная демографическая статистика не обеспечивает надежных и сравнимых данных об абсолютном росте численности пролетариата как самостоятельного класса общества, автор критически использует сведения, которые указывают исключительно рабочих, занятых в каждый данный момент наемным трудом на предприятиях. Такие сведения содержат в себе фабрично-заводская и городская статистики министерства финансов и статистика министерства путей сообщения.

Руководствуясь ленинской методикой обработки имеющихся статистических сборников, В. Е. Четин делает попытку подсчитать рост численности уральского пролетариата в пореформенный период.

Автор рассматривает также рост концентрации рабочего класса Урала в 1890–1904 гг. на крупных и крупнейших предприятиях, рудниках, в железнодорожных мастерских и депо, отмечает специфику распределения рабочих по этим предприятиям. Автор подсчитывает наряду с промышленными рабочими количество полупролетариев, все трудовое население Урала, работавшее по найму у богатых.

Представляет интерес исследование вопроса о миграциях избыточной рабочей силы и «пришлом» населении. В. Е. Четин убедительно доказывает, что «пришлые» рабочие были в абсолютном большинстве теми же мастеровыми, что и местные, только вынужденными по причине сокращения производства на своем заводе искать работу на стороне.

Тем не менее в статье есть отдельные недочеты. Подсчитывая число рабочих крупных капиталистических предприятий в 1904–1905 гг., автор приводит противоречивые данные: 345 тыс. (стр. 16) и почти 500 тыс. человек (стр. 36). Численность железнодорожных рабочих Урала в 1890 г. смешивается с железнодорожными служащими, тем самым в состав рабочих попадают полупролетарские слои и интеллигенция.

Однако отмеченные неточности не умаляют значение статьи. Скрупулезное исследование В. Е. Четина роста численности и концентрации уральского пролетариата отвечает требованиям, предъявляемым к научным статьям, и заслуживает публикации.

Кандидат исторических наук
В. С. Поскребышев²¹

Примечания

¹ Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Румянцев. М., 2015. С. 535.

² См.: Научное рецензирование в гуманитарных дисциплинах: Жанр, исследования, тексты / сост. и отв. ред. Н. М. Долгорукова, А. А. Плешков. М., 2020.

³ ОГАЧО. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁴ Биографических сведений о нем мы не обнаружили.

⁵ Книга, в основу которой легла диссертация Б. Н. Накарякова, вышла в 1977 г. См.: Накаряков Б. Н. В рабочем строю: страницы истории Александровского машиностроительного завода им. К. Е. Ворошилова. Пермь, 1977. 110 с.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

⁷ Статья опубликована в 1971 г. См.: Четин В. Е. Возникновение и деятельность «Группы социал-демократов на Урале» // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1971. Вып. 6. С. 3–26.

⁸ Василий Егорович Четин (1922–2008) — историк, кандидат исторических наук (1953), с 1953 по 1991 г. работал на кафедре истории СССР ЧГПИ. См.: Вахрушева Н. А., Попов Л. А. Четин Василий Егорович // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 7. С. 328–329.

⁹ Лариса Павловна Рошевская (1938 г. р.) — историк, доктор исторических наук (1986). С 1961 по 1978 г. работала в Тюменском педагогическом институте. См.: Бондаренко О. Е. Рошевская Лариса Павловна // Ученые СГУ : биогр. очерки. Вып. 1. Сыктывкар, 1997. С. 65–68.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

¹¹ Эта работа В. Е. Четина, судя по всему, так и не была опубликована.

¹² Биографических сведений о нем мы не обнаружили.

¹³ ОГАЧО. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–17.

¹⁴ Статья опубликована в 1974 г. См.: Четин В. Е. Об эволюции уровня зарплаты уральских рабочих в 1861–1904 гг. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1974. Вып. 8. С. 20–32.

¹⁵ Владимир Васильевич Адамов (1914–1985) — историк, кандидат исторических наук (1954). С 1966 по 1974 г. заведовал кафедрой истории СССР УрГУ. См.: Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 16.

¹⁶ Изначально статья планировалась к публикации в журнале «Советские архивы», который, на основе отзыва В. В. Адамова, отказался принимать работу В. Е. Четина к печати. Датировка отзыва дана нами исходя из года переписки В. Е. Четина с редакцией журнала. Более подробно об этом см.: Батищев С. Д. Личный фонд Челябинского историка В. Е. Четина (1922–2008) : крат. обзор док. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2021. С. 6–13.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 57. Л. 18.

¹⁸ Мария Андреевна Чулкина (1930 г. р.) — историк, кандидат исторических наук (1968), с 1968 г. работала в ЧГИК, где

была старшим преподавателем, доцентом, заведующей кафедрой истории (1981–1991). Специализировалась на изучении профессионального и революционного движения на Урале в годы первой русской революции. См.: Колпакова В. С., Смирнов С. С. Чулкина Мария Андреевна // Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 977–978.

¹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 57. Л. 19–20.

²⁰ Статья опубликована в 1975 г. См.: Четин В. Е. О численности и концентрации уральских рабочих в 1861–1904 гг. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1975. Вып. 9. С. 24–47.

²¹ Виктор Семенович Поскребышев (1941 г. р.) — историк, кандидат исторических наук (1972). С 1972 по 1985 г. работал в ЧГИК старшим преподавателем, доцентом кафедр истории КПСС, истории СССР. В 1986–2002 гг. преподаватель общественных дисциплин Челябинского художественного училища. См.: Поскребышева А. Н. Поскребышев Виктор Семенович // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 5. С. 326.

А. С. Курасова

Историк как источник комплектования архива: размышления после работы с личными фондами

Изучение сообщества челябинских историков было бы неполным без обращения к документам личного происхождения. Однако они недоступны для анализа, поскольку относятся к приватной сфере. Единственным исключением являются те источники, которые находятся в открытом доступе для посетителей читального зала ОГАЧО. По запросам «историк» и «кандидат / доктор исторических наук» в списке фондов ОГАЧО выявляются пятнадцать персоналий. Относительно общего количества личных фондов (139 на 1 января 2026 г.) доля историков среди фондообразователей несоизмеримо мала (10 %). Можно предположить, что историки, сохраняющие память о себе, скорее исключение из правил. У людей, всю жизнь изучающих чужое прошлое «по работе», на собственное уже не остается ни сил, ни времени, ни желания...

Содержимое всех выявленных фондов можно условно разделить на три группы:

1. Источники о самом историке, о его жизни и научной деятельности (дипломы, трудовые книжки, диссертации, статьи, рецензии, монографии и многое другое).

2. Источники по изучавшимся темам: материалы, которые уже были использованы в научной работе либо предназначались для будущих исследований. Последние воплощают то «дело», которое не успел завершить сам, но могут продолжить другие. Среди подобных источников выделяются текстовые и изобразительные;

3. Источники о научном окружении историка, о тех деловых и дружеских связях, которые были установлены с «коллегами по цеху». Их можно выявить через книги с дарственными надписями, поздравительные открытки, приглашения на научные мероприятия, совместные фотографии и т. д.

Иногда объем того или иного личного архива поражал воображение, вызывая вопрос: где все это хранилось и как долго собиралось? Но при-

чина заключается не в «синдроме Плюшкина», настигающем многих пожилых людей, а скорее в профессиональной деформации личности. Ведь у историков и без того «ни одна бумажка не пропадет».

Нужно помнить, что содержимое каждого личного фонда прошло многоступенчатую цензуру. Во-первых, это самоцензура владельца документов. Историки как никто другой понимают, насколько ценны исторические источники, которые остаются после ухода человека из жизни. Поэтому они бережно сохраняют все «для потомков», а иногда и изначально создают тексты с учетом дальнейшего «обнародования». Во-вторых, намеренный отбор документов проводят родственники (за неимением таковых — коллеги и ученики) историка. Зачастую именно они передают личные архивы на хранение. Безусловно, все близкие предварительно решают, что открыть для всеобщего обозрения, что уничтожить, что оставить себе. Наконец, в-третьих, сами сотрудники архива определяют, о ком именно следует сохранить память и чьи личные архивы будут интересны для исследователей. Несомненно, предпочтение отдается выдающимся личностям, которые оставили научное наследие и при этом известны большому количеству людей.

Замечу, что исследователь, ожидающий найти в личных фондах занимательные и содержательные источники вроде дневников и мемуаров, будет разочарован. Вместо дневников он найдет записные книжки с телефонами и ежедневники со списками дел. Мемуары заменены автобиографиями, отчетами о научной и преподавательской работе, а также служебными характеристиками. Роль писем играют краткие деловые сообщения, лишенные какой-либо индивидуальности. При этом именно в частной переписке я надеялась найти что-нибудь интересное, необычное, ценное, ведь ни в одном источнике человек не

«раскрывается» так, как в своих письмах. Для письма нет шаблона, канона, нет «кальки», с которой можно скопировать. Какие-либо ограничения в объеме и тематике тоже отсутствуют, поэтому письма — это свободный полет мысли. Он-то и выдает своего автора «с головой», что может разочаровать читателей и даже разрушить образ известного адресанта. К примеру, А. П. Чехов или С. Д. Довлатов в переписке предстают людьми, совершенно не похожими на лирических героев своих произведений¹. Разнообразие содержания писем поистине бесконечно: от пространных философских рассуждений до сиюминутной «болтовни истории». Личное письмо, как правило, предназначается для близкого человека. Прочитав послание, он не станет «обнародовать» его, поэтому нет изначального расчета автора на (по)сторонний взгляд. А если расчет был, то тогда это уже не письмо, а литература.

Если же письмо пишется незнакомому человеку, то это послание «в пустоту». У такого письма всегда есть цель, и есть только одна попытка этой цели достичь. Для исследования ценны именно «тайные», частные письма. Те же, что изначально писались «напоказ», неинтересны, отретушированы, фальшивы. Иными словами, лучше, когда автор дневника пишет для себя, а сочинитель письма — для адресата, равно как и исследователь — для читателей. (Но чаще всего бывает наоборот!).

Одна из главных проблем, с которой сталкивается историк, обратившись к документам эпистолярного жанра — их сохранность. <...> Поиск может быть затруднен особенностями «жизненного цикла» этих материалов. Во-первых, существовала довольно распространенная практика уничтожения письма после прочтения. Письма теряли в результате переездов, ремонтов и т. д. Во-вторых, редко кто из авторов хранил черновики или копии отправленных писем. А для качественного источниковедческого анализа и конкретно-исторического исследования необходимо изучение переписки в комплексе, то есть писем и авторов, и адресатов. Чаще всего историку могут быть доступны эпистолярные произведения лишь одного корреспондента².

Кризис эпистолярного жанра в XX в. был обусловлен несколькими причинами:

- исчезновение носителей традиции писать многостраничные обстоятельные письма прекрасным литературным русским языком. Их авторы были либо изгнаны, либо уничтожены;

- страх, многолетний и бессознательный. После репрессий люди старались не оставлять возможные улики, и потому уже не писали письма, дневники, воспоминания, путевые заметки и другие подобные тексты;

- пагубное воздействие «технической революции»: «технический прогресс, особенно всеобщая телефонизация, активно способствует вырождению эпистолярного жанра. А в XIX веке умели и любили писать. Было принято писать длинные письма, которые подчас становились едва ли не художественными, публицистическими или философскими произведениями. Это был самосто-

ятельный жанр со своими нормами и канонами. В них авторы подробно излагали свои мысли и чувства, оценивали происходившие события, рассказывали о своей жизни и деятельности»³.

Помимо этого для неспешного составления писем и «для ведения дневников нужны материальные условия — личное пространство в жилище, собственный ящик в столе или комод, возможность уединения. У множества рабочих и советских служащих, живших в переполненных бараках и коммуналках, такой возможности не было»⁴.

Как следствие, в личных фондах почти не сохранились доверительные дружеские письма с заочными спорами и диалогами, пространными рассуждениями или занимательными историями. Подобные послания заменила сухая канцелярская переписка с сообщением сроков, отчетами, запросами и тому подобным. Составление письма в расчете на то, что его прочитает не только адресат, оказалось удивительно устойчивой привычкой.

Среди всех источников, содержащихся в личных фондах историков, особенно выделяются фотографии.

В отношении фото внешняя критика подразумевает необходимость задаться вопросами, где, когда, кем, зачем и для кого они снимались и изготавливались, являются ли частью серии и почему выделены владельцем, где хранились и занимали ли почетное место, как воспринимались и интерпретировались обладателями и пр.⁵

Подобные сведения могут быть получены непосредственно у владельцев фотографий. Соответственно, после передачи их для хранения в архив утрачивается любая возможность полноценного источниковедческого анализа. В целом исследователям, работающим с ними, нужно учитывать, что субъективное восприятие этого источника может быть более пристрастно, изменчиво и обманчиво, чем при анализе письменных документов. Допустим, взгляд человека, изображенного на снимке, может казаться то предостерегающим, то осуждающим, то одобряющим. Или же неожиданно проявляются детали, не замечаемые раньше. Иными словами, зрительное восприятие исследователя находится в зависимости от его сиюминутного состояния и настроения. Причем предвзятость усиливается, если фотография связана с собственной жизнью. Личные снимки вызывают отклик в памяти, побуждают к переосмыслению и переоценке. Поэтому отстраненно и независимо можно анализировать только (по)сторонние изображения.

Фотографии из личных фондов существенно различаются: есть и постановочные, сделанные профессиональными фотографами, и повседневные, сделанные фотолюбителями. На постановочных снимках заранее подготовленные люди позируют, специально замирая для этого. Все позирующие статичны: полностью отсутствуют

заснятые в движении, в «моменте». Нет «застигнутых врасплох», нет неожиданно сделанных фотографий, хотя они-то и были бы наиболее интересны и ценны для исследования. Случайный снимок подобен тайной диктофонной записи или стихийной видеосъемке: техника фиксирует то, что человек не собирался показывать. В основном постановочные кадры рассчитаны на последующую публикацию. Многие фотографии оставляют впечатление выхолащивания, казенности. Отличительной чертой подобной фотосъемки было то, что она проводилась с целью контроля и наблюдения. Практика фотофиксации не того, что уникально и достойно внимания, а всего подряд, поскольку нужно доказательство или отчетность, сохраняется до настоящего времени. В данном случае фотография — это подтверждение того, что событие было «на самом деле», которое может в любой момент стать алиби или уликой. Соответственно снимаемые люди фотографируются не по своей воле, а по принуждению. Зачастую это делается без предупреждения, против желания «модели». Будучи инструментом контроля, фотоаппарат превращается в «фоторужье» беспардонного и вездесущего «фотоснайпера». На коллективных фотографиях люди выстроены в общий ряд, в котором все равны, все на виду. При таком расположении никому ни спрятаться, ни скрыться...

Ситуационные фотографии, отображающие проведение лекции, прохождение экзамена, защиту диссертации, отнюдь не являются результатом импровизации. Присутствие фотографа явно обременяет снимаемых и нарушает естественный ход события, подобно присутствию инспектора на «открытом уроке» в школе.

Современный человек едва способен осознать, что, будучи объектом съемки или наблюдения, он автоматически принимает позу и «надевает» мимическую маску, в которой чувствует себя социально приемлемым⁶.

Непостановочную фотографию сразу выдают расслабленная поза, размытость снимка, совершенно «непарадный» вид какой-нибудь детали. Примечательно, что также нет ни одной курьезной или комичной фотографии. Исключительным официально разрешенным поводом для экзальтации, веселья и праздника, которые подлежали запечатлению, являлась демонстрация. Снимки с улыбающимися людьми среди плакатов и воздушных шаров являются единственной дозволенной вольностью.

Любительские снимки являются более привлекательным источником. С появлением собственных фотоаппаратов у людей появлялась возможность фотографировать в свое удовольствие, снимать то, что захочется. Теперь на фотоснимках отображалось не общественное и торжественное, а личное и важное для самих фотографов. Немаловажно, что практически все подобные снимки подписаны.

Исследователи давно заметили, что без дополнительной информации фотографии бесполезны, поскольку многозначны и, следовательно, допускают множество толкований. Их значение резко возрастает, если они снабжены текстами, сообщающими о том, чего не видно на снимке. Надписи на фотографиях могут служить идентификации изображенного события или лица, то есть иметь документальный характер. Они могут содержать посвящение, комментарий или оценку изображенной ситуации или персоны. Наконец, надпись может быть сформулирована в виде реплики, создающей ситуацию общения между сфотографированным индивидом и зрителем⁷.

Личные фотографии позволяют узнать, какие свидетельства своего прошлого люди сохраняют. Изначально владельцами отбираются только те фотографии, на которых именно они хорошо выглядят, тогда как все остальные могут получиться крайне неудачно. Особенно это заметно у женщин. Безусловно, создатели личных архивов пристрастны в своих предпочтениях, поэтому уничтожались изображения тех людей и событий, которые могли вызывать неприятные воспоминания. В целом и мужчины, и женщины не только сохраняют те фотографии, на которых они красивы, но и подолгу не расстаются с теми изображениями, на которых они молоды. Это создание и сохранение иллюзии о себе идеальном, а также воздействие страха старости. Иными словами, фотография вначале создается для (само)идентификации, а затем используется для меморизации.

Конечно, фотографии также подвержены (противо)естественному отбору: далеко не все сделанные кадры печатались. Множество снимков рассылалось и раздаривалось родственникам, друзьям, знакомым. Лишь малая часть фотографий помещалась в альбомы и рамки: остальные хранились в более скромных условиях. Наконец, как и письма, зачастую они терялись при переезде, сгоряча уничтожались самим владельцем или выбрасывались после его смерти.

Подводя итог, замечу, что и письма, и фотографии весьма малочисленны по сравнению со всей совокупностью документов, составляющей личные архивы историков. Постоянное появление новых фондов и периодическое пополнение уже существующих превращает их изучение в непрерывный процесс, который, подобно ремонту, никогда не может быть закончен. К сожалению, профессиональная аккуратность историков в собирании и сохранении своего архива сочетается с крайней осторожностью в отборе документов. Вследствие этого большинство источников содержит скудные «анкетные данные» и потому представляет небольшую ценность для исследователей жизни и деятельности историков.

Вещи надолго переживают своих хозяев, однако тексты, и научные, и литературные, могут воспроизводиться бесчисленно и бесконечно. И потому именно они являются воплощением бессмертия. Остается надеяться, что когда-нибудь в личных архивах появятся такие источники, которые позволят прочесть мысли давно ушедшего человека, почувствовать его настро-

ние. Подобно магическому крестражу, эти тексты будут хранить часть души своего создателя, ожидающей и говорящей с читателем. Остаться в текстах — значит, остаться в вечности, оставить след своего пребывания на земле, след своей жизни. Это единственный способ пережить «невыносимую легкость бытия» и преодолеть немолчаливую хрупкость человеческой памяти.

Примечания

¹ См.: Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М., 2019. 892 с.; Довлатов С. Д. Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым. М., 2001. 464 с.

² Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург, 2015. С. 195.

³ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. М., 1998. С. 642–643.

⁴ Лейбович О. А. «Недурно бы получить сколько-нибудь премии...»: советский рабочий наедине с дневником (1941–1955) // Шаги / Steps. 2017. Т. 3, № 1. С. 121.

⁵ Нарский И. В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историо-графический роман). Челябинск, 2008. С. 32.

⁶ Там же. С. 242.

⁷ Там же. С. 423.

Т. А. Савинова

Историографический обзор исследовательских работ краеведа Германа Николаевича Ксенофонтова

Постсоветский период в российской историографии отмечен всплеском интереса к локальной истории и генеалогии. Этот процесс, как нечто совершенно новое, имел не только академическое, но и общественное значение: долгое время «закрытые темы» не подвергались должному изучению в связи с недоступностью многих архивных материалов, однако именно в постсоветский период подобные исследования оказались востребованы как на уровне профессиональных историков, так и на уровне краеведов-энтузиастов. Одной из ключевых фигур этого «мемориального бума» стал Герман Николаевич Ксенофонтов (1936–2017) — заслуженный работник культуры Чувашской Республики, член Союза журналистов России, член Чувашской национальной академии наук и искусств (упразднена в 2003).

Многочисленные публикации и исследования Г. Н. Ксенофонтова (более двадцати книг и сотен статей в республиканской и государственной печати) принесли ему широкое признание как журналиста, историка и юриста, в том числе на международном уровне. Его имя прочно ассоциируется с созданием фундаментальной исследовательской работы по истории Козловского района Чувашской Республики¹, включающей широкий спектр тем. Важно упомянуть, что в фонде Г. Н. Ксенофонтова имеются работы, посвященные долгожителям Чувашской Республики, информацию о которых он собирал с 1982 по 2008 г., самостоятельно выезжая в районы республики для проведения интервью с ветеранами и их родственниками². Г. Н. Ксенофонтов также выступил одним из авторов герба г. Козловка и стал проводником в исследованиях по установлению мест захоронений немецких и итальянских военнопленных во время Великой Отечественной войны (1941–1945) в районах Чувашии.

Биография и личный опыт Г. Н. Ксенофонтова во многом определили его исследовательский стиль и направления работы. В юности он демонстрировал большие успехи в спорте, имел разряды в беге и боксе, что привело его

в Омский государственный институт физической культуры, который он окончил в 1958 г. Этот опыт повлиял на его творческую деятельность, он начал сотрудничать с козловской районной газетой «Знамя» («Ялав»), писал статьи и очерки о спорте и соревнованиях.

В 1969 г. заочно окончил юридический факультет Казанского государственного университета [ныне Казанский (Приволжский) федеральный университет] и кардинально сменил сферу деятельности — впоследствии он более двадцати лет проработал в системе народных судов, за это время занимал должности судьи Козловского районного суда и председателя народных судов Чебоксарского и Козловского районных судов. После отставки в 1989 г. он переключился на краеведческие исследования, совмещая их с преподаванием в вечерней школе.

Переход к исследовательским работам оказался неслучайным. Будучи народным судьей, он имел доступ к судебной статистике и материалам гражданских и уголовных дел. Их анализом он делился в периодической печати, поднимал важные правовые и социальные темы, описывая их в художественном стиле, иногда в виде фельетонов, подавая информацию в поучительном ключе для читателей.

Плодом многолетней работы в следственных органах стала книга «Суд идет. Самые громкие преступления в Чувашии (XX век)»³, где автор делится собственным опытом, а также ранее закрытыми материалами и фактами. В издании автор акцентирует внимание на особенностях работы следователей, криминалистов, прокуроров и судей.

Особое внимание в работе уделяется теме политических репрессий в Чувашской АССР. Исследователь раскрывает не только судьбы жертв «большого террора», но и ее непосредственных исполнителей. В рамках данных статей рассматриваются обстоятельства громкого дела — «разгрома Чувашской областной партийной организации» (чистки партийных рядов), механизмы деятельности НКВД и спецтроек. В частности,

в статье «Не судите, да не судимы будете»⁴ анализируются протоколы заседаний и дело прокурора Чувашской АССР С. И. Элифанова, который побывал на двух фронтах карательной политики — после работы членом спецтройки, сам подвергся обвинению. В личный фонд Германа Николаевича входят материалы по подготовке книги за 1937–1998 гг.: копии приговоров, обвинительных заключений, протоколов допросов обвиняемых.

Политика репрессий и последующей реабилитации раскрывается комплексно: наряду с анализом архивных документов используются методы устной истории. В рамках данного подхода Герман Николаевич детально изучил судьбу Олимпиады Павловны Анчиковой, сосланной в ГУЛАГ в 1937 г. по статусу «жены врага народа». Знакомство краеведа с ней произошло в 1974 г.:

...Рассматривал гражданское дело по иску этой женщины к соседям из д. Бигильдино Козловского района. Она просила вернуть вещи, оставленные у них на хранение перед ее арестом. В ходе разбирательства она мельком рассказала о тюремной жизни в сталинских лагерях Мордовии...⁵

Так автор узнал не только о ее трагической судьбе, но и о судьбе ее мужа и его братьев, которые также подверглись репрессиям. В личном фонде исследователя хранятся материалы биографии и трагических дней жизни Олимпиады Павловны, написанных ей собственноручно. Проверив данные по архивным источникам, изначально он опубликовал статью в газетах республики, а затем добавил в книгу.

Одной из крупнейших исследовательских работ Г. Н. Ксенофонтова стал поиск документов и публикация работы по истории эвакогоспиталя для военнопленных № 3064, действовавшего в г. Козловка Чувашской АССР в 1943–1945 гг.

Г. Н. Ксенофонтов впервые заинтересовался данной темой в 1986 г. после туристической поездки в ГДР. В 1994 г., взяв неоплачиваемый отпуск и получив направление от президента Чувашской национальной академии С. Р. Малютина, Герман Николаевич отправился в Архив военно-медицинских документов и военно-медицинской документации и Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации в Санкт-Петербург. За две недели он выявил поименные списки военнопленных, истории болезней, устройство эвакогоспиталя и многие биографические данные. В фондах госархива хранится дело с подшитыми в него рабочими тетрадями Г. Н. Ксенофонтова по данной теме.

До выхода отдельного издания информацию об эвакогоспитале Герман Николаевич публиковал в газете «Знамя» («Ялав»), в 1994 г. статья выходила постепенно в нескольких номерах и вызвала большой резонанс в обществе: на статью откликнулись неравнодушные люди и бывший медперсонал эвакогоспиталя, в их числе была Надежда Алексеевна Лысякова — заслуженный врач РСФСР (1969). В газете она поделилась

воспоминаниями о встрече с первым санитарным поездом 10 марта 1943 г.:

Пока печатался рассказ, я потеряла покой. В памяти начались, словно кадры из кинофильма, эпизоды пережитого мною эвакогоспиталя. Дело в том, что в нем я начала работать врачом-рентгенологом, когда еще лечили красноармейцев, поэтому он мне дорог и памятен, как никому другому⁶.

Подобный отклик и интерес аудитории послужил автору толчком к работе по поиску биографий врачей и подготовки отдельного издания. Итогом работы стала книга «Эвакогоспиталь для военнопленных № 3064» (2008)⁷, где не только были приведены статистические данные и бытовые моменты жизни госпиталя, но и установлены подробные биографии медперсонала. Важно упомянуть, что совместно с советскими врачами в эвакогоспитале работал немецкий, румынский и венгерский медперсонал из числа военнопленных. В книге этому феномену посвящена отдельная статья «Где же ты, доктор Краузе?».

Информацию о враче-терапевте Зигфриде Густавовиче Краузе Г. Н. Ксенофонтов обнаружил в военно-медицинском архиве, а также собрал свидетельства бывшего медперсонала эвакогоспиталя, куда З. Краузе поступил с дистрофией и тифом, но, несмотря на тяжелые заболевания, выжил и стал оказывать помощь в лечении больных. Врач З. Г. Карпова и медсестра А. Н. Смирнова вспоминали:

Краузе был врачом опытным... Он ежедневно участвовал на обходах, устанавливал диагнозы и назначал лечения. Надо признаться, в диагнозах у него ошибок не было, это подтверждалось и после анатомопатологического вскрытия трупов... Нам, советским врачам, медсестрам он диктовал диагнозы и назначенное лечение, а мы эти указания заносили в тетрадь и принимали к исполнению...⁸

Во время написания книги Г. Н. Ксенофонтов совместно с общественной организацией «Фонд помощи вынужденным переселенцам Чувашской Республики» (ныне ликвидирован), а также энтузиастами историками А. Н. Паниным-Павловым, В. А. Сенчихиным, журналистом В. А. Паниным-Павловым, переводчиком В. А. Воробьевым выявляли места немецких захоронений в Чувашской Республике, помимо кладбища в Козловке. Во время исследований им повстречались данные о военнопленных, интернированных в лагерь по добыче торфа в пос. Торфы (Октябрьский) в Заволжье, на лесоповал и пилораму в пос. Северный, Астраханка и Ибреси Чебоксарского района. Военнопленные проживали также вблизи железнодорожной ст. Тюрлема в Козловском районе (развязка близ эвакогоспиталя № 3064)⁹. Помимо поиска группа ученых проводила разъяснительную работу среди населения по формированию миролюбивых взглядов и пониманию трагедии Второй мировой войны.

В письме посольству ФРГ в Москве от 1994 г. он сообщил: «[После первой поездки в ГДР

в 1986 г.]... загорелся желанием установить сведения об умерших и захороненных здесь (в Козловке. — Т. С.) военнопленных»¹⁰. В книге подробно описывается ход работы по поиску личных данных захороненных. На Беловежском кладбище Козловки имеются два захоронения красноармейцев — находившегося в госпитале и военнопленного. На надмогильные холмы были установлены вертикальные железные пластинки, которые со временем потеряли первоначальный вид, а захоронения оказались заброшенными¹¹. Герман Николаевич в одиночку старался сохранить эту местность в чистоте и неприкосновенности, накануне визита немецкой делегации на кладбище в 1994 г. за наведение порядка взялась и районная администрация. Местность была расчищена от зарослей, и курганы стали заметны.

В июле 1994 г. на Беловолжское кладбище прибыли бывший президент Чувашской Республики Н. В. Федоров и советник 1-го класса, начальник Департамента экономики и науки посольства ФРГ в России Георг Боомгарден. В мае 2008 г. в Козловку приехала делегация во главе с Андреасом Шокенхофом (с 2005 г. занимал пост заместителя председателя фракции Христианско-демократического союза в Бундестаге. В те годы являлся уполномоченным Федерального правительства Германии по вопросам сотрудничества с Россией).

Впоследствии на Беловолжском кладбище Козловки была установлена памятная плита умершим от ран и болезней в эвакогоспитале № 3064 в годы Второй мировой войны и заложена мемориальная доска на здании бывшего 1-го корпуса эвакогоспиталя.

В конечном итоге в посольства Германии и Италии краеведом были отправлены сведения о захоронении 292 немецких и 45 итальянских военнопленных, их личные данные и адреса (в книге имеются сведения о 297 немецких военнопленных на 1994 г.)¹². За три года войны в госпитале лечились 3278 пленных, из них 692 скончались от ран и были похоронены на прилежащем кладбище¹³. Всего в Чувашии было развернуто 18 госпиталей для военнопленных¹⁴.

Данный проект Г. Н. Ксенофонтова и его коллег вышел за рамки традиционного краеведческого исследования. Он включает элементы гуманитарной дипломатии, мемориальной практики и публичной истории.

Одним из ярких сюжетов в деятельности Г. Н. Ксенофонтова стало исследование судьбы дворянского рода Жомини¹⁵, владевшего усадьбой в Козловском районе Чувашской Республики. Отправной точкой послужил разговор с ветераном Великой Отечественной войны В. М. Герасимовым, который также интересовался историей родного края. В личном разговоре с Г. Н. Ксенофонтовым он указал на здание бывшего роно в Козловке:

Говорят, здесь раньше жили бароны. Кто они такие, чем занимались — никто не знает¹⁶.

Перед Ксенофонтовым встала классическая генеалогическая проблема — отсутствие локальной памяти и фрагментарность воспоминаний. В первую очередь Герман Николаевич взял интервью у старожилов города Е. К. Сорокиной и В. К. Малинина.

На следующем этапе работы краевед предпринял масштабную переписку с архивами Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, республик Татарстан и Чувашия. В результате удалось установить, что речь идет о ветви знаменитых французских военных теоретиков — потомков Антуана-Ари Жомини, перешедших на русскую службу. Ксенофонтову удалось ознакомиться с метрическими книгами, послужными списками, указом о принятии в российское гражданство К. Г. Жомини, выявить месторасположение иных земельных угодий рода и гравюры усадебного дома¹⁷. Это исследование очень показательно для понимания его метода: соединение архивной эвристики с устной историей. В книге обширный иллюстративный и фактологический материал: генеалогическое древо рода от 1779 по 1918 г., составленное ученым самостоятельно, рисунки и фотографии усадеб, а также выписки из архивных документов, приведенные перед оглавлением.

Всю многолетнюю деятельность ученого можно подвести под создание одного фундаментального труда «История Козловского района»¹⁸. В личном фонде особый интерес представляет дело, подшитое и оформленное самим автором, — машинописное издание объемом 226 страниц. Хронологически работа охватывает период с XVIII в. до 1990-х гг. Структура нелинейна, поскольку Ксенофонтов отказался от хронологического повествования в пользу тематических блоков — работа во многом состоит из ранее опубликованных статей и отдельных изданий.

Г. Н. Ксенофонтов также составил генеалогическое древо своей семьи, в предисловии издания отмечая: «Чтобы не быть “Иванами”, не помнящими своего родства, каждая семья обязана знать свое генеалогическое древо, хотя бы до пяти поколений»¹⁹. Также им был издан альбом «Род Ксенофонтовых в фотографиях»²⁰. В предисловии к данным генеалогическим исследованиям он отмечает использование документов органов ЗАГС, информацию, взятую из метрических книг, ревизских сказок и личного общения:

...Зафиксированные сведения в родословной остаются постоянными в качестве настольной книги. Если мои близкие будут обращаться к данному источнику за выяснением дат важных событий, я считал бы продолжением работы полезной, цель достигнутой, а потраченное время оправданным²¹.

Вся деятельность Г. Н. Ксенофонтова демонстрирует эволюцию локальной истории в постсоветской России от любительского краеведения к комплексному междисциплинарному исследованию. При этом генеалогия выступает не самоцелью, но сферой интересов и инструментом

«оживления» прошлого и возвращения забытых имен в локальную память.

Приведенные направления работы Германа Николаевича показывают, как менялась его исследовательская оптика, напрямую зависящая от того, кем он являлся: будучи спортсменом, писал спортивные статьи; будучи судьей, собирал материалы судебных дел для публикации, публиковал правовые очерки и фельетоны из опыта рабочей практики, будучи преподавателем истории, решил провести исследование по истории Козловского района и собственной семьи. Важно и то, что он сумел наладить диалог с зарубежными партнерами по теме военнопленных, превратив локальную историю в часть международной мемориальной политики.

Вклад Германа Николаевича не ограничивается фактографическими открытиями. Привлеченный к исследованиям огромный комплекс источников, скрупулезный сравнительный анализ всех обстоятельств позволили Г. Н. Ксенофонтову изобрести собственный метод исследования, состоящего из синтеза некоего следственного метода (из опыта работы судьей), журналистской фиксации и тщательной работы с архивными документами, что делает его иссле-

дования уникальными и содержательно насыщенными.

Примечания

¹ ГАСИ ЧР. Ф. Р-3044. Оп. 1. Д. 90.

² Ксенофонтов Г. Н. Долгожители Чувашии. Чебоксары, 2009.

³ Ксенофонтов Г. Н. Суд идет! Самые громкие преступления в Чувашии (XX век) : очерки. Чебоксары, 2016.

⁴ Ксенофонтов Г. Н. Эвакогоспиталь для военнопленных № 3064. Чебоксары, 2008. С. 168–175.

⁵ Там же. С. 140.

⁶ ГАСИ ЧР. Ф. Р-3044. Оп. 1. Д. 69. Л. 2.

⁷ Ксенофонтов Г. Н. Эвакогоспиталь для военнопленных № 3064 ...

⁸ Там же. С. 26–27.

⁹ ГАСИ ЧР. Ф. Р-3044. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Ксенофонтов Г. Н. Эвакогоспиталь для военнопленных № 3064 ... С. 50.

¹² Там же. С. 77.

¹³ Герасимов И. Кладбище особого назначения // Советская Чувашия. 2008. 20 мая.

¹⁴ Ксенофонтов Г. Н. Эвакогоспиталь для военнопленных № 3064 ... С. 81.

¹⁵ Ксенофонтов Г. Н. Бароны Жомини в Козловке. Чебоксары, 2015.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ ГАСИ ЧР. Ф. Р-3044. Оп. 1. Д. 73. Л. 2–2 об.

¹⁸ Там же. Д. 92.

¹⁹ Ксенофонтов Г. Н. Родословная Ксенофонтовых. Чебоксары, 2008.

²⁰ ГАСИ ЧР. Ф. Р-3044. Оп. 4. Д. 25.

²¹ Ксенофонтов Г. Н. Родословная Ксенофонтовых ... С. 4.

И. В. Коновалова

Провинциальная историография как хранитель исторической памяти (на примере деятельности Евгения Федотовича Григорьева)

Провинция подобна тайнику, где хранятся бесценные сокровища, ключи к которым открываются лишь терпеливо ищущим исследователям. Именно здесь, далеко от гула мегаполисов, протекает своя особая жизнь: медленно текут ручейки воспоминаний, прорываясь через гранит официальной академической науки, накапливая песчинки старинных документов и неспешно звуча мягким эхом прошедших столетий.

Таким уникальным открывателем стал Евгений Федотович Григорьев — краевед, учитель, ставший живым воплощением голоса истинной исторической правды своей провинции. Такие самородки играют важнейшую роль в формировании регионального самосознания народа, обеспечивая прочную связь времен, питая силой предков и передавая историю потомкам.

История отдельного региона — это тонкая ткань, сплетенная из судеб сотен и тысяч обычных людей, чей вклад незаметен в общем полотне большого национального нарратива. Задача краеведов состоит именно в том, чтобы восстановить эту утраченную нить, протянувшуюся сквозь столетия, воссоздавая невидимую цепь преемственности народной памяти.

Значение провинциальной исторической науки огромно и многообразно:

1. Охрана местного наследия. Как опытный археолог бережно достает фрагменты древней

керамики из-под слоя пыли, краевед восстанавливает забытые события и подробности жизни регионов, часто упущенные официальными источниками и профессиональными научными кругами.

2. Формирование коллективной идентичности. Исторические знания формируют внутреннюю связь населения с корнями, создают ощущение принадлежности к определенному месту и сообществу, воспитывают уважение к делам предков и желание сохранить наследие.

3. Фундамент научной деятельности. Работа местных энтузиастов служит важным источником уникальных данных, добытых самостоятельно и методично обработанных, востребованных специалистами-историками и социологами.

4. Инструмент воспитания и просветительства. Региональная история входит в школьные программы, формирует содержание экскурсионных маршрутов, культурных мероприятий, способствуя патриотическому воспитанию молодежи.

Жизнь Евгения Федотовича Григорьева — яркий пример глубочайшего уважения к родине, бесконечной любви к родной земле и полной отдачи делу сохранения ее исторического наследия. Человек широкой души, высокого нравственного достоинства и глубокого гуманизма, он смог объединить вокруг себя единомышленников, заинтересовать молодежь изучением мест-

ной истории и оставить значительный след в культурной жизни города Сухой Лог.

Главные его достижения были значительны и разнообразны:

1. Летописец эпохи. Самой значительной работой Григорьева является монументальная многотомная хроника города Сухой Лог — «Сухоложская летопись» (см. Приложение). Этот труд охватывает многие аспекты развития поселения: хозяйственный рост, социальные процессы, духовную и культурную жизнь. Каждый фрагмент летописи написан искренне и эмоционально, пронизан трепетом перед каждой деталью и глубоким уважением к жизням тех, кто строил и развивал его от поселения до города.

2. Создатель музейных экспозиций. Григорьев активно участвовал в создании и развитии городских музеев, включая историко-краеведческий и заводской музеи. Эти учреждения стали центрами притяжения для жителей, позволив им соприкоснуться с собственным прошлым, осознать ценность традиций и обычаев предков. Сухоложский историко-краеведческий музей сегодня играет важную роль в формировании локальной идентичности, отражая душу и характер сухоложцев. Его фонды пополнились материалами из экспозиции ныне несуществующего заводского музея.

3. Учитель молодых умов. На посту директора Сухоложского вечернего индустриального техникума с 1958 г. Евгений Федотович Григорьев проявил себя не только как талантливый руководитель, но и как наставник. Он посвятил много лет работе с молодежью, вдохновляя студентов интересоваться историей родного края и воспитав плеяду достойных специалистов.

Григорьева отличал системный подход к развитию учебного заведения: ему удалось значительно укрепить его материально-техническую базу и сформировать сильный педагогический коллектив. Лучшие инженерно-технические кадры с промышленных производств переходили в техникум, чтобы передавать свои знания студентам¹.

Результаты этой работы видны по карьерам выпускников. Подготовленные им специалисты заняли руководящие посты на предприятиях города. Среди них — Анатолий Николаевич Быков (директор огнеупорного завода, впоследствии глава администрации города), Федор Иванович Шишкин (начальник СУ «Сухоложтяжстрой»), Александр Георгиевич Рябцев (директор комбината «Сухоложскцемент») и многие другие. Все они являются почетными гражданами г. Сухой Лог, как и их наставник.

Почетное звание «Почетный гражданин муниципального округа Сухой Лог» присвоено Евгению Федотовичу посмертно Решением думы муниципального округа Сухой Лог от 28 мая 2026 г. № 485-РД.

4. Авторитет общественного деятеля. Благодаря его неустанным усилиям архивные сведения о регионе нашли отражение в исторической

литературе и стали основой поурочного планирования учебного курса «История нашего края». С 2026 г. этот курс реализуется в образовательных учреждениях Сухого Лога, формируя культурную среду современного города.

Сегодня город известен как место героического вклада советских рабочих. Именно с использованием архивных данных, собранных и опубликованных в трудах Григорьева, Сухой Лог в декабре 2024 г. был удостоен почетного международного звания «Город трудовой доблести и славы».

Имя Евгения Федотовича Григорьева олицетворяет тысячи таких же замечательных деятелей провинциальной истории, чьи имена нередко остаются вне поля зрения общественности, хотя именно их усилиями сохраняются уникальные нити, соединяющие нас с нашим прошлым.

Его творчество, деятельность, идеи подарили нам неповторимый портрет малой родины, сотканный из конкретных деталей быта, реальных биографий, ярких картин природы и богатейших народных традиций.

Его труды — достойный памятник от потомков, увековечивающий память великого сына провинциальной России, который своими деяниями и идеями навсегда вписал яркую страницу в историю нашей страны.

Приложение

Перечень печатных и рукописных работ краеведа Е. Ф. Григорьева (девять частей, семь летописей, шесть рукописей, три справочника)

1. Часть 1. Сухой Лог и Сухоложский район. Природные ископаемые. Населенные пункты (1965).
2. Часть 2. Сухой Лог и Сухоложский район. Годы революции и Гражданской войны (1966).
3. Часть 3. Сухой Лог и Сухоложский район. Революция (1966).
4. Часть 4. Сухой Лог и Сухоложский район. Промышленность. Транспорт и связь (1966).
5. Часть 5. Сухой Лог и Сухоложский район. Сельское хозяйство (1967).
6. Часть 6. Сухой Лог и Сухоложский район. Народное образование (1967).
7. Часть 7. Сухой Лог и Сухоложский район (1969).
8. Часть 8. Сухой Лог и Сухоложский район. Годы Великой Отечественной Войны (1974).
9. Часть 9. Сухой Лог и Сухоложский район. Коммунальное хозяйство (1977).
10. Летопись. История создания Сухоложского индустриального техникума.
11. Летопись. Периодическая печать в Сухом Логу (1969).
12. Летопись. Новая Пышма (1970).
13. Летопись. Воспоминания сухоложцев — участников Гражданской войны.
14. Летопись. Сборник (1970).
15. Летопись. Страницы истории комсомольской организации Сухоложского района (1973).

16. Летопись. Сухоложский цементный завод и комбинат «Сухоложскцемент» (1977).

17. Сухоложская летопись (справочник), часть 1 (1977).

18. Сухоложская летопись (справочник), часть 2 (1977).

19. Сухоложская летопись (справочник), часть 3. Дополнение (1979).

20. Рукопись. Автотранспорт.

21. Рукопись. Конный спорт.

22. Рукопись. Культурная жизнь.

23. Рукопись. Торговля.

24. Рукопись. Часть 2.

25. Рукопись. Часть 3.

Примечание

¹ МКУ «Архив». Ф. 27. Оп. 1л. Д. 14. Л. 34–35.

В. И. Пуятин, А. А. Васильев

Химико-технологическое сортоизучение как составная часть селекционного процесса (к 95-летию ЮУНИИСК)

Начиная с 1933 г. технологическим отделом Уральской зональной опытной плодово-ягодной станции (ныне ЮУНИИСК — филиал Уральского федерального аграрного научно-исследовательского центра Уральского отделения РАН) проводились комплексные исследования культурных и дикорастущих плодов и ягод Южного Урала с целью определения их пригодности для промышленной переработки и использования в селекционном процессе. Объектом исследований являлись сорта смородины красной, земляники, вишни и яблони (Грушовка местная, Анис, Аркад зимний и *Malus baccata* крупноплодная). Программа изысканий предусматривала реализацию трех основных этапов: механического анализа (определение средней массы, удельного веса, доли кожицы и сердцевины, а также сульфитация образца), химического анализа (установление содержания влаги, пектина, сахаров, дубильных веществ, общей и активной кислотности) и опытно-технологической переработки. В рамках последней осуществлялось экспериментальное приготовление широкого ассортимента продукции, включая варенье, джем, желе, повидло, соки, виноматериалы, а также оценку эффективности термической сушки сырья¹.

Реализация намеченной программы исследований была существенно ограничена дефицитом квалифицированных кадров, в результате чего весь объем работ (функции технолога, химика-аналитика и лаборанта) выполнялся единственным сотрудником — О. В. Рябовой. Кадровый дефицит в сочетании с отсутствием необходимого материально-технического обеспечения, включая специализированную лабораторную посуду (колбы Бунзена, стеклянные трубки) и необходимые для анализа реактивы, обусловил неполноту химического анализа, в частности исключение определений содержания пектина и дубильных веществ. Кроме того, из-за недостаточной приборной базы консервирование и технологическая апробация изучаемого сырья осуществлялись кустарным способом, что ограничивало возможность стандартизации полученных результатов.

В 1934 г. научно-исследовательская деятельность по технологической оценке плодово-ягодной флоры Южного Урала (под руководством

технолога М. Н. Лебедевой) характеризовалась большей полнотой химических анализов и сравнительной оценкой в сопоставлении с данными предыдущего вегетационного периода. Отчетная документация за указанный цикл включала результаты комплексных технологических и биохимических исследований, а также данные органолептической балловой оценки широкого ассортимента опытной продукции: соков, виноматериалов (включая образцы из дикорастущей вишни угодий совхоза «Вишневые горы»), варенья, джемов и желе. Особое внимание было уделено диверсификации направлений переработки сырья, что выразилось в апробации методов сушки земляники для фармацевтических и пищевых целей, разработке рецептур карамельных начинок и экспериментальном производстве плодового кваса объемом 400 л на основе вторичных ресурсов (выжимок) земляники, клубники и дикорастущей вишни.

В 1936 г. научно-исследовательская деятельность, выполняемая техником-аналитиком Саламатовой по анализу сортовых и дикорастущих плодово-ягодных ресурсов, была структурирована по трем ключевым направлениям: опытное виноделие (с плановым объемом переработки 3200 кг сырья, включая клубнику, малину, ревень, вишню, смородину, яблоки и рябину), витаминетрия (100 анализов содержания аскорбиновой кислоты) и комплексное изучение физико-химических и механических свойств (580 анализов). Экспериментальное производство натуральных вин, осуществляемое методом естественного сбраживания с применением чистых культур дрожжей Всесоюзного микробиологического института, было направлено на уточнение показателей рентабельности и технологических регламентов. Расширение ассортимента до девяти сортов (против пяти в 1935 г.) и детальная проработка сырьевой базы различных районов (Аргаяшский, Октябрьский) не привели к повышению выхода сока из-за использования кустарного пресса. Кроме того, отмечено ухудшение органолептических характеристик вишневых виноматериалов (4 балла по дегустационной шкале) вследствие экстракции горьких веществ из косточек при переработке плодов.

Итоговые материалы исследований представляли исчерпывающую калькуляцию себестоимости продукции и сравнительную характеристику технологической пригодности широкого спектра культур, включая ревеня, песчаную вишню и мелкоплодную сибирку².

Согласно второму разделу отчета, в 1936 г. на станции проведено комплексное изучение динамики накопления витамина С в основных плодово-ягодных и овощных культурах с учетом сортовой специфики, стадий онтогенеза, условий вегетации, географической вариативности и режимов последующего хранения. Научная значимость данной работы заключалась в установлении диапазона и характера колебаний витаминной активности сырья в целях дальнейшей селекционной работы по улучшению качественных показателей регионального сортимента плодовых, ягодных и овощных культур, при этом методология анализа включала инновационный расчет суточной нормы потребления в граммах на человека. Было выполнено 36 анализов, охвативших девять сортов огурцов, восемь сортов томатов, а также различные виды витаминосодержащей продукции, включая квашеную капусту и плодово-ягодные виноматериалы, что позволило приступить к разработке рациональных методов консервации и хранения биологически активного сырья.

В рамках реализации хозяйственных работ (четвертый раздел отчета) проводилось исследование потенциала регионального дикорастущего сырья, в частности плодов вишни, для внедрения в рецептуры ликеро-водочного производства (наливок, настоек и ликеров). Научно-практическая значимость этапа заключалась в методическом сопровождении специалистов Челябинского ликеро-водочного завода и апробации 14 экспериментальных образцов изделий, которые, за исключением ликеров, получили положительную оценку Спиртотреста. Полученные результаты послужили технологическим базисом для запуска серийного производства напитков на базе строящихся мощностей Курганского завода, запланированного на 1937 г.

В заключительной части отчета автор подчеркивает значимость производственной интеграции, реализованной через систему консультативной помощи садоводам-опытникам и демонстрацию экспериментальных образцов на отраслевых выставках. Несмотря на достигнутые результаты, автор самокритично отмечает недостатки в работе: дефицит аналитического оборудования и реактивов и проблемы доставки сырья, а также недостаточную активность в сфере освещения результатов исследований в средствах массовой информации (газеты и радио).

При несомненной питательной ценности фруктов и ягод в последнее шестидесятилетие вырос интерес к их целебным свойствам, определяемым содержанием биологически активных веществ (витаминов, микроэлементов, антибиотиков, лечебных соединений).

Идея необходимости сортов с высоким содержанием биологически активных веществ неоднократно высказывалась Иваном Владимировичем Мичуриным³, а впоследствии была экспериментально подтверждена перспективность селекции на улучшение химического состава плодов, введение в культуру плодового дикорастущих растений: облепихи, шиповника, черноплодной рябины, лимонника и жимолости. Таким образом, в отечественном садоводстве складывалось новое научное направление — лечебное, требовавшее тесного взаимодействия селекционеров и биохимиков⁴.

В 1971–1972 гг. на Челябинской плодово-ягодной селекционной станции им. И. В. Мичурина были созданы условия для систематических биохимических исследований: приобретено оборудование и сформирован штат лаборатории агробиохимии (Маргарита Андреевна Чиркова, Ирина Геннадьевна Замятина, Марина Александровна Никитина, Владимир Ильич Путятин). Лаборатория приступила к выполнению заявок селекционеров на химический анализ агротехнических и селекционных объектов.

В последующие годы были осуществлены командировочные поездки в ведущие специализированные учреждения: Молдавский институт садоводства, Алтайскую, Новосибирскую, Орловскую и Свердловскую селекционные станции, НИИ Нечерноземной полосы (Москва), Институт консервной промышленности, а также в лабораторию биологически активных веществ Уральского лесотехнического института с консультациями у Леонида Ивановича Вигорова. Настольными методическими руководствами служили межведомственные требования к сортам на 1980–1990 гг. (1979), методические указания по химико-технологическому сортоиспытанию (1977) и фундаментальное пособие А. И. Ермакова «Методы биохимического исследования растений» (1972).

Результатом совместной работы стало выделение и передача на государственное сортоиспытание сортов яблони Братчуд, Ковровое, Приземленное⁵, облепихи Каротинная, Костер, Лисичка, Рыжик, Солнышко, Янтарное ожерелье⁶, жимолости Волшебница, Изюминка, Челябинка и др.⁷, шиповника Уральский чемпион, Багряный, Витаминный ВНИВИ⁸, груши Декабринка, Сказочная⁹, вишни Айлинская, Уйская и Шершневецкая¹⁰, сливы Айлинская, Уйская и Шершневецкая¹¹ и абрикоса Первенец, Челябинский ранний, Кичигинский¹² с высокими показателями содержания витаминов и биологически активных веществ.

В период с 1972 по 2001 г. биохимические исследования на станции велись непосредственно В. И. Путятиным, М. А. Чирковой и И. Г. Замятиной. Совместная работа была признана соавторством в селекции плодово-ягодных культур и отмечена 30 авторскими свидетельствами и 10 патентами.

С 2002 г. и по настоящее время новое поколение сотрудников лаборатории агробиохимии

института продолжает осуществлять аналитическое обеспечение селекционных и агротехнических исследований в соответствии с государственным заданием по селекции и сортоизучению плодово-ягодных культур¹³ и руководствуется требованием «Программы и методики селекции плодовых, ягодных и орехоплодных культур» (Орел, 1995). В настоящее время, в год 95-летия со дня основания института, биохимические исследования, базируясь на использовании высокотехнологичного научного оборудования и новых подходов, отвечают современным требованиям аграрного производства¹⁴.

Системная работа, начатая в 1933 г. сотрудниками Уральской зональной опытной станции в условиях дефицита оборудования, впоследствии трансформировалась в исследования в области лечебного садоводства, что обеспечило переход от оценки плодов как продуктов питания к их характеристике как источников биологически активных веществ. Ключевым результатом этого этапа стало плодотворное междисциплинарное взаимодействие селекционеров и биохимиков, позволившее создать сорта с высокими вкусовыми и целебными свойствами. В настоящее время лаборатория, сохраняя преемственность поколений, на основе накопленного опыта выполняет аналитическое сопровождение селекционных программ, что подтверждает статус Южного Урала как региона с уникальным садоводческим потенциалом.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. Р-609. Оп. I-1. Д. 4. Л. 1–20.

² Там же. Оп. I. Д. 8. Л. 1–11.

³ И. В. Мичурин и его научное наследие : к 150-летию со дня рождения И. В. Мичурина. Тамбов, 2005 ; *Мичурин И. В.* Избранные сочинения / под ред. П. Н. Яковлева. М., 1948.

⁴ *Вигоров А. И.* Витамины на ветках. Лечебные свойства уральских плодов и ягод. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1969 ; *Седов Е. Н., Седова З. А.* Перспективы селекции яблони на улучшение химического состава плодов // Селекция яблони на улучшение качества плодов : сб. ст. Орел, 1985. С. 18–26 ; *Мазунин М. А., Путятин В. И.* Витамин С в плодах гибридов Уральского наливного с крупноплодными сортами // Био-

логически активные вещества плодов и ягод : материалы V Всесоюз. семинара. М., 1976. С. 57–59.

⁵ *Мазунин М. А.* Содержание аскорбиновой кислоты в плодах гибридов яблони // Селекция яблони на улучшение качества плодов : сб. ст. Орел, 1985. С. 120–123.

⁶ *Ильина Н. А.* Итоги селекции облепихи // Селекция, биология, агротехника плодово-ягодных, овощных культур, картофеля : сб. науч. тр. / сост. В. С. Ильин. Челябинск, 1994. Т. 1. С. 67–70.

⁷ *Ильин В. С., Ильина Н. А.* Селекция жимолости на Урале // Там же. С. 78–84.

⁸ *Ильин В. С., Ильин Н. А.* Селекция шиповника (методические рекомендации) // Там же. С. 71–78.

⁹ *Фалкенберг Э. А.* Селекция груши на Урале // Там же. С. 6–12.

¹⁰ *Фалкенберг Э. А., Панкратова А. Е., Муллаянов К. К.* Селекция косточковых культур на Урале // Там же. С. 18–26.

¹¹ *Путятин В. И., Замятина И. Г.* Химико-технологические свойства плодов местных сортов абрикоса // Там же. С. 30–37.

¹² Абрикос / под ред. В. К. Смыкова. М., 1989. С. 134.

¹³ *Гасымов Ф. М., Уфимцева Л. В.* Химико-технологическая оценка сортов и перспективных форм абрикоса селекции ФГБНУ ЮНИИСК // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 2018. № 2 (46). С. 32–35 ; *Уфимцева Л. В., Глаз Н. В., Лёзин М. С.* Сахаро-кислотный индекс при оценке вкусовых качеств сортов абрикоса // Ученые записки Челябинского отделения Русского ботанического общества : сб. ст. Челябинск, 2020. С. 123–127 ; *Уфимцева Л. В., Кутенева И. Е., Выпозов М. А., Давыдова Н. А.* Биохимический состав ягод жимолости в погодных условиях 2020 года // XXVI Мичуринские чтения «Развитие научного наследия И. В. Мичурина в решении проблем современного садоводства» : материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 165-летию со дня рождения И. В. Мичурина. СПб., 2021. С. 277–281.

¹⁴ *Давыдова Н. А., Нохрин Д. Ю., Уфимцева Л. В.* Оценка эффектов генотипа, среды и взаимодействия «генотип — среда» для биохимических показателей жимолости // Актуальные вопросы садоводства и картофелеводства : сб. тр. 4-й науч.-практ. конф. с междунар. участием. Челябинск, 2022. С. 257–268 ; *Нохрин Д. Ю., Уфимцева Л. В., Глаз Н. В.* Оценка размеров и формы ягод с использованием программы ImageJ на примере жимолости // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 2022. Т. 183. № 3. С. 204–212 ; *Нохрин Д. Ю., Давыдова Н. А., Кутенева И. Е., Гасымов Ф. М.* Связь между биохимическими и сенсорными характеристиками ягод черной смородины // Актуальные вопросы современного естествознания Южного Урала : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Рос. акад. наук, 90-летию образования Челяб. обл., 60-летию со дня рождения П. В. Куликова и 25-летию ботанического сада Челяб. гос. ун-та. Челябинск, 2024. С. 174–182 ; Помология Урала: сорта плодовых, ягодных культур и винограда / под общ. ред. д-ра с.-х. наук С. А. Макаренко. М., 2022.

А. О. Горбачев

Челябинский государственный университет: показателем и первые годы функционирования (1976–1980)

Университетское образование — важная составляющая высшего образования. Советские университеты — высшие учебные заведения, готовившие специалистов гуманитарного и естественно-научного направлений. Кроме того, именно университеты там, где они появлялись, становились центрами подготовки высококвалифицированных кадров для высшей школы, промышленных предприятий, научных учреждений.

В СССР в основном преобладало узкопрофильное высшее образование: политехнические, медицинские, педагогические, сельскохозяйственные институты и т. д. Но с развитием

научно-технической революции и по мере усиления проблем социально-экономического характера для советского руководства стала очевидной необходимость подготовки специалистов с фундаментальной подготовкой. В 1960–1970-е гг. происходит резкий рост численности университетов в стране. Если в 1960 г. в СССР насчитывалось 40 университетов, то к 1975 г. их насчитывалось уже 63¹. Они появлялись преимущественно в региональных центрах, там, где наблюдалась острая потребность в специалистах с университетским образованием. Одним из таких регионов стала Челябинская область.

Почему же именно в Челябинской области был открыт университет? Дело в том, что к середине 1970-х гг. регион уже располагал мощной экономической базой и значительным культурным потенциалом. В области работало свыше 3 тыс. предприятий и производств, в том числе почти 600 крупных промышленных предприятий, среди которых такие гиганты, как Магнитогорский металлургический комбинат, челябинские тракторный, металлургический, трубопрокатный и другие заводы. По объему промышленного производства область занимала пятое место в России и шестое в СССР. Область занимала ведущее место в стране по производству черных металлов, качественных сталей, ферросплавов, тракторов, грузовых автомобилей, цемента, приборов и средств автоматизации².

Кроме того, важную роль играло развитие атомной промышленности в регионе, в таких городах, как Челябинск-40, или Челябинск-65 (Озерск), Златоуст-36 (Трехгорный), Челябинск-70 (Снежинск). Для обеспечения ее развития требовались специалисты по наукоемким предприятиям. В частности, промышленные предприятия и научно-исследовательские институты ощущали острую потребность в специалистах по математике, в том числе прикладной, физике, химии, биологии, биохимии, в программах³.

Путь к открытию университета занял несколько лет. Руководство Челябинской области во главе с первым секретарем обкома партии Н. Н. Родионовым в марте 1974 г. отправило письма в Центральный комитет партии и в Министерство высшего и среднего специального образования СССР с просьбой рассмотреть вопрос об открытии в Челябинске государственного университета. Министерство в ответном письме, подписанном министром В. П. Елютиным в июне 1974 г., в принципе выразило согласие с предложением челябинского руководства, но предлагало открыть университет в Челябинске только после создания необходимой учебно-материальной и лабораторной базы, отвечающей современным требованиям подготовки кадров с университетским образованием⁴.

Третьего сентября 1974 г. согласно Постановлению Совета министров СССР № 690с было принято решение о создании в 1976 г. Челябинского государственного университета⁵. Позднее, 4 октября 1974 г., вышло Постановление Совета министров РСФСР № 536 об организации в Челябинске государственного университета⁶. Во исполнение этих постановлений вышел Приказ Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР от 16 октября 1974 г. № 438 «Об организации Челябинского государственного университета»⁷. Согласно этому приказу предполагалось организовать в 1976 г. в Челябинске государственный университет; осуществить в 1976–1980 гг. проектирование и строительство учебно-лабораторного корпуса указанного университета площадью 10 тыс. м²; укомплектовать

университет преподавательскими кадрами, имеющими ученые степени и звания⁸.

Важную роль в создании университета сыграли региональные органы власти. В частности, Челябинский облисполком передавал Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР для размещения Челябинского государственного университета учебный корпус площадью 5,6 тыс. м² со спортивным залом и столовой на 120 посадочных мест, студенческое общежитие на 600 мест и 20 квартир для профессорско-преподавательского состава. Также планировалось построить и ввести в эксплуатацию к 1 сентября 1975 г. учебный корпус площадью 5 тыс. м², в 1976 г. студенческое общежитие на 1100 мест и жилой дом для профессорско-преподавательского состава на 60 квартир⁹.

Итоги работы по подготовке к открытию Челябинского университета были подведены в справке отдела науки и высших учебных заведений Челябинского обкома КПСС о выполнении постановлений бюро обкома КПСС от 25 октября 1974 г. «Об организации в г. Челябинске государственного университета» и от 13 февраля 1976 г. «О ходе подготовки к открытию Челябинского государственного университета»¹⁰. В справке указывалось, что университет получил два учебных корпуса площадью свыше 10 тыс. м², был полностью оснащен учебно-лабораторным оборудованием и мебелью. Было построено и введено в строй общежитие на 540 мест, выделено 60 квартир для профессорско-преподавательского состава. В 1977 г. планировалось ввести в строй студенческое общежитие на 1100 мест¹¹.

На начало учебного года университет был укомплектован профессорско-преподавательским составом в соответствии с штатным расписанием. На момент открытия в университете работали 5 докторов и 17 кандидатов наук¹².

В отличие от других университетов, которые создавались на базе педагогических или политехнических институтов, Челябинский государственный университет создавался на своей собственной базе. Огромную помощь в создании материально-технической базы университета оказали промышленные предприятия региона. Они приобрели и передали оборудование на сумму более 500 тыс. руб. Не остались в стороне и общественные организации. Областной совет профессиональных союзов выделил 50 тыс. руб. на приобретение спортивного и культурного инвентаря. Обком ВЛКСМ организовал комсомольский набор в университет и обеспечил своевременно начало работы комсомольской университетской организации. Силами комсомольцев было проведено большое количество субботников по монтажу и оборудованию аудиторий и лабораторий¹³.

Помогали новому университету и другие вузы города и области. Они оказали помощь в комплектовании лабораторий и библиотеки. На момент открытия университетская библиотека на 85 % была обеспечена необходимой литературой и учебными пособиями¹⁴.

Челябинский государственный университет начал работу 1 сентября 1976 г. Ректором университета стал доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР Семен Егорович Матушкин. В вуз было принято 278 студентов-первокурсников¹⁵. В университете открылись два факультета — историко-филологический со специальностями «История» и «Русский язык и литература» и физико-математический со специальностями «Физика», «Математика», «Химия». Организовывались первые кафедры: марксизма-ленинизма, иностранных языков, русского языка и литературы, высшей математики, физики и химии¹⁶. Что касается профессорско-преподавательского состава, то работу начали 35 преподавателей, из них четыре доктора наук, профессора, и шесть кандидатов наук, доцентов¹⁷.

За первые четыре года существования университета были заложены основы для дальнейшего развития вуза как методического, научного центра Южного Урала. Но это произойдет уже в 1980–е гг. А пока университет очень активно создавал и развивал научные связи с промышленными предприятиями.

В университете велись научно-исследовательские работы по четырем основным научным направлениям: экономические, социально-политические идеологические проблемы развитого социализма и решение их коллективами предприятий; физика и химия твердого тела и многофазных систем; динамика и оптимальный синтез систем и процессов, повышение качества и эффективности машин; исследование проблем вузовской педагогики. Научно-исследовательская работа в университете выполнялась по 36 темам (госбюджетным и хоздоговорным), 8 социалистическим договорам о творческом содружестве. Одна хоздоговорная тема на 800 тыс. руб. была утверждена Минвузом РСФСР как важная. Годовой объем хозтемы составлял 150 тыс. руб. Средний объем одного хоздоговора — 26 тыс. руб. За 1976–1978 гг. выполнено хоздоговорных работ общим объемом на 879 тыс. руб. Всего университетом заключено договоров за период с октября 1976 по май 1979 г. на сумму 2 млн руб.¹⁸

В ходе выполнения учеными университета исследований по данным темам, достигались определенные результаты. Были разработаны и переданы заказчикам методы определения характеристик процессов, методики расчетов, рекомендации по повышению качества и надежности машин и их элементов. По результатам исследований было получено пять авторских свидетельств и подано пять заявок на предполагаемые изобретения¹⁹.

За результаты исследований по комплексной работе Челябинский университет был включен в состав коллектива на представление к премии им. Ленинского комсомола. Условный экономический эффект по завершенным хоздоговорным научно-исследовательским работам составил 677 тыс. руб. (на 257 тыс. руб. затрат). По дан-

ным предприятий, внедрение рекомендаций по результатам госбюджетной научно-исследовательской работы «Сокращение ручного труда», в реализации которой участвовал университет, обеспечивало годовой экономический эффект в размере 11 млн руб.²⁰

Выполняя Постановление Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР от 6 апреля 1978 г. № 271 «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях»²¹ на основе хоздоговорных работ были заключены социалистический договор о творческом содружестве коллективов университета и КБ машиностроения и Златоустовского машиностроительного завода, договор творческого содружества «Челябинский государственный университет — Московский физико-технический институт»²². В рамках данных соглашений были созданы и успешно работали научно-методические советы. В плане выполнения договора творческого содружества, кроме совместного выполнения научных исследований, решались в том числе и вопросы повышения квалификации, подготовки специалистов, развития материально-технической базы университета, организации целевого набора в Московский физико-технический институт на базе университета. Научно-методическим советом Челябинского государственного университета, КБ машиностроения и Златоустовского машиностроительного завода было принято решение об организации двух творческих комплексных научно-исследовательских лабораторий при долевом участии университета и предприятий²³.

Значительно увеличился в первые годы контингент студентов университета, к 1980 г. он достиг 1626 человек при увеличении приема до 375²⁴. Возросла численность и профессорско-преподавательского состава до 136 преподавателей. Вырос и квалификационный уровень преподавателей: увеличилось на 40 % (до семи человек) число докторов наук, профессоров, на 40 % (до 42 человек) — кандидатов наук, доцентов²⁵. Уровень преподавания по всем основным наукам отвечал университетским требованиям. Это обеспечивалось квалификацией профессорско-преподавательского состава и его ответственным отношением к своим обязанностям²⁶.

Руководство университета отдельно отмечало, что лекции некоторых преподавателей отличались стремлением заставить студентов думать и решать нестандартные задачи, в частности на физико-математическом факультете это были профессор Г. В. Клещев, Г. А. Завьялов, доценты С. Г. Иванов, А. И. Шейнкман и др. Глубокой научностью, педагогическим мастерством отличались лекции на историко-филологическом факультете профессоров А. И. Лазарева, А. И. Секерина, Г. А. Турбина, Я. А. Эльфонда, доцентов Л. А., Шкатовой Г. В. Фортсмана, Г. Б. Здановича, Н. Б. Цибульского²⁷.

Приглашались в университет для чтения лекций и оказания помощи сотрудникам в проведе-

нии научных исследований, ведущие специалисты других вузов: Ленинградского университета им. А. А. Жданова (профессор А. И. Моисеев), Уральского госуниверситета им. А. М. Горького (профессор В. П. Кочергин), Института русского языка Академии наук СССР (профессор Р. И. Рогожникова) и др.²⁸

Таким образом, Челябинский государственный университет стал первым университетом на Южном Урале, причем созданным на собственной базе, а не на базе какого-либо вуза. Это во многом определило особенности его развития в первые годы существования. Фактически необходимо было с нуля создать соответствующую требованиям к университетскому образованию материально-техническую базу, сформировать профессорско-преподавательский состав, который во многом определил бы и качество подготовки выпускников университета, и качество научной деятельности вуза.

В создании материально-технической базы университета принял участие, без преувеличения, весь регион: партийные и государственные органы власти Челябинской области, промышленные предприятия-гиганты, общественные организации, вузы Челябинска и области. Профессорско-преподавательский состав университета был сформирован из преподавателей как местных из вузов Челябинска, так и из других научных центров — Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми.

Несмотря на скромный научный потенциал в первые годы существования, Челябинский университет достаточно активно включился в выполнение научно-исследовательских работ как для

промышленных предприятий Челябинской области, так и для крупных столичных научно-исследовательских центров.

Все это определило дальнейший вектор развития Челябинского государственного университета как ведущего центра Южного Урала по подготовке высококвалифицированных кадров университетского профиля.

Примечания

¹ Народное образование, наука и культура в СССР : стат. сб. М., 1977. С. 218.

² Батухтин В. Д. Челябинский государственный университет. Челябинск, 2001. С. 6.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Ф. П-288. Оп. 185. Д. 163. Л. 186.

¹¹ Там же. Л. 186.

¹² Там же. Л. 187.

¹³ Там же. Л. 187–188.

¹⁴ Там же. Л. 187.

¹⁵ Там же. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹⁶ Там же. Ф. П-288. Оп. 185. Д. 163. Л. 186.

¹⁷ Там же. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

¹⁸ Там же. Ф. П-92. Оп. 38. Д. 250. Л. 20.

¹⁹ Там же. Л. 21.

²⁰ Там же.

²¹ Собрание постановлений правительства СССР за 1978 г. № 1–27. М., 1978. С. 198–205.

²² ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 38. Д. 250. Л. 21.

²³ Там же. Л. 21.

²⁴ Там же. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 24.

²⁶ Там же. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.

²⁷ Там же. Л. 19.

²⁸ Там же. Л. 19–20.

Часть VIII
История памяти

В. А. Кламм

Героические образы в трудах челябинских историков периода Великой Отечественной войны

С первых дней Великой Отечественной войны страна направила собственные ресурсы, включая научные, на борьбу с врагом. Ученые по собственной инициативе включались в работу: участвовали в эвакуации научных учреждений и архивов, своими силами создавали новые научные институции. Отдельную роль в этом процессе занимали ученые-историки.

Центральным событием в научном поле Челябинской области в годы войны стала 1-я областная конференция ученых, проходившая 3–5 марта 1944 г. Инициатором ее выступил челябинский Дом ученых, организацию на себя взял областной комитет ВКП(б).

На конференции с докладом «Урал в истории военной промышленности» выступил профессор Виктор Николаевич Бернадский, историк, методист, заслуженный педагог. Ленинградский государственный педагогический институт, где преподавал Бернадский, с началом войны был эвакуирован в Кисловодск, а позже, из-за приближения фронта, — в Кыштым. Еще находясь в Кисловодске, Виктор Николаевич вел спецкурс «Развитие государственных учреждений в России XV–XIX веках», в Кыштыме — «Русская историография в связи с историей общественной жизни в России», а также спецсеминар «Уральские горные заводы в XVIII веке». Согласно отчету о работе кафедры истории СССР от 5 июля 1944 г., выбор тематики спецсеминара определялся в значительной степени возможностью обеспечить пособиями ведение семинарских занятий, а также вопросами, выдвинувшимися перед институтом на Урале. Так, доценту Бернадскому пришлось вместо семинара по одному из вопросов истории древнего Новгорода переключиться на тематику по истории уральской индустрии в XVIII в. и движению на горных заводах (накануне и во время восстания Пугачева)¹.

В работах Бернадского военного времени можно четко различить пропагандистские и агитаторские мотивы, что было связано с задачами мобилизации общества. Так, в статье, вышедшей в 1944 г., ученый рассуждает о понятии «советский патриотизм», о методах его воспитания у граждан и о связи этого понятия с положением на фронтах:

Воспитание советского патриотизма должно быть... связано с воспитанием любви к своему городу, своему селу, своему заводу, своей воинской части <...> В героической борьбе за свободу и честь своей родины это сознание укрепит дух советского бойца².

В трудах военных лет историк активно обращается к героическим личностям дореволюционного периода: Святослав, Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр I, Суворов, Кутузов...

Согласно извещению в номере «Челябинского рабочего», 3 апреля 1944 г. Бернадский проводил лекцию «Богдан Хмельницкий и Переяславская рада» в колонном зале обкома ВКП(б)³. Помимо этого автором активно упоминаются деятели культуры и науки: Ломоносов, Радищев, Белинский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Глинка, Певченко, Герцен, Чернышевский, Некрасов, Толстой, Репин, Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, Чайковский, Плеханов, Мичурин, Циолковский, Павлов, Горький⁴.

В своем докладе на конференции автор сумел удачно объединить героические образы прошлого общесоюзного масштаба с региональным компонентом:

Расцвет уральской металлургии совпадает со временем славных походов Суворова и Кутузова. Штыки суворовских чудо-богатырей, сабли платовских казаков, пушки, отбивавшие натиск французов на Бородинском поле — все это изготовлялось на заводах Урала⁵.

В 1943 г. Челябинское издательство выпускает труд историка В. Н. Бернадского «Грозная слава Урала»⁶. В ней автором конструируется нарратив, связанный с историей Уральского региона, в котором прошлое становится элементом общесоюзного героического дискурса. Текст выпущенной брошюры нельзя назвать строго академическим: в нем отсутствуют сноски на источники, библиография, использование публицистического стиля, небольшой объем (не более 40 страниц). Автор хоть и признает, что первые заводы в этом регионе появлялись еще при Михаиле Федоровиче (но были закрыты из-за «неумелых и бездеятельных царских воевод»⁷), зарождение полноценной уральской металлургии произошло лишь при Петре I (создание Невьянского, Каменского заводов на Урале в начальные годы Северной войны). Более того, автор подчеркивает, что именно уральское железо помогло России победу в главном сражении войны под Полтавой. Несмотря на имеющиеся параллели, все же современная автору Великая Отечественная война «по размерам своим во много раз превосходит»⁸ войну со шведами начала XVIII в.

Помимо этого героизации со стороны автора подлежали первые «уральские заводчики» Демидовы, связанные с управленческими процессами «птенцы гнезда Петрова» В. Н. Татищев, генерал Геннин, чья деятельность способствовала «расцвету уральской индустрии в XVIII веке»⁹. Также автор пытается показать причастность региона к героическим победам общегосударственного масштаба через использование достижений уральской металлургии:

Пушки из уральского железа и меди громили шведов под Полтавой. Позднее, в середине XVIII века, в семилетнюю войну, уральские пушки рассеивали ряды прусских войск и принудили к сдаче столицу Пруссии Берлин. Уральским же оружием бились суворовские «чудо-богатыри»¹⁰.

Упоминание взятия Берлина в 1760 г., как и неоднократное использование образа непобедимого полководца Суворова, отражает неизбежность победы СССР в текущей войне с немецкими захватчиками.

Историк признает, что Урал XVIII в. — Урал крепостной. Однако современный автору «Сталинский Урал» отличается тем, что здесь рабочие добровольно куют «самоотверженным трудом совершенное вооружение для героической Красной армии, наряду с крупнейшими учеными и инженерами страны...»¹¹ Завершает Бернадский свой рассказ упоминанием приказа Сталина от 1 мая 1943 г. № 195 о работе для фронта «с удвоенной энергией»¹², что, с одной стороны, подводит читателя к призыву, скрепляет исторический нарратив с актуальной политической задачей, а с другой стороны — закрепляет за Уралом роль центра мобилизации трудовых ресурсов.

Так, ученый, формируя в годы войны героический нарратив о «грозной славе Урала», выстраивает линию преемственности: от реформатора-царя Петра I — до великого вождя Сталина, укрепившего и «возродившего»¹³ в годы пятилеток Урал; от Невьянского и Каменского заводов в начале XVIII в. — до магнитогорских домен 1940-х гг.; от суворовских «чудо-богатырей» — до героической Красной армии, которая, как и в 1760 г., победит, взяв столицу врага. Формируемый автором нарратив выполняет, во-первых, функцию легитимизации: начиная с эпохи Петра I Урал был и остается главным арсеналом России (подчеркивается наличие определенной ответственной миссии). Во-вторых, автор пытается «удревнить» врага: так, упоминая Александра Невского, он показывает, что борьба со шведами, а затем и с немцами («пруссаками») — это многовековая традиция, причем победа русского народа неизбежна. В-третьих, текст историка направлен на сакрализацию героических образов. Он превращает Петра I, Демидова, Татищева, Суворова в символических «отцов-основателей» уральской мощи, а нынешних стахановцев — в их наследников. Согласимся с тем, что «тезис об Урале как кузнице оружия при рассуждениях о жестокой эксплуатации рабочих позволял до определенной степени ее принять как зло, нужное для защиты страны, а сталинская индустриализация в такой логике оказывалась возрождением славного прошлого, избавленного, как утверждалось, от такого зла крепостничества»¹⁴.

В фондах ОГАЧО удалось обнаружить неопубликованный исторический очерк эвакуированной в годы войны из Москвы в Челябинск Доры Юльевны Элькиной, профессора кафедры истории Челябинского педагогического института. Рукопись под названием «Революционное

движение в Челябинске», начатая автором еще в 1942 г., охватывает историю развития народного движения, начиная с XV в. («...на стыке двух частей света, там где стоит столб с надписью “Европа — Азия”, — лежит Челябинская область РСФСР. Та часть Южного Урала и Зауралья, где расположена Челябинская область, входила в Сибирское ханство, которое образовалось в XV в. после распада Золотой орды...»¹⁵) и заканчивая современными ей событиями Великой Отечественной войны. Челябинский исследователь М. А. Базанов предположил, что история создания очерка могла быть связана с деятельностью упомянутой ранее областной организации — Дома ученых. Проанализировав отчет о деятельности Дома ученых, автор делает вывод, что «рукопись стала порождением оставшегося неосуществленным большого коллективного проекта, возможно, нацеленного на создание объемного коллективного труда»¹⁶.

Данный очерк особенно ярко отражает специфику Челябинского региона. В нем Элькина упоминает множество различных исторических фигур общегосударственного и регионального масштабов. Один из наиболее интересных и ярких сюжетов связан с восстанием Емельяна Пугачева. Казалось бы, в годы войны эта личность не являлась «удобной» для советской власти и не входила в героический дискурс полководцев и военачальников, спускаемый «сверху». Элькиной важно было показать, что Урал издревле считается территорией, где были активны народные массы, выступавшие против насилия, несправедливости и эксплуатации: «Пугачевская армия, без различия веры и национальности, объединила в своих рядах казака и башкира, великоросса и кочевника-монгола на борьбу за раскрепощение»¹⁷. Декларируя образ борца за свободу, ученая пыталась показать народное признание героя местным населением: «В фольклоре Емельяна Пугачева называли “красное солнышко” и “родной батюшка”»¹⁸.

Вторым сюжетом, связанным с формированием местного пантеона, является описание борьбы рабочего класса в конце XIX — начале XX в. Элькиной выделяются фигуры организаторов революционного кружка в Златоусте Владимира Рогожникова и Андрея Тютеева, «ответственных за стачку Гаврилова, Осокина, Пивкина»¹⁹. Отдельно Элькина выделяет фигуру общесоюзного масштаба — Я. М. Свердлову, с приездом в Челябинск которого «усилилась пролетарская солидарность и взаимопомощь рабочих в борьбе»²⁰.

Особое внимание в очерке уделено событиям Октябрьской революции 1917 г. Главным героем в этом событии является фигура С. М. Цвиллинга, которого Элькина представила как «одного из лучших руководителей уральского пролетариата»²¹, внесшего решающий вклад в распространение влияния большевиков в регионе. Согласимся с тем, что «фактически все остальные... персонажи охарактеризованы довольно коротко и блекло, С. М. Цвиллинг на их фоне превраща-

ется в фигуру гигантского масштаба»²². Помимо этого в региональный пантеон автором вписываются и юные герои:

Костя Минаков — сын железнодорожника, 15 летний юноша, становится организатором и руководителем первого социалистического союза молодежи в Челябинске и ведет большую работу по объединению вокруг союза и парторганизаций молодых пролетариев²³.

В период Гражданской войны Челябинск был важным стратегическим пунктом, не раз переходившим под власть то одной, то другой стороны, история региона является частью истории этого процесса. Поэтому не кажется удивительным, что большая часть используемых в очерке образов героев связана именно с борьбой против Белого движения. Элькина не просто перечисляет имена борцов за достижения революции, она отражает их героизм через подвиги: «Цвиллинг... погибший смертью храбрых в борьбе с контрреволюционным казачеством в оренбургских степях»²⁴; «...когда т. Елькин расстрелял все патроны, он, не желая сдаться в плен, последней пулей застрелился»²⁵; «...тов. Васенко — председатель Совета... до последнего часа оставался в Челябинске... При попытке перейти фронт он был арестован и зарублен...»²⁶; Соня Кривая (которой «было поручено взорвать мост»²⁷), «была так избита, что едва поднялась и упала обессиленная у порога тюрьмы, ее там и застрелили»²⁸; Саша Берестов, написавший перед смертью «воззвание колачковским солдатам»²⁹ с требованием перехода на сторону революционных сил. Наряду с героями Элькина конструирует и образ врага: так, казачьего полковника Дутова она описывает как «одного из главных исполнителей контрреволюционных планов российской и иностранной буржуазии в борьбе против пролетарской революции»³⁰.

Д. Ю. Элькина завершает свой очерк сообщением о героической смерти в 1942 г. сына С. М. Цвиллинга — Льва, через героический подвиг показывая преемственность двух поколений.

Таким образом, автор пытается представить Урал (и отдельно Челябинскую область) как регион, издревле связанный с народным движением. Автор выстраивает историческую параллель «Емельян Пугачев — революционеры рубежа XIX–XX вв. — герои современной ей Великой Отечественной войны». Это произведение является уникальным источником для изучения не только истории становления революционной деятельности на Урале и конкретно в Челябинском регионе, но и для анализа регионального публичного нарратива, связанного с героическими образами прошлого. Выбранный сюжет, отражающий классовую борьбу и пролетарский интернационализм масс (а в особенности активная героизация Емельяна Пугачева) не до конца вписывался в общую идеологическую линию, выбранную государством в то время. И все же, по словам М. А. Базанова, «отказ от... издания,

скорее всего, был обоснован чисто прагматическими, непосредственно не связанными с идеологическими претензиями причинами»³¹.

Еще одним представителем научно-исторического сообщества области в годы войны был Алексей Павлович Павлов. С 1930-х гг. Павлов работал педагогом в Москве, являлся аспирантом Московского института философии, литературы и истории, позднее был направлен на Южный Урал, где возглавил кафедру марксизма-ленинизма в Челябинском институте механизации и электрификации и сельского хозяйства. С началом войны Алексей Павлович был мобилизован в Красную армию, служил начальником цикла в авиатехническом училище³². Отдельным витком в биографии и научной карьере А. П. Павлова стала защита в 1943 г. в эвакуированном в г. Кыштым Челябинской области Ленинградском педагогическом институте кандидатской диссертации по теме «Рабочее движение на Южном Урале накануне и в период первой русской революции». В годы войны на территории Челябинской области это была единственная известная на сегодняшний день защита по истории. Вообще, если не брать во внимание эвакуированные в регион учебные заведения, в годы войны только один вуз здесь имел право присуждать ученые степени — Челябинский институт механизации сельского хозяйства³³, в котором защищались представители естественных и технических специальностей.

Диссертация Павлова посвящена истории региона, во введении автор пишет:

...В данной теме освещается история рабочего движения на Южном Урале примерно в границах Челябинской области... где рабочие прошли трудный и славный путь борьбы за свержение царизма и капитализма³⁴.

В центре внимания автора — процесс становления и деятельности социал-демократических кружков в годы первой русской революции. Одним из поводов активизации этой деятельности стала империалистическая война с Японией, которая оказалась «более плачевна, чем Крымская»³⁵.

В тексте диссертации особое внимание уделяется ключевым фигурам, способствовавшим развитию рабочего движения на Южном Урале. Автор наделяет революционных деятелей региона героическими качествами. Саму революцию, как отдельный этап борьбы за справедливость, он также считает героическим прошлым, проводя параллель с современными ему событиями:

Героическое прошлое нашего народа, славные страницы истории нашей родины вдохновляют нас на борьбу за победу над фашистскими захватчиками³⁶.

Какие же образы героического прошлого использует в своей диссертации А. П. Павлов? Конечно, центральную позицию занимает фигура В. И. Ленина, заложившего основы революционной работы на Южном Урале. Неоднократно ав-

тор упоминает и женские образы: Надежду Константиновну Крупскую, которая «поддерживала связь с некоторыми социал-демократами южно-уральских заводов»³⁷. Одной из таких была Апполинария Николаевна Кривошейн, фельдшер, социал-демократ с Катав-Ивановского завода, «которая вела там работу среди рабочих, распространяла... нелегальную популярную литературу»³⁸.

Главным региональным героем у Павлова выступает «глава Уральских рабочих... соратник Ленина и Сталина, пламенный большевик»³⁹, «блестящий организатор партии»⁴⁰ Яков Михайлович Свердлов. Его прибытие на Урал автор, как и Элькина, называет «поворотным моментом в деятельности местных большевистских организаций»⁴¹. Именно благодаря ему на Урале ранее разобщенные народные силы (в том числе социал-демократические кружки) выстроили свою работу в едином русле. И хотя в тексте подтверждается, что личность Свердлова более тесно перекликается с городом другой области — Екатеринбург (позднее Свердловск), — автор пытается связать деятельность революционера конкретно с Челябинским регионом: «В конце сентября или начале октября Я. М. Свердлов приезжал в Челябинск»⁴², «отметил существенные недостатки в работе Челябинского комитета, особенно нерешительность в руководстве забастовками <...> Из Челябинска Я. М. Свердлов выехал в Златоуст и на заводы Южного Урала»⁴³. Таким образом, основная роль Якова Михайловича заключалась в координировании челябинских организаций, даче указаний, четких планов, которые по итогу «имели большое значение в борьбе рабочих Южного Урала в период революции 1905 года»⁴⁴. Аналогичные примеры связаны с оживлением деятельности организаций области после приезда из Сибири Владимира Цвиллинга, «брата известного уральцам Самуила Цвиллинга»⁴⁵, «Терентьева и особенно В. А. Черепанова»⁴⁶, прибывших из Екатеринбурга. Стоит дополнить, что фигура Сталина также упоминается Павловым, пусть автор и не связывает деятельность вождя и Южный Урал напрямую: именно Сталин проделал «огромную разоблачительную работу против меньшевиков... с головой ушел в работу по подготовке III съезда партии»⁴⁷. Это говорит о стремлении закрепить преемственность, а также запечатлеть фигуру вождя в локальном нарративе.

Особое внимание автор уделяет местным деятелям — членам социал-демократических кружков, приводя примеры их героических поступков: «...Камнева, которая ударила офицера по ноге за то, что он не пропускал группу рабочих к дому исправника»⁴⁸; «участниками кружка были Абрам Елькин и другие <...> приобретали нелегальную литературу, в их библиотеке были произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Плеханова. Кружок установил связи с рабочими ж. д. депо, мастерскими и т. д.»⁴⁹; «распространялась нелегальная литература сотрудниками газеты

“Уральская жизнь” Туркиным и другими»⁵⁰; «Роман Пивкин, руководивший Челябинскими железнодорожниками»⁵¹. С распространением гектографированных воззваний и нелегальных брошюр были связаны Кельсий и Павел Проколовы, Алексей Агарков, Афанасий Якушев, Александр и Василий Борисовы, Иван Поликарпов, Иван Сыромолотов, Андрей Аникеев, Василий Тютев и Михаил Гордеев⁵². Члена златоустовского кружка А. С. Тютева автор описывает как «одного из самых стойких, мужественных и энергичных рабочих революционеров»⁵³, а оценивая роль симского рабочего Михаила Гузакова, выступившего с речью, в которой он «разоблачал ложь и обман царского правительства с проектом о Думе»⁵⁴, приводит реакцию правительства: «...за поимку Михаила Гузакова царские палачи обещали денежную награду в сумме 10 тысяч рублей»⁵⁵. Диссертация А. П. Павлова является попыткой, с одной стороны, вписать регион в общесоюзный нарратив, связанный с историей партии, с другой — продемонстрировать связь Челябинского региона с деятельностью высших партийных лидеров в лице Иосифа Сталина, Якова Свердлова, Владимира Цвиллинга.

Таким образом, героический нарратив в трудах челябинских историков периода Великой Отечественной войны имел следующие тенденции:

1) стремление «удревнить» историю региона (упоминание Элькиной Золотой Орды при обозначении географического расположения Челябинской области);

2) сакрализация, героизация «отцов-основателей» уральской металлургии (Демидовы, Татищев, Геннин и др.);

3) поддержание образа «великого арсенала» страны (именно уральское железо было связано с важнейшими для государства военными победами — под Полтавой, при взятии Берлина в 1760 г. и т. д.). Согласимся с исследовательницей Н. С. Журавлевой: «Урал в военно-публицистическом дискурсе 1941–1945 гг. представлен как передовая линия: не просто тыл, а самый настоящий фронт — небоевой. Семантика глаголов “трудиться” и “сражаться” отождествляется»⁵⁶.

4) акцентирование внимания на активной роли масс на протяжении всей региональной истории, включение революционного наследия в героический дискурс. Сюда входит и использование образа Емельяна Пугачева — борца с эксплуатацией, что вызывает интерес, так как и Суворов, и Пугачев включаются историками в общий региональный пантеон, несмотря на их нахождение в годы Крестьянской войны в противоположных лагерях. Большой акцент делается на запечатлении в исторической памяти революционных фигур XX в. (Свердлова, Цвиллинга, Елькина, Кривошейн, Кривой, Берестова, Тютева, Гузакова и др.), что частично расходится с общесоюзными установками, связанными с отходом от революционной тематики в предвоенное и военное время.

Примечания

- ¹ ЦГА СПб. Ф. Р-4331. Оп. 34. Д. 169. Л. 2.
- ² Бернадский В. Н. Самостоятельная работа учащихся средней школы над вопросами местной истории // Ученые записки. 1944. Т. 52. С. 109.
- ³ Челябинский рабочий. 1944. 3 апр.
- ⁴ ЦГА СПб. Ф. 9754. Оп. 1. Д. 390. Л. 17.
- ⁵ Челябинский рабочий. 1944. 7 марта.
- ⁶ Бернадский В. Н. Грозная слава Урала: из истории уральской металлургии. Челябинск, 1943.
- ⁷ Там же. С. 11.
- ⁸ Там же. С. 37.
- ⁹ Там же. С. 32.
- ¹⁰ Там же. С. 37.
- ¹¹ Там же. С. 38.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 37.
- ¹⁴ Бугров К. Д. Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. Екатеринбург, 2022. С. 106.
- ¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 11. Л. 1
- ¹⁶ Базанов М. А. Неизвестная работа по истории Южного Урала: рукопись Д. Ю. Элькиной «Революционное движение в Челябинске (исторический очерк)» // Гороховские чтения : материалы одиннадцатой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2020. С. 124.
- ¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.
- ¹⁸ Там же. Л. 11.
- ¹⁹ Там же. Л. 32.
- ²⁰ Там же. Л. 38.
- ²¹ Там же. Л. 93.
- ²² Базанов М. А. Указ. соч. С. 126.
- ²³ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 11. Л. 73.
- ²⁴ Там же. Л. 93.
- ²⁵ Там же. Л. 94.
- ²⁶ Там же. Л. 98.
- ²⁷ Там же. Л. 106.
- ²⁸ Там же. Л. 107.

- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 78.
- ³¹ Базанов М. А. Указ. соч. С. 124.
- ³² Лихачева Е. М. Диссертационная история Алексея Павловича Павлова (1943, ЛГПИ, Кыштым) // Архив в социуме — социум в архиве : материалы восьмой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2025. С. 256.
- ³³ Гришина Н. В. Диссертации военного времени в региональном измерении (опыт Челябинского института механизации сельского хозяйства, 1944–1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2025. Т. 25, № 4. С. 26.
- ³⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-4331. Оп. 30. Д. 450. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Л. 144.
- ³⁶ Там же. Л. 5.
- ³⁷ Там же. Л. 74.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Л. 6.
- ⁴⁰ Там же. Л. 184.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. Л. 185.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Л. 207.
- ⁴⁶ Там же. Л. 79.
- ⁴⁷ Там же. Л. 133–134.
- ⁴⁸ Там же. Л. 110.
- ⁴⁹ Там же. Л. 76.
- ⁵⁰ Там же. Л. 139.
- ⁵¹ Там же. Л. 207.
- ⁵² Там же. Л. 79–80.
- ⁵³ Там же. Л. 54.
- ⁵⁴ Там же. Л. 169.
- ⁵⁵ Там же. Л. 211а.
- ⁵⁶ Журавлева Н. С. Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе газеты «Челябинский рабочий» (1941–1945) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 20, № 2. С. 41.

М. Н. Потемкина, М. В. Елесин

Директора предприятий Челябинской области военной поры в исторической памяти региона

Сохранение памяти о хозяйственных руководителях, определивших победу в Великой Отечественной войне, является важной задачей воспитания подрастающего поколения. В современной России наблюдается повышенный интерес к переосмыслению их роли. Изучение механизмов формирования памяти о директорах заводов позволяет выявить зависимость между политическими процессами и коллективными представлениями о прошлом.

В современной историографии наметился интерес к изучению директорского корпуса. Ключевое значение в данном направлении в наше время имеют работы А. Н. Федорова¹ и К. С. Павлова², анализирующие кадровый состав партийных органов и социальный облик административно-хозяйственной уральской элиты 1940-х гг. Другие историки, как Н. А. Антипин, Н. Н. Мельников, М. С. Салмина, А. В. Сушков, В. Н. Мамяченков, исследуют личные качества и профессиональную деятельность директоров заводов в годы Великой Отечественной войны. Однако проблема сохранения исторической памяти о руководителях промышленности в годы войны пока не получила должного освещения.

Источниковую базу исследования составили разноплановые источники, позволившие представить формы сохранения исторической памяти о директорах заводов: законодательные и нормативные акты, художественная литература, кино- и видеоматериалы (художественные и документальные), вещественные источники (мемориальные доски, памятники, захоронения), топонимические источники (скверы, улицы и здания). Цель исследования — изучить изменение исторической памяти и «мест памяти» директоров заводов, руководивших предприятиями в Челябинской области в годы Великой Отечественной войны.

Историческая память представляет собой совокупность ценностей и практических действий, принимаемых обществом для символического восстановления прошлого в настоящем. Методологической основой исследования послужила концепция «культурной памяти», разработанная Яковом Ассманом³, согласно которой культурная память формируется под воздействием властных дискурсов и представляет собой систематизированный набор описаний, идей и образов прошлого. Теоретические положения Пьера Нора

о «местах памяти»⁴ позволили выделить специфические места, созданные местным сообществом для сохранения памяти об исторических личностях.

Коммеморация директоров заводов менялась в зависимости от политического курса в стране. Первый период трансформации исторической памяти — 1941–1953 гг. — характеризовался репрессиями и институциональным табуированием имен крупных хозяйственных руководителей Челябинской области.

Ключевой проблемой мемориализации в сталинский и хрущевский периоды были законодательные ограничения. Декрет 1924 г.⁵ закрепил государственную монополию на решение судьбы памятников, а постановление 1948 г. ввело идеологический фильтр, смещая акцент на памятники революционного значения⁶. Тем самым установка памятников и досок была строго регламентирована государством. Поэтому директора, попавшие в опалу (Перекрестов, Шульман, Зальцман), были лишены публичной памяти — их имена табуировались, а существовавшие знаки могли быть уничтожены. Следует указать, что не только законодательные ограничения играли ключевую роль в создании исторической памяти в целом. Многие директора в военное и послевоенное время работали не только в пределах Челябинской области, поэтому места памяти о них распространились за пределы региона. Среди них можно выделить несколько групп:

- Переведенные на новые предприятия в других регионах: Д. З. Дмитриев, К. Т. Дурнов, М. А. Вержбинский, В. И. Носаль, С. А. Белобородов, Н. Н. Шилин, В. С. Лурье, Н. Н. Руднев. Самая массовая категория директоров, чья карьера дальше развивалась в других регионах. В основном их карьерный рост имел горизонтальный вектор.

- Реэвакуированные на прежние заводы: С. А. Полянцев, С. Н. Махонин, М. Ф. Крамер, И. А. Щёкин. Эти директора вернулись в западные регионы страны на довоенные должности.

- Повышенные в должности в центральных наркоматах: А. А. Горегляд, А. В. Куранов, М. С. Завражнов, Л. Н. Айрапетов, С. Ф. Свадковский. Директора данной категории отличаются вертикальным развитием карьерного роста, поскольку многих перевели в Москву и повысили в должностях.

- Репрессированные: И. П. Перекрёстов, И. М. Зальцман, З. Д. Шульман, С. М. Беленький. Данные директора были сняты с должностей.

- Рано умерли: Г. И. Носов (1951) и С. А. Полянцев (1953).

Анализ карьерных траекторий позволяет выделить закономерности: каждый тип перемещения порождал свою модель сохранения памяти. Можно резюмировать, что карьерные траектории директоров в послевоенный период напрямую определяли их последующую мемориализацию: горизонтальные перемещения разрывали

локальную память, вертикальный рост создавал государственное признание, но отдалял от заводского коллектива, а репрессированные надолго попадали в зону табуирования. Напротив, ранняя смерть давала импульс к созданию первых «мест памяти»: например, в 1951 г. на могиле Г. И. Носова был установлен памятник.

Следующий этап трансформации исторической памяти приходится на хрущевский период (1953–1964), который характеризовался двойственной политикой в отношении некоторых опальных директоров заводов. В эту эпоху начинается косвенная переоценка не только репрессированных, но и других руководителей.

Таковыми объектами косвенной оценки стали С. Н. Махонин и И. М. Зальцман. Это было связано с тем, что С. Н. Махонин работал и дружил с И. М. Зальцманом. Косвенная оценка их деятельности была выражена художественными средствами в изданном в 1958 г. романе Г. И. Николаевой «Битва в пути»⁷ и в дальнейшей экранизации романа режиссером В. Басовым⁸. Однако на фоне художественных репрезентаций появляются и первые единичные случаи прямой мемориализации. В 1955 г. в Златоусте была установлена мемориальная доска Н. П. Полетаеву — директору Златоустовского машзавода, который продолжал работать на Урале вплоть до 1981 г.⁹ Увековечивание его при жизни стало исключением из общей практики, демонстрируя, что прямая мемориализация была возможна лишь для тех руководителей, которые сохранили безупречную репутацию и оставались в регионе, избежав кадровых и политических потрясений.

Можно сказать, что в хрущевский период не происходило институционального оформления «мест памяти», но расширился формат сохранения исторической памяти через художественную литературу и кинематограф. Они становятся инструментами косвенной оценки руководителей промышленности, замещая прямую мемориализацию и формируя опосредованные образы прошлого. При этом единичные случаи установки мемориальных досок (как в случае с Полетаевым) свидетельствуют о сохранявшейся возможности локальной инициативы, однако такие акты оставались исключением и не получали системного характера из-за жесткого государственного контроля.

Брежневский и перестроечный период (1964–1991) ознаменовался динамичным развитием коммуникативной и коллективной исторической памяти директорского корпуса. Начинается переоценка репрессированных директоров заводов и их полная реабилитация. Но ключевые изменения произошли на законодательном уровне. В 1965 г. учреждено Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) — общественный институт, получивший право лоббировать установку мемориальных объектов¹⁰. Постановление 1966 г. предписывало привлекать общественность к выявлению памятников и установке знаков, что стало прямым указанием властей на создание «мест

памяти» силами общества¹¹. В 1976 г. принят закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры»¹², закрепивший систематизацию учета памятников. В 1987–1988 гг. позиция общественности усилилась, а государственный контроль ослаб — ВООПИК направил правительству проект о расширении роли общества в охране памятников¹³. Вследствие этого в формировании исторической памяти начала доминировать коммуникативная память, вытесняя культурную, что кардинально повлияло на дальнейший период.

Благодаря этому происходит активное развитие корпоративной заводской памяти. В 1970 г. был выпущен документальный фильм «Директор Магнитки», посвященный Г. И. Носову, фильм был снят на Челябинском телевидении¹⁴. Через три года, в 1973 г., по решению Челябинского облисполкома была учреждена премия Г. И. Носова¹⁵, присуждаемая за успехи в развитии производства. В 1975 г. установлен памятник «Катюша» на постаменте у Дворца культуры завода им. Д. В. Колющенко в Челябинске на ул. Доватора. Данный памятник косвенно стал признанием вклада С. А. Полянцева как руководителя завода, выпустившего в годы войны установки М-13¹⁶.

В этот период происходит активное развитие исторической памяти об И. М. Зальцмане в художественной литературе и фильмах¹⁷. Также уходят из жизни несколько директоров (Махонин, Коркин, Завьялов, Горегляд, Руднев), что дает импульс к установке их надгробных памятников. В разных городах страны — от Харькова до Брянска.

Можно сделать вывод, что брежневский перестроечный период стал этапом институционализации памяти о директорах заводов — от документальных, художественных фильмов и литературы до «мест памяти». Ключевым фактором стало законодательное закрепление общественности (ВООПИК), что позволило систематизировать учет памятников. Это проявилось в документальных фильмах, премиях, памятниках и мемориальных досках.

Постсоветский период (с 1991 г. по настоящее время) ознаменовался активной мемориализацией памяти и формированием «мест памяти» в разных формах, что связано с развитием законодательства в области сохранения культуры. В 1991 г. ВООПИК в ходе редакции устава стал добровольной самоуправляемой общественной организацией, независимой от государства и обладающей полной финансово-хозяйственной самостоятельностью¹⁸. Теперь прерогатива в сохранении исторической памяти лоббируется местной общественностью.

В 1995 г. на здании заводоуправления бывшего Кировского завода в Челябинске была открыта мемориальная доска в честь И. М. Зальцмана¹⁹. В 2001 г. пл. Орджоникидзе в Магнитогорске переименована в пл. Г. И. Носова²⁰. Показательно, что горожане требовали увековечить память Носова еще с 1979 г., но власти отказывали — реализация стала возможной только с изменением законодательства. В 2000 г. в Череповце установ-

лена мемориальная доска, посвященная первому директору Череповецкого металлургического комбината А. И. Мурзову²¹. В 2001 г. в Харькове (Украина) установлена мемориальная доска С. Н. Махонину на доме, где он жил²².

В 2002 г. принят Федеральный закон «Об объектах культурного наследия»²³, закрепивший памятники и мемориальные доски как объекты недвижимости. Корпоративная память становится драйвером сохранения имен директоров. В 2010 г. выпущена почтовая марка с особым штемпелем к 105-летию Г. И. Носова²⁴. В 2012 г. в Великих Луках на здании техникума железнодорожного транспорта по инициативе учебного заведения установлена мемориальная доска в честь А. А. Горегляда с акцентом на место его учебы²⁵. Продолжает развиваться память в мультимедийном пространстве: в 2015 г. выпущен документальный фильм «Броневая сталь Андрея Завьялова» об истории создания специальной смеси металлов для танковой брони²⁶.

Развивается память и об И. М. Зальцмане: в 2016 г. на доме № 46 по пр. Ленина в Челябинске, где в годы войны располагался Наркомат танковой промышленности, установлена мемориальная доска с барельефами Зальцмана и Малышева²⁷. В 2020 г. в Санкт-Петербурге по инициативе депутата Алексея Цивилева один из скверов назван в честь Исаака Зальцмана. Параллельно продолжается реабилитация репрессированных директоров: в 2021 г. на заводоуправлении АО «Сигнал» в Челябинске к 80-летию завода открыта мемориальная доска С. М. Беленькому²⁸.

В постсоветский период происходит массовое открытие мемориальных досок (2000–2020). Это связано с корпоративной памятью и локальным патриотизмом, а не с прямым государственным регулированием. Благодаря развитию ВООПИК и законодательства Российской Федерации в рамках сохранения исторической памяти и культуры постсоветский период завершается передачей прерогативы государственного контроля за «местами памяти» в руки общественности.

Историческая память о директорах заводов Челябинской области эволюционировала под влиянием политических и законодательных изменений. В сталинский период доминировали репрессии и государственный контроль, заложившие первые «места памяти». Хрущевская оттепель ввела косвенную оценку через литературу и кино, но проявилась и прямая мемориализация в форме досок. Брежневский этап стал временем институционализации: создание ВООПИК и законов об охране памятников позволило систематизировать учет и формировать «места памяти» силами общественности. Ключевым фактором мемориализации стал тип послевоенной карьерной траектории: горизонтальные перемещения разрывали локальную память, вертикальный рост создавал государственное признание, репрессированные попадали в зону табуирования, и только ранняя смерть давала импульс к созданию памятников. В постсоветский период решающую

роль стали играть корпоративная преемственность и локальный патриотизм, однако процесс остается неравномерным — большинство директоров остаются «историческими призраками».

Примечания

- ¹ Федоров А. Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 298 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/funksii-i-kadrovyi-sostav-partiinykh-organov-urala-v-pervye-poslevoennnye-gody> (дата обращения: 17.06.2026).
- ² Павлов К. С. Социальный облик директорского корпуса советских металлургических заводов в 1930–1940-е гг. : на материалах Челябинской области : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010.
- ³ Потемкина М. Н. Теория и методология истории. М., 2014. С. 44–46.
- ⁴ Сабанчиев Р. Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1 (43). С. 33–37.
- ⁵ Неплюев П. А. Деятельность Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры как феномен публичной истории в позднесоветский период (1960–1980-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2024. С. 50.
- ⁶ Там же. С. 51.
- ⁷ Николаева Г. И. Собрание сочинений. М., 1987. Т. 2. 674 с.
- ⁸ Потемкина М. Н., Елесин М. В. Исаак Зальцман: от забвения к мемориализации // Архив в социуме — социум в архиве : материалы восьмой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2025. С. 294–296.
- ⁹ Альметьева Н. Почетный гражданин Златоуста и Миасса // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/wall284225356_8435.
- ¹⁰ Неплюев П. А. Указ. соч. С. 56.
- ¹¹ Постановление Совета министров РСФСР № 473 «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР» (принято 24 мая 1966 г.) // Гарант.ру : портал. URL: <https://base.garant.ru/6151887/> (дата обращения: 19.04.2022).
- ¹² Неплюев П. А. Указ. соч. С. 142.
- ¹³ Там же. С. 119.
- ¹⁴ Директор Магнитки. Документальный фильм (1970) : видеозапись // Одноклассники : соц. сеть. URL: <https://ok.ru/video/2952712032648> (дата обращения: 22.06.2026).
- ¹⁵ Григорий Иванович Носов — выдающийся металлург // Дзен : платформа. URL: <https://dzen.ru/a/ZN35Y5-jql0хuсvV> (дата обращения: 22.06.2026).
- ¹⁶ Климова М. В. «Катюша» на постаменте // Объединенный государственный архив Челябинской области : офиц. сайт. URL: <https://archive74.ru/news/katyusha-na-postamente> (дата обращения: 22.06.2026).
- ¹⁷ Потемкина М. Н., Елесин М. В. Указ. соч. С. 294–296.
- ¹⁸ Неплюев П. А. Указ. соч. С. 161.
- ¹⁹ Мемориальная доска Зальцману Исааку Моисеевичу установлена на здании по адресу: г. Челябинск, пр. Ленина, 3. Автор С. Черкашин.
- ²⁰ Под прикрытием времени // Магнитогорский металл : сайт. URL: <https://magmetall.ru/news/vehi/pod-prikrityem-vremeni/> (дата обращения: 22.06.2026).
- ²¹ Мемориальная доска на здании в котором в 1940–1941 гг. размещалось управление строящегося Череповецкого металлургического комбината // Энциклопедия Череповца : сайт. URL: <https://cherkay.ru/?page=MD-Upravlen> (дата обращения: 22.06.2026).
- ²² Мемориальные доски Харькова. URL: https://mevorydoski-kharkov.blogspot.com/2016/09/blog-post_2.html (дата обращения: 22.06.2026).
- ²³ Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (принят Государственной Думой 24 мая 2002 г. : одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г.) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 22.06.2026).
- ²⁴ 105 лет со дня рождения Г. И. Носова // АО «Марка» : сайт. URL: <https://rusmarka.ru/catalog/shtempeli/spec/position/21249.aspx> (дата обращения: 22.06.2026).
- ²⁵ Мемориальная доска А. А. Горегляду на здании техникума в г. Великие Луки // Псковская железная дорога : сайт. URL: https://pskovrail.ru/2007/luki_020.jpg (дата обращения: 22.06.2026).
- ²⁶ Броневая сталь Андрея Завьялова // Общественное телевидение России : сайт. URL: <https://otr-online.ru/kino/bronevaya-stal-andreya-zavyalova-4909.html> (дата обращения: 22.06.2026).
- ²⁷ Кумейко И. В Челябинске увековечили память легендарных танковых наркомов // Комсомольская правда. 2016. 24 мая.
- ²⁸ Поклон и память поколений 6 декабря // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/wall-122958446_839 (дата обращения: 22.06.2026).

О. В. Рыжкова

VR-путешествие по городам трудовой доблести с волонтерами памяти: коммеморативный проект для молодежи

Круглые и юбилейные даты ключевых событий в истории России активизируют педагогическую рефлексию по проблемам исторической памяти, коммеморативных практик, гражданско-патриотического воспитания. Особенно явственно эта тенденция проявляется применительно к истории Великой Отечественной войны¹. В рамках этой тенденции можно рассматривать и предлагаемую статью, цель которой — познакомить коллег с еще одной формой учебной коммеморации с использованием архивных документов — образовательным проектом «VR-путешествие по городам трудовой доблести с волонтерами памяти», ставшего структурной частью мультимедийного проекта «PRO_города трудовой доблести», реализованного на базе Уральского государственного педагогического университета (кафедра документоведения, истории, права и русского языка) в 2024–2026 гг. Проект был

выполнен студентами первого и второго курсов под руководством автора в рамках дисциплины «Проектная деятельность».

В многочисленной литературе, посвященной коммеморации, можно встретить различные определения и классификации этого феномена. В данной статье под коммеморацией будем понимать «акты памяти и поминовения», помогающие сохранить, аккумулировать, и транслировать социальный опыт в пространстве актуальной культуры². Ранее мы анонсировали одну из форм учебной коммеморации — портфолио творческих работ учащихся³, — элементы которой были использованы и в данном проекте.

Несколько слов о том, как начинался проект. В канун 80-летия победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. автором статьи для учебного проектирования студентам первого курса была предложена тема про города трудовой

доблести. Расположение нашего вуза в городе, которому одному из первых было присвоено это почетное звание, по моему мнению, должно было актуализировать тему проекта. В группу пришли ребята с разных факультетов, так в сентябре 2024 г. родился наш отряд волонтеров памяти. В течение учебного года наш отряд должен был разработать новый мультимедийный просветительский ресурс «PRO_города трудовой доблести», который можно будет использовать для гражданско-патриотического воспитания молодежи. Однако социологический опрос, проведенный среди участников проекта на первой встрече, выявил их крайне низкий уровень знаний по данной теме. Не более 10 % студентов смогли пояснить, что за звание «Город трудовой доблести», и назвать города, которым это звание присвоено. И это несмотря на то, что почти четверть студентов до поступления в вуз проживала в городах Свердловской области, которым на тот момент уже было присвоено это почетное звание и в которых установлены памятные стелы (Екатеринбург, Нижний Тагил, Каменск-Уральский). Я поняла, что информационно-эмоциональное погружение в тему проекта займет значительно больше времени, чем планировалось изначально. Результатом такого погружения стала книга «VR-путешествие по городам трудовой доблести»⁴.

Уточним, что «Город трудовой доблести» — это почетное звание, присваиваемое городу Российской Федерации, жители которого внесли значительный вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., обеспечив бесперебойное производство военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, располагавшихся на территории города, и проявив при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность. Звание установлено Федеральным законом от 1 марта 2020 г. № 41-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город трудовой доблести”». По состоянию на 1 сентября 2025 г. этого звания был удостоен 71 населенный пункт Российской Федерации.

Каждый из студентов для проектирования выбрал тот город трудовой доблести, о котором захотел узнать подробнее. После формулирования замысла проекта, создания блога проектной группы студентам было выдано первое задание — подготовить письменный обзор имеющихся доступных информационных ресурсов по теме проекта в соответствии с персональным выбором.

Важным этапом в работе было посещение мест памяти о Великой Отечественной войне в Екатеринбурге: Музея истории УрГПУ (вуз возник в 1939 г., многие студенты и преподаватели ушли на фронт, большинство учебных помещений были отданы для военных нужд); ЦДООСО (ныне — Государственный архив социально-политической истории Свердловской области), давнего социального партнера вуза, ведущего большую работу по изучению и публикации источников о Великой Отечественной войне; мультимедийного парка «Россия — моя история», где на

тот момент еще работала выставка «От завода к столице Урала», посвященная 300-летию Екатеринбурга, один из разделов которой рассказывал о Свердловске (так город назывался в те годы) военной поры. Здесь то и возникла идея о будущем VR-путешествии по городам трудовой доблести.

Анализируя инфоресурсы о городах трудовой доблести, ребята установили, что нигде не было выставки, которая рассказала бы сразу обо всех городах трудовой доблести, об их вкладе в Победу. Тогда было решено самим создать такую выставку — в воображении. Такая выставка вполне могла появиться, например, в одном из мультимедийных парков «Россия — моя история». Парки открыты уже в 26 городах РФ, их контент постепенно внедряется в систему российского образования⁵. Совершить путешествие в прошлое мы предполагали на спроектированной интерактивной выставке, где с помощью VR-очков и подборки архивных документов можно было бы «погрузиться» в военное время и почувствовать, как победа ковалась в тылу. Каждый студент для данной выставки подбирал материал о выбранном городе и в формате травелога описывал то, что он почувствовал и «увидел» на воображаемой выставке с помощью VR-очков. Эти фрагменты, по нашему замыслу, должны были в совокупности стать и выставкой-путешествием, и книгой-путешествием.

Мы условились, что в нашем путешествии по воображаемой выставке вымысел будет соседствовать с реальными фактами и фотодокументами, взятыми из открытых источников: официальных сайтов городов трудовой доблести, музеев и архивов в этих городах. Наша задача — побудить читателя узнать о городах трудовой доблести, а возможно, продолжить вместе с нами составлять и описывать маршрут памяти о трудовом героизме жителей тыла.

Созданная в результате проектной деятельности книга состоит из двух разделов. В первом, презентационном разделе мы рассказали о том, кто такие волонтеры памяти. Каждый студент заполнил анкету, к которой прикрепил свою фотографию. Получился своеобразный раздел-визитка.

Помимо общих вопросов о месте и дате рождения, уровне образования студентам предлагалось ответить и на вопросы, тестирующие их уровень семейной исторической памяти, отношения к проекту:

- Есть ли в вашей семье родные — участники Великой Отечественной войны? Что вы знаете о них?
- Нужно ли сохранять память о прошлом, о Великой Отечественной войне?
- Что дает вам участие в проекте?

Вяснилось, что из 25 человек, заполнивших анкету, знали о своих родных — участниках Великой Отечественной войны 14 человек. Остальные ответили, что у них нет родных — участников войны (восемь человек) или что они о таких

родных ничего не знают (трое человек). Несколько человек подробно рассказали о своих родственниках, участвовавших в военных действиях, или тружениках тыла. Практически все отметили, что сохранение памяти о прошлом необходимо. Например, Э. Лаптева написала так:

Сохранение памяти о прошлом — это моральный долг каждого из нас перед теми, кто отдал свою жизнь за мир и свободу⁶.

Многие студенты отметили, что участие в проекте расширило их кругозор, знания о городах трудовой доблести способствовало осознанию значимости совместного труда рядовых людей в достижении Победы. В. Кадочникова резюмировала:

Участие в проекте — это хорошая возможность обмениваться информацией, расширяя свои знания и кругозор, и воспитывая в себе тем самым патриотичную личность, проявляющую интерес к истории собственной страны. Ко всему прочему это бесценный опыт по взаимодействию с разными интересными людьми, архивными материалами, а также возможность творческой реализации⁷.

Во второй раздел были включены 23 травелога о разных городах трудовой доблести, иллюстрированные фотодокументами. В завершающем книгу послесловии мы рассказали о традиции проведения всероссийского форума городов трудовой доблести, основная цель которого — сформировать сообщество сохранения исторической памяти о вкладе тыла в общую Победу на базе городов, награжденных почетным званием «Город трудовой доблести». Отметим, что I Всероссийский форум «Города трудовой доблести. Победа ковалась в тылу» прошел с 14 по 16 октября 2021 г. в Нижнем Новгороде. А, например, III Всероссийский форум городов трудовой доблести «Рубежи Победы. Подвиг в тылу» состоялся 22–23 июня 2023 г. в Екатеринбурге.

Созданную в 2025 г. книгу мы представили на всероссийском конкурсе «Воинов ждут незабудки», стали победителями, что дало нам возможность получить скидку на издание нашей книги. Книга размещена в электронной библиотеке Всероссийской школьной летописи — масштабном проекте для всех образовательных организаций и детских сообществ, создающем экосистему поддержки литературного творчества (VR-путешествие по городам трудовой доблести | ВШЛ), а бумажные экземпляры мы используем для практических занятий и в презентационных целях.

Опыт проектирования VR-путешествий по городам трудовой доблести был продолжен в 2025/2026 учебном году. К проекту подключились студенты второго и третьего курсов. В итоге появился второй том книги «VR-путешествие по городам трудовой доблести», в который вошли маршруты по остальным 48 городам.

Таким образом, реализованный проект «VR-путешествие по городам трудовой доблести», став структурной частью мультимедийного проекта «PRO_города трудовой доблести», позволил решить как исторические, так и педагогические, методические задачи. Во-первых, осуществить информационно-эмоциональное погружение студентов в тему проекта, познакомить ребят друг с другом, развить навыки командной работы. Во-вторых, систематизировать и углубить знания о трудовом героизме советских людей в годы Великой Отечественной войны. В-третьих, показать студентам алгоритм работы в проекте с использованием различных видов источников (в том числе из архивов) и предоставить возможность получения опыта участия в творческом тематическом конкурсе. В-четвертых, развить у студентов навык презентации результатов своей проектной деятельности. Наш проект стал своеобразной формой учебной коммеморации истории Великой Отечественной войны. В ходе реализации проекта был очевиден не только его информационный, аксиологический, но и методический эффект. Созданные студентами разноплановые творческие продукты можно использовать как в учебной, так и во внеучебной деятельности по формированию исторической памяти обучающихся. Проект также способствовал развитию исторического сознания и исторической памяти студентов, формированию у них профессиональных компетенций.

Примечания

¹ Архив в социуме — социум в архиве : материалы восьмой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2025 ; Память. Победа. Война : материалы Всерос. культур. ист. форума «Великая Отечественная война и историческая память: К 80-летию Победы» (г. Челябинск, 20–21 февр. 2025 г.) / сост. Н. П. Ситникова. Челябинск, 2025 ; Ковба Д. М., Грибова Е. Г. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве // Дискурс-Пи. 2020. № 2 (39). С. 59–77 ; Память поколений: Великая Отечественная война в образовании, музейном пространстве и социальных практиках : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Нижний Тагил, 29 мая 2020 г.) / отв. ред. О. В. Рыжкова. Екатеринбург, 2020. 1 CD-ROM ; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020 ; Самохина А. В., Горбачева М. Н. Города трудовой доблести и их юные герои // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № 3 (27). С. 154–159 и др.

² Ярычев Н. У. Феномен стихийной коммеморации: сущность, типы, функции // Сфера культуры. 2022. № 1 (7). С. 13.

³ Рыжкова О. В. Портфолио как форма учебной коммеморативной практики Великой Отечественной войны // Историко-педагогические чтения. 2025. № 29. С. 250–253.

⁴ VR-путешествие по городам трудовой доблести / Отряд волонтеров памяти ; УрГПУ. Екатеринбург ; М., 2025.

⁵ Давыдова М. Ю., Дьякова М. Г. Исторические парки «Россия — моя история» в образовательном процессе вуза // Известия ВГПУ. 2019. № 5 (138). С. 90–94.

⁶ VR-путешествие по городам трудовой доблести ... С. 25.

⁷ Там же. С. 21–22.

Ф. В. Данилов

Праздничная культура Свердловска в 1945–1956 годах: ритуалы, социалистические соревнования и эволюция коммеморативных практик (по документам ГАСПИСО)

Праздничная культура в СССР являлась неотъемлемой частью политической системы и повседневной жизни граждан. В отличие от дореволюционных торжеств советские праздники были жестко регламентированы, идеологизированы и служили инструментом сплочения общества. Праздник использовался в качестве политического инструмента для укрепления государственной идеологии. Особый интерес представляет период с 1945 по 1956 г. — то время, когда страна оправлялась от тяжелейшей войны, но одновременно вступала в новый этап тотальной идеологической кампании, завершившийся развенчанием культа личности И. В. Сталина.

Уральский регион, в особенности Свердловск (ныне Екатеринбург), в этот период играл роль одного из ключевых индустриальных центров, где сосредоточивалась мощная оборонная и тяжелая промышленность. Изучение праздничной культуры данного региона на основе архивных документов позволяет увидеть, как общегосударственные установки преломлялись в практике конкретного промышленного центра. Данное исследование базируется на документах из фонда 161 Государственного архива социально-политической истории Свердловской области (ГАСПИСО), который содержит протоколы заседаний бюро, постановления и планы мероприятий горкома ВКП(б) / КПСС. Данный комплекс источников позволяет реконструировать механизмы подготовки праздников, выявить их связь с производственными процессами и проследить эволюцию подходов к организации массовых мероприятий в 1945–1956 гг.

В историографии тема советских праздников представлена довольно скудно, исследования обычно фокусируются на Москве и Ленинграде либо на общих символических аспектах, особенно Урала, освещены меньше, хотя исследования существуют. Новизна данной работы заключается в привлечении конкретных архивных документов горкома, которые детально показывают бюрократическую часть подготовки праздников, их связь с социалистическим соревнованием и изменение ритуалов в зависимости от политической конъюнктуры.

Анализ документов Свердловского горкома дает представление о том, что праздники разделялись по степени важности. Центральное место занимали годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября), которые позиционировались как главные торжества года. Так, в 1947 г. подготовка к Первомаю напрямую увязывалась с приближающимся юбилеем революции. В постановлении горкома от 4 апреля 1947 г. подчеркивалось:

Всенародный праздник 1 Мая трудящиеся Советского Союза встречают в обстановке величайшего политического и трудового подъема, вызванного борьбой советских людей за достойную встречу 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции¹

Годовщина Революции была в приоритете, поэтому на некоторых аспектах другого праздника могли не заострять внимание. Таким образом, праздник труда превращался в подготовительный этап перед более значимой датой, что свидетельствует о приоритете революционных дней в праздничном календаре.

Аналогичная ситуация наблюдалась и с Днем Победы. Несмотря на то что 9 мая было важнейшей датой для послевоенного общества, в документах горкома от 11 апреля 1944 г. (вероятно, они были скорректированы или переутверждены в послевоенные годы) День Победы также тесно переплетался с задачами социалистического соревнования и подстраивался под идеологическую платформу революции². В текстах лекций, утверждаемых отделом пропаганды, обязательным было упоминание роли партии и лично И. В. Сталина в разгроме фашизма, что совпадало с основными темами, рассматриваемыми на лекциях в честь Дня Великой Октябрьской социалистической революции.

Помимо государственных праздников важное место занимали памятные даты, связанные с деятелями партии. Ярким примером является 30-летие со дня смерти Я. М. Свердлова, отмечавшееся в марте 1949 г., когда горком постановлял проводить эту дату «под знаком пропаганды истории и теории большевистской партии, ее руководящей роли в нашем советском обществе»³. Особое внимание уделялось связи Свердлова с Уралом, в этот день проводились лекции о его пребывании в регионе, организовывались экскурсии в дом-музей, устанавливались мемориальные таблички. Данные мероприятия показывают важность памятных дней, которые отличались от общепринятых праздников отсутствием гуляний и парадов, ведь служили рычагом влияния на общество.

Менее значимые, но тоже заметные праздники, такие как День радио и День большевистской печати, использовались для пропаганды достижений науки, техники и информационной политики. В 1951 г. горком создал специальную комиссию для проведения Дня радио, а редакциям газет было предписано «вести борьбу с пережитками капитализма в сознании людей»⁴. Зная это, можно сделать вывод, что даже профессиональные праздники приобретали выраженный идеологический характер.

Архивные материалы позволяют детально реконструировать алгоритм подготовки к празднику. Городской комитет выступал инициатором и контролером всего процесса, партийные органы обязывали райкомы и первичные организации проводить массовые лекции, беседы и доклады на предприятиях, в учебных заведениях и по месту жительства.

Например, в апреле 1947 г. отделу пропаганды и агитации было поручено организовать инструктивные доклады и консультации для лекторов и агитаторов, которые будут выступать перед горожанами во время празднования 1 Мая⁵. С 25 апреля начинались лекции, собрания и митинги в школах и детских учреждениях. В 1950 г. в День Советской армии развернулась масштабная агитационная кампания, которая совпала с выборами в Верховный Совет, что делало агитацию еще более политизированной⁶. Особенно тщательно готовились докладчики, которые должны были освещать темы «Сталинская забота о матери и детях» или «Роль советской женщины в государственном управлении»⁷.

Второй обязательный элемент — визуальное оформление города. Райкомы и исполкомы обязывались к 25 апреля украсить площади, улицы и здания призывами, панно и плакатами, отражающими победы советского народа над капиталистическими странами. На центральных площадях устанавливали портреты руководителей партии и правительства, а также героев труда⁸. В 1950 г. было предписано создать в каждом районе доски почета с портретами видных деятелей культуры, искусства и производства⁹. К 1952 г. в преддверии 35-й годовщины Октября ко всем этим задачам добавилась организация выставок, отражающих успехи страны, области, города¹⁰.

Также важным компонентом являлись культурно-массовые мероприятия, после торжественных заседаний организовывались концерты силами художественной самодеятельности, массовые гулянья, игры, просмотр кино. Городской отдел искусств был обязан привлекать артистов театров¹¹. В школах проводились утренники и вечера, в клубах и красных уголках ставили тематические вечера. Показательно, что даже при скромном праздновании 8 марта 1953 г. (из-за смерти Сталина) сохранялась необходимость провести городское собрание и беседы, хотя масштаб праздника был сильно уменьшен¹².

Самой характерной чертой праздничной культуры Свердловска в исследуемый период являлась неразрывная связь торжеств с подведением итогов социалистических соревнований или их началом. Постановления горкома неизменно содержали призывы к развертыванию предмайского или предоктябрьского социалистического соревнования.

Документы фиксируют массовые трудовые инициативы: например, в июле 1947 г. горком обсуждал инициативу трудящихся из Ленинграда о досрочном выполнении годового плана, на этот призыв немедленно откликнулись коллек-

тивы Верх-Исетского завода, перешедшие на трехсменный график работы, и Уралмашзавода, где ужесточили требования к каждому цеху и ввели строгий надзор¹³. В цехе № 47 Уралмашзавода выделили более 40 отличившихся рабочих, которые взяли шефство над отстающими, читали лекции в общежитиях и разрабатывали стахановский план. Более того, коллектив выступил с инициативой создания «Книги подарков», приуроченной к юбилею революции, где должны были отмечаться самые громкие трудовые подвиги¹⁴.

Особый размах получило матросовское движение (метод, предполагающий передачу опыта передовиков молодым рабочим) на Уральском турбинном заводе. Главный инженер создал специальную заводскую комиссию по внедрению стахановских методов, а в преддверии праздника было организовано 16 матросовских школ¹⁵. Перевыполнение плана стало главной повесткой и для других, более мелких предприятий: фабрики «Уралобувь», завода резино-технических изделий, завода № 356, фабрики «Одежда»¹⁶.

В 1948 г. в канун 31-й годовщины Октября промышленные предприятия Москвы выступили с призывом о сверхплановых накоплениях прибыли. Уралмашзавод встал на вахту, его инициатива была одобрена горкомом, Сталинский и Молотовский районы Свердловска приняли решение выполнить годовой план уже к 20 октября¹⁷. Такие действия райкомов показывают, что праздничная гонка за показателями была реальным инструментом развития промышленности¹⁸.

В 1950 г. в первый пятилетний юбилей Победы и Первомай горком мобилизовал трудящихся на предмайское соревнование и даже отправил личное письмо И. В. Сталину с обещанием перевыполнения плана¹⁹. В 1952 г. — году XIX съезда КПСС и 35-летия Октября — соревнование распространилось и на жилищное строительство, требовалось также подготовить транспорт и предприятия к зимнему периоду работы²⁰.

Изучение документов 1954–1956 гг. свидетельствуют о заметных изменениях: если вплоть до 1949–1952 гг. постановления горкома носили детальный характер с перечислением всех видов мероприятий, сроков, ответственных лиц, то в середине 1950-х гг., особенно после смерти И. В. Сталина в марте 1953 г., содержание документов существенно упрощается. Городской комитет ограничивался только созданием комиссий по разработке мероприятий в честь какого-либо праздника. В комиссию всегда включались представители партии, начальники отделов, представители культуры и искусства, военные и рабочие²¹.

Празднование 8 марта 1953 г. ограничилось проведением городского собрания из-за траура²². В 1954 г. была принята серия однотипных постановлений о создании комиссий для подготовки к 1 мая (19 марта), 300-летию Переяславской рады, Дню радио и 37-й годовщине Октября²³, что

свидетельствует о переходе к формальной бюрократической организации праздников, так как контрольные функции партии несколько ослабли, а ритуалы стали одинаковыми почти для всех официальных праздников.

В то же время появляются и новые форматы, ведь в конце 1954 г. началась подготовка к первому в СССР Фестивалю молодежи, который проходил с декабря 1954 по июнь 1955 г. и представлял собой масштабное мероприятие, включавшее смотры самодеятельности, зимние игры, кроссы, праздники песни и кинофестиваль. Характерно, что к этому новому для города событию горком применил старую схему: организовал в каждом районе комиссии из 5–15 человек для разработки плана и строго указал, что репертуар должен включать «произведения идейно и художественно ценные»²⁴.

Проведенный анализ архивных материалов Свердловского горкома ВКП(б) / КПСС за 1945–1956 гг. позволяет сделать ряд выводов о характере праздничной культуры в крупном промышленном центре Урала.

Во-первых, официальный праздничный календарь жестко подчинялся идеологическим задачам, с этих позиций наиболее важными были годовщины Октябрьской революции. Другие важные праздники (День Победы и Первомай) уступали по значимости главному советскому торжеству. Революционный миф занимал основное место в мифологической картине жизни советского человека в ущерб национально-патристическому подходу.

Во-вторых, подготовка к празднику представляла собой сложный бюрократический процесс, включавший устную агитацию, визуальное оформление и организацию массового культурного досуга. Важнейшую роль играла пресса: газеты «Уральский рабочий» и «На смену!» получали обязательные задания по освещению праздника и достижений передовиков.

В-третьих, центральным звеном праздничных ритуалов в Свердловске было социалистическое соревнование, которое выполняло двойную функцию: экономическую (досрочное выполнение планов, внедрение новых технологий) и социально-психологическую (сплочение коллекти-

вов, создание ощущения причастности к великим свершениям). Праздник выступал материальным и моральным стимулом, а перевыполнение плана воспринималось как лучший подарок партии и вождю.

Эволюция праздничных практик в середине 1950-х гг. демонстрирует переход от интенсивных, детально прописанных сценариев к более формализованным действиям, сводящимся к созданию многочисленных комиссий, что совпадает с общеполитическими изменениями после смерти Сталина, когда смягчаются механизмы тотальной мобилизации, но сохраняется идеологический контроль.

Таким образом, праздничная культура Свердловска являлась многогранным инструментом воздействия на народ. Она позволяла не только управлять настроениями и формировать историческую память, но и реально влиять на производственную жизнь региона, заставляя рабочих и инженеров выкладываться на пределе возможностей к символической дате. Архивные документы дают возможность детально рассмотреть этот механизм в действии, увидеть живую историю повседневности уральского города в сложный и противоречивый послевоенный период.

Примечания

¹ ГАСПИСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 27. Л. 1.

² Там же. Оп. 12. Д. 28. Л. 21–22.

³ Там же. Оп. 15. Д. 15. Л. 23–25.

⁴ Там же. Оп. 19. Д. 45. Л. 17–18.

⁵ Там же. Оп. 12. Д. 27. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 18. Д. 34. Л. 1–2.

⁷ Там же. Оп. 19. Д. 37. Л. 3.

⁸ Там же. Оп. 12. Д. 27. Л. 3.

⁹ Там же. Оп. 18. Д. 41. С. 11.

¹⁰ Там же. Оп. 20. Д. 55. Л. 25.

¹¹ Там же. Оп. 12. Д. 27. Л. 4.

¹² Там же. Оп. 22. Д. 49. Л. 5.

¹³ Там же. Оп. 13. Д. 112. Л. 9–11.

¹⁴ Там же. Д. 120. Л. 15.

¹⁵ Там же. Л. 18–20.

¹⁶ Там же. Л. 35–37.

¹⁷ Там же. Д. 128. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Оп. 18. Д. 41. С. 10.

²⁰ Там же. Оп. 20. Д. 55. Л. 24.

²¹ Там же. Оп. 27. Д. 10. Л. 84.

²² Там же. Оп. 22. Д. 49. Л. 12.

²³ Там же. Оп. 23. Д. 20. Л. 50 ; Д. 21. Л. 125–126.

²⁴ Там же. Д. 255. Л. 48–50.

О. М. Давыдов

Покорение космоса в документальных и поэтических отзывах на страницах периодики челябинских вузов рубежа 1950–1960-х годов

Значительное место среди коммемораций, увековечивающих события советского прошлого, занимают темы, связанные с космосом, прежде всего с запуском первого спутника и полетом Юрия Гагарина. Мифология советского космоса хорошо изучена как советскими, так и зарубежными авторами. Отметим одноименную монографию, выпущенную недавно «Новым литературным обозрением»¹.

В наше время 12 апреля широко отмечают годовщины первого полета человека в космос, в школах и вузах проходят «космические недели», митинги, концерты, олимпиады. При этом пафос мероприятий зачастую концентрируется не на достижениях современной космонавтики, а именно на «подвигах дедов», победах прошлого, за которые каждый должен гордиться.

Как воспринимались космические победы советским студентом рубежа 1950–1960-х гг.? Рассмотрим это на примере многотиражной прессы вузов Челябинска. Почему стоит остановиться именно на этом типе прессы?

Во-первых, в многотиражках мало места — две, от силы четыре полосы. Официозную речь председателя обкома здесь печатать не будут, разве что короткий отрывок.

Во-вторых, многотиражные издания выходят не каждый день и ставят перед собой задачу освещения новостей конкретного учреждения, а из новостной повестки страны и мира берут только самое важное. Возникает парадокс: на полет спутника институтская газета может отреагировать не сразу и не новостным сообщением, а всего лишь стихотворением в колонке студенческого творчества.

В-третьих, в многотиражных газетах наиболее ярко проявляются мифологемы, штампы, отражающие суть времени, в частности ожидание молодого поколения «шестидесятников» скорого наступления коммунизма, грядущей научно-технической революции и освоения космических пространств. Концепт «от сохи / трактора к ракете» возникает здесь наиболее часто — и в официальных речах, и в студенческих фантазиях, и в текстах, и в иллюстрациях.

Рассмотрим три издания: «Политехнические кадры» Челябинского политехнического института (ЧПИ, ныне ЮУрГУ), «Механизатор» Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства (ЧИМЭСХ, ныне ЮУрГАУ) и «Молодой учитель» Челябинского государственного педагогического института (ЧГПИ, ныне ЮУрГГПУ).

Казалось бы, в этой тройке, в освещении космических тем должен лидировать ЧПИ. Именно в год полета спутника (1957) в вузе зарождается будущий аэрокосмический факультет и начинается издаваться газета «Политехнические кадры» (первый номер вышел в декабре 1956 г.).

Однако полет спутника 4 октября 1957 г. в ближайшем номере газеты ЧПИ от 10 октября 1957 г. «замечен не был». Возможно, дело в том, что верстка и подготовка в печать газеты требовала значительного времени и номер был сформирован до первой «космической» даты. Так или иначе, газета² открывается передовицей о научной сессии, посвященной сорокалетию Октябрьской революции, там же на первой полосе — отчеты с целины, на второй полосе — заметки об успехах альпинистов и спортивных гимнастов вуза, сообщение о тренировочном сборе актива ВЦСПС на Ильменской турбазе.

В праздничном номере, приуроченном к 40-й годовщине Октябрьской революции, напечатанном синей краской с большим портретом Ленина, в финале передовицы упомянут уже «Спутник-2»:

...Сейчас, в дни празднования сорокалетия Великого Октября, земля приобрела второго спутника — первую в мире внеземную научную лабораторию,

в которой расположены специальные приборы для изучения солнечного излучения, а также для изучения процессов, происходящих в самых верхних слоях атмосферы, и т. д. Вес нового спутника намного превосходит вес его предшественника (508 кг). Имеет он и «пассажира» — собаку³.

Как известно, собака Лайка погибла от перегрева через несколько часов после запуска спутника.

На «Спутник-3» газета ЧИМЭСХ откликнулась передовицей Е. Бибикова «Гигантский спутник на орбите»:

15 мая 1958 года запущен в Космос и вышел на орбиту третий советский искусственный спутник Земли. Снова изумленный мир рукоплещет поразительному достижению науки нашей Родины. Сотни миллионов глаз людей земного шара обращены к майскому небу. Для наблюдения за спутником включены радиотелескопы и локаторы обсерваторий и станций, приемники радиолучителей. Мощные радиосигналы спутника ловят на всех широтах планеты, где пронесется спутник. Новый спутник по своим техническим данным значительно превосходит своих предшественников. Зарубежные комментаторы называют его колоссом, гигантом. Размеры спутника таковы, что его можно уподобить автомобилю «Победа», мчащемуся в 25 раз быстрее звука и в 500 раз быстрее самого автомобиля! Думая о третьем спутнике, невольно приходят на память слова Н. В. Гоголя: «Эх, тройка! Птица-тройка!»⁴

Текст достаточно эмоциональный, экспрессивный, в нем даже не исправлена речевая ошибка: «думая... приходят мысли», сохранилось упоминание Гоголя (напомним, в тройке у Гоголя несется Чичиков). При этом нет ни одного упоминания КПСС, а спутник лишь назван «творением нашего народа». Передовица является, вероятно, свидетельством хрущевской оттепели, совершенно непохожим на более поздние официозные свидетельства 1970–1980-х гг.

В том же номере студентка И. Свиридова посвящает спутнику стихотворение «За мир»:

В высокой дали, в бархате небес,
В стремительном, неудержимом взлете
Скользит, смотрите, чудо из чудес,
Вещающая миру мир своим полетом.
Велик народ, свершивший чудо это,
Народ-строитель, созидатель, друг,
Назло врагам прекрасный спутник третий,
Пред целым светом славит честный труд!
Далекий друг, трудящийся, рабочий,
Увидев в небе новую луну,
Поймет: страна социализма мира хочет
И борется за мир, не за войну⁵.

Стихотворение пронизано пацифистским пафосом, но при этом употребляются эпитеты вроде «назло врагам». Для автора аксиома: советский спутник не может служить каким-либо немилым целям.

Два года спустя, в первом сентябрьском номере «Механизатора» за 1960 г. тот же автор продолжает развивать ту же тему в стихотворении «Два мира»:

Капитализм подобно мрачной туче
Скрывает свет со всех сторон...
Таланты, гений, ум и совесть —
Все продается, Идеалов нет.
Шпионы-спутники и летчики-шпионы
Стремятся в небо, сея страх и смерть.
А в нашем лагере великом
Взлетают в небо корабли,
Чтоб пролагать пути открытиям,
Достойным жителей земли.
Чтоб жить счастливо и просторно,
Чтоб славить коммунизма век...⁶

В приведенном отрывке весь ужас честной комсомолки: как ракету или спутник можно использовать для шпионажа?! Это покушение на святыню!

При отсутствии в ближайшей перспективе официальных поводов космическая тема может попасть и на первую полосу газеты. Один из февральских номеров «Механизатора» буквально открывается стихотворением Северины Школьниковой «Встречай гостей, Венера!», оно соседствует с логотипом газеты на первой полосе:

Раскрыв ворота новой эры,
Прозрачным утром февраля
С визитом дружеским к Венере,
Ракету послала Земля.
Что прячешь ты от нас, Венера,
Густой вуалью облаков?
Рука советских инженеров
Пробьет таинственный покров.
Промчав сквозь время и пространство,
Ученых ум тебя найдет,
Ты в миллионолетия странствий
Особо впишешь этот год.
Не знает мир еще примера,
Чтобы пути к тебе вели.
Встречай же ласково, Венера,
Посланца первого Земли⁷.

Напомним, что как раз в 1961 г. учились в ЧИМЭСХ и активно сотрудничали в институтской газете два будущих известных поэта — Северина Школьниковая и Константин Сковорцов. Северина Школьниковая (1932–2026) состоялась как детский автор, а Константин Сковорцов стал известен и как драматург, и как историк, и как лирик.

Один из выпусков «Механизатора» приходится именно на 12 апреля 1961 г. Разумеется, газета была подготовлена накануне, и в ней нет ни слова о Гагарине. Парадоксально, но космическая тема в ней присутствует. В разделе «Литературный конкурс» на второй полосе первым поставлено стихотворение «Лумумба жив!», вероятно, более злободневное, а следом за ним стихи Константина Сковорцова «Космос в эфире»:

Стой! Замри на мгновение,
Человек!
Спутник уходит в космос.

Спутник — двадцатый век.
Слышишь, в эфире — космос
К звездам тебя зовет,
К звездам, в миры иные
С гордой мечтой в полет.
Ты не Дедал, ты знаешь
Тайну сокрытых сил.
Атом работать заставил
Мозг электронных машин.
Пусть не покроет Землю
Черных воронок оспа.
Веру в могучий разум
Нам посылает Космос⁸.

Поэту-комсомольцу Константину Сковорцову, можно сказать, повезло, он успел опубликовать оду прежним советским спутникам — в день публикации тема окончательно померкла перед первым полетом Гагарина.

Следующий номер «Механизатора» выходит неожиданно рано — 19 апреля 1961 г. Но причина не столько в том, чтобы откликнуться на события 12 апреля, сколько в том, чтобы успеть к 22 апреля, к 90-летней годовщине со дня рождения Ленина. Ни передовица, посвященная строительству коммунизма, ни соседствующее с ней стихотворение Константина Сковорцова — ода вождю, упоминаний о покорении космоса не содержат. Не исключено, что и они были утверждены ранее 12 апреля.

Однако вторая полоса посвящена именно Юрию Гагарину. Чтобы даже у самого придирчивого читателя не возникало диссонанса с важностью ленинского праздника, серия материалов о космосе объединена заглавием «Об этом мечтал В. И. Ленин»⁹.

В комплекс материалов вошли большой портрет Юрия Гагарина, его краткая биография. Есть и репортаж с митинга, посвященного полету человека в космос. Экспрессию выдают частые эпитеты, «возбужденный», «взволнованный»:

Весть о первом полете человека в космос быстро облетела все аудитории и кафедры института. Радостные и возбужденные студенты и преподаватели собрались на митинг. Актовый зал переполнен. Первое слово предоставляется профессору С. П. Лебедеву... Студенты И. Наливайко, Н. Сканцева, преподаватель В. А. Кубышев с волнением говорили о глубоком чувстве радости и восторга, которые они испытали, узнав о выдающемся достижении нашей науки и техники. Взволнованную речь, прерываемую бурными аплодисментами присутствующих, произнес заведующий кафедрой сопротивления материалов Б. Ф. Соколов...¹⁰

Там же публикуется коллективное обращение студентов и сотрудников ЧИМЭСХ:

Мы, студенты, рабочие, служащие и профессорско-преподавательский состав Челябинского института электрификации сельского хозяйства, собравшись на митинг, посвященный выдающемуся достижению советского народа в освоении космоса, успешному осуществлению первого в мире полета советского человека майора Ю. Гагарина на корабле «Восток» в космическое пространство, беспредельно восхищаемся достижениями нашей и своей Родины¹¹.

Логично предположить, что в Челябинском политехническом институте ликование было не меньшим, но свидетельств об этом на страницах газеты «Политехнические кадры» практически нет.

Полет Гагарина упомянут лишь в передовице майского номера 1961 г. «К светлому будущему!». Здесь также цитируется коллективное письмо студентов и преподавателей ЧПИ:

Мы, студенты и сотрудники Челябинского политехнического института восхищены грандиозными успехами советских ученых, инженеров, рабочих, осуществивших первый в истории нашей планеты Земли полет человека в космос... Мы горды тем, что совершил этот подвиг советский человек, коммунист Юрий Гагарин...¹²

Великий вклад сделал майор Гагарин в дело мира. Его краткий доклад партии, Советскому правительству, Н. С. Хрущеву говорит о его большой скромности¹³.

На первой полосе того же номера, оформленного знаменами и первомайскими транспарантами, появляется заметка без указания автора «Подвиг века»:

Совершен первый полет человека в космос!.. Беспримерна победа человека над силами природы... В этом подвиге века сплелись гений советского народа, могучая сила социализма!¹⁴

Лаконично упомянут полет Гагарина и в ближайшем новогоднем номере «Политехнических кадров», в передовице «Встречая 1962»:

1961 год войдет в историю как год величайших свершений советского народа... Планету потрясли сообщения: советский человек в космосе! А с трибуны исторического съезда... партия торжественно провозгласила: «Нынешнее поколение советских граждан будет жить при коммунизме!» Намечена финишная прямая, установлены сроки¹⁵.

Газета Челябинского педагогического института «Молодой учитель» откликнулась на полет Гагарина номером от 29 апреля 1961 г. Вместо официального обращения студентов и преподавателей приводится заметка без названия лаборанта кафедры истории КПСС Н. Вылегжанина:

У всех советских людей первомайские дни сложились самое светлое настроение. Никогда не ощущаешь гордость за нашу страну, за наши успехи в перевыполнении плана первых лет семилетки, за опередившую все страны науку. Мысль советского человека поистине всецелая. То, что «Восток» взлетел с советской земли, с советским человеком на борту, — знаменательное явление. В мире, где есть эксплуататоры и эксплуатируемые, люди в своем огромном большинстве не могут проявить творческое начало, которое заложено в них матерью-природой. Только социализм дал простор творческим силам человека. И сейчас мы не сомневаемся в том, что именно советский человек первым ступит на поверхность Луны и других планет¹⁶.

Большую часть первой полосы занимает плакат, изображающий полет ракеты «Восток СССР» по орбите вокруг земного шара. Под ней приво-

дится стихотворение Александра Куницына, в будущем — также состоявшегося поэта:

Вот и Русь мужицкая и дикая!
У людей такой сейчас восторг.
Ты, культурный Запад,
Погляди-ка
На советский русский наш «Восток»!
Стало быть, в земные звездолеты
Циолковский верил не напрасно...
Пусть сквозь муки, кровь, в боях, в работе
Нас звезда вела земная красная.
Пусть нам было не до неба часто,
Потому что на полях Земли
Добывать пришлось в сраженьях счастье...
Но теперь с Земли пути легли!
И у всех захватывает дух!
Вышла в космос Родина Советов.
И нести нам красную звезду
К самым дальним звездам и планетам!¹⁷

Находила применение космическая тема и в сатире. Вот как описывается встреча выпускников педагогического института в будущем:

— Ты куда?
— Я на Сатурн, в 5-й класс!
— Я на Нептун, в ШРМ-4.
— Колька?
— Он в восьмилетку, на Плутон.
— А куда Марина, Гера?
— Вместе едут на Венеру. Будут там вдвоем опять
танго, вальсы танцевать.
— Соловьева на Меркурий! А Степанов просто ду-
рень: на десятую планету. Будто места больше нету!¹⁸

Каждый школьник, а тем более выпускник педвуза знал, что планет в Солнечной системе только девять (теперь, впрочем, считается, что восемь: Плутон крупной планетой не считается).

Официально День космонавтики был установлен указом Президиума Верховного Совета СССР в апреле 1962 г. Краткие упоминания об этом появлялись на страницах вузовских газет, но в дальнейшем празднику почти не уделялось внимания — внимание перетягивала ленинская годовщина, особенно столетний юбилей вождя, прошедшийся на 1971 г.

Тем не менее на страницах газеты «Политехнические кадры» тема покорения космоса продолжала звучать в творческих произведениях студентов, таких как стихотворение Кирилла Шишова — ныне здравствующего известного челябинского поэта:

В гуле аудиторий
Слышу органные ноты,
Чувствую, сердце планеты
В грудные клетки нам бьет.
Античные профили юношей,
Склоненные над расчетом,
Словно уже рванулись
В зеленый звездный полет.
У нас отрастают крылья,
И дует ветер нам в ноздри,

Березовой почкой взбухла,
Воздушная грань земли.
Смотрите, у нас под ресницами
Блестят голубые звезды,
Нас ждут сердценосные братья,
В космической синей пыли¹⁹.

К 20-летию полета Гагарина, притом не в апрельском, а в мартовском номере «Политехнических кадров» появилась «космическая» колонка. Она открывается портретом Юрия Гагарина в шлеме. Заметка «В мирных целях»²⁰ рассказывает о космических достижениях СССР за двадцать лет. Заметка «Полеты к звездам»²¹, подготовленная коллективом студентов из группы ДПА-353 (будущее аэрокосмическое направление), строит прогнозы на появление орбитальных космических станций в 1985 г. и космических беспилотных аппаратов.

На рубеже 1990–1991 гг. Челябинский политехнический институт был переименован в Челябинский государственный технический университет (ЧГТУ). Сменила название и вузовская газета: «Политехнические кадры» превратились в «Технополис». Апрельский выпуск издания последнего года существования СССР откликнулся на 30-ю годовщину полета Гагарина... последней полосой, посвященной теме неопознанных летающих объектов (НЛО). Хотя полоса и иллюстрирована карикатурами А. Котельникова, статья «О чем расскажет НЛО» выдержана вовсе не в сатирическом тоне. Заметка представляет собой интервью с неким «физиком А. Кузовкиным», рекламирующим семинар, где проблемы НЛО изучают «кандидаты и доктора наук». «Пока человек не будет жить в соответствии с законами космоса, он не будет видеть дальше своего носа», — поучает газета, там же утверждая, что «НЛО существует как самостоятельное явление природы»²². Появление такого материала на страницах университетского издания не в годы перестройки могло бы шокировать читателя.

Переходя к выводам, напомним, что вузовские газеты официально были «органами печати партийной, комсомольской, профсоюзной организаций, а также дирекции» института. Полет Гагарина в 1961 г. был приурочен к 90-летней Ленинской годовщине, а запуск первого спутника — к празднику Октябрьской революции.

Неудивительно, что на страницах институтских многотиражек, выходящих один-два раза в месяц, очередные Ленинский день, Первомай и день 7 Ноября доминировали над «космическими» торжественными датами. Первый полет человека в космос если и упоминался, то подавался прежде всего в контексте главных советских праздников, как достижение партии КПСС и советского строя.

В наше время даты 22 апреля и 7 ноября практически забыты, а Первомай утратил прежнее «эортологическое» наполнение, превратившись из торжества в дополнительный выходной. Отчасти заменой им в качестве весеннего праздника формируются традиции Дня космонавтики (осенний юбилей полета спутника не замечает практически никто).

В ЮУрГУ (ранее ЧПИ, ЧГТУ) в апреле проходят «Космическая неделя», молодежная конференция «Астероидная безопасность», студентов поздравляют руководство вуза и выпускник-космонавт Дмитрий Петелин. Поздравления жителям Челябинской области с Днем космонавтики направляет и губернатор Алексей Текслер. Так в праздниках отражается трансформация коллективной памяти народа.

Примечания

¹ Герович В. Мифология советского космоса. М., 2024.

² Политехнические кадры. 1957. 10 окт.

³ За молодежь // Политехнические кадры. 1957. 6 нояб.

⁴ Бибилов Е. Гигантский спутник на орбите // Механизатор. 1958. 28 мая.

⁵ Свиридова И. За мир // Там же.

⁶ Свиридова И. Два мира // Там же. 1960. 1 сент.

⁷ Школьникова С. Встречай гостей, Венера! // Там же. 1961. 15 дек.

⁸ Скворцов К. Космос в эфире // Там же. 12 апр.

⁹ Об этом мечтал В. И. Ленин // Там же. 19 апр.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² К светлому будущему! // Политехнические кадры. 1961. 28 апр.

¹³ Там же.

¹⁴ Подвиг века // Там же.

¹⁵ Встречая 1962 // Там же. 30 дек.

¹⁶ Вылежанин Н. [Без названия] // Молодой учитель. 1961. 29 апр.

¹⁷ Куницын А. Вот и Русь мужицкая... // Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Шишов К. В гуле аудиторий // Политехнические кадры. 1962. 4 дек.

²⁰ В мирных целях // Там же. 1981. 18 марта.

²¹ Полеты к звездам // Там же.

²² О чем расскажет НЛО // Технополис. 1991. 4 апр.

В. Н. Мамяченков

Юбилей советских городов: как это было

Проблематика коммеморативной практики городов Императорской России, Советского Союза и современной Российской Федерации давно уже пользуется серьезным вниманием отечественных обществоведов, прежде всего, конечно, историков. Поэтому для своей статьи мы выбра-

ли более узкую тему, посвятив ее только нашей общей бывшей стране — СССР.

Напомним, что коммеморативная практика (от лат. *memorialis* — памятный) представляет собой особую разновидность социальной практики, основанной на коллективной памяти этноса

о значимых событиях (или отдельных личностях) прошлого. Практическая же значимость данного явления состоит в том, что оно является одним из способов сохранения представлений о прошлом через материальные объекты, целенаправленные ритуалы и другие формы закрепления в национальной памяти исторических событий прошлого. При этом одной из значимых форм является празднование юбилеев городских поселений.

Все источники и довольно обширный пласт научной литературы, посвященной исследуемой нами теме, нам представляется возможным разделить на следующие группы:

- законодательно-нормативные документы¹;
- труды, посвященные общим вопросам коммеморативной практики²;
- исследования, посвященные празднованию юбилеев конкретных советских городов³.

Традиция отмечать юбилей городов зародилась в России, судя по всему, на рубеже XVIII–XIX вв.⁴ И первым таким знаменательным событием, как утверждает К. Н. Цимбаев, было празднование столетия со дня основания Санкт-Петербурга. По его мнению, оно «стало первым подобным событием в длинной череде юбилеев новой российской истории и знаменовало собой наступление XIX века не только в политике и общественной жизни, но и в праздничной культуре». Праздник был инициирован императором Александром I и состоялся 16 мая 1803 г., то есть в день, когда Петром I была заложена крепость.

Регламент празднования включал в себя целый ряд мероприятий, основными из которых были:

- выставление на Неве ботика «Орел» — одного из кораблей, претендующих на звание «дедушки русского флота»;
- специальное оборудование балкона здания Сената для присутствия царственной семьи алым бархатным покрывалом с богатой золотой бахромой;
- торжественная литургия в Исаакиевском соборе. Для этого три главных полка лейб-гвардии были построены в три шеренги по всему пути предстоящей основной праздничной процессии от Дворцовой до Исаакиевской площади;
- военный парад, который принимал сам император;
- иллюминация садов, дворцов и казенных домов. Она была устроена в заключение всех торжеств, начиная с вечера и далеко за полночь. Корабли на реке, Петропавловская и Адмиралтейская крепости, Летний дворец Петра I и его Путевой дворец на Петербургской стороне, памятник Фальконе были освещены разноцветными огнями. На каменных столбах решетки Летнего сада горели факелы, сама решетка и аллеи также были богато иллюминированы;
- народные гулянья (правда, только для высших слоев общества) в Летнем саду. Для этого там играл императорский оркестр.

Как видим, для того времени празднование столетия Санкт-Петербурга прошло весьма достойно.

Что касается советского периода истории нашей страны, то первым городским юбилеем, отмеченным с большой помпой и на государственном уровне, было празднование 800-летия со дня основания столицы государства — Москвы. Как нам представляется, лучшим исследованием, посвященным данному событию, является монография А. Л. Махнырева. В аннотации к этой работе справедливо отмечается, что «Такого масштабного, по сути, всемирного празднования своего юбилея Москва еще не знала... Как в капле воды в 800-летнем юбилее Москвы отразились все величие и драматизм эпохи». Действительно, такого масштаба празднования юбилея города (пусть даже и столичного) вряд ли знала столица любого европейского (и не только) государства.

Прежде всего следует отметить, что подготовка к юбилею фактически началась даже еще... до начала Великой Отечественной войны. Так, уже в 1939 г. в Комиссии по истории г. Москвы при Институте истории Академии наук СССР по почину известного московского историка и краеведа П. Н. Миллера началась работа по подготовке к публикации шеститомного сборника «История Москвы», посвященного предстоящему юбилею столицы. А 20 июля 1944 г. (фактически в самый разгар войны) московские архитекторы Д. Н. Чечулин и А. М. Заславский направили секретарю Московского областного и городского комитета ВКП(б) А. С. Щербакову и председателю Мосгорисполкома В. П. Пронину письмо с предложением отметить 800-летний юбилей Москвы. Этот почин получил поддержку 22 марта послевоенного 1946 г., когда уже новый московский партийный руководитель Г. М. Попов направил на имя самого И. В. Сталина письмо с предложением отпраздновать 800-летие Москвы летом 1947 г.

Но глава государства не торопился с ответом, и «высочайше» разрешил отметить 800-летие основания Москвы только 26 мая 1947 г. При этом датой юбилея было обозначено 7 сентября. Можно почти не сомневаться, что основным мотивом согласия Сталина на проведение масштабного празднования 800-летия Москвы было желание продемонстрировать всему миру могучие силы духа советского народа, восстанавливающего страну после разрушительной войны. Таким образом, юбилей должен был способствовать укреплению единства страны вокруг патриотических ценностей. Но помимо перечисленных были и другие мотивы:

- желание подчеркнуть роль Москвы как государственного, экономического и культурного центра страны;
- повысить внимание к проблемам строительства и городского хозяйства столицы;
- наконец, просто устроить большой и красивый праздник для уставшего от тяжелых будней населения.

Среди длинного же ряда основных примечательных событий и мероприятий по подготовке

и празднованию юбилея столицы следует отметить следующие:

- открытие Музея истории и реконструкции Москвы 1 августа 1947 г.;
 - проведение декады лучших спектаклей с 7 по 19 сентября;
 - проведение общегородских собраний управляющих домами, директоров магазинов, школ, больниц, создание районных комиссий по проведению массовых мероприятий;
 - ввод в эксплуатацию ряда сооружений городской инфраструктуры;
 - проведение работ по улучшению внешнего благоустройства города;
 - организация праздничных базаров в центре и на окраинах города;
 - мобилизация трудящихся на досрочное выполнение планов социалистического соревнования;
 - подготовка Указа о награждении орденом Ленина г. Москвы, указов о награждении государственными наградами Московского метрополитена, Рублевской водопроводной станции, Центрального парка культуры и отдыха им. Горького, больницы им. Боткина, Сталинской водопроводной станции, Московского трамвая, Московского газового завода и треста «Мосжилстрой», а также о награждении орденами и медалями работников городского хозяйства столицы;
 - подготовка и организация приема многочисленных гостей из 54 столиц зарубежных стран и представителей союзных республик;
 - закладка в центре столицы памятника основателю Москвы Юрию Долгорукому;
 - организация митингов и праздничных народных гуляний в день юбилея (7 сентября 1947) в столице и крупных городах страны;
 - проведение вечером 7 сентября в 21:00 по местному времени в столице, Ленинграде и столицах союзных республик салюта в 20 артиллерийских залпов, а также фейерверка на Москvereке;
 - учреждение новой государственной награды — медали «В память 800-летия Москвы». (Кстати, она стала первой советской медалью, посвященной юбилею конкретного города. Второй и последней такой наградой в истории Советского Союза стала медаль «В память 1500-летия Киева», учрежденная уже в 1982 г.)
- Не будет лишним отметить, что празднование юбилея столицы проходило много позже принятия Постановления СНК СССР от 1 декабря 1925 г. «О порядке разрешения празднования юбилеев» и Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 апреля 1941 г. «О порядке празднования юбилеев». В них жестко осуждалась «нездоровая практика празднования всякого рода юбилеев различных организаций, учреждений, предприятий, обществ, научных институтов, учебных заведений и отдельных лиц» и предписывалось «юбилеи различных организаций, учреждений, предприятий, обществ, научных институтов и учебных заведений проводить при

наличии выдающихся достижений в работе юбиларов только лишь в дни двадцатилетия, пятидесятилетия, столетия и далее через каждые пятьдесят лет со дня их существования». Наконец, в обоих постановлениях специально оговаривалось, что организация юбилеев и расходование средств на их проведение может производиться только с разрешения высших органов союзных властей. Правда, здесь нет нужды доказывать, что юбилей столицы такое разрешение имел «автоматически».

Однако заметим, что парадоксом упомянутых постановлений было то, что в них об юбилеях городов вообще ничего не говорилось — видимо, просто не было соответствующих прецедентов. Впервые же словосочетание «памятные даты исторических событий» появилось только в Постановлении от 12 декабря 1958 г. Этот документ оказался весьма кстати, так как именно со времени оттепели, как нам представляется, происходит своеобразный ренессанс в праздновании юбилеев советских городов: до 1960–1970-х гг. таким событиям особого значения не придавалось. Так, в тяжелейшем 1943 г., в условиях военного времени, праздновалось 50-летие Новосибирска. При этом не было пышных торжеств, разве что в недостроенном здании театра оперы и балета прошло традиционное и довольно помпезное торжественное заседание местной партийной и советской элиты, получившей возможность ознакомиться с выставкой по истории города.

В «застойные» годы коммеморативная практика городских юбилеев, как мы уже сказали, стала набирать обороты. В этой связи характерны празднования юбилеев двух крупных областных центров того времени: Кирова и Свердловска (нынешнего Екатеринбурга).

Город Киров в 1974 г. отмечал, ни много ни мало, 600-летие со дня своего основания. В этой связи властями города и области был создан оргкомитет, который разработал и утвердил программу «За город высокой культуры труда и быта». В рамках этой программы между городскими предприятиями распределили территории для благоустройства: красили фасады домов (всего обновили около 200 зданий), прибирали парки, скверы и стадионы. К первому Дню города появились новые павильоны Центрального рынка, были благоустроены набережная Грина, парки Победы, им. Гагарина, им. Кирова и им. 50-летия ВЛКСМ.

Особое внимание было уделено развитию экономики города. Так, завод «Маяк» выступил с инициативой «Работать без отстающих!», которая была поддержана (естественно, с участием партийных органов) другими промышленными предприятиями. В результате промплан города первого квартала 1974 г. был выполнен на 102 %. Оказались на высоте и строительные организации: за три месяца было сдано в эксплуатацию 25 тыс. кв. м жилья.

Конечно, городские и областные власти «подстегивали» экономику города не зря: в июне

1974 г. Киров «за большие успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, и в связи с 600-летием со дня основания» был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Остается добавить, что в юбилейном году в филармонии города прошел музыкальный фестиваль искусств, посвященный юбилею. Кроме того, перед кировчанами выступили известные творческие коллективы страны, были объявлены конкурсы на лучшие стихи и песни о Кирове и горожанах, любительские кинофильмы и фотоснимки, проводились экскурсии для кировчан и гостей города по историческим и памятным местам, работала выставка кировских художников «Край родной», состоялась городская ярмарка. Наконец, праздничные мероприятия прошли в домах культуры, парках и на стадионах, а на набережной Грина состоялись народные гулянья с участием ведущих артистов страны.

А примерно за год до упомянутого выше праздника свой 250-летний юбилей отмечал крупнейший промышленный центр Урала — Свердловск. При этом, что интересно, празднества так или иначе растянулись практически на целый год. Такой вывод можно сделать хотя бы потому, что в этот период в честь годовщины в городе постоянно что-то создавали и открывали. Так, летом 1973 г. в районе нынешней станции метро «Динамо» были пробурены шесть скважин с целью изучения геологических условий под городом и возможности строительства метрополитена. Это первое исследование стало своеобразным подарком для горожан — ведь у них появилась надежда на создание метро (его строительство началось в 1980 г.)

В том же 1973 г. появился путепровод на ул. Малышева, ведущий в район завода железобетонных изделий. Его строительство продолжалось около десяти лет, а в год 250-летия Свердловска путепровод торжественно открыли. В честь этого события специально приехавший в город легендарный артист балета Махмуд Эсамбаев исполнил танец прямо под мостом.

Еще одним важным подарком для города было строительство Дворца молодежи, совмещающего в себе концертный, зрелищный и спортивный комплексы (его архитекторам в 1974 г. присудили премию Совета министров СССР). Дворец молодежи открылся на следующий день после юбилея — 19 ноября 1973 г.

Кроме того, горожане получили к юбилею трамвайную ветку до ул. Волгоградской и троллейбусную — в район УЗТМ, крупнейший на тот момент девятиэтажный дом на 432 квартиры, а также 119-квартирный дом в пос. Сортировочном, 210-квартирный дом в новом районе Юго-Запада, 144-квартирный дом на ул. Metallургов, дома на ул. Посадской и Куйбышева.

На юбилей прибыли гости из Перми, Челябинска и даже из Чехословакии. Кульминацией официальных празднеств стало торжественное заседание горкома в кинотеатре «Космос». Во Дворце спорта выступали физкультурники,

а в филармонии свердловчан поздравили оперный певец Борис Штоколов и танцевальный ансамбль уже упомянутого Махмуда Эсамбаева.

Но самым значимым подарком к юбилею стал новый Исторический сквер в центре города, работы по реконструкции которого начались еще в 1960-е гг. При этом была создана музейная зона Исторического сквера в виде сохраненных исторических зданий старейшего завода, построенного в первой половине XVIII в. В этих старых постройках и зданиях сегодня располагаются Музей изобразительных искусств, отдел природы краеведческого музея и Музей архитектуры и дизайна. В самом же сквере находится сад каменных глыб, представляющий природные богатства Урала.

Накануне юбилейной даты, вечером 17 ноября, все городские и областные СМИ сообщили радостную весть о награждении Свердловска «за большие революционные и трудовые заслуги трудящихся» высшей государственной наградой СССР — орденом Ленина.

Пик торжеств пришелся на день празднования — 18 ноября. В этот день в Историческом сквере была торжественно заложена капсула времени — модный для того времени особый формат писем, обращенных к потомкам. Вскрыть капсулу предполагалось к другой круглой дате — 300-летию города в 2023 г., что и было сделано. Само же письмо содержало послание будущим горожанам от городских руководителей, стенограмму праздничного заседания горсовета, а также артефакты своего времени: записи песен, документальные киноплёнки о Свердловске и портреты почетных граждан.

Наконец, по случаю юбилея города, государственными наградами и почетными званиями были отмечены отдельные именитые горожане. Например, звание народной артистки СССР получила известная балерина Н. И. Меновщикова (1934–2022).

Подводя итоги, следует отметить, что роль и значение коммеморативной практики городских юбилеев, как нам представляется, выходят далеко за рамки торжеств муниципального масштаба. В наши дни эти мероприятия служат не только инструментами удовлетворения спроса населения на культурный досуг, отдых и праздничные развлечения. По своей сути они могут и должны оказывать значительное воспитательное воздействие на горожан, развивая в них уважительное отношение не только к истории родного города, но и всего государства в целом.

Примечания

¹ Постановление СНК СССР от 1 декабря 1925 г. «О порядке разрешения празднования юбилеев» // Е-досье — Электронный эколог. URL: https://e-ecolog.ru/docs/U8_uuos8jEIgk36PkV9rO (дата обращения: 20.06.2026); Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10 апреля 1941 г. № 886 «О порядке празднования юбилеев» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/403835> (дата обращения: 20.06.2026); Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 10 мая 1956 г. № 628 «О порядке празднования юбилеев» //

Е-досье — Электронный эколог. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/AvAsпTH-tN0giT0eqdfzL> (дата обращения: 20.06.2026); Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 декабря 1958 г. № 1361 «О наведении порядка в праздновании юбилеев» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/404884-sobranie-postanovleniy-pravitelstva-sssr-za-1958-g-locale-nil-1-20> (дата обращения: 20.06.2026); Указ Президента РФ от 4 августа 2010 г. № 983 «О рассмотрении предложений и инициатив, связанных с празднованием на федеральном уровне памятных дат субъектов Российской Федерации» // Официальное интернет-представительство Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31603> (дата обращения: 20.06.2026).

² Евтушенко А. Г. Юбилей российских городов как важный инструмент функционирования региональных экономик // Вестник МГУКИ. 2012. № 3 (47). С. 91–94; Избушева А. М. Подготовка и проведение юбилея города в советской истории как способ сохранения и закрепления исторической и культурной памяти // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 3 (7). С. 24–35; Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб., 2018. С. 27–53; Махнырев А. А. Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР

(1945–1964 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 26 с.; Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.

³ Горюнов М. М. Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000; Громова О. А. Мемориальное пространство малых городов Новосибирской области в исторической динамике (вторая половина XIX — XX в.) // Омский научный вестник. 2021. Т. 6, № 4. С. 9–16; Красильникова Е. И. Юбилей Новосибирска: политика и память // Пятые Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Краеведение как фактор социокультурной жизни общества: история и современность». Омск, 2019. С. 36–40; Красильникова Е. И., Трояк И. С. Коммеморативная деятельность ГПНТБ СО АН СССР в 1958–1991 гг.: от всесоюзных юбилеев к региональной истории // Труды ГПНТБ СО РАН. 2025. С. 108–118; Махнырев А. А. 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2023; Селезнев Ф. А. Празднование 800-летия Города Волжского в 1952 г.: историогр. предистория // Матвей Кузьмич Любавский: к 150-летию ученого. СПб., 2013. С. 168–174; Яковская Г. А. Юбилей города и становление «периферийных столиц» в СССР // Известия Уральского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 9–22.

⁴ Цимбаев К. Н. Истоки юбилейной культуры императорской России // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 70–79.

Н. С. Гуськова

Создание краеведческого музея в Копейске: замыслы в лабиринтах реальности (на материалах архивов и музейных фондов)

Юбилей музея — важное событие в истории города, время осмысления достижений и определения вектора перспективного развития. В этой связи актуализируются взаимосвязанные проблемы: как это было, сохранение исторической памяти не только о создании музея, но и о людях, воплотивших замыслы в реальность, оперируя материалами архивов и музейных фондов. Эти традиции закладывались в далекие 1930-е гг. — время становления городского статуса, стахановского движения в угледобыче, строительства шахт и политических репрессий.

Согласно архивным данным, Решением ВЦИК СССР от 20 июня 1933 г. поселок Копи, выделенный из состава Челябинска 31 января 1932 г., был преобразован в город Копейск. В 1937–1938 гг. среди репрессированных оказались управляющий трестом «Челябуголь» Кораллов, технический инженер этого треста Казанцев, сотрудник Главугля в Москве Филькенштейн, секретари Копейского райкома ВКП(б) Вологов и Ессяк.

Третьего апреля 1938 г. в здании Копейского городского совета рабочих и крестьян состоялось совещание старожил города по вопросу об организации выставки по истории Копейска. Ведущий совещания заместитель председателя треста «Челябуголь» Яровой озадачил собравшихся ветеранов революции и Гражданской войны: «...на выставке необходимо отразить завоевания, борьбу шахтеров на трудовом и кровавом фронте... и каждый из старожил должен дать свой материал».

Был создан оргкомитет во главе с Яровым. На заседании оргкомитета каждый из присут-

ствующих подробно рассказывал о своей деятельности в 1917–1922 гг. Делегаты разделились на шесть бригад. Общее координирующее руководство возлагалось на Курдюкова, собранные предметы предлагалось складировать и изучать в плановом отделе городского Совета¹.

Но в планы копейских ветеранов внесла свои коррективы Великая Отечественная война. Тринадцатого мая 1944 г. через газету «Копейский рабочий» комиссия горкома партии обратилась с просьбой ко всем горожанам, располагающим автографами, фотоснимками, историческими записями, воспоминаниями, предоставить все это для дальнейшего использования при создании музея².

Наступившая оттепель открыла новые возможности для инициативных копейчан. Большую роль в сборе материалов для музея сыграли в 1956–1964 гг. главный архитектор города, член городского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся (1952–1967) Михаил Григорьевич Семенов, зуборезчик машиностроительного завода им С. М. Кирова и краевед Яков Михайлович Порохин.

В отличие от горожан-активистов, передававших предметы для будущего музея, М. Г. Семенов искал документальное подтверждение фактам из истории Копейска. Поэтому он заказывал соответствующие документы в архивах Челябинска, Москвы, Ленинграда. Его первое обращение «Создадим городской музей» в ноябре 1953 г. призывало горожан участвовать в сборе материалов, записей, воспоминаний, документов³. Седьмого июня 1954 г. он обратился к председателю горкома КПСС Т. Тюнину с просьбой: «Для ил-

люстрирования очерка о городе Копейске и для музея необходимо организовать фотографирование заслуженных людей нашего города»⁴.

Пятнадцатого мая 1955 г. в городе открылся Дворец пионеров, в котором было выделено помещение для временного размещения музейных предметов и представлены выставки «Копейск дореволюционный», «Копейск социалистический». Здесь же размещались действующие модели шахтерских машин и механизмов⁵. В актовом зале Дворца пионеров М. Г. Семенов постоянно читал лекции по истории города на основе собранных материалов.

В 1958 г. в альманахе «Литературная Башкирия» был опубликован рассказ М. Г. Семенова «Солнечный камень», а очерки по истории города — в журналах «Урал» и «Уральский следопыт»⁶. Об этом времени сохранились воспоминания М. Г. Семенова:

И вот, начиная с 1953 г. я начал собирать все, что относилось к истории города Копейска.

Пришлось написать множество писем в музеи и архивы страны, в отделы библиографии библиотек им. В. И. Ленина в Москве и имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Через пять лет я уже собрал столько документов, вырезок из старых газет, фотографий и воспоминаний старожилов Копейска, что не мог больше «молчать» и попытался написать книгу, посвященную героическому прошлому и не менее героическому настоящему шахтерского города. В июле 1959 г. книга «Копейск» объемом в 300 страниц и тиражом в 7 тысяч экземпляров вышла в свет и сразу же стала учебным пособием по краеведению для городских школьников и студентов.

М. Г. Семенов заново «открыл» копейчанам имя первооткрывателя Челябинского угольного бассейна Ивана Ивановича Редикорцева. Он собрал не только множество документов о Редикорцеве, но и редкие источники, на основании которых написал большой историко-библиографический очерк, который в 1971 г. был включен в сборник научных публикаций Геологического института Академии наук СССР. Материалы о И. И. Редикорцеве в 1980-е гг. были переданы в музей⁷.

Яков Михайлович Порохин с июля 1956 по 1967 г. записал воспоминания двадцати двух участников Гражданской войны, которые и сегодня составляют «золотой» фонд Копейского краеведческого музея как документальные источники. Эти воспоминания структурированы по единой схеме опроса, имеют точные биографические данные и лично подписаны каждым автором⁸.

В 1957 г. в городе угольщиков началась активная подготовка к 50-летию юбилею Копейска. В эту акцию включились участники Гражданской войны и революции 1917 г. Городское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний впервые издало брошюру «Краснознаменный Копейск» и приступило к подготовке издания сборника материалов по истории Гражданской войны. Во Дворце пи-

онеров был открыт краеведческий кружок, и юные краеведы предложили создать краеведческий музей⁹. К 40-летию советской власти был выпущен фотоальбом об истории Копейска. В нем размещены 80 фотографий, на которых запечатлены исторические документы, портреты значительных людей города — бывших партизан, Героев Социалистического Труда, Героев Советского Союза. Гражданская инициатива поддерживалась и старшим поколением копейчан¹⁰. Десятого января 1960 г. Копейский городской совет пенсионеров не только одобрил инициативу создания городского музея по истории Копейска, но и записал в решении: «Выделить специальное помещение музею»¹¹. Главный архитектор города М. Г. Семенов разработал два варианта эскизов первого проекта здания краеведческого музея. Один из вариантов хранится в фондах музея.

В те исторические годы не только публикации краеведов и воспоминания очевидцев, но и появление монументальных объектов (памятника героям Гражданской войны — в 1955 г., арки Партизан — в 1957 г., памятника И. И. Редикорцеву — в 1963 г.) формировали общественное мнение в городе, уверенность в необходимости городского музея.

В 1964 г. во Дворец пионеров пришла работать Клавдия Петровна Семенюта, ее деятельность началась в кабинете краеведения, где временно размещался краеведческий музей. Она создала городской поисковый штаб, в состав которого вошли учителя школ, краеведы, представители общественных организаций¹².

Таким образом, к середине 1960-х гг., накануне 20-летия Победы, сложилось общественное мнение о необходимости создания краеведческого музея, а также опыт и практика сбора документов и их исследования. Но самое главное, сложилась фундаментальная база из оригинальных документов Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов власти и государственного управления СССР, Российского государственного архива экономики, Государственного архива Свердловской области, Государственного архива Челябинской области, Государственного архива Оренбургской области, библиографические материалы из Центральной государственной библиотеки СССР им. Ленина в Москве и имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, подтверждающих историческую достоверность эпохи, фактов и событий, а также создавших фундамент исследовательской деятельности будущего музея в городе.

В 1965 г. инициативу общественности города поддержал исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся.

Восемнадцатого февраля 1965 г. было принято совместное решение горкома КПСС и горисполкома, на основании которого утвержден оргкомитет по подготовке и организации городского музея в следующем составе: заместитель председателя горисполкома П. Д. Лунев — пред-

седатель оргкомитета; секретарь горкома КПСС Ф. И. Шашурин — заместитель председателя оргкомитета. Членами комиссии стали: заведующий идеологическим отделом горкома КПСС К. А. Козловой, заведующий отделом культуры горисполкома В. В. Садовниченко, главный архитектор города М. Г. Семенова, заведующая горно Д. Г. Рубина, редактор газеты «Копейский рабочий» Л. С. Попова, редактора радиовещания П. Д. Усова, пенсионерка И. Н. Фирсова, рабочая завода им. С. М. Кирова Я. М. Порохина, пенсионер, врач Б. Г. Пузыревский, секретарь горкома ВЛКСМ Утюпина, начальник производственного отдела треста «Копейскуголь» В. А. Олейников, заместитель городского военкомата Горовой¹³. П. Д. Лунев имел опыт руководителя в качестве директора школ, заведующего горно¹⁴.

Реализация принятого решения зависела от деятельности конкретных лиц. Изучение сохранившихся документов позволяет расставить приоритеты и оценки участия каждого даже спустя шесть десятилетий. Иначе преобладают не только стереотипы, но и факты, лишенные достоверности. Они были обнаружены в тексте ходатайства «Об установке мемориальной доски в честь Гаяу Сахабеевича Насретдинова (1905–1978) — первого директора Копейского краеведческого музея, сыгравшего ключевую роль в его создании и становлении», направленного одной из общественных организаций в городское управление культуры в 2026 г. Управление обратилось в музей с запросом: проверить достоверность информации, изложенной в пяти разделах.

В процессе изучения было установлено, что представленное ходатайство составлено на основе автобиографии и публикаций в газете «Копейский рабочий» от 26 сентября 1965 г., от 14 января 1967 г. и от 8 января 1972 г. с приложением наградных грамот разного уровня за активную работу по воспитанию молодежи, по сохранению памятников истории и культуры¹⁵. Однако исследуемая информация исключает документальное подтверждение фактов, которые могли бы отразить его ключевую роль в создании и становлении краеведческого музея. Фамилии Г. С. Насретдинова не было даже в составе оргкомитета. Рассмотрим содержание ходатайства по разделам.

Раздел 1 «Старт краеведческой работы». Начало этой деятельности авторы ходатайства определяют датой — 1965 г. Судя по записи в «Книге приказов по отделу культуры горисполкома», с мая 1965 по апрель 1966 г. Гаяу Сахабеевич работал библиотекарем в центральной библиотеке № 1 города. По записной книжке, хранящейся в деле Г. С. Насретдинова в фондах музея, установлено, что он посетил за это время два семинара в музеях Сатки и Златоуста. Двадцать шестого сентября 1965 г. он опубликовал в газете «Копейский рабочий» свою первую заметку «В городе будет музей»¹⁶.

Раздел 2 «Инициатива и координация» включает основной тезис: «Насретдинов стал не про-

сто исполнителем, а идейным вдохновителем проекта»:

1. «Насретдинов Г. С. объединил группу местных краеведов (Ф. Козлова, П. Колмогорцева, П. Лунева, Л. Порохина и др.) в единый актив». Но краеведа Козлова с такими инициалами никогда не было, П. Колмогорцев — художник-оформитель, а П. Лунев — заместитель председателя оргкомитета. И только Я. Порохин — краевед.

2. Г. С. Насретдинов не мог быть связующим звеном между общественностью и городскими властями, так как оргкомитет, возглавляемый заместителем председателя горисполкома включал представителей администрации и известных в городе представителей общественности¹⁷.

Раздел 3 «Сбор экспонатов и свидетельств». Основной тезис раздела: «Ключевой этап работы Насретдинова — активный сбор исторических материалов». Описание этой деятельности Гаяу Сахабеевича Насретдинова дано в двух статьях газеты «Копейский рабочий»: от 14 января 1967 г. за авторством Кислянского и от 8 января 1972 г. за авторством Николаевой. Но по содержанию обе статьи повторяют одну и ту же информацию. Ключевой остается фраза Г. С. Насретдинова, которая имеется в этих публикациях: «Самое удивительное, что у меня никогда не было документа, что я уполномочен собирать материалы о героическом прошлом Копейска. Но люди, к которым я приходил, и не спрашивали его. Они долго рассказывали о том, что помнили, отдавали все, что имели». Вместе с тем вызывает сомнение утверждение, что Гаяу Сахабеевич записал множество воспоминаний о героических событиях прошлого, которые стали основой исторической экспозиции. В подшивке газеты «Копейский рабочий» с общим названием «За 50 лет советской власти: по страницам юбилейных номеров» (1965–1967) нет ни одной публикации Г. С. Насретдинова. Редакция газеты выразила благодарность зуборезчику завода им. Кирова краеведу Я. М. Порохину, главному архитектору М. Г. Семенову, старшему преподавателю кафедры истории КПСС П. Г. Агарышеву, журналисту И. Е. Козину, писателю В. Ф. Рублеву, принявшим активное участие в подготовке «Страниц истории Октября»¹⁸.

С 25 июня 1966 до января 1967 г. в газете «Копейский рабочий» печатались страницы книги «Крепость не сдаётся» писателя В. Ф. Рублева и краеведа Я. М. Порохина, публиковались и воспоминания героев Гражданской войны Н. Г. Медведева, В. Данилова, Н. Д. Леднева, П. И. Сибелева; Героев Социалистического Труда П. Струнина, П. Томилова.

Краевед Я. М. Порохин закончил запись воспоминаний участников войны и их родственников и передал 80 фотографий в фонд будущего музея, консультировался в Челябинском государственном педагогическом институте с докторами исторических наук профессорами Николаем Кузьмичем Лисовским и Семеном Анисимовичем

Сидоренко. В книге «Крепость не сдастся» он использовал воспоминания более ста участников революции и Гражданской войны, которые записал сам.

Активность Г. С. Насретдинова ограничивалась приемом предметов, список которых, составленный на основе актов приема, сохранился в музее¹⁹.

Раздел 4 «Подготовка к открытию музея» включает основной тезис: «Г. С. Насретдинов занимался не только сбором материалов, но и организационными вопросами». Деятельность Г. С. Насретдинова в качестве разработчика концепции музея, его участие в выборе помещения документально не подтверждаются. Эти вопросы находились в ведении председателя оргкомитета П. Д. Лунева. Окончательное решение о помещении могло быть принято только горисполкомом, который тогда возглавлял Л. А. Козлов.

Первоначально проектной группе треста «Копейскуголь» (Л. С. Тонн) совместно с главным архитектором М. Г. Семеновым поручалось разработать архитектурные чертежи и схемы отдельно стоящего здания городского музея. В 1965 г. Копейский горком КПСС пытался получить разрешение на строительство здания. Процесс согласований горкома КПСС с Советом министров РСФСР, Министерством культуры РСФСР и областным управлением культуры продолжался до середины июня. Двадцать второго июня 1965 г. из областного управления культуры пришел окончательный ответ: «Ставим в известность, что музей открывается только с разрешения Совета министров СССР». Вероятно, отказ был обусловлен массовым открытием школьных и народных музеев, вопрос о помещении для которых местное руководство решало, используя внутренние ресурсы.

Восьмого февраля 1966 г. горисполком утвердил «Проект детальной планировки центральной части Копейска», разработанный главным инженером проекта института «Челябгражданпроект» М. А. Сипачевым при участии главного архитектора города М. Г. Семенова. Проектом нового центра города было предусмотрено строительство большого пятиэтажного дома и запланировано строительство магазина «Книжный мир» — самого большого в области. Шестнадцатого января 1966 г. магазин был открыт, и на его территорию переехал книжный магазин с ул. Борьбы, 25²⁰. Освободившееся помещение композиционно вписывалось в историческую часть города как краеведческий музей.

Эскиз оформления нового музея разработал М. Г. Семенов, рабочие чертежи на общественных началах выполнил инженер проектно-сметного бюро шахты № 4-6 М. К. Казанцев, эскизы реализовали художники-оформители А. Козлов и В. Колмогорцев. В оформлении залов использовалась концепция временного музея во Дворце пионеров. Научным консультантом был старший преподаватель кафедры истории КПСС, работавший в филиале Челябинского политехнического

института, расположенного в Копейске, Петр Георгиевич Агарышев, который в это время работал над книгой «В забой, как в бой!»²¹.

Возможно предположить, что Г. С. Насретдинов осуществлял функции контроля за выполнением работ.

В начале декабря 1966 г. помещение на ул. Борьбы, 25, было готово к эксплуатации в качестве музея. Двадцать седьмого декабря этого же года горисполком заслушал подробное сообщение заместителя председателя горисполкома П. Д. Лунева о завершении работы оргкомитета и принял решение об открытии городского музея 9 января 1967 г.²²

Раздел 5 «Открытие и руководство» (1967–1975). В этом разделе два главных вопроса: о статусе первого руководителя музея; о работе после открытия музея.

Впервые свой статус назвал Г. С. Насретдинов в своей заметке «В городе будет музей» в газете «Копейский рабочий» от 26 сентября 1965 г., подписав ее «внештатный директор музея». На момент открытия музея решением горисполкома были установлены график работы, смета, штатное расписание, но не было фамилии директора. В постановлении, принятом совместно горисполкомом и горкомом КПСС 21 января 1967 г., о награждении лиц, принявших участие в создании городского музея, Г. С. Насретдинов представлен удостоенным Почетной грамотой Министерства культуры СССР как внештатный инструктор горисполкома²³. Этот статус объясним, если посмотреть личное дело Гаяу Сахабеевича, хранящееся в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области. С 1948 по 1958 г. он работал в аппарате Копейского горкома партии, который рекомендовал его в качестве директора Копейской швейной мастерской. В отчете начальника Управления легкой промышленности отмечалось, что по результатам четырех месяцев 1960 г. работа учреждения признана неудовлетворительной; директору объявлен строгий выговор и вынесено предупреждение о возможном снятии с работы²⁴. Десятого августа 1960 г. Г. С. Насретдинов обратился в горком партии с просьбой обсудить вопрос о назначении ему персональной пенсии местного значения, ссылаясь на 55-летний партийный стаж и трудовой стаж, а также на слабое здоровье. Его уволили переводом и приняли в горисполком в качестве заведующего инструкторским отделом. По достижении пенсионного возраста в 1965 г. он стал персональным пенсионером местного значения, затем предложил свои услуги для участия в работе по созданию музея на общественных началах²⁵. Как у пенсионера у него было больше времени, по сравнению с работающими, чтобы принимать экспонаты и систематизировать их и знакомить с ними интересующихся. Данное обстоятельство секретарь горкома партии Ф. И. Шашурин в статье «Дорогой отцов», опубликованной 10 января 1967 г. в газете «Копейский рабочий», поторопился оценить так:

«В прошлом юбилейном (1966 г. — Н. Г.) музей, работавший на общественных началах, принял своих первых посетителей».

Галяу Сахабеевич Насретдинов был первым руководителем краеведческого музея в Копейске. О статусе открытого музея говорил сам Г. С. Насретдинов в интервью: «Музей создавался на общественных началах... это требовало от руководителей оргкомитета особенно большой организаторской работы»²⁶. Поэтому в течение 1967 г. он работал на общественных началах три дня в неделю (среда, суббота, воскресенье), а с 1968 г. — пять дней в неделю, как определялось утвержденным штатным расписанием (директор, научный сотрудник — экскурсовод, вахтер, уборщица) и утверждением стоимости билетов за вход в музей (для взрослых — 10 коп., для детей — 5 коп.), а также сметой (приход 1920 руб., доход 6311 руб.). Для полноценного функционирования музея на его содержание требовались дополнительные средства в сумме 4391 руб., которую мог выделить Челябинский облисполком²⁷. Официально должность Г. С. Насретдинова в 1968–1975 гг. именовалась «старший научный сотрудник», потому что краеведческий музей в Копейске был создан как филиал областного краеведческого музея. Он приобрел статус муниципального учреждения на основании Приказа Управления культуры администрации г. Копейска от 23 декабря 1997 г. № 553²⁸.

Г. С. Насретдинов продолжил работу по пополнению фондов, привлекая новых дарителей, организовывал экскурсии и лекции для школьников и горожан, укреплял связи с ветеранами, общественными организациями и формировал традиции краеведческой работы. При этом неизменно его поддерживали инициаторы создания музея — участники Великой Отечественной войны М. Г. Семенов, Я. М. Порохин, П. Д. Лунев. С этим союзом музей стал значимым культурным центром и хранителем памяти истории города. Иначе и быть не могло: этот «квартет» реализовал мечту старожилов города, участников совещания 1938 г., и стал основателем музея.

Примечания

¹ Архив М. Г. Семенова. ВХ ЭФЗК-1/1 2022. Л. 1–3, 44–45; Краеведческий музей Копейского городского округа (КМ КГО). ОФ. 2659. Л. 1–21; ОФ. 2647. Л. 1–7.

² Комиссия по сбору материалов об истории города Копейска // Копейский рабочий. 1944. 13 мая.

³ Архив М. Г. Семенова. ВХ ЭФЗК-2022. Л. 1.

⁴ Там же. ВХ ЭФЗК-1/2-2022.

⁵ Во Дворце пионеров // Копейский рабочий. 1955. 20 мая.

⁶ Семенов М. Г. Мне удалось создать современный шахтерский город: самые счастливые г.ы моей жизни // Архив М. Г. Семенова. ВХ 42/1-2026.

⁷ Семенов М. Г. И. И. Редикорцев (1808–1866) — первооткрыватель Челябинского угольного бассейна // Воплощение замысла: 100-летию со дня рождения М. Г. Семенова посвящается... : сборник / ред.-изд. совет: М. А. Коростелкина и др.; сост. Т. Е. Карачевцева. Копейск, 2019. С. 36–55.

⁸ КМ КГО. ОФ 2640-2661.

⁹ Навстречу юбилею Копейска // Челябинский рабочий, 1957. 4 авг.

¹⁰ Альбом об истории города // Там же. 10 окт.

¹¹ Постановление Президиума Копейского городского совета пенсионеров от 10.01.1960 «О создании городского музея по истории Копейска» // Архив М. Г. Семенова. ВХ ЭФЗК-1/3-2022.

¹² Шелехова Н. М. Я в дороге, я в пути... К. П. Семенюта. Копейск, 2013. С. 11.

¹³ Архивный отдел Копейского городского округа. Ф. 69. Оп. 1. Д. 109. Л. 225.

¹⁴ Байков Е. М. Павел Дмитриевич Лунев — первый директор средней школы № 23. Копейск, 2018. С. 30–33.

¹⁵ КМ КГО. ОФ. 1816, 1810, 1812, 1811, 1814, 1815; ОФ. 4105.

¹⁶ Насретдинов Г. С. В городе будет музей // Копейский рабочий, 1965. 26 сент.

¹⁷ Архивный отдел Копейского городского округа. Ф. 69. Оп. 1. Д. 131. Л. 136.

¹⁸ Кислянский М. По следам истории // Копейский рабочий. 1967. 14 янв.; Николаева Т. На стыке эпох и событий // Там же. 1972. 8 янв.

¹⁹ Вебер С. Ю. Как формировался музейный фонд // Музейный вестник Копейского городского округа. 2017. № 10. С. 30–33.

²⁰ Архивный отдел Копейского городского округа. Ф. 69. Оп. 5. Д. 125. Л. 210–212; Копейский рабочий. 1966. 19 янв.

²¹ Кислянский М. Указ. соч.

²² Архивный отдел Копейского городского округа. Ф. 69. Оп. 5. Д. 112. Д. 128. Л. 442.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 131. Л. 136.

²⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 37. Д. 542. Л. 4–5, 13, 18.

²⁵ КМ КГО. ВХ 42/2-2026.

²⁶ Кислянский М. Указ. соч.

²⁷ Архивный отдел Копейского городского округа. Ф. 69. Оп. 5. Д. 128. Л. 442–444.

²⁸ Кувшиникова В. Ю. Из истории музея // Музейный вестник Копейского городского округа. 2017. № 10. С. 27.

Д. А. Васьков

Локомотивы-памятники в городах Челябинской области

Установка локомотивов-памятников является одним из самых распространенных способов сохранения железнодорожных реликвий. В отличие от экспонатов железнодорожных музеев, дающих наглядное представление об эволюции железнодорожного транспорта, такого рода памятники представляют собой натурные образцы паровозов, тепловозов и электровозов, имеющих «техническую и историческую ценность, установленные в памятных местах, депо, на вокзальных площадях и т. п.»¹. Локомотив-памятник всегда ставят отдельно, как правило, на постаменте.

Обычно он имеет поясняющую табличку, в честь кого или чего он был установлен. Нередко памятник стараются гармонично вписать в окружающий архитектурный ландшафт, что, правда, не всегда хорошо получается.

Самым первым локомотивом-памятником в стране стал пассажирский паровоз У127, который в 1937 г. вместе с багажным вагоном № 1691 был установлен в одном из тупиков ст. Москва-Павелецкая-Пассажирская². Именно этот паровоз 23 января 1924 г. привел в Москву траурный поезд с телом В. И. Ленина. В 1948 г. для памятно-

го паровоза на Павелецком вокзале был построен специальный павильон. Любопытно, что все первые локомотивы-памятники в стране в той или иной степени связаны с Лениным. Так, товарный паровоз О^В-7024 в апреле 1959 г. был установлен на ст. Москва-Сортировочная в честь 40-летия первого коммунистического субботника, который, как известно, был организован по инициативе вождя мирового пролетариата³. А О^В-7024 — именно тот паровоз, который в ходе этого субботника был отремонтирован. В апреле 1961 г. в специальном застекленном павильоне на Финляндском вокзале Ленинграда был установлен паровоз финских железных дорог Н2-293⁴. Это настоящий «ленинский» паровоз, поскольку именно в его будке Ленин в августе 1917 г. уехал из революционного Петрограда в Финляндию, а в октябре на нем же вернулся обратно, чтобы руководить вооруженным восстанием.

В 1950–1970-х гг. локомотивы-памятники в стране появлялись не так часто. Связано это с тем, что в указанный период на постамент стремились поставить конкретную заслуженную машину, непосредственно связанную с тем или иным выдающимся деятелем или каким-то значимым событием. По данным А. С. Никольского, к 1978 г. во всем СССР было установлено немногим более 30 паровозов (в основном серий О и Э) и несколько электровозов⁵. Ситуация кардинально изменилась в 1980-х гг., когда паровозы перешли в разряд железнодорожной экзотики. Теперь на вечную стоянку могли поставить любой отслуживший свое локомотив, например, к юбилею какого-нибудь локомотивного депо. В связи с этим А. С. Никольский писал: «Процесс появления паровозов-памятников на территориях депо, станций, на площадях развивался интенсивно, и к 1987 г. их число составило 169»⁶. Менее чем за десять лет количество памятников увеличилось в пять раз!

Активная установка исторических локомотивов на постаменты продолжается и в наши дни. К настоящему времени, по нашей очень приблизительной оценке, на территории России находятся примерно 450 локомотивов-памятников. Трудность подсчета связана с тем, что в открытом доступе нет никакой централизованной статистики учета памятников. Также определенные трудности вызваны тем, что некоторые памятники снимают для перевода в музейную экспозицию или вообще восстанавливают до ходового состояния для вождения ретро-поездов.

Что касается локомотивов-памятников Уральского федерального округа (УрФО) и входящей в его состав Челябинской области, то для наглядности информация по ним сведена в таблицу. Как видно из нее, в УрФО сравнительно немного железнодорожных памятников относительно всей России — всего 40 из приблизительно 450. При этом область наряду со Свердловской явно лидирует по количеству памятников в сравнении с другими субъектами округа. И на то есть свои причины.

**Локомотивы-памятники
Уральского федерального округа
(по состоянию на июнь 2026 года)**

Субъект УрФО	Количество локомотивов-памятников
Курганская область	1
Свердловская область	17
Тюменская область	1
Челябинская область	13
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	5
Ямало-Ненецкий автономный округ	3
Всего	40

Самым первым локомотивом-памятником в области стал паровоз Е^С-350 «Коммунар», установленный в 1960 г. в Челябинске на территории Городского сада им. Пушкина у Дворца культуры железнодорожников⁷. Торжественное открытие состоялось 20 апреля и было приурочено к 90-летию со дня рождения Ленина. Паровоз был построен по заказу российского правительства в 1915 г. в США на заводе компании ALCO (American Locomotive Company) в г. Скенектади. В Гражданскую войну он пришел в негодность и был списан. В начале 1920 г. паровоз во внеграбачное время восстанавливали работники депо Челябинск-Главный, и в апреле того же года он привел в Москву эшелон с хлебом для голодающих. После этого локомотив трудился на разных железных дорогах страны. Последним местом приписки было предприятие «Дальвостокуголь» на Амурской железной дороге, где он был обнаружен челябинскими краеведами и по их инициативе возвращен в областной центр для установки на постамент.

Паровозы серии Е представляли собой российско-американский проект. Они были разработаны русскими инженерами, но строились на предприятиях США и Канады в 1915–1919 гг. по российскому заказу. Паровозы этого типа имели пять движущих осей и поэтому получили неофициальное прозвище «декапод» (то есть «десятиногий»). Производились они на трех заводах: в Филадельфии, Скенектади и канадском Кингстоне. В зависимости от места постройки локомотивам в России присвоили серии Е^Ф, Е^С и Е^К. Всего построили 1081 машину серии Е, из которых паровозов Е^С было 106⁸.

Паровоз-памятник Е^С-350 уникален во многих аспектах. Во-первых, это один из первых аналогичных памятников в СССР и самый первый, появившийся за Уралом. Сейчас Е^С-350 интересен во многом еще и как уникальная машина дореволюционной постройки (тем более что большая часть находящихся в стране локомотивов на постаментах относится к машинам послереволюционной и послевоенной постройки). Кроме того, он является, по всей видимости, единственным сохранившимся до наших

дней паровозом редкой серии Е^с. Постановлением губернатора Челябинской области П. И. Сумина от 12 января 1998 г. паровоз-памятник Е^с-350 «Коммунар» был признан объектом культурного наследия регионального значения (рег. № 741711242150005,14). К сожалению, внесение паровоза в реестр памятников мало сказывается на его внешнем виде. Фактически он является бесхозным и редко подвергается даже косметическому ремонту, о чем свидетельствует довольно плачевный внешний вид.

Следующим локомотивом-памятником в Челябинске стал электровоз ВЛ22^м-287, установленный в 1989 г. рядом с проходной Челябинского электровозоремонтного завода (ЭРЗ). Электровоз был построен в Новочеркасске в 1949 г. Вплоть до списания в конце 1980-х гг. локомотив в разное время трудился на Южно-Уральской, Октябрьской и Свердловской железных дорогах. В 1989 г. он был установлен на постамент у проходной Челябинского ЭРЗ как самый первый электровоз, отремонтированный на этом предприятии в марте 1957 г. для депо Златоуст. На самом деле реальный ВЛ22^м-287, по всей видимости, давно утилизирован, так как, судя по заводской табличке, на постаменте стоит ВЛ22^м-238. Инициаторы установки памятника сознательно пошли на эту подмену ради красивой истории, что у проходной завода стоит именно «тот самый», первый отремонтированный на нем локомотив.

Грузовой электровоз постоянного тока серии ВЛ22 («Владимир Ленин») был разработан в 1938 г. на московском заводе «Динамо» им. С. М. Кирова при участии Коломенского завода как дальнейшее развитие электровоза серии Сс. Всего их выпустили в количестве 37 единиц. В 1946 г. ВЛ22 модернизировали за счет установки более мощных тяговых электродвигателей. У усовершенствованного локомотива в названии добавилась литера «М». С 1947 г. их постройку освоил Новочеркасский электровозостроительный завод⁹. До окончания производства в 1958 г. выпустили 1541 машину этой серии. С середины 1980-х гг. в связи с выработкой ресурса ВЛ22^м массово исключались из парка и утилизировались. По причине многочисленности серии они не являются редкостью. Даже к началу 2020-х гг. около десятка таких электровозов продолжали эксплуатироваться в качестве вывозных локомотивов на промышленных предприятиях Челябинской области. На данный момент 11 экземпляров экспонируются в железнодорожных музеях, а еще 9 установлены в качестве памятников.

Третьим локомотивом-памятником в Челябинске стал промышленный танк-паровоз 9П-463, который в 2007 г. вместе с танком Т-54 (в 2021 г. Т-54 заменен на Т-34-76) был установлен на постамент перед Музеем железнодорожного транспорта ЮУЖД. Маневровый танк-паровоз серии 9П (9П означает «9-й проект») был разработан Локомотивпроектном НКТП в 1934–1935 гг. Этот небольшой локомотив был пред-

назначен для маневровой работы, обслуживания станционных депо и подъездных путей промышленных предприятий и рудников. До войны 9П серийно строились на Коломенском и Новочеркасском паровозостроительных заводах. После войны их выпуск возобновился на Муромском заводе. Всего в 1935–1957 гг. их построили, по разным данным, в количестве от 3188 до 3500 единиц¹⁰. Танк-паровоз 9П-463 был построен на Муромском заводе. Последним местом приписки было депо Троицк, где он работал на маневрах, по всей видимости, до середины 1990-х гг. В мае 2002 г. танк-паровоз 9П-463 стал памятником здесь же, в Троицке, в честь 90-летия местного локомотивного депо. В апреле 2007 г. 9П-463 передан «Центру исторического наследия ЮУЖД», где еще 9 мая 2005 г. открылся музей натурных образцов железнодорожной техники. Правда, танк-паровоз не занял место в основной экспозиции, а стал памятником перед входом в музей. Открытие памятника состоялось, по всей видимости, в мае 2007 г. Паровоз и стоящий рядом танк вместе образуют целую композицию. Надпись на постаменте гласит: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд».

Еще один локомотив серии 9П установлен как памятник на территории Магнитогорского металлургического комбината. К сожалению, информации о нем немного, и она противоречивая. По одним данным, 9П-50 был построен в 1947 г. на Муромском заводе. Но нельзя исключать, что он мог быть построен в 1938 г. на Новочеркасском заводе. Впоследствии работал на ММК. По мере выработки ресурса танк-паровозы на комбинате постепенно вытеснялись тепловозами; 9П-50 был здесь последним паровым локомотивом. Списан в 1973 г. и в августе того же года установлен на постамент как «последний паровоз ММК».

Когда на XX съезде КПСС было принято историческое решение о переводе железных дорог страны с паровой на более прогрессивные тепловозную и электровозную тяги, на смену промышленным танк-паровозам серии 9П пришли маневровые тепловозы серии ТГМ1 (то есть «тепловоз с гидропередачей Муромского завода, 1-й тип»). Этот локомотив был спроектирован в 1956 г. на Муромском тепловозостроительном заводе им. Ф. Э. Дзержинского и там же серийно производился до 1972 г. Всего было построено 3368 единиц ТГМ1. Эти в целом удачные тепловозы в основном предназначались для работы на путях промышленных предприятий, но также в небольшом количестве для маневровой работы на сети МПС¹¹.

Два тепловоза серии ТГМ1 стали памятниками в городах Челябинской области. К сожалению, в доступных источниках информации о них мало. ТГМ1-2596 был построен в 1968 г. и после трудился на Челябинском тракторном заводе. После списания заслуженный тепловоз-труженик стал памятником перед железнодорожным цехом ЧТЗ. Правда, точное время его установки пока

выяснить не удалось. Тепловоз ТГМ1-2742 также был построен в 1968 г. В дальнейшем локомотив числился в железнодорожном цехе завода № 817 (впоследствии ПО «Маяк») закрытого г. Озерска. Тепловоз в основном занимался перевозкой продукции с реакторного производства на радиохимическое. После был списан, отставлен в один из тупиков завода и на долгие годы забыт. В 2021 г. было принято решение отреставрировать исторический локомотив и поставить на вечную стоянку здесь же, на «родном» предприятии. В январе 2022 г. ТГМ1-2742 стал памятником на территории ПО «Маяк».

Сразу три локомотива-памятника находятся в Златоусте. Танк-паровоз 9П-272 установлен вместе с прицепленным к нему старинным двухосным товарным вагоном в районе Дворца культуры железнодорожников. Правда, памятник расположен далеко не на видном месте — во дворах, в жилищном массиве, поэтому найти его не так просто. По некоторым данным, которые пока не удалось документально подтвердить, паровоз был установлен еще в 1977 г., когда на ст. Златоуст на маневровой работе паровозы были заменены тепловозами. Танк-паровоз 9П-272 был здесь последним маневровым паровозом, топка которого навсегда была погашена в марте 1977 г. После этого локомотив занял место на постаменте.

Следующим локомотивом-памятником в Златоусте стал электровоз ВЛ19-61, построенный в 1936 г. на московском заводе «Динамо». Электровоз-памятник ВЛ19-61 был торжественно открыт 23 февраля 1981 г.¹² Этот день совпал с началом работы XXVI съезда КПСС, что по тем временам считалось немаловажным. Памятник расположился на видном месте в сквере у Дворца культуры железнодорожников, и поэтому стал одной из знаковых достопримечательностей города. Электровоз был установлен в честь открытия в ноябре 1945 г. на златоустовском участке ЮУЖД движения на электрической тяге. И именно ВЛ19-61 был здесь первым электровозом. Прикрепленная к нему памятная табличка гласит: «2 ноября 1945 г. со ст. Златоуст в Челябинск отправился первый поезд на электротяге под управлением машиниста Смирнова Н. И., сопровождал поезд машинист-инструктор Геросеев А. Е». В конце 1970-х гг. локомотив был найден в одном из московских депо, где он выполнял маневровую работу.

Электровоз серии ВЛ19 является первым отечественным серийным грузопассажирским электровозом постоянного тока, который был полностью сконструирован в СССР¹³. За время производства в 1932–1938 гг. было выпущено 145 единиц. К настоящему времени сохранились только четыре экземпляра, три из которых являются памятниками, а один — музейным экспонатом. Самая первая машина серии ВЛ19-01 стоит на постаменте в г. Хашури (Грузия). Электровоз ВЛ19-35 с 1970-х гг. стоял памятником в электровозном депо Пермь-II, но в 2003 г. был пере-

веден в Екатеринбург, где стал числиться экспонатом местного музея железнодорожного транспорта; ВЛ19-40 установлен на постамент в депо Кандалакша (Мурманская область), а ВЛ19-61 оказался на вечной стоянке в Златоусте.

Наконец, третьим локомотивом на постаменте в Златоусте стал паровоз знаменитой серии Л. Серия получила обозначение в честь выдающегося конструктора Л. С. Лебедянского, поэтому железнодорожники назвали этот удачный локомотив «Лебедянкой». Паровоз серии Л был спроектирован в конце войны и серийно строился в 1947–1956 гг. Всего на трех заводах — Коломенском, Брянском и Ворошиловградском (Луганском) — произвели 4199 единиц. Это последний массовый отечественный грузовой паровоз, который активно эксплуатировался до середины 1980-х гг.¹⁴ Значительная их часть сохранилась до наших дней, поэтому неудивительно, что своя «Лебедянка» имеется в любом железнодорожном музее страны, где экспонируются натурные образцы. Также немалое их количество стоит на постаментах. По нашим подсчетам, только на территории РФ более 140 паровозов-памятников представлены именно серией Л. Паровоз Л-3028 был построен на Ворошиловградском заводе им. Октябрьской революции в 1953 г. Трудился на ЮУЖД, после хранился на базе запаса Муслумово. Установлен, по всей видимости, не ранее 2014 г. (точную дату пока определить не удалось). Памятник расположен довольно необычно — не на постаменте, а в тупике среди действующих станционных путей депо Златоуст. Паровоз-памятник Л-3028 хорошо виден из окон вагонов прибывающих на станцию поездов, поэтому на нем прикреплена приветственная надпись «Добро пожаловать в Златоуст!».

Сразу четыре паровоза-памятника в Челябинской области относятся к знаменитой серии Э. Паровозы Э всех модификаций являются самой многочисленной в мире серией локомотивов за всю историю железных дорог. По данным Л. Л. Макарова, за 46 лет производства их было выпущено свыше 11 тыс. единиц. В Челябинской области серия Э представлена тремя разновидностями — Э^у, Э^м и Э^р. Грузовой паровоз серии Э^у (то есть «Э усиленный») представлял собой первое осуществленное советскими инженерами усовершенствование разработанного прямо перед Первой мировой войной паровоза серии Э¹⁵. Локомотивы серии Э^у строились на Коломенском, Сормовском, Ворошиловградском, Харьковском и Брянском заводах. Всего в 1926–1931 гг. их выпустили 2250 единиц. В дальнейшем вместо серии Э^у на тех же заводах, кроме Коломенского, стали производить паровозы серии Э^м («Э модернизированный»)¹⁶. Всего в 1931–1937 гг. было построено 2812 машин этой серии. Паровозы Э^р («Э реконструированный») были разработаны в 1943 г. на Коломенском заводе и стали последней массовой модификацией серии. Производились они уже после войны и не в СССР, а по советскому заказу на предприятиях

Румынии, Венгрии, Польши и Чехословакии. При этом Румыния и Венгрия строили паровозы в счет репараций. Всего за 1946–1957 гг. было построено 2920 машин этой серии¹⁷.

Благодаря многочисленности паровозов Э довольно большое их количество сохранилось в качестве памятников и музейных экспонатов. По подсчетам Л. А. Макарова, к 2018 г. паровозов-памятников и экспонатов на пространстве бывшего СССР, относящихся к этой знаменитой серии, насчитывалось около 265¹⁸.

Паровоз Э^у684-58 в 1979 г. был установлен на пьедестал в Магнитогорске в честь 50-летнего юбилея города¹⁹. Паровоз был построен на Коломенском заводе в 1929 г. Первым местом приписки стало депо Уфа. Потом он был переведен на Западно-Сибирскую железную дорогу, где сначала числился в депо Омск, затем в депо Барабинск, после чего вернулся на ЮУЖД²⁰. Этот локомотив связан с Магнитогорском самым непосредственным образом: он 30 июня 1929 г. привел на станцию Магнитоострой один из первых поездов со строителями. Именно от этой даты принято отсчитывать историю Магнитогорска. Впоследствии легендарный паровоз был найден в депо Троицк, отреставрирован и возвращен в Магнитогорск для установки на вечную стоянку. Неудивительно, что памятник стал одним из символов и визитной карточкой города. В 1985 г. решением Челябинского облисполкома Э^у684-58 был признан объектом культурного наследия регионального значения (рег. № 741610675920005,396).

Другой паровоз этой же серии стал памятником в г. Карталы в 1987 г. Паровоз Э^у-712-42 был построен на заводе «Красное Сормово» в апреле 1931 г. Изначально он был приписан к депо Алма-Ата на Туркестано-Сибирской железной дороге. Позже переведен в депо Барабинск. В конце 930-х гг. передан на Куйбышевскую железную дорогу: сначала в депо Рузаевка, потом в депо Инза. В годы войны Э^у-712-42 входил в состав ОРКП-21 — так обозначались «Колонны паровозов особого резерва» НКПС, которые представляли собой специальные соединения паровозов для надежного обеспечения военных перевозок. После войны был передан на ЮУЖД, где и трудился до списания в 1988 г.²¹ Локомотив поставлен на постамент в г. Карталы у так называемого «Дома регионов» — административного здания бывшего управления Карталинского отделения ЮУЖД.

Паровоз Э^м732-60 был построен в 1934 г. на Харьковском паровозостроительном заводе им. Коминтерна. С середины 1930-х гг. и до списания в 1991 г. работал на ЮУЖД. Изначально локомотив был приписан к депо Челябинск, потом числился в депо Верхний Уфалей, затем — в депо Курган, а позже снова «прописался» в Челябинске. Установлен на постамент 13 сентября 1996 г. в г. Верхний Уфалей в честь столетнего юбилея местного локомотивного депо²².

Наконец, паровоз-памятник Э^р787-72 был поставлен в пос. Межозерном в 2015 г. Это един-

ственный в области локомотив-памятник, находящийся не в городском поселении. Паровоз был построен в 1952 г. в польской Познани. Изначально в разное время числился в многочисленных московских депо, потом работал в Калуге, позже числился в депо Фаянсовая. В середине 1980-х гг. передан на ЮУЖД в депо Орск. По состоянию на 2011 г. числился в депо Троицк²³. Тогда же паровоз было решено восстановить для вечной стоянки. К июню 2015 г. Э^р787-72 находился на территории Учалинского горно-обогатительного комбината, где и началась его реставрация. Установлен на пьедестал в Межозерном 10 сентября 2015 г. сразу в честь 70-летия Победы и 50-летия железной дороги Учалы — Межозерный.

Представляется целесообразным информацию о челябинских локомотивах-памятниках разместить в хронологическом порядке в форме таблицы.

Локомотивы-памятники Челябинской области

Место установки	Локомотив	Год установки
Челябинск	Е ^с -350 «Коммунар»	1960
Магнитогорск	9П-50	1973
Златоуст	9П-272	1977 (?)
Магнитогорск	Э ^у 684-58	1979
Златоуст	ВЛ19-61	1981
Карталы	Э ^у -712-42	1987
Челябинск	ВЛ22 ^м -287	1989
Верхний Уфалей	Э ^м 732-60	1996
Троицк, потом Челябинск	9П-463	2002 / 2007
Златоуст	Л-3028	2014
Межозерный	Э ^р 787-72	2015
Челябинск	ТГМ1-2596	?
Озерск	ТГМ1-2742	2022

Подводя итог, можно констатировать, что Челябинская область, наряду со Свердловской, лидирует в УрФО по количеству локомотивов на постаментах. И это неслучайно, поскольку оба субъекта являются самыми развитыми в промышленном отношении. Яркое выражение индустриальная специфика в том числе выражается в немалом количестве стоящих на постаментах танк-паровозов серии 9П и тепловозов серии ТГМ1 — локомотивов, которые изначально предназначались для работы в промышленности.

Важной особенностью локомотивов-памятников области является то, что сразу два из них (и единственные во всем УрФО) — Е^с-350 «Коммунар» и Э^у684-58 — включены в региональный реестр объектов историко-культурного наследия. Для сравнения: в соседней Свердловской области ни один из 17 памятников в реестре не числится.

Также можно отметить, что среди челябинских памятников имеются по-настоящему уникальные экземпляры железнодорожной техники.

Напомним, что паровоз Е^с-350 в Челябинске, по всей видимости, единственный сохранившийся из этой серии, а златоустовский электровоз-памятник — один из четырех уцелевших электровозов ВЛ19. При этом вполне предсказуемо, что четыре паровоза-памятника относятся к распространенной серии Э. Однако некоторое удивление вызывает тот факт, что из 13 памятников в области только один представляет не менее распространенную серию Л (для сравнения: в Свердловской области на постаментах стоят сразу шесть «Лебедянок», а особенно их много на Западно-Сибирской железной дороге). Тем не менее все это ни в коем случае не отменяет факта, что находящиеся в городах Челябинской области локомотивы-памятники являются значимыми объектами историко-культурного наследия, отражающими страницы славной истории индустриального развития региона и трудовых подвигов уральцев.

Примечания

- ¹ Паровозы-памятники // Железнодорожный транспорт : энциклопедия / гл. ред. Н. С. Конарев. М., 1994. С. 291.
- ² См.: Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. С. 238 ; Бернштейн А. С. Паровозы серии У. М., 2008. С. 45.
- ³ Курихин О. Великий почин // Моделист-конструктор. 1979. № 4. С. 9–10.
- ⁴ См.: Куций Г. С. Паровоз № 293. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1972. С. 60–73 ; Курихин О. Исторический 293-й // Моделист-конструктор. 1977. № 10. С. 17–21.
- ⁵ Никольский А. Живая история стальных магистралей // Техника — молодежи. 1978. № 11. С. 18.
- ⁶ Никольский А. С. Баллада об С^У. М., 2013. С. 44.
- ⁷ Памятники истории Челябинской области : справочник. Челябинск, 1990. С. 39.

- ⁸ См.: Раков. В. А. Указ. соч. С. 192–197 ; Макаров Л. «Декаподы» // Техника — молодежи. 2005. № 10. С. 48–49.
- ⁹ См.: Курихин О. Имени Владимира Ленина // Техника — молодежи. 1980. № 10. С. 28–29 ; Раков В. А. Указ. соч. С. 414–420 ; Он же. Локомотивы отечественных железных дорог (1956–1975 гг.). М., 1999. С. 16–20.
- ¹⁰ См.: Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955 гг.). С. 516–517 ; Макаров Л. Танк-паровозы // Техника — молодежи. 2006. № 7. С. 48–49.
- ¹¹ См.: Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1956–1975 гг.). С. 350–353.
- ¹² Козлов А. Златоустовским железнодорожникам // Техника — молодежи. 1981. № 12. С. 59.
- ¹³ См.: Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955 гг.). С. 402–412 ; Курихин О. Первый магистральный // Техника — молодежи. 1980. № 4. С. 14–15 ; Жевак С. Локомотивы без пара и дыма. Первый отечественный электровоз ВЛ19 // Моделист-конструктор. 2010. № 6. С. 34–40.
- ¹⁴ См.: Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955 гг.). С. 305–309 ; Макаров Л. «Лебедянка» // Техника — молодежи. 2006. № 9. С. 48–49.
- ¹⁵ См.: Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955 гг.). С. 258–260 ; Макаров Л. А. Серия Э. Паровоз и эпоха. Тула, 2019. Т. 1. С. 147–193 ; Он же. Усиленные, модернизированные, реконструированные // Техника — молодежи. 2006. № 4. С. 48–49.
- ¹⁶ См.: Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955 гг.). С. 260–263 ; Макаров Л. А. Серия Э ... Т. 1. С. 197–251.
- ¹⁷ См.: Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955 гг.). С. 302 ; Макаров Л. А. Серия Э ... Т. 1. С. 357–383 ; Он же. «Эрка» // Техника — молодежи. 2006. № 10. С. 14–15.
- ¹⁸ Макаров Л. А. Серия Э ... Т. 1. С. 12, 15, 407, 421.
- ¹⁹ Памятники истории Челябинской области ... С. 93 ; Лоскутов В. Гудок из тридцатых... // Техника — молодежи. 1982. № 7. С. 57.
- ²⁰ Макаров Л. А. Серия Э ... Т. 2: Приложения. С. 106.
- ²¹ Там же. Т. 2. С. 166.
- ²² Там же. С. 236.
- ²³ Там же. С. 308.

И. В. Сибиряков

Медиаобраз Челябинска глазами челябинских студентов: некоторые особенности восприятия прошлого, настоящего и будущего города¹

Понятие «медиаобраз» появилось в научном дискурсе относительно недавно. Его возникновение связывают с бурным развитием телевидения, новой визуальной культуры, теорий массовых коммуникаций. В 1970–1980-е гг. изучение медиаобразов происходило в рамках так называемых культурных исследований Бирмингемской школы (в первую очередь в рамках теории кодирования / декодирования С. Холла и его сторонников²) и школы Р. Барта. В 1990-е гг. в условиях стремительного развития цифровых технологий и виртуальных коммуникаций термин «медиаобраз» вышел за пределы научного сообщества и стал активно использоваться журналистами, блогерами, представителями различных творческих профессий.

Сегодня существуют десятки вариантов определения понятия «медиаобраз»³, в рамках которых очень условно можно выделить несколько базовых конструкций, позволяющих относительно точно описать это явление. Многие исследова-

тели полагают, что первой и наиболее важной сущностной характеристикой медиаобраза является его символическая природа. Он представляет собой совокупность различных символов разных культур, разных эпох, которые выстраиваются в сложную конструкцию, создаваемую современными медиа (в первую очередь социальными сетями). Медиаобраз не просто отражает реальность, а конструирует ее, используя систему культурно-исторических кодов, действующих не только на рациональном уровне. При этом медиаобраз может активно влиять на процессы восприятия этой новой реальности. Он очень подвижен и способен к существенным многоуровневым трансформациям, позволяющим сохранять его сущностные элементы даже в условиях мощных внешних воздействий. Одним из самых эффективных способов «выживания» медиаобразов в современном информационном пространстве является его способность приспосабливаться к вкусам и настроениям социально значимых групп потребителей. Неслу-

чайно соотношение текстовых и визуальных элементов в медиаобразах за последние годы неоднократно и существенно изменялось, отражая изменения, происходящие в молодежной среде, которая является основным потребителем медиаобразов.

Одним из самых удачных определений понятия «медиаобраз», на наш взгляд, является вариант, предложенный Е. Г. Малышевой и Ю. Е. Русаковой:

Медиаобраз — это динамичная модель того или иного объекта / явления действительности, конструируемая медиа, обладающая набором дифференциальных признаков, таких как стереотипность, утрированность, кратковременность, двойственность, эмоциональность и медиадискурсивная детерминированность⁴.

В сложном соотношении традиционных образов, создаваемых на протяжении многих лет традиционными средствами массовой информации для традиционных (теперь уже, как правило, старших) групп населения, и медиаобразов, рожденных в условиях стремительной цифровизации информационного пространства, получивших мощную технологическую составляющую и наиболее широкое распространение в молодежной среде, складывается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация, когда, с одной стороны, разные поколения потребителей информационного контента привыкают по-разному воспринимать разные системы образов, каждая из которых наиболее полно выражает интересы потребителей (по мнению самих потребителей), а с другой стороны, эти системы находятся в постоянном взаимодействии и взаимно влияют друг на друга, создавая либо пространство поиска компромисса и дальнейшего развития, либо пространство агрессивного неприятия и противостояния. При этом каждая из сторон, участвующих в этом процессе, на разных его этапах может проявлять различную (по форме и интенсивности) активность.

Наиболее талантливые создатели образов и медиаобразов в самых разных странах мира уже давно обратили на это внимание. В последнее время интерес к механизмам взаимодействия образов и медиаобразов в информационном пространстве стали активно проявлять и в России⁵. На сегодняшнем уровне развития средств массовой информации положительный медиаобраз в глазах различных групп населения — это обязательное условие успешного политического, социального, экономического развития страны, региона, города. Неслучайно в начале XXI в. в целом ряде регионов страны началось изучение механизмов формирования их положительного медиаобраза⁶. И уже первые исследования показали, что важнейшим элементом такого образа является положительный медиаобраз самого крупного города региона, его условной «столицы».

В отношении Южного Урала таким городом, безусловно, является Челябинск. Исследование,

проведенное в Южно-Уральском государственном университете со студентами первого курса социально-гуманитарных специальностей (в нем приняли участие 50 человек), имело пилотный характер и ставило своей главной задачей выявление тех системообразующих конструкций медиаобраза Челябинска, которые наиболее эффективно «работают» в студенческой аудитории; обнаружение тех, источников информации в медиапространстве, которые используются студентами для формирования собственных представлений о городе; анализ тех явлений, событий и процессов, которые разрушают позитивный образ города в современном медиапространстве.

Полученные в ходе исследования данные позволяют к числу системообразующих конструкций, используемых при формировании современного позитивного медиаобраза города Челябинск отнести:

1. Фрагменты информации, что остаются в культурной памяти молодых людей после изучения курсов истории в школе или вузе. Эти фрагменты связывают современный Челябинск с событиями XX, XIX и XVIII вв. Благодаря школьным учителям и преподавателям вузов многие студенты владеют информацией об истории строительства крепости Челябинск, роли города в достижении победы СССР в Великой Отечественной войне, значении Челябинска для экономического, социального, культурного развития страны в XX–XXI вв. Практически все студенты, которые участвовали в проекте, признавали фрагментарность своих исторических знаний о городе. Очень немногие смогли предложить хотя бы одну версию происхождения его названия, назвать фамилии государственных чиновников и общественных деятелей, сыгравших в его истории заметную роль, привести какие-то статистические показатели его развития. Безусловно, такая ситуация сложилась в силу целого ряда причин, часть из которых «лежит на поверхности» (недостаточное количество учебных часов, которые до недавнего времени выделялись в школах и вузах для изучения краеведческих сюжетов), часть требует глубокой научной проработки (например, вопрос о взаимодействии информации, которая содержится в учебной литературе, с информацией, которую молодые люди могут получить в социальных медиа). Но в любом случае информация, полученная в рамках учебного процесса, формирует фактологический фундамент рационального (пусть часто «стереотипного» и «эмоционального») восприятия многих явлений и событий, так или иначе связанных с городом Челябинском, что фиксируются современными медиа.

2. Представления об основных достижениях и проблемах в жизни города, которые чаще всего строятся у студентов на основе собственного жизненного опыта и семейных традиций. Показательно, что семья, как важный источник получения информации об истории Челябинска, присутствует в ответах даже тех студентов, которые

родились и выросли вне Челябинска, а собственный опыт визуального восприятия наиболее знаковых символических объектов города (пусть он даже носит утрированный характер) признается студентами не менее важным источником информации о Челябинске, чем контент традиционных медиа.

3. Знания о Челябинске, полученные через традиционные учреждения культуры, такие как кинотеатры или музеи, оказались на последнем месте у основной массы студентов, принявших участие в проекте. Это еще раз подтверждает тенденцию, отмеченную целым рядом исследователей, — ослабление роли традиционных институтов культуры в формировании культурной памяти новых поколений молодежи⁷. Примечательно, что многие студенты не отрицали роль таких учреждений в сохранении культурного наследия прошлого, но подчеркивали важность обновления методов работы учреждений культуры с молодежью.

4. Социальные сети, что сегодня являются важнейшим элементом нового информационного пространства, большинство студентов, которые участвовали в проекте, назвали основным инструментом формирования нового медиаобраза Челябинска за последние годы. Среди тех, чьи публикации, так или иначе связанные с Челябинском, привлекли наибольшее внимание, участники проекта часто называли «музыкантов, IT-специалистов, блогеров-урбанистов». При этом было подчеркнуто, что изменения, происходящие в социальных сетях, за последние годы заметно уменьшили реальные возможности этого инструмента по созданию целостного виртуального медиаобраза Челябинска.

5. Информационные ресурсы русскоязычного сегмента Интернета в большинстве своем носят образовательный и энциклопедический характер. Значительная часть участников проекта отмечала, что крайне редко проявляли самостоятельность и инициативу в поисках информации о Челябинске в сети Интернет, почти не использовали ресурсы, созданные государственными и образовательными учреждениями, плохо информированы о содержании и возможностях использования видеоплатформ (таких как Rutube).

Примечательно, что традиционные средства массовой информации (в первую очередь региональные: телевидение и радио, печатные и даже онлайн-издания) крайне редко упоминались студентами в качестве источника информации о Челябинске.

Среди ключевых элементов современного медиаобраза Челябинска студенты называли: во-первых, промышленный характер экономики города, который визуально по-прежнему выражается в большом количестве труб промышленных предприятий и ТЭЦ, в изображениях корпусов еще советских промышленных гигантов, в визуальных примерах загрязнения окружающей среды отходами производств. При этом часть студентов отметила, что в социальных медиа уже присутствует

и альтернативный визуальный образ челябинских промышленных предприятий, не загрязняющих атмосферу и представляющих так называемую «белую металлургию». Наиболее часто встречающимся визуальным образом такой новой промышленности стали фотографии цеха «Высота 239» (но при этом у группы «Высота 239» в сети ВКонтакте на 2 июня 2026 г. было всего 64 подписчика)⁸. Некоторые студенты заметили, что в электронных версиях традиционных средств массовой информации, которыми они пользовались, Челябинск часто позиционируется как «центр современного производства и инновационных технологий»⁹, город, где успешно реализуются такие масштабные экологические программы, как «Чистый воздух». Именно «сочетание промышленной силы и экологических вызовов становится сегодня главной особенностью медиаобраза Челябинска», по признанию многих студентов,

Во-вторых, важным элементом визуального образа Челябинска часть студентов назвала исторические памятники, выделив из них памятники, связанные с военными действиями в целом, и Великой Отечественной войной в частности. Очевидными «лидерами» в плане участия в формировании визуального образа Челябинска в социальных медиа, по мнению студентов, стали «Памятник добровольцам-танкистам» и мемориал на Комсомольской площади. Но и в этом случае студенты зафиксировали постепенное формирование альтернативных визуальных образов Челябинска, начиная со «Сферы любви» до недавно открытой набережной р. Миасс.

В-третьих, некоторые студенты отметили, что важным компонентом нового медиаобраза Челябинска могут стать изображения новых спортивных объектов, как уже возведенных, таких как спортивная арена «Трактор» (неслучайно на ее страничку в социальной сети ВКонтакте подписалось более 1400 человек)¹⁰, так и находящихся еще на стадии строительства (например, «РМК — Арена»).

В-четвертых, из учреждений культуры, которые являются важным элементом медиаобраза Челябинска, студенты выделили здания Государственного исторического музея Южного Урала и Челябинского театра оперы и балета им. М. И. Глинки. Из зданий высших учебных заведений в качестве визуального символа Челябинска чаще других упоминались здание главного корпуса ЮУрГУ и здание главного корпуса ЮУрГПУ.

Бинарная конструкция многих визуальных символов медиаобраза Челябинска, которую удалось зафиксировать в ходе опроса студентов, на наш взгляд, является неслучайной и дает основания для первых предварительных выводов. Медиаобраз Челябинска — это очень динамичная конструкция, создание которой и изменения внутри которой теснейшим образом связаны с процессами, происходящими в городе в частности и в регионе в целом. В основе существующего сейчас в представлениях студенческой

молодежи медиаобраза Челябинска сочетаются как исторические сюжеты, стереотипы и традиционные образы, так и новые, отражающие серьезные изменения в культурной, спортивной, научной жизни города. Важно отметить, что часть оценок и суждений, сделанных студентами, позволяют предположить, что они (в основной массе) хотели бы видеть Челябинск будущего красивым, удобным для жизни, чистым. Учитывая политическую ситуацию, сложившуюся в стране, большинство студентов отказалось от конкретизации своих источников информации о Челябинске, ограничившись упоминанием социальной сети ВКонтакте, а среди факторов, препятствующих формированию устойчивого позитивного медиаобраза Челябинска в студенческой среде, назвали экологические проблемы, высокий уровень криминализации отдельных районов города и сфер жизни, социальное равнодушие со стороны многих жителей. Как справедливо отметил один из участников проекта, медиаобраз Челябинска сегодня «балансирует между тремя силами: инерционным героическим прошлым, реальными социально-экономическими проблемами и попытками конструировать новый привлекательный имидж».

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 26-18-20066 «Медиа-

образ промышленного региона в СМИ, социальных медиа и его воздействие на молодежную аудиторию: нейромаркетинговые исследования» (<https://rscf.ru/project/26-18-20066/>).
² Холл С. Культурные исследования: две парадигмы. URL: https://www.intelros.ru/pdf/logos/2012_1/5.pdf (дата обращения: 02.06.2026) и др.

³ Драчева Ю. Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2 (89). С. 134–146.

⁴ Малышева Е. Г., Русакова Ю. Е. Образ, медиаобраз, медиаобраз региона vs имидж, медиаимидж, имидж региона: понятийно-терминологический аппарат современных российских исследований // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 2 (54). С. 88.

⁵ Дзялошинский И. М. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиапространстве России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. С. 6 и др.

⁶ Муравьева Ю. Е. Медиаобраз промышленного города в социальных сетях (на примере Череповца) // Череповецкие научные чтения — 2017. Череповец, 2018. С. 88–90 ; Кондратьева О. Н. Стереотипный медиаобраз сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века) // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipnyy-mediaobraz-sibirskogo-regiona-po-materialam-rossiyskikh-smi-xxi-veka> (дата обращения: 02.06.2026) и др.

⁷ Макарова Н. П., Глебова С. В. Культура памяти в цифровую эпоху: «герой эпохи», архив и канон // Дискурсы этики. 2024. № 2 (22). С. 35–54 и др.

⁸ URL: <https://vk.com/club48607764> (дата обращения: 02.06.2026).

⁹ Роботы, стекло и машины: названы уникальные южноуральские производства // Московский комсомолец — Челябинск. 2024. 27 дек. URL: <https://chel.mk.ru/economics/2024/12/27/roboty-steklo-imashiny-nazvany-unikalnye-yuzhnouralskie-proizvodstva.html> (дата обращения: 11.05.2026).

¹⁰ URL: <https://vk.com/latraktor> (дата обращения: 04.06.2026).

Е. Г. Прилукова, П. С. Рагозин

Музеефикация пространства, или Преодоление отчуждения в большом городе

Осмысление феномена города в социально-философской рефлексии — попытка ответить на вопрос о сущности города, который, с одной стороны, создается человеком, в том числе и как знаково-символический конструкт его деятельности, с другой — сам способен конструировать человека, организуя его мир¹. В городе настоящего времени изменяются не только очертания его архитектурного пространства, но и темпоральность. Социокультурный ландшафт города становится динамически сложным и полимодальным, поскольку он «сталкивает в одном и том же пространстве различные эпохи, открывая взору отстоявшуюся историю вкусов и культурных форм...»².

Городская жизнедеятельность многоаспектна в своем непрерывном транзите, что позволяет описывать ее как взаимодействие различных сетей, «образ которых проявляется не только в воспроизводимом аэрофотосъемкой рисунке городских улиц и проспектов, но и набором иных траекторий нефизического свойства. Сеть различных, пересекающихся между собой, городских практик сформирована множеством способов социального взаимодействия, экономическими и культурными трансформациями, специфиче-

скими соединениями повседневных действий, обусловленными реально существующими и виртуальными стратегиями освоения современного городского пространства»³. Следовательно, город — территория различных смыслов, доминирующими среди которых выступают скорость, динамизм пространства, движение, свобода перемещения, новации, упрощенность, публичность и видимость. Жители современного полиса менее разговорчивы и немногословны, их контакты краткосрочны, а взаимодействия фрагментарны, смыслы фабрикуются ситуативно «коммуникативной машиной»⁴. Улицы, кафе и рестораны, магазины и торговые центры, машины и общественный транспорт представляют собой «пространство взглядов», а не разговоров⁵. Вместе с тем каждый город имеет свою специфику и уникальные черты, сохранение которых как «память о прошлом» становится ценным ресурсом развития.

Крупные города обладают притягательной силой более динамичного и высокотехнологичного мира организации жизнедеятельности поселения, предоставляющего безграничные возможности для реализации перспектив человека. На рубеже XX–XXI вв. одна из стратегий разви-

тия социума — магнетизм «умного города» (smart city) как формы территории, основанной на формировании совместного будущего. Рождаются новые урбанистические концепции и практики, синтезирующие интеллектуальный капитал в рамках междисциплинарности, способствуя поиску решений развития городской среды и новых инструментов реализации городской политики со-обществом. Амбивалентность города «предлагает» основания как для преодоления отчуждения человека, так и для его развития.

Тема отчуждения далеко не новая в рамках социально-философского дискурса и уходит своими корнями в глубь веков (Платон, Т. Гоббс, Г. Гегель, К. Маркс, Г. Зиммель и др.)⁶. Являясь «не более чем зеркальным отражением общества»⁷, отчуждение сопровождает человека повсюду. Рассматриваемое исследователями в различной оптике, тем не менее, оно неизбежно характеризует устремленность движения человека от своей субъектности к объектности, когда результат деятельности способен обрести господство над своим создателем. Яркий пример тому — общество культа тотального потребления, выступающего в двух ипостасях — жизненно необходимого и искусственно навязанного при преобладании второго. Человек утрачивает себя, становясь обезличенным и потерянным, а «компетентность и знание дела подвергаются опале в качестве ничем не оправданного самомнения»⁸.

Одним из проявлений отчуждения в современном мегаполисе становится забвение, чему немало способствовали вестернизация общества и «культура отмены» (cancel culture)⁹ в мире использования информационных техники и технологий новыми медиа. Ни для кого не секрет, что современный мир утопает в лавинообразных потоках информации с экранов, репрезентированной многослойными текстами креолизованного языка, где доминирует визуальная зрелищность. В силу чего пространство городской среды кардинально изменяется, становясь эмоционально-образным. Однако вряд ли можно избежать отчуждения, и человеку нужно научиться понимать его природу, формы проявления, делая осознанный и ответственный выбор, оставаясь субъектом деятельности, поведения и мысли (Р. Декарт, И. Кант, Д. Деннет, К. Ясперс, С. Л. Рубинштейн, Э. В. Ильенков, В. А. Лекторский, К. Э. Галанина и др.). Наступившая эпоха медиатизации хронотопа, предзаданная всеохватным господством диктата рынка и технико-технологических «проникновений» во все сферы социального бытия, усилила отчуждение и «предложила» его новые формы¹⁰, одна из которых предстает в виде отказа от исторической памяти. Поэтому обращение к памяти, по нашему мнению, это путь преодоления отчуждения, позволяющий решить, «каким образом современного неокочевника с транзитивной идентичностью вовлечь в свою историю и быть открытым и готовым к взаимодействию и обмену с иными культурами»¹¹, которые постав-ляет динамичный социокультурный контекст.

В наши дни получает развитие музеефикация городского пространства и его среды, проявляющаяся не в строительстве новых музеев и организации походов в них, а в придании месту пространства полиса статуса музея и визуализации его репрезентации. Понятие репрезентации описывает представление мира, как реального, так и вымышленного, в сознании человека. Сознание современного человека заполнено визуальными образами экрана, которые между собой тесно переплетаются, порождая новые. Зачастую экранные образы берут на себя главенствующую роль, и человек переносит их смыслы в актуальную (физическую) реальность, поскольку они выглядят убедительно и находятся в сфере увиденного собственным глазом («я это вижу, значит, это есть»). Так формируется гибридная реальность, и человек оказывается бытийствующим в ней: он осуществляет свою деятельность в двух далеко непараллельных реальностях — актуальной и виртуальной. В образах исчезают значение и его репрезентация — знак и значение в образе медиа меняются местами: знак превращается в значение, значение — в знак. Как следствие, сознание становится многомерным. Тем не менее без визуализации сегодня невозможно представить мир настоящего времени. Не является в этом плане исключением и городское пространство. Визуализация города — форма репрезентации его содержания. Городское пространство богато своей визуальной информацией: вид зданий и сооружений, всевозможные знаки и указатели, рекламные щиты и экраны, граффити, оформление улиц и публичных пространств и т. д. Понять порой эти визуальные сюжеты становится невозможным, так как поток информации оказывается больше, чем может осознанно воспринимать мозг человека.

Поэтому урбанистика, основываясь на данных учета вовлеченности города в мировую экономику, политику и культуру, а также на степени его влияния на эти сферы, предлагает сгруппировать города по трем категориям: обычные (ordinary cities), мировые (world cities) и глобальные (global cities)¹². Согласно этой классификации, Челябинск входит в первую группу. Более того, образ жизни и облик его формировались, подчиняясь логике развертывания промышленной революции и ритмам индустриальной цивилизации, в недрах которой создавались благоприятные условия для отчуждения человека городского (Homo Urbanus¹³). Справедливости ради следует заметить, что именно городское поселение прокладывало путь индустриальной эпохе¹⁴. На территории города создавалась «вторая» природа как искусственная среда бытия людей, определяющая жизнь обществ, сообществ и цивилизаций индустриализма. Кроме того, Челябинск не вписывается в классическую схему организации городского пространства (центр, частное пространство и промышленный сектор¹⁵), потому что сектор индустрии оказался в центре города (Челябинский электрометаллур-

гический комбинат, Челябинский цинковый завод, Челябинский тракторный завод — Урал-Трак, Промышленная группа «КОНАР», Челябинский трубопрокатный завод, Челябинский кузнечно-прессовый завод, Челябинский металлургический комбинат и др.). Начиная с конца прошлого столетия часть индустриального парка отдается под торгово-развлекательные центры или элитные кварталы. Так, на месте завода «Калибр» расположился одноименный торговый комплекс (Центральный район), место завода «Строммашина» занял торгово-развлекательный комплекс «Горки» (Тракторозаводский район), кожевенный завод сначала был отдан на откуп гипермаркету хозяйственных товаров «Хоум Центр», деятельность которого была приостановлена и напоминает о себе лишь пустующим зданием (Калининский район), Челябинский текстильный комбинат ныне — торгово-развлекательный комплекс «Фиеста» (Курчатовский район), а территория радиозавода «Полет» стала территорией элитного жилого комплекса «Лесопарковый» (Центральный район) и т. п. Однако богатое промышленное наследие города даже в условиях наступающего информационного общества можно сохранить, музеефицировав промышленные здания в комплексе с сохранившимся техническим оборудованием.

Важно обратить внимание, что музеефикация городского пространства — это не просто работа с конкретной территорией и ее обустройство, это работа с жизнедеятельностью общества и человека, бытийствующих на этой территории, их целями и ценностями, социальной и исторической памятью, городской идентичностью, закрепленных пространством городской среды¹⁶. Кроме того, музеефикация позволяет сохранить различного назначения объекты, «вплетая» их в ткань непосредственной городской среды. Поэтому само пространство становится музеем и / или музейным экспонатом, являясь реальным знаково-символическим выражением связи городских прошлого и настоящего, устремленных в будущее. Эти «новые» музейные объекты могут «работать» сами в различных формах: просветительский комплекс, научно-исследовательский центр, «третье место», место отдыха, имиджевая стратегия, городской бренд, точка общественного обслуживания и т. д.¹⁷, являя собой парамузей (греч. *παρά* — возле, около; *наряду*). Мы полагаем, что музеефикация по своей сути представляет диалог культур и обладает условием раскрытия потенциала социума.

Например, обращаясь к городской истории и осмысливая ее, человек фактически обращается и возвращается к своим основаниям и самому себе, преодолевая отчуждение. Понять наследие невозможно без учета развертывания и взаимодействия социокультурного и личностного контекстов, поскольку любой предмет прошлого, как и настоящего, специфически закодированный «слепок» времени во всей его полноте. Городское пространство — это сложный текст, прочитыва-

емый человеком, и, следовательно, оно человекомерно. Не являются в этом плане исключением город Челябинск и другие города области, когда внимание уделяется реконструкции истории городского пространства, сочетающейся с современными конструкциями и технологиями. Это позволяет формировать символический капитал места. Рассмотрим это на ряде конкретных примеров.

Сохранивший во многом свою первозданность и перешагнув столетний возраст (постройка 1911 г.), продолжает «служить» городу каменный двухэтажный магазин Валеева на ул. Кирова (дом 104), «повествуя» об архитектуре и образе жизни прошлого. Наряду с практическим смыслом (универсальный магазин, камень, планировка и пр.) в нем присутствует и метафизический (рассказ о времени через строительный материал, творчество, дух архитектора, способ организации пространства и др.). Здание вполне востребовано и новой культурой — культурой сохранения и поддержания ландшафта прошлого.

В городском пространстве появляются привлекательные благоустроенные набережные (Арт-сквер, преобразивший берег р. Миасс), устанавливаются декоративные композиции и жанровые скульптуры («Сказ об Урале», памятники нищему, городовому, пожарному, гитаристу, скрипачу, сыщику на Кировке, памятник революционерам-железнодорожникам «На новый путь» и др.).

При реконструкции парка им. В. Терешковой в 2019 г. сохранившиеся советские фигуры «Девочка с ведром» и «Девочка с козой» перенесены в специально созданную ретрочасть парка, отделенную зелеными насаждениями от остальной части, благодаря чему монументально-декоративные скульптуры оказались интегрированы в современную концепцию парка¹⁸.

Сад Победы, сквер на Алом Поле, Ссад каменной со скульптурами из песка по истории города, набережная с небольшим сквером, планировочное решение которого выполнено на основе принципов художественного подхода, хотя дизайн уличной мебели, освещения, ограждения от воды не всегда соответствует существующей исторической среде набережной, выполненной в неоклассическом стиле¹⁹.

Завершается строительство Христорождественского собора. Становятся привлекательным элементом реализации идеи архитектуры «зеленой линии» экологических объектов — начат биологический этап рекультивации городской свалки Челябинска.

Город XXI в. — город гибридной реальности, характеризующийся не столько пространством мест, сколько пространством потоков, и поэтому «требует» осознания жителями полиса себя как единого целого. Для формирования горожанина важно обращение к памяти, которая помогает человеку понимать город и осознавать себя его частью. Именно она (память) становится важным условием привлечения граждан в обсуждение

вопросов преобразования архитектурно-пространственной среды, создающей объективные условия для их рациональной и органической кооперации. Урбанистический хронотоп имплицитно содержит в себе ценностно-нормативную матрицу, детерминирующую становление индивида как гражданина. Пространство, как место прошлого, превращается в место связи прошлого с современными формами. Дизайнерские элементы, давая шанс на «прописку» объектов культурного наследия в современное городское пространство, позволяют ему перестать быть пустым и преодолевать отчуждение, формируя современные паттерны культуры. Преобразуя городские локусы прошлого в объекты историко-культурного наследия, музеефикация наделяет элементы физического пространства новыми статусными функциями. Взаимодействуя с ними, человек эволюционирует от атомизированного потребителя городской инфраструктуры к сознательному гражданину, разделяющему коллективную ответственность за сохранение символического и исторического порядка. Музеефикация объектов Челябинска выступает эффективным инструментом конструирования гражданской субъектности и преодоления феномена отчуждения, когда уважение к прошлому становится прагматическим базисом для солидарности и ответственного социального действия в настоящем.

Примечания

- ¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М., 1995 ; Волкова Д. А. Современные тренды в эволюции городского пространства // Наука и общество: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2023. С. 213–219 ; Касаткина С. С. Взаимосвязь человека и общества с городским пространством как принцип системности города (социально-философский контекст) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки. 2017. № 3. С. 31–36 ; Кузьмин В. Д. Трансструктурные исследования города: критический анализ // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 272–278 ; Лапина В. С. Философия большого города: гуманистический урбанизм // Кант. 2023. № 2 (47). С. 166–172 ; Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М., 2015 ; Олифир Д. И. Эволюция научных знаний о городах и городском пространстве: философский аспект // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2021. № 3. С. 130–140 ; Сассен С. Глобальный город: Нью-Йорк, Лондон, Токио : пер. с англ. М., 2001 ; Филиппов А. Ф. Третье пространство социальных событий // Человек. 2025. Т. 36, № 3. С. 30–47 и др.
- ² Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 209.

- ³ Николаева Ж. В., Троицкая А. А. Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 1. С. 13.
- ⁴ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 44.
- ⁵ Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в цивилизации Запада. М., 2016. С. 408.
- ⁶ Прилукова Е. Г., Рагозин П. С. Отчуждение цифровой реальности: человек без выбора или выбор за человеком? // Социум и власть. 2026. Т. 23, № 1. С. 102–114.
- ⁷ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М., 2000. С. 62.
- ⁸ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Дialeктика просвещения / пер. с нем. М. Кузнецова. СПб., 1997. С. 167.
- ⁹ Павловский А. Ф. Введение. Цифровые рамки коллективной памяти: Куда ведет цифровой поворот в memory studies? // Память в Сети: Цифровой поворот в memory studies : сб. ст. СПб., 2023. С. 7–48.
- ¹⁰ Рагозин П. С. Понятие отчуждения в философской традиции // Научный поиск : материалы семнадцатой науч. конф. аспирантов и докторантов. Челябинск, 2025. С. 104–108.
- ¹¹ Новикова О. В. Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства // Журнал Белорусского государственного университета. Сер. Философия. Психология. 2021. № 2. С. 19.
- ¹² Robinson J. Global and world cities: a view from off the map // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. No. 26 (3). Pp. 531–554.
- ¹³ Горчакова А. В. Homo Urbanus как ситуативный тип личности // The Scientific Heritage. 2021. № 80. С. 26–30 и др.
- ¹⁴ Абрамян Ф. Т., Соловьева А. В. Новый взгляд на роль промышленности в городской среде // Системные технологии. 2023. № 2 (47). С. 155–163.
- ¹⁵ Немкова Е. Ю. Фотографии и симуляции в городском пространстве // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 37–45.
- ¹⁶ Балаш А. Н., Зиновьева Ю. В., Куклинова И. А. и др. Музей и наследие в культуре XXI века. СПб. : Изд-во РХГА, 2024 ; Макарова А. Н. Музеефикация городского пространства в провинциальной России (социально-философский аспект) // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 2 (13). С. 110–116 ; Молодин А. В. Феноменология культурного наследия в инокультурной среде: коммуникативные стратегии и механизмы вторичной музеефикации // Философская мысль. 2026. № 3. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_89263643_98865334.pdf и др.
- ¹⁷ Осипова М. М. Музеефикация в городе: от объектов к пространству // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2015. Т. 212. С. 140–146.
- ¹⁸ Гейль В. В. Проблема интеграции и сохранения советской тиражированной монументальной скульптуры в современном социокультурном пространстве российских городов (на примере Челябинска) // Вестник культуры и искусств. 2023. № 4 (76). С. 47.
- ¹⁹ Колясников В. А., Хорохова Е. В. Особенности современного развития городской среды Челябинска // Архитектон: известия вузов. 2022. № 4 (80). С. 1–15. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50144079_15561501.pdf ; Лапина В. С. Философия человеческого бытия в урбанизированной среде // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 76–92 ; Хорохова Е. В. Формирование архитектурно-пространственной среды Челябинска // Architecture and Modern Information Technologies. 2020. № 2 (51). С. 90–115.

Т. М. Киселева

От семейного архива к культурному достоянию: как частная память становится общественной

Архивы и музеи меняются. Мы уходим от модели учреждения как единственного хранителя «правильной» картины мира к открытому пространству для разных групп. В этой ситуации семейная история перестает быть второстепенной. Она становится инструментом, который связывает учреждение с населением и помогает ре-

ализовать принципы культурного сближения. Тема «Архивы и семейные истории» сегодня актуальна именно потому, что историческое знание оживает через личный опыт.

Работа с семейными историями требует теоретической базы. В этом контексте мы опираемся на идеи Мориса Хальбвакса и Яна Ассмана.

Хальбвакс первым заявил, что запоминание — процесс социальный. В работе «Социальные рамки памяти» (1925) он показал, что воспоминания формируются под влиянием групп, прежде всего семьи¹. Именно в семейном кругу мы понимаем, кто мы и откуда. Ян Ассман развил эти идеи, разделив память на коммуникативную и культурную². Коммуникативная память — живая, устная, она охватывает три-четыре поколения и исчезает вместе с носителями. Культурная память институционализирована (тексты, обряды, музейные предметы). Она стабильна.

Семейные истории складываются из устных рассказов, переписки, снимков, предметов быта и традиций. У них есть эмоциональная окраска, которой часто лишена официальная историография. А. Ю. Помникова отмечает, что семейные истории конструируют идентичность через соотношение себя с предками³. О. А. Полюшкевич добавляет, что семейная история становится точкой опоры человека⁴. Для учреждений памяти это ценно: посетитель получает не только информацию, но и чувственное переживание. Когда частные архивы выходят в публичное пространство, в индивидуальной судьбе проще увидеть отражение социальных процессов.

Когда семейное письмо или фотография попадают на государственное хранение, они перестают быть частной вещью и становятся историческим источником. Это не техническая процедура, а социальный акт легитимации. Семья доверяет учреждению свою память, ожидая, что она сохранится дольше, чем живые носители. В этом смысле архив (или музей) берет на себя ответственность за продление жизни коммуникативной памяти, фиксируя то, что иначе могло бы исчезнуть вместе с уходом старшего поколения.

Здесь неизбежно возникает напряжение между субъективностью семейного рассказа и требованиями архивного описания. Личное письмо эмоционально, фрагментарно и часто лишено контекста, тогда как архивный фонд требует системы, дат и имен. Сотруднику приходится находить баланс: не «осушить» документ формальными метаданными, но и не оставить его без привязки к времени и месту. Это работа на стыке эмоций и стандартов, где важно сохранить подлинность голоса автора, даже если он не вписывается в строгие рамки научно-справочного аппарата.

На практике эту связь обеспечивает генеалогия. Для исследователя это способ проверить устный рассказ документом, для архива — повод комплектовать новые фонды. Через запросы на родословную люди приходят в архив не как пассивные пользователи, а как соучастники формирования коллекции. Они приносят копии документов, исправляют ошибки в учете, предлагают новые имена для поиска. Таким образом, генеалогический интерес становится каналом, по которому частная память возвращается в общественное пространство, обогащая архивные собрания живыми человеческими судьбами.

Архивы и музеи берут на себя задачу перевода коммуникативной памяти в культурное пространство. Записывая свидетельства и создавая цифровые архивы, мы сохраняем личный опыт. В музеях Южного Урала это видно на практике. В Варненском краеведческом музее программа «Моя семья — моя надежда и опора» показала, что личные архивы становятся основой социальных проектов⁵. В Брединском районе проект «Секреты бабушкиного сундука» превращает артефакты в ресурс для общения поколений⁶.

Опыт Магнитогорского историко-краеведческого музея («Школа родословия», выставка «Достоин я, чтоб представлять свой род...») демонстрирует, как семейные реликвии переходят из внутрисемейного общения в музейное пространство⁷. Частные нарративы становятся публичным достоянием. Это подтверждает тезис Ассмана о роли институций в фиксации ускользающей памяти⁸.

Такой переход важен этически. Он дает голос тем, кого часто исключают из официального дискурса: женщинам, детям, мигрантам, представителям меньшинств. Учреждение становится местом многосторонней памяти, где история превращается в диалог.

В теории и практике закрепляется отказ от модели музея как «храма наследия». На смену приходит концепция «форума памяти» — пространства, где прошлое осмысливается в процессе взаимодействия. Учреждение превращается из хранилища в социального агента.

Шэрон Макдональд описывает музей как место для актуализации воспоминаний⁹. Здесь важен личный опыт: рассказы о войне, миграции, быте. Эти истории делают прошлое осязаемым. Семейное повествование становится центром диалога. Через письма и фотографии посетитель находит отражение собственной жизни, что укрепляет чувство идентичности.

Участие в диалоге меняет роль посетителя. Из наблюдателя он становится со-куратором. Проекты строятся на коллективном творчестве: краудсорсинг¹⁰, сбор устных историй, цифровые платформы. Посетители предоставляют архивы, участвуют в создании выставок и подкастов. Это реализует принципы инклюзии.

Необходимо отметить, что этот диалог возможен только при соблюдении этики. Учреждение обязано уважать право на молчание, обеспечивать конфиденциальность, избегать искажений. Согласие на использование материалов и защита личных данных становятся основой доверия.

Практика вовлечения семейной истории в деятельность музеев сочетает живое взаимодействие и цифровые решения. Это позволяет расширить аудиторию и обеспечить доступность материалов.

Приведем примеры форматов:

1. Семейные мастер-классы и творческие лаборатории. Участники создают культурный продукт на основе личной памяти. Например, «Ми-

ни-музей в коробке» (экспозиция из 3–5 реликвий), «Письмо из прошлого — в будущее», «Семейный архив своими руками» (сканирование и оформление фотографий). Такие занятия укрепляют внутрисемейные связи.

2. Межпоколенческие проекты. Инициативы строятся на равноправном диалоге: проекты «в паре» (подросток записывает воспоминания пожилого человека), клубы воспоминаний, форумы памяти. Это формирует коллективную ответственность.

3. Цифровые и интерактивные форматы. Технологии делают истории доступными: интерактивные инсталляции («Дерево памяти» с QR-кодами), аудиогиды на основе устных историй, онлайн-платформы, где пользователи загружают материалы. Цифровые форматы важны для вовлечения молодежи.

4. Комплексный подход. Эффективные проекты объединяют несколько форматов: посетитель участвует в мастер-классе, сканирует фото, загружает материалы на платформу, его история включается в новую выставку. Разовое посещение превращается в долгосрочное участие.

Практика учреждений Челябинской области подтверждает эти подходы. Варненский краеведческий музей им. В. И. Савина реализует проект «Живые свидетели истории»¹¹. Магнитогорский историко-краеведческий музей обучает горожан работе с семейными архивами в рамках «Школы родословия»¹². Чесменский историко-краеведческий музей принял письма-обращения к потомкам от 48 ветеранов Великой Отечественной войны, что показывает механизм добровольной передачи памяти¹³.

Цифровизация становится ключевым инструментом. Проект «#историяодногоэкспоната» в г. Озерске позволил создать 35 виртуальных выставок¹⁴. Брединский районный историко-краеведческий музей оцифровал 99% предметов хранения¹⁵. Троицкий краеведческий музей развивает направление «Цифровой архив Троицка»¹⁶.

Инклюзивные форматы обеспечивают доступность. В Каслинском музее разработана тактильная экскурсия «Мир забытых вещей»¹⁷. Снежинский городской музей применяет подход с собакой-канистерапевтом¹⁸. Магнитогорский музей адаптирует выставку «Свидетели из древних эпох» для тактильного взаимодействия¹⁹.

Межпоколенческие мастер-классы передают традиции. В Брединском районе проект «Секреты бабушкиного сундука» объединяет школьников и старшее поколение²⁰. Пластовский музей развивает гончарную мастерскую для детей с ограниченными возможностями здоровья²¹. Нязепетровский музей использует игровой формат квеста²². Выездные форматы преодолевают географические барьеры, например проект «Музей в чемодане» в Кизильском районе²³ и инициативы в Кусе²⁴.

Таким образом, семейная история становится одним из ресурсов практики архивов и музеев.

Ее значение выходит за рамки пополнения фондов: семейная память помогает переосмыслить назначение учреждения как открытого пространства, где частная память становится частью общественного достояния.

Работа с семейной историей позволяет реализовать принципы инклюзии на глубоком уровне: включить в исторический дискурс голоса тех, кто традиционно оставался за его пределами. Посредством личных воспоминаний учреждение обретает возможность говорить с людьми, превращая их в соавторов памяти. Примеры музеев Челябинской области показывают: когда учреждение слушает людей, а не только требует отчетов, возникает доверие. Именно оно позволяет превратить разовый визит в долгосрочное сотрудничество. Поэтому эффективность таких проектов нельзя измерять только посещаемостью. Гораздо важнее, помогли ли мы человеку ощутить связь с прошлым, укрепил ли он контакты с родными.

Если музей становится местом, где личность чувствует свою значимость, значит, взаимодействие с социумом состоялось. В этом и есть главная ценность семейной истории для современного музея: не просто сохранить документ, а сблизить связь между поколениями, которая делает общество устойчивее.

Примечания

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М., 2007.

² Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.

³ Помникова А. Ю. Семейная история в дискурсивном пространстве // Вестник Мининского университета. 2019. № 1 (26). С. 9.

⁴ Полюшкевич О. А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88–92.

⁵ Аналитическая справка о деятельности МУК «Варненский краеведческий музей имени Савина В. И.» за 2025 г. Челябинск, 2026.

⁶ Аналитическая справка о деятельности Брединского районного историко-краеведческого музея за 2025 г. Челябинск, 2026.

⁷ Аналитическая справка о деятельности Муниципального казенного учреждения культуры «Магнитогорский историко-краеведческий музей» за 2025 год. Челябинск, 2026.

⁸ Ассман Я. Указ. соч.

⁹ Макдональд Ш. Re: Worlding the Museum, or the Museum for Possible Futures // Das Museum der Zukunft: 43 neue Beiträge zur Diskussion über die Zukunft des Museums / hrsg. von schnittpunkt, Joachim Baur. Bielefeld: Transcript Verlag, 2020. Pp. 183–188.

¹⁰ Краудсорсинг (от англ. *crowd* — толпа и *sourcing* — использование ресурсов) — способ организации работы, при котором компания или организация привлекает к решению своих задач множество людей со стороны, а не штатных сотрудников.

¹¹ Аналитическая справка о деятельности МУК «Варненский краеведческий музей» ...

¹² Аналитическая справка о деятельности Муниципального казенного учреждения культуры «Магнитогорский историко-краеведческий музей» ...

¹³ Аналитическая справка о деятельности Муниципального учреждения «Чесменский историко-краеведческий музей им. А. Н. Беликова» за 2025 г. Чесма, 2025; Челябинск, 2026.

¹⁴ Аналитическая справка о деятельности МКУ «Городской музей» Озерского городского округа за 2025 г. Челябинск, 2026.

¹⁵ Аналитическая справка о деятельности Брединского районного историко-краеведческого музея за 2025 г. Челябинск, 2026.

¹⁶ Аналитическая справка о деятельности МБУ «Троицкий краеведческий музей» за 2025 г. Челябинск, 2026.

¹⁷ Аналитическая справка о деятельности муниципального учреждения «Каслинский историко-художественный музей» за 2025 г. Челябинск, 2026.

¹⁸ Аналитическая справка о деятельности муниципального автономного учреждения «Снежинский городской музей» за 2025 г. Челябинск, 2026.

¹⁹ Аналитическая справка о деятельности муниципального казенного учреждения культуры «Магнитогорский историко-краеведческий музей» ...

²⁰ Аналитическая справка о деятельности Брединского районного историко-краеведческого музея ...

²¹ Аналитическая справка о деятельности муниципального казенного учреждения «Пластовский музей» за 2025 г. Челябинск, 2026.

²² Аналитическая справка о деятельности МБУК «Музейно-выставочный центр» Нязепетровского муниципального округа за 2025 г. Челябинск, 2026.

²³ Аналитическая справка о деятельности МУК «Кизильский историко-краеведческий музей» за 2025 г. Челябинск, 2026.

²⁴ Аналитическая справка о деятельности МБУК «Музейно-краеведческий центр» г. Куса за 2025 г. Челябинск, 2026.

А. С. Пантин

«Живой голос времени»: литературные произведения как источник по истории общественных представлений

Обращение к литературным произведениям как историческим источникам оправданно, если исследователь пытается выйти за границы фактографии и стремится к выявлению смысла произошедших событий. По мнению советского и российского историка и краеведа С. О. Шмидта, в лучших произведениях художественной литературы присутствуют, как «типичные факты истории», так и символически выраженные «общественные представления»:

...В них наиболее выразительно запечатлены исторические «типы» того или иного отрезка времени (в них же отражены и очень важные для историка конкретные черты бытовой истории, истории общественных представлений). Все это делает, в частности, памятники художественной литературы ценным историческим источником, т. е. источником познания прошлого...¹

Следует отметить, что вопросы научной ценности, содержательных аспектов и методов изучения поэзии, прозы, драматургии оказываются актуальными как для известных ученых, так и для начинающих исследователей. Сегодня можно встретить публикации, в которых автор, обращаясь, например, к постсоветскому периоду отечественной истории, отмечает значимость литературного произведения для изучения «истории ментальностей»², и представляется, что для понимания советского прошлого это еще более оправданно.

Советские писатели не просто стремились зафиксировать в поэзии и прозе последствия «культурной революции» в СССР, но зачастую настаивали, что именно литература и есть подлинная революция, меняющая не общество, но сознание. По меньшей мере это внутренняя «сознательная работа».

Стихи — не фокусы, не игра слов, стихи — это выражение внутреннего состояния поэта. Поэзия — планомерная, сознательная, волевая работа. Работа!³

Именно по критерию проделанной внутренней работы молодой поэт и критик Михаил Львов оценивает стихотворения своих современников.

В критической статье, опубликованной в региональной прессе зимой 1941 г., Михаил Львов подчеркивает важность «планомерной, волевой, сознательной работы» для поэта — потому что именно так стихотворения передадут дух нового революционного времени, «память нашей бурной жизни» и «лучшие качества» нового советского человека.

Надо учиться... понимать свое время, воспитывать в себе лучшие качества советского человека — и только так можно воспитать в себе советского поэта. Нужно смелее браться за темы дня, отражать нашу богатую действительность, прислушиваться к живому голосу времени⁴.

Через несколько месяцев после публикации статьи начинается Великая Отечественная война, Михаил Львов становится солдатом Уральского добровольческого танкового корпуса — и война, как «тема дня», получает достойное выражение в его творчестве. В 1944 г. его командируют в Челябинск для издания собственного поэтического сборника. Людмила Татьяничева, ответственный секретарь Челябинской писательской организации и директор областного книжного издательства, помогла молодому поэту издать книгу «Дорога» в кратчайшие сроки (всего за 13 дней).

В ключевом стихотворении сборника «Дорога» с подзаголовком «Из фронтовых дневников» и посвящением «бойцам и гвардейцам Уральского гвардейского добровольческого танкового корпуса» поэтическое творчество — тот же «солдатский труд», а стихотворения — образ пути, которым шли вперед, «на запад. Побеждать», танкисты-добровольцы:

Осыпанные вспышек серебром
Спешат танкисты...

<...>

Без лун, без фар, с закрытыми глазами
Передвигались громы в темноте.
Незримые, по фронтовой дороге,
Бродили бронированные боги⁵.

В стихотворении присутствует «дух времени» («живой голос времени») и также в полной мере ощутимо «внутреннее состояние» советского человека — то, что сегодня называют ментальностью.

Во многом похожая система поэтических образов у другого поэта-танкиста, чьи произведения увидели свет еще в начале войны. Сергей Орлов начал войну в народном ополчении, а после окончания Челябинского танкового училища стал командиром взвода тяжелых танков КВ. И танки у Сергея Орлова не просто боевые машины, но буквально олицетворение грозной стихии:

Сладок отдых нам в тесной землянке
С непривычною тишиной.
Громобойные замерли танки
В перелеске за мшистой стеной⁶.

Передвигаются громы, останавливаются «громобойные танки», и сроднившиеся со своими машинами танкисты сами приобретают черты стихийных проявлений и легендарных героев: у Сергея Орлова есть строки, в которых он сравнивает сгоревших в танках товарищей с Яном Гусом и Джордано Бруно. Для поэта здесь нет игры слов, ведь его ровесники-погодки, как и герои прошлого, умирали в огне «за великую правду», становились «свободным дыханьем» XX века.

У Михаила Львова есть строчки про «нержавеющую жизнь» как условие победы. Для Сергея Орлова танк, соединенный со своим экипажем, придает людям величие и крепость стали, а сам становится живым участником войны: он чувствует раны, он делается ветераном, он сам родной брат тем мальчишкам-танкистам, «боевым ребятам», которые погибают, но не сдаются:

Подбитый танк

...Подбитый, он собрал все силы —
Пятерка боевых ребят
Четыре дня врагов косила,
Последний выпустив снаряд.

И кончились боеприпасы.
Враги вопили. Он молчал...
Огонь над ним штандартom красным
Весенней ночью засиял...

За ним пришли собратья все же
И увели его с собой,
И он пополз в пыли дорожной,
Глядя назад, где длился бой...

В тылу подлечат ветерана,
Он вновь пройдет по траве
И отомстит врагу за раны
Тяжелый грозный танк «КВ»⁷.

Читая стихотворения Сергея Орлова, веришь, что смерть для танкиста не случайный эпизод военной хроники, но осознанный выбор бессмертия: даже огонь превращается в побед-

ный «красный штандарт» (в стихотворении «Подбитый танк»), даже погибающие солдаты «истину смертью своей утверждали» (в стихотворении «У сгоревшего танка»). О похожем ощущении войны говорит и Михаил Львов:

И этот путь, и фронтовые дали
Мне снятся вновь...
Как будто бы у киноаппарата,
Собрав твой корпус танковый. Урал,
Какой-то крупный кинооператор
К цветному фильму кадры подбирал.
Как будто там, куда мы шли сквозь пули,
Куда был путь в сраженьях проторен.
Уснув мы памятниками проснулись —
И каждый был в бессмертье повторен.
(*Действующая армия. Февраль — май 1944*)⁸.

Это ощущение «смерти как бессмертия» во многом продиктовано именно советской эпохой, воспитанием «советского человека», «внутренним состоянием» солдата Великой Отечественной.

Александр Мауров (1926–2005), поэт, фронтовик, участвовавший в штурме Берлина, оставил стихотворение с рассказом о «встрече на Эльбе» (точнее, на Одере). При чтении этого литературного источника становится понятной принципиальная разница между «внутренним устройством» вооруженных граждан СССР и США:

Фотолюбитель (рассказ танкиста)

Мы шли вперед.
Мы гибли жизни ради.
Слегка подрастерялись в тишине.
Под Одером был отдых дан бригаде,
И слух пошел: вот-вот конец войне.
А мы боекомплекты пополняли,
Чтобы урок последний дать врагам...

<...>

В наш лагерь доносился бодрый гам —
За рощицей союзники стояли.
К нам в гости по тропинке каменистой,
Перед отправкой в свой заморский тыл,
Пришли американские танкисты.
Один по-русски сносно говорил.
Он хмыкнул что-то в отношении ленча
И фляжку деловито отцепил.
Щербатый, в полинялом пыльном френче,
Он фотографии показывал, острил.
На карточках — раздетые девицы,
Смотреть-то непристойно и грешно.
Он понял это все по нашим лицам
И просиял:

— Смотрите, вот оно!
На снимке: дым, в нем —
«Валентин» горящий.
У гусениц — побитый экипаж.
— Отсюда вот вклеили в этот ящик.
Вон за кустами — видите? — блиндаж.
— Мы рядом шли, — рассказывал щербатый, —
Пришлось мне тормознуть в такой момент.
Любитель я, а как лежат ребята!

Умрет от зависти любой корреспондент.
Вот этот парень — Вилли, не иначе,
Я узнаю его скривленный рот...
Да, снимочек такой — всегда удача:
Любой журнал с руками оторвет.
А чтоб за риск военный не обидно,
Музею негативчик продадим!..
<...>

По взгляду «фотоко́ра» была видно —
Он подвиг совершил. Гордится им⁹.

Знакомство со стихами военных поэтов помогает
увидеть войну глазами очевидцев, узнать, о чем они
думали на фронте, что чувствовали, о чем мечтали...¹⁰

Стихотворения прошедших огонь Великой
Отечественной молодых поэтов не только пока-
зывают «войну глазами очевидцев». Можно сде-
лать вывод, что смысл происходящего на войне
для советских солдат заключался в ощущении
необходимости подвига. «Отечественная» война
это не возможность случайной смерти, но воз-
можность умереть «жизни ради» (Мауров),
«утверждения истины» (Орлов), чтобы «повто-
риться в бессмертии» (Львов). Из поэтических

строчек Михаила Львова, Сергея Орлова, Алек-
сандра Маурова становится понятнее, что ощу-
щение необходимости подвига было внутренним
свойством советского человека. И понимание
подвига человека «Советской республики» силь-
но отличалось от того, как понимал повод для
гордости человек «западной демократии».

Примечания

¹ Шмидт С. О. Путь историка : избр. тр. по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 19.

² Волкова Е. С. Художественная литература как источник по социальной истории постсоветского Дальнего Востока // Архонт. 2018. № 3 (6). С. 25.

³ Львов М. Стихи молодых поэтов // Челябинский рабочий. 1941. 1 февр.

⁴ Там же.

⁵ Львов М. Дорога. Челябинск, 1944. С. 46.

⁶ Тельканов С., Орлов С. Фронт. Челябинск, 1942. С. 19.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Львов М. Дорога ... С. 54–55.

⁹ Мауров А. Н. Письмо издалека. Избранные произведения. Екатеринбург, 2025. С. 485.

¹⁰ Беляева Н. В. Поэзия в кармане гимнастерки: обсуждение нравственных вопросов при изучении стихов военных лет (1941–1945) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2025. Т. 2, № 2 (105). С. 67.

Часть IX
История в биографиях

Л. Н. Дзиговская

**К вопросу о «градоначальниках Лугининых»
(по документам Государственного архива Тульской области)**

Первые сведения о представителях рода прослеживаются по сказкам 1-й ревизии. Никифор Лугинин скончался до 1720 г., оставив вдову Ирину и сыновей: Корнея, Алексея, Андрея, Василия. К тому времени братья владели торговыми лавками в Туле. До 1744 г. записались в купечество Санкт-Петербурга, но по-прежнему жили и торговали в Туле, отпускали товары в другие города: к Макариевской ярмарке железо (на 594 руб.), пищевые продукты, мыло. Приобрели крепостных дворовых людей. Подушный семигривенный оклад Фома Корнилов вносил за чухонца Матвея Семенова с семьей. Сальных заводов содержатель Иван Корнилов имел крепостного в Крапивенском уезде. В сказке за 1728 г. Корней Никифоров указал трех крепостных людей¹.

В документах тульского архива сохранились сведения о ростовщической деятельности Корнея Лугинина. В сентябре 1717 г. он дал займы крестьянину тульского монастыря во имя Иоанна Предтечи 49 руб. 50 коп., условившись получить долг в 1731 г. О комиссионных процентах в жалобе ничего не сказано. Опыт оказался неудачным. Чтобы вернуть долг Корнею Никифоровичу Лугинину пришлось обратиться за помощью к императрице Анне Иоанновне².

Практичное мышление Лугининых проявилось в ходатайстве Ивана Корниловича Лугинина в Государственную военную коллегию в сентябре 1732 г. Он просил позволить построить отдельные дома для постоя военных команд. Иван Корнилов писал, что он с братьями в Туле имеет дом и торговлю, но от приезжающих штат-и обер-офицеров и от постоев военных отрядов создается существенное неудобство для жителей и промыслов. Лугинины предлагали построить отдельные дома для постоя. Правительствующий сенат одобрил предложение и позволил Лугининым для содержания постоя военных построить в Туле отдельные дома³. Так Лугинины стали инициаторами строительства городских казарм для проходящих армейских бригад.

В Туле сохранились расписки об уплате таможенных пошлин братьями Фомой и Иваном Корниловичами Лугиниными. Иван в 1754 г. платил за вывоз пушнины, соболей, куда — не сказано, вероятно, за пределы России. Фома платил за вывоз ткани и краски в Санкт-Петербург⁴.

Н. И. Павленко пишет, что в XVIII в. в Центральной России находился самый многочисленный отряд промышленников-металлургов⁵. К сожалению, совладельца заводов Мосоловых, Алексея Алексеевича Лугинина, во внимание не приняли. По справкам, присланным из Тульской магистрата в Тульскую провинциальную канцелярию от 13 марта 1729 г. и от 11 ноября

1738 г., братья Мосоловы имели совладельца — Алексея Алексеевича Лугинина. Вместе создавали водяные железные заводы в Переславле Рязанской провинции, в Тарусском уезде на р. Мышеге и в Можайском уезде на р. Шане. Сохранились документы, что для работы на заводах в 1740–1744 гг. Алексей Алексеевич Лугинин покупал крестьян у разных лиц, в том числе у родственников — Фомы Корнилова и Ивана Корниловича Лугининых. Документ подавал в магистрат заводчик Иван Алексеевич Лугинин, сын Алексея Алексеевича Лугинина, подписывал Фома Корнилов⁶.

Повторяем: о том, что совладельцем Мышегского и Шанского заводов был Алексей Алексеевич Лугинин, а после — его сын Иван Алексеевич Лугинин, свидетельствуют только тульские документы. В академических и краеведческих изданиях данный факт не значит. Участие Лугининых в производстве металла на Шанском и Мышегском заводах после 1746 г. в тульских документах не выявлено.

Торговые отношения связывали Мосоловых и Лугининых на протяжении всего XVIII в. В документах Государственного архива Тульской области и монографии Н. И. Павленко⁷ прослеживаются история основания, строительства уральских заводов Мосоловых, раздел имущества и приобретение Златоустовского завода Ларионом Ивановичем Лугининым. В ноябре 1751 г. в Оренбургской губернской канцелярии был заключен контракт с тулянами Мосоловыми и оренбургским губернатором Неплюевым. Берг-коллегия позволила Мосоловым основать Златоустовский завод. Вскоре Мосоловы объявили, что на р. Сатке и Кувахе уровень воды недостаточен для производства металла, и сообщили, что более удобное место найдено на р. Ай. В 1755 г. между братьями Мосоловыми начался раздел имущества, который продолжался до апреля 1760 г. По разделу завод отдан Максиму Мосолову, достроившему его. Заводчику Ивану Алексеевичу Мосолову принадлежали часть Златоустовского завода и два рудника. Часть завода состояла в споре с князем Петром Ивановичем Репниным.

После смерти Максима Мосолова вновь начался раздел недвижимости между его наследниками и князем П. И. Репниным. Заводчику Ивану Алексеевичу Мосолову из златоустовской доли принадлежала к владению некоторая часть, не включенная в раздел. Разделу не принадлежали спорные с князем П. И. Репниным два медных рудника — Кукушевский и Верхнеяицкий. Василий Мосолов оставил себе жилой дом в Туле и пай на 5000 руб. в Златоустовском заводе.

В марте 27 числа 1769 г. была составлена купчая крепость между заводчиком Василием Мак-

симовичем Мосоловым и тульским купцом, держателем полотняных фабрик Ларионом Ивановичем Лугининым. Лугинин приобрел имение, доставшееся по разделу с братом Антипом Мосоловым в Оренбургской губернии, в Исецкой провинции железоделательный и медеплавильный вододействующий Златоустовский завод со всеми приписанными к нему рудниками, мастерскими, рабочими, крестьянами, с землями и угодьями. Взял с Лариона Лугинина за Златоустовский завод 85 тыс. руб.

Следующая купчая, хранящаяся в Туле, составлена на приобретение Ларионом Лугининым заводов графа А. С. Строгонова. В ноябре 1750 г. дано определение берг-коллегии лейб-гвардии Семеновского полка поручику барону Александру Сергеевичу Строгонову построить в Уфимской провинции Оренбургской губернии на р. Сатке два железоделательных завода: в Верхне-Куваканской волости — о двух домнах, в Айлинской волости — об одной (итого три домны) с шестнадцатью молотами при обоих заводах, а также две пильные мельницы, «а лесами довольствоваться в покупных дачах». В октябре 1768 г. граф Строгонов челобитной просил перевести к заводам крестьян из Соликамского уезда — 2000 душ мужского пола.

Первого июня 1769 г. граф Строгонов просил позволить продать Троицко-Саткинский завод с землями, лесами, мастерскими, рабочими и крестьянами, с оборудованием купцу Лариону Лугинину. По ведомости за 1768 г. показано при заводе 1829 мастеровых и рабочих, переведенных из Соликамского уезда Казанской губернии, из собственных пермских вотчин графа Строгонова. При том же заводе состояло 13 рудников железных, их ресурс был рассчитан на 39 лет, 10 медных, «из которых добытые руды по большой пробе через медеплавильную печь к получению меди надежности не оказали, и за тою бесполезностью плавки оным не производится и по действию фабрик по заводским учреждениям надлежит быть тех крестьян к одной домне 400 душ, а к молотам к каждому по 120 душ, а к 9080 всего к домне и к молотам 1480 душ». Копия купчей крепости на приобретенный у Мосоловых завод сохранилась в фондах Государственного архива Тульской области⁸.

В ноябре 1777 г. Ларион Иванович Лугинин был челом на имя Ее Императорского Величества Екатерины II о причислении к подушному окладу крепостных крестьян, купленных им вместе со Златоустовским заводом у Василия Мосолова⁹.

Промышленники братья Лугинины играли существенную роль в городских повинностях. В документах Тульской провинциальной канцелярии неоднократно встречаются рапорты о провозе денежной казны с налоговых сборов в Санкт-Петербург или в Москву. Опасный проезд по казенной надобности требовал формирования вооруженной охраны, лошадей, прогонных денег, продуктов на дорогу охране — суще-

ственный расход для местной казны. Лугинины подошли к проблеме иначе. В августе 1753 г. в Тульскую провинциальную канцелярию поступило прошение владельца Тульской полотняной фабрики купца 1-й гильдии Ивана Корниловича Лугинина. Он писал, что в Тульской провинциальной канцелярии хранится денежная казна подушного сбора в сумме 449 руб. 23 коп., подлежащая отсылке в Санкт-Петербургскую контору Правительствующего сената. Деньги Лугинин просил получить по векселю в Туле, а в Санкт-Петербурге означенную сумму сдать через представителя — приказчика Лугининых тульского купца Антона Шубина, в срок вексельного права на основании вексельного устава¹⁰.

Устав вексельный, утвержденный в мае 1729 г., позволял переводить, брать, отдавать деньги по векселю. Вместо перевода денег из города в город, из одного государства в другое деньги переводили через письма, называемые векселями, принимаемые как наличные деньги; за просрочку выплаты штрафовались процентами¹¹.

Срок вексельного права означал сроки исполнения финансовой операции. С учетом времени на пересылку векселя от Тулы до Санкт-Петербурга (25 дней) и недели в Санкт-Петербурге деньги должны были внести в контору Сената через месяц. За это Лугинину Тульская канцелярия вернула налоги, взысканные с него в прежнюю подушную перепись, складочные за рекрутов и за драгунских лошадей — все записано в расход канцелярии. Иван Корнилов переправлял городские деньги из Тулы в Адмиралтейскую коллегию в 1759 г., избавляя местную администрацию от хлопот, и заработал на этом.

Подобную практику неоднократно применял Ларион Иванович Лугинин. В январе 1761 г. в Тульской провинциальной канцелярии составлен документ о получении по векселю 4471 руб. 91 коп. и отправлении их в Адмиралтейскую коллегию по вексельному уставу. Деньги собраны за истекший 1760 г., за каждые три месяца¹².

Усердная служба Лугининых городским властям не осталась без внимания в период создания губернии, при формировании новых административных структур. В ноябре 1775 г. обнародован перечень учреждений для управления губернией¹³, в которых расписаны штаты губерний. Городские дела решали губернский и городской магистраты в составе двух бургомистров и четырех ратманов. В 1778 г. в тульском губернском магистрате заседателем был Иван [Фомич] Лугинин, который в сентябре увольнялся в Санкт-Петербург по коммерческим делам¹⁴.

При каждом городском магистрате учреждался сиротский суд, подведомственный магистрату (гл. XXII, ст. 314, 423), в котором председателем избирался городской голова и заседали два члена городского магистрата и городской староста. До 1785 г. городской голова, председательствующий в сиротском суде, был скромной персоной. В штате губерний городской голова занимал последнее, 22-е место, за ним следовали мещане

(ст. 432). Городской голова выбирался городским обществом каждые три года. В его обязанности входило уведомлять сиротский суд о сиротах и вдовах, оставшихся без призрения, прилагая документы. Сиротский суд в какой-то степени выполнял функции приказа общественного призрения, созданного в Туле позднее. Имя Лариона Лугинина в качестве городского головы значится в документах тульского городского сиротского суда за 1779–1781 гг. Ларион Иванович Лугинин в 1777 г. был избран городским головой в сиротском суде¹⁵. В период создания губернии социальный статус заседателя городского магистрата Ивана [Фомича] Лугинина был выше, чем социальный статус городского головы в сиротском суде Лариона Ивановича Лугинина.

Десять лет спустя резко изменились функции и социальный статус городского головы. В Городовом положении от 21 апреля 1785 г. горожанам позволяется избирать городскую думу, в составе городского головы и гласных от разных городских социальных групп (ст. 156–178)¹⁶. Данная структура обладала реальной властью, и городской голова с полным правом назывался градоначальником, контролируя развитие городского хозяйства.

Опрометчиво называть градоначальником Лариона Ивановича Лугинина, председательствующего в качестве городского головы в сиротском суде в 1770-е гг. Городской голова в сиротском суде и городской голова в городской думе — разные общественные должности.

С начала XVIII столетия Лугинины являлись прихожанами церкви Никиты «за городом» и церкви Флора и Лавра. По переписи ревизий тульских купцов в приходах названных церквей следует искать сведения о семье и возрасте.

В сентябре 1785 г. Ларион Иванов с. Лугинин обращался в Тульскую управу благочиния с просьбой разрешить построить новый дом в 1-й городской части, вблизи Хлебной площади, в 44-м квартале. Из документа выясняется, что жили они у Казанской церкви, на берегу р. Упы, и старый дом обветшал¹⁷. Из административной переписки конца XVIII столетия следует, что Лугинины настойчиво стремились обосноваться в восточной части города, в «Троицком конце». Под каменное строение Лариону Ивановичу место отведено 3 марта 1782 г. Лугинины владели несколькими усадьбами и домами в Туле¹⁸. В 1777 г. Лугинины владели домом «за городом», церковь во имя Св. Никиты тоже была «за городом».

По документам Тульского архива, в 1793 г. в Туле, в 1-й городской части, существовала ул. Лугининская, идущая от Хлебной площади до земляного вала, сохранившегося со времен эпидемии чумы 1771 г.¹⁹ В середине XIX столетия ул. Лугининская (потом ул. Фоминская, Макса Смирнова) по-прежнему находилась в 1-й городской части²⁰.

В статье о Лугининых, опубликованной в «Летописи тульского предпринимательства», говорится, что Лариона Ивановича привлекали к участию в работе законосовещательных государственных учреждений, в частности 2-й комиссии о коммерции (1760–1762). Известно о его непосредственном участии в разработке Банкротского устава, трактата о торговле с Англией, предложений о распределении помощи купцам, пострадавшим при пожаре в Петербургском порту²¹.

Приложение 1

Род Лугининых от Никифора

№ п/п	Представитель рода	№ отца	Примечание
<i>1 поколение</i>			
1	Никифор Лугинин; Ж. Ирина, 70 л.		+ До 1720 г. Вдова. Сыновья выписаны из Тулы в Санкт-Петербург
<i>2 поколение</i>			
2	Корней Никифоров; Ж. — ?	1	Торгует в Туле, отпускает товары в разные города
3	Алексей Никифоров; Ж. Евдокия	1	Лавки торговые в Туле
4	Андрей Никифоров; Ж. Мария	1	Лавки торговые в Туле
5	Василий Никифоров; Ж. Мария	1	Лавки торговые в Туле
<i>3 поколение</i>			
6	Иван Корнилов; Ж. Прасковья	2	Тульский купец 1-й гильдии, содержатель полотняной фабрики. В 1754 г. платил в Туле таможенные пошлины за торговлю соболями. + 1770
7	Фома Корнилов; Ж. — ?	2	Тульский купец 1-й гильдии, платил в Туле таможенные пошлины в 1754 г. отправлял ткани, краску в Санкт-Петербург. + 1775
8	Петр Корнилов; Ж. Марфа Дмитриева	2	+ 1773

Окончание таблицы

№ п/п	Представитель рода	№ отца	Примечание
9	Алексей Алексеев; Ж. Акимья	3	С Максимом Перфильевым Мосоловым совладелец заводов Мышегского и Шанинского. + До 1744 г.
10	Иван Андреев; Ж. Марфа Филиппова	4	+ 1777
11	Василий Васильев; Ж. Прасковья Иванова	5	+ 1787
<i>4 поколение</i>			
12	Ларион Иванов; Ж. Татьяна Терентьева	6	Содержатель полотняной / парусной фабрики. Городской голова в сиротском суде в 1778–1781 гг. Владелец металлургических заводов на Урале. + 1785
13	Иван Фомин; Ж. — ?	7	Тульский купец 1-й гильдии, заседатель Тульского городского магистрата в 1778 г., торговые отношения с Санкт-Петербургом
14	Иван Петров; Ж. — ?	8	
15	Иван Алексеев; Ж. — ?	9	Совладелец заводов Мышегского, Шанинского с Мосоловыми
16	Гавриил Алексеев; Ж. — Катерина Иванова	9	
17	Михаил Иванов; Ж. — ?	10	
18	Илья Иванов; Ж. Мария Михайлова	10	
19	Иван Иванов; Ж. — ?	10	
20	Василий Васильев; Ж. Дарья Павлова	11	
21	Авраам Васильев; Ж. Татьяна Иванова	11	+ 1785
22	Дмитрий Васильев; Ж. — ?	11	+ 1785
23	Сергей Васильев; Ж. — ?	11	
24	Козма Васильев; Ж. Мария Иванова	11	
<i>5 поколение</i>			
25	Максим Ларионов; Ж. Мария Федорова	12	Тульский купец 1-й гильдии. + 1781
26	Николай Иванов; Ж. — ?	13	Тульский купец, торговал солью в 1787–1794 гг.
27	Иван Иванов; Ж. — ?	13	
28	Александр Иванов; Ж. — ?	13	Купец 3-й гильдии. Хлебная площадь. Ф. 518. Оп. 1. Т. 1. Д. 140. Л. 447 об. — 448
29	Иван Авраамов; Ж. — ?	21	Мещанин, Воронежская ул., + до 1799 г. Ф. 518. Оп. 1. Т. 1. Д. 140. Л. 518 об.
30	Иван Козмин; Ж. — ?	24	+ 1792
<i>6 поколение</i>			
	Иван Максимов; Ж. — ?	26	Выбыл в военную службу в 1783 г. Дворянское достоинство 1790
	Ларион Максимов; Ж. — ?	26	Выбыл в военную службу в 1783 г. Дворянское достоинство
	Николай Максимов; Ж. — ?	26	Выбыл в военную службу в 1783 г. Дворянское достоинство
	Александра Максимова	26	

Примечания

¹ ГАТО. Ф. 55. Оп. 3. Д. 251. Л. 87–87 об.² Там же. Оп. 1. Д. 2390. Л. 1–3.³ Там же. Д. 2805. Л. 1–2.⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1680, 1683. Л. 1.⁵ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. М., 1962. С. 137–138.⁶ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 6309. Л. 15, 10–12 об.⁷ Павленко Н. И. Указ. соч.⁸ ГАТО. Ф. 842 Оп. 1. Д. 123. Л. 10–11.⁹ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 250. Л. 1–1 об.¹⁰ Там же. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1385. Л. 1, 3, 4, 5.¹¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. 1728–1732. СПб., 1830. № 5410.¹² ГАТО. Ф. 55 Оп. 1. Д. 2756. Л. 1–2.¹³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. 1775–1780. СПб, 1830. № 14392.¹⁴ ГАТО. Ф. 54 Оп. 1. Д. 152. Л. 182 об.¹⁵ Там же. Ф. 202. Оп. 1, Т. 1. Д. 8. Л. 1–4¹⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXII. 1784–1788. СПб., 1830. № 16188.¹⁷ ГАТО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 171. Л. 28–28 об., 272, 274.¹⁸ Там же.¹⁹ Там же. Ф. 1975. Оп. 1. Д. 212. Л. 4.²⁰ Там же. Ф. 84. Оп. 6. Д. 25. Л. 70.²¹ Летопись тульского предпринимательства. Тула, 2016. С. 61.

Е. М. Шумская, В. Г. Демаков

Игуменья Челябинского Одигитриевского женского монастыря Лидия:
опыт реконструкции биографии на основе архивных данных

Челябинский Одигитриевский женский монастырь, возникший как община в 1848 г. и утвержденный в 1862 г. в статусе обители, сыграл значительную роль в религиозной и культурной жизни Южного Урала. Его становление и развитие неразрывно связано с именами настоятельниц. Игуменья Лидия (Колотинская) стала второй по счету после основательницы матушки Агнии (Полежаевой). Время ее управления пришлось на период начального этапа существования монастыря и утверждения в нем внутреннего уклада.

До недавних пор о жизненном пути Лидии мы знали исключительно из очерка делопроизводительницы монастыря Райсы Будриной¹ и единичных сохранившихся документов начала 1870-х гг. из архива Оренбургской области. При этом рассказанная на страницах брошюры биография очень напоминает житие святой блаженной Ксении Петербургской: потеря мужа потрясла молодую богатую вдову, решившую посвятить свою жизнь Богу.

Попытки обнаружить какие-либо сведения о личности Любови Сергеевны Колотинской (так в миру звали игуменью Лидию), по мужу Уржумцевой и уроженке Челябинска, как указала Раиса Будрина в своей работе², поначалу не увенчались успехом. Затем стало понятно, что в написание фамилии вкралась ошибка и на самом деле она звучала как Колотинская. После данного уточнения нам удалось найти в метрических книгах ряд записей, которые вывели на след этой семьи, проживавшей в Троицке. Появившиеся первичные сведения в дальнейшем позволили уточнить место и дату рождения будущей игуменьи Лидии, а также отдельные факты ее биографии.

Прежде всего, в архивных документах нами обнаружена запись о венчании 13 января 1822 г. в Свято-Троицком соборе Троицка родителей — секретаря Троицкого земского суда Сергея Ивановича Колотинского и дочери штабс-капитана Елены Еремеевны Витковой³. Супруг родился 5 октября 1796 г. в Крутойрской крепости⁴, а жена — 12 мая 1802 г. в Троицке⁵. Здесь же у них появились на свет: Анна (02.02.1823)⁶, Александр (18.08.1825)⁷, Евгения (23.12.1826)⁸, Людмила (03.09.1828)⁹, Елизавета (21.12.1829)¹⁰, Матвей

(08.08.1831)¹¹, Вера (07.04.1833)¹², Любовь (11.08.1834)¹³. Возможно, у пары были и еще дети, но все они умерли в детстве или отрочестве, так как Раиса Будрина в своей книге о монастыре сообщала, что Любовь осталась единственным ребенком в семье¹⁴.

Младшая дочь Колотинских получила хорошее образование, обучалась в частном пансионе¹⁵. По-видимому, в середине XIX столетия семья переехала в Челябинск: если при производстве за выслугу лет в 1848 г. в титулярные советники отец упоминается еще как становой пристав Троицкого уезда¹⁶, то в начале следующего десятилетия он назван уже становым приставом Челябинского земского суда¹⁷. Приказом по Министерству внутренних дел от 9 мая 1852 г. Сергей Иванович, находясь в должности канцелярского чиновника, был уволен от службы по болезни¹⁸. В 1850-х гг. Любовь Сергеевна вышла замуж за коллежского асессора Ивана Максимовича Уржумцева¹⁹, однако записи об их венчании в метрических книгах нам выявить не удалось.

В 1850-е гг. братья Иван и Алексей Уржумцевы состояли стряпчими башкирских кантонов: сначала — третьего и шестого соответственно, а со второй половины десятилетия — одиннадцатого и двенадцатого²⁰. В 1856 г. Иван Максимович изъявил желание «жертвовать на расходы по Государственному ополчению и вообще на издержки в минувшую войну каждотретню (три раза в год. — Прим. авт.) по 5 рублей серебром из получаемого им содержания»²¹.

В конце 1850-х гг. супруг и мама Любови Сергеевны не раз становились крестными у ближайших родственников. Так, имена Ивана Максимовича и Елены Еремеевны упомянуты в записи о рождении 25 (крещен 30) апреля 1858 г. у титулярного советника Алексея Максимовича Уржумцева и его жены Антонины Александровны сына Николая²². Тот же состав крестных можно видеть и в записи о рождении у данной пары 4 (крещена 9) мая 1859 г. дочери Елизаветы²³.

Муж Любови Сергеевны Иван Максимович Уржумцев умер 22 ноября 1859 г. «от горячки» в возрасте 42 лет²⁴. Раиса Будрина сообщала, что

через 45 дней скончалась и мать²⁵. Написанное подтвердили сведения из метрической книги Христорождественского собора Челябинска, в которой сказано, что Елена Еремеевна Колотинская умерла 5 января 1860 г. «от чахотки» в возрасте 54 лет²⁶. В городских обывательских книгах начала 1860-х гг. фамилии Колотинских и Уржумцевых не встречаются²⁷, соответственно, какого-либо недвижимого имущества за ними в городе к тому времени не числилось.

В воспоминаниях сестер монастыря супруг и мама Любови Сергеевны остались как люди глубоко верующие и благочестивые; в ее отношениях и с мужем, и с родителями царила любовь, а жизнь протекала в достатке, была «тихой и безмятежной». В обители сохранилось предание, что с самого раннего возраста будущая игуменья «всеми силами своей чистой души» стремилась к Богу, «любила посещать храмы и, слушая священную службу, встав где-нибудь в отдаленном месте, проливая обильные слезы». Обрушившиеся несчастья она восприняла как «назначение ей особого пути избранных Божиих»²⁸.

Вскоре после смерти мужа и матери пришла еще одна беда — тяжело заболел отец. В течение трех лет Любовь Сергеевна ухаживала за ним, постепенно приготавливая себя к монашеской жизни. Сергей Иванович Колотинский скончался 15 февраля 1864 г. «от паралича» в возрасте 70 лет²⁹. После смерти родителя, оставшись в одиночестве, дочь в течение некоторого времени прожила в своем доме, устроявая дела. Все оставшееся ей состояние было направлено на благотворительность, большая часть имущества отдана в Одигитриевский женский монастырь. В конце концов она «пожертвовала ему и себя», в 1865 г. поступив в обитель³⁰.

О последних годах жизни в миру также сохранились архивные свидетельства. В раскладочных ведомостях по налогу с недвижимых имуществ Челябинска за 1863 и 1864 г. за «вдовой коллежской ассессоршей» Любовью Уржумцевой на ул. Христорождественской (ныне здесь стоит здание по ул. Цвиллинга, 28) числился деревянный одноэтажный дом со службами и баней, а также садом и огородом, оцененный в 2000 рублей³¹. В 1865 г. это домовладение было продано купчихе первой гильдии Татьяне Васильевне Перцевой, которая в дополнение ко всему выше-названному выстроила на участке «новый деревянный флигель и магазин для склада вина с питейной в нем лавкой»³². Эти архивные данные подтверждают сообщение Раисы Будриной о том, что Любовь Сергеевна несколько лет оставалась вдовой и жила в своем доме, ухаживая за парализованным отцом, а вскоре после его смерти продала имение и в 1865 г. ушла в монастырь.

В первый год нахождения в обители послушница Любовь получила благословение епархиального архиерея носить монашескую одежду — рясофор, что отличалось от общепринятых правил. Четырнадцатого сентября 1866 г. ее назна-

чили на должность казначеи монастыря³³, что объяснялось хорошим образованием и грамотностью, а также, как сообщала Раиса Будрина, тем, что она «ко всякому назначению относилась с любовью, покорностью и глубоким смирением. Не имея даже и понятия о некоторой черной работе, она старалась своими собственными руками делать все, что исполняли самые последние послушницы обители. Одежду она носила самую простую и грубую»³⁴.

Двадцать седьмого июля 1868 г. в Челябинске будущую игуменью постригли в монашество с именем Лидии³⁵. На тот момент ей было 33 года, что тоже явилось отступлением от действующего законодательства о пострижении женщин в монахини после 40 лет. Это можно объяснить особыми трагическими обстоятельствами, пережитыми Любовью Сергеевной, личными качествами и той ролью, какую она имела в жизни обители, являясь благотворительницей и первой помощницей игуменьи Агнии, благодаря своему образованию. Именно ее Агния заранее готовила себе на смену, чувствуя оскудение своего здоровья³⁶.

«Это была поистине премудрая руководительница и наставница врученного ей стада словесных овец, — писала о матушке Лидии Раиса Будрина, — она первым долгом все свое внимание обратила на внутреннее состояние обители и живущих в ней»³⁷. Сестры с искренней любовью относились к игуменье, которая «служила примером глубокого смирения, послушания и терпения. Особенно старалась она неопустительно посещать храм Божий во время всех богослужений, причем сама любила читать шестопсалмие, канон и акафист, во время же литургии — апостола.

Читала же она громко, неспешно, с глубоким выражением и нередко со слезами. С глубоким вниманием и любовью слушали насельницы обители чтение своей матушки, до и все предстоящие нередко проливали слезы умиления. <...> В самое короткое время она водворила в обители образцовый порядок, между сестрами единодушие и безропотное послушание. <...> Любовь же со стороны матери игуменьи была так велика, что скорбь каждой сестры была ее собственной скорбью»³⁸.

В короткий срок пребывания игуменей Лидия сумела выплатить долги, а также собрать средства на строительство каменной ограды вокруг монастыря. Одним из главных источников дохода обители стала деятельность свечного завода. При Лидии он с каждым годом работал все эффективнее, внедрялось немало усовершенствований. Спрос на свечи был очень высоким, однако предприятие оказалось недолговечным. Для удовлетворения общепархиальных нужд правящий архиерей принял решение об открытии епархиального завода с одновременным закрытием монастырского. Это произошло в 1878 г. и стало тяжелым ударом по финансовому состоянию общины, как писала Раиса Будрина, «источник дохода обители, таким образом,

прекратился, явилась снова нужда и во всем недостатки»³⁹.

Эта скорбь тяжело повлияла на здоровье матушки Лидии, которая вскоре тяжело заболела. Несколько раз она приобщалась Святых Христовых Тайн, а предчувствуя приближающийся конец, пожелала принять таинство Святого Елеосвящения. Игуменья «до последнего своего вздоха не переставала делать назидания. Особенно же убеждала любить Бога и любить друг друга, завещая каждой иметь смирение, терпение и послушание»⁴⁰. Девятнадцатого апреля 1879 г. Одигитриевская обитель осиротела. Ровно в полночь раздался печальный звон колокола, известивший о кончине горячо любимой сестрами матушки. Игуменья Лидии было 44 года. В метрической книге причиной смерти указали порок сердца⁴¹.

В погребении участвовали семь священников и три дьякона из Христорождественского собора, Свято-Троицкой, Покровской и Одигитриевской церквей Челябинска, а также сестры монастыря. «Что же было во время погребения, так это поистине душу раздирающая картина, — задавалась вопросом Раиса Будрина, — удержался ли кто из посторонних от слез, видя глубокую скорбь и рыдания всей обители?»⁴² Похоронили Лидию в монастырской ограде рядом с матушкой Агнией напротив алтаря Одигитриевской церкви⁴³. Очень ценна и о многом говорит написанная в начале XX столетия фраза Раисы Будриной: «Много времени прошло с тех пор, но память о ней ничуть не изгладилась у тех, кто знал ее»⁴⁴. Важно отметить, что автор этой цитаты лично знала настоятельницу, поскольку сама поступила в обитель в 1873 г.

Игуменья Лидия прожила короткую, полную трагедий и скорбей жизнь: осталась вдовой в 25 лет, следом умерли родители, а старших братьев и сестер потеряла еще раньше. Раздала свое имение и избрала монашеский путь, всецело посвятив себя Богу. Ее семьей стал монастырь, а главным фундаментом духовного созидания — любовь к ближним и особое внимание к богослужению и молитве. Она всего шесть лет руководила обителью, но за это время здесь утвердился тот строгий порядок духовной жизни, который всегда отмечали благочинные, посещая Челябинский Одигитриевский монастырь⁴⁵.

Деятельность игуменьи Лидии представляет собой пример духовного руководства, основанного на личном подвиге, смирении и стремлении к внутреннему устроению монашеской жизни. Ее недолгий период правления стал важным этапом в становлении Одигитриевской обители, заложившим основы духовного устроения монастыря. Преодолев многочисленные личные трагедии в миру, в обители она сумела стать для сестер

подлинной матерью и наставницей, чей образ сохранился в исторической памяти как образец истинной игуменской любви и заботы о вверенной ей пастве.

Примечания

- ¹ Челябинский Одигитриевский женский монастырь / сост. Р. В. Будрина. М., 1904.
- ² Там же. С. 16.
- ³ ОГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 753. Л. 27.
- ⁴ Там же. Д. 220а. Л. 20 об.
- ⁵ Там же. Д. 291. Л. 374 об.
- ⁶ Там же. Д. 798. Л. 72 об.
- ⁷ Там же. Л. 127.
- ⁸ Там же. Д. 903. Л. 9 об.
- ⁹ Там же. Д. 1000. Л. 7 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 1051. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Д. 1093. Л. 30–30 об.
- ¹² ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.
- ¹³ Там же. Д. 19. Л. 31 об.
- ¹⁴ Челябинский Одигитриевский женский монастырь... С. 16.
- ¹⁵ ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4217. Л. 271 об.
- ¹⁶ Высочайшие приказы // Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1848. 18 мая (№ 40). С. 585.
- ¹⁷ Адрес-календарь Оренбургской губернии 1851 года. Уфа, [1851?]. С. 38.
- ¹⁸ Высочайшие приказы по гражданскому ведомству. 1852. 9 мая (№ 89). С. 3.
- ¹⁹ Стрелганова Т. С. Из рода первопоселенцев // Челяб. рабочий. 2011. 10 дек. (№ 228). С. 7 ; Челябинский Одигитриевский женский монастырь... С. 16.
- ²⁰ Адрес-календарь Оренбургской губернии 1851 года... С. 67 ; Адрес-календарь Оренбургского края, с добавлением на 1852 год. Оренбург, [1852?]. С. 42 ; То же на 1854 год. Оренбург, [1854?]. С. 280 ; То же на 1855 год. Оренбург, [1855?]. С. 95 ; То же на 1856 год. Оренбург, [1856?]. С. 124 ; То же на 1857 год. Оренбург, [1857?]. С. 100 ; То же на 1858 год. Оренбург, [1858?]. С. 106 ; То же на 1859 год. Оренбург, [1859?]. С. 108.
- ²¹ Подробное сведение о пожертвованиях, сделанных сословиями и отдельными лицами на военные потребности и в пользу войск // Русский инвалид. 1856. 23 дек. (№ 281). С. 1199.
- ²² ОГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 2069. Л. 44 об.
- ²³ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 306. Л. 35 об. — 36.
- ²⁴ Там же. Л. 176 об. — 177.
- ²⁵ Челябинский Одигитриевский женский монастырь... С. 17.
- ²⁶ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 338. Л. 145 об. — 146.
- ²⁷ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5470 ; Ф. И-6. Оп. 1. Д. 215.
- ²⁸ Челябинский Одигитриевский женский монастырь... С. 16–17.
- ²⁹ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 20. Л. 408 об. — 409.
- ³⁰ Челябинский Одигитриевский женский монастырь... С. 17.
- ³¹ ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5836. Л. 19 об. — 20 ; Д. 5897. Л. 17 об. — 18.
- ³² Там же. Оп. 2. Д. 232. Л. 14 об. — 15.
- ³³ ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4217. Л. 272.
- ³⁴ Челябинский Одигитриевский женский монастырь... С. 17.
- ³⁵ ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4217. Л. 96 об.
- ³⁶ Челябинский Одигитриевский женский монастырь... С. 15.
- ³⁷ Там же. С. 17–18.
- ³⁸ Там же. С. 18.
- ³⁹ Там же. С. 21.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 73. Л. 12 об. — 13.
- ⁴² Челябинский Одигитриевский женский монастырь... С. 22.
- ⁴³ Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА). Вып. 1: Екатеринбургская, Оренбургская и Пермская епархии / публ. Д. Н. Шилова. СПб., 2003. С. 17, 50.
- ⁴⁴ Челябинский Одигитриевский женский монастырь... С. 22.
- ⁴⁵ ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4682. Л. 264 ; Д. 5403. Л. 17–18 об. ; Оп. 4. Д. 6318. Л. 113–114 об.

В. В. Гурский

Казачий род Ворониных — Казанцевых

Казачьи фамилии Ворониных и Казанцевых, судя по архивным данным, были весьма распространены в поселках Челябинской станицы Оренбургского казачьего войска, а носящие их семьи — большими и разветвленными.

Проведенное нами исследование посвящено семье Ворониных — потомкам Емельяна Воронина (по одним данным, казака, по другим — крестьянина), жившего в XVIII в. (его потомки после реформы Оренбургского казачьего войска 1835–1840 гг. уже достоверно были казаками пос. Синеглазовского), и семье Казанцевых, на рубеже XIX–XX вв. связанной с пос. Шершневским. Эти семьи являются предками атамана станицы Смолеозерной 2-го отдела Оренбургского казачьего войска, руководителя Челябинского музея памяти воинов-интернационалистов Владимира Сергеевича Макаренко.

Прежде чем перейти к конкретике, необходимо сказать несколько слов об источниковой базе, основным компонентом которой являются метрические книги. Хорошо документирован период с 1860-х гг. до революции, когда во многих поселках, в том числе в Синеглазовском, были созданы самостоятельные приходы, до этого казаки из поселков посещали Христорождественский собор или Троицкую церковь Челябинска, метрические книги которых имеются в ОГАЧО не за все годы.

Однако высокая сохранность источниковой базы касается только прихожан православной греко-русской церкви, документы по старообрядцам доступны фрагментарно. После 1905 г., когда они получили по императорскому манифесту свободу вероисповедания, количество документов резко увеличивается, но по качеству архивной систематизации они существенно уступают документам официальной церкви: документы за один год могут оказаться в разных делах, размещены вперемешку старообрядческие и иудейские документы, нумерация дел не коррелирует с датировкой документов. Здесь необходимо указать, что Воронины принадлежали к этой церкви, а Казанцевы были старообрядцами. Документы 1918–1925 гг. труднодоступны и фрагментарны, что связано с развалом старых и несовершенством новых структур регистрации.

Есть записи, что в 1814 г. у казака Осипа Емельяновича Воронина 1774 г. р. родился сын Николай¹ (скончался в 1866 г.²), а в 1820 г., уже у урядника, — дочь Евдокия³. Однако, по данным Н. В. Стаиной, семья на тот момент была еще не казачьей, а крестьянской. Причина данного расхождения нуждается в исследовании, которое затруднено отсутствием в ОГАЧО делопроизводства Челябинского станичного правления. В исповедной книге 1820 г. записано, что Воронины проживают еще не в своем доме, а на подворье у крестьянина Г. С. Попова, что, по всей вероят-

ности, и стало причиной разночтений по поводу сословной принадлежности⁴. Согласно той же книге О. Е. Воронин был женат на Марии Филипповне 1771 г. р.

Также здесь упомянуты дети, которые на данный момент не отслежены по метрическим книгам: Михаил 1797 г. р., Феодосия 1800 г. р. и Иван 1805 г. р.⁵ Обнаружены сведения о потомках Михаила Осиповича: сыне Иване, невестке Марии Филипповне и внуке Алексее (р. 2 февраля 1853)⁶.

Казак пос. Синеглазовского Архип Николаевич Воронин был женат на Феокисте Филипповне, в 1869 г. у них родился сын Тимофей⁷, который в 1890 г. женился на крестьянке Кыштымского завода Александре Ивановне Миляевой 1873 г. р.⁸

Семья Тимофея Архиповича была многодетной: дочь Агриппина 1892 г. р.⁹ (умерла в младенчестве¹⁰), дочь Евгения 1896 г. р.¹¹, дочь Евдокия 1899 г. р.¹² (бабушка В. С. Макаренко), сын Александр 1905 г. р.¹³, дочь Марина 1908 г. р.¹⁴, дочь Татьяна 1910 г. р.¹⁵

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1922 г., Тимофей Архипович Воронин в то время еще проживал в Синеглазово и имел середняцкое хозяйство¹⁶. Евдокия Тимофеевна первым браком была за Исаковым (иные данные неизвестны), брак был заключен между 1919 и 1923 гг., из детей известно о Виле Исакове 1920–1925 г. р. (данная информация на сегодняшний день известна только со слов В. С. Макаренко). Второй брак состоялся с Иваном Семеновичем Казанцевым (р. 24 февраля 1882). Их дочь — Евдокия Ивановна Казанцева (мать В. С. Макаренко).

Поговорим более подробно о семье Ивана Семеновича Казанцева. Она была старообрядческой, принадлежала к старообрядческой общине при Покровской церкви, поэтому сведения о ней фрагментарны. Из поименного списка старообрядцев известно, что в 1898 г. семья жила в пос. Шершневском. Семен Ананьевич Казанцев первым браком был женат на Татьяне Михайловне (ум. 1885), был жив в 1918 г.¹⁷ Вторым браком был женат на Евдокии Павловне (1856–1912¹⁸). Дети Семена Ананьевича от первого брака, согласно поименному списку старообрядцев, датированному 1918 г.¹⁹: дочь Анисия (1880–1911), дочь Мария 1881 г. р., сын Иоанн 1882 г. р. и дочь Параскева (1882–1884); от второго, согласно тому же документу: сын Яков 1888 г. р., дочь Анфиса 1891 г. р., дочь Анна 1893 г. р., дочь Любовь 1896 г. р.

Брат Ивана Семеновича Яков был женат на Анне Сергеевне. У них были дети: Татьяна 1907 г. р., Николай 1909 г. р.²⁰ (умер в младенчестве²¹), Анна 1910 г. р.²² (умерла в младенчестве²³), Раиса 1913 г. р.²⁴, Сергей 1915 г. р.²⁵, Прокофий 1918 г. р.²⁶ Умер Яков Семенович

в 1919 г.²⁷, данные об его участии в Гражданской войне на сегодняшний день не выявлены.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1922 г., Казанцевы тогда в пос. Шершневом уже не проживали²⁸. Иван Семенович жил в пос. Сухомесовском и имел средняцкое хозяйство²⁹.

Таким образом, несмотря на имеющиеся значительные пробелы и некоторые разночтения, можно говорить о десяти поколениях семьи Макаренко — Казанцевых — Ворониных (считая детей и внука Владимира Сергеевича Макаренко). Исследования будут продолжаться.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

² Там же. Д. 415. Л. 897.

³ Там же. Д. 7. Л. 3.

⁴ ОГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 700. Л. 36.

⁵ Там же. Л. 36.

⁶ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 233. Л. 28.

⁷ Там же. Д. 439. Л. 1051.

⁸ Там же. Оп. 4. Д. 503. Л. 150.

⁹ Там же. Д. 220. Л. 207.

¹⁰ Там же. Л. 241.

¹¹ Там же. Д. 282. Л. 317.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 84. Л. 170.

¹³ Там же. Оп. 4. Д. 447. Л. 436.

¹⁴ Там же. Оп. 24. Д. 1. Л. 76.

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 582. Л. 461.

¹⁶ Там же. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 359. Л. 6.

¹⁷ Там же. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 384. Л. 7.

¹⁸ Там же. Оп. 4. Д. 510. Л. 126.

¹⁹ Там же. Д. 384. Л. 7.

²⁰ Там же. Д. 482. Л. 159.

²¹ Там же. Д. 568. Л. 6.

²² Там же. Д. 482. Л. 224.

²³ Там же. Д. 568. Л. 326.

²⁴ Там же. Д. 510. Л. 73.

²⁵ Там же. Д. 696. Л. 67.

²⁶ Там же. Л. 252.

²⁷ Там же. Д. 510. Л. 249.

²⁸ Там же. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 342.

²⁹ Там же. Д. 352. Л. 2.

Р. Ш. Хакимов

Златоуст в судьбе императора Николая II

Южный Урал ввиду своего стратегического расположения — как приграничный регион, как место пересечения торговых путей и как развитый старопромышленный район — не был обойден вниманием русских правителей. Так, 21 сентября 1824 г. император Александр I побывал в Златоусте, затем на золотоносном руднике на р. Ташкунганке под Миассом. Цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II, побывал в Златоусте 11 июня 1837 г. (здесь и далее даты даны по старому стилю). Внимание высочайших особ привело к тому, что златоустовские горные заводы посетили также другие члены императорской фамилии: в 1845 г. — герцог Максимилианом Лейхтенбергским, в 1868 г. — великий князь Владимир Александрович¹.

История распорядилась так, что старинный уральский г. Златоуст тесно связан и с именем последнего российского императора Николая II. Пребывание Николая II в Златоусте стало предметом исследований ряда авторов, таких как Н. А. Антипов, В. Е. Боков, И. А. Новиков и др.²

Двадцать девятого апреля 1891 г. наследник престола цесаревич Николай Александрович, посещавший Японию в рамках восточного путешествия, в г. Оцу подвергся нападению полицейского Цуды Сандзо. Наследник получил ранения, не представлявшие, однако, опасности для жизни. Хотя японский император и японское правительство принесли глубокие извинения, программа пребывания в Японии была свернута и цесаревич Николай Александрович отбыл на крейсере «Память Азова» во Владивосток. Покушение на жизнь наследника российского престола вызвало очень сильную общественную реакцию в России. По всей стране последовали адреса, телеграммы с выражением сочувствия и верноподданических

чувств от россиян. Не осталось в стороне и златоустовское земское общество. Златоустовский уезд тогда входил в состав Уфимской губернии. В уездное земское собрание избирались 20 постоянных членов (гласных) от трех курий: от землевладельцев — восемь, от горного населения — двое, от крестьянства — десять.

Десятого мая 1891 г. состоялось заседание IV чрезвычайного Златоустовского уездного земского собрания. И там было принято следующее решение. Из выписки протокола заседания (текст дан без изменений, с сохранением пунктуации и орфографии):

Господин председатель, обратившись к господам гласным собрания объявил, что без сомнения каждому из русских подданных уже известен случай покушения на драгоценную жизнь Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, во время проезда Его по одному из городов Японии и высказал уверенность, что он исполняет задушевное желание каждого из гласных выразить свои верноподданические чувства и беспредельную радость по поводу этого события во всеподданнейший адрес Его Императорскому Величеству.

Собрание с восторгом приняло предложение господина председателя. За сим было прочитан и единогласно утвержден следующий проект всеподданнейшего адреса: «Ваше Императорское Величество, Всемилолюбивейший Монарх! Страшная весть о злодейском покушении на жизнь возлюбленного Наследника Русского Престола, быстро облетевшая всю священную Русь, достигла и нашей далекой окраины. Собравшись в экстренном порядке Златоустовское уездное земское собрание, гласные этого собрания по вознесению молитв к Господу Богу за новое проявление милости Его к русскому народу в спасении Царственного Первенца спешат припасть к Стопам Вашего Императорского Величества Матушки Царицы одушевляющих их чувства непоколебимой верноподданической преданности.

В утверждении приведенного адреса подписаны присутствующими гласными собрание определило: просить Уфимского губернатора повергнуть адрес

к Стопам Его Императорского Величества через г. Министра Внутренних Дел. Подлинный подписали: Председатель собрания Брусов, секретарь Троян и 16 гласных. С подлинным верно: Председатель управы А. Басимов³.

Императором Александром III было принято решение о возвращении цесаревича Николая Александровича через всю империю. Владивосток — Хабаровск — Благовещенск — Иркутск — Красноярск — Тобольск — Омск — Оренбург — Санкт-Петербург — таким был определен маршрут. Из Владивостока цесаревич ехал по Российский империи в конных экипажах, часть пути преодолевал по рекам на пароходе. С 19 июля по 29 июля 1891 г. цесаревич совершил путешествие по станциям Оренбургского казачьего войска, от станицы Звериноголовской до Оренбурга, через Троицк, Верхнеуральск. На границе ОКВ 19 июля цесаревича встречали депутации от жителей станицы Звериноголовской, от станичных обществ Челябинского, Долгодеревенского, Мисасского и Эткульского и от крестьян и башкир Челябинского уезда. Свидетель встречи князь Э. Э. Ухтомский пишет:

Многие не скрывали своего восторга и со слезами в глазах бежали вслед Наследнику, выражая чувство в немногих, но вероятно, памятных Ему словах: «Батюшка ты наш, красное солнышко! Слава Богу! Привел Господь увидеть Тебя»⁴.

Подобные торжественные встречи с подношением хлеба-соли, дорогих подарков и приветственных адресов от депутатий, с песнопениями, конной вольтижировкой и сопровождением почетного эскорта казаков были на всем пути следования цесаревича. В 1891 г. у него была возможность посещения Златоуста. Горнозаводская власть Златоуста готовилась к возможному визиту цесаревича Николая Александровича, планировалось его участие в открытии памятника Александру II на заводской площади. Однако наследник в город не заехал, и памятник открыли 16 июня 1891 г. без участия цесаревича.

Прошло время, и после смерти императора Александра III 20 октября 1894 г. Николай II вступил на российский престол. Через десять лет, уже будучи императором, Николай II посетил Златоуст.

Император прибыл в Златоуст 30 июня 1904 г. на поезде вместе с младшим братом великим князем Михаилом Александровичем, являвшимся тогда цесаревичем. Император присутствовал на смотре Мокшанского и Черноярского пехотных полков, отправлявшихся на Дальний Восток, на фронт, где шла Русско-японская война. Монарх оставил запись в своем дневнике:

30 июня. Среда. Ночью стояли немного выше гор. Златоуста и утром увидели против окон столб с надписью: Европа-Азия (станция Уржумка. — Р. Х.). В 8 ¹/₄ подъехали к станции. После встречи поехали на парад, на котором представились отлично полки: 214 Мокшанский и 282 Черноярский. Место положения было очень красивое — горы кругом площадки

парада. Дождь прошел и даже показалось солнце. Заехав в собор (Свято-Троицкий. — Р. Х.) у самого завода, вернулись на станцию, где осмотрели оружие и предметы, изготавливаемые на заводе. В 10 ¹/₂ уехал из Златоуста — остался очень доволен этим местом. После завтрака долго сидел с Мишей в заднем вагоне. Любовались красотой дороги при солнечном освещении, когда спускались с гор, попали в два ливня...⁵

И наследник, и император высказывали восхищение красотами «Уральской Швейцарии» и уникальными изделиями украшенного оружия златоустовских мастеров.

Для встречи императора был составлен список мастеров и рабочих Златоустовского завода, включенных в состав депутации. Его возглавляли мастера, награжденные золотыми и серебряными медалями, почетными кафтанами: мастер цеха украшений Д. Г. Люндовский, мастера сталелитейного цеха А. Н. Рябов и П. Н. Шевцов, мастера прессо-молотового цеха И. Л. Рогожников и Ф. Ф. Воронин, мастера доменного цеха А. А. Баранов и И. Д. Уткин, чертежники В. Я. Векшин и М. А. Цыпляев. Всего 61 человек. Пропуском на перрон у вокзала и на трибуны служили специальные билеты⁶. Николай II на перроне ст. Златоуст принял приветствия от собравшихся депутатий: дворянской (во главе с уфимско-златоустовским уездным предводителем А. В. Новиковым); горного ведомства (во главе с главным начальником Уральских горных заводов П. П. Боклевским, горным начальником Златоустовского округа А. А. Зеленцовым, управителем Златоустовского завода А. Э. Гертрум), от г. Златоуста (во главе с городским головой А. А. Зотовым). Мастер сталелитейного цеха П. Н. Швецов поднес императору хлеб-соль. Царю преподнесли офицерскую шашку и «изящные вещицы чугунного литья Кусинского завода».

Император в этот же день верхом на лошади на плацу провел смотр двух пехотных полков и вручил им иконы. Златоуст на пути его следования в Свято-Троицкий собор встретил императора и его свиту заполненными народом улицами, колокольным звоном, флагами, гирляндами.

Рассматривая приезд Николая II в июне 1904 г., нельзя обойти вопрос о расстреле златоустовских рабочих 13 марта 1903 г., известном еще как «златоустовская бойня». Это событие произошло за чуть более года до приезда императора. Тогда на площади перед домом начальника горного округа собралось до 5 тыс. рабочих, среди них были женщины и дети. Рабочие были недовольны введением новых расчетных книжек. Агитаторы эсеровского толка явно с провокационной целью стали распространять листовки, где утверждалось, что у рабочих хотят отобрать покосы и выгоны и даже вернуть крепостное право. Непродуманные действия уфимского губернатора Н. М. Богдановича только усилили стихийное выступление рабочих и привели к трагедии. Две роты Мокшанского резервного батальона, вызванные им, открыли огонь по собравшимся. В результате погибли 23 человека, 22 человека умерли впоследствии от ран, ранения получили

83 человека. Однако этот расстрел, как видим, не сказался на приеме Николая II жителями города. Это можно объяснить сохранением монархических настроений в рабочей среде. Также надо учитывать, что Златоустовский оружейный завод был казенным (государственным) и условия труда здесь были относительно хорошими (зарплата рабочих до 20–30 руб., восьмичасовой рабочий день, возможность ведения личного хозяйства, наличие выгонов и покосов, пенсионное обеспечение). И эти настроения вынужденно учитывались местными социал-демократами и социал-революционерами в листовке, выпущенной после расстрела 13 марта, где не содержалось выпадов против царя. В ней были призывы:

Пусть правительство ухнет кровью убитых рабочих. Кровь товарищей вопиет об отмщении! ...Долой зверское правительство! Долой палачей и тиранов! Вечная память погибшим!

В то же время есть сведения о том, что радикальные элементы-боевики перед приездом императора готовили теракт, который был предотвращен местной полицией⁸. Хотя данный факт оспаривается И. А. Новиковым, он видит в этом мистификацию местной полиции⁹.

Император Николай II, как видно из его дневника, остался доволен поездкой в Златоуст. Он даже высказал пожелание еще раз приехать в город. После его отъезда в город по высочайшему повелению были доставлены десять серебряных часов для вручения лучшим мастерам и рабочим Златоустовского завода¹⁰.

Сразу после визита царя городская дума на чрезвычайном заседании 15 июля 1904 г. приняла постановление о создании особого комитета по сбору пожертвований на сооружение памятника в виде обелиска. Девятнадцатого августа 1904 г. городской голова А. А. Зотов в письме начальнику Златоустовского горного округа А. А. Зеленцову писал:

Возникла мысль увековечить сие важнейшее событие из жизни нашего города, для запечатления оного в памяти потомства постановкой памятника на месте, с которого государь император изволил напутствовать царским словом войска.

На следующий же день, 20 августа А. А. Зеленцов дал ответ:

Уведомить, что с удовольствием вступаю в состав комитета¹¹.

Однако решение городской думы по ряду причин осталось на бумаге. Также решили учредить при городском училище стипендии в память посещения Николаем II Златоуста 30 июня 1904 г.

Еще одним фактом личность Николая II связана со Златоустом. В фондах Златоустовского городского музея находится один из личных фотоальбомов семьи Николая II, в котором 210 снимков. Альбом, по-видимому, был присвоен кем-либо из лиц, имевших отношение к охране цар-

ской семьи во время их заточения в Екатеринбург. В конце 1920-х гг. альбом при невыясненных обстоятельствах поступил в Златоустовский музей, зарегистрирован под номером Ф-52 как альбом «Николай II и семья его»¹². Здесь также хранится широко известный снимок, где Николай II запечатлен на ст. Златоуст на проводах Мокшанского и Черноярского полков. Можно высказать предположение, что альбом мог быть передан П. З. Ермаковым (1884–1952), одним из участников убийства царской семьи. Он с мая 1925 по май 1926 г. работал начальником административного отдела окружной милиции Златоуста¹³. Этот человек, как известно, не скрывал, а даже везде и всегда подчеркивал свою «героическую» роль в убийстве царской семьи. Но данное предположение нуждается в проверке и в подтверждении.

Поездка Николая II в Златоуст проходила в очень непростое для него и для страны время и была по-своему знаменательна. Поэтому она ему, конечно, запомнилась. Двадцать седьмого января 1904 г. началась Русско-японская война, что, конечно, занимало все мысли императора. Во время пребывания он был также отягощен мыслями о семье: императрица Александра Федоровна была беременна, и все, в первую очередь Николай II, были в тревожном ожидании: кто появится на свет — долгожданный наследник или очередная дочь (тогда еще не было технологический раннего определения пола)... Тридцатого июля, через месяц после поездки Николая II в Златоуст, родился наследник — цесаревич, нареченный Алексеем. И с уверенностью можно говорить, что император во время молебна в Свято-Троицком соборе в Златоусте молился о благополучном разрешении своей супруги.

Спустя многие десятилетия, в год 150-летия со дня рождения императора Николая II (2018) 19 сентября бюст последнего русского императора был установлен на территории Серафимовского кафедрального собора Златоуста. С инициативой выступила Златоустовская епархия, деньги на памятник собирали прихожане. В память о посещении Златоуста Николаем II еще в 1996 г. около входа в Кресто-Воздвиженскую церковь пос. Сыростан, что между Миассом и Златоустом, был установлен бюст последнего русского царя. Этот памятник, открытый в 1996 г. еще до канонизации самодержца, стал одним из первых памятников Николаю II в постсоветской России.

Таким образом, память о последнем российском императоре Николае II увековечена и в Миассе, и в Златоусте.

Примечания

¹ Боков В. Е. Посещение высочайшими особами Златоустовских казенных горных заводов. Уфа, 1904. С. 36, 60.

² Антипин Н. А. Николай II // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2008 / сост. И. Н. Пережогина и др. Челябинск, 2007. С. 124–129; Боков В. Е. Посещение высочайшими особами г. Златоуста 30 июня 1904 года. Уфа, 1904; Абрамовский А. П., Божье В. С., Кобзов В. С., Окунов Ю. П., Плотников И. Ф. Николай II // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2005. Т. 4. С. 585–587; Новиков И. А. Юбилейные

даты российской истории и Южный Урал: 400-летие Дома Романовых // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе : материалы XVII Всерос. ист.-пед. чтений. Екатеринбург, 2013. С. 180–191.

³ Сборник постановлений Златоустовского уездного земского собрания IV чрезвычайной и XVII очередной сессии 1891 года с приложениями. Златоуст, 1892. С. 294, 295.

⁴ Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. СПб. ; Лейпциг, 1897. Т. 3. С. 190.

⁵ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 217.

⁶ АЗГО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1253. Л. 1, 6–7.

⁷ НАРБ. Ф. П-1832. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2. Заверенная копия. Машинопись. Приводится в: Летопись Челябинской области : сб. док. и материалов / гл. ред. А. П. Финадеев ; сост.: Е. П. Турова, И. С. Янгирова. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 207.

⁸ Антипин Н. А. Николай II // Календарь знаменательных

и памятных дат. Челябинская область, 2008 / сост. И. Н. Пережогина и др. Челябинск, 2007. С. 124–129.

⁹ Новиков И. А. Уральские краеведы второй половины XIX — начала XX века о пребывании Романовых на Южном Урале // Гороховские чтения : материалы четвертой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2013. С. 230.

¹⁰ АЗГО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1253. Л. 45, 47, 49.

¹¹ Там же. Л. 45, 45 об.

¹² Окунов Ю. П. Николай II // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 4. С. 599.

¹³ ГАСО. Ф. Р-1200. Оп. 2Е. Д. 69. Л. 2–2 об. ; Ермаков, Петр Захарович URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki> (дата обращения: 08.03.2026) ; Ермаков Петр Захарович. Российский революционер. Участник расстрела императора Николая II и его семьи. URL: <https://rus.team/people/ermakov-petr-zakharovich> (дата обращения: 08.03.2026).

К. Н. Коршунова

Кронштадтская морская община сестер милосердия: восстановление биографии сестры милосердия

Конец XIX в. ознаменовался расцветом одного из самых ярких женских гуманитарных и общественных движений — сестер милосердия Российского общества Красного Креста. Эти женщины стали движущей силой в развитии системы медицинской помощи и социальной поддержки в России. Их самоотверженность проявлялась в помощи раненым и больным в периоды войн и эпидемий, в работе госпиталей, а также в организации благотворительных и просветительских инициатив. Благодаря их активной гражданской позиции и беззаветному служению движение сестер милосердия стало воплощением милосердия, сострадания и той женской силы, которая способна позитивно влиять на общество. В данной статье мы сосредоточимся на морской общине сестер милосердия, занимавшей особое место в истории. Эта община, будучи одной из старейших, была единственной, специализировавшейся на подготовке сестер для службы на военных морских судах. Ее расположение в Кронштадте, крупном военно-морском узле, подчеркивало ее исключительную важность. Благодаря своей уникальной направленности морская община играла ключевую роль в медицинском обеспечении моряков и офицеров, объединяя духовное призвание с практической заботой в условиях военного флота.

Официальное учреждение морской общины сестер милосердия состоялось в 1877 г., однако ее история началась значительно раньше. В 1857 г. по инициативе генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича сорок сестер Крестовоздвиженской общины приступили к служению в Кронштадтском военно-морском госпитале. Их пребывание там продлилось до 1862 г., после чего они были переведены в Калининский военно-морской госпиталь в Санкт-Петербурге.

Спустя десятилетия, в 1903 г., было принято решение о создании местного управления Российского общества Красного Креста (РОКК) в Крон-

штадте. В этот период значительную роль в жизни общины сыграла Капитолина Николаевна Макарова, супруга вице-адмирала С. О. Макарова, которая стала попечительницей общины. Ее поддержка и участие помогли укрепить и развить это важное направление благотворительной деятельности¹.

По примеру сбора биографии сестры милосердия общины «Утоли мои печали» Устиньи Ивановны Разгуловой и сестры милосердия Морской общины Коптяевой Лидии Николаевны² в ходе подготовки статьи проводилось восстановление биографии сестры милосердия Марфы Ивановны Андреевой. К сожалению, как и в случае с большинством сестер милосердия, ее жизненный путь и заслуги практически не задокументированы и не собраны в единую, доступную для изучения форму. Это связано с тем, что деятельность сестер милосердия часто оставалась в тени, а их личные истории не всегда фиксировались официальными источниками. Тем не менее восстановление таких биографий крайне важно для сохранения памяти о людях, посвятивших себя помощи другим в трудные времена.

Марфа Ивановна Андреева	
Дата рождения	1876 г.
Место рождения	г. Кронштадт
Происхождение	Нет сведений
Образование	Нет сведений
Служебное звание	Штатная
Участие в боевых действиях	Участвовала в Русско-японской войне, в Цусимском сражении. Из списка милосердия РОКК: Служила с 15 августа 1914 г. в Гельсингфорском морском госпитале ³

Из материалов ЦАМО, которые были представлены на портале «Память народа», становится известно, что М. И. Андреева продолжала свою деятельность по оказанию медицинской помощи после революции 1917 г. На момент на-

чала Великой Отечественной войны она работала медсестрой в 35-м Кронштадтском военноморском госпитале.

Двадцать шестого февраля 1942 г. М. И. Андреева была награждена медалью «За боевые заслуги». Из документов о награждении:

Служит в Кронштадтском военноморском госпитале 45 лет, с 1897 года, за время своей продолжительной службы работала в хирургическом, терапевтическом, психиатрическом и инфекционном отделениях госпиталя. В настоящее время медсестра инфекционного отделения. За время службы командировалась в отряды: в 1920 году в Украинскую Республику из-за эпидемии сыпного тифа; в 1902 году в Саратовскую губернию из-за эпидемии дифтерии. В 1914 году плавала на госпитальном судне «Ариадна». С 1918 года безотлучно работает в Кронштадтском морском госпитале и последние 26 лет в инфекционном отделении.

За время своей 45-летней работы многие тысячи тяжело больных прошли через руки медицинской сестры Андреевой. С первого дня Великой Отечественной войны т. Андреева с присущей ей материнской заботливостью и вниманием бесперебойно работает в инфекционном отделении. В обстановке бомбардировки с воздуха и артобстрелов т. Андреева не покидала и не покидает своего служебного поста. Не смотря на 66-летний возраст и слабое здоровье т. Андреева своей работой, знанием и опытом, личными качествами представляет честного и преданного своему народу работника, является примерной медсестрой, воспитывающей у окружающих ее служащих и больных патриотизм, дисциплину и выполнение своего гражданского долга перед нашей социалистической Родиной.

Из наградного листа становятся известны некоторые фрагменты биографии Марфы Ивановны Андреевны, также становится известно, что она была награждена 23 благодарностями и рядом денежных наград за хорошую работу и активное участие в социалистических соревнованиях от командования⁴.

А уже 22 декабря 1942 г. М. И. Андреева была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Двадцать девятого апреля 1945 г. М. И. Андреевой вручен орден Красной Звезды⁵, 9 мая 1945 г. — медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Для многих сестер милосердия, чья деятельность была тесно связана с дореволюционными структурами, революция означала необходимость адаптации к новой реальности. Некоторые, возможно, продолжали свою благородную миссию в измененных условиях, встраиваясь в новую систему здравоохранения. Другие могли столкнуться с трудностями, связанными с изменением социального статуса или необходимостью искать новые пути применения своих навыков и призвания⁶. Но из биографии Марфы Ивановны Андреевой вытекает, что она смогла принять изменения в стране и продолжала свою медицинскую миссию в госпитале Кронштадта.

Восстановление биографии Марфы Ивановны Андреевны позволяет не только вернуть из забвения личность сестры милосердия, посвятившей свою жизнь служению в Кронштадтском морском госпитале, но и глубже понять роль женщин в системе медицинской помощи в России конца XIX — середины XX в. Ее многолетний труд, охватывающий период от царской России до послевоенного времени, отражает не только профессиональную преданность, но и стойкость духа в условиях исторических испытаний. Исследование жизни Марфы Ивановны становится важным вкладом в сохранение памяти о тех, кто стоял на передовой заботы о здоровье и жизни моряков и военнослужащих, и служит вдохновением для современных поколений медицинских работников и волонтеров.

Восстановление биографии сестры милосердия Марфы Ивановны Андреевой позволяет не только увековечить память о выдающейся женщине, посвятившей свою жизнь служению и заботе о раненых и больных в самые трудные периоды российской истории, но и глубже понять роль Кронштадтской морской общины сестер милосердия в обеспечении медицинской помощи на фронтах и в тылу. Ее многолетняя служба, участие в ключевых военных конфликтах и заслуженные награды свидетельствуют о высокой самоотверженности и профессионализме. Ее жизненный путь отражает не только личные качества и профессиональные достижения, но и общую картину развития сестринского движения в России, особенно в условиях военных испытаний и социальных перемен. Более того, изучение ее судьбы способствует сохранению исторической памяти о Кронштадтской морской общине сестер милосердия, чья деятельность зачастую оставалась в тени, несмотря на ее значимость и масштаб.

Примечания

¹ Никитин Е. А., Роскостов М. В. Кронштадтская морская община сестер милосердия // Морская медицина. 2018. № 4 (2). С. 77–84. URL: <https://doi.org/10.22328/2413-5747-2018-4-2-77-84>

² Коришнова К. Н. Личные дела сестер милосердия как источник: изучение личностей сестер милосердия Российского Красного Креста // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук : междунар. электрон. науч. журн. 2025. № 4 (114). С. 105–108.

³ Список сестер милосердия Российского общества Красного Креста: составлен по сведениям, имеющимся в канцелярии Главного управления Российского общества Красного Креста к 1-му августа 1915 г. Пг., 1915. С. 215.

⁴ ЦАМО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 517. Л. 457.

⁵ Там же. Д. 1209.

⁶ Коришнова К. Н. Кронштадтская морская община сестер милосердия и ее наследие в документах РГВИА // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук ... 2026. № 1 (115). С. 65–71.

А. П. Косицына

Судьба в эпоху перемен: Алексей Иванович Ерамасов

В сегодняшние времена особенно ценно обратиться к историческому опыту, взглянуть в «зерцало» прошлого. Возможно, именно там мы увидим, как далеко шагнула наша страна и каждый из нас. Что мы приобрели, что утратили, и что оставим в наследство грядущим поколениям.

В этой статье мы расскажем о нашем выдающемся земляке Алексее Ивановиче Ерамасове. Этот человек оставил неизгладимый след в истории не только нашего уездного г. Сызрани, но и всей России.

Алексей Иванович Ерамасов родился 22 (10) октября 1869 г. в Сызрани в семье крупного местного купца-мукомола Ивана Михайловича и Надежды Егоровны Ерамасовых. Семья владела двухэтажным каменным домом в самом центре города, на главной улице — Симбирской. О внушительном благосостоянии семьи свидетельствует и такой факт: после пожара 1906 г. на их загородную усадьбу было совершено дерзкое разбойное нападение. Оценочная стоимость похищенного составила 100 тыс. руб. — сумма поистине колоссальная для того времени¹.

В книге регистрации и оценки недвижимого имущества Сызрани за 1916 г. для взимания земельного сбора общая стоимость владений семьи Ерамасовых составила 2200 руб. В состав их недвижимого имущества входили каменный дом, палатка и деревянный дом с шатровой крышей².

В начале 1920-х гг., в период муниципализации, домовладения Ерамасовых оказались под угрозой. Однако Анна и Алексей Ерамасовы, брат и сестра, оспорили это решение. Они подали заявление в комиссию по муниципализации, представив доказательства того, что дома не подлежат национализации. Ключевым аргументом стало то, что дом с каменным погребом и конюшней с 9 марта 1922 г. находился в аренде у ГПУ. По итогам разбирательства дома были оставлены в собственности Ерамасовых³.

Сведения о детстве Алексея и его сестры скудны, почти не дошли до нас. Известно, что А. И. Ерамасов получил основательное домашнее воспитание. По окончании Сызранского реального училища юноша отправился в Москву. Там его путь лежал в Петровскую сельскохозяйственную академию. Однако полный курс обучения ему пройти не удалось. В студенческие годы Ерамасов оказался в кругу революционно настроенной молодежи, участвовал в ее собраниях⁴. Исключенный из академии за участие в нелегальных кружках и студенческих сходках, он был выслан на родину под надзор полиции. В Сызрани Ерамасов, однако, не утратил своей активности и включился в городскую молодежно-студенческую жизнь⁵. В доме Ерамасовых регулярно собиралась сызранская молодежь. Здесь кипели споры о городских новостях и обсуждались идеи народо-вольцев. Частым гостем был земский служащий

из Самары Вадим Андреевич Ионов, бывший студент Петербургского лесного института, отчисленный за свободомыслие и участие в народо-вольческих кружках. Ионов, уроженец Сызрани, где проживали его родители, однажды пригласил А. И. Ерамасова к своим знакомым в Самару. В доме купца Рытикова, где в тот период проживали семьи Ульяновых и Марка Тимофеевича Елизарова, через Елизарова Ионов организовал знакомство Ерамасова с В. И. Лениным.

Летом 1900 г. В. И. Ленин предпринял поездку по российским городам, чтобы установить и укрепить связи с местными социал-демократами и заручиться их поддержкой. В июле он побывал в Сызрани. Планировал встречу с А. И. Ерамасовым, но, к сожалению, не застал его в городе. Ненадолго Ленин остановился в доме семьи Павла Тимофеевича Елизарова, которая в то время арендовала квартиру в старинном доме Звягинцева на ул. Большой⁶.

В декабре 1900 г. вышел первый номер революционной газеты «Искра». Среди тех, кто поддержал это начинание, был Алексей Иванович Ерамасов, сын состоятельного сызранского купца. Он не только вошел в состав самарской группы «искровцев», но и оказывал газете значительную материальную помощь. Несмотря на свое благосостояние, Ерамасов вел аскетичный образ жизни, направляя свои средства на партийные нужды. Эта самоотверженность и скромность, вероятно, и принесли ему партийную кличку «Монах». Владимир Ильич Ленин неоднократно обращался к Ерамасову с просьбами о финансовой поддержке большевистских изданий, которые играли ключевую роль в пропаганде и организации революционного движения⁷.

О вкладе Ерамасова позднее вспоминала сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова:

За весь период нелегального существования партии Алексей Иванович помогал ей деньгами, отдавая все свои средства. Эти деньги он всегда направлял лично Ильичу, в его распоряжение. Когда партии туго приходилось в материальном отношении, мы знали, что есть человек, который готов выручить, если сможет. Тогда кто-нибудь из нас ехал в Сызрань к «Монаху» за помощью⁸.

Эти слова подчеркивают, насколько важна была материальная поддержка Ерамасова для выживания и деятельности большевистской партии в самые сложные времена.

Февральская революция, начавшаяся в Петрограде в 1917 г., свергла самодержавие. Вест о падении монархии достигла Сызрани 4 марта. В тот же день в Сызрани начались массовые демонстрации. На митинге у городской управы одним из первых выступил А. И. Ерамасов. Он говорил о В. И. Ленине, называя его великим пролетарским революционером. Ерамасов выра-

жал твердую уверенность в том, что под руководством Ленина и созданной им большевистской партии рабочие, крестьяне и солдаты одержат победу и построят новое социалистическое общество, свободное от буржуазии, помещиков и чиновников. Его речи произвели глубокое впечатление на участников митинга⁹.

В 1917 г. в Сызрани А. И. Ерамасов активно поддерживал большевиков: он оказывал финансовую помощь газете «Товарищ», органу Сызранского комитета партии, и сам издал несколько номеров газеты «Сызранское утро», где пропагандировались идеи В. И. Ленина¹⁰.

После революции А. И. Ерамасов вступил в 1917 г. в партию большевиков. Однако вследствие заболевания туберкулезом легких и почек он был вынужден выйти из партии. Несмотря на недуг, он принимал участие в организации отрядов Красной гвардии и непродолжительное время трудился в музее народного образования, но был вынужден прекратить трудовую деятельность по медицинским показаниям. Отсутствие стабильного заработка привело к его стесненным материальным условиям.

Вышеизложенные факты биографии А. И. Ерамасова хорошо известны большинству жителей нашего региона, переживших советскую эпоху. Его личность неоднократно освещалась в периодической печати, а краеведческая литература содержит обстоятельные статьи. В то же время деятельность А. И. Ерамасова в качестве гласного Сызранской городской думы, куда он избирался на протяжении нескольких созывов, остается практически неисследованной.

Анализ документов Сызранского филиала Центрального государственного архива Самарской области позволяет утверждать, что Ерамасов активно участвовал в работе городской думы вплоть до ее роспуска в 1918 г. Важно отметить, что в этот период его революционная деятельность не проявлялась. Информация о его работе доступна в журналах заседаний думы. Однако пожар 1906 г. и мятеж белочехов в 1918 г. привели к уничтожению журналов заседаний думы до 1906 г. Это обстоятельство делает невозможным установление деятельности Ерамасова в качестве гласного с конца XIX в. по 1906 г.

Принимая участие в работе думы, А. И. Ерамасов демонстрировал глубокое понимание первостепенных городских нужд, дышал неравнодушием и патриотизмом. Он проявлял себя как политик, мыслящий масштабно, по-государственному. Множество его новаторских предложений находили признание, что свидетельствовало о его авторитете и глубоком уважении со стороны других гласных — видных и именитых горожан. Обладая истинным ораторским даром, он виртуозно владел словом, искусно убеждал, зачастую на заседаниях думы настойчиво претворял в жизнь свои предложения.

В июле 1906 г. масштабный пожар практически полностью уничтожил город. На экстренном заседании думы городской голова М. Чернухин

доложил о катастрофических последствиях: огонь поглотил центральную часть города, городскую казну, множество предприятий, церкви и женский монастырь¹¹. По инициативе гласного А. И. Ерамасова дума приняла ряд судьбоносных постановлений. В решение городских проблем было решено вовлекать всех жителей города¹², а на центральной ул. Большой (ныне Советская) ввести запрет на возведение деревянных домов¹³. Гласные думы инициировали разработку комплекса противопожарных мер: 1) строительство дополнительного водопровода¹⁴; 2) закупка паровых пожарных машин¹⁵; 3) формирование пожарных обозов¹⁶.

Ерамасов не раз выступал на заседаниях думы с резкой критикой. В частности, он подверг сомнению деятельность строительной комиссии, созданной после пожара 1906 г., указав на систематические нарушения строительного устава при возведении зданий. Кроме того, А. И. Ерамасов обращал внимание на плачевное противопожарное состояние многих городских учреждений. Особое недовольство вызывал синемаатограф на ул. Большой: из-за небрежного хранения киноплёнок, которые легко воспламеняются, он представлял серьезную угрозу, что требовало немедленного оснащения помещения негорючими шкафами. Гласный Ерамасов высказывал предложение о строительстве нового здания, отвечающего современным стандартам пожарной безопасности, которое было почти единогласно поддержано думами¹⁷. Чтобы пожарные обозы могли беспрепятственно передвигаться по городским улицам, Ерамасов предлагал проектировать их широкими и прямыми, строго следуя требованиям строительного устава¹⁸.

На заседаниях городской думы Ерамасов внимательно следил за повесткой дня, не выделяя приоритетных тем: он одинаково решительно и требовательно отстаивал свои инициативы по любым вопросам городской жизни. Его позицию разделяли и другие гласные. Так, И. В. Суйковский и А. Н. Андреянов горячо поддержали предложение А. И. Ерамасова об открытии в Сызрани пятой аптеки. Ерамасов убедил думу в необходимости этого учреждения для активно застраиваемого после пожара района, которое обеспечит аптечное обслуживание Новой линии, Красной горки, Слободки и Закрымзенской части города¹⁹.

А. И. Ерамасов неоднократно выступал за расширение сети медицинских учреждений. В частности, он предложил открыть в городе отдельную инфекционную (заразную) больницу²⁰, поскольку возможностей земского отделения явно не хватало для нужд населения. На заседаниях думы Ерамасов настаивал на улучшении условий содержания больниц, предлагая провести ремонт в Красно-Крестной больнице и заложить на эти цели дополнительные расходы в смете²¹. Кроме того, он инициировал вопрос о повышении жалования медицинскому персоналу²². Эту инициативу поддержал известный в городе гласный М. С. Ильин: они обосновали необходимость

доплат тем, что после пожара нагрузка на медиков значительно возросла. Также Ерамасов регулярно ходатайствовал перед думой о том, чтобы повышение квалификации городских врачей осуществлялось за счет городской казны²³.

Вопросы народного образования находились в центре внимания Ерамасова. На заседаниях городской думы он выступал с инициативой по восстановлению учебных заведений, пострадавших от пожара 1906 г. В интересах образовательного процесса и обеспечения пожарной безопасности Ерамасов настаивал на том, чтобы новые здания возводились исключительно из камня и на прежних, привычных для горожан местах. Так было с реальным училищем, женской гимназией²⁴. Подобный подход был реализован при реконструкции реального училища и женской гимназии. Кроме того, еще в 1900 г. гласный Ерамасов, действуя по поручению своей сестры Анны, предложил учредить за счет личных средств стипендию для учащихся реального училища²⁵. По его инициативе дума также ходатайствовала о выдаче беспроцентной ссуды на строительство специального здания для гимназии²⁶.

На заседаниях думы гласный Ерамасов выступал за поддержку и развитие городских предприятий. Он являлся экспертом по осмотру мельниц и плотин, затем в думе докладывал о проведенной работе, отмечал, что не хватает кровельного железа, других строительных материалов, призывал гласных к быстрому разрешению проблем²⁷.

А. И. Ерамасов выступил в защиту городской бани Грязевой. Отметил, что ее баня более благоустроенная, чем другие, за водопроводную воду она исправно платит в доход города, и высказал мнение, что не нужно притеснять Грязеву. Его доводы поддержал и заместитель председателя земской управы Монстров²⁸.

А. И. Ерамасов поднимал в думе вопросы благоустройства города. Так, при поддержке гласного С. К. Чернухина он выступил за предложение мещанина Полякова и крестьянина Ляпунова об очистке города от бродячих собак и палых животных²⁹.

Дорогам, перевозам всегда придавалось большое значение. Ерамасов часто поднимал проблему должного содержания прогонных трактов, торговых путей, проезжей части дорог, тротуаров на заседаниях городской думы. Ему принадлежала идея устройства перевоза через Волгу по примеру Батрацкого³⁰, так как переправляться на лодках через реку к хуторам было достаточно опасно.

А. И. Ерамасов отличался широтой интересов. Он глубоко разбирался в вопросах образования, медицины, социально-экономической сферы, а также в банковских и ревизионных делах.

В 1909 г. по постановлению городской думы гласный А. И. Ерамасов вошел в состав постоянной комиссии³¹ по ревизии отчетов городской бюджетной комиссии при управе, а также отчетов

всех банков, расположенных в Сызрани. Он последовательно выступал за усиление контроля городской думы над деятельностью городской управы, средних и мелких предпринимателей и над всей городской жизнью³².

Гласный Ерамасов играл ключевую роль в формировании городского бюджета³³. Он настаивал на целевом расходовании средств, выделенных на образование, и подчеркивал, что любые решения, касающиеся освобождения от платы за обучение, закупки учебных материалов для библиотек или проведения ремонтных работ, должны проходить согласование с думой. Изучение и анализ журналов заседаний Сызранской городской думы подтверждает его активную позицию: А. И. Ерамасов регулярно выступал в поддержку гласных, подвергал критике работу городских учреждений и комитетов, тем самым внося значительный вклад в принятие думских постановлений³⁴.

Анализ протоколов заседаний Сызранской городской думы позволяет утверждать, что А. И. Ерамасов демонстрировал активное участие в законодательном процессе. На каждом заседании он последовательно выступал в поддержку позиций гласных, высказывал критические замечания в адрес деятельности различных учреждений и городских комитетов, тем самым внося существенный вклад в принятие постановлений думы.

Из опубликованных источников Ерамасов известен как революционный деятель, соратник Ленина. Однако документальные материалы Сызранского филиала открывают нам его деятельность в качестве гласного городской думы. Возникает закономерный вопрос: как в одном человеке могли сосуществовать столь полярные роли — революционер и представитель власти? Возможно, депутатский мандат служил ему прикрытием для ведения революционной работы, позволяя избежать ареста? Или же он использовал трибуну думы для защиты интересов простых сызранцев? Очевидно, что эти сферы деятельности не исключали друг друга, и Ерамасов умело сочетал их, успешно воплощая свои идеи и планы.

Прошло много лет после революции. Человек, посвятивший себя ей, оказался в забвении: больной, одинокий и в нужде. Его судьба привлекла внимание сестры Ленина лишь по стечению обстоятельств.

Алексей Иванович Ерамасов скончался 28 апреля 1927 г. после длительной болезни. Его сестра Анна Ивановна выполнила завещание брата, передав дом в муниципальную собственность для организации библиотеки. В дальнейшем здание занимали различные учреждения, а с 1939 г. и в XXI в. оно используется городским военкоматом.

В современной Сызрани одна из улиц названа в именем нашего земляка А. И. Ерамасова. Дом, где проживал А. И. Ерамасов, представляет собой памятник гражданской архитектуры XX в.

Примечания

- ¹ Романова Т. В. «Полиция без дела не сидела» // Город Сызрань. Очерки географии, истории, культуры, экономики. Сызрань, 2008. Т. 1. С. 283.
² Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 153. Л. 56.
³ Там же. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 265. Л. 165.
⁴ Морозенко В. С. Сызрань — годы и люди. Куйбышев, 1983. С. 20.
⁵ Путеводитель по историко-революционным местам г. Сызрани. Куйбышев, 1962. С. 14.
⁶ Морозенко В. С. Указ. соч.
⁷ Ваreshин А. М., Дедков Б. П. Город Сызрань: ист.-экон. очерк. Куйбышев, 1964. С. 35.
⁸ Там же. С. 36.
⁹ Там же. С. 68.
¹⁰ Путеводитель по историко-революционным местам г. Сызрани ... С. 15.
¹¹ Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
¹² Там же. Л. 2.
¹³ Там же. Л. 33.
¹⁴ Там же. Л. 45.

- ¹⁵ Там же. Л. 54.
¹⁶ Там же. Д. 8. Л. 112.
¹⁷ Там же. Д. 9. Л. 179.
¹⁸ Там же. Д. 11. Л. 79.
¹⁹ Там же. Д. 6. Л. 62.
²⁰ Там же. Д. 9. Л. 120.
²¹ Там же. Д. 11. Л. 18.
²² Там же. Д. 6. Л. 118.
²³ Там же. Д. 9. Л. 3.
²⁴ Там же. Д. 8. Л. 36.
²⁵ Там же. Д. 9. Л. 51 об.
²⁶ Там же. Д. 8. Л. 66.
²⁷ Там же. Л. 65.
²⁸ Там же. Д. 9. Л. 32.
²⁹ Там же. Д. 6. Л. 126.
³⁰ Там же. Д. 8. Л. 68.
³¹ Там же. Д. 9. Л. 119.
³² Там же. Л. 87–144.
³³ Там же. Л. 191.
³⁴ Там же. Д. 11. Л. 7.

И. А. Ключ

**Германские военнопленные Первой мировой войны в Советской России:
траектории судеб (по материалам Государственного архива
административных органов Свердловской области)**

История страны, история региона — это в конечном счете история человека. Когда исследователь раскрывает судьбу отдельного человека, а тем более ограниченной группы людей, он начинает значительно лучше понимать эпоху. В данном случае — эпоху Первой мировой и Гражданской войн, эпоху революционных преобразований в России — становления нового государства.

Вопросам социально-культурной антропологии, микроистории и семейной истории «периода войн и революции» посвящено достаточно много работ. Наиболее значимыми из них являются монография доктора исторических наук Н. В. Суржиковой, в которой на большом фактическом материале рассматривается вопрос социальной, экономической и политической вовлеченности военнопленных Первой мировой войны в общественные потрясения 1914–1922 гг. на Урале¹. Диссертация доктора исторических наук И. Б. Беловой, посвященная проблеме беженцев и военнопленных в целом, содержит отдельную главу об обстоятельствах жизни пленных Первой мировой войны в молодой Советской России². Часть кандидатской диссертации Э. С. Идрисовой, раскрывающей характер присутствия военнослужащих Четверного союза на Южном Урале, посвящена агитационно-пропагандистской работе большевиков среди пленных и вовлечению их в Гражданскую войну³. С неожиданной стороны рассматривают проблему инкорпорации иностранных военнопленных в российское общество периода Первой мировой и Гражданской войн сибирские историки А. В. Сушко и Д. И. Петин. Они прослеживают процесс перехода славянской группы пленных в православие⁴.

Обращает на себя внимание, что проблема судеб военнопленных во всех перечисленных ра-

ботах анализируется в рамках более широких вопросов, таких как социальные практики большевиков по отношению к пленным Первой мировой войны или культурная ассимиляция близких по происхождению народов. Кроме этого хронологически работы затрагивают самый начальный этап советского строительства. В связи с этим представляется интересным посмотреть на судьбы военнопленных Первой мировой войны на более протяженном отрезке времени, сделав их основным предметом исследования.

В Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО) на данный момент выявлено 16 дел бывших военнопленных германской армии периода Первой мировой войны. Особенностью этих дел является то, что они возникли в ходе политических репрессий, преимущественно в конце 1930-х гг. Архивно-следственные дела не могут обладать всей полнотой информации о жизни человека. Особенно в части интеллектуального и морально-нравственного развития. Кроме того, часть информации, которую содержат подобного рода дела, носит явно тенденциозный характер, а отдельные факты порой требуют перепроверки. Тем не менее общие сведения о судьбе человека, его анкетные данные, а также некоторые подробности военной, трудовой, семейной и политической биографии заслуживают полного доверия. Таким образом, анализ архивно-следственных дел бывших военнослужащих армии кайзера Вильгельма II, оказавшихся в русском плену, а затем оставшихся в Советской России на постоянное место жительства, позволяет нам лучше понять людей, принявших рискованное решение — строить новую жизнь в разоренной стране среди тех, кого не так давно они считали врагами.

Имеющийся на руках объем информации, с учетом характера ее возникновения, не дает возможности получить полный коллективный портрет бывшего военнопленного германской армии на Урале в первые десятилетия советской власти. Однако кое-какие наблюдения, значительно продвигающие нас в этом направлении, сделать можно. Для простоты изложения необходимо разбить наши наблюдения на две части — общее и особенное.

Начнем с общих моментов. Все военнопленные германской армии, проживавшие на Урале в 1910–1930-х гг., были уроженцами Германской империи, для всех родным языком был немецкий. Их средний возраст на 1918 г. — 27 лет. То есть рассматриваемая группа в целом обладала серьезным жизненным опытом. Одновременно это были достаточно молодые люди, способные на решительные действия. Самым возрастным из них был житель Восточной Пруссии крестьянин Иоганн Михайлович Май, военнопленный с 1914 г. Он родился в 1879 г. и на начало Первой мировой войны уже был женат, воспитывал сына⁵. Самый молодой представитель из рассматриваемой нами подборки — Макс Лазаревич Шайнер, уроженец г. Ландсберга⁶, появился на свет в 1899 г. То есть на момент пленения в 1916 г. ему было 17 лет. До армии М. А. Шайнер был беспризорником; находясь в плену, содержался в лагере г. Ирбита⁷.

Все бывшие германские военнопленные, чьи биографии были изучены, смогли в полной мере социализироваться. Практически все они имели семью и постоянную работу. Так, уроженец г. Радлина⁸ Карл Иосифович Шмидт, работавший сторожем в ирбитском сельхозрабфаке, имел на иждивении жену и четырех дочерей⁹. Впрочем, его обогнал Михаил Иванович Кносало, происходивший из Верхней Силезии. Ефрейтор германской армии Кносало за участие в боях был награжден железным крестом 2-го класса. В плен попал в 1916 г., работал на Никольском чугунолитейном заводе (Уфимская губерния). В начале 1919 г. он женился на вдове с пятью детьми. Примерно в это же время семья переехала в с. Воздвиженка¹⁰, где М. И. Кносало устроился на стеклозавод. С 1921 г. он с женой и детьми переехал в г. Полевской (Екатеринбургская губерния). Там глава семьи получил работу на местном сернокислотном заводе. От завода многодетной семье Кносало была выделена квартира¹¹.

Главным образом бывшие солдаты кайзера работали на промышленных предприятиях, реже становились совслужащими или были заняты в сельском хозяйстве. По советским меркам, они имели достаточно средний достаток. Однако среди них были и те, кто достигал серьезного успеха: например, берлинец Иосиф Фердинандович Зириг. После того как в 1919–1920 гг. на Урале окончательно установилась советская власть, военнопленный Зириг вернулся на родину. В Германии периода Веймарской республики он проявил себя как истинная «баццлла большевиз-

ма»: участвовал в забастовках и демонстрациях рабочих, в борьбе за права европейского пролетариата, возглавлял первичные организации Коммунистической партии Германии (КПГ) на разных предприятиях, подвергался гонениям со стороны властей, вступил в конфронтацию с немецкими национал-социалистами. В итоге в 1930 г. при содействии КПГ он был вынужден вернуться в Советскую Россию как политэмигрант. Здесь он находился в качестве представителя германского пролетариата, активно сотрудничал с партийными органами Урала, много выступал на разного рода митингах. Некоторое время И. Ф. Зириг работал в редакции «Уральского рабочего» (Свердловск) в качестве фотокорреспондента. Катастрофа случилась в 1937 г., когда член КПГ в 1920–1925 гг., член ВКП(б) с 1928 г., член МОПР с 1933 г. Зириг был арестован по подозрению в шпионаже. К этому моменту у него уже начались сложности: он был уволен с работы и не мог никуда устроиться. При аресте имущество И. Ф. Зирига было оценено в 8752 руб., плюс облигации на сумму 4620 руб.¹² И это несмотря на статус безработного...

Что способствовало социализации бывших германских подданных? В первую очередь образование. Среди них не было ни одного, кто бы не имел хотя бы начальной школы за спиной. По большей части бывшие немецкие военнопленные, о которых идет речь, получили неполное среднее, среднее или среднее специальное образование. Наиболее образованными были двое. Уроженец г. Кольберга, выходец из зажиточной крестьянской семьи, Отто Павлович Бальсон имел незаконченное высшее образование по специальности «техник-радиотехник». На момент ареста в 1938 г. он трудился радиотехником на динасовом заводе в Первоуральске (Свердловская область)¹³. Уроженец Саксонии Альфред Иванович Келлер, чьи родители были простыми рабочими, в 1908 г. окончил с «почетным дипломом» Высшее коммерческое училище в г. Циттау. В 1938 г., когда он был арестован, А. И. Келлер занимал должность техника-механика на Уралвагонзаводе¹⁴.

Почти все германские военнопленные, о которых идет речь в данной статье, проживая в Советской России, поддерживали связь с родиной. Кто-то прервал эту связь в начале Гражданской войны, кто-то — в 1920–1930-е гг., а кто-то продолжал поддерживать переписку с Германией вплоть до ареста. Из последних стоит отметить Егора Егоровича Енидорцева-Зеллуса. На момент ареста в феврале 1938 г. он работал кузнецом в одном из свердловских колхозов. Он поддерживал переписку с женой и сыном, оставшимися в Германии. Делал это скрытно, так как, находясь в России, женился второй раз, взяв себе фамилию жены. В 1920–1921 гг. у Енидорцевых родился первый ребенок, через некоторое время — второй. О существовании семьи в Германии русская семья не знала¹⁵.

Кроме всего вышеперечисленного почти всех бывших военнопленных германской армии из нашей выборки объединяет то, что они попали в плен в ходе боев. Некоторые оказались во власти русской армии, будучи ранеными. Исключения составляют два человека, сдавшиеся по собственной инициативе. Один из них — уроженец восточно-прусского г. Кульмзее Станислав Тимофеевич Донарский; будучи санитаром 4-го полка ландвера, он добровольно сдался в плен под г. Двинском в конце октября 1915 г.¹⁶

Последняя из общих характеристик — законопослушность группы бывших военнопленных, чьи судьбы анализируются в статье. Тяжких преступлений из них не совершал никто. Речь могла идти исключительно о незначительных правонарушениях и о бытовых эксцессах. Да и таких было немного. Для примера можно привести того же С. Т. Донарского, который привлекался за домашнее насилие в отношении жены. Впрочем, судя по материалам дела, совместная жизнь у четы складывалась тяжело, и бурные скандалы, которые в равной степени инициировали оба, были не редкостью¹⁷. К самой серьезной ответственности из всех привлекался М. Л. Шайнер, который в 1934 г. был осужден на три года по ст. 166 УК РСФСР («Тайное или открытое похищение лошадей или другого крупного рогатого скота»), а также привлекался по ст. 107 УК РСФСР («Спекуляция»), но судом был оправдан¹⁸.

Видный венгерский политический деятель Ференц Мюнних, занимавший в 1958–1961 гг. пост председателя Совета министров Венгерской Народной Республики, в годы Первой мировой войны находился в российском плену, а с началом Гражданской войны принял в ней активное участие на стороне большевиков. Будучи революционно настроенным офицером австро-венгерской армии, он укорял военнопленных германцев, содержащихся вместе с ним, в политической пассивности. В воспоминаниях Ф. Мюнних писал:

Следует заметить, что в то время как основная масса венгерских пленных довольно легко, без особых колебаний переходила на сторону Октябрьской революции и вступала в отряды Красной гвардии, немцы, обманутые оппортунистической пропагандой социал-демократов, шли на это с трудом. От них часто приходилось слышать, что они симпатизируют русской революции, но действовать начнут только по возвращении на родину¹⁹.

Наблюдения старого венгерского революционера были не беспочвенны. Действительно, желание уехать на родину весьма характерно для германских военнопленных, оказавшихся в Советской России. Даже для тех из них, кто сочувствовал большевикам и добровольно служил в Красной армии. В этом вопросе начинают проявляться особенные черты, характеризующие поведение того или иного военнопленного из нашей подборки. Так, С. Т. Донарский, работавший до призыва в кайзеровскую армию на шахтах в Руре, весной 1918 г. вступил в Красную

армию на ту же должность, по которой служил в германской армии — фельдшер. Воевал на Урале в составе нескольких воинских частей. Осенью 1918 г. служил в 1-м рабоче-крестьянском полку²⁰. В тот момент полк входил в состав Сводно-Уральской (позже 29-й стрелковой) дивизии, ведшей тяжелые оборонительные бои в районе Кушвы²¹. В феврале 1919 г. С. Т. Донарский, успевший жениться на местной уральской девушке, демобилизовался и выехал вместе с супругой в Германию, в г. Эссен. Но родина встретила репатрианта неласково. Оказалось, что ранее к его родителям приходили полицейские, желавшие знать, при каких обстоятельствах С. Т. Донарский попал в плен. Отношения между русской женой и родней С. Т. Донарского не сложились, работы не было... Материальное положение семьи, где в 1920 г. появился первенец, было очень тяжелым. Они были вынуждены обращаться за помощью в местные гуманитарные организации. Над бывшим военнопленным постоянно висела угроза того, что умеренно социалистическое коалиционное правительство Германии рухнет и тогда им придется отвечать по всей строгости закона за добровольную сдачу в плен. С. Т. Донарский решил попытать счастья в родном г. Кульмзее, входившем на тот момент в состав Польши, но там было еще хуже: поляки недолюбливали его из-за того, что он немец, а его жену — из-за того, что она русская. В итоге семья в 1923 г. вернулась в Советский Союз. С. Т. Донарский работал фельдшером в больнице Кушвы, затем преподавал немецкий язык в школе Верхне-Туринского завода, потом в других школах Свердловской области и Свердловска²².

Крайне интересно и необычно выглядит попытка возвращения в Германию, предпринятая А. И. Келлером. После того как он оказался в российском плену, его направили в лагерь «Березовка» неподалеку от Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ). Для жителя Европы того времени это был край света, и А. И. Келлеру очень хотелось оттуда выбраться. В 1916 г. он дал согласие отправиться на работу в г. Алапаевск на металлургический завод. Как человек, имеющий высокий уровень образования, А. И. Келлер занимал там конторские должности. В годы становления советской власти на Урале его карьера пошла в гору: сначала бывший военнопленный получил место бухгалтера в центральной больнице Алапаевска, потом члена президиума местного исполкома и наконец стал заведующим уездным отделом здравоохранения. По всей видимости, последние две должности он занимал уже после того, как летом 1919 г. Алапаевск вновь заняли части Красной армии. В том же году А. И. Келлер был принят партиячейкой алапаевской горбольницы в члены РКП(б) без кандидатского стажа. Алапаевские большевики зачислили немцу участие в социал-демократической партии Германии в 1900–1914 гг. Последнее было неправдой, что следует из архивно-следственного дела А. И. Келлера. Но дальше — больше. В 1920 г.

А. И. Келлер и его жена, с которой он познакомился в 1917 г., выехали в Москву. Бывший военнопленный, а ныне перспективный советский работник, получил должность бухгалтера в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД). Еще через год А. И. Келлер добился выезда в Германию для себя и своей семьи. Коллегам в НКВД он представил это дело так, что едет с целью ведения советской пропаганды. Но вопросы всемирной пролетарской революции интересовали А. И. Келлера не в первую очередь. Дело в том, что на момент мобилизации в германскую армию в 1914 г. он работал в управленческом аппарате фирмы «Байер». Каждое Рождество служащие получали от фирмы премию. К началу Первой мировой войны на банковском счете А. И. Келлера скопилось сумма в 4000 марок. Кроме того, фирма «Байер» помогала ему в плену, высылая ежемесячно денежные переводы в Россию. Помощь получали также его родители. После войны А. И. Келлер в соответствии с официальным обещанием должен был быть принят на ту же должность в фирме «Байер» с которой был мобилизован. Впоследствии, будучи обвиненным по политической ст. 58 УК РСФСР, А. И. Келлер утверждал, что ехал в Германию, чтобы повидаться с мамой и получить свои деньги. Первое ему удалось, но со всем остальным возникли сложности. На работу в «Байер» его не приняли, припомнив вступление в РКП(б). Другой работы в условиях экономического кризиса и политических преследований было не найти. Плюс он все же стал принимать участие в политических акциях. Последовали аресты. Жизнь становилась невыносимой, и в 1924 г. А. И. Келлер с женой вернулись на Урал...²³

Всего пыталось выехать около трети из исследуемой группы германских военнопленных (пять человек). У призывавшегося на фронт мировой войны Феликса Ивановича Голлана это даже отчасти получилось. Во время плена он находился в Забайкалье и решил возвращаться в Германию через Маньчжурию. В 1921 г., оказавшись в Харбине, Ф. И. Голлан списался с братьями, проживавшими в Германии, и узнал от них о тяжелом экономическом положении на родине. Между тем в Харбине Ф. И. Голлан нашел работу по специальности — стал художником-оформителем в фирме именитого предпринимателя И. Чурина. Что стало основанием для выбора Харбина в качестве постоянного места жительства. Таким образом, в отличие от всех остальных, Ф. И. Голлан смог порвать с Советской Россией. Проживая в Маньчжурии, он оставался гражданином Германии²⁴.

Вопрос вступления в советское гражданство — еще один показатель неоднозначного отношения бывших германских военнопленных к Советской России. Около половины из тех, о ком мы говорим, не приняли гражданство СССР. Причем некоторые из них, оказавшись в Советской России, не стремились покинуть ее пределы, но оста-

вались гражданами Германии. Пример тому — упоминавшийся ранее Е. Е. Енидорцев-Зеллус. Женившись здесь во второй раз, он взял на себя ведение хозяйства жены. В 1920-е гг., во времена новой экономической политики, выходец из германских крестьян Е. Е. Енидорцев-Зеллус был крепким середняком и, видимо, вполне доволен своим положением. С началом коллективизации положение Е. Е. Енидорцева-Зеллуса ухудшилось. Он даже списался с немецким консульством в Новосибирске, попросив о защите со стороны германских дипломатов от принудительного вовлечения в колхоз. На этот экстравагантный поступок консульство ответило в том духе, что не имеет права вмешиваться во внутреннюю экономическую политику суверенного государства. В 1938 г. Е. Е. Енидорцев-Зеллус был арестован, осужден за шпионаж и как иностранец выслан за пределы СССР²⁵. Есть все основания считать, что конфликт с советской властью начался в годы коллективизации и у Адольфа Генриховича Штейнзига, который в 1930–1931 г. выбыл из партии по причине нежелания участвовать в партийной жизни, а в 1932 г. был осужден на шесть месяцев за «неотобрание коровы у кулака». В 1937 г. А. Г. Штейнзиг был осужден за шпионаж и как германский гражданин тоже выслан из пределов СССР²⁶.

Если говорить о вступлении в коммунистическую партию как о форме деятельного участия в строительстве социализма, то к этому прибегли тоже далеко не все. Лишь пять человек состояли членами РКП(б), ВКП(б) или КПГ, но в разное время, еще до арестов в 1937–1938 гг. вышли из партии. Исключение составляет только политэмигрант И. Ф. Зиринг. Еще меньше бывших солдат кайзеровской армии служили в Красной армии. Данные моменты никак не говорят о высокой идеологической составляющей в решении бывших германских военнопленных связать свою судьбу с Советской Россией.

Чем дальше оставались позади события Первой мировой и Гражданской войн, тем меньше немцы, оказавшиеся в Советской России в качестве военнопленных, отличались от местного населения. Отсутствовало особое отношение к ним со стороны государства: бывший военнопленный Первой мировой войны Вильгельм Мартынович Рицлер в годы Великой Отечественной войны на общих основаниях с советскими немцами был призван на трудовой фронт²⁷. Эти эпизоды лишний раз подчеркивают преимущественно случайный характер включения германских военнопленных 1914–1918 гг., чьи судьбы рассмотрены в статье, в жизнь советского государства. Даже те из них, кто действительно разделял высокие идеи коммунистического строительства, в 1930-х гг. перегорели и остыли. На первый план вышел вопрос выживания в ситуации политической и экономической турбулентности предвоенного периода.

Примечания

¹ Суржикова В. Н. Военный плен в российской провинции (1914–1922). М., 2014.

² Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России). Брянск, 2014.

³ Идрисова Э. С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг. Оренбург, 2008.

⁴ Сушко А. В., Петин Д. И. Процесс обращения в православие пленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник ПСТГУ. Сер. История. История русской православной церкви. 2021. Вып. 103. С. 78–98.

⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 44434. Л. 7–9.

⁶ В тексте — Ландсберг. На территории Германской империи было расположено несколько городов, содержащих в названии слово «Ландсберг», точно указать, в каком из них родился М. А. Шайнер, не представляется возможным.

⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 59345. Л. 17, 17 об., 21–22.

⁸ Ныне г. Радлин находится на территории Польши.

⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 72197. Л. 3–7.

¹⁰ Ныне пос. Воздвиженский Каслинского района Челябинской области.

¹¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 51532. Л. 57–61.

¹² Там же Д. 62063. Л. 23 об., 55–59, 69–73.

¹³ Там же. Д. 65054. Л. 4–5 об.

¹⁴ Там же. Д. 18680. Л. 3–5 об.

¹⁵ Там же. Д. 62588. Л. 4, 4 об., 7–9.

¹⁶ Там же. Д. 42519. Л. 8–11 об.

¹⁷ Там же. Л. 38–42, 65–66.

¹⁸ Там же. Д. 59345. Л. 4–5 об.

¹⁹ Мюнних Ф. Бурный путь. М., 1968. С. 36.

²⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 42519. Л. 7–10.

²¹ Под знаменем ВЦИК. М., С. 53, 54.

²² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 42519. Л. 10 об. — 13, 19, 41–42 об., 65–66.

²³ Там же. Д. 18680. Л. 6–17, 49–66 об.

²⁴ Там же. Д. 58792. Л. 8–37.

²⁵ Там же. Д. 62588. Л. 17, 18, 20–23, 33.

²⁶ Там же. Д. 48511. Л. 1, 2, 8, 8 об., 37–39.

²⁷ Там же. Д. 40629. Л. 1, 5–6.

М. И. Люхундаев

Политическая деятельность Николая Виссарионовича Худякова в Перми в 1917–1920 годах

Вопрос об успешном функционировании многопартийной системы для современной России остается актуальным. Поэтому закономерен интерес к опыту сотрудничества и противоборства политических партий в 1917–1918 гг. Благодаря поддержке трудового крестьянства одной из массовых политических организаций в 1918 г. была партия левых социалистов-революционеров (ЛАСР). В данной работе сделана попытка рассмотреть политическую деятельность Н. В. Худякова, возглавлявшего Пермскую лево-эсеровскую организацию. Изучение его биографии позволяет рассмотреть механизм преследования властью политических оппонентов на региональном уровне. Хотя этот вопрос рассматривался исследователями в отдельных публикациях, он нуждается в дальнейшем изучении¹.

Николай Виссарионович Худяков (1896–1938) родился в пос. Баранчинском Верхотурского уезда Пермской губернии. Рано оставшийся без отца, он был одним из пятерых детей в семье рабочего, вынужденных самостоятельно зарабатывать на жизнь. С 1905 по 1908 г. он учился в церковно-приходской школе, затем недолго служил переписчиком в управлении Баранчинского завода. Стараясь получить образование, в августе Худяков поступил в Кушвинское городское училище, которое окончил в 1912 г. Во время обучения он получал стипендию от Верхотурской земской управы и летом продолжал работать на заводе переписчиком².

После учебы в училище он работал год в управлении Баранчинского завода переписчиком в куренном отделении, а в августе 1913 г. поступил в Талицкую лесную школу в Камышловском уезде. Получив диплом лесного техника в апреле 1915 г., в мае он был зачислен съемщиком в одну из Пермских лесоустроительных партий и отправлен работать на север Чердынского

уезда³. В феврале 1916 г. Худякова призвали на военную службу, которую он проходил в 126-м пехотном запасном полку в Екатеринбурге. Став вскоре ротным писарем, неоднократно мог окантоваться в школе прапорщиков, но ему удавалось остаться в роте⁴.

В Екатеринбурге Худяков за несколько дней до Февральской революции 1917 г. вышел из-под ареста с полковой гауптвахты, куда попал за проявление неуважения к одному из офицеров. От роты он был делегирован в полковой комитет, а затем 8 марта избран в первый состав исполкома Екатеринбургского совета. В нем Худяков проработал до 20 мая секретарем следственной комиссии⁵. Уволившись по болезни из армии в июне, вернулся на службу в Пермское лесостроительство, работал в Шадринском уезде по отводу лесосек до 25 ноября, затем вернулся в Пермь. С началом забастовки служащих государственных предприятий перешел в Главный комитет Пермской железной дороги⁶.

На общем собрании левых эсеров Перми 14 января 1918 г., где присутствовало около 200 человек, Худяков был избран в члены лево-эсеровского горкома, который возглавлял до 6 ноября, когда организация распалась⁷. В резолюции собравшиеся левые эсеры отметили, что завоевания могут быть добыты только силой, захватом и закреплены только самим народом. Требуя прекращения войны, они заявили, что «только восстание крестьян, солдат и рабочих» даст «отпор империалистическим требованиям своих правительств» и обеспечит заключение мира⁸. На Уральском областном лесном съезде в Екатеринбурге 2 апреля Худякова избрали в комиссию по управлению лесами, в которой он так и не поработал, продолжив партийную деятельность в Перми⁹.

В июне Худяков был делегирован на 3-й Всероссийский съезд ЛАСР, на котором сообщил об

увеличении числа организаций левых эсеров в Пермской губернии, насчитывавших около 9,5 тыс. членов¹⁰. Отметив рост влияния ПЛСР на Урале, он пояснил, что на губернских съездах крестьянство полностью примыкало к фракции левых эсеров. По его словам, почти ежедневно в левоэсеровскую организацию приезжали из деревни за литературой, за выяснением вопросов о земле, о хлебной монополии, о свободе совести и других, просили литературу, программу, поступали официальные бумаги с просьбой организации партийных ячеек. В. В. Марцинкевич отметил, что работа левых эсеров с большевиками в железнодорожных коллективах Пермской губернии проходила без трений, а Главный дорожный комитет находился под их идейным руководством, хотя они численно уступали коммунистам¹¹.

После левоэсеровского выступления в Москве пермские большевики, выяснив отношение к нему местных левых эсеров, многих из них арестовали¹². Худяков был задержан на девять суток, но затем выпущен. Некоторые историки обвинили левых эсеров за взрыв, случившийся 18 июля на собрании в здании Пермского театра, но их реакция свидетельствует о непричастности к этому инциденту¹³. Пермская левоэсеровская организация во главе с Худяковым в этот же день заявила протест на все провокационные выступления против партии. В резолюции, переданной большевикам, Худяков назвал этот случай провокацией «контрреволюционных сил, пользующихся создавшимся положением в авангарде борцов за социализм»¹⁴. Такую же резолюцию вынесла крупная Мотовилихинская организация левых эсеров на собрании во главе с Н. И. Леденцовым. Считая, что массовые аресты «создали такую тяжелую атмосферу для совместной работы», левоэсеровская фракция Пермского уездного исполкома 31 июля потребовала от большевиков выразить свое отношение к преследованиям, пригрозив в случае отказа выйти из его состава¹⁵.

Доказывая солидарность большевикам в защите завоеваний советской власти на Урале, левые эсеры сражались на фронте с чехословаками. В августе 1918 г. по поручению центрального штаба боевых организаций ПЛСР Урала Худяков участвовал в формировании левоэсеровских дружин на некоторых заводах и отправке их на фронт под Невьянском. В частности, его командировали в группе левых эсеров до ст. Гороблагодатская и Сырва¹⁶. Позже Худяков был на фронте в районе Невьянска в составе левоэсеровской боевой дружины, где встретил начальника отряда анархистов П. И. Жебенева, с которым прежде работал в исполкоме Екатеринбургского совета. В сентябре Худякова мобилизовали в ряды Красной армии, но через две недели уволили по болезни¹⁷.

Лидеры левоэсеровских организаций Урала провели в августе — сентябре в Перми ряд партийных собраний, на которых пытались определить свое отношение к действиям ЦК ПЛСР в Мо-

ске. Н. И. Мелков и Н. А. Новиков выступали за одобрение линии ЦК и сохранение левоэсеровской партии, а Д. Е. Синявский и В. И. Хотимский считали, что в условиях Гражданской войны целесообразнее ее распустить и войти в состав РКП(б)¹⁸. Особую позицию занял левый эсер Б. И. Монастырский, предложивший отложить сепаратное вступление в РКП(б) до международного съезда, где сольются все партии, осуществляющие социальную революцию и диктатуру пролетариата. Вероятно, под влиянием этих мнений и усилившихся преследований властью левых эсеров Худяков в ноябре вышел из ПЛСР¹⁹.

При наступлении подразделений армии А. В. Колчака 21 декабря 1918 г. Худяков эвакуировался в Вятку и служил на железной дороге инструктором по библиотечному делу²⁰. После возвращения в Пермь в августе 1919 г. он перешел в губернский отдел народного образования, где служил заведующим библиотечной секцией с 25 марта по 15 ноября. При этом он совмещал работу в гублескоме как инструктор-лесовод²¹. Худяков был членом коллегии государственного издательства, членом учетно-распределительной комиссии при Центропечати, преподавателем института народного образования по библиотечному делу, редактором журнала «Муравей-чудодей». Также он являлся студентом первого курса факультета общественных наук в Пермском государственном университете.

Стремясь получить высшее образование, Худяков в 1920 г. поступил на историко-экономический факультет Пермского госуниверситета. В декабре его арестовали за участие в собраниях анархистов и распространении их идей²². Ф. М. Хотенко, Н. И. Худяков и Л. Г. Югов обвинялись в участии в нелегальном собрании анархистов 25 декабря в Перми, приуроченном к съезду работников народного образования Пермской губернии. По мнению следствия, десять участников собрания обсуждали доклад бюро анархистов о проделанной работе, сообщения представителей с мест, говорили о подпольной деятельности, заданиях на будущее, агитации среди молодежи²³.

Представителей с мест на собрании не было, кроме учителя из Кунгурского уезда П. Е. Толчкова, членов уральской экспедиции Петроградского топливного комитета и нескольких слушателей института. Основным докладчиком был прибывший из центра Николай Прокофьев, сообщивший о движении анархизма в России, видных анархистах (П. Н. Кропоткине и др.), типографии, где издавалась литература по анархизму²⁴. Худяков указал, что избранное в мае на конференции бюро работало плохо, потому что не удалось связаться с группами анархистов по Уралу. Установили контакт лишь с их ячейками и группами в уездах Пермской губернии и Екатеринбурге, но не могли связаться с анархистами завода Мотовилихи. Работа шла ненормально из-за ареста анархистов в Оханском и Пермском уездах²⁵.

На первых двух допросах, проведенных через пять-семь дней после ареста, Худякову не было предъявлено обвинения. Вопросы следователя касались причин его появления в месте ареста, найденного при обыске письма студента Пирожкова, а также биографии Худякова. На третьем допросе следователь выяснял его взгляды на общественный строй, воспоминания о революционной работе в 1917–1918 гг., получал объяснения о пометках в записях лекций, прослушанных им в Пермском государственном университете²⁶.

Худяков признал, что оказать содействие в побеге мотивировала анархистская партийность Пирожкова как борца со всеми видами насилия, поскольку он разделял эти взгляды²⁷. О Пирожкове он знал из разговоров с Хотенко, ставшего свидетелем его ареста. Отрицая знакомство с анархистами, считая себя лишь сочувствующим их идеям, Худяков заявил, что никого из них в Перми не знал, а от Н. Прокофьева получил лишь несколько брошюр Кропоткина. Из легальных организаций Худяков назвал Всероссийскую федерацию анархистов-коммунистов, издававшую журнал «Вольная жизнь», группу «Голос труда», выпускавшую журнал анархизма и имевшую свои книжные склады в Москве и Петрограде, Всероссийскую секцию анархистов-универсалистов. О других нелегальных группах и о съездах анархистов ему не было ничего известно²⁸.

Пытаясь объяснить свои политические взгляды на допросе 14 января 1921 г., Худяков пояснил, что «принял весьма сочувственно» заявленные на 3-м Всероссийском съезде ПЛСР положения об объединении всех революционных сил в борьбе за социальную революцию. Поэтому он положительно воспринял пункт декларации левых эсеров в третьем номере журнала «Знамя» за 1920 г. о консолидации партий как необходимом условии в работе III Интернационала²⁹. Вероятно, Худяков был согласен с мнением журнала о том, что следовало забыть «идейные и тактические разногласия с господствующей партией» перед опасностью, грозящей стране. Лишь общими усилиями всех трудовых партий можно было отстоять ее право на самостоятельную и независимую жизнь³⁰.

Поясняя высказанные в изъятых у него записях идеи о поиске единомышленников в вопросах народного просвещения и сближении с ними, Худяков сообщил, что планировал на учительских съездах, конференциях общение с коллегами для корректировки своих педагогических взглядов. Слушая докладчиков и оппонентов, выражавших в выступлениях суждения, близкие его мнению о вопросах воспитания, в перерывах между прениями он старался завязать с ними разговор, чтобы подробнее выяснить их точку зрения. В качестве примера Худяков привел доклады большевиков «О роли учителя в трудовой школе» на учительской конференции в мае 1920 г., с мнением которых он частично согласился³¹.

Следователь Пермской губернской ЧК 3 февраля 1921 г. предъявил обвинение Худякову в участии в собрании анархистов, распространении их идей анархизма среди учеников, подготовке к побегу из тюрьмы анархиста Пирожкова. Коллегия Пермской центральной детской библиотеки и клуба «Муравейник» направила 5 февраля ходатайство вместе с номерами газеты «Муравей-чудодей», подчеркнув, что они изданы при самом активном участии Худякова³². Было отмечено, что занятия с детьми он вел «интересно, продуктивно и вполне легально, и чего-либо предосудительного на его уроках никогда не замечалось». Ходатайствуя «о скорейшем и немедленном освобождении из-под ареста» Худякова, коллегия и клуб указали, что он «необходимый и незаменимый работник» литературно-издательского кружка.

Несмотря на это ходатайство и заявление Худякова о крайнем истощении, малокровии, катаре легких, невозможности получить помощь продовольствием и одеждой извне в случае перевозки в Москву, следователь отказался его оставить в Пермской тюрьме. Поскольку Худяков числился за ВЧК, 21 февраля его доставили в столицу. Следователь на допросе выяснял причины, при которых он оказался на месте ареста и получил письмо Пирожкова³³. Худяков сообщил, что был арестован в квартире председателя Пермского педагогического института Хотенко, к которому зашел выяснить о ходатайстве в губернскую комиссию по отсрочкам, чтобы не оказаться дезертиром, а письмо Пирожкова получил случайно.

Плохие условия содержания заключенных в Пермской тюрьме и в Москве на Большой Лубянке привели к тому, что 3 марта Худякова поместили в Бутырскую тюремную больницу³⁴. Мес-сячное пребывание в ней не остановило прогрессирование болезни, а отсутствие нормального питания увеличило риск развития любой из легочных болезней скоротечного характера (туберкулез и т. п.). В одиночном заключении в Пермской тюрьме от антигигиенических условий он частично потерял слух.

Инструкция Всероссийской федерации анархистов-синдикалистов, изъятая следствием, указывала на их стремление распространить влияние на структуры народного образования, организовать ячейки в рядах армии, популяризировать идеи анархизма среди молодежи. Считая, что действия Хотенко и Худякова совпадали с инструкцией, помощник уполномоченного I-го отдела ВЧК предложил лишить их права занимать ответственные должности в сфере народного образования и заключить под стражу на год³⁵. По его мнению, Югова за распространение идей анархизма среди служащих 18-го полка в Перми следовало арестовать на полгода.

Президиум ВЧК 1 апреля 1921 г. постановил лишить права Хотенко и Худякова работать в отделах Наркомпроса и заключить под стражу на шесть месяцев, считая срок с 25 декабря 1920 г., а Югова — на год, при этом на шесть месяцев из них условно. Вероятно, не зная о приговоре,

Худяков 10 апреля, находясь в Бутырской тюремной больнице, в своем заявлении в президиум ВЧК настаивал на ускорении следствия и выяснении собственной судьбы³⁶. Он был реабилитирован по этому делу лишь 30 июня 2003 г.

Освободившись, Худяков продолжил учебу в университете, совмещая ее с работой в губернском лесном отделе³⁷. В этот период он, вероятно, поддерживал отношения с прежними знакомыми, сочувствующими анархистам. Известно о его переписке с арестованным 26 августа 1924 г. за принадлежность к анархистам В. М. Постниковым, работавшим в Моргуновской волости и создавшим анархистскую ячейку, в которой насчитывалось 26 членов. При этом многие жители в Суксунском, Кишертском и Кунгурском районах сочувствовали им³⁸.

Беспокоясь о Худякове, в сентябре в одном из писем из Кунгурской тюрьмы Постников интересовался его самочувствием, здоровьем семьи и родившегося в 1923 г. сына³⁹. Он сообщил, что вместе с ним арестовали С. П. Башкирцева и А. А. Черникова. Не жалуясь на здоровье и обстановку в камере, Постников сообщил, что не знал, сколько его продержат в тюрьме, поскольку из-за отказа отвечать его не вызывали на допросы. Оказывая моральную поддержку осужденному 14 ноября и приговоренному к трем годам лагерей Постникову, Худяков позднее отправлял в Верхне-Уральский политический изолятор письма, которые задерживались как неизвестные и подшивались к делу⁴⁰.

Ввернувшись с семьей в пос. Баранчинский после окончания учебы в университете в декабре 1924 г., Худяков начал активно участвовать в общественной жизни. Он работал экономистом, заведовал заводским распределительным бюро, был директором и преподавателем общественно-научного в созданной им школе ФЗУ при заводе, заведующим филиалом и учебной частью филиала Уральского энергетического института при заводе «Вольта»⁴¹. Его жена создала в частном доме первый в поселке детский сад, а позже перешла работать в школу-семилетку. Сначала А. А. Худякова была учителем начальных классов, затем преподавателем русского языка и литературы.

Наладившаяся семейная жизнь Худякова трагически изменилась после проведенного обыска в его доме 20 июля 1937 г., когда он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Постановлением тройки при УНКВД по Свердловской области его приговорили к десяти годам заключения. Имея возможность в 1937–1938 гг. отправлять письма домой, Худяков сообщил в первом из них, что на следующий день после ареста его перевезли в тюрьму в Свердловск, где он пробыл до 17 ноября. В ходе следствия особо рассматривалась его деятельность с 1918 по 1924 г.

Худякова отправили 18 ноября в Хабаровск (в Байкало-Амурские лагеря), куда он прибыл 23 декабря. Деньги, полученные им при отъезде, позволили ему сносно питаться до 10 октября,

а затем он сидел исключительно на тюремном пайке⁴². Худяков стойко выдержал длительный переезд в товарном вагоне, но арестованный летом, не мог приступить к работе, ожидая получения теплой одежды и обуви. После получения двух-трех месяцев стажа на общих работах он рассчитывал, что его привлекут к работе специалистом по лесному делу или экономистом-плановиком⁴³.

Беспокоясь о семье, Худяков в письмах активно интересовался всеми подробностями. Его волновало, как отразился арест на отношении окружающих к жене, детям и сестрам, удавалось ли поддерживать материальное положение, какими были заработок жены и самочувствие членов семьи и т. д. Опасения Худякова были не напрасны, поскольку после его ареста из Нижне-Баранчинской школы в августе уволили его жену⁴⁴. Семья оказалась в бедственном положении, но в 1938 г. Худякову пригласили на работу преподавателем в Кушвинскую среднюю школу № 2. Переживая о духовном развитии детей, Худяков в письмах беспокоился не только об их здоровье, одежде и питании, но спрашивал об их учебе, прочитанных книгах, увиденных картинах⁴⁵.

В письме от 13 января 1938 г. Худяков сообщил, что хотя его поставили на тяжелую изнурительную работу (переноска теса, камней, песка и глины), во время сильных морозов он выполнял ежедневную норму на 100–115 %. Жил он в бараке, ожидая, что скоро получит возможность читать газеты. Надеясь, что когда-нибудь вернется к семье, Худяков старался морально поддержать жену, призывая находить духовную опору в книгах, которые он собирал всю жизнь. Не утратив любви к литературе, он перечитал в лагере многие произведения А. С. Пушкина, а «Бориса Годунова» прочитал несколько раз⁴⁶.

Вероятно, непосильная тяжелая работа в суровых природных условиях вскоре подорвала его здоровье. В конце 1938 г. его жена Худякова перестала получать от него письма, но продолжала надеяться, что он жив. В 1957 г. в ответе на запрос о судьбе Худякова было указано, что он погиб в 1938 г. В справке от 16 января 1989 г. было указано, что он был полностью реабилитирован⁴⁷.

Возглавляя с января 1918 г. городскую левозерную организацию в Перми, Худяков из союзника большевиков стал их политическим оппонентом. После июльского выступления левых эсеров в Москве он оказался ненадолго под арестом, затем формировал боевые дружины на некоторых заводах Урала, сражавшиеся под Невьянском. Выйдя из партии, Худяков после возвращения в Пермь в августе 1919 г. работал в губернском отделе народного образования, совмещая с работой в гублескоме. Вероятно, сохранив левозерские взгляды, он проявил интерес к идеям анархистов, оказался среди арестованных в декабре 1920 г. членов их нелегального собрания⁴⁸. Материалы следствия не доказывают,

что Худяков был анархистом. Возможно, поэтому приговор ВЧК арестованным участникам собрания был относительно мягким. Получив высшее образование, Худяков вернулся в 1924 г. с семьей в пос. Баранчинский, где занимал ряд руководящих должностей. Вновь он подвергся незаконным репрессиям за свое партийное прошлое в июле 1937 г., хотя к этому времени был далек от политики и занимался лишь преподаванием.

Примечания

¹ Исакичева М. В. Учитель, перед именем твоим... Баранчинский, 2004.

² ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13127. Л. 14 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же.

⁶ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 3749. Л. 18–18 об.

⁷ Там же.

⁸ Известия Пермского губернского исполкома Советов рабочих и солдатских депутатов. 1918. 21 янв.

⁹ Наш путь. 1918. 28 апр. ; ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 3749. Л. 18–18 об.

¹⁰ Партия левых социалистов-революционеров : док. и материалы. М., 2010. Т. 2, ч. 1. С. 244.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

¹² ГАПК. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 217. Л. 7–8.

¹³ Устькачкинцева А. И. Пермская партийная организация в борьбе за упрочение советской власти (1918 г.). Пермь, 1953. С. 84 ; Капцегович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С. 158–159.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 77. Л. 169.

¹⁵ ГАПК. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 36. Л. 111.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 77. Л. 113.

¹⁷ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13127. Л. 15.

¹⁸ ГАПК. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 217. Л. 7–8.

¹⁹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13127. Л. 14.

²⁰ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 3749. Л. 18–18 об.

²¹ Партия левых социалистов-революционеров ... С. 702.

²² ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13127. Л. 14.

²³ Там же. Л. 255.

²⁴ Там же. Л. 16.

²⁵ Там же. Л. 30.

²⁶ Там же. Л. 35.

²⁷ Там же. Л. 17.

²⁸ Там же. Л. 18–19

²⁹ Там же. Л. 17 об.

³⁰ Знамя: журнал науки, искусства и общественной жизни, издание ЦБ партии левых социалистов-революционеров объединенных (интернационалистов и синдикалистов). 1920. № 3. С. 21.

³¹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13127. Л. 17 об.

³² Там же. Л. 25, 27.

³³ Там же. Л. 35 об.

³⁴ Там же. Л. 36 об.

³⁵ Там же. Л. 255.

³⁶ Там же. Л. 35–36 об.

³⁷ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 3749. Л. 18–18 об.

³⁸ URL: <https://rodovoj.blogspot.com/2020/10/18941937.html> (дата обращения: 19.06.2026)

³⁹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12952. Л. 58.

⁴⁰ URL: <https://rodovoj.blogspot.com/2020/10/18941937.html> (дата обращения: 19.06.2026)

⁴¹ Исакичева М. В. Указ. соч. С. 11.

⁴² Там же. С. 13.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ Там же. С. 17.

⁴⁶ Там же. С. 19.

⁴⁷ Там же. С. 20.

⁴⁸ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13127. Л. 24.

О. Н. Аргунов

Н. Г. Корепанов и Ф. С. Луев: реконструкция биографий руководителей Белгородского района Курской области периода Великой Отечественной войны

Изучение биографий руководителей сельских районов Курской области периода Великой Отечественной войны позволяет посмотреть на историю данного конфликта с несколько иного ракурса, который в современной исторической науке принято называть антропологическим. Именно личностный аспект в данной ситуации позволяет раскрыть не только механизмы работы властных структур на местах, но и понять, кто был их движущей силой, благодаря кому осуществлялась партийно-государственная политика и реализовывались различные общественно значимые кампании на местах.

В этой связи цель настоящей работы не просто реконструировать биографии указанных в заглавии людей, руководивших Белгородским районом Курской области в годы Великой Отечественной войны, а показать, как изменялась их судьба под влиянием социально-экономических и политических процессов, происходивших в стране и мире. Н. Г. Корепанов и Ф. С. Луев были выбраны не случайно: они оба являются типичными представителями управленцев 1930–1940-х гг., чья карьера была неразрывно связана с вышеуказанными явлениями. При этом первый возглавлял Белгородский рай-

исполком, а второй работал первым секретарем райкома ВКП(б).

Итак, Фрол Степанович Луев родился 15 сентября 1907 г. в с. Бородино Дмитровского уезда Орловской губернии в семье крестьянина. Сам Фрол Степанович в автобиографии, датированной 19 февраля 1942 г., писал, что хозяйство его отца было середняцким. Хозяйство Луевых состояло из хаты, одной лошади, одной коровы и трех-четырех овец. Так как своей земли не было, отец был вынужден уйти в отход, где работал в разное время шахтером, каменщиком, пильщиком, но умер в 1916 г.; «в семье осталось 8 душ на иждивении матери»¹. Николай Гаврилович Корепанов же был на несколько лет старше: он родился 12 июля 1904 г. (по новому стилю) в дер. Афёровой Костромского уезда Костромской губернии² в семье рабочего местной текстильной фабрики³. В семье его отца — Гавриила Никифоровича — на 1908 г. помимо сына Николая было еще пятеро детей: две девочки и четыре мальчика⁴. Таким образом, можно заключить, что оба происходили из многодетных крестьянских семей, а их отцы не были заняты в сельском хозяйстве, зарабатывая на стороне.

Оба имели начальное образование, но если Фрол Степанович окончил четыре класса началь-

ной школы в своем родном селе, то Николай Гаврилович — только три класса начальной школы в соседней, более крупной дер. Некрасово. При этом и Луев, и Корепанов начали трудовую деятельность в достаточно раннем, по современным меркам, возрасте (в то же время он был вполне типичен для того периода). Так, Фрол Степанович с 1922 по 1925 г., то есть с 15 лет, работал сторожем в школе, а в летнее время — пастухом в местном земельном обществе. Николай Гаврилович также начал работать в 15 лет: в 1919–1920 гг. был кочегаром на пароходе, ходившем по Волге, а в 1920 г. устроился на текстильную фабрику им. Ленина в Костроме сушильщиком пряжи, где проработал до февраля 1924 г.⁵

Важной вехой в их судьбах стало вступление в комсомол. Ф. С. Луев стал его членом в 1924 г., а Н. Г. Корепанов — в 1920 г. (по другим данным, в 1922 г.⁶), после чего их карьеры стали достаточно быстро развиваться. Так, в октябре 1925 г. Фрол Степанович стал секретарем местной комсомольской ячейки, в июне 1926 г. он параллельно был назначен на должность секретаря сельсовета, а уже в сентябре 1927 г. становится председателем Бородинского сельсовета, продолжая оставаться на комсомольской работе: до 1929 г. являлся секретарем Бородинской ячейки ВЛКСМ, в том же году был избран членом ее бюро, а с 1930 г. занимал должность председателя конфликтной комиссии Дмитровского райкома комсомола⁷.

Н. Г. Корепанову вступление в комсомол позволило продолжить образование: в 1923 г. он на протяжении четырех месяцев учился в Костромской губернской совпартшколе, после чего вернулся на прежнее место работы, но уже в феврале 1924 г. по комсомольской мобилизации направлен на работу в дер. Гридино Костромского уезда секретарем волостной ячейки комсомола. В августе 1925 г. по решению Костромского горкома ВКП(б) переведен в Кострому заведующим складом городского ломбарда⁸.

Кстати сказать, находясь на комсомольской работе, и Корепанов, и Луев вступают в ряды партии: первый в декабре 1924 г., второй в декабре 1929 г. Дальнейшая их карьера уже напрямую была связана и зависела от ВКП(б).

Так, в мае 1927 г. Н. Г. Корепанов избирается секретарем ячейки ВКП(б) Костромского горкомхоза, откуда уже в марте 1928 г. переведен на должность заведующего прачечными горкомхоза. В августе 1929 г. его возвращают на партийную работу: он становится секретарем партийной ячейки Костромского силикатного завода, а уже в ноябре того же года его направляют на курсы директоров в г. Иваново, после окончания которых в июле 1930 г. его назначают директором группового управления силикатных заводов Костромы. В этой должности он проработал до мая 1932 г. По решению Костромского горкома ВКП(б) его снова направляют в Иваново на учебу в сельскохозяйственный институт. Будучи на производственной практике в Юрьевецкой МТС (Ивановская область) в августе 1937 г., был остав-

лен на работе старшим агрономом, а через месяц, после ареста директора, решением бюро райкома партии назначен исполняющим обязанности директора данной МТС. Лишь в мае 1938 г. ему разрешили выехать для сдачи государственных экзаменов, после чего в июле того же года он поступил в распоряжение Управления государственных резервов при СНК СССР, которое направило его на работу управляющим базы госрезервов в г. Белгород Курской области⁹.

Фрол Степанович вскоре после вступления в партию, в мае 1930 г., был переведен на партийную работу в Дмитровский райком ВКП(б) заведующим общим отделом. В октябре 1931 г. его вновь возвращают в Бородинский сельсовет, где он возглавил местком партии. Уже оттуда был направлен слушателем в Воронежский комвуз, который экстерном окончил в сентябре 1933 г. и перешел на работу секретарем Дмитровского райисполкома. Поработав год на этой должности, был назначен заведующим Дмитровским районным земельным отделом, которым успешно руководил до мая 1937 г., когда его избрали председателем Дмитровского райисполкома¹⁰.

Таким образом, как Корепанов, так и Луев к концу 1930-х гг. имели достаточный серьезный управленческий опыт. Существенным различием между ними было образование: если Николай Гаврилович имел высшее образование, то Фрол Степанович — лишь низшее, а также политическое. Данное обстоятельство, по всей видимости, его весьма смущало, потому что 18 мая 1940 г., будучи председателем Дмитровского райисполкома, от подает заявления в Курский обком ВКП(б) и облисполком с просьбой отправить его на учебу. Аргументировал он свою просьбу следующим образом: «На советской работе я работаю с 1924 г., образование имею в объеме 4 классов сельской школы. За период своей работы мне не представилось возможности учиться, а повышать теоретический уровень мне необходимо»¹¹. Аналогичное письмо с просьбой принять его на учебу Луев отправил 24 мая того же года директору Всесоюзной академии социалистического земледелия¹². Своими решениями от 28 и 29 мая 1940 г. соответственно Курский облисполком и обком ВКП(б) командировали его на учебу в вышеуказанное учебное заведение с 1 июня, освободив от должности председателя Дмитровского райисполкома¹³. Однако пакет документов на Ф. С. Луева был по ошибке направлен в Украинскую академию социализма им. Артема, располагавшуюся в Харькове. Разобравшись, Луева все же допустили до экзаменов, но он полностью провалил вступительные испытания, сдав математику и русский язык на неудовлетворительно, а историю на хорошо¹⁴. Впрочем, данное обстоятельство ни в коей мере не повлияло на его дальнейшую карьеру: уже 10 сентября 1940 г. Курским обкомом партии он был направлен на работу первым секретарем Белгородского райкома ВКП(б)¹⁵.

К этому времени Николай Гаврилович уже чуть более двух лет работал в Белгороде: в апре-

ле 1939 г. на партийной конференции Белгородского райкома партии он был избран секретарем райкома ВКП(б), а 29 февраля 1940 г. его избирают вторым секретарем райкома¹⁶. Четвертого сентября 1940 г. его избирают председателем Белгородского райисполкома¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что Ф. С. Луев и Н. Г. Корепанов возглавили Белгородский район практически в одно время. Вместе с тем развернутыми сведениями об их деятельности в довоенный период мы не располагаем, поэтому дать оценку их работе на вышеуказанных должностях не представляется возможным. Однако 10 апреля 1941 г. на заседании исполкома Курского облсовета рассматривался вопрос о работе Белгородского райсовета с кадрами, в ходе обсуждения которого указывалось, что состояние района было вполне типичным для региона: имелось большое количество проблем, которые решались с разной степенью успешности¹⁸.

Однако в конце июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. С одной стороны, в Белгородском районе достаточно успешно прошла мобилизация, но в то же время крайне сложно и медленно проходила уборка урожая¹⁹, причиной чему являлась мобилизация мужчин. Уже в начале октября 1941 г. регион оказался в прифронтовой зоне, а 24 октября Белгородский район был оккупирован²⁰.

К сожалению, достоверно неизвестно, когда Николай Гаврилович был снят с работы председателя райисполкома. В партийно-учетных документах указан октябрь 1942 г., именно с этого времени он значится как курсант военно-политического училища, располагавшегося в г. Рузаевка Мордовской АССР²¹. Однако абсолютно достоверным является факт, что на прежнюю должность он не вернулся: в постоккупационный период — с февраля 1943 по май 1947 г. — председателем Белгородского райисполкома работал А. Т. Сиверский²². Корепанов же после окончания училища с мая 1943 г. находился на фронте, а после окончания войны до марта 1946 г. продолжал службу в армии в звании гвардии старшего лейтенанта. За годы войны был награжден двумя орденами Отечественной войны II степени и боевыми медалями²³.

В то же время Ф. С. Луев с июля 1942 по январь 1943 г. находился в тылу врага, возглавляя Белгородский партизанский отряд, а когда 18 марта 1943 г. Белгородский район вновь был оккупирован немецкими войсками, ему было дано задание сформировать партизанскую бригаду им. Котовского, он также был назначен заместителем секретаря Шебекинского подпольного окружка партии. Вернулся к выполнению обязанностей первого секретаря райкома ВКП(б) 5 августа 1943 г., то есть после окончательного освобождения Белгорода²⁴.

В должности партийного руководителя Белгородского района Луев проработал до 16 апреля 1946 г. В целом период его руководства Белгородским райкомом ВКП(б) можно охарактеризовать как успешный: район стабильно выполнял

хозяйственные планы, на его территории реализовывались различные политические и культурные кампании. Однако с работы он был снят со скандалом.

Шестнадцатого апреля 1946 г. бюро Курского обкома ВКП(б) приняло постановление «О хищении зернопродуктов в Белгородском укрупненном пункте “Заготзерно”», согласно которому должностными лицами данной конторы были расхищены десятки тонн зерна. Луеву же вменялось, что он поддерживал их, а также давал рекомендации на вступление этих людей в партию. За связь с ними и «прямое попустительство воров» бюро обкома сняло Фрола Степановича с работы и объявило ему строгий выговор²⁵. Впрочем, уже в ноябре 1948 г. данный выговор был отменен²⁶. Да и в целом отстранение от работы первым секретарем Белгородского райкома партии фактически не отразилось на дальнейшей карьере Луева: уже 6 мая 1946 г. его назначили на должность заместителя начальника Курского областного отдела технических культур при облисполкоме²⁷.

В дальнейшем он продолжал занимать руководящие посты в Курской области. Перечислим их: с мая 1947 по март 1948 г. — заместитель начальника Курского облсельстроя; с мая по сентябрь 1948 г. — исполняющий обязанности председателя Советского райисполкома; с сентября 1948 по март 1949 г. — начальник Курского облсельстроя; с марта 1949 по 1963 г. — начальник Курской областной конторы по оргнабору рабочих.

В 1963 г. вышел на пенсию, став персональным пенсионером республиканского значения. Умер в Курске 23 апреля 1971 г. на шестьдесят четвертом году жизни²⁸.

Н. Г. Корепанов же после демобилизации из Советской армии в марте 1946 г. Министерством нефтяной промышленности СССР был направлен в г. Гурьев Казахской ССР, где до мая 1949 г. заведовал сельхозотделом УРСА объединения «Казахстаннефть», а с мая 1949 по март 1951 г. совмещал также должность главного агронома данной организации. В марте 1951 г. его перевели на должность заведующего Баксайским опытным полем, располагавшемся в пос. Сарайчик Гурьевской области. В марте 1953 г. был возвращен в Гурьев на должность заведующего сектором сельскохозяйственной пропаганды областного сельхозуправления. В августе того же года переведен на должность начальника управления земледелия, а в марте 1954 г. назначен начальником Главного управления МЖС, механизации и электрификации сельского хозяйства Гурьевской области²⁹. Но в этой должности Н. Г. Корепанов проработал лишь месяц: решением Гурьевского обкома КПК в апреле 1954 г. направлен на работу секретарем Жилокосинского райкома КПК, где работал до января 1957 г. Затем по семейным обстоятельствам (три дочери работали в Молотовской области) переехал в г. Углеуральск Молотовской области³⁰.

На новом месте уже в феврале 1957 г. он становится заведующим кабинетом политического просвещения и заместителем заведующего отде-

лом пропаганды и агитации Углеуральского горкома КПСС. В декабре 1957 г. его также избирают председателем Углеуральского горкома профсоюза работников культуры. В январе 1960 г. его переводят на должность помощника директора по культурно-воспитательной работе Губахинского строительного училища № 5 (Пермская область)³¹, а с 1 февраля 1961 г. ему была назначена персональная пенсия местного значения³², хотя с просьбой о выходе на пенсию Николай Гаврилович обращался в Углеуральский горком КПСС еще в ноябре 1959 г.³³ Умер Николай Гаврилович 22 февраля 1965 г. в Перми.

Таким образом, реконструкция биографий Н. Г. Корепанова и Ф. С. Луева показала, что, несмотря на отдельные различия, их судьбы были очень похожими, даже отчасти типичными для руководящих работников 1930–1950-х гг., за спинами которых было достаточно сложное детство, не менее сложная юность, участие в войне и пр. В этой связи детализация биографических сведений о районных руководителях — первых секретарях райкомов ВКП(б) и председателях райисполкомов — позволяет акцентировать внимание на антропологическом факторе истории, что, в свою очередь, делает возможным взглянуть на историю Советского Союза с несколько иного ракурса, недоступного при выстраивании больших исторических моделей.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 1352.

² ГАКО. Ф. 56. Оп. 3. Д. 151. Л. 357 об. — 358.

³ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 89. Д. 2686. Л. 19.

⁴ ГАКО. Ф. 130. Оп. 9. Д. 3612а. Л. 606–606 об.

⁵ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 1352; Оп. 89. Д. 2686. Л. 19.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 107.

⁷ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 89. Д. 3266. Л. 8–9 об.

⁸ Там же. Д. 2686. Л. 19–19 об.

⁹ Там же. Д. 2687. Л. 7–8 об.

¹⁰ Там же. Оп. 59. Д. 290. Л. 2 об.

¹¹ Там же. Оп. 89. Д. 3266. Л. 11–12.

¹² Там же. Л. 19–19 об.

¹³ Там же. Л. 21–22.

¹⁴ Там же. Л. 33.

¹⁵ Там же. Оп. 11. Д. 1352.

¹⁶ Там же. Д. 2687. Л. 18, 20.

¹⁷ Там же. Д. 2686. Л. 14, 15 об.

¹⁸ Война. Власть. Общество: документы исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся (1941–1945 гг.) / отв. ред. В. В. Раков; отв. сост. О. Н. Аргунов. Курск, 2022. Ч. 1: 1941–1942. Кн. 1: Сборник документов. С. 288–290.

¹⁹ Там же. Ч. 2: 1941–1942. Кн. 2: С. 213–214.

²⁰ Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Ч. 3: Сборник документов. Курск, 2007. С. 834.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 107.

²² ГАКО. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 1378.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 107.

²⁴ Аргунов О. Н. Бывшие партизанские руководители во главе районов Курской области в 1943–1945 гг. и проблема адаптации экстремальных методов управления под мирное строительство // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию Победы в Великой Отечеств. войне (г. Волгоград, 9–10 окт. 2025 г.). Волгоград, 2025. С. 58.

²⁵ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 23. Л. 110–112.

²⁶ Там же. Оп. 23. Д. 1136. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же. Оп. 59. Д. 290. Л. 2 об., 30.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 107.

³⁰ ГАПК. Ф. Р-982. Оп. 3. Д. 725. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 5 об., 7.

³² Там же. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 254. Л. 3.

³³ Там же. Л. 13.

А. В. Гейман, Е. Г. Власова

Пермский период в биографии Анны Александровны Караваевой: архивное расследование

Анна Александровна Караваева (1893, Пермь — 1979, Москва) — русская советская писательница, редактор советских журналов «Молодая гвардия» (1931–1938), «Советская женщина» (1945–1950), председатель комиссии Союза писателей СССР по работе с русскими писателями краев, областей и республик (1947–1950), член правления Союза писателей СССР (с 1934), член президиума Союза писателей СССР (с 1938), депутат Моссовета (1934–1950), в годы Великой Отечественной войны корреспондент газеты «Правда» в Свердловской области, лауреат Сталинской премии III степени (1951) за трилогию «Родина»¹.

Часто биографии известных личностей таят в себе скрытые факты. Обращаясь к биографии нашей землячки А. А. Караваевой, мы столкнулись с малообъяснимыми пробелами в тех данных, которые касались пермского детства писательницы. Ни в автобиографии, ни в основных документах А. А. Караваева не указала свою девичью фамилию, имена своих родителей, назва-

ние гимназии, в которой проходила обучение, а также школы, в которой работала до поступления на Бестужевские курсы в 1913 г. Подробностей пермского периода выпали из официальной биографии, что заставило нас взяться за их восстановление.

Архивное расследование было проведено нами методом расширения поиска с параллельными запросами в архивные учреждения², при этом основной поиск был сконцентрирован на информации о рождении в метрических книгах Перми. По нашему мнению, рождение многое могло рассказать об Анне и ее семье, и эта гипотеза впоследствии нашла подтверждение. Период активного архивного поиска продолжался с февраля по июнь 2026 г.

В ходе поисковой работы нами были сделаны параллельные запросы в архивы Перми, Кизела, Ульяновска, Санкт-Петербурга, Москвы, однако большинство их ответили отрицательно.

В Государственном архиве Пермского края были исследованы двадцать две метрические

книги церквей Перми: 18 книг православных церквей, 2 — единоверческих, 1 — церкви при монастыре, 1 — старообрядческой церкви. И лишь в метрической книге Петропавловского собора Перми за 1893 г. в начале марта 2026 г. была обнаружена следующая ключевая информация: девичья фамилия Анны Караваевой — Шалаевская [р. 15.12.1893 (ст. ст.)]; отец — пермский мещанин Александр Федорович Шалаевский; мать — Наталия Петровна; родители православные; крестные — штурман дальнего плавания Николай Петрович Родионов и жена пермского мещанина Матрона Афанасьевна Третьякова³. В биографии Анны Караваевой читаем: «...брат моей матери, старый моряк, бывший штурман дальнего плавания»⁴. В данной метрической книге также имеется отметка о выдаче справки по метрике (свидетельства о рождении) от 13 марта 1902 г.⁵

Ответ РГАЛИ № 481/5-6 от 11 марта 2026 г. подтвердил найденный нами факт в метрической книге Петропавловского собора за 1893 г.: «Согласно справке из дела Ф. 631, Оп. 39, ед. хр. 2581 девичья фамилия А. А. Караваевой — Шалаевская». Заметим, что первый ответ из РГАЛИ содержал опечатку в фамилии, что создало новые трудности в расследовании. После повторного запроса мы получили корректный вариант, который совпал с данными метрической книги.

Обнаружение девичьей фамилии Анны Караваевой позволило нам восстановить и другие сведения о ее семье. Так, из дела Пермского сиротского суда по опеке над имуществом и детьми умершего пермского мещанина Александра Федоровича Шалаевского (1909–1912) в прошении матери об опекунстве от 12 июня 1909 г.⁶ имеется следующая информация: мать просит назначить ее опекуницей над детьми после смерти мужа; в семье две дочери — Анна (р. 15 декабря 1893, Пермский Петропавловский собор) и Зинаида (р. 18 августа 1895, Пермская Богородицкая церковь); дочери — ученицы Пермской Мариинской женской гимназии (Анна — 4-й класс, Зинаида — 3-й класс); адрес проживания: г. Пермь, 3-я часть, ул. Торговая, дом Никитиных, 98, Слудская площадь; отец дочерей — служащий ломбарда; мать получала от городской управы ежемесячное пособие на содержание дочерей — по 5 руб. на каждую. После смерти А. Ф. Шалаевского мать просит ломбард выплатить ей, вдове Н. П. Шалаевской, 81 руб. для уплаты долгов.

Из описи имущества умершего пермского мещанина А. Ф. Шалаевского от 22 июня 1909 г.: из общего списка вещей больше половины — книги; в списке представлена классическая библиотека интеллигентной семьи конца XIX — начала XX в. (Достоевский, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Флобер, Гюго и др.); из мебели — гардероб деревянный, посудный шкаф, книжный шкаф, комод, мягкий диван с двумя креслами, столы (диванный, обеденный, круглый, закрывной, кухонный), венские стулья, кровать, зеркала

(стенное, туалетное); среди предметов художественного творчества — иконы, картины; среди посуды — самовары, чайники, сахарницы, графины, тарелки, сковородки и др.; из одежды — пальто, сюртук, штиблеты, галоши; имеются ценные бумаги — облигации государственной 4 %-й ренты, закладной с выигрышами лист Государственного дворянского земельного банка⁷. В этом же деле имеется заявление дочерей от 21 декабря 1912 г. об избрании матери попечительницей над имуществом умершего отца.

В Государственном архиве Пермского края также имеется фотография преподавателя и выпускниц Пермской Мариинской женской гимназии 1911 г.⁸ Напомним, в статусе гимназии это учебное заведение находилось с 1871 г., после среднего семилетнего образования девушки могли поступать на высшие женские курсы, а также быть учительницами в школе и частными преподавательницами. Обязательными предметами были: Закон Божий, русский язык, грамматика, словесность, арифметика, география всеобщая и русская, история всеобщая и русская, естественная история, физика, чистописание и рукоделие. В документах фонда 33 «Пермская Мариинская женская гимназия» аттестата ученицы Анны Шалаевской обнаружено не было.

В словаре деятелей революционного движения России⁹ была найдена информация о том, что отец Анны пермский мещанин Александр Федорович Шалаевский в конце 1870-х гг. работал в Перми в портняжной мастерской, за чтение запрещенных журналов «Вперед» и «Работник», полученных от студента М. В. Кротова, находился в 1879–1881 гг. под гласным, а в 1884–1892 гг. под негласным надзором полиции. В 1892 г. был избран ответственным лицом при библиотеке-читальне Пермского ремесленной управы. Нахождение портного А. Шалаевского и студента М. Кротова под надзором полиции детально описано в деле¹⁰.

В ответе ЦГИА СПб № 714/Т от 27 мая 2026 г. подтвержден факт поступления Анны Шалаевской в 1913 г. на историко-филологический факультет петербургских Бестужевских курсов, однако осенью 1915 г. она была отчислена за неуплату; в этом же ответе указано, что 29 марта 1915 г. в соборе Св. Апостола Андрея Первозванного Анна Шалаевская сочеталась браком с Григорием Караваевым.

К сожалению, пока не удалось найти информацию о том, в какой именно Кизеловской школе работала А. А. Караваева после окончания гимназии (1911–1913). В документах фонда 42 «Директор народных училищ Пермской губернии Оренбургского учебного округа» Государственного архива Пермского края, в списках учителей Кизела в период с 1911 по 1913 г. Анны Шалаевской обнаружено не было. Нами сделан еще один запрос — в РГИА — с просьбой найти личную карточку учителя Анны Александровны Шалаевской. Ответ ожидается в конце 2026 г.

Таким образом, нам удалось восстановить основные сведения о пермском периоде жизни

А. А. Караваевой. Однако на вопрос о том, почему эти данные в официальной биографии писательницы оказались забытыми, еще предстоит ответить, расширив направления поиска и круг источников.

Примечания

¹ Советские писатели : автобиографии / сост. Б. Я. Брайнина, Е. Ф. Никитина. М., 1959. Т. 1. С. 511–524 ; *Скорино А. Анна Караваева* (Жизнь и творчество. 1893–1979) // Караваева А.

Избранные произведения. М., 1988.

² Козлов В. П. Архивоведение. М., 2021.

³ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 342. Л. 100 об. — 101.

⁴ Советские писатели ...

⁵ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 342. Л. 100 об. — 101.

⁶ Там же. Ф. 175. Оп. 1. Д. 192.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Ф. 85. Оп. 85П. Д. 362.

⁹ Деятели революционного движения в России : биобиблиогр. слов. Т. 2, вып. 4. М., 1932.

¹⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 430.

Я. В. Горская

Человек на своем месте: А. И. Полежаева (1922–2015) на защите Отечества и на службе закона

Историю вершат люди. Эта прописная истина часто вспоминается в работе с архивными документами. Приказы и отчеты, письма и дневники, фото и газетные вырезки и другие архивные документы — все они свидетельствуют о деятельности людей в разные исторические периоды, в тех или иных ситуациях и условиях. И каждый человек на своем месте вносит собственный вклад во всеобщий исторический процесс — будь то космонавт или капитан морского лайнера, ткачиха или доярка, военный или учитель, взрослый или молодой человек.

Тенденцией последних лет в публикаторской работе архивистов стало обращение к личным историям, через которые раскрываются драматургия жизни, житейская философия, повседневность и та историческая правда, которую мы сегодня защищаем.

Поводом рассказать о представителе своего поколения, незаурядной личности, профессионале своего дела и прекрасной женщине послужила маленькая фотография, прикрепленная к материалам о награждениях в архивном деле Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, фонд которого хранится в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (Ф. Р-1041).

Фотография привлекла внимание изображением яркой женщины с красивой прической, внимательным взглядом и доброй улыбкой. Изучение личного листа, рукописной автобиографии, нескольких характеристик и других материалов в фондах Госистархива Чувашии, ведомственного архива республиканской прокуратуры и библиотек позволило собрать воедино биографию Анны Ивановны Полежаевой (1922–2015). Можно сказать, что судьбу Анны Ивановны решили исторические события: Великая Отечественная война и эвакуация.

Анна родилась 28 июля 1922 г. в Харькове (Украина) в семье рабочих Ивана Иосифовича (1897–1954) и Марии Тимофеевны (1900 — ?) Трубачевых. В 1930 г. поступила учиться в Харькове в начальную среднюю школу № 46, в 1936 г. — в среднюю школу № 83. Украинка по национальности, она свободно владела и украинским, и русским языками.

Анна окончила школу в 1940 г. и в этом же году поступила в Харьковский юридический институт, первый курс которого окончила в 1941 г. С началом Великой Отечественной войны она прошла обучение на курсах медицинских сестер Красного Креста и Красного Полумесяца. Тут же, в Харькове, прошла практику в госпитале¹.

Угроза оккупации повлекла эвакуацию госпиталя, а вместе с ним Харьковского электромеханического завода, на котором мастером работал отец Анны. Так семья Трубачевых оказалась в г. Чебоксары Чувашской АССР. В родном городе остались тетя Анастасия Тимофеевна Бразовская и ее дочери, двоюродные сестры Анны — Любовь и Евгения. Им пришлось скрываться от угона в Германию².

В автобиографии Анна Ивановна сообщает:

В Чебоксарах, по приезду стала работать медицинской сестрой в эвакогоспитале № 3057 с ноября 1941 г. по апрель 1942 г. 12 апреля 1942 г. вместе с другими чувашскими девушками была мобилизована в ряды советской армии, где в качестве связиста, наблюдателя-телефониста прослужила до августа 1945 г. в 101 отдельном женском батальоне связи³.

Легендарное воинское формирование — 101-й отдельный батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи (ОБ ВНОС) был организован в Казани в ноябре 1941 г. и состоял из мужчин. Двенадцатого апреля 1942 г. в стране объявили массовый призыв девушек на фронт. Пятьсот девушек-комсомолок из Чувашии (90 % из них добровольцы) заменили мужчин в 101-м ОБ ВНОС⁴. Роты располагались на территории Чувашской (1-я — в г. Канаш, 2-я — в г. Чебоксары, 3-я — в г. Алатырь) и Татарской (4-я — в г. Лаишево) АССР. В составе 2-й роты вместе с Анной Трубачевой была и Валентина Чаплина — будущий поэт, писатель и драматург, автор популярных детских книг.

Военную учебу и сложную подготовку девушки прошли в Казани: учились копать землянки, ставить столбы, прокладывать провода, досконально изучили все немецкие самолеты, их тип и шум мотора, по звуку научились определять дальность и направление полета вражеских

«стервятников». Днем дежурили на наблюдательных вышках, ночью слушали небо в слуховой яме. О полученных данных наблюдатели оперативно сообщали в штаб, в том числе азбукой Морзе. Этот женский батальон предупредил о сотнях авианалетов, спас десятки тысяч жизней, проявлял порой настоящие чудеса героизма и верности долгу. В июле 1943 г. батальон был переброшен в Украину; в июне 1944 г. — в Белоруссию. В конце июля 1945 г. личный состав батальона, состоящий из девушек, был заменен мужчинами.

Военные заслуги Анны Ивановны были отмечены орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За освобождение Белоруссии», юбилейными наградами «20 лет Победы», «30 лет Победы», «50 лет Вооруженных сил СССР» (1967), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970)⁵.

Завершив в августе 1945 г. службу на Северном фронте в войсках ПВО, Анна Ивановна успешно окончила Харьковский юридический институт (параллельно — трехгодичные курсы медсестер), вышла замуж и в 1948 г. была направлена на работу по месту жительства мужа Михаила Полежаева в Сталинград (10 ноября 1961 г. переименован в Волгоград). В 1949 г. в семье родилась дочь Виктория⁶. В эти годы героический город возрождался из руин, полученных в Сталинградской битве, и возвращался к нормальной жизни. А. И. Полежаева до сентября 1953 г. работала в органах прокуратуры следователем и прокурором отдела по делам несовершеннолетних; вступила в КПСС. В одной из производственных характеристик на А. И. Полежаеву указано, в частности:

Произведена проверка 30 материалов о хищении государственного и общественного имущества, о занятии запрещенным промыслом, о частной предпринимательской деятельности, о нарушении финансовой дисциплины и другие. В результате проверок было возбуждено 15 уголовных дел, которые окончены следователями с обвинительными заключениями, что свидетельствует о качестве проведенных проверок. <...> Кроме основной работы принимает активное участие в общественно-политической жизни района: проводит доклады и беседы среди населения.

Добросовестная работа, профессиональные качества и высокие показатели способствовали росту в должности и объявлению А. И. Полежаевой благодарности прокурора области⁷.

В 1953 г. по семейным обстоятельствам А. И. Полежаева переехала к родителям в Чебоксары и перевелась на должность помощника прокурора Чувашской АССР по делам несовершеннолетних. Особенности работы с малолетними преступниками требовали от Анны Ивановны внимания, понимания причин совершения правонарушений.

В прокуратуре республики А. И. Полежаева прослужила на различных должностях до 1978 г.

Общий стаж работы в ведомстве превысил 29 лет. В материалах личного дела Полежаевой, хранящегося в архиве Прокуратуры Чувашской Республики, приведены факты государственного обвинения в основном по делам наиважнейшей категории (убийство, групповое хищение, ограбление и злостное хулиганство).

В 1961 г. ею поддержано обвинение по 85 уголовным делам, в том числе по ряду больших дел, представляющих интерес для общественности. В качестве государственного обвинителя в сентябре 1961 г. участвовала в городском народном суде в клубе Чебоксарского хлопчатобумажного комбината, где рассматривалось уголовное дело по обвинению большой шайки расхитителей готовой продукции (более 3 тыс. м). В эту преступную группу входили не только лица, соприкасающиеся с готовой продукцией, но и ответственные работники военизированной охраны. Поддерживая обвинение, Полежаева умело вскрыла причины и условия, способствующие безнаказанным деяниям преступной шайки. Обвинительная речь была произнесена обстоятельно, юридически обоснованно, доходчиво, одобрена присутствующими аплодисментами. Суду было предано девять человек. Они были осуждены к различным срокам лишения свободы, приговор оставлен в силе.

В этом же году А. И. Полежаева поддерживала обвинение в Чебоксарском городском суде по уголовному делу в отношении пяти работников Чебоксарского ликероводочного завода. Работники охраны, войдя в преступную связь с работниками посудного цеха и торговыми работниками, сами стали содействовать хищению. Путем разных преступных махинаций, оформления фиктивных документов на сдачу посуды ими присвоено государственных средств 63 670 руб. в старом исчислении. Организатор преступления П. была приговорена к лишению свободы на 15 лет, остальные — к длительным срокам лишения свободы, все взяты под стражу в зале суда. В деле участвовал общественный обвинитель — лучший производственник комбината, авторитетный человек Л.

Значение общественных обвинителей и защитников как проявление демократичности советского суда Анна Ивановна разъяснила в газете «Советская Чувашия»:

Товарищи по работе лучше знают человека, совершившего преступление и оказавшегося на скамье подсудимых, они могут многое подсказать суду, выразить свое мнение относительно общественной опасности преступления, его вреда для коллектива и общества, о мере наказания, которую надо применить к подсудимому⁸.

Имея достаточный опыт работы и теоретической подготовки, Полежаева привлекала общественность к борьбе с преступностью и правонарушениями — в 1964 г. у нее было 35 общественных помощников.

Анна Ивановна всегда была на хорошем счету, получала благодарности и грамоты, была на-

граждана Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР (1972)⁹, медалью «Ветеран труда», достигла классного чина советника юстиции (1975).

Прокурор Чувашской АССР Е. П. Пустовалов в характеристике от 14 апреля 1972 г. отмечал профессиональные качества А. И. Полежаевой:

Проверки исполнения законов проводит вдумчиво, глубоко выясняя причины и условия, способствующие совершению нарушений, принципиально и остро реагирует на факты нарушений законности, принимает конкретные меры по их устранению, привлечению виновных в этом лиц к ответственности¹⁰.

Анна Ивановна вела большую просветительскую и активную общественную работу: была внештатным корреспондентом газеты «Советская Чувашия», членом юридической секции Чебоксарского женсовета, председателем группы общества «Знание», выступала с лекциями и докладами на правовые темы в республиканской печати¹¹, под ее авторством изданы книги на чувашском языке «О девичьей чести, женской гордости и мужском достоинстве» (1971), «Семья и закон» (1973), ее перу принадлежат также стихи и басни.

Примечательно, что не прерывалась связь боевых подруг из 101-го женского батальона. Они традиционно встречались в День Победы в Чебоксарах, поздравляли друг друга с праздником, вспоминали военные будни, печали и радости, ушедших боевых товарищей¹². Анна Ивановна сочинила песню «Забыть невозможно» и посвятила ее однополчанам из 101-го отдельного батальона. Музыку к ней написал чувашский композитор А. Г. Орлов-Шузым:

Военная служба — нелегкая служба.
И молодость наша вся ей отдана.
Но всех нас сплотила солдатская дружба,
Связала навеки судьба нас одна¹³.

Уместно здесь привести и строки В. С. Чаплиной:

101-й батальон отдельный
В смертельном страхе не дрожал.
Он вел за небом наблюденье,
Оповещал и связь держал¹⁴

9 мая 1980 г.

Вместе с однополчанами А. И. Полежаева принимала участие в создании Музея боевой сла-

вы 101-го отдельного батальона связи на базе чебоксарской средней школы № 37. Среди экспонатов — личные вещи, письма, фотографии, полевой телефонный аппарат, ордена, медали ветеранов, военные трофеи¹⁵.

Анна Ивановна Полежаева прожила большую жизнь (скончалась 7 марта 2015 г., на 93-м году жизни). Куда бы ни забросила ее судьба, как бы ни складывались обстоятельства, она оказывалась на своем месте, добросовестно исполняла свой долг: в госпитале и на фронте, в прокуратуре и на общественном посту. Нужно отдать должное целеустремленности (исполнила мечту о профессии юриста), отваге и мужеству нашей героини. При этом она всегда оставалась женственной, жизнелюбивой, талантливой, любила свой дом и родных, природу, цветы (изданы ее книги о цветоводстве¹⁶), умела дружить и была настоящим патриотом Родины.

В Государственном историческом архиве Чувашской Республики в течение 2026 г. работает историко-документальная выставка «Вместе сквозь века», приуроченная к Году единства народов в России и Году дружбы народов в Чувашии. Одна из выставочных витрин посвящена А. И. Полежаевой.

Примечание

¹ ГИАЧР. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1011. Л. 21.

² Личное дело А. И. Полежаевой // Ведомственный архив кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики.

³ ГИАЧР. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1011. Л. 25.

⁴ URL: <https://muzey-boevoyslavy.21203s17.edusite.ru/p10aa1.html> (дата обращения: 07.05.2026).

⁵ ГИАЧР. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1011. Л. 24 об.

⁶ Там же. Л. 25.

⁷ Ведомственный архив кадрового подразделения прокуратуры Чувашской Республики. Л. 13–14, 46.

⁸ Полежаева А. Выступает общественный обвинитель // Советская Чувашия. 1963. 17 мая.

⁹ ГИАЧР. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1011. Л. 2, 15.

¹⁰ Там же. Л. 27.

¹¹ Полежаева А. И. Наказанный бобер // Советская Чувашия. 1963. 25 янв.; Она же. Выступает общественный обвинитель // Там же. 17 мая; Она же. Борьба с дорожными происшествиями // Там же. 1964. 8 мая.

¹² Нам не забыть... [встреча боевых подруг 101 ОБ ВНОС в честь 30-летия Победы] // Молодой коммунист. Чебоксары, 1975. 12 июня.

¹³ Полежаева А. Было им всего лишь восемнадцать: стихи // Там же.

¹⁴ URL: <https://muzey-boevoyslavy.21203s17.edusite.ru/p10aa1.html> (дата обращения: 07.05.2026).

¹⁵ Казакова О. В чебоксарской школе № 37 открылся музей боевой славы 101-го отдельного женского батальона // Советская Чувашия. 2020. 8 мая.

¹⁶ Полежаева А. И. Гладиолус. Чебоксары, 1982; Полежаева А. И., Колесникова З. М., Архипов Г. Е. Комнатное цветоводство. Чебоксары, 1974.

Г. К. Павленко, В. Д. Павленко

У каждого своя военная судьба: от шифровальщика до директора оперного театра

В маленьком городке Красноуфимске, который насчитывал около 12 тыс. жителей, 22 октября 1925 г. в простой уральской семье родился сын Юра. Его родители Фелицата Николаевна и Виктор Иванович Дементьевы были еще молоды и несказанно обрадовались своему первенцу. Знакомые Дементьевых говорили: «У вашего Юрки такой звонкий голос — не иначе как певцом станет»¹. Позднее у Юры появились две сестренки. В начальных классах Юра Дементьев не остался без внимания благодаря своему чистому красивому голосу.

В 1935 г. Виктор Иванович перевели на работу из маленького Красноуфимска в областной центр Свердловск. В июне 1941 г. после окончания 8-го класса группа ребят отправилась в недельный туристический поход, а когда они вернулись, узнали, что началась война. Это событие сразу отразилось тревогой на лицах уральцев. Появились очереди в магазинах за хлебом и другими продуктами. На Урал потоками двигались эшелоны с эвакуированными фабриками и заводами, рабочими и специалистами. В городах шло уплотнение местного населения и на освобожденных площадях размещали эвакуированных. Здания школ и техникумов занимали организованные госпитали.

Ранняя осень 1941 г. Снег выпал 20 сентября, и старшеклассников послали в колхозы косить овес из-под снега. Никто из городских ребят не держал в руках косу, и косить полегший овес им было не под силу, а подсказать, как это делать, было некому — деревенские мужики ушли на войну.

В октябре 1941 г. завод № 474, выпускавший манометрические приборы, был полностью эвакуирован из Москвы в Свердловск. Нужны были кадры. Шестнадцатилетний Юра Дементьев оставил школу и 1 декабря 1941 г. пошел работать учеником токаря на этот завод. Трудились много, не думая о себе, все время отдавалось работе и тревожному сну. Вставали рано и бежали на завод к станку, стараясь выполнять порученную норму. На заводе были выданы талоны в столовую, но после малокалорийных обедов через час хотелось снова есть. Карточки на продовольствие были введены по всей стране².

Очень сложным и трудным оказался 1942 г. Горожане страдали от недоедания и собирали у себя все, что можно было обменять в деревне на картошку. Поездки были утомительны, так как приходилось бродить в деревне от дома к дому, предлагать свой товар, радоваться, когда этот товар у тебя принимали. Очень хорошо обменивались спички, мыло и соль. Но вставал вопрос, где все это взять. Так доставалось голодным, измученным людям ведро картошки, чтобы пережить страшную пору зимы 1942 г.

В феврале 1943 г. по инициативе тружеников Урала — Свердловской, Молотовской и Челябинской областей — стал формироваться Уральский добровольческий танковый корпус. Тысячи молодых людей подали заявления с просьбой зачислить их добровольцами в танковый корпус. Среди них был 17-тилетний комсомолец Юрий Дементьев. Работники Кагановического райвоенкомата Свердловска, учитывая, что он окончил девять классов, сочли нужным послать его на специальные курсы усовершенствования офицерского состава шифровально-штабной службы Красной армии. В конце мая — начале июня 1943 г. Юрий Дементьев прибыл в Ульяновск. Осенью курсанты училища помогали убирать урожай в Ульяновской области. Копали картошку, срубали на грядках кочаны капусты, а Юрий косил пшеницу. Произошел несчастный случай — одной лошади зубцы косилки врезались в ногу. Позднее Юрий вспоминал:

Лошадь упала, я испугался и побежал в сельсовет, одновременно полагая, что меня теперь сошлют в штрафной батальон. В сельсовете как-то к этому моему горю отнеслись спокойно. Раненую лошадь завалили на телегу, крепко привязав ее. Мне велели сесть и одному ехать с лошадей в Ульяновск в ветеринарную лечебницу, чтобы зафиксировать сей факт. К вечеру, измученный подобным истязанием, я вернулся в колхоз. Колхозники были почему-то очень довольны моему возвращению. Я был удивлен их поведением, и только позже меня осенило, что они заколют лошадь и каждому достанется какое-количество мяса, для семьи. Поэтому руководству курсов об этом случае доложено не было, но для меня этот урок остался на всю жизнь. Я и по сей день вижу перед собой эти глаза со слезинкой и слышу этот стон в дороге. Этого конечно же, не должно было быть, может быть, мне умышленно не подсказали, что пока правая лошадь не пойдет — левую не трогай. Эх, молодость-молодость!³

В декабре 1943 г. Юрий Дементьев окончил специальные курсы, получив звание младшего лейтенанта. Восьмого января 1944 г. он был направлен в Генеральный штаб Красной армии, где его определили на 1-й Украинский фронт, направив в штаб фронта. В штаб добирался вначале на машине, затем пешком мимо минных полей. В приемной 8-го управления фронта Юрия Дементьева представили начальнику отдела штаба 4-й танковой армии гвардии майору Григорию Заворотному. Он с интересом рассматривал Юрия, удивляясь юному возрасту и тому, что младший лейтенант был одет в старое обмундирование с заплатами, которое было выдано в училище. Старшина училища считал, что на фронте выдадут новое. На машине Юрий был доставлен в Киев, в район Святошино, где располагался штаб 4-й танковой армии. «После голодной жизни в училище в столовой штаба

армии я съедал по два первых и по два вторых блюда. Офицеры отдела надо мной смеялись, но относились ко мне по-товарищески и весьма были внимательны», — вспоминал Юрий Дементьев⁴.

От шифровальщика штаба армии требовались большое внимание, терпение, усидчивость, умение не обращать внимания ни на какие выстрелы, быть очень сосредоточенным, чтобы не допустить ошибки при расшифровке или шифровке важных оперативных документов, полученных из штаба фронта и рассылаемых в корпус и бригады армии. Юрий Дементьев вспоминает:

21 марта 1944 г. началась Каменец-Подольская операция. Я снова встретился с уральцами и стал воевать с теми соединениями, в которые я подавал заявление о зачислении меня добровольцем. Это произвело на меня радостное впечатление, что я вернулся к своим уральцам⁵.

Часто в минуты затишья однополчане просили Юру Дементьева спеть. И тогда он садился на бруствер окопа, и над широкими украинскими просторами разливался его молодой и сильный голос. Звучала песня, и на душе бойцов становилось спокойнее, на лицах появлялись мечтательные улыбки, они вспоминали далекий, милый сердцу Урал, близких, любимых, мирное время.

Первые ожесточенные бои в весеннюю распутицу марта — апреля 1944 г. на Украине были серьезным испытанием для совсем еще молодого офицера. Части 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса вели бои южнее Оринина и 25 марта освободили г. Каменец-Подольский. Отступающий противник вышел частью сил на Оринина, где располагался штаб армии. Юрий Дементьев вспоминает:

Я в ту ночь дежурил по отделу, и вот вдалеке за окнами раздалась автоматная очередь, которые стали приближаться. Я разбудил спавших, и все со вниманием прислушивались к уже бесконечным очередям автоматов и пулеметов. Оказалось, что на штаб армии вышли войска отступающего из Каменца-Подольского противника группы армии «Юг», пробивавшиеся на запад. Это были большие силы противника⁶.

В течение пяти дней длилось кровопролитное сражение за Оринин и Жердь. Хотя враг имел здесь десятикратный численный перевес, особенно по танкам, ему не удалось овладеть ни Оринином, ни Жердью, и единственная шоссе-ная дорога, ведущая на запад, была удержана. Трижды врываются гитлеровцы в местечко Оринин, каждый раз дело доходило до рукопашной схватки, в которой принимали участие и офицеры штаба армии. Доклад командующего 4-й танковой армией Дмитрия Лелюшенко по радио командующему 1-м Украинским фронтом Георгию Жукову прерывался трижды. На что Жуков сказал: «Иди, руководи отражением атаки, надеюсь, что в плен не попадешь, а потом доложишь»⁷.

Юрию Дементьеву часто приходилось докладывать шифровки командующему армией Дмитрию Лелюшенко, начальнику штаба армии Карлу Упману. Днем это было в порядке вещей, а бывало, поступали срочные шифровки, и докладывать их приходилось поздно ночью, когда на улице стояла непроглядная темень, а фонариком пользоваться было нельзя. Он вспоминал:

Обычно брал пистолет, загонял патрон в патронник и шел, любой шорох вызывал холодный пот, приходилось быть очень внимательным, чтобы, не дай Бог, не наткнуться на какого-нибудь лазутчика.

В своих воспоминаниях Юрий Дементьев пишет:

Дмитрий Данилович был человеком экспансивным, на месте не сидел, мог ругаться. Прямая противоположность ему — начальник штаба армии Карл Упман, человек спокойный. Ему докладывать шифровки было приятно, так как относился ко мне весьма внимательно. Его спокойствие, вероятно, доминировало в отношениях начальника штаба и командарма. Это помогло им вместе пройти до конца войны⁸.

В августе 1944 г. на сандомирском направлении 4-я танковая армия помогала стрелковым армиям удерживать плацдарм и готовиться к новой операции. Для Юрия Дементьева это время стало суровым испытанием — заболел малярией. Первые приступы появились в местечке Яблонув, но они были еще редкими. В местечке Сулишув температура поднялась выше 40 градусов. В начале декабря Юрия отправили в армейский госпиталь, где его основательно подлечили.

Интересен текст наградного листа, который был составлен гвардии майором Григорием Заворотным:

Тов. Дементьев Ю. В., работая в должности заведующего производством отдела, отлично справлялся с поставленной перед ним задачей. Во время боевой операции в районе Княже, когда было тяжелое положение в связи с тем, что большая половина отдела была отрезана противником от основного командного пункта армии. Будучи тяжело болен, отказался идти лечиться, остался и работал в смене двое суток подряд без отдыха, в результате чего приказы командующего были доведены до частей и выполнены в срок. При артобстреле противником в районе Нище проявил мужество, оставаясь на месте не прекращая работать. Товарищ Дементьев достоин награждения орденом «Красная звезда».

Начальник штаба гвардии генерал-майор Карл Упман поддержал ходатайство начальника отдела, но в сентябре был подписан приказ, где указывалось, что младший лейтенант награжден медалью «За боевые заслуги». Гвардии майор Григорий Заворотный за хорошую работу шифровального отдела был награжден орденом Отечественной войны I степени⁹.

Двенадцатого января 1945 г. началась Висло-Одерская операция. Теперь штаб двигался за наступающими частями армии. Серьезные бои штаб армии принял в Бенау. Здесь офицерам штаба армии вновь пришлось взять в руки авто-

маты и вступить в непосредственное сражение с превосходящими силами противника. Командованием армии были вызваны на помощь другие подразделения. Враг нес значительные потери, но и у уральцев были серьезные потери. Бои длились два дня, и 14 февраля враг был разбит.

В наших руках наградной лист на гвардии лейтенанта Юрия Викторовича Дементьева, составленный гвардии подполковником Григорием Заворотным:

За время работы в штабе, проявил себя дисциплинированным, исполнительным офицером. Делопроизводство привел в отличное состояние, утерь и хищений документов не было. При последней проверке работы отдела фронтовой комиссией делопроизводству дана оценка хорошо. В период боевых операций, работая в смене шифровальщиком, работает быстро без искажений. Достоин награждения орденом Красная звезда¹⁰.

Началась Берлинская операция. Все наступления шли почти без передышки. Враг стремился прорваться на запад, к американцам. Особенно сильным был его напор на участке 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса. К утру 2 мая на штаб армии вышли части немецких подразделений в количестве 10 тыс. человек, ставившие себе задачу вырваться из Берлина на юг. Юрий Дементьев вспоминает:

Помню раннее утро, все офицеры отдела повскакивали по тревоге со своих мест. Я соскочил с кровати и мгновенно без портянок влетел ногами в свои кирзовые сапоги. Мы с автоматами залегли в канаву около нашего дома. Бой принял угрожающую обстановку. Нами командовал начальник штаба армии гвардии генерал-лейтенант Карл Иванович Упман. Были срочно вызваны подразделения армии. Через 15 минут прибыл 7-й гвардейский мотоциклетный полк с десятью танками и артиллерией, через 25 минут подошли саперы и артиллеристы и ударили по врагу, в результате противник остановился¹¹.

Шестого мая после короткой артподготовки передовые части гвардейской 4-й танковой армии пошли в наступление на Прагу. Враг не ожидал такого стремительного наступления. За день проходили 50–60 км. Седьмого мая войска танковой армии преодолели Рудные горы. В ночь на 8 мая 1945 г. в местечке Жатец была замечена длинная неприятельская колонна автомашин. Это был штаб группы армии «Центр» Шернера, который спешил из Яромержа в Пльзен, чтобы оттуда пробраться на запад. На этом месте и постигла противника катастрофа. На улицах Жатена разыгралось нечто вроде бумажной метели: ветер раскидывал во все стороны охапки штабных документов¹².

Я наблюдал, сидя на башне танка, как сдавались эти многочисленные подразделения вспоминал Юрий Дементьев. Поротно, под музыку губных гармошек, шли хорошо обмундированные, довольно крепкие парни. Вероятно, если бы они прорвались к союзникам, нам пришлось еще много воевать, теперь же немецкая армия капитулировала, и наступил долгожданный мир¹³.

Душа радовалась, и как-то захотелось сразу домой, в объятия родных и близких. Но нужно было наводить порядок в своих делах по отделу, готовить документы к передаче в архив, что требовало много времени, сосредоточенности и внимания. Штаб армии менял местоположение: находился в Венгрии, в Вене (Австрия), и снова Венгрия. В феврале 1946 г. Юрия Дементьева мобилизовали по рапорту, где он представил документы, что учился в горном техникуме, и хотел продолжить учебу¹⁴.

В сентябре 1946 г. Юрий Дементьев поступил в Свердловский горный институт. Он не мог жить без песни и стал активным участником студенческой самодеятельности. В 1948 г. Юрия Викторовича пригласили в Управление государственной безопасности по Свердловской области, начальником которого был генерал-лейтенант Павел Михайлович Фитин, возглавлявший внешнюю разведку страны в годы войны. Молодой гвардии лейтенант Юрий Дементьев оказался на месте — веселый, компанейский, энергичный, хорошо пел. С руководством у него сложились дружеские и доверительные отношения. Однажды генерал-лейтенант Павел Фитин ему сказал: «Ты мне не нужен! Тебе здесь делать нечего! Увольняйся!» И Юрий Дементьев уволился. Тогда такой шаг мог сломать не только карьеру, но и саму жизнь. Впоследствии при встрече с сыном П. М. Фитина Ю. В. Дементьев сказал:

Ты представляешь, моя жизнь совсем переменилась! Кем бы я был? Ну в лучшем случае дослужился бы до подполковника... а так — я мир узнал, тридцать шесть стран объехал, мир узнал меня, я состоялся как артист и человек¹⁵.

В 1949 г. Юрий Дементьев поступил на вечернее отделение в Уральскую консерваторию. Он с удовольствием вспоминал учебу и свой студенческий дебют в Свердловском оперном театре — партию Евгения Онегина. Еще не имея консерваторского образования, он по конкурсу в 1953 г. был принят в оперную труппу Большого театра Советского Союза — сначала стажером, а вскоре стал солистом оперы. У него кроме красивого баритона выявились прекрасные актерские способности. Он талантливо перевоплощался то в рабочего Павла Власова из оперы Хренникова «Мать», то в Демона из одноименной оперы Рубинштейна или в Григория Грязнова из «Царской невесты» Римского-Корсакова.

Более двадцати лет Юрий Викторович Дементьев колесил по миру. Ему рукоплескали любители оперы Франции, Италии, Америки и Канады. Он исполнил 52 ведущие оперные партии. В апреле 1976 г. Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил Юрию Викторовичу Дементьеву звание «Заслуженный артист РСФСР».

Началом для всех дальнейших событий в жизни Ю. В. Дементьева послужила идея первого секретаря Красноярского краевого комитета партии Павла Стефановича Федирко о необходимости создания среды для широкого при-

влечения в город и край представителей интеллигенции:

Если мы хотим иметь нормальное общество в любом городе края, надо создать соответствующие прослойки культурных людей. А этим никто не занимался. У меня возникла идея построить оперный театр.

В 1966 г. был разработан проект здания для театра музыкальной комедии и велась работы по закладке фундамента. В 1976 г. было принято решение о возведении на данном месте оперного театра. Для претворения в жизнь своих идей по развитию города в условиях плановой экономики Павлу Федирко иногда приходилось идти на «авантюрные» шаги, то есть начать строительство объекта, не имея на это согласованного финансирования. А затем путем трудных и длительных переговоров уже возведенные или строящиеся объекты получали правовое оформление. Павел Федирко вспоминал:

Оперные театры в СССР уже перестали открывать. Если припоздниться, то вопрос надо будет ставить на Политбюро, и он вряд ли будет решен положительно¹⁶.

Здание еще стояло в строительных лесах. В нем велась отделочные работы, вдоль гостиницы «Красноярск» выстроились вагончики, в которых разместилась администрация будущего храма искусств. Семнадцатого марта 1977 г. на должность директора Красноярского театра оперы и балета был назначен солист оперы Большого театра Юрий Викторович Дементьев. Хотя театр еще строился, его директор уже набирал труппу и создавал коллектив. За год до официального открытия в Красноярск приехали 15 выпускников Пермского хореографического училища. К концу сентября набралось 80 танцоров из Москвы, Ленинграда, Ташкента, Душанбе, Киева, Алма-Аты. Все молодые, самому старшему 25 лет. Репетировать еще было негде, и этот разношерстный коллектив возили на уроки в городской Дом культуры. Там рождалась первая постановка балета «Лебединое озеро». По выходным танцовщики занимались другой работой: мужчины на носилках выносили мусор из фойе театра, девушки мыли окна и стены. Практически на протяжении всего 1977 г. коллектив и художественное руководство театра работали над репертуаром первого творческого сезона.

Двадцатого декабря 1978 г. Красноярский театр оперы и балета открыл свой первый сезон. Он был ознаменован одиннадцатью премьерными. Своеобразной визиткой театра стала опера А. П. Бородина «Князь Игорь». Двадцать первого декабря был показан балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро», 22 декабря — опера Дж. Россини «Севильский цирюльник», 23 декабря — два одноактных балета «Кармен-сюита» Ж. Бизе и Р. Шедрина и «Барышня и хулиган» Д. Д. Шостаковича, 24 декабря — опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин», 26 декабря — балет А. Адама «Жизель». Художественное руководство осуществлял первый директор театра заслуженный артист РСФСР Ю. В. Дементьев.

Юрий Викторович до конца своей жизни остался верен фронтовому братству. Еще в 1991 г. солист Государственного академического Большого театра прокомментировал новость о том, что в Праге местные вандалы ночью перекрасили из зеленого цвета в розовый танк под номером 23, установленный в центре города в память о героизме советских воинов: «С памятниками очень удобно и легко воевать». Тогда, в мае 1945 г. ветеран 4-й гвардейской танковой армии, спешащей на помощь восставшим против немецких оккупантов пражан, даже не предполагал, что это лишь начало надругательства над подвигом, о котором легко сегодня забывают на берегах Влтавы и о котором невозможно забыть у нас. До своей кончины в 2005 г. Юрий Дементьев оставался членом совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии.

Примечания

¹ URL: <https://kruf-museum.ru/materialy-ob-aktere-yurii-dementev/>

² Дементьев Ю. В. Бои за взятие Берлина // От солдата до генерала. Воспоминания о войне. М. 2003. Т. 1. С. 92–93.

³ Там же. С. 93–94.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Лелюшенко Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. М., 1975. С. 263–264.

⁸ Дементьев Ю. В. Указ. соч. С. 98.

⁹ Память народа. Наградные листы. URL: <https://pamyat-naroda.ru/?hl=ru>

¹⁰ Там же.

¹¹ Лелюшенко Д. Д. Указ. соч. С. 379–380.

¹² Там же. С. 398.

¹³ Дементьев Ю. В. Указ. соч. С. 101.

¹⁴ Там же. С. 102.

¹⁵ URL: <https://ok.ru/profile/573277604784/statuses/158293115022768>

¹⁶ URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily27671/50222622>.

А. И. Константинова

Личный фонд Юрия Семендера в Госархиве современной истории Чувашской Республики как источник изучения биографии поэта

Этот год ознаменован знаменательной датой в культурной жизни Чувашской Республики — 85-летием со дня рождения народного поэта Чувашии Юрия Семеновича Семендера (Семенова). Юбилей, который прошел 2 января, стал пово-

дом для широкого общественного и научного внимания к творческому наследию мастера. По случаю юбилея в республике прошли разнообразные мероприятия: творческие встречи с поэтом, литературные вечера, научно-методические

семинары и круглые столы. Госархив современной истории Чувашской Республики также провел 22 января 2026 г. документальную выставку «Зеркало чувашской души» на основе документов из личного фонда поэта.

В современной чувашской поэзии есть имена, которые давно перешагнули рамки сугубо литературного процесса и стали олицетворением самой души народа. Одно из них, безусловно, Юрий Семендер — поэт, публицист, переводчик, многолетний главный редактор журнала «Ялав», чья судьба и творчество неразрывно сплелись с историей родного края. Он принадлежит к тому яркому поколению, которое заявило о себе в начале 1970-х гг., неся в литературу выстраданную правду о военном детстве, о хлебе, добытом непосильным трудом, о раннем взрослении, о материнском подвиге и сыновьей благодарности. Для понимания феномена Семендера недостаточно ограничиться анализом только его поэтических сборников — необходимо рассмотреть его жизненный путь как целостный текст, где биография становится метафорой национальной судьбы, а каждый этап жизни оборачивается новой гранью творчества.

Жизненный путь будущего поэта начался 2 января 1941 г. в дер. Таныши Красноармейского района Чувашской АССР (ныне Красноармейский муниципальный округ Чувашской Республики), и это трагическое совпадение — родиться за полгода до войны — во многом определило его мировосприятие. Детство, проведенное в чувашской деревне в годы войны и первые послевоенные годы, стало для юноши не просто временем взросления, но и подлинной школой народной этики. Поскольку в мире его детства не было ни радио, ни телевидения, он целиком погружился в стихию народной культуры — ее обряды, песни, сказки, мудрость предков. Именно эта органичная, почти генетическая связь с традиционными чувашскими ценностями и стала тем фундаментом, на котором вырос уникальный, полный образов и внутренней силы поэтический язык Юрия Семеновича.

Отец поэта погиб на фронте, и матери одной пришлось поднимать четверых детей. «...После зимы в поле собирали гнилую картошку. Хлеба не было...», — так предельно лаконично и горько вспоминал поэт те годы¹. Но именно в этой суровой школе жизни зародился его дар — дар человека, умеющего ценить каждое зерно, каждое слово, каждую минуту, отпущенную на учебу. Первые стихи — лирические зарисовки «Сӑл куҫ» («Родник»), «Телей» («Счастье») — появились еще в школьные годы, когда юноша засиживался до полуночи за книгами, вызывая замечания домашних о «перерасходе керосина»². Эта деталь необычайно важна для характеристики Ю. Семендера: учился он при свете керосиновой лампы, и каждая прочитанная книга была для него событием. Там же, в школьном литературном кружке под руководством учителя и поэта Федора Тихонова, оттачивалось его первое мастер-

ство, складывалось понимание стихотворной техники, ритма, национальной образности. Федор Тихонов, сам тонкий лирик, сумел разглядеть в деревенском мальчике будущего народного поэта и направил его первые пробы пера в правильное русло.

Поворотным событием, зажегшим в нем уверенность в избранном пути, стала поездка в Чебоксары в 1957 г. Ю. Семенов был делегирован от своего района на съезд рабселькоров, посвященный выходу десятилетиячного номера газеты «Коммунизм Ялав». Для деревенского подростка эта поездка стала настоящим выходом в большой мир. Личная встреча с мэтрами чувашской литературы — А. Алгой, В. Миттой, А. Талвиром, Н. Васянкой, В. Красновым-Асли, Уйпом Мишши — оставила в душе будущего поэта неизгладимое впечатление и стала мощным творческим импульсом. Он увидел живых классиков, услышал их советы, почувствовал, что литература — это не отвлеченное занятие, а живое дело, которым можно и нужно служить народу. В 1958 г. в журнале «Ялав» было опубликовано его первое профессиональное стихотворение «Ель»³. В этом стихотворении уже угадывался будущий мастер: традиционный для чувашской поэзии образ дерева наполнился у юного автора личным, почти исповедальным звучанием. Ель предстала не просто пейзажной деталью, а символом стойкости, одиночества, внутренней силы — тем, что сам поэт вынес из своего военного детства.

Судьба Юрия удивительным образом соединила, казалось бы, несовместимые начала: крестьянскую закалку, солдатскую выправку и интеллектуальную мощь. С 1960 по 1963 г. он служил в Группе советских войск в Германии, где активно сотрудничал в армейской газете⁴. Армейские годы дали ему не только житейский опыт и дисциплину, но и понимание того, что поэт может быть востребован в самой разной аудитории — от солдатской казармы до офицерского собрания. После демобилизации, в августе 1964 г., его выдвинули на работу в аппарат Цивильского райкома ВЛКСМ. С января 1966 г. Юрий Семенович работал в редакции районной газеты «Октябрь сул», и газетная работа научила его точности слова, умению говорить о сложном просто и емко⁵. Параллельно в конце 1960-х г. он получил среднее специальное образование в Цивильском культурно-просветительном училище, а в 1969 г. поступил на заочное отделение чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

В 1969 г. начался новый, во многом неожиданный для окружающих этап жизни Юрия Семендера — служба заместителем командира роты по политической части, которая продлилась до 1971 г. Казалось бы, что может быть общего между тонкой лирикой и армейскими буднями? Однако именно в эти годы Семендер написал многие стихотворения, вошедшие в будущие книги «Тупа» («Присяга») и «Сӑр ҫаврӑнать» («Орбита»)⁶. Армия предстала в них не плачем и муш-

трой, а школой мужской дружбы, ответственности, осознанного отношения к долгу. Семендер сумел увидеть в солдатской службе высокий нравственный смысл, и эта тема воинского долга, верности присяге, памяти павших станет одной из сквозных в его творчестве. После окончания службы и увольнения в запас в 1971 г. Юрий Семенович вернулся к гражданской жизни, работал редактором отдела художественной литературы в Чувашском книжном издательстве. Издательская работа дала ему уникальную возможность видеть всю чувашскую литературу как бы с высоты птичьего полета, понимать, какие темы актуальны, какие жанры развиваются, какие голоса нуждаются в поддержке. В 1974 г. он с отличием защитил диплом в университете, и в том же году начался один из самых значительных периодов его деятельности. Он стал главным редактором журнала «Ялав», который возглавлял более четверти века, вплоть до 2005 г.⁷ Журнал «Ялав» («Знамя») под руководством Семендера стал не просто литературным альманахом, а подлинным центром национальной культурной жизни. Здесь печатались и мэтры, и начинающие авторы, здесь велись острые дискуссии о путях развития чувашского языка и литературы, здесь складывалась та атмосфера творческого поиска, которая определила облик чувашской словесности конца XX — начала XXI в. Ю. С. Семендер как главный редактор проявлял редкое сочетание принципиальности и такта, он умел поддерживать молодого автора, не поступаясь художественным вкусом, и требовал от всех — от себя в первую очередь — высочайшего профессионализма.

В течение долгих лет он также совмещал основную деятельность с преподаванием, работая доцентом на факультете журналистики Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Многие нынешние чувашские журналисты, писатели, издатели — ученики Семендера, и в этом, возможно, одно из главных его наследий, не менее важное, чем его собственные стихи.

Творческое наследие Юрия Семендера объемно и многогранно. Его поэтический голос звучал в десятках сборников, каждый из которых становился событием в литературной жизни Чувашии. Назовем лишь некоторые: «Самрăк турист» («Юный турист», 1975) — книга, обращенная к юношеству, полная романтики походов и открытий; «Сёршывăн хастар ачисем» («Отечества сыны», 1976) — гражданственная, патриотическая лирика; «Шетмĕ шывĕ» («Река Шатъма», 1977) — тонкая, пронзительная поэзия малой родины, где река становится символом памяти и времени⁸; «Ниме» («Помочь», 1979) — стихи о коллективном труде, о деревенской взаимопомощи, о том нравственном стержне, который держал чувашскую деревню в самые трудные годы; «Аван-и, салтак» («Здравствуй, солдат», 1981) — книга, в которой армейский опыт поэта обрел высокое художественное обобщение; «Пирĕн

вайă карти» («Наш хоровод», 1982) и «Чĕнтĕрлĕ кĕпер» («Узорчатый мост», 1984) — сборники, где фольклорные мотивы переплетаются с современностью, где традиционный чувашский орнамент становится метафорой человеческих отношений; «Усланкăри палан» («Калина на опушке», 1987) — одна из самых лиричных и пронзительных книг Семендера, где образ калины — традиционный для чувашской поэзии символ девичьей красоты и горькой судьбы — обретает новые, неожиданные обертоны⁹. Особого внимания заслуживают издания «Чем пахнет работа» (1987) и «Земля в узорах»¹⁰ (1988), которые познакомили русского читателя с поэзией поэта, а также сборник «Монолог свинца» (1989), где военная тема зазвучала с новой, трагической силой — в преддверии больших перемен в стране. В 1990-е гг., несмотря на тяжелую общественную атмосферу, он продолжал активно работать: вышли сборники «Йĕс шăнкăрав» («Медный колокольчик», 1991), «Хурапа шурă» («Черное и белое», 1998) — философская лирика, размышления о жизни и смерти, о добре и зле, о судьбе чувашского народа на изломе эпох. В новом веке он издал «Пирĕн вайă карти» («Наш хоровод», 2005), «Сисĕм сапаки» («Росчерк пера», 2009), «Ėмĕрсем парасçĕ алă» («Веков рукопожатие», 2010) — сборник, название которого говорит само за себя, где поэт ощущает себя связующим звеном между прошлым и будущим, между ушедшими классиками и новыми поколениями читателей.

Но истинную всенародную любовь Юрию Семендеру принесли песни. Более трехсот его стихов, обретших музыкальное воплощение, вошли в самую душу народа. Причина этого феномена — не только в мелодичности его стиха, но и в том, что Семендер писал стихи, которые сами просились на музыку, потому что в них был заложен глубокий эмоциональный заряд, узнаваемые жизненные ситуации, простые и вечные чувства. «Калина на опушке», «Золотое кольцо», «Первая любовь» — эти мелодии давно перешагнули границы концертных залов, зазвучав на свадьбах, семейных праздниках, деревенских вечеринках. Они стали неотъемлемой частью повседневной жизни чувашского народа, такими же естественными, как обрядовые песни предков. Эта удивительная мелодичность родилась в тесном творческом союзе с лучшими композиторами республики — Филиппом Лукиным, Григорием Лебедевым, Германом Хирбю, Юрием Кудачковым и многими другими. Каждый из этих союзов был уникален — с одним композитором рождались задушевные лирические баллады, с другим — задорные плясовые, с третьим — эпические, почти симфонические полотна. И в 2020 г. вся Чувашия пела «День Победы» на родном языке в переводе Семендера в рамках масштабной патриотической акции — это стало символом того, что поэт остается со своим народом в самые важные, переломные моменты его истории.

Поэт известен и как автор и переводчик либретто музыкальных комедий, опер и оперетт,

балета, вокально-хореографических сюит. Среди этих произведений — «Птица счастья», «Лебедушка», «Лесные ребята», «Свадьба» и др.¹¹ Здесь Семендер выступил как подлинный драматург, умеющий строить сюжет, создавать живые характеры, находить точные слова для сцены, где слово должно не просто звучать, но и сочетаться с музыкой, движением, пластикой. Это особая грань его дарования, пока еще недостаточно изученная литературоведами и театроведами, но, несомненно, заслуживающая самого пристального внимания.

Масштаб личности Семендера проявляется и в его переводческой деятельности. Он совершил подлинный культурный подвиг, переложив на чувашский язык величайший памятник древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве»¹². Этот перевод — не просто передача содержания, а творческое пересоздание текста, где Семендер сумел найти эквиваленты древнерусской метафорике, эпитетам и ритмам на материале чувашского языка. Книга, оформленная народным художником Элли Юрьевым, получила дипломы российского уровня и стала фактом не только чувашской, но и общероссийской культуры. Кроме того, в переводах Юрия Семеновича на чувашском языке звучали произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина — и это не просто дань классике, а сознательная работа по обогащению чувашского литературного языка, по введению его в контекст русской и мировой поэзии. Благодаря личным творческим контактам Семендера поэма Константина Иванова «Нарспи» — визитная карточка чувашской литературы — увидела свет на таджикском языке. В этом проявилась еще одна важная черта — он был не только поэтом и переводчиком, но и культурным дипломатом, человеком, который строил мосты между литературами разных народов, который понимал, что национальная культура живет и развивается только в диалоге с другими культурами.

Творческая деятельность Юрия Семендера получила широкое признание. Он был удостоен почетных грамот Президиума Верховного Совета Чувашской АССР и ЦК ВЛКСМ, а также знака отличия «Советский Фонд мира». В 1988 г. ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР», а в 1999 г. — звание народного поэта Чувашской Республики¹³. Это звание в чувашской культуре имеет особый вес: народным поэтом называют того, чьи стихи действительно стали достоянием всего народа, чьи строки знают наизусть, чьи песни поют от мала до велика. В 2011 г. Указом Президента Чувашии за выдающийся вклад в развитие национальной литературы и многолетнюю плодотворную деятельность Юрий Семендер был награжден медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой»¹⁴. В Госархиве современной истории Чувашской Республики хранится личный фонд Юрия Семеновича Семендера (Семенова) (Р-2913) — собрание рукописей, писем,

фотографий, документов, которое ждет своих исследователей. Изучение этого фонда может дать новые материалы для понимания не только творчества Семендера, но и целой эпохи в чувашской литературе.

Анализ жизненного и творческого пути Юрия Семендера позволяет сделать ряд выводов, важных для понимания современной чувашской поэзии и национальной культуры в целом. Во-первых, Семендер является блестящим примером того, как глубокое укоренение в народной традиции не только не мешает, но, напротив, способствует созданию высокохудожественных, новаторских произведений. Он не подражал фольклору, а мыслил его образами, и это придавало его поэзии подлинную, а не стилизованную народность. Во-вторых, его биография показывает, что поэзия может быть не противопоставлена активной общественной и даже военной службе, а органично соединена с ней. Армейский опыт Семендера стал источником не плакатных, а глубоко личных стихов о долге, чести, мужской дружбе. В-третьих, переводческая деятельность Семендера, особенно перевод «Слова о полку Игореве», доказывает, что чувашский литературный язык обладает достаточным потенциалом для передачи сложнейших памятников мировой литературы, что он не является периферийным, а полноправно существует в ряду других литературных языков России и мира. В-четвертых, многолетняя работа Юрия Семендера во главе журнала «Ялав» и на факультете журналистики университета показывает, что поэт может быть не только творцом, но и организатором литературного процесса, воспитателем новых поколений, что его личное влияние на культуру часто превышает влияние одного только опубликованного сборника стихов. Наконец, песенное наследие Семендера подтверждает старую истину: лучшие песни народа — это стихи, которые поются сами собой, и если поэту удастся достичь этого слияния слова и мелодии, его произведения обретают бессмертие.

Юрий Семенович Семендер — это мост между традицией и современностью, между народной песней и высокой поэзией, между чувашским читателем и мировым литературным наследием. В его творчестве, выросшем из чувашской земли, прошедшем через горнило солдатской службы, закаленном в редакционных буднях и университетских аудиториях, отразилась сама жизнь чувашского народа во второй половине XX и начале XXI в. — со всеми его радостями и горестями, победами и потерями, надеждами и разочарованиями. И потому его голос остается одним из самых ярких и мелодичных в многоголосье не только чувашской, но и всей российской литературы, а обращение к его наследию — необходимым условием для понимания того, чем жила и чем будет жить чувашская культура.

Примечания

¹ ГАСИ ЧР. Ф. Р-2913. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

² Там же. Д. 134. Л. 7.

³ Там же.⁴ Там же. Л. 8.⁵ Там же. Д. 117. Л. 2.⁶ Там же. Д. 17. Л. 8.⁷ Там же. Д. 134. Л. 8.⁸ Там же. Д. 59.⁹ Там же. Д. 71. Л. 47.¹⁰ Там же. Д. 63.¹¹ Там же. Д. 73.¹² Там же. Д. 33. Л. 1–2.¹³ Там же. Ф. Р-2994. Оп. 1. Д. 60. Л. 176.¹⁴ Там же. Д. 435. Л. 123–124.

И. А. Новиков

**Челябинский тракторный завод в судьбе
декана историко-педагогического факультета
Челябинского государственного педагогического института
Владимира Денисовича Павленко (размышления к юбилею)**

Многим знакомы слова Алексея Фатьянова из популярной песни Бориса Мокроусова: «Когда весна придет, не знаю...» из легендарного советского кинофильма «Весна на Заречной улице», которые мы взяли бы эпиграфом к нашему повествованию.

Более шестидесяти лет судьба Владимира Денисовича Павленко неразрывно связана с историей Челябинского педагогического... Переступив порог института в сентябре 1964 г., он постоянный участник большинства мероприятий сегодняшнего Южно-Уральского гуманитарно-педагогического университета. Именно в стенах ЧГПИ — ЧГПУ сложилась его личность «стража истории», «хранителя памяти» о Великой Отечественной войне, а для выпускников второй половины 1980-х — первой половины 1990-х гг. — декана историко-педагогического и исторического факультета. Не просто было быть руководителем пионерско-комсомольско-вожатско-учительского коллектива, особенно в годы перестройки — слома советского и формирования российского общества. Как говорит народная мудрость: «Переезд хуже пожара». Но при этом большинство не знает, что «большая судьба» В. Д. Павленко началась совершенно с другой «проходной», несмотря на то что она находится на одной параллели с нашим вузом, которая и вывела его в кандидаты исторических наук, деканы историко-педагогического факультета, члены-корреспонденты Академии военно-исторических наук и первого председателя Челябинского регионального отделения Военно-исторического общества.

Поступив на первый курс, В. Д. Павленко был не желторотым птенцом и «зеленым крокодильчиком», как тогда называли первашей, пришедших после окончания школы, а уже состоявшейся личностью, отслужившим в армии, не только имеющим в кармане у сердца партийный билет члена КПСС, но и рабочую профессию, и пролетарскую закалку.

За последние два десятилетия сформировался определенный нарратив исследований как по истории исторического факультета ЧГПИ — ЧГПУ и его кафедр: отечественной истории и всеобщей истории¹, так и по отдельным преподавателям (работы Н. Н. Алеврас, К. В. Алферовой, М. А. Исакова, Е. М. Лихачевой, И. А. Но-

викова, Н. С. Сидоренко и др.)², в том числе посвященные В. Д. Павленко (Н. С. Нижник, Н. С. Сидоренко, И. В. Сулеймановой)³. Биографические справки о В. Д. Павленко помещены в популярные и энциклопедические издания: «Историки Урала XVIII–XX веков», «Краеведы Южного Урала», «Календарь знаменательных дат. Челябинская область», «Челябинск», «Челябинская область», «Челябинский государственный педагогический университет»⁴, опубликовано и библиографическое издание трудов В. Д. Павленко и Г. К. Павленко⁵. Однако еще много страниц биографии историка требуют скрупулезного анализа.

В основе нашего исследования доступные для выдачи материалы Объединенного государственного архива Челябинской области, личное дело В. Д. Павленко из архива Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета⁶, и замечательным подспорьем стали автобиографическо-мемуарные заметки самого историка и его супруги Галины Константиновны, опубликованные в предыдущих сборниках чтений⁷ и в других изданиях⁸.

Как отметил В. Д. Павленко в 1971 г. в автобиографии: «Я родился в д. Лебедевка Целинного района Курганской области 5 июля 1941 года. В 1948 г. поступил в Кислянскую среднюю школу с. Кислянка Целинного района Курганской области и в 1958 г. ее окончил»⁹. И «сам о себе» о начале своей взрослой жизни:

1958 год. Аттестат зрелости у меня в руках, но куда податься деревенскому мальчишке, который вырос в далеком селе Курганской области — в 120 км от железной дороги? В те годы школа слабо занималась профориентацией учащихся. Существовало негласное мнение, что деревенские выпускники в основном связывают свою судьбу с сельским хозяйством и идут учиться на агронома, зоотехника, инженера, реже — на учителя. Итак, нужно было решать: куда пойти учиться. С детства мечтал стать геологом, но по состоянию здоровья от этой мечты пришлось отказаться. Решил поступать в техническое училище № 1 г. Челябинска. <...> Выдали шинель, брюки, гимнастерку и фуражку. <...> После государственных экзаменов и присвоения четвертого разряда нас направили на завод. <...> в дизель-моторный цех № 2¹⁰.

С 29 июля 1959 по 15 ноября 1961 г. В. Д. Павленко работал на Челябинском трактор-

ном заводе шлифовщиком и рихтовщиком в дизель-моторном цехе № 2 (ДМЦ-2)¹¹. Он оказался в коллективе и стал работать рядом с коренными тракторостроителями, кто таким же, как он, молодым и озорным, в начале 1930-х гг. или в годы войны пришел на завод и познал трудности становления производства тракторов, переход на выпуск танков, непростую конверсию... Дизель-моторный цех № 2 возглавлял М. А. Тараван, который на ЧТЗ трудился с 1933 г.¹² С 1930-х гг. на ЧТЗ работал и механик цеха А. И. Волошин, подсобный рабочий Н. А. Пронькин, наладчики А. Ф. Комин и С. П. Шешунов, сверловщица М. А. Мацакова, сменный мастер И. А. Соколов¹³. В 1961 г. в ДМЦ-2 работали 587 человек (коммунистов — 49, комсомольцев — 101).

Секретарь партийного комитета завода В. А. Федотов высоко оценил работу ДМЦ-2 на отчетно-выборной конференции 1961 г.:

Надо сегодня, на конференции, поблагодарить один из коллективов тракторного корпуса, который работает неплохо, не имеет простоев по работе конвейера и который ритмично выполняет план запчастей, как по сумме, так и по номенклатуре — это коллектив ДМЦ-2¹⁴.

В цехе хорошо была организована и партийно-комсомольская учеба, что неоднократно отмечалось в выступлениях секретаря парткома О. П. Осинина¹⁵.

В июне 1960 г. от руководства ДМЦ-2 рихтовщик 2-го разряда В. Д. Павленко получил характеристику-рекомендацию:

Норму выполняет на 105–107 %, к работе относится добросовестно, нарушений труддисциплины не имеет. Активно участвует в общественной жизни цеха, является групповым комсоргом двух участков¹⁶.

Характеристика была дана для предъявления в монтажный техникум, но это название было зачеркнуто и сверху дописано «культпросвет»... Но выбрал В. Д. Павленко спустя четыре года... пединститут!

В 1961 г. В. Д. Павленко решил вступить в партию. «Откуда взялась смелость у меня, 19-летнего деревенского паренька? До сих пор не знаю»¹⁷, — вспоминал он. Сделать это было не так-то просто: написал заявление — и приняли. Необходимо было поручить рекомендации от членов партии, которые знали тебя и дали бы тебе положительную характеристику и рекомендацию, а также пройти определенную процедуру приема: через комсомольское собрание цеха, заводской комитет комсомола, бюро парторганизации цеха и через открытое цеховое партийное собрание. Фонды ОГАЧО частично сохранили для нас и для истории эти документы; к сожалению, протоколы заседаний комитета комсомола ЧТЗ и ДМЦ-2 за 1961 г. не сданы в архив. На следующий день после подачи В. Д. Павленко заявления о приеме в партию состоялось комсомольское собрание, на котором ему единогласно дали комсомольскую рекомендацию, а 21 апреля

ее утвердил заводской комитет ВЛКСМ (протокол № 45)¹⁸.

В повестке заседания партийного бюро ДМЦ-2 от 16 мая 1961 г. значится: «Прием в кандидаты КПСС тов. Павленко В. Д.». Рекомендовали его принять кандидатом И. С. Чаткин (член КПСС с 1945 г.) и Г. А. Соколов (с 1949 г.)¹⁹. При обсуждении кандидатуры были заданы четыре вопроса: «Кто может быть членом партии?», «Где учишься?», «Что такое КПСС?», «Думаешь ли учиться?» К сожалению, протокол не сохранил ответы кандидата. Выступившие при обсуждении сказали: «Тов. Павленко работает на участке № 1, очень хороший, дисциплинированный работник, сейчас пропагандист, дела идут хорошо, рекомендую собранию в приеме в кандидаты КПСС» (С. Ф. Ларионов); «На участке тов. Павленко работает хорошо, пользуется на участке среди коллектива авторитетом, рекомендую партийному собранию о приеме тов. Павленко в кандидаты КПСС» (Литвинов); «Тов. Павленко работает хорошо, на участке проводит читку среди рабочих, может быть кандидатом КПСС» (Нерасов). После обсуждения было принято решение: «Рекомендовать партийному собранию тов. Павленко о принятии в кандидаты КПСС»²⁰.

Двадцать второго мая 1961 г. на заседании открытого партийного собрания ДМЦ-2 решение партийного бюро цеха было утверждено, и В. Д. Павленко приняли кандидатом в члены КПСС. При обсуждении ему были заданы два вопроса: «Какие читаете газеты?» и «Где учишься?» Выступившие при обсуждении отметили: «Тов. Павленко на участке работает хорошо, дисциплинированный, ведет кружок истории комсомола, будет достойным кандидатом КПСС» (Коселев); «Тов. Павленко исполнительный, дисциплинированный, является пропагандистом, пользуется авторитетом среди коллектива цеха, предлагаю принять в кандидаты КПСС» (Щеглов)²¹. Решение утверждено парткомом завода 2 июня 1961 г.: «Тов. Павленко Владимира Денисовича принять кандидатом в члены КПСС»²², и 7 июня ему вручили кандидатскую карточку²³.

В последующие месяцы до призыва в армию 15 ноября 1961 г. имя В. Д. Павленко постоянно встречается в протоколах партийных собраний с его характеристикой или оценкой проведенной им работы: «Особой похвалы заслуживает наш пропагандист Павленко» (24 июля)²⁴; «...нужно еще больше организовать лекций в нашем красном уголке» (5 сентября при обсуждении проекта Устава КПСС)²⁵; «Нужно отметить, что при отношении к труду нужно относиться более четко и хорошо, например [как] тов. Павленко» (5 сентября, слова мастера Н. А. Слесарева)²⁶; «Прошли организованно, все кружки провели в октябре по два занятия, хорошо начал учебный год комсомольский кружок пропагандиста Павленко» (17 октября, подведение итогов первых занятий в системе политпросвещения)²⁷.

Выполняя обязанности пропагандиста, он руководил кружком политпросвещения «Комму-

низм — практическая задача нашего поколения», изучал сам и доводил до сведения коллектива участка новые программные документы партии и правительства, устраивал коллективные читки новой Программы КПСС. Участвовал в составе народной дружины цеха 700 и ДМЦ-2 под руководством начальника смены Г. К. Луценко в поддержании общественного порядка на территории Тракторозаводского района²⁸.

Двадцатого июня 1961 г. на страницах заводской газеты «За трудовую доблесть» В. Д. Павленко поделился своим мнением об итогах первого года своей работы пропагандистом:

Наряду с другими политкружками в нашем цехе работал в этом году молодежный кружок «Коммунизм — практическая задача нашего поколения». Конечно, мне не доставало опыта. Очень многим мне помогала методист М. Раздяконова, и я глубоко благодарен ей за это. На мой взгляд, на заводе мало уделяется внимания учебе молодых пропагандистов. Существенно помочь в этом могла бы заводская газета. В будущем было бы очень полезно организовать на страницах газеты обмен опытом лучших пропагандистов. Очень мало пишет газета и о комсомольских политкружках, а ведь они работают с большими трудностями и не так успешно, как партийные. Надеюсь, что мои замечания будут учтены²⁹.

Шестого ноября 1961 г. вышел праздничный номер газеты «За трудовую доблесть» под лозунгом: «Слава Великому Октябрю!», со второй страницы которой на нас смотрит молодой рабочий-пропагандист ДМЦ-2 В. Д. Павленко: «Выражая мысли и чувства всех тракторостроителей говорит: Читая Программу КПСС, еще ярче видишь силу и величие нашей страны, и ее светлое будущее»³⁰. Комитет комсомола ЧТЗ и Тракторозаводский райком ВЛКСМ три раза отмечал В. Д. Павленко похвальным листом³¹.

Двадцать четвертого апреля 1961 г., заполнив анкету о вступлении в партию, В. Д. Павленко включился в соревнование за звание «Ударник коммунистического труда»³². Однако еще с 1 января 1961 г. участок № 1, где он работал рихтовщиком, включился в соревнование за право называться участком коммунистического труда и принял на 1961 г. соответствующие обязательства³³. Двенадцатого октября того же года на собрании рабочих, ИТР и служащих ДМЦ-2 состоялось подведение итогов соревнования за присвоение звания «Участок коммунистического труда», победителями в ДМЦ-2 определили участок № 1 и службу отдела механика³⁴. При подведении итогов выполнения взятых обязательств на получение звания «Участок коммунистического труда» участок № 1 достиг следующих показателей: план девяти месяцев выполнен на 104,3 %, производительность повысилась на 13 %, участок работал ритмично, потери рабочего времени при наладке оборудования сокращены до минимума, каждый член бригады овладел двумя-тремя смежными профессиями, соблюдалась трудовая и технологическая дисциплина, процент брака снизился на

50 %, коллектив принимал активное участие в жизни цеха³⁵.

На состоявшемся 17 октября 1961 г. общем собрании рабочих и служащих ДМЦ-2 подвели итоги и индивидуального соревнования за право называться «Ударником коммунистического труда» и проголосовали о присвоении этого звания³⁶. В представлении среди семнадцати лучших людей ДМЦ-2л» указан и В. Д. Павленко. Скорее всего, как самый молодой он значится последним, но если по другим цехам и отделам представлены развернутые характеристики кандидатов, то в ДМЦ-2 — только краткая информация, но при этом под емким заголовком «Лучшие люди»:

Павленко Владимир Денисович, 1941 года рождения, кандидат в члены КПСС, работает правщиком на машине на коленвале, средний процент выполнения нормы за 9 месяцев 108, пропагандист комсомольского кружка, соревнуется с января 1961 года. Пункты социалистического обязательства выполняет³⁷.

Второго ноября 1961 г. на заседании профкома ЧТЗ были рассмотрены представления цеховых комитетов, и, «учитывая достижения высоких производственных показателей в выполнении принятых обязательств в социалистическом соревновании за коммунистический труд», звание «Участок коммунистического труда» было присвоено двум коллективам из ДМЦ-2: участку № 1 старшего мастера И. И. Купчикова и службе отдела механика А. И. Волошина; «Ударник коммунистического труда» — 50 лучшим работникам ЧТЗ, из них 14 — из ДМЦ-2: в списке под номером 37 значится правщик В. Д. Павленко³⁸. Таким образом, спустя полгода после начала соревнования за получение звания «Ударник коммунистического труда» ему было присвоено это звание³⁹.

В свободное от работы и комсомольско-партийных обязанностей время В. Д. Павленко посещал кинотеатры и обычно смотрел по два-три фильма в неделю, катался на лыжах в городском парке⁴⁰. Скорее всего, не обходил стороной и хоккейные матчи «Трактора» на ледовом стадионе ЧТЗ и выступления конькобежцев на стадионе «Центральный».

Перед призывом В. Д. Павленко в армию ему вручили «Наказ рабочему Челябинского тракторного завода, уходящему на службу в ряды Советской армии» за подписями руководства завода, в том числе директора Г. В. Зайченко. Наказ сохранился и передан Владимиром Денисовичем на хранение в ОГАЧО:

Дорогой товарищ Павленко Вл. Сегодня ты вступаешь в ряды доблестных Советских Вооруженных Сил, чтобы встать на стражу завоеваний Октября, на защиту мирного труда советского народа, строящего коммунистическое общество. Чтобы оправдать это большое доверие, ты обязан быть дисциплинированным, честным и бдительным воином, беспрекословно выполнять воинские уставы и приказы командиров, настойчиво изучать военное дело, беречь государственное и военное имущество. Рабочие и служащие

Челябинского тракторного завода дают тебе наказ: быть преданным своему народу, нашей Коммунистической партии и правительству, всегда быть готовым по зову их выступить на защиту интересов нашей Родины. Свято береги и умножай боевые традиции славных Советских Вооруженных Сил. Мы выражаем твердую уверенность в том, что ты с честью исполнишь свой долг перед Родиной и с достоинством возвратишься на родной завод⁴¹.

После службы в армии с 1964 г. и по настоящее время жизнь В. Д. Павленко связана с Челябинским педагогическим, но это уже страницы для других историй... Укажем только несколько наиболее важных. В декабре 1967 г. он стал лауреатом первого Всесоюзного конкурса студентов по общественным наукам. В отчете кафедры истории КПСС отмечено, что при кафедре работал научный студенческий кружок. Под руководством Н. К. Лисовского он подготовил работу «Комсомол Южного Урала в годы Великой Отечественной войны». Центральным комитетом ВЛКСМ и министерствами был организован конкурс студенческих научных исследований. По итогам конкурса работа В. Д. Павленко стала победителем⁴².

В характеристике ректора ЧГПИ Н. А. Томина и секретаря парткома А. В. Швалева за 8 июля 1968 г. отмечено:

Павленко В. Д. обучался в ЧГПИ с 1964 г. по 1968 год. Учился на отлично и хорошо. На протяжении трех лет работал над темой «Комсомол Южного Урала в годы Великой Отечественной войны». Эта работа была удостоена диплома I степени на областном конкурсе научных студенческих работ, диплома I степени на республиканском смотре студенческих работ в связи с пятидесятилетием Великой Октябрьской социалистической революции. Участвовал в работе Всесоюзной научной студенческой конференции в Ленинграде, где работа была отмечена грамотой Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Педагогическую практику провел на отлично. Павленко В. Д. принимал активное участие в общественной жизни института: избирался членом парткома института, членом бюро ВЛКСМ факультета. В течение двух лет был членом парткома института. На практике в пионерлагере «Каштак» с работой справился хорошо. За работу во Всесоюзном пионерском лагере «Артек» имени В. И. Ленина награжден грамотой общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Павленко В. Д. — хороший организатор, трудолюбивый и честный студент. Политически грамотен. Морально устойчив⁴³.

После окончания исторического факультета ЧГПИ в 1968 г. В. Д. Павленко окончил в 1971 г. аспирантуру⁴⁴ и под руководством доктора исторических наук профессора Н. К. Лисовского в 1972 г. в Уральском университете (Свердловск) защитил кандидатскую диссертацию по теме «Комсомол — помощник Коммунистической партии в организации работы тыла в годы Великой Отечественной войны (на материалах промышленных предприятий и строек Курганской, Оренбургской и Челябинской областей)»⁴⁵.

С 1 октября 1971 по 30 июня 2014 г. В. Д. Павленко — преподаватель Челябинского педагогического...⁴⁶ В течение 11 лет, с 20 августа

1984 по 1 сентября 1995 г., В. Д. Павленко — декан историко-педагогического и исторического факультета. Начавшаяся перестройка привела к кардинальным изменениям в жизни факультета. Вопросы преподавания общественных наук и их улучшения неоднократно поднимались на заседаниях ученого совета института, факультета, кафедр историко-педагогического факультета и истории КПСС. Принятые решения не всегда носили адекватный характер, что затрудняло процесс преподавания и научную деятельность. Двадцать четвертого ноября 1988 г. ученый совет института рассмотрел вопрос «О некоторых итогах работы по перестройке учебно-воспитательного процесса на факультетах и кафедрах института». В своем выступлении декан историко-педагогического факультета В. Д. Павленко сделал доклад «Об опыте перестройки в преподавании гражданской истории на историко-педагогическом факультете»⁴⁷. Дальнейшие социально-политические потрясения начала 1990-х гг. затронули и историко-педагогический факультет, который сменил свое название: 31 октября 1991 г. решением ученого совета он был реорганизован в исторический⁴⁸.

О периоде деканства Владимира Денисовича приведем несколько мнений студентов, высказанных на выборах декана в мае 1989 г., которые также сохранились в ОГАЧО:

Предлагаем Павленко В. Д. — родной человек. Павленко! Павленко! Павленко! Единогласно — 202 группа.
Да здравствует В.Д. Павленко — отец родной. Только Павленко — 3-й курс.
Все свои голоса отдаем Павленко В. Д. Опыт! Практика! Человечность!
Мы только за Павленко — это отец факультета!!! Декан — друг студента! Даешь Павленко! Руками-ногами и всем существом за Павленко В. Д.!!!⁴⁹

В представлении заведующего кафедрой истории, социологии и права, доктора исторических наук, профессора В. Ф. Мамонова отмечено:

В. Д. Павленко обладает широким историческим кругозором, умением заинтересовать студентов, привлечь их внимание к различным проблемам отечественной и всеобщей истории. Он постоянно работает по совершенствованию методики преподавания в вузе, владеет различными приемами обучения. Занятия проходят на высоком теоретическом и методическом уровне. Павленко В. Д. постоянно занимается научно-исследовательской работой, входит в рабочую группу по обсуждению докторских и кандидатских диссертаций при ЧелГУ, неоднократно выступал оппонентом, рецензирует сборники статей⁵⁰.

За последнее десятилетие В. Д. Павленко неоднократно выступал на научных конференциях, в соавторстве с Галиной Константиновной подготовили работы о вкладе Челябинской области в победу в Великой Отечественной войне⁵¹. За плодотворные научные исследования по изучению военной истории Урала 3 февраля 2000 г. решением общего собрания Академии военно-

исторических наук он избран членом-корреспондентом академии⁵², а в 2005 г. совместно с Галиной Константиновной стал лауреатом областной краеведческой премии им. В. П. Бирюкова⁵³.

Именно «заводская проходная» Челябинского тракторного вывела в большие люди кандидата исторических наук, декана историко-педагогического факультета Челябинского государственного педагогического института, члена-корреспондента Академии военно-исторических наук Владимира Денисовича Павленко.

Примечания

¹ История и историки: Нам 70 лет! (Исторический факультет ЧГПУ: прошлое, настоящее, будущее). Челябинск, 2006; Кафедра истории отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет / А. Г. Майзель и др. Челябинск, 2008; Горшков С. М., Лазарев С. А., Павленко В. Д., Ткаченко С. Г. Годы в мелькании дней: размышления о людях и делах кафедры всеобщей истории ЧГПИ, ЧГПУ, ЮУрГГПУ. Челябинск, 2018.

² Алеврас Н. Н., Батищев С. Д. Челябинский историк В. Е. Четин: опыт изучения истории горнозаводского Урала в контексте советской историографии 50–70-х годов XX века // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 3. С. 75–89; Алферова К. В. Исследования профессора Н. П. Шамаковой по истории Танкограда // Modern Science. 2020. № 11–4. С. 49–51; Исаков М. А. Борис Васильевич Григорьев: кандидат исторических наук, декан трех факультетов педагогических институтов Российской Федерации, заведующий кафедрой истории СССР ЧГПИ // Генеалогия и архивы: материалы пятой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2023. С. 363–369; Он же. Лидия Георгиевна Туркина: педагог, ученый, декан // Генеалогия и архивы: материалы седьмой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2025. Кн. 2. С. 66–71; Лихачева Е. М. Историк и преподаватель Людмила Артуровна Хайн: биография в свете архивных документов // Там же. С. 83–85; Новиков И. А. Варвара Николаевна Елисеева и ее роль в становлении исторического краеведения в Челябинской области в 1950-е годы // Архив в социуме — социум в архиве: материалы пятой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2022. С. 46–53; Он же. Доктор исторических наук Юрий Михайлович Тарасов — малоизвестный исследователь истории Южного Урала и Зауралья XVII — первой половины XIX века // Генеалогия и архивы: материалы шестой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2024. С. 519–537; Сидоренко Н. С., Мусатов С. В. Исторические исследования и историко-краеведческая педагогическая деятельность в творчестве первого профессора отечественной истории Южного Урала Семена Анисимовича Сидоренко (1905–1980) // Архив в социуме — социум в архиве ... С. 53–57.

³ Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Владимир Денисович Павленко — страж памяти о Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война: нравственные аспекты и историческое наследие: материалы межвуз. науч.-практ. конф. курсантов, слушателей и студентов (г. Санкт-Петербург, 29 апр. 2015 г.) / под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2015. Ч. 2. С. 125–132; Сулейманова И. В. Владимир Денисович Павленко — хранитель памяти о подвиге южноуральцев в годы Великой Отечественной войны // Научно-педагогическое наследие преподавателей исторического факультета ЧГПИ — ЧГПУ — ЮУрГГПУ: сб. ст. студенч. науч.-практ. конф. (г. Челябинск, 4–5 мая 2023 г.). Челябинск, 2024. Т. 1. С. 131–149.

⁴ Худобородов А. А. Павленко Владимир Денисович // Историки Урала XVIII–XX веков / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2003. С. 269; Гайнуллин М. В режиме совести. Героев этой книги объединили война и малая родина // Краеведы Южного Урала. / сост. Т. А. Корецкая. Челябинск, 2019. С. 260–262; Базаева А. П. Павленко Владимир Денисович, историк, педагог, краевед (75 лет со дня рождения) // Календарь знаменательных дат. Челябинская область, 2016 / сост.: И. Н. Пережогина, Р. Р. Хайретдинова. Челябинск, 2015. С. 199–202; Вахрушева Н. А. Павленко Владимир Денисович //

Челябинск: энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 620; Она же. Павленко Владимир Денисович // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 5. С. 8; Она же. Павленко Владимир Денисович // Челябинский государственный педагогический университет: энциклопедия / гл. ред.-сост.: Г. С. Шкробень. Челябинск, 2009. С. 681–682.

⁵ Павленко В. Д., Павленко Г. К. Библиография. Челябинск, 2011.

⁶ Выражаем огромную признательность проектору ЮУрГГПУ Е. А. Жорову за возможность познакомиться с личным делом В. Д. Павленко.

⁷ Павленко В. Д. Шестьдесят лет спустя: 1961 год в моей жизни // Архив в социуме — социум в архиве: материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 386–388; Он же. Архивная служба 60–90 годов XX века глазами исследователя // Архив в социуме — социум в архиве: материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 83–86; Павленко Г. К. Великая Отечественная война и ее история в нашей судьбе // Архив в социуме — социум в архиве: материалы третьей регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 439–443.

⁸ Павленко В. Д. Кузница рабочих кадров. Личные воспоминания воспитанника системы трудовых резервов // Инновационное развитие профессионального образования. 2015. № 1 (07). С. 171–174.

⁹ Архив ЮУрГГПУ. Личное дело Павленко В. Д. Л. 262.

¹⁰ Павленко В. Д. Кузница рабочих кадров ...

¹¹ Архив ЮУрГГПУ. Личное дело Павленко В. Д. Л. 193 об., 260 об.; ОГАЧО. Ф. П-1463. Оп. 1. Д. 89. Л. 27 об. — 28; Д. 106. Л. 36 об. — 37.

¹² ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 80. Л. 20; ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 1643. Л. 152; Д. 1644. Л. 208; Ф. Р-792. Оп. 5. Д. 2416. Л. 278; Д. 2417. Л. 252; Ф. Р-274. Оп. 11. Д. 21. Л. 199; Оп. 12. Д. 1. Л. 12; Д. 45. Л. 117; Оп. 15. Д. 4. Л. 165.

¹³ ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 5. Д. 2136. Л. 8.

¹⁴ Там же. Ф. П-1463. Оп. 1. Д. 112. Л. 81.

¹⁵ Там же. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 1703. Л. 121; Д. 1641. Л. 19.

¹⁶ Там же. Ф. Р-2069. Оп. 2. Д. 85. Л. 1.

¹⁷ Павленко В. Д. Шестьдесят лет спустя ... С. 387.

¹⁸ Там же; ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 1703. Л. 53.

¹⁹ ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 1703. Л. 53.

²⁰ Там же. Д. 1722. Л. 55–56.

²¹ Там же. Л. 61.

²² Там же. Д. 1703. Л. 53.

²³ Павленко В. Д. Шестьдесят лет спустя ... С. 387.

²⁴ ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 1722. Л. 93.

²⁵ Там же. Л. 122.

²⁶ Там же. Л. 123–124.

²⁷ Там же. Л. 131.

²⁸ Там же. Д. 1703. Л. 62.

²⁹ Павленко В. Мои замечания // За трудовую доблесть. 1961. 20 июня.

³⁰ Рихтовщик дизель-моторного цеха № 2 Владимир Павленко. Фотография // Там же. 6 нояб.

³¹ ОГАЧО. Ф. Р-2069. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–3.

³² Павленко В. Д. Шестьдесят лет спустя ... С. 387.

³³ ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 5. Д. 2130. Л. 84.

³⁴ Там же. Л. 81.

³⁵ Там же. Л. 85.

³⁶ Там же. Л. 96.

³⁷ Там же. Л. 97–98.

³⁸ Там же. Л. 38, 80.

³⁹ Там же. Ф. Р-2069. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–2.

⁴⁰ Павленко В. Д. Шестьдесят лет спустя ... С. 387.

⁴¹ ОГАЧО. Ф. Р-2069. Оп. 2. Д. 91. Л. 2.

⁴² Там же. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 758. Л. 107.

⁴³ Там же. Ф. Р-2069. Оп. 2. Д. 85. Л. 2.

⁴⁴ Архив ЮУрГГПУ. Личное дело Павленко В. Д. Л. 260 об.

⁴⁵ Павленко В. Д. Комсомол — помощник Коммунистической партии в организации работы тыла в годы Великой Отечественной войны (на материалах промышленных предприятий и строек Курганской, Оренбургской и Челябинской областей: дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1972.

⁴⁶ Архив ЮУрГГПУ. Личное дело Павленко В. Д. Л. 1, 193 об.

⁴⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 2607. Л. 44.

⁴⁸ Там же. Л. 29, 40.

⁴⁹ Там же. Ф. Р-2069. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–2.

⁵⁰ Там же. Д. 85. Л. 4–5.

⁵¹ Павленко В. Д., Павленко Г. К. Огненный рубеж фронта и тыла: Челябинская область в 1941–1945 годах. Челябинск, 2005 ; *Они же*. Южный Урал. Великая Отечественная война: к 70-летию со Дня Победы / науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2014 ; *Они же*. Через горнило войны к победе: 1941–1945 годы. Челябинск, 2020 ; *Они же*. Южный Урал в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Южный Урал: от колесниц до мирного атома / сост.: Н. А. Антипин, Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2017. С. 98–101 ; *Они же*. Челябинская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Край, заслуживший свои победы / сост.: Н. А. Антипин,

Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2019. С. 108–111 ; Павленко Г. К., Павленко В. Д., Новиков И. А. Подвиг южноуральских воинских частей в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Край, заслуживший свои победы / сост.: Н. А. Антипин, Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2019. С. 122–129 ; Павленко Г. К., Павленко В. Д. Промышленность, мобилизованная войной 1941–1945 годов // Южный Урал. От Аркаима до Магнитки / сост. Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2020. С. 141–162.

⁵² Архив ЮУрГГПУ. Личное дело Павленко В. Д. Л. 156.

⁵³ ОГАЧО. Ф. Р-2069. Оп. 2. Д. 6. Л. 5.

Часть X
Исторические источники в архивах

А. А. Семенов

Дополнение к Указателю приходов православных церквей Чебоксарского уезда Казанской губернии

В фондах Государственного исторического архива Чувашии хранится дело, содержащее ведомости церквей Чебоксарского уезда на 1844 г. (Ф. 325. Оп. 1. Д. 8). К сожалению, в нем отсутствуют ведомости Богородицкой церкви с. Беловолжского (ныне в черте г. Козловка), Введенского собора и Спасской кладбищенской церкви г. Чебоксары.

Сравнительный анализ сохранившихся церковных ведомостей 1844 г. с данными «Чувашской энциклопедии» (работа над которой началась в 2006 г.), «Путеводителя по фондам Государственного исторического архива Чувашской Республики» (издан в 2016), «Указателя приходов православных церквей Симбирской и Казанской епархий, расположенных на территории современной Чувашии» (2023) привел к следующим результатам:

- уточнены даты постройки девяти (из 32) храмов (даты постройки еще двух храмов нуждаются в дальнейшем уточнении);
- дополнены списки приходов 13 (из 32) церквей — в общей сложности на 28 деревень;
- выявлены пять престолов в пяти церквях и установлено, во имя кого они были названы;
- выявлены имена четырех благотворителей, на чьи деньги были построены или отремонтированы церкви.

Все это позволит более успешно искать своих предков исследователям, а также сотрудникам архива, выполняющим запросы граждан.

Кроме того, список содержит сведения о сохранности метрических книг и книг брачных обысков на 1844 г., подробное описание каждой церкви по состоянию на 1844 г., а также сведения о дальнейшей судьбе храма и прихода. Эта информация будет интересна не только исследователям родословной, но и краеведам и всем, кому небезразлична история родного края.

Ниже приводится список церквей Чебоксарского уезда, где *курсивом* выделены данные из «Путеводителя по фондам Государственного исторического архива Чувашской Республики», *жирным курсивом* — данные из «Чувашской энциклопедии», а **жирным прямым шрифтом** — уточненные данные по итогам анализа церковных ведомостей 1844 г., других документов и открытых источников.

Список церквей (в алфавитном порядке) соответствует указателю приходов православных церквей Симбирской и Казанской епархий, расположенных на территории современной Чувашии.

1. Благовещенская церковь г. Чебоксары построена в 1684 г., каменная, с колокольной; **1-й престол (холодный)** — в честь Благовещения Пресвятой Богородицы; **2-й (теплый)**, по правую

сторону — во имя Святого апостола Иоанна Богослова; **3-й (теплый)**, по левую сторону — в честь Смоленской иконы Пресвятой Богородицы; **4-й (холодный) в колокольной — устроенный придел во имя Святого мученика Иоанна Воина**¹. Закрыта в 1940 г. Не сохранилась².

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1812 г.³

2. Введенский четырехстолпный пятиглавый собор г. Чебоксары построен в 1651 г. в «нарышкинском» стиле (вместо деревянной соборной церкви XVI в.). Собор Введения во храм Пресвятой Богородицы является не только старейшим действующим храмом, но и каменным зданием Чувашии, сохранившимся без кардинальных изменений.

Позже к храму были пристроены теплые приделы: 2-й престол, справа — во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца, «а при нем по левую сторону другая церковь теплая во имя преподобного Алексея человека Божия»; 4-й престол (малый, с трапезной) был устроен еще позже — на рубеже XVIII–XIX вв. — во имя священномученика Харлампия⁴. Закрыт в 1939 г., открыт в 1944 г.⁵

3. Вознесенская церковь г. Чебоксары построена в 1703–1707 гг. на средства прихожан; **1-й престол (теплый)** — в честь Вознесения Господня; в 1763 г. — **2-й престол (в правом приделе)** во имя Святителя Николая, **холодный в приделе — построен купцом гостиной сотни Игумновым, с 30 декабря 1835 г. богослужение прекращено из-за ветхости и разобрана и материал... [использован] на исправление церкви теплой; 3-й престол (в левом приделе)** — во имя Святого пророка Илии... **каменные с колокольной: погнулась на восток — наклон [в 1844] более аршина**⁶. Закрыта в 1941 г. Не сохранилась⁷.

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1809 г.⁸

4. Воскресенская церковь г. Чебоксары построена в 1758 г. каменная с колокольной; **1-й престол (холодный)** — в честь Обновления Храма Воскресения Христова; **2-й (теплый)** — во имя трех Святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста; **3-й (в приделе)** — во имя Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев⁹. Закрыта в 1941 г. Приход восстановлен в 1990 г.¹⁰

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1808 г.¹¹

5. Крестовоздвиженская церковь г. Чебоксары построена на средства прихожан в 1702 г., каменная, с колокольной; **1-й престол (холодный)** — в честь Воздвижения Креста Господня; **2-й (теплый, по левую сторону)** — во имя **Святых равноапостольных жен Мироносиц; 3-й**

(теплый, по правую сторону) — во имя трех Святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста; **оба устроены в трапезе сей церкви**¹². *Закрыта в 1941 г. Не сохранилась*¹³.

В приходе на 1844 г. Геронтьевская слобода¹⁴. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1816 г.¹⁵

6. Архангела Михаила церковь г. Чебоксары, каменная, холодная, построена в 1702 г. на средства прихожан: **1-й престол** — во имя Святого Архангела Михаила; **2-й престол** (в холодном приделе) — в честь Рождества Пресвятой Богородицы; **3-й престол (теплый)** — во имя Святой мученицы Прасковии. **Обе каменные, с колокольной**¹⁶. *Закрыта в 1927 г. Приход восстановлен в 1997 г.*¹⁷

Хранятся в целости исповедные росписи с 1811 г.¹⁸

7. Николаевский собор г. Чебоксары *построен в 1690 г. на средства неизвестных лиц. Каменный, с колокольной: 1-й престол (холодный)* — в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы; **2-й престол (теплый)** — во имя Иоанна Предтечи, *построен в 1753 г.; 3-й престол (теплый)*¹⁹ — во имя Святителя Николая **Мирликийского** Чудотворца, *построен в 1830 г. на средства купца П. Жукова. Закрыт в 1934 г. Не сохранился*²⁰.

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1811 г.²¹

8. Покровская церковь г. Чебоксары *построена в 1672 г. [1608²²] на средства купцов Полубоярева, Колокольниковца и др. Каменная, с колокольной: 1-й престол (холодный)* — в честь Покрова Пресвятой Богородицы; **2-й (теплый)** — во имя всех Святых; **3-й (теплый)** — во имя Петра и Февронии Муромских Чудотворцев. *Закрыта в 1935 г. Не сохранилась*²³.

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1816 г.²⁴

9. Успенская церковь г. Чебоксары *построена в 1763 г. на средства неизвестных лиц (по преданию, на средства московского купца Дряблова). Каменная, с колокольной; 1-й престол (холодный)*²⁵, *в верхнем этаже* — в честь Успения Божией Матери; **2-й престол** — во имя Святых мучеников Бориса и Глеба; **3-й (в приделе)** — во имя Святой мученицы Гликерии. *Закрыта в 1929 г. Приход восстановлен в 1993 г.*²⁶

Копии метрических книг с 1781 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1815 г.²⁷

10. Христорождественская церковь г. Чебоксары *построена в 1708 г. на средства прихожан. Каменная, однопрестольная, в честь Рождества Христова... [Вторая] теплая во имя иконы Смоленской Божией Матери — построена в 1696 г., обе каменные с колокольной; 3-й престол во имя трех Святителей Московских в приделе к теплой (с 28 июня 1844 г. опечатана)...*²⁸ *Закрыта в 1929 г. Не сохранилась*²⁹.

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1816 г.³⁰

11. Казанско-Богородицкая церковь с. Абашицево (Никольское) *построена в 1748 г. на средства*

*прихожан, деревянная, однопрестольная во имя Св. Николая Чудотворца. В 1821 г. за ветхостью подправлена... престол один холодный во имя Казанской Пресвятой Богородицы*³¹; *деревянная, с колокольной. Вновь отстроена в 1863 г. на средства прихожан — крестьян Ефрема Ефимова и Прокония Ефремова. Закрыта в 1930 г. Не сохранилась*³². **Приход восстановлен 8 декабря 2006 г.**³³

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1816 г., кроме 1817 и 1819 гг.³⁴

12. Успенская церковь с. Акулево (Успенское, Шуангер) *построена не позднее 1795 г. [не позднее 1780], деревянная, однопрестольная; вновь отстроена в 1821 г. на средства прихожан: каменная с колокольной; 1-й престол (холодный)* — в честь Успения Божией Матери; **2-й (в приделе, теплый)**³⁵ — во имя трех Святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. *Закрыта в 1941 г. Приход восстановлен в 1944 г.*³⁶

В приходе на 1844 г. деревни: 1-е Ураево (ныне Ураево-Магазь), **2-е Ураево**³⁷. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1808 г., кроме 1812 и 1815 гг.³⁸

13. Богородицкая церковь с. Альгешево (Вомбукасы, Байдеряково, Богородицкое) *построена в 1746 г. [1745³⁹], деревянная, однопрестольная, с колокольной; престол один холодный* — во имя Казанской Божией Матери. *Вновь отстроена в 1915 г. Закрыта в 1940 г. Приход восстановлен в 1947 г.*⁴⁰

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1816 г.⁴¹

14. Преображенская церковь с. Аттиково (Преображенское, Белая Волошка) *построена не позднее 1795 г. [не позднее 1780], вновь отстроена в [1838–1840] гг. на средства прихожан, деревянная, с колокольной; один престол (холодный)*⁴² — в честь Преображения Господня. *Перестроена в 1890 г. Закрыта в 1940 г. Не сохранилась*⁴³.

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1820 г., кроме «1821... за 1808, 1809, 1812–1814, 1816 и 1818 г. — по одной только части в наличии... а когда и кем утрачено не известно»⁴⁴.

15. Богоявленская церковь с. Байгулово (Богоявленское, Белые Полевые Яльчики) *построена в 1761 г. на средства прихожан, деревянная, с колокольной; один престол (холодный)*⁴⁵ — в честь Богоявления Господня... **После 1844 г. — 2-й престол** во имя Св. Николая Чудотворца... *Перестроена в 1902 г. Церковь каменная, с главным престолом в честь Богоявления Господня, однопрестольная. Закрыта в 1938 г. Приход восстановлен в 1989 г.*⁴⁶

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1809 г., кроме 1815 г., «за который в наличии не имеется, а когда и кем утрачена не известно»⁴⁷.

16. Воскресенская церковь с. Бичурино (Воскресенское, Шинерпось) *построена не позднее 1780 г. [1740] деревянная, с колокольной, в честь*

Воскресения Христа, **сгорела 8 июля 1844... пришт и приход... причислен в с. Тимирчи к Покровской церкви... до выстройки вновь церкви в с. Бичурино**⁴⁸. *Вновь отстроена в 1855 г. на средства прихожан и купца П. Попова. Церковь деревянная, однопрестольная, в честь Обновления храма Воскресения Христова... Закрыта в 1935 г. Не сохранилась*⁴⁹. **Летом 2013 г. началось строительство нового храма на прежнем месте**⁵⁰. **Приход восстановлен 20 июня 2014 г.**⁵¹

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1809 г., кроме 1810, 1815, 1819 и 1820 гг.⁵²

17. Рождественская церковь с. Бишево (Рождественское) построена в 1763 г. на средства прихожан, деревянная, однопрестольная, **с колокольной; престол один (холодный)**⁵³ — в честь Рождества Христова. *Вновь отстроена в 1878 г. на средства прихожан. Церковь деревянная, с главным престолом в честь Рождества Христова. Приделы: правый — во имя Св. Архангела Михаила, левый — во имя Святых Петра и Павла. Закрыта в 1933 г. Не сохранилась*⁵⁴.

В приходе на 1844 г. дер. Якушкино⁵⁵. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1819 г.⁵⁶

18. Вознесенская церковь с. Вознесенского (Янцыбулатово, **Вутакасы, Водокон, Янзибулатово**) построена не позднее 1785 г. [1762], **деревянная, с колокольной; один престол (холодный)**⁵⁷ — в честь Вознесения Господня. *Вновь отстроена в 1862 г. на средства прихожан. Церковь деревянная, однопрестольная... Закрыта в 1940 г.*⁵⁸

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1809 г. кроме 1810, 1814–1816, 1818 гг., «за которые оных не имеется»⁵⁹.

19. Введенская церковь с. Икково (Второе Икково, Введенское) построена не позднее 1780 г. [1748], **деревянная, с колокольной; престол один (холодный)**⁶⁰ — в честь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. *Вновь отстроена в 1886 г. на средства купца П. Е. Ефремова. Церковь деревянная, однопрестольная... Закрыта в 1929 г. Не сохранилась*⁶¹.

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1816 г., кроме 1818–1820 гг., «коих на лице нет»⁶².

20. Церковь Иоанна Богослова с. Карамышево (Богоявленское, Яльчики, **Богословское, Карамышево-Яльчики**) построена не позднее 1795 г. [1752], **деревянная, с колокольной; один престол (холодный)**⁶³ — во имя Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. *Вновь отстроена в 1893 г. на средства прихожан и священника И. Смирнова. Церковь каменная, однопрестольная... Закрыта в 1940 г. Приход восстановлен в 1944 г.*⁶⁴

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1808 г.; нет в наличии за 1811, 1813–1818 гг.⁶⁵

21. Николаевская церковь с. Карачево (Никольское, **Большой Карач**) построена в период [1746–1753] гг. [1746]⁶⁶ на средства прихожан, от-

ремонтирована в 1777, 1825... *деревянная, однопрестольная, с колокольной; 1-й престол (холодный) — во имя Святителя и чудотворца Николая; 2-й (с 1841 по 1891; в теплом приделе) — во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца (1844)... Отремонтирована в 1862, 1877 гг. Закрыта в 1940 г. Приход восстановлен в 1992 г.*⁶⁷

В приходе на 1844 г. деревни: Бишево, Мингиш (ныне Осинкино), Пакашь, Пиндиково, Солтубаево⁶⁸. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1808 г., кроме 1809 и 1815 гг.⁶⁹

22. Преображенская церковь с. Кушниково (Троицкое) построена в 1735 г. на средства местных помещиков (коллежским асессором⁷⁰ **Александром Алексеевичем Кушниковым**), опечатана 11 августа 1821 г. из-за ветхости; отремонтирована надворным советником **Михаилом Сергеевичем Кушниковым** после 1821 г. **1-й престол (холодный) — в честь Преображения Господня, в 1844 еще не освящен**⁷¹; **2-й (в правом приделе, теплый) — во имя Живоначальной Троицы; 3-й (в левом приделе, — теплый) — во имя Казанской Божией Матери. Закрыта в 1941 г. Приход восстановлен в 1945 г.**⁷²

Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1809 г., кроме 1812 и 1814 гг., «которые не известно кем и когда утрачены»⁷³.

23. Введенская церковь с. Первое Чурашево (Кошки, Введенское) построена не позднее 1795 г. [1754]⁷⁴, **деревянная, однопрестольная, с колокольной, отремонтирована в 1844–1845 гг.; один престол (холодный) — в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы; церковь каменная, строилась с 1827 по 1829 г. купцами Калмыковыми, не достроена до 1844 г. (9 августа 1842 г. деревянная освидетельствована губернским архитектором Петонди)**⁷⁵. *Вновь отстроена в 1894 г. на средства прихожан. Церковь каменная, однопрестольная... Закрыта в 1940 г. Приход восстановлен в 1944 г.*⁷⁶

В приходе на 1844 г. дер. Актяшево⁷⁷. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1816 г., кроме 1819 и гг., «коих не имеется, а когда и кем оныя затеряны — не известно»⁷⁸.

24. Покровская церковь с. Покровское (Тимерчи, Малые Тимирчи, **Чекуры**) построена в 1748 г. на средства прихожан, **деревянная, с колокольной; престол один (холодный) — во имя Покрова Пресвятой Богородицы... После 1844 г. появился 2-й престол — во имя Святого Николая Чудотворца.**

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена на средства прихожан в 1908 г. взамен постройки 1748 г. Двухпрестольная: Покрова Пресвятой Богородицы, Св. Николая Чудотворца. Главный храм холодный, придел теплый... На церкви одна глава. Колокольная трехъярусная, высота 7 саженей⁷⁹.

*Закрыта в 1936 г.*⁸⁰ Здание использовалось под зернохранилище. Приход восстановлен в 1992 г.⁸¹

В приходе на 1844 г. деревни: Елышево, Идельманы⁸². Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1808 г.⁸³

25. Введенская церковь с. Сотниково (*Введенское, Торган-касы*) построена не позднее 1795 г. [*не позднее 1780*], деревянная с колокольной; престол один (холодный⁸⁴) — в честь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Вновь перестроена в 1876–1877 гг. на средства прихожан. Церковь деревянная, однопрестольная. Закрыта в 1935 г. Не сохранилась⁸⁵.

В приходе на 1844 г. деревни: Атыково, Тенгеево⁸⁶. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1803 г., кроме 1815 г. (взяты в Казанскую консисторию после пожара)⁸⁷.

26. Воскресенская церковь с. Старая Тюрлема (Тюрлема, *Воскресенское, Анчиково*) построена в 1762 г. на средства прихожан, деревянная, с колокольной; престол один (холодный⁸⁸) — в честь Воскресения Господня... Отремонтирована в 1826 г., вновь отстроена в 1871 г. Церковь деревянная, однопрестольная. Закрыта в 1932 г. Не сохранилась⁸⁹. Приход восстановлен в 2003 г.⁹⁰

В приходе на 1844 г. дер. Карамышево⁹¹. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1808 г.⁹²

27. Михаило-Архангельская церковь с. Тогаево (Архангельское, *Чак, Нарат Чакки*) построена в 1748 г. на средства прихожан [1746], деревянная, с колокольной (в 1828 г. обновлена); один престол (холодный) — во имя Архистратига Михаила. После 1844 г.⁹³ появился 2-й престол — во имя Божией Матери Казанской. Вновь отстроена в 1905 г. Церковь деревянная, двухпрестольная, Закрыта в 1941 г. Приход восстановлен в 1946 г.⁹⁴

Книги метрические с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи 1802 и 1808–1844 гг.⁹⁵

28. Сретенская церковь с. Чемурша (Писарино, *Сретенское*) построена в 1746 г. на средства прихожан, деревянная, с колокольной; престол один (холодный) — в честь Сретения Господня. Закрыта в 1940 г. Не сохранилась⁹⁶. Приход восстановлен в 2008 г. Храм освящен 9 февраля 2012 г.⁹⁷

В приходе на 1844 г. деревни: Байзарино, Елдашево (ныне Мошкасы), Кильдяшево⁹⁸. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1814 г., кроме 1823 и 1824 гг., за 1820–1822 гг. только часть священника Константина Дмитриева в наличии⁹⁹.

29. Богородская (позже *Христорождественская*) церковь с. Шутнерово (*Рождественское-Кармалы, Богородское*) построена в XIX веке [*не позднее 1780*] на средства прихожан, деревянная, с колокольной; один престол (холодный) — в честь Рождества Пресвятой Богородицы¹⁰⁰. После 1844 г. деревянная, с главным престолом в честь Рождества Христова. Придел: во имя Св. Василия Великого. Закрыта в 1941 г. Не сохранилась¹⁰¹. Храм заложен 13 августа 2011 г. Приписан к приходу в с. Байгулово. Храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы освящен 20 августа 2016 г.¹⁰²

В приходе на 1844 г. деревни: Новое Янситово, Старое Янситово, Хоруй¹⁰³. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1808 г.¹⁰⁴

30. Николаевская церковь с. Яндашево (Никольское, *ныне*¹⁰⁵ в черте г. Новочебоксарска) построена не позднее 1772 г., вновь отстроена в 1792 г. на средства прихожан, каменная, с колокольной; 1-й престол (холодный) — во имя Святителя и чудотворца Николая; 2-й (в правом приделе, теплый) — во имя Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Обновлена в 1885 г. Церковь каменная. 3-й престол (в левом приделе) — во имя Святого великомученика Пантелеймона. Закрыта в 1940 г. Не сохранилась¹⁰⁶.

В приходе на 1844 г. деревни: Изеево, Первое Яндашево, Тохтарово, Чодоково¹⁰⁷. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1823 г.¹⁰⁸

Город Мариинский Посад (до 6 июля 1856 г. — с. Сундырь).

31. Казанско-Богородицкая церковь (с. Сундырь) построена в 1761 г., каменная, с колокольной; 1-й престол (холодный) — во имя Казанской Божией Матери; 2-й (теплый, в правом приделе) — во имя Святителя и Чудотворца Николая. С 1889 г. на средства купца Л.А. Матвеевского: 3-й престол (в левом приделе) — во имя Святого мученика архидьякона Лаврентия, 4-й престол (под колокольной) — во имя Святого благоверного князя Владимира. Закрыта в 1931 г. Приход восстановлен в 1989 г.¹⁰⁹

В приходе на 1844 г. деревни: Первое Коновалово (с 6 июля 1856 г. в черте Мариинского Посада¹¹⁰), Чекуры¹¹¹. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1820 г.¹¹²

32. Троицкий собор (с. Сундырь) построен в 1726 г. на средства прихожан [в XVII в.], каменный, с колокольной; 1-й престол (холодный) — во имя Живоначальной Троицы; 2-й (в теплом правом приделе) — во имя Тихвинской Божией Матери¹¹³. После 1844 г.: 3-й престол (в левом приделе) — во имя Святых преподобных Василия Исповедника и Серафима Саровского, 4-й (в колокольной) — во имя Святого пророка Илии. Закрыт в 1940 г.¹¹⁴ Приход восстановлен в 1994 г.¹¹⁵

В приходе на 1844 г. дер. Чекуры. Копии метрических книг с 1780 г. хранятся в целости, исповедные росписи с 1816 г., кроме 1819 и 1821 гг.¹¹⁶

Примечания

¹ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 31.

² Абдюшев А. Н., Ертмакова Г. В. Путеводитель по фондам Государственного исторического архива Чувашской Республики. Чебоксары, 2016. Т. 1. С. 210.

³ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 32.

⁴ Там же. Ф. 206. Оп. 4а. Д. 5. Л. 1.

⁵ Путеводитель по фондам ... С. 210.

⁶ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

⁷ Путеводитель по фондам... С. 211.

⁸ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

⁹ Там же. Л. 45.

¹⁰ Путеводитель по фондам ... С. 211.

- ¹¹ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.
- ¹² Там же. Л. 49.
- ¹³ Путеводитель по фондам ... С. 212.
- ¹⁴ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 52 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 50.
- ¹⁶ Там же. Л. 11.
- ¹⁷ Путеводитель по фондам ... С. 212.
- ¹⁸ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
- ¹⁹ Там же. Л. 7.
- ²⁰ Путеводитель по фондам ... С. 213.
- ²¹ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.
- ²² Там же. Л. 25.
- ²³ Путеводитель по фондам ... С. 213.
- ²⁴ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.
- ²⁵ Там же. Л. 19.
- ²⁶ Путеводитель по фондам ... С. 214.
- ²⁷ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.
- ²⁸ Там же. Л. 37.
- ²⁹ Путеводитель по фондам ... С. 215.
- ³⁰ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 39.
- ³¹ Там же. Л. 91.
- ³² Путеводитель по фондам ... С. 216.
- ³³ Часовня в честь великомученика Пантелеимона в с. Абашево // Чувашская митрополия Русской православной церкви : сайт. URL: <https://cheb-eparhia.ru/orgs.aspx?type=Ngram&id=301&unit=history> (дата обращения: 26.05.2026).
- ³⁴ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 91 об.
- ³⁵ Там же. Л. 113.
- ³⁶ Путеводитель по фондам ... С. 217.
- ³⁷ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 119 об.
- ³⁸ Там же. Л. 114.
- ³⁹ Там же. Л. 95.
- ⁴⁰ Путеводитель по фондам ... С. 219.
- ⁴¹ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 95 об.
- ⁴² Там же. Л. 145.
- ⁴³ Путеводитель по фондам ... С. 217.
- ⁴⁴ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 147 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 129.
- ⁴⁶ Путеводитель по фондам ... С. 217.
- ⁴⁷ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 129 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 86.
- ⁴⁹ Путеводитель по фондам... С. 218.
- ⁵⁰ Храм Воскресения Христова (Воскресение словущее) с. Бичурино // Чувашская митрополия ... URL: <https://cheb-eparhia.ru/orgs.aspx?type=Ngram&id=269> (дата обращения: 26.05.2026).
- ⁵¹ Православный приход храма Воскресения словущего села Бичурино. URL: <https://www.list-org.com/company/7903204> (дата обращения: 26.05.2026).
- ⁵² ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 86.
- ⁵³ Там же. Л. 81.
- ⁵⁴ Путеводитель по фондам ... С. 218.
- ⁵⁵ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 84 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 81 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 167.
- ⁵⁸ Путеводитель по фондам ... С. 226.
- ⁵⁹ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Там же. Л. 167 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 61.
- ⁶¹ Путеводитель по фондам ... С. 219.
- ⁶² ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 61 об.
- ⁶³ Там же. Л. 159.
- ⁶⁴ Путеводитель по фондам ... С. 219.
- ⁶⁵ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 160.
- ⁶⁶ Там же. Л. 103.
- ⁶⁷ Путеводитель по фондам ... С. 220.
- ⁶⁸ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 105 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 103.
- ⁷⁰ Там же. Л. 113.
- ⁷¹ Там же. Л. 139.
- ⁷² Путеводитель по фондам ... С. 221.
- ⁷³ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 140.
- ⁷⁴ Там же. Л. 151.
- ⁷⁵ Там же. Л. 151–151 об.
- ⁷⁶ Путеводитель по фондам ... С. 220.
- ⁷⁷ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 157 об.
- ⁷⁸ Там же. Л. 153.
- ⁷⁹ Храм Покрова Пресвятой Богородицы с. Покровское // Чувашская митрополия ... URL: <https://cheb-eparhia.ru/orgs.aspx?type=Ngram&id=83&unit=history> (дата обращения: 26.05.2026).
- ⁸⁰ Путеводитель по фондам ... С. 223.
- ⁸¹ Храм Покрова Пресвятой Богородицы с. Покровское ...
- ⁸² ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 80 об.
- ⁸³ Там же. Л. 77 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 71.
- ⁸⁵ Путеводитель по фондам ... С. 223.
- ⁸⁶ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 76 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 71 об.
- ⁸⁸ Там же. Л. 57.
- ⁸⁹ Путеводитель по фондам ... С. 224.
- ⁹⁰ Приход храма Воскресения Христова с. Ст. Тюрлема. URL: <https://www.list-org.com/company/2179826> (дата обращения: 26.05.2026).
- ⁹¹ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 59 об.
- ⁹² Там же. Л. 57 об.
- ⁹³ Там же. Л. 185.
- ⁹⁴ Путеводитель по фондам ... С. 224.
- ⁹⁵ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 186.
- ⁹⁶ Путеводитель по фондам ... С. 225.
- ⁹⁷ Храм Сретения Господня с. Чемура // Чувашская митрополия ... URL: <https://cheb-eparhia.ru/orgs.aspx?type=Ngram&id=300&unit=history> (дата обращения: 26.05.2026).
- ⁹⁸ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 69 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 65 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 173.
- ¹⁰¹ Путеводитель по фондам ... С. 225.
- ¹⁰² Церковь Рождества Пресвятой Богородицы с. Шутнерово. URL: <https://ruskontur.com/shutnerovo-cerkov-rozhdestvapresvyatoj-bogorodicy/> (дата обращения: 26.05.2026).
- ¹⁰³ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 177 об. — 178.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 173 об.
- ¹⁰⁵ Яндашево. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Яндашево> (дата обращения: 26.05.2026).
- ¹⁰⁶ Путеводитель по фондам ... С. 225.
- ¹⁰⁷ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 112 об.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 108.
- ¹⁰⁹ Путеводитель по фондам ... С. 215.
- ¹¹⁰ Мариинский посад. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Мариинский_Посад (дата обращения: 26.05.2026).
- ¹¹¹ ГИАЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 8. Л. 56 об.
- ¹¹² Там же. Л. 53 об.
- ¹¹³ Там же. Л. 121.
- ¹¹⁴ Путеводитель по фондам ... С. 216.
- ¹¹⁵ Свято-Троицкий собор г. Мариинский Посад // Чувашская митрополия ... URL: <https://cheb-eparhia.ru/orgs.aspx?type=Ngram&id=74&unit=history> (дата обращения: 26.05.2026).
- ¹¹⁶ Там же. Л. 121 об.

Е. К. Фартеев

Источники по истории средних учебных заведений Екатеринбурга второй половины XIX — начала XX века

Изучение истории средних учебных заведений Екатеринбурга второй половины XIX — начала XX в. невозможно без комплексного анализа широкого круга исторических источников, которые отличаются как по видовой принадлежности, так и по степени репрезентативности.

В пореформенный период наблюдается активное развитие образовательного пространства города: вслед за открытием мужской гимназии (1861) и женского училища первого разряда (1860), позднее преобразованного в первую женскую гимназию (1870), в городе появляются Алексе-

евское реальное училище (1873), епархиальное женское училище (в 1880 преобразованное в шестиклассное), женская прогимназия (1903), которая через пять лет стала 2-й женской гимназией. Благодаря чему Екатеринбург стал одним из значимых образовательных центров Пермской губернии. Весь привлеченный источниковый корпус может быть классифицирован по видовому признаку — в зависимости от целевых установок, направленности и практического назначения. В своей совокупности он включает все основные виды и многочисленные разновидности источников.

К первому виду источников можно отнести нормативно-правовую базу для открытия и функционирования средних учебных заведений в империи. К ним в первую очередь относятся: Устав гимназий и прогимназий 1864 г.¹ и 1870 г.², Устав реальных училищ 1872 г.³, Положение о женских гимназиях 1870 г.⁴, Устав епархиальных женских училищ 1868 г.⁵, а также распоряжения по Оренбургскому учебному округу⁶. Комплексный анализ этих нормативно-правовых актов позволяет исследователям детально изучить регламент внутреннего устройства учебных заведений: структуру и сроки обучения, количество классов, учебные планы с распределением часов по предметам, правила приема и перевода в следующий класс, вопросы управления и педагогического состава, права и возможности учеников и выпускников учебных заведений. Изучив нормативные описания, исследователь может сравнить как они работали в конкретном учебном заведении. Кроме того, последовательно сменявшие друг друга уставы и появлявшиеся новые типы учебных заведений позволяют выстроить картину развития народного образования в пореформенный период. Все перечисленные аспекты делают данный вид источников важным инструментом для системного анализа средних учебных заведений Екатеринбурга.

Ко второму виду относится делопроизводственная документация органов управления и учебных заведений. Ее отчетная разновидность — годовые отчеты о деятельности каждого рассматриваемого учебного заведения⁷, с помощью которых становится возможной реконструкция повседневной жизни учебных заведений. В них содержатся данные о финансовых поступлениях и расходах, количестве обучающихся и выпускников, отметки по предметам и поведению и т. п. Эти документы содержат также данные о знаковых событиях, происходивших в заведениях (посещения высокопоставленных чиновников и гостей, экзамены, собрания педагогического совета, концерты и представления, экскурсии и выставки, знаменательные для заведения даты), о преподавателях, работавших в этих гимназиях и училищах. Их изучение позволяет проследить эволюцию учебных заведений: изменение социального состава обучающихся, количества классов и преподавателей, уровня успеваемости, финансовые трудности, а также способы их разрешения, осо-

бенно в рамках взаимодействия с городскими властями и обществом. Таким образом формируется целостная картина функционирования учебного заведения. Но стоит отметить, что в отчетах практически отсутствуют сюжеты, связанные с проблемами заведений, кроме проблем со зданиями.

К этому же виду источников относятся протоколы заседаний Екатеринбургской городской думы и журналы уездного земства, а также отчеты губернатора Пермской губернии⁸. Здесь удастся выявить отчетную документацию и статистическую информацию, посвященную финансовой и материальной поддержке заведений от земских и городских властей, они чаще всего содержатся в приложениях. Данные в протоколах и журналах фиксируют объемы ежегодных ассигнований на содержание учебных заведений, а также постановления о назначении стипендий конкретным ученикам и ученицам, с ежегодным пофамильным перечислением. Кроме того, значимыми сюжетами являются ходатайства от местных властей к Министерству народного просвещения с инициативой открытия того или иного учебного заведения в городе, а также представлены обсуждения властей по вопросу обеспечения заведений собственными зданиями.

К этому виду относятся неопубликованные делопроизводственные материалы из региональных и федеральных архивов. В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) каждому учебному заведению посвящен отдельный фонд⁹. В основном в них представлены распоряжения по учебному округу, циркуляры предписаний начальства, протоколы педагогических советов и т. п. Наряду с этим обширные комплексы документов ведомства Министерства народного просвещения хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА)¹⁰. Часть из них посвящена делопроизводственной переписке и распоряжениям по отдельным вопросам образовательной политики.

Информационно-справочные материалы представляют третий вид источников и находятся в очерках по развитию учебных заведений Министерства народного просвещения¹¹. Используя данные сборники, исследователь может проследить хронологию открытия и развития учебных заведений в Екатеринбурге, установить кадровую политику, например назначение инспекторов, динамику числа учеников, а также влияние распоряжений попечителя округа на образовательную политику. Но стоит отметить, что полноценные сюжеты, посвященные именно учебным заведениям Екатеринбурга, здесь практически отсутствуют.

Четвертым видом источников являются научные труды современников изучаемых событий. К ним относятся первые юбилейные очерки по истории гимназий Екатеринбурга, написанных учителями этих гимназий¹². Юбилейных очерков удостоились только мужская гимназия к 25-летию и 50-летию юбилеям, а также 1-я женская

гимназия также к 50-летию юбилею. Произведение, посвященное 50-летию мужской гимназии, написано в научном стиле, и каждой теме посвящена отдельная глава: учебные планы, материальные средства гимназии, библиотека и пособия и пр. С помощью этого источника возможно реконструировать основные вехи развития гимназии. Юбилейное издание о женской гимназии значительно слабее в научном плане, в нем половину текста заняли многочисленные юбилейные адреса и поздравления, практически не содержащие какой-либо конкретной информации об учебном заведении. Интерес в источнике может представлять только исторический очерк, который, однако, имеет значительные пробелы в освещении многих проблем начальной истории этого учебного заведения. Алексеевское реальное училище и 2-я женская гимназия свои крупные юбилеи отметить не успели, поскольку перестали функционировать после революционного 1917 г.

К пятому виду относятся материалы периодической печати. Информация о средних учебных заведениях Екатеринбурга содержится в городских и губернских газетах¹³. Например, в газетах «Пермские губернские ведомости» и «Екатеринбургские епархиальные ведомости» встречаются сюжеты, посвященные становлению первых гимназий и епархиальному женскому училищу в Екатеринбурге. В газете «Екатеринбургская неделя» встречаются краткие заметки о деятельности учебных заведений или о знаковых событиях, происходивших в них. Однако это лишь эпизодические упоминания, не позволяющие выстроить полноценной картины. Они служат скорее как дополнения к остальным видам источников, подтверждающие ранее выявленную информацию.

Таким образом, на основе комплексного анализа представленных групп документов можно сказать, что источниковая база является достаточно репрезентативной. Нормативно-правовые акты позволяют определить юридические рамки деятельности заведений, делопроизводственная документация раскрывает механизмы финансово-материального обеспечения, кадровую политику и фиксирует важные статистические данные. Информационно-справочные материалы позволяют включить историю екатеринбургских заведений в контекст империи, а архивные материалы предоставляют доступ в том числе к неопубликованным данным, однако их значительный объем требует избирательного подхода. Нарративные источники реконструируют основ-

ные вехи развития отдельных заведений, в то время как периодическая печать выполняет скорее вспомогательные функции, подтверждая ранее выявленную информацию.

Исходя из этого, можно сказать, что только комплексное и критическое сопоставление всех видов источников и их взаимодополняемость позволяют создать целостную реконструкцию становления и развития среднего образования в Екатеринбурге в пореформенные периоды.

Примечания

¹ Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1875. Т. 3. С. 167–179.

² Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения // Там же. СПб., 1874. Т. 36. С. 85–99.

³ Высочайше утвержденный Устав реальных училищ Министерства народного просвещения // Там же. СПб., 1875. Т. 48. С. 626–636.

⁴ Высочайше утвержденное Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения // Там же. СПб., 1874. Т. 35. С. 701–705.

⁵ Устав епархиальных женских училищ // Там же. СПб., 1871. Т. 33. С. 257–261.

⁶ См., например: Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. Год восьмой. 1882. № 1. С. 1–32; № 9. С. 381–430.

⁷ См., например: Отчет по Алексеевскому Екатеринбургскому реальному училищу за 1876 год. Екатеринбург, 1877; Отчет Екатеринбургской женской гимназии за 1874–1875 учебный год. Екатеринбург, 1876; Отчет о состоянии Екатеринбургской мужской гимназии за 1901–1902 учебный год. Екатеринбург, 1902.

⁸ См., например: Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1873 г. Екатеринбург, 1875; Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXVIII очередной сессии (1907 г.) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1908; Всеподанный отчет губернатора Пермской губернии (1884–1895 гг.).

⁹ См., например: ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 3; Ф. 90. Оп. 1. Д. 4; Ф. 70. Оп. 1. Д. 2; Ф. 4. Оп. 1. Д. 56.

¹⁰ См., например: РГИА. Ф. 733. Оп. 162. Д. 1051; Оп. 164. Д. 114; Оп. 162. Д. 730.

¹¹ Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875–1899 гг.). Оренбург, 1901; Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб., 1901; Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения: справ. кн., составл. по офиц. сведениям к 1 янв. 1895 г., с приложением двух карт. СПб., 1895.

¹² Будрин В. И. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии. 1861–1911 гг.: крат. ист. очерк. Екатеринбург, 1911; Диомидов Н. Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1886). Оренбург, 1887; Пятидесятилетие существования Екатеринбургской 1-й женской гимназии. 1860–1910. Екатеринбург, 1912.

¹³ См., например: Екатеринбургская неделя. 1879. № 14; 1893. № 42; Пермские губернские ведомости. 1872. № 99; Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1886. № 3–4.

Д. Р. Будаева

**Эскизы и рисунки Д. П. Шорина, созданные во время
строительства храма Александра Невского в Нижнем Тагиле
(по архивным материалам Нижнетагильского музея-заповедника
и Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера)**

Один из первых краеведов Нижнего Тагила Дмитрий Петрович Шорин (1817–1907) обладал очень широким кругом интересов. По семейной легенде, Митя Шорин мечтал в юности стать художником, но крепостная зависимость не позволила этой мечте сбыться. Сразу же после окончания Выйского заводского училища, в котором учились многие сыновья крепостных служащих Нижнетагильских заводов, шестнадцатилетнего Дмитрия Шорина определили на должность писца в денежное отделение Нижнетагильских заводов господ Демидовых. И вся последующая служебная деятельность Дмитрия Петровича была связана с финансами. Но в душе он оставался художником, исследователем и очень любознательным человеком. Возможно, многочисленные увлечения Д. Шорина помогали ему преодолевать жизненные трудности и стать одним из самых образованных людей Нижнего Тагила XIX в.

Одним из увлечений Д. П. Шорина было рисование. О том, что уже в юности Дмитрий Шорин хорошо рисовал, свидетельствует анатомический рисунок, созданный им во время обучения в Выйском заводском училище. Выйское заводское (техническое) училище давало разностороннее образование. Кроме таких дисциплин, как грамматика, чистописание, история, геометрия, минералогия, арифметика, геология, в нем преподавались рисование и живопись. Поэтому из стен заводского училища выходили специалисты с широким набором профессиональных навыков.

Уже будучи на заводской службе, Дмитрий Петрович не оставлял своей мечты стать художником. Он изучал искусство и учился рисовать самостоятельно. Часто бывая в Петербурге по долгу службы, несмотря на крайнюю занятость, он посещал Эрмитаж, различные выставки, что позволило ему развить хороший вкус и получить знания о художественных техниках. Кроме того, он брал частные уроки у академиков Петербургской академии художеств Т. А. Неффа и И. К. Макарова. Подолгу находясь в столице, Дмитрий Петрович бывал в доме тагильского художника, бывшего демидовского крепостного Василия Павловича Худоярова. В. П. Худояров был тем, кто консультировал Дмитрия Петровича в приобретении картин в свою домашнюю коллекцию¹.

Одним из самых существенных деяний Д. П. Шорина была организация строительных работ по возведению храма имени благоверного князя Александра Невского в Нижнем Тагиле. Во время строительства храма Дмитрий Петрович выполнял функции архитектора Нельсона

Гирста (что, по его подсчетам, привело к большой экономии денежных средств), нанимал рабочих и художников для написания икон и росписи стен внутреннего убранства храма. Полный отчет о возведении храма был также составлен самим Шориным и опубликован в «Пермских епархиальных ведомостях» 1878 г. как «Отчет по строению каменного храма в Нижнетагильском заводе в память освобождения крепостных людей на счет добровольных пожертвований соединенного общества Нижнетагильских заводов, заложенного в 1862 г. и освященного в 6 число декабря 1877 года епископом Пермским Вассианом во имя св. бл. в. к. Александра Невского. От попечителя Д. П. Шорина»². В описании художественных работ (создание икон для иконостаса) Шорин называет таких художников, как В. П. Худояров, Ф. Д. Топорков и академик Н. М. Плюсин. В частности, В. П. Худояров написал в Санкт-Петербурге шесть главных икон, за что ему было заплачено 490 руб., при том, что «образа Худоярова по достоинству живописи и по ценам, назначенным в Художественной артели, стоят более 1000 руб.»³. Академику Плюсину было заказано написание трех больших и пять малых икон (80 руб.), а также «написание четырех евангелистов в парусах сводов» (50 руб.)⁴.

Но при этом в отчете ничего не говорится о том, что сам Дмитрий Петрович принимал участие в создании эскизов различных элементов внутреннего и внешнего убранства храма и деталей церковной утвари и икон. Все это, вероятно, делалось им на общественных началах, в силу внутренних убеждений и нравственных принципов. О том, что Шорин непосредственно приложил руку к созданию неповторимого облика храма, мы узнаем из документов и сохранившихся рисунков.

В коллекции Нижнетагильского музея-заповедника хранится несколько рисунков Д. П. Шорина. На одном из них изображены венцы Богоматери и младенца для иконы в натуральную величину. Рисунок выполнен акварелью и тушью. Диаметр венца Богоматери 48 см, диаметр венца младенца 23,5 см. Венцы раскрашены желтым цветом. Тушью проведены линии, подразумевающие гравированный узор. По окружности каждого из венцов изображены вставки из ювелирных камней зеленого, розового, желтого, голубого и белого (прозрачного) цветов. В нижней части рисунка рукой Д. П. Шорина добавлено описание:

Внешний край венцов приподнять на $\frac{1}{8}$ часть
вершка и обложить припаянную полоскою, а внутрен-

ний край чтобы плотно прилегал и укреплялся к образу; корону несколько возвысить в рельефе; круга (круги) награвировать в 5 или 6 рядов ножкой циркуля, штрихи начертить иглой, пуговицы и фигуры на короне выдавить чеканом.

По воспоминаниям Елизаветы Васильевны Боташевой, Дмитрий Петрович занимался гравировкой⁵. Поэтому можно предположить, что Шорин сам лично намеревался создать данный венец для иконы.

Другими свидетельствами того, что Шорин в некоторых случаях заменил художников при оформлении внешнего и внутреннего убранства храма, являются архивные документы Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера в Екатеринбурге (СОКМ). Автору статьи посчастливилось поработать с инвентарными и квитанционными книгами Уральского общества любителей естествознания, приемником которого и является СОКМ.

В квитанционной книге за 1912–1914 гг. содержатся сведения о том, что в 1914 г. УОЛЕ сделало несколько закупок у Августы Дмитриевны Шориной из Нижнего Тагила (22, 23 августа и 24 сентября)⁶. Августа Шорина — самая младшая из восьми детей Дмитрия Петровича и его супруги Елизаветы Алексеевны. Именно Августа ухаживала за отцом в пожилом возрасте (Шорин прожил 90 лет) и унаследовала его дом и имущество, следовательно, и все коллекции — художественную, археологическую и др. Согласно воспоминаниям одной из внучек Шорина, Эмилии Николаевны Шориной, скульптора и художницы, Августа в сложные времена продавала некоторые предметы своего отца коллекционерам, но «как-им, она не запоминала и не записывала»⁷. К счастью, сотрудники УОЛЕ о своих приобретениях записи вели. И среди приобретенных обществом предметов присутствуют различные документы, рукописи, археологические артефакты, а также достаточно большое количество рисунков и эскизов, выполненных Шориным. Все приобретаемые УОЛЕ предметы и документы становились экспонатами музея общества и распределялись по коллекциям. Рисунки отправлялись в художественный отдел, и сведения о них заносились в инвентарную книгу.

Вот что было занесено в инвентарную книгу № 1 художественного отдела музея УОЛЕ⁸:

№ 945 — Проекционный набросок иконостаса 34,3×51,4

№ 946 — Проекционный набросок иконостаса 35,5×22 (исправлено 43,8).

№ 947 — Проекционный набросок часовенки (57,5 или 17)×22,2

№ 948 — Проекционный набросок обработки окна 15×22,2

№ 949 — Проекционный набросок церкви с памятником 50,2×32,6

№ 950 — Проекционный набросок креста 17,6×22,4

№ 951 — Проекционный набросок окна 12,4×19,9

№ 953 — Чертеж церковной чаши 44,7×27

№ 954 — Чертеж портала 21,2×35,5

№ 955 — Контурный набросок киота 22,4×27

№ 956 — Контурный набросок киота 14×21,8

№ 957 — Рисунок решетки 22×34,8

№ 958 — Рисунок креста 22,7×27,2

На полях, напротив данного списка, подпись: «Коллекция рисунков Шорина»⁹.

№ 962 — Рисунок ограды 44,9×17,8

№ 963 — Наброски иконостаса 31,2×42,5

№ 964 — Наброски иконостаса 35,5×43,8

№ 965 — Рисунок ангела 23×30,8 — рис. Дм. Шорина

№ 966 — Голова старика (святого) 26×33 — рисовал Дм. Шорин

№ 967 — Голова старика 30,3×40,3

В колонке с названием «Место и время происхождения» справа подпись розовым карандашом — «Шорины»¹⁰.

К сожалению, ни один из рисунков, занесенных в инвентарную книгу художественного отдела УОЛЕ, до настоящего времени не обнаружен. В ответ на запросы в СОКМ было сказано, что местонахождение рисунков неизвестно. После событий 1917 г. далеко не все экспонаты музея УОЛЕ впоследствии попали в фонды Историко-революционного музея, в будущем Свердловского областного краеведческого музея.

В данном исследовании нас особенно интересуют рисунки под номерами 945, 946, 963 и 964, которые значатся как «наброски иконостаса». О том, что иконостас храма был выполнен по рисунку Д. П. Шорина, мы узнаем из «Отчета...»:

С одной стороны здешние мастера, не привыкшие к точному исполнению работы по рисункам позволяя себе разные отступления, чем иногда портят хорошее дело, не говоря о не исправности в срочной работе, с другой — неуместное вмешательство некоторых людей, сбили с толку столяра, так что попечитель Д. Шорин, переделавши несколько раз рисунок иконостаса, едва мог убедить массу народа, и то с помощью сельского старосты, что по рисунку будет лучше против их выдумки¹¹.

Таким образом, Шорин выполнил несколько эскизов, или «набросков» иконостаса, прежде чем был принят окончательный вариант. И четыре рисунка какое-то время находились в коллекции УОЛЕ.

Шорин пишет в отчете:

Шести-ярусный иконостас очень приличен и, заключая в себе изображения всех двенадцати праздников, прочими иконами выражает или идею освобождения, или идею царства в благодарность царю-освободителю. Над капителями колонн иконостаса — щитики с вензелем А П (Александра П. — Д. Б.)¹².

Как выглядел иконостас в оригинале, к сожалению, можно судить только по описаниям самого Шорина, поскольку не сохранилось не только фотографий внутреннего убранства, но и даже внешнего вида храма в дореволюционный период.

Согласно сведениям некоторых очевидцев, первоначальный иконостас был отлит из чугуна. Но в отчете Шорина сведений об этом не содержится. Чугун как материал упоминается только для изготовления личин для цоколя, половых

досок и клироса (отлит по моделям архитектора Гирста¹³). Изготовление иконостаса из чугуна — это уникальное явление. В России известен только один чугунный иконостас, который был отлит в Каслях и вызолочен в 1864 г. по заказу купца Никиты Щенникова для храма во имя Иоанна Предтечи Николо-Берлюковской пустыни (Московская область)¹⁴. Если бы версия о чугуне как о материале иконостаса подтвердилась, то это был бы второй в мире чугунный иконостас. Но, судя по описаниям в отчете, иконостас, вероятнее всего, был вырезан из дерева:

Наперед удостоверюсь, что выполнение иконостаса екатеринбургскими мастерами согласно рисунка никак не обойдется дешевле 2400 руб., считая только столярную, резную, малярную и позолотную работу, попечитель решился, как и в других работах, сделать все местными средствами, хозяйственным образом¹⁵.

Также о дереве как о материале для иконостаса можно судить по материалам, указанным в отчете Шорина (стоимость затрат указана в рублях):

За дело и постановку иконостаса вчерне, по ряде Бондина 200

За кедровые доски и бруски ему отпущенные 14 р. и за дело досок под наклейку икон 10 руб. 24

За материалы для загрузочной и шпаклевки иконостаса 5 р. и за произведенную подготовку 15 р., итого 20

За резьбу, окраску и позолоту иконостаса и за 21 икону по общей ряде 1000¹⁶.

Другие рисунки Д. П. Шорина, указанные в инвентарной книге Музея УОЛЕ, в частности № 947, 948, 950, 951, 953, 954, 955, 957, 958, 956, 962, 965 и 966, могли бы помочь составить представление о некоторых архитектурных элементах храма Александра Невского, а также об элементах церковной утвари и внутреннего декора храма. Но конкретных упоминаний затрат на эти элементы в отчете нет.

Таким образом, документальные и архивные материалы еще раз подтверждают, что участие Д. П. Шорина в строительстве храма Александра Невского в Нижнем Тагиле не ограничивалось

административно-финансовыми функциями. Он выступал не только как попечитель, но и как проектировщик элементов внутреннего убранства храма, что значительно расширяет традиционное представление о его роли. Утрата большей части рисунков и отсутствие визуальных источников интерьера храма делают архивные сведения одним из интересных источников для реконструкции творческих замыслов Д. П. Шорина. Дальнейшие поиски не исключают обнаружения новых фактов, которые позволят уточнить обстоятельства строительства храма.

Примечания

¹ Боташева. Тагильский краевед Дмитрий Петрович Шорин (1817–1907) // Тагильский краевед. 2010. № 20. С. 11.

² Там же.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Архив отдела фондов СОКМ им. О. Е. Клера. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 364.

⁷ Письмо Э. Н. Шориной своей двоюродной сестре Е. В. Боташевой про картинную галерею Д. П. Шорина. 24.05.1975 г. // Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». ТМ-16150.

⁸ Архив отдела фондов СОКМ им. О. Е. Клера. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 32.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 33.

¹¹ Историческая записка, о строении в Нижнетагильском заводе Александро-Невской церкви в память освобождения крестьян из крепостного состояния // Пермские епархиальные ведомости. 1878. № 7. С. 73–74.

¹² Там же. № 8. С. 84–85.

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ Красносельская Н. Ю. Чугунный иконостас, отлитый на Каслинском заводе для пещерного храма Иоанна Предтечи Крестителя Господня в Берлюковской пустыни // XXVIII Международные Рождественские образовательные чтения «Великая Победа: наследие и наследники»: Междунар. науч. конф. М., 2020. С. 126–133.

¹⁵ Историческая записка о строении ... С. 73.

¹⁶ Отчет по строению каменного храма в Нижнетагильском заводе в память освобождения крепостных людей на счет добровольных пожертвований соединенного общества Нижнетагильских заводов, заложенного в 1862 г. и освященного в 6 число декабря 1877 года епископом Пермским Вассианом во имя св. бл. в. к. Александра Невского. От попечителя Д. П. Шорина // Пермские епархиальные ведомости. 1878. № 9. С. 99–100.

А. А. Новожилова

Расстрельные полустанки: о разоружении эшелонов (декабрь 1917 — март 1918)¹

В ходе изучения темы об участии оренбургских казаков в Первой мировой войне нас интересовал вопрос о возвращении полков с фронта на территорию ОКВ. Путь домой для фронтовиков оказался непростым... Цель данной статьи — ввести в научный оборот два малоизвестных документа, провести критический анализ текстов воспоминаний участников событий.

О разоружении эшелонов с демобилизованными в декабре 1917 г. вспоминал большевик П. А. Кобозев²:

Положение наше с блокадой Оренбурга резко осложнялось хлынувшим по железной дороге потоком казаков и солдат, возвращающихся с германского фронта. Сызрань была нашим передовым постом, где обезоруживались эшелоны с демобилизованными. Проводила эту операцию горсточка железнодорожников с пулеметом. Им неизменно приходилось пускаться в ход военную хитрость: они угрожали, что в случае неповиновения эшелон будет расстрелян у моста через Волгу и сброшен под откос. В действительности этого делать было некому, железнодорожники своими силами не могли даже убрать горы наваленного на станции оружия³.

Казаки возвращались организованно в составе своих полков, что подтверждает фрагмент переговоров с упоминанием даты возвращения на родину 15-го ОКП⁴:

Кобозев: «Кратко сообщите Смольный изложенное Вами, а именно: 7 декабря Дутовым назначена новая мобилизация Тургайской области в связи с прибытием 15-го полка³, о количестве и запасе продовольственных грузов, о силе казаков 12 тысяч, об истощении запасов гарнизонов в окрестных городах с нашей стороны, о необходимости присылки оружия десятками тысяч⁶.

О событиях на Урале в декабре 1917 г.⁷ вспоминал М. Д. Павлов⁸, начальник штаба Северного летучего отряда:

На станции Екатеринбург II мы установили пулемет, и когда подошел первый эшелон казаков, совершенно неподготовленный, не знавший, что здесь сконцентрированы силы, председатель Уральского совета тов. Быков⁹, теперь председатель Средне-Волжского совнархоза, предложил им сдать оружие. Те, конечно, протестовали. Традиции де казачества таковы, что они не могут отдавать дедовское холодное оружие, переходящее из рода в род. Холодное оружие мы им оставили, оно нам не было опасно. Итак, за 10 дней нашего пребывания в Екатеринбурге были разоружены уссурийские казаки, оренбургские казаки, все же около десяти эшелонов. Вся эта масса кавалерийских винтовок, легких пулеметов и револьверов пошло на вооружение мотовилихинских рабочих и самарской артиллерии, с которой прибыл Кобозев...¹⁰.

Почему казаки не оказали должного сопротивления на тот момент? Из воспоминаний помощника войскового атамана И. Г. Акулинина:

Как раз в это время в войско стали прибывать с Австро-Венгерского и Кавказского фронтов строевые части — полки и батареи, но рассчитывать на их помощь оказалось совершенно невозможно: они и слышать не хотели о вооруженной борьбе с большевиками. У казаков-фронтовиков, утомленных войной, а частью настроенных про-большевистски, была одна мысль, одно стремление — поскорее попасть в родные станции¹¹.

В коллекции документов по истории Челябинской областной партийной организации хранится архивное дело, сформированное в мае 1964 г.¹² Во внутренней описи представлен список авторов воспоминаний. Машинописные тексты, датированные 1956–1957 гг., могли войти в сборник «Страницы героического прошлого» (1958)¹³. Воспоминания ветеранов революции и Гражданской войны в литературной обработке публиковались в тематических брошюрах и ранее, были рассчитаны на массовую разновозрастную аудиторию читателей¹⁴. Заинтересовал документ, авторами которого являются бывшие боевики¹⁵, фамилии участников выделены в оригинале, заголовки сохранены. Обратим внимание на тактику действий боевиков, по сути — террористов и преступников¹⁶.

Разоружение казачества на станции Симская¹⁷

В морозное февральское утро¹⁸ симский штаб ОБНВ¹⁹ раздался резкий телефонный звонок. Воен-

ный комиссар округа товарищ Гузаков²⁰ передал примерно следующую телефонода: через станцию Уфа и Аша проследовал эшелон вооруженных демобилизованных казаков, едущих с империалистического фронта. Этот эшелон не удалось разоружить, а поэтому предлагалось немедленно принять меры к разоружению последнего. Для разрешения этой задачи, по получению телефоноды по распоряжению Симского штаба был дан тревожный заводской гудок. На призыв этой тревоги через 15–20 минут весь состав боевиков был уже на месте сбора. Боевики, получив соответствующие указания о цели поездки и инструктаж, через полчаса на вагонетках конной железной дороги отправились на станцию Симская.

Прибыв на станцию отряд, примерно 150 человек, занял позицию, стрелки рассыпались цепью под отвалом насыпи вдоль железной дороги и расставлены пулеметы:

А. «Максим» на заводской платформе и второй «кольт» на станционной водокачке, расположенной от станции на восток на 150 метров. Выделенные ряд товарищей для разоружения по вагонам, а два боевика, в частности Горшков Григорий и Тараканов В. для отцепки паровоза от состава с целью предотвращения ухода состава. Все были расставлены на месте. Предварительная команда на случай прихода поезда уже дана. Ожидаем... Пролежав минут пять, из-за поворота показались два ярко светящихся глаза паровоза. Состав, гремя и лязгая буферами железа, паровоз, пытая, словно уставшая лошадь, подходил к станции. Всех охватила то ли нервная, то ли от холода дрожь...

Боевики в большинстве своем должны были принять первое боевое крещение. Подходивший состав был приблизительно около сорока вагонов²¹. Встретиться с вооруженными и вымуштрованными казаками такому малочисленному составу было не без риска, тем более что при попытке на станциях Уфа и Аша разоружить этот эшелон не удавалось, особенно на станции Уфа при большем численном составе большевиков, чем у нас.

Но этому меньше всего придавали значение. Ребята знали одно, что приказ комиссара штаба они должны выполнить и не дать в руки контрреволюции против власти советов лишний патрон или винтовку. Сознание защиты органов советской власти от группирующихся сил контрреволюции было больше, чем приказ, и это придавало веры и силу в победу каждой бойца.

Состав не успел еще остановиться, приказ командира уже стал претворяться в действительность²². Находившаяся охрана на паровозе была снята двумя боевиками. Паровоз был быстро отцеплен и угнан за семафор. К вагонам обезглавленного состава выделенного состава вышла из общей цепи стрелков и направились по 2–3 человека по вагонам. Цепь боевиков наготове, словно застывшие статуи от мороза, трепетно ждали сигнала командира. Выделенные боевики рассыпались и встали почти у каждого вагона — требуя немедленной сдачи оружия, часть боевиков уже лезли под вагоны.

Вдруг неожиданно из вагонов казаков вылетела бомба и страшной силой разорвалась между вагонов состава и цепью боевиков, вслед за этим словно шмели зажужжали пули, полетев к цепи боевиков.

Боевики с нетерпением ожидали сигнала командира.

Сигнал дан! Бой начался!

Бомбы ухают, взрывают и скидывают высоко столб снега с пылью. Слышен треск досок разрушенных вагонов, брошенной метком бомбы боевиков.

Казаки, выскочив из вагонов, рассыпались в цепь и также повели стрельбу. Бой разгорался, бомбы, ухая, разносили свой гул. Пули, свистя, буравили вагоны. В разгоревшейся схватке едва слышен был голос командира Соколова Василия Лавровича, который, раненный в спину, в дырявой шинели и просачивающейся кровью через одежду, шатаясь, словно

пьяный, отдавал последние распоряжения и под трескотню оружейного огня был уведен к подводе для отправки в больницу. Один из боевиков, Масленников, раненный в спину осколком бомбы, лежал у состава поезда, а второй, Пашков, с просверленной пулей щекой и выбитыми зубами бежал к цепи. Перестрелка стала реже, чувствуется прекращения боя. Раздаются едва слышные крики казаков...²³

Но к первому отряду боевиков подоспел на помощь второй отряд.

...Штаб завода вооружил собравшихся рабочих, которые взяли своих и заводских лошадей, быстро направились на станцию Симская, и пройдя 8-верстное расстояние в 40–50 минут и не доезжая к станции метров 200, рассыпались в цепь и тихо, словно крадучись, двигались цепью вперед. Бой на исходе. Слышны только отдельные выстрелы. Казаки не выдержали нашего упорства и вынуждены были сдаться...²⁴

Каков итог?

...В результате этого боя было убито 12 человек и ранено также 12 человек, в том числе симцев раненых 3 человека. <...> «Добровольная» сдача оружия казачеством и устроенный обыск вагонов дали нам богатые трофеи, отобрано: винтовок — четыре подводы, патронов винтовочных около 5000 штук, пулеметов системы «Максим» — 4–5 штук (один из них был приготовлен к бою), пулемет системы «Люис» — 1 штука, револьверов системы «Наган» около 10 штук и разное другое холодное оружие²⁵.

Оба отряда «с песнями отправились в завод». Двенадцать казачьих семей так и не встретили своих отцов, сыновей и братьев, возвращавшихся после долгой и кровопролитной войны с фронта...

Еще один первоисточник из того же архивного дела доказывает необходимость дополнительной перепроверки приведенных фактов.

*Незабываемые дни²⁶
(Из воспоминаний участника
октябрьских боев в Челябинске)*

В 1917 году Челябинск был захолустным городом. Немного предприятий насчитывалось здесь — завод Столь и К (ныне им. Колющенко), кожзавод, железнодорожное депо со своими мастерскими, часразвечные, мельницы, несколько небольших мастерских. В городе было всего около полутора тысяч рабочих²⁷. После свержения самодержавия, как грибы, стали расти различные мелкобуржуазные партии — эсеры, меньшевики, анархисты. Небольшой организации большевиков пришлось в тяжелых условиях начать борьбу за революционные советы и осуществление лозунга «Вся власть Советам!»

В мае (1917 г. — Л. А.) челябинские большевики создали штаб Красной гвардии. Среди железнодорожников депо тоже был создан штаб по организации красногвардейского отряда, он расположился в одном из вагонов, стоящих на путях. Начальником назначили Евтеева²⁸, в члены штаба включили и тов. Колющенко²⁹...

Интересный момент о записи добровольцев в пулеметный отряд:

Первыми в списке оказались Соня Кривая³⁰ и Рита Костяковская³¹ — обе красивые, пышущие здоровьем семнадцатилетние девушки³².

В кого готовились стрелять «пышущие здоровьем» девушки? Читаем далее:

В это время к югу от Челябинска открыто стали появляться дутовские банды. Нарастала угроза городу. Необходимость в вооружении становилась все более острой. Было решено разоружить проходящие эшелоны. Отряд не раз выезжал на разъезды Чурилово, Потанино для встречи эшелонов и таким путем за несколько дней было добыто 14 пулеметов, 18 оружий, до 500 винтовок, патроны, шашки, пистолеты.

— Теперь не страшны дутовцы. Пусть сунутся, есть с чем встретиться, — говорили в отряде.

Первое вооруженное столкновение произошло с офицерским эшелоном Томского кадетского училища. В составе эшелона было до тысячи человек, спешивших на подкрепление Дутову. Челябинский красногвардейский штаб, получивший донесение о продвижении этого эшелона, решил задержать его на разъезде Потанино и разоружить его. Выполнение поручалось красногвардейскому отряду копеевцев. Эшелон задержали. Его командованию было предложено сдать оружие, но оно отказалось капитулировать. Три дня копеевцы предъявляли ультиматум, а в это время эшелон сумел продвинуться до станции Челябинск. Евтеев и Васенко снова предложили офицерам сдать оружие и получили наглый отказ.

— Ну, что же, будем разоружать силой? — спокойно спросил у Васенко Евтеев, и худощавое лицо его обострилось еще больше.

— Да, только здесь это невозможно. Много пассажиров, они могут пострадать при вооруженной стычке. Эшелон надо отвести.

Приняли решение поручить нашему отряду вместе с копеевским отрядом красногвардейцев под командованием матроса Мехового разоружить эшелон с боем. Прихватив пулеметчиков Неклюдова, братьев Василевских и Проскурякова, мы устроили засаду за домами Колупаевского поселка. У засады было два пулемета с 30 лентами. На офицерский эшелон машинистом отправили Ле[ш]ина, которому поручалось остановить поезд в условном месте.

Поезд пропустили в сторону станции Полетаево. Офицеры, ничего не подозревая, спокойно кутили в вагонах. У селектора ст. Челябинск сидели Васенко, Колющенко и Евтеев, с тем чтобы разоруженный поезд отправить в Шершни.

В условном месте паровоз был отцеплен сидящим на тендере рабочим Мизинным и уведен за километр от эшелона. Копеец Меховой, не обращая внимания на протесты товарищей, решил еще раз обратиться с предложением о сдаче оружия. Но не успел он подойти к штабному вагону офицеров, как раздался выстрел, и Меховой, неестественно подогнув колени и хватая воздух руками, опустился на землю.

Гибель товарища командира вызвала ярость красногвардейцев. Они открыли непрерывный огонь по эшелону из обоих пулеметов и 40 винтовок. Полчаса шквальным огнем решетились офицерские, наглухо закрытые вагоны. Перетрусившие офицеры панически стали выбрасывать в окна полотенца и простыни как сигнал о сдаче оружия.

Операция была блестяще закончена. Захвачен целый вагон винтовок, пистолетов, патронов, снарядов. За одного т. Мехового красногвардейцы убили и ранили до 400 белогвардейских офицеров. Тело погибшего матроса Мехового было с воинскими почестями похоронено на площади около драматического театра...

Указан автор воспоминаний — И. Вяткин, «член ВКП(б) 1917. Участник событий 1917–1918 гг.». Карандашная приписка: «командир отряда». Далее в архивном деле следует вырезка из газеты «Челябинский рабочий» 1946 г. Пенсионер И. Вяткин обратился с письмом в редакцию по поводу отсутствия мемориальных досок: «Память о наших земляках-борцах революции — дорога каждому челябинцу. Эту память надо свято хранить»³³.

При чтении документа возникают вопросы: кем же был погибший командир копейского отряда Меховой (или Моховой) — матросом или шахтером? В 2015 г. группа челябинских активистов восстановила мемориальную доску в память о М. Ф. Меховове³⁴. Приведу данные о персоне и современную трактовку события:

Михаил Меховов, кавалер трех Георгиевских крестов, героически погиб на станции Шершни в марте 1918 г. при разоружении воинского эшелона с вооруженными солдатами и юнкерами, следовавшими из Сибири в Петроград³⁵.

Мог ли ошибиться ветеран И. Вяткин³⁶, непосредственный участник событий, командир пулеметной команды, которая расстреливала эшелон, а потом, скорее всего, «зачищала» территорию станции от тел погибших? Где находится захоронение 400 погибших офицеров (или солдат, юнкеров), ставших жертвами преступных действий челябинских «борцов революции»? Кто увековечит их память?

Примечания

¹ Продолжение темы. См.: Новожилова Л. А. Северный летучий отряд и мичман Павлов: архивные находки // Гороховские чтения : материалы шестнадцатой Всерос. науч. конф. / ред.-сост. В. Г. Демаков. Челябинск, 2025. С. 263–269.

² Петр Алексеевич Кобозев (1878–1941) — государственный и партийный деятель, член РСДРП(б) с 1898 г. В ноябре 1917 — феврале 1918 г. был чрезвычайным комиссаром ВЦИК и СНК РСФСР в Оренбургской губернии и Тургайской области.

³ Кобозев П. А. Первые шаги в борьбе против Дутова. Ленинград, 1924. URL: <https://isa-2010.narod.ru/history/1918/Kobozev.htm> (дата обращения: 16.05.2026)

⁴ Мог ли 15-й ОКП вернуться раньше февраля 1918 г.? Возможно, первые эшелоны прибыли в декабре 1918 г., а состав последних вместе с батареями — в феврале 1918 г. «Части были снабжены всем необходимым, а затем в начале ноября было приступлено к переброске полка в пределы войска для расформирования. Так как в это время была Дутовым затеяна война под Оренбургом и последние эшелоны были задержаны в р[айо]не г. Самары, 15 ор[енбургский] каз[ачий] полк в контакте и с ведома Саратовского исполкома походным порядком прошел по Саратовской губернии мимо Оренбурга и придя в район г. Орска, демобилизовался». См.: Новожилова Л. А. Биография казачьего офицера на фоне событий Гражданской войны. Протокол допроса бывшего есаула А. М. Пашенко в 1920 г. // Гороховские чтения : материалы девятой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А. Н. Лымаев. Челябинск, 2018. С. 156–162.

⁵ Из телеграммы военкома Самары Герасимова о положении на Кустанайско-Троицко-Челябинском направлении: «Вчера ко мне приезжал председатель Троицкого Совета и сделал обстоятельный всесторонний доклад о положении белых в Троицке в связи с прибытием 15-го полка к ним. Настроение казачьих кругов повышено. В Троицке за последние два дня идет ряд митингов, на которых не только командный состав, но и рядовое казачество из числа прибывших стариков из местных станиц требуют окружения Челябинска и немедленного изгнания большевиков. Во все концы рассылаются конные гонцы и, видимо, в скором времени здесь вспыхнет пожар. Из доклада председателя Совета, согласно последней статистике, видно, что у местного троцкого казачества хранится приблизительно 2,5 млн пудов хлеба, плюс к этому скирды хлеба, еще не обмолоченные, урожая 1915 года. К невыпуску хлеба и других продуктов из пределов Троицкого уезда казаками принимаются все необходимые меры, причем задерживают грузы, требующие немедленной отправки на фронт, в числе которых около 150 тысяч пудов мяса, хранящегося в челябинском холодильнике. Нежелание выпускать хлеб и другие продукты из пределов города и Троиц-

кого уезда, концентрация хлеба и мяса и с другой стороны — наблюдение, сделанное председателем Троицкого Совета при разговоре на казачьих митингах, дает возможность думать, что главным центром боевых операций казаки думают делать не Оренбург, а Троицк». Кобозев П. А. Указ. соч.

⁶ Там же.

⁷ В фонде учителя-краеведа А. И. Александрова есть выписки из газет «Уральский рабочий» от 15 декабря 1917 г., в связи с разоружением двух казачьих эшелонов упоминается дата 12 декабря 1917 г. ОГАЧО. Ф. 1532. Оп. 5. Д. 13. Л. 1.

⁸ Михаил Дмитриевич Павлов, родной старший брат мичмана С. Д. Павлова

⁹ Павел Михайлович Быков (1888–1953) — российский революционер. В октябре 1917 г. был командирован в Петроград для участия в II Всероссийском съезде Советов, на котором его избрали членом Президиума ВЦИК. Принял непосредственное участие в Октябрьском вооруженном восстании, в ходе которого руководил подавлением выступления юнкеров Владимирского училища. По возвращении в Екатеринбург 16 ноября 1917 г. был вновь избран председателем Екатеринбургского городского совета рабочих и солдатских депутатов и оставался на этом посту до мая 1918 г.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. 1532. Оп. 5. Д. 13.

¹¹ Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. URL: <https://www.litres.ru/book/i-g-akulinin/orenburgskoe-kazache-voysko-v-borbe-s-bolshevikami-1917-1920-70497265/chitat-onlayn/> (дата обращения: 16.05.2026)

¹² Полное название дела: «Воспоминания старых большевиков и беспартийных южноуральцев о революционных событиях и гражданской войне на Южном Урале (1905–1920 гг.). Начато в мае 1964 г. 434 л.

¹³ Страницы героического прошлого: воспоминания участников Октябрьской революции и Гражданской войны на Южном Урале. Челябинск, 1958. 167 с.

¹⁴ За власть Советов. Челябинск, 1941. URL: https://archive74.ru/sites/default/files/sites/default/files/za_vlast_sovetov.pdf (дата обращения: 23.05.2026). В сборнике есть очерк «Военная хитрость» с описанием разоружения эшелона с чехословаками.

¹⁵ Среди авторов воспоминаний указаны «Н. И. Харчевников, В. А. Соколов, С. И. Сорокин, И. Н. Пашков, Малофеев»

¹⁶ Материалы можно использовать при организации дискуссии старшеклассников на уроке истории по региональному компоненту.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. П-288к. Оп. 2. Д. 104. Воспоминания старых большевиков и беспартийных южноуральцев о революционных событиях и Гражданской войне на Южном Урале.

¹⁸ Подразумевается 1918 г. (в воспоминаниях не указан).

¹⁹ БОНВ — боевые организации народного вооружения. См.: Василенко С. А. Боевые организации народного вооружения: опыт создания милиционной армии на Южном Урале (1905–1918 гг.) : монография. Челябинск, 2022.

²⁰ Петр Васильевич Гузаков (1889–1944) — участник революционно-террористического подполья, подвергался тюремному заключению (1906–1909, Уфа), каторге, ссылкам. В 1909–1911 гг. в эмиграции, закончил партшколу в Лонжюмо. В 1912–1917 гг. на каторге (Иркутская губерния). С мая 1917 г. председатель совдепа Симского горного округа; военный комиссар Симского округа. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/nkvd/staff/register/G/GuzakovPW/?ysclid=mp7zuxituq373113470> (дата обращения: 16.05.2026).

²¹ Факт из истории Пермской железной дороги: «В 1916 г. дорога получила американские паровозы “Декапод”, и предельный вес состава повысился с 43 тыс. пудов до 70 тыс. пудов, а в летнее время до 75 тыс. пудов». Еще: «На участке Вятка — Вологда вместо паровозов серии О стали использоваться более мощные локомотивы серии Щ, что позволило увеличить составы с 39 до 47 вагонов». На сложных участках дороги могли использовать дополнительные паровозы-толкачи. См.: Сенин А. С. Железнодорожное хозяйство в годы Первой мировой войны: к вопросу о «расстройстве транспорта». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zheleznodorozhnoe-hozyaystvo-rossii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny-k-voprosu-0-rasstroystve-transporta?ysclid=mpjrscas8624340105> (дата обращения: 20.05.2026).

²² ОГАЧО. Ф. П-288к. Оп. 2. Д. 104. Л. 370.

²³ Там же. Л. 370–371.

²⁴ Там же. Л. 372.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Для сравнения: общая численность населения Челябинска в 1917 г. составляла примерно 70 тыс. человек. URL: https://archive74.ru/sites/default/files/chelyabinskaya_guberniya.pdf?ysclid=mo0dbxo8f1805606438 (дата обращения: 15.04.2026).

²⁸ Машинописная копия воспоминаний В. И. Евтеева «Установление советской власти в Челябинске» содержится в том же архивном деле. См.: ОГАЧО. Ф. К-288. Оп. 2. Д. 104. Л. 99–104.

²⁹ Дмитрий Васильевич Коломенский (1881–1918) — российский революционер, рабочий. После февраля 1917 г. был одним из организаторов создания Совета рабочих и солдатских депутатов, а также одним из организаторов Красной гвардии в Челябинске.

³⁰ Софья Авсеевна Кривая (1894–1919) — участница революционного движения на Урале, одна из руководителей большевистского подполья в период мятежа белочехов и режима Колчака. Погибла в уфимской тюрьме. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кривая,_Софья_Авсеевна?ysclid=mp74hloxbn997391980 (дата обращения: 15.05.2026)

³¹ Рита Айзиковна Костяновская (1895–1919) — российская революционерка. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Костяновская,_Рита_Айзиковна?ysclid=mp74s83jhe544650505 (дата обращения: 15.05.2026).

³² Автор ошибся: Софье Авсеевне Кривой в 1917 г. исполнилось 23 года, ее двоюродная сестра Рита была на год старше.

³³ ОГАЧО. Ф. П-288к. Оп. 2. Д. 104. Л. 75.

³⁴ В Челябинске воссоздана мемориальная доска герою Первой мировой войны. URL: <https://chel.mk.ru/articles/2015/03/23/v-chelyabinske-vossozdana-memorialnaya-doska-geroyu-pervoy-mirovoy-voyny.html?ysclid=mp5u7xd5ah454352716> (дата обращения: 15.05.2026)

³⁵ На железнодорожной станции Шершни ЮУЖД появилась мемориальная доска. URL: <https://uralpress.ru/news/obshchestvo/na-zheleznodorozhnoy-stancii-shershni-yuuzhd-vnov-rozavilas-memorialnaya-doska> (дата обращения: 15.05.2026).

³⁶ В архивном деле есть вырезка с фото бывших красногвардейцев, среди которых указан «И. С. Вяткин — директор шлакоблочного завода Министерства путей сообщений». ОГАЧО. Ф. П-288к. Оп. 2. Д. 104. Л. 77.

В. В. Вишневский

Два перемещения одного документального комплекса: метрические книги Челябинска между архивом и органами ЗАГС (1929–1993)

Метрические книги, составленные религиозными учреждениями Российской империи, после установления советской системы регистрации актов гражданского состояния изменили не только место хранения, но и административный статус: из церковных регистров они превратились в рабочий справочный массив, использовавшийся для подтверждения рождения, брака, смерти, возраста, родства и иных юридически значимых фактов.

В Челябинске метрические книги городских религиозных учреждений после прекращения прежнего церковного делопроизводства были сконцентрированы в архиве окружного архивного бюро, однако практическая востребованность метрических книг вывела их за рамки сугубо исторического хранения. Поэтому в документах конца 1920-х гг. дореволюционные метрические книги могли учитываться как «книги ЗАГСа», хотя подавляющее их большинство было создано задолго до появления советских органов регистрации: такое обозначение отражало не время их составления, а новую ведомственную принадлежность и использование в системе светской актовой регистрации. В результате в архиве хранились православные, старообрядческие, мусульманские, еврейские, евангельско-христианские и иные метрические книги, сохранявшие справочное значение для ЗАГС.

Точная дата физической передачи метрических книг из Челябинского окружного архивного бюро в органы ЗАГС по имеющимся материалам не устанавливается. Известно лишь, что в 1929–1930 гг., после массового поступления церковных архивов и резкого роста метрических запросов, заведующий архивом Т. М. Орешкин предложил передать этот комплекс метрических книг и актовых материалов в ЗАГС¹. В отчетном докладе Челябинского архивного бюро к плану работы на октябрь — де-

кабрь 1931 г. Т. М. Орешкин указывал: «ЗАГС до сего времени не передан, выдача метрических свидетельств продолжается... от этого наша непосредственная работа очень и очень тормозится и своевременно выполнена быть не может»². Следовательно, вопрос о передаче метрических книг в ЗАГС оставался нерешенным еще в конце 1931 г., хотя позднее этот комплекс все же был передан непосредственно в ведомственное хранение органов ЗАГС.

Общая проблема сложной архивной судьбы метрических книг, прошедших через систему ЗАГС, уже отмечалась в научных публикациях³. В настоящей статье предпринята попытка проследить судьбу метрических книг на уровне конкретного архивного корпуса, описанного в деле ОГАЧО (Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 66) по состоянию на 1929 г.⁴, сопоставив данные из указанного дела с современным составом дел после возвращения части метрических книг этого корпуса из ведомственного хранения системы ЗАГС в фонды ОГАЧО — в состав описи 4 фонда И-226 — 22 января 1993 г.⁵. Особое внимание уделяется тем случаям, когда формальный заголовок современного архивного дела не совпадает с его фактическим содержанием, а также ситуациям, когда книги или отдельные фрагменты оказываются в составе сборных дел, объединяющих разные конфессии, годы и виды записей. При этом учитывается не только формальное наличие или отсутствие единицы хранения в описи, но и фактическое содержание отдельных дел, особенно тех, заголовки которых не позволяют однозначно определить конфессиональную атрибуцию, хронологические рамки или подробный состав включенных в них материалов.

Такой подход необходим потому, что метрические книги, прошедшие через систему ЗАГС, не всегда сохранялись в первоначальном виде. Ведомственное использование могло сопровождаться

расшивкой, изъятием чистых листов, пересборкой книг и включением материалов разных конфессий в одну архивную единицу. Поэтому механическое сравнение раннего перечня и современной описи дает только предварительный результат: оно показывает формальные совпадения и расхождения, но не всегда позволяет определить, какие записи фактически сохранились.

Исследование не ставит задачей сплошной постраничный просмотр всего массива метрических книг, находящихся ныне в ОГАЧО. Такой подход был бы чрезмерным для статьи ограниченного объема и не соответствовал бы ее основной задаче — сопоставлению состава корпуса по перечню конца 1920-х гг. с современным состоянием хранения. В первую очередь проверялись единицы хранения с неполной, обобщенной или неочевидной атрибуцией, а также дела, в которых, по косвенным признакам, могли находиться материалы разных конфессий. Особое внимание уделялось составным делам, где под одним архивным заголовком могли быть объединены несколько первоначально самостоятельных книг или их фрагменты.

Также в статье не приводятся архивные шифры всех выявленных метрических книг указанного корпуса документов, если соответствующие дела могут быть установлены через поиск в АИС ОГАЧО либо по опубликованным и общедоступным архивным описям. Архивные индексы указываются выборочно: для ключевых документов, на которых основана реконструкция движения

корпуса, а также для дел, содержащих нетипичные, сборные или трудновывявляемые материалы.

Итак, в деле 66 из описи 1 фонда Р-26 содержатся три сводных перечня книг, не полностью совпадающих между собой. В настоящей статье за основу принята таблица на листе 1, поскольку она наиболее близка к подробному перечню книг. При этом и она не является абсолютно тождественной детальному списку: расхождение между сводными итогами и подробной росписью составляет 1–2 книги. Такое отклонение, по-видимому, связано с особенностями текущего учета и группировки материалов и не меняет общей картины состава переданного корпуса. Перечни на листах 2 и 5 использовались, по всей видимости, как вспомогательные, поскольку они шире по составу и включают среди «книг ЗАГС» не только собственно метрические и актовые книги, но и сопутствующие материалы, например брачные обыски (табл. 1).

Проведенная сверка показала, что по большинству позиций сводная таблица и детальная роспись совпадают полностью. Расхождения выявлены лишь по отдельным позициям. По Рождество-Богородицкой церкви в сводной таблице указано 23 книги, тогда как в подробном перечне — 22; по старообрядческой общине Покровского храма — соответственно 39 и 37; по старообрядцам Поморского согласия — 31 и 30; по старообрядцам Белокриницкой иерархии — 38 и 39; по еврейским метрическим книгам — 173 и 175.

Таблица 1

Список книг ЗАГСа, находящихся в Окрахбюро⁶

№ п/п	Составитель книг	Количество	Начало, год	Окончание, год
1	Христорождественский собор	42	1871	1919
2	Свято-Троицкая церковь	48	1784	1919
3	Рождество-Богородицкая церковь	23	1898	1919
4	Переселенческая церковь	20	1896	1919
5	Александро-Невская церковь	6	1912	1919
6	Мусульманская мечеть	7	1884	1920
7	Покровская училищная церковь	4	1873	1918
8	Семеновская церковь	1	1917	1919
9	Алексеевская церковь при реальном училище	1	1910	1919
10	Тюремная церковь	1	1910	1919
11	Одигитриевский монастырь	1	1876	1919
12	Евангельские христиане-баптисты	3	1918	1919
13	Римско-католический костел	9	1902	1920
14	Иудейская община	173	1876	1919
15	Старообрядцы Покровского храма	39	1907	1920
16	Старообрядцы-поморцы	31	1905	1919
17	Старообрядцы Белокриницкой иерархии	38	1860	1919
18	Книги ЗАГСа	311	1919	1928
	Всего	758		

Книги ЗАГС, составленные в советский период, специально не сверялись, поскольку не являются предметом настоящего исследования. В отличие от метрических книг дореволюцион-

ного и переходного периода они относились к документам текущего актового учета и были приведены в таблице лишь постольку, поскольку фигурировали в перечне (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление реестра 1929 года и современного состава метрических книг изучаемого корпуса в ОГАЧО⁷

Составитель книг	По реестру 1929 г.	Выявлено в ОГАЧО
Христорождественский собор	42	42
Свято-Троицкая церковь	48	48
Рождество-Богородицкая церковь	23	23
Переселенческая церковь	20	20
Алекса́ндро-Невская церковь	6	6
Мусульманская мечеть	7	7
Покровская училищная церковь	4	4
Семеновская церковь	1	1
Алексеевская церковь при реальном училище	1	1
Тюремная церковь	1	1
Одигитриевский монастырь	1	1
Евангельские христиане-баптисты	3	1
Римско-католический костел	9	9
Иудейская община	175	95
Старообрядцы Покровского храма	37	31
Старообрядцы-поморцы	30	26
Старообрядцы Белокриницкой иерархии	39	33

Наиболее значительную часть корпуса составляли православные метрические книги. Именно они образовывали основной регистрационный массив для большинства населения региона и потому имели наибольшее практическое значение для последующей справочной работы органов ЗАГС.

Православный корпус в рамках настоящей статьи не просматривался постранично: его объем слишком велик для исследования такого формата. Поэтому при оценке его сохранности используются данные архивных описей, сведения о наличии или отсутствии отдельных разделов и наблюдения над составом дел, сделанные при работе с фондом.

Метрические книги православной конфессии сохранились в полном объеме как единицы хранения; в отдельных делах отсутствуют некоторые разделы, что отражено в справочной информации архива. При этом остается неясным, были ли такие разделы изъяты в период хранения книг в системе ЗАГС или соответствующие метрические книги уже поступили в архив неполными. Часть метрических книг из перечня 1929 г., по-видимому, в органы ЗАГС не передавалась; к таким делам относятся, в частности, дела ОГАЧО (Ф. И-226. Оп. 1. Д. 1, 180, 195).

Особо можно выделить метрические книги женского Одигитриевского монастыря. Согласно

перечню 1929 г., они были сшиты в одну книгу; по всей вероятности, ей соответствует современное дело (ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 73). Стоит отметить, что материалы за годы, отсутствующие в этом деле, встречаются в сборных делах православной конфессии.

Метрические книги мусульманской конфессии, указанные в составе корпуса, насколько возможно судить, сохранились в полном объеме. Имеющиеся расхождения по годам между реестром и описанием сохранившихся книг, обычно не превышающие одного-двух лет, могут быть объяснены ошибками датировки или учета при составлении реестра книг ЗАГС, находившихся в государственном архиве. Также можно отметить, что в деле ОГАЧО (Ф. И-226. Оп. 4. Д. 141. Л. 1–10б.) находится лист метрической книги Челябинского Христорождественского собора за 1909 г.

По римско-католической конфессии сохранность метрических книг о рождениях и браках может быть признана относительно полной. При этом записи о рождениях за май — июнь 1919 г. оказались вшиты в еврейскую метрическую книгу, что уже было отмечено при описании еврейских метрических книг⁸. Иная ситуация наблюдается с записями об умерших. Они сохранились фрагментарно: хотя в ОГАЧО выявлены матери-

алы из обеих упомянутых в реестре 1929 г. метрических книг челябинского римско-католического костела об умерших, записи за несколько лет, вероятно, утрачены. Так, при просмотре дел римско-католического костела, хранящихся в ОГАЧО, не выявлены записи об умерших католиках за 1916 и последующие годы. Вместе с тем оценка сохранности этого раздела осложняется особенностями ведения самих записей: сведения об умерших католиках могли вноситься не одновременно с событием, а значительно позднее фактической смерти.

Еврейские метрические книги Челябинска уже были предметом отдельного исследования⁹, поэтому в настоящей статье они рассматриваются не как самостоятельный объект описания, а как сравнительный пример при анализе судьбы метрических книг, прошедших через систему ЗАГС и позднее возвращенных в государственный архив. Именно этот комплекс показывает наиболее резкое расхождение между данными раннего учета и современным состоянием корпуса: по сравнению с другими конфессиональными группами он сохранился значительно хуже и потому выглядит не как часть общей равномерной утраты, а как отдельный аномальный случай¹⁰.

При этом новые находки показывают, что отсутствие книги в ожидаемом месте не всегда означает полную утрату соответствующих записей. Дополнительно был выявлен фрагмент еврейской метрической книги — записи о браках за 1890 г.¹¹, включенные в дело, описанное как старообрядческое. Этот пример уточняет характер проблемы: речь идет не только об отсутствии ряда книг, но и о нарушении первоначальной структуры хранения, при котором отдельные фрагменты метрик одной конфессии могли быть помещены при перешивке в дело, содержащее метрические книги иной конфессии.

Причины худшей сохранности еврейских метрических книг требуют осторожной интерпретации и не могут быть на настоящий момент описаны однозначно. Возможны разные объяснения: случайные утраты, особенности ведомственного использования, повышенный справочный износ, ошибки при передаче и описании. В качестве гипотезы можно рассматривать и целенаправленное изъятие отдельных документов для служебных нужд, в частности для обеспечения оперативной деятельности органов внутренних дел в период подчинения органов ЗАГС министерствам силового блока.

Старообрядческие метрические книги Челябинска дают важный контраст к еврейскому корпусу: по основным старообрядческим общинам наблюдается сравнительно высокая сохранность (около 80 % от общего числа метрик), однако она не означает неизменного сохранения первоначальной структуры. Даже при значительном числе выявленных книг фиксируются расхождения по годам, отдельные листы вместо полных книг, дополнительные материалы, отсутствующие в реестре, а также включение записей в составные дела.

По старообрядческим общинам при Покровском храме из 37 метрических книг, указанных в детальном перечне документов ЗАГС, выявлена 31 книга. Кроме того, обнаружена отсутствующая в перечне книга о родившихся за 1907 г.; книга о родившихся за 1908 г. представлена отдельными листами, а вместо указанной в реестре книги об умерших за 1919 г. выявлена книга об умерших за 1918 г. Теоретически такие отличия могут быть связаны с ошибкой описания книг при поступлении их на хранение в архив.

Сходная картина наблюдается по метрическим книгам старообрядцев Поморского согласия. В детальном перечне первоначально значилось 30 метрических книг; среди возвращенных в ОГАЧО выявлены 26 книг из этого списка. Одновременно обнаружены дополнительные метрические книги, не совпадающие с отсутствующими позициями detailного перечня — о родившихся в 1906 г., о бракосочетавшихся в 1908 г., об умерших за 1918 и 1920¹² гг.

По метрическим книгам храма Николая Чудотворца старообрядцев, приемлющих Белокриничскую иерархию, подробный список включал 39 книг. В современном составе ОГАЧО выявлены 33 книги, отложившиеся как в виде отдельных дел, так и включенные в состав сшитых архивных единиц. При этом обнаружена книга о родившихся за 1906 г., отсутствовавшая в реестре; в то же время книга о родившихся за 1905 г. из реестра не выявлена.

Особое место среди конфессиональных материалов занимают метрические записи евангельских христиан-баптистов. В росписи документов ЗАГС по ним значились три метрические книги за 1918–1919 гг.; эта позиция совпадает в сводной таблице и детальном росписи. В современных описях ОГАЧО книги этой конфессии не выявлены как самостоятельные единицы хранения. Однако при просмотре дела ОГАЧО (Ф. И-226. Оп. 4. Д. 482), описанного как сборная шивка старообрядческих метрических книг, были выявлены листы метрической книги о рождениях за 1918–1919¹³ гг. (всего семь рождений), которые нельзя было атрибутировать как старообрядческие, несмотря на заполнение данных на бланке старообрядческой метрической книги. Листы не имели заголовка, имена служителей прихода не совпадали с именами служителей наличествующих в Челябинске на тот момент старообрядческих приходов.

В записях и подписях листов выявленной метрической книги неоднократно фигурировали Иван Егорович Липатов (отмечен в записях как настоятель и секретарь), Георгий Иудович Абрашин и Степан Владимирович Сидоров. Удалось найти потомка Георгия Иудовича Абрашина, Евгения Крайнова из Уфы; по его свидетельству, указанный человек принадлежал к конфессии баптистов; кроме того, позднее он был известен как один из руководителей баптистской общины в Челябинске. Таким образом, выявленные записи удалось атрибутировать как метрики бап-

тистов. По структуре сохранившихся записей видно, что община была небольшой: за указанные годы было зарегистрировано всего семь рождений, и, возможно, браков и умерших за эти годы не было.

Пример метрических книг баптистов показывает особый тип нарушения корпуса — архивную невидимость малой конфессиональной группы. Документ мог сохраниться физически, но быть включен в сборное дело, описан по внешней форме или по соседнему материалу и потому утрачивал самостоятельную атрибуцию. Поэтому баптистский кейс подтверждает необходимость проверки фактического содержания составных дел.

Одним из наиболее показательных признаков трансформации корпуса метрических книг после ведомственного хранения в системе ЗАГС являются составные архивные дела. В них под одним заголовком могли оказаться материалы разных конфессий, согласий, лет и видов записей. Особенно выразительный пример дает дело ОГАЧО (Ф. И-226. Оп. 4. Д. 696). Оно представляет собой сборную шивку, где соседствуют отдельные листы о родившихся в 1908 г., метрические книги о родившихся в 1913–1917 и 1919–1920 гг. и об умерших в 1911 г. старообрядческого Покровского храма, записи о рождении за 1914–1919 гг. и об умерших в 1910 г. старообрядцах, приемлющих Белокрыницкую иерархию, записи о рождении старообрядцев Поморского согласия за 1915–1919 гг., метрическую книгу церкви Челябинского переселенческого пункта за 1919 г. и еврейские браки за 1890 г.

Опыт работы с описанным в статье корпусом показывает, что метрические книги являются не только источником генеалогической, демографической и конфессиональной информации, но и самостоятельным объектом архивоведческого исследования. Их современное состояние отражает не только практики дореволюционного религиозного делопроизводства, но и результаты советской административной переработки

документов, находившихся в ведомственном хранении.

Об этом стоит помнить историкам, краеведам и генеалогам: при проведении исследований важно не только механически искать информацию в делах, исходя из их заголовков, но и понимать историю и логику формирования фондов, описей и дел, находящихся на архивном хранении.

Примечания

¹ Архивный век: архивы Южного Урала в 1921–2021 годах / Н. А. Антипин и др. ; науч. ред. М. А. Базанов. Челябинск, 2021. С. 86–87 ; ОГАЧО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 60. Л. 8, 14.

² ОГАЧО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–4 об.

³ Антонова И. А., Антонов Д. Н. Метрические книги России XVII — начала XX века // Rocznik Lubelskiego Towarzystwa Genealogicznego. 2010. Т. 2. S. 143–164.

⁴ Хронологическая рамка 1929–1993 гг. в названии статьи связана не с точной датой физической передачи метрических книг в ЗАГС, а с первым подробным учетом рассматриваемого комплекса в архивной документации 1929 г. и его последующим возвращением в государственный архив в 1993 г.

⁵ Письмо ОГАЧО В. В. Вишневскому от 26 февраля 2018 г. № Ч-28: согласно акту 226/5 (ОГАЧО. Дело фонда И-226. Л. 8–8 об.), дела, включенные в состав описи 4 фонда И-226 «Коллекция документов религиозных учреждений», были переданы на хранение в ОГАЧО 22 января 1993 г. отделом ЗАГС администрации Челябинской области в составе 837 ед. хр.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 66. Л. 1. Названия конфессий, колонок и текст нормализованы и приведены к нормам современной русской орфографии. В оригинале сумма метрических книг и книг ЗАГС указана как 757 и была исправлена, так как не соответствовала сумме указанных книг.

⁷ Таблица составлена по детальной росписи дел реестра 1929 г. (ОГАЧО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 66. Л. 9–35); этим объясняются отдельные расхождения с его приведенной ранее сводной таблицей.

⁸ Вишневский В. В. Еврейские метрические книги в Объединенном государственном архиве Челябинской области // Архив в социуме — социум в архиве : материалы регион. науч.-практич. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 74–79.

⁹ Там же.

¹⁰ В количественном выражении, округляя, выявлены 55 процентов метрических книг евреев, упомянутых в реестре 1929 г.; в разбивке по типам актов выявлено 80 % метрических книг о рождении, по 50 % метрик о браках и умерших, 20 % метрик о разводах.

¹¹ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 696. Л. 291 об. — 293.

¹² Там же. Д. 482. Л. 59. Умершие представители общины за 1920 г. представлены списком.

¹³ Там же. Л. 494 об. — 496.

М. В. Попов, Н. А. Савин

Материалы стенограммы регионального партийного совещания по народному образованию как исторический источник о реформировании школ второй ступени в 1929 году (архивные документы о дискуссии в Уральском облоно по вопросу о балансе между фундаментальным и прикладным образованием)

Период «великого перелома», ознаменовавший переход к форсированной модернизации, поставил перед системой советского образования задачу коренной перестройки. От школы требовалось не просто транслировать знания, но и формировать кадры для растущей промышленности. Унаследованная от дореволюционной эпохи гимназическая модель школы второй ступени оказалась главным объектом критики конца 1920-х гг.

как не соответствующая новым задачам. Документ, ставший основой данного исследования, — стенограмма областного партийного совещания по народному образованию, проходившего в Златоусте 14–16 апреля 1929 г., — представляет собой уникальный исторический источник, фиксирующий живое столкновение идеологических установок с практическими реалиями плановой экономики на региональном уровне.

Актуальность данного исследования обусловлена в первую очередь тем, что дискуссия о путях реорганизации школы второй ступени, зафиксированная в стенограмме 1929 г., выходит далеко за рамки своего исторического контекста и затрагивает фундаментальные, «вечные» проблемы образовательной политики государства. Анализ данного архивного источника дает возможность не просто воссоздать картину событий на Урале, но и понять, какие фундаментальные кризисные проблемы в системе образования того времени продолжают влиять на ее состояние в масштабах всей страны и сегодня.

Центральное место в обсуждении занял вопрос о соотношении фундаментальных знаний и практических навыков. Спор между сторонниками школ второй ступени и приверженцами идеи реформирования их в техникумы является прямым прообразом современной дискуссии о пути развития образования: ориентация на формирование широкого кругозора и критического мышления или на подготовку кадров для нужд экономики¹. Конфликт между взглядом на образование как на самоцель и сугубо утилитарный инструмент для подготовки кадров остается вечной дилеммой, лежащей в центре педагогической теории и практики. Во-вторых, дискуссия показывает, насколько сильно зависит успех проведения реформ от их ресурсного обеспечения. Опыт прошлого доказывает, что дефицит финансирования и нехватка педагогов способны свести на нет любую, даже самую передовую образовательную инициативу. Этот урок истории актуален и для современных проектов, будь то цифровизация школ или внедрение новых стандартов. Кроме того, дискуссия затронула социальную миссию школы и вопрос равенства образовательных возможностей. Обвинения в адрес школы второй ступени в элитарности и оторванности от народа находят отклик в современных реалиях. Проблема социального неравенства, выраженная в разрыве качества образования между центром и регионами страны, а также в неравном доступе к дополнительным ресурсам, до сих пор не утратила своей остроты².

Таким образом, изучение этого исторического документа позволяет глубже понять природу современных образовательных вызовов. Опыт конца 1920-х гг. показывает, что поиск баланса между идеологическими установками, экономическими реалиями и педагогическими целями является ключевым фактором успеха или неудачи любой масштабной реформы в сфере образования.

Целью данной работы является анализ представленных в этом архивном документе точек зрения для выявления фундаментальных противоречий между революционным порывом к немедленной перестройке и необходимостью учитывать организационно-ресурсные ограничения.

1. *Постановка проблемы: критика существующей системы.* Дискуссию открывают сторонники ликвидации школ второй ступени, представителем

которых на данном совещании выступил комсомольский работник Ильин. Их позиция строится на полном отрицании эффективности текущей модели. Школа второй ступени обвиняется в том, что она работает «без всякой установки на... строящееся хозяйство». Главный упрек заключается в полной социальной бесполезности ее выпускников:

Как это ни странно, но на 12 году диктатуры пролетариата мы готовим... безработных, ученых невест (нередко людей с весьма сомнительной политической квалификацией...)³.

Даже основная декларируемая функция — подготовка к вузам — выполняется плохо. По мнению критиков, «является общепризнанным мнением, что школа второй ступени не справляется даже с этой задачей, по крайней мере справляется не вполне удовлетворительно и временами плохо»⁴. Радикалы считают, что ставить целью школы лишь подготовку в вуз неверно, так как она готовит «людей совершенно непригодных к жизни». В качестве единственно верного решения предлагается радикальная мера: полная ликвидация школ второй ступени и их замена сетью техникумов с трехлетним сроком обучения.

2. *Оппозиция реформе: аргументы в защиту девятилетки.* Оппонирующая сторона, представленная аппаратчиками Наркомпроса и местными руководителями (Н. К. Куренков⁵, Я. А. Истомин⁶, И. А. Перель⁷), признает наличие проблем, но считает предлагаемые методы их решения разрушительными. Их контраргументация строится на трех основных блоках.

Кадровый дефицит — главный барьер. Это самый сильный и часто повторяемый аргумент противников реформы. Они справедливо указывают, что система уже испытывает острейший голод в учителях, а создание сети техникумов потребует преподавателей-инженеров, которых еще меньше:

Мы имеем такие техникумы, как Тагильский индустриальный техникум, который на значительную долю обслуживается не инженерным персоналом, а техниками средней квалификации, которые по существу не в состоянии готовить техников⁸.

Масштабное строительство новых учебных заведений при таком дефиците кадров приведет лишь к профанации образования и резкому падению его качества. Как отмечает другой участник (Елькович):

...Ежели у нас чрезвычайно остро обстоит дело с кадрами педагогического персонала для нашей школы повышенного типа, то для техникумов во много раз вопрос сложнее⁹.

3. *Финансовая несостоятельность проекта.* Противники (И. А. Перель) приводят убийственные экономические расчеты. Во-первых, содержание одного ученика в школе второй ступени обходится несравнимо дешевле, чем в техникуме. Массо-

вая реорганизация создаст колоссальную нагрузку на бюджет:

Я имею только иллюстрацию одной цифры: нам школа II ступени на Урале стоит миллион двести тысяч рублей в прошлом году. Ученик школы II ступени стоит нам в 6 раз дешевле, ученика техникума¹⁰.

Во-вторых, в условиях, когда государство ищет средства для введения всеобщего обязательного обучения, изыскать дополнительные сотни миллионов на новую структуру нереально. Проблема усугубляется тем, что даже текущие потребности школ в оборудовании не удовлетворяются. Участник дискуссии А. Н. Сухов¹¹ приводит конкретный пример:

Возьмем Свердловскую школу второй ступени, мы не можем организовать химический уклон из-за недостатка средств¹².

4. *Методологическая ошибка оппонентов.* Я. А. Истомин указывает на неверную постановку вопроса со стороны радикалов. Он проводит сравнительный анализ, показывая, что советская девятилетняя школа по количеству учебных часов сопоставима с дореволюционной гимназией, но лишена «бесполезных» предметов. След:

Старая средняя школа образование укладывала в 8 лет... кроме того, я проверял по календарю число рабочих дней старой школы, и оказалось, что оно равно только 160 дням; а у нас сейчас городская школа... имеет 210 дней¹³.

Он делает вывод, что если советские программы избавлены от таких дисциплин, как Закон Божий и славянский язык, то высвободенное время должно быть использовано эффективнее. Ликвидация школы второй ступени ради создания узкоспециализированных техникумов приведет к потере общеобразовательной функции, которая необходима для формирования всесторонне развитой личности. Попытка решить проблему простой «профессионализацией» второго концентратора школы второй ступени также провалилась:

Разительным примером того, что профессионализация не дает никаких результатов, может служить статья т. Старожилова... Профессионализация привела к тому, что сначала в школе с кооперативным уклоном училось несколько сот, а пошло работать по специальности только 5 %, а остальные куда-то разошлись¹⁴.

Анализ стенограммы совещания позволяет сделать вывод о столкновении двух парадигм управления. Позиция комсомольских активистов отражала чистый идеологический порыв: немедленно сломать старое и построить новое в соответствии с лозунгами партии. Однако эта позиция демонстрировала отрыв от реальности. В отличие от нее аргументация управленцев носила чисто прагматичный характер. Они предлагали не разрушать существующую систему («хирургическое удаление»), а лечить ее, признавая,

что школа «не отвечает требованиям индустриализирующегося хозяйства»¹⁵. Главным препятствием на пути радикалов стали не политические разногласия, а банальная нехватка финансирования и острый дефицит квалифицированных педагогических кадров.

Данный архивный документ является ярким свидетельством того, как региональный прагматизм взял верх над революционными установками. Радикальный проект был отклонен как невыполнимый в текущих экономических и кадровых условиях. Однако это тактическое поражение не означало отказа от стратегического курса на реформу.

Идеи о профессионализации образования и его сближении с производством легли в основу последующей политики Наркомпроса. Школа второй ступени не была ликвидирована одномоментно; вместо этого произошла ее постепенная трансформация. Она перестала быть замкнутым гуманитарно-академическим учреждением («предвузом») и была встроена в единую систему подготовки кадров¹⁶.

Актуальность этого исторического опыта для современности трудно переоценить. Проблемы, поднятые в 1929 г. — разрыв между теорией и практикой, дефицит кадров, хроническое недофинансирование и социальное неравенство, — остаются центральными для образовательной системы России и сегодня. Дискуссия на Урале зафиксировала не столько отказ от реформы, сколько поиск ее эволюционного пути, продиктованный суровыми ресурсными ограничениями. Этот исторический урок подчеркивает, что любая амбициозная образовательная политика должна опираться на прочный фундамент экономических и кадровых возможностей государства.

Примечания

¹ Асмолов А. Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека : учебник. 6-е изд., стер. М., 2023 ; Днепров Э. Д., Ткаченко Е. В., Шафрыков В. Д. Смена вех образовательной политики // Педагогика. 2005. № 4. С. 104–112.

² Фрумин И. Д. Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 5–23.

³ ГАСПИСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 395. Л. 156

⁴ Там же. Л. 156.

⁵ Николай Константинович Куренков — заместитель заведующего Уральским (Свердловским) облоно с 1927 по 1937 г.

⁶ Яков Алексеевич Истомин — заведующий Уральским областным отделом народного образования с 1924 по 1927 г.

⁷ Идель Абрамович Перель — заведующий Уральским (Свердловским) облоно с 1927 по 1937 г.

⁸ ГАСПИСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 395. Там же. Л. 165.

⁹ Там же. Л. 165.

¹⁰ Там же. Л. 191.

¹¹ Александр Николаевич Сухов — заведующий Свердловским облоно в 1937 и 1951–1955 гг.

¹² ГАСПИСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 395. Л. 192.

¹³ Там же. Л. 159.

¹⁴ Там же. Л. 160.

¹⁵ Там же. Л. 156.

¹⁶ Попов М. В., Савин Н. А. Фабрично-заводские школы: опыт государственной политики в области политехнизации общеобразовательных школ на Урале в начале 1930-х годов // Известия Иркутского государственного университета.

Сер. История. 2025. Т. 51. С. 73–81 ; Попов М. В., Савин Н. Л., Бахтина И. Л. ШКМ: опыт реализации государственной политики в области общеобразовательных сельских школ по-

вышенного типа на Урале в 1920-е — начале 1930-х годов // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2026. Т. 55. С. 64–75.

В. А. Бурмистенко

Архивные документы архива Магнитогорска как источник изучения развития физической культуры и спорта в 1945–1950 годах

Период послевоенного восстановления спорта — с 1945 по 1950 г. — в исторической науке по-настоящему не оценен. Исследователи чаще всего обращают внимание на военные годы или следующие десятилетия советской эпохи. А то время, когда страна только начинала подниматься из пепла, остается в тени. Между тем именно тогда, в условиях нужды — голода, разрухи, дефицита ресурсов — спорт выполнял важную функцию: помогал людям восстанавливать здоровье и возвращал ощущение нормальной жизни. Уральские ученые неоднократно отмечали ценность и исследовательский потенциал архивных фондов для изучения процессов, происходящих на Южном Урале в 1930–1940 гг.¹ Тема развития физической культуры и спорта в это же время в других регионах СССР исследована в диссертациях во введении, в разделе степени изученности проблемы². Существуют источниковедческие статьи по потенциалу архивов Южного Урала, но в области развития физической культуры и спорта в послевоенное время научных работы отсутствуют³. В статье предпринята попытка определения исследовательской значимости документов муниципального казенного учреждения (МКУ) «Городской архив» Магнитогорска и оценка перспектив их использования как исторического источника в ходе изучения развития физической культуры и спорта города в послевоенные годы.

В годы войны Магнитогорск был промышленным центром, снабжающим фронт и тыл. После войны в городе работали металлургические заводы, эвакуированные предприятия и шло активное восстановление хозяйства. Интерес для понимания этого процесса представляют материалы Магнитогорского городского архива. В нем сохранились документы, которые показывают, как это происходило: от строительства спортплощадок до организации соревнований, включая то, какой орган власти этим руководил и с какими трудностями сталкивался город. Работа с местными архивами дает возможность понять на локальном уровне, как восстанавливалась страна после войны. Магнитогорск — пример промышленного города, где спортивная жизнь кипела вопреки трудностям.

Основой данного исследования стал источниковедческий подход, позволяющий анализировать архивные документы и оценивать их достоверность. Для описания источниковой базы исполь-

зовался метод внешней и внутренней критики источника в целях определения происхождения, авторства, состояния источника на сегодняшний день и его подлинности. Для систематизации источников использовался метод группировки по тематическому принципу. В совокупности эти методы обеспечили системный анализ источниковой базы и ее надежную интерпретацию в рамках поставленной задачи⁴.

В рамках заявленной темы магнитогорский архив располагает целым комплексом документов, материалы точно рассредоточены по разным фондам и единицам хранения, поэтому их поиск вызывает затруднения. В первую очередь для исследования важность представляют фонды 207 «Челябинский областной техникум физической культуры Комитета по физической культуре и спорту г. Магнитогорск»⁵, фонд 10 «Магнитогорский городской Совет народных депутатов г. Магнитогорск Челябинской области»⁶. Стоит обратить внимание на фонды 118 «Первичная профсоюзная организация работников ОАО “Магнитогорский металлургический комбинат” г. Магнитогорска Челябинская область»⁷, представленный массивом документов, относящимся к вопросам развития физической культуры и спорта в послевоенном Магнитогорске, и фонд 16 «Отдел государственной статистики в городе Магнитогорск»⁸. Важным для исследования является фонд 526 «Личный фонд: Нагибин Борис Петрович (1925–1999) — председатель комитета по физической культуре и спорту Магнитогорского горисполкома, участник Великой Отечественной войны»⁹.

Ключевое значение для настоящего исследования имеет фонд Челябинского областного техникума физической культуры, действовавшего в Магнитогорске до 1957 г. Важность данного фонда определяется тем, что он имеет прямое отношение к системе подготовки кадров в области физической культуры и спорта. Основной комплекс дел в данном фонде — управленческая и учебно-отчетная документация. Текст машинописный, с рукописными правками и подписями, внешние особенности соответствуют делопроизводственной практике советских учебных заведений. Но присутствуют дела, в которых документы, например приказы, полностью написаны от руки, что осложняет процесс анализ. Присутствующие на листах документов дефекты, такие как выцветание чернил, потертости, — это след-

ствие естественного старения документов, также к особенностям можно отнести машинописные печатки. Текст, напечатанный на машинке, читаем и разборчив; рукописные пометки, напротив, трудно поддаются разборке и дальнейшему изучению.

Первую группу источников в данном фонде составляет делопроизводственная документация, представленная приказами техникума за 1950/1951 учебный год. Все приказы в деле написаны от руки в тетради и скреплены сургучной печатью. Содержание приказов охватывает различные аспекты повседневной жизни учебного заведения: от зачисления студентов¹⁰ до приема на работу сотрудников и их командирования¹¹. Именно эта группа документов позволяет исследовать внутреннюю жизнь техникума, увидеть ее не только через формальные отчеты, но и через текущие управленческие решения. В составе фонда присутствует группа смешанных источников — личные дела студентов. Благодаря материалам В. Г. Зюзина, обучавшегося в техникуме в 1949–1952 гг., удастся восстановить структуру типового личного дела. Оно состояло из личной карточки, рукописных и машинописных характеристик из деканата, школы, комсомольской организации и с места прохождения практики, справки о зачислении, зачетной книги, расписки в получении документов; экзаменационного листа, автобиографии, выписок из приказов, в основном дисциплинарных, документов о педагогической практике и распределении на работу, табеля успеваемости. Личные дела представляют собой комплексный источник, позволяющий проследить не только академическую успеваемость, но и дисциплинарную практику, а также механизм трудоустройства выпускников¹². С историковедческой точки зрения фонд техникума ценен сочетанием множества групп документов: от приказов, отражающих повседневное управление учреждением до личных дел, содержащих персональные данные об учащихся, их успеваемости, поведении и дальнейшем трудоустройстве. Это позволяет исследовать подготовку физкультурных кадров не только как образовательный процесс, но и как систему социальных и управленческих отношений.

Следующим фондом, полезным для исследования, является набор документов Магнитогорского городского Совета народных депутатов. Стоит отметить, что такое собрание документов относится к категории «Особо ценные документы», которые находятся в особом порядке хранения в городском архиве. Документы выполнены на стандартной бумаге для письма с использованием пишущей машинки, но также содержат элементы рукописных правок, пометок и подписей. Стоит отметить, что отдельные фрагменты текста оказались частично утрачены или деформированы вследствие выцветания чернил или невозможности определить смысл рукописных пометок. Несмотря на наличие внешних дефектов, их количество не является критическим, а основной

массив машинописного текста остается понятным для источниковедческого анализа. В коллекции фонда Магнитогорского горисполкома основные сохранившиеся документы — решения исполнительного комитета за май 1945 г., которые дают понимание о важных задачах магнитогорского управления почти сразу после окончания Великой Отечественной войны. Среди подобных решений горисполкома можно привести пример Решения от 16 мая 1945 г. № 188 «Об оздоровительных мероприятиях среди детей в летний период в летний период 1945 года», содержание которого было представлено в виде развернутой статистики о количестве детей в исполнении мероприятий в лагерях, летних площадках и детских дачах¹³. Данный источник представляет для исследователя возможность изучить основные механизмы контроля власти исполнения решений и способов реализации постановлений на местном уровне в переломный период, а также масштаб мер в области социальной политики.

Стоит также упомянуть о фонде градообразующего предприятия города — Магнитогорского металлургического комбината. В документах, посвященных культурно-массовой работе комбината, выделяется группа источников, отражающих спортивную составляющую досуга его рабочих. Документы, содержащиеся в деле, выполнены на стандартной бумаге для печатного письма с использованием пишущей машинки, но также содержат элементы рукописных правок, пометок и подписей. Основной массив машинописного текста остается пригодным для содержательного анализа. Первая группа документов, вызывающих интерес для исследования, — плановые документы на 1946 г., содержащие сведения о проведении шахматно-шашечных турниров как одной из форм организации досуга на территории комбината¹⁴. Следующий тип источников, важный для исследования, — отчетные документы, свидетельствующие о проведении лыжных соревнований среди рабочих цехов комбината, начале спортивных сезонов. Масштаб физкультурно-спортивной работы на территории комбината позволяют оценить статистические данные. План оздоровительной кампании на летний период 1946 г. предполагал охват около 2987 детей в пионерских лагерях и на летних площадках, включающий в себя спортивные игры, утреннюю гимнастику и физкультурные мероприятия. Упомянется, что через пионерлагерь в с. Анненск, где непосредственно проводились спортивные занятия, в первой волне прошло 640 детей¹⁵. Данный фонд позволяет исследователю изучить отдельные мероприятия физкультурно-спортивной работы на промышленном предприятии в первые послевоенные годы: от шахматно-шашечных турниров в часы досуга рабочих до организации детского отдыха.

Важным для исследования в области развития физической культуры и спорта можно выделить фонд отдела государственной статистики. Дела, содержащиеся в данном собрании

документов, являются источниками письменного происхождения управленческого и делопроизводственного характера, созданными в рамках деятельности местных органов управления. Документы, содержащиеся в деле, выполнены на стандартной бумаге для печатного письма на пишущей машинке, но также содержат элементы рукописных правок. В силу естественного старения бумажной версии документов, хранившихся в архиве на протяжении семи десятилетий, а также многократного использования печатной машинки и рукописных правок, отдельные фрагменты текста оказались частично утрачены или деформированы вследствие выцветания чернил. Несмотря на внешние дефекты, количество их минимально, а машинописный текст остается читаемым. Основная группа источников в данном фонде — учетно-статистические документы, представляющие наиболее многочисленными в представленных делах. Для подсчета количественных данных о населении использовались учетные ведомости, как, например, отчет о половом и возрастном составе детей и молодежи до 18 лет в 1948 г. Для будущих исследований данные сведения позволяют определить численность детей в разбивке по возрасту и потенциальный контингент для спортивной деятельности¹⁶. Следующая группа дел, представленных в фонде, — распорядительные документы, в частности указания об отчетности детских дошкольных учреждений. Такой тип документов можно проиллюстрировать примером указания на 13 июня 1945 г., в котором зафиксирован масштаб сети детских учреждений, в частности яслей, детских садов и летних площадок, при которых организовывались физкультурные занятия и спортивные соревнования для дошкольников¹⁷. Учетно-статистические и распорядительные документы фонда отдела государственной статистики, несмотря на отсутствие прямых сведений о спортивных мероприятиях, позволяют проанализировать демографическую структуру населения и масштаб сети детских учреждений, что в свою очередь создает основу для анализа условий и потенциальных возможностей развития физической культуры и спорта в Магнитогорске в 1945–1950 гг. Введение в исследовательский оборот данного комплекса источников расширяет источниковую базу и дает возможность оценить физкультурно-спортивную работу в контексте государственной социальной политики послевоенного периода.

Информативной и полезной для исследования представляется личный фонд председателя Комитета по физической культуре и спорту Магнитогорского горисполкома, участника Великой Отечественной войны Б. П. Нагибина, представленный в форме рукописной хроники деятельности комитета. В процессе внешнего анализа материала фонда определяется, что большинство документов написаны от руки, предположительно, лично Б. П. Нагибиным. Это вызывает трудности, прежде всего в распознавании смысла текста, не-

смотря на то что первый тип документов, отраженный в исследовании, — протоколы спортивных соревнований с указанием дат (например, об открытии летнего спортивного сезона 12 мая 1946 г. легкоатлетической эстафетой имени газеты «Магнитогорский рабочий» и проведением на стадионе «Строитель» товарищеского матча по футболу между командами «Строитель Востока» — «Металлург Востока»). Борис Петрович отмечает, что известные магнитогорские футболисты (Бабин, Дронов, Баклушин, Курочкин — участники Великой Отечественной войны, кавалеры орденов и медалей СССР за боевые заслуги¹⁸). Следующий тип документов, который можно обнаружить в личном фонде председателя Комитета по физической культуре, — отчетные данные. Иллюстрирующим данный тезис примером является таблица итогов выполнения планового задания по развитию физической культуры и спорта за 1950 г. Из этих данных можно сделать вывод, что задачи, поставленные городской администрацией, в большей части не доходили до показателей указанного плана: например, 66 действующих коллективов физкультурников вместо необходимых 86, 10 обладателей первого спортивного разряда вместо 30, 4492 обладателей значков ГТО вместо 5300¹⁹. Используемые данные из личного фонда Б. П. Нагибина позволяют в ходе исследования оценить масштабы и динамику развития в Магнитогорске физической культуры в первые четыре года после Великой Отечественной войны.

Таким образом, проведенный источниковедческий анализ материалов МКУ «Городской архив» г. Магнитогорска показывает, что эти документы обладают высокой степенью достоверности, обеспеченной подлинностью делопроизводственных, учетно-статистических и распорядительных источников, содержат в основном сухую, обезличенную информацию, фиксирующую планы и цифровые показатели, но почти не дающую личного погружения в повседневность послевоенного спорта. Серьезные трудности для исследователя создают разрозненность материалов по многочисленным фондам, естественные дефекты бумажной основы (выцветание чернил, потертости), неразборчивость рукописных правок и редкость нарративных свидетельств, способных восполнить пробелы формальной отчетности. Несмотря на отмеченные ограничения, использованные в работе источники образуют значимую и важную основу, обладающую значительным источниковедческим потенциалом для дальнейшего комплексного изучения развития физической культуры и спорта в послевоенном Магнитогорске.

Примечания

¹ Авдашкин А. А. Трудмобилизованные из Средней Азии на Урале в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: характеристика архивных источников и попытка переосмысления ракурсов // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1056–1066; Кузнецов В. Н., Константинова А. Г. Архивные документы как источниковая база исследований социокультурного развития закрытых городов Урала // Культурный код. 2025. № 4. С. 120–128.

² Луночкин И. А. Развитие физической культуры и спорта в Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2025.

³ Пасс А. А., Потемкина М. Н. Архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории как источник изучения экономической преступности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1064–1075.

⁴ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003.

⁵ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 207. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–42 ; Оп. 2. Д. 158. Л. 1–26.

⁶ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–163

⁷ Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–50.

⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 207. Л. 1–67 ; Д. 177. Л. 1–47.

⁹ Там же. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–95.

¹⁰ Там же. Ф. 207. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 38.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 158. Л. 1–26.

¹³ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 132. Л. 8.

¹⁴ Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 183. Л. 45.

¹⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 132. Л. 43–44.

¹⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 207. Л. 21–22.

¹⁷ Там же. Д. 177. Л. 25.

¹⁸ Там же. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 26. Л. 14.

¹⁹ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 95.

И. И. Несмеянова

«Любил я театр безраздельно, беззаветно, всей душой» (воспоминания П. А. Гарянова о провинциальной театральной жизни первой четверти XX века)

В заголовок статьи вынесены строки из первой части рукописи воспоминаний П. А. Гарянова, не вошедшие в его книгу «Актеры», но ставшие ее лейтмотивом¹. В текущем году исполнилось 140 лет со дня рождения заслуженного артиста РСФСР, актера Челябинского областного драматического театра им. С. М. Цвиллинга Павла Абрамовича Гарянова [05.05(22.04).1886, Чернигов — 28.11.1963, Челябинск]. В следующем году исполнится 70 лет изданию в Челябинске театральных записок П. А. Гарянова «Актеры»², а также 60 лет со дня смерти одного из рецензентов этих воспоминаний — известного писателя Льва Вениаминовича Никулина (Олькеницкого) [08(20).05.1891, Житомир — 09.03.1967, Москва], биографией которого мы заинтересовались несколько лет назад. Жизнь П. А. Гарянова и Л. В. Никулина была тесно связана с русским провинциальным театром и выдающимися театральными деятелями, их судьбы пересеклись в Челябинске³. Данная тема в отечественной исторической науке до сих пор не поднималась, а челябинские краеведческие статьи А. А. Шмакова, М. В. Лукиной, Т. В. Палагиной и других авторов⁴ посвящались отдельным эпизодам биографии драматического актера П. А. Гарянова в советский период с акцентом на его деятельность в Челябинском кукольном театре.

Далее речь пойдет о театральных записках П. А. Гарянова, посвященных актерскому сообществу дореволюционного российского и советского провинциального театра, об истории их публикации в Челябинском книжном издательстве. Предлагаемая статья призвана не только восполнить пробелы в биографии провинциального драматического актера, но и расширить наши представления о его литературном даровании, воплощенном в воспоминаниях — специфическом историческом источнике личного происхождения, рассмотренном в контексте истории российской театральной мемуаристики. В центре нашего внимания изучение и сравнительный анализ текста опубликованных воспоминаний и рукописи, хранящейся в фонде Челябинского книж-

ного издательства в Объединенном государственном архиве Челябинской области, с целью выявления дополнительных сведений о персоналиях актеров и антрепренеров, П. А. Гарянове и его семье, что, по нашему мнению, совершенно недостаточно отражено в изданной в 1957 г. книге.

Автор не указал в предисловии, когда именно он начал работать над воспоминаниями, но рукопись была подготовлена им уже в 1946 г.⁵, а книга подписана в печать 23 декабря 1957 г. Текст воспоминаний, сданных в редакционный совет Челябинского книжного издательства, состоит из двух томов машинописного текста: первый — 180 листов, второй — 179 листов, то есть общий объем рукописи театральных записок 359 листов⁶. Иными словами, авторские театральные записки претерпели значительное редакторское сокращение: в издании всего 174 страницы, включающие художественно оформленные заставки между частями и фотографии. Редактор Челябинского книжного издательства, указанный в этом издании, — Раиса Михайловна Ушеренко — была также известна как ведущий редактор местного детско-юношеского альманаха «Уральские огоньки» (1948–1959). В книге нет ни редакторского предисловия, ни вступительного слова авторитетного театрального деятеля или коллеги П. А. Гарянова по театру, ни научно-справочного аппарата.

Опубликованный текст театральных записок включает четыре части. В первой части десять глав, рассказывающих о событиях детско-юношеского и студенческого периодов жизни П. А. Гарянова (1890–1908), занимают 41 страницу, а в рукописи — 81 лист⁷. Это наиболее информативная и яркая описательная часть воспоминаний о театральной жизни российской провинции, ее актерской среде и становлении личности молодого актера. Вторая часть воспоминаний отражает начальную историю сценической деятельности мемуариста (1908–1917), изложенной в двенадцати главах книги (37 страниц, 74 листа в рукописи)⁸. Большое место здесь отводится ли-

тературно-художественному повествованию о трагической судьбе театральной семьи Гореловых (отца и дочери), имена и фамилии которых вымышлены⁹. Данный сюжет продолжен и в последующей, третьей части записок, состоящей из 17 глав (30 страниц и 77 листов)¹⁰. Вторая и третья части записок не только выступают единым целым по их сюжету, хотя явно затянутому, но и представляют собой разновидность автобиографической прозы, включенной в воспоминания. Четвертая часть книги посвящена творческой биографии П. А. Гарянова в 1917–1929 гг. в Ростове-на-Дону, городах Кубани и Черноморского побережья Кавказа, в Украине и на Урале. Она включает 15 глав: 43 страницы в книге и 124 листа в рукописи, большая часть которой сокращена редакционным отделом издательства¹¹. Однако именно в изъятой части рукописи, за исключением авторских партийно-идеологических пассажей, содержится важный материал о театральной деятельности П. А. Гарянова на фоне культурной жизни региона.

География воспоминаний обширна: Чернигов, Киев, Харьков, Ростов-на Дону, Екатеринодар, Майкоп, Сочи, Туапсе и другие города. Хронологические рамки воспоминаний — 1890–1929 гг. В 1908 г. у П. А. Гарянова началась профессиональная театральная жизнь, которую он подробно описал, за исключением точной датировки событий, адресуя книгу прежде всего молодым читателям. Тем досаднее кажутся многочисленные опечатки в книге. Так, совсем «не повезло» в этом издании воспоминаний трем театральным деятелям: известному актеру К. А. Варламову, собирательному образу режиссера Горелова — с разными инициалами, драматургу Е. Н. Чирикову, автору пьесы «Евреи» — с пропущенной в его фамилии буквой¹². Книга воспоминаний, хотя и напечатана на плохой бумаге, все же проиллюстрирована черно-белыми фотографиями: представлены 12 фото автора и всего одно — его жены¹³, а также 16 других, посвященных выдающимся актерам и режиссерам.

Наибольшие впечатления остались у начинающего актера П. А. Гарянова от встреч с выдающейся актрисой петербургского Императорского Александринского театра, прошедшей большой творческий путь, — М. Г. Савиной¹⁴. Именно в рукописи сохранились впечатления мемуариста от ее игры: «Это была сказочная мастерица и роли свои она как будто вышивала мельчайшим бисером и плела тончайшие кружева»¹⁵. Знаменитые, получившие специальное образование за границей, 24 года выступавшие с большим успехом в провинции актеры Роберт (1860–1934) и Рафаил (1861–1938) Адельгеймы, пожалуй, единственные, кто положительно оценивал успехи П. А. Гарянова на сцене. Мемуарист также описал пересечение их театральных маршрутов и совместную работу в одном театре, а спустя годы — свою последнюю встречу с уже пожилым и одиноким Рафаилом Львовичем Адельгеймом¹⁶. В прочитанных нами мемуарах о вышеназван-

ных и многих других русских актерах и антрепренерах провинциальных и столичных казенных театров, гастролировавших в провинции, к сожалению, сведений П. А. Гарянове не обнаружено¹⁷.

В отличие от других актеров-мемуаристов П. А. Гарянов трогательно описал главным образом рядовых, малоизвестных и даже безымянных, со сценическими псевдонимами актеров и актрис, порой со сломанной личной жизнью, пришедших на сцену из разных сословий и профессий, даже покинувших столицу ради периферийных городов, но увлеченных театром и нашедших в нем творческую самореализацию и приют с пропитанием. Автор стремился запечатлеть разных представителей театрального сообщества: вершителей актерских судеб — антрепренеров, местных актеров-любителей, горделивых гастролеров и даже важных суфлеров¹⁸. Ему запомнились актеры с оригинальной внешностью, особой манерой игры (Н. Россов, В. П. Далматов, В. Н. Давыдов, М. И. Велизарий, П. М. Медведев) или своеобразным поведением на репетициях и за кулисами, даже актеров с девиацией, но талантливых и снискавших любовь публики (Г. А. Выходцев-Хуч, П. Н. Орленев, М. В. Дальский и др.)¹⁹. В первой части записок П. А. Гарянов писал: «Низко кланяюсь той плеяде великих актеров, они указали мне подлинный путь упорного труда и безраздельной любви к искусству, к театру и к своему народу!»²⁰. К сожалению, мемуарист не описал своих друзей: лишь упоминаются Николай (студент), Богданов, Б. Ромашов, В. Горский, известные актеры Г. П. Ардаров и В. А. Владиславский²¹.

О самом актере П. А. Гарянове в записках до и во время Первой мировой войны, Великой российской революции и Гражданской войны написано как будто вскользь. Первые роли («рольки») были сыграны им во время обучения в Киевской музыкально-драматической студии композитора Н. В. Лысенко, совмещаемого с работой в ремесленной мастерской и игрой в массовке на сцене Киевского русского драматического театра Н. Н. Соловцова и в передвижных театрах во время летних каникул²². Первый студийный успех — роль царя Федора Иоанновича, первый бенефис актера — на гастролях труппы антрепренера-режиссера В. Н. Викторова в Гродно²³. В творческой копилке актера были роли по произведениям А. С. Грибоедова Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. П. Чехова и многих других авторов. Он сыграл за свою творческую жизнь сотни ролей, но о работе над ними в книге написал крайне мало. «Несыгранной» П. А. Гарянов считал роль Расплюева из пьесы А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского», которой, кстати, он посвятил большой фрагмент, описав свои впечатления от великолепной игры актеров Александринского театра на гастролях в Киеве (1903)²⁴.

Неоднократно вспоминал П. А. Гарянов своего первого антрепренера — Н. Н. Соловцова, со-

здавшего в Киеве постоянную труппу с лучшими актерами и востребованным публикой репертуаром, а также выдающихся антрепренеров, руководивших образцовыми театрами российской провинции, — Н. И. Соболяшкова-Самарина и Н. Н. Синельникова²⁵. П. А. Гарянову также запомнились многие антрепренеры, с которыми он встречался в театральной жизни. Среди них был и В. И. Никулин — Вениамин Волькович Олькеницкий (1866–1953), его старый знакомый, уроженец г. Житомира Волынской губернии, происходивший из еврейской семьи, позднее перешедший в лютеранство, имевший сценический псевдоним Никулин, который стал фамилией его и его детей²⁶. Актеры очень любили «энтузиаста» Вениамина Ивановича Никулина и подолгу работали у него, а он в свою очередь «любил актерский народ и театр», оставив о себе светлые воспоминания. В архивной рукописи этого фрагмента записок В. И. Никулин назван «актерским отцом», а его жена Е. И. Шеина — «блистательной актрисой-героиней»²⁷. Действительно, В. И. Никулин был уважаемым в актерской среде антрепренером, имевшим широкий круг общения с режиссерами, театральными критиками и коллегами — антрепренерами разных поколений. Работая сначала актером, а впоследствии антрепренером в театрах 72 городов страны (Херсона, Одессы, Севастополя, Калуги, Харькова и др.), он умел обеспечить труппе стабильную работу, хорошие сборы, оптимальный репертуар²⁸. Свой последний театральный сезон он провел летом 1918 г. в Воронеже, а в 1928 г. эмигрировал из СССР сначала во Францию, затем в США, где в 1942 г. опубликовал весьма ценные для истории русского театра «Записки театрального директора», редактированием которых занимались его сыновья (Лев, Юрий и Владимир Никулины)²⁹. Лев Вениаминович Никулин — советский писатель-орденоносец, журналист, лауреат Сталинской премии III степени (1951), в годы юности путешествовал по стране вместе с гастролировавшими отцом и мачехой, имел представление о повседневных проблемах актеров русского провинциального театра, подробно описанных П. А. Гаряновым, и волею судьбы стал рецензентом его воспоминаний «Актеры»³⁰. Кроме того, ко времени публикации воспоминаний П. А. Гарянова и Л. В. Никулина связывало давнее знакомство: писатель с семьей жил в Челябинске, во время эвакуации коллектива Московского академического Малого театра (20 октября 1941 — 10 сентября 1942), актрисой которого в 1933–1963 гг. была его вторая (гражданская) жена Екатерина Ивановна Рогожина (1910–1980)³¹. Тогда П. А. Гарянову-Голубеву, как ведущему актеру Челябинского драматического театра, временно переехавшему в Шадринск, и драматургу, актеру, режиссеру Челябинского кукольного театра, даже посчастливилось несколько раз сыграть роль фельдмаршала М. И. Кутузова в спектакле Малого театра «Отечественная война 1812 года», заменяя заболевшего актера Н. К. Яковлева³². Будучи редактором Челябинско-

го областного издательства, Л. В. Никулин с женой, двумя дочерьми-близнецами (Ольга и Александра, 1937 г. р.) и тещей С. М. Рогожиной (1892 г. р.) проживали в коммунальной квартире в жилом доме облисполкома на пл. Революции (адрес:

ул. Цвиллинга, д. 36, кв. 12)³³. Л. В. Никулин писал статьи патриотического содержания в центральной прессе³⁴, занимался разнообразной общественно-политической и издательской работой, о нем писали в газете «Челябинский рабочий» и «Наш трактор»³⁵.

Весной 1957 г. между П. А. Гаряновым и Л. В. Никулиным завязалась переписка по поводу публикации воспоминаний³⁶. В рецензии Л. В. Никулина в журнале «Театр» (1958) дано аналитическое описание воспоминаний, подчеркнута значимость подобного рода произведений действующих актеров для сохранения истории провинциального театра и трансляции профессиональных ценностей актерского сообщества молодым советским актерам³⁷. Л. В. Никулин в личной переписке с П. А. Гаряновым советовал ему доработать воспоминания, дополнив их более подробными портретами упомянутых столичных актеров, обещал написать предисловие и содействовать в переиздании книги³⁸. Мемуарист приступил к переработке рукописи, но ему не удалось осуществить задуманное: П. А. Гарянов скончался 28 ноября 1963 г.

Крайне скудные сведения представлены в воспоминаниях П. А. Гарянова (Горянова, Голубева, Голубова) о его семье (брат Илья, сестра Софья), но не указывается, как звали родителей, бабушку и дедушку, каково их происхождение, национальность, вероисповедание и пр. Более пристального внимания заслуживают также факты неизученной пока биографии Нины Адамовны Гаряновой, урожденной Новицкой (1892–1949), памяти которой он и посвятил свои записки. В тексте воспоминаний имеются лишь упоминания о ней как об актрисе, не указываются ни время, ни обстоятельства их знакомства, бракосочетания, ни сведения о ее родственниках и пр. Только в четвертой части рукописи воспоминаний жена-актриса упоминается не менее 22 раз³⁹, а в книге — всего 13. По сведениям краеведа М. В. Лукиной, Н. А. Новицкая окончила Петербургское театральное училище, по другим — училась в театрально-художественной школе Литературно-художественного общества в Санкт-Петербурге (1909–1911)⁴⁰. Нам удалось установить, что уроженка г. Екатеринодара Н. А. Новицкая происходила из дворянской семьи: была дочерью коллежского советника, врача, специалиста по женским и детским болезням Екатеринодарской городской больницы, затем вольнопрактикующего врача, одновременно врача-преподавателя Кубанской учительской семинарии Адама Антоновича Новицкого (1868 — после 1927) и Александры Дмитриевны Новицкой (1870 — после 1916), сестры Анатолия Адамовича Новицкого (1902–1970), проживавших в Екатеринодаре (ул. Гимназическая, 63/3). В 1911 г. ее отец вместе с вра-

чами А. М. Городецким и М. А. Хацкелевичем открыли в Екатеринодаре родильный приют и лечебницу, на базе которых в 1921 г. появился первый роддом⁴¹. Актер П. А. Гарянов неоднократно приезжал в Екатеринодар с театром под руководством Н. Н. Синельникова (1910–1913), с труппой Н. Д. Лебедева (1875–1920), Э. Э. Берже (? — 1920). Судя по адресной книге 1914 г., он был зарегистрирован по адресу: ул. Гимназическая, 63, как «драматург Гарянов (Голубов)» (то есть жил в доме тещи⁴²).

П. А. Гарянов писал, что Октябрьскую революцию он встретил, работая в Нахичеванском драмтеатре под Ростовом-на-Дону, где жил и в первые годы Гражданской войны, затем переехал в Екатеринодар, чтобы быть поближе к тестю и теще, поступил в местный драмтеатр. Однако в рукописи, вопреки нашим ожиданиям, мемуарист не описал событий яркой культурной жизни Екатеринодара, ставшего в годы Гражданской войны очагом миграции значительного числа беженцев из обеих столиц, среди которых было немало знаменитых артистов, музыкантов, писателей, в дальнейшем или эмигрировавших или принявших советскую действительность, выступления которых тогда были востребованы неизбалованной местной публикой.

Театральные записки хронологически доведены до 1929 г. — до переезда на Урал. Судя по автобиографии мемуариста, Гаряновы с 1928 г. жили и работали в Тюмени, Тобольске, Кунгуре, Сарапуле, Ишиме, Перми, Нижнем Тагиле, Златоусте, обосновались в Челябинске в 1932–1933 гг.⁴³ На последней странице записок автор всего лишь упомянул о родном ему Челябинском драматическом театре, в котором он работал на протяжении 25 лет. В рукописи воспоминаний доуральского периода жизни нами обнаружены сокращенные редактором «челябинские» фрагменты: в эпизоде об «актере-фанатике, романтике», председателе Ленинградского отделения ВТО Ю. М. Юрьеве (1946) упоминается, что П. А. Гарянов возглавлял Челябинское отделение, а в описании спектакля МХАТ в Ленинграде — об успешных гастролях там же Челябинского драматического театра⁴⁴.

Таким образом, в статье освещены ранее не известные факты биографии и творческого пути П. А. Гарянова, в сравнительном аспекте рассмотрено содержание опубликованного текста и архивной рукописи театральных записок в контексте истории отечественного театра, литературы. «Провинциальных актеров был легион, воинство. Вечные труженики, вечные странники <...> горячо любили свое искусство, высоко и гордо несли его знамя, — писала драматург А. Я. Бруштейн (урожденная Выгодская) о театральных деятелях дореволюционной эпохи, наследие которых стало основой советского театра⁴⁵. В полной мере эти слова относятся и к П. А. Гарянову, автору воспоминаний «Актеры», которые должны занять достойное место среди произведений российской провинциальной театральной мемуаристики.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 27.

² Гарянов П. А. Актеры: Театральные записки. Челябинск, 1957.

³ Шамаков А. А. Лев Никулин в Челябинске // Письма из Лозан-ны. Челябинск, 1980. С. 140–142; Шамаков А. А., Шамакова Т. А. Урал литературный. Челябинск, 1988. С. 72.

⁴ Лукина М. В. Гарянов Павел Абрамович // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К. Н. Брчкарёв. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 810; Палагина Т. В. Челябинский государственный академический театр драмы им. Наума Орлова. 85 лет со дня открытия. URL: https://chelreglib.ru/media/files/dl/el_izdan/kalend2006/drama.htm (дата обращения: 15.05.2026) и др.

⁵ РГАЛИ. Ф. 652. Оп. 13. Ед. хр. 415. 319 л.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. 180 л.; Д. 53а. 179 л.

⁷ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 13–54; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–81.

⁸ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 57–94; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 82–156.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53а. Л. 232, 234.

¹⁰ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 97–127; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 157–180; Д. 53а. Л. 181–235.

¹¹ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 131–174; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53а. Л. 235–359.

¹² Гарянов П. А. Указ. соч. С. 27, 30, 31, 40, 54, 59; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 30, 51.

¹³ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 28, 32, 33, 34, 51, 53, 59, 93, 138, 147, 163, 172.

¹⁴ Там же. С. 23; Савина М. Г. Горести и скитания. Записки. 1854–1877. Л., 1927.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 23.

¹⁶ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 47, 166; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 73, 166; Д. 53а. Л. 340.

¹⁷ См. воспоминания Н. И. Соболевского-Самарина, В. Н. Давыдова, Н. М. Медведева, М. И. Велизарий, В. И. Никулина, Н. Н. Синельникова и др.

¹⁸ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 72; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 21, 25.

¹⁹ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 15, 20, 25, 35, 36–37, 66–67, 72–73; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 46–47.

²⁰ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 37.

²¹ Там же. С. 21, 33, 34, 73, 159, 160; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53а. Л. 42, 319, 320.

²² Гарянов П. А. Указ. соч. С. 21; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 14, 15, 21.

²³ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 20, 31, 32, 34, 37, 50, 53, 54.

²⁴ Там же. С. 27–28; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53а. Л. 32.

²⁵ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 135; Синельников Н. Н. Шестьдесят лет на сцене: Записки: Воспоминания о Н. Н. Синельникове. Харьков, 1935. С. 115.

²⁶ Никулин В. И. Записки театрального директора. Государство, общество и театр. Нью-Йорк: Colonial Printing and Publishing Co, 1942. Ч. 2. С. 77, 192–196. URL: <http://www.e-heritage.ru/Catalog/ShowPub/14785> (дата обращения: 25.04.2026).

²⁷ Гарянов П. А. Указ. соч. С. 25; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 25.

²⁸ Никулин В. И. Указ. соч. С. 98, 191, 336, 350; Бруштейн А. Я. Страницы прошлого. М., 1952. URL: <https://biography.wikireading.ru/hHXQqbDkEK> (дата обращения: 30.04.2026).

²⁹ Никулин В. И. Указ. соч. С. 59–350.

³⁰ Там же. С. 132, 214, 216, 298; Никулин А. В. Автобиография // Советские писатели. Автобиографии. М., 1959. Т. 2. С. 122, 123; Он же. Искренние воспоминания // Театр. 1958. № 7. С. 113–114.

³¹ Малый театр: одиннадцать военных месяцев на Урале: док. и материалы / сост. В. С. Боже, Е. В. Боже. Челябинск, 2020. С. 159.

³² ОГАЧО. Ф. Р-914. Оп. 2. Д. 65. Л. 27, 41; Ф. Р-1360. Оп. 1. Д. 15. Л. 2, 4.

³³ Там же. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 125. Л. 112–112 об.; Никулина О. А. Лаврушинский, 17. М., 2013. С. 29, 31–34.

³⁴ Никулин А. «Отечественная война». Премьера в Государственном академическом Малом театре // Известия. 1942. 25 марта; Он же. Успех Танкограда // Там же. 5 июня; Он же. Спасибо кировцам! // Там же. 19 июля и др.

³⁵ Наши земляки на фронте. Челябинск, 1942; Холмская О., Белоносов А., Синицына Е. Тимуровцы. Челябинск, 1942; Челябинский рабочий. 1941. 18 нояб.; 1942. 19 апр.;

Наш трактор. 1942. 5 мая ; ОГАЧО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 64. Л. 134в — 134г.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 158. 23 л. [апрель] 1957 — 4 ноября 1960 ; *Шмаков А.* «Благодарю Вас, чудесный человек...» // Вечерний Челябинск. 1976. 25 сент.

³⁷ См.: *Никулин А.* Искренние воспоминания ... С. 113–114 ; *Орехова Т.* «Актеры» : [рец.] // Южный Урал : лит.-художеств. альм. Челябинск, 1958. Вып. 31. С. 138–139.

³⁸ ОГАЧО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 64. Л. 134д, 134е, 134ж, 254.

³⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53а. Л. 236, 238, 239, 240, 241, 244, 250, 282, 292, 321, 323, 324, 325, 334, 335, 340, 343, 345, 353, 354, 356, 357.

⁴⁰ *Лукина М. В.* Челябинский государственный театр кукол им. В. Вольховского // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2015. Челябинск, 2014. С. 161 ; *Она же.* Гарянова Нина Адамовна (1891 — май 1949). URL: <https://necropolural.narod.ru/index/0-121> (дата обращения: 15.05.2026) ; *Она же.* О времени создания Челябинского областного театра кукол и его репертуаре в 1930-е гг. // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 149 ; *Она же.* Гарянов Павел Абрамович, актер, драматург, режиссер, общественный деятель: 130 лет со дня рождения // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2016. Челябинск. 2015. С. 174 ; Музей «У Гаряновых» в рубрике «Театральная шпаргалка». URL: <https://www.lobl.ru/tv/nashe-utro/nashe-utro-ot-28-02-2025/muzey-u-garyanovkh-v-rubrike-teatralnaya-shpargalka/> (дата обращения: 17.06.2026).

⁴¹ Памятная книжка Кубанской области на 1911 год. Екатеринодар, 1911. С. 135, 189 ; Памятная книжка Кубанской области на 1916 г. Екатеринодар, 1916. С. 126, 205 ; Екатеринодар. Родословная книга Кубанской области. URL: http://rodoslovnaya.org/ru/wiki/index/index/page_id/1032/name/Фамилии%3АНовицкие?cm_hash=798df7d518f467c6403c3bae748bd (дата обращения: 20.05.2026) ; Новицкая Александра Дмитриевна (? — после 1916). (Екатеринодар. Гимназическая улица). URL: http://rodoslovnaya.org/ru/wiki/index/index/page_id/84567/name/ (дата обращения: 20.05.2026) ; URL: https://vk.com/wall/26010282_4587 (дата обращения: 15.05.2026) ; URL: <https://vk.com/id26010282> (03.07.2023) (дата обращения: 19.06.2026) ; URL: https://vk.com/wall-20206698_7375 (09.08.2022) (дата обращения: 15.05.2026).

⁴² *Гарянов П. А.* Указ. соч. С. 135 ; ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53а. Л. 245 ; По провинции. Самара // Театр и искусство. 1914. № 45. С. 876–877 ; По провинции. Екатеринодар. Драматическая труппа Н. Д. Лебедева (Екатеринодар). Фото // Там же. 1917. № 28–29. С. 491 (П. А. Гарянов: второй ряд, второй слева) ; *Родкин Б. С.* Вся театральная-музыкальная Россия. 1914–1915 : альм.-справ. Пг., [1914]. С. 241.

⁴³ *Гарянов П. А.* Указ. соч. С. 174 ; *Лукина М. В.* Челябинский государственный театр кукол ... С. 159 ; *Она же.* Гарянов Павел Абрамович ... С. 175, 176.

⁴⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 53. Л. 28–29 ; Д. 53а. Л. 322.

⁴⁵ *Бруштейн А. Я.* Страницы прошлого. М., 1952. URL: <https://biography.wikireading.ru/hHXQqbDkEK> (дата обращения: 30.04.2026).

М. К. Медведева

**«Мы вечно будем молоды, мы в песнях будем вечно жить».
Фотоальбомы по истории любительского народного хора
как источник по изучению личностной и коллективной самореализации
в 1960–1980-е годы (по материалам Государственного архива
социально-политической истории Курганской области)**

В фондах Государственного архива социально-политической истории Курганской области содержится коллекция документов музея трудовой славы Курганского завода колесных тягачей (КЗКТ) им. Д. М. Карбышева (ОАО «Русич»). Значительную их часть составляют фотоальбомы, представленные в том числе в фотоальбомах, в разные годы созданных самими работниками завода. Среди них выделяются два фотоальбома, посвященные культурной жизни людей старшего поколения — «Хору ветеранов 20 лет. 1961–1981»¹ и «Хору ветеранов труда — 25 лет»². Как исторические источники, данные фотоальбомы являются не просто хранилищами фотографий, но и красочными объектами саморепрезентации участников хора. В первом альбоме рядом с черно-белыми фотоснимками соседствуют отзывы зрителей и вырезки из газет с заметками и статьями, посвященными хору. Кроме того, он украшен цветными картинками из газет и журналов (поскольку в большинстве случаев выходные данные газетных публикаций отсутствуют, в данной статье приводятся ссылки на соответствующие листы альбома). Заголовки выполнены разноцветными красками, а подписи под фотографиями выписаны каллиграфическим почерком. Второй альбом, созданный спустя пять лет, содержит индивидуальную информацию об участниках хора. В нем наряду с черно-белыми

присутствуют также цветные фотографии, а пояснительный текст был написан, по всей видимости, разноцветными фломастерами.

Хор ветеранов при заводе «Уралсельмаш» (с 1966 г. — КЗКТ, с 1975 г. — им. Д. М. Карбышева) был организован в 1961 г. Его участниками, как свидетельствует сделанное в альбоме пояснение, были «пенсионеры города»³, то есть не только работники завода, но и все желающие, кто хотел проявить себя в песенном творчестве. Первым руководителем хора была Е. Е. Мальцева, известный в Кургане педагог, однако ее вклад в историю хора альбомы не раскрывают. После нее хором руководил актер и музыкант П. И. Горюховцев⁴, а около 1966 г. его возглавил П. С. Шелементьев, баянист и самодеятельный композитор⁵. Под его руководством хор ветеранов встретил в 1986 г. свое 25-летие. Хотя он всегда позиционировал себя как хор, открытый как для женщин, так и для мужчин, именно женщины составляли в нем подавляющее большинство. В альбом, подготовленный к 20-летию хора, вклеен список его участников — только двое из тридцати, включая руководителя хора, являются мужчинами⁶ (хотя на некоторых более ранних фотографиях, относящихся к 1960-м гг. и не подписанных, мужчин несколько больше). В год 20-летия хора большинству участников было от шестидесяти до семидесяти лет — 17 человек из

30 родились в 1910-е гг. Остальные возрастные группы были заметно малочисленнее. Восемь участников хора родились в 1920-е гг. (следовательно, в рассматриваемый период им было от пятидесяти до шестидесяти лет). Одна, самая молодая участница, родилась в 1931 г. (ровно пятьдесят лет), двое самых пожилых — в 1900-е гг. (семьдесят пять лет и семьдесят три года), по двум участницам данные отсутствуют⁷.

Что касается профессионального состава хора, то он был достаточно разнообразным: наряду с представителями рабочих профессий⁸ в него также входили медики⁹, воспитатели¹⁰, педагоги¹¹, железнодорожники¹², бухгалтеры¹³, работники пожарной охраны¹⁴.

Время создания хора (1960-е гг.) пришлось на период расцвета художественной самостоятельности в СССР, когда уровень любительского творчества значительно возрос¹⁵. Будучи коллективом из провинции, хор ветеранов, тем не менее, не являлся изолированной организацией. Его участники принадлежали к Всероссийскому хоровому обществу¹⁶, созданному в 1957 г. Кроме того, хор — что было само собой разумеющимся для организаций советского периода — обладал своим советом, выполнявшим целый ряд функций. Его заседания проводились раз в месяц, а его члены не только занимались постановкой номеров и вели журнал посещаемости репетиций и концертов и книгу отзывов зрителей, но также организовывали коллективный досуг участников хора — посещение музеев, кино, концертов¹⁷.

Согласно вклеенным в альбом статьям и заметкам из газет, хор ветеранов вел достаточно активную концертную деятельность. В год его 20-летнего юбилея состоялся XXVI съезд КПСС, во время работы которого «хор побывал с концертами на своем заводе, в трикотажном объединении, госпитале инвалидов Великой Отечественной войны, цехах производственного объединения «Курганармхиммаш»¹⁸. Кроме того, хор выезжал с концертами в Куртамышский, Белозерский, Варгашинский и Половинский районы¹⁹. На страницах альбома, посвященного 20-летию хора, собраны отзывы зрителей. Вот как реагировали на выступление хора на заводе КЗКТ:

Часто выступает хор в цеховых Красных уголках родного завода, и всегда он там желанный гость. В обеденный перерыв задорно звучит русская песня, благодарные зрители пишут и пишут в книгу отзывов: от всего сердца, от всей души мы всегда идем, как на праздник, на концерт хора ветеранов²⁰.

Похожие эмоции, если верить сделанной в альбоме записи, испытали зрители и в Кетовском совхозе:

От всего сердца благодарим хор ветеранов [завода КЗКТ за концерт, который доставил нам огромную радость. Ведь это же большое счастье — в таком возрасте быть молодыми душой. Желаем всем участникам хора и их руководителю П. С. Шелементьеву

крепкого здоровья, неугасающей энергии и больших исполнительских успехов. Огромное вам спасибо!²¹

Будучи организацией любительского народного творчества, хор ветеранов КЗКТ представлял собой симбиоз общественного, коллективного и личностного начал. В посвященных ему публикациях, как и в альбоме, созданном к его 20-летию, особо подчеркивались общественная деятельность хористов и их участие в важных исторических событиях. В статье к 10-летию хора, вклеенной в альбом, сделан акцент на участии А. А. Филимоновой, пришедшей в хор в 1962 г., в Гражданской войне и установлении советской власти, а также на принадлежности М. К. Микшаковой и Е. В. Дюжевой, других участниц хора, к движению «Синяя блуза» 1920-х — начала 1930-х гг.²² На следующей странице альбома его составители написали под рисунком улыбающейся юной крестьянки с букетом цветов: «Мы — молодая гвардия первой пятилетки, мы вечно будем молоды...»²³. В альбоме к 25-летию коллектива особо упоминалось участие отдельных хористов в Великой Отечественной войне²⁴.

С другой стороны, рисуемый альбомами портрет хора ветеранов имел ярко выраженный коллективистский оттенок. Особенно выразительно об этом написано в заметке «На радость себе и людям», автор которой П. Петунина так характеризует хор ветеранов:

Послушала я эти репетиционные фрагменты, бывала на нескольких концертах и отказалась от своего намерения — рассказать о хоре через отдельные судьбы. Он признает лишь одну индивидуальность — индивидуальность коллектива²⁵.

И далее П. Петунина приходит к примечательному выводу:

А она (индивидуальность коллектива — М. М.) вырастает из бескорыстной любви к мелодии, из преданности песне²⁶.

Скорее всего, сейчас подобная причинно-следственная связь покажется неочевидной и спорной, однако для тех лет она весьма симптоматична. Что-то бесценное, не имеющее денежного эквивалента, становится почвой для прорастания некоей особой общности — обладающей своей индивидуальностью, которая при этом размыта в групповой идентичности людей, объединенных общими интересами.

С этим выводом П. Петуниной сопряжено свидетельство Д. А. Нечехуина, старосты хора, которые он приводит в своей заметке «Радость признания», опубликованной в июне 1979 г. в газете «Заводская жизнь»:

Однажды после концерта подходит ко мне женщина и спрашивает: «А что вы имеете от концертов?». Я не сразу понял ее, а потом сказал: «Моральное удовлетворение». И это самая ценная валюта, которая будет всегда в ходу, даже тогда, когда исчезнут все денежные знаки²⁷.

Страница альбома к 20-летию хора, озаглавленная «Наши награды», содержит три почетных грамоты, врученные не конкретным людям, а коллективу хора²⁸. Это и есть одна из составляющих «морального удовлетворения», о котором говорил Д. А. Нечеухин. Однако только к этому оно не сводится. Гораздо важнее была духовная отдача, которую хористы получали в процессе репетиций и выступлений. Д. А. Нечеухин писал об этом следующим образом: «Ветераны ходят сюда из любви к искусству, из-за минут, когда забываются возраст и недуги, когда все удивительно молодеют»²⁹. Это бескорыстное начало стало фундаментом для создания коллектива, который заявлял: «Мы в песнях память о себе оставим вам, наши дети и друзья!»³⁰.

Однако эта память, несмотря на приведенные выше свидетельства, не является исключительно памятью о коллективе. Личностный аспект проглядывает сквозь традиционную для советской действительности общественно-коллективистскую риторику, давая возможность бросить взгляд на индивидуальные портреты участников хора.

В уже упоминавшейся заметке П. Петунина пишет, что, говоря о хоре ветеранов, желает вести речь «о внутренней потребности человека отдаваться мелодии, доверять ей и горе, и радость, и тихие минуты раздумий»³¹. Таким образом, той «индивидуальности коллектива», о которой она напишет далее, предшествует пусть общий для всех участников, но личностный мотив.

Эта «внутренняя потребность», желание самореализоваться и продолжать активную жизнь после выхода на пенсию выражались в одной из центральных мыслей, отраженных на страницах альбома к 20-летию хора. «Светим мы молодыми маками, оставаясь в строю до конца. Хоть зовут нас сейчас стариками, но у нас молодые сердца»³²; «И снова в цех со звонкой песней, своих позиций не сдаем, и топчем старость каблуками, и в песне молодость несем»³³ — эти строки отражают как самоидентификацию участников хора, так и восприятие их зрителями. «Какое это большое счастье для вас и для нас, что в свои немолодые годы вы так молоды душой, так любите искусство и умеете его донести», — такой отклик на выступление хора ветеранов сохранился в книге отзывов. Его цитирует в своей статье о хоре Е. Егорова³⁴, которая, задаваясь вопросом о мотивации участниц, пишет: «Вроде бы вся жизнь у них позади»³⁵. Конечно, сейчас такое утверждение столкнулось бы с недоумением и неприятием. В условиях увеличившейся продолжительности жизни люди пожилого возраста в России и за рубежом все чаще видят в уходе на пенсию не конец активной деятельности, а ее своеобразную перезагрузку, новое начало. Однако в первой половине 1980-х гг. восприятие старости было иным — она наступала после окончания трудовой деятельности³⁶, причем для женщин, в силу более раннего ухода на пенсию, раньше, чем для мужчин³⁷. Поэтому

участницы хора ветеранов, найдя себе новое занятие после ухода с работы, не только доставляли радость зрителям своими концертами, но и продлевали собственную молодость. Кроме того, здесь также важно помнить о поколенческой принадлежности хористов. Детство, юность и молодость подавляющего их большинства пришлись на первую половину XX века — пожалуй, самое тяжелое время в российской истории. Так что, поскольку ранние годы их жизни были омрачены трудностями и испытаниями, подсознательно они стремились компенсировать эту нехватку радости и удовольствия от жизни в пенсионном возрасте.

Подобное «преодоление старости» с помощью активной творческой деятельности было сопряжено с самореализацией его участниц как женщин. Несмотря на то что в рассматриваемый период «утверждалось, что «женский вопрос» в СССР решен всецело и полностью»³⁸, он понимался преимущественно в социально-экономическом и общественно-политическом ключе. Такой подход оставлял за бортом внутренний мир женщины и проблемы семейного, сексуального, психологического характера, с которыми она могла сталкиваться. В этом смысле хор ветеранов КЗКТ являлся отражением общих для страны тенденций. С одной стороны, будучи преимущественно организацией женщин, он представлял местом для их самореализации. Этот мотив звучит в упомянутой статье Е. Егоровой:

...Неистребимо женское в женщине: желание нравиться, тяготение к гармонии, врожденная нежность и вкус в пении, в костюмах, в лицах, в движениях³⁹.

Однако, с другой стороны, эта самореализация существовала в определенных границах, очерченных пресловутой «индивидуальностью коллектива». Данное обстоятельство наглядно просматривается в альбоме, посвященном 25-летию хора. Хотя его составители отдельно рассказывали о каждом участнике хора, снабжая текст фотографиями, их характеристики отличаются шаблонностью. Главными аспектами, по которым участников можно отличить друг от друга, являются их профессии и срок пребывания в хоре, в остальном же альбом скуп на индивидуальные штрихи к портретам. «Заслуженно пользуется уважением коллектива», «принимает участие во всех концертах», «занимается общественной работой», «занимается вовлечением в хор любителей русской песни», «за добросовестный труд имеет награды» — эти и похожие по смыслу формулировки встречаются на каждой странице альбома, посвященной участникам хора⁴⁰.

Столь шаблонные фразы сдерживают личностное в участницах и участниках хора, оставляя за рамками истории их индивидуальные характеры и неповторимые черты. Коллективное начало в саморепрезентации хора ветеранов поглощало те детали, которые казались ненужными для создания необходимого идеологического

образа. Личные истории участниц и участников отступали на второй план перед лицом их вклада в общественную жизнь и служения коллективу. В итоге внутренний мир отдельного человека подменялся образом коллективного я, выражавшего необходимые государству и обществу идеи. Недаром в альбоме к 20-летию хора на одной из страниц вклеены следующие стихи:

Песня — наш друг и верный товарищ, она с нами
рядом шагала везде: вела по войне дорогой пожарищ,
была нам подмогой в бою и труде. Мы в жизни своей
не ищем покоя и милости от судьбы не ждем. Деревья
в лесу умирают стоя, и мы, не сгибаясь, идем⁴¹!

Сейчас подобная героиня с трудом сочетается с образом народного любительского хора, состоящего из людей пожилого возраста, однако для той поры она была вполне естественной. Оставив позади «давние годы», о которых ветераны, по словам П. Петуниной, вспоминают «с доброй грустью»⁴², участницы и участники хора взяли на себя новое почетное обязательство — «отдавать другим самое лучшее, что есть в тебе, чем богата душа»⁴³ (слова Е. Егоровой). И это лучшее закономерно связывалось с общественным, с достижениями государства, в котором жили ветераны. В этой связи весьма показательны заключительные строки статьи Е. Егоровой:

Всеобщее приобщение в нашей стране развитого социализма к большой культуре настолько естественно, что стало привычной, почти будничной повседневностью. Впрочем, цену своего равноправного и равновеликого счастья старые люди знают, помнят. Оттого и не стареют их молодые сердца⁴⁴.

Таким образом, даже молодость души, которой так дорожили ветераны, представлялась следствием мудрой политики советского государства.

Подводя итог, стоит сказать, что фотоальбомы, посвященные хору ветеранов КЗКТ, представляют собой многоплановый источник, который принадлежит отнюдь не одной визуальной истории. Их оформление и подача материала позволили не только сохранить для исследователей информацию о составе хора и его фотоснимки, но и получить представление о том, как деятельность хора воспринималась его участниками и сторонними наблюдателями, как сочетались в нем общественное, коллективное и личностное начала, в чем хор видел свое предназначение и свою миссию. Как продемонстрировал анализ источников, на первый план неизменно выдвигалась коллективная идентичность хора, в то время как личности отдельных участников имели значение лишь с точки зрения их служения об-

щему делу. Тем не менее внутренний мир хоров не был полностью растворен в коллективном начале. Их портреты, представленные в альбоме к 25-летию хора, сохранили для истории лица живых людей, не поддающиеся унификации, которые испытывали искреннюю радость, получив шанс на самореализацию и «вторую молодость». И если бы не фотоальбомы, отложившиеся в фондах Государственного архива социально-политической истории Курганской области, их образы и истории оказались бы навсегда забыты.

Примечания

¹ ГАСПИКО. Ф. 7095. Оп. 2. Д. 42.

² Там же. Д. 43.

³ Там же. Д. 42. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Д. 43. Л. 6.

⁶ Там же. Д. 42. Л. 20.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д. 43. Л. 8, 9, 11, 14, 16, 17, 18.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 4, 8, 10, 13, 18.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 19.

¹⁴ Там же. Л. 20.

¹⁵ Сибирякова А. В. Становление и развитие самодеятельного хореографического творчества в России в советский // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 210.

¹⁶ ГАСПИКО. Ф. 7095. Оп. 2. Д. 42. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 12, 21.

¹⁸ Там же. Л. 22.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 23.

²¹ Там же. Л. 9.

²² Там же. Л. 3.

²³ Там же. Л. 4.

²⁴ Там же. Д. 43. Л. 14, 18, 20.

²⁵ Там же. Д. 42. Л. 5.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 18.

²⁸ Там же. Л. 13.

²⁹ Там же. Л. 18.

³⁰ Там же. Л. 12.

³¹ Там же. Л. 5.

³² Там же. Л. 19.

³³ Там же. Л. 8.

³⁴ Там же. Л. 6.

³⁵ Там же.

³⁶ См. периодизацию возраста по С. Г. Струмилину и Б. Ц. Урланису: Козлова О. А., Секицки-Павленко О. О. Теоретические основания определения возрастных границ и возрастной структуры населения в контексте демографического старения // Alter Economics. 2022. Т. 19, № 3. С. 446.

³⁷ Согласно возрастной классификации, принятой в 1965 г. Академией педагогических наук СССР.

³⁸ Рябкова Е. С. Женщины и женский быт в СССР 1950–1960-х гг. в советской и современной российской историографии // Вестник РУДН. Сер. История России. 2017. Т. 16, № 4. С. 672.

³⁹ ГАСПИКО. Ф. 7095. Оп. 2. Д. 42. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Д. 43. Л. 2-21.

⁴¹ Там же. Д. 42. Л. 22.

⁴² Там же. Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 6.

⁴⁴ Там же.

Н. А. Ощепкова

**Личное свидетельство и литературное осмысление
как механизмы формирования исторической памяти:
на примере фонда документов личного происхождения Г. Г. Синельникова —
участника Афганской войны, писателя
(по материалам фонда Национального архива Хакасии)**

В современном мире, перенасыщенном цифровым контентом и огромным количеством мимолетной, не фиксируемой памятью человека информации, вопрос сохранения исторической памяти стоит особо остро. Архивы, традиционно воспринимаемые как хранители сухих официальных документов, сегодня переживают пик интереса пользователей архивных документов к самым «человечным» разделам — фондам личного происхождения. Так, в марте 2026 г. в Национальном архиве Республики Хакасия состоялась встреча сотрудников архива с участником Афганской войны подполковником запаса Геннадием Григорьевичем Синельниковым. В результате встречи спустя более 35 лет после окончания военного конфликта в Афганистане в архив поступили документы, собранные Геннадием Григорьевичем, и был сформирован фонд документов личного происхождения, в котором документально отразились события той противоречивой Афганской войны.

Геннадий Григорьевич Синельников родился в 1952 г. в г. Абакане Красноярского края Хакаской автономной области. В 1977 г. окончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище, в 1985 г. — Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. Прошел служебный путь от заместителя командира роты до заместителя командира полка по политической части. Служил в Афганистане, награжден орденом Красной Звезды, медалями. С 1993 г. в отставке. С 2000 г. член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Республики Хакасия (2015), народный писатель Республики Хакасия (2022). За общий вклад в развитие отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность Указом Президента Российской Федерации от 23 августа 2019 г. награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени¹.

Формирование личного фонда участника Афганского военного конфликта, писателя, посвятившего свою жизнь созданию исторической памяти о том, что видел, чувствовал и переживал в годы военных действий, позволит историкам, политологам, ученым в области военной конфликтологии и другим исследователям более полно сформировать представление о прошедшем политическом событии нашей страны. Мы надеемся, что личный фонд Геннадия Григорьевича станет важным источником междисциплинарных исследований, кладезем информации не только для историков, но и для социологов, из-

учающих структуру межнациональных социальных связей, для лингвистов, изучающих эволюцию языка и художественную лексику, культурологов, исследующих повседневные практики народов и культурные ценности.

В настоящее время личные архивы с храняемыми в них дневниками, перепиской, интервью, публицистическими материалами и фотографиями перестают быть приложением к истории государства и становятся ее самостоятельным, порой самым достоверным измерением. В отличие от официальных фондов учреждений, которые фиксируют решения и события с точки зрения правил государственной системы комплектования, личные фонды отражают историю «изнутри», оригинально, нестандартно, творчески и неповторимо. Чаще всего в личные архивы входят документы, которые человек создавал в течение жизни не для архива, а для себя, для своей семьи, своих друзей, коллег, соратников, сослуживцев, для людей своего круга общения.

В многочисленных интервью, взятых Геннадием Григорьевичем у участников Афганской войны и членов их семей, проживающих в Республике Хакасия, и бережно сохраненных в рукописном варианте для потомков², в их портретах, в художественных произведениях автора (стихах, рассказах, повестях, романах) зафиксированы не только факты происходивших событий, но и живые эмоции людей, размышления, отношения к событиям и их личные оценки. Такие материалы, уходя на вечное хранение, помогут сохранить для истории представление о личности человека, понять характер прямого очевидца событий, логику его поступков, «заглянуть» в его внутренний мир и увидеть происходящее «его глазами». Книги, написанные Геннадием Григорьевичем, это прямое отражение личности автора, его мировосприятия, воспитания и внутренних ощущений.

В фотографиях личного происхождения, предоставленных Геннадием Григорьевичем в архив для сохранения исторической памяти, зафиксирован визуальный ряд материального мира эпохи 1980-х гг.: лица людей, манера одеваться, интерьеры афганского быта и быта воинов-интернационалистов, техника, используемая в боевых действиях, запечатлены улицы Кабула и виды кишлаков. Ценность подобных любительских фотоматериалов заключается в том, что на них зафиксированы моменты событий, которые никогда не попали бы в объективы профессиональных фотооператоров и представляют собой

редкие, а порой и уникальные кадры. Просмотр старых фотографий создает у человека чувство сопричастности к большой истории страны, формирует уважение к своим корням и понимание того, что он — непрерывная цепь поколений.

Значение фондов личного происхождения трудно переоценить. Они выполняют несколько ключевых функций, без которых наше представление о прошлом было бы неполным и однобоким, а именно: заполняют белые пятна истории, часто проливают свет на темные стороны эпохи, создают представления об истинных настроениях в обществе, о подлинных причинах тех или иных принятых решений.

В отличие от исторической науки, стремящейся к объективности и строгому критическому анализу источников, историческая память народа всегда эмоционально окрашена, избирательна и служит конкретным целям в настоящем. Для наиболее полного формирования исторической памяти об Афганской войне Геннадием Григорьевичем Синельниковым осуществляется большая работа и применяется комплекс взаимосвязанных механизмов:

- *Коммеморация.* Будучи председателем Хакасской региональной организации Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане с 2011 г., Геннадий Григорьевич с сослуживцами ежегодно 15 февраля отмечают День памяти воинов-интернационалистов публикациями в средствах массовой информации заметок об основных событиях, закрепляя в массовом сознании определенные нарративы. Так, в публикации «Офицерские звезды» в газете «Хакасия» в феврале 2001 г., опубликованной к знаменательной дате — 12-й годовщине вывода советских войск из Афганистана, автор пишет:

Кто прошел трудными армейскими дорогами-путями, хлебнул лиха, невзгод, плакал над телом погибшего друга, только он поймет цену этим звездам. И низкий поклон офицерам России, которые, продолжая героические ратные дела, как многие поколения до них, защищают нашу дорогую и единственную Родину. И пускай ложатся на их погоны яркие звезды заслуг, почета и всеобщего гражданского уважения людей и меньше будет звезд на могильных плитах и памятных обелисках³¹!

- *Мемориализация.* Как руководитель Организации инвалидов войны в Афганистане Геннадий Григорьевич выступил основным инициатором и вдохновителем установления скульптурной композиции, открытой 6 ноября 2004 г., посвященной павшим участникам локальных войн (скульптор А. Секунда, художник А. Ульянов). На памятнике изображена скорбящая мать, положившая руку на плечо солдата, возлагающего цветы к условному месту захоронения воина. А над ними — арка, символизирующая храм Господний, которую венчает святой крест, уходящий прямо в бесконечное голубое небо... На памятнике надпись: «Сыновьям Хакасии, погибшим в локальных войнах». А 5 ноября 2016 г.

состоялось открытие плиты памяти павших воинов в Привокзальном сквере города.

- *Окультуривание событий.* Культура выступает как поле, где исторические события переосмысливаются, становятся частью массового сознания. Геннадий Григорьевич, как писатель, в своих художественных произведениях создает яркие, эмоциональные и запоминающиеся образы событий Афганской войны. Его книга очерков «Во славу Державы» (Абакан, 1999)⁴, исторические романы «Афганский капкан» (Абакан, 2007)⁵, «Крестовая печать» (Абакан, 2008–2010)⁶, «Жди меня, и я вернусь...» (Абакан, 2011)⁷, «Я тебя туда не посылал» (Абакан, 2019)⁸, повесть «Да будет так» (Абакан, 2014)⁹, роман «Ах, война, что ты сделала...» (М., 2009)¹⁰ оказывают большое влияние на формирование памяти об афганских событиях у нескольких поколений. Широко им используется популяризация в средствах массовой информации. Периодическая печать в прессе рассказов, заметок, повестей является мощным инструментом для актуализации исторической памяти.

- *Эмоциональное окрашивание.* События, вызывающие сильный эмоциональный отклик (гордость, стыд, скорбь), запоминаются гораздо прочнее. Поэтому коллективная память часто концентрируется на триумфах и победах, на трагедиях и поражениях. Негативные события в той же степени поучительны для истории, как и позитивные, а признавать свои ошибки, ошибки руководителей и командиров, политических деятелей, понимать их и учитывать в дальнейших решениях — это удел сильного и мудрого народа. Произведения Геннадия Григорьевича невозможно читать без эмоций, трогающих сердце, а значит, создающих опыт в каждом, кто знакомится с его архивными документами. История в одночасье перестает быть историей генералов и политиков и становится историей обычных людей, очевидцев событий.

В отличие от сухих цифр статистики документы личного происхождения передают эмоции: страх перед войной, радость Победы, горечь утрат, что создает мощную эмоциональную связь между поколениями и не дает истории превратиться в набор бездушных дат.

Популяризация писателя через публикацию его личного архива позволяет обществу увидеть выдающуюся личность не как бронзовый памятник, а как живого человека со своими слабостями, сомнениями, страхами и переживаниями. Это делает его и историю в целом ближе и понятнее.

В конечном счете фонды личного происхождения выполняют важнейшую гуманистическую миссию. Они возвращают человеку его законное место в историческом событии. История — это не только смена экономических и геополитических формаций, это миллиарды человеческих судеб. И именно личные архивы позволяют нам услышать голоса этих людей из прошлого, понять их и сохранить о них память.

Сохранение и изучение этих бесценных источников — задача не только государства и архивистов, но и каждого соотечественника. Начать можно с малого: разобрать старые коробки на антресолях, оцифровать семейный фотоальбом или записать воспоминания представителей старшего поколения. Так мы внесем личный вклад в формирование великой истории нашего народа.

Примечания

¹ Синельников Г. Во славу Державы. Абакан, 2021 // Национальный архив Республики Хакасия. Ф. 1008. Оп. 2. Д. 12. С. 248.

² Национальный архив Республики Хакасия. Ф. 1008. Оп. 4. Д. 5.

³ Там же. Д. 9.

⁴ Синельников Г. Афганистан. Боль. Память. Воспоминания автора и очерки об участниках афганской войны. Абакан, 1999 // Там же. Оп. 2. Д. 1.

⁵ Там же. Д. 2.

⁶ Там же. Д. 3–6.

⁷ Там же. Д. 7.

⁸ Там же. Д. 9.

⁹ Там же. Д. 8.

¹⁰ Там же. Д. 10.

Сведения об авторах

Алеврас Наталия Николаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Алексеев Николай Александрович — доктор медицинских наук, заведующий музеем истории медицины г. Челябинска

Алексеева Анна Евгеньевна — главный архивист отдела хранения, государственного учета документов и ведения справочно-поисковых средств Государственного архива новейшей истории Новгородской области, г. Великий Новгород

Алешин Владимир Сергеевич — заведующий библиотекой школы № 401 г. Санкт-Петербурга, лаборант-исследователь Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург

Аргунов Олег Николаевич — кандидат исторических наук, директор Государственного архива Курской области, г. Курск

Арефьев Роман Леонидович — ведущий архивист Нижнетагильского городского исторического архива, член Российского военно-исторического общества, г. Нижний Тагил

Афанасьева Людмила Николаевна — главный архивист отдела использования документов и публикации Государственного архива современной истории Чувашской Республики, г. Чебоксары

Байдосова Наталья Викторовна — учитель истории и обществознания школы № 10 г. Сатки, магистрант историко-филологического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Сатка

Батищев Сергей Дмитриевич — учитель истории школы № 8 г. Североуральска

Бекленищева Мария Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований» Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Белякова Юлия Игоревна — заместитель директора по проектной деятельности Государственного архива новейшей истории Новгородской области, г. Великий Новгород

Березуцкая Ульяна Николаевна — заместитель директора Государственного архива специальной документации Нижегородской области, г. Нижний Новгород

Борцова Варвара Дмитриевна — главный археограф отдела публикации документов Государственного архива Ставропольского края, г. Ставрополь

Будаева Дания Ризаевна — научный сотрудник Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал», г. Нижний Тагил

Буданов Андрей Вячеславович — кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Челябинск

Булгакова Екатерина Михайловна — преподаватель Челябинского государственного университета, научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, г. Челябинск

Бурангулов Байрас Вакилович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа

Бурангулова Залифа Юлаевна — начальник отдела комплектования Архивного фонда Республики Башкортостан, ведомственных архивов и делопроизводства Национального архива Республики Башкортостан, г. Уфа

Бурмистенко Владимир Алексеевич — аспирант кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Бутрин Егор Сергеевич — кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и использования документов Государственного архива Ивановской области, г. Иваново

Васильев Александр Анатольевич — доктор сельскохозяйственных наук, главный научный сотрудник Южно-Уральского научно-исследовательского института садоводства и картофелеводства, г. Челябинск

Васьков Дмитрий Александрович — старший преподаватель кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Вербицкая Татьяна Владимировна — кандидат политических наук, преподаватель Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, главный архивист Государственного архива Свердловской области, г. Екатеринбург

Викулов Кирилл Вадимович — студент историко-филологического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Вишневский Василий Васильевич — краевед, генеалог, г. Челябинск

Власова Елена Георгиевна — доктор филологических наук, исполняющая обязанности заведующей кафедрой журналистики и медиакоммуникаций факультета филологии и коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Волков Артем Владимирович — старший преподаватель кафедры истории и документоведения Гуманитарного института Курганского государственного университета, г. Курган

Волков Евгений Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Гейман Андрей Викторович — кандидат технических наук, член-корреспондент Пермского общества краеведения, г. Пермь

Гилямнинова Аниса Рифатовна — главный хранитель музейных предметов Каслинского историко-художественного музея, г. Касли

Гиниатуллина Луиза Мидахатовна — заведующая научным архивом Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа

Голубова Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Горбачев Антон Олегович — ассистент кафедры теории, методологии, и правового обеспечения государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Гордеева Алена Михайловна — бакалавр историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Горская Янина Владимировна — главный архивист отдела публикации документов Государственного исторического архива Чувашской Республики, г. Чебоксары

Гридяков Даниил Максимович — студент Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Гурский Валентин Владимирович — кандидат философских наук, научный сотрудник Центра историко-культурного наследия г. Челябинска

Гуськова Наталья Семеновна — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Краеведческого музея г. Копейска

Давыдов Остап Михайлович — редактор отдела научных коммуникаций Управления маркетинга, брендинга и стратегических коммуникаций Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Данилов Филипп Викторович — студент департамента «Исторический факультет» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Данцева Милада Петровна — учащаяся школы № 18 г. Златоуста

Дегтярева Ирина Анатольевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела архивоведения Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, г. Москва

Демаков Владислав Германович — научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Государственного исторического музея Южного Урала, г. Челябинск

Дзиговская Людмила Николаевна — ведущий палеограф отдела научно-исследовательской и методической работы Государственного архива Тульской области, г. Тула

Дорогина Юлиана Дмитриевна — бакалавр Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Елесин Михаил Валерьевич — студент Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Запарий Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Зацепин Степан Егорович — студент Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Зырянова Наталья Геннадьевна — ведущий архивист Нижнетагильского городского исторического архива, г. Нижний Тагил

Иванов Алексей Геннадьевич — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Кадыкеева Александра Юрьевна — студентка Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Капустина Анастасия Александровна — главный архивист отдела использования и публикации документов Объединенного государственного архива Оренбургской области, г. Оренбург

Катыгин Георгий Александрович — заведующий сектором личных фондов отдела комплектования отдела комплектования Пермского государственного архива социально-политической истории, г. Пермь

Кашин Владимир Викторович — историк, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г. Нижний Тагил

Кирилова Надежда Николаевна — библиограф Центральной городской библиотеки г. Копейска

Киселева Татьяна Михайловна — заведующая отделом консультационно-методического взаимодействия с музеями Государственного исторического музея Южного Урала, г. Челябинск

Кламм Виктория Андреевна — научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, преподаватель историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Клюс Иван Александрович — главный археограф отдела научно-справочного аппарата, использования и публикации архивных документов Государственного архива административных органов Свердловской области, г. Екатеринбург

Кобелева Марина Михайловна — ведущий архивист Нижнетагильского городского исторического архива, г. Нижний Тагил

Ковшов Игорь Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин Уральского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Челябинск

Колмогоров Владимир Владимирович — главный библиотекарь отдела краеведения и информационных ресурсов Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина г. Челябинска

Колотушкин Валерий Геннадьевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение Государственного архива новейшей истории Новгородской области, научный сотрудник Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, г. Великий Новгород

Колышницyna Наталья Валерьевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университет им. Февзи Якубова, г. Симферополь

Конов Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры управления в социальных и экономических системах, философии и истории Уральского государственного университета путей сообщения, г. Екатеринбург

Коновалов Юрий Дмитриевич — главный архивист отдела проектно-исследовательской работы Государственного архива Свердловской области, г. Екатеринбург

Коновалова Ирина Валерьевна — директор Архива муниципального округа Сухой Лог, г. Сухой Лог

Константинова Анна Ивановна — главный архивист отдела использования документов и публикации Государственного архива современной истории Чувашской Республики, г. Чебоксары

Коршунова Кристина Николаевна — специалист по учебно-методической работе Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Косицына Алла Петровна — директор Сызранского филиала Центрального государственного архива Самарской области, г. Сызрань

Косполова Людмила Анатольевна — старший архивист Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, г. Ханты-Мансийск

Крикунова Ирина Сергеевна — ведущий архивист Муниципального архива Озерского городского округа, г. Озерск

Кунц Иван Владимирович — студент историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, действительный член Уральского историко-родословного общества, г. Челябинск

Курасова Анастасия Сергеевна — педагог дополнительного образования Центра социально-гуманитарного образования Дворца пионеров и школьников им. Н. К. Крупской, г. Челябинск

Кусков Сергей Александрович — кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и научного использования документов Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Латышев Юрий Владимирович — краевед, г. Челябинск

Леонтьева Надежда Ильинична — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории Российской академии наук, главный специалист отдела научно-информационной работы и научно-справочного аппарата Российского государственного архива социально-политической истории, г. Москва

Лукманова Валерия Андреевна — научный сотрудник Магнитогорского историко-краеведческого музея, г. Магнитогорск

Лушкин Александр Юрьевич — учащийся школы № 18 г. Златоуста

Ляхудзаев Марат Иркинович — кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Ноябрьск

Макарова Надежда Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заместитель директора Института гуманитарного образования по научной работе Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Мамяченков Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

Маркова Людмила Витальевна — ведущий архивист отдела публикации документов Государственного архива Ставропольского края, г. Ставрополь

Марченко Марина Александровна — заместитель директора Государственного общественно-политического архива Нижегородской области, г. Нижний Новгород

Маслов Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива социально-политической истории, профессор МИРЭА — Российского технологического университета г. Москва

Матвеев Данил Евгеньевич — архивист I-й категории сектора исполнения тематических запросов Объединенного государственного архива Челябинской области, г. Челябинск

Матвеева Ирина Юрьевна — заместитель директора по научной работе Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал», г. Нижний Тагил

Маштак Артур Валентинович — студент историко-филологического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Медведева Мария Константиновна — кандидат исторических наук, главный архивист сектора формирования архивных фондов Государственного архива социально-политической истории Курганской области, г. Курган

Мельникова Виктория Сергеевна — бакалавр историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Мельтюхов Михаил Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела архивоведения Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, г. Москва

Меркулова Татьяна Леонардовна — заместитель начальника отдела архивного хранения Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Мотков Сергей Иванович — ведущий специалист Международного института генеалогических исследований, г. Москва

Муромцева Людмила Петровна — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Мясникова Татьяна Федоровна — главный специалист архивного отдела Администрации Копейского городского округа, г. Копейск

Нагорная Маргарита Леонидовна — заместитель заведующего отделом архивоведения Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, г. Москва

Назаренко Назар Николаевич — доктор биологических наук, профессор кафедры биохимии им. Р. И. Лифшица Южно-Уральского государственного медицинского университета, г. Челябинск

Несмеянова Ирина Ивановна — кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Калуга

Никитенко Галина Алексеевна — заведующая отделом публикации документов Государственного архива Ставропольского края, г. Ставрополь

Никитина Оксана Владимировна — начальник отдела начальника отдела комплектования, обеспечения сохранности и государственного учета документов Волгоградского городского архива, г. Волгоград

Новиков Игорь Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Новожилова Людмила Александровна — краевед, независимый исследователь, член Южно-Уральской ассоциации генеалогов-исследователей, г. Челябинск

Огнетова Марина Борисовна — директор Муниципального архива социально-правовых документов г. Нижний Тагил

Ощепкова Наталья Алексеевна — начальник отдела учета, обеспечения сохранности и комплектования документов Национального архива Республики Хакасия, г. Абакан

Павленко Владимир Денисович — кандидат исторических наук, доцент, ветеран Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Павленко Галина Константиновна — кандидат исторических наук, доцент, ветеран Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Панин Алексей Станиславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарного и этнокультурного образования Челябинского института развития образования, г. Челябинск

Первов Павел Андреевич — студент Института новых материалов и технологий Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Пестрякова Владлена Артемовна — студентка Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Пешкова Ксения Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Управления науки и инноваций Челябинского государственного института культуры, г. Челябинск

Попов Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург

Потемкина Марина Николаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, ведущий научный сотрудник Центра экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Магнитогорск

Прилукова Екатерина Григорьевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Пудовкин Сергей Игоревич — историк, педагог дополнительного образования Детско-юношеского центра «Мир», г. Нижний Тагил

Путятин Владимир Ильич — научный сотрудник Южно-Уральского научно-исследовательского института садоводства и картофелеводства, г. Челябинск

Пьянков Степан Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Рагозин Павел Сергеевич — аспирант кафедры философии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Риконина Вероника Валерьевна — инженер-программист отдела информационных технологий и защиты информации Объединенного государственного архива Челябинской области, магистрант историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, г. Челябинск

Рудаков Арсений Михайлович — студент Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Рудометова Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Рыжкова Ольга Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург

Рыжова Ксения Дмитриевна — студентка Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Сабенникова Ирина Вячеславовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела архивоведения Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, г. Москва

Савин Никита Леонидович — аспирант Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург

Савинова Татьяна Алексеевна — главный архивист отдела комплектования и документационного обеспечения организаций Государственного архива современной истории Чувашской Республики, г. Чебоксары

Салимов Ниязбай Булатбаевич — кандидат филологических наук, начальник отдела общественно-политических организаций Национального архива Республики Башкортостан, г. Уфа

Санин Олег Геннадиевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Сапронов Максим Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Семенов Александр Анатольевич — главный архивист отдела публикации документов Государственного исторического архива Чувашской Республики, г. Чебоксары

Семенова Татьяна Сергеевна — кандидат исторических наук, заместитель председателя Комитета по делам архивов Оренбургской области, г. Оренбург

Сергеев Сергей Александрович — преподаватель Златоустовского техникума технологий и экономики, педагог дополнительного образования школы № 18 г. Златоуста

Сибирияков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Сидорчук Илья Викторович — доктор исторических наук, доцент Высшей школы международных отношений, Высшей школы общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург

Сильницкая Светлана Юрьевна — независимый исследователь, г. Екатеринбург

Соловьева Марина Геннадиевна — главный архивист отдела информации и использования документов Архива г. Севастополя

Стрикунов Кирилл Дмитриевич — магистр Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

Сысов Александр Иванович — кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания школы № 112 г. Трехгорного

Ужакин Илья Григорьевич — учащийся школы № 18 г. Златоуста

Усков Илья Викторович — студент Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Фарманов Борис Исакович — старший преподаватель Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Фартеев Евгений Константинович — ассистент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург

Хакимов Рашид Шавкатович — кандидат исторических наук, директор Аргаяшского представительства Челябинского государственного университета, с. Аргаяш

Худобородов Александр Леонидович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск

Чуриков Артем Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, философии и социально-гуманитарных дисциплин Магнитогорской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, г. Магнитогорск

Шевченко Александр Юрьевич — бухгалтер гимназии № 23 г. Челябинска

Штепа Серафима Игоревна — учащаяся Златоустовского техникума технологий и экономики, г. Златоуст

Шумская Екатерина Михайловна — научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Государственного исторического музея Южного Урала, г. Челябинск

Юдина Оксана Юрьевна — заведующая отделом использования архивных документов и научно-справочного аппарата Государственного архива в г. Красноуфимске

Список сокращений

- АГС — Архив города Севастополя
 АЗГО — Архив Златоустовского городского округа
 АИС — автоматизированная информационная система
 АН — Академия наук
 АО — акционерное общество
 АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
 б. — бывший
 БАССР — Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
 БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
 в., вв. — век, века
 ВГА — Волгоградский городской архив
 ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства
 ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
 ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
 ВМФ — Военно-морской флот
 ВНИИДАД — Всероссийский научно исследовательский институт документоведения и архивного дела
 военкомат — военный комиссариат
 ВОСР — Великая Октябрьская социалистическая революция
 ВОХР — военизированная охрана
 всеобуч — всеобщее обучение
 ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
 ВТО — Всесоюзное театральное общество
 вуз — высшее учебное заведение
 ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
 ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
 г — грамм
 г. р. — год рождения
 г., гг. — год, годы; город, города
 га — гектар
 ГААОСО — Государственный архив административных органов Свердловской области
 ГАИО — Государственный архив Ивановской области
 ГАКО — Государственный архив Курской области
 ГАКОсО — Государственный архив Костромской области
 ГАНИНО — Государственный архив новейшей истории Новгородской области
 ГАНО — Государственный архив Новгородской области
 ГАОПДКО — Государственный архив общественно-политической документации Курганской области
 ГАПК — Государственный архив Пермского края
 ГАПО — Государственный архив Пермской (Пензенской) области
 ГАРК — Государственный архив Республики Крым
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
 ГАСИ ЧР — Государственный архив современной истории Чувашской Республики
 ГАСК — Государственный архив Ставропольского края
 ГАСО — Государственный архив Свердловской области
 ГАСПИКО — Государственный архив социально-политической истории Курганской области
 ГАСПИСО — Государственный архив социально-политической истории Свердловской области
 ГАТО — Государственный архив Тульской области
 ГАШ — Государственный архив в г. Шадринске
 ГДР — Германская Демократическая Республика
 ГИАЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики
 ГИПРОМЕЗ — Государственный институт по проектированию металлургических заводов
 ГКО — Государственный комитет обороны
 гл. — глава
 ГОКУ — государственное областное казенное учреждение
 горбольница — городская больница
 горздравотдел — городской отдел здравоохранения
 горком — городской комитет

горкомхоз — городской отдел коммунального хозяйства
гороно — городской отдел народного образования
горсовет — городской совет
горуком — государственный региональный универсальный комитет
ГОЭЛРО — Государственная комиссия по электрификации России
ГПУ — Государственное политическое управление
ГРЦ — Государственный ракетный центр
ГРЭС — государственная районная электростанция
ГТО — «Готов к труду и обороне»
губвоенкомат — губернский военный комиссариат
губком — губернский комитет
гублеском — губернский лесной комитет
ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключений
ГЭС — гидроэлектростанция
д., дер. — деревня
дес. — десятина
Е. И. В. — Ее (Его) Императорское Величество
ед. хр. — единица хранения
ж./д. — железнодорожный
ЖКХ — жилищно-коммунальное хозяйство
зав. — заведующий
ЗАГС — запись актов гражданского состояния
здравотдел — отдел здравоохранения
ЗиЛ — завод имени Лихачева
и. о. — исполняющий обязанности
ИГНИ — Институт гуманитарных наук и искусств
им. — имени
исполком — исполнительный комитет
ИТР — инженерно-технический работник
КБ — конструкторское бюро
КБС — коммунально-бытовые службы
кв. м — квадратный метр
кВт — киловатт
кг — килограмм
км — километр
комвуз — коммунистическое высшее учебное заведение
коп. — копейка
КП(б) — Коммунистическая партия (большевиков)
КПК — комитет партийного контроля
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
л — литр
л. с. — лошадиная сила
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
м — метр
МАОГО — муниципальный архив Озерского городского округа
МБУ — муниципальное бюджетное учреждение
МБУК — муниципальное бюджетное учреждение культуры
МВД — Министерство внутренних дел
МГБ — Министерство государственной безопасности
межрайторг — межрайонный торговый отдел
МИД — Министерство иностранных дел
МКУ — муниципальное казенное учреждение
млн — миллион
мм — миллиметр
ММК — Магнитогорский металлургический комбинат
МНП — Министерство народного просвещения
МОПР — Международная организация помощи борцам революции
МПС — Министерство путей сообщения
МТС — машинно-тракторная станция
МУК — муниципальное учреждение культуры
МХАТ — Малый художественный академический театр
МЧС — Министерство по чрезвычайным ситуациям

НАРБ — Национальный архив Республики Башкортостан
Наркомат — Народный комиссариат
Наркомзем — Народный комиссариат земледелия
Наркоммясомолпром — Народный комиссариат мясной и молочной промышленности
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомсовхозов — Народный комиссариат совхозов
Наркомторг — Народный комиссариат торговли
НИИ — научно-исследовательский институт
НКБ — Народный комиссариат боеприпасов
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НККХ — Народный комиссариат коммунального хозяйства
НКТП — Народный комиссариат танковой промышленности
НПГ — Независимый профсоюз горняков
НПО — научно-производственное объединение
НТГИА — Нижнетагильский городской исторический архив
НЭП — новая экономическая политика
ОАО — открытое акционерное общество
ОБД — обобщенный электронный банк данных
обком — областной комитет
облздравотдел — областной отдел здравоохранения
облисполком — областной исполнительный комитет
обллегпром — областное управление легкой промышленности
облоно — областной отдел народного образования
облсельстрой — областное объединение по сельскому строительству
облсовет — областной совет
облсовпроф — областной совет профессиональных союзов
ОБНВ (изначально БОНВ) — боевые организации народного вооружения
ОГАОО — Объединенный государственный архив Оренбургской области
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
оз. — озеро
ок. — около
ОКВ — Оренбургское казачье войско
ОКП — Оренбургский казачий полк
окрздравотдел — окружной отдел здравоохранения
окрисполком — окружной исполнительный комитет
окружком — окружной комитет
ОКС — отдел капитального строительства
ООО — общество с ограниченной ответственностью
оргнабор — организованный набор
ОЦД — особо ценный документ
п. — пункт
п/я — почтовый ящик
ПВО — противовоздушная оборона
пер. — переулок
ПермГАСПИ — Пермский государственный архив социально-политической истории
пл. — площадь
ПО — производственное объединение
пог. м — погонный метр
Политбюро — Политическое бюро
пос. — поселок
пр. — проспект
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
р. — река; родился (при датах)
рабпрос — работник просвещения
рабселькоры — рабочие и сельские корреспонденты
райисполком — районный исполнительный комитет
райком — районный комитет
районо — районный отдел народного образования
райсовет — районный совет
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГАНТД — Российский государственный архив научно-технической документации
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГБ — Российская государственная библиотека
РГИА — Российский государственный исторический архив
РЖД — Российские железные дороги
РК — райком (районный комитет)
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РНФ — Российский научный фонд
РОВД — районный отдел внутренних дел
роно — районный отдел народного образования
Росуглепроф — Российский профсоюз работников угольной промышленности
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. — рубль
РФ — Российская Федерация
с. — село
с. г. — сего года
САУ — самоходная артиллерийская установка
св. — святой, святая
СВО — специальная военная операция
СППТУ — среднее государственное профессионально-техническое училище
см — сантиметр
СМИ — средства массовой информации
СНК — Совет народных комиссаров
Совнарком — Совет народных комиссаров
СОВЧК — секретный отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии
ССР — Советская Социалистическая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — станция, статья
ст. ст. — старый стиль
СУ — строительное управление
США — Соединенные Штаты Америки
т — тонна
т. — товарищ
т. г. — текущий год
терком — территориальный комитет
тов. — товарищ
тыс. — тысяча
ТЭЦ — теплоэлектроцентраль
УВД — Управление внутренних дел
УГТУ — Уральский государственный технический университет
УЗТМ — Уральский завод тяжелого машиностроения
УИИ — Уральский индустриальный институт
УК — Уголовный кодекс
ул. — улица
ум. — умер (при датах)
УМВД — Управление Министерства внутренних дел
УНКВД — Управление Народного комиссариата внутренних дел
УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания
УПИ — Уральский политехнический институт
ур. — урожденный
УралВО — Уральский военный округ
УралОНО — Уральский областной отдел народного образования
УрГПУ — Уральский государственный педагогический университет
УрГУ — Уральский государственный университет
УРС — Управление рабочего снабжения
УрФУ — Уральский федеральный университет
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
УФСБ — Управление Федеральной службы безопасности
ФГБНУ — федеральное государственное бюджетное научное учреждение

ФГБУ — федеральное государственное бюджетное учреждение
 ФЗО — фабрично-заводское обучение
 ФЗУ — фабрично-заводское ученичество
 ФРГ — Федеративная Республика Германия
 ФСБ — Федеральная служба безопасности
 ц — центнер
 ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ
 ЦАОР — Центральный архив Октябрьской революции
 ЦГА — Центральный государственный архив
 ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов
 Санкт-Петербурга
 ЦГАНТД — Центральный государственный архив научно-технической документации
 ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области
 ЦГАУР — Центральный государственный архив Удмуртской Республики
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
 ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
 ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
 ЦИК — Центральный исполнительный комитет
 ЦК — Центральный комитет
 ч. — часть
 ЧГИК — Челябинский государственный институт культуры
 ЧГПИ — Челябинский государственный педагогический институт
 ЧГРЭС — Челябинская государственная районная электростанция
 чел. — человек
 ЧИМЭСХ — Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства
 ЧК — чрезвычайная комиссия
 ЧМЗ — Челябинский металлургический завод
 ЧОУНБ — Челябинская областная универсальная научная библиотека
 ЧТЗ — Челябинский тракторный завод
 ЧТПЗ — Челябинский трубопрокатный завод
 ЧЭМК — Челябинский электрометаллургический комбинат
 ШРМ — школа рабочей молодежи
 шт. — штука
 ЭВМ — электронно-вычислительная машина
 экз. — экземпляр
 ЮУЖД — Южно-Уральская железная дорога
 ЮУрГАУ — Южно-Уральский государственный аграрный университет
 ЮУрГГПУ — Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
 ЮУрГУ — Южно-Уральский государственный университет

Научное издание

Архив в социуме — социум в архиве

Материалы девятой Всероссийской научно-практической конференции

Редактор, корректор *И. Н. Козырева*
 Верстка *Е. С. Меньшенина*

Подписано в печать 17.08.2026
 Формат 60×84/8 Бумага ВХИ 80 г/м²
 Гарнитура BaskervilleWin95BT
 Отпечатано на ризографе
 Усл. печ. л. 56,73
 Заказ № _____
 Тираж 200 экз.

Государственное учреждение
 «Объединенный государственный архив Челябинской области»
 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 87, пом. 1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
 «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
 в АО «Типография Автограф»
 454090, г. Челябинск, ул. Постышева, 2